

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

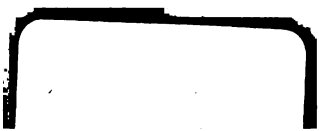
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919840 8

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEX

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ.

may
ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ бульварѣ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
511159
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

NOV 1910

РОССІЯ И ПОЛЬША

ВЪ XVIII ВѢКѢ

ПО РЕЛЯЦІЯМЪ ВЕНЕЦІЯНЦА Д. ДОЛЬФИНА И ГЕНУЭЗЦА
С. РИВАРОЛЫ.

Два италіянскіе дипломата, Венеціанецъ Данилъ Дольфинъ IV, въ началѣ, и Генуэзецъ Степанъ Риварола, въ концѣ XVIII вѣка, говорятъ въ своихъ реляціяхъ между прочимъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ. Оба дипломата отличались безпристрастіемъ и провицательностію; первоначально предубѣжденные противъ Россіи, они, послѣ добросовѣстнаго изученія ея, стали на ея сторонѣ. Венеціанецъ Дольфинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей времени упадка республики Св. Марка, равно уважаемый и ласкаемый на родинѣ, въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ, расположенный къ Польшѣ, никогда не выдавшій Россіи, однимъ чутьемъ постигъ великую ея будущность и предсказалъ близкое паденіе Польши. Послѣднимъ проявленіемъ польской доблести, по его словамъ, было спасеніе Вѣны отъ Турокъ Собѣскимъ; со смертію его начинается эпоха паденія Польши. Начертанная картина ея далеко неутѣшительна. Съ мнѣніемъ Дольфина вполне согласенъ его преемникъ, Марино Марини.

Генуэзецъ Степанъ Риварола, бывшій въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, пораженъ ея могуществомъ, блескомъ ея двора и законно занятымъ мѣстомъ среди первенствующихъ европейскихъ державъ. Онъ защищаетъ Россію отъ обвиненій въ левасытномъ честолюбіи, а объ ея отношеніяхъ къ Польшѣ говоритъ такъ: „новый раздѣлъ не можетъ соответствовать

интересамъ С.-Петербургскаго двора, ибо абсолютное обладаніе одною частью не можетъ сравняться въ выгодахъ съ добровольно признаваемою властью надъ цѣлымъ (*gratuito dominio*).“

I.

Даніиль Дольфинъ IV былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ представителей венеціанской аристократіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка: морякъ, воинъ, администраторъ, дипломатъ,—на водахъ Адриатики и Архипелага, на берегахъ Мореи и Далмаціи, въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ, онъ служилъ родинѣ отъ юныхъ лѣтъ до старости ревностно и честно, не щадя живота своего, жертвуя имуществомъ и семейнымъ счастіемъ и покоемъ, пренебрегая труды и опасности, и его заслуги, обширныя познанія и редкія дарованія были оценены современниками и достойны памяти въ потомствѣ.

Рано началъ онъ государственную службу. „Мнѣ пріятно вспомнить,“ говоритъ онъ въ реляціи представленной въ сенатъ по возвращеніи изъ Далмаціи въ 1699 году, * „что началъ я государственную службу въ ранней молодости и продолжалъ ее непрерывно 25 лѣтъ, ** —лучшіе годы моей жизни. Военная моя карьера началась службою на галерахъ. Командуя одною галерой (въ качествѣ *Scpracomito*), я имѣлъ счастье взять въ плѣнъ два судна изъ Майорки грабившія торговые корабли въ Адриатикѣ: такимъ образомъ съ пиратовъ я началъ службу противъ враговъ республики.

„Въ мирное время, въ качествѣ губернатора и капитана галеръ, я старался съ возможною осторожностью и ловкостью избѣгать оскорбительнаго для республики осмотра кораблей, который былъ намѣренъ возобновить французскій командиръ, Дюшенъ; въ то же время, счастливо конвоируя торговые корабли, я содѣйствовалъ безопасности нашей торговли. Злой судьбѣ приписываю что, послѣ долгихъ и постоянныхъ преслѣдованій, мнѣ не удалось захватить галеру *Маууарнаму* на водахъ Хиоса.

* *Relazione presentata nell' Eccellissime Senato da S. E. Daniele Dolfin IV Cavaliere dopo il suo ritorno dalla carica di Provveditore generale in Dalmazia ed Albania.* Руп. библіотеку Св. Марка въ Венеціи, Ital. Classe VII, Cod. № DCCCCII.

** Слѣдовательно началъ службу въ 1674 году.

„Въ качествѣ чрезвычайнаго провизора я принималъ участіе почти во всѣхъ сраженіяхъ въ Моревѣ, до окончательнаго ея покоренія, — славнаго трофея сильной десницы свѣтлѣйшаго Морозини, присволамятнаго идеала храбрости, искусства и благоразумія военнаго. Не мнѣ описывать оласности которыми я подвергался въ пылу сраженій, среди заразы: за строгое исполненіе я удостоился самыхъ лестныхъ, превышающихъ мои заслуги похвалъ отъ свѣтлѣйшаго и отъ генерала Беннигмарка, подѣ начальствомъ котораго я усовершенствовался въ военной наукѣ.*

„По преждевременной смерти Лаврентія Венъера, этого достойнѣйшаго гражданина; я былъ назначенъ чрезвычайнымъ капитаномъ флота и генеральнымъ провизоромъ Далмаціи; ** въ обѣихъ этихъ должностяхъ я прослужилъ семь лѣтъ.... Подѣ моею командой состояло всего 17 кораблей; но они находились въ плачевномъ состояніи и не были снабжены достаточнымъ числомъ матросовъ; жалованье имъ платилось несправно; не соблюдалась дисциплина. Нужно было прежде всего озаботиться о наборѣ матросовъ, потомъ ввести постоянное обученіе стрѣльбѣ изъ орудій, возстановить дисциплину, безпристрастно награждая достойныхъ и строго наказывая виновныхъ, и приложить особое стараніе о своевременной выдачѣ жалованья матросамъ.“ И все это исполнилъ Даниэль Дольфинъ, не только не вводя правительства въ новыя издержки, но даже въ теченіе двухъ лѣтъ сберегши 150.000 дукатовъ. Управляя Далмаціей, онъ старался увеличить ея доходы, развить промышленность, усилить торговлю съ пограничными турецкими областями и подорвать дубровницкую; отнятыя у Дубровничанъ неретвинскія саловарни доставили Венеціи 100.000 дукатовъ ежегоднаго дохода.

Изъ Далмаціи Дольфинъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ

* Францискъ Морозини, прозванный за покореніе Моревъ въ 1687 году „Пелопоннезскимъ“ былъ избранъ 3го апрѣля 1688 г. дожемъ (поэтому Дольфинъ титулуетъ его „свѣтлѣйшимъ“, „Serenissimo“); умеръ 9го января 1694 года. Графъ Оттонъ Вильгельмъ Беннигмаркъ, родомъ Шведъ, поступилъ на венеціанскую службу предѣ Морейскою кампаніей, во время которой командовалъ десантомъ. S. Romagnolo, *Storia documentata di Venezia*, Tomo VII, pp. 487—491, 509.

** Это было въ 1692 году, какъ видно изъ „*Serie degli Ecc-mi Provveditori Generali*“, рук. собранія Чиконьи № 1.333, въ музеѣ Коррера въ Венеціи.

нѣсколько лѣтъ состоялъ посланникомъ, сначала при Леопольдѣ I, а потомъ при сынѣ его, Иосифѣ I, въ тяжкое для Австріи время войны за испанское наслѣдство и возстанія Венгріи подъ начальствомъ Ракоци. Въ отчетѣ о посольствѣ своемъ въ Вѣну, отъ 9го декабря 1708 года, * Дольфинъ говоря объ отношеніяхъ Австріи къ сосѣднимъ державамъ, слѣдующими чертами обрисовалъ двухъ государей-соперниковъ, Карла XII и Петра I.

„Двадцатилѣтній Карлъ XII весь преданъ войнѣ, умѣренъ въ лицѣ, презираетъ роскошь, бодръ, неутомимъ, смѣлъ, не заботится о престолонаслѣдіи, питаетъ обширные замыслы, мечтая о подвигахъ Александра Великаго, постоянно читая Квинта Курція. Низложилъ короля Августа, онъ желалъ бы принудить къ отреченію отъ престола и царя. Но нѣтъ надежды на успѣхъ: сопротивленіе будетъ сильно и рѣшительно. По мнѣнію лучшихъ шведскихъ министровъ, Швеція должна стараться ослабить Россію, не вступая съ нею въ открытую войну; но этотъ молодой монархъ презираетъ старыя правила и самыя мудрыя совѣты: на дѣлѣ увидимъ, каковъ будетъ конецъ. Всѣмъ извѣстно что въ Россіи водворяется военная дисциплина, что ея лѣхота, одѣтая, вооруженная и обученная на нѣмецкій ладъ иностранными офицерами, въ состояніи соперничать съ любовью. Иначе отзываются о русской кавалеріи, остающейся на прежней ногѣ, дурно вооруженной, дурно обученной и еще хуже командуемой. Шведскій король, сознавая превосходство своей кавалеріи, старается вызвать на бой русскую; но царь искусно избѣгаетъ подобнаго дѣла, противопоставляя ему на выгодныхъ позиціяхъ лѣхоту и употребляя кавалерію только для партизанской войны. Какъ развяжется этотъ столь залутанный узелъ, невозможно постичь уму человѣческому, быть-можетъ невѣдомымъ образомъ, ибо странность этихъ двухъ государей въ состояніи изобрѣсти извороты никѣмъ не предвидимые.“

Вѣнскій дворъ, по словамъ Дольфина, искалъ дружбы Петра Великаго, но боялся его могущества и оласался его вліянія на православныхъ австрійскихъ подданныхъ. Дольфинъ увѣряетъ, будто бы Петръ хотѣлъ заставить своего сына принять католицизмъ чтобы жениться на австрійской эрцгерцогинѣ.

* Dolfin Daniele, *Relazione della sua Ambasciata a Giuseppe Imperatore 1708.* Рук. библіотеки Св. Марка въ Венеціи. Stal. cl. VII. cod. DCCCCL.

Своимъ безпристрастіемъ, обширными познаніями и рѣдкими талантами Дольфинъ снискалъ расположеніе къ себѣ Вѣнскаго двора, и „на послѣдней прощальной аудіенціи императоръ при весьма лестныхъ выраженіяхъ вручилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами“.

Въ 1716 году Дольфинъ былъ назначенъ посломъ въ Польшу. Цѣлю этого посольства было склонить короля къ союзу съ Венеціей противъ Турціи, нарушившей Карловичскій трактатъ, но смутное состояніе Польши было причиной неудачи этого посольства. „Извѣстіе о нарушеніи Турками Карловичскаго мира, сообщенное намъ какъ лисьмомъ вашей свѣтлости отъ 16го февраля 1714 года, такъ и подробнѣе кавалеромъ Даниломъ Дольфиномъ, чрезвычайнымъ посломъ вашимъ“, писалъ король Августъ II дожу Ивану Корнелію отъ 18го августа 1716 г., „причинило намъ великую печаль и пробудило въ сердцахъ нашихъ чувства соотвѣтствующія нашей старой дружбѣ и обязательствамъ священнаго союза. Но исполненію желаній вашей свѣтлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашихъ, прелятствуетъ смутное состояніе нашего королевства (*verum quoniam Serenitatis Vestrae et nostra desideria pro communi voto compleantur, perturbatus status Regni hujus impedimento est*). О семъ лучше всего можетъ засвидѣтельствовать вашей свѣтлости возвращающійся на родину посолъ исполнившій съ необыкновеннымъ искусствомъ (*singulari prudentia*) возложенное на него порученіе и своими превосходными качествами (*propter eximias ipsius dotes*) заслужившій намъ благоволеніе.“ * Великій маршалъ королевства, Іосифъ Мншекъ, которому былъ рекомендованъ дожемъ Дольфинъ, не преминулъ съ своей стороны восхвалить „достоинѣшія качества венеціанскаго посла, который съ мудростію и несказаннымъ усѣихомъ (*applauso indicibili*) исполнилъ возложенное на него порученіе при этомъ дворѣ; но“, прибавляетъ онъ, „нынѣшнее состояніе этого королевства не благопріятствуетъ намѣреніямъ вашей свѣтлости“. **

Предъ отъѣздомъ Дольфина, генераль Вахерпольтъ (*Vacherpolt*), по порученію короля, прибылъ въ венеціанское посоль-

* Подлинникъ въ Венеціанскомъ архивѣ: *Lettere, Polonia dal 1645 al 1740. Collegio Sezione III (Secreta)*, № 17. Письмо короля помѣчено 18го августа 1716.

** Тамъ же, отъ 25го августа 1716.

ство для изъявленія чувствъ сожалѣнія его величества по случаю его возвращенія на родину, а въ самый день отъѣзда одинъ изъ королевскихъ фаворитовъ вручилъ ему портретъ Августа II. Но такое вниманіе короля и двора не ослѣпило Дольфина, и въ отчетъ, отъ 10го августа 1717 г., онъ съ обычною пронципальностію и добросовѣстностію начерталъ вѣрную картину Польши.

„Оттоманская держава“, говоритъ онъ, „привыкшая въ теченіе многихъ вѣковъ къ завоеваніямъ и побѣдамъ въ ущербъ олечалинаго христіанства, съ трудомъ переносила раны нанесенныя ей побѣдоноснымъ оружіемъ священнаго союза и потерю земель уступленныхъ по миру заключенному въ Карловцахъ. Выжидая случая къ удовлетворенію и мести, Турція съ удовольствіемъ обратила оружіе противъ Русскаго царя, раздѣлявшаго оласности и лавры, но не включеннаго въ трактатъ наступательнаго союза.

„Поводъ подавъ Шведскій король, удалившійся послѣ несчастной Полтавской битвы въ Бендеры подъ локровительство султана. Испытанное въ бою многочисленное царское войско обѣщало побѣду надъ Турками; но, къ несчастію, Петръ впалъ въ ту самую ошибку которая незадолго предъ тѣмъ погубила Шведа.

„Удалившись отъ собственныхъ границъ, онъ проникъ въ Молдавію, не имѣя достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и не увѣренный въ томъ можетъ ли эта страна прокормить его войско. Татары лѣвнили большой обозъ, и царь съ цвѣтомъ войска находился въ такомъ затрудненіи что великій визирь легко могъ бы уничтожить его, еслибъ умѣлъ и хотѣлъ. Его (Петра) спасли неукротимость и ярость короля-врага, который гнѣвомъ и презрѣніемъ къ главнокомандующему способствовалъ тому что онъ склонился на предложенія и щедрые дары Русскихъ; но царь, по мирному договору, долженъ былъ возвратитъ Азовъ, сильную крѣпость на морѣ того же имени, дающую господство надъ Чернымъ моремъ и самимъ даже Константинополемъ.

„Одушевленные успѣхомъ и постоянно возбуждаемые Шведскимъ королемъ, Турки задумали было; вторгнуться въ Польшу и возвратитъ Каменецъ; но ошибка визиря или, лучше сказать, лучъ божественнаго Провидѣнія спасъ это королевство отъ неминуемой гибели. Не дождавшись положительнаго приказа отъ султана, гордый визирь распустилъ пышный

хость въ то самое время когда Флейшманъ, по приказанію императора, громко говорилъ въ защиту республики. Все это тайными путями было доведено до свѣдѣнія султана Мазовецкимъ, польскимъ посланникомъ, человѣкомъ весьма дѣятельнымъ. Вслѣдствіе ли раздраженія за превышеніе власти, или изъ страха священнаго союза, или же по внушеніямъ корыстныхъ царедворцевъ, султанъ отсѣкъ голову визирю, помирися съ Польшею и задумалъ войну съ вашею свѣтлостію (дожемъ).

„Долго таилъ онъ свое намѣреніе, ибо флотъ не могъ такъ скоро выйти въ море, и придумывалъ разные предлоги для прикрытія варварской измѣны. Наконецъ взорвалась мина,—баша Мемо былъ брошенъ въ тюрьму, тяжесть которой перенесъ со свойственнымъ ему самопожертвованіемъ. Вѣрное договорамъ, великодушное мое отечество приготавлилось къ оборонѣ и отправило чрезвычайныхъ пословъ къ союзнымъ государямъ, приглашая ихъ исполнить священныя обязательства.

„Моя слабая и ничтожная особа была почтена неожиданнымъ приказаніемъ—слѣзнуть къ польскому двору. Повинуясь волѣ сената, чрезъ недѣлю я уже былъ въ дорогѣ и чрезъ столько же времени, несмотря на перемѣнчивую погоду, прибылъ въ Вѣну, гдѣ прежнее шестилѣтнее пребываніе доставило мнѣ легкій доступъ къ частной аудіенціи у императора и къ довѣрительнымъ сношеніямъ съ министрами.

„Вскорѣ я оставилъ Вѣну, успѣвъ убѣдить императора и министровъ принять сторону вашихъ превосходительствъ и энергически протестовать противъ дѣйствій Порты, въ случаѣ же ея гордаго отказа, обратить противъ нея оружіе и немедленно отправить въ Польшу чрезвычайнаго посла.“

Такое послѣднее рѣшеніе Вѣнскаго кабинета Дольфинъ объясняетъ надеждами на всеобщее спокойствіе въ Европѣ. Надеждамъ было суждено скорѣ разсѣяться. Неугомонный Карлъ XII, лишь только вернулся на родину, принялся тревожить сосѣдей, и противъ него составился союзъ изъ короля Августа, Пруссіи, Даніи, Царя, Англіи и Ганновера. Этотъ союзъ сильно обезлокоилъ Австрію, страдавшую внутренними неурядицами, и она рѣшилась держаться въ сторонѣ и не вызывать противъ себя Турціи; поэтому она медлила отправить въ Польшу посла, графа Иеронима Колоредо.

Печальную картину представляла Польша въ то время

когда прибылъ туда Дольфинъ. „Не доставало“, по его словамъ, „рабочихъ рукъ; селенія опустѣли, зданія грозили паденіемъ, поля запущены, народъ въ отчаяніи и страшной нуждѣ: это были слѣдствія заразы, неурожаевъ и опустошеній, произведенныхъ послѣдовательно Шведами, Русскими и особенно Саксонцами, которые, подъ видомъ дружбы и защиты, окончательно разорили страну.“ Торговля была въ упадкѣ, наука въ пренебреженіи, военное искусство заброшено. Войску не платили жалованья. Дворянство, забывшее свои обязанности, было терзаемо расприами. „Всякій думалъ о себѣ“, прибавляетъ Дольфинъ, „никто о государствѣ. Послѣднимъ проявленіемъ польской доблести было освобожденіе Вѣны, — дѣло болѣе Провидѣнія чѣмъ рукъ человѣческихъ.... Иванъ Собѣскій, можно сказать, унесъ съ собою въ могилу счастье Польши.“ Фридрихъ-Августъ на саксонское золото купилъ польскій престолъ (1696 г.) „Ему было тогда 25 лѣтъ (нынѣ ему 46). Его осанка благородна, лицо смугло, волосы носить природные (*naturali*), ростъ средній, походка смѣлая, тѣло сложение крѣпкое. Онъ характера привѣтливаго, челоуѣколюбиваго, щедраго; любитъ удовольствія болѣе чѣмъ занятія; ищетъ развлеченій.“ Избѣгаетъ войны, не имѣя средствъ вести ее съ честію. Со времени посѣщенія Венеціи, онъ сохранилъ о ней пріятное воспоминаніе. „Онъ можетъ быть полезенъ вашей свѣтлости“, прибавляетъ въ заключеніе характеристики Дольфинъ, „какъ электоръ на Регенбургскомъ сеймѣ; но какъ король Польши, онъ не въ состояніи почти ничего сдѣлать.“

О королевѣ Дольфинъ говоритъ что она лютеранка, живетъ въ Саксоніи, носитъ только титулъ королевы; но чтобы стать настоящею, должна принять католицизмъ. Это женщина добродѣтельная, благоразумная и умѣренная.

Упомянувъ что мягкій и благородный характеръ единственнаго наслѣдника престола хорошо извѣстенъ въ Венеціи, такъ какъ онъ долгое время жилъ въ этомъ городѣ, Дольфинъ высказываетъ надежду что онъ обратится въ католицизмъ, вслѣдствіе неустанныхъ стараній іезуита Салерно, сватающаго за него, при содѣйствіи палы, австрійскую эрцъ-герцогиню.

Опускаемъ разказъ Дольфина о личномъ составѣ польскаго министерства, объ изгнаніи Августа изъ Польши Карломъ XII, объ избраніи Станислава Лещинскаго и о возстановленіи на польскомъ престолѣ саксонскаго курфирста по волѣ

Петра Великаго, и переходимъ къ той части его реляціи гдѣ онь говоритъ о сосѣдяхъ Польши. Вотъ какъ онь характеризуетъ Русскаго царя:

„Болѣе всѣхъ почитается Русскій царь: соединяя съ быстротой и провидательностью ума большую осторожность и располагая значительными силами, онь сумѣлъ измѣнить судьбы этихъ двухъ сосѣднихъ державъ и подчинить своей волѣ и неограниченной власти Польшу, предписывавшую прежде законы Россіи.

„Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ удержаны подъ залогомъ; Ливонія, вопреки послѣднимъ договорамъ, присоединена къ Россіи, Польша истощена и отягощена постоянными постоями русскихъ войскъ, оправдываемыми единственно удобствами помѣщеній и правомъ сильнаго; русское посредничество переходитъ въ своеволие и служить только къ оскорбленію короля съ республикой. Все это съ трудомъ переносится, и въ сердцѣ не только короля, но и большей части польскихъ сенаторовъ таится месть, но нѣтъ вѣрныхъ средствъ къ ея осуществленію.

„Польша находится въ бѣдственномъ и болѣзненномъ состояніи, а царь—въ апогеѣ славы и силы: онь располагаетъ болѣе 100.000 регулярнаго войска, превосходно обученнаго на нѣмецкій ладъ, кромѣ безчисленнаго множества милиціи, которую можетъ поставить ему страна; его флотъ состоитъ изъ 26 кораблей и 180 полугалеръ, вооруженныхъ по-венеціянски.

„Онь старался всѣми силами отдѣлаться отъ Швеціи, дипломатическимъ ли путемъ или оружіемъ, ибо ея докучливыя диверсіи отвлекали его отъ другихъ плановъ.

„Хотя его правило—не ставить себя межъ двухъ огней и окончить одну войну прежде чѣмъ начать другую, тѣмъ не менѣе, еслибы настоялъ на томъ императоръ, можно бы было надѣяться на его сильную диверсію въ пользу Венеціи, съ сорока-тысячнымъ корпусомъ. Но онь остерегается отъ нападешя на Молдавію и Валахію, области ласкаемыя (amogaggiati) Австрійцами. Неоднократно посолъ Долгорукій увѣрялъ меня что Царь намѣренъ возвратить Азовъ и укротить крымскихъ Татаръ, дабы приблизиться къ Черному морю и съ помощію короля задать страху султану. Онь осуществилъ бы этотъ обширный планъ, еслибъ у него не были связаны руки, и еслибы не прелатствовалъ императоръ. Путешествіе во Францію, во время котораго царь ознакомился съ настроеніемъ

тамошняго двора, расположеннаго къ Туркамъ изъ торговыхъ видовъ, измѣнили его образъ мыслей и разстроили его планы. Пожаръ, долженствовавшій вспыхнуть на варварской границѣ (въ Турціи), охватилъ Германію и Польшу.

„По прибытіи въ Варшаву я узналъ что Царь огорченъ враждебными показаніями (относительно Венеціи) посла Шаффинова, возвратившагося изъ Турціи; но, слѣдуя инструкціямъ вашихъ превосходительствъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть что его подозрѣнія разсѣялись. Это государь обладающій огромными способностями, закаленный въ неустанныхъ, безпримѣрныхъ занятіяхъ. Его развлеченіе работа, и когда нѣтъ умственной, онъ принимается за механическую — въ арсеналахъ. Ему 46 лѣтъ. Онъ прошелъ чрезъ всѣ стелени военныя и мастерскія (*dell'arti*). Занимая много должностей—генерала, адмирала и перваго министра (*capo ministro*); онъ требуетъ своевременной уплаты жалованья, которое тратитъ на содержаніе двора. Прежде онъ издерживалъ много на наемъ иностранцевъ: теперь онъ ограничилъ ихъ число, большую часть отпустивъ и замѣнивъ Русскими. Онъ старается, какъ очевидно, содержать войско на чужой счетъ,—говорятъ, по недостатку средствъ.

„Милиція хорошо снабжена всѣмъ необходимымъ и подчинена строгой дисциплинѣ. Балтійскій флотъ постоянно увеличивается постройкой новыхъ кораблей. Петербургъ—въ болотистой Ингріи—обстраивается, и Москва ропщетъ на услуги новой столицы.

„Петръ справедливъ и охотно уступаетъ правдѣ. Отъ перваго брака онъ имѣетъ только одного сына, 27 лѣтъ; по характеру онъ совершенно противоположенъ отцу; бездарный, нелюдимый, онъ любитъ досугъ и кое-какое чтеніе (*qualche lettura*). Говорятъ, за нимъ строго присматриваютъ въ Москвѣ, его резиденціи. Отъ новой царицы, низкаго происхожденія изъ Ливоніи, вдовы голландскаго офицера, онъ имѣетъ втораго сына. Мягкаго характера, она пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Она столь предана царю что, кажется, имѣетъ только и живетъ.

„Еслибъ ему удалось отдѣлаться отъ Швеціи, то онъ объявилъ бы войну Турціи—изъ раздраженія за претерлѣнныя въ Молдавіи неудачи и изъ желанія возвратитъ Азовъ, пріобрѣсти славу и унизить ненавистную соперницу. Это един-

ственное средство возбудить въ разслабленной Польшѣ силы и поудить ее къ исполненію обязательствъ союза; ибо движеніе къ ея границамъ двухъ сильныхъ армій, царской и русской, возбудило бы опасенія быть застигнутою враждою и полоненною Царемъ, а надежда на добычу пробудила бы корысть. Безъ этихъ побужденій будутъ тщетны усилія палы, императора и всякой другой державы“....

На этомъ прекращаемъ выписки изъ реляціи Дольфина, отпуская описаніе Польши, ея правительства, финансовъ и войска.

По отъѣздѣ изъ Польши Дольфина, остался на его мѣстѣ секретарь его, Марино Марини. Въ делешѣ отъ 8го ноября 1718 года (рук. библ. Св. Марка въ Венеціи, Ital. Classe VII Cod. CCCXCI) онъ изображаетъ Польшу точно такою какою представилъ ее Дольфинъ. Суть его делеша заключаются въ слѣдующемъ положеніи: „Король обладаетъ отличными качествами чтобы быть хорошимъ государемъ, но королевство такъ гнило что изъ него ничего не подѣлаешь.“

II.

Въ январѣ 1782 года посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Голицынъ, сообщилъ Генуэзской республикѣ чрезъ посредство ея министра, резидента при томъ же дворѣ, іеронима Дураццо, что императрицѣ угодно было назначить въ Геную повѣренными въ дѣлахъ бригадира Александра Мордвинова и такимъ образомъ вступить въ близкія и непосредственныя сношенія съ этою морскою державой. Сообщая объ этомъ, Голицынъ выражалъ надежду что генуэзское правительство, почтенное такимъ вниманіемъ императрицы, не замедлитъ назначить въ С.-Петербургъ одного изъ патриціевъ министромъ-резидентомъ.

Вѣсть о назначеніи въ Геную Мордвинова произвела смятеніе въ тамошнемъ сенатѣ, возбудивъ недоумѣнія и сомнѣнія насчетъ видовъ Россіи. Огромное большинство сенаторовъ старалось доказать что обличеніе съ Россіей не только не представляетъ существенныхъ выгодъ для республики, но даже опасно для нея во многихъ отношеніяхъ. „Россія“ говорилъ Амвросій Доріа въ маломъ совѣтѣ, „саишкомъ удалена

отъ порта нашей столицы. Не странно ли что Русскіе, съ тѣхъ поръ какъ плаваютъ въ Средиземномъ морѣ постоянно отпралявшіеся на стоянку въ Ливорно, нынѣ перемѣнили соображенія? Спросить бы у Ливорнецевъ, довольны ли они Русскими, а если недовольны, то Русскіе не хорошіе гости (*un sativo ospite*). И въ какомъ стѣснительномъ положеніи была бы республика, еслибъ они стали держать въ нашемъ портѣ по семи кораблей: какъ бы могла она сохранить невмѣшательство? Чѣмъ обезпечить государственное спокойствіе? Далѣе Дорія доказывалъ что невозможно предоставить Русскимъ никакихъ привилегій въ генуезскомъ порто-франко: иначе примѣру ихъ послѣдуютъ и другіе народы. „Республика“, говорилъ онъ въ заключеніе, находится въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Франціей, которую не должна покидать въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ; Русскіе—враги французской торговли: если гостепріимство оказанное одному только ихъ кораблю дало поводъ къ замѣчаніямъ герцога Шуазеля, то какихъ неудовольствій должно ожидать (со стороны Франціи), если мы вздумаемъ заключать договоры (съ Россіей)?“ Въ другой рѣчи (21го іюня 1782 г.) Дорія восклицаетъ: „какое впечатлѣніе должно произвести на Францію и какія подозрѣнія возбудить въ ней пребываніе въ Средиземномъ морѣ, въ виду ея портовъ, флота непріязненной ея интересамъ націи! Если недовольная и подозрительная Франція будетъ протестовать, то какимъ образомъ республика удалить изъ своего порта *Русскіихъ, которые желаютъ одного—имѣть въ Средиземномъ морѣ портъ, на подобіе порта находящагося въ рукахъ Англичанъ?*“ „Россія“, говорилъ другой Дорія (28го іюня), „желаетъ имѣть портъ въ Средиземномъ морѣ... Если нашъ портъ, окруженный стѣнами, вооруженный артиллеріей, ставится ни во что, и простая неаллитанская барка (*felusa*) приводитъ его въ тревогу (*in scompiglio*), то что станется когда въ немъ будетъ находиться сильная эскадра великой державы! Не говорю уже о жалобахъ Франціи, той самой Франціи, которая въ прошломъ вѣкѣ бомбардировала Геную и вызвала дожа во Францію за то только что мы уступили Исландцамъ соляной магазинъ,—той самой Франціи которая еще недавно приказала намъ освободить столькохъ варварійскихъ рабовъ, стоившихъ столько крови подданнымъ республикѣ,—чего можемъ ожидать отъ нея нынѣ въ случаѣ ея неудовольствія! Намъ остается одно только—

отказаться отъ договора съ Россіей.“ Затѣмъ ораторъ до-
казывалъ что отъ пребыванія въ Генуэзскомъ портѣ русской
эскадры нельзя ожидать большихъ барышей, потому что Рус-
скіе очень скулы (*avarissimi*) и привозятъ съ собою запасы
хлѣба и мяса: остается только поставка молочныхъ товаровъ
и овощей.

Партія противная Доріямъ разсуждала иначе: „*Каковы на-
мѣренія русской императрицы? Она желаетъ усилить тор-
говлю, и для того стать твердою ногой въ Средиземномъ
морѣ, не обращая вниманія на неудовольствіе Франціи и дру-
гихъ державъ владѣющихъ на немъ портами. Мало того, она
желаетъ не временнаго, а постояннаго пристанища для сво-
ихъ кораблей, обезпеченнаго договоромъ съ кѣмъ-либо изъ
италіанскихъ государей. Она договаривается съ Тосканой,
но по неудобству ли рейда, или по интригамъ другихъ дер-
жавъ, хочетъ покинуть Ливорно, предпочитая Геную. Нѣтъ
сомнѣнія что она предложитъ торговый договоръ основанный
на обоюдныхъ выгодахъ; ибо весь городъ знаетъ что г. Мор-
дшиновъ вскорѣ по прибытіи сюда сталъ собирать свѣдѣнія о
товарахъ, цѣнахъ и правилахъ порто-франко отъ лица близко
знакомаго съ дѣломъ, имѣя постоянно въ виду нужды русской
торговли.... Русская императрица, императорскій дворъ, въ
виду великихъ предначертаній, хочетъ во что бы то ни ста-
ло чтобы русская эскадра могла зимовать въ Специи или
Генуѣ.... Пора покончить съ политическими разсужденіями.
Основное начало нашей республики — невмѣшательство; за-
тѣмъ правительство должно сообразоваться съ видами вели-
кихъ державъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда нѣтъ опасно-
сти для чести и свободы отечества.“*

Пренія въ сенатѣ не было бы конца, еслибы настоянія
Гоицины и представленія Дураццо не убѣдили напослѣдокъ
республику какъ опасно раздражать Россію. Было рѣшено
послать въ С.-Петербургъ, только на годъ, чрезвычайнымъ
министромъ патриція Степана Риваролу съ жалованьемъ въ
40.000 лиръ, кромѣ единовременнаго пособія въ 50.000. Если-
бы нашъ дворъ выразилъ недоумѣніе, почему генуэзское пра-
вительство не назначило постояннаго министра, то Риваролѣ
приказано было отвѣчать: „Республика держитъ постоянныхъ
министровъ только при тѣхъ немногихъ дворахъ, съ которы-
ми по необходимости должна имѣть непосредственныя сно-
шенія.“

„Главная и единственная цѣль вашего назначенія засвидѣтельствовать ея императорскому величеству наше почтеніе“ (attenzione), гласятъ инструкціи Риваролы, а потому ему предписывалось не входить ни въ какіе переговоры насчетъ торговли, полною свободой которой пользуются всѣ націи въ Генуэзскомъ портѣ, и объяснить что по законамъ республики не дозволяется входить въ Генуэзскій портъ иностраннымъ эскадрамъ состоящимъ болѣе чѣмъ изъ пяти кораблей, и воспрещается имѣть на берегу магазины или набирать матросовъ.*

25го ноября (н. ст.) 1783 г. Риварола прибылъ въ С.-Петербургъ и на третій день былъ принятъ графомъ Остерманомъ, которому вручилъ вѣрительную грамоту. „Чрезвычайно честенъ и обходителенъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ“, пишетъ Риварола въ своей реляціи. „Только мнѣ показалось что, дабы гарантировать себя противъ всякой печальности, онъ выслушиваетъ первыя рѣчи пословъ, содержаніе коихъ ему неизвѣстно, нахмуривъ брови; но чело его разъясняется по мѣрѣ того какъ онъ знакомится съ предметомъ рѣчи, и затѣмъ обыкновенно становится чрезвычайно любезенъ и предупредителенъ.“

На слѣдующій день, 29го числа, Риварола былъ принятъ императрицей и ихъ высочествами. Екатерина II очаровала его своею любезностью. „Соединяя съ величіемъ престола, пишетъ онъ, самую утонченную любезность, ея величество изъ явила мнѣ признательность за чувства выраженные мною отъ имени свѣтлѣйшаго правительства и поручила мнѣ увѣрить вашу свѣтлость что она съ удовольствіемъ воспользуется всякимъ случаемъ дабы доказать вамъ свою дружбу.“ Ихъ высочества приняли его „самымъ милостивымъ образомъ“, выразивъ ему сожалѣніе что имъ не удалось побывать въ Генуѣ.

Послѣ этихъ представленій начались обычные дипломатическіе визиты товарищамъ и министрамъ: о первыхъ, къ сожалѣ-

* Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ рукописей генуэзскаго государственнаго (governativo) архива относящихся къ посольству Риваролы; въ картонѣ: *Russia 1783—1786, Lettere Ministri (Scanzia № 112)*. Въ отдѣлѣ: *Lettere Principi* находится кредитивная грамота „капитану бригадирскаго ранга Александру Мордвинову“ (1782 г.); *Russia 1782—1796 (Scanzia № 142)*.

ни, Риварола не говоритъ ни въ делешахъ, ни въ реляціи; вторыхъ характеризуетъ кратко.

„При С.-Петербургскомъ дворѣ, пишетъ Риварола, все дышетъ величіемъ, великолѣпіемъ, славою, энтузіазмомъ. Жена, сильно благопріятствуемая счастіемъ въ первыхъ ея предпріятіяхъ, одаренная всѣми качествами способными остановить неподвижнымъ измѣнчивое колесо фортуны слишкомъ на 20 лѣтъ, изъ коихъ каждый можетъ составить эпоху въ лѣтописяхъ этой имперіи, военныхъ или гражданскихъ, она внушаетъ почтеніе даже самымъ предубѣжденнымъ и недовольнымъ и подчиняетъ ихъ своей волѣ. По качествамъ души эта великая государыня заслуживаетъ названіе милосердой, справедливой, свободомыслящей и разумно славолубивой, то есть мыслящей оставить по себѣ безсмертную славу. Склонность къ милосердію я самъ имѣлъ случай въ ней замѣтить; въ ея свободомыслии никто не сомнѣвается; о справедливости ея свидѣлствуютъ: неотмѣняемость судебныхъ рѣшеній, неподкупность министровъ, щедро награждаемыхъ государыней и потому не имѣющихъ нужды искать богатствъ иными путями, и болѣе всего ея постоянныя ежедневныя занятія государственными дѣлами отъ 6 часовъ утра до полудня; она все видитъ, все испытываетъ и служитъ уздою и примѣромъ для министровъ, предотвращая гибельныя послѣдствія летаргическаго и всегда лагубнаго усыпленія.

„Не менѣе достоинъ удивленія стойкій характеръ его императорскаго высочества великаго князя. Удаленный отъ государственныхъ дѣлъ, ограниченный въ средствахъ, онъ искренно признателенъ своимъ воспитателямъ и неизмѣнно почитателенъ къ августѣйшей своей матери. Онъ свято чтитъ память своего перваго наставника покойнаго графа Панина, постоянно покровительствуетъ его друзьямъ и не довѣряетъ его врагамъ. Кто можетъ дать лучшія доказательства любви къ домашнему миру и нелюбѣдимаго отвращенія къ государственнымъ переворотамъ, замедляющимъ успѣхи просвѣщенія? Его добродѣтель, свѣтлый умъ и трудолюбіе извѣстны въ его кругу.

„Самое близкое лицо къ трону и вмѣстѣ съ тѣмъ доступное посланнику, есть такъ-называемый фаворитъ. Чудовищное вліяніе его на государственныя дѣла, замѣчаемое во всѣхъ государствахъ гдѣ фавориты когда-либо существовали, не

имѣеть нынѣ мѣста при русскомъ дворѣ, гдѣ онъ держится только по силѣ привычки.

„Замѣчательное явленіе въ ряду фаворитовъ составляетъ нынѣшній президентъ и военный министръ, князь Потемкинъ. Онъ сумѣлъ своими талантами произвести неизгладимое впечатлѣніе на умъ государыни, изучилъ ея склонности, предлагалъ ея помышленія и навсегда расположилъ ее къ себѣ. Начавъ съ уничтоженія прусской системы графа Панина и замѣнивъ ее австрійскою, онъ внушилъ императрицѣ обширные замыслы, и ставъ необходимымъ для ихъ осуществленія, прочно утвердился на своемъ мѣстѣ, восторжествовалъ надъ всѣми соперниками. Онъ не простой баловень фортуны: своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ преимущественно дарованіямъ, которыми такъ щедро надѣлила его природа, удивительной проницательности и силѣ воли, соперничающей съ силою ума.

„Другія лица стоящія во главѣ управленія суть: генералъ-аншефъ Безбородко, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, президентъ сената князь Вяземскій и президентъ коммерціи графъ Воронцовъ.

„Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко. Секретарь кабинета ея величества, онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ ней предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіи вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ бы могъ быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскаго. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся по мѣрѣ возможности угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ.

„Президентъ сената князь Вяземскій есть въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Это человекъ весьма трудолюбивый и дѣятельный—качества крайне необходимыя при многосложности занятій сопряженныхъ съ занимаемыми имъ должностями. Иностранцу трудно разгадать его характеръ, такъ какъ онъ не знаетъ другаго языка кромѣ роднаго.

„Такъ какъ торговля сдѣлалась въ настоящее время главнымъ двигателемъ политики всѣхъ государствъ, то министръ

торговли получилъ большое вліяніе на государственныя дѣла. Этотъ постъ въ Россіи занимаетъ графъ Воронцовъ, братъ известной княгини Дашковой, принимавшей дѣятельное участіе въ переворотѣ доставившемъ тронъ нынѣшней императрицѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ даровитый, проницательный и, повидимому, весьма образованный. Впрочемъ, съ нимъ должно быть весьма осторожно, ибо онъ принадлежитъ къ фамиліи известной интригами.

Всѣ трактаты, не имѣющіе прямою цѣлью торговли, подписываются тремя лицами: вице-канцлеромъ, графомъ Безбородко и г. Бакунинымъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, — человѣкомъ никому не усуглающимъ въ дальновидности, изворотливости, — глубокимъ знатокомъ государства и его внутреннихъ и вѣншихъ интересовъ. Трудно опредѣлить съ точностью его характеръ. Между нимъ и графомъ Безбородко царствуетъ дружба видимая, если не дѣйствительная, очевидно полезная для обоихъ.

При заключеніи торговыхъ конвенцій къ тремъ вышеломянутымъ лицамъ присоединяется еще президентъ департамента торговли.

Риварола пробылъ въ С.-Петербургѣ до конца мая 1785 г. Последняя его депеша, № 41, писана изъ Берлина, 23го іюня.

Слѣдуя инструкціямъ своего правительства, Риварола жилъ въ Петербургѣ безъ дѣла, ограничиваясь ролью наблюдателя. Онъ обращалъ преимущественное вниманіе на состояніе торговли и мореходства въ Россіи, занимаясь весьма мало политикой. Результатъ своихъ наблюденій онъ изложилъ въ *реляции* представленной имъ въ сенатъ по возвращеніи на родину. Въ *депешахъ* онъ сообщаетъ краткія извѣстія о придворныхъ новостяхъ, о празднествахъ, иногда о военныхъ дѣйствіяхъ и весьма рѣдко о внутреннихъ событіяхъ (напримѣръ въ № 20 о скопицѣ безпаспортныхъ работниковъ въ Гатчинѣ, въ № 26 о крестьянскомъ возстаніи въ Лифляндіи). Въ депешахъ Риваролы мнѣ показались особенно любопытными слѣдующія два извѣстія.

Отъ 18го мая 1784 года, № 19, Риварола пишетъ:

„Такъ какъ въ настоящее время путешествуетъ по Италіи одно почетное лицо, носящее имя *Бобринскаго*, и вѣроятно будетъ и во Флоренціи, если уже не былъ, то я считаю долгомъ своимъ предупредить вашу свѣтлость, что онъ сынъ..... князя *Григорія Орлова*. Его сопровождаютъ дядька и четверо

офицеровъ, его сверстниковъ. Нѣтъ сомнѣннй что здѣсь произведетъ прнятное впечатлѣнне хорощй прнємъ ихъ за границею; ибо извѣстно что императрица очень любитъ помянутое лицо, получающее отъ нея 40.000 рублей ежегоднаго содержания.“

Въ послѣдней делешѣ, изъ Берлина, Риварола извѣщалъ свое правительство о новомъ любимцѣ покровительствуемомъ Потемкинымъ „Это нѣкто Ермоловъ, армейскій офицеръ, прннятый княземъ Потемкинымъ въ адъютанты и чрезъ нѣскольکو дней послѣ того получившй приказанне состоять при особѣ ея величества въ качествѣ флигель-адъютанта.“ *

„Положенне Россійской Имперіи“, говоритъ Риварола въ своей реляціи, „можетъ по справедливости назваться въ настоящее время самымъ счастливымъ во всей Европѣ, благодаря хорошо задуманнымъ и еще лучше исполненнымъ предпріятіямъ, изъ коихъ самое новое и самое важное есть завоеванне Крыма, скрѣпленное константинопольскою конвенціей 3го января 1784 г.“ Разсматривая различныя причины доставшя Россіи *перевѣсъ* (*preponderanza*) въ *дѣлахъ Европы*, Риварола прежде всего останавливается на ея *неуязвимости* (*invulnerabilità*) со стороны сосѣдей. На Балтійскомъ морѣ, по его словамъ, Россіи некого бояться: Швеція слишкомъ слаба, Данія находится въ тѣснѣйшей дружбѣ съ С.-Петербурскимъ дворомъ, къ которому прибѣгаетъ при малѣйшемъ движеніи своей соперницы. Пруссія самая сильная сосѣдка Россіи, но и съ этой стороны нечего опасаться. „Изъ *трехъ сильныхъ державъ сѣверной Европы одна Россія можетъ существовать изолированно, сама по себѣ*; другъ и соперникъ то той, то другой, смотря по обстоятельствамъ, она всегда необходима одной изъ нихъ, а вслѣдствіе того третья, обузданная чрезвычайнымъ перевѣсомъ, не можетъ осмѣлиться поднять головы противъ двуглаваго чудовища.“ Союзъ противъ Россіи двухъ германскихъ державъ немыслимъ по причинѣ вѣчныхъ и неизсякаемыхъ ихъ споровъ о первенствѣ, среди коихъ Россія является посредницею-миротворительницею, уважаемою обѣими сторонами. По топографическому положенію естественнѣе союзъ Россіи съ Австріей чѣмъ съ Пруссіей. Граница съ Турціей, Австрія, въ случаѣ войны съ нею Россіи, легко

* *Lettere del molto Magnifico Rivarola al Serenissimo Governo di Genova 1783—1785, въ генуэзскомъ архивѣ въ отдѣлѣ Lettere ministri.*

можетъ помочь той или другой сторонѣ. Такъ передвиженіе къ турецкимъ границамъ восьмидесятитысячной австрійской арміи доставило Россіи Крымъ безъ кровопролитія. На большомъ пространствѣ граничить съ Россіей Польша, но о ней, какъ о независимой державѣ, не можетъ быть рѣчи; мы можемъ только оплакивать ея немоущее состояніе, ея неизлечимыя раны, отъ коихъ она страдаетъ болѣе чѣмъ когда бы была въ подданствѣ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, при малѣйшемъ движеніи оттоманскихъ войскъ, русская армія занимаетъ пограничныя польскія области, съ намѣреніемъ выступить изъ нихъ какъ можно позже. Короче, эта несовершенная (*imperfetta*) республика есть только подобіе государства, вся же сила его въ рукахъ русскаго посланника. Даже кресты, ордена, самыя почетныя должности польскаго двора раздаются С.-Петербуржскимъ въ награду тѣмъ кого онъ считаетъ недостойными его собственныхъ (орденовъ), хотя бы меньшаго достоинства: знакъ крайняго униженія, наложенный правомъ сильнаго. Таковыя плачевныя обстоятельства Польскаго королевства позволяютъ думать что въ такомъ состояніи оно можетъ существовать и въ будущемъ, и что нечего опасаться окончательнаго его уничтоженія: *новый раздѣлъ не въ интересахъ С.-Петербуржскаго двора, ибо абсолютное обладаніе частью не можетъ сравниться въ выгодахъ съ добровольно признаваемою властью (gratuito dominio) надъ умыломъ.* Сколько нужно было Россіи имѣть въ полномъ обладаніи для округленія ея границъ, она уже имѣетъ, что же касается до остальнаго, то неосновательно предполагать новую катастрофу, имѣя въ виду только гибельный примѣръ перваго раздѣла.

„Набѣгамъ Татаръ, послушныхъ волѣ Порты, положенъ предрѣль приобрѣтеніемъ Крыма. Дружественныя политическія и коммерческія сношенія съ Персіей обусловливаются взаимными выгодами обѣихъ державъ и общею ненавистью къ Турціи.

„Никто не сомнѣвается въ обширныхъ замыслахъ С.-Петербуржскаго двора касательно изгнанія Турокъ изъ Европы и возстановленія Восточной имперіи, на престолъ которой предназначается Великій Князь Константинъ. Не даромъ обучаютъ его греческому языку и знакомятъ съ греческими нравами.“

Риварола не сомнѣвается въ возможности осуществить

этотъ планъ въ близкомъ будущемъ, но только при двухъ условіяхъ: 1) необходимо убѣдить Французовъ что при подобномъ политическомъ переворотѣ не только ничего не потерпѣтъ ихъ торговля на Востокъ, но даже пріобрѣтетъ небывалые размѣры, и 2) обезпечить себя со стороны Австріи посредствомъ дружественныхъ вліяній Парижскаго двора на Вѣнскій.

Говоря о *внутреннемъ состояніи Россіи*, Риварола касается вопросовъ о народонаселеніи, финансахъ и военныхъ силахъ.

Число жителей Россіи, по вычисленію Риваролы, простиралось до 32 милліоновъ. Говоря о стараніяхъ императрицы и ея министровъ къ увеличенію народонаселенія, онъ замѣчаетъ что русское правительство заботится болѣе о *наращеніи чѣмъ о сохраненіи* жителей, и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на недостатокъ санитарныхъ правилъ во флотѣ.

Доходы Россіи, по исчисленію людей самыхъ умѣренныхъ, простирались до 40 милл. руб. Эта сумма недостаточна на покрытие всѣхъ издержекъ, особенно если принять во вниманіе обширныя предпріятія Екатерины II; но недостаточность доходовъ, по замѣчанію Риваролы, вознаграждается отчасти дешевой предметовъ первой необходимости, каковы: хлѣбъ, строевые матеріалы, металлы и т. п. Вслѣдствіе ихъ изобилія, содержаніе войска и флота обходится въ Россіи вдвое дешевле чѣмъ въ другихъ державахъ, нуждающихся въ привозномъ провіантѣ и сырыхъ продуктахъ необходимыхъ для войска.

Регулярное *войско* состояло изъ 300.000 человекъ. Число иррегулярнаго (казаки, Татары) велико, но трудно опредѣлить. *Флотъ* состоялъ изъ 40 линейныхъ кораблей и столькихъ же фрегатовъ, не считая сотни галеръ.

„*Торговля* Россіи, замѣчаетъ Риварола, въ настоящее время гораздо обширнѣе чѣмъ обыкновенно полагають. Еще недавно она ограничивалась сношеніями съ Англичанами и народами Балтики; теперь же въ ея портахъ развиваются флаги почти всѣхъ торговыхъ націй Европы, и въ годъ прибытія моего въ С.-Петербургъ въ тамошнемъ портѣ находился во время лѣта первый американскій корабль; по возвращеніи же на родину, я узналъ о прибытіи въ Бостонъ двухъ русскихъ кораблей. Безъ сомнѣнія, преимущество остается еще за Англичанами, обороты коихъ равняются оборотамъ (если не превышаютъ ихъ) всѣхъ

прочихъ націй. Въслѣдствіе торговаго договора, срокъ коего истекаетъ въ нынѣшнемъ году, они пользуются особыми льготами и привилегіями, въ высшей степени благопріятствующими не только богатой англійской факторіи въ С.-Петербургѣ, но и всѣмъ вообще англійскимъ купцамъ разсѣяннымъ по всѣмъ портамъ и областямъ Имперіи. Русскій коммерческій флотъ началъ только составляться, подъ покровительствомъ правительства, понимавшаго что самый сильный военный флотъ безъ коммерческаго подобенъ колоссальному скелету, лишенному тѣла. Въ теченіе шести мѣсяцевъ навигаціи С.-Петербургскій портъ посѣщаютъ 800, а Рижскій болѣе тысячи иностранныхъ кораблей; изъ нихъ многіе приходятъ въ Россію порожними и здѣсь нагружаются, находя достаточное вознагражденіе въ одномъ обратномъ плаваніи; это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о выгодахъ торговли съ Россіей.“

Риварола опровергаетъ бывшее въ его время въ ходу мнѣніе о *крайней недостаткѣ звонкой монеты* въ казначействѣ и о близкомъ банкротствѣ Россіи. Онъ говоритъ что во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ, разница между кредитными билетами и звонкою монетою была незначительна: серебро 2%, золото 3%. „Бѣдною не можетъ назваться та страна которая богата естественными произведеніями первой надобности, какъ-то: хлѣбомъ, льномъ, пенькою, строевымъ лѣсомъ, кожами, мѣдью и т. п.“

Въ заключеніе Риварола совѣтуетъ соотечественникамъ искать дружбы и покровительства „государыни величайшей въ мірѣ Имперіи, безсмертной Екатерины Второй, императрицы Всероссийской“.

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

КУРЛЯНДІЯ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ БРАТВРІНЫ ВЕЛИКОЙ

(1795 ГОДЪ)

Въ большинствѣ нашей публики понятія объ отношеніяхъ нашихъ прибалтійскихъ губерній къ Россіи весьма смутны. Въ прежнее, еще не весьма отдаленное, время никому почти на мысль не приходило что между этими губерніями и Россіей существуютъ какія-нибудь особенныя отношенія, и подѣ словами Лифляндская или Курляндская губернія всякій разумѣлъ то что ему хорошо извѣстно и у себя дома, въ какой-нибудь Костромской или Черниговской губерніи. Правда, весьма было распространено мнѣніе что эти губерніи, по населенію, будто бы нѣмецкія, что тамъ все Нѣмцы, и что нигдѣ такъ хорошо не живетъ Нѣмцамъ какъ у насъ, въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Немногіе вѣдали что въ этихъ губерніяхъ Нѣмцы составляютъ лишь меньшинство населенія,—дворянство и городскія сословія,—и что народъ въ этомъ краѣ литовскаго и финскаго племени, вовсе не знающій по-нѣмецки и не имѣющій съ пришлыми Нѣмцами ничего общаго, кромѣ лютеранской вѣры. Небольшое число лицъ, близкихъ къ этому краю, знали однако что значительная часть туземнаго населенія даже по вѣрѣ отдѣлилась отъ Нѣмцевъ и перешла въ православіе. Наконецъ, одни только мѣстные русскіе жители, да нѣкоторые ученые и государственные люди знали о существованіи въ этихъ губерніяхъ особыхъ привилегій данныхъ государями, по завоеваніи этихъ областей,

исключительно нѣмецкому дворянству и нѣмецкимъ горожанамъ. Повторяю, все это знали весьма немногіе и, за малыми исключеніями, не придавали всему этому особеннаго значенія.

Но вотъ намъ начинаютъ говорить что такъ-называемый остзейскій * край не составляетъ нераздѣльной части нашего отечества, что онъ соединился съ Россіей на извѣстныхъ условіяхъ и признаетъ надъ собою русскаго государя подъ условіемъ сохраненія въ неприкосновенности его особенныхъ правъ и хвѣстнаго устройства, какъ бы ни были они отяготительны для тамошняго населенія; намъ говорятъ изъ Дерпта что Россія кончается у рѣки Наровы и Чудскаго озера, и что переступить за эту грань къ Балтійскому морю она не въ правѣ, что Русскіе, не только пріѣзжающіе, но и живущіе въ этомъ краѣ, должны считать себя гостями и не злоупотреблять гостепріимствомъ, почитая себя подъ охраною русскихъ законовъ въ Ригѣ и въ Ревелѣ.

Перелистывая страницы исторіи видимъ что болѣе полутора столѣтія тому назадъ дворянство и горожане Лифляндіи и Эстляндіи, отвоеванныхъ силою оружія въ 1710 году Петромъ Великимъ отъ Швеціи, и закрѣпленныхъ за Россію Ништатскимъ мирнымъ договоромъ, получили отъ великодушнаго побѣдителя обширныя привилегіи, быть-можетъ необходимыя въ то время, но нынѣ безусловно стѣснительныя для остальныхъ жителей края и для другихъ частей государства. Эти привилегіи, исходившія единственно отъ милости завоевателя и данныя имъ безъ предосужденія верховной власти, казалось бы, ѣмъ-то всего могли служить источникомъ какихъ-либо политическихъ притязаній и основаніемъ для однихъ русскихъ подданныхъ, — остзейскихъ горожанъ и дворянъ, — распорядиться въ ущербъ другимъ и глумиться надъ ихъ безправіемъ. Между тѣмъ таково издавна установившееся положеніе вещей въ прибалтійскомъ краѣ.

Курляндія, составляющая со временъ Екатерины Великой одну изъ губерній Россіи и включенная лишь въ 1801 году въ число такъ-называемыхъ „остзейскихъ губерній“, ни по условіямъ на которыхъ она присоединена къ Россіи, ни по

* Остзейскимъ, то-есть восточно-поморскимъ, онъ называется въ отношеніи къ Германіи, а для Россіи этотъ край составляетъ западное поморье и было бы вѣрнѣе называть его *востзейскимъ*, если уже необходимо давать ему нѣмецкое прозвище.

характеру населенія не имѣла ничего общаго съ остальными двумя губерніями этого края и только искусственно приравнена къ нимъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Окончательное же закрѣпленіе ея за этимъ привилегированнымъ краемъ совершилось съ изданіемъ въ 1845 году свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ.

Лифляндія и Эстляндія, до присоединенія ихъ къ Россіи, были, какъ извѣстно, шведскими провинціями, въ 1710 году отвоеваны у Швеціи силою оружія и присоединены къ державѣ Петра Великаго по Ништатскому мирному договору.

Что касается до Курляндіи, то эта третья „нѣмецкая“ губернія, въ концѣ прошлаго столѣтія, безъ выстрѣла, мирно и безусловно признала надъ собою власть Екатерины II, получивъ отъ великой государыни одно завѣреніе что она „имѣетъ пользоваться всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами каковыми древніе подданные россійскіе наслаждаются“.

На чемъ же основаны неслыханныя притязанія вожаковъ анти-русскаго движенія въ остзейскомъ краѣ, грозящихъ порывомъ провинціального патріотизма требующаго будто бы признанія за остзейскими губерніями права не считать себя неразрывно связанными съ Россіей. Притязанія эти основаны единственно на нашихъ собственныхъ ошибкахъ и суть плодъ ложной политической системы усвоенной нами въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Мнимый грозный призракъ созданъ нами же самими, какъ и всѣ наши запутанныя отношенія къ окраинамъ. Иной системы держалась великая государыня, присоединившая Курляндію. Ея дѣйствія въ высшей степени поучительны и въ настоящее время. Считаемъ не лишенымъ интереса изложить въ настоящей статьѣ исторію приобрѣтенія Курляндіи и указать мѣры принятія Екатериной для того чтобы приобрѣтенная область вошла нераздѣльною органическою частію въ общій государственный составъ.

I.

Въ теченіи почти трехъ столѣтій, княжества Курляндское и Семигальское входили въ составъ Ливонскаго ордена, владычествовавшаго нѣкогда на нашемъ балтійскомъ поморьѣ; но выдѣленіе ихъ въ особое владѣніе не было

дѣломъ простаго случая. Совершенное локореніе нынѣшнихъ курляндскихъ земель ордену кончилось лишь во второй половинѣ XIII столѣтія (то-есть почти сто лѣтъ спустя по водвореніи Меченосцевъ въ Ливонію), и съ этого времени, къ которому относятся основаніе главнѣйшихъ курляндскихъ замковъ, въ томъ числѣ и Митавскаго, можно уже подмѣтить различіе въ складѣ жизни двухъ частей ордена по обѣимъ сторонамъ рѣки Двины.

Въ нынѣшней Лифляндіи земли были раздѣлены между орденомъ, епископами и городомъ Ригю. Рижскій еписколъ былъ возведенъ въ этотъ санъ въ началѣ XIII столѣтія, и подъ сѣнью епископской власти стали возникать въ краѣ промышленные пункты, наполняемые постепенно выходцами изъ германскихъ городовъ; они не признавали надъ собою власти ордена, тѣсно строились для защиты отъ его нападений и примыкали къ епископамъ во время борьбы ихъ съ гермейстерами.

Между тѣмъ Курляндія, хотя и подчиненная въ духовномъ отношеніи рижскимъ епископамъ, но угрожаемая набѣгами латовцевъ, не привлекла къ себѣ промышленной и торговой дѣятельности; въ ней не возникло сильныхъ городовъ, подобно Ригѣ, Дерпту и Ревелю. Курляндскіе города дѣлились вокругъ комтурскихъ укрѣпленныхъ замковъ. Комтуры представляли какъ бы намѣстниковъ ордена въ этой странѣ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся административная власть рыцарства, распространявшаяся здѣсь безъ всякаго сопротивленія и соперничества.

Исключительное преобладаніе рыцарства сообщило этому краю тотъ особенный баронскій характеръ который онъ сохранилъ и понынѣ.

Рыцарство курляндское составляло особый округъ, имѣло своего ландмаршала въ Митавѣ, и было лишь косвенно заинтересовано въ борьбѣ ордена съ рижскими епископами, не имѣвшими надъ этою частью ордена почти никакого вліянія. Къ тому же еще предъ распаденіемъ ордена аугсбургское исповѣданіе распространилось по Ливонію и Курляндію. Курляндское рыцарство было богаче лифляндскаго и нисколько не тяготѣло къ Ригѣ; его симпатіи были исключительно феодальныя, и оно болѣе склонялось къ возникавшей тогда Пруссіи. Внутренній складъ управленія страны тотчасъ по отдѣленіи ея и даже самыя названія должностей были совсѣмъ

инья чѣмъ въ Лифляндіи. Курляндія раздѣлена была на четыре оберъ-гаултманства и восемь гаултманствъ; въ каждомъ были особые дворянскіе суды, юрисдикція которыхъ распространялась и на города; представительство страны (исключительно дворянское) заключалось въ сеймъ, на который являлись депутаты отъ приходоѡвъ. Въ такомъ видѣ формы самобытнаго управленія были уже выработаны въ Курляндіи, когда въ 1562 году Ливонскій орденъ, угрожаемый русскимъ оружіемъ, распался на части, и Курляндія выдѣлилась въ особое владѣніе. Готгардъ Кетлеръ, бывшій послѣднимъ гермейстеромъ ордена, сдѣлался курляндскимъ герцогомъ въ ленной зависимости отъ Польши.

Это маленькое олигархическое государство, имѣя всѣ необходимыя данныя для процвѣтанія землевладѣльческаго класса, сумѣло однакоже достигнуть, хотя и на короткое время, нѣкотораго торговаго и политическаго значенія; но мнимое его величіе было скоротечно какъ сонъ; несостоятельность его обнаруживалась при малѣйшемъ столкновеніи между могущественными государствами, среди которыхъ оно находилось.

Окаймленное моремъ на протяженіи 320 верстъ, герцогство Курляндское имѣло двѣ хорошія естественныя гавани (Либаву и Виндаву), и по окраинѣ узкой полосы его земель, тянувшейся къ юго-востоку отъ Курляндскаго полуострова, протекала почти триста верстъ величественная рѣка Двина; самый же полуостровъ, составлявшій главную часть страны, орошали рѣки Аа и Виндава съ многочисленными притоками; почва края такъ благодарна что произведенія ея съ избыткомъ удовлетворяли мѣстныя нужды и доставляли обильный сбытъ за границу и въ сосѣднія области. Чудесныя замки, построенныя на живописныхъ холмахъ и окруженныя густыми дубовыми рощами, придавали странѣ интересный и живописный характеръ. Замки эти сохранились въ значительномъ числѣ еще до нынѣ. Обширные курляндскіе лѣса служили матеріаломъ для сельскихъ построекъ и для сбыта за границу и доставляли развлеченіе благороднымъ баронамъ, оживлявшимъ ихъ по временамъ звуками роговъ и охотою за дикими звѣрями, которыми курляндскіе лѣса тогда еще изобиловали. Населеніе страны не превышало въ то время двухсотъ тысячъ; но сравнительно съ сосѣдними областями, при незначительности своего объема, Курляндія была хорошо заселена.

При такихъ условіяхъ житье герцоговъ было самое завид-

ное; у нихъ былъ хорошій замокъ въ Митавѣ * и три загородные дворца въ Руэнталѣ, Вюрцау и Грюнгофѣ. Хотя они пользовались доходами болѣе чѣмъ съ трети земель государства, и хотя судьи и пасторы, вмѣсто жалованья, имѣли также въ своемъ пользованіи довольно значительныя имѣнія, но герцоги не довольствовались этимъ, и увлекаемые по временамъ честолюбивыми замыслами, содержаніемъ пышнаго двора и веденіемъ дорого стоившихъ интригъ при дворахъ могучихъ сосѣдей, постоянно вовлекались въ долги и принуждены были отдавать коронныя имѣнія подъ залогъ своимъ же арендаторамъ; войско ихъ состояло изъ двухсотъ человекъ гвардейскихъ кавалеристовъ и изъ лятисотъ человекъ пѣхоты; но въ крайнихъ случаяхъ созывалось земское ополченіе. У герцоговъ была своя завоевательная политика: Пильтенскій округъ, составлявшій небольшой клочокъ земли на самой оконечности полуострова, получившій по смерти принца Магнуса и подъ покровительствомъ Польши самостоятельное устройство, былъ у нихъ какъ бѣльмо на глазу. Не разъ успѣвали герцоги овладѣть имъ, но польскіе короли вмѣшивались въ дѣло и прелятствовали честолюбивымъ замысламъ герцоговъ.

Вліяніе Польши на Курляндію вообще было незначительно: оно отразилось только въ томъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прилегающихъ къ Польшѣ уцѣлѣлъ католицизмъ, и по всей Курляндіи расселились Евреи, составившіе значительную часть городского населенія. Польское правительство вмѣшивалось, само собою разумѣется, въ раздоры герцоговъ съ сеймами, высылало своихъ комиссаровъ, раздувавшихъ эти раздоры, заявляло неоднократно намѣреніе совершенно покончить съ курляндскою самостоятельностью; но ненависть къ католицизму была здѣсь слишкомъ сильна для того чтобы такой планъ могъ легко осуществиться, тѣмъ болѣе что вскорѣ звѣзда Польши стала меркнуть, и Курляндія должна была выносить тяжелыя послѣдствія войны ея со Швеціей.

Семь герцоговъ изъ дома Кетлера управляли Курляндіей въ теченіи 175 лѣтъ. При третьемъ изъ нихъ, внукѣ Готтгарда Кетлера, герцогѣ Яковѣ, страна достигла наибольшаго процвѣтанія. Онъ княжилъ тридцать девять лѣтъ (1642—1681), и поднявъ жудрымъ правленіемъ маленькую страну свою

* Нынѣшній митавскій замокъ построенъ при герцогѣ Биронѣ по плану Растрелли.

на высшую степень возможнаго для нея значенія, но затѣмъ былъ свидѣтелемъ величайшихъ ея бѣдствій и самъ страдалъ въ лѣтну у Шведовъ, нахлынувшихъ на его отечество.

Въ первыя двадцать лѣтъ своего управленія онъ положилъ основаніе нѣсколькимъ фабрикамъ, употребилъ всѣ усилія для оживленія городской жизни, жалую болѣе значительнымъ поселеніямъ городскія права; но что всего замѣчательнѣе, онъ построилъ до сорока военныхъ и шестьдесятъ купеческихъ судовъ; курляндскій флагъ развѣвался у береговъ Африки, гдѣ предприимчивые Нѣмцы основали небольшія колоніи въ Гвинее и Гамбіи, и въ восточныхъ моряхъ на островахъ Табаго и Св. Андрея. Англія и Голландія не брезгали союзомъ герцога, агенты котораго принимали участіе въ дѣлахъ европейской политики. Но настала буря: Швеція, не довольствуясь приобрѣтеніемъ отъ Польши всей Лифляндіи или, правильнѣе, желая упрочить за собой это завоеваніе Густава-Адольфа, объявила войну Рѣчи Посполитой. Герцогъ курляндскій, какъ обязательный ея союзникъ, умолялъ о нейтралитетѣ; ему обѣщали не трогать его владѣній; но это было не такъ легко исполнить во время войны, тѣмъ болѣе что и поведеніе герцога, сколько можно судить, было двусмысленно;* а потому шведскій главнокомандующій Дугласъ занялъ въ 1658 году Митаву, взявъ въ лѣтну герцога и подвергъ страну опустошенію; только по заключеніи въ 1660 году Оливскаго мира, по которому Лифляндія сдѣлалась окончателно шведскою провинціей, герцогъ Яковъ вернулся въ свое отечество и засталъ его въ самомъ бѣдственномъ положеніи; города были разрушены, огромныя стада истреблены и, что всего ужаснѣе, флотъ былъ расхищенъ во время неурядицы. Онъ пытался было сохранить свои колоніи; но Англичане и Голландцы, захватившіе ихъ, предъявили такія условія что Яковъ долженъ былъ отступить.

Не успѣла Курляндія оправиться отъ послѣдствій шведско-польскаго погрома, какъ уже возгорѣлась великая Сѣверная война. На этотъ разъ не только Поляки и Шведы, но и саксовскія и русскія войска опустошали и занимали этотъ край. Курляндія не знала кого ей придерживаться. Услѣхъ оружія былъ сначала на сторонѣ Шведовъ; Карлъ XII безцеремонно

* Kruse, *Kurland unter den Herzögen*, 1833 г. ч. I; ссылаюсь и на статью г. Вольдемара (*Русск. Вѣстн.* декабрь 1869 г. стр. 384).

завлаъ Митаву въ 1701 году; войска его грабили городъ, и даже тѣла курляндскихъ герцоговъ, мирно покоившіяся въ склепѣ подъ замкомъ, были выброшены изъ гробовъ;* но Карлъ перенесъ поле дѣйствія въ Польшу, и Петръ Великій 5го сентября 1705 года торжественно вступалъ въ Митаву, поручивъ князю Меншикову занятіе всей страны.

Уже не въ первый разъ вступалъ Петръ I на курляндскую землю. Еще въ 1699 году, когда онъ отправлялся въ свое заграничное путешествіе, онъ посѣтилъ Митаву и, осмотрѣвъ Либавскій портъ, похвѣлъ изъ него далѣе моремъ. Быть-можетъ, тогда же въ головѣ государя созрѣла мысль о господствѣ на Балтійскомъ морѣ.

Сокрушивъ могущество Карла подъ Полтавой, Петръ снова перенесъ свое оружіе въ Ливонію, и въ 1710 году весь край тотъ призналъ надъ собой его господство. Шведскихъ войскъ почти вовсе въ немъ не было, и жители страны, предоставленные самимъ себѣ, заключили съ русскимъ главнокомандующимъ Шереметевымъ извѣстныя капитуляціи, въ основаніи которыхъ лежало сохраненіе за первенствующими сословіями правъ и преимуществъ, утвержденныхъ нѣкогда Сигизмундомъ III.

Капитуляціи эти были въ послѣдствіи утверждены государемъ, хотя и не безоговорочно, а изъ сохранившихся документовъ, мы ясно видимъ какъ мало мудрый государь стѣснялся узкими мѣстными привилегіями, когда дѣло шло объ общественной, или государственной пользѣ.**

Урочивъ за собою обладаніе всею Лифляндіей и Эстлян-

* Орловскій: *Описаніе города Митавы въ Статистическихъ очеркахъ Курляндіи*. 1862 г.

** Въ *Русскихъ новеллахъ* г. W. изданныхъ въ Москвѣ въ 1865 году на стр. 3 и 4 указаны два неизданные указа Петра, коими онъ воспрещаетъ магистрату города Риги самовольно расходовать общественныя суммы. Указы эти были и въ нашихъ рукахъ, и мы сняли съ нихъ копию для опубликованія въ особомъ изданіи. Укажемъ также на собственноручную резолюцію Петра по докладу генералъ-губернатора князя Рѣпина, затруднявшагося предстоявшимъ избраніемъ дворянъ на свободныя ландратскія мѣста: „чинить по ихъ привилегіи; писалъ государь 22го мая 1721 года, а дѣлать чтобъ выбирали надежныхъ и для того чрезъ тѣхъ кои повѣрше мочно на тѣхъ которые надобныя голоса дать; хотя и меньше другихъ будетъ — оныхъ ставить“.

дѣй, Петръ устремилъ свои взоры и на Курляндію; но такъ какъ она была подъ покровительствомъ тогдашней союзницы нашей, Польши, и ко враждебнымъ съ нею дѣйствіямъ явнаго повода не было, то государь избралъ иного рода политику. Въ октябрѣ 1710 года онъ выдалъ замужъ племянницу свою Анну Іоанновну за герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма; но неудача встрѣтила въ этомъ дѣлѣ государя на первыхъ же порахъ. Герцогъ скончался черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, безъ потомства, и престолъ курляндскій достался старому дядѣ его, Фердинанду, вовсе не расположенному къ Россіи. Петръ не считалъ даже возможнымъ оставлять въ Курляндіи войска и слѣшилъ выводомъ ихъ въ Лифляндію. По счастью, Фердинандъ ссорился постоянно съ дворянствомъ, жилъ по большей части въ Данцигѣ, и съ нимъ долженъ былъ пресѣчься домъ Кетлеровъ; но тѣмъ не менѣе Петръ I имѣлъ причины кося поглядывать на курляндскія интриги, ибо страна эта хотѣла добиться во что бы то ни стало отдѣльнаго мира между польскимъ королемъ (въ то же время и саксонскимъ курфирсгомъ) и Швеціей. Освѣдомившись, въ январѣ 1714 г., что нѣсколько саксонскихъ полковъ направляются въ Курляндію, государь совѣтовалъ рижскому губернатору князю Голицыну „отъ этихъ сосѣдей имѣть добрую осторожность, дабы вамъ незално чего не учинили“,—„ибо мы слышали, прибавляетъ онъ, что король ихъ едвали не сдѣлалъ угоднаго Курляндіи мира съ Шведами.“ *

Успокоившись въ этомъ отношеніи и рѣшившись постепенно распространить русское вліяніе и на Курляндію, Петръ отправилъ въ октябрѣ 1715 года герцогиню Анну въ Митаву и чрезъ назначеннаго состоять при ней гофмаршала Петра Бесгужева, „которому приказано смотритъ надъ ландратами“, распорядился тамъ какъ у себя дома ** не только до заключенія въ 1721 г. мира, но и послѣ того. Бесгужевъ подвизался въ Митавѣ до самаго вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, положивъ тамъ прочное начало нашему преобладанію.

По окончаніи Сѣверной войны, когда Россія такъ грозно

* Именные указы находящіеся въ архивѣ рижскаго зѣмка.

** Возвращаясь изъ Голландіи въ 1717 году, Петръ приказывалъ рижскому губернатору готовить для него подводы какъ въ Лифляндіи, такъ и въ Курляндіи.

наступилась надъ Балтійскимъ моремъ, небольшая партія приверженцевъ герцога Фердинанда всполошилась, и всевозможныя интриги противъ Россіи были плуцены въ ходъ; но Бестужевъ не дремалъ, а войска Петра были всегда въ готовности на границѣ. Въ приводимомъ здѣсь для примѣра государевомъ писемъ * къ рижскому генераль-губернатору князю Рѣшнину, весьма живо обрисованы эти безплодныя дворянскія попытки: „предъ симъ писалъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ что оберъ-гауптманъ Рекъ въ Курляндіи постулялъ противно нашему интересу и лотомъ по разговорамъ его Бестужева тѣ противныя постулки чинить пересталъ, а нынѣ оны же Бестужевъ пишетъ что помянутой Рекъ, взявъ съ собою адвоката Вишмана, поѣхалъ въ Гданскъ, ** а изъ Гданска хотѣлъ ѣхать для дѣлъ князя Фердинанда въ Варшаву, и ежели оны полпрежнему будетъ противности чинить, то въ Курляндскія его маестности командируйте роту или больше драгунъ, смотря по прелорціи его деревень, и велите имъ брать для себя провіантъ и фуражъ“.

При такомъ рѣшительномъ тонѣ со стороны Россіи, и въ виду развитія ея могущества и благоустройства, одновременно съ замѣтнымъ уже въ то время уладкомъ Польши, мысль о возможности признанія надъ собой покровительства Россіи мало-по-малу проникала въ самыя вліятельныя сферы курляндскаго рыцарства. По воцареніи Екатерины I была даже сдѣлана попытка возвести на курляндскій престолъ князя Мешакова; но лишь чрезъ десять лѣтъ другой, болѣе счастливый временщикъ достигъ короны Кетлеровъ.

Бестужевъ, между тѣмъ, ссужалъ герцогскому правительству деньги для уплаты долговъ по заложеннымъ имѣніямъ, но пристраждалъ эти же имѣнія въ обезпеченіе своихъ ссудъ, а по избраніи герцогини Анны на російскій престолъ, оставался главнымъ ея въ Митавѣ повѣреннымъ. Анна Іоанновна, вступивъ на императорскій престолъ, осылала разными милостями своихъ Курляндцевъ. Ландъ-гофмейстеру Бракелю былъ посланъ орденъ Андрея Первозваннаго съ генераль-поручикомъ Балкомъ, *** въ Митавѣ былъ основанъ дѣтскій пріютъ, ****

* Отъ 7го марта 1722 года, съ Петровскихъ заводовъ.

** Гдѣ находилася въ то время герцогъ Фердинандъ.

*** Именные указы 1730 года.

**** Орановскій. Статист. описаніе Курляндской губ. 1862 г.

всвозможныя милости посылались на Бирона и его родню; но вскорѣ было велѣно разставить по курляндскимъ границамъ по той сторонѣ р. Двины войска „для смотрѣнія на дѣла въ Курляндіи происходящія“. Дѣло въ томъ что русская агитація была тамъ въ полномъ ходу, и требовались мѣры къ устрашенію противной партіи. Вліяніе наше на Курляндію достигло въ это время такихъ размѣровъ что, послѣ кончины въ 1737 году драхлаго герцога Фердинанда, курляндское рыцарство, подъ вліяніемъ рижскаго губернатора Бисмарка и двинутыхъ къ Митавѣ войскъ,* почти единогласно избрало герцогомъ своимъ оберъ-камергера императрицы, графа Бирона. Польскій король утвердилъ это избраніе въ угодность Россіи.

Управляемая русскимъ вельможей изъ Петербурга, Курляндія, казалось, неминуемо должна была войти въ скоромъ времени въ составъ Россіи; но съ паденіемъ и ссылкой герцога Бирона, наши курляндскія дѣла приняли весьма неблагоприятный оборотъ.

Императрица Елизавета Петровна вызвала Бестужева ко двору, предоставивъ наши интересы въ Курляндіи на поличіе Курляндца камергера Бутлера, политика котораго была крайне двусмысленна и вскорѣ стала беспокоить наше правительство. 18ть лѣтъ Курляндія оставалась безъ герцога и была управляема верховнымъ совѣтомъ изъ шести савоянниковъ, лишныя титулы которыхъ перешли въ послѣдствіи къ нынѣшнимъ совѣтникамъ курляндскаго оберъ-гофгерихта, то-есть судебной палаты.

Лѣтомъ 1743 года до Петербурга стали доходить слухи о томъ что Бутлеръ распродаетъ свои курляндскія имѣнія и намѣреваетсѣ при удобномъ случаѣ перебраться въ Пруссію. Это не могло быть пріятно нашему правительству, которое въ лицѣ Бутлера надѣялось имѣть надежнаго представителя своихъ интересовъ, поручивъ ему даже сборъ доходовъ съ заложенныхъ герцогскихъ имѣній. Для удостовѣренія въ истинѣ этихъ слуховъ, рижскому вице-губернатору Еролкину поручено было командировать въ Митаву полковника Воейкова.

Появленіе его въ Митавѣ было крайне непріятно Бутлеру, который, повидимому, хорошо понималъ цѣль его посѣщенія.

Изъ донесенія Воейкова** оказалось что Бутлеръ дѣйстви-

* *Вѣстникъ Европы*. 1867 г. томъ II стр. 128 (ссылка на записки Манштейна о Россіи).

** Архивъ рижскаго зѣмка. Въ собраніи имен. указ. за 1743 годъ.

только распродалъ всѣ свои курляндскія имѣнія, сохранилъ только домъ въ Митавѣ и долю въ позументной фабрикѣ, на которую онъ также искалъ покупателя, увѣряя что она мало приноситъ дохода. Вырученныя же деньги онъ употребилъ на покупку нѣсколькихъ имѣній въ Литвѣ, а часть ихъ (до шести тысячъ талеровъ) перевелъ въ Голландію.

Хотя подобный переводъ состоянія былъ и самъ по себѣ крайне подозрителенъ, одно обстоятельство было въ немъ еще болѣе неблагопріятно: Бутлеръ находился въ тѣсной дружбѣ съ шуриномъ своимъ оберъ-гаултманомъ Рекке, „который при всякихъ случаяхъ оказываетъ себя доброжелательнымъ къ сторонѣ Прусской“ и, какъ было слышно, находился и у Прускаго короля „въ консидераціи“. Это тотъ самый Рекке, на котораго грозился еще Петръ Великій за постоянныя его интриги. Можно было при этомъ предполагать что Бутлеръ черезъ Рекке „какого-либо въ Пруссакъ основанія ищетъ“ и во всякомъ случаѣ себя для Курляндіи не прочитъ, — а Бутлеръ и фонъ-деръ-Рекке были людьми вліятельнѣйшими и богатѣйшими въ краѣ....

Здѣсь кстати упомянуть о давнихъ домогательствахъ Пруссіи по отношенію къ нашимъ прибалтійскимъ губерніямъ и особенно по отношенію къ Курляндіи. Тевтонскій орденъ, изъ котораго въ XVI столѣтіи возникло Прусское государство, имѣлъ еще съ XIII столѣтія верховный протекторатъ надъ всеми владѣніями Ливонскаго ордена. Эстляндія перешла во владѣніе послѣдняго изъ рукъ Датскаго короля лишь чрезъ посредство Тевтонскихъ гроемейстеровъ. Многіе изъ рижскихъ епископовъ и гермейстеровъ были избраны по вліянію Тевтонскаго ордена и курфирстовъ Бранденбургскихъ. Послѣднимъ рижскимъ архіепископомъ былъ Вильгельмъ маркграфъ Бранденбургскій, имя и изображеніе котораго намъ довелось видѣть на одной изъ рижскихъ монетъ того времени.

Съ распаденіемъ ордена, вліяніе Пруссіи должно было естественно ослабнуть въ его прежнихъ владѣніяхъ подлавишихъ цеземной власти, но за то Курляндія съ этого времени начинаетъ особенно сближаться съ нею: Лубава, была заложена Готтардомъ Кетлеромъ, въ составъ Гробинскаго округа, Альберту Бранденбургскому *, и только сынъ Готтарда, женившись на дочери курфирста, освободилъ ее въ послѣдствіи

* Kruse. *Kurland unter den Herzogen*. 1833. ч. I, стр. 72.

изъ залога. Три герцога изъ дома Кеттлеровъ одинъ за другимъ были женаты на дочерахъ бранденбургскихъ курфюрстовъ; * курляндское дворянство, принявшее одновременно съ прусскимъ аугсбургское исповѣданіе и сходное съ нимъ по языку, обычаямъ и преданіямъ, посылало дѣтей своихъ на воспитаніе въ Пруссію, и многіе Курляндцы находились въ прусской службѣ. Первые прусскіе короли поддерживали и обнадеживали партію послѣдняго герцога Фердинанда, враждебную Россіи и умѣли въ послѣдствіи склонить въ свою пользу многихъ вліятельнѣйшихъ членовъ главнаго курляндскаго управленія. Отецъ Фридриха Великаго, Фридрихъ Вильгельмъ I (1713—1740) безнаказанно вербовалъ въ свою гвардію людей въ Курляндіи и даже на островѣ Эзелѣ, и тамошніе жители охотно шли въ прусское войско, несмотря на строгія противъ того мѣры русскаго правительства. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, правительство наше употребляло также самыя дѣятельныя усилія къ преслѣдованію и открытію прусскихъ шпионовъ, проникавшихъ даже въ Лифляндію. Лифляндецъ Стакельбергъ, до начала Семилѣтней войны, имѣлъ весьма подозрительныя сношенія съ Прусскимъ королемъ. Изъ обширной переписки канцлера Бестужева съ фельдмаршаломъ Ласса, бывшимъ въ то время лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, видно что, съ самаго вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, Россія не имѣла покоя отъ внимательства Пруссіи въ ея лифляндскія и курляндскія дѣла и сильно опасалась въ то время, до принятія нами участія въ Семилѣтней войнѣ, честолюбивыхъ притязаній Фридриха на эти области. ** Въ концѣ царствованія этой государыни, когда она наконецъ склонилась на домогательство польскаго короля Августа III объ избраніи на курляндскій престолъ, оставшійся такъ долго празднымъ, его сына, принца Карла, русское вліяніе на Курляндію еще болѣе ослабѣло, а прусское усилилось. Когда въ послѣдствіи Петръ III пытался, пользуясь несогласіями возникшими между курляндскимъ сефимомъ и герцогомъ Карломъ, удалить его и возвратить престолъ Бирону, склонивъ послѣдняго на уступку своихъ правъ въ пользу дяди императора, герцога Георга Гоальштейнъ-Гот-

* Тамъ же. Приложеніе 6е.

** Документы рижскаго архива. Именные указы 1744, 1745 и 1746 годовъ.

торискаго, тогда предложено было внести это обстоятельство особю статью въ заготовленный, но не получившій, за смертью императора, силы мирный трактатъ съ Пруссіей и возвести принца Георга на престолъ подь прусскою гарантіей, какъ будто безъ этой гарантіи Россія оказывалась безсильною дѣйствовать самостоятельно!

Г. Щебальскій, въ интересномъ изслѣдованіи своемъ, *Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III*,* живо описывая разнородныя вліянія, дѣйствовавшія тогда въ Курляндіи, приходитъ къ заключенію что „политика наша по этому вопросу въ кратковременное царствованіе Петра III должна была привести или къ нравственному подчиненію прибалтійскаго края Пруссіи, или къ образованію изъ него отдѣльнаго немецкаго владѣнія“. Возможность подобнаго результата кажется намъ несомнѣнною и еще болѣе выясняется всѣмъ тѣмъ что нами сказано о систематическомъ стремленіи Пруссіи вмѣшиваться въ курляндскія дѣла. Мудрости и постоянству Екатерины, умѣвшей отклонить алчные взоры Фридриха на польскія земли, мы обязаны тѣмъ что во-время предупредили Пруссію и, съ присоединеніемъ Курляндіи, приобрѣли на Балтійскомъ морѣ тотъ перевѣсъ, который это маленькое герцогство должно было дать тому изъ двухъ могучихъ своихъ сосѣдей который прежде въ немъ утвердился и, если донынѣ мы не извлекали и сотою доли всѣхъ выгодъ подобнаго перевѣса, будущность остается во всякомъ случаѣ за нами, и никакія естественныя преграды не препятствуютъ уже нашей дальнѣйшему развитію на Балтійскомъ морѣ.

II.

Новая жизнь повѣяла надъ Россіей съ воцареніемъ Екатерины (1762 г.). Тѣ же самыя силы Россіи, но направленные надлежащимъ образомъ, приобрѣли въ рукахъ ея совсѣмъ иное значеніе, иную цѣну. Русскія войска, дѣйствовавшія по повелѣнію Петра III заодно съ прусскими, въ ущербъ самымъ дорогимъ интересамъ Россіи, были отозваны въ отечество. Курляндскій престолъ былъ возвращенъ престарѣлому, опальному Бирону, поставленному въ прямую подчиненность Россіи,

* *Русскій Архивъ* 1866 г. № 3.

и на этотъ разъ не потребовалось уже никакихъ гарантій со стороны Прусскаго короля. Тотъ нашъ сношеній съ иностранными державами измѣнился, да и Фридрихъ Великій заговорилъ вскорѣ другимъ языкомъ. Онъ сталъ искать расположенія Екатерины, чтобы при ея содѣйствіи расширить свои владѣнія на счетъ Польши. Ему уже было не до Курляндіи.

Наблюдая *небрежаннымъ окомъ* за всѣми интересами Россіи, Екатерина, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратила вниманіе на наше балтійское побережье. Утвердивъ прежде всего Бирона на курляндскомъ престолѣ, она считала дѣло курляндское обезпеченнымъ до успѣшнаго разрѣшенія польскаго вопроса, въ связи съ которымъ оно находилось и развязку коего она предвидѣла. Поэтому государыня не торопилась съ Курляндіей; первые десять лѣтъ ея царствованія не произвели особыхъ перемѣнъ въ положеніи этой страны: усилились только притязанія Польши, стоявшей за интересы изгнаннаго изъ Курляндіи, при содѣйствіи императрицы, герцога Карла. Въ 1769 году мирно окончилъ жизнь свирѣбый съ Русскими и кроткій съ Нѣмцами герцогъ Биронъ; а сынъ его, Петръ, занялъ престолъ отца, расточая предъ русскою государыней увѣренія въ неизмѣнномъ послушаніи.

Въ 1772 году пробилъ часъ для Польши. Пруссія, Австрія и Россія подѣлили между собою части ея областей, сохранивъ ей призракъ существованія. Съ этой минуты могущество Россіи получило особенно притягательную силу для Курляндіи. Польша, покровительница ея, сдѣлалась покорнымъ орудіемъ Россіи; ясно было для всякаго что конецъ ея близокъ, а потому и Курляндское герцогство должно было подумать о своей участи. Россія, тѣмъ временемъ, преобразилась. Твердая, но кроткая государыня управляла ея судьбами; образованіе распространялось между ея жителями, полезныя нововведенія обнимали всѣ отрасли управленія, и русское имя можно было носить съ достоинствомъ въ Европѣ.

Екатерина, не измѣняя видовъ своихъ на Курляндію и поддерживая благоприятную перемѣну въ умахъ тамошняго дворянства, не считала однакоже нужнымъ прибѣгать къ излишнимъ приманкамъ и не скрывала своихъ намѣреній относительно управленія своими тогдашними нѣмецкими подданными. Издавъ въ 1775 году учрежденіе о губерніяхъ, она повѣла въ 1783 году ввести его въ Лифляндію и Эстляндію, управлявшихся дотолѣ на особомъ основаніи. Она была непре-

Кювна, несмотря на протестъ мѣстныхъ привилегированныхъ сословій. Городовое положеніе 1785 г. встрѣтило не меньшее противодѣйствіе въ городскихъ учрежденіяхъ, лежавшихъ невыносимымъ гнетомъ на самихъ обывателяхъ этихъ городов; но еще за два года до изданія этого закона, императрица лично убѣдилась, во время вторичнаго своего путешествія по Лифляндіи, * въ неудовлетворительности существовавшаго тамъ управленія.

Одинъ иностраннй писатель, въ сочиненіи своемъ о Лифляндіи, изданномъ въ 1817 г., восторженно отзываясь ** о благодѣтельномъ управленіи Русскихъ государей въ этой области, отзывается однако, съ чужаго голоса, съ сожалѣніемъ о мѣрахъ Екатерины Великой въ отношеніи прибалтійскихъ губерній. „Эта великая государыня, пишетъ онъ, уступая, быть можетъ противъ своей воли, вліянію господствовавшихъ въ то время *философскихъ* идей, возымѣла мысль о нивелировкѣ и объединеніи своихъ владѣній; распоряженія ея *распространили ужасъ* между населеніемъ страны, желавшимъ сохранить свои *политическіе* интересы.“ Не то ли же самое говорится и нынѣ? Вся разница только въ томъ что мѣсто философскихъ идей заняла нынѣ *крайняя русская партія*; но *ужасъ* екатерининскихъ временъ, вѣроятно, ничѣмъ не отличался отъ того который высказывается въ современныхъ намъ остзейскихъ адресахъ и иностранныхъ памфлетахъ.

Мы не остановились бы на этомъ отзывѣ иностранца, мало понимающаго интересы Россіи, еслибы мнѣніе его не было важно какъ доказательство постоянства и однородности средствъ употребляемыхъ въ этихъ областяхъ противъ Русскаго государства.

Легко понять какія чувства руководили государыней въ отношеніи ея вѣмецкихъ подданныхъ. Она сама была Нѣмка родомъ; ни одинъ актъ ея управленія, ни одно слово изъ ея сочиненій и переписки, ни одинъ отзывъ ея изъ тѣхъ которые дошли до насъ, не указываютъ на нерасположеніе ея къ Нѣмцамъ. Склонность къ философскимъ идеямъ вѣка, конечно,

* Императрица въ первый разъ посѣтила Лифляндію въ 1764 году. Въ эту же поѣздку она посѣтила и Митаву, гдѣ была принята герцогомъ Бировомъ и курляндскими чинами съ величайшимъ почетомъ и энтузіазмомъ.

** *Essai critique sur l'histoire de Litonie.* Comte de Bray.

уступила бы много соображеніямъ благоразумія, и она, безъ сомнѣнія, не пожелала бы возбуждать своихъ лифляндскихъ подданныхъ въ то время когда подготавлила мирное владычество въ Курляндіи. Но дѣло въ томъ что ничего подобнаго не было. Екатерина достовѣрно знала что вводя общія положенія въ Остзейскихъ губерніяхъ, она дѣлала имъ благодѣяніе. Преданность и ревность Остзейцевъ она знала и цѣнила; но, въ случаѣ ихъ строптивости, сумѣла бы обойтись одними русскими силами. Умъ ея былъ по преимуществу умъ государственный, чуждый узкихъ и эгоистическихъ мѣстныхъ возрѣній; никакая сила въ мірѣ не могла бы ее убѣдить въ пользу сохраненія дворянскихъ и городскихъ привилегій Балтійскаго края. Въ главныхъ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и въ этомъ случаѣ, она руководилась любовью и уваженіемъ къ великому и доброму народу, судьбою котораго управляла и духъ котораго она понимала едва ли не лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Взглядъ императрицы на иностранцевъ и иныхъ подданныхъ ея государства, управлявшихся по особымъ учрежденіямъ, былъ весьма простъ и ясенъ: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія, писала она князю Александру Вяземскому, суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было; однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью *глупость*. Сія провинція, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому чтобъ они перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу.“

Подобныя мысли, хотя и высказанныя въ секретнѣйшемъ наставленіи генераль-прокурору, * не могли оставаться тайной, и Курляндцы должны были ловить что ихъ ожидало подъ рускими скипетромъ. Но между ними не было особенно сильныхъ колебаній, не было даже попытокъ устремить снова взоры на Пруссію; напротивъ того, русская партія въ Курляндіи возрастала съ каждымъ годомъ и пріобрѣтала самыхъ значительныхъ членовъ. Этому не мало содѣйствовалъ одинъ замѣчательно талантливый человекъ того времени, избранный

* Въ *Чтеніяхъ Имл. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1858 г., книга I. Слѣсь, стр. 104.

императрицей для веденія курляндскихъ дѣлъ; мы говоримъ о баронѣ Паленѣ.

Баронъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ (въ послѣдствіи графъ) былъ изъ числа тѣхъ русскихъ Нѣмцевъ которые, дорого цѣня свои способности, были всегда надежными слугами русскаго правительства, но для которыхъ интересы Россіи были по преимуществу орудіемъ къ достиженію собственныхъ цѣлей. Было бы безразсудно и несправедливо относиться безучастно къ заслугамъ подобныхъ лицъ за то только что они не были одушевляемы въ своей полезной дѣятельности горячею любовью къ общему отечеству, а руководились совершенно особаго рода усердіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо взвѣшивать и заслуги ихъ съ особенною осторожностью. Люди эти бывають хороши въ хорошихъ рукахъ и опасны при чьихъ условіяхъ. Таковъ былъ графъ Паленъ. Въ царствованіе Екатерины Великой онъ успѣлъ оказать Россіи едва ли не великія услуги; съ перемѣной правленія онъ съ тѣмъ же усердіемъ, дѣйствуя въ ущербъ Россіи, сталъ разрушать дѣло своихъ же рукъ.

Уроженецъ Эстляндіи, принадлежа къ одной изъ лучшихъ тамошнихъ фамилій, баронъ Паленъ, 16ти лѣтъ отъ роду, вступилъ въ конную гвардію и на другой же годъ принималъ участіе въ неудачныхъ походахъ нашихъ въ Пруссію (1761 и 1762 г.), затѣмъ, уже въ чинѣ майора, онъ отличился при штурмѣ Бендеръ въ 1770 году и, награжденный Георгіевскимъ крестомъ, отправился на время на родину.

Въ 1773 году онъ женился на дѣвицѣ Юліи Шелангъ, дочери богатаго курляндскаго ландмаршала*, и съ того времени сталъ видимо тяготѣть къ Курляндіи. Семейство его жены было однимъ изъ вліятельнѣйшихъ. Домъ Шеланговъ красуется и въ настоящее время какъ одно изъ лучшихъ зданій въ Митавѣ. Баронъ Паленъ, связанный съ Россіей тѣсными служебными интересами и желая въ то же время упрочиться въ Курляндіи, находился въ такомъ положеніи которое естественно побуждало его желать совершеннаго соединенія Курляндіи съ Россіей, тѣмъ болѣе что обстоятельства этому благоприятствовали. Покидая свое сельское уединеніе лишь для военныхъ подвиговъ, онъ собиралъ вокругъ себя партію самыхъ вліятельныхъ членовъ курляндскаго рыцарства, между

* Членъ верховнаго совѣта.

которыми мало-по-малу утверждалъ свое мнѣніе о необходимости прибѣгнуть подъ покровительство Россіи. Роль его сдѣлалась гораздо рѣшительнѣе, когда, послѣ Шведской войны 1789 и 1790 годовъ, въ которой онъ отличался особливою храбростію, и по исполненіи чрезвычайнаго посольства въ Стокгольмъ, для привѣтствія новаго короля Густава III со вступленіемъ на престолъ, послѣдовало назначеніе его, Палена, рижскимъ губернаторомъ.

Въ 1792 году скончался въ Ригѣ, послѣ тридцати-лѣтняго управленія, тамошній намѣстникъ графъ Броунъ; должность его поручена была знаменитому князю Николаю Васильевичу Рѣплину, бывшему посломъ нашимъ при Рѣчи Посполитой во дни ея распада и въ послѣдствіи первому нашему генералъ-губернатору въ Литвѣ. Баронъ Паленъ, въ качествѣ рижскаго губернатора, былъ его ближайшимъ помощникомъ, часто заступалъ его мѣсто, такъ какъ князь Рѣплинъ въ 1793 году съ войсками вступилъ въ Литву, а затѣмъ въ 1794 г. переселился совершенно въ Вильну, соединивъ въ своихъ рукахъ управленіе Лифляндіей, Эстляндіей и Литвой.

Предвидя быстро приближавшееся паденіе Польши, баронъ Паленъ сталъ дѣйствовать настойчивѣе. Митава, находясь лишь въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Риги, представляла ему всѣ удобства для сношеній съ тамошнимъ дворянствомъ и со своими друзьями. Войска наши, расположенныя въ Курляндіи подъ предлогомъ огражденія ея отъ посягательствъ Польши, находились въ его распоряженіи; но ленивыя отношенія все еще связывали Курляндію съ Рѣчью Посполитой.

Польскій мятежъ 1794 года, послѣдняя вспышка угасавшаго пламени, разлился по всей Литвѣ, и нѣкоторыя шайки проникли въ Курляндію и въ Пильтенскій округъ, требуя отъ тамошнихъ жителей содѣйствія польской коронѣ, забирая у нихъ продовольствіе, вербуя крестьянъ въ шайки и проповѣдуя имъ равенство. Либава подверглась ихъ нападению и выдала обязательство въ уплатѣ 18.000 талеровъ контрибуціи; но мятежники были выгнаны и истреблены нашими войсками, а вслѣдъ затѣмъ смирилась и Литва, взята Прага, и Польша была окончательно раздѣлена между тремя союзниками.

Съ послѣднимъ раздѣломъ, по которому вся Литва отошла къ Россіи, Курляндія очутилась со всѣхъ сторонъ окруженною ея владѣніями. Но государыня Русская хотѣла предоставить Курляндцамъ свободу самимъ признать ея господство

намъ собою, подобно тому какъ за тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ царство Таврическое добровольно повергло себя подъ ея державу.

Замѣчательно при этомъ что ни одинъ значительный голосъ въ Курляндіи, при наступленіи такой важной минуты, не раздался противъ Россіи; немногіе голоса робко заявили о необходимости потребовать отъ русскаго правительства равныхъ условій, гарантій и т. п., какъ это было сдѣлано въ Лифляндіи и Эстляндіи за 85 лѣтъ предъ тѣмъ. Таковы были всѣ дѣйствія Екатерины Великой. Ничто, повидимому, не мѣшало курляндскому рыцарству постановить условіемъ присоединенія своего къ Россіи сохраненіе существовавшаго въ то время конституціоннаго устройства страны, по которому вся власть была сосредоточена въ рукахъ дворянства, сохраненіе всѣхъ дворянскихъ и городскихъ привилегій, вѣмецкаго судопроизводства и дѣлопроизводства и т. п.; но ничего подобнаго не было. Баронъ Паленъ сумѣлъ отклонить даже всѣ сколько-нибудь стѣсняющія русское правительство выраженія въ официальныхъ актахъ составленныхъ дворянствомъ Курляндіи и Пильтенскаго округа по этому случаю.

Главнымъ слодвижникомъ барона Палена въ этомъ дѣлѣ былъ безспорно оберъ-бургграфъ баронъ Ховенъ. Взгляды его на необходимость безусловнаго присоединенія къ Россіи ясно высказался еще въ восьмидесятыхъ годахъ въ письмѣ его къ одному русскому дипломату, надѣлавшемъ въ то время много шума въ Курляндіи. Съ наступленіемъ времени дѣйствія онъ открыто проповѣдовалъ что смѣшно просить какихъ-нибудь условій и гарантій отъ могущественной и мудрѣйшей государыни, которая могла всегда ихъ нарушить елибы сочла это нужнымъ и что, напротивъ того, безусловное довѣріе неволью склонить ее на милость и благоволеніе къ Курляндцамъ.

Герцогъ Петръ Биронъ былъ вызванъ въ Петербургъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ того года и отправился туда со всѣмъ своимъ семействомъ (женою, дочерью и семействомъ брата); только два племянника его, дѣти принца Карла, оставались въ Ригѣ на попеченіи и воспитаніи у барона Палена. Въ мартѣ 1795 г. курляндское дворянство собралось въ Митаву и на общемъ собраніи 18го марта составило и подписало два торжественные акта: первый изъ нихъ — манифестъ дворянства объ отреченіи отъ древней связи съ Польшею усгановленной

при распадѣнн Ливонскаго ордена, а второй—о добровольномъ подчиненн Курляндскаго герцогства Россн.

Въ составленн этихъ документовъ весьма важно то обстоятельство что манифестъ объ отреченн отъ связи съ Польшей былъ совершенно отдѣленъ отъ акта о присоединенн къ Россн; важно это потому что главнѣйшими причинами къ расторженн этой связи выставлены въ манифестѣ, независимо отъ уничтоженн Польской республики, незаконныя притязанн польскаго правительства нарушить тѣ условн на которыя Курляндн прнзвала его покровительство; и на этомъ основанн весь манифестъ вертнтся вокругъ помѣщенной въ немъ латинской цитаты: „когда отступаетъ одинъ отъ договора, то можетъ отступить и другой“. * Поэтому, еслибы постановленн о присоединенн къ Россн было только слѣдствнемъ подобнаго разрыва, то дѣло получило бы видъ какъ будто новая связь съ Россн однородна съ отношеннми существовавшимъ между Курляндн и Польшей; а этого-то и не могла допустить Екатерина.

Для насъ имѣютъ особенное значенн тѣ побужденн которыя руководило курляндское земство отдавая себя безусловно подъ власть Россн; вотъ какъ выражаются объ этомъ благородные послы рыцарства и земства княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго въ своемъ торжественномъ актѣ: „прнмая въ уваженн, съ одной стороны, что намъ, яко весьма малой области, невозможно самимъ собою независимо и безъ покровительства высшей державы существовать, а съ другой—сколь тягосима, да и для общаго благосостоянн вредна была состоявшая доселѣ въ Курляндн ленная система, должныствовали мы натурально не токмо почувствовать необходимость подвергнуться вновь высшей державѣ, но и возымѣть желанн, при отреченн отъ существовавшей доннкѣ верховной власти, отказаться и отъ прежней ленной системы и происходящаго отъ оной *посредственнаго* правленн и подвергнуться сей высшей державѣ не *посредственно*, но *безпосредственно* (unmittelbar). **

Изъ этихъ доводовъ, конечно, видно болѣе всего что маленькому государству трудно существовать независимо; ленная же система имѣла свое полезное значенн для Курляндн,

* Recedente uno a pacto recedere potest et alter.

** Полн. Собр. Зак. т. XXIII, № 17319.

ибо вѣтъ сомнѣнія что, будучи простою польскою провинціей, она натерпѣлась бы не только отъ дурнаго управленія, но и отъ религіозныхъ посягательствъ и гоненій. Ясно поэтому что не левная система заставила Курляндцевъ подчиниться Россіи, а побужденія болѣе вѣскія, высказанныя въ томъ же актѣ, руководили ими; эти побужденія происходили, повидному, изъ твердаго намѣренія „одѣлаться участниками блаженства и счастья коими наслаждаются вѣролюбящие подъ таковымъ многомогущимъ, премудрымъ и *справедливымъ* правленіемъ каково есть правленіе ея величества преславно царствующей императрицы“—, и потому, лишить даже дворянство, мы *безпосредственно* подвергаемся ея величеству императрицы Всероссійской и ея скипетру, и съ толикимъ же благоговѣніемъ, какъ и уваженіемъ, предоставляемъ и совершенно *предаемъ на волю* ея императорскаго величества *точнѣйшее опредѣленіе нашей будущности*“.

Пальтенское рыцарство, въ лицѣ 18ти своихъ представителей, на собраніи происходившемъ въ то же время въ Гезенгофѣ, въ такихъ же опредѣлительныхъ выраженіяхъ предало судьбу свою въ руки Екатерины; но въ манифестѣ его объ отреченіи отъ польскаго покровительства проявились въ довольно забавномъ видѣ нѣмецкая многорѣчивость и накопившая злоба на разные угнетенія и посягательства Польши, въ то время уже не существовавшей. Жалобы на нее занимаютъ нѣсколько листовъ, и въ концѣ концовъ само рыцарство сознается что „время и мѣсто не позволяютъ описать все то что округъ со стороны Польши принужденъ былъ сносить“.

Одновременно съ постановленіями государственныхъ чиновъ своихъ, и герцогъ курляндскій Петръ представилъ императрицѣ актъ отреченія своего отъ престола, въ которомъ высказывается что только „безусловное подтверженіе его отечества Россійской имперіи можетъ основать прочное Курляндіи благополучіе“.

Когда всѣ эти предварительныя постановленія состоялись, курляндскіе депутаты были вызваны въ Петербургъ, куда послѣдѣ и баронъ Паленъ, назначенный вслѣдъ затѣмъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, одновременно съ объявленіемъ о присоединеніи этой губерніи къ Россіи. Екатерина была совершенно имъ довольна и осылала его похвалами и благодарностями.

Курляндское рыцарство избрало изъ среды своей шесть представителей: оберъ-бургграфа и члена верховнаго совѣта *фонъ-деръ-Ховена*, генералъ-комписара *Фельдверзала*, маирихтера *Ганскау* и дворянъ: *Гейкинга*, *Гана* и *Нольде*; представителями Пильтенскаго округа отпавились въ столицу камергеръ *баронъ Корфъ* и оберъ-штабмейстеръ *баронъ Гейкинхъ*.

Все здѣсь описанное происходило при самомъ благопріятномъ настроеніи умовъ. Курляндское дворянство съ совершеннымъ довѣріемъ отнеслось къ Россіи, а пильтенскіе представители называли императрицу Екатерину не иначе какъ богиней-покровительницей. 15го апрѣля депутаты, въ сопровожденіи совѣтника коллегіи иностранныхъ дѣлъ, были привезены въ Зимній дворецъ въ трехъ придворныхъ каретахъ, окруженныхъ, по особому росписанію, гайдуками и берейторами. Встрѣченные церемоніймейстеромъ и оберъ-церемоніймейстеромъ, обождавъ нѣкоторое время въ приемной комнатѣ, депутаты введены были чрезъ раскрытыя на обѣ половинки двери въ тронную залу. Императрица сидѣла на тронѣ подъ балдахиномъ, имѣя по правую руку вице-канцлера, а по лѣвую генералъ-адъютанта. Государственныя регаліи (корона, скипетръ и держава) находились на столѣ близъ самаго трона; залъ былъ наполненъ высшими сановниками Имперіи и лицами первыхъ 4хъ классовъ обоюго пола; въ немъ находились также 17 курляндскихъ и пильтенскихъ дворянъ, изъявившихъ желаніе присутствовать при аудіенціи.

Бароны *Ховенъ* и *Корфъ*, приблизившись къ престолу, произнесли императрицѣ привѣтственные рѣчи и вручили вице-канцлеру графу *Остерману* торжественныя акты о подтвержденіи Курляндіи и Пильтенскаго округа подъ державу Россіи.

Вице-канцлеръ, положивъ помянутые акты на нарочно приготовленный столъ, покрытый золотою парчой, прочелъ на русскомъ языкѣ манифестъ о присоединеніи Курляндіи на вѣчныя времена къ Россіи. Во время чтенія депутаты преклонили колѣни, и вслѣдъ затѣмъ имъ роздано было по экземпляру манифеста въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, и они допущены были къ рукѣ ея величества. По окончаніи аудіенціи депутаты проведены были въ покои наследника цесаревича и всѣхъ великихъ князей и княженъ, при чемъ неутомимый баронъ *Ховенъ* говорилъ каждой особѣ

отдѣльную рѣчь съ выраженіемъ общихъ курляндскихъ сентиментовъ.*

Черезъ нѣсколько дней послѣ того депутаты приглашены были въ общее собраніе сената и съ тою же церемоніей введены были въ большую сенатскую залу, гдѣ имъ были приготовлены особыя мѣста.

Генераль-прокуроръ графъ Самойловъ снова прочелъ манифестъ, и на этотъ разъ роздалъ депутатамъ отъ имени государыни по экземпляру „наказа“; затѣмъ былъ призванъ въ залу пасторъ Вольфъ, и новые подданные Россіи принесли по своему обряду клятвенное обѣщаніе на вѣрность новому отечеству.

Слова манифеста, обращеннаго ко всѣмъ подданнымъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и округа Пильтенскаго, проникнутыя чувства высокаго достоинства на какое Екатерина возвела Россію, въ высшей степени замѣчательны. „Были увѣрены, говорилось въ манифестѣ, въ чистосердечномъ желаніи нашемъ, на общемъ собраніи нашемъ изъясненномъ и чрезъ уполномоченныхъ отъ васъ предъ престоломъ нашимъ императорскимъ торжественно подтвержденномъ, о присоединеніи княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и округа Пильтенскаго подъ державу нашу, удовлетворемъ оному, всемогущею пріемля васъ въ число вѣрныхъ подданныхъ нашихъ и присоединяя помянутыя области на вѣчныя времена къ Имперіи Всероссийской.“ „Объявляемъ притомъ императорскимъ нашимъ словомъ что не только свободное исповѣданіе вѣры отъ предковъ вами наследованной, права и преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая въ цѣлости соблюдены будутъ; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей — имѣетъ пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, свободами и преимуществами каковыми древніе подданные Россійскіе по милости нашихъ предковъ и нашей наслаждаются.“

Вотъ условія на которыхъ Екатерина присоединила къ Россіи Курляндію; она обѣщала ей то же устройство и управленіе какое существовало во всей Россіи и сдержала свое милостивое обѣщаніе, не замедливъ съ точностію опредѣлить будущую судьбу своихъ новыхъ подданныхъ рядомъ послѣ-

* Письма бар. Ховена къ бар. Мирбаху въ Митаву, въ приложеніи къ сочиненію Крузе.

довательныхъ и мудрыхъ мѣропріятій. Нельзя здѣсь не замѣтить, между прочимъ, что подъ упомянутымъ манифестомъ находится знаменательная помѣта: „Царствованія же нашего Всероссійскаго тридесять третіе и *Таврическаго* третіе на десять,“—помѣта, свидѣтельствующая что въ умѣ императрицы присоединеніе этого Татарскаго царства было односмысленно съ присоединеніемъ Курляндіи.

До образованія, однакоже, изъ Курляндіи губерніи по общему образцу, Екатерина II признала необходимымъ собрать подробныя свѣдѣнія обо всемъ что могло бы послужить къ лучшему ея устройству. Именнымъ указомъ, даннымъ барону Палену при назначеніи его въ должность генераль-губернатора *, ему поручено было прежде всего объѣхать лично весь край, составить подробныя карты, представить соображенія о раздѣленіи губерніи на уѣзды и проектъ штатовъ, сообразный со штатами Рижской губерніи; устроить таможи въ Либавскомъ и Видавскомъ портахъ, а для учрежденія таможи на сухопутной границѣ, свестись съ литовскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Рѣплинымъ. Барону Палену разрѣшено было заимствовать новыхъ чиновниковъ изъ Лифляндской губерніи; о назначеніи же остальныхъ онъ долженъ былъ свестись съ генераль-прокуроромъ, а для привлеченія въ тотъ край служащихъ, ему предоставлено было право производить самому въ чины до титулярнаго совѣтника. Самому генераль-губернатору было пожаловано на первоначальное обзаведеніе и на объѣздъ губерніи десять тысячъ рублей.

До времени же сохранено существовавшее управленіе, доходы поступали попрежнему, и баронъ Паленъ долженъ былъ управлять именемъ государыни.

Не желая, однако, оставлять въ жителяхъ безплодное воспоминаніе о ихъ прежней самостоятельности, императрица тотчасъ распорядилась о распущеніи герцогской гвардіи и о размѣщеніи по полкамъ тѣхъ которые пожелають вступить въ ея службу. **

Генераль Паленъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ государыней, представлялъ ей нѣкоторыя соображенія свои объ устройствѣ губерніи и, наставленный ея совѣтами, въ половинѣ іюня выѣхалъ изъ Петербурга. 23го іюля онъ совершилъ изъ Риги торжественный въѣздъ въ Митаву, жителю которой

* Полн. Собр. Закон. т. XXIII № 17324.

** Именные указы 1795 г. Архивъ Рижскаго замка.

встрѣтили его съ восторгомъ; улицы города были разцвѣчены флагами, коврами и гирляндами съ вензелями императрицы; звонили въ колокола, палили изъ лѣшекъ и громко приветствовали начало новаго управленія. Вступивъ въ замокъ, гдѣ ожидали его всѣ высшіе чины и духовенство, генерал-губернаторъ принялъ отъ нихъ присягу на вѣрность Россіи. *

Участь герцога Петра Бирона была совершенно обезпечена; актомъ заключеннымъ съ нашимъ правительствомъ 11го іюня того же года ** онъ уступилъ всѣ свои коронныя и частныя въ Курляндіи владѣнія за 2.010.000 альбертовыхъ талеровъ; но изъ этой суммы милліонъ десять тысячъ пошли на уплату долговъ числившихся на тѣхъ имѣніяхъ, а остальной милліонъ былъ выплаченъ ему по частямъ; кромѣ того ему назначена была пожизненная пенсія во сто тысячъ талеровъ изъ доходовъ съ его легкихъ имѣній; но и изъ этой суммы также около половины онъ предоставилъ на выдачу пенсій назначенныхъ отъ него въ прежнее время его роднымъ, прежнимъ придворнымъ и разнымъ вѣрнымъ слугамъ. Герцогъ Петръ умеръ въ 1800 году, оставивъ двухъ дочерей, вышедшихъ за мужъ, одна въ Австріи, другая во Франціи; единственный въ настоящее время представитель по мужской линіи дома Бирововъ, внукъ брата его принца Карла, оберъ-шефъ Прусскаго короля, князь Густавъ Биронъ, женатый на княжнѣ Мещерской, отъ которой онъ имѣетъ десяти-лѣтняго сына. **

Тотчасъ по вступленіи въ управленіе краемъ, генералъ Паленъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и получилъ въ потомственное владѣніе находившееся у него на арендѣ великолѣпное имѣніе Эккау; вслѣдъ затѣмъ онъ представилъ о награжденіи всѣхъ тѣхъ членовъ курляндскаго дворянства которые способствовали мирному и усѣбному присоединенію края къ Россіи.

Огромныя имѣнія были розданы въ Курляндіи: князь Зубовъ получилъ въ собственность одну изъ лѣтнихъ герцогскихъ резиденцій — Руенталь, съ принадлежащими къ ней землями; усердіе барона Ховена, произведеннаго въ тайные совѣтники, было награждено имѣніемъ Фокенгофъ со 138ю крестьян-

* *Die Civil und Militär Oberbefehlshaber in Estland.* Dorpat. 1855 г.

** *Полн. Собр. Зак.* т. XXIII № 17341.

*** *Almanach de Gotha.* 1866 г. стр. 143.

скими дворами; такой же величины имѣнье подарено семейству фонъ-деръ-Рекке; генеральшѣ Ливенъ пожалованъ замокъ Мезотень, одно изъ лучшихъ имѣній въ Курляндіи; 16 другихъ лицъ получили пожизненныя аренды, а 40 дворянамъ даны были имѣнія на 12 лѣтъ. Всего такимъ образомъ роздано было около 2000 крестьянскихъ дворовъ, что составляетъ одну десятую часть всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ Курляндіи въ настоящее время. * Замѣтимъ здѣсь что крестьянское хозяйство въ Курляндіи совершенно не похоже на великороссійское и, по обыкновенію, тамошнія крестьянскія усадьбы составляютъ весьма значительныя фермы, цѣнность которыхъ достигаетъ въ настоящее время среднимъ числомъ до 3.500 руб. за каждую; но за то фермы эти находятся въ рукахъ незначительнаго числа крестьянъ-хозяевъ, которыхъ въ настоящее время насчитывается въ Курляндіи около двадцати тысячъ.

Изъ числа розданныхъ въ то время на аренду имѣній, многія перешли въ послѣдствіи, при императорѣ Александрѣ I, въ полную собственность дворянъ, и составивъ въ ихъ рукахъ значительныя состоянія, утратили для правительства свое поощрительное значеніе. **

Независимо отъ этихъ существенныхъ наградъ, многимъ Курляндцамъ были пожалованы чины и кресты; нѣкоторые изъ молодыхъ людей были приняты на службу въ гвардію, а нѣсколько человѣкъ отставныхъ вступили съ повышеніемъ чиновъ въ армію.

Всѣ, повидимому, были довольны; дворянскимъ представителямъ отъ кирхшпилей (приходовъ),—прежнему сейму,—разрѣшено было въ сентябрѣ собраться въ послѣдній разъ въ Митаву для окончанія ихъ старыхъ дѣлъ и расчетовъ. Въ тотъ годъ урожай въ Курляндіи былъ обильный; государыня

* Орановскій, *Статистика Курляндіи 1862 г.*, и всеподданнѣйшій отчетъ курляндскаго губернатора за 1866 годъ.

** Фамиліи лицъ которымъ пожалованы были Екатериною II аренды въ Курляндіи: новый рижскій губернаторъ Мейендорфъ, Будбергъ, Ламздорфъ, Брашъ, Клейстъ, Финкъ, Пальмбахъ, графъ Мантейфель, Фитингофъ, Фелькерзамъ, Дистерло, Оффенберги, Шаллиги, Диринги, Гейкинги, Кейзераинги, Медемъ, Рутенбергъ, Амебергъ, Розенбергъ, Дракенфельсъ, Мирбахъ, Большвингъ, Штемпель, Гротусъ, Манрихтеръ (судья), Альбедиль, вдова Лебеаъ, де-Барри, Вольскій, Крумель, графъ Дукеръ и курляндскій вице-губернаторъ Гурко.

дозволила безпрелятственный вывозъ хлѣба за границу, и признательное дворянство предложило ей по уменьшенной цѣнѣ въ 33.000 четвертей для войскъ расположенныхъ въ Польшѣ. Императрица благодарила ихъ за этотъ „опытъ усердія къ пользамъ Имперіи“, велѣла заплатить по три талера за четверть, а хлѣбъ, за ненадобностью въ арміи, отправить въ Литву, такъ какъ въ то же время подписанъ былъ трактатъ между Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Петербургскимъ дворами, по которому войска наши очистили занимаемыя ими за границей позиціи и отправились на югъ Россіи.

Тѣмъ временемъ баронъ Паленъ объѣхалъ Курляндію, собралъ необходимыя свѣдѣнія и представилъ ихъ въ Петербургъ; а 27го ноября государыня подписала грамоту объ учрежденіи Курляндской губерніи на основаніи манифеста 7го ноября 1775 года о губерніяхъ. Городъ Митава былъ объявленъ губернскимъ; другіе восемь городовъ (Баускъ, Фридрихштадтъ, Якобштадтъ, Туккумъ, Гольдингенъ, Газенпотъ, Виндаву и Либаву) повелѣно было учредить уѣздными, „обращая на нихъ всѣ тѣ выгоды и преимущества которыя жалованною отъ насъ російскимъ городамъ грамотою отъ 2го апрѣля 1785 года утверждены“. „При введеніи учрежденій нашихъ въ Курляндскую губернію,“ говорилось далѣе въ грамотѣ, „само собою разумѣется, что въ то же время и изданное отъ насъ положеніе для городовъ долженствуетъ возымѣть тамо свое дѣйствіе.“ *

Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было учредить казначейства въ Митавѣ и Либавѣ, жалованье по новымъ штатамъ выдавать русскою монетою и установить исчисленіе времени наблюдаемое во всей Имперіи (то-есть по старому стилю); для постройки зданій подъ присутственныя мѣста повелѣно было составить планы и смѣты; для жительства генералъ-губернатора назначенъ бывшій герцогскій замокъ, а для губернатора—домъ бывшихъ нашихъ резидентовъ.

Съ учрежденіемъ новаго образа управленія никто, однако, не былъ обиженъ. Прежніе чиновники, до полученія ими мѣстъ, сохранили ленсіи; членамъ бывшаго верховнаго управленія назначены ихъ оклады пожизненно, точно также какъ и находившіяся въ пользованіи оберъ-гаултмановъ и гаултмановъ цѣни, взамѣнъ жалованья (такъ-называемыя судейскія

* Общ. Собр. Зак., т. XXIII, № 17.411

видны), въ количествѣ 140 дворовъ, оставлены за ними по смерти безъ всякаго платежа.

Лѣсное управленіе не подверглось никакому измѣненію, хотя и находилось въ совершенно особенныхъ условіяхъ, въ заведываніи отвѣтственныхъ лѣсничихъ, имѣвшихъ участки земли среди лѣсовъ. Разрушать подобное устройство было бы затруднительно, и государыня признала что оно едва ли не было лучше чѣмъ въ остальной Имперіи; но и здѣсь она является не назади своихъ новыхъ подданныхъ, а находитъ возможность и по этому вопросу высказать свои намѣренія: „дабы дать лѣсному управленію,“ пишетъ она барону Палену, „въ разсужденіи сбереженія лѣсовъ твердое навсегда основаніе, препровождается при семъ устава лѣснаго отдѣленіе о лѣсахъ въ сѣверной половѣ имперіи нашей родящихся, по которому долгомъ вашимъ будетъ раздѣлить лѣса на лѣсосѣтки и учредить такимъ образомъ чтобы сіе весьма нужное произрастеніе было всемѣрно сберегаемо и не иначе употреблялось какъ на прямыя надобности обитателей.“

Государыня признала необходимымъ чтобы торжественное открытіе Курляндской губерніи совершено было при богослуженіи по обряду господствующей въ государствѣ церкви, и съ этою цѣлю въ концѣ декабря отправился въ Митаву членъ святѣйшаго синода, епископъ тверской Ириней, котораго барону Палену было поручено принять съ почетомъ соотвѣтствующимъ его сану.

По представленію генералъ-губернатора, открытіе губерніи было отложено до послѣднихъ чиселъ января слѣдующаго 1796 года, такъ какъ одновременное устройство многихъ управленій встрѣчало въ то время не мало затрудненій; но все совершилось благополучно, и торжество не было омрачено никакими недоразумѣніями: 28го января 1796 года Курляндія преобразилась въ русскую губернію.

Въ рескриптѣ данномъ на имя барона Палена по этому случаю, объявляя дворянству и прочимъ чинамъ монаршее благоволеніе за ихъ похвальное равнованіе къ выполненію высочайшихъ намѣреній, государыня, между прочимъ, говоритъ: „удовольствіе наше тогда въ полной мѣрѣ будетъ, когда, послѣдуя въ точности волѣ нашей, въ законоположеніяхъ нашихъ изъявленной, и каждый возложенное на него со тщаніемъ исправляя, ощутятъ они дѣломъ самимъ *естъ плоды и пользы* изъ сего проистекающія.“

Ревность Курляндцевъ въ этомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію; они вполнѣ ловились въ то время истинныя выгоды устройства ихъ губерніи по общему въ государствѣ образцу и для изъявленія своей благодарности просили дозволить имъ отправить въ Петербургъ депутацію, на что и послѣдовало немедленно разрѣшеніе. Узнавъ, между прочимъ, что государыня недоброжелательно смотритъ на существовавшія въ то время масонскія ложи, курляндскіе масоны, составлявшіе богатое и значительное общество, добровольно согласились уничтожить его, и предоставили свой домъ и библіотеку въ распоряженіе правительства. Домъ этотъ отданъ былъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, а библіотека ихъ, по предварительномъ пересмотрѣ, предназначена была для предлагавшейся въ то время Митавской академіи, не получившей, впрочемъ, осуществленія.

Однимъ изъ доказательствъ тому какъ императрица Екатерина не желала чтобъ ея новые подданные считали себя въ чемъ-нибудь привилегированными служить свѣдующее, ничтожное повидимому, обстоятельство: въ учрежденіи о губерніяхъ постановлено было чтобы въ присутственныхъ мѣстахъ, пополняемыхъ чрезъ выборы отъ дворянъ, лѣтнія ваканціи начинались съ 28го іюня; между тѣмъ въ Курляндіи существовалъ обычай сѣзжаться на контракты къ Иванову дню. По старому стилю, день этотъ приходился на 13е іюня,* а такъ какъ до этого времени каждому необходимо было въ некоторое время для распоряженій по имѣнію, то дворянство, чрезъ вновь избраннаго губернскаго предводителя барона Корфа, представляло, во время бытности депутаціи въ Петербургѣ, чтобы разрѣшено имъ было кончать засѣданія не 28го, а 8го іюня; но государыня неохотно приняла эту просьбу, и дозволивъ подобное отступление „на одинъ токмо сей разъ“, заявила что, „по прошествіи нынѣшняго года, сроки засѣданій да останутся неизмѣнными, какъ они по учрежденіямъ нашимъ о управленіи губерній установлены“. Дворянству же было назначено сѣзжаться на контракты разъ навсегда ежегодно 1го іюля.**

Императрица продолжала вести постоянную переписку съ барономъ Паленомъ, обращая его вниманіе на разныя отрасли

* Въ прошломъ столѣтіи между старымъ и новымъ стилями было однанадцать дней разницы.

** Именные указы 1796 г. въ архивѣ рижскаго замка.

управленія. Одно изъ послѣднихъ распоряженій императрицы касался Либавы. Князь Зубовъ, сдѣлавшись курляндскимъ землевладѣльцемъ, указалъ на необходимость улучшенія Либавскаго и Видавскаго портовъ. По представленію его было поручено инженеръ-генералу де-Витту заняться ихъ исправленіемъ, и въ распоряженіе его отпущено было до сорока тысячъ рублей и потребное количество лѣсу изъ казенныхъ дачъ; на постоянное же содержаніе въ исправности плотинъ и для отвращенія песчаныхъ наносовъ въ Либавской гавани назначено было ежегодно до 10.000 руб. Эти распоряженія были одною изъ предсмертныхъ заботъ императрицы, неожиданно скончавшейся 6го ноября 1796 года.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка видно что Курляндія, по присоединеніи къ Россіи, получила устройство во всемъ сходное со всѣми прочими губерніями Имперіи, что подобное устройство не встрѣтило никакихъ важныхъ затрудненій и было радостно принято благонамѣренными жителями края, и наконецъ что Курляндія имѣла совершенно особое управленіе отъ двухъ остальныхъ прибалтійскихъ губерній. Легко понять, что если бы дѣла оставались въ такомъ положеніи, наши балтійскія губерніи сблизились бы постепенно съ остальною Россіей и воспользовались бы, согласно съ обѣщаніемъ Екатерины Великой, и всѣми тѣми вольностями и преимуществами которыми пользуются нынѣ всѣ русскіе подданные; но неожиданная перемѣна управленія и систематическое въ теченіи десятковъ лѣтъ обособленіе этихъ губерній отъ Россіи и объединеніе ихъ въ духѣ германизма, сдѣлали то что въ настоящее время Курляндія не имѣетъ почти ничего общаго съ остальною Россіей, и что все наше балтійское побережье, добытое вѣковыми усиліями нашихъ предковъ, находится нынѣ для насъ въ состояніи крайне двусмысленнаго вопроса...

Не успѣли предать землѣ тѣло государыни, какъ полетѣли во всѣ концы Россіи курьеры съ отнѣною нѣкоторыхъ важнѣйшихъ ея повелѣній; одинъ изъ этихъ курьеровъ прискакалъ въ концѣ ноября въ Ригу съ вѣстью о возобновленіи въ Лифляндіи и Эстляндіи всѣхъ бывшихъ въ тѣхъ губерніяхъ присутственныхъ мѣстъ по прежнимъ привилегіямъ до 1783 года, то-есть до введенія въ нихъ общаго учрежденія о губерніяхъ. Черезъ мѣсяць подобный же указъ былъ полученъ и въ Митавѣ, и привелъ всѣхъ въ крайнее удивленіе.

Совершивъ уже необходимыя усилія чтобы разстаться со

стариннымъ складомъ жизни, остзейскіе Нѣмцы были вынуждены снова къ нему возвратиться. Дополнительнымъ указомъ 5го февраля слѣдующаго года были опредѣлены нѣкоторыя подробности возстановительнаго акта для Курляндіи и, Богъ вѣсть для чего, была вызвана къ жизни даже особая пильтенская ландратская коллегія; оберъ-гофгерихтъ замѣнилъ судебныя палаты, и оберъ-бургграфы, канцлеры, ландмаршалы и ландгофмейстеры возсѣли на свои мѣста и начали снова творить судъ по древнимъ обрядамъ и законамъ. Оберъ-гауптманы и гауптманы производили болѣе простой домашній судъ и расправу; городничіе повыгнаны, и бургомистры вновь оказались на сцену, а чтобы жители Курляндіи не смѣли и думать что они въ Россіи, жалованье тамошнимъ чиновникамъ велѣно было снова производить не рублями, а альбертовыми талерами! На барона Палена было возложено немедленное возстановленіе стараго порядка, и мѣстные жители даже его сильному предстательству и приписываютъ это возрожденіе. Во всякомъ случаѣ баронъ Паленъ отличился и на этотъ разъ *исключительностью*, и возстановивъ въ Курляндіи старыя формы управленія, былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ конной гвардіи и инспекторомъ кавалеріи, затѣмъ, въ 1798 году, на мѣсто графа Буксгевдена, петербургскій генералъ-губернаторомъ, вскорѣ возведенъ въ графское достоинство и осыланъ почестями и наградами. Но не успѣвъ, по вступленіи на престолъ императора Александра I, овладѣть душою юнаго государя, онъ удалился отъ дѣлъ и прожилъ послѣ того еще 25 лѣтъ среди садовъ своего Гроссъ-Эккау, переживъ всѣхъ близкихъ и самого государя, со вступленіемъ котораго на престолъ соединялись всѣ его честолюбивыя помыслы.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины императора Павла, графу Палену былъ данъ лышній титулъ генералъ-губернатора виборгскаго, ингерманландскаго, эстляндскаго, лифляндскаго и курляндскаго, иначе: въ его руки предназначено было передать интересы всего нашего тогдашняго баалтійскаго побережья; но на самомъ дѣлѣ графъ Паленъ, слишкомъ хорошо понимая выгоды своего положенія при дворѣ, оставался въ Петербургѣ до воцаренія императора Александра I.

Только по увольненіи графа Палена отъ всѣхъ должностей, въ полѣ 1801 года, князь Сергій Федоровичъ Голицынъ былъ назначенъ первымъ генералъ-губернаторомъ всѣхъ трехъ остзейскихъ губерній вмѣстѣ. Такимъ образомъ, чрезъ два съ

половиною столѣтія со времени распаденія Ливонскаго ордена, всѣ его владѣнія соединены были вновь въ одно цѣлое, и съ этого времени начинается постепенное, систематическое отчужденіе этихъ губерній отъ Россіи. Дѣло началось съ крестьянской реформы: въ 1816, 1817 и 1819 годахъ тамошнимъ крестьянамъ дана была личная свобода, причѣмъ бароны сохранили въ рукахъ своихъ всѣ земли и вотчинный судъ и полицію, а на крестьянъ легли еще новыя обязательства. Съ дѣлю опыта подобнаго же освобожденія крестьянъ и въ русскихъ губерніяхъ, Псковская губернія была присоединена * къ остзейскому генераль-губернаторству въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; но, по частію, отдѣленная вновь въ 1820 году, губернія эта уцѣлѣла; иначе не было бы ничего удивительнаго еслибы въ настоящее время насъ серьезно увѣряли что Псковъ древній нѣмецкій городъ, что всѣ тамошніе жители Нѣмцы и не желаютъ имѣть у себя ничего русскаго. За крестьянской реформой послѣдовалъ рядъ постановленій, шагъ за шагомъ укрѣплявшихъ за этимъ краемъ его нѣмецкій характеръ, и мѣстные генераль-губернаторы, пмѣя ближайшимъ предметомъ дѣятельности развитіе въ краѣ благоустройства на разѣ принятомъ фальшивомъ основаніи, невольно болѣе всѣхъ этому содѣйствовали.

Нельзя не высказать при этомъ случаѣ нѣсколькихъ замѣчаній вообще о генераль-губернаторскихъ управленіяхъ на нашихъ западныхъ окраинахъ. Управленія эти возникли вслѣдствіе разновременнаго присоединенія къ Россіи отвоеванныхъ областей, въ которыхъ оставяемо было иногда на время особенное устройство, и гдѣ необходимо было имѣть сильную мѣстную власть, какъ для предупрежденія всевозможныхъ случайностей и безпорядковъ, такъ и для успѣшнѣйшаго введенія въ новоприсоединенныхъ областяхъ общихъ государственныхъ началъ. Но если временныя поддержки могутъ быть необходимы для наскоро оконченаго зданія, то нужно ли сохранять ихъ когда возведены уже правильныя стѣны и государственное зданіе покрылось кровлею изъ прочнаго матеріала? Не мѣшаютъ ли онѣ единству и правильности зданія? И дѣйствительно, какъ ни велика, по видимому, власть генераль-губернаторовъ, она оказывалась всегда недостаточною при началѣ смуть и безпорядковъ, и въ подобныхъ случаяхъ всегда требовались новые дѣятели,

* См. Ковалевскаго, *Графъ Блудовъ и его время*, стр. 101.

воныя силы. Съ другой стороны, общія государственныя мѣры не только не были проводимы съ бѣльшимъ успѣхомъ посредствомъ генераль-губернаторовъ, но по большей части были задерживаемы ихъ сильнымъ полномочіемъ и авторитетомъ, и по ихъ домогательствамъ ослаблялись, измѣнялись, или вовсе отменялись. Имѣя постоянное общеніе только съ высшими классами областей и заинтересованные въ ихъ добромъ расположеніи, генераль-губернаторы невольно дѣлались ходатаями, защитниками и сильными покровителями сильнаго и часто враждебнаго государству меньшинства, въ ущербъ слабому, но неизмѣнно преданному и вѣрному болѣвшинству. Подъ сѣнью этихъ управленій создались и сохранились такіа общества и учрежденія которыя не могли бы быть допущены ни въ какой другой части Имперіи. Родовитое русское дворянство и именованное кулечество не имѣютъ предъ престоломъ никакихъ постоянныхъ и установленныхъ закономъ представителей; инородческіе же дворяне и чужеземные купцы, имѣя это преимущество въ лицѣ генераль-губернаторовъ, пріобрѣтаютъ тѣмъ самымъ неестественный въ государствѣ перевѣсъ. Излишне было бы говорить какая происходитъ бесполезная проволочка отъ одной машинальной передачи бумагъ по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ чрезъ эти управленія.

Надо думать что проложеніе желѣзныхъ дорогъ укажетъ болѣе наглядно на несоотвѣтственность и бесполезность генераль-губернаторскихъ управленій; въ самомъ дѣлѣ, почему, на примѣръ, Минская губернія должна быть управляема изъ Вильны, находясь почти въ одинаковомъ съ нею отдаленіи отъ Петербурга? Почему нельзя имѣть въ Гроднѣ и въ Ковнѣ, находящихся лишь въ нѣсколькихъ часахъ за Вильною, такихъ же довѣренныхъ и отвѣтственныхъ правителей какъ и въ Вильнѣ? Неужели и послѣ соединенія Ревеля съ Петербургомъ, причемъ между ними установится самое быстрое сообщеніе, Эстляндія будетъ получать распоряженія высшей власти чрезъ отдаленную Ригу и должна будетъ отрешиться къ ней, помимо ближайшаго и естественнаго своего тяготѣнія къ столицѣ? Поддержка подобныхъ отношеній, само собою разумѣется, не можетъ долго продолжаться.

Не мадо значенія въ дѣлѣ отчужденія балтійскихъ губерній отъ Россіи имѣло изданіе особаго свода законовъ для

этихъ губерній въ 1845 году. * Изданіе это предпринято было съ благою цѣлю положить конецъ существовавшему дотѣ въ краѣ произвольному примѣненію и толкованію самыхъ древнихъ актовъ и отдѣльныхъ узаконеній временъ польскаго и шведскаго владычества, по большей части вовсе неизвѣстныхъ русскому правительству. Зло это, конечно, было велико; но было и другое, еще болѣе важное зло, и оно-то съ изданіемъ мѣстныхъ узаконеній не только не уменьшилось, но увеличилось. Зло это состояло въ признаніи остзейскихъ губерній за нѣчто цѣлое, управляемое на особомъ основаніи; въ этомъ отношеніи изданіе свода было только дальнѣйшимъ, усовершенствованнымъ развитіемъ невѣрнаго начала положеннаго, во времена смутныхъ понятій, въ основу управленія краемъ.

А. МОСОЛОВЪ.

* Въ настоящее время въ балтійскихъ губерніяхъ понятія до того извратились что и сводъ мѣстныхъ узаконеній считается волюющимъ посягательствомъ на нѣмецкія особенности Лифляндіи и Эстляндіи.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

I.

Со времени моей последней корреспонденции, * заседания Парижскаго Политико-Экономическаго Общества, всегда впрочемъ интересныя, заняты были однимъ только вопросом — о свободной торговлѣ. Поголовное ополченіе протекціонистовъ противъ торговаго трактата съ Англіей, противъ временнаго допущенія желѣза и бумажныхъ тканей и противъ закона о морской торговлѣ 1866 года, отмѣнившаго добавочный налогъ на суда, словомъ, противъ всѣхъ либеральныхъ мѣръ превратившихъ нашъ запретительный тарифъ въ тарифъ почти либеральный, естественно должно было взволновать Политико-Экономическое Общество, болѣе двадцати лѣтъ стоящее во главѣ движенія въ пользу свободной торговли. Разумѣется, не трудно было доказать что застои въ дѣлахъ и разстройство нѣкоторыхъ отраслей промышленности произошли отнюдь не отъ торговыхъ трактатовъ; не трудно было также доказать что упадокъ національной промышленности былъ бы гораздо значительнѣе, еслибы новая торговая политика, сообщивъ ей энергическій толчокъ и освободивъ отъ пошливъ главные элементы производства, не дала ей возможности увеличить свой отпускъ и выйти на англійскомъ рынкѣ вознагражденіе за утрату рынка Соединенныхъ Штатовъ, но протекціонисты, подражая въ этомъ отношеніи китайскимъ солдатамъ, старающимся погубить своихъ непріятелей невыносимымъ грохотомъ своихъ топковъ, подняли оглушительный крикъ, а съ другой стороны публичныя собранія, бывшія въ послѣдніе полтора года

* См. № 9 Русскаго Вѣстника 1869 г.

предметомъ удивленія и скандала для Франціи и Европы, слѣшкомъ очевидно свидѣтельствуютъ до какой степени мало продвинулось впередъ экономическое воспитаніе нашихъ населеній. Въ низшихъ слояхъ общества господствуетъ социализмъ, въ высшихъ же еще недавно господствовалъ исключительно протекціонизмъ. Нужно ли прибавлять къ этому что протекціонизмъ и социализмъ исходятъ отъ одного и того же принципа, а именно отъ власти приписываемой государству, которое будто бы должно занимать роль земнаго провидѣнія, обезличивая съ одной стороны большіе барыши промышленникамъ и собственникамъ, а съ другой—большую заработную плату или, пожалуй, большую долю участія въ барышахъ рабочимъ. Очевидно, что еслибы государство имѣло такую власть, то не пользоваться ею было бы преступленіемъ съ его стороны; а также не менѣе очевидно, что еслибы его покровительство было дѣйствительно полезно, то покровительственная система не падала бы повсюду, какъ она падаетъ теперь, а развивалась бы все болѣе и болѣе.

Но система эта падаетъ не только на дѣлѣ, но даже и въ общественномъ мнѣніи, гораздо быстрѣе чѣмъ предполагали мы и наши почтенные товарищи, члены Политико-Экономическаго Общества. Мы далеко не ожидали чтобы протекціонизмъ потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе во время послѣднихъ большихъ преній въ законодательномъ корпусѣ, и чтобы вся агитація которую онъ производитъ въ странѣ осталась безъ всякаго серіознаго вліянія на общественное мнѣніе. Двадцать лѣтъ тому назадъ запретительная система стояла твердо, несмотря на всѣ усилія пропаганды, во главѣ коей стояли Дюноае, Бастіа, Сей и др. Нынѣ новая торговая политика стоитъ въ свою очередь твердо, несмотря на всѣ реакціонныя попытки протекціонистовъ руководимыхъ такими опытными вождями какъ гг. Тьеръ и Пушъ-Кертъе. Отъ чего происходитъ такая перемѣна? Еслибы наука статистики не оставалась въ дѣтствѣ, несмотря на ея конгрессы, еслибы существовала статистика мнѣнія, то вотъ, вѣроятно, что она повѣдала бы намъ. Во первыхъ, что три четверти Французовъ никогда не слыхивали ни о свободной торговлѣ, ни о протекціонизмѣ, и что въ остальной четверти, также три четверти имѣютъ о ней самое поверхностное понятіе, которое пополнить они не могутъ или не хотятъ. Найдется можетъ-быть нѣсколько сотъ тысячъ человекъ (да и

то я преувеличиваю) которые занимаются этими вопросами потому что они прямо касаются ихъ интересовъ, и затѣмъ нѣсколько сотенъ или много, много нѣсколько тысячъ, которые изучаютъ ихъ безкорыстно. До заключенія торговаго трактата сотни или тысячи безпристрастныхъ теоретиковъ были, за весьма рѣдкими исключениями, сторонниками свободной торговли, между тѣмъ какъ огромное большинство промышленниковъ и собственниковъ занимавшихся этими вопросами были протекционистами. Нынѣ теоретики остались тѣмъ же чѣмъ были прежде, но значительное число промышленниковъ и собственниковъ перемѣнили свои мнѣнія: изъ протекционистовъ они сдѣлались въ различныхъ степеняхъ сторонниками свободной торговли. Почему? Потому ли что они изучили трактаты политической экономіи? Потому ли что они подписались на *Journal des Economistes* и присутствовали на конференціяхъ о свободной торговлѣ гг. Пасса, Жюль Симона и пр.? Говоря откровенно, я не думаю этого. Трактаты политической экономіи расходятся попрежнему въ весьма умѣренномъ числѣ (мнѣ это хорошо извѣстно!), и *Journal des Economistes* имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ въ Бельгіи, Голландіи, Италиі, Россіи, Южной Америкѣ и пр., чѣмъ во Франціи. Нѣтъ! это зависитъ отъ явленія котораго я былъ очевидцемъ въ Бельгіи лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, а именно, отъ развитія „международныхъ интересовъ“ подъ совокупнымъ вліяніемъ усовершенствованныхъ путей сообщенія и пониженія таможенныхъ тарифовъ. Чтобы привести характеристическій примѣръ, скажемъ что пятнадцать лѣтъ тому назадъ во въ металлургисты и строители машинъ были поголовно протекционистами. Въ средѣ ихъ едва ли можно было отыскать одного сторонника свободной торговли. Почему? Потому что они не отпускали своихъ продуктовъ за границу и даже не помышляли о возможности соперничать съ Бельгійцами и Англичанами на иностранныхъ рынкахъ: до такой степени казались имъ невыгодны естественныя условія ихъ производства. Въ силу этого убѣжденія, они требовали съ энергіей, доходившею до ожесточенія, герметическаго закрытія національнаго рынка. Но по мѣрѣ того какъ въ Европѣ размножались желѣзныя дороги и промышленность желѣзныхъ дорогъ, начиная отъ рельсовъ до локомотивовъ, пріобрѣтала все бѣольшую важность, у нихъ пробуждалось и постоянно возрастало желаніе

завоевать себѣ долю въ барышахъ доставляемыхъ этою промышленностью и не оставаться въ границахъ національнаго рынка. Выскнувъ въ дѣло, они поняли что единственное серьезное препятствіе, мѣшавшее ихъ желанію, было чисто искусственное и созданное самою покровительною системою, то-есть высокою цѣной на чугуны — суровые желѣза и машинъ. Что жъ они сдѣлали? Они потребовали временнаго допущенія чугуна съ обязательствомъ вывезти его въ формѣ рельсовъ, машинъ и пр. Имъ было это дозволено, и мало-по-малу, благодаря этой „условной свободѣ торговли“, металлургія и производство машинъ стали промышленностями по преимуществу отпусковыми. Но съ той минуты когда промышленность перестаетъ исключительно снабжать внутрешній рынокъ, и по мѣрѣ того какъ она становится все болѣе и болѣе отпускою, ея взглядъ на вопросъ о свободной торговлѣ и о покровительствѣ измѣняется. До тѣхъ поръ пока она снабжала только внутрешній рынокъ, она могла считать себя заинтересованною въ поддержаніи запретительной системы. Для того чтобы держаться иного мнѣнія въ этомъ случаѣ, необходимо высокое и дальновидное пониманіе интересовъ своей промышленности, что между промышленниками встрѣчается очень рѣдко. Но дѣло принимается совершенно иной видъ когда промышленность становится „отпускою“ и все болѣе и болѣе развивается въ этомъ отношеніи. Тогда *повинности* которыми покровительственная система облагаетъ всѣ отрасли промышленности становятся очевидными для всѣхъ, а мнимыя выгоды оной дѣлаются напротивъ того все болѣе проблематическими и менѣе замѣтными. Такъ на примѣръ, фабриканты машинъ могли сказать себѣ въ то время когда они ничего не отпускали: „Мы покупаемъ желѣзо, чугуны, топливо, всякаго рода строительные матеріалы употребляемые нами, не считая статей нашего личнаго потребленія, съ приплатой къ нимъ налога въ видѣ покровительныхъ пошлинъ; за то протекціонизмъ обезлечиваетъ намъ монополію національнаго рынка: налогъ который мы платимъ желѣзнымъ заводчикамъ и пр. есть *страховая премія* противъ иностранной конкуренціи, и мы охотно вносимъ ее.“ Но съ тѣхъ поръ какъ машинные фабриканты работаютъ для отпуска, они разсуждаютъ такъ: „Мы отпускаемъ машины на всѣ рынки міра, конкурируя съ Англичанами, Нѣмцами и

Бельгіянами, и получаемъ отъ этой операціи значительные барыши. Но мы, конечно, отпустили бы гораздо болѣе, если бы намъ не приходилось платить „покровительнаго налога“, если бы мы могли, подобно Англичанамъ напримѣръ, покупать себѣ желѣзо въ Швеціи или въ Россіи, не подвергаясь затрудненіямъ временнаго допущенія, а также всѣ нужные для насъ матеріалы и топливо, не платя пошлинь. Этотъ „налогъ“ платимый нами покровительной системѣ очевидно стѣсняетъ нашъ отпускъ. Мы отпускаемъ на сто милліоновъ машинокъ, и вѣроятно стали бы отпускать ихъ на двѣсти милліоновъ, если бы не платили желѣзнымъ заводчикамъ, добывателямъ топлива и пр. этого налога, искусственно возвышающаго стоимость нашихъ продуктовъ. При такихъ условіяхъ, доставляетъ ли намъ покровительство болѣе того что мы за него платимъ? Положимъ что его упразднить и замѣнить свободною торговлей; тогда, безъ сомнѣнія, во Францію будутъ привозить иностранныя машины, и это, конечно, зло, ужасное зло. Но много ли еще ихъ будутъ привозить? Даже и при настоящемъ положеніи дѣлъ мы отпускаемъ за границу машины, несмотря на искусственное ловышеніе нашихъ продуктовъ вслѣдствіе покровительныхъ пошлинь. Когда эти пошлины будутъ упразднены водвореніемъ свободной торговли, не въ состояніи ли она будетъ еще лучше ограждать нашъ рынокъ безъ помощи покровительныхъ тарифовъ? Можетъ-быть, тогда будутъ привозиться на нѣсколько милліоновъ англійскія или бельгіискія машины, но за то будутъ отпускаться на нѣсколько десятковъ, а можетъ-быть и сотенъ милліоновъ машины французскія. Рѣшительно „страховая премія“ покровительной системы обходится намъ слишкомъ дорого“. Нѣкоторые идутъ еще далѣе и говорятъ: „Покровительство есть ядро которое мы волочимъ на своихъ ногахъ, или, пожалуй, мы похожи на жокеевъ, которымъ надбавляютъ излишній вѣсъ; покровительство не ограждаетъ насъ на иностранныхъ рынкахъ, но повинности налагаемая имъ сопровождаютъ насъ туда, ибо насъ не вознаграждаютъ на границѣ, да и вознаградить не могутъ, за всѣ пошлины которыя мы уляли за наши матеріалы, топливо и пр. Что же выходитъ изъ этого? То что покровительство доставляетъ выгоды не намъ, а нашимъ конкурентамъ; то что пошлины которыя выплачиваемъ мы, французскіе фабриканты, на матеріалы для нашей промышленности, дѣйствуютъ, какъ

отпускныя преміи выдаваемыя въ ущербъ намъ заводчикамъ англійскимъ, бельгійскимъ и нѣмецкимъ. Итакъ лучшее средство для покровительства національному труду есть освобожденіе его отъ покровительства“.... Вотъ рядъ размышленій къ которымъ пришли наши промышленники, по мѣрѣ того какъ развитіе путей сообщенія и пониженіе тарифовъ увеличили для нихъ значеніе отпускнаго рынка. Размышленіямъ этимъ предавалось меньшинство лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда Франція отпускала на 300 или 400 милліоновъ; теперь, когда она отпускаетъ на три и четыре миллиарда, число разсуждающихъ такимъ образомъ удесятерилось, и вотъ, благодаря „указаніямъ опыта“ лоятнаго для самыхъ лѣнливыхъ умовъ, протекціонизмъ, бывший нѣкогда въ большинствѣ и воображавшій себѣ что онъ сохранилъ свое прежнее положеніе, вдругъ, къ великому своему удивленію, остался съ меньшинствомъ, которое, по естественному ходу вещей, будетъ съ каждымъ днемъ ослабѣвать все болѣе и болѣе.

II.

Въ числѣ промышленностей перешедшихъ на сторону свободной торговли необходимо назвать первую и важнѣйшую изъ всѣхъ,—земледѣліе, которое было нѣкогда главнымъ столбомъ зданія протекціонизма. *Земледѣльческое слѣдствіе*, печатаніе котораго оканчивается въ настоящую минуту, предувѣдомило насъ объ этой перемѣнѣ, которую подтвердило на дняхъ постановленіе въ пользу сохраненія торговаго трактата вотирированное Французскимъ Земледѣльческимъ Обществомъ, состоящимъ изъ цвѣта нашихъ землевладѣльцевъ и агрономовъ. Протекціонисты, однако, не остались безъ попытки полутать нашихъ земледѣльцевъ и представили имъ таблицу громаднаго увеличенія производства хлѣбныхъ растеній въ Соединенныхъ Штатахъ, шерсти въ Австраліи, рогатаго скота въ Ла-Платѣ. Такъ какъ земледѣльческое производство есть важнѣйшее въ Россіи, то я полагаю что въ этой таблицѣ найдутся нѣкоторыя данныя которыя могутъ заинтересовать васъ, а можетъ-быть и внушить вашимъ протекціонистамъ „рядъ размышленій“ подобныхъ тѣмъ которыя я привелъ выше.

Такъ напримѣръ, у меня предъ глазами корректура рѣчи

произнесенной въ засѣданіи Земледѣльческаго Общества 25го февраля графомъ Фуше-де-Карейлемъ объ „американской пшеницѣ“, гдѣ я нахожу нѣкоторыя любопытныя извѣстія. Г. Фуше-де-Карейль провель нѣсколько мѣсяцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, посѣтилъ Калифорнію, и на пути побывалъ у мормоновъ, но въ качествѣ землевладѣльца и агронома спеціально занимался производствомъ пшеницы. Онъ возвратился оттуда изумленный, и такъ какъ онъ болѣе сельскій хозяинъ чѣмъ экономистъ, то и испуганный тѣмъ что онъ тамъ видѣлъ. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ:

„Когда высадившись въ Нью-Йоркскомъ портѣ, гдѣ вы тотчасъ же чувствуете по числу пароходовъ его пересѣкающихъ торговое движеніе Новаго Свѣта, вы оставите штаты Новой Англии и Атлантическаго Океана чтобы направить свой путь къ западу, то въ двое сутокъ достигнете по желѣзнымъ рельсамъ одной изъ трехъ метрополій долины Миссиссипи. Здѣсь начинается ваше изумленіе. Вообще думаютъ что Христофоръ Колумбъ открылъ Америку; конечно, онъ коснулся этого великаго материка на востокъ и югъ. Но западъ оставался не открытымъ до послѣднихъ лѣтъ. А эти-то земли запада, эти западные штаты и суть величайшіе производители пшеницы. Я разумѣю здѣсь не только штаты Иллинойсъ, второй Египеть, не только штаты Индіану, Мичиганъ, Огайо, ни даже Висконсинъ, который одинъ въ теченіи восьми лѣтъ, отъ милліона съ четвертью гектолитровъ дошелъ до 8 $\frac{1}{2}$ милліоновъ и удесятирилъ свое земледѣльческое богатство. Но я поведу васъ съ собою черезъ Миннесоту, Небраску, Віомингъ, и, возвращаясь къ срединѣ материка, остаюмясь съ вами на минуту въ Канзасѣ. Вотъ что говоритъ объ этой странѣ, называемой судьбою для производства зерноваго хлѣба, одинъ путешественникъ Американецъ, посѣтившій ее не задолго до меня: „При земледѣльческой разработкѣ съ приложеніемъ самаго легкаго труда, громадныя луга превращаются въ настоящій лѣсъ маиса, пшеницы и конопли. Никогда во всю мою жизнь мнѣ не случилось видѣть такой исполинской пшеницы. Эта пшеница отличнаго качества продается по доллару за квинталъ, и обыкновенный сборъ ея отъ 45 до 50 квинталовъ съ акра“.

Оттуда г. Фуше де-Карейль проѣхалъ въ Калифорнію, гдѣ разработка земли цѣнностью продуктовъ уже превышаетъ разработку золота.

„Тамъ ежегодно возникаютъ великолѣпныя земледѣльческія заведенія, уже покрывающія берега главныхъ рѣкъ Санъ-Іоакимо и Сакраменто, и по указаніямъ статистиковъ, насчитывается отъ 40 до 50 милліоновъ акровъ земли годной для

земледѣлія. Плодородіе этихъ земель, хотя и уступающее Канзасу, тѣмъ не менѣе совершенно исключительное. Нерѣдко можно встрѣтить фермы, гдѣ въ продолженіи 15ти лѣтъ, одна и та же почва дастъ до 35ти гектолитровъ безъ всякаго удобренія, а на берегахъ Санъ-Іоакимо есть мѣста гдѣ шестнадцать разъ сряду снималась пшеница съ одной и той же земли, почти не уменьшаясь въ количествѣ. Результаты эти изумляютъ васъ: что же было бы еслибъ вы, подобно мнѣ, видѣли подъ этимъ благодатнымъ небомъ Тихаго Океана безконечныя ряды мѣшковъ со пшеницей только что собранною, которые ожидали лодокъ для своей перевозки, а лодки эти не являлись: такъ громадно было количество этихъ продуктовъ послѣ жатвы! Жатва эта простирается до шести милліоновъ гектолитровъ на земледѣльческое населеніе не превышающее 500.000 душъ.“

Затѣмъ путешественникъ приходитъ въ восторгъ отъ развитія и сравнительнаго совершенства земледѣльческихъ орудій.

„Земледѣльческія орудія и преимущественно тѣ кои употребляются въ Соединенныхъ Штатахъ для воздѣлыванія зерноваго хлѣба заслуживаютъ особеннаго вниманія европейскіхъ государствъ, потому что они гораздо лучше нашихъ; я не говорю уже о земледѣльческихъ машинахъ, такъ распространенныхъ здѣсь и не боящихся сравненія съ англійскими, а укажу главнымъ образомъ на механическія усовершенствованія произведенныя Американцами относительно перевозки, нагрузки и разгрузки земледѣльческихъ продуктовъ.“

Г. Фуше де-Карейль описываетъ хорошо извѣстныя подъемныя машины, составляющія одно изъ чудесъ торговой *machinery* Чикаго; онъ наломиваетъ, что эта „царица озеръ“, имѣвшая въ 1830 году только 70 жителей, имѣетъ ихъ нынѣ 300.000, что ея торговля пшеницей, простиравшаяся въ 1838 году до 25.000 гектолитровъ, поднялась до восьми милліоновъ въ 1869 году и до 23хъ милліоновъ, если считать зерновой хлѣбъ всякаго рода. Онъ приводитъ далѣе изъ послѣднихъ отчетовъ цифры столь быстро возвышающагося земледѣльческаго производства въ Америкѣ и цифры отпуска въ Англію. Онъ показываетъ, какъ европейская эмиграція съ одной стороны и китайская съ другой безпрестанно привлекаетъ лучшихъ работниковъ Стараго Свѣта въ Новый, обогащая послѣдній „человѣческимъ капиталомъ“, драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ. Такъ на примѣръ въ 1869 году, Нью-Йоркъ принималъ ежедневно до 1000 эмигрантовъ и въ томъ же году, благодаря эмиграціи, возникло до 70.000 мелкихъ фермъ.

„Пшеница, добываемая этимъ земледѣліемъ съ безконечными полями и колоссальнымъ матеріаломъ, направляется въ Европу.

Здѣсь новыя чудеса дѣлають сообщенія непрерывными и все болѣе и болѣе легкими. Преграды исчезаютъ предъ ларомъ, а электричество уничтожаетъ разстоянія. Старый Свѣтъ соединенъ съ Новымъ нѣсколькими канатами, которые дають возможность Американцамъ и Англичанамъ составлять всяческія комбинаціи о торговлѣ хлѣбомъ, отъ которыхъ *можетъ когда-нибудь зависѣть наше разореніе*. Европейскіе рынки, подъ вліяніемъ электрическаго соприкосновенія, тотчасъ же отзываются на эти комбинаціи. Подумайте, что теперь уже англійскій негодіантъ отправляетъ за шесть лансовъ свои приказанія въ Нью-Йоркъ по почтѣ и за пятьдесятъ франковъ по канату, и что послѣднее слово еще далеко не сказано.“

Г. Фуше де-Карейль заявляетъ наконецъ что увеличеніе этихъ торговыхъ удобствъ имѣло результатомъ возвышеніе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, привоза американской пшеницы въ Англію съ 4.315.000 гектолитровъ въ 1867 году, до 6.246.000 въ 1869. Цитую эти цифры, онъ выражаетъ большое безпокойство, но несмотря на то, соглашается что возстановленіе покровительныхъ пошлинъ не поможетъ дѣлу, и въ заключеніе совѣтуетъ земледѣльцамъ обратиться къ земледѣльческому прогрессу. Мнѣ кажется что г. Фуше де-Карейль слишкомъ поддаѣлся впечатлѣнію которое произвело на него зрѣніще роскошныхъ полей „отдаленнаго Запада“, и я не думаю чтобы нашему земледѣлію угрожалъ напывъ американской пшеницы. И дѣйствительно, не слѣдуетъ забывать что населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ быстро возрастаетъ, и что по мѣрѣ того какъ тамъ расширяется производство зерноваго хлѣба, увеличивается также и спросъ его для внутренняго потребленія. А этотъ возрастающій спросъ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ результатомъ поддержаніе цѣнъ. По моему мнѣнію, возможно только то что удобство сообщеній между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, давая все болѣе и болѣе средствъ нашимъ земледѣльцамъ переселиться въ Америку и находить тамъ дешевыя земли, приостановитъ повышеніе цѣнъ на земли въ западной Европѣ. Но развѣ это будетъ зло? Земля есть машина, подобная всѣмъ другимъ машинамъ; высокая цѣна на эту машину, конечно, не есть *conditio sine qua non* для цвѣтущаго состоянія земледѣлія. Конкуренція американской пшеницы можетъ уменьшитъ арендную плату, вносимую земледѣльцами собственникамъ почвы, но конечно не повлечетъ за собою гибели земледѣлія. Напротѣвъ того, подобно всякой конкуренціи, она

будеть подстрекающимъ средствомъ; она заставитъ остальныхъ земледѣльцевъ улучшить ихъ орудія и способы производства; по всему вѣроятію, упразднитъ мелкую земледѣльческую мастерскую, завѣщанную намъ отцами, и замѣнитъ ее земледѣльческою мануфактурой. Земледѣльческая конкуренція Соединенныхъ Штатовъ произведетъ на Европу дѣйствіе подобное тому какое въ концѣ прошедшаго столѣтія промышленная конкуренція Англіи произвела на континентальную промышленность; она извлечетъ ее изъ вѣковой колеи, предоставляя ей на выборъ прогрессъ или разореніе. Спрашиваю еще разъ, будетъ ли это зло? Но чрезмѣрное развитіе которое принимаетъ эта конкуренція, и которое увеличится еще въ послѣдствіи, не должно ли обратить на себя серьезное вниманіе такихъ странъ, какъ на примѣръ Россія, которыя соперничаютъ съ Соединенными Штатами въ снабженіи рынковъ Запада? Г. Тьеръ пытался въ послѣднее время налутать насъ „крымскою пшеницей“. Я не хочу въ подражаніе ему представлять вамъ какимъ-то страшлищемъ пшеницу американскую. Но взгляните въ таблицы вашего отпуска и вы убѣдитесь что онъ увеличился далеко не такъ быстро какъ отпускъ американскій, и что съ перваго мѣста вы спустились на второе, а можетъ-быть и на третье. Не заставитъ ли васъ такое положеніе призадуматься? А между тѣмъ у васъ пахатныя земли занимаютъ огромныя пространства и качествомъ нисколько не уступаютъ землямъ *отдаленнаго Запада* и вы можете имѣть *machinery*, капиталъ и трудъ, коимъ владѣютъ Американцы; ваше положеніе относительно труда еще благопріятнѣе. Вы могли бы, еслибы *пожелали*, возвратитъ себѣ ускользающее отъ васъ первенство. Я указалъ бы вамъ для этого способъ, который считаю непогрѣшимымъ, еслибы не опасался что ваши протекціонисты скажутъ мнѣ: „*Vous êtes orgueilleux, M. Josse!*“ Способъ этотъ состоитъ въ томъ чтобы обратитъ въ свою пользу протекціонистское ослѣпленіе Американцевъ (ослѣпленіе это начинается, однако, уже проходить), доставивъ намъ возможность обмѣнивать наши продукты на ваши съ бѣльшими удобствами чѣмъ съ какими мы можемъ обмѣнивать ихъ на американскіе со времени тарифа Морилля и переставъ обременять вашъ ввозъ чрезмѣрными пошлинами. Тогда вы продавали бы намъ болѣе пшеницы и продавали бы ее выгоднѣе, а увеличеніе доходовъ, которое произошло бы отъ того для вашихъ земледѣльцевъ, имѣло бы

результатомъ увеличение „спроса“ на промышленные продукты. Часть этого спроса была бы удовлетворена посредствомъ иностраннаго привоза, но другая часть стала бы поддерживать туземныя фабрики. Такимъ образомъ пониженіе вашихъ таможенныхъ пошлинъ увеличило бы сначала рынки вашего земледѣлія, а потомъ и вашей промышленности. Но я не настаиваю на этомъ; можетъ-быть я и такъ уже сказалъ достаточно чтобы ваши протекціонисты сдѣлались въ отношеніи ко мнѣ „непримиримыми“.

Если вѣрить автору любопытной брошюры подъ заглавіемъ *La vie à bon marché. Conservation des viandes à l'état frais par le procédé de M. Edouard Gorgez* (Дешевая жизнь. Сохраненіе мяса въ свежемъ видѣ по способу г. Эдуарда Горжеса), нашему земледѣлію грозитъ не только наливъ сѣверо-американской пшеницы, ему грозитъ также въ близкомъ будущемъ и наливъ южно-американскаго мяса.

„По числу сырыхъ и выдѣланныхъ кожъ, по количеству шерсти привозимой въ Европу, говоритъ г. Горжъ, въ опредѣлѣнномъ выводѣ число животныхъ ежегодно убиваемыхъ по обоимъ берегамъ Рио-де-ла-Платы полагаютъ до четырехъ милліоновъ быковъ и коровъ и до 12 милл. овецъ. Средній вѣсъ быка измѣняется отъ 300 до 400 килограммовъ, цѣной отъ 40 до 50 франковъ, кожа цѣнится въ 25 фр., сало въ 20 фр., кости, рога и копыта въ 5 фр.; мясо не ставится *ни во что* и по самой простой причинѣ — его сбывать не куда.... Нынѣ создается новая промышленность для употребленія въ дѣло мяса и другихъ остатковъ, которые до сихъ поръ не только не доставляли никакихъ выгодъ, но приносили положительный вредъ, потому что, за неимѣніемъ сбыта, гнили и заражали воздухъ, и промышленность эта основывается на способѣ сохраненія, дѣйствительность коего доказывается многочисленными свидѣтельствами. Мясо Ла-Платы можетъ быть привозимо въ Европу *въ свежемъ видѣ* безъ всякаго измѣненія его питательныхъ качествъ, его вкуса и запаха. Его погружаютъ въ особый составъ, потомъ, высушивъ, складываютъ въ ящикъ покрытый внутри лакомъ, и тотчасъ герметически закупориваютъ. Такъ какъ мясо не имѣетъ никакой цѣны въ Ла-Платѣ, то въ ящики убираются только самые лучшіе куски. Переднія части, плеча и край варятъ для выдѣлыванія *мяснаго соуса*. Сало и кожи изготовляются обыкновеннымъ способомъ; но жиръ отъ почекъ или отдѣляющійся при варкѣ очищается и сохраняется для кухонныхъ потребностей. Изъ крови извлекаютъ альбуминъ для окрашиванія тканей, или же обращаютъ ее посредствомъ химическаго процесса въ твердое

вещество доставляющее превосходное удобрение. Изъ костей выдѣлываютъ животный уголь или фосфорно-кислую известь. Голова, шея, нервы и копыта доставляютъ масло и желатинъ. Наконецъ вареное мясо, по извлеченіи изъ него мяснаго сока, высушивается на солнцѣ, обращается въ порошокъ и даетъ удобрение, заключающее въ себѣ значительное количество азота.“

Промышленность эта только зараждается, но, очевидно, она можетъ достигнуть обширнаго и быстраго развитія. Допуская даже что способъ г. Горжа не имѣетъ всѣхъ достоинствъ приписываемыхъ ему авторомъ брошюры, несомнѣнно что если проблема сохраненія мяса не разрѣшена вполне, то она близка къ разрѣшенію. Развѣ цѣль эта не достигнута относительно растительныхъ веществъ? Итакъ въ скоромъ времени можно будетъ употребить въ пользу этотъ громадный рудникъ южноамериканскаго мяса, который до сихъ поръ доставлялъ только *tasafo* (сушеное мясо) для неприворотливыхъ негровъ Антильскихъ острововъ, и уже можно предусмотрѣть послѣдствія этого прогресса. Производство мяса въ Европѣ недостаточно, и цѣны на него возвышаются съ каждымъ днемъ. На материкѣ оно еще составляетъ слабую пропорцію въ потребленіи массъ. Среднее потребленіе Француза или Бельгійца не достигаетъ и трети потребленія Англичанина, а послѣднее гораздо ниже (нѣкоторые статистики, правда Американцы, утверждаютъ что въ половину) потребленія Американца. Привозъ свѣжаго мяса изъ Южной Америки совершенно измѣнитъ такое положеніе вещей. Мясо станетъ доступно низшимъ классамъ, къ великой выгодѣ для ихъ силы и здоровья, а съ другой стороны, производители мяса береговъ Ла-Платы будутъ потреблять гораздо большее количество продуктовъ европейской промышленности. Но какимъ образомъ, спросятъ насъ, земледѣліе выдержитъ эту конкуренцію безпрерывно возрастающаго привоза дешеваго мяса? Очень просто: она усовершенствуетъ производство своего мяса. Мясо Ла-Платы здорово, но качества обыкновеннаго; потребителями его явятся классы менѣе богатые, между тѣмъ какъ національные производители безъ труда сохраняютъ за собою потребленіе достаточныхъ классовъ, съ условіемъ только чтобы качество ихъ продуктовъ не ухудшалось. Не надо думать, впрочемъ, чтобы чрезвычайный привозъ мяса или иного какого-либо продукта потребленія вель непрѣмлю къ такому сильному пони-

женію цѣны, какъ то утверждаютъ протекціонисты. Какъ только увеличивается обиліе, цѣны понижаются и вслѣдъ за тѣмъ появляется новый слой потребителей, и „спросъ“ который дѣлается добавочными потребителями поддерживаетъ цѣны, останавливаетъ пониженіе и затѣмъ въ послѣдствіи ведетъ къ повышенію. Итакъ наливъ южно-американскаго мяса не болѣе повредитъ нашему земледѣлю, какъ и наливъ сѣверо-американской пшеницы; но онъ подниметъ питаніе народа въ уровень съ достаточными классами; онъ создастъ силу и здоровье, и эксплуатація этого рудника питательныхъ веществъ принесетъ для человечества гораздо болѣе пользы чѣмъ эксплуатація золотыхъ росылей Калифорніи и Австраліи.

Но есть еще третій „наливъ“ который тревожитъ нашихъ землевладѣльцевъ болѣе чѣмъ два предыдущіе, ибо дѣйствія его были еще ощутительнѣе: я разумѣю наливъ шерсти изъ Австраліи, Ла-Платы и съ мыса Доброй Надежды. Американская война вызвавшая быстрое и громадное повышение цѣны на хлопокъ должна была естественно подѣйствовать и на цѣны всѣхъ ткацкихъ матеріаловъ. Возвышеніе цѣнъ дало толчокъ производству, и такимъ образомъ производство шерсти въ Австраліи поднялось съ 32хъ милліоновъ фунтовъ, которые оно доставляло въ 1859 году, до 66ти милліоновъ въ 1866 или на 108%, на мысъ Доброй Надежды съ 11½ милл. до 21 или на 87%, наконецъ въ Ла-Платѣ съ 16 милл. на 59 или на 268%. Когда окончилась американская война и цѣны на хлопокъ понизились подъ вліяніемъ увеличившагося привоза этой статьи, шерсть понизилась въ свою очередь, и „старый французскій баранъ“ огласилъ воздѣхъ бляніемъ отчаянія, отголосокъ коего г. Тьеръ принесъ на трибуну законодательнаго корпуса. Но не слѣдуетъ ничего преувеличивать: цѣны на шерсть значительно понизились сравнительно съ дорогими годами, давшими толчокъ къ производству, но никакъ не выше того уровня на которомъ онѣ стояли въ прежніе годы. У меня предъ глазами таблицы цѣнъ на множество товаровъ въ Англіи съ 1845 года до 1869, и я нахожу что средняя цѣна на шерсть въ 1869 году еще выше на 4% средней цѣны на эту статью съ 1845 до 1850 годъ. Вы видите, жалобы стараго французскаго барана преувеличены. Теперь очевидно что пониженіе цѣнъ будетъ имѣть результатомъ замедленіе развитія

производства въ Австраліи, Ла-Платѣ и на мысѣ Доброй Надежды, и естественную приостановку налива, возбуждающаго отчаянные вопли „старого французскаго барана“. Къ тому же, потребление шерстяныхъ тканей и въ особенности тканей смѣшанныхъ изъ хлопка и шерсти, со времени хлопкового кризиса, достигло громаднаго развитія. Женщины низшихъ классовъ оставили ситцевыя платья и замѣнили ихъ платьями изъ тканей смѣшанныхъ изъ шерсти и бумаги, которыя красивѣе на видъ и дешевле. Не думаю чтобъ они были также прочны, но развѣ прочность въ дѣлѣ одежды есть то качество которымъ особенно дорожатъ женщины? *Качество* тканей, надо сказать правду, значительно понизилось, и это зависитъ отъ того что остроумные промышленники открыли „рудникъ шерсти“ почти столь же обильный какъ австралійскій въ... старомъ тряпѣ. Шерсть эту очищаютъ, моютъ, уничтожаютъ въ ней краску и подмѣшиваютъ ее въ различной пропорціи къ новой шерсти. Англійскія фабрики, которымъ принадлежитъ инициатива этой промышленности, употребили на нее въ 1865 году до 79 милліоновъ фунтовъ тряпья. Вотъ конкуренція которой не предусмотрѣлъ старый французскій баранъ; но правъ ли онъ будетъ, если на нее пожалуется? Потребление шерстяныхъ тканей, подстрекаемое дешевизной, проникаетъ такимъ образомъ въ самые низшіе слои населенія и тѣмъ самымъ вызываетъ правильное увеличеніе спроса, которымъ старый французскій баранъ воспользуется на свою долю, и то же можно сказать и обо всѣхъ европейскихъ баранахъ. Еслибы наши земледѣльческіе и промышленные производители были нѣсколько болѣе свѣдущи въ политической экономіи, то, по всему вѣроятію, они не такъ бы скоро приходили въ уныніе. Совершенно справедливо что Америка и Австралія могутъ доставлять намъ еще возрастающія массы пшеницы, мяса и шерсти; но принимая въ соображеніе какъ питается и одѣвается масса нашего населенія, разотчемъ сколько килограммовъ мяса и сколько метровъ шерстяной ткани нужно было бы чтобы наши простолюдины также хорошо питались и одѣвались какъ наши буржуа или даже какъ простолюдины въ Соединенныхъ Штатахъ, и мы убѣдимся что пройдетъ много времени прежде чѣмъ можно будетъ сказать что производство или привозъ (который есть не что иное какъ особая форма производства, то-есть производство

посредствомъ мѣны) превышаетъ нужды потребленія. Я знаю что протекціонисты говорили намъ: „Недостаточно привозить все возрастающія массы дешевой пищи или одежды, надо быть въ состояніи улачивать за нихъ, а какимъ образомъ вы за нихъ улатите, если конкуренція этой дешевой пищи и одежды разорили ваше земледѣліе и вашу промышленность?“ Аргументъ правдолюбивъ и всегда производитъ эффектъ; но если разсмотрѣть его внимательно, то скоро придетъ къ убѣжденію что рѣчь идетъ о чистой гипотезѣ, а отнюдь не о фактѣ. Мы часто просили протекціонистовъ указать намъ страну или даже какой-нибудь кантонъ, гдѣ земледѣліе и промышленность были бы задавлены и уничтожены иностранною конкуренціей. Они никогда не могли исполнить нашего требованія; дѣло въ томъ что привозныя статьи возвышаются въ цѣнѣ тотчасъ же какъ только рынокъ ихъ расширяется, до тѣхъ поръ пока ихъ производство становится въ уровень съ добавочнымъ спросомъ, или пока въ промежуткѣ земледѣліе или промышленность успѣваютъ осмотрѣться и произвести улучшенія, которыя охраняютъ ихъ лучше всякой таможи. Вотъ почему мы не опасаемся налива лишней изъ Сѣверной Америки, мяса и шерсти изъ Австраліи, Ла-Платы и съ мыса Доброй Надежды. Мы знаемъ что потребители, то-есть всѣ и каждый, будутъ отъ того пользоваться лучшею пищею и одеждою, а настоящимъ земледѣльцамъ это не помѣшаетъ на расширенномъ рынкѣ потребленія занимать обезпеченное мѣсто для ихъ продуктовъ и находить болѣе благосостоянія посреди общества обильнѣе снабженнаго всѣми жизненными потребностями.

III.

Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ примыкаетъ многими пунктами къ вопросу о свободной торговлѣ, и съ нѣкотораго времени злоупотребленія системы господствующей нынѣ во Франціи обратили на него особое вниманіе публики. Дѣйствующая въ послѣднее время система сосгнута въ раздѣленіи Франціи на шесть округовъ или на шесть королевствъ, изъ коихъ каждое завѣдуется компаніей, которая построила и эксплуатируетъ нѣсколько тысячъ километровъ, причемъ правительство

принимаетъ участіе въ расходахъ и барышахъ. Каждая изъ этихъ компаній пользуется монополіей перевозки въ своемъ округѣ, и эта монополія умѣряется только правомъ, которое предоставило себя правительство, опредѣлять *maximim* тарифа за перевозку. Это не что иное какъ старинная система корпорацій примѣненная къ новѣйшей изъ промышленности. Защитниками этой системы являются круныя финансовыя знаменитости, не считая многочисленныхъ штабовъ большихъ компаній, и она охранялась и охраняется общимъ невѣжествомъ публики. Утверждали, — и этотъ софизмъ есть основаніе всей системы, — что желѣзныя дороги составляютъ „естественную монополію“, и что вслѣдствіе этого государство не можетъ предоставить ихъ частной промышленности, не подвергая публику нестерпимому угнетенію. Съ другой стороны утверждали еще что если правительство не будетъ вмѣшиваться въ постройку желѣзныхъ дорогъ, то частная промышленность ограничится построеніемъ линій наиболѣе выгодныхъ и засавитъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій томиться ожиданіемъ наименѣе благопріятствуемаго части государства и пр. Нужно ли присовокуплять что опытъ вполнѣ обнаружилъ несостоятельность этихъ обоихъ софизмовъ? Съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе что конкуренція чувствуется въ перевозной промышленности, какъ и во всякой другой, и что если первая желѣзно-дорожная линія устраивается въ какой-либо странѣ и пользуется въ ней естественною монополіей, то эта монополія не отличается отъ той которою можетъ въ ней пользоваться первая фабрика какой бы то ни было зарождающейся промышленности. По мѣрѣ того какъ размножаются желѣзныя дороги, между ними возникаетъ и развивается конкуренція, — и она возникаетъ тѣмъ скорѣе что желѣзно-дорожная промышленность болѣе свободна чѣмъ всякая другая, менѣе затруднена стѣсненіями тарифовъ и другими предосторожностями принимаемыми въ мыслимомъ интересѣ публики. Наконецъ опытъ доказалъ также что выгоды доставляемыя линіями естественно самыми выгодными дѣйствуютъ какъ премія неудержимо привлекающая капиталы въ желѣзно-дорожныя предпріятія, и что они сами собою предпринимаютъ второстепенныя и третьестепенныя свѣти, точь-въ-точь какъ послѣ разработки земель перваго разряда приступаютъ къ воздѣлыванію земель втораго, третьяго и

четвертаго разряда, и такъ далѣе, такъ что неразработанною остается только почва рѣшительно безплодная. Эти уроки опыта начинаютъ проникать въ умы, и злоупотребленія компаний, ихъ рутина, пренебреженіе къ требованіямъ публики много содѣйствуютъ тому что они привимаются благопріятно. Въ прежнее время, по крайней мѣрѣ во Франціи, двѣ системы считались только *возможными*, постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ государствомъ или компаниями дѣйствующими купно съ государствомъ и поставленными въ непосредственную отъ него зависимость. Теперь начинаютъ предлагать себѣ вопросъ, не лучше ли было бы удѣловиться предоставленіемъ свободы частной промышленности, не стѣняя ее регламентаціями и не давая ей субсидій, и не лучше ли было бы ликвидировать сложное состояніе въ которомъ государство находится относительно компаний, съ предоставленіемъ впредь свободѣ довершить нашу желѣзно-дорожную сѣть. Во вниманіе къ этимъ новымъ стремленіямъ общественнаго мнѣнія правительство выдало концессіи, несмотря на возраженія большихъ компаний, на довольно значительное число мелкихъ независимыхъ линій, заключающихъ въ себѣ около 2.000 километровъ и раздѣленныхъ на 23 мелкія компаніи, не считая линій мѣстнаго интереса. Къ нему обращаются еще за новыми концессіями, которыя будутъ производить болѣе прямую конкуренцію крупнымъ компаниямъ. Оно колеблется и, слѣдуя обычаю усвоенному имъ съ нѣкотораго времени, поручило „особой комиссіи“ изученіе этого вопроса; но между тѣмъ вопросъ все идетъ впередъ, и вотъ на примѣръ, бывшій секретарь Южной Компаніи, г. Пужардье, предлагаетъ въ одной брошюрѣ, только что вышедшей въ свѣтъ, примѣнять „кооперативную систему“ къ построенію и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Г. Пужардье желалъ бы чтобы для построенія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ вообще принята была система „предпринимательныхъ контрактовъ“ (*contrats d'entreprise*), къ которой начинаютъ прибѣгать мелкія компаніи, то есть чтобы концессионныя компаніи поручали выполненіе работъ по подряду „кооперативнымъ обществамъ“ строителей и отдавали эксплуатацію съ торговъ другимъ „кооперативнымъ обществамъ“. До какой степени практична эта система? Не знаю. Кооперативныя общества очень плохо принялись во Франціи, и не думаю чтобы они пошли удачнѣе въ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ чѣмъ въ прочихъ отрасляхъ труда,

но тѣмъ не менѣе основная идея этой брошюры вѣрна. Я разумно примѣненіе предпринимательныхъ контрактовъ къ построенію желѣзныхъ дорогъ съ одной стороны, а съ другой—ограниченіе желѣзно-дорожныхъ предпріятій менѣе обширными размѣрами. Въ началѣ предпріятія эти были слишкомъ мелки, теперь же стремленіе къ захвату монополіи перевозки въ каждомъ отдѣльномъ округѣ имѣло результатомъ сдѣлать ихъ слишкомъ обширными: если не сумѣютъ экономически управлять желѣзною дорогой въ сотню километровъ, то равномѣрно не въ состояніи будутъ завѣдывать экономически и компаніями, владѣющими двумя и тремя тысячами километровъ. Всѣмъ предпріятіямъ полагаются „естественныя границы“; мы прежде слишкомъ стѣсняли ихъ, а нынѣ расширили ихъ до крайности. Одна свобода можетъ дать „настоящую мѣру“ пространству эксплуатацій, какъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, такъ и во многихъ другихъ.

У меня теперь предъ глазами превосходно и изящно изданное сочиненіе г. Генри Пура подъ заглавіемъ: *Manuel des chemins de fer aux Etats-Unis de 1869—1870*, введеніе къ коему заключаетъ въ себѣ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ статистическихъ данныхъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ. Изъ него мы видимъ, во первыхъ, что въ концѣ 1868 года на земномъ шарѣ было 109.177 миль* желѣзныхъ дорогъ, распределенныхъ весьма неравномѣрно. Европа владѣла болѣе половиной оныхъ, 56.660 миль, то-есть по одной милѣ на 5.016 жителей. Затѣмъ слѣдуетъ Сѣверная Америка—44.802 мили, или по одной милѣ на 1.100 жителей. Итакъ, каждый Сѣверо-Американецъ располагаетъ пространствомъ желѣзной дороги влѣтѣро болѣе значительнымъ чѣмъ каждый Европеецъ. Азія имѣетъ 4.474 мили, изъ коихъ 4.092 въ Англійской Индіи; Африка—583 мили (въ Египтѣ, въ Алжиріи и въ Калсской колоніи), Австралія—789 миль, Южная Америка и Антильскіе острова—1.869 миль. По указанію этой таблицы, Россія имѣетъ 4.317 миль, или по одной милѣ на 15.265 жителей, то-есть около одной трети средней европейской пропорціи и $\frac{1}{4}$ средней американской. Впрочемъ, вы стремитесь неудержимо превзойти эту пропорцію и вознаграждать потерянное время. Эти 109.177 миль желѣзной дороги стоили громадной

* Миля равняется 1 километру 600 метрамъ или 1 верстѣ $269\frac{1}{4}$ саж.

суммы 10.829.751.982 доллара *, или среднимъ числомъ по 100.000 долларо́въ на милю; но эта сумма далеко еще не равняется той, которой стоили образованному міру войны вѣденыя имъ съ начала столѣтія, а какъ различны результаты тѣхъ и другихъ расходовъ! Во главѣ этой таблицы во всѣхъ отношеніяхъ занимають мѣсто Соединенные Штаты: въ началѣ 1868 года они владѣли 42.255 милями желѣзной дороги (съ открытія же Тихоокеанской линіи протяженіе ихъ доходитъ до 50.000), или по одной милѣ на 876 жителей, и издержали на этотъ великолѣпный снарядъ передвиженія только 1.869.529.313 долларо́въ, или по 44.255 долларо́въ на милю. Нигдѣ, кромѣ Новаго Брауншвейга, гдѣ постройка каждой мили обошлась въ 30.771 долларъ, расходы по устройству желѣзныхъ дорогъ не обошлись такъ дешево. Правда, постройка ихъ страдала разными недостатками, но тѣмъ не менѣе, несмотря на ихъ несовершенство, американскія желѣзныя дороги распространили жизнь и благосостояніе во всѣхъ частяхъ Союза. Американцы поняли лучше всѣхъ народовъ *цѣну времени* въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ; они строили ихъ быстро, съ тѣмъ чтобы перестроить потомъ, и были роскошно вознаграждены за эту послѣднюю усвоеніемъ себя самаго превосходнаго орудія благосостоянія и цивилизаціи новѣйшаго времени и всѣхъ временъ. Въ Англіи желѣзныя дороги среднимъ числомъ стоили вчетверо дороже, по 176.269 долларо́въ на милю.

Какимъ же образомъ дѣйствовали въ Соединенныхъ Штатахъ? Какая тамъ система желѣзныхъ дорогъ? Какія торговля операціи онѣ производятъ? Какія выгоды изъ нихъ извлекаются? и пр. По всѣмъ этимъ пунктамъ *Мани ел* г. Пура даетъ интересныя указанія, которыя я постараюсь изложить вкратцѣ. Основатель Американской республики, Вашингтонъ, Джефферсонъ и другіе, повидимому, умѣли вполнѣ оцѣнить необходимость путей сообщенія для ихъ обширнаго отечества, но обыкновенныхъ дорогъ было недостаточно, а желѣзныя не существовали. Приступили къ устройству обширной системы каналовъ, и къ 1825 году ихъ провели на разстояніи 5.000 миль. Результаты были превосходныя; земледѣльческія страны Запада пришли въ соприкосновеніе съ промышленными странами Востока и съ Океаномъ. Исчислено было что перевозка тонны товаровъ отъ Буффало до Альбани обходилась 100

* Долларъ равняется 5 фр. 25 сант., или 1 руб. 31½ коп.

долларовъ до открытія канала Эріе. Послѣ открытія этого канала она понизилась на 10 долларовъ, и потомъ на 3. Со всѣмъ тѣмъ каналы были далеко недостаточны для удовлетворенія потребности быстрыхъ сообщеній; изобрѣтены были желѣзныя дороги, и локомотивъ Стефенсона, появившійся въ 1825 году на линіи отъ Манчестера до Ливерпуля, разрѣшилъ проблему примѣненія пара къ сухопутному передвиженію. Первый локомотивъ въ Америкѣ ходилъ по желѣзной дорогѣ отъ Балтимора до Огайо въ 1831 году. Съ этой минуты толчокъ былъ данъ: съ 1830 по 1848 годъ Соединенные Штаты построили 5.996 миль желѣзныхъ дорогъ, или по 310 миль въ годъ. Съ 1848 года до начала междуусобной войны, въ 1860 году, они построили 24.637 миль, или по 2.053 въ годъ. Во время войны построеніе желѣзныхъ дорогъ, конечно, приостановилось, впрочемъ прекратилось оно только на югѣ. Съ 1860 по 1868 годъ ихъ выстроено было 11.642 мили, или по 1.455 миль въ годъ, но большая часть ихъ исполнена была уже послѣ войны. Въ 1868 году, напримѣръ, ихъ открыто было 2.979 миль, то-есть болѣе чѣмъ когда-либо прежде, и теперь построеніе ихъ продолжается съ такою же усиленною дѣятельностью. Самымъ большимъ протяженіемъ ихъ, разумѣется сравнительно съ занимаемымъ ими пространствомъ, владѣютъ сѣверо-восточныя штаты, самые промышленные и самые богатые; Массачусетсъ, напримѣръ, имѣетъ ихъ не менѣе одной мили на 5,47 квадратныхъ миль пространства, между тѣмъ какъ въ Арканзасѣ приходится только по одной милѣ на 606,88 кв. миль. Но западныя штаты, менѣе населенныя, имѣютъ первенство съ точки зрѣнія населенія; они имѣютъ желѣзной дороги по одной мили на 731 жителя, между тѣмъ какъ въ восточныхъ штатахъ (Новая Англія) приходится по одной милѣ на 845 чел. Г. Пуръ исчисляетъ, что еслибы всѣ штаты Союза были покрыты желѣзными дорогами въ одинаковой пропорціи съ Массачусетсомъ, то у нихъ было бы этихъ дорогъ на 600.000 миль, и въ качествѣ добраго Американца онъ не сомнѣвается что Союзъ достигнетъ этой колоссальной цифры. Стоимость желѣзныхъ дорогъ въ Союзѣ измѣнялась смотря по штатамъ: въ Новой Англіи она простиралась до 40.500 долл. на милю, въ центральныхъ штатахъ: въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и пр. до 55.000 долларовъ, въ южныхъ штатахъ, гдѣ земля стоила дешево и гдѣ постройка была особенно груба, только по 30.000 долларовъ. Устройство ихъ, что не мѣшаетъ замѣтить, есть почти исклю-

чительно дѣло частной промышленности; государство приняло только участіе въ постройкѣ Тихоокеанской дороги, гдѣ политическіе интересы требовали большой поспѣшности и гдѣ частная промышленность колебалась начать предпріятіе одними своими силами. Отдѣльные штаты вмѣшивались въ желѣзнодорожныя дѣла только въ рѣдкихъ случаяхъ и то въ видѣ исключенія. Они ограничились изданіемъ „общихъ законовъ“ по этому предмету, и нью-йоркскій законъ, отличающійся вполнѣ либеральнымъ характеромъ, былъ принятъ большею частію другихъ кружныхъ штатовъ. Компаніи предоставлены были ихъ собственнымъ силамъ, но, по крайней мѣрѣ, здѣсь не придумывали какъ въ Европѣ ограничивать срокъ ихъ концессій и облагать ихъ разными ограниченіями, обязательными и всевозможными повинностями. Въ началѣ всѣ линіи были большею частію незначительной длины, но затѣмъ вліяніе системы *смитія*, которою такъ злоупотребляли въ Европѣ, отразилось и на Соединенныхъ Штатахъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Не говоря о Тихоокеанской дорогѣ, находящейся въ особыхъ условіяхъ, самая обширная желѣзная дорога между Чикаго и Северо-Востокомъ имѣетъ 1.257 миль, Пенсильванская — 538 миль, Ридингъ—807, Эріе—774, Нью-Йоркская центральная—692 мили.

„Можно усомниться, замѣчаетъ по этому поводу г. Пуръ, чтобы подобныя *смитія* были дѣйствительно выгодны. По мѣрѣ того какъ увеличивается протяженіе желѣзной дороги, чувство ответственности, повидимому, слабѣетъ въ той же пропорціи у тѣхъ кому поручено завѣдываніе ею. Рѣдко случается чтобъ администраторы обладали необходимыми способностями для надлежащаго управленія линіей въ 1.000 миль, доходы коей простираются до 15 милл. долл., затраченный капиталъ до 75 милл., и при которой служатъ отъ 10 до 15 тысячъ человекъ. Опытъ этой страны представляетъ самое убѣдительное доказательство что отношеніе *чистаго дохода къ доходу валовому* уменьшается по мѣрѣ того какъ расширяется предпріятіе. Мы полагаемъ что отчасти той же причинѣ слѣдуетъ приписать уменьшеніе чистаго дохода англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, несмотря на увеличеніе ихъ валоваго сбора.“

Далѣе г. Пуръ замѣчаетъ что при *смитіи* нѣсколькихъ мелкихъ компаній въ одну, случалось нерѣдко что выпускалась новыя акціи ровно ничего собою не представлявшія и только уменьшавшія долю принадлежавшую прежнимъ. Переходяте теперь къ услугамъ которыя желѣзныя дороги

оказываютъ Соединеннымъ Штатамъ. Чтобы дать о нихъ понятие относительно перевозки товаровъ, г. Пуръ представляетъ слѣдующій расчетъ: цѣна за перевозку тонны маиса или пшеницы, говоритъ онъ, простирается до 20 центовъ на милю по обыкновенной дорогѣ. По этой таксѣ маисъ можетъ выносить расходы по перевозкѣ на разстояніе *maximum* до 125 миль, если онъ стоить по 75 центовъ за бушель, а пшеница до 250 миль, если цѣна ея по 1½ доллара за бушель. Стало-быть при обыкновенныхъ дорогахъ оба эти хлѣбные продукта, торговое значеніе коихъ самое важное, имѣли бы рынокъ своимъ только пространство, одинъ 125 миль въ окружности, другой 250 миль. По желѣзной дорогѣ цѣна перевозки зернового хлѣба ограничивается однимъ центомъ съ четвертью на тонну и на милю. Вслѣдствіе этого рынокъ маиса расширяется до 1.600 миль, а рынокъ пшеницы до до 8.200 миль въ окружности. Окружность же, радиусы коей простираются на 125 миль, имѣетъ 49.087 квадр. миль поверхности, а окружность съ радиусами въ 1.600 миль займетъ поверхность въ 8.042.496 квадр. миль, то-есть *во 160 разъ болѣе*. Изъ этого можно составить себѣ понятіе о громадномъ развитіи которое желѣзныя дороги придали производству, увеличивъ пространство его рынка въ такихъ размѣрахъ о которыхъ прежде не помышлялъ бы никто и мечтать. Можно составить себѣ понятіе о невѣроятномъ расширеніи торговли чрезъ желѣзныя дороги по мѣрѣ ихъ развѣтвленія. Г. Пуръ полагаетъ въ 75 милліоновъ число тоннъ товаровъ перевезенныхъ въ 1868 году по желѣзнымъ дорогамъ Союза и утверждаетъ что вся эта торговля создана желѣзными дорогами съ 1851 года. Цѣнность этихъ 75 милл. тоннъ провезенныхъ по желѣзнымъ дорогамъ Союза въ 10.472.250.000 долл., что вшестеро превышаетъ государственный долгъ и составляетъ по 280 долларовъ на человѣка въ общей сложности населенія Союза. Интересно также ежегодное увеличеніе этой торговли. Въ 1851 году, когда Соединенные Штаты имѣли только 8.836 миль желѣзныхъ дорогъ, количество перевезенныхъ товаровъ не превышало 5.500.000 тоннъ; значить въ 10 лѣтъ оно увеличилось на 70 милл. тоннъ, то-есть на 1.300%, и надо замѣтить притомъ что рѣчь идетъ не о простомъ перемѣщеніи перевозки, ибо каналы и рѣки сохранили свои занятія, которыя еще и увеличились, но о ея дѣйствительномъ возрастаніи, возникшемъ отъ расширенія рынка всѣхъ товаровъ, благодаря уменьшенію провозной

платы по желѣзнымъ дорогамъ. Валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ простирался въ 1851 году (на 8.876 миляхъ открытыхъ для движенія) до 40 милл. долларовъ, распредѣлявшихся по-лозамъ между товарами и пассажирами; въ 1867 году онъ воз-высился (на 42.000 миляхъ,) до 400 милл., изъ коихъ 280.000.000 приходилось на товары и 120.000.000 на пассажировъ. Это неравенство въ прогрессіи дохода обоихъ источниковъ снова доказываетъ съ какою силой дѣйствовали желѣзныя дороги на развитіе торговли Союза, и какое изумительное движеніе придали онѣ увеличенію богатства. Г. Пуръ не даетъ намъ указаній о доходѣ доставляемомъ американскими желѣзны-ми дорогами, но онъ заявляетъ что если расходы по ихъ по-стройкѣ были здѣсь гораздо менѣе значительны чѣмъ въ Европѣ, за то ихъ расходы по эксплуатаціи гораздо выше. Между тѣмъ какъ въ Англіи эти расходы не превышаютъ 50% валоваго дохода, въ Соединенныхъ Штатахъ они про-стираются отъ 60 до 70%. Это зависитъ отъ различныхъ причинъ и въ особенности отъ сравнительной дороговизны топлива и заработной платы. Расходъ по топливу исчисляе-мый въ Англіи въ 3,42 цента на милю въ каждомъ поѣздѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, простирается до 21,60 центовъ, то-есть вшестеро дороже; разница заработной платы отъ 3 центовъ до 8,26; содержаніе путей отъ 12,70 до 49,50, содержаніе машинъ отъ 6,45 до 17,35, вагоновъ отъ 6,74 до 21,18 и пр., общая разница отъ 61,37 до 166 центовъ. Если-бы запретительная система не возвышала въ Соединенныхъ Штатахъ цѣны матеріаловъ по эксплуатаціи желѣзныхъ до-рогъ, то эти расходы могли бы быть значительно сокращены; въ ожиданіи этого, они страшно тяготятъ прелпріятія; но не-обыкновенное развитіе которое придали имъ духъ предпріим-чивости Американцевъ безъ всякой помощи, при одномъ со-дѣйствіи свободы, во всякомъ случаѣ представляетъ чудное явленіе, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, энергическій и настойчивый Янки не имѣетъ себѣ соперника въ Европѣ.

Вообще *Manuel* г. Пура заслуживаетъ полнаго вниманія, и желательно было бы чтобы хотя предисловіе его, главныя чер-ты коего я изложилъ, было воспроизведено на всѣхъ евро-пейскихъ языкахъ.

IV.

Какъ ни велико значеніе матеріальныхъ орудій цивилизаціи, оно отодвигается на второй планъ въ присутствіи самого человѣка. Дайте въ руки населенія слабого, невѣжественнаго и безнравственнаго самыя превосходныя орудія, самыя значительныя капиталы, въ состояніи ли оно будетъ употребить въ дѣло первыя и не расточить послѣднихъ? Бросьте же, на противъ того, на необитаемый берегъ общество людей образованныхъ, нравственныхъ, дѣятельныхъ и энергическихъ, и вы увидите что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, на этомъ берегу возникнетъ цвѣтущая и могущественная колонія. Вотъ почему слѣдовало бы заниматься гораздо болѣе улучшеніемъ „личнаго состава“ цивилизаціи чѣмъ усовершенствованіемъ ея орудій. А между тѣмъ, если спуститься ниже того что можно назвать главнымъ штабомъ цивилизованныхъ обществъ, если сравнить уровень знаній современной намъ народной массы съ тѣмъ что было столѣтіе тому назадъ, то не окажется ли очевиднымъ что въ этотъ промежутокъ времени орудія производства достигли гораздо болѣе быстрыхъ успѣховъ чѣмъ личный составъ? Инструменты нашихъ мастерскихъ и фабрикъ обновились совершенно, и огромное разстояніе отдѣляетъ старинныя маленькіе станки отъ изумительныхъ машинъ настоящаго времени; но всмотритесь въ умственное состояніе рабочихъ приводящихъ въ дѣйствіе эти усовершенствованныя орудія, и вы найдете почти то же невѣжество, тѣ же предразсудки и то же полуварварство какими они отличались въ прошедшемъ столѣтіи. Въ Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ прогрессъ былъ оцутительнѣе, но во Франціи, въ Бельгіи, даже въ Англіи, воспитаніе массъ поражаетъ отсталостью. Во Франціи цѣлая треть населенія совершенно безграмотна, а другая треть отнюдь не употребляетъ въ дѣло свѣдѣній коими надѣлило ее первоначальное обученіе. Цивилизація заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ безчисленные легионы варваровъ, что составляетъ ея позоръ и грозитъ ей опасностью. Исправленіемъ этого зла дѣятельно занимаются въ послѣдніе годы; въ Англіи дѣло обязательнаго обученія почти восторжествовало, и пріобрѣло также многочисленныхъ сторонниковъ во Франціи. Со всѣмъ тѣмъ не слѣдуетъ

забывать что распространение образования есть благо въ такомъ только случаѣ, когда изъ него дѣлается употребленіе здоровое и полезное. Человѣкъ знающій грамотѣ обладаетъ орудіемъ которое онъ можетъ или забросить, или употреблять какъ въ пользу, такъ и во вредъ себѣ и другимъ. Вотъ что отлично дѣлали въ Америкѣ и въ Англіи, и вотъ почему тамъ тщательно занимались умноженіемъ и распространеніемъ хорошихъ книгъ. Вслѣдствіе этого разносная продажа книгъ приняла въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи характеръ настоящаго соціального учрежденія. Американское Общество для разноски книгъ, ассоціація частныхъ лицъ основанная въ 1825 году и считающая нынѣ болѣе 24.000 членовъ, издерживаетъ не менѣе 1½, милліона франковъ ежегодно. Со времени своего основанія оно издало 183½, милліона маленькихъ томовъ или брошюръ на ста сорока различныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ. Каталогъ Общества, какъ видно изъ его послѣдняго отчета, заключаетъ въ себѣ 3.373 сочиненія, въ числѣ коихъ 657 состоятъ изъ большихъ томовъ. Оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи 662 разнощика, а добровольныхъ сотрудниковъ нѣсколько тысячъ. Въ Англіи разносная торговля не менѣе развита; но выборъ здоровой умственной пищи для массъ былъ выполненъ преимущественно черезъ посредство учрежденія на которое благомыслящіе люди обращаютъ нынѣ общественное вниманіе во Франціи и которое должно было бы распространиться повсюду; я говорю о *свободной цензурѣ*, состоящей въ вѣдѣніи *Общества честной литературы*. Въ началѣ общество это рѣшило что оно будетъ употреблять свои средства на умноженіе и распространеніе сочиненій ученыхъ, историческихъ и литературныхъ для употребленія народныхъ массъ, но вскорѣ оно замѣтило что не въ состояніи будетъ выполнить такой задачи. Что же предприняло оно? Оно ограничило свою дѣятельность составленіемъ и распространеніемъ каталога такъ-называемой *честной литературы*, содержащаго сочиненія какъ прежде издавныя, такъ и вновь издаваемыя, которыя, по его мнѣнію, заслуживаютъ быть рекомендованными для семействъ и народныхъ библіотекъ. Каталогъ этотъ составленъ съ величайшимъ тщаніемъ. Всѣ сочиненія безнравственныя, лустыя или бесполезныя, исключены изъ него. Тѣ же что поименованы въ немъ и рекомендуются, вполнѣ того заслуживаютъ. Къ чему же повело это? Къ тому что издатели наполнявшіе рынокъ вредными для народа

сочиненіями принуждены были исправиться чтобы добиться допущенія своихъ изданій въ каталогъ общества состоящаго изъ вліятельныхъ людей, имѣющаго сношенія со всѣми школами, промышленными центрами и въ особенности съ селеніями Соединеннаго Королевства. Общій тонъ народной литературы ощутительно измѣнился подъ вліяніемъ этого разумнаго и либеральнаго *Index*. Издатели въ свою очередь подѣйствовали на сочинителей, и въ скоромъ времени всѣ наперерывъ стали добиваться чести попасть въ каталогъ Общества честной литературы. Каталогъ этотъ ежегодно печатается въ огромномъ числѣ экземпляровъ и распространяется болѣе чѣмъ тремя тысячами членовъ и корреспондентовъ Общества. Пополняемый ежегодно, онъ сталъ настоящею преобразующею силою и, по мѣткому выраженію одного изъ редакторовъ, „грохотомъ, къ которому каждый приходитъ съ полною увѣренностію что найдетъ потребное для него очищенное зерно.“

Учрежденіе это, имѣющее нѣкоторое сходство со Людовымъ *Bureau Veritas*, куда вписываются всѣ торговля суда съ показаніемъ ихъ мореходныхъ свойствъ, не водворилось еще во Франціи. Правда, правительство учредило *Коммиссію для разносной продажи*, которая не прилагаетъ своего штемпеля къ сочиненіямъ, если находитъ ихъ вредными. Сочиненія эти запрещается продавать разнощикамъ, но не книгопродавцамъ. Къ тому же коммиссія разносной продажи подвергаетъ запрещенію только сочиненія явно безнравственныя, и ее обвиняютъ что она занимается гораздо болѣе политическими тенденціями представляемыхъ ей сочиненій чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Наконецъ, если она устраняетъ дурныя книги, или тѣ кои кажутся ей таковыми, то она все-таки не рекомендуетъ книгъ полезныхъ; она не составляетъ и не распространяетъ никакаго каталога подобнаго изданію Общества честной литературы. А между тѣмъ это было бы весьма нужно, ибо умственное питаніе массъ во Франціи стоитъ на самой низкой стелени. Послушаемъ что говорить по этому поводу г. де-Летанъ, авторъ недавно вышедшей брошюры подъ заглавіемъ *Le Colportage*:

„Если мы рассмотримъ внимательно изъ чего состоитъ народная литература,—я не говорю о руководствахъ и о прочихъ книгахъ специально относящихся къ различнымъ отраслямъ промышленности, — то увидимъ что она у насъ почти

не существует; но если мы примемъ въ соображеніе только общій характеръ литературы проникающей въ мастерскія и въ особенности по деревнямъ почти исключительно путемъ *разносной продажи*, то найдемъ что около 37 миллионъ экземпляровъ различныхъ изданій было распродано въ теченіе 1867 года, и цифра эта распределяется слѣдующимъ образомъ: различныхъ брошюръ (большею частью ничтожныхъ) 10 милл., повѣстей и сказокъ (самыхъ грязныхъ) 15 милл., различныхъ альманаховъ 10 милл.; собственно книгъ 1.400.000. Если къ этой цифрѣ 37 миллионъ прибавить учебники и книги раздаваемые въ награду въ первоначальныхъ школахъ, то въ общей сложности окажется 40 милл. экземпляровъ, расходящихся ежегодно между земледѣльческимъ и рабочимъ населеніями.

„Какое же нравственное, научное и литературное значеніе этихъ 40 миллионъ изданій? Постоянная коммиссія разносной торговли одна могла бы отвѣчать на этотъ вопросъ; но мы не колебаясь можемъ заявить что за исключеніемъ книгъ школьных, церковныхъ и извѣстнаго числа руководствъ и альманаховъ по различнымъ специальностямъ, пять шестыхъ прочихъ книгъ проданныхъ по деревнямъ состоятъ изъ романовъ или жизнеописаній Мандрена, Картуша, Видока и тому подобныхъ негодяевъ; скоро въ число ихъ попадутъ и подвиги Тролмана.... Прочія народныя изданія рѣшительно не имѣютъ никакой цѣны и никакого практическаго значенія, со включеніемъ огромнаго большинства книгъ, раздаваемыхъ въ награду ученикамъ первоначальныхъ школъ.... „Къ несчастію, слишкомъ справедливо писалъ по этому поводу одинъ изъ инспекторовъ первоначальнаго обученія, что мы не имѣемъ во Франціи народной литературы. Наши школьныя награды, которыя могли бы въ значительной степени содѣйствовать распространенію полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній, состоятъ почти исключительно изъ красивыхъ бездѣлушекъ присылаемыхъ изъ Тура, Эливалы и изъ другихъ мѣстъ; такимъ образомъ мы съ прискорбіемъ видимъ какъ ежегодно бросаются на вѣтеръ значительныя суммы, которыя принесли бы намъ большую пользу еслибы мы умѣли употреблять ихъ какъ слѣдуетъ.... Большая часть нашихъ учителей, желая раздѣлить побольше наградъ, закупаютъ множество сочиненій, все достоинство коихъ заключается въ красивой оберткѣ....“

Итакъ вотъ изъ чего состоитъ въ настоящее время умственная жизнь огромнаго большинства Французовъ; присоедините къ этимъ пошлымъ и вреднымъ изданіямъ множество мелкихъ газетъ по одному су, каковы *Petit Journal* и *Petite Presse* и пр., расходящихся въ числѣ сотенъ тысячъ экземпляровъ, потомъ социалистскія и революціонныя газеты, продающіяся нѣсколько дороже, *Marseillaise*, *Rappel*, *Réveil*, составляющія любимое и можетъ быть даже единственное чтеніе

рабочихъ занимающихся политикою, и вы получите почти полное свѣдѣніе о нашей народной литературѣ. Правда, устроилась „Национальная бібліотека“, поставившая себѣ цѣлю распространить въ маломъ форматѣ и по самой дешевой цѣнѣ, въ 25 сантимовъ, образцовыя произведенія нашей и иностранной литературы, но выборъ ея далеко не всегда удаченъ. Въ числѣ ихъ красуются на примѣръ политическія творенія Руссо со включеніемъ его *Contrat social*, самые безнравственные романы Вольтера, книга *О Государствѣ* Маккиавелли, памфлеты Камилла-Дюмулена, Ламенне и пр. Очевидно, книги эти, какъ бы ни было велико ихъ политическое и литературное достоинство, ни въ какомъ случаѣ не могутъ распространить въ массахъ здравыхъ и практическихъ познаній въ коихъ онѣ нуждаются. Г. де-Летавъ, брошюру котораго я цитую, лучше понялъ рѣшеніе этой щекотливой проблемы. Усмотрѣвъ что Франція не имѣетъ народной литературы и понимая что разомъ невозможно создать таковую, онъ обратился къ Англичанамъ и испросилъ у гг. Джаррольда и Сына позволеніе перевести безчисленные и превосходные маленькіе трактаты, которые эти издатели, особенно рекомендованные Обществомъ честной литературы, милліонами распространяютъ по всей Англіи. Въ числѣ этихъ маленькіхъ трактатовъ встрѣчаются поистинѣ образцовыя произведенія, которыя, съ точки зрѣнія народнаго воспитанія, стоятъ въ десять тысячъ разъ дороже сочиненій Руссо, Вольтера и Маккиавелли. Укажу, для примѣра, на трактатъ *О важности хорошей пищи*, который на 34 страницахъ in-18, содержитъ самыя поразительныя объясненія поговорки: *mens sana in corpore sano*. Приведу начало чтобы дать понятіе о характерѣ изложенія:

„Одинъ изъ моихъ друзей владѣетъ сильною паровою машиной, которую онъ постоянно употребляетъ для пряжи шерсти. Я испытываю истинное наслажденіе, когда смотрю какъ этотъ желѣзный гигантъ выполняетъ свое остроумное дѣло, какъ онъ величественно потрясаетъ своими могучими членами и двигаетъ тяжелыми бревнами, вращающимися съ неустойчивою силою! На одномъ пунктѣ вы видите какъ онъ перебиваетъ килы шерсти своими желѣзными руками и рачищаетъ ея волокна. На другомъ—огромные цилиндры подбираютъ эти вымытыя волокна и выжимаютъ заключающуюся въ нихъ влагу. Тогда стальные пальцы проводятъ ихъ въ тонкіе гребни, выпрядающіе ихъ въ нити, между тѣмъ какъ нити посредствомъ безпрерывно двигающихся цилиндровъ бережно наматываются на тысячу веретень. Гигантская сила

центральнаго бревна распределяется такимъ образомъ между множествомъ микроскопическихъ силъ, и каждое изъ этихъ веретенъ вращается посредствомъ такой слабой силы что дѣтскаго пальца достаточно было бы чтобы привести его въ движеніе. А между тѣмъ тысячи этихъ блестящихъ и прыгающихъ веретенъ требуютъ, въ общей сложности, для своего постояннаго движенія силу во сто лошадей. Какъ бы вы думали, откуда почерпаетъ этотъ гигантъ-прядильщикъ свою чудодѣйную силу, равную силѣ ста лошадей? Какъ бы вы думали, откуда онъ почерпаетъ силу дающую возможность его желѣзнымъ рукамъ и стальнымъ пальцамъ схватывать эти килы шерсти и поддерживать съ утра и до вечера въ непрерывномъ движеніи эти десять тысячъ веретенъ? Вы мнѣ отвѣтите что онъ извлекаетъ ее изъ пара, что это паровой гигантъ, и что желѣзные члены двигаются посредствомъ горячаго пара. Но такъ какъ онъ самъ производитъ свой собственный паръ, то отвѣтъ этотъ неудовлетворителенъ. Итакъ намъ слѣдуетъ пойти нѣсколько далѣе чтобы отыскать источникъ его могущества. Я скажу вамъ откуда происходитъ его сила. *Она происходитъ отъ пищи.* Если вы желаете чтобы великанъ этотъ работалъ, надо чтобы вы его кормили. Перестаньте кормить его и онъ работать не будетъ. Не давайте ему ничего ѣсть, и его могучія руки перестанутъ качаться, и движенія его, столь ловкія и искусныя, внезапно остановятся. Какую же пищу потребляетъ паровая машина? Если мы обойдемъ великана-прядильщика, то сами увидимъ чѣмъ онъ питается. Отъ времени до времени мы замѣтимъ какъ раскрывается его страшный зѣвъ, и дюжій надсмотрщикъ бросаетъ въ него цѣлыя охапки пищи; мы слышимъ потомъ какъ великанъ испускаетъ пронзительный ревъ удовольствія при каждомъ проглатываемомъ кускѣ. Паровая машина пожираетъ черный уголь и отъ этого чернаго угля она приобретаетъ свою силу.

„То же самое что и съ великаномъ-прядильщикомъ дѣлается и съ вашимъ тѣломъ, другъ мой, работникъ. Все равно, какова бы ни была ваша работа, копаете ли вы землю, пахете ли вы ее, ударяете ли вы молотомъ по наковальнѣ, сидите ли вы за ткацкимъ станкомъ, *сила, которую вы употребляете на вашу работу, происходитъ отъ естественной пищи,* и если вы не подкрѣпитесь достаточною пищею, члены ваши перестанутъ дѣйствовать; ваши мускулы потеряютъ гибкость и останутся безъ движенія.“

Ограничусь этимъ отрывкомъ, иначе пришлось бы приводить всю брошюру. Но не правда ли что, избирая для примѣра вещи которыя рабочій ежедневно имѣетъ у себя на глазахъ, можно всего удобнѣе просвѣщать его умъ? Не такова ли должна быть настоящая народная литература? Г. де-Летанъ заимствовалъ также изъ каталога *Честной литературы* превосходную

книжку подъ заглавіемъ: *Рабочій, его жена и дѣти. Простые вопросы социальной и семейной экономіи*. Но надо правду сказать, эти попытки къ очищенію умственной лица народа не встрѣчаютъ достаточнаго поощренія, и я очень опасаюсь что наши массы рабочихъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ, долгое время еще будутъ принуждены образовывать свой умъ и сердце посредствомъ романовъ, *Petit Journal*, *Almanach double Liégeois*, исторій о Картузѣ и Мандренѣ, *Секретаря любовниковъ* и *Снотолкувателя*.

V.

Успѣли ли окончательно уничтожить торговлю неграми? На западномъ берегу Африки она постепенно уменьшалась въ послѣдніа двадцать лѣтъ, не столько отъ дѣйствія крейсеровъ, сколько вслѣдствіе закрытія привозныхъ рынковъ. Бразилія мало-по-малу замѣнила привозъ негровъ изъ Африки „разведеніемъ“ негровъ внутри страны; Куба, занятая борьбой, прекратила спросъ на нихъ; наконецъ въ колоніяхъ, гдѣ эманципация уже совершилась, и въ южныхъ штатахъ Американскаго Союза недостатокъ рабочаго *stock* пополняютъ привозомъ *обязательной работы* Индусовъ и Китайцевъ, заступающихъ мѣсто негровъ-невольниковъ. До сихъ поръ полагали, что Европа и Африка однѣ будутъ пользоваться монополіей снабженія Америки рабочимъ населеніемъ. Но вотъ теперь и Азіа принимаетъ въ немъ участіе, и начинаютъ уже предусматривать что скоро наступитъ день когда желтое племя, болѣе способное къ земледѣльческимъ и рудокопнымъ работамъ въ жаркой полосѣ чѣмъ бѣлое племя, болѣе дѣятельное и образованное чѣмъ черное племя, принудительный привозъ котораго пріостановился по филантропическимъ соображеніямъ, заселитъ въ свою очередь Америку, какъ оно, можетъ-быть, заселяло ее во времена предшествовавшія открытію Христофора Колумба. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, отпускъ негровъ-невольниковъ съ западнаго берега Африки въ Америку почти прекратился, но исчезла ли торговля неграми въ Африкѣ? Едва ли нужно говорить что невольничество существовало во внутренней Африкѣ во всѣ времена, и что оно существуетъ и теперь точно такъ же какъ въ тѣ времена когда торговля неграми была самою дѣятельною и цвѣтущею. „Товаръ“ упалъ въ цѣнѣ въ западной полосѣ вслѣдствіе

закрытія американскихъ рынковъ,—вотъ и все. Въ восточной полосѣ торговля неграми отправляемыми на заграничный рынокъ долгое время была незначительна, но въ послѣднія 15 или 20 лѣтъ она пріобрѣтала все болѣе и болѣе обширные размѣры. Она еще не достигла цифры западной торговли въ періодъ самаго цвѣтущаго состоянія послѣдней, но приближается къ ней и скоро, можетъ-быть, превзойдетъ ее, если противъ этого не примутъ надлежащихъ мѣръ. Вотъ что сообщаетъ намъ авторъ книги, въ которой тщательно изложены свѣдѣнія собранныя путешественниками и европейскими консулами относительно торговли невольниками въ западной полосѣ Африки. Книга эта носитъ заглавіе: *La Traite Orientale, histoire des chasses à l'homme organisées en Afrique depuis quinze ans pour les marchés de l'Orient* (Восточная торговля невольниками, исторія охоты за людьми устроенной въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Африкѣ для снабженія рынковъ Востока) г. Этьенна Феликса Берлиу, профессора исторіи въ Лионскомъ императорскомъ музеѣ. Постараюсь представить вамъ анализъ этого замѣчательнаго сочиненія. Г. Берлиу считаетъ отъ 70 до 80 тысячъ число негровъ которыхъ африканскіе охотники за людьми отрываютъ отъ ихъ жилищъ для поддержанія торговли невольниками и снабженія Египта и особенно Аравіи. Въ это число, присовокупляетъ онъ, не включены тѣ которые погибаютъ до прибытія на рынокъ, и есть дороги на которыхъ число жертвъ столь значительно что слѣдъ каравановъ обозначается трупамъ, остающимся на пути. Если присоединить къ этому людей которые падали защищаясь противъ охотниковъ и тѣхъ которые погибли отъ нищеты посреди болотъ и пустынь, то цифра окажется ужасающая. На нѣкоторыхъ пунктахъ, по свидѣтельству путешественниковъ, въ невольничество поступаетъ пятая, а на другихъ только десятая часть населенія уничтожаемаго этою охотою. Итакъ рядомъ съ 70.000 несчастными увлекаемыми торговлей, ежегодно бываетъ отъ 300 до 400 тысячъ мертвыхъ падающихъ жертвами этой охоты за людьми. Можетъ-быть въ этихъ цифрахъ есть нѣкоторое преувеличеніе, ибо кратическая часть сочиненія г. Берлиу оставляетъ многого желать; но свидѣтельства всѣхъ путешественниковъ единогласно заявляютъ что число жертвъ торговли невольниками съ каждымъ днемъ увеличивается въ западной части Африки. Какія же полосы служатъ театромъ

этой охоты за людьми, или, говоря иначе, гдѣ мѣста производства невольниковъ и рынки покупки ихъ, по какому направлению идутъ ихъ караваны, гдѣ продается и потребляется этотъ живой товаръ, и наконецъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ восточная торговля развилась особенно въ послѣднія пятнадцать лѣтъ? Вотъ вопросы которые разсматриваетъ одинъ за другимъ авторъ *Traite Orientale*. По его словамъ, существуютъ три главные полосы снабженія: 1) Полоса Судана, откуда негры переправляются на караванахъ проходящихъ Феццанъ, одни въ Тунисъ и Триполи, другіе въ Египетъ. 2) Полоса Нила отъ Хартума, сдѣлавшагося однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ торговли невольниками, до Гондокоро, лежащаго на 1100 километровъ къ югу отъ Хартума, не далеко отъ озера Альберта-Ніанцы. Негры захватываемые въ этой полосѣ, отправляются вверхъ по Нилу для снабженія Египта, или грузятся на суда для отсылки въ Аравію въ портахъ Массовы и Суакима. 3) Полоса юго-восточная отъ озера Ніанцы до рѣки Замбезе и португальской колоніи Мозамбика. Невольники захваченные въ этой полосѣ направляются въ Аравію и Персидскій заливъ. Г. Берліу полагаетъ что первая полоса доставляетъ 10.000 невольниковъ, вторая 40.000, и третья 30.000. Торговля въ первой и въ послѣдней изъ этихъ полосъ находится исключительно въ рукахъ Арабовъ, но въ долину Нила Европейцы, — Французы, Австрійцы, Италіянцы и пр., — люди самые безнравственные, но ловкіе и энергическіе, придали этой торговлѣ чрезвычайное развитіе въ послѣдніе годы.

Итакъ торговля первой полосы наименѣе важная, и я остановлюсь на ней на одну минуту, чтобы показать до какой степени запрещеніе невольничества въ Оттоманской имперіи, торжественно постановленное послѣ Крымской войны, осталось мертвою буквой. Черезъ Мурзукъ, столицу Феццана, проходятъ караваны съ невольниками привозимыми изъ внутренности Африки. Каймаканъ, при которомъ состоитъ гарнизонъ въ 500 человекъ, довольно силенъ чтобы принудить неготорговцевъ, если не отказаться отъ ихъ торговли, — этого онъ въ виду не имѣетъ, то по крайней мѣрѣ быть любезными въ отношеніи къ нему. Г. Гергардъ Рольфъ, смѣлый германскій путешественникъ, объѣхавшій театръ торговли неграми съ 1865 года по 1867, представляетъ намъ интересныя извѣстія по этому предмету. Однажды его посѣтилъ врачъ гарнизона, попросилъ удалить его каваса, залереть дверь, и принялся бесѣдовать съ нимъ о

торговль невольниками. По словамъ медика, между властями и негроторговцами заключена конвенція. Послѣдніе привозятъ свой „товаръ“ только по ночамъ. Какъ только приходитъ караванъ, дежурный калраль отправляется считать невольниковъ, кольрасси (командиръ гарнизона) надзираетъ за входомъ въ ворота, а каймаканъ принимаетъ ралортъ и.... по двѣ десяти-франковыя монеты за каждаго негра. Зять его получаетъ сверхъ того „бакшишъ“ по 65 сантимовъ съ негра. Медикъ сообщавшій объ этомъ г. Гергарду Рольфу выказывалъ сильное негодованіе противъ такого лихоимства, и путешественникъ былъ изумленъ такимъ порывомъ добродѣтели, но дѣло вскорѣ объяснилось: врачъ-Турокъ пренаивно высказалъ ему что каймаканъ такъ неблагороденъ что ни кольрасси, ни ему не удѣляетъ ни малѣйшей частицы своего дохода. Конечно, присовокуляетъ г. Берліу, въ Триполи есть муширъ, а въ Константинополь еще нѣкто поважнѣе, но, по видимому, всѣ турецкіе администраторы перлы человечества. Муширъ не желаетъ тревожить каймакана, присылающаго ему подарки и невольниковъ; что касается до сгамбульскихъ вельможъ, то они вполне полагаются на строгую честность своихъ подчиненныхъ, если тѣ отъ времени до времени присылаютъ имъ маленькій подарокъ въ дюжину негровъ. Городъ Мурзукъ лежитъ подъ 26° сѣв. шир., а нужно добраться до 16° прежде чѣмъ достигнуть южной границы Сахары; значить, по прямой линіи, нужно сдѣлать 1100 километровъ черезъ пустыню. На этомъ долгомъ пути встрѣчается нѣсколько оазовъ, а иногда въ продолженіи цѣлыхъ дней путники идутъ по совершенно обнаженной степи. Здѣсь-то невольничьи караваны терпятъ наиболѣе потерь. На этомъ пути, сообщаетъ намъ дальѣе г. Гергардъ Рольфъ, погонщики верблюдовъ имѣютъ обыкновеніе привязывать мѣха и ведра такимъ образомъ что отверстіе ихъ обращено къ головѣ животнаго. Если который-либо изъ невольниковъ, томимый жаждою, задумаетъ украдкой добыть себѣ драгоценной влаги, верблюдъ, также томимый жаждой, поднимаетъ крикъ и останавливается, какъ только кто-нибудь коснется его груза, и такимъ образомъ выдаетъ смѣльчака. На нѣкоторыхъ пунктахъ дорога усыяна костями. По обѣ стороны, говоритъ г. Рольфъ, мы видимъ бѣлвющіяся кости погибшихъ невольниковъ; на нѣкоторыхъ скелетахъ видѣется еще катунъ (одежда) негровъ. Даже тотъ кто не знаетъ дороги въ Бурну можетъ слѣдовать за костями разсѣ-

явными направо и налево, и не ошибется въ ея направленіи. Что остатки эти принадлежатъ неграмъ, удостовѣряетъ то что они не похоронены. Скелеты становятся особенно многочисленны по мѣрѣ приближенія къ источникамъ. Несчастные добываются до нихъ полуживые; небольшое количество воды могло бы ихъ спасти, но пески занесли отверстіе колодезей, и необходимо рабовать чтобы расколоть ихъ; только самые сильные могутъ ждать и выдерживать работу; прочіе оставиваются чтобъ умереть. Путешественникъ видѣлъ однажды трупъ мальчика подлѣ колодезя: солнце высушило его какъ мумію. Въ другой разъ, въ этой грязной водѣ, которую служители черпали ночью безъ особыхъ предосторожностей, оказался человѣческой черепъ.

Невольники привозимые въ Мурзукъ закупаются главнымъ образомъ въ Куку, одномъ изъ большихъ городовъ внутренней Африки. Цѣна ихъ тамъ еще сравнительно довольно высока. Мальчикъ стóитъ отъ 15 до 30 талеровъ (въ этой полосѣ, такъ же какъ и въ прочихъ мѣстахъ внутренней Африки, ходятъ австрійскіе талеры съ изображеніемъ Маріи-Терезіи); дѣвушка стóитъ отъ 30 до 60 талеровъ; молодые феллахи, которые свѣтлѣе цвѣтомъ, стóятъ всегда дороже. За то старики и маленькія дѣти продаются очень дешево, потому что они составляютъ товаръ негодный къ отпуску. Относительная высота цѣны, длина перехода и утрата товара на пути чрезъ пустыню имѣетъ большое вліяніе на выручку, и этой причинѣ авторъ нашъ приписываетъ незначительное развитіе торговли неграми въ этой полосѣ.

Иначе идетъ дѣло во второй полосѣ, Нильской, средоточіе которой есть Хартумъ. Г. Берліу весьма живописно сравниваетъ (и это одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ его книги) Ниль съ громаднымъ мостомъ переброшеннымъ чрезъ песчаное море отдѣляющее африканскій міръ отъ міра цивилизованнаго.

„Богатая и обработанная долина, образующая Египетъ, говоритъ онъ, совершенно чужда странѣ по которой она проходитъ; она вся состоитъ изъ матеріаловъ принесенныхъ издалека, подобно бревнамъ и доскамъ перебрасываемымъ черезъ проласть. Отойдите на нѣсколько километровъ вправо или влево отъ рѣки, и вы встрѣтите только утесы и пески; просверлите буравомъ почву долины, и вы найдете тутъ же безплодный грунтъ на глубинѣ десяти или пятнадцати метровъ. Этотъ

глинистый наносъ, посреди котораго протекаетъ рѣка, не принадлежитъ къ египетской почвѣ; онъ принесенъ изъ-за трехъ или четырехъ тысячъ километровъ водами Нила. Рѣка есть великій работникъ, проложившій дорогу чрезъ пустыню, охраняющій и исправляющій ее....“

Хартумъ построенъ, какъ извѣстно, въ 1840 году, вслѣдствіе завоеванія Нубіи Мегметомъ-Али. Онъ расположенъ въ восхитительной мѣстности, при сляніи Бѣлаго Нила съ Синимъ, и благодаря этому положенію, сдѣлавшему его центромъ торговли со внутреннею Африкой, онъ развивается чрезвычайно быстро. Въ немъ поселились европейскіе негоціанты, привлеченные сначала выгодами торговли слоновою костью. Но скоро они замѣтили что выгоды будутъ еще значительнѣе, если она присоединятъ къ торговлѣ слоновыми клыками торговлю неграми; мало-по-малу эта вторая отрасль, бывшая сначала прибавочною, обратилась въ главную. Всѣ путешественники посѣщавшіе эту мѣстность, гг. Гейглинь, Бекеръ, Лежанъ, сообщали какимъ образомъ производится тамъ охота за людьми. Какой-нибудь негоціантъ, обыкновенно Европеецъ, заласпійся нужнымъ капиталомъ, устраиваетъ экспедицію изъ своей хартумской конторы. Вербуются и организуются отряды отъ 100 до 150 человекъ. Участники получаютъ опредѣленное жалованье, отъ 50 до 80 лиастровъ ежемѣсячно, и кромѣ того долю въ барышахъ. Сверхъ того, каждый участникъ можетъ производить на свой счетъ небольшую торговлю, продавать колья, стрѣлы и другіе мелкіе предметы. Чтò касается лица, то вопросъ этотъ разрѣшается очень просто: всякому позволено жить на счетъ туземцевъ. Есть однако вещи которыхъ онъ не можетъ добыть у нихъ, каковы, напримѣръ, ткань для одежды, табакъ, водка и пр. Здѣсь предприниматель возмещаетъ свои расходы: онъ продаетъ всѣ эти предметы своимъ служителямъ, не забывая, конечно, удвоить и утроить ихъ цѣну. Покупка и продажа вносится въ книжку каждаго участника, и при окончательномъ разчетѣ нерѣдко бываетъ что ему ничего не приходится получить отъ своего хозяина, такъ что весь барышъ свой ему предстоитъ добывать грабежомъ и разбоемъ. По прибытіи на мѣсто избранное для операцій экспедиціи, начальникъ ея устраиваетъ на берегахъ рѣки центральный складъ, куда привозятся снаряды купленные въ Хартумѣ, и оттуда отправляются партіи охотниковъ для добыванія слоновой кости и для газуа

(захвата скота и невольниковъ). Эти заведенія, носящія названіе *серибахъ*, суть нѣчто въ родѣ укрѣпленныхъ лагерей въ формѣ квадрата отъ 60 до 80 шаговъ, окруженные лалисадами. Внутри выстраиваются коническія хижины, служащія жилищами или магазинами. Самъ негодіантъ-предприниматель не живетъ въ *серибахъ*, онъ даже и пріѣзжаетъ туда только разъ въ годъ, когда сѣверный вѣтеръ благоприятствуетъ плаванію вверхъ по рѣкѣ. На свое мѣсто онъ назначаетъ *секилла*, который управляетъ дѣлами экспедиціи съ помощью комиссіонера. Когда серибахъ выстроенъ, то вся окрестная страна подчиняется власти и монополіи сего владѣльца. Таковъ законъ Нила, признанный торговцами, и каждый изъ нихъ уважаетъ границы своего сосѣда до тѣхъ поръ пока не представляется особенной выгоды нарушить ихъ. Жители состоящіе въ вѣдѣніи серибаха платятъ ему дань провизіей, обязаны перевозить тяжести и кормить отдѣльныхъ солдатъ. Вся слоновая кость добываемая туземцами должна быть продаваема владѣльцу серибаха. Когда страна истощена, и въ ней нельзя найти ни слоновой кости, ни припасовъ, ни невольниковъ, стоянки переносятся далѣе, и такимъ образомъ укрѣпленные лагери охотниковъ за людьми и слонами достигли до Гондокоро, на 1.100 километровъ къ югу отъ Хартума, и по всему вѣроятію, въ скоромъ времени доберутся до экватора, внося олустошеніе во всѣ посѣщаемыя ими страны и пользуясь средствами цивилизаціи для грабежей и разрушенія. Невольники захватываемые въ *газуа* или покупаемые у туземцевъ стоняются въ серибахъ и оттуда на баркахъ отправляются по Нилу. По свидѣтельству гг. Гейглина и Бекера, негры нагружаются въ эти барки подобно анчоусамъ, какъ попало, мертвые вмѣстѣ съ живыми. Чума и холера нерѣдко свирѣлствуютъ между ними.

„Европейскія державы, замѣчаетъ по этому поводу г. Берліу, назначили санитарную комиссію для изысканія какъ зараждается холера. Вниманіе этой комиссіи обращено на Красное море. Но комиссіи слѣдовало бы принять въ соображеніе что Аравія, главный пунктъ развитія эпидеміи, есть сборное мѣсто не только богомольцевъ посѣщающихъ Мекку, но и каравановъ доставляющихъ негровъ-невольниковъ. Если первые находятся въ самыхъ бѣдственныхъ гигиеническихъ условіяхъ, то послѣдніе уже несомнѣнно заражены болѣзнями. Аравійскій портъ Макалла, въ Гадремаутѣ, гдѣ многія суда заразились холерой, есть именно невольничій рынокъ. Въслѣдствіе этого

насколько неудивительно если мѣры принятыя или указан-ныя комиссіей не достигнутъ своей цѣли, такъ какъ она думала изъ виду главное гнѣздо заразы.“

Эта охота за людьми, подробности коей съ благороднымъ негодованіемъ сообщаютъ все болѣе и болѣе многочисленныя путешественники пробирающіеся во внутреннюю Африку по слѣдамъ Слека и Гранта, одѣлалась наконецъ извѣстны въ Европѣ и взволновала общественное мнѣніе. Египетскому правительству начали дѣлать представленія о необходимости положить ей конецъ, и логичному, въ последнее время, оно расположено исполнить это желаніе. Большая экспедиція, руководство коей поручено знаменитому путешественнику, г. Бекеру, сообщившему въ 1864 году много поразительныхъ извѣстій о восточной торговлѣ неграми, снаряжена была египетскимъ правительствомъ съ двойною цѣлю: изслѣдовать верхнее теченіе Нила, положить конецъ хищничеству негро-торговцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣлать внутреннюю Африку благами принудительной работы въ томъ видѣ какъ она существуетъ въ Египтѣ. Письмо, адресованное 22го октября 1869 года г. Бекеромъ въ *Morning Post*, сообщило намъ объ организациі экспедиціоннаго корпуса и о цѣли которой онъ предполагаетъ достигнуть. Подъ командой г. Бекера состоитъ 1.700 человекъ всадниковъ и пѣхотинцевъ; флотъ изъ 65 судовъ назначенъ для перевозки личнаго состава и грузовъ этой маленькой арміи. Пятнадцать Европейцевъ сопровождаютъ г. Бекера. Со включеніемъ служителей, носильщиковъ, рабочихъ и пр., экспедиція состоитъ изъ 6.000 человекъ. Въ Гондокоро г. Бекеръ сядетъ съ избранными спутниками на стальные суда, нарочно сдѣланныя для плаванія по верхнему Нилу и по озеру Альбертъ-Ньянца. Всевозможныя рабочіе состоятъ при экспедиціи не только для того чтобы собрать всѣ части этихъ судовъ и спустить ихъ на воду, но чтобы въ случаѣ надобности выстроить и другія изъ дерева. Программа, напечатанная въ *Morning Post*, заключаетъ въ себѣ подавленіе торговли рабовладельцами, присоединеніе къ Египту экваторіальнаго бассейна Нила, уничтоженіе войны между племенами, введеніе обработки хлопчатника съ помощью принудительнаго труда, учрежденіе конторъ и правильной навигаціи. По нашему мнѣнію, невозможно было бы найти другаго начальника экспедиціи, болѣе способнаго къ осуществленію такой программы чѣмъ г. Бекеръ. Г. Бекеръ ненавидитъ охотниковъ за людьми,

варварство которыхъ онъ имѣлъ случай видѣть близко; съ другой стороны онъ противникъ мысли о водвореніи между неграми благодѣяній *selfgovernment*. „До тѣхъ поръ пока будетъ господствовать мнѣніе, говоритъ онъ въ своемъ путешествіи, что негры и бѣлые должны быть управляемы одинаковыми законами и подчинены одинаковымъ обычаямъ, негръ останется камнемъ преткновенія во всѣхъ обществахъ къ которымъ будетъ принадлежать. Подобно лошади, негръ дичаетъ на свободѣ; приучите его къ яму, и вы не найдете животнаго полезнѣе.“ Но до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, проблема подчиненія негровъ яму безъ возобновленія беззаконій и чудовищныхъ злоупотребленій рабства не была еще разрѣшена. Проблему эту до нѣкоторой степени разрѣшили парагвайскіе іезуиты относительно Индійцевъ, и необходимо, конечно, чтобъ она была когда-нибудь разрѣшена и относительно негровъ; но мы сомнѣваемся чтобъ это рѣшеніе было чѣмъ-либо инымъ какъ распространеніемъ на нихъ системы тяготящей надъ египетскими феллахами. Подождемъ, впрочемъ, исхода экспедиціи г. Бекера: во всякомъ случаѣ она будетъ имѣть превосходные результаты въ томъ смыслѣ что доставитъ намъ положительныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ размѣрахъ торговли невольниками въ полосѣ верхняго Нила и о бѣдствіяхъ порождаемыхъ „охотой за людьми“.

Переходимъ, наконецъ, къ третьему рынку снабженія невольниками, къ обширной полосѣ простирающейся на береговомъ пространствѣ въ 2.700 километровъ отъ Бабельмандебскаго пролива у входа въ Красное море до границы португальской колоніи Мозамбика, и продолжающейся къ югу внутрь страны до полосы озера Ниаussy, недавно изслѣдованной докторомъ Ливингстономъ. Полоса эта находится, по крайней мѣрѣ большею частію, подъ мусульманскимъ владычествомъ, главный центръ коего есть островъ Занзибаръ. Занзибаръ есть главный невольничій рынокъ въ этой полосѣ, какъ Хартумъ во второй; въ Занзибаръ привозятъ негровъ отовсюду, и изъ него уже они переправляются въ Аравию. Г. Берліу, по свидѣтельству различныхъ путешественниковъ, полагаетъ что не менѣе 30 и даже 40 тысячъ невольниковъ перевозится этимъ путемъ, и торговля неграми доставляетъ тамъ большія выгоды. „Маленькій невольникъ, говоритъ онъ, купленный внутри страны за кусокъ миткала, цѣной въ одинъ франкъ, продается за пять и даже за десять талеровъ, болѣе

взрослый негръ стоитъ отъ 10 до 30 талеровъ; за женщину берутъ по оту талеровъ, и цѣна эта возвышается до нѣсколькихъ сотень, если женщина привозится изъ Абиссиніи или страны Гамасовъ. На рынокъ выводятся и пожилые мужчины и старухи, на которыхъ, впрочемъ, является мало покупателей. Для этой продажи отведено мѣсто въ довольно грязномъ кварталѣ, гдѣ женщины ставятъ по одну сторону, а мужчинъ по другой. Весь этотъ товаръ продается съ молотка, и комиссіонеръ-офиціантъ исчисляетъ сначала качества каждой статьи. "Занзибарскій султанъ взимаетъ налогъ съ продажи негровъ, и этотъ налогъ доставляетъ ему самый значительный изъ его доходовъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ внутреннихъ населеній, въ особенности на сѣверѣ, противопоставляютъ захватамъ негроторговцевъ энергическое сопротивленіе, и г. Берлиу указываетъ на образованіе маленькаго государства на территоріи Гамасовъ, ядро коего составляютъ бѣглецы невольники. Но эти сопротивленія, встрѣчаемыя негроторговцами въ сѣверной полосѣ, имѣли единственнымъ своимъ результатомъ распространеніе ихъ операцій въ южной полосѣ. Такимъ образомъ они все ближе и ближе подходили къ области озера Нюассы, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была внѣ нападеній, и гдѣ они теперь распространили ужасъ и разореніе. По этому предмету мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство доктора Ливингстона. Когда Ливингстонъ прибылъ въ первый разъ въ эти страны въ 1851 году, то онъ видѣлъ что все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, занимались на поляхъ земледѣіемъ; когда онъ проходилъ по деревнямъ, то слышалъ стукъ жернововъ, молотившихъ зерно, или станковъ работавшихъ ткани. Когда же торговля невольниками прошла по этимъ странамъ, то совершенно измѣнила ихъ; въ 1861 и 1863 годахъ Ливингстонъ не узналъ болѣе этой полосы. Только одна хищныя звѣри рыскали по плантаціямъ, гробовое молчаніе тяготѣло надъ деревнями; двери не отворялись болѣе чтобы предложить гостепріимство; подъ крышами, размытыми дождемъ или сожженными пожаромъ, валялись одни трупы. Тамъ и сямъ посреди тростника встрѣчались плоты съ несчастными туземцами, которые, только убѣдясь что проходій не охотникъ за людьми, поднимали голову и протягивали руку, умолая о подавнн. Когда приближаются охотники, то вы видите толпы бѣглецовъ укрывающихся въ явсахъ, слышите ружейныя выстрѣлы, крики раненыхъ и послѣдніе стоны

умирающихъ. Охота эта должна быть очень дѣятельна, такъ какъ, по свидѣтельству англійскаго консула въ Занзибарѣ, полковника Ригби, область Нюассы доставляетъ ежегодно на этотъ островъ 19.000 негровъ. Ливингстонъ, приводящій эту цифру, представляетъ еще болѣе ужасающее вычисленіе. Онъ полагаетъ что на каждаго невольника приводимаго въ Занзибаръ приходится на нѣкоторыхъ пунктахъ *пять* жертвъ, а на другихъ до *десяти*. Операции арабскихъ торговцевъ не ограничиваются уже бассейномъ озера Нюассы, нынѣ почти опустошеннымъ. За горами, по направленію къ западу, воды стекаютъ ко внутреннему углубленію, которое Ливингстонъ называетъ „центральнымъ жолобомъ“. Тамъ лежитъ озеро Танганика, и къ югу отъ него страна называемая Казембе. Арабскіе промышленники добрались и туда. „Кампанія въ эти отдаленныя страны продолжается по крайней мѣрѣ три года; надо купить невольниковъ или наловить ихъ и затѣмъ перевести ихъ чрезъ огромныя пространства чтобы добраться до Занзибара. Для этихъ южныхъ невольничьихъ каравановъ существуетъ общее сборное мѣсто Килоа, которое занимаетъ относительно Занзибара ту же роль что Гондокоро относительно Хартума. Тамъ дается отдыхъ невольникамъ, потомъ ихъ собираютъ вмѣстѣ и отправляютъ къ гавани, откуда пересылаютъ на судахъ въ Аравію.

Что же дѣлается потомъ съ этими тысячами негровъ, которыхъ ловятъ какъ звѣрей или покупаютъ за безцѣнокъ во внутренности страны, и какая причина что „потребленіе“ ихъ такъ увеличилось въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, то-есть именно съ той эпохи когда Турція, вслѣдствіе Восточной войны, огмѣнила невольничество въ своихъ владѣніяхъ? Сочиненіе г. Берліу представляетъ намъ въ этомъ отношеніи интересныя указанія, заимствованныя изъ разказовъ путешественниковъ и въ особенности барона Деккена и г. Пельграва. Обширныя страны, занимаемыя какъ въ Африкѣ, такъ и въ Азіи арабскимъ племенемъ, служатъ мѣстами сбыта невольниковъ привозимыхъ изъ внутренней и восточной полосы Африки. Въ цвѣтуція времена халифовъ, арабское племя обладало въ высокой степени способностями господствующаго класса; способности эти оно большею частію утратило, но сохранило пороки порождаемые привычкою властвовать: лѣность и презрѣніе къ ручнымъ работамъ и домашнему хозяйству. Низшія работы исполнялись въ бывшее время подчи-

малыми племенами при содѣйствіи рабовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Арабы не имѣютъ другихъ племенъ подъ своимъ владычествомъ, они принуждены исключительно прибѣгать къ невольникамъ; къ этому сабадетъ присовокупить что успѣхи ограничившіе въ цивилизованномъ мірѣ сумму ручной работы необходимой для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни, еще неизвѣстны въ странахъ занимаемыхъ Арабами. Отъ Аравіи до Мадагаскара, по указанію барона Деккена, миллионы людей занимается очищеніемъ риса и другихъ хлебныхъ растений и обращеніемъ ихъ въ муку. Много и другихъ работъ исполняется невольниками.

Что касается дѣятельности и ежедневныхъ занятій Араба шибующаго состояніе, то о нихъ почти нечего сказать. За весьма немногими исключеніями, они всѣ страшные дѣлтані: дѣлать они ѣдятъ, курятъ, дѣлаютъ визиты и болтаютъ. Нѣтъ лять, шесть невольниковъ, Арабъ богатъ, то-есть можетъ ничего не дѣлать. Если у него есть земли, то онъ посылаетъ своихъ невольниковъ обрабатывать ихъ; если земель у него нѣтъ, то онъ отдаетъ своихъ невольниковъ въ наемъ въ различныя должности и живетъ выручаемою за то платой. Такимъ образомъ понятно что Арабъ не можетъ обойтись безъ невольниковъ, и что онъ запасается ими, какъ и всякимъ товаромъ, на рынкахъ наиболѣе выгодныхъ. Надо замѣтить что рынки эти въ наше время стали гораздо многочисленнѣе прежняго. До послѣдняго времени бѣлые невольники въ большомъ числѣ появлялись на рынкахъ Востока. То были бѣлые которыхъ вербовали въ явычарскіе отряды и которыхъ лараты Средиземнаго моря доставляли на рынки; памятны еще бѣлые невольники освобожденные въ Тунисъ Карломъ V и многочисленныя экспедиціи Лудовика XIV къ варварійскимъ берегамъ. Только въ наше вѣкъ были захвачены или закрыты эти убѣжища ларатовъ. Въ наше также время христіанскіе подданные Турецкой имперіи освободились до нѣкоторой степени отъ безконтрольнаго произвола лашей. Наконецъ Кавказъ, остававшійся важнымъ средоточіемъ торговли бѣлыми невольниками, по крайней мѣрѣ женщинами, потерялъ это значеніе благодаря завоснаніямъ Русскихъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ спросъ на невольниковъ поддерживается въ мусульманскихъ странахъ и особенно въ мѣстностяхъ подчиненныхъ арабскому владычеству, то по мѣрѣ того какъ бѣлые невольники становились все рѣже и дороже, оказалась необходимость

замѣнить ихъ неграми, которые качествомъ ниже, но за то дешевле, да и оказываютъ своимъ владѣльцамъ почти тѣ же услуги. Такимъ образомъ безъ труда объясняется постепенное развитіе восточной торговли невольниками. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Аравіи цвѣтъ населенія становится все темнѣе, ибо черная кровь постепенно замѣняетъ между ними бѣлую. Баронъ Мальцманъ, видѣвшій Геджасъ въ 1864 году, утверждаетъ напримѣръ что въ теченіи послѣдняго вѣка городское населеніе обратилось въ мулатовъ.

Можетъ ли измѣниться такое положеніе вещей? Желательно ли его измѣненіе? По мнѣнію г. Берлиу, принадлежащаго къ старинной филантропической школѣ „друзей черныхъ“, необходимо предпринять крестовый походъ для уничтоженія восточной торговли и для упраздненія невольничества въ странахъ подчиненныхъ арабскому владычеству. Напротивъ того, по словамъ путешественниковъ, показанія которыхъ г. Берлиу приводитъ добросовѣстно, хотя и съ крайнимъ негодованіемъ, г. Бекера и въ особенности г. Пельграва, положеніе негра невольника гораздо лучше положенія свободнаго негра, и измѣнять его не слѣдуетъ. Негръ большое дитя нуждающееся въ *опекѣ*, и опека эта у мусульманъ вообще не тяжела. Негръ считается почти членомъ семейства и имѣетъ право требовать чтобъ его продали, если съ нимъ обращаются дурно. Тѣ что работаютъ въ полѣ имѣютъ два свободные дня въ недѣлю; тотъ же изъ нихъ который отдается въ наймы, добываетъ по меньшей мѣрѣ восемь *пезасъ*; изъ этой суммы онъ пять отдаетъ своему господину, а три оставляетъ себѣ на свои личныя потребности, такъ что можетъ скопить малелькій капиталецъ и, не выходя изъ своего ословія, имѣть невольниковъ, которые принадлежатъ собственно ему. Очевидно, есть огромная разница между этимъ невольничествомъ и невольничествомъ американскимъ. У Арабовъ, по свидѣтельству г. Пельграва и другихъ путешественниковъ, невольничество есть опека, изъ которой самъ негръ извлекаетъ очевидныя выгоды, расплачиваясь за нихъ, конечно, довольно дорого, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ невольничество обращалось саишкомъ часто въ самую ужасную эксплуатацію. Г. Пельгравъ утверждаетъ что освобожденные негры въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже невольниковъ, и что предоставленные самимъ себѣ они впадаютъ въ самое жалкое и унизительное положеніе; вслѣдствіе чего онъ, также какъ и г. Бекеръ, подсмѣивается

надъ европейскими филантролами, которые желаютъ надѣлать негровъ благами *self government*. Можно согласиться, пожалуй, что друзья негровъ не знаютъ негровъ, и что мнѣніе такихъ людей, какъ гг. Самюэль Бекеръ и Пельгравъ заслуживаетъ бóльшаго вниманія чѣмъ мнѣніе нашего профессора исторіи въ императорскомъ Лионскомъ лицее, но если нѣтъ надобности открывать крестовый походъ для искорененія невольничества въ восточной Африкѣ и Аравіи, то невозможно не возмущаться ужасами „охоты за людьми“ производимой отъ Хартума до области озера Ніассы. Искоренить невольничество въ Аравіи было бы до крайности трудно; но необходимо положить конецъ захватамъ невольниковъ вооруженною рукой, и „кражѣ человѣка человѣкомъ“, которая сопровождается пожарами, убійствами и пр. и притомъ слишкомъ часто производится нынѣ съ помощью европейскихъ капиталовъ, особенно въ области Нила. Какими средствами? Я не могу указать ихъ, но, можетъ-быть, рѣшеніе этой проблемы сдѣлается менѣе затруднительно, если негрофилы, вмѣсто того чтобы заявлять притязаніе на абсолютное запрещеніе невольничества и соединенныхъ съ нимъ сдѣлокъ, даже если невольничество добровольное, или когда опытомъ доказано что оно предпочтительнѣе непріложимаго *самоуправленія*, ограничатся устраненіемъ возмутительныхъ злоупотребленій съ нимъ связанныхъ, и сосредоточивъ такимъ образомъ филантропическую дѣятельность въ менѣе обширной сферѣ, пойдутъ къ своей цѣли съ большею настойчивостью. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ болѣе чѣмъ когда-либо заслуживаетъ серьезнаго вниманія друзей человѣчества, ибо его не рѣшили еще негрофилы, и авторъ разбираемой мною книги заслуживаетъ признательности за то что онъ представилъ нѣсколько новыхъ документовъ для изученія означеннаго вопроса и для содѣйствія его разрѣшенію.

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

I. Группа Гальбиха.

Нѣсколько времени тому назадъ петербургская публика имѣла возможность любоваться во дворѣ Великой Княгини Елены Павловны однимъ изъ лучшихъ произведеній извѣстнаго мюнхенскаго скульптора Гальбиха: *Вакханка пьющая на твердь*. Мюнхень принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ городовъ Европы, гдѣ, съ легкой руки даровитаго ученика Торвальдсена, Лудвига Шванталера, особенно какъ-то привилась скульптура. Кромѣ двухъ лучшихъ учениковъ Шванталера: Видманна и Бруттера, а также профессоровъ: Кноля, Кнабля и Гальбиха, въ скромной столицѣ Баваріи, въ настоящее время, живетъ и работаетъ цѣлая фаланга молодыхъ учениковъ и послѣдователей ихъ, изъ числа которыхъ въ послѣдніе годы особенно выдвинулся впередъ Вагмюллеръ. Чтобы дать понятіе о томъ какъ развита въ Мюнхенѣ любовь къ скульптурному дѣлу, достаточно указать на краснорѣчивый фактъ что на международной художественной выставкѣ, бывшей въ этомъ городѣ въ прошломъ году, въ скульптурномъ отдѣленіи выставки можно было насчитать до пятидесяти экспонентовъ, собственно мюнхенскихъ художниковъ.

Има Гальбиха (род. въ 1815 г.) давно пользуется почетною славою не только въ Европѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, два безспорно лучшія его произведенія попали въ Америку. Мы говоримъ о двухъ группахъ: *Освобожденіе работъ*, находящейся, если не ошибаемся, въ Санъ-Луи, и *Дочь дьяволика застигнутая на камняхъ*, заказанной однимъ Американцемъ изъ Нью-Йорка. Кроме того для Бразиліи, въ Багію, сдѣлавъ имъ монументъ фельдмаршалу Кохагиба. Не перечисляя вѣкъ многочисленныхъ работъ Гальбиха, можно еще вспомнить его колоссальное бронзовое распятіе на Мюнхенскомъ кладбищѣ, нѣсколько памятниковъ разнымъ частнымъ лицамъ тамъ же; восемнадцать колоссальныхъ, въ 20 футовъ вышиною статуй, изображающихъ различныя провинціи Германіи, для города Кельгейма, близъ Регенсбурга, между которыми особенно обращаетъ на себя вниманіе прекрасная статуя Франконіи; колоссальную мраморную статую льва стерегущаго входъ въ кристаль на Констанцкомъ озерѣ, въ Линдау; монументъ Максимилиану II тамъ же; *caritas*, принадлежащую г-жѣ Нарышкиной, болѣе 60 бюстовъ для новой публ. библіотеки въ Мюнхенѣ и пр. Фасадъ Эрмитажа въ Петербургѣ украшенъ статуями сдѣланными также по рисункамъ Гальбиха. По его же моделямъ вылюплены нашимъ Теремевымъ, изъ сердобольскаго сѣраго гранита, и тѣ десять превосходныхъ гигантскихъ теламоновъ чтó поддерживаютъ лортикъ Эрмитажа.

Гальбихъ—классикъ въ своихъ произведеніяхъ. Подобно большаго мюнхенскихъ скульпторовъ; онъ держится того направленія которое, не довольствуясь однимъ рабскимъ подражаніемъ натурѣ, постоянно стремится къ идеалу и вѣкъ красоты не признаетъ художественной правды. Особенно удаются Гальбиху изображенія женскихъ фигуръ, всегда прекрасная и граціозная, безъ малѣйшей примѣси чувственнаго характера, такъ замѣтно преобладающаго въ новѣйшихъ скульптурахъ произведеніяхъ французской и итальянской школы. Этими же достоинствами отличается и его *Вакханка*, несмотря на то что здѣсь самый сюжетъ отчасти допускалъ нѣкотораго отклоненія отъ строгой философию идеальнаго стиля. *Вакханка* Гальбиха изображаетъ не раскущенную, пьяную менаду, пресыщенную жрицу Діониса, во время самаго разгара вакханаліи, когда вино и всякаго рода излишества отягали уже у красоты и женственности, и чистоту, и

свѣжесть, но молодую, шаловливую нимфу, съ упругими и изящно округлыми формами, со взоромъ горящимъ желаніемъ и неудовлетворенною страстью. Она еще только отправляется на празднество, гдѣ должна будетъ принести жертвы своему прекрасному богу. Медленно выступаетъ подъ нею тигръ, на которомъ она сидитъ. И тѣни ольпаненія не замѣтно въ ея красивой позѣ. Посадка ея смѣла и увѣренна. Левты ея тирса еще не сматы, волосы еще не растрепались въ бѣшеной пляскѣ. Безъ сомнѣнія, не такою вернется она съ оргій празднества. Но именно въ выборѣ этого характера представленія и сказался вполнѣ художественный тактъ мюнхенскаго скульптора. Еслибъ эту вакханку пришлось изображать Карло (Сагреау), или кому-нибудь изъ модныхъ италіянскихъ или французскихъ скульпторовъ, то для своей группы они навѣрное предпочли бы моментъ вакханаліи или возвращеніе вакханки съ празднества, потому что здѣсь представлялся бы полный просторъ для одной изъ тѣхъ чувственныхъ, вызывающихъ и раздражающихъ позъ, за которыми такъ гоняются эти господа. Гальбихъ поступилъ иначе. Онъ умѣлъ передать избранный сюжетъ со сдержанностію напоминающею лучшія преданія скульптуры. *Вакханка* его, по тилу лица и по выраженію глазъ, вполнѣ вѣрна тому характеру, который усвоенъ ей древнею мѣологіей, но прекрасное тѣло ея, несмотря на почти полную наготу, не имѣетъ ничего прянаго или соблазнительнаго. Благодаря вѣрно понятой идеи, и безъ тирса, который держитъ въ рукѣ вакханка, ее нельзя принять ни за дѣвственную Діану, ни за строгую Минерву, но за то она далека и отъ того чтобъ имѣть видъ раздѣтой натурщицы. Въ этомъ, по нашему крайнему разумѣнію, заключается главное достоинство произведенія мюнхенскаго профессора. Но и независимо отъ этого, группа Гальбиха произведеніе, хотя и не образцовое, но все же далеко выходящее изъ разряда обыкновенныхъ или дюжинныхъ. Какъ хорошо лицо *Вакханки*, съ выраженіемъ одержанной страсти въ нѣсколько узкихъ, но красиво разрѣзанныхъ глазахъ и въ ея чуть замѣтной улыбкѣ! Какой счастливый поворотъ головы! Волосы убраны со вкусомъ, хотя и нѣсколько изысканно. Шея, а также соединеніе шеи съ головою, и переходъ къ груди и къ плечамъ — превосходны, а между тѣмъ эти вещи едва ли не меньше всего удаются новѣйшимъ скульпторамъ. Лѣпка тирса безупречна. Какое изящество, какая свѣжесть контуровъ!

Особенно заслаживаютъ похвалы плечи и спина, замѣчательная красота которой само можетъ выдержать сравненіе съ наилучшими образцами современнаго ваянія. Но рядомъ съ этими капитальными достоинствами, нельзя не признать въ грудахъ и нѣсколькихъ важныхъ недостатковъ. Одинъ изъ нихъ обуславливается самымъ выборомъ сюжета. Первоначальная мысль *Ваканки* Гальбиха, также какъ и знаменитой *Ариадны* Даннекера, съ которою группа мюнхенскаго художника имѣетъ большое сходство по сюжету и по композиціи, безъ сомнѣнія навѣяна воспоминаніемъ объ античныхъ фрескахъ Стабей, открытыхъ въ 1760 году и изображающихъ Персею несущихся по волнамъ на морскихъ чудовищахъ.* Главная трудность подобныхъ изображеній въ скульптурѣ (мы не говоримъ о барельефѣ) заключается въ умѣнїи посадить женскую фигуру на спящаго льва, тигра или пантеру такъ чтобы наиздвигъ сидѣла не только красиво и граціозно, но выветъ ловко и твердо, и чтобъ у зрителя, при видѣ ея, не раждалось опасеніе что она должна сдѣлать при малѣйшемъ движеніи животнаго на которомъ сидитъ. Въ этомъ отношеніи и *Ваканка* Гальбиха, и *Ариадна* Даннекера почти въ одинаковой мѣрѣ неудовлетворительны, но все же Ариадна, несмотря на нѣкоторую изысканность позы, помѣщена на своей пантерѣ гораздо удобнѣе чѣмъ *Ваканка* на своемъ тигрѣ: у Даннекера женская фигура изображена въ полулежащемъ положеніи, отъ этого она естественно имѣетъ несравненно больше точекъ опоры для удержанія своего равновѣсія. Но художникъ видѣлъ что этого недостаточно: онъ еще заставилъ Ариадну облокотиться рукой на голову пантеры, а это придаетъ ей видъ сравнительно довольно покойнаго положенія на плуцдемъ животномъ, хотя и несомнѣнно что подобное положеніе можетъ быть удержано только при самомъ медленномъ и осторожномъ движеніи. Еще ненадежнѣе поза *Ваканки* Гальбиха, которая просто сидитъ бокомъ на тигрѣ, не держась за него ни одною рукой. Правда, красиво и умно подотнутая правая нога, упирающаяся въ хорошо соображенную драпировку, помогаетъ прекрасной наиздвигъ держаться на спинѣ тигра, но за то совершенно безъ нужды вытянутая и слишкомъ далеко откинутая лѣвая нога отзывается явною натяжкой и положительно вредитъ есте-

* Обѣ находятся въ Museo Verbonice въ Неаполѣ.

отвѣтственности и твердости лозы. Съ вытянутою такимъ mannerомъ, на подобіе балетныхъ танцовщицъ, ножкой далеко не убѣдешь. Вообще эта ножка, несмотря на чистоту мраморной отдѣлки, очень неудачна: рисунокъ ея отъ колѣна до сѣдла мелравилень; самый сѣдокъ, съ сапшкомъ выдавшагося вблизи ляткой, также грѣшитъ противъ рисунка, а три средніе пальца очень удлинены и съ нѣкоторыхъ точекъ представляютъ собою видъ какихъ-то вовсе неизящныхъ сосудовъ. Обработка оконечностей, какъ видно, не оставляетъ сильной стороны таланта Гальбиха. Обѣ руки его *Вакханки* (то-есть собственно кисти рукъ и пальцы) также очень далеки отъ совершенства. Пальцы правой руки, которую, впрочемъ, трудно хорошо видѣть, по положенію группы на довольно высокомъ пьедесталѣ, не покойны и приподняты слишкомъ изысканно и жеманно. Не лучше и лѣвая рука, въ которой *Вакханка* держитъ тигръ. Особенно безобразнымъ и деревяннымъ кажется несоразмѣрно вытянутый указательный палецъ. Можно замѣтить еще что соединеніе рукъ съ плечами (со стороны спины) не довольно хорошо почувствовано и обличаетъ не совсемъ тонкій рѣзецъ. Вообще техническая сторона работы не вездѣ одинаково удовлетворительна. Видно что художникъ мало имѣлъ дѣла съ мраморомъ. Въ тѣлѣ его *Вакханки* не достааетъ того что Италяндцы называютъ *la morbidesza*, мало тѣлесности, если можно такъ выразиться не-русски. Исключеніе, впрочемъ, составляетъ часть спины и подогнутая правая нога.

О тигрѣ, на которомъ сидитъ *Вакханка*, сказать много нечего. Онъ вовсе не имѣетъ претензіи быть вѣрнымъ снимкомъ съ натуры и, подобно античнымъ работамъ этого рода, имѣетъ скорѣе видъ какого-то воображаемаго, мифологическаго животного чѣмъ дѣйствительнаго обитателя африканскихъ луговыхъ. Если разсматривать его съ этой точки зрѣнія, то нельзя не признать что тигръ вышелъ весьма удовлетворителенъ и не чуждъ извѣстнаго характера хитрости и кровожадности, свидѣтельствующаго о добросовѣстномъ изученіи со стороны художника. Кстати замѣтимъ здѣсь что въ мастерской лотченнаго профессора въ Мюнхенѣ намъ случилось видѣть нѣсколько превосходныхъ этюдовъ тигра съ очень замѣчательнаго живаго экземпляра, далеко превосходящихъ силою и живостію то мифическое животное на которомъ ѣдетъ *Вакханка*. Что помѣшало художнику воспользоваться въ большей

хриъ этими этюдами для своей группы—неизвестно. Но и въ этомъ видѣ, какъ она есть теперь, тигръ Гальбиха несравненно красивѣе и характернѣе безобразной пантеры Даннекера. Легкія драпировки, соскользнувшія съ прекрасной груди Ваха и красиво свѣсившіяся съ тагра, расколоты отъ большимъ вкусомъ и отдѣланы въ хорошемъ стилѣ; что же касается до ленты на тигрѣ, которая „тонкостію работы и своею прозрачностію“ привела въ такое восхищеніе нѣкоторыхъ такъ-называемыхъ знатоковъ, то о ней врядъ ли стоить говорить, какъ о мелочи занимающей послѣднее мѣсто въ произведеніи. Ограничимся замѣчаніемъ что она трактована вовсе не въ томъ видѣ и не съ тою цѣлію чтобъ обращать на себя вниманіе въ ущербъ самой группѣ. Подобныя вещи дѣйствительно достигаютъ иногда поразительнаго совершенства у скульпторовъ новѣйшей италіанской школы, которая какъ бы поставила своею задачей необыкновенную виртуозность техники въ передачѣ шелковыхъ платьевъ, различнаго рода матерій, кружевъ, лентъ и пр. Достаточно вспомнить нѣкоторыя изъ произведеній Тавтардини, Цокки, Кальви, Спертини и другихъ. Но Гальбихъ не принадлежитъ къ категоріи этихъ художниковъ-материалистовъ.

При взглядѣ на *Ваханку* Гальбиха, невольно приходитъ на мысль *Ариадна* Даннекера, этого нѣмецкаго Кановы, какъ его называли въ Римѣ.* Сравненіе тутъ неизбежно. Произведеніе штуттгартскаго скульптора Даннекера находится во Франкфуртѣ, въ извѣстномъ музеѣ Бетманна, получившемъ въ послѣднее время названіе Ариаднеума, отъ имени группы которая служить лучшимъ его украшеніемъ. Немного есть въ Германіи статуй которыя бы пользовались такою популярностію какъ эта пресловутая *Ариадна*, но значительная доля всеобщаго успѣха, бывшаго ея удѣломъ, неоспоримо должна быть приписана тому обстоятельству что она явилась въ 1814 году, когда Германія, послѣ долгихъ войнъ и наполеоновскаго погрома, какъ бы возраждалась къ новой жизни. Въ удачномъ произведеніи Даннекера видѣли предзнаменованіе новой эпохи,—эпохи мира, тишины и спокойнаго развитія искусствъ. Въ области собственно нѣмецкаго ваянія это было, можно сказать, первое свѣтлое явленіе послѣ продолжительнаго и всеобщаго застоя художественной дѣятельности. За то *Ариадна*

* Даннекеръ родился въ 1758, умеръ въ 1841 г.

встрѣчена была единодушными рукоплесканіями. Въ последнее время восторгъ къ ней нѣсколько охладѣлъ, но Франкфуртъ все еще гордится ею какъ лучшую свою достопримѣчательностію и какъ неподражаемымъ, образцовымъ произведеніемъ. *Ариадна* была безчисленное множество разъ и въ разную величину скопирована и повторена и въ бронзѣ, и въ мраморѣ, часто дѣлали ее также изъ рога и изъ слоновой кости, а граверъ Гиршъ вырѣзалъ ее даже на аметистѣ. И какъ превосходно она выставлена, съ какою заботливостію и съ какимъ искусствомъ освѣщена! Хотя мы вовео не принадлежимъ къ восторженнымъ поклонникамъ группы Даннекера, но справедливость требуетъ сказать что она во многихъ отношеніяхъ выше *Вакханки* Гальбиха. Особенно поражаетъ знатоковъ красота главной линіи, представляемой группою, и общій рисунокъ произведенія, отличающійся рѣдкимъ единствомъ и необыкновенною гармоніей. Даннекеръ особенно славился искусствомъ передавать женскую красоту, а *Ариадна* положительно лучшее его произведеніе. Красивое тѣло ея полно жизни и тонкой женственной граціи, которой, впрочемъ, нѣсколько вредитъ излишняя кокетливость. Вообще *Ариадна* отличается несравненно болѣе реальнымъ стилемъ нежели *Вакханка* Гальбиха, обнаруживающая прилежное изученіе антиковъ. Замѣчательно что въ женской фигурѣ Даннекера особенно хорошо именно то что менѣе всего удалось Гальбиху. Мы разумѣемъ ноги *Ариадны*, изумляющія и красотой формы, и необыкновеннымъ совершенствомъ исполненія. Отдѣлка мрамора также у Даннекера лучше чѣмъ у Гальбиха. Вотъ въ короткихъ словахъ главные достоинства знаменитой франкфуртской группы, но они не въ силахъ заставить забыть о нѣкоторыхъ болѣе или менѣе крупныхъ недостаткахъ. Особенно бросается въ глаза некрасивое, непріятно приподнятое кверху лицо *Ариадны*, съ его низкимъ лбомъ и широкимъ подбородкомъ. Оно составляетъ, по нашему мнѣнію, самую слабую часть фигуры. Изысканная, причудливая прическа еще болѣе портитъ эту и безъ того очень неудачную голову. Лицо *Вакханки* Гальбиха, при большей выразительности, несравненно красивѣе и гораздо болѣе соответствуетъ идеѣ изображенія. Не будетъ даже излишнимъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ что она представляетъ собою въ нѣкоторой степени какъ бы законченный типъ, могущій стать на ряду съ произведеніями знаменитѣйшихъ художниковъ.

Относительно же *Ариадны* Даннекера можно замѣтить въ заключеніе что вообще, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, она не такъ далеко не заслуживаетъ той всеобщей извѣстности какую пользуется...

Гальбихъ самъ привезъ въ Петербургъ свою группу. Добродушный художникъ былъ совершенно очарованъ великолѣпиемъ нашей сѣверной столицы. Предъ отъѣздомъ онъ удостоенъ былъ порученіемъ выписать бюстъ Государя Императора. Съ обычнымъ своимъ проворствомъ, Гальбихъ окончилъ дѣло въ два сеанса. Сдѣланный имъ бюстъ очень удаченъ во всѣхъ отношеніяхъ и отличается разительнымъ сходствомъ.

II. Картина Ганса Макарта.

Въ Мюнхенской школѣ живописи, безспорно, самой цвѣтущей въ настоящее время изъ германскихъ школъ, особенно замѣтно выдѣляются два направленія: одно, завѣщанное Корнелиусомъ и нашедшее своего блестящаго представителя въ Вильгельмѣ Каульбахѣ, можно назвать идеальнымъ направленіемъ; другое, совершенно противоположное ему, направленіе реальное, образовалось подъ вліяніемъ Поля Делароша и Галле. Во главѣ его стоитъ теперь извѣстный Карлъ Пилоти (Piloty), занявшій, послѣ смерти зятя своего Шорна, вакантное мѣсто профессора Мюнхенской академіи. Каждое изъ этихъ направленій имѣетъ въ Мюнхенѣ многочисленныхъ поклонниковъ и приверженцевъ. И Каульбахъ, и Пилоти съ гордостью могутъ указать на цѣлый рядъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ многіе уже успѣли составить себѣ громкое имя. Къ числу такихъ особенно принадлежитъ даровитый ученикъ Пилоти, молодой художникъ Гансъ Макартъ, родомъ изъ Зальцбурга.

Извѣстность Макарта, которому нѣтъ еще тридцати лѣтъ, началась весьма недавно, всего лѣтъ пять, шесть тому назадъ, именно со времени появленія его большой картины *Рыцарь*, составляющей теперь одно изъ украшеній богатой галереи барона Шаппа въ Мюнхенѣ. Содержаніе этой картины, героизмъ, заимствовано изъ какой-нибудь рыцарской легенды. Оно причудливо какъ волшебная сказка, но не лишено своего рода фантастической поэзіи. На берегу прозрачнаго источника,

въ тѣни роскошной, чуть не тропической растительности, полудрежить, прислонясь къ дереву, какой-то красивый молодой человекъ въ прихотливомъ средневѣковомъ костюмѣ. Душный, пролитанный горячею влажностью воздухъ и епяняющій запахъ невиданно прелестныхъ цвѣтовъ клоають его ко сну. Глаза его сами собой закрываются. Онъ засыпаетъ какъ бы подъ влiяніемъ какихъ-то чаръ, и лютя, на которой онъ только что игралъ, тихо выскользаетъ изъ руки его. Въ эту минуту, пользуясь своимъ молодымъ лѣвца, осторожно и безшумно появляются изъ воды обольстительныя водяныя красавицы наяды, и готовятся украсть его лютно... Несмотря на нѣкоторую неясность идеи, состоящую въ томъ что, глядя на картину, никакъ нельзя понять, хотѣлъ ли художникъ, какъ увѣряютъ иные, изобразить только сновидѣніе лѣвца, поэтическую грезу, служащую какъ бы продолженіемъ лѣвси, недавно занимавшей его воображеніе, или же, какъ предполагають другіе, онъ имѣлъ въ виду просто передать одинъ изъ эпизодовъ какой-нибудь легенды или сказки, картина тѣмъ не менѣе очень интересна и производитъ чрезвычайно прiятное впечатлѣніе. Мощное дарованіе художника оказалось въ ней и въ замѣчательной бойкости письма, и въ очень рѣдкомъ въ наше время чудесномъ телломъ колоритѣ, напоминающемъ Венеціанцевъ, и особенно въ неподражаемомъ умѣньи съ какимъ такъ поразительно вѣрно даль почувствовать художникъ эту навѣвающую сонъ, нѣжащую и расслабляющую, душную атмосферу, подъ влiяніемъ которой находится его лѣвецъ. Произведеніе Макарта сразу возбудило большія ожиданія отъ художника, такъ блистательно начавшаго свою артистическую карьеру. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не вполнѣ сбылись и до настоящаго времени. Правда, съ каждымъ новымъ произведеніемъ Макарта быстро росла его извѣстность, но въ этой извѣстности мало завиднаго для истиннаго художника, потому что она основывалась не на дѣйствительныхъ и серіозныхъ достоинствахъ, а на необыкновенныхъ художественныхъ фокусахъ: на причудливости письма, на переходящемъ всѣ границы оригинальничавшi и, наконецъ, на лотворствѣ самымъ грубымъ истинкамъ зрителя.

Уже второе по времени произведеніе Макарта, появившееся на общегерманской художественной выставкѣ въ Вѣнѣ, въ 1868 году, ясно показало всю односторонность его направ-

ленія и крайнюю безсодержательность его художественной фантазіи. Это былъ небрежно набросанный эскизъ проекта стѣнной живописи для столовой или залы, и три отдѣленія изъ него (рельефовъ) исполнены въ значительно большую величину. Всѣ три картины представляли части одного цѣлаго, которое составляло большой фризъ, вышиною въ четыре фута и длиною около четырехъ саженъ. Эскизъ былъ въ прошломъ году и на Мюнхенской международной художественной выставкѣ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь причудливѣе, фантастичнѣе и непонятнѣе этого небольшого произведенія, которому художникъ далъ довольно странное названіе: *Современные амурь* (*Die modernen Amoretten*), въ сущности весьма мало помогающее разъясненію загадки. * На темно-коричневой панели стѣны, украшенной во вкусѣ возрожденія, въ трехъ большихъ и въ нѣсколькихъ меньшихъ картинахъ, на золотомъ фонѣ изображены группы дѣтей и одѣтыхъ въ причудливые модные костюмы молодыхъ дѣвушекъ, которыя кружатся въ веселыхъ хороводахъ, обнимаются и, цѣлуясь, бѣгутъ въ лѣсъ. На рельефно выходящемъ фризѣ стѣны и на консоляхъ панелей валяются разбросанные въ безпорядкѣ цвѣты, какіе-то фоліанты, астрономическіе инструменты и разныя принадлежности дамскаго туалета. Все это, повидимому, не имѣетъ ровно никакого отношенія къ шаловливымъ женщинамъ и къ дѣтямъ составляющимъ главный предметъ картины. Странно сказать, но отчасти именно въ загадочности идеи и въ этомъ непонятномъ смѣшеніи фантастическаго и дѣйствительнаго заключается одна изъ привлекательныхъ сторонъ картины Макарта. Но главная прелесть ея,—прелесть, которой рѣшительно трудно прогнаться, состоитъ въ необыкновенной миловидности женскихъ типовъ и въ превосходномъ, тепломъ, хотя и нѣсколько условномъ колоритѣ, съ его прозрачными, полными какой-то чудной таинственности свѣготѣнями. Въ общемъ картина эта производитъ на зрителя эффектъ роскошнаго букета цвѣтовъ, небрежно брошеннаго на дорогой, старинный, темный, съ золотыми инкрустаціями, столѣ, работы Буля.

Большой фризъ Макарта украшаетъ въ настоящее время одну изъ стѣнъ галлерей графа Пальфи, а бывший на Мюнхен-

* Мы уже имѣли случай говорить объ этой картинѣ въ статьѣ „Мюнхенская международная художественная выставка“. См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г. № 12 и 1870 г. №№ 1 и 2.

ской выставкѣ эскизъ составляетъ собственность Каульбаха. Геніальный художникъ оказалъ таланту своего молодого антагониста необыкновенную честь: онъ помѣстилъ *Современныхъ амуровъ* въ своей громадной мастерской, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огромнаго полотна на которомъ изображалъ *Ужасы инквизиціи*, точно для того чтобы глазъ его, утомленный однообразіемъ бѣлаго и темнаго тоновъ,* могъ съ наслажденіемъ отдохнуть на роскошномъ колоритѣ замѣчательной по гармоніи цвѣтовъ композиціи. Но колоритъ, какъ извѣстно, еще далеко не все въ картинѣ, и зритель, въ первую минуту совершенно закуленный въ пользу Макарта тѣми достоинствами его таланта о которыхъ мы сказали выше, скоро приходитъ къ убѣжденію что художникъ въ своемъ произведеніи больше всего разчитывалъ на ликантность содержанія. Особенно непріятно поражаетъ выраженіе лицъ. Эти молодыя дѣвушки, съ такими прелестными головками, какъ двѣ капли воды напоминаютъ собою поблекшихъ бульварныхъ камелій. Ихъ улыбка отзывается сладострастнымъ пресыщеніемъ, ихъ глаза окружены темно-голубыми крутами, ясно говорящими о бессонныхъ ночахъ и неумѣренныхъ наслажденіяхъ. Даже дѣти на картинѣ Макарта лишены того выраженія чистоты и невинности которое составляетъ неотъемлемую принадлежность дѣтскаго возраста. Художника не можетъ оправдать то что въ этихъ дѣтяхъ онъ видитъ не просто дѣтей, но *амуровъ*, да притомъ еще и современныхъ. Не говоря уже о томъ что эти два понятія какъ-то не вяжутся между собою, многочисленныя образчики античнаго искусства и примѣръ великихъ живописцевъ могутъ служить доказательствомъ что типъ шаловливаго божка любви вовсе не исключаетъ чисто дѣтскаго выраженія. Таково было произведеніе, разомъ поставившее имя Макарта въ число самыхъ извѣстныхъ художниковъ Германіи.

И вотъ предшествуемая слухами, сопровождаемая самыми разнообразными толками, явилась новая его картина, первоначально носившая названіе *Семь смертныхъ грѣховъ*. Мысль изобразить въ художественномъ произведеніи такъ называемые семь смертныхъ грѣховъ, собственно говоря, не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. При извѣстномъ художественномъ тактѣ, самый щекотливый

* Картина эта написана въ два тона.

предметъ можетъ быть трактованъ съ умѣренностію, не переходящею границъ приличія и благопристойности. Исторія искусства представляетъ намъ нѣсколько примѣровъ подобнаго сюжета, но обыкновенно онъ разбивался на нѣсколько отдѣльныхъ картинъ, съ изображеніемъ каждаго извѣстнаго грѣха порознь, такъ что собственно честь соединенія ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ одной общей композиціи, безспорно, принадлежитъ Макарту. Такая программа, уже по самому свойству своему, заключала въ себѣ нѣкоторую скандальность содержанія, но художникъ совершенно добровольно еще усилилъ ее, и къ тому же помѣстилъ въ картинѣ нѣсколько весьма не двусмысленныхъ намековъ на продажность свѣсти и распущенность нравовъ современнаго католическаго духовенства. Поэтому нисколько неудивительно что появленіе его картины подняло противъ нея въ кружкахъ клерикаловъ и ультра-католиковъ страшную бурю, подобную тойъ какую въ наши дни возбудила противъ себя недавно оконченная картина Каульбаха: *Великій инквизиторъ Петръ Арбузъ, присуждающій на казнь семейство еретика*. Господа эти находили что произведеніе Макарта оскорбляетъ общественныя приличія и достойно чуть не сожженія, какъ нѣчто въ высшей степени оезнравственное и циническое. Лучшимъ доказательствомъ что такое впечатлѣніе эта картина дѣлала не на однихъ только ханжей и черезчуръ щелетильныхъ пуристовъ нравственности можетъ служить то что Мюнхенское Общество Поощренія Художествъ, въ формальномъ протестѣ, выразилось вообще противъ выбора подобныхъ сюжетовъ. Еще краснорѣчивѣе фактъ недолученія Макарта на прошлогоднюю Парижскую художественную выставку, хотя она, какъ извѣстно, перелоплена была всѣми возможными скульптурными и живописными праностями. Приписывая большую часть этихъ невзгодъ неудачному названію картины, друзья художника и нѣкоторые изъ критиковъ вздумали переимѣнить его и, вмѣсто *Семи смертныхъ грѣховъ*, стали называть картину *Чумою во Флоренціи*, написанною будто бы по Декамерону Боккачіо. Подъ этимъ названіемъ картина обѣхала почти всю среднюю Европу, но новое названіе также мало отвѣчало содержанію картины какъ и старое. Какъ въ *Семи смертныхъ грѣхахъ*, при всѣхъ возможныхъ натяжкахъ, нельзя было открыть всѣхъ этихъ грѣховъ, точно такъ и въ *Чумѣ во Флоренціи* не оказалось, въ строгомъ смыслѣ, ни

чумы, ни Флоренціи. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая-нибудь возможность, рассматривая картину, догадаться что дѣйствіе происходитъ въ столицѣ Тосканы и притомъ именно въ роковой 1348 годъ? На это нѣтъ въ произведеніи Макарта ни малѣйшихъ указаній. Самые костюмы не вѣрны исторіи. Такимъ образомъ, несмотря на перемѣну заглавія, публика продолжала оставаться въ полнѣйшемъ недоумѣніи насчетъ истиннаго смысла и содержанія этого загадочнаго произведенія. Поставленный въ необходимость высказаться по этому поводу, художникъ, съ удивительною наивностію, объяснилъ что у него собственно вовсе не было въ виду написать ни *Сель смертныхъ грѣховъ*, ни *Чуму во Флоренціи*, а что эта просто фантазія безъ имени и безъ опредѣленнаго содержанія, смутное воспоминаніе объ одной оргіи въ веселомъ домѣ, которую онъ захотѣлъ перенести на полотно такъ какъ она представлялась его воображенію, нисколько не задаваясь мыслію что изъ этого выйдетъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ въ третій разъ окрестилъ свою картину новымъ именемъ, и на этотъ разъ уже несравненно болѣе мѣткимъ и подходящимъ къ дѣлу, именно, онъ назвалъ ее *Сномъ развратника, Traum eines Wüstlings*. Дѣйствительно, это какой-то сбивчивый и нелогичный сонъ, болѣзненный, горячешный бредъ, въ которомъ все смѣшалось въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ, въ которомъ не ярко очерченные образы, а какія-то смутныя, страстныя грезы непрерывно смѣняются одна другою и, какъ шальные, мечутся въ глаза безъ всякаго смысла и безъ всякой необходимости.

Постараемся, на сколько это возможно, передать содержаніе картины.

Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, соединенныхъ между собою красивою золотою рамкой, украшенною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по темному фону золотыми арабесками и группами, исполненными самимъ художникомъ. Въ первомъ отдѣлѣ, при самомъ входѣ въ великолѣпныя палаты какого-то сказочнаго дворца, мы видимъ красивую женщину въ бѣломъ, которая гордо идетъ впередъ, не обращая никакого вниманія на бѣдно одѣтаго юношу, устремившаго на нее взглядъ полный обожанія и страсти. Это какой-то поэтъ и мечтатель. Онъ съ ужасомъ видитъ что предметъ его чистой любви, женщина которую онъ въ мечтахъ своихъ ставилъ такъ высоко, вступаетъ въ домъ, насчетъ значенія котораго не можетъ быть

на малѣйшаго сомнѣнiя, судя по тому что происходитъ нѣсколько даальше, въ таинственномъ полумракѣ алькова. Двое молодыхъ людей, болѣе знакомыхъ съ жизнiю, смѣются надъ простодушiемъ влюбленнаго, а въ недалекомъ разстоянiи отъ нихъ еще двое слѣшаютъ заллатить корыстолюбивымъ содержателямъ притона плату за входъ. Три старухи, точно три зловѣщiя ларки, помѣщенныя выше на ступеняхъ лѣстницы, и группа нищихъ сидящихъ у входа, составляютъ {разительный контрастъ немощной старости, безобразiя и бѣдности съ красотой, молодостью и богатствомъ, отличающими главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ отдѣлѣ, представляющемъ внутренность фантастически - богато убранной залы самой причудливой архитектуры, съ бассейномъ посерединѣ, происходитъ оргiя въ полномъ разгарѣ. Въ пылу восторговъ, мушкетеры и женщины переплетаются, цѣлуются, обнимаютъ другъ друга, въ дикомъ ольяненiи прижимаются къ статуямъ, извиваются въ 'неестественныхъ позахъ, шепчутся вмѣстѣ въ бассейнѣ. Среди этого пароксизма самой нескромной чувственности, можно различить стоящую почти въ самомъ центрѣ композицiи прекрасную женщину съ маленькимъ зеркаломъ въ рукахъ, совершенно погруженную въ созерцанiе своей красоты, и вдали стараго монаха, за золото продающаго отлученiе грѣховъ. Въ третьемъ отдѣлѣ окончателемъ вакханалiи, съ ея неизбежными послѣдствiями: безчувственнымъ пьянствомъ, шулерствомъ, дракою и убiйствомъ. Въ то время когда одни почти безсознательно доканчиваютъ пиръ, въ рукахъ другихъ уже сверкаютъ кинжалы, а въ глубинѣ сцены слуги слѣшаютъ унести чей-то закутаный трупъ. Изъ отдѣльныхъ фигуръ здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманiе фигура пьянаго, опрокинувашагося силена, какъ будто цѣлкомъ перенесеннаго съ одной картины Рубенса. Вотъ приблизительный и, сознаемся, очень недостаточный очеркъ того что содержитъ въ себѣ многосложная композицiя Маркарта. Пусть теперь читатель призоветъ на помощь самое пылкое воображенiе чтобы дополнить этотъ сухой, безжизненный эскизъ всѣми причудами фантазiи: обставить его роскошными карнациями, перевить дорогими пурпурными тканями и золотомъ, убрать драгоценными сосудами, цвѣтами, фруктами, разноцвѣтнымъ мраморомъ, античною бронзой, и на все это разлить цѣлыя массы какого-то загадочнаго, эффектно бьющаго въ глаза и сверкающаго безчисленными

переливами свѣта, тогда только онъ въ состоянїи будетъ получить нѣсколько болѣе полную идею объ этой въ одно и то же время привлекательной и отталкивающей картинѣ.

Можно сказать съ увѣренностью что ни одно произведеніе новѣйшей живописи не возбуждало столько споровъ и самыхъ разнорѣчивыхъ оцѣнокъ какъ картина Макарта. Эти споры, въ свое время даже перешедшіе въ нѣмецкую литературу, теперь продолжаются и въ нашей публикѣ, довольно усердно посвящающей ту залу академіи гдѣ выставлена картина. Одни превозносятъ Макарта чуть не до небесъ, другіе, напротивъ, не хотятъ видѣть въ его картинѣ ровно ничего хорошаго. Между тѣмъ какъ нѣкоторые смѣло провозглашаютъ его гениальнымъ новаторомъ въ искусствѣ и величайшимъ изъ колористовъ всѣхъ [временъ, противоположная партія, наоборотъ, считаетъ это произведеніе нелѣпостію и какимъ-то непозволительнымъ юродствомъ въ живописи. Истина, какъ это обыкновенно бываетъ, заключается между двумя [крайностями. Нельзя не признать что каждая изъ сторонъ имѣетъ свои основанія и для неумѣренныхъ похвалъ, и для слишкомъ рѣзкихъ порицаній. Дѣйствительно, въ картинѣ Макарта чуднымъ образомъ соединяются и идутъ рука объ руку и блестящія достоинства, и поразительные недостатки. Въ первую минуту зритель, глядя на его картину, совершенно какъ будто ошеломленъ тѣмъ что онъ видитъ: такъ прихотливо сбивчива и залутана композиція, такъ перевились въ ней безъ всякаго смысла и необходимости, всѣ эти около семидесяти болѣе или менѣе изломанныхъ, вывернутыхъ и расположенныхъ въ самыхъ неестественныхъ позахъ фигуръ. Потомъ, когда глазъ успѣетъ нѣсколько присмотрѣться къ этой бѣснующейся фантазмагорїи, онъ мало-по-малу открываетъ столько прелести и вкуса въ общей гармонїи красокъ и въ колоритѣ картины что уже съ трудомъ можетъ оторваться отъ нея. Все что только есть въ живописи привлекательнаго и дѣйствующаго обаятельно непосредственно на органы зрѣнія безо всякаго отношенія къ идеи произведенія, все это лучше не здѣсь въ ходъ художникомъ и случилось въ одинъ удивительный общій эффектъ. Сколько искусства въ свѣтотѣни! Какъ обольстительно хорошъ тилъ женскихъ головъ! Какое счастливое сочетаніе красокъ! Особенно поражаетъ у Макарта необыкновенное умѣніе въ расположенїи общихъ пятенъ на картинѣ. И замѣчательно что художникъ достигаетъ

этого довольно простыми, повидимому, средствами. Число красокъ на его палитрѣ очень ограничено. Есть много такихъ которыми онъ не пользуется вовсе, но за то другими, наоборотъ, сильно злоупотребляетъ, расточая ихъ совершенно по своему произволу на все что подвернется ему подъ кисть. Макартъ имѣетъ всѣ приемы чисто декоративнаго живописца: онъ не обращаетъ никакого вниманія на подробности, у него все разчитано единственно на общій эффектъ, ради котораго онъ безпрестанно жертвуетъ самыми существенными условіями рисунка и художественной правды. Погоня за общими пятнами—рѣшительная манія художника, иногда доводящая его до замѣчательныхъ негѣлостей. Для того чтобы только вышло хорошее пятно, онъ не задумается изуродовать предметъ или придать ему несвойственный характеръ. Такъ, напримѣръ, тѣло иногда онъ оставляетъ все безъ полутоновъ, а въ другой разъ сообщаетъ ему какой-то зеленоватый, напоминающій близость разложенія, колоритъ; вода, въ случаѣ надобности, дѣлается у него розовою, цвѣты и листья окрашиваются поблекло-желтою краскою, раки принимаютъ бѣлый или небесно-голубой цвѣтъ. Всмотрѣвшись въ высшей степени небрежную, порою даже неряшливую и всегда смѣлую до дерзости манеру письма Макарта, можно пожалуй подумать что онъ, собираясь писать картину, сначала просто располагаетъ на полотнѣ краски пятнами по своему вкусу, а потомъ уже, на этомъ данномъ фонѣ, небрежнымъ контуромъ очерчиваетъ подходящіе предметы и фигуры: По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его картины, есть несомнѣнные доказательства этой безпримѣрной, невиданной доселѣ манеры. Только такимъ образомъ можно объяснить эту безсодержательность композиціи, когда самъ художникъ не можетъ дать отчета что имъ написано, эту прихотливую, капризную разстановку фигуръ, безъ заранѣе обдуманнаго плана, и наконецъ это совершенно случайное, повидимому, помѣщеніе въ картинѣ фигуръ, присутствіе которыхъ остается неразрѣшимую загадкой. Таковъ, между прочимъ, неизвѣстно какъ попавшій въ общество пирующихъ пьяный Силенъ или Вакхъ. Лишь бы выходила гармонія въ краскахъ, до остальнаго Макарту нѣтъ дѣла. Чувственный, исполненный какой-то необыкновенной ликантности, колоритъ тѣла удивительно помогаетъ общему эффекту его сладострастной композиціи, а

вмѣствѣ, повторяемъ, производитъ на глазъ чарующее впечатлѣніе. Но разбирая хладнокровно картину, съ изумленіемъ замѣчаемъ что въ ней нѣтъ ни на волосъ правды: колоритъ этотъ не натураленъ, свѣтъ произведенъ неестественно, краски безбожно лгутъ на каждомъ шагѣ. Такимъ образомъ въ этомъ произведеніи непрерывно нарушается одинъ изъ главныхъ и основныхъ законовъ каждаго истинно художественнаго произведенія,—истина. Серіозный художникъ не долженъ переступать этого закона ни въ формѣ, ни въ выраженіи, ни въ колоритѣ. Если онъ имѣетъ склонность производить эффектъ преимущественно колоритомъ и красками, то онъ долженъ стараться достигать этого подборомъ и расположеніемъ предметовъ естественный цвѣтъ которыхъ помогаль бы ему въ образованіи необходимыхъ пятенъ, а вовсе не произвольнымъ измѣненіемъ ихъ натурального колорита. Въ этомъ случаѣ не спасутъ художника ни причудливое освѣщеніе, ни роскошь карнаціи.

Впрочемъ, для того чтобы совершенно справедливо отнестись къ картинѣ Макарта, не слѣдуетъ забывать что она составляетъ собою родъ фриза и предназначена для помѣщенія довольно высоко, въ залѣ, съ освѣщеніемъ сверху. Это соображеніе можетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, оправдать умышленную небрежность рисунка, которою какъ-будто щеголяетъ художникъ; на это же, вѣроятно, была разчитана и чрезмѣрная длина всѣхъ, и преимущественно женскихъ, фигуръ. Во многихъ мѣстахъ у Макарта рисунка совсѣмъ нѣтъ, есть только какіе-то смутные намеки на него, и формы предметовъ обрисовываются не столько контуромъ, сколько сближеніемъ другихъ красокъ. Вообще болѣе полного пренебреженія къ линіи намъ еще не удавалось видѣть ни на одной сколько-нибудь замѣчательной картинѣ. Притомъ въ произведеніи Макарта встрѣчаются порою такія грубыя ошибки которыя уже ничѣмъ не могутъ-быть ни объяснены, ни оправданы. Довольно вспомнить тучную фигуру сидящаго на первомъ планѣ, въ первой картинѣ, нищаго, къ которому прислонилась женщина съ большимъ ребенкомъ на рукахъ. Объ этомъ нищемъ идутъ постоянныя споры, сидитъ ли онъ лицомъ къ зрителю, или спиною: уже это одно можетъ служить доказательствомъ какъ хорошо онъ нарисованъ. Не менѣе поразительна совершенно переломившаяся, въ невозможной позѣ, женщина, цѣлующая бронзоваго Вакха, во второмъ

отдѣль. Къ тому же у нея и голова несовѣтъ на мѣстѣ. Мы не говоримъ уже о такихъ несообразностяхъ какъ та, на-примѣръ, что металлическое блюдо, наполненное фруктами, по волѣ художника, но вопреки законамъ физики, держится на водѣ и не тонетъ. Такихъ промаховъ въ картинѣ найдется довольно. Но за то, тутъ же рядомъ, встрѣчаются вещи показывающія не только дарованіе, но вполнѣ виртуозную технику. Вспомнимъ, какъ мастерски написаны стна и плечи обнаженной женщины въ среднемъ отдѣлѣ. Нельзя также не отдать полной справедливости художнику въ замѣчательной экспрессіи лицъ и въ умѣніи выражать ихъ характеръ въ позѣ и въ жестахъ, показывающемъ въ авторѣ большую наблюдательность.

Все сказанное приводитъ насъ къ общему заключенію что Макартъ несомнѣнно обладаетъ огромнымъ, выходящимъ изъ общаго уровня, дарованіемъ, но, къ сожалѣнію, это дарованіе выбралю для себя ложную дорогу и бесполезно тратится на унікающіе негнущее искусство фокусы. Имѣя очевидное призваніе къ декоративному искусству, онъ бьется изо всѣхъ силъ чтобы, во что бы то ни стало, примѣнить его къ такъ называемой исторической живописи. Отсюда его преувеличенія, безпрерывныя натяжки, погоня за чисто живописными эффектами, отсюда же наконецъ и пренебреженіе къ содержанию произведенія.

Выставленная въ академіи картина принадлежитъ въ настоящее время фотографу и продавцу картинъ въ Вѣнѣ—Кезеру, который, по слухамъ, проситъ за нее около пятнадцати тысячъ рублей. Говорятъ что Макартъ окончилъ свое произведеніе, по размѣрамъ составляющее pendant къ его *Современный амуражъ* (около четырехъ футовъ вышины и болѣе двадцати футовъ длины), въ два мѣсяца. Этому можно повѣрить: картина его имѣетъ всѣ отличительныя свойства горячаго экспромпта, въ которомъ, подъ вліяніемъ минуты, высказалось и написано многое что, конечно, не высказалось и не написано бы при болѣе зрѣломъ размышленіи.

Нѣкоторые нѣмецкіе художественные критики, пораженные, съ одной стороны, смутнымъ, загадочнымъ содержаніемъ картины Макарта, а съ другой — тѣмъ могущественнымъ общимъ впечатлѣніемъ которое она производитъ, сравнивали ее съ музыкальнымъ произведеніемъ. Сравненіе это далеко не въ пользу художника (потому что живопись, какъ искусство,

имѣть несравненно больше средствъ выразить данную идею нежели музыка), но оно очень остроумно и въ сущности довольно вѣрно. Дѣйствительно, это какая-то музыкальная симфонія, распадающаяся на три части. Какъ въ музыкѣ нѣтъ строго очерченныхъ образовъ, и мысль больше чувствуется нежели понимается, такъ точно и въ картинѣ Макарта: частности, отдѣльныя фигуры находятся въ состояніи едва уловимаго эскиза, но общее впечатлѣніе остается неизгладимымъ. Всѣ эти чуть намѣченные, призрачныя, порою таинственныя и фантастическія образы, какъ перемѣна тоновъ и темповъ въ музыкѣ, мало говорятъ уму, но за то раскрываютъ широкое поле для воображенія. Первый отдѣлъ картины Макарта представляетъ собою блестящую интродукцію къ этой музыкальной трилогіи. Піеса начинается съ тихаго *andante*. Отъ времени до времени слышатся уже ноты главной темы; во главѣ отдѣльныхъ нумеровъ особенно хорошо атогово влюбленнаго поэта, которое дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Но, по мѣрѣ приближенія ко второму отдѣлу, темпъ все ускоряется, господствующая тема обрисовывается все яснѣе и яснѣе, музыка становится шумнѣе и, во второй картинѣ, переходитъ наконецъ въ бѣшеное, исполненное дикой страсти, *allegro*, въ которомъ крики лирующихъ и буйное веселіе пьянства совершенно заглушаются и покрываются чувственнымъ мотивомъ темы. Далѣе, въ третьей картинѣ, наступаетъ мрачный и нѣсколько таинственный финалъ. Звуки веселія мало-по-малу замираютъ. Кое-гдѣ прорываются, какъ отдѣльныя музыкальныя фразы, наломанія темы; порою слышится недолгая гривуазная арія, но шумъ оргіи скоро смѣняется криками насилія и убійства, и піеса эффектно обрывается звуками постепенно затихающаго вдали; похороннаго марша, сопровождающаго кортежъ слугъ уносящихъ труль...

Оканчивая этотъ этюдъ о Макартѣ, не можемъ не остановить еще разъ вниманіе читателя на приведенномъ нами выше фактѣ помѣщенія Каульбахомъ въ своей мастерской картины Макарта, фактѣ, который такъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о дружескомъ общеніи существующемъ между представителями двухъ совершенно противоположныхъ, чтобы не сказать враждебныхъ, направлений мюнхенской школы. Казалось бы, что можетъ быть общаго между безсодержательнымъ, эффектнымъ колористомъ Макартомъ и Вильгельмомъ Каульбахомъ, этимъ художникамъ мысли по преимуществу и

страстнымъ поклонникомъ классическихъ формъ и строгаго рисунка, а между тѣмъ этотъ величайшій изъ современныхъ живописцевъ, сознавая въ себѣ недостатокъ чувства краски, не боится уронить свое достоинство, долбитываясь теплоты колорита у молодаго ученика Пилоти. Явленіе въ высшей степени отрадное. Въ немъ мы видимъ залогъ жизненности и дальнѣйшаго преуспѣянія школы, потому что нѣтъ ничего пагубнѣе въ искусствѣ какъ односторонность направленія, и только безпрерывно учась, ловѣя себя и заимствуя хорошее у другихъ, можетъ надѣяться художникъ достигнуть извѣстной степени совершенства. Было бы очень хорошо, еслибы Макартъ воспользовался примѣромъ поданнымъ ему Каульбахомъ, и въ свою очередь постарался позаимствовать у него то чего недостаетъ его даровитымъ произведеніямъ, именно глубоко обдуманное содержаніе и правильный рисунокъ.

А. МАТУШИНСКІЙ.

ПОДСУДНЫЯ СИЛЫ *

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІІ.

Въ губернскомъ городѣ всѣ, начиная отъ губернатора до послѣдняго коліиста въ управѣ благочинія, толковали о неожиданномъ переходѣ огромнаго имѣнія Лучаниновыхъ къ Тарханкову. Павелъ Ивановичъ смиренно продолжалъ приписывать открытіе безбрачнаго происхожденія дѣтей Алексѣя Андреевича волю Провидѣнія. Всѣ находились съ нимъ, впрочемъ, въ прежнихъ отличныхъ отношеніяхъ, хоть и подумывали про себя: „толкуй, братъ, знаемъ мы что это твои денежки сдѣлали“. Справедливость требуетъ сказать что были и такіе которые звали Тарханкова молодцомъ, на основаніи пословицы: „на то и щука въ морѣ чтобы карась не дремалъ“. Поговаривали что губернаторъ везетъ въ Петербургъ объ этомъ дѣлѣ докладную записку; онъ дѣйствительно сталъ сухо обращаться съ Тарханковымъ, иногда даже довольно явно выказывая ему свое негодованіе. Павелъ Ивановичъ замѣчалъ эту перемѣну и лобавивался; хотя дѣльце было обдѣлано на славу, всѣ концы за которые можно бы удѣлиться были припрятаны, „но все-таки, при моемъ положеніи въ обществѣ“, думалъ Павелъ Ивановичъ, „дойдетъ до министра, а пожалуй и выше.... Не хорошо, чортъ лобери... Надо раз-узнать, и если въ самомъ дѣлѣ подастъ губернаторъ записку, поговорить съ нимъ или самому, или черезъ другихъ.“

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3 и 4.

— Я замѣчаю, ваше превосходительство, началъ онъ однажды, встрѣтись съ губернаторомъ на съѣздѣ дворянства по случаю набора олоаченія,—я замѣчаю, съ прискорбіемъ, нѣкоторую перемѣну въ расположеніи которымъ вы меня прежде удостоивали.... Отыскивая, не подалъ ли я какого-либо повода къ этой перемѣнѣ, и не будучи въ состояніи отыскать, я, признаюсь, осмѣливаюсь думать ужь не оклеветали ли меня предъ вашимъ превосходительствомъ; у меня столько завистниковъ что....

— Я клеветниковъ не слушаю, и какъ вамъ не стыдно было подумать что я способенъ вѣрить сплетнямъ! горячо возразилъ губернаторъ.

Онъ былъ человекъ въ высшей степени честный, но не большой знатокъ законовъ. Угадывая чутьемъ что въ основаніи дѣла лежитъ какой-нибудь подлогъ, обманъ, онъ досадовалъ всего больше на себя. „Знай я основательнѣе свое дѣло, законы, я увѣренъ, этого бы не случилось“, думалъ губернаторъ.

— Какъ я могу думать, продолжалъ Тарханковъ, чтобы ваше превосходительство слушали клеветниковъ; но до меня доходятъ разные намеки касательно полученія мною этого несчастнаго наслѣдства.... Между тѣмъ это дѣло къ которому я, что называется, ни душой, ни тѣломъ не былъ причастенъ.... я пальцемъ для него не пошевелилъ.... Конечно, нынѣшняя, невѣрующая молодежь (при этомъ Павелъ Ивановичъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу), я знаю, назоветъ случаемъ, но я.... я называю это волею Провидѣнія.

Губернаторъ вслыхнулъ, быстро отвернулся и отошелъ, не отвѣтивъ ему ни слова. Павелъ Ивановичъ погладилъ усы, поправилъ галстукъ предъ зеркаломъ, и пройдясь раза два по залѣ, усѣлся съ достоинствомъ въ предводительскія кресла. Во все продолженіе засѣданія губернаторъ, относясь къ нему, глядѣлъ или въ столъ, или въ какую-нибудь бумагу.

Поговаривали что въ консисторіи идетъ, по порученію архіерея, секретное дознаніе по дѣлу Лучаниновыхъ; владыка, дѣйствительно, говоря однажды съ губернаторомъ о дѣлѣ, выразилъ сожалѣніе объ ограбленныхъ молодыхъ людяхъ. Слухъ же о дознаніи распустила одна старуха, замѣтившая что во время всеобщей владыка, проходя мимо Тарханкова съ кадиломъ, произнесъ: „отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ.“ Повѣрьте, что не даромъ онъ прочелъ этотъ стихъ псалма,

поровнявшись съ Тарханковымъ, говорила старушка. Это до-
знавше, а главное залуска которую везеть, какъ слышно бы-
ло, губернаторъ въ столицу, произвели сильное впечатлѣнне
на чиновное сословіе губернскаго города. Чиновники какъ-
то притаились; лица нѣкоторыхъ надворныхъ и титулярныхъ
совѣтниковъ приняли такое выраженіе невинности и чистоты
душевной, какое развѣ было у Адама до его грѣхопаденія.
Такъ и хотѣлось имъ сказать: „эге, голубчики, какими пре-
подобными, однако, вы прикинулись“. Нѣкоторыя изъ губерн-
скихъ Евъ также уменьшили расходы на костюмъ и, къ удив-
ленію знакомыхъ, являлись на вечера въ одномъ и томъ же
платьѣ. О Владимірѣ Лучаниновѣ дамы сожалѣли особенно,
потому что онъ поэтъ и, говорятъ, хорошъ собою.

— А что вы думаете, mesdames, говорила одна молодая,
полнокровная вдова, любительница Лермонтова,—можетъ-быть,
прочувствовавъ ужасъ своего положенія, онъ подаритъ насъ
чѣмъ-нибудь въ родѣ Лермонтовскаго: „и скучно, и грустно“.
Можетъ-быть, ему именно нужно потрясеніе для развитія та-
ланта, добавила румяная поклонница мрачной поэзіи, любуясь
глубиной своей мысли.

— Не знаю я, нужно ли ему это, отвѣчала губернаторша,—я
убѣждена, почему-то, только въ томъ что съ Лучаниновыми
поступлено плохо.

— Que voulez vous? Это судьба поэтовъ, отвѣчала ей лю-
бительница Лермонтова, откинувъ локоны и закативъ глаза
подъ лобъ.

— Ему бы не худо перешибить одну ногу, вмѣшался Пала-
шовъ.—Можетъ-быть онъ тогда, какъ Байронъ, разсердясь на
свою хромоту, излилъ бы въ звучныхъ стихахъ свое негодованіе
на міръ, на природу.

Вдова съ улыбкою сожалѣнія посмотрѣла на него, и сказала
что всякую истину можно представить въ смѣшномъ свѣтѣ.

— Вотъ бы вы шли въ ополченіе, Сергѣй Александровичъ,
сказала губернаторша, желая переменить тему разговора, изъ
опасенія чтобы Палашовъ не принялся подтрунивать надъ
поклонницей мрачной поэзіи (онъ часто доводилъ ее почти до
слезъ своими насмѣшками).

— Я думалъ, отвѣчалъ Палашовъ,—да не чувствую въ себѣ
ни малѣйшихъ воинственныхъ наклонностей; развѣ войти
въ компанію съ Тарханковымъ.

— А что жь Тарханковъ? спросили въ одинъ голосъ дамы.

— Чтò жь Тарханковъ? спросила, ковыряя тамбурною иглою кусоць кисеи, молчавшая весь вечеръ родительница четырехъ перезрѣлыхъ дѣвиць.

Родительница вообще удерживалась порицать Павла Ивановича, думая про себя: „подлецъ, подлець, а все-таки богатый холостякъ и Катерину мою часто ангажируетъ на кадрили“.

— Тарханковъ? продолжалъ Палашовъ, закуривая сигару.— Онъ взялъ подрядъ шить полушубки, жакетины, салюги на ратникивъ и доставлять провиантъ; всякій служить отечеству по-своему.

Всѣ дамы, исключая родительницы, выразили сильное негодованіе. „Мало ему еще! и помилуйте, куда онъ колитъ? Одинъ одивехонекъ“, говорили онѣ. Негодовали дамы, называя „не-виданною“ жадность Тарханкова, а между тѣмъ у многихъ изъ нихъ лежали, въ потаенныхъ ящикахъ шкатулокъ, сотенныя и полусотенныя, сѣмена того же тернія, залюги подобной мичности. Дамы не знали что Павелъ Ивановичъ, будучи небогатымъ пралорщикомъ, началъ точно также какъ и онѣ откладывать двугривеннички, лятачки, именуя этотъ обычай похвальною бережливостію; изъ двугривенничковъ образовались цѣлковые, потомъ червончики. Павелъ Ивановичъ сталъ любоваться ими, локуривая трубочку послѣ ученья. Черезъ какой-нибудь годъ, явилась у него довольно тяжеловѣсная стопка червончиковъ; ихъ блескъ радовалъ сердце обладателя. „Родными, кровными“, называлъ онъ ихъ мысленно и мечталъ: „а что какъ выростетъ еще такая кучка? А? Вѣдь это... Ужь тогда кутну“. Въмѣсто двугривенныхъ, началъ онъ откладывать уже полтинники, рубли, и черезъ полгода стояли въ его походномъ корельскомъ ящикѣ двѣ золотыя кучки. Павелъ Ивановичъ подумалъ было: „не кутнуть ли?“ но при мысли что для этого нужно разстаться съ червонцами, сердце бо-лѣзненно сжалось; онъ заперъ ихъ проворно въ ящикъ и усѣлся по-старому за солдатскія щи и кашу. „Брюхо не стеклянное, не видать чѣмъ набито“, утѣшалъ онъ себя „а скоро ли ихъ опять наколишь?“

Однажды пришелъ къ нему бывшій товарищъ по службѣ, отставной, попросить рубликъ взаймы: „хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ, семья не ѣвши другой день“, говорилъ товарищъ. „Самъ, братецъ, безъ колѣйки“, отвѣчалъ обладатель двухъ кучекъ золотыхъ товарищу; „отдалъ послѣднія шесть гривенъ прачкѣ.“ Такъ заростала незамѣтно терніемъ,

крадивой и горькимъ лалухомъ душевная нива человѣка; глело, съ каждымъ днемъ больше и больше, благодатное сѣмя любви; а между тѣмъ текло своею чередой неудержимое время, близилась зрѣлая осень, а съ нею и грозный день жатвы.

Губернское мужское общество тоже долго занималось обсужденіемъ дѣла о наслѣдствѣ послѣ Лучанинова; по пословицѣ, „чужую бѣду руками разведу“, оно удивлялось безлечности, незнанію законовъ, непрактичности братьевъ Лучаниновыхъ. „Имъ надо было апеллировать въ сенатъ“, толковали одни. „Нельзя имъ апеллировать, возражали другіе; и сенатъ ничего не сдѣлаетъ...“ Нѣтъ, сдѣлаетъ. — Нѣтъ не сдѣлаетъ, горячались разные совѣтники, ассессоры и служащіе дворяне; нѣкоторые даже переессорились.

Наконецъ всякіе толки умолкли при появленіи манифеста о войнѣ. Какъ гулъ Ивановскаго колокола, вѣсть эга понеслась по всей Россіи и заглушила всякіе мѣстные перезвоны. Дворяне снаряжали ополченіе, собирали деньги на экипировку ратниковъ, выбирали начальниковъ. Купечество развязывало кошельки съ рублевиками и червонцами, безропотно, по-русски, жертвуя миллионы на земское дѣло. Губернаторъ въ рѣчи своей, благодаря купцовъ за ихъ всегдашнюю готовность на послугу отечеству, припомнилъ незабвенныя слова государя: „не даромъ“, говорилъ прослезившись губернаторъ, „государь сказалъ про васъ, когда вы на его призывъ помочь голоднымъ братьямъ, отвѣтили собранымъ, едва не въ сутки, миллиономъ, не даромъ онъ сказалъ тогда: — спасибо имъ; скажите, что я иначе о нихъ не думалъ: я сердце русское знаю и этимъ горжусь.“

По селамъ, деревнямъ, крестьяне собирались въ дальній, невозвратный для нихъ походъ, словно на сѣнокосъ, безъ похвалы, со слезой при разставаньи, но безъ ропота, безъ жалобъ.

Окончивъ засѣданія и выбравъ начальника губернскаго ополченія, дворянство собиралось было развѣздаться по деревнямъ, гдѣ уже набирались ратники, но городской голова и купечество не хотѣли отпустить дворянъ изъ города безъ хлѣба-соли. И вотъ, въ новой, только что отстроенной залѣ благороднаго собранія, вытянулись длинныя столы, уставленные людами и бутылками; купцы въ золотыхъ медаляхъ хлопотливо бѣгали между столами, отдавая приказанія о лутіяхъ и яствахъ. На устроенной въ сторонѣ эстрада помѣстилась

оркестръ Тарханкова, усиленный театральнымъ; Барскій, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, стоялъ, облокотясь на политръ, съ капельмейстерскою палочкой.

— Чѣмъ вы начнете-то? спрашивалъ его сѣдой, обвѣщенный медалями, красивый старикъ, градскій голова.

— Увертюрой „на открытіе театра въ Прагѣ“, увертюру Бетговена выбралъ я, отвѣчалъ Барскій.

— Такъ.... Только вѣдь это все.... сомнительно покачивая сѣдою головою, отвѣчалъ купецъ.—Ну, да играй, играй, коли ужъ выбралъ.... Только логромче, братцы, продолжалъ онъ обращаясь къ музыкантамъ.—На лиру надо чтобы жару подавала музыка, чтобы подмывало въ плясъ тебя и всѣхъ; и старика чтобъ.... понимаешь? толковалъ онъ, подмигнувъ и подергивая широкимъ плечомъ своимъ.

— Эта лѣса вся написана на славянскую лѣсню, отвѣчалъ Барскій.

— Какъ? На церковную? спросилъ съ изумленіемъ голова.

Барскій растолковалъ ему что есть народныя славянскія лѣсны, чешскія, сербскія, болгарскія. Умный купецъ смекнулъ что промахнулся.

— Такъ ты мнѣ такъ и говори. Это, стало-быть, тѣхъ Славянъ которыхъ Турка тѣснить? Ихнюю лѣсню намъ играй, а мы; вотъ, Богъ велить, подтянемъ. Такъ ли, господа? спросилъ онъ, обернувшись къ столпившимся дворянамъ.

— Богъ дастъ, подтянемъ, отвѣчали дворяне.

— Позволь, любезный, спрашивалъ Барскаго, продираясь сквозь толпу къ эстрадѣ, краснолицый помѣщикъ; на сей разъ онъ былъ одѣтъ въ темно-сѣрый, ополченскій казакинъ двѣнадцати года; на груди красовался георгіевскій крестъ, рядомъ съ серебряною медалью.—Позволь: да развѣ Бетговень писалъ на славянскія лѣсны вариациі? Вѣдь онъ же Нѣмецъ, Бетговень?

Барскій отвѣчалъ что Нѣмецъ, а увертюра все-таки написана на славянскую тему.

— Ты вѣрно знаешь? переспросилъ помѣщикъ, недовѣрчиво изгибнувъ на капельмейстера.

— Вѣрно, отвѣчалъ Барскій.

— Ну, а на русскія писалъ? спросилъ краснолицый.

— Есть у него въ двухъ квартетахъ и русскіе мотивы, отвѣчалъ Барскій.

Краснолицый отошелъ въ раздумьѣ отъ оркестра, и приближаясь къ столу, гдѣ стояла закуска, молча налилъ и

тогда выпилъ рюмку настойки. Желалъ ли онъ себя поздравить съ этимъ открытiемъ, или хотѣлъ возбудить дѣятельность обвинявшагося мозга для разрѣшенiя трудной задачи: почему это Нѣмцу вдругъ взбрела на умъ русская лѣсня?

Между тѣмъ зала собранiя начинала наполняться приглашенными къ обѣду; на хорахъ залестрѣли дамскiя шляпки. Мужская толпа въ залѣ какъ будто вознамѣрилась щегольнуть разнообразiемъ нарядовъ; военные, даже отставные, были въ мундирахъ; подлѣ моднаго фрака стоялъ старикъ въ мундирѣ, съ отложнымъ краснымъ воротникомъ, Павловскаго времени; возлѣ купеческой длинной сибирки сидѣлъ уланскiй Александровскiй колетъ, съ узенькими рукавами и фалдами; фраки были на иныхъ такіе какіе встрѣчаются на портретахъ жирондистовъ; ополченцы двѣнадцатаго года въ казаки-нахъ, съ саблями, расхаживали тутъ же. Наконецъ прiѣхалъ Тарханковъ, въ черномъ фракѣ съ орденомъ въ петлицѣ; вскорѣ за нимъ вошелъ въ залу губернаторъ, въ лентѣ по жилету и со звѣздой на груди. Голова встрѣтилъ его у дверей залы. Оркестръ заигралъ; громкіе аккорды торжественной музыки покрыли стоявшiй въ залѣ сдержанный говоръ. Ярко освѣщенные своды высокаго зданiя глядѣли еще праздничнѣе при веселомъ звонѣ оркестра. „Браво, браво!“ раздалось въ залѣ, когда, разлетѣвшаяся было на тріолу, тема увертюры вдругъ закончилась громкими, могучими аккордами. „Браво!“ кричало и рукоплескало общество. Барскiй раскланялся. „Бисъ“, требовали всѣ. — „Бисъ!“ кричалъ какъ сумашедшiй Палашовъ, стоявшiй противъ Барскаго на хорахъ.

— Штука важнецъ, братъ; старика, и то въ лясъ подмываетъ, одобрительно замѣтилъ голова, проходя мимо капельмейстера за губернаторомъ.

Краснолицый выпилъ еще рюмку настойки. Оркестръ началъ снова увертюру; усѣлись за обѣдъ. Барскiй, поощренный успѣхомъ лiесы, дирижировалъ еще одушевленнѣе.

Одинъ музыкантъ понимаетъ вполне высокое наслажденiе дирижера; вмѣстивъ въ душѣ весь стройный планъ творенiя, предсмыслитъ онъ грядущіе, одинъ за другимъ, грома, поющiй величанiе чудесный хоръ; предвидитъ и луты, и исполненiе, поставленной въ основу мысли. И вотъ, по мановенiю его жезла, подымается цѣлый сонмъ служебныхъ звуковъ; звенятъ серебряныя трубы, подъ грохотанiе литавръ, подъ яркіе и блещущіе молніями звуки скрилокъ. Въ его рукѣ

движеніе идеи, весь постепенный ростъ ея и совершеніе; на немъ одномъ лежитъ тяжелая отвѣтственность за неудачу; за то, ему же одному летать и лавры, и цвѣты; къ нему обращены горячіе восторгомъ взоры.

Въ губернскомъ городѣ шель слухъ что о выкупѣ Барскаго хлопочетъ одно важное лицо, но никто не зналъ ничего вѣрнаго. Тарханковъ не подавалъ никакого вида. Вообще это дѣло было покуда для всѣхъ тайною.

Обѣдъ кончился; сыграли народный гимнъ; нѣкоторые разѣхались. Губернаторъ попросилъ Барскаго сыграть что-нибудь; онъ сыгралъ „стель“. Три раза онъ долженъ былъ повторить лѣснию.

И этотъ звукъ народной лѣсни, вѣрьте, не даромъ здѣсь ударилъ по сердцамъ; онъ служилъ общему дѣлу; забылся онъ потомъ, какъ позабыта искра, отъ которой запылали сотни верстъ вѣковаго, дремучаго бора.

Оркестромъ (во время игры Барскаго) управлялъ, робко и краснѣя, гобоистъ; акомпаниментъ къ двумъ лѣснямъ былъ его сочиненія. Чего тамъ не было? И колокольчикъ заливался, гремѣли бубенцы.... А тамъ гдѣ скрипка, подражая пастушьимъ рождкамъ, играла свои двойныя ноты, лѣлъ тихо, точно задумавшійся надъ сохою пахарь, віолончель; къ концу все больше и больше брала воли скрипка; оркестръ все тише и тише провожалъ ее и смолкъ тамъ, гдѣ она всею грудью раскатила свою верхнюю, удалую октаву. Въ залѣ все замерло. Голова, заложивъ руки за спину, понурилъ свою сѣдую голову и плакалъ, стоя посреди залы; деревня, дѣтство, пахарь дѣдъ, весь родной дальній уголь, ожили, вызванные лѣснею, въ его старой памяти.

XIII.

— Ну, врешь, игралъ; игралъ опять вчера? Меня, братъ, не надуешь, говорилъ Кожотолскій, сидя въ рубашкѣ и рейтузахъ у письменнаго стола и оттачивая на ремнѣ бритву.— Признавайся.

— Червонецъ поставилъ, заѣхалъ къ Фогелю, отвѣчалъ лѣжавшій съ сигарою на диванѣ, въ русской, шелковой, рубахѣ, младшій Лучаниновъ, Петръ Алексѣевичъ.

— Вотъ видишь, видишь, бездѣльникъ, вскочивъ со стула,

перебилъ Конотолскій.—И вѣрно не червонецъ, а лобольше просадилъ.

— Какъ честный человѣкъ, червонецъ только проигралъ и тотчасъ же уѣхалъ къ Корневу, узнать не получалъ ли онъ лисьма отъ брата изъ Италиі, отвѣчалъ Петръ Алексѣевичъ, отряхнувъ лепелъ съ сигары.

— Ну, а отъ Корнева куда проѣхалъ, негодяй? Гдѣ были ты послѣ Корнева? допрашивалъ Конотолскій.

— Отъ Корнева домой проѣхалъ....

— Врешь, возразилъ Конотолскій.

— Спроси Петрушу. Жаль, я послалъ его за хлѣбомъ.... Вотъ спроси, придетъ, защищался Лучаниновъ.

— Спрошу, говорилъ Конотолскій, возвратившись къ столу и уставляя, для бритвы, дорожное зеркало.—Но все-таки, ты негодяй, продолжалъ онъ, намазывая щеки.—Даль слово не играть, нѣтъ таки....

— Да развѣ это называется играть, поставить пять рублей для шутки? Развѣ это игра? говорилъ Лучаниновъ.—Пріѣзжаю, сидятъ, играютъ; дай попробую.... Ну что такое пять рублей?

— Не пять рублей, а слово дорого. Ты давай мнѣ слово не играть! запальчиво закричалъ, повернувшись къ Лучанинову, Конотолскій.—Понимаешь ты это, извергъ?

— Будетъ, надоѣлъ; давай, вотъ, лучше чай пить, отвѣчалъ, поднявшись съ дивана и уходя въ другую комнату, Лучаниновъ.

— А!... надоѣлъ! замѣтилъ Конотолскій, уставляя на щекѣ бритву.

Разговоръ этотъ шелъ утромъ, въ кабинетѣ московскаго дома Лучаниновыхъ. На креслахъ лежалъ гусарскій ментикъ Конотолскаго; на окнѣ стоялъ футляръ съ киверомъ; въ углу красовался небольшой, открытый чемоданъ, набитый бѣльемъ и платьемъ; на полу валялись веревки и клочки сѣна, вѣроятно захваченные изъ перекладной, вмѣстѣ съ вещами. Конотолскій пріѣхалъ въ Москву наканунѣ разговора, утромъ, изъ деревни; онъ пробирался въ полкъ, двинувшийся, по случаю войны, въ Бессарабію.

Петръ Алексѣевичъ воротился въ кабинетъ со стаканомъ чаю.

— Когда же ждешь ты брата? спросилъ его Конотолскій, вытирая одеколономъ выбритый подбородокъ.

Онъ любилъ бриться и считалъ себя, не безъ основанія, мастеромъ этого дѣла.

— Да со дня на день жду; ужь онъ писалъ мнѣ изъ Венеціи, отвѣчалъ Лучаниновъ, усаживаясь со стаканомъ къ столу.—Страшный онъ человѣкъ.... Тутъ дѣла, и какія еще, а онъ, знай, разѣзжаетъ по Италиі....

— А ты на что здѣсь, шелопаи? Ты что сидишь? говорилъ Ковотолскій.—Я думалъ, онъ все сдѣлалъ, разузналъ, а онъ.... Ты просто варваръ, кроволійца.... Чѣмъ брата обвинять, ты на себя взгляни.... Ты что здѣсь дѣлаешь?

— Да что же мнѣ-то дѣлать? Ну? Я былъ у трехъ адвокатовъ, посылалъ въ Петербургъ; никакихъ слѣдовъ нѣтъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Что бы ты сдѣлалъ?

— Я? Самъ ловилъ бы; кричалъ бы вездѣ, жаловался.

— На кого? На самихъ себя? спросилъ Лучаниновъ.—Съ какими данными опровергать, доказывать? Да что тутъ толковать.... Я давно плюнулъ на это дѣло. Надоело мнѣ это перелаванье изъ пустаго въ порожнее.

Ковотолскій задумчиво ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Чортъ лобери, началъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія;— въ самомъ дѣлѣ.... Ну, видишь ясно, что подлость сдѣлана, явная подлость, а какъ открыть ее? Я начинаю вѣрить, послѣ того что случилось съ вами, въ существованіе чертей. Законные наследники, несомнѣнные, и нечѣмъ доказать.... Это, какъ хочешь, чертовщина.

— Выльемъ ло рюмкѣ коньяку для разрѣшенія этого залутоваго вопроса, сказалъ, поднявшись съ кресла, Лучаниновъ.

— Давай, отвѣчалъ Ковотолскій.—Да вѣдь ты задуримъ, варваръ?

— Вотъ еще. Петруша! крикнулъ Петръ Алексѣвичъ.

Вошелъ Петруша.

— Дай намъ коньяку и сыру. Да чаю налей ему.

Ковотолскій продолжалъ ходить по комнатѣ, обдумывая что-то.

— Вотъ что.... вскрикивалъ онъ по временамъ.—Да нѣтъ, окаячивалъ, опровергая тутъ же, блеснувшую мысль.—Я бы, знаешь, что сдѣлалъ?... Впрочемъ.... Да, чортъ возьми, дѣло обдѣлаво жестоко ловко.

Читатель видѣлъ младшаго Лучанинова цвѣтущимъ юношей, почти ребенкомъ; въ короткій, годовой промежутокъ времени онъ возмужалъ; лицо утратило, замѣтно, юношескую свѣжесть; походка, манеры сдѣлались полновѣснѣе, тяжелѣе. Сложень онъ былъ атлетомъ; высокая грудь, развитыя мышцы рукъ,

походка, обличали человѣка сильнаго; онъ и былъ силенъ физически, но совершенно безсиленъ волею. Отличительною, главною чертой его характера было то что онъ подчинялся встрѣчному и полеречному, иногда человѣку лустому, стоявшему далеко ниже его по дарованіямъ, уму и по развитію. Попадалъ ли онъ въ кучку кутящихъ, молодыхъ кулчиковъ, въ четверть часа былъ съ ними свой, сходился на „ты“, лѣлъ съ ними „Волгу“ звонкимъ своимъ теноромъ, вѣхалъ къ цыганамъ, и если насильно не вырывали его изъ этого пошлаго общества, онъ оставлялъ тамъ всѣ наличныя, а подъ часъ туда же, вслѣдъ за ассигнаціями, шла и шуба. Случалось, попадалъ дорогой, если вѣхалъ, разумѣется, одинъ, на сельскій храмовой праздникъ; и тамъ лѣлъ въ хороводѣ, шилъ съ мужиками брагу и вино, и проживалъ часто дней пять, недѣлю. Встрѣтившись съ игроками, дѣлался игрокомъ; игра, впрочемъ, не была у него страстью. Больше всего его тянуло къ лѣсанѣ русской, къ кутежу, разгулу, во всю ширь, съ цыганами, съ пляской, подъ звонъ бубна, или торбана; тутъ онъ, какъ одурѣлый, готовъ былъ лить недѣлю. Одинъ онъ лить не могъ; ему былъ нуженъ собутыльникъ; но трудно было угадать съ кѣмъ онъ сойдется сегодня; случалось, Петръ Алексѣевичъ сидѣлъ цѣлый вечеръ въ трактирѣ, попивая коньякъ съ какимъ-нибудь отставнымъ лѣвчимъ, слушая его разказы о своихъ походахъ. Въ связи съ любовью къ лѣсанѣ, была у Петра Лучанинова страсть къ русской тройкѣ, къ зимней вѣздѣ, съ громомъ бубенцовъ и колокольчика. Онъ былъ красивъ въ дубленомъ полушубкѣ, въ армякѣ на распаху, въ бараньей, заломленной на бокъ шапкѣ, и мастерски правилъ тройкой.

Брата любилъ Петръ Алексѣевичъ страстно; потеря отца еще крѣпче связала братьевъ. Старшаго Лучанинова не на шутку тревожила распущенность Петра Алексѣевича; онъ принимался не разъ серьезно говорить съ нимъ, но Петръ Лучаниновъ начиналъ смѣшивать разказами о своихъ походахъ, и наставленіе оканчивалось общимъ хохотомъ, если разговоръ дѣлался при друзьяхъ. Пробовалъ смотрѣть Владиміръ Лучаниновъ на проказы брата какъ на шалость; но шалость, думалось ему, можетъ превратиться въ привычку; шутить съ хмѣлемъ точно также опасно какъ съ огнемъ. Кромѣ того, разнообразныя встрѣчи во время кутежей съ людьми лустыми, несносными отъ лустоты своей, вліяли на молодого чело-

вка не совсѣмъ благодѣтельно. Петръ Алексѣевичъ, сойдясь съ иными на „ты“ во время пирушки, не рѣшался, считалъ недолгимъ, даже несправедливымъ, раззнакомиться, хотя и понималъ что они стоятъ, и по образованію, и по характеру, далеко съ нимъ не вровень. Такимъ образомъ въ домѣ Лучаниновыхъ иной разъ собиралось общество самое разнообразное.

Конотолскій любилъ обоихъ братьевъ, но за Петромъ Алексѣевичемъ ухаживалъ какъ нянька за ребенкомъ; онъ отыскивалъ его по всей Москвѣ, когда Петръ Лучаниновъ пропалъ, выручалъ изъ пьяной компаніи, бранилъ; но и его обезоруживалъ Петръ Алексѣевичъ, сообщая свои лутевыя наблюденія и всгрѣчи. Смѣшнѣе всего было когда Конотолскій, разсердившись на какую-нибудь новую выходку своего любимца, кричалъ на него:

— Слушай, я тебя изломаю.

И атлетъ Лучаниновъ, не возражая, робко укладывался на диванъ и извинялся:

— Ну, не горячись; не буду больше, извини; точно что глухо!

Петръ Алексѣевичъ перешелъ, какъ мы говорили, изъ университета въ Одесскій лицей; по смерти отца онъ вышелъ, не кончивъ курса; въ Одессѣ онъ прожилъ значительную часть оставшихся послѣ отца денегъ, и пріѣхалъ въ Москву чтобы хлопотать по дѣлу объ имѣнни, отдать внаймы домъ и т. д. Домъ не сдавался; отъ дѣла ихъ отказывались лучшіе адвокаты, по причинѣ неимѣнія данныхъ доказывающихъ бракъ, и молодой человекъ жилъ въ Москвѣ безъ дѣла. Конотолскій, взглядываясь въ него, замѣчалъ въ немъ большую, опасную перемену. Петръ Алексѣевичъ сталъ задумчивъ; во время пирушекъ дѣлался мраченъ, придирчивъ; это давало поводъ думать что онъ началъ заливать виномъ снѣдающую его тоску.

„Надо налиться мнѣ съ нимъ“, думалъ Конотолскій, „и выждать вѣрна ли моя догадка. Если вѣрна, дѣло изъ рукъ вонъ плохо; малый можетъ пропасть.“

Петруша привезъ бутылку съ коньякомъ и сыръ.

— Цей, не умѣя скрыть своего намѣренія и наливая рюмки, началъ Конотолскій.

Лучаниновъ, знавшій пріятеля насквозь, догадался и захохоталъ.

— Хитришь, братъ, Константинъ Михайловичъ, сказалъ онъ.

— Цей, говорятъ тебѣ, извергъ, повторилъ Конотолскій, топаявъ ногою такъ что зазвенѣла плора.

— Не хочу, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— А, негодяй, боишься! Ну, чортъ съ тобой. Дай чаю мнѣ, Петруша, сказалъ Конотолскій, закуривая сигару и соображая какъ бы потоньше подойти къ рѣшенію занимавшаго его тяжелаго вопроса.

Трудно опредѣлить что сближаетъ людей проведенныхъ порою дѣтство, что связываетъ ихъ въ ту пору когда еще не установились убѣжденія. Есть какое-то родство помимо кровнаго. Ударьте струну на инструментѣ; другая, одинаково съ ней настроенная, въ сосѣдней комнатѣ, непременно отвѣтитъ, повторитъ изданный сосѣдкой тонъ. Мнѣ окажутъ: одинаковая степень развитія. Нѣтъ, это родство можетъ существовать между людьми далеко не ровесниками по развитію; его скорѣе можно назвать природною одинаковостью умственнаго строя, породы. Жизнь, обстоятельства, могутъ рассорить этихъ близкихъ людей, оставить во враждебныя отношенія, но никакая сила не въ состояніи нарушить духовнаго сходства; пусть одинъ изъ этихъ сходныхъ людей измѣнитъ правдѣ, практически (какъ говорятъ и ошибаются) выбравъ вмѣсто прямой, честной дороги, кривые, подозрительные проселки, — другой тотчасъ узнаетъ въ немъ, встрѣтившись послѣ долгой разлуки, близнеца, узнаетъ, точно такъ какъ узнаются знакомыя черты въ обезображенномъ тѣлѣ трутвѣ; съ ужасомъ отвернется, можетъ-быть, узнавшій, отойдетъ чтобы не видать искаженія, но унесетъ съ собою мысль: „да, онъ родня мнѣ, онъ изъ нашихъ“.

Такое родство связывало Лучаниновыхъ съ Конотолскимъ, Корневымъ и еще двумя-тремя университетскими товарищами. Что-то неизмѣнное лежало въ основаніи ихъ сходства, ихъ сродства, но что именно, трудно опредѣлить. Это была не слѣпая дружба, которая глядитъ въ розовыя очки на любимаго человѣка; они видѣли ясно недостатки, слабости другъ друга; въ ихъ привязанности другъ къ другу лежалъ законъ какой-то необходимости: имъ нельзя было не быть близкими.

Помимо этой неясной, но существовавшей связи, Конотолскій любилъ въ младшемъ Лучаниновѣ себя; онъ любовался имъ какъ своимъ собственнымъ портретомъ, снятымъ въ юности. Надобно сказать что Конотолскій былъ старше младшаго Лучанинова лѣтъ на пять, а по опытности и больше; разгулъ, любовь къ пляскѣ, лѣтствѣ, наломивали Конотолскому собственные молодые года; Лучаниновъ зналъ это и обходился съ

Ковотолскимъ какъ баловень ребенокъ съ любящею его нѣжно льявкой. Ковотолскій былъ ровесникъ Владиміру Лучанинову по годамъ и умственному возрасту. Распущенность Петра Алексѣевича начинала безлокоить Ковотолскаго, и онъ нетерпѣливо ждалъ возвращенія Владиміра Алексѣевича изъ Италиі что-бы посовѣтоваться съ нимъ какъ помочь Петру Алексѣевичу.

— Послушай. Вѣдь тебѣ нельзя сидѣть безъ дѣла, началъ Константинъ Михайловичъ, снова принимаясь расхаживать по комнатѣ.— Поступай въ нашъ полкъ.

— А деньги гдѣ? спросилъ Лучаниновъ.

— Вотъ вздоръ. Да я тебѣ примѣръ; я бѣднякъ, а служу же! горячо возразилъ Ковотолскій.— Ъмъ солдатскія щи, кашу.... Ты баловень. Чтѣ дѣлать? Привыкай. Да и чтѣ за военный, кто не можетъ ѣсть чтѣ Богъ послалъ. Деньги, это вздоръ.

— Да у меня и бумага-то, чортъ знаетъ, какія-то спорныя.... Не примутъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— А свидѣтельство изъ лица. Вздоръ, примутъ. Поступай, Петрусь! упрашивалъ Ковотолскій, взявъ его за руку.— Теперь война; ты здоровъ, молодъ; люди нужны.

— Надо подумать; вотъ не подѣдетъ ли братъ, говорилъ Петръ Алексѣевичъ.— Окопировка дорога....

— Окопировка будетъ; я беру на себя, убѣждалъ Ковотолскій.— Коня дадутъ казеннаго; ѣздишь ты порядочно.... По рукамъ чтѣ ли?

— Да чтѣ тебѣ такъ хочется? спросилъ Лучаниновъ.

— А вотъ чтѣ, вспльчиво заговорилъ Ковотолскій.— Ты здѣсь, вотъ ты увидишь, проладешь; дрянъ ты сдѣлаешься здѣсь. Связался ты чортъ знаетъ съ кѣмъ; будешь ты льявствовать, играть, пока совсѣмъ не оберутъ тебя.... Вѣдь это, завешь ты, чѣмъ кончится?

— Чѣмъ? спросилъ Лучаниновъ.

— Ты сдѣлаешься шутомъ у какого-нибудь кутилы-кулчика, негодая; шутомъ.... Да; за рюмку водки будешь ты плясать, плясать. Вотъ чѣмъ кончится.

Лучаниновъ лоблѣднѣлъ и налилъ рюмку коньяку. Ковотолскій боязливо поглядѣлъ на него, но промолчалъ.

— Ты говоришь, началъ, поднимаясь съ дивана, Петръ Алексѣевичъ,— я шутомъ буду? Вотъ чтѣ я сдѣлаю съ тѣмъ подломомъ который вздумаетъ позволить себѣ пошутить со мной.

Стоявшій у дивана стулъ полетѣлъ въ другой конецъ комнаты и разлетѣлся въ дребезги.

— Не той породы мы; не той породы Лучаниновы чтобы кто-нибудь осмѣлился шутить надъ нами! горячо продолжалъ молодой человѣкъ.—И какъ тебѣ-то, какъ тебѣ не грѣхъ? Ты знаешь и меня, и брата, Конотолскій. Тебѣ бы грѣхъ такъ думать про меня, окончилъ онъ уже сквозь слезы.

— Обними за это... говорилъ, растерявшись, Конотолскій.— Я пробовалъ чѣмъ мнѣ тебя пронять, изверга, и пронялъ... Обними... Ей-Богу пробовалъ...

Пріятели обнялись.

— Себя не жаль мнѣ, говорилъ Петръ Алексѣвичъ,—хоть я и баловень, но сила есть, здоровье.... Хлѣба кусокъ достану честнымъ образомъ, не шутовствомъ...

— Ну, будетъ объ этомъ; говорятъ тебѣ: проба, перебилъ Конотолскій, притворяя дверь.

— А вотъ кого мнѣ жаль; жаль брата, говорилъ Петръ Алексѣвичъ; при этомъ слезы брызнули у него изъ глазъ.—Жаль мать, продолжалъ онъ шепотомъ.— Тар-хан-ковъ, произнесъ онъ, разставляя слоги фамиліи.—Съ нимъ я раздѣляюсь когда-нибудь. Онъ тварь. Я никому не говорилъ.... Тебѣ скажу: я вызывалъ его; писалъ два раза, подлецу.... Онъ оскорбилъ не насъ, а.... Ну, да.... Будетъ. Я не люблю заглазной брани. Богъ дастъ, мы встрѣтимся съ этимъ Тар-хан-ковымъ.

Молодой человѣкъ сѣлъ къ столу и напилъ еще рюмку.

— Будетъ тебѣ, подосвѣ къ столу, замѣтилъ Конотолскій.— Въ такомъ настроеніи пить вредно.

— Отчего вредно? Вѣдь въ гусары? отвѣчалъ разсмѣявшись Лучаниновъ.

Други, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вокругъ огня,
Съ красно-сизыми носами,

продекламировалъ онъ.— А вѣдь серьезно помню; покойный дядя былъ пріятелемъ Дениса Давыдова.

Въ передней послышался звонокъ.

— Не принимать бы, произнесъ Конотолскій, сморщившись и торопливо надѣвая ментикъ.

Но въ комнату вошелъ уже человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ испитымъ, безцвѣтнымъ лицомъ; онъ шелъ присѣдая то на одну, то на другую ногу, и слегка пошевеливая плечами, какъ это дѣлаютъ въ канканѣ шикары театральныя маскарадовъ и нынѣшнихъ танцклассовъ.

— Здравствуй, Петя, обратился онъ, развязно протянувъ блѣдную, длинную кисть руки къ Лучанинову.

— Здравствуй, отвѣчалъ Лучаниновъ, взявъ его за руку.— Рекомендую, Тушкановъ комерсантъ, Конотолскій.

Пожавъ Конотолскому руку, Тушкановъ поставилъ блѣдую, высокую шляпу на окно, закурилъ папироску и развалился на диванѣ, положивъ на ближайшія кресла свои длинные ноги. Онъ весь былъ какой-то блѣсоватый: свѣтло-сѣрые зрачки его исчезали на разстояніи пяти, шести шаговъ; жилетъ на немъ былъ бѣлый; пальто, брюки и галстукъ блѣдно-гороховаго цвѣта. Тушкановъ, развалившись, смѣрялъ Конотолскаго, который, въ свою очередь, неприязненно поглядывалъ на него излодлобья.

— Что это? Ковьякъ? спросилъ онъ, взглянувъ на ярлыкъ бутылки.—И сыръ; отлично, прибавилъ онъ, нагнувшись худымъ, длиннымъ туловищемъ къ столу и наливая рюмку.— Вчера, братъ, скромно, впрочемъ, мы вели себя.

— А гдѣ ты былъ? спросилъ Лучаниновъ.

— Въ балетѣ. Только три бутылки втроемъ, отвѣчалъ комерсантъ.—Но дебютантка, братецъ, чудо! Что за формы! Просто, братъ, очарованіе! прибавилъ онъ, проглотивъ рюмку ковяка и закусывая кускомъ сыра.— Ты знаешь, вѣдь Семеновъ прѣвхалъ. Онъ хотѣлъ сегодня быть у тебя. Но, братецъ, вотъ измѣнился-то; то-есть просто, чортъ его знаетъ что изъ него вышло; отсталъ отъ вѣка. Вотъ она провинція-то матушка, и потомъ жена... ханжой вѣдь сдѣлался совсѣмъ. Прежде онъ все-таки почитывалъ.... Что значитъ отстать, олошлится... А все среда, среда виновата. Читаетъ, налримѣръ, что, какъ ты думаешь? Священное Писаніе и *Переписку Гоголя съ друзьями*.

Тушкановъ захохоталъ.

— Прекрасное чтеніе, замѣтилъ Конотолскій.

— Для старыхъ дѣвъ и нашихъ бородастыхъ лаленекъ, сострилъ Тушкановъ.

— Отчего это? спросилъ Конотолскій.

— Да оттого что-съ.... Чупшь, галиматья, замѣтилъ, сильно затянувшись папироской, безцвѣтный комерсантъ.

Конотолскій началъ было съ нимъ спорить, но комерсантъ не слушалъ ничего и, вмѣсто возраженій, сыпалъ цѣлыя тирады выученныя наизусть изъ журнальныхъ статей. Это была одна изъ тѣхъ личностей которыя тогда выражались о себѣ

что они „сидятъ за литературой“. Эти слѣдователи за литературой читали все, были прожорливы и глотали всякую дрянь гвоздь попадетъ—и гвоздь проглотить, подошва—и подошву жуесть. Проловѣдую, не переваривъ даже, мысли вычитанныя въ послѣдней книжкѣ какого-нибудь журнала, они были невыносимо скучны. Слушая ихъ, точно, бывало, повторяешь брошенную давно подъ столъ газету, или глядишь въ окно на знакомый до тошноты пустырь, не имѣя возможности выйти изъ дому. Къ подобнымъ людямъ можно было получить отвращеніе, если почаще слушать ихъ рѣчь, испещренную модными выраженіями: „интеллигенція, индивидуумъ, моментъ, развитіе, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, социальныя реформы“ и т. д. Вообще „въ большомъ количествѣ“ такіе господа „вещь нестерпимая“.

Въ своемъ кругу, особенно между молоденькими воспитанными въ пансіонѣ купеческими дочками, они слыли за гениевъ, передовыхъ. Самые ужасные изъ этихъ гильдейскихъ талантовъ, это лишущіе ловѣсти; если удастся такому молодцу хоть одно изъ своихъ произведеній напечатать, тогда лишь пропало, онъ гибнетъ окончательно. Къ несчастію, какой-то журналъ дернула нелегкая напечатать разказъ Тушканова, подъ названіемъ: *Бракъ по приказу тятеньки*; со времени появленія своего творенія въ печати, Тушкановъ называлъ безъ церемоніи всѣхъ кулцовъ въ русской поддевкѣ свиньями, и пересталъ вовсе слушать что-либо; въ отвѣтъ на всѣ возраженія въ спорахъ, ероша свои бѣлокурые, жидкіе волосы, онъ произносилъ: „галиматъя“.

— Галиматъя, возразилъ онъ и теперь на замѣчанія Ковотолскаго что въ *Перепискѣ Гоголя* есть мѣста высоко художественныя.—Помѣшанный. Помилуйте, сжечь второй томъ... Религіозная манія. Челуха.

Ковотолскій подвязалъ саблю и взялъ шалку.

— Куда ты? спросилъ Лучаниновъ.

— Нужно мнѣ. Я буду черезъ часъ, отвѣчалъ Ковотолскій, пожавъ руку Лучанинову и комерсанту, и выходя изъ комнаты.

— Что это за благочестивый гусарикъ? спросилъ Тушкановъ.—На него рясу бы надѣть, а не ментикъ.

— Отличный человекъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Ты, братецъ, сегодня какой-то, чортъ тебя знаетъ, говорилъ Тушкановъ, — благочестивый гусаръ что ли тебя такъ настроилъ; пойми, братецъ, вѣдь онъ несетъ челухологию.

Лучаниновъ въ самомъ дѣлѣ былъ неразговорчивъ; онъ то расказывалъ молча по комнатѣ, то задумавшись глядѣлъ въ окно; разговоръ съ Ковотолскимъ и появленіе Тушканова, еще одного изъ лучшихъ представителей кружка въ который онъ въ послѣднее время попалъ, нагнали на него тяжелыя думы.

— Я не читалъ тебѣ изъ новой моей повѣсти ничего? спрашивалъ Тушкановъ, перекладывая съ кресла на столъ ноги, обутыя тоже въ гороховыя, свѣтлыя ботинки.

Петръ Лучаниновъ не слышалъ вопроса, углубясь въ тяжкую думу о своемъ безлутномъ препровожденіи времени.

— Вотъ, братъ, гдѣ я проберу нашихъ замоскворѣцкихъ ретроградовъ. Такъ и назову „болото“, продолжалъ литераторъ-комерсантъ.—Эта среда чистѣйшее болото.... Вообрази, ты помнишь, воротился изъ Парижа я? Вотъ, братецъ, контрастъ-то.... Ты вообрази, вдругъ, тамъ движеніе, борьба, цивилизація полнѣйшая, вопросы современные на череду....

— Да вѣдь ты живя жилъ въ Мабиль? Неужто и тамъ вопросы современные рѣшаются? спросилъ сердито Лучаниновъ, оставаясь противъ развалившагося на диванѣ, пріятеля.

— А что жь? Что же, по-твоему, Мабиль? отвѣчалъ Тушкановъ.—Тамъ шикъ, братецъ, пріобрѣтаешь. Ты посмотри у насъ канканъ, и тамъ.... Француженка, это само изящество, братецъ; она тебя облагораживаетъ; вкусу набираешься, братецъ.

— Уродству набираешься, возразилъ Лучаниновъ.—Это изящество прикащиковъ и прикащицъ съ Кузнецкаго моста, по моему, есть безобразіе; по мнѣ въ тысячу разъ изящнѣе такой Француженки наша русская, молодая, красивая крестьянка. Въ женщинѣ что изящно? Скромность, женственность, а не шикарство.

— Ну, братецъ, уволь.... крестьянка, сарафанъ, ланги.... Нашелъ изящество, отвѣчалъ, принужденно захохотавъ, Тушкановъ.—Съ Семеномъ, братецъ, пара васъ; мы свяжемъ васъ веревочкой. Ну, у того лоятво, впрочемъ, потому среда. Тебѣ же, братецъ, при твоёмъ развитіи, довольно дико помѣшаться на русской красотѣ, то-есть, вѣрнѣе, на отечественномъ безобразіи, уродствѣ.

— Семень, братъ, не дуракъ; умнѣе многихъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Налялилъ русскую рубаху, продолжалъ Тушкановъ.—Впро-

чемъ, по Сенькѣ шалка... Салоги надѣлъ со сборками, скотина, окончили онъ, перекладывая на столъ ноги.

— Рубаха русская ужь не чета, братъ, твоему коротенькому летаньеру, горячо заговорилъ Лучаниновъ.— Ты посмотри-ка на себя, и на Семена посмотри въ рубахѣ. Вѣдь онъ красавица, ну, а ты....

Тушкановъ еще болѣе побѣлѣлъ; взъерошивъ бѣлые жиденькіе волосы, онъ вскочилъ съ дивана; надѣвъ на бекрень сѣрую высокую шляпу, присѣдая и подергивая, полперемѣно, костлявыми плечами, онъ съ ироническою улыбкой пожалъ руку Лучанинову и вышелъ, произнеся уже въ дверяхъ:

— Съ тобой сегодня, вижу я, не стоить говорить; дичь порешь, братецъ, ты, галиматья.

Лучаниновъ сѣлъ къ столу и, подперевъ обѣими руками голову, задумался. Противнымъ казался ему, рядомъ съ Комотолскимъ, этотъ бѣлесоватый Тушкановъ и весь кружокъ съ англазироваанными Ванями, Андрюшами, Николаями. „Нѣтъ, надо уѣхать; Комотолскій правъ; пожалуй, самъ олошлншься съ ними, сдѣлаешься трактирнымъ Ерусланомъ.... Надо уѣхать во что бы то ни стало.“ При послѣднемъ рѣшеніи Лучаниновъ даже зачѣмъ-то стукнулъ кулакомъ по столу, вскочилъ и подошелъ къ окошку.

— Семень Ивановичъ пріѣхалъ, доложилъ, съ видимымъ удовольствіемъ, Петруша, появившись въ дверяхъ кабинета.

Лучаниновъ не успѣлъ отвѣтить какъ въ комнату скромно вошелъ красивый, съ маленькою русою бородой, человекъ лѣтъ двадцати шести; на немъ была синяя сибирка; на ногахъ русскіе, козловые съ наборомъ, салоги.

— Семень Ивановичъ! встрѣтилъ его Лучаниновъ.

Они обнялись.

— Я переждалъ нарочно у Петруши, началъ гость, — пока Тушкановъ уѣдетъ; не входилъ. Владиміръ Алексѣвичъ скоро ли вернется?

— Жду каждый часъ, отвѣчалъ Петръ Алексѣевичъ.

— Какъ вы живете тутъ? спрашивалъ, поглядывая то на Петрушу, то на Лучанинова, улыбувшись и выказавъ рядъ бѣлыхъ какъ слонобая кость зубовъ, вошедшій. — А ты съ Тушкановымъ еще не разошелся, Петръ Алексѣвичъ?

— Нѣтъ; а что? спросилъ Лучаниновъ.

— Да, лучше отъ него подальше, отвѣчалъ гость. — Сталь нехорошія дѣла онъ дѣлать по торговлѣ. Да и такъ онъ мнѣ

куда какъ не по праву. Былъ я въ Васильевскомъ; ланнихиду отслужилъ по старикѣ, на могилѣ; грустно таково стало; часу не пробылъ и уѣхалъ. На похороны не попалъ я тогда; былъ въ отлучкѣ. Садъ снялъ я у Тарханкова; садовника нанялъ, берегу чтобы хотя это, пока мы живы, сохранить. Повдѣмъ-ка вотъ лучше къ намъ, Петръ Алексѣичъ; у меня, братъ, не узнаешь мельницъ; отдѣлалъ заново; домъ новый выстроилъ, залашку завелъ, толковалъ гость, говоромъ съ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Вотъ воротится, Богъ дастъ, Владиміръ Алексѣичъ, пріѣзжайте погостить. У насъ на Волгѣ матушкѣ не хуже вашей заграницы; выйдешь утромъ,—ташина; расплывы на парусахъ бѣгутъ что лебеди съ визовья; на луговой сѣнокосѣ: косы блестятъ; бѣлыя, красныя рубахи лестрѣютъ, словно макъ цвѣтеть.... Пріѣзжайте, говорилъ гость, потряхивая темнорусыми кудрями и сѣвъ подлѣ задумавшагося хозяина.

На открытомъ лицѣ пріѣзжаго стояла погоянно пріѣтливая улыбка; жизнью, здоровьемъ вѣяло отъ него, какъ вѣтъ свѣжестью отъ вшедшаго въ комнату, съ чистаго воздуха, человѣка; даже мѣстное нарѣчіе шло къ его искреннимъ рѣчамъ. Молодой гость былъ сосѣдъ и крестный братъ Лучанновымъ (крестникъ Алексѣя Андреевича), кулець Семень Ивановъ Крулчатниковъ. Еще дѣдъ Семена Иванова, государственный крестьянинъ, выстроилъ большую мельницу-крулчатку на рѣчкѣ владыющей въ Волгу верстахъ въ шести отъ Васильевского; землю онъ купилъ у Лучаннова. Дѣла у оборотливаго мужика-мельника пошли хорошо; онъ арендовалъ сначала, а потомъ купилъ еще нѣсколько мельницъ въ околоткѣ, и завелъ пять барокъ для сплава хлѣба по Волгѣ. По смерти дѣда, строителя крулчатки, сынъ его, отецъ Семена Иванова, любившій выпить, и сильно временемъ, запустѣлъ дѣло; мельницы продали бы за долги, еслибы не умеръ скоропостижно отецъ и не принялъ дѣлъ въ свои руки оборотливый и умный, въ дѣда, Семень Ивановъ. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда онъ началъ хозяйствовать; много помогала ему мать, умная, видѣвшая много горя на вѣку съ гулякой мужемъ, женщина. Семень Ивановъ женился на крестьянской, изъ богатаго дома, дѣвушкѣ; ея капиталомъ уплативъ отцовскіе долги, онъ сразу поставилъ дѣла свои на дѣловскій ладъ.

Съ Тушкновымъ онъ познакомился слѣдующимъ образомъ:

Тушкановъ, вздумавъ, одно время, скупать хлѣбъ на низу, познакомился на Волгѣ съ Семеномъ Ивановымъ; онъ втерся было даже съ нимъ въ общество по доставкѣ хлѣба, но сметливый Семень Ивановъ скоро раскусилъ новаго знакома и прекратилъ съ нимъ дѣла. „Ты, я вижу, братъ, на грошъ пятаконъ ищешь“, безъ церемоніи сказалъ онъ своему компаніону, замѣтивъ его попытку ловить рыбу въ мутной водѣ. Тушкановъ началъ было просвѣщать Крулчатникова (страсть просвѣщать у подобныхъ господъ равносильна страсти къ писательству), навезъ ему журналовъ. Семень Ивановъ почиталъ, но мало понималъ изъ статей набитыхъ иностранными, щеголеватыми словами. Тушкановъ, про себя называя Семена Иванова кулакомъ, вездѣ разказывалъ что онъ невѣжа, порожденіе среды, скотина и т. д. Мать Семена Иванова особенно не любила Тушканова; умная старуха знала людей; всю жизнь она стояла на сторожѣ подлѣ мужа, постоянно окруженнаго всякаго рода обиралами и подлецами. Будучи грамотна, она вела всѣ счеты при мужѣ, ѣздилъ по присутственнымъ мѣстамъ; но бездутьство старика разбивало всѣ ея планы и расчеты; впрочемъ, безъ такой жены, гуляка, конечно, спустилъ бы и капиталъ, и мельницы. Сына и дочь (выданную замужъ) старуха выучила сама грамотѣ. Покойный Лучаниновъ зналъ еще дѣда Крулчатникова и перѣдко навѣщалъ семью; мать Семена Иванова онъ особенно уважалъ, да и нельзя было не уважать эту женщину; внутреннею силой своей держала она строй въ домѣ и въ дѣлахъ; въ дѣтяхъ умѣла она сохранить уваженіе къ отцу, несмотря на его безпорядочность.

Сколько такихъ безвѣстныхъ, скромныхъ труженицъ скрывается въ темныхъ углахъ; не слыхивали о нихъ люди, волющіе на то что наша женщина не дѣягель, что она не болѣе какъ самка и т. д. Всюду, знать, свѣтитъ, всюду заглядываетъ, подобно солнечному, теллему лучу, лучъ вѣкожизненной, святой любви. Всюду грѣветъ, всюду творить святая любовь; творить безвозмездно, подъ гнетомъ; иногда, страшно помыслить, подъ ударами тѣхъ самыхъ людей надъ которыми вѣтса она всю жизнь что ласточка надъ непрочнымъ гнѣздомъ своимъ.

Отецъ Семена Иванова былъ человекъ, что называютъ на Руси, „рубача“; за штофомъ онъ готовъ былъ благодушествовать съ кѣмъ угодно; во хмѣлю раздавалъ деньги встрѣчному

и полеречному, и бѣда была полеречить ему въ этомъ; ожажи ему въ эту минуту жена хоть слово о бережливости, онъ выходилъ изъ себя и нарочно, на зло, разбрасывалъ остальное. Старика Лучанинова онъ уважалъ; когда видѣлъ его у себя въ домѣ, то не зналъ чѣмъ угостить, извинялся если бывалъ лодъ кѣлькомъ „А вѣдь вотъ ты опять дурнись, Иванъ, льешь“, замѣчалъ ему Алексѣй Андреевичъ. Кружчатниковъ вставалъ на колѣни, цѣловалъ руки, плакалъ и на добѣдалъ до невозможности; но замѣчанія, несмотря на такіа эстетическіа выраженія раскаянія, не помогали ни мало; по отъѣздѣ гостя, чудакъ еще болѣе наливался, толкуя, правда, со сюзами женъ: „не хорошо; Алексѣй Андреичъ говоритъ: дурнись, Иванъ; правду онъ мнѣ сказалъ. Дурю.“

Семень Ивановъ больше любилъ мать; старуха и по смерти отца жила вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткой; и теперь ея держался старый строй въ домѣ; она строго соблюдала старинные обычаи, но въ семьѣ не замѣтно было ни гнета, ни суровости, которая есть таки въ домахъ кушцовъ (особенно старообрядцевъ) придерживающихся старыхъ порядковъ. Правда, что и при новомъ образѣ жизни бываетъ сумрачно и холодно въ семьѣ; не отъ порядковъ, видно, не отъ бездушной обстановки, а отъ сердца исходить лучъ обогрѣвающей и освѣщающей семейную обитель.

Въ дѣтствѣ поѣздки на кружчатку были любимыма прогулками молодыхъ Лучаниновыхъ; тамъ, вмѣстѣ съ сыномъ кружчатника, Сеней, они удили рыбу, искали пестрыхъ камешковъ и раковинъ въ рѣчкѣ; хозяйка угощала ихъ свѣжими сотами изъ ульевъ, пряниками, чаемъ; имъ нравилась тихая, высокая поверхность воды надъ лотиною, глухая стукотня поставы и шумная работа комель, отъ которой дрожало, словно въ лихорадкѣ, все деревянное зданіе мельницы; нравились даже дубочныа картинки украшавшіа просторныа свѣтлицы дома кружчатника: тутъ было и знаменитое погребеніе кота мышами, и объѣдало съ толстымъ лузомъ и равнутаемъ ртомъ, въ который, словно въ печь, сажали на лопатахъ пироги и жареныхъ, цѣпныхъ, гусей и барановъ; и лѣкаръ цюстранецъ, дѣлавшій старухѣ и стариковѣ снова молодыми; и древо жизни человеческой, съ надписями возрастовъ и двумя мышами лодъпадающими корель; Кутузовъ на сѣромъ конѣ, съ солдатами и цѣлымъ сраженіемъ лодъ ногами лошади,

Барклай де-Толма... и чего, чего тамъ не было любопытнаго для неразборчиваго дѣтскаго вкуса.

Болше же картинъ и самой мелочицы занимала дѣтей нрѣко раскрашенная, съ позолотой, почти саженная модель барки, хранившаяся въ одной изъ свѣтлицъ; модель спускалась иногда для дѣтей на воду, въ заводи ручья, и тогда радости дѣтской конца не было. Работникъ Филиппъ сажалъ дѣтей въ лодку, привязывалъ модель къ кораблю и каталъ по заливу; иногда онъ, отвязавъ, пускалъ ее, поднимавъ маленькій парусъ; модель летѣла по вѣтру, накренивъ свою раскрашенную мачту и покачиваясь на мелкой зыби залива. „А съѣсть намъ можно на корабликѣ?“ спрашивали дѣти. „Нѣтъ, съѣсть нельзя, потонетъ,“ отвѣчалъ работникъ.

Маленькаго Семена нерѣдко увозили дѣти Лучаниновы погостить въ Васильевежю; тамъ мальчикъ крестился, въ свою очередь, любовался фламандцами, слушалъ музыку и пѣвчичь. Алексѣй Андреевичъ дарилъ крестнику книжки на именины, на праздники. Дружба, завязавшаяся между дѣтьми, продолжалась и послѣ; уже бывши студентами, Лучаниновы бывали на мельницѣ, и Семень Крупчатниковъ ѣздилъ къ нимъ часто, считая ихъ родными братьями.

— Жена здорова ли твоя? Старушка? спрашивалъ Петръ Алексѣевичъ.

— Всѣ слава Богу; кланяются, отвѣчалъ Семень Ивановъ.— По веснѣ, Богъ далъ мнѣ еще сына.

— А дѣла?

— Дѣла, слава тебѣ Господи. Тычонки три очистилось за прошлый годъ; хлопотъ не мало, а грѣхъ Бога гнѣвить, теперь я осперился, говорилъ Семень Ивановъ, увидя вшедшаго Конотопскаго и поднимаясь съ мѣста.

Лучаниновъ познакомилъ ихъ.

— Очень радъ, сказалъ Конотопскій, пожмая руку Крупчатникову. — Я уже знакомъ съ вами; Лучаниновы мнѣ говорили про васъ. Вы вѣдь соседъ имъ?

— Нешто. Съ одной стороны свои, отвѣчалъ Семень Ивановъ.— Вотъ только ихъ несчастье намъ поразучило... Мы жили, да и отды-то наши, не осорились; мы вотъ съ какихъ поръ...

Между тѣмъ поваръ накрылъ на столъ; нездоровившаяся съ Крупчатниковыми какъ старымъ знакомымъ, ела тоже какъ-то притворившись, что не помнитъ.

— Вотъ, теперича, не ждали, не гадали, говоритъ Гаврило

Алексеевъ, пришедшій къ обѣду. (Семья его жила въ уездномъ городѣ; Петръ Алексеевичъ наемно могъ уговорить этого обѣдать съ нимъ вмѣстѣ.)—Анна Тихомовна, телерича, здорова ли? спрашивалъ старику; — моужь не видалъ ли?

— Видалъ, отвѣчалъ Семень Ивановъ;—всѣ слава Богу; вѣдая казанья-ая; тебѣ посыла, узелокъ есть отъ хозяйки, окончилъ онъ, обращаясь къ старику.

— Ну, садемъ за обѣдъ; двинемъ по рюмочкѣ, Семень Ивановичъ, приглашалъ Петръ Алексеевичъ, наливая рюмку.

— Чтѣ ты это? Съ роду не пивалъ, да и тебѣ бы не вралъ, отвѣчалъ Крупчатниковъ.

Комотолскій надѣвалъ китель, и всѣ усадились за обѣдъ. Поваръ не успѣвалъ подать супъ, какъ посыпался стукъ дрожекъ, и чрезъ минуту, съ назашертую дверь, вбѣжалъ Владимиръ Лучаниновъ. Вскочивъ изъ-за стола, всѣ бросились, поочередно, обнимать прѣзжаго; извощикъ долго стоялъ съ небольшимъ чемоданомъ и мѣшкомъ, дожидаясь отъ кого-нибудь указанія куда поставить. Семень Ивановъ, обращаясь то къ одному, то къ другому, хохоталъ отъ радости; Гаврило Алексеевъ бормоталъ: „какъ вы, телерича, подкрались, батюшка, Владимиръ Алексеевичъ... Только что мы усадились... Я Семѣ говорю: телерича, моужь, надо скоро ожидать, а вы...“ Петруша, расперавшись отъ радости, наемно могъ ообразить, и спрашивалъ разъ пять прѣзжаго окомясь вѣдываетъ отдать извощику. Петръ Алексеевичъ прыгалъ и вертелъ то Семю Иванова, то Комотолскаго.

— Какъ же ты съѣздишь? спрашивалъ Комотолскій, не зная съ чего начать разговоръ, какъ это бываетъ въ первый мигъ свиданія послѣ довольно продолжительной разлуки.

— Съѣздишь хорошо, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Чтѣ, Корнеевъ въ Москвѣ?

— Здѣсь, отвѣчалъ Комотолскій;—я былъ сейчасъ у него, во не засталъ.

— Какъ бы это послать къ нему, говорилъ Лучаниновъ.

— Это хорошо, телерича, что вы изволили возвратиться, говорилъ управляющій;—насчетъ дѣла сами и въ Петербургъ съѣздите, и все... Петръ Алексеевичъ хашлетали, вадими и въ мавкашамъ, но цкъ дѣло, телерича, молодое; гдѣ же имъ?

— Да, я ѡжду въ Петербургъ, отвѣчалъ, задумываясь; Владимиръ Алексеевичъ;—дѣло ужасное. Неужели вичаро на опытахомъ, на какутъ показывать спѣшь?

— Да, вздиль я, разузнавалъ гдѣ могъ... Ничего не могъ услѣдить сыскать, телерича, отвѣчалъ Гаврило Алексѣевъ. — Вамъ, телерича, сударь, одно осталось, по моему слабому разсудку, другаго нечего дѣлать....

— Чтѣ же ты думаешь? перебилъ старшій Лучаниновъ.

— Подать на высочайшее имя, телерича, отвѣчалъ старикъ.

Владиміръ Алексѣевичъ задумался.

— Но чтѣ же мы?... Давайте обѣдать, пригласилъ онъ гостей, садясь за столъ.

Всѣ сѣли. Въ половинѣ обѣда кто-то сильно зазвонилъ у двери.

— Это должно-быть Корневъ, замѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ;—его звонъ; никто такъ сильно не звонить.

Въ переднюю дѣйствительно вошелъ Корневъ; обросивъ пальто, онъ вступилъ въ залу со словами:

— Ну, братъ, это сердце сердцу вѣсть подаетъ. Давно ли ты пріѣхалъ?

— Только-что, отвѣчалъ пріѣзжій, обнимая пріятеля. — Садись обѣдать.

Послѣ стола всѣ перешли въ кабинетъ и усѣлись, съ чашками кофе и сигарами, около каміна. Рѣчь шла то о дѣлѣ Лучаниновыхъ, то о Барскомъ, объ освобожденіи котораго принялась было хлопотать графиня, но дѣло почему-то заглохло, то о войнѣ; наконецъ бесѣда перешла на другую тему: „Италія“. Отрывочные разказы и замѣтки Лучанинова производили на слушателей то же впечатлѣніе какое испытываешь перелистывая книжку художника съ эскизами набросанными то карандашомъ, то акварелью; мелькнетъ предъ зрителемъ народная, бойко накиданная, съ натуры, уличная сцена; перевернешь листъ,—ландшафтъ; дальше хорошенькая женская головка; развалина античнаго водопровода увѣшанная вельями, а подлѣ нея осликъ щиплющій траву, съ сидящею на немъ преспокойно птицей....

Разсматривая этотъ длинный рядъ безсвязныхъ замѣтокъ, спрадѣтъ ли въ голову кому-нибудь, кромѣ художника, что все—и этотъ видъ, головка, осликъ,—ступеньки къ третьему небу, къ самоопредѣленію, безъ коего не явится твореніе полноценное мысли и гармоніи? Трудно понять, до времени, какъ вяжутся между собою эти отдѣльные, иногда блестящіе куски; точно такъ трудно показать каждую степенъ обрабатыванія колоса изъ зерна, а между тѣмъ, парамъ съ крупными

градусами роста, важны мельчайшія, незримыя почги для глаза, проявленія творческой силы.

— А знаете, говорилъ Владиміръ Алексѣевичъ, — еслибы наши художники, помимо римскаго антика, обращались прямо къ древней Греціи, у насъ въ историческихъ картинахъ, статуяхъ (въ родѣ Минина въ римской тогѣ), въ исторической драмѣ, не было бы столько фальши; русскій старинный тилъ не ладить съ гордымъ римскимъ тиломъ; онъ ближе къ греческому, античному.

— Пожалуй что, замѣтилъ Корневъ.

— Увѣраю тебя... Римъ повредилъ намъ и въ эгомъ отношевіи.

— Да въ чемъ онъ не вредилъ Славянамъ, замѣтилъ Конопольскій.

— Вы посмотрите, я попробовалъ, такъ сказать, пошибомъ Гомера, конечно съ мастерствомъ суздальскаго богомаза, разказать отрывокъ изъ нашей лѣтописи.... Дай мнѣ портфель Петруша, говорилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— А Рафаэль развѣ повредилъ? говорилъ Корневъ.

— Рафаэль, геппаппаппе? Я говорю о! древнемъ Римѣ; отъ картинъ Рафаэля вѣтъ Греціей; его самого зазывалъ туда гвѣй... Его *Парнассъ*? Да что тутъ римскаго? Эта грація, спокойствіе, кротость образовъ, все прямо греческое, горячяса Лучаниновъ.

Петруша подавъ портфель.

— Вотъ, слушайте, продолжалъ Лучаниновъ, — доставая книжку съ замѣтками. Есть ли тутъ фальшь? А между тѣмъ, я даже сравненія беру цѣликомъ изъ Иліады. Да, помните вы описаніе ристанія на похоронахъ Патрокла; возницы понукають лошадей: „Эй вы, любезные!“ и т. д.; точно наши ямщики; чѣмъ они не похожи на этихъ возницъ?

— Хороши античные Греки, сказалъ, расхохотавшись, Конопольскій. — Но, читай же.... Это любопытно.

Владиміръ Лучаниновъ началъ:

Красное солнце всходило, какъ рати сступились.
 За была стѣча; такой на Руси не бывало;
 За руки взявшись, мечомъ, топорами рубились.
 Трижды стибалися; кровь по удолямъ бѣжала,
 Осимъ зеленую, желтый песокъ обгаряя.
 Богъ пособилъ Ярославу; Святополчи вои,
 Бросивъ стаги, побѣжали къ дремучему бору.

Вадла ль вы какъ суровыя галки, завидя,
 Ястреба въ выси небесной, широкою стаей,
 Носатся съ крикомъ, съ дребезень и кровель сорвавшице?
 Такъ побѣжали дружины гонимыя княземъ,
 Княземъ хоробрымъ и доблымъ, буй-туръ Ярославомъ.
 Грозно сверкая шелокомъ, летѣлъ Володимиръ;
 Соколь такъ, во-время спущенный ловчимъ съ шелоковыхъ,
 Золотомъ хитро украшенныхъ, путь цареградскихъ,
 Взмывъ къ облакамъ, низлетаетъ стрѣлой на добычу.
 Стонеть дубрава отъ конскихъ копытъ и отъ воллей
 Рати бѣгущей, жемудрихъ дружинъ Ярославлихъ;
 Стрѣлы се свистомъ, что молнии громыя искры,
 Прадаютъ съ звучныхъ тетивъ раззолоченныхъ луковъ,
 Дрозики, конья грецать, и мечи харалужны.
 Глухо звонять о шелома, о ратную сбрюю.
 Князь Ярославъ впереди, бую-туру подобный,
 Конскою грудью могучей толпу раздвигаетъ
 Тяжкимъ обухомъ чекана громить Святополчихъ.
 Токи, шелома кидая, неслись Святополчи,
 Пѣши и конные, вилавъ черезъ рѣчку спасались.
 — Къ стягу, вскричалъ Ярославъ, коня-льва укродая.
 Пѣну съ удиль отряхнувъ, чалый, конь богатырскій
 Землю копытомъ взрывалъ, жемутаяся смога
 Быстро летѣтъ за врагомъ, не держаъ коня поведъ,
 Шелкомъ поведъ, натанутый сильной рукою.
 Звонко у стяга княжаго труба зазвенѣла,
 Чаща дремучаго бора тотъ звонъ повторила;
 Къ стягу отвсюду дружина толпами валла.
 Пѣши къ рѣкѣ воды забѣгали напиться;
 Конники, спрянувъ съ сѣдла, ослабляли подпруги.
 Пѣна ручьями текла съ разгорѣвшихся коней;
 Тяжко вздымались дружинниковъ мощныя перси;
 Градомъ лилъ потъ отъ чела на значеные токи.
 Птицею вольной, полавшей въ силокъ птицелова,
 Бились сердца, изъ-подъ панцирей вомъ вырываются.
 Князь Ярославъ держалъ рѣчь такую къ дружинѣ:
 — Божья ти помощь, дружина моя удалая!
 Такъ бы всегда поборать мнѣ враговъ супостатовъ,
 Какъ Святополка мы, Новгородъ, днесъ поборали.
 Зрѣли сегодня меня вы въ бою, въ бранномъ пирѣ;
 Слышали думу мою ваши старцы на вѣчѣ.
 Любо ль меня, Киевляне, вамъ княземъ имѣти?
 Любо ль за сына Владиміра главы складати?
 Добылъ мечомъ я стола золотаго, дружина;
 Добылъ ли вашу пріязнь и любовь, я не знаю.

Крикотъ магучиыя охратила земская сила
 „Жить намъ съ тобой, умирать бы съ тобою же, княже!
 „Стольный градъ Кіевъ давно тебя ждетъ не дождется.
 „Здравъ буди, князь благовѣрный!“ рать-сила гремѣла.
 Ожилъ дремучій лѣсъ, радостный крикъ повторяя,
 Красный звонъ Кіева, стольного звонъ, покрывая.

— Хорошо, произнесъ, улыбаясь, Семень Ивановъ
 Гаврило Алексѣвичъ звалъ, креста ротъ рукою.
 — Никакой фальши!... Славно, говорилъ Комотолскій.
 — Я бы даже убавилъ русскаго, всѣ бы эти: „буй-туръ“ и
 тому подобнае выкинулъ, и вышло бы еще болѣе по-русски;
 замѣтилъ Корневъ. — Впрочемъ, Богъ знаетъ такъ ли; я не
 увѣренъ.... Очень хорошо; прекрасно.

Петръ Алексѣевичъ молча подымалъ брата въ лобъ и при-
 малса откуморивать бутылку залеканки привезенной Коно-
 толскимъ изъ Малороссіи.

XIV.

Въ кругу московскихъ знакомыхъ старика Лучанинова, со-
 стоявшемъ изъ разныхъ княгинь-старушекъ, вдовъ, присут-
 ствующихъ и неприсутствующихъ сенаторовъ, мелочниковъ и
 собирателей сомнительныхъ Рембрантовъ и Муралью, ходили
 дѣлые разговоры о походахъ Петра и Владимира Алексѣе-
 вичей. Обыкновенные нѣсколько тѣмъ что молодые Лучаниновы
 оставили ихъ скучноватыя гостиницы, вдовицы порицали без-
 жельность и распущенность братьевъ.

— Какъ это не хлопотать, лишиться такого имени! толко-
 вали онѣ.—Ну, положимъ, Ріегге молодъ, вѣтренъ, а старшій-то?

— Старшій, возражалъ на это какой-нибудь звѣздоседецъ,
 amateur живописи,—не безплодно проведетъ время; въ Ита-
 лии есть чѣмъ любоваться.

— Да какое тутъ любованье! съ негодованіемъ, смѣривъ
 звѣздосеца, говорили вдовицы.—Ему надо служить, il s'engage
 à fortune; вѣдь отъ нашихъ Рафаэлей сытъ не будетъ. Нѣтъ,
 c'est impardonable, непрощительно съ его стороны, какъ вамъ
 угодно.

Нѣкоторыхъ политиковъ и дипломатовъ воображеніе увле-
 кало еще дальше; эти не шутя увѣрили что поѣздка старшаго
 Лучанинова за границу находится въ тѣсной связи съ венгер-

скою революціей и славянскими вопросами; они рассказывали что Лучаниновъ въ Прагѣ, или гдѣ-то въ Пеннѣ, имѣлъ продолжительное тайное свиданіе съ новыми вождями революціоннаго движенія въ Венгріи. Старушки, покачивая головами, замѣчали на это что все можетъ быть, приводя въ подтвержденіе горячія рѣчи студента о Славянахъ.

— Какая революція! спорили меломаны:—я достоверно знаю что онъ ѣздилъ въ Италію, просто, учиться пѣть.

— Пѣть? съ ужасомъ спрашивала одна сенаторша.—Это что еще? Какъ пѣть? Ужъ не на сцену ли онъ кочетъ поступить? Вотъ одолжить. Со старинною-то дворянскою фамиліей, да вдругъ въ актеры. Отъ него останется.

— Да что же, позвольте васъ спросить, въ этомъ худого? возразилъ было одинъ изъ меломановъ.—Искусство....

— Полно, полно, батюшка... Вотъ, вы эти идеи и распространяете, вспыхнувъ, перебила меломана старушка.—Дворянинъ на сцену... Развѣ нѣтъ тамъ за границей Италиянцевъ? Захотимъ слушать пѣніе, Италиянца наймемъ.... А то, родовое дворянство вдругъ рулады начнетъ выдѣлывать.... На это есть Италиянцы.

Въ кругу молодыхъ профессоровъ, гдѣ еще студентомъ бывалъ старшій Лучаниновъ, онъ былъ причтенъ теперь къ разряду героевъ тогдашнихъ повѣстей, въ родѣ Рудиныхъ и другихъ. „Умный, живой человекъ, но не приложимый, но недостатокъ ли усидчивости, или отъ того что наша русская жизнь такъ уже сложилась“, говорили о немъ профессора. Одѣвка людей у дѣловой, замглай своимъ спеціальнымъ предметомъ публички, читающей изящную словесность въ минуты отдыха, нерѣдко дѣлалась тогда по мѣркѣ данной любимымъ писателемъ. Къ тилу изображенному въ послѣдней повѣсти Тургеневымъ пригонялся у нихъ каждый оцѣняемый. Это Рудинъ, это такой-то, говорили безъ церемоніи оцѣнщики, не приглядываясь къ чертамъ, иногда своеобразнымъ и довольно яркимъ въ оцѣняемой личности. Владиміръ Александровичъ толкнулся было въ этотъ кругъ по возвращеніи изъ Италіи; пріѣхавшаго изъ-за границы тогда принимали вездѣ охотно; съѣздить за границу въ то время было даже чѣмъ-то въ родѣ повышенія, полученія чина, ордена. На разныхъ профессорскихъ четвергахъ, субботахъ, заговорилъ онъ объ искусствѣ; сначала его слушали, но съ выраженіемъ на лицахъ: „зидемъ, братъ, мы тебя; толкуешь ты красно, а все-таки

ничего путнаго изъ тебя не выйдетъ.“ Недѣли чрезъ двѣ его начали обывать изъ кабинетовъ, гдѣ шли спеціальныя бесѣды, въ гостиную занимать профессоршъ. Профессорши живѣе отнесались къ жаркимъ трактатамъ объ антикахъ, но къ концу вечера и онѣ принимались потихоньку зѣвать, окачивая, изъ деликатности, разкащика, будто холодною водою, замѣчаніями что Италия, должно-быть, точно что страна прелюбопытная. Владиміръ Лучаниновъ и сюда пересталъ ѣздить. Не въ осужденіе будь сказано, въ средѣ нашихъ ученыхъ рѣдко встрѣтись развитаго эстетически человѣка; есть исключенія, но ихъ гораздо меньше чѣмъ въ латинской грамматикѣ. Въ квартирахъ ученыхъ, по крайней мѣрѣ того времени, не встрѣтись, бывало, ни картины, ни гравюры; висятъ одни дешевые портреты знаменитостей науки, да ландшафты.

Болѣе желаннымъ гостемъ старшій Лучаниновъ былъ въ средѣ молодыхъ живописцевъ, скульпторовъ. Забравшись, въ тѣсную комнатку, увѣшанную эгюдами, онъ просиживалъ тамъ иногда до-свѣта. У молодаго художника вопросъ объ искусствѣ есть вопросъ жизни; следовательно онъ говоритъ о немъ не отъ нечего дѣлать, не изъ желанія прослыть знатокомъ, не для того чтобъ убить какъ-нибудь вечеръ. И чѣмъ менѣе извѣстно имя художника, тѣмъ чище и честнѣе относится онъ къ искусству; попавъ въ знаменитости, перемѣнивъ чердакъ на роскошную мастерскую, художникъ почти всегда измѣняется. Какъ ни толкуй онъ вошь что онъ все прежній, гадлишь, много восторженныя юныхъ рѣчей о своемъ дѣлѣ, пошли пересуды, сплетни, толки о соперникахъ; просторнѣе квартира, а дышется въ ней не такъ легко какъ дышалось когда-то въ тѣсной комнаткѣ, обителю грезъ, молодыхъ надеждъ и юношеской вѣры въ богатырскую мощь творчества.

Бываютъ рѣдкіе счастливцы, которымъ какъ-то удается до могилы сохранить значительную долю молодаго огня, долю весенней чистоты и свѣжести. Плохо живется таковымъ; какъ увѣшанному, зачѣмъ-то, среди высохшаго кустарника растенію, имъ много требуется внутренней силы чтобы не заглохнуть, не пропасть подъ кучей хворосга. На нихъ отдыхаетъ за то нѣсколько взоръ человѣка, попавшаго въ этотъ, загроможденный мусоромъ, забытый уголъ.

Такимъ оазисомъ для Владиміра Лучанинова былъ домъ скульптора Б. Жаріаля, умная рѣчь хозяина, самыя стѣны, увѣшанныя эскизами, картинами и подмалевокками славныхъ

сверстниковъ и учителей хозяина; статуи, эскизы изъ глины, рѣдкіе эстампы и рисунки, — все это сразу заводило посетителя въ волшебный край. „Посидишь у насъ, точно въ Римѣле бываешь“, говаривалъ хозяину Владимиръ Алексѣевичъ: Разказы Б. о пребываніи своемъ въ Италіи, анекдоты о отартахъ, знаменитыхъ профессорахъ нашей академіи, Шебуевѣ, Пурровѣ, Ивановѣ (отцѣ), Брюловѣ, были живою летописью русскаго искусства; мѣткая оцѣнка великихъ мастеровъ, умѣла сразу опредѣлять отлчительную особенность мастера, увлечь мысль творца, дѣлала бесѣды Б. болѣе интересными чѣмъ иная лекція присяжныхъ чтецовъ теорій и исторій образовательныхъ искусствъ. Б. хорошо владѣлъ перомъ; перо и было волшебнымъ жезломъ посредствомъ коего держалъ онъ въ нѣкоторомъ подчиненіи у себя иныхъ, даже высокородящихъ и превосходительныхъ, художниковъ. Эти не домогавши Б., но посѣдали его вечера, несмотря на то что перѣдко имъ приходилось выдашивать тамъ несладкія истины. „Лучше пусть обругаетъ на словахъ; все-таки легче чѣмъ печатно“, думали превосходительные Фидіи и Апеллеи. Въ домѣ Б. они дѣлались какъ-то кротче даже со своими подчиненными; впрочемъ; іудейскій страхъ быть обличеннымъ печатно преслѣдовали ихъ и на службѣ; и тамъ мерещило имъ В. со статьею подъ мышкой, и тамъ задумывались они надъ многимъ, надъ чѣмъ безъ наблюдательнаго ока В. пожалуй бы и не задумались. За то съ какимъ негодованіемъ, съ какимъ благороднымъ жаромъ говорили они на ушко кому слѣдуетъ о порокахъ Б.; какъ соболѣзновали они, напримѣръ, что такой талантъ какъ Б. выливаетъ иногда лишній стаканъ вина. Самы они напивались до потери всѣхъ пяти чувствъ на завтракахъ задаваемыхъ подрядчиками, но объ этомъ скромно умалчивалось во время соболѣзнованій о собратѣ.

Молодые художники, ученики, льнули къ Б.; и не въ одномъ, во многихъ зайгла пламенная рѣчь его любовь къ своему дѣлу. Его уроки, пересыпанные разказами, примѣрами, изрѣченіями великихъ мастеровъ не забылись и не забудутся его учениками. Какъ сейчасъ вижу я его небольшую, но прележастую, сильную фигуру въ блузѣ; среди каркасовъ, галсовъ и формъ, среди веселыхъ, свѣжихъ лицъ молодежи.

Даже натурщики, Ярославцы, формовщики, эти подслупные ослы мастерской скульптора, любили В. И самъ онъ пламенно любилъ русскаго человека; цѣнилъ высоко его умъ, сметку,

находчивость. Художникъ, воспитанникъ времени славнаго дворянства антику, Б. чутьемъ угадывалъ империю въ русскомъ, своемъ. Произведения учениковъ его, скульпторовъ: *Крестыиискій мальчикъ съ шапкой*, *Рыбакъ*, доказываютъ душемоничь слово какъ онъ умѣлъ указать грацію въ родномъ престомъ и обыденномъ образѣ. Кто не видалъ русскую, бышевую тройку, вышлепскую другимъ ученикомъ Б.? Какая жизнь, поэзія и правда во всемъ, отъ коренной, задравшей голову педь самую дугу, до выщика, откинутого руку и обернушагося къ молодой сестрицѣ!

Какъ наставникъ, Б. великъ былъ своею способностью воспламенить, зажечь въ ученикѣ страсть къ дѣлу; одушевить ошшу важнѣ всего; онъ самъ принимая усердно за изученіе техники, буде загорится любовью къ творчеству. Досадное, неумѣяе выразить родившуюся мысль прикуеть его къ карандашу, карандашу сильнѣ чѣмъ всея карцеры и пошуканья.

Большое вліяніе на Лучанинова произвело знакомство съ Б. Теплая душа художника отаивалась на все: театрѣ, литература, музыка, все было ему, дорого и близко.

Въ этихъ посвященіяхъ, по вечерамъ, и безплодныхъ разгатахъ по присутственнымъ мѣстамъ, адвокатамъ, днемъ, текло время у Владимира Александрова. Между гѣмъ сильнѣе и сильнѣе разгорались топки о войнѣ. Черезъ Москву проходили ты и дѣло ополченія, полки; тянулись вереницы пушекъ, громогремящими и стуча лафетами; на въ одной семьѣ были проводы, разставанія, слезы. Владимиръ Лучаниновъ тоже спардакалъ брата, рѣшившагося ѣхать вмѣстѣ съ Комателскимъ для поступленія въ тотъ же гусарскій полкъ.

Старшій Лучаниновъ, какъ ни добивался узнать отъ Комателскаго, о любви его къ прекрасной. Полачкѣ, не могло добиться ничего кромѣ отговорокъ что „это была блажь, что Польша съ лѣсомъ: ужь какъ замужемъ“ и т. п.

Образъ жизни Лучаниновыхъ значительно измѣнился, оузысья нѣкуда, хотя издали еще, но уже начала злобно неказывать зубы; небольшой, тыдѣнь въ пять, капитанъ изъ опекурнскаго совѣта, вложенный на имя Лучаниновъ, не выдавалъ Лучаниновскимъ (какъ теперь, они именовались). Козловатій съ Корневымъ посовѣтовали Владиміру Алексѣевичу искать мѣста, и онъ рѣшился пошудить на службу въ западная губернію, къ занимавшему въ одной изъ этихъ губерній значительное мѣсто знакомому

отца. Онъ выбралъ этотъ край отчасти и потому что здѣсь начинали смотрѣть на него знакомые съ сожалѣніемъ; разыгрывать роль обманутаго по неопытности юноши казалось зазорнымъ почти тридцатилѣтнему человѣку. Перемена фамиліи также нерѣдко заставляла краснѣть обомъ братьевъ. Владиміръ Алексѣевичъ написалъ письмо къ будущему начальнику и ждалъ отвѣта. Комотолскій и Петръ Лучаниновъ обирались въ лодкѣ.

Гаврило Алексѣевъ убѣждалъ Владиміра Алексѣевича подать прошеніе по дѣлу объ имѣніи на высочайшее имя.

— Утруждать государя, не имѣя никакихъ доказательствъ, нельзя, отвѣчалъ на это Владиміръ Алексѣевичъ.—А я поѣду въ Петербургъ и явлюсь къ Аристархову; ясно что это его дѣло; онъ знаетъ гдѣ документы.... Я прямо отнесусь къ его совѣсти....

— Ну, это, Богъ вѣсть, поможетъ ли, сомнительно покачивая головой, замѣтилъ Семень Ивановъ.

— Поможетъ, горячо перебилъ Комотолскій.

Гаврило Алексѣевъ и Крулчатниковъ улыбнулись.

— Я вѣрю, говорилъ старшій Лучаниновъ,—что у каждаго, и у злодѣя, есть доля добра.... Не устоитъ никто отъ прямого слова.... Есть лучъ любви во всякомъ; вѣдь совершеннаго грѣха нѣтъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ, душевномъ мірѣ.

— Это правда, поѣзжай; поможетъ, говорилъ Комотолскій.

Радужный отвѣтъ будущаго начальника обрадовалъ и вѣсть налугалъ Владиміра Лучанинова; до полученія отвѣта у него была слабая надежда что онъ можетъ еще, не оставъ почему-либо на службу, приняться за любимое занятіе старинной; теперь спасенья не было; Комотолскій и Корневъ, какъ Кочкаревъ Подколесина, принялись понукать его ѣхать и опредѣлиться; надо было садиться за отношенія, рапорты, сообщенія, справки, надо было, волей или неволей, ѣхать, какъ сказочному царевичу, въ бумажное царство. „Жить литературою, писать“, подумалъ было онъ, но тутъ же порѣшилъ что это невозможно; рассказы, этюды, безъ тенденціи, врядъ приняли бы журналы, уже начинавшіе дѣлаться довольно ясно на лагери. А онъ не принадлежалъ ни къ одному. Сильное дарованіе могло бы быть, конечно, замѣчено, но онъ не признавалъ въ себѣ сильнаго дарованія. „Итакъ, въ страну чиновъ и вице-мундировъ“, порѣшилъ молодой человѣкъ.

Ходилъ слухъ что въ городѣ, куда онъ ѣхалъ, есть собранная старикомъ иезуитами библіотека, весьма богатая иностранными писателями о Россіи; это утѣшало его; запасъ лѣтописей, четы-минеею, историческіе акты бралъ онъ съ собою.

Наконецъ Петръ Алексѣевичъ и Кочетовскій уѣхали въ полкъ. Грустно было Владиміру Лучанинову разставаться съ братомъ, но въ то же время онъ былъ радъ что вырвалъ молодого человѣка изъ пустѣйшей, безобразной среды и бездѣйствія. Въ одно осеннее, пасмурное утро Семенъ Ивановъ, управляющій и Петруша отправились проводить и Владиміра Алексѣевича на желѣзную дорогу. Корневъ былъ у себя въ деревнѣ. Лучаниновъ ѣхалъ на Петербургъ для того чтобы не трясись половику пути на телегѣ и повидаться съ Архаровымъ.

— А я тебя побранить хочу, Владиміръ Алексѣевичъ, оклазалъ Крулчатниковъ, отводя отъѣзжающаго въ сторону въ вокзалъ.

— За что? спросилъ Лучаниновъ.

— Какъ же это, денегъ у чужихъ заняли, по процентамъ, съ братомъ, а мнѣ не сказали ни слова... Словно отъ чужаго прятаться отъ меня, отвѣчалъ Семенъ Ивановъ.

— У меня есть безымянные билеты, но я не хотѣлъ ихъ здѣсь мѣнять, говорилъ, покраснѣвъ, Лучаниновъ.

— Да это все едино, а меня обходить тебѣ не слѣдуетъ; грѣшно; отцы наши какъ жили межъ собою, въ дружелюбіи, такъ и намъ жить слѣдуетъ, обидчиво произнесъ Крулчатниковъ.— Нѣтъ, Володиміръ Алексѣевичъ, дай ты мнѣ слово честное, будетъ тебѣ нужда, не обходить меня.... Мнѣ и матушка наказывала такъ.... А объ уплатѣ не тревожься.... Богъ дастъ сочтемся.

Лучаниновъ тронулъ былъ этимъ. Послеѣ перемѣны его обстоятельство, многіе изъ знакомыхъ показали свою настоящую начинку. Въ самыхъ деликатнѣйшихъ, до приторности, подлѣхъ объявились жесткость и грубость; нѣкоторые едва удостоивали его пожатія руки; другіе насмѣшливо отзывались, почти вславу при немъ, о его пустотѣ и непрактичности.... Грустно было глядѣть ему на все это не столько за себя, сколько за людей, за человѣка. „Такъ вотъ чему вы кланялись,“ думалъ разорившійся богачъ. За то, какъ вдвойнѣ дорога стала Лучанинову тѣ изъ друзей которые остались такъ же кѣмъ былъ, несмотря на измѣненіе дѣлъ его. И припоинилъ онъ,

дабытыя, видно, опытомъ, слова покойнаго отца: „денъги, это щипки изъ пробныхъ камней челоуѣка; если при переѣмѣ твоихъ дѣлъ остался твой пріятель неизмѣненъ, — вѣрь такому пріятелю; если при раздѣлѣ наслѣдства не пожелалъ, отъ жадности, глаза у твоего родственника, — не разставайся съ такимъ родственникомъ. Эти оба истинно добрые, честные люди.“

Прибывъ въ Петербургъ, Лучаниновъ отыскалъ одного товарища по пансіону, служившаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, жившаго когда-то въ городѣ куда онъ ѣхалъ.

— Хочешь, я тебя познакомлю съ людьми интересующимися славянокимъ дѣломъ? предложилъ товарищъ Лучанинову, зная что онъ занимается славянскими нарѣчіями.

Владиміръ Алексѣевичъ отвѣчалъ что ему не до того теперь и спросилъ: не знаетъ ли онъ Аристархова?

— Знаю. А что? Ты вѣрно хочешь поручить ему свое дѣло? отвѣчалъ товарищъ.

Онъ не зналъ о прямомъ участіи адвоката въ дѣлѣ Лучаниновыхъ.

— Да; я хочу съ нимъ посоветоваться, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Прекрасно сдѣлаешь. А я его предупреджу, сегодня же... Онъ назначить часъ и день; иначе ты можешь не застать его, отвѣчалъ дипломатъ.

Лучаниновъ попросилъ предупредить, далъ свой адресъ и уѣхалъ. На Невскомъ встрѣтилъ онъ графа, съ которымъ познакомилъ я читателя въ Венедіи. Графъ разсказалъ что ѣдетъ въ Крымъ.

— Что жь, въ оплоченіе? спросилъ Лучаниновъ.

— Можетъ-быть; тамъ увижу.

Графъ встрѣтилъ Владиміра Алексѣевича у лодъѣзда гостиницы, гдѣ жилъ, и зазвалъ его къ себѣ.

— Я слышу, здѣсь толкуютъ о Славянахъ, началъ Лучаниновъ, усаживался въ кресло. — Это отрадно; вопросъ, отало-быть, занимаетъ общество.

Графъ закурилъ сигару и минуты съ двѣ молча смотрѣлъ на молодого гостя.

— А вы, я вижу, все тотъ же, прежній энтузіастъ, началъ онъ улыбаясь. — Не знаете вы, значить, нашего общества; я разскажу вамъ какъ занимаютъ его Славяне; пріѣхалъ въ Бероу Сербъ, довольно извѣстный бероу славянскаго дѣла; да

обратна ласкова: новеньков. Вотъ и припались таскать его по гостиницамъ, приглашать на обѣды. Меня, директоръ, одолжили кухни; узнали что я знакомъ съ нимъ по Константинополю; родилъ да подай имя Серба. Молодые дипломаты, ученые славянисты надѣются ему, сидятъ у него по цѣлымъ часамъ, даже когда его вѣтъ дома, чтобы показать, кому вѣдать надлежитъ, какъ они глубоко понимаютъ славянскій вопросъ; это можетъ однимъ получить мѣстечко, другимъ возвысить себя во мнѣнн знакомыхъ. „Вотъ-де какой дипломатъ, по цѣлымъ часамъ сидитъ у Серба“. Есть, правда, и у насъ люди, истинно преданные дѣлу; но ихъ немного... А общество? У него сегодня Сербъ, завтра Венгерецъ, послѣ завтра Италиянецъ..... Да, признаюсь, и горевать объ этомъ нечего; чѣмъ бы дила не тѣшилось, лишь бы не плакало, закончилъ графъ.

Не совсемъ правъ былъ, говоря это, его вѣтельность. Славная потрясающая рѣчь Славянъ о бѣдахъ своихъ, общество наше искренно имъ сочувствуетъ; радуются, съ которыми деливаются оно односельцами, дорожатъ гостей, безъ сомнѣнн, искренно и непритворно. Грустно одно что благородные, высокіе порывы души у всѣхъ насъ остаются покуда кратковременными вспышками. Жизнь разложила свою лавочку съ шрушками, мы кинулись, и позабыты высокія душевныя движенія. Въ минуту благодушн кто не обниметъ, не утѣшитъ теплымъ словомъ огорченнаго брата? Это сдѣлаетъ каждый изъ насъ, сдѣлаетъ искренно, безъ лицемерства. Но кто подойдетъ неустрасливо дѣлать въ чужихъ опасностяхъ? Въ преддверіи судалища кто не отвернется прикраты, далеко яреже жеке-ли пѣтель возгласитъ? Въ виду Голговы кто изъ насъ не уречетъ: „не вѣмъ его“, не отойдетъ, быть-можетъ плача горько? Почти до вечера шелъ жаркій споръ у Думанимова съ графомъ о славянскомъ вопросѣ. Графъ, по разставленнымъ политическимъ позиціямъ, дѣлалъ выводы, а Думанимовъ, вѣруя по-челу-то въ будущее Славянъ, говорилъ жаркія импровизации. — Дай Богъ, говорилъ на какъ, пожимая плечама, графъ; — не, признаюсь вамъ, плохо какъ-то вѣрится.

— Вамъ потому не вѣрится что вы смотрите на вопросъ въ западныя стекла. Я повторяю, какъ только перейдетъ дѣло на религіозную почву; оно рѣшится быстро, къ удивленію Василья, къ удивленію и возгласитъ. Родити и всего славянства, вѣрится Думанимовъ, дѣлалъ выводъ, что славянскій вопросъ рѣшится быстро, къ удивленію Василья, къ удивленію и возгласитъ.

— Но для этого нуженъ вѣдъ пожатый, возразилъ графъ.

— И явится.... Повѣрьте.... Богъ водворитъ потребнаго во время свое.

— Вашиши бы устами медь лить, отвѣчалъ на это графъ.

Лучаниновъ ухалъ. Въ своемъ номерѣ онъ нашелъ записку дипломата что завтра, въ десять часовъ утра, ждетъ его Аристарховъ.

XV.

Губерніи заняты были отправкой ололченцевъ; въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, присланные изъ полковъ фельдфебели строили и выправляли мужиковъ, перемѣнившихъ просторные кафтаны свои на ололченскіе казакины; помѣщики помоложе щеголяли въ сѣрыхъ ололченскихъ чекменахъ и длинныхъ русскихъ салогахъ; начальники ололченій совѣщались съ предводителями, съ губернаторомъ о выступленіи; подрядчики и комиссаріатскіе чиковники возились съ обрашниками салоговъ, полшубковъ, суконъ. Въ городскомъ кабинетѣ Тарханкова также лежали на полу свертки сѣраго солдатскаго сукна, стояло нѣсколько паръ новыхъ, образцовыхъ салоговъ; онъ, какъ мы сказали, взялъ подрядъ обмундировать и доставлять провіантъ на ололченцевъ своей губерніи.

Въ городѣ на вечерахъ появились два, три новые тапоро въ салогахъ съ лаковыми голенищами, въ красныхъ шелковыхъ кушакахъ по ололченскимъ, щегольски спитымъ казакинамъ; дѣвицы съ особеннымъ удовольствіемъ шли тапоровать съ ними мазурки, польки и кадрили.

По отдаленности военныхъ дѣйствій, о войнѣ толковали только тѣ чьи родственники отправлялись въ дѣйствующую армию. А между тѣмъ газетныя извѣстія начинали пророчить широкіе размѣры кампаніи; Англія, Франція, Австрія подымались противъ Россіи; надвигала съ Запада не малая туча. Въ служебныхъ, высшихъ сферахъ губерній поговаривали на ухо о высадкѣ Англичанъ и Французовъ въ Крымъ; но эти извѣстіямъ, получаемымъ изъ столицъ, не всѣ и не совсѣмъ сначала вѣрили. Наконецъ губернскія ололченія, малутствующія обѣдами, молебками, наставленіями и благословеніями владыка, выступили. Въ помѣщичьихъ домахъ скидывались и терпѣливо письма отъ ушедшихъ; губернаторы то и дѣла не лучали донесенія отъ исправниковъ о проходѣ ратниковъ

соображенія о количествѣ подводъ требующихся для ополченскихъ отрядовъ.

Павель Ивановичъ, озабоченный отправкой ополченцевъ, какъ предводитель и какъ поставщикъ, жилъ, въ послѣднее время, почти безвыѣздно въ городѣ. Губернаторъ выѣхалъ наконецъ въ Петербургъ, и слухи о запускѣ по дѣлу Тарханкова съ Лучаниновыми возобновились въ обществѣ. Говорили что Тарханкову не сдобровать, и по временамъ довольно громко и открыто начали порицать его поступокъ. Пока везетъ человѣку, всѣ сквозь пальцы смотрятъ на его грязноватые поступки; но покачнись немного льедесталь на который судьба поставила счастливца, тотчасъ всѣ наладутъ на него съ негодованіемъ, подымутъ старое, всѣ прежніе грѣхи и грѣшки. Поговаривали въ обществѣ что имѣнье непременно перейдетъ къ законнымъ наслѣдникамъ, что Тарханковъ скрылъ документы, подкупилъ кого нужно было, и что поладеть онъ за эту продѣлку подъ уголовный судъ. Павель Ивановичъ не падалъ однако нисколько духомъ; онъ продолжалъ съ достоинствомъ принимать у себя дворянъ, дѣлать визиты, тонко намекая при случаѣ что у него много враговъ и завистниковъ, но что человѣкъ чистый не боится клеветы.

Между тѣмъ Барскій возился съ доморощеннымъ оркестромъ; каждое утро музыканты сыгрывались; дѣло шло, конечно, лучше прежняго, но недостатокъ слушателей отбивалъ охоту у капельмейстера. Музыканту нужна аудиторія, какъ рыбѣ вода; нельзя играть съ удовольствіемъ только для самого себя; самый громадный талантъ чахнетъ безъ возможности подѣлиться. Охотнѣе занимался Барскій съ гобоистомъ; замѣчательное дарованіе юноши развивалось быстро подъ руководствомъ дѣльнаго наставника. Черезъ Палашова Барскій хлопоталъ помѣстить лѣвицу Грушу въ театральную школу; слухъ объ этомъ, черезъ камердинера, дошелъ до Павла Ивановича, и музыкантъ выдержалъ два, три непріятныя объясненія съ помѣщикомъ по этому поводу. Тарханковъ прямо сказалъ что Барскій дѣйствовалъ подло, обратившись, безъ его вѣдома, съ просьбой о Грушѣ къ Палашову.

У музыканта начиналось уже страшное состояніе, знакомое людямъ со врожденною способностью, съ любовью къ своему дѣлу, лишеннымъ почему-либо возможности работать; у него, что называется, отнимаются руки. Нерѣдко талантъ, махнувъ рукою на все, чтобы позабыться, заморить лихорадочную

возню непримѣненныхъ къ дѣлу силъ своихъ, прибѣгаетъ къ чаркѣ. Барскій не дожель какъ-то до этого, но энергія начала оставлять его; онъ не дотрогивался по недѣлѣ до своей скрипки; по утрамъ, зѣвая, дирижировалъ оркестромъ, а день лежалъ, читая старыя газеты, или ходилъ къ прикащику поболтать о пустякахъ. Даже въ лицѣ его стала замѣтна страшная усталость отъ бездѣйствія и окружающей пустоты. Изрѣдка получалъ онъ письма отъ Сѣткиной; отецъ ея умеръ; она жила бѣдно, на той же квартирѣ, пробавляясь двумя, тремя рублевыми уроками и шитьемъ платьевъ; онъ угадывалъ это, хотя дѣвушка не говорила въ письмахъ ни слова о своихъ денежныхъ средствахъ.

Дворня и взрослые музыканты дичились Барскаго, страха ради чуждейска; онъ не винилъ ихъ, зная что отъ помѣщика дѣйствительно могло достаться бѣднякамъ за расположеніе къ человѣку состоящему подъ барскою оладой: тѣмъ не менѣе положеніе его среди дворовыхъ дѣлалось невыносимымъ. Гоненія отъ Павла Ивановича продолжались; наливалась водорня, контрабасъ, неспокойный во хмѣлю, сворачивалъ на сторону амбушуръ кларнетисту, колотили флейту мужику за излишнее вниманіе къ прекрасному полу, камердинеръ доносилъ барину, и Барскій былъ за все въ отвѣтъ „Какой ты братецъ, капельмейстеръ.“ говорилъ ему при такихъ случаяхъ помѣщикъ; „ты тряпка; всякая баба осмѣетъ тебя; оркестри никогда у меня не былъ такъ распущенъ.“

Лѣтомъ Барскій часто уходилъ въ лѣсъ и лежалъ тамъ иногда по цѣлымъ часамъ; осенью же, въ дождливую погоду волей-неволей приходилось сидѣть въ мрачномъ, грязномъ флигелѣ. Въ городѣ онъ бывалъ разъ въ мѣсяцъ, но къ Пашашову боялся заходить, ибо каждый шагъ его извѣстенъ былъ черезъ камердинера Павлу Ивановичу. Причиной этого преслѣдованія, злорадства со стороны камердинера была отчасти любовь возгорѣвшаяся въ душѣ господскаго любимца къ Грушѣ; хлопоты Барскаго о помѣщеніи дѣвочки въ театральную школу лишали влюбленнаго надежды на обладаніе любимымъ существомъ. Груша, какъ на грѣхъ, не отвѣчала ему, какъ онъ ни преслѣдовалъ ее нѣжностями; дѣвочка платила за нихъ гримасами, бранью, а подъ часъ и плевками чуть не въ лицо селадону. Главнымъ же поводомъ къ ненависти было другое: Барскій, какъ всякій человѣкъ выросшій на волѣ, будучи совершенно неспособенъ примириться с

рабскимъ положеніемъ крѣпостнаго Тарханкова, стоялъ живымъ укоромъ предъ камердинеромъ, давно продавшимъ все дорогое, и свободу, и свою совѣсть, за скудную, подчасъ злѣйшую брани, помѣщичью ласку.

Барскій замѣчалъ страсть камердинера къ Грушѣ и оттого, дѣйствительно, хлопоталъ какъ можно лоскорѣе отправить дѣвочку въ Москву. Палашовъ писалъ два раза въ Москву кому-то, но отвѣта еще не было.

Толки объ освобожденіи самого Барскаго стихли въ губернскомъ городѣ. „Для чего вытащила меня судьба, когда я былъ ребенкомъ, изъ этого болота?“ думалъ бѣднякъ, перебирая на досугѣ свое прошедшее. „Для чего я встрѣтился съ ней, съ этимъ заброшеннымъ, бѣднымъ созданіемъ, не имѣя возможности быть подлѣ нея, помочь ей?“— „Вы сила,“ припомнились ему слова Владиміра Алексѣевича. „Безъ этихъ бѣдъ вы не умѣли бы плакать на вашей скрилкѣ.“— „Хороша сила! Да если и есть она, на чтò ее употребить? Чтòбы произвестъ изъ этого даровитаго мальчика мученика? А плакать? Разливайся плачемъ въ этихъ стѣнахъ; прикащикъ, одобрительно кивнувъ головою, скажетъ: „золотыя руки у тебя, Захарушка“; да Василій Семеновъ услыхавъ „Стель,“ либо „Лучинушку“ напьется до безчувствія.“

Отправивъ ополченіе, Тарханковъ возвратился въ деревню; однажды утромъ (это было осенью), часовъ въ восемь утра, Барскій сидѣлъ за самоваромъ; гобоистъ разливалъ по обыкновенію чай; въ комнатѣ трещала толпившаяся лечка; музыканты еще не сходились; дежурный мальчикъ убиралъ музыкантскую.

— Пожалуйте къ барину, Захаръ Петровичъ, тоненькимъ голоскомъ произнесъ вбѣжавшій казачокъ.

Цишнувъ мимоходомъ дежурнаго, онъ выбѣжалъ изъ музыкантской.

— А чтò у насъ, никто никого не любилъ? Не слышать ничего? спросилъ гобоиста Барскій, поднимаясь съ дивана.

— Нѣтъ, не слышать, Захаръ Петровичъ: миръ и тишина люкда, размѣявшись, отвѣчалъ гобоистъ.

Надѣвъ пальто и шляпу, Барскій вышелъ изъ флигеля. На шляпу его тоже непріязненно посматривалъ Павелъ Ивановичъ; прочіе дворовые не смѣли ходить въ шалкахъ господскимъ дворомъ, и прикащикъ, изъ доброжелательства, не разъ замѣчалъ Барскому: „напрасно ты, братъ, шляпу надѣваешь;

далеко ли черезъ дворъ перебѣжать? Онъ у насъ не любитъ этого; неуваженіемъ считаетъ. "Мѣстоименіями „онъ“, „нашъ“ и существительнымъ „медвѣдь“ величала дворня заглазно помѣщика. Барскій, страдавшій нерѣдко мигренемъ, не рѣшался отказаться, зимою и осенью, отъ роскоши носить шалку.

— Пожалуйте въ кабинетъ, угрюмо произнесъ, не глядя въ глаза Барскому, камердинеръ.

Музыкантъ раздѣлся, оставилъ шляпу, какъ знакъ неуваженія, въ передней, оправилъ волосы и отправился чрезъ залу къ кабинету. Каждый разъ когда онъ брался за блестящую бронзовую ручку двери барскаго кабинета, болѣзненно сжималось у него сердце; кромѣ оскорбленій, ничего не слышалъ онъ за этою дверью; ласковый тонъ, принимаемый помѣщикомъ въ милостивомъ расположеніи духа, звучалъ для Барскаго оскорбительнѣе самыхъ выговоровъ; въ тонѣ помѣщицкихъ похвалъ и ласки Тарханкова сквозила гордость обладателя; такъ, казалось, продавецъ негровъ хвалить невольницу умѣющую щегольнуть формами и нарядомъ предъ покупателями. Барскій отворилъ дверь и сталъ у стѣны, при входѣ. Павелъ Ивановичъ полулежалъ на диванѣ, въ халатѣ, покуривая трубку.

— Здравствуй, произнесъ онъ, какимъ-то таинственнымъ, особымъ тономъ, въ отвѣтъ на поклонъ музыканта.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе, во время котораго Павелъ Ивановичъ лыхтѣлъ и пускалъ дымъ изъ трубки. На овальномъ столикѣ, предъ диваномъ, лежали письма и какой-то документъ на гербовой бумагѣ.

— Желая сдѣлать для тебя добро и вмѣстѣ... поощрить, или же, вѣрнѣе сказать, началъ наконецъ съ нѣкоторою торжественностью Павелъ Ивановичъ, и замаялся; онъ вообще былъ плохъ на полприщѣ ораторскаго краснорѣчія. — Дать, продолжалъ онъ, — можно сказать, дальнѣйшій, полный ходъ твоему таланту, я рѣшился споспѣшествовать... (Въ концѣ послѣдняго слова Павелъ Ивановичъ даже закашлялся.) Рѣшился, продолжалъ онъ, — сдѣлать тебѣ благодѣяніе; хотя при этомъ я и теряю, но... Вотъ видишь, добавилъ онъ, приподнявшись съ дивана, — ты ненавидѣлъ меня, я это знаю; эту исторію съ дѣвчонкой я не забылъ, но знай что я не лгалъ, сказавъ что позабочусь о твоей участи. Въ глуши, я вижу, было бы жаль тебѣ... Подумай, сдѣлалъ ли бы это кто другой? Помни это благодѣяніе.

Барскій ничего ровно не понималъ и молча стоялъ предъ Тарханковымъ.

— Одно условіе, лустое, но.... мнѣ бы хотѣлось, такъ какъ.... продолжалъ свою таинственную рѣчь ораторъ. — По крайней мѣрѣ на афишахъ называй себя ты, братецъ, Барскій-Тарханковскій.... Понимаешь? Барскій, потомъ тире и.... Тарханковскій.... Это, конечно, такая бездѣлица о которой.... Но ты долженъ это сдѣлать, въ память о моемъ благодѣяніи; потомъ, наконецъ, образованіемъ своимъ ты все-таки обязанъ главнымъ образомъ намъ, Тарханковымъ. Ты могъ остаться кучеромъ, лакеемъ. Если у тебя нѣтъ денегъ на провѣздъ, я могу дать тебѣ нѣсколько заемъ, или, это еще лучше, концертъ можешь устроить въ городѣ. Желая тебѣ успѣха. Вотъ твоя вольная, окончилъ наконецъ Павелъ Ивановичъ, передавая Барскому гербовый, исписанный листъ, лежавшій на столѣ.

Музыкантъ взялъ бумагу и, ничего не понимая, продолжалъ стоять у притолоки. Тарханковъ раскурилъ потухшую было трубку и прошелся по кабинету; ошеломленный Барскій что-то пробормоталъ, поклонился въ спину помѣщику и брался поминутно за голову, желая убѣдиться, вѣроятно: не сонъ ли это?

Тарханковъ всталъ противъ него и засмѣялся.

— Чтò, братецъ?... Не ожидалъ?... А?... весело началъ онъ.— Вѣрь въ благородство души дворянина. Вѣрь, братецъ, прибавилъ онъ уже почему-то нѣсколько злобно.— Я кажусь медвѣдемъ, чортомъ, и дѣйствительно, встрѣтивъ непослушаніе, грубость, я подчасъ чортъ.... Но подъ этимъ наружнымъ холодомъ, ты видишь, бьется благородное сердце.

Тарханковъ наградилъ себя огромнымъ клубомъ дыма за удавшуюся фразу.

— Ступай же пока. Мы еще увидимся. Вотъ чтò, можетъ ли этотъ мальчикъ гобоистъ дирижировать оркестромъ? Наблюдать за поведеніемъ я поручу другому.

— Можетъ, Павелъ Ивановичъ, но ему не худò бы.... началъ было Барскій.

— Чтò? Не въ Петербургъ ли? Не на волю ли тебѣ хотѣлось бы и его? Нѣтъ, ужь это, братъ, извини.... Чтò жь мнѣ, остаться безъ оркестра? перебилъ Тарханковъ.— Подумай лучше о своемъ концертѣ. До свиданія.

Барскій вышелъ; въ передней онъ чуть не надѣлъ, вмѣсто своего пальто, шубу Тарханкова. Камердинеръ, не замѣчая

музыканта, сложивъ на груди руки и задумавшись, глядѣлъ въ окошко.

Въ музыкантской грѣбѣла Гайденовская симфонія, управляемая гобоистомъ, когда Захаръ Петровичъ вошелъ въ свою комнату. Не сжимая пальто, онъ сѣлъ на диванъ и принялся читать бумагу: „дано сіе бывшему крѣпостному человѣку моему Захару Петрову“ и т. д. „Да, вольная,“ провѣрялъ себя музыкантъ. Прочитавъ, онъ положилъ бумагу на столъ, перекрестился и провелъ рукою по волосамъ, олять стараясь убѣдиться не на шутку: не спитъ ли онъ? Оркестръ кончилъ шумными аккордами симфонію; въ комнату вошелъ гобоистъ.

— Прочти, пожалуйста, сказалъ ему Барскій, передавая бумагу.

Гобоистъ, читал, покраснѣлъ.

— Вольная, вѣдь, это?

— Вольная, Захаръ Петровичъ. Поздравляю васъ.

Они обнялись; у мальчика навернулись слезы; стараясь скрыть ихъ, онъ олять устался въ бумагу. Флейгистъ, подслушавшій у двери разговоръ, устѣлъ передать новость товарищамъ; положивъ инструменты, музыканты шепотомъ спорили между собою; одни говорили: „быть не можетъ“; другіе возражали: „въ Петербургѣ кто-то хлопоталъ; стало-быть выкупили; такъ онъ не отпуститъ.“ „А мы тутъ вотъ дуди себѣ, а что выудимъ?“ замѣтилъ первый волторнистъ, продувая волторну. Нѣкоторые разсмѣялись, другіе вздохнули въ отвѣтъ на остроу волторниста.

Тяжко человѣку сознание что онъ игрушка чужой прихоти; съ какою завистью, я помню, глядѣли подневольные виртуозы на ѣдущаго мимо оконъ музыкантской съ возомъ сноловъ крестьянина. Занятіе искусствомъ безъ призванія, безъ смысла, хуже занятія всякаго ремесленника; послѣдній утѣшается тѣмъ что дѣлаетъ вещь полезную, нужную всѣмъ; музыкантъ-ремесленникъ, да еще крѣпостной, глядѣлъ на себя положительно; какъ на вещь нужную только для потѣхи барина, какъ на лобрякушку. Нѣкоторыхъ тянуло къ ремеслу; изъ музыкантовъ выходили столяры, механики-самоучки. Свободный духъ человѣка пробивалъ себѣ иногда тропинку, но чаще искажался, гибъ подъ гнетомъ скучнаго, безплоднаго труда, какъ гибнетъ птица съ обрѣзанными! шалуномъ мальчишской крыльями.

Черезъ день, утромъ, Барскій, со скриличнымъ ящичкомъ на колѣняхъ, трясся на телѣгѣ, подпрыгивавшей по мерзлой, шипковатой дорогѣ. Старикъ Сидорычъ, въ сѣромъ армякѣ своемъ, сидѣлъ на облучкѣ, покрикивая на разгонную пару. Утро было сѣрое, но морозное; луговины заснѣжились мѣстами; лужи подернулись ледкомъ.

— Морозецъ хоть куда, началъ, поживаясь, Сидорычъ, видимо желая завязать бесѣду съ задумавшимся музыкантомъ.— Правда ли, въ застольной толковали вчера, будто бы вольную далъ тебѣ медвѣдь-то? Гдѣ чай? Врутъ, поди. Дождешься отъ него, скалдыги, вольной.

— Правда, отвѣчалъ музыкантъ.

— О! воскликнулъ Сидорычъ, обернувшись совсѣмъ къ Барскому, желая, вѣроятно, разглядѣть не шутитъ ли музыкантъ.— Да что ты?

— Вотъ она, отвѣчалъ Барскій, распахнувъ бумажникъ и показавъ вольную.

— Поди ты... Что за оказія?... Ну, слава тебѣ Господи, произнесъ, приподнявъ плисовую, истертую шалку и перекрестившись, старикъ.— Какъ это онъ расшибся, диво мнѣ, продолжалъ онъ, стегнувъ пристяжную и задумчиво нагнуть набокъ сѣдую голову.— Такъ ты, стало-быть, въ Питерь? И не воротиться изъ города?

— Да еще самъ не знаю; я забралъ все свое. Развѣ велитъ Павелъ Ивановичъ. А то бы незачѣмъ. Дамъ вотъ концертъ, заласусь на дорогу деньжонками и въ Питерь, отвѣчалъ Барскій.

— Дѣло.... Это гожо.... Куды гожо.... Слава Богу, размышляя толковалъ старикъ.— А я такъ думаю, выкупилъ кто ни на есть тебя; слулилъ, гляди, деньжищъ тьму тьмущую; такъ не отпустить нашъ Павелъ Ивановичъ. Не та кость.

— Не знаю; я и самъ ума не приложу, отвѣчалъ Барскій.

— Да ужъ вѣрно.

Барскій, накануне отъѣзда, спрашивалъ прикащика, Василья Семенова, заходившихъ поздравить его, не слышали ли они отъ кого и какимъ образомъ шло освобожденіе, не видали ли они какой-нибудь перелиски; но ни тотъ, ни другой ничего не могли разъяснить ему.

Въ минуты счастья, нахлынувшего послѣ долговременныхъ лобоевъ отъ судьбы, является какая-то робость; боишься слишкомъ предаваться радости, думая суевѣрно: „а ну какъ

вдругъ олять? Какъ вдругъ сорвется, и сначала начнутся недавнія угощенія?“ Такое состояніе души испытывалъ музыкантъ; онъ поминутно сдерживалъ воображеніе, начинавшее рисовать ему будущую квартиру, дѣвушку, въ ситцевомъ платьѣ, за роялемъ, концертный залъ, аллюдисменты.... „Ну, концертный залъ не для тебя, на это есть заѣзжіе изъ-за границы“, останавливалъ разумъ занесшееся воображеніе. Подлѣ этихъ веселыхъ картинъ стояла въ умѣ грустная фигура свѣтлорусскаго юноши въ грязной, угарной и невыносимо скучной деревенской музыкантской. Жаль было съ нимъ разстаться Барскому; кромѣ таланта, онъ цѣнилъ участіе и привязанность къ себѣ мальчика. За этимъ подымалась длинная вереница догадокъ: кто бы это такой вспомнилъ и хлопоталъ о немъ? Припоминалась и старуха-графиня, и одинъ князь-меломанъ, какъ-то пьянѣвшій отъ игры его, и В., и Б., и еще десятки именъ, но догадки оставались догадками.

— А вотъ чтò я тебѣ хотѣлъ, началъ, выходя изъ раздумья, Сидорычъ,—ты не посѣтуй; вы, грамотѣи, знаю я, смѣтаетесь надъ этимъ, а... Былъ, этта, я въ другомъ помѣстьѣ, въ Аванасьевскомъ, за барскою пражей посылали, зашелъ на могилки къ твоимъ; у отца крестъ совсѣмъ свалился, а у матери лохонекъ. Чего они, кресты-те, стоятъ? а все крестъ. Наши, тамошніе столяры, много-много гривенъ шесть съ тебя возмутъ за оба-те; лѣсъ свой, а работа-то совсѣмъ лустая; однимъ полчасомъ ихъ свяжутъ. Ты не посѣтуй на меня.

— На чтò тутъ сѣтовать; спасибо что напомнилъ, отвѣчалъ Барскій.

Чуткіе нервы музыканта, поднятые неожиданнымъ счастьемъ, отозвались особенно созвучно теперь на теплое, простое слово старика.

— Большое тебѣ спасибо за это, повторилъ, уже сквозь слезы, Барскій.—За эдакую рѣчь надо благодарить, не сѣтовать.

— Да, вѣдь.... продолжалъ Сидорычъ, стегнувъ легонько пристяжную.—Грамотѣи нынче судятъ не по-нашему; мертвому, говорятъ, все равно; оно, положимъ, мертвому ничего не надо, а все крестъ есть, и ломянуть придется, видишь гдѣ лежать. Кто ни пройдетъ сотворить молитву, перекрестится.

Гобоистъ остался въ деревнѣ разучать съ музыкантами увертюру для концерта. Оркестръ долженъ былъ прибыть въ городъ наканунѣ, на крестьянскихъ подводахъ. Павелъ

Ивановичъ не позволилъ музыкантамъ прѣхать ранѣе, изъ опасенія издержекъ сопряженныхъ съ содержаніемъ тридцати человѣкъ лишній день въ городѣ.

— А помнишь, я тебя съ жеребцомъ-то вмѣстѣ возилъ? неожиданно спросилъ, расхохотавшись, Сидорычъ.

— Этого, братъ, я вѣкъ не забуду, отвѣчалъ, улыбаясь, Барскій.— Чуть въ сани не вскочилъ твой жеребецъ.

— На что ему къ тебѣ въ сани, защищалъ попрежнему жеребца Сидорычъ.— А надулъ вѣдь нашъ-то соколъ жеребцомъ вицегубернатора.

— Какъ надулъ? спросилъ Барскій.

— Да какъ же не надулъ? Лошадь-то съ саломъ, отвѣчалъ Сидорычъ.— Любитъ онъ, чай спитъ и видитъ, какъ бы облапошить кого-нибудь.... Вотъ, кто его надуетъ, тотъ трехъ день не проживетъ; куды вороватъ, Богъ съ нимъ, окончилъ старикъ, вѣзжая въ городскую заставу.

Первымъ дѣломъ Барскаго было ѣхать къ Палашову. Сергѣй Александровичъ жилъ тамъ же все, на пустырь; музыкантъ засталъ его за утреннимъ чаемъ, несмотря на то что было половина второго.

— Кто-нибудь внесъ за васъ деньги и немаленькія, говорилъ Палашовъ, поздравивъ Барскаго.— Ну-съ, о лѣвицѣ вашей, наконецъ, я получилъ благопріятнѣйшій отвѣтъ; ее примутъ въ московскую театральную школу, и губернаторша согласилась взять ее съ собою; она ѣдетъ на дняхъ въ Москву. А голосъ, дѣйствительно, чудо; и смѣла довольно; вы напрасно писали что она застѣнчива; третьяго дня лѣла она у губернаторши. Надо чтобъ она пролѣла что-нибудь у васъ въ концертѣ.

Барскій замѣтилъ что неловко, что это можетъ раздражить Тарханкова. „Пожалуй, подумаетъ, что я ему сдѣлалъ это на зло,“ добавилъ музыкантъ.

— Правда. Ну, теперь поѣду я къ редактору губернскихъ вѣдомостей; нужно пустить статью, а вы отправляйтесь къ помещеймейстеру.... Или, вотъ лучше что, поѣзжайте прямо въ часть, къ этому виолончелисту-полисмену; онъ вамъ уладитъ все, а то что жъ вамъ тамъ дожидаться. За хлопоты же, въ видѣ взятки, дайте намъ слово сыграть у меня квартетъ.

Барскій поклонился въ знакъ согласія.

— Эй, сила! Одѣваться, хлопнуть въ ладоши, крикнулъ Палашовъ.

Куда дѣвался обыкновенный, лѣнивый тонъ его; онъ оживалъ, когда дѣло касалось музыки. Выпивъ стаканъ чаю, Барскій отправился хлопотать о дозволеніи, а Палашовъ, при помощи стараго слуги, у котораго еще какъ-то больше нависли на глаза брови, сталъ одѣваться чтобъ ѣхать къ редактору. На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ, дѣйствительно, явилась статья, гдѣ говорилось что „извѣстный уже публикѣ скрипачъ, господинъ Барскій, намѣренъ дать, въ непродолжительномъ времени, прощальный концертъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ губерніи, навсегда, въ Петербургъ“. Далѣе шла рѣчь о необыкновенномъ талантѣ концертиста, и наконецъ восхвалялось великодушіе Павла Ивановича, подарившаго музыканту вольную, съ цѣлю доставить ему извѣстность и болѣе широкое поприще. Въ концѣ статьи фельтонистъ не преминулъ напомнить публикѣ что Барскій „ея младшій братъ“. Почему-то наша печать крѣпостныхъ и даже временно-обязанныхъ (потомъ) называла долго „младшими братьями“. Слово „младшій“ не исключалось даже и въ тѣхъ случаяхъ когда брату давнымъ давно стукнулъ седьмой десятокъ. Печать, употребляя это выраженіе, напоминала старинныхъ баръ, звавшихся Алешками и Петьками своихъ восьмидесятилѣтнихъ камердинеровъ.

Участіе Палашова, частнаго и губернаторши помогли, впрочемъ, больше газетной статьи; залъ былъ полонъ; концертъ удался какъ нельзя лучше; дамы находили нѣчто гениальное въ наружности, въ лицѣ Барскаго; въ крѣпостномъ Захарѣ онъ ничего подобнаго не замѣчали. Павелъ Ивановичъ сіялъ; общество, забывъ даже его поступокъ съ Лучаниновыми, несло похвалы его великодушію. Тарханковъ, принимая ихъ, расшаркивался, улыбался и говорилъ: „да помилуйте, такой талантъ; положимъ, у меня оркестръ; но, думаю, что жъ онъ въ деревнѣ... Подумалъ, вижу, надо дать ему извѣстность, пошире поприще“. Послѣднія два выраженія, какъ видитъ читатель, были заимствованы изъ газетной статьи, которая чрезвычайно понравилась Павлу Ивановичу; читая ее, онъ даже проследился. „Телло, очень телло написано,“ замѣтилъ онъ редактору, встрѣтивъ его при входѣ въ концертный залъ. „Кто это? Вы?“ Редакторъ скромно умолчалъ было имя автора; но когда Тарханковъ, крѣпко пожавъ ему лѣвою рукой локоть, прибавилъ: „вы, я знаю, вы; вашъ слогъ,“ редакторъ покраснѣлъ и улыбулся утвердительно.

На другой день концерта Барскій игралъ утромъ квартетъ у Палашова; заѣхалъ проститься къ частному, Грушѣ и къ губернаторшѣ. Къ вечеру, въ тотъ же день, онъ выправилъ дорожную и въ ночь выѣхалъ въ Москву. Гобоистъ зарыдалъ, прощаясь съ учителемъ; нѣкоторые изъ музыкантовъ и прикащикъ, бывшій въ городѣ, тоже прослезились. Сидорычъ, которому поручилъ Барскій устройство крестовъ на родительскихъ могилахъ, обнявъ отъѣзжающаго, проговорилъ: „Богъ тебя не забудетъ за то что ты не забываешь стариковъ своихъ“. Палашовъ и частный просили перелисываться и судили Барскому, отъ его таланта, золотыя горы. Павелъ Ивановичъ тоже обнялъ отъѣзжающаго, подставивъ ему обѣ свои, раздушенныя одеколономъ, щеки. „А просьбу не забудь.... Напрасно здѣсь не выставилъ; ну да здѣсь знаютъ.... Барскій-Тарханковскій.“ — „Длинна очень фамилія будетъ, Павелъ Ивановичъ,“ скромно замѣтилъ музыкантъ. „Напротивъ, братецъ, громче.... Чтѣ за длинна, возразилъ Павелъ Ивановичъ.... Да наконецъ изъ благодарности ты долженъ.... Я не знаю чтѣ ты находишь длиннаго? Прекрасная фамилія: „Барскій-Тарханковскій“.

XVI.

Утромъ въ десятомъ часу, на другой день пріѣзда, Владиміръ Алексѣевичъ отправился къ Аристархову. Гаврило Алексѣевъ увѣрялъ, его предъ отъѣздомъ что дѣло обдѣлено непременно Васильемъ Савельичемъ; хоть отъ свиданія съ нимъ Лучанинова старикъ не ждалъ ни малѣйшаго толку, но повидаваться все-таки совѣтовалъ. „Какъ, теперича, знать, чего не знаешь,“ заключилъ онъ, прощаясь на станціи желѣзной дороги съ отъѣзжающимъ. Слухи долетавшіе, по временамъ, изъ губернскаго города, подтверждали то же; наконецъ, Лучаниновъ слышалъ отъ людей, отъ того же управляющаго, что Аристарховъ былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ. Сообразивъ планъ предстоящаго разговора, молодой человекъ подъѣхалъ къ великолѣпному дому адвоката и позволилъ. Швейцаръ въ черной ливреѣ, съ плерезами, отворилъ рѣзную, дубовую дверь, и Лучаниновъ, снявъ пальто, вошелъ вверхъ по устланной мягкимъ ковромъ лѣстницѣ.

— Пожалуйте, Василій Савельичъ ждутъ васъ, отвѣчалъ

слуга, отворяя дверь залы, когда вошедшій сказалъ ему свою фамилію.

На встрѣчу гостя, своею беззвучною постулюю, въ бархатномъ, черномъ сюртучкѣ, шелъ Василій Савельичъ.

— Сынъ моего почтеннаго друга, началъ онъ, протягивая руку Лучанинову.—Давно желалъ познакомиться... Но... позвольте, продолжалъ онъ, отступивъ нѣсколько шаговъ:—Какое сходство! Боже мой! Какъ же похожи вы на батюшку!... Лобъ, профиль... Вотъ сюда, пригласилъ онъ, отворивъ дверь кабинета.—Сюда, къ камину; здѣсь удобнѣе... Какое сходство! Боже мой... Садитесь. Сигару не угодно ли?

Лучаниновъ поблагодарилъ. Хозяинъ, усаживая его у пылающаго, мраморнаго камина, безъ умолку говорилъ о старикѣ Лучаниновѣ, о пріятностяхъ дней проведенныхъ съ нимъ въ юности, о незабвенныхъ музыкальныхъ вечерахъ въ его домѣ. Эта болтливость показала гостю нѣсколько подозрительною; она напоминала притворную безлечность опытнаго преступника предъ допросомъ. Замѣтно было что во время болтовни своей онъ внимательно вглядывался, изучалъ гостя; глаза его то воровски обѣгали костюмъ, то останавливались на лицѣ новаго знакомаго. Гость тоже осторожно наблюдалъ хозяина, но трудно было прочесть что-нибудь на улыбающемся, сіяющемъ довольствомъ лицѣ и въ большихъ, открытыхъ глазахъ Аристархова.

— Однажды, какъ теперь помню я, продолжалъ онъ непрерываемую рѣчь свою, — покойный вашъ батюшка, я и одинъ знаменитый виртуозъ, — да вы, вѣроятно, слышали о немъ, — это былъ славный Ромбергъ, виолончелистъ, отправились, представьте, ночью, въ лодкѣ, на острова; вообразите, луна, лѣтняя прелестнѣйшая, ночь, ну, юность ко всему этому; мы говорили объ искусствѣ... А какъ вашъ батюшка говорилъ о немъ, вы, вѣроятно, помните. Знаете что, мнѣ кажется, въ немъ погибъ положительно гениальнѣйшій художникъ. Музыкантъ онъ былъ; въ душѣ музыкантъ; но потомъ, меня просто изумляли всегда его сужденія о живописи... Вы знаете, вѣдь онъ писалъ; да; онъ писалъ масляными красками и весьма недурно... У меня даже есть одинъ его опытъ, пейзажъ... Я какъ-нибудь покажу вамъ эту вещицу.

— Извините, Василій Савельичъ, что я перебиваю васъ, сдержанно произнесъ Лучаниновъ.

Молодаго челоуѣка начинала коробить нахальная безцеремонность съ которою Аристарховъ относился къ тѣмъ отца его.

— Я пріѣхалъ переговорить съ вами о своемъ дѣлѣ; какъ вамъ извѣстно, мы лишились имѣнья, вслѣдствіе... ошибки, вѣроятно, въ консисторіи и невозможности опровергнуть эту ошибку, доказать наше истинное происхожденіе...

— Я знаю, слышалъ, перебилъ Аристарховъ, закуривая сигару и придвигаясь ближе къ Лучанинову.—Эго ужасно, прибавилъ онъ, бросивъ въ каминъ лотухшую спичку и разваливаясь въ креслахъ.

— Вы были свидѣтелемъ при третьемъ бракѣ моего отца; вамъ должно быть извѣстно гдѣ онъ совершенъ? проговорилъ Лучаниновъ.

— Я былъ свидѣтелемъ, отвѣчалъ Аристарховъ,—но, согласитесь, пространство времени, и потомъ, вы знаете какъ это случилось? Мы были оба молоды... Я былъ лѣтъ, шестью годами даже моложе вашего батюшки... Знаете какъ это случилось? Въ одинъ прекрасный вечеръ, взяли мы двѣ кареты, сѣли и... маршъ за городъ; пріѣхали въ какую-то, хоть вы меня убедите, до сихъ поръ не знаю, церковь... Обвѣнчались и... сейчасъ обратно въ Петербургъ. Сколько могу припомнить и сообразить, это было верстахъ въ шести, семи отъ заставы. Молодость, окончилъ онъ, поправляя лопаткой дрова въ каминъ.—Ну, пригласи васъ, вотъ сейчасъ, пріятель вашъ въ свидѣтели; развѣ вы станете распрашивать названіе села, прихода? Вдемъ? Вдемъ, и конецъ. Вотъ это какъ вѣдь дѣлалось и дѣлается... Вотъ, въ лѣта зрѣлости, конечно, челоуѣкъ дѣйствуетъ осмотрительно, а юность?... Захотѣли вы отъ нея.....

— На сколько я знаю отца, онъ врядъ ли могъ рѣшиться на такой важный въ жизни шагъ такъ, извините, по гусарски, замѣтилъ, покраснѣвъ, Лучаниновъ.

— Да, вѣдь, вы знали его мужемъ, челоуѣкомъ пятидесяти лѣтъ... Вы посмотрѣли бы что былъ онъ въ двадцать лѣтъ, даже въ тридцать, отвѣчалъ Аристарховъ.—И потомъ время; вѣдь мы были не вы, не нынѣшняя, извините, молодежь; какъ жилось тогда, такъ не живать вамъ. Старикъ, я думаю, вамъ кое-что разказывалъ изъ молодыхъ воспоминаній?

— Я убѣжденъ что вы одни можете раслуать этотъ узелъ, Василій Савельичъ, началъ Лучаниновъ.—Мнѣ достоверно извѣстно что Тарханковъ, много раньше смерти отца, по

крайней мѣрѣ лѣтъ за пять, началъ флюотать.... Еслибы вы вѣзлись, опираясь на то что были свидѣтелемъ при бракѣ, опровергнувъ ошибку консисторіи....

— Но какъ же, чѣмъ? перебилъ Аристарховъ.—Вотъ еслибы живы были другіе свидѣтели, другое дѣло, прибавилъ онъ, грустно понуривъ голову.

— И такъ вы не находите возможности поправить дѣло? Нѣтъ никакой надежды? спросилъ Лучаниновъ.

— Не вижу.... Но, впрочемъ.... Что жъ я? Какъ же нѣтъ? Да отыщешь свидѣтельство о бракѣ; вотъ и поправлено, отвѣчалъ Аристарховъ, какъ бы обрадовавшись осѣнившей его внезапно мысли.

— А безъ свидѣтельства?

— Ну, безъ свидѣтельства, не вижу.

— И вы не знаете, не можете припомнить гдѣ былъ бракъ?

— Не знаю....

— По совѣсти? спросилъ, съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собою, пристально взглянувъ на собесѣдника, Лучаниновъ.

Краска выступила мгновенно на лицѣ Аристархова; черезъ секунду кровь отхлынула, и неестественный румянецъ смѣнился блѣдностью; онъ быстро обвѣжалъ глазами всю фигуру гостя.

— По совѣсти, произнесъ черезъ секунду, тоже съ нѣкоторымъ усиліемъ, адвокатъ, стараясь глядѣть прямо въ глаза уставившемуся на него гостю.

— Въ такомъ случаѣ, извините; я оскорбилъ васъ зародившимся во мнѣ сомнѣніемъ.... Дѣло для насъ такъ важно что невольно, все можетъ придти въ голову.... Но теперь, прошу васъ вѣрить мнѣ, Василій Савельичъ, я не подозреваю васъ. Я радъ что вы возстановили во мнѣ высокое мнѣніе какому имѣлъ о васъ, до могилы, мой покойный отецъ. Я еще разъ прошу васъ извинить меня.

Сказавъ это, Лучаниновъ поднялся съ кресла. Губы его дрожали. Аристарховъ нѣсколько растерялся; онъ хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того, вставъ съ мѣста, принялся жать руку Лучанинову. Замѣтно было что онъ ждалъ совсѣмъ другаго исхода бесѣды.

— Вы, кажется, поэтъ? спросилъ онъ вдругъ, и покраснѣлъ чувствуя что сказалъ глупость.

— Какой поэтъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Кто это вамъ на меня наслетничалъ?

— Ну, вы скрываете.... Скромность, поправилась изъ кулька въ рогожу Аристарховъ, и засмѣялся принужденнымъ смѣхомъ — Будете въ Петербургѣ, я надѣюсь....

Проводивъ гостя, адвокатъ долго ходилъ изъ угла въ уголокъ кабинету и мычалъ что-то въ полголоса; ему было какъ-то не по себѣ; то напала на него вдругъ злоба на самого себя, на общество, на этого непрошеннаго гостя, шевельнувшего въ душѣ его что-то такое, давнымъ давно забытое, заброшенное, глупое, молодое; то подползала къ сердцу тоска. О чемъ? Онъ самъ не могъ опредѣлить.... „Да, будто ужъ старикъ и не подозрѣвалъ? Вздоръ это.... Впрочемъ, отъ него могло статься,“ думалъ Василий Савельичъ.

— Дрожки готовы, доложилъ вшедшій слуга.

— Чтѣ? спросилъ Аристарховъ.

— Готовы дрожки, повторилъ слуга.

Василій Савельичъ молча взявъ шляпу, надѣлъ пальто, поданное слугой, и вышелъ на подъѣздъ.

— Если прѣдетъ этотъ, вотъ чтѣ былъ сейчасъ, говорилъ онъ швейцару, натягивая перчатки,—не принимать.... Ты видѣлъ вѣдь его?

— Видѣлъ, отвѣчалъ швейцаръ.

— То-то и есть.... Онъ негодяй.... Переодѣтый, можетъ-быть, прѣдетъ, вечеромъ.... Не прозѣвай, смотри, повторилъ Аристарховъ, садясь въ дрожки.

„Не можетъ быть чтобъ онъ лгалъ, размышлялъ, въ свою очередь, Лучаниновъ, шагая по троттуару. Не въ состоянїи я допустить подобной низости въ человѣкѣ. Вѣдь все-таки, кромѣ добра, привѣта, помощи, онъ не видалъ ничего отъ покойнаго отца моего.“ Такъ утѣшалъ, старался увѣрить себя человѣкъ, обладавшій не совсемъ обыкновеннымъ даромъ наблюдательности; сначала показалось ему яснымъ что развязка дѣла въ рукахъ у Аристархова.... Но взвѣсивъ въ умѣ, смѣривъ степенъ подлости какая потребна для того чтобы такъ нагло лгать, да еще издѣваясь въ то же время надъ своею жертвой, молодой наблюдатель, не задумавшись, тотчасъ же отказался отъ своего вывода. „Нѣтъ, я ошибся; вотъ и дозвѣрся, послѣ этого, своему дару наблюденїя,“ продолжалъ думать онъ, поднимаясь на лѣстницу квартиры одного университетскаго товарища.

Большинство считаетъ людей подобныхъ Лучанинову почти сдѣланными. „Поэга малый ребенокъ проведетъ,“

думаетъ большинство, и думаетъ, отчасти, не безъ основанія. Умственный взоръ художника, правда, весьма рѣдко обращенъ на внѣшній міръ, на такъ-называемое „житейское“, онъ весь устремленъ внутрь, въ собственную душу. Но когда обратится этотъ взоръ на окружающую, житейскую среду, то разглядитъ, конечно, и скорби, и больше чѣмъ глазъ самаго тонкаго практика. Поэты рѣдко употребляютъ на житейскія выгоды себѣ этотъ великій даръ, какъ силачи рѣдко употребляютъ въ дѣло свою силу. Однако, въ чемъ же, какъ не въ этой зоркости, лежитъ причина скорби и тоски, которыми вѣдь переполнены почти всѣ лѣсны и не одного поэта?

Теперь понятнѣе, можетъ-быть, читателю честное обращеніе Лучанинова къ совѣсти, къ душѣ Аристархова. Вѣра въ существованіе доли добра въ душѣ даже злодѣя присуща каждому. Не всегда удается вызвать эту небесную искру, но она тлеетъ тамъ въ самомъ непроницаемомъ мракѣ. И если на послѣдній волю любви упорно промолчитъ тотъ къ кому обращенъ этотъ волю, и не отвѣтитъ тою же любовью,—горе ему; рано ли, поздно ли, а разгорится, запылаетъ искра, но уже только для того чтобъ освѣтить ужасающимъ свѣтомъ человѣку все имъ содѣянное.

Владиміръ Алексѣевичъ вошелъ по знакомой лѣстницѣ въ верхній этажъ и позвонилъ. Дверь открыла толстая кухарка. „Кого вамъ?“ Лучаниновъ сказалъ фамилію знакомаго. „Они переехали въ средній этажъ, въ пятый номеръ; снизу вторая лѣстница“. Лучаниновъ спустился, отыскалъ номеръ квартиры и позвонилъ; на звонокъ вышелъ лакей, во фракѣ и витяныхъ перчаткахъ. „Видно не тутъ“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ. Но оказалось что тутъ; лакей пошелъ докладывать, оставивъ посѣтителя въ передней съ ясеневымъ зеркаломъ; изъ залы несло курительнымъ порошкомъ.

— Пожалуйте въ кабинетъ, пригласилъ воротившійся съ доклада слуга, снимая пальто съ гостя.

„Что за чертовщина?“ думалъ Лучаниновъ, рассматривая небольшую залу и вступая въ кабинетъ, съ коврами и чугуннымъ, щегольскимъ каминомъ; товарищъ былъ тотъ самый съ которымъ бесѣдовали (да припомнитъ читатель) Коревъ и Долгушинъ.

— Здравствуй, голубчикъ. Какъ я радъ, началъ хозяинъ, обнимая Лучанинова.

— Объясни мнѣ, что за перемѣна? Я было на чердакъ къ тебѣ, говорятъ, съѣхалъ, началъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Женился, братъ... Не успѣлъ, вотъ еще, васъ увѣдомить, отвѣчалъ хозяинъ.

— Поздравляю... И давно?

— Да вотъ, ужъ мѣсяць. Я познакомлю, кстати, тебя съ женой... У меня семейный завтракъ сегодня; ея рожденіе... Сидись же... Ну, какъ ты? Давно ли изъ Италіи? Я вѣдь писалъ тебѣ въ Венецію...

— Недавно... Вы написали съ Корневымъ мнѣ письмо; хотѣлъ было я вамъ отправить его назадъ, какъ непроницаемую тайну, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Да, братъ, женатъ и секретарствую наконецъ, самоодовольно приподнимаясь на носкахъ и вылитивъ округляющееся уже брюшко, говорилъ хозяинъ.

— А на магистра думаешь держать? спросилъ Лучаниновъ.

— Бросилъ; некогда; за двумя зайцами гнаться нельзя, отвѣчалъ, уставясь въ полъ, хозяинъ. — Ну, что твоя литература? При твоёмъ талантѣ.....

— Вѣдь это вамъ, пріятелямъ, казалось что я чуть не Пушкинъ, отвѣчалъ Лучаниновъ. — Какъ ты женился? разкажи.

— Когда-нибудь послѣ; это, братъ, цѣлый романъ, отвѣчалъ съ загадочною счастливою улыбкой хозяинъ.

— Кто урожденная твоя супруга?

— Ты не знаешь... Дочь моего бывшего начальника отдѣленія, отвѣчалъ хозяинъ. — Моя ученица даже, но объ этомъ, что называется, „сидя не разкажешь“. Что твое дѣло по имѣнью?

— Дѣло проиграно....

— Это ужасно... И надежды нѣтъ?

— Никакой, говорятъ; я былъ сейчасъ у одного адвоката, говорить: ничего нельзя сдѣлать. Я рѣшилъ, „предавъ его, какъ говорится, волѣ Божіей,“ сшить по листамъ и сдать въ архивъ; быть-можетъ, пригодится романисту какъ сюжетъ со временемъ. Вотъ въ этомъ я, дѣйствительно, нѣсколько смахиваю на поэта.... Что слышно о войнѣ?

— Дѣло разгорится жарко, говорятъ.

Сказавъ это, онъ повелъ длинную рѣчь о политикѣ; обвинялъ Австрію, забывшую такъ скоро нашу помощь, и т. п. Сужденія его вертѣлись около газетныхъ статей, но онъ говорилъ ихъ на ухо, съ важностію дипломата; по временамъ

называлъ имена консуловъ, чиновниковъ посольствъ, которые будто бы сообщили ему, по секрету, вещи, давно однако извѣстные слушателю. Лучаниновъ глядѣлъ на пріятеля во всѣ глаза и не узнавалъ его; хозяинъ, какъ будто, даже нѣсколько стѣснялся его посѣщеніемъ; замѣтивъ это, гость поднялся съ мѣста.

— Куда же ты? У меня соберутся кое-кто сегодня.... Жена, жаль, одѣвается.... Ты, правда, не во фракъ, да это ничего, уговаривалъ нервѣчительно хозяинъ.

— Нѣтъ, извини на этотъ разъ; въ другой разъ я уже попрошу представить меня твоей супругѣ, но сегодня я уѣзжаю, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Куда?

Лучаниновъ сказалъ; хозяинъ одобрилъ „благое намѣреніе“, какъ онъ выразился, поступить на государственную службу. Гость вышелъ изъ кабинета; въ залу вошелъ, въ то же время, старикъ во фракъ, съ звѣздой; онъ оглядѣлъ пустую залу и сдѣлалъ непріятное лицо; вѣроятно, онъ не любилъ пріѣзжать въ гости первымъ; хозяинъ кинулся къ нему со словами: „вашему превосходительству“. Генералъ смѣрялъ Лучанинова, пожалъ руку хозяина, и подтянувъ бѣлую перчатку, пошелъ въ гостиную; между тѣмъ изъ передней повадилы разодѣтыя дѣвицы, дамы, офицеры, толстые и тоненькіе чиновники. Пропустивъ эту, довольно длинную, вереницу гостей, Лучаниновъ вышелъ въ переднюю.

— Прощай, Владиміръ Алексѣичъ, выглянувъ въ дверь, крикнулъ ему хозяинъ.—Какъ жаль что ты...

Лучаниновъ пожалъ ему еще разъ руку и уѣхалъ. Въ сумерки онъ выѣзжалъ уже изъ Петербурга въ тряской почтовой кибиткѣ, тройкой. Темная осенняя ночь, моросившій дождикъ, были какъ-то по душѣ ему; на душѣ у него тоже было холодно и мрачно по-ноябрьски. Завернувшись въ шубу, онъ закурилъ сигару и разлегся въ кибиткѣ.

Есть своего рода поэзія въ положеніи человѣка одиноко вѣдущаго на житъе въ неизвѣстный, дальній край; на лутевоомъ досугѣ, то припоминаетъ онъ прошедшее, то гадаеть о томъ что ждетъ его среди новыхъ людей, въ незнакомомъ, дальнемъ краѣ. А звонъ колокольца и подъ него, порой, унымый ямской покрикъ, какъ будто говорятъ: „эхъ, не гадай; по вѣрь, вездѣ одно и то же: всюду старинная борьба правды с

кривдою, разладъ людскихъ рѣчей съ дѣлами; повсюду тотъ же жизненный базаръ съ запросами и уступками, со сбытомъ, подъ шумокъ, негоднаго товара. Есть о чемъ думать; не въ гору вѣдь живется, подъ гору.

XVII.

По дорогѣ попадались ѣдущему то и дѣло полки, двинутыя въ Литву и къ прусской границѣ, по случаю военныхъ дѣйствій. Гвардія, конная и лѣвая, шла съ удобствами: за казенными фурами тянулись модныя коляски, даже кареты; офицеры бодро сидѣли на щегольскихъ коняхъ; атлеты-рядовые тоже отличались развязными манерами, густыми бакенбардами и усамъ; армейскіе лѣхотные полки шагали не такъ весело по слякоти, но вылетали, по командѣ, залѣвало съ бубномъ, заводилъ лѣсню, хоръ подхватывалъ, и усталыя лица озарялись улыбкой, въ рядахъ подымались смѣхъ и шутки. Какихъ трудовъ не вынесетъ, подумаешь, нашъ русскій солдатъ; не даромъ Наполеонъ сказалъ про него: „Его мало убить, надо повалить еще“. За Нарвою начались длинно-волосые, бѣлые Эстонцы-ямщики и Нѣмцы станціонные смотрители. На одной станціи встрѣтился Лучанинову ѣдущій изъ Ревеля, по казенной надобности, въ Петербургъ, здоровый, краснощекий майоръ. Узнавъ что Лучаниновъ Русскій, овъ пригласилъ его обѣдать за однимъ столомъ. „Веселѣе“, говорилъ майоръ, покручивая усы, „да и русскаго человѣка увидишь, какъ-то обрадуешься; мы въ Ревелѣ стоимъ вотъ третій годъ; тамъ одни Нѣмцы“. За обѣдомъ майоръ, предлагая Лучанинову перцу, соли, говорилъ: „феферъ, зальць, биръ.... Тыфу ты, чортъ лобери, какъ я привыкъ къ этому проклятому нѣмецкому языку.... Извините меня.... Перцу не уютно ли? Биръ?... Вотъ олять....“ толковалъ онъ, даже отплеиваясь. „Пива? Много ли, кажется, три года, а совсѣмъ разучился по-русски.“ Лучаниновъ изъ любопытства заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки; оказалось что онѣмеченный майоръ въ зубъ толкнуть не умѣлъ по-иностранныму.

Наконецъ, послѣ двухсуточной тряски въ почтовыхъ тележкахъ, путешественникъ нашъ вѣхалъ въ улицы средневѣковаго города, мѣста предполагаемаго служенія; узкія улицы и переулки, высокіе дома, съ крутыми, черепичными кровлями, готическія башни лютеранскихъ церквей напомнили ему

извѣстные рисунки Корнелиуса къ Фаусту; онъ глядѣлъ на уставленныя цвѣточными горшечками окна высокихъ домовъ, ожидая, ужь не выглянетъ ли Гретхенъ въ своемъ старинномъ чепцѣ, не появится ли изъ-за угла фигура Мефистофеля? „Повѣжай въ какой-нибудь отель“, сказала Латышувозицѣ прѣвзжій, и чрезъ нѣсколько минутъ пара остановилась у высокаго новаго дома, на площади. Лакей во фракѣ и зеленомъ шерстяномъ фартукѣ повелъ Лучанинова въ номеръ, величая чрезъ слово „геромъ барономъ“.

Говорятъ, одна бѣда ведетъ за собой другую, третью, и такъ будто бы идетъ дѣло до седьмой. Лучаниновъ, спросивъ слугу въ городѣ ли начальникъ къ которому онъ ѣхалъ, получилъ отвѣтъ что генераль съ недѣлю какъ переведенъ въ другой городъ, и уже третьяго дня уѣхалъ совсѣмъ. „Сегодня прибылъ новый“, окончилъ кельнеръ. Владиміра Алексѣевича какъ громомъ ошеломило это извѣстіе. „Ѣхать назадъ“, меркала онъ, „но куда, зачѣмъ? Не все ли равно гдѣ ни жить, лишь бы не въ Москвѣ, гдѣ меня будетъ преслѣдовать состраданіе и участіе знакомыхъ“. И онъ рѣшилъ отправиться, вооружившись университетскимъ аттестатомъ, къ новому начальнику и поступить къ нему, если, разумѣется, приметъ; на другое утро Лучаниновъ такъ и сдѣлалъ. Начальникъ, сверхъ ожиданія, принялъ его весьма ласково, поблагодарилъ даже за довѣріе и предложилъ числиться при немъ, но пока безъ жалованья. Лучаниновъ согласился. Въ пріемной познакомился онъ съ нѣкоторыми изъ служащихъ, Русскими и Нѣмцами; одинъ изъ штатсратовъ, пронычски смѣривъ длинноволосаго съ бородкой и усами будущаго чиновника, сердито спросилъ, почти вслухъ, стоящаго подлѣ него военнаго:

— Кто это? Виртуозъ что ли? Вѣрно хлопочетъ о концертѣ?

— Онъ поступаетъ къ намъ на службу, отвѣчалъ военный.

— Я думалъ виртуозъ; не похожъ на служащаго, замѣтилъ штатсратъ, отправляясь въ кабинетъ начальника.

Это былъ, какъ послѣ оказалось, правитель дѣлъ, закоренѣлый врагъ усовъ, длинныхъ волосъ, бородъ и бородокъ. Впрочемъ, на чиновника безъ жалованья правитель имѣлъ похвальную привычку смотрѣть какъ на пятое колесо въ телегѣ: „тутъ онъ—хорошо, нѣтъ—еще, пожалуй, лучше“. Узнавъ въ послѣдствіи о такомъ возрѣніи на него правителя дѣлъ, Лучаниновъ пока не очень олечался: „больше времени будетъ заниматься стариной“, думалъ онъ. Деньги еще покуда

были. „Съ экономіей можно прожить годъ, другой, а тамъ очистится мѣсто, напишу что-нибудь, переведу“, соображалъ молодой человѣкъ.

Нанявъ небольшую квартирку въ дальней, уединенной улицѣ, Лучаниновъ первое чтѣ сдѣлалъ, отыскавъ городскую библіотеку, и былъ пораженъ богатствомъ иностранныхъ лутешествій, семнадцатаго вѣка, по Россіи. Онъ началъ каждое утро заниматься въ библіотекѣ; поднявшись вверхъ по узенькой, крутой и извилистой лѣсенкѣ выстроеннаго иезуитами мрачнаго зданія, Лучаниновъ усаживался за фоліанты и иллюстрированныя старыя изданія въ круглой, увѣшанной портретами, залѣ библіотеки; въ бесѣдѣ со стариной позабывалось одиночество, и даже громовый ударъ, раздавшійся недавно надъ головой, сталъ казаться ему не столь ужаснымъ. При чтеніи памятниковъ городъ какъ бы преображался въ свой средневѣковой видъ: Лучаниновъ, возвращаясь лѣшкомъ домой изъ библіотеки, часто воображалъ какъ ѣхалъ среди этихъ высокихъ домовъ, на ворономъ конѣ своемъ, въ черномъ беретѣ и шляпѣ съ перомъ, Стефанъ Баторій; какъ дѣвочка, одѣтая крылатымъ геніемъ, спустила на короля лавровый вѣнокъ, когда проѣзжалъ онъ подъ триумфальною аркой; какъ король, покручивая волосы на бородавкѣ на щекѣ, слушалъ привѣтственную рѣчь оторолѣвшаго отъ робости оберъ-пастора; какъ онъ обѣдалъ въ ратушѣ, и по столу бѣгала маленькая, коричневая его собачка, хватая куски съ тарелокъ, что очень забавляло короля....

Толкнулся было онъ и въ общество города, именуемое себѣ черезъ слово цивилизованнымъ. „Деньги, проценты, проценты, деньги“, услышалъ онъ въ обществѣ кушцовъ и банкировъ; два эти слова склонялись здѣсь во всѣхъ падежахъ, съ утра до вечера. „Чинъ, мѣсто, мѣсто, чинъ“, склоняло общество чиновниковъ. Больше интересныя бесѣды шли, и то иногда, въ ученыхъ обществахъ (одного изъ коихъ, историческаго, онъ и сдѣлался членомъ); хотъ Русскаго, особенно не магистра, и тамъ держали въ нѣкоторой субординаціи, но Лучаниновъ все-таки любилъ посѣщать засѣданія историческаго общества.

Скоро нашелъ онъ, къ удивленію, что пресловутая цивилизація края, въ большинствѣ общества, шла куда какъ недалеко; мушоны пробавлялись чтеніемъ мѣстной газеты и *Dorfbarbier*; для дамъ и дѣвицъ выписывались отцами семействъ *Gartenlaube* и бралась на прокатъ романы Гаклендера.

Нѣсколько докторовъ философіи, права, на которыхъ уповали и указывали все какъ на Соломоновъ мудростію, почитывали еще кой-какія сочиненія по своей специальности; за то и разыгрывали же они оракуловъ. Прочіе же, чиновники, кушцы, большею частію окончившіе курсъ въ университетѣ, забыли думать о какой-нибудь наукѣ, покинули всякій интересъ къ знанію, посвятивъ себя исключительно искусству промышлять службою или торговлей; они, вѣроятно, думали что въ университетѣ выучили ихъ всему; не разумѣли ли они наоборотъ извѣстное изреченіе: „*ars longa, vita brevis?*“ Несмотря на это, гордость у всѣхъ сословіи своимъ образованіемъ была непомерная; врядъ ли Гумбольдтъ имѣлъ сотую долю той увѣренности въ своихъ свѣдѣніяхъ и въ непогрѣшимости своихъ мнѣній, какою обладалъ каждый изъ здѣшнихъ докторовъ и магистровъ. „А простой народъ забыть, кланяется рабски въ ноги, шлепаетъ полу вашего сюртука.... Гдѣ жъ она, ихъ цивилизація? Въ чемъ, для чего она, если и есть?“ думалъ завзкій варваръ.

День за днемъ, и потекла одинокая жизнь въ новомъ, незнакомомъ углѣ Россіи; въ занятіяхъ, подчасъ въ упорно-тяжкомъ умственномъ трудѣ, летѣло быстро время; одиночество было бы благомъ въ настоящую переходную пору для Лучанинова, еслибы не налетала къ нему дума о братѣ и о собственномъ будущемъ; безденежье черезъ годъ, много черезъ два, грозило имъ обоимъ. Надежда на литературные труды была плоха покуда. Переходное состояніе убѣжденій самое трудное для писателя. „Исписался“, говорятъ про литератора извѣстнаго, если онъ броситъ на время непослушное перо свое. „Онъ бездарность, гордъ, слишкомъ требователенъ къ себѣ, вообразилъ что гѣній“, толкуютъ о начинающемъ художникѣ, если онъ медлитъ писать изъ боязни произнести незрѣлое слово. „Служилъ бы лучше; изъ чего хлопочетъ, коли дѣло не ладится?“ совѣтуютъ практики. По пословицѣ: „чужую бѣду руками разведу, къ своей ума не приложу“, каждый предлагаетъ свое, и бѣда человѣку если онъ, не слушая внутренняго голоса, пойдетъ бродить по указаннымъ совѣтниками дорогамъ; они же первые посмѣются надъ его недоноскомъ твореніемъ, первые скажутъ: „эхъ лоторопился“.

„Бросить это безцѣльное чтеніе, думы о писательствѣ и приняться служить какъ слѣдуетъ“, приходило не разъ на умъ, въ тяжелые часы неудачъ, и самому Лучанинову. Онъ

выпрашивалъ у правителя дѣло, обкладывался томаши свода законовъ и принимался составлять отношенія и докладныя записки; усиленно отгоняя мысль о любимомъ трудѣ, корпѣлъ онъ дня по два, по три за новымъ занятіемъ. „Надо, нельзя“, ободрялъ онъ себя, но холодъ и пустота являлись на душѣ: безжизненнымъ трупомъ казался онъ самому себѣ; весь міръ, квартира глядѣли какою-то тюрьмой. Тогда возвращалось въ канцелярію толстое дѣло, развертывались лѣтописи, Олеарій, свисалась узда съ порывавшагося на волю воображенія, и снова свѣтало на душѣ, въ мірѣ и на квартирѣ.

Сослуживцы, не видя никакихъ такъ-называемыхъ „произведеній“ Лучанинова, и между тѣмъ замѣчая что онъ корпѣлъ въ библіотекѣ и дома надъ старинною, искренно жалѣли его. „Онъ любитель наукъ, изящнаго, schöngeist“, опредѣлялъ его умный правитель дѣлъ, Нѣмецъ, полюбившій потомъ Лучанинова, несмотря на его длинные волосы и бородку. „Жаль что онъ не богатъ; будь онъ съ деньгами, онъ былъ бы полезнѣйшимъ дѣятелемъ, меценатомъ.“ Къ службѣ всѣ, начиная отъ правителя до писца, единогласно отрицали въ меценатѣ всякую способность.

Настроенный чтеніемъ путешественниковъ семнадцатаго вѣка по Россіи и самимъ краемъ, богатымъ историческими восточинамія, развалинами рыцарскіхъ замковъ, Лучаниновъ задумалъ написать романъ изъ времени Ливонскихъ войнъ Ивана Грознаго; списавъ чуть не цѣлую дестъ, онъ вздумалъ прочесть написанное: романъ начинался непрѣмными двумя всадниками, ѣдущими по опушкѣ лѣса; прежде объявленія читателю кто они такіе, шло описаніе ихъ наружности. Одинъ, вѣхавшій задумавшись, былъ, какъ водится, молодой бояринъ, другой постарше. За описаніемъ всадниковъ слѣдовалъ скучнѣйшій очеркъ времени... Не только плавъ, приемы, но и самый языкъ показался молодому писателю до того избитымъ, казеннымъ, что онъ, даже не дочитавъ, отправилъ рукопись въ топившуюся кстатѣ печку. Всѣ произведенія его этого времени подвергались, къ счастью читающей публики, той же участи.

Онъ пробовалъ не разъ изобразить въ разказѣ, въ повѣсти, перечувствованное имъ въ темные и свѣтлые дни самовоспитанія, но подобная мысль могла родиться только въ головѣ неопытнаго писателя; описывать можно только пережитое; въ страдательномъ состояніи человѣческой духъ не въ состояніи

вполнѣ сознавать, трезво мыслить о своемъ положеніи. Воспоминаніе дѣтскихъ годовъ, вотъ что удавалось ему, и жаль что онъ не напечаталъ двухъ, трехъ изъ этихъ, слышанныхъ одними друзьями, разказовъ; онъ послалъ нѣкоторые изъ нихъ въ журналы, но редакціи уже раздѣлились въ это время на лагери; признавая „несомнѣнный“ (какъ они выражались) талантъ въ новомъ писателѣ, но не встрѣчая въ его разказахъ сочувствія къ своему направленію, редакторы клали, разумѣется, подъ сукно его творенія. Нѣкоторые изъ знакомыхъ совѣтовали Лучанинову писать „въ духѣ“ того или другаго періодическаго изданія, но онъ не могъ на это рѣшиться. Въ журналистикѣ, впрочемъ, начинало появляться много овѣжаго; одни изъ лагерей, если и ударились послѣ въ крайность, пробуждали въ обществѣ мысль о живыхъ, общественныхъ вопросахъ, знакомили съ результатами добытыми Западомъ на этомъ поприщѣ; другіе стали пристальнѣе, глубже вглядываться въ русское прошедшее. Большинство, оторванное отъ своего гувернерскимъ воспитаніемъ, сочувственнѣе относилось, конечно, къ голосу перваго стана. Лучаниновъ отъ одного лагеря отсталъ, а къ другому не присталъ, и потому стоялъ совершенно одиноко. Ему совѣтовали сблизиться съ тѣмъ, съ другимъ, но врядъ ли изъ этого сближенія онъ вынесъ какую-либо для себя пользу: нельзя шагать по лѣстницѣ самосознанія черезъ пять, шесть ступеней; человекъ, общество нельзя воспитать публичными и непубличными лекціями, если оно само не будетъ работать. Только добытое трудомъ дѣлается неотъемлемымъ, прочнымъ достояніемъ духа.

Писемъ отъ брата, кромѣ одного, полученнаго вскорѣ по пріѣздѣ Лучанинова сюда, не было; онъ написалъ въ прежнюю главную квартиру полка, но отвѣта не было; какъ ни объяснялъ онъ себѣ это молчаніе передвижкою войскъ, недокутомъ, но начиналъ уже беспокоиться. По временамъ на него, какъ на человека нервнаго, напалъ паническій страхъ; будущее свое, и особенно брата, являлось ему тогда со всѣми ужасами безденежья и нищеты; а между тѣмъ не предвидѣлось, покуда, никакой надежды отворотить грядущую невзгоду. Ему, конечно, многое казалось въ преувеличенномъ видѣ, но тѣмъ не менѣе мучило, нагоняло хандру, начинавшую, подчасъ, мѣшать даже любимымъ его занятіямъ. Товарищи по службѣ совѣтовали ему, для развлеченія, познако-

миться съ тѣмъ, съ другимъ, бывать почаще въ обществѣ; подобныя совѣты нѣсколько похожи на то, еслибы кто вздумалъ уговаривать стоящаго на эшафотѣ преступника, покуда до прихода палача, почитать газету или разглядывать картинки. Читатель скажетъ, можетъ-быть, что я тоже преувеличиваю ужасъ положенія моего разорившагося героя; однако быть разжалованнымъ изъ богача извѣстной фамилии въ Лучаниновскаго, въ человѣка съ сомнительною метрикой и несомнѣнною сумой на плечѣ, чего-нибудь стоить; не казнь, конечно, но полная неизвѣстность, да смутная надежда на талантъ, а рядомъ съ этими туманами ясный какъ день недостатокъ прочныхъ средствъ существованія; небольшой наличный капиталъ оставшійся послѣ отца ему и брату талъ какъ свѣжая глыба ежедневно; по именнымъ билетамъ Лучаниновыхъ олекунскій совѣтъ, какъ мы уже сказали, не выдавалъ братьямъ Лучаниновскимъ. „Взять мѣсто“, скажутъ можетъ-быть нѣкоторые; „будто нѣтъ людей получающихъ жалованье, а между тѣмъ не Богъ знаетъ какихъ служаекъ.“ Такимъ нужно наломать что это былъ человѣкъ только что оставшій аудиторію; мысль получать деньги даромъ въ это время врядъ ли приходитъ кому въ голову; въ послѣдствіи, къ несчастію, многіе мирятся съ этою мыслію и черезъ два, три годика по окончаніи курса примѣняютъ ее къ дѣлу съ невозмутимымъ спокойствіемъ душевнымъ; нѣкоторые, разчувствовавшись, въ дружескомъ кругу, называютъ даже такое препровожденіе времени „зарабатываніемъ себѣ и семейству, честнымъ образомъ, куска хлѣба“. Существующіе у насъ комитеты для ловли празднующихся, ложныхъ нищихъ, не преслѣдуютъ, конечно, этого, опрятнаго только снаружи, дармовѣдства, но въ душѣ у молодежи есть другой, неутомимый преслѣдователь всего неблагого, это, неподкупенная еще благами міра, чистая какъ струя ключевой воды, совѣсть. „Но у меня есть, хоть небольшой, талантъ“, приходила по временамъ утѣшительная мысль въ голову, но рядомъ съ нею приходила другая: „а сколько талантовъ и побольше твоего умирало чуть не съ голоду; почитай жизнеописанія художниковъ и ученыхъ“. Седмистолпный храмъ мудрости богатъ невещественными благами, а не золотомъ. Отчего же, возразятъ мнѣ, занятія наукой, искусствомъ тоже даютъ доходъ, и иногда не маленькій? Справедливо. „Наука для однихъ богиня, для другихъ дойная корова“, есть даже изре-

ченіе, кажется, Шиллера. Но муза вѣдь не оставляетъ безъ наказанія людей не признающихъ ея божественнаго происхожденія; она за это превращаетъ ихъ самихъ изъ мудрецовъ чуть-чуть не въ скотниковъ.

Думая иногда ночи на пролетъ о своемъ положеніи, Лучаниновъ близкокъ былъ, въ иные часы, къ совершенной апатіи ко всему, къ равнодушію ко всякому дѣлу и своему, въ самомъ дѣлѣ безтолковѣйшему, положенію. Дѣло его было одно изъ тѣхъ волюющихъ дѣлъ, гдѣ явная интрига была прикрыта соблюденіемъ малѣйшихъ формальностей, одеждою строжайшей справедливости. „Залиска о дѣлѣ твоємъ“, писалъ, на этотъ разъ разборчивѣе, Корневъ, „говорятъ, подана губернаторомъ.—Какое подлое дѣло, сказалъ Государь, прочитай записку; въ запискѣ, говорятъ, не упомянуто лицъ, но не скоро найдешь приличное наименованіе поступку съ вами Тарханкова и неизвѣстныхъ его сотрудниковъ. Мудрено ли что благородная душа Государя была возмущена до глубины при чтеніи записки? Тарханковъ подалъ уже прошеніе объ увольненіи его, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ должности губернскаго предводителя“, писалъ далѣе Корневъ. „Я его видѣлъ въ Москвѣ, въ театрѣ; не помню кто мнѣ указалъ его; говорятъ, онъ здѣсь проѣздомъ въ Крымъ; имъ взяты подрядъ доставлять провіантъ и одежду для нѣкоторыхъ полковъ дѣйствующей арміи и ополченцевъ. Барскій, представъ, освобожденъ; онъ женился на Сѣткиной и принять олять въ театральнѣй петербургскій оркестръ.“ Письмо оканчивалось извѣстіями о литературныхъ новостяхъ и совѣтами Лучанинову воротиться въ Москву. „Мѣсто отыщешь и здѣсь“, писалъ пріятель.

Однажды зимою, часовъ въ пять вечера, Лучаниновъ возвратился со службы. Онъ началъ чаще бывать въ канцеляріи; его прикомандировали къ одному начальнику отдѣленія, не знающему по-русски Нѣмцу, для перевода бумагъ; разчитывая получить хоть небольшое жалованье, Владиміръ Алексѣевичъ началъ переводить скучнѣйшіе, длинные періоды и мудренныя фразы о самыхъ простыхъ вещахъ. Въ ожиданіи самовара, который ставилъ ему хозяинъ-ткачъ, Латышъ, прикидывавшійся Нѣмцемъ, Лучаниновъ стоялъ у окна, заложивъ за спину руки. Въ мезонинѣ деревяннаго, новаго, бревенчатаго домика, противъ его квартиры, то показывался, то исчезалъ свѣтъ. Лучаниновъ, облокотясь на подоконникъ, сталъ наблюдать;

черезъ минуту въ широкомъ полукругломъ окнѣ появилась, съ зажженною свѣчой въ рукѣ, дѣвушка; свѣтъ, падая ей прямо на лицо, ярко озарялъ хорошенькую темнорусую головку; во вьющихся немного волосахъ лестрѣли розовыя, голубыя и бѣлыя ленточки. Дѣвочка, замѣтно, была въ страпныхъ хлопотахъ, убирая себя чѣмъ попало; то быстро хватала она съ окна свѣчку и подбѣгала, должно-быть, къ зеркалу, то исчезала въ дверяхъ сосѣдней комнаты и возвращалась оттуда съ новымъ лучкомъ лентъ. Лучаниновъ досталъ бинокль и усѣлся у окошка. Въ окнѣ стемнѣло; полоса свѣта, лежавшая на стѣнѣ, и свѣтъ въ дверяхъ доказывали что огонь былъ въ сосѣдней комнатѣ. Черезъ четверть часа дѣвочка вбѣжала, со свѣчою, въ высокомъ, убранномъ оборками, невиданномъ чепцѣ; на узенькія, еще не развившіяся плечи накинута была красная старинная шаль съ широкою разноцвѣтною каймой; поставивъ на окно свѣчу, шалунья подбѣжала къ зеркалу и привалась завязывать подъ подбородкомъ голубыя, широкія левты чепца. Лучаниновъ засмѣялся, поправляя фокусъ бинокля. Между тѣмъ дѣвочка завязала челець и, повертываясь точно обезьянка предъ зеркаломъ, начала охорашивать на себѣ шаль, конецъ которой разстирался шлейфомъ по полу; уложивъ, какъ слѣдуетъ, складки латка, она важно прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ; но вдругъ, прислушавшись къ чему-то, быстро сдернула съ головы челець и потушила свѣчку. Минуты черезъ три свѣтъ снова появился въ окнѣ, но дѣвочка на этотъ разъ уже смирно, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла въ своемъ свѣтломъ латыцѣ подлѣ окошка; на свѣтломъ фонѣ освѣщенной комнаты ясно вырѣзывался темный силуэтъ головки съ немного вздернутымъ носикомъ и какимъ-то страннымъ локономъ напередѣ; лентъ на головѣ уже не было. Другая фигура, старушки, подбирала тралки, чепцы съ полу и по временамъ относилась съ укоряющими жестами къ разоблаченной щеголихѣ. Дѣвочка сидѣла неподвижно, потупивъ головку, точно статуйка, у окошка.

Въ это время въ дверяхъ квартиры Лучанинова показался низенькій, толстый старикъ хозяинъ, съ самоваромъ въ рукахъ. Лучаниновъ зажегъ свѣчку. Поставивъ на полъ килѣвшій самоваръ, хозяинъ снялъ засаленную плисовую шалочку, и обдергивая синюю шерстяную фуфайку, началъ раскланиваться съ постольцемъ.

— Schön guten Abend, залищалъ онъ какимъ-то жалобнымъ голосомъ, вытирая рукавомъ фуфайки красное, тоже плаксивое лицо.—Etschuldigen Sie.... Куда прикажете поставить?

— Да вотъ сюда потрудитесь, отвѣчалъ Лучаниновъ, указавъ на накрытый салфеткой столъ, подлѣ дивана.

Хозяинъ, крехтя, поставилъ самоваръ на указанное мѣсто, и взявъ со стула шалочку, собрался сдѣлать реверансъ, предъ удаленіемъ.

— А не хотите ли со мной выпить стаканъ грогу? остановилъ его Лучаниновъ.—У меня, кажется, есть коньякъ. Вотъ вамъ сигара. Setzen Sie sich.

Хозяинъ сдѣлалъ плаксивую гримасу, по всей вѣроятности исправлявшую у него должность улыбки, закончилъ предпринятый реверансъ и сѣлъ на кончикъ стула у дверей.

— Садитесь ближе, говорилъ Владиміръ Алексѣевичъ, заваривая чай.—Вотъ въ кресла. Да курите.

Но хозяинъ нерѣшительно глядѣлъ на него, сохраняя въ лицѣ плаксивую, означавшую улыбку, мину.

— Что же вы не закуриваете вашу сигару? спросилъ Лучаниновъ.

— Да какъ же я?... Позвольте мнѣ сходить, надѣть хоть сюртукъ. Какъ же я, въ этой курткѣ, Herr Gouvernements Secrétaire, началъ онъ стыдливо, точно дѣвушка, оглядывая и обдергивая свою, вязаную, синюю фуфайку.

— Lassen Sie doch. Не все ли это равно? Вѣдь мы не дамы. Для компаніи, я сейчасъ самъ сниму пальто. Вотъ только надобно завѣсить окна, отвѣчалъ Лучаниновъ; вставъ съ дивана, онъ опустилъ шторы и скинулъ съ себя пальто.

— Ну, если уже вы извиняете, залищалъ хозяинъ, робко приближаясь къ столу.—А все бы приличнѣе и лучше въ сюртукъ, прибавилъ онъ, снова осматривая старую фуфайку.

Владиміръ Алексѣевичъ налилъ ему грогъ; хозяинъ закурилъ сигару.

— Скажите пожалуйста, не знаете ли вы кто такіе живутъ противъ вашего дома, въ этомъ новенькомъ флигелѣ, на мезонинѣ?

— Это у Клотца? Да; вотъ какъ вы думаете? залищалъ хозяинъ, прихлебнувъ грогу и закашлявшись.—Великъ ли флигелекъ, а сталъ ему почти четыре тысячи; да еще тещъ онъ купилъ дешево, на стругахъ; а безъ этого не управился бы Клотць на эту сумму. Онъ видите какъ купилъ этотъ тещъ.

И хозяинъ съ мельчайшими подробностями, голосомъ едва сдерживающаго слезы человѣка, принялся разказывать какъ сосѣдъ его, прогуливаясь по набережной, замѣтилъ что какой-то помѣщикъ привезъ на стругахъ, вмѣстѣ съ овсомъ и рожью, тесь; тесь, почему-то, не продавался; сосѣдъ, замѣтивъ это, познакомился съ помѣщикомъ. Разказчикъ началъ было (тоже плачевнымъ тономъ) описывать костюмъ въ которомъ Клотцъ предсталъ продавцу теса, но Лучаниновъ круто повернулъ разговоръ и незамѣтно перевелъ его къ сдѣланному въ началѣ вопросу.

— Въ мезонинѣ? Тамъ вѣдь всего двѣ комнаты; въ задней очагъ; она и кухня, отвѣчалъ тѣмъ же трогательнымъ голосомъ хозяинъ.—Выгодно отдалъ Клотцъ, десять рублей онъ взялъ съ нихъ въ мѣсяцъ. Клотцъ *fixer Kerl, gewandt*. Я не умѣю говорить, а Клотцъ.... Онъ тоже ткачъ; мы были вмѣстѣ гезелями; вмѣстѣ ходили въ Кенигсбергъ, *wandern*; въ одинъ годъ сдѣлались мастерами.

— А! это пріятно.... Кто же такія, вы не знаете, наняли у него въ мезонинѣ? переспросилъ Лучаниновъ.

— Да вамъ вѣдь не годится эта квартира, *Herr Secretaire*, видимо цѣлугавшись, отвѣчалъ хозяинъ.

— Я знаю, перебилъ Лучаниновъ;—я вовсе не желаю переѣзжать; мнѣ у васъ очень удобно.

— Живеть въ мезонинѣ, успокоившись, приступилъ наконецъ къ прямому отвѣту на вопросъ хозяинъ,—живеть у Клотца въ мезонинѣ одна старушка, помѣщица; пріѣхала она, должно-быть съ полгода назадъ, изъ Бѣлоруссіи, Польша. У нихъ было порядочное помѣстье на Двинѣ, были деньги, но добрые люди помогли; обобрали родственники, а деньги, говорятъ, пропали за однимъ барономъ; на вексель отдала ему старуха. Имѣнье одно оттягали родные, о другомъ идетъ процессъ, года четыре, кажется.

— А кто этотъ ребенокъ? Дѣвочка?

— Этотъ ребенокъ? Внушка. Внушка ея.... Дочь сына старухи. Родители-то умерли; остались онѣ двѣ: бабушка да внучка, отвѣчалъ съ разстановкой, вздыхая и кашляя, старикъ.

— А вы не знаете фамиліи?

— Нѣтъ, знаю. Фамилія ихъ Толоровскіе.... Она была княгиня, да родные выключили изъ бумагъ, была ревизія

родовъ дворянскихъ; ихъ и лишили княжескаго достоинства... Вездѣ все деньги дѣлаютъ, грустно заключилъ хозяинъ.

На форштадтѣ, гдѣ жилъ Лучаниновъ, совершенно какъ въ увѣдомѣ, дальнемъ городкѣ, сосѣди знали другъ про друга все; служанка хозяина, бойкая, кривая Латышка, убирая комнату, часто для чего-то разказывала Лучанинову какъ сосѣдка вчера поколотила мужа, токаря, за то что онъ вздумалъ заигрывать со своею кухаркою, что какая-то Лизхенъ дѣлаетъ хорошую партію, выходить за трубочиста, иностранца, имѣющаго въ Пруссіи домъ и двѣ десятины земли подъ огородамъ что трубочистъ былъ бы *ganz hübscher Mann*, еслибы не былъ у него надъ самымъ носомъ черной бородавки.

— А носите ли вы фуфайку? неожиданно спросилъ Лучанинова старикъ, доливъ свой грогъ и прослезившись отъ подъявшагося кашля.

— А чтѣ? спросилъ, думавшій совѣтъ о другомъ и удивленный такимъ неожиданнымъ вопросомъ, Лучаниновъ.

— Носите, отвѣчалъ сквозь слезы старикъ.— Въ нашемъ холодномъ климатѣ необходимѣйшая вещь фуфайка; я, напримеръ, страдалъ я ревматизмами. И какъ страдалъ я! А вотъ сталъ носить... Да, вѣдь, вы думаете я ношу одну фуфайку? Нѣтъ; вотъ позвольте, началъ онъ, развязывая тесемки камзола; вотъ это первая, продолжалъ онъ, къ удивленію Лучанинова, снявъ, не безъ усилій, узенькую шерстяную куртку.— *Da habe ich noch, ваточная у меня. Вотъ видите... Подъ этимъ говорилъ хозяинъ, снявъ и ваточную, — у меня олять, вотъ видите ли, вязаная... А подъ вязаной...*

— Я вѣрю, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ, замѣтивъ что хозяинъ собирается снимать и вязаную.

— Точно также и нижнее у меня, окончилъ гость, принимаясь наливать обратно свои тряпки. — И нижнее...

„Недостаетъ чтобъ онъ раздѣлся до нага,“ подумалъ Лучаниновъ.

— Отъ этого вотъ вы, я полагаю, видите, я выйду на улицу, къ воротамъ, иногда зимою, безъ сюртука... Мнѣ тепло закончилъ уже облекшійся какъ слѣдуетъ хозяинъ. — *Schönguten Abend, ich danke sehr*, сказалъ онъ наконецъ, расшарившись и выходя на цыпочкахъ въ сѣни.

„Чтѣ за чудакъ?“ думалъ Лучаниновъ, запирая на ключъ дверь. „Съ чего онъ вздумалъ показывать мнѣ свою коллекцію фуфаекъ?“ Приподнявъ немного стору, онъ поглядѣлъ въ

окно; окно сосѣдокъ было завѣшено, но комната была еще освѣщена. Расхаживая изъ угла въ уголъ, Лучаниновъ нѣсколько разъ взглядывалъ на полукруглое мезонинное окно; одинъ разъ удалось таки ему поймать силуэтъ хорошенькой головки на олущенной бѣлой занавѣскѣ. „Оригинальная головка; есть сходство съ Сафо на *Парнасъ* Рафаэля,“ подумалъ онъ, олутивъ стору и усаживаясь за работу.

XVIII.

Москва праздновала столѣтіе своего университета. Владмиръ Лучаниновъ получилъ отъ товарищей нѣсколько писемъ убѣждавшихъ его пріѣхать на юбилей, но истощавшіяся съ каждымъ днемъ денежныя средства не позволяли ему двинуться. Двѣнадцатаго января, послѣ обѣдни, привѣтственныхъ рѣчей и поздравительныхъ адресовъ другихъ русскихъ и многихъ иностранныхъ университетовъ, однокурсники раздѣлились по кучкамъ; Корневъ не поѣхалъ на парадный университетскій обѣдъ; онъ условился обѣдать въ трактирѣ съ десяткомъ математиковъ; небольшіе, отдѣльные обѣды были непринужденныя, теплыя чѣмъ парадный; вмѣсто рѣчей на нихъ сыпались сотни анекдотовъ, раздавался искренній смѣхъ при воспоминаніи проказъ и похожденій молодости. Но общее настроеніе было у всѣхъ какъ-то мрачно; война, принимавшая все болѣе и болѣе широкіе размѣры, осада Севастополя, все это не могло не вліять на лировавшихъ, не нагонять тяжкихъ думъ, опасеній за Россію.

— Позвольте, господа, началъ, послѣ другихъ тостовъ, въ половинѣ обѣда, Корневъ, — посвятить этотъ бокалъ памяти нашего великаго Мочалова; театръ былъ вѣдь однимъ изъ важныхъ пособниковъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія; мы слишкомъ мало придаемъ значенія эстетическому развитію; а оно важно.... Тамъ, въ театрѣ, видѣли мы Гамлета, Лира, Макбета.... Мочаловъ, со своею огненною игрою, былъ, по-моему, великій истолкователь Шекспира....

Математики переглянулись; нѣкоторые даже сообщили другъ другу на ухо что Корневъ немного охмелѣлъ; они досадовали на него за прерванный имъ, въ самой серединѣ, разговоръ о замѣщенныхъ, по ихъ мнѣнію пренеудачно, кафедрахъ.

Бокаль былъ выпить, изъ приличія, но возгласъ о Шекспирѣ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Шекспира еще, положимъ, не бесполезно посмотрѣть, хотя для насъ, для Русскихъ, право, Гоголя смотрѣть полезнѣе, замѣтилъ сидѣвшій подлѣ Корнева кандидатъ естественныхъ наукъ. — По-моему, не такъ вѣдь важно воссѣваемое вами эстетическое образованіе, какъ обличеніе, осмѣяніе порока. Иначе, по-вашему, и балетъ полезенъ? заключилъ естественникъ, намекнувъ собесѣднику на недавнія „бѣснованія“, какъ онъ выразился, студентовъ въ балетѣ.

— Балета нельзя ставить рядомъ съ Шекспиромъ, возразилъ Корневъ,—но такіе балеты, какъ на примѣръ *Сильфиды*, положительно развиваютъ вкусъ, вліяютъ какъ вааніе, скульптура, на зрителя; вы говорите: „не такъ важно эстетическое образованіе“; оно важнѣе обличенія; вы знаете что развитый художественно человекъ, мнѣ кажется, не позволитъ себѣ низкаго дѣла, даже потому что оно не изящно; не изящень самый образъ подлеца, горячо говорилъ Корневъ.

— Здоровье Михаила Семеновича Щелкина! произнесъ кто-то.

— Вотъ это дѣло другое, отвѣчали собесѣдники;—выльемъ его здоровье. Гоголь и Щелкинъ стали другъ безъ друга невыслымы.

— Великій актеръ, сказалъ Корневъ; но выпивъ бокаль, онъ заговорилъ сосѣду снова о Шекспирѣ.

Сосѣдъ зѣвалъ, слушая жаркія рѣчи поклонника Шекспира Корневъ замолчалъ, горько почувствовавъ свое одиночество. Для объясненія причины этой размолвки Корнева съ однокурсниками, нужно напомнимъ читателямъ что такъ-называемая изящная литература послѣ Гоголя принялась за обличеніе если исключить небольшой рядъ разказовъ изъ крестьянскаго быта, имѣвшихъ прекрасную цѣль возбудить участіе къ крѣпостнымъ, къ простонародью; большинство лишущихъ, съ легкой руки Гоголя, ударилось въ комизмъ; это отразилось и на сценѣ: Шекспиръ, стоявшій при Мочаловѣ въ основаніи репертуара, по смерти трагика сталъ допускаться рѣже и рѣже и подмоскки. Какъ въ драмѣ, такъ и въ ловѣстяхъ, одни, болѣе даровитые изъ лишущихъ, шли съ нѣкоторою самобытностью по проложенной, правда, геніемъ, слѣдовательно торной, дорогѣ; другіе же кормили публику, разжевывая сваренную другими лищу, какъ кормятъ няньки ребятъ съ костянои

ложки; людямъ со здоровымъ, развитымъ вкусомъ, какъ, напримеръ, Корневу, разумѣется, не могли нравиться эти обѣдки; но большинство нѣкоторое время искало въ нихъ зачатки незамѣнимаго Гоголя. Нельзя сказать чтобы все безслѣдно прошелъ данный рядъ этихъ карающихъ произведеній; типы самодуровъ, бюрократовъ, взяточниковъ ярко выступили предъ обществомъ; а это уже немаловажная заслуга литературы. Но потомъ поднялась безконечная гоньба за типами, съ цѣлю исправлять общество. Тогдашняя русская жизнь представляла зрѣлище весьма похожее на описанную въ *Мертвые души* сцену столкновения губернаторской четверки съ чичиковскою тройкой. Писатели задумали распутать этотъ гордиевъ узелъ, эту луганицу новыхъ жизненныхъ запросовъ съ веревочною сбруей стараго порядка, способомъ дядей Митяя и Миняя. „Садись ты на кореннаго коня, а Андрюха лускай сядетъ на пристяжнаго. Теперь накаливай его, накаливай; пришла дорь; что онъ корачится какъ карамора?“ Одинъ вѣзъ на бюрократа, другой на самодура, третій на взяточника-чиновника; нещадно накаливая ихъ, прилежные дѣятели выбились наконецъ изъ силъ; публика хохотала; удары бичей были не особенно сильны; сами накаливаемые подсмѣивались надъ накаливающими, думая про себя: „незамай потѣшатся; устанутъ; а мы все-таки обдѣлаемъ свои дѣлшки“. И обдѣлывали; и какъ еще ловили рыбу въ мутной водѣ, обвиняя обличителей въ измѣнѣ, въ наклонности къ революціоннымъ затѣямъ и въ тому подобныхъ небывальщинахъ. Четверка, спутанная съ тройкой, знай себѣ стояла на томъ же закодированномъ мѣстѣ; ихъ суждено было развести не поученію, а жизни, тяжкому опыту предстоявшей войны, зареву Севастополя.

Нужна была всѣмъ и каждому глубокая дума о самомъ себѣ; нужна была скорбь, строгая наставница, безъ коей не поавигса ни въ человѣкѣ, ни въ народѣ самопониманія; нужна была та трудная работа надъ собой, то покаянiе, къ которому, быть-можетъ не совсѣмъ ловко, не изячно призывалъ, но въ-время и вѣрно звалъ насъ Гоголь. Обличая другихъ, на самого себя никто изъ насъ не оглянулся. А между тѣмъ, по слову великаго германскаго поэта, „хочешь узнать себя, изучай другихъ, хочешь узнать другихъ, заглядывай почаще въ свое собственное сердце“. Отчего, спрашивали мы другъ друга, съѣхалась толпа, спугались экилажи, залрудивъ цѣлую

улицу? Да оттого что каждый изъ возницъ, распусгивъ свои отвѣнные вожжи, давалъ совѣты, можетъ и полезныя, другимъ, тоже зазѣвавшимся возницамъ.

Корневъ и брагія, вѣруя въ мощь британскаго сердца вѣдца, ждали отъ него спасенія. Онъ внесетъ свѣтъ въ общество, онъ прояснитъ слутанныя понятія большинства о долгѣ, нравственности и т. л. Нѣтъ; не помогъ бы намъ тогда и сердце вѣдецъ; намъ нуженъ былъ луть опыта; его-то и послало Провидѣніе, хранящее Россію.

Въ комнату, гдѣ сидѣли пирующіе, вошелъ старикъ, слуга Корнева.

— Насилу отыскалъ я васъ, Григорій Сергѣевичъ, сказалъ онъ, подавая пакетъ.

Корневъ распечаталъ.

— Телеграмма, господа, отъ одного дальняго Москвича: „Поздравляю дорогихъ товарищей со столѣтіемъ нашего, вѣчно юнаго, незабвеннаго старца, Московскаго университета; далеко я отъ васъ, но душою съ вами. Владиміръ Лучаниновъ.“

Къ Корневу подошелъ молодой человекъ въ черномъ фракѣ, сидѣвшій весь обѣдъ молча въ концѣ стола.

— Позвольте мнѣ назвать себя; я докторъ Н. Скажите, гдѣ Владиміръ Алексѣевичъ? Я оосвѣмъ потерялъ его изъ вида.

— А вы давно знакомы съ нимъ? спросилъ Корневъ, назвавъ свое имя и сказавъ гдѣ находится Лучаниновъ.

— Я познакомился съ Владиміромъ Алексѣевичемъ въ грустные для него дни; я находился при кончинѣ отца его, отвѣчалъ врачъ;—Владиміръ Алексѣевичъ заболѣлъ тогда самъ. Какъ теперь его здоровье.

Корневъ разказалъ о поѣздкѣ Лучанинова въ Италію.

— Теперь онъ здоровъ, кажется, заключилъ онъ,—здоровъ тѣломъ, но нравственно, вѣроятно, не оосвѣмъ; вы знаете что съ нимъ случилось?

— Какъ не знать, отвѣчалъ докторъ.—Не знаю я, увѣдомленъ ли онъ что Тарханковъ ослариваетъ духовное завѣщаніе, на томъ основаніи что оно сдѣлано на имя Лучаниновыхъ, а не Лучаниновскихъ, какъ, согласно метрическимъ книгамъ, должны именоваться братья? Вѣдь, сохрани Богъ, если нарушатъ завѣщаніе; они лишатся дома, послѣдняго, небольшого капитала что въ совѣтѣ, и движимости.

— Неужели это можетъ случиться? спросилъ Корневъ.

— Послѣ того что съ ними сдѣлано, все возможно, отвѣчалъ врачъ.

— Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же нужно написать ему, говорилъ Корневъ.—А вы напишите съ своей стороны; я дамъ вамъ его адресъ.

Врачъ обѣщалъ. Онъ разказалъ что Тарханковъ долженъ быть въ Москвѣ.

— Я знаю; онъ вѣдь сдѣлался поставщикомъ на армію. Непостижимая алчность! говорилъ Корневъ.—Куда еще? Вѣдь онъ даже не семейный, и я не знаю кто послѣ него наслѣдники?

— Богатые не остаются безъ наслѣдниковъ, найдутся, отвѣчалъ докторъ.—Я объясняю не одною алчностью эти подвиги Тарханкова; мнѣ кажется, скорѣе это месть; говорятъ, между покойнымъ Лучаниновымъ и имъ была какая-то крупная размолвка.

— Это еще подлѣе, если правда; мстить умершему вслѣдствіе произнесъ Корневъ.—Это уже даже что-то такое мнѣ неловятое.

— Въ томъ-то и дѣло, старожилы говорятъ что правда, отвѣтилъ врачъ.—А жадность вотъ какая, я не хотѣлъ разказывать, но вамъ такъ и быть разкажу.

И докторъ разказалъ какъ Павелъ Ивановичъ, платя ему однажды за визиты, ввернулъ двадцати-пяти-рублевую бумажку безъ подписи кассира.

Обѣдавшіе скоро разѣхались по домамъ; праздникъ вообще какъ-то не ладился; сошедшіе послѣ многолѣтней разлуки товарищи находили много перемѣвъ другъ въ другъ; во многихъ не было и намека на юную душевную свѣжесть; опытъ и жизнь значительно погнули убѣжденія. „Много воды утекло“, толковали между собою бывшіе товарищи. „Воды бы не бѣда, а сколько святаго, чистаго, дорогаго утекло куда-то у насъ“, думалось нѣкоторымъ, если не всѣмъ почти. Шеломъ начинали поговаривать въ обществѣ объ освобожденіи крестьянъ; нѣкоторые изъ молодежи, изъ профессоровъ, горячо сочувствовали этому, другіе поговаривали: „не раненько ли? Надо это дѣлать, не слѣша и т. д.“ Люди солидные просто не вѣрили въ возможность освобожденія. „Улита ѣдетъ“, говорили они, „когда-то будетъ“. О войнѣ толковъ было много; большинство общества, не ожидавшее сначала широкихъ размѣровъ какіе приняла военныя дѣйствія, сѣтовало зачѣмъ начата война и желало примиренія.

Между товарищами много было теплыхъ, радостныхъ встрѣчъ, много и грустныхъ и смѣшныхъ; такъ, какое-нибудь важное лицо, вскрѣтивъ однокурсника, засѣвшаго на лѣстницѣ чинововышенія на стелени коллежскаго секретаря или титулярнаго, протягивало ему съ высоты руку, милостиво замѣчало даже: „да, тридцать лѣтъ съ тѣхъ лоръ какъ мы... А кажется, давно ли?“—Да, время летитъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ нечиновный однокурсникъ. „Помните такого-то? Такого?“ спрашивало лицо.—Какъ же, ваше превосходительство. — „За чѣмъ вы называете меня превосходительствомъ? Здѣсь мы товарищи,“ замѣчалъ савонникъ. Нечиновный краснѣлъ, а лицо, очень довольное своею гуманностью, пожалъ ему еще разъ руку, отходило къ кучкѣ болѣе соответствующихъ по чину и положенію въ обществѣ однокурсниковъ. Ученые, достигшіе степеней и кафедръ, съ нѣкоторою гордостію посматривали на людей перемѣстившихся со студенческой скамьи на стулъ писмоводителя или въ тарантасъ чиновника для особыхъ порученій. Прежніе профессора не узнавали многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. „Ивановъ, Петровъ? Вы въ которомъ году кончили? Не помню“, отвѣчали они наломившимъ о себѣ слушателямъ. Одно, положимъ теплое, воспоминаніе о прошломъ не могло дать единства, связи этому, разбросанному жизнью, обстоятельствами, обществу; такую связь даетъ только общее, завѣтное дѣло. А его-то и не было. Силы были готовы, но онѣ еще не вызваны были на работу; молодые рабочіе сидѣли подлѣ старыхъ, начинающихъ кой-гдѣ обваливаться зданій, въ ожиданіи дѣла; съ завистью поглядывала молодежь на товарищей старцевъ, украшенныхъ медалями двѣнадцатаго года. „Они вотъ сдѣлали свое; а мы чѣмъ отличились? Чѣмъ отличимся?“ раздался у молодаго поколѣнія вопросъ. Широкое полрище труда, своего рода мирный двѣнадцатый годъ, ожидавшій всѣхъ ихъ впереди, тогда еще былъ, думалось, за горами.

Уже стемнѣло, когда докторъ и Корневъ молча шли съ обѣда по троттуару. Григорій Сергѣевичъ думалъ отчасти о себѣ (его житейскія дѣла тоже были не совсѣмъ красивы), отчасти о Владимірѣ Лучаниновѣ. „Плохо какъ-то живется, почти всей кучкѣ нашей“, думалъ онъ. „Воспитываетъ ли насъ судьба уроками и бичеваніемъ для будущаго, или просто колотитъ оттого что мы ей первые попали, случайно, подъ руку? Посмотришь на довольно сіяющія лица иныхъ“...

И онъ припомнилъ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ сейчасъ чиновниковъ, дворянъ, учѣныхъ.

„Вѣдь, любо-дорого смотрѣть: спокойны, веселы, не бѣгутъ за призраками, не отыскиваютъ идеаловъ какъ мы, а строятъ себѣ прочныя каменные дома, кладутъ капиталы въ совѣтъ, приобрѣтаютъ чины, кресты, мѣста доходныя. Да, я бы уступилъ имъ, пожалуй, эти блага, еслибы зналъ, по крайней мѣрѣ, что приношу обществу, кому-нибудь, несомнѣнную пользу своею дѣятельностью. А то, вѣдь, и этого вѣтъ.... Сегодня споришь, говоришь, завтра, послѣ завтра то же.“

— О чемъ вы такъ задумались? спросилъ медикъ.

— Задумался я, докторъ, объ общемъ нашемъ пріятелѣ Лучаниновѣ, отвѣчалъ Корневъ.—Да и о себѣ, кстати; вѣдь я,— вотъ вы меня, правда, не знаете,—немного въ томъ же стилѣ въ какомъ онъ; гляжу я на другихъ: всѣ люди какъ люди, тотъ литераторъ, вы, вотъ, медициною, другой законовѣднѣе заняты. Чтѣ мы такое съ нимъ? заключилъ Корневъ, неожиданно остановившись предъ докторомъ.

— Какъ чтѣ? Да, вы, вѣдь, математикъ? спросилъ докторъ.

— Да, вѣдь, и Лучаниновъ юристъ. Но чтѣ жъ изъ этого? Вѣдь это то же чтѣ ярлыкъ съ надписью: „медокъ“, а въ бутылкѣ—то какая-нибудь смѣсь. Вѣдь это сдѣлалось совершенно случайно, и пренеудачно сдѣлалось, отвѣчалъ Корневъ.— Я, напримѣръ, я знаю математику порядочно, но я не такъ люблю ее какъ, напримѣръ, искусство; а между тѣмъ эта любовь какая-то безцѣльная, такъ—сказать, платоническая. А Лучаниновъ?

— Онъ вѣдь, кажется, имѣеть даръ писать? перебилъ докторъ.

— Писать? Вы его, стало-быть, не знаете. Вѣдь его не удовлетворяютъ гладкіе стихи, или обличительныя разказы про чиновниковъ, а между тѣмъ, важнѣе что-нибудь, такое чтобъ удовлетворило его собственному запросу, онъ написать, самъ знаетъ, не въ состояніи. Какой же толкъ, я васъ спрошу, въ подобномъ дарѣ? Онъ разъ мнѣ говорилъ, правда шутя, продолжалъ послѣ небольшого молчанія Корневъ.— „природа“, говоритъ, „прежде нежели создаетъ поэта, вообще замѣчательнаго, дѣльнаго человѣка, должно-быть, дѣлать предварительно, какъ скульпторъ, эскизы будущаго творенія; такъ вотъ“, говоритъ, „я и есть одинъ изъ этихъ эскизовъ; порядочный

эскизъ, но все еще чего-то не хватаетъ до художественнаго, вполне оконченнаго творенія“. Вѣдь въ этой шуткѣ, докторъ, можетъ быть истина.

Докторъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— Нѣтъ, право, продолжалъ Корневъ,—мнѣ думается иногда что это истина; какъ будто слышишь въ себѣ силы и на то, и на другое; примешься за дѣло къ которому тянетъ,—не выходитъ ничего. Или вотъ это надримѣръ: вы не туда идете, я сейчасъ увижу, осерегу васъ, крикну: „не туда,“ а самъ колесишь цѣлые года, десятки лѣтъ, или стоишь, какъ олухъ, на распутіи.

— Время такое, замѣтилъ докторъ;—вѣкъ не выработалъ ничего твердаго, опредѣленнаго.

— Врядъ ли? возразилъ Корневъ.—Иначе, что жъ это за положеніе? Я, мыслящее существо, проживу вѣкъ свой ничего не произведя; такъ-таки и простою, лѣтъ семьдесятъ, въ какой-то нерѣшимости. Мнѣ кажется, не можетъ даже быть такого времени; всякій вѣкъ, всякое поколѣніе, должно же выжить что-нибудь опредѣленное. Вотъ развѣ допустить по Лучанинову что наше поколѣніе не что иное какъ эскизъ, этюдъ грядущаго, въ миниатюрѣ, окончилъ, грустно разсмѣявшись, мыслитель. — Однако я могу наскучить вамъ своею іереміадою. А Лучанинову-то напишите; я тоже напишу. Надѣюсь, до свиданія?

Докторъ обѣщалъ быть у Корнева, взялъ его адресъ, и молодые люди сѣли на извозчиковъ. Грустный воротился Корневъ въ свой номеръ.

— Прикажете самоваръ поставить? спросилъ было старикъ слуга.

— Не надо, отвѣчалъ Григорій Сергѣевичъ.

Сбросивъ фракъ, онъ легъ на диванъ, положивъ руки подъ голову. „Недавно вышли мы изъ университета“, продолжалъ онъ свои размышленія, „а между тѣмъ уже почти чужіе среди новаго поколѣнія; его идеалы ужъ не наши; и никому не передано нами ничего изъ своего; еще лѣтъ двадцать, какое, меньше, десять,—и памяти не будетъ о надеждахъ, о мечтахъ; уже пошла толпа другою дорогою; наша, не сегодня, завтра, заростетъ быльемъ. Замѣтитъ ли хоть заблудившійся: „а, вѣдь, тутъ шли, когда-то, люди? Вотъ слѣды.“ Или такъ и сравнивается съ широкою стелью наша тропка? А можетъ-быть, какъ знать, еще съ насмѣшкой укажетъ на нее юное поколѣніе:

„вонъ-де, гляди, куда цѣхъ понесло было; въ какую глушь непроходимую, въ трущобу“?

Не долго належалъ однако Корневъ. „Какъ, чортъ возьми, эстетическое образованіе не важно?“ всломнилъ онъ слова естествоиспытателя на обѣдѣ, и вскипятился.

— Дай мнѣ сюртукъ, сказалъ онъ старику, лежавшему въ передней съ книгою.

Слуга подаль. Надѣвая сюртукъ, Корневъ сообразилъ гдѣ бы вѣрнѣе отыскать естествоиспытателя; за тѣмъ онъ надѣлъ шляпу, шубу и увѣхалъ.

— Это, значить, до пяти утра, проговорилъ слуга, махнувъ рукою и доставая изъ комода чайницу.

На Тверской, въ одной изъ любимыхъ въ то время помѣщиками московскихъ гостиницъ, первая комната нумера въ бель-этажѣ уставлена была чемоданами, сундуками; кожаный футляръ для шляпы, погребецъ обтянутый тюленьюю шкурою, стояли на окнѣ; по стульямъ тщательно были разложены жилеты, сюртуки, подтяжки; на полу стояло нѣсколько паръ сапоговъ, вычищенныхъ какъ зеркало. На одномъ изъ сундуковъ сидѣлъ, пригорюнясь, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ красноватымъ нѣсколько лицомъ и тщательно выбритымъ подбородкомъ; черные съ просѣдью волосы сидящаго торчали клочками въ разныя стороны и походили скорѣе на мѣхъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря чѣмъ на волосы. Несмотря на нѣкоторую перемѣну въ костюмѣ, состоящемъ теперь изъ длиннаго, сѣраго суконнаго сюртука и русскихъ дорожныхъ сапоговъ, на перемѣну въ лицѣ, проявлявшемъ, вмѣсто прежняго соннаго, сосредоточенно задумчивое выраженіе, читатель все-таки узналъ бы въ сидящемъ стараго знаконца Василья Семенова; но это былъ далеко уже не тотъ Василій который умолялъ когда-то Тимошеича дать чрезъ перышко хоть полстаканчика; замѣтно было что онъ давно оставилъ несчастную привычку пить и, какъ это бываетъ съ бросившими вино пьяницами, сильно измѣнился: отекъ въ лицѣ исчезъ, въ бѣлкахъ глазъ не было прежнихъ кровавыхъ жилокъ, вмѣсто дикаго, звѣрообразнаго выраженія въ самыхъ глазахъ, появилась не то задумчивость, не то кротость; такъ точно глядитъ человѣкъ проснувшись послѣ долговременнаго, крѣпкаго сна. „Однако я всхрипнулъ порядкомъ“, думаетъ очнувшійся, потирая рукою себѣ лобъ, глаза, чтобы скорѣй отдѣлаться отъ челуки

блуждающихъ еще въ мрзгу неясныхъ, странныхъ сновидѣнй. Василій даже похудѣлъ и казался выше ростомъ.

— А что, часовъ двѣнадцать есть? спросилъ онъ вошедшаго въ номеръ камердинера.

— Перваго тридцать двѣ минуты, отвѣчалъ камердинеръ, посмотрѣвъ на карманные часы и сѣвъ на стулъ подлѣ окошка.

Василій Семеновъ досталъ изъ задняго кармана табатерку, полюхалъ, кашлянулъ раза два, поднялъ съ полу веревочку и сталъ ее обматывать зачѣмъ-то вокругъ пальца. Камердинеръ, задумавшись, глядѣлъ въ окно; оба молчали; замѣтно было что, находясь постоянно въ дорогѣ tête à tête, они другъ другу страшно надоѣли.

Минуть черезъ пять въ корридорѣ раздались скорые шаги и голосъ Павла Ивановича; камердинеръ побѣжалъ отворить дверь; Василій Семеновъ поднялся съ своего мѣста и пригладилъ рукой, впрочемъ совершенно напрасно, непослушные волосы. Сбросивъ шубу, Тарханковъ вбѣжалъ въ комнату.

— Полправъ, братецъ, ты галстукъ, замѣтилъ онъ мимоходомъ Василью Семенову.

Огперевъ дверь сосѣдней второй комнаты, Павелъ Ивановичъ исчезъ и чрезъ двѣ минуты крикнулъ камердинеру: „дай мнѣ переодѣться“.

„Дался ему этотъ галстукъ“, думалъ, передвинувъ напередъ сѣзжавшій поминутно набокъ узелъ чернаго платка, Василій Семеновъ; съ галстукомъ вообще онъ никакъ не могъ сладить и постоянно вызывалъ этимъ замѣчаня Павла Ивановича. Черезъ четверть часа Тарханковъ вышелъ во фракъ, выправляя нарукавники рубашки; камердинеръ вынесъ вслѣдъ за нимъ килу бумагъ и положилъ на ломберный столикъ, стоявшій между окнами.

— Вотъ видишь, братецъ, началъ Павелъ Ивановичъ, обратившись къ Василью и отогнувъ первый листъ верхней тетради,—этотъ счетъ ты мнѣ провѣрь; потомъ выбери каждый матеріалъ отдѣльно, выставь цѣны утвержденныя казной и подведи итоги. Понимаешь?

— Понимаю, отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Сдѣлавъ это, ты напишешь отвѣты, согласно моимъ резолюціямъ, поставщикамъ; всего шесть писемъ, кажется.... Вотъ онѣ, эти бумаги, говорилъ Павелъ Ивановичъ, передвигывая не безъ удовольствія толстыя тетради. Онъ любилъ переписку и слова: „резолюція, проектъ, бумаги“, и т. п. — Потомъ

составъ ты мнѣ коротенькій проектъ доклада комиссаріату объ этихъ, принятыхъ на дняхъ, знаешь, шивеляхъ. Слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ, проворно откашлянувшись въ сторону, Василій Семеновъ.

— Только секретную корреспонденцію положи отдѣльно, и черновыя, и письма; у тебя портфель съ замочкомъ?

— У меня, здѣсь въ сундукъ, отвѣчалъ Василій Семеновъ, — ихъ людшить сначала надо и перенумеровать.

— Да, да, подшей, говорилъ, перебирая съ какою-то нѣжностью листы, Тарханковъ.—Нѣкоторыя изъ секретныхъ можно бы уничтожить? А?

— Да, какъ прикажете, буде угодно.

— Ну да, подшей покуда всѣ (Тарханкову было жаль уничтожать чины превосходнымъ шрифтомъ писанныя письма); тутъ нѣкоторыя вмѣстѣ съ росписки въ полученіи. Оставь покуда, я ихъ самъ пересмотрю.

— Слушаю, отвѣчалъ Василій Семеновъ, доставая изъ сундука портфель, причемъ узелъ шейнаго платка олять съѣхалъ совсѣмъ на сторону.

— Гаастукъ, произнесъ Павелъ Ивановичъ, взглянувъ на подошедшаго къ столу съ портфелемъ своего министра.

— Ключикъ у васъ; позвольте, произнесъ Василій, передвинувъ велослушный узелъ гаастука.

Павелъ Ивановичъ, отдѣливъ отъ связки брелоковъ небольшой, фигурный ключикъ, отдалъ его письмоводителю; въ это время камердинеръ подалъ ему записку; Павелъ Ивановичъ прочелъ.

— Кто это? Человѣкъ принесъ?

— Точно такъ; коридорный изъ гостиной, отвѣчалъ камердинеръ.

— Скажи что я сейчасъ буду у Василья Савельича. Карету ты не отпустилъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Сейчасъ я буду. Вотъ что еще, обратился Тарханковъ снова къ своему дѣлопроизводителю, чинившему перо подлѣ окошка,—сходи, братецъ, ты завтра въ думу и узнай здѣшнія цѣны на крупу, на муку, масло. Мнѣ нужно это для... Узнаешь, и тогда перепиши мнѣ на особой тетрадкѣ, вотъ сообразно этому, сдѣлай графу, и въ ней противу каждаго предмета....

— Понимаю, перебилъ Василій Семеновъ.

Письмоводитель звалъ страсть барина къ тетрадамъ разграфленнымъ красными и зелеными линейками и, надо отдать полную справедливость, умѣлъ угодить ему. Страсть къ разграфленнымъ тетрадамъ Тарханковъ имѣлъ еще будучи поручикомъ; онъ не могъ пройти мимо бумажной лавки безъ того чтобы не зайти, и если не купить, то хоть полюбоваться на переплетенныя книги и книжечки съ красными, иногда голубыми и зелеными графами; онъ любовался клѣтчатými страницами счетной книги, какъ знатокъ любитъся рѣдкимъ встампомъ или картиной.

Василій Савельевичъ, отъ котораго была полученная Тарханковымъ сейчасъ записочка, прибылъ въ Москву отчасти по вызову Павла Ивановича; нужно сказать что у послѣдняго былъ замыселъ (делъемый покуда втайнѣ) сдѣлаться главнымъ поставщикомъ всей дѣйствующей арміи. Аристарховъ поэтому нуженъ былъ ему для дѣйствій въ Петербургѣ; для того чтобы подешевле залучить, а главное заинтересовать адвоката въ дѣлѣ, Тарханковъ придумалъ завлечь его въ предпріятіе, обѣщавъ, разумеется, и даже обезлечивъ крупныя проценты. „Свой капиталъ, заложенный въ предпріятіе, заставитъ его хлопотать прилежнѣе чѣмъ самая высокая плата; да и надувать меня будетъ ему труднѣе: не будетъ же онъ самъ себя обманывать?“ думалъ Павелъ Ивановичъ, и думалъ не безъ основанія.

— Чтѣ я еще хотѣлъ? соображалъ Тарханковъ, надѣвая шубу.— Ахъ, да, квитанціи получены въ пріемъ кожи?

— Получены-сь, отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Прекрасно.... Сдѣлай же чтѣ я тебѣ сказалъ, проговорилъ Павелъ Ивановичъ, надѣвъ шляпу и выбѣгая въ коридоръ.

Камердинеръ любѣжалъ провожать его. Василій Семеновъ досталъ изъ сундука походную чернильницу, попробовалъ на ногтѣ очиненное перо, понюхалъ и усѣлся за работу. И принялась, засучивъ длинный рукавъ спортука, то крехтя, то нюхая табакъ, графитъ, скрипѣть перомъ, точно лущенная въ полный ходъ машина, работать свою безцѣльную, сухую работу подслудная сила. Готовые листы то и дѣло, словно изъподъ скоролечатной машины, вылетали на другой незанятый конецъ стола; щелкали счеты: „четыре тысячи, да пять тысячъ шестьсотъ рублей“, шелталъ Василій Семеновъ, потирая себѣ лобъ; „итого девять тысячъ шестьсотъ рублей;

такъ, кажется, не обсчитался. "Выставивъ итогъ, онъ награждалъ себя щелоткой табаку, кряхтѣлъ и принимался за другіе итоги. Какой итогъ поставитъ онъ въ концѣ своей тоскливо-болѣзненной и никому ненужной жизненной страницѣ? Что выведетъ онъ самъ, другіе, изъ этой пятидесятилѣтней, безпощадной атаки судьбы? Трудно рѣшить это.

Между тѣмъ извоицичья карета Павла Ивановича, проѣхавъ нѣсколько вдоль Тверской, повернула направо и остановилась у подъѣзда гостиницы Шевалье. Тарханковъ, отдавъ шубу швейцару, вбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, и посмотрѣвъ цифру на двери, вошелъ въ одинъ изъ номеровъ.

— Пожалуйте, сказалъ ему слуга, сидѣвшій въ передней.

Пройдя небольшую приемную, Павелъ Ивановичъ, пріосаясь, вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, предъ пылающимъ каминомъ, въ бархатномъ черномъ пиджакѣ, сидѣлъ, развалился въ креслѣ, съ сигарою, Аристарховъ.

— Здравствуйте, началъ, намѣреваясь приподняться, адвокатъ.

Но Павелъ Ивановичъ, не допустивъ приподнятія, поцѣловалъ его сидячаго троекратно въ обѣ, прекрасно выбритыя, раздушенныя щеки.

— Давно ли вы? спросилъ онъ, улыбаясь и садясь въ кресла:— я, признаюсь, никакъ не думалъ что.... такъ скоро вы....

— Сегодня въ ночь. Да я, вѣдь, не изъ Петербурга; я былъ въ Орлѣ, былъ въ Тулѣ у одного помѣщика. Но дорога! Это, я вамъ говорю, адъ; разбита такъ что наказаніе, отвѣчалъ Аристарховъ.—И послѣ желѣзной дороги, вообразите, эдакое безобразіе.... И гдѣ же это? Подъ Москвой; дивы бы гдѣ-нибудь подъ Чухломой. Нѣтъ, Петербургъ нашъ, какъ же это можно?... Москва.... Кто это, Пушкинъ, кажется, сказалъ: „большая деревня?“ Пушкинъ, кажется? повторилъ онъ, обратясь къ молодому человѣку, во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, сидѣвшему въ нѣкоторомъ отдаленіи, на стулѣ.

— Такъ точно, Пушкинъ, отвѣчалъ, улыбувшись, молодой человѣкъ.

— Да; онъ.... Но, гениально сказано... Деревня. Именно, „большая деревня“, продолжалъ Аристарховъ, укладывая ноги, обутыя въ расшигныя серебромъ туфли, на сосѣдній стулъ.

— Вы, Петербуржцы, нападаете, началъ Павелъ Ивановичъ, поставивъ на ларкетъ шляпу и доставая палатроску.

— Да вѣтъ, ломаясь, продолжалъ Аристарховъ;—какъ вы хотите, думаешь „столица“, и вдругъ проѣзда вѣтъ подъ самымъ городомъ; потомъ, взгляните вы на тротуары.

— Да, тротуары, дѣйствительно, робко подтвердилъ молодой человѣкъ.

— Да какъ же? одобрительно взглянувъ на него, перебилъ Аристарховъ.

Молодой гость, почтительно дослушавъ послѣдующія за этимъ порицанія Москвы, поднялся съ мѣста.

— Такъ вы мнѣ позволите надѣяться, Василій Савельичъ? робко произнесъ онъ.

— Я напишу, отвѣчалъ Аристарховъ, дѣлая поклонъ въ сидячемъ положеніи.—Я всегда радъ быть полезнымъ молодежи. До свиданія въ Петербургѣ.

Молодой человѣкъ откланялся и вышелъ.

— Кто это? спросилъ Павелъ Ивановичъ, закуривая у камина палироску.

— Одинъ, кончившій курсъ въ какомъ-то лицѣѣ, кажется.. Ищеть мѣста при.... Ко мнѣ прислалъ его графъ Андрей Юрьевичъ... Ко мнѣ вѣдь поминутно, говорилъ Василій Савельевичъ, разваливаясь такъ что затрещала ручка кресла. Но, удивительно, продолжалъ онъ;—я часто думаю: чему ихъ учать? Бываютъ у меня съ просьбами университетскіе, магистры, доктора правъ... Ни малѣйшихъ, знаете, жизненныхъ, практическихъ понятій, а вѣдь.... Вотъ этотъ еще скромненькъ... А другіе сейчасъ же разсуждать, чуть-чуть не въ Гумбольдты... И достается же подчасъ имъ отъ меня; возьмешь эдакаго хвата: „ну ка, братъ...“ Спросишь о томъ, о другомъ, глядишь, и прикусилъ языкъ... А доктора, магистры!

— Отвлеченность, произнесъ Павелъ Ивановичъ и нѣсколько перелугадся, какъ бы не довелось поддерживать ученый разговоръ.—Такъ вы еще не выѣзжали никуда? Ни съ кѣмъ не видѣлись?

— Ни съ кѣмъ. Разбило; я въ возкѣ, но, я вамъ говорю, дорога, отвѣчалъ Аристарховъ.—Ни съ кѣмъ.... Да и когда же? Впрочемъ, такъ черезъ часъ думаю выѣхать.

— Вы получили мои письма оба? спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— Да, получилъ; впрочемъ, послѣднее мнѣ переслали уже въ Тулу, отвѣчалъ Аристарховъ.— Но, признаюсь вамъ, у

меня такъ много дѣлъ что... Вѣдь и въ Москву я не поѣхалъ бы, но совпалъ, случайно, процессъ одного близкаго пріятелиа... Да, вѣрно, вы знаете? Князь Александръ.

Имя князя Аристарховъ произнесъ нѣсколько въ нось, желая, вѣроятно, показать этимъ собесѣднику свою привычку къ французскому произношенію. Вообще онъ держалъ себя еще развязнѣе прежняго, несмотря на то что значительно постарѣлъ.

— Нѣтъ; я его не знаю, отвѣчалъ Тарханковъ.

— Это одинъ.... Вотъ онъ и упротилъ меня: „сѣзди, говоритъ, пожалуста, mon cher.“ Мы съ нимъ давнишніе друзья; отказать не хотѣлось, тѣмъ болѣе отъ Тулы... А такъ я не поѣхалъ бы, равнодушно говорилъ Аристарховъ.

Тарханковъ каплянулъ, какъ будто полерхнувшись равнодушною рѣчью адвоката.

— Предпріятіе, Василій Савельевичъ, началъ онъ, придвигая свое кресло ближе къ адвокату;—вы, вѣроятно, усмотрѣли частію изъ моихъ писемъ, хотя въ писемѣ, конечно, многого не выразишь, но все-таки вы, съ вашимъ проникательнымъ умомъ, могли уразумѣть, такъ выражусь, что можно тутъ извлечь. Изъ благодарности, послѣ того что сдѣлали вы для меня и для покойнаго моего брата, я, просто, не осмѣлился, такъ сказать, не предложить вамъ быть участникомъ тѣхъ выгодъ которыя....

Павелъ Ивановичъ, не кончивъ, выразилъ мимически, улыбочкой и особымъ покачиваніемъ головы, краснорѣчивѣе словъ, очевидность выгодъ ожидаемыхъ отъ предпріятія. Аристарховъ зѣвнулъ.

— Да; но, знаете, подрады.. Положимъ, дѣло для меня не новое, но... И потомъ, говорилъ онъ, разглядывая свои шитыя туфли....

—Дѣло я беру всецѣло на себя, перебилъ Тарханковъ, подпрыгнувъ, вмѣстѣ съ кресломъ, почти къ самому носу адвоката;—выгоды общія; вы будете, конечно, получать отчеты.... Положа руку на сердце, продолжалъ онъ, прижавъ дѣйствительно рукою лѣвый бортъ фрака,—я васъ зову, смѣю увѣрить, изъ признательности... Имѣя эдакой, я прямо скажу, кладъ въ рукахъ (при этомъ онъ взглянулъ на двери), мнѣ было бы вѣдь непростительно не пригласить васъ быть участникомъ....

У Павла Ивановича даже выступилъ потъ на лицѣ; ему, какъ мы уже говорили, трудно доставалось краснорѣчіе; онъ вытеръ потъ платкомъ и вопросительно глядѣлъ на повѣсившаго на бокъ сѣдую, стриженую голову, собесѣдника.

— Я очень благодаренъ вамъ, началъ наконецъ, сложивъ на груди руки, Аристарховъ.—Но вы подумайте, на что мнѣ? Я одинъ.... Вдовець бездѣтный, грустно окончилъ онъ.

— Какъ, развѣ? съ притворнымъ участіемъ спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— Да, повѣсивъ еще ниже стриженую голову, отвѣчалъ Аристарховъ.—Это былъ ангелъ во плоти, не женщина; подобной кротости, ума, и при умѣ,—вотъ рѣдкость въ чемъ,—смиренія, любви, я не встрѣчалъ. Да и не встрѣтишь.... Слѣдовательно: „на что тебѣ?“ нерѣдко думаешь. „Ты одинокъ, ты не молодъ.“

— Но почему жь, однакожь, если.... началъ было Тарханковъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, перебилъ его, меланхолически покачивая головой адвокатъ;—право; не въ золотѣ, не въ немѣ,—какъ далеко не въ немѣ!—лежатъ основы человѣческаго счастья.

„Какая шельма“, думалъ Тарханковъ, стараясь въ то же время изобразить на лицѣ выраженіе хоть сколько-нибудь соотвѣтствующее произнесенному чувствительному монологу.

— Да, да; какъ иногда подумаешь, вотъ эдакъ, продолжалъ Аристарховъ:—вѣчность... что въ сравненіи съ ней наша жизнь, наши стремленія, заботы, хлопоты? говорилъ онъ, точно отбрасывая каждое слово кивками головы.—Что предъ ней, предъ этимъ, такъ сказать, неизмѣримымъ не только чувствами, но и умомъ просторомъ? И скажешь, поневолѣ скажешь, почтеннѣйшій, съ еkkлeсіастомъ: суета суетствій, всяческая суета, окончилъ онъ, вытянувъ шею и посмотрѣвъ прямо въ лицо Павлу Ивановичу, покуривавшему папироску.

— Дѣйствительно, что наша жизнь и окружающее, отозвываясь, застигнутый врасплохъ глубокомысленною метафизикой собесѣдника, Тарханковъ,—есть....

— Да нѣтъ; не то что мы.... Мы, люди, вѣчны; но мѣръ, вселенная, продолжалъ метафизикъ:—песчинка вѣдъ; не только видимое нами, а вселенная.... Сравните съ вѣчностью, сопоставьте. Что она?

— Песчинка, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, осаждаемый философійю адвоката.—Вы совершенно справедливо....

— А человекъ, продолжалъ Аристарховъ, отваливаясь къ спинкѣ кресель, — что же онъ, даже въ сравненіи съ какимъ-нибудь, ну, хоть слономъ?

„Возри въ дѣсахъ на бегемота,

неожиданно задекламировалъ онъ,

„Что Мною сотворенъ съ тобой.

„Колючій тернъ его охота

„Безвредно полизать ногой.

Старина, а я люблю... Или, продолжалъ онъ, оборотившись къ Тарханкову.

„Ты можешь ли девиафана

„Удою вытащить на брегъ?“

Тарханковъ вздохнулъ и поглядѣлъ на декламатора, какъ бы отвѣчая ему безъ словъ: „гдѣ же мнѣ вытащить? Не вытаскивать“. Онъ начиналъ теряться, рѣшительно недоумѣвая что ему дѣлать, какъ держать себя мало-мальски соотвѣтственно восторженному настроенію нужнаго ему человека. Къ его счастью, Аристарховъ нѣсколько успокоился; поза его и особенно грустная улыбка съ которою, послѣ стиховъ, глядѣлъ онъ на слушателя, выражали: „гдѣ вамъ, профанамъ, понимать такія высокія вещи. У меня вѣдь это все прочувствовано, а вы... Вы дѣти міра сего.“

— Вотъ я еще, робко, послѣ непродолжительной паузы, которая нужна была чтобы приличіе перейти отъ предметовъ возвышенныхъ снова къ земному, началъ Павелъ Ивановичъ, — я хотѣлъ еще напомнить вамъ, почтеннѣйшій Василій Савельевичъ, насчетъ этихъ свидѣтельствъ...

— Лучаниновскихъ? спокойно докончилъ адвокатъ.

— Да. Вѣдь они болѣе вамъ не нужны? И потому, по условію, вы помните, они должны быть... уничтожены...

— Я этого не помню. Нѣтъ, не нужны. Вы знаете, старшій Лучаниновъ... Какъ его? Владиміръ, кажется? Былъ у меня.

— У васъ? чуть не вскочилъ со стула, но тотчасъ спохватившись и, чтобы скрыть смущеніе, откашлявшись, спросилъ Тарханковъ. А... развѣ онъ былъ въ Петербургѣ?

— Былъ; былъ у меня, отвѣчалъ, потряхивая часовую цѣпь, Аристарховъ. — Вы съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ. Я видалъ его, когда онъ былъ еще ребенкомъ... Потомъ, я не могу до сей поры понять, покойный братъ,

Алексѣй Андреевичъ, началъ меня какъ-то дичиться. Оклеветали, вѣроятно всею, меня.... Между тѣмъ я не питаю ничего кромѣ родственнаго расположенія и уваженія къ достоинствамъ покойнаго.

— Славный молодой человекъ. Должно-быть, повгическая чистая натура.... Я вамъ совѣтую съ нимъ познакомиться. Вы съ нимъ сойдетесь.

Павель Ивановичъ нѣсколько сконфузился.

— Да, я желаю, началъ онъ.... Мнѣ хочется, надо бы даже кое-что сдѣлать, но вотъ все....

— А какъ однакоже сейчасъ видна, перебилъ его Аристарховъ,—эта божественная искра въ человекѣ; въ лицѣ, въ глазахъ, даже въ манерахъ у него есть что-то эдакое, добавилъ онъ весь выпрямившись и величественно отделивъ торсъ отъ спинки кресла.

Тарханковъ наоборотъ съежился, почувствовавъ себя въ рукахъ у адвоката; холодный потъ выступилъ у него на лицѣ. Аристарховъ минуту съ пять сохранялъ свою величественную позу. Озаренный яркимъ пламенемъ камина, онъ походилъ на появившагося во всемъ адскомъ величии Саміеля въ *Волшебномъ стрѣлкѣ*. Павель Ивановичъ все болѣе и болѣе, напротивъ, чувствовалъ себя въ положеніи мыши попавшей въ безлощадные когти сибирскаго кота; вотъ, выпустивъ не надолго свою жертву, лежитъ онъ, потѣшаясь надъ ея предсмертнымъ страхомъ. „Гдѣ мнѣ съ тобой тягаться?“ думалъ Тарханковъ, отирая потъ съ лица;—ты и породы, вѣдь, той самой о которой сказано что у ней руки загребуція. Гдѣ намъ, благороднымъ, за тобой угоняться?“

— Однако мнѣ нужно одѣться и.... замѣтилъ адвокатъ, взглянувъ на золотые англійскіе часы свои.— Вы меня извините, дорогой Павель Ивановичъ.

— Сдѣлайте милость, безъ церемоніи. Мнѣ нужно самому въ комиссаріатъ, отвѣчалъ Тарханковъ.— Не отобѣдаемъ ли мы сегодня вмѣстѣ?

— Сегодня я обѣдаю у графа Петра Андреевича. Вотъ развѣ завтра? Ахъ, и завтра долженъ я обѣдать у одного банкира.

— Вы долго ли намѣреваетесь побыть у насъ?

— Дня три, можетъ-быть четыре, отвѣчалъ Аристарховъ.— Мнѣ нужно непременно быть на той недѣлѣ въ Петербургѣ.

— Такъ, какъ же вы насчетъ этого предпріятія? началъ

Тарханковъ.—Могу увѣрить васъ что, кромѣ выгодъ, вамъ хлопотъ не предстоитъ особенныхъ, ни риска...

— Ну, хлопотъ довольно...

— Какія же? спросилъ, съ младенчески-невиннымъ выраженіемъ въ лицѣ, Павелъ Ивановичъ.

— Во первыхъ, началъ адвокатъ,—вы въ Петербургѣ никого вѣдь не имѣете, да, откровенно вамъ скажу, и не найдете никого кромѣ меня. Вѣдь тутъ необходимы связи, положеніе, притомъ... Ну да, извольте, если ужъ вамъ такъ хочется; извольте, тысячь семьдесятъ я заложу.

Тарханковъ нѣсколько ожилъ, но не желая выказать своей радости, почелъ за лучшее сохранить въ лицѣ прежнее смиренное выраженіе пойманной мыши.

— Что жь, заложите въ видѣ опыта хоть семьдесятъ, скромно отозвался онъ;—я увѣренъ, вы дадите еще столько же черезъ два-три мѣсяца, убѣдившись что трудно найти лучшее похищеніе капитала.

— Мы можемъ даже сейчасъ кончить, сказалъ Аристарховъ, поднявшись съ кресель и подходя къ письменному столу.

Сказавъ это, онъ отперъ щегольскую, наисандровую, съ серебрянымъ приборомъ, шкатулку, и пригласилъ Павла Ивановича жестомъ придвинуться къ столу.

— Да, впрочемъ... Вотъ развѣ что, продолжалъ адвокатъ, перекадывая изъ шкатулки въ свой бумажникъ какія-то, пожелтѣвшія отъ времени, бумаги,—не хотите ли захватить сей же часъ къ нотаріусу? Я вамъ передамъ сумму, а вы дадите мнѣ заемное письмо. Свободны вы? Вѣдь это какіе-нибудь полчаса, много часъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала, немного покраснѣвъ, Тарханковъ, слѣдя глазами за вынутыми желтыми бумагами;—я шью часъ полтора времени.

— И прекрасно, закончилъ, запирая шкатулку, Василій Савельевичъ.—Извините, если я при васъ немного приведу въ порядокъ свой костюмъ.

Онъ позволилъ; слуга подаль ему ботинки; надѣвъ ихъ, адвокатъ поправилъ предъ трюмо галстукъ; взявъ шляпу и, накинувъ шинель, налѣвая какую-то арію, вышелъ, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, на под'ѣздъ. Тарханковъ сѣлъ въ его карету, вѣдѣвъ своей вѣхъ за ними. Пока старикъ нотаріусъ, надѣвъ на носъ серебряныя очки, выводилъ осторожно

на дорогомъ продолговатомъ бланкѣ: „лѣта тысяча восемьсотъ такого-то, такой-то взялъ у такого-то, столько-то“, Василій Савельевичъ и его жертва сѣздили взять билеты въ кресла на сегодняшній балетъ и выпили въ кондитерской по чашкѣ шоколату. Аристарховъ былъ какъ-то особенно веселъ, но эта веселость налюминала нѣсколько продавагося рекрута: тѣшить, поить его, не жалѣе рублей, тороватыи хозяйки; гуляка льетъ, кутить, и въ плясъ пускается, подъ звуки торбана и бубна.... Но вдругъ, ударивъ объ полъ новою бараньею палкой, сядетъ къ столу, и подперевъ удающую башку могучими руками, задумается молодець, думаетъ долго, прерывая тяжкую думу свою то злобнымъ хохотомъ, то стономъ. О чемъ бы думать ему, кажется? Вѣдь, разливанное море всего, и музыки и плясъ? Гуляй, покуда весело!

Аристарховъ перемѣнился и физически: свѣжесть лица его пропала; онъ пожелтѣлъ, осунулся, постарѣлъ; волосы еще болѣе побѣлѣли; пухлыя, мягкія руки его высохли. Онъ смѣялся громче, больше прежняго, старался казаться безлечнымъ; но по временамъ въ рѣчахъ его мелькали молніей то злоба, то презрѣніе, съ какимъ шахматный опытный игрокъ глядитъ на неискускаго противника; даетъ онъ ему по двѣ, по три пашки впередъ, но къ концу партіи, глядишь, все-таки шахъ и матъ слабому партнеру.

Стоя на подѣздѣ кондитерской, въ ожиданіи кареты, Василій Савельевичъ замѣтилъ бѣгущей мимо, съ картонкою, молоденькой швеи, чтобъ она подняла юлочку повыше; швея покраснѣла, а онъ захохоталъ такимъ оскорбительно-нахальнымъ смѣхомъ что всѣ проходящіе оглянулись; Аристарховъ вопросительно взглянулъ въ свою очередь на проходящую, и очень довольный своею выходкою, усѣлся въ карету, рядомъ съ Тарханковымъ. „А прехорошенькая, вѣдь, каналья“, замѣтилъ онъ: „у васъ въ Москвѣ, я вижу, тоже есть бутончики“.

Воротившись къ нотаріусу, они нашли заемное письмо готовымъ.

— А деньги съ вами, здѣсь? спросилъ Тарханковъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ взявъ поданное нотаріусомъ перо чтобы подписать вексель.

— Здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ Аристарховъ, рисуя въ предѣ тусклымъ, кривымъ зеркаломъ.

— Такъ вамъ, значить, угодно сей же часъ? робко поглядывая на него, спросилъ осторожный векселедатель.

— Сію минуту, отвѣчалъ Василій Савельевичъ, вытаскивъ изъ кармана толстый бумажникъ и роясь въ немъ.—Я не люблю тянуть, и притомъ.... Боже мой! третьяго половина, воскликнулъ онъ, взглянувъ на стѣнные часы.—У тебя вѣрны?

— Вѣрны-съ, отвѣчалъ нотариусъ.

Павель Ивановичъ подписалъ, но еще придерживалъ на котворкѣ, двумя пальцами, вексель; лицо его приняло озабоченное выраженіе.

— Такъ не угодно ли... приступить?... началъ онъ, все придерживая пальцами заемное письмо.

— Я вамъ, для упрощенія, приготовилъ здѣсь ровно эту сумму.... Вотъ, перечтите, перебилъ Аристарховъ, передавая ему пачку желтоватыхъ бумагъ, скорѣе похожихъ на старинныя столбцы чѣмъ на ассигнаціи.

Подписанное Тарханковымъ заемное письмо какъ-то неможиво бойко перелетѣло въ толстый бумажникъ Аристархова.

— Вотъ оно и въ порядкѣ, окончилъ адвокатъ, положивъ въ карманъ ладжака свой бумажникъ и расписываясь въ получении векселя.—Теперь же, вы меня извините, Павелъ Ивановичъ. Боже мой! Три часа....

— Позвольте, вскрикнулъ хрилымъ фальцетомъ Тарханковъ, замѣтивъ что адвокатъ уже надѣлъ шляпу.—Какъ же это? Эго.... Это, вѣдь, векселя?

— Векселя, отвѣчалъ ему Аристарховъ, задрапировываясь шинелью.—Что жъ тутъ такого? прибавилъ онъ, приподнимая плечи.

— Но, помилуйте, началъ было Тарханковъ, раслѣстивъ висящими вѣеромъ длинныя бумаги, съ подписями какихъ-то титулярныхъ совѣтницъ, графинь, поручиковъ, коллежскихъ регистраторовъ въ отсавкѣ.

— Если вы не согласны, то мы можемъ уничтожить актъ; расходы пополамъ, пожалуй, произнесъ Аристарховъ, глядя куда-го всторону.—Подумайте, сообразите, окончилъ онъ мягкимъ, лѣвучимъ голосомъ, усаживаясь въ потолокъ.

Тарханковъ вертѣлъ въ рукахъ пачку пожелтѣвшихъ заемныхъ писемъ, взглядывая по временамъ на нотариуса, какъ бы требуя его совѣта; нотариусъ кашлялъ, закладывая тонкимъ листомъ чайной бумаги книгу. Аристарховъ стоялъ, стремивъ взоры въ потолокъ комнаты.

Такъ чуткій сетеръ, поднявъ красивую морду, подходитъ,

противъ вѣтра, къ отбившейся отъ своей стаи куропаткѣ; присѣла, притаилась бѣдная птица; сетеръ идетъ, приподымая осторожно то одну, то другую лапу и вытянувъ волнистый хвостъ; вотъ подошелъ онъ къ птицѣ; всталъ, приподнявъ ногу и уставивъ морду въ кустъ.... Недолго насидитъ она; заслышавъ теплое дыханье пса, завидѣвъ уставленные на нее очи, взлетитъ чтобы лопастъ подъ мѣткій выстрѣлъ стараго охотника.

— Такъ какъ же вамъ угодно? спросилъ Аристарховъ, все-таки не глядя на Павла Ивановича.

— Очень хорошо; я согласенъ, отвѣчалъ, задыхаясь, груднымъ шелотомъ Тарханковъ.

Скомкавъ поблекшіе векселя, онъ лихнулъ ихъ въ карманъ фрака.

— Стало-быть, дѣло въ порядкѣ. До свиданія, произнесъ Аристарховъ, пожимая ему руку.— Въ театрѣ увидимся? Здѣсь, говорятъ, кордебалетъ вотъ что, прибавилъ онъ, и чмокнулъ, предварительно сложивъ свои три пальца.

Пожавъ Тарханкову еще разъ руку, адвокатъ сѣлъ въ карету и улетѣлъ.

— Подавай, что же ты, скотина? крикнулъ своему извозчику, выйдя на крыльцо, Павелъ Ивановичъ.— Домой, сказалъ онъ, хлопнувъ сердито дверцей.

Экипажъ тронулся; Павелъ Ивановичъ откинулся въ уголъ кареты; изъ груди его вырывались звуки въ родѣ не то кашля, не то икоты; онъ поглядѣлъ минуты двѣ въ окно, но скоро снова отвалился въ уголъ и зарыдалъ какъ малый ребенокъ.

Н. ЧАЕВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ

ВЪ ЯКУТСКЪ

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЕГО КЪ РОДНЫМЪ, 1827—1829.

Александръ Бестужевъ, нѣкогда извѣстный всей грамотной Россіи подъ именемъ Марлинскаго, безспорно принадлежитъ къ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелямъ своего времени. Значительное дарованіе его какъ романиста и критика, вмѣстѣ съ трагичностію судьбы его, рано приковало къ нему вниманіе публики. Сочиненія его, при жизни автора, встрѣчались всеобщю похвалою, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ гибели автора въ кровавомъ бою съ дикими обитателями Кавказа, надъ сочиненіями г. Марлинскаго произнесена была мѣтка, но, нельзя не замѣтить, слишкомъ строгая и даже притирчивая критика Блвинскаго. Между тѣмъ личность Бестужева, весьма рано погребенная въ вымышленномъ имени Марлинскаго, въ продолженіи почти двадцати пяти лѣтъ послѣ его смерти оставалась для публики, жадно перечитывавшей въ тридцатыхъ и сороковыхъ еще годахъ его сочиненія, какимъ-то мистическимъ существомъ. Дѣйствительная фамилія его не выливалась на свѣтъ Божій. Портретъ Бестужева, случайно появившійся въ началѣ сороковыхъ годовъ съ подписью его фамиліи, былъ задержанъ и

требованію тогдашней цензуры, и экземпляры его сгинули въ какихъ-то кладовыхъ.

Только въ 1860 году представилась возможность напомнить читателямъ не о Марлинскомъ, а ужъ объ Александрѣ Бестужевѣ, и притомъ не какъ о писателѣ только, но и какъ о человѣкѣ, жизнь котораго, какъ одного изъ типическихъ представителей своего времени и поколѣнія, полна интереса. Такимъ образомъ мною напечатанъ былъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 года (кн. 5. 6 и 7) рядъ статей подъ заглавіемъ: *Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій)*, въ которыхъ я привелъ подробное библиографическое обзорѣніе всѣхъ его сочиненій и напечаталъ девяносто шесть писемъ его за время съ конца 1831 по 1837 годъ включительно, то-есть по время убійства А. Бестужева. Письма эти, за весьма малыми исключеніями, писаны Бестужевымъ къ лятому его брату, Павлу, и представляя множество чертъ характеризующихъ нравственную личность Марлинскаго, довольно подробно знакомятъ съ кавказскою его жизнію.

Вслѣдъ за этими матеріалами къ біографіи „Марлинскаго“, въ журналахъ появилось нѣсколько другихъ статей относящихся до того же предмета. Такимъ образомъ въ *Отечественныхъ же Запискахъ*, 1860 или 1861, напечатана мною статья: *Знакомство А. Бестужева съ Грибодовыми*, статья найденная въ бумагахъ Марлинскаго послѣ его смерти и обязательно сообщенная мнѣ его сестрой Еленою Александровною; затѣмъ въ *Русское Слово* (1860 года, № 12) мною сообщена въ высшей степени интересная и весьма талантливо написанная статья Михаила Александровича Бестужева, подъ заглавіемъ: *Дѣтство и юность А. А. Бестужева (Марлинскаго)*, 1797 — 1813; наконецъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 года (книжки 2 и 4) сообщены покойнымъ Ксенофонтомъ Полевымъ пятьдесятъ восемь писемъ А. А. Бестужева къ нему и къ брату его Николаю Алексѣевичу Полевому за время съ 1831 по 1837 годъ.

Въ настоящей статьѣ я останавливаю читателей на небольшомъ, но интересномъ собраніи писемъ Александра Бестужева относящихся къ одному изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ его кратковременной жизни, а именно ко времени пребыванія его въ ссылкѣ, въ Якутскѣ..... Но прежде нежели перейдемъ къ этимъ письмамъ, напомнимъ, въ самомъ сжатомъ очеркѣ,

жизнь Бестужева до того времени когда судьба привела его на берега рѣки Лены.

Александръ Бестужевъ родился 23го октября 1797 года, въ С.-Петербургѣ. Отецъ его, Александръ Федосѣевичъ Бестужевъ, былъ человекъ весьма просвѣщенный. Занимая видный и важный постъ управляющаго канцеляріей при знаменитомъ меценатѣ наукъ и искусствъ графѣ А. С. Строгановѣ и управляя разными фабриками состоявшими въ вѣдѣніи Академіи Художествъ, Александръ Федосѣевичъ имѣлъ и средства, и возможность дать блестящее подготовительное образованіе своимъ дѣтямъ. У него было пять сыновей: Николай (род. въ 1791 году), Александръ, въ послѣдствіи извѣстный писатель, Михаилъ (род. 1800), Петръ (род. 1806) и Павелъ (род. 1808), и три дочери. Громадная бібліотека отборнѣйшихъ сочиненій, большія коллекціи минераловъ и разныхъ предметовъ искусствъ, отличное руководство умной матери, лучшіе учителя изъ классовъ Академіи Художествъ, которые были приглашаемы давать частные уроки маленькимъ Бестужевымъ, наконецъ просвѣщенное руководство отца ихъ, извѣстнаго издаваемыми имъ сочиненіями по предмету воспитанія, вотъ та обстановка и тѣ руководители которыми были обставлены дѣтство и юность братьевъ Бестужевыхъ. При отличномъ нравственномъ направленіи, которое получили они съ ранняго возраста, самая тѣсная дружба и любовь соединила всѣхъ членовъ семьи на всю жизнь неразрывными узами.

Изъ нихъ Александръ рано проявилъ необыкновенно живой умъ и весьма пылкое воображеніе. Продолживъ себя до рогу въ бібліотеку отца, пылкій мальчикъ, восьми, девяти лѣтъ, сталъ пожирать, такъ сказать, книги, романы и сказки, каковы: *Видѣніе въ Пиренейскомъ замятѣ, Ринальдо Ринальсани, Тысяча и одна ночь* и т. п. По свидѣтельству его брата, это были первыя сочиненія имъ прочитанныя; затѣмъ пошли другіе романы, какіе только попадались подъ руку, даже описаніе путешествій,—ими особенно была богата бібліотека отца Бестужевыхъ,—книги историческія и т. д. Необыкновенная впечатлительность и пылкость воображенія были отличительными особенностями подростающаго мальчика. Часто слышанныя имъ съ ранняго дѣтства бесѣды отца его съ горными чиновниками и богатыя, ежедневно видимыя имъ,

коллекціи всякаго рода минераловъ внушили Александру Бестужеву желаніе поступить въ Горный корпусъ.

Отецъ, никогда ни въ чемъ не насидовавшій стремленій, своихъ сыновей, охотно исполнилъ желаніе втораго своего сына, какъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, согласно же съ волей старшаго своего сына Николая, отдалъ этого послѣдняго въ Морской корпусъ. Николай вышелъ въ 1809 году славнымъ морякомъ, страстно привязался и къ своему дѣлу, и къ морской стихіи, но изъ лыкаго его брата Александра не вышелъ, да и не могъ выйти горный техникъ. Эта дѣятельность, требующая много терпѣнія и механическаго труда, вѣчно колошащаяся подъ землею и отнюдь не дающая простору мечтаніямъ и стремленіямъ, оказалась не по оцѣмъ и не по призванію Александра Бестужева.... Въ то время когда товарищи изучали свои сухіе, спеціальныя предметы, кадетъ Бестужевъ исписывалъ многія страницы рано заведеннаго имъ дневника и издававшагося имъ въ корпусъ рукописнаго журнала всевозможными описаніями различныя, большею частію вымышленныхъ, событій, либо изображеніями длинной галереи окружавшихъ его лицъ, причемъ то восторженныя, то сантиментальныя, то сатирическія описанія иллюстрировались самимъ авторомъ мастерски набросанными карриатурами и рисунками.

Тѣмъ не менѣе въ корпусѣ онъ учился хорошо, и хотя крѣпко не жаловалъ нѣмецкій языкъ и особенно математическія науки, но, увлекаемый благороднымъ соревнованіемъ, всегда былъ въ классахъ либо первымъ, либо изъ первыхъ. Досуги же его поглощались попрежнему „пробами пера и карандаша“, и новымъ, послѣ *Дневника* и *Журнала*, произведеніемъ автора-кадета было обширное сочиненіе, не то сказка, не то романъ, подъ заглавіемъ: *Очарованный Лѣсъ*. Грѣхъ всякихъ романовъ, сказокъ, легендъ, прочитанныхъ юношей, да живое его воображеніе, дали неисчерпаемый матеріалъ для *Очарованнаго Лѣса*, носившаго уже на себѣ всѣ претензіи авторства.

Такъ шла корпусная жизнь Бестужева. Между тѣмъ отецъ его умеръ въ 1810 году. Главой семьи и лѣтуномъ оставшихся малютокъ сдѣлался умный и энергичный старшій сынъ покойнаго, Николай. Онъ уже былъ офицеромъ, и за отличныя успѣхи въ Морскомъ корпусѣ оставленъ при немъ воспита-

телемъ и преподавателемъ.* Въ одно изъ своихъ плаваній съ морскими кадетами, Николай Бестужевъ взялъ къ себѣ на фрегатъ брата Александра. „Двухъ-мѣсячнаго плаванія въ морѣ было достаточно, говоритъ М. Бестужевъ, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на воспріимчивую душу брата Александра. Онъ окунулся въ новый для него міръ невѣдомыхъ доселѣ красотъ природы и душевныхъ потрясеній, и, увлекаемый обаятельною силой, не противился увлеченію. Горную службу онъ возненавидѣлъ.....“ Подъ игомъ новыхъ, морскихъ впечатлѣній, Александръ, какъ разказываетъ его братъ, „вымолилъ у матушки согласіе на исключеніе его изъ Горнаго корпуса. Былъ бы живъ отецъ, онъ бы его убѣдилъ что счастье человѣка не всегда застегнуто въ военномъ мундирѣ, и что съ киркою въ рукѣ, такъ же какъ и со шлагою, можно быть полезнымъ отечеству. Сбросивъ съ себя горную аммуницію, онъ дѣятельно принялся за приготовленіе себя къ экзамену въ гардемаринны: работалъ безъ усталы, преодолевая даже свою ангилатию къ математикѣ, отдыхалъ только за чтеніемъ морскихъ лутешествій, и тогда его пылкое воображеніе носилось по безбрежнымъ морямъ, посѣщало ново-открытыя земли, полныя чудесъ природы, или открывало новые міры, пророчившіе ему будущую его славу. Но по мѣрѣ того какъ его корабль, оставаяя берегъ, приближался къ этимъ завѣтнымъ мірамъ, онъ съ грустію замѣчалъ что доступъ къ нимъ постоянно замкнутъ рифами дифференціальныхъ и интегральныхъ формулъ, о которыя разбивалось его терлѣніе.

„— Неужели безъ этого нельзя быть хорошимъ морякомъ? спрашивалъ онъ брата Николая, его наставника.— Неужели геній Колумба нуждался въ этомъ хаосѣ цифръ съ плюсами и минусами?

„И когда братъ логически доказывалъ ему что именно эти плюсы и минусы дали средства Колумбу сдѣлаться геніемъ, что они вселили въ него увѣренность въ его геніальные замыслы, дали ему силу и терлѣніе преодолевать препятствія, а особенно, когда братъ рисовалъ предъ нимъ прозаическую сторону жизни моряка, Александръ слабѣлъ: онъ видѣлъ какъ по частямъ распадалась его воздушные замки, пароксизмы его морской лихорадки становились слабѣе, и наконецъ онъ

* Писувцій эти строки оставилъ обширную біографію Николая Бестужева, которую онъ и надѣется напечатать въ скоромъ времени.

убѣдился что настоящимъ морякомъ онъ не можетъ быть, а дюжиквымъ онъ ни за что на свѣтѣ не будетъ....

Разъ придя къ этому заключенію, пылкій юноша, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, бросился на подготовленіе себя въ инженеры или артиллеристы. „Но своевольной судьбѣ не угодно было чтобъ онъ плавалъ по морямъ, строилъ крѣпости, или разбивалъ ихъ“.... Шефъ лейбъ-драгунскаго полка, генералъ Чечеринъ, близкій знакомый и другъ дома Бестужевыхъ, предложилъ Александру поступить къ нему юнкеромъ, и тотъ въ 1817 году надѣлъ на себя солдатскую ляжку. „Несъ онъ ее, по свидѣтельству того же близкаго ему по крови и сердцу человека, съ благородною гордостью и необыкновеннымъ терпѣніемъ. Самолюбіе, желаніе отличія, на какомъ бы то ни было поприщѣ, сдѣлало изъ него славнаго солдата, и еще болѣе смѣлаго наѣздника.“ Его общительный, необыкновенно веселый и живой умъ, доброе и пылкое сердце, самыя остроты его и сарказмъ, никогда не злобные, но казавшіеся неотъемлемою принадлежностію его рѣчи, пріобрѣли ему какъ въ корпусѣ, такъ и на службѣ всеобщую любовь товарищей и начальниковъ.

Въ 1818 году онъ былъ уже офицеромъ. Лейбъ-драгунскій полкъ стоялъ въ тѣ годы въ Петергофѣ. Александръ Бестужевъ жилъ въ Марли, и здѣсь, въ часы досуговъ отъ службы, въ тиши петергофской жизни, пробудилась въ немъ, никогда впрочемъ и не засылавшая окончательно, любовь къ литературѣ. Первые его опыты для печати были мелкія стихотворенія, оригинальныя и переводныя, а также небольшія прозаическія статейки и критическія замѣтки. Въ 1819 году *Сынъ Отечества*, издававшійся Николаемъ Гречемъ, благосклонно принялъ на свои страницы первые опыты Бестужева. Въ слѣдующемъ году онъ былъ уже на службѣ поручикомъ, а на Россійскомъ Парнасѣ трудился въ званіи дѣйствительнаго члена обществъ Любителей руссійской словесности, и Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Въ 1821 году имъ издана небольшая, но бойкая и остроумная по своему времени книга: *Потѣшка въ Ревель*; затѣмъ въ *Сынѣ Отечества* появилась его критическая статья, впервые подъ псевдонимомъ А. Марлинскаго, * и извѣстность молодого драгунскаго

* Одно изъ первыхъ по времени литературныхъ произведеній Бестужева, явившихся въ печати, былъ критическій разборъ комедіи

офицера, какъ писателя остроумнаго и даровитаго, отнынѣ прочилась. Журналы того времени: *Сынъ Отечества*, *Современникъ*, *Просвѣщенія и Благотворенія*, *Сѣверный Архивъ*, *Новскій Зритель*, *Литературныя Листки*, радушно принимали на свои страницы стихотворенія, переводы и мѣткія критическія статьи и замѣтки Бестужева, являвшіяся то подъ его именемъ, то съ псевдонимомъ Марлинскаго, то наконецъ вообще безъ подписи. Окунувшись окончательно въ міръ тогдашняго литературнаго и журнальнаго міра, Бестужевъ не только скоро сдѣлался другомъ тогдашнихъ лучшихъ молодыхъ представителей этого міра, но не замедлил занять мѣсто, такъ сказать законодателя русской словесности того времени. Въ самомъ дѣлѣ, критическія статьи Бестужева давали тонъ и направленіе литературѣ 1820—1825 годовъ. Статьи эти высоко цѣнились молодыми писателями: Грибоѣдовъ гордился пріязнью Бестужева, Пушкинъ велъ съ нимъ остроумную переписку о разныхъ предметахъ относящихся до литературы, Рыльцевъ сдѣлался его сердечнымъ другомъ.... Николай Полевой, бойко выступившій на литературное поприще, свѣдѣлъ преклониться предъ Бестужевымъ; Фаддѣй Булгаринъ, изъ коммерческихъ видовъ, ухаживалъ за любимымъ публикой писателемъ: столъ, квартира, дача Булгарина были къ услугамъ Бестужева... Болтливый Грець, считавшій вообще Бестужевыхъ своими пріятелями, хотя тѣмъ насъ сквозь видѣли его натуру, особенно ухаживалъ за Александромъ Бестужевымъ. Съ Рыльцевымъ Бестужева скоро окончательно соединило одно общее литературное предпріятіе, изданіе извѣстнаго альманаха: *Полярная Звѣзда* (съ 1823 по 1825 годъ включительно), а одновременно съ этимъ и дѣятельность въ тайномъ обществѣ извѣстномъ подъ названіемъ: *Союзъ Благоденствія*, а потомъ просто: *Сѣвернаго Общества*. Мы не касаемся политической дѣятельности Бестужева. Мы не лишаемъ его біографіи, а ограничиваемся лишь представленіемъ нѣкоторыхъ къ ней матеріаловъ, и притомъ за періодъ позднѣйшій упоминаемой

книжки Шаховскаго, потому имъ же была написана критика на переводъ Катенина *Эсфири* Руссо. Эта послѣдняя статья, чуть не повлекла молодаго критика въ дуэль съ переводчикомъ. Возвратясь однажды изъ театра, гдѣ представляли эту трагедію, у Бестужева вырвалось: „Нѣтъ! надо постегать этого литературнаго диктатора Катенина! Мочи нѣтъ быть съ нами вмѣстѣ въ театрѣ: судить и радѣть на весь театръ все и всѣхъ, такъ что хоть бѣги вонъ“....

здѣсь эпохи. Участіе Бестужева въ дѣятельности тайнаго общества, преслѣдовавшаго преступную цѣль, но увлекавшаго участниковъ идеями о развитіи образованія въ народѣ, распространеніи въ обществѣ гуманныхъ идей, уничтоженіи крѣпостнаго рабства, взяточничества чиновниковъ и всякой неправды, весьма помято. Оно вполнѣ объявлено, съ одной стороны, его увлекающимъ, пылкимъ характеромъ, его сердцемъ возмущавшимся всякою неправдой и зломъ гдѣ бы оно его ни встрѣчало, а съ другой стороны и недостатками его нравственной личности. А недостатки эти состояли въ тщеславіи, въ постоянномъ стремленіи порисоваться, первенствовать и играть роль. А что же заманчивѣе было во времена Аракчеевщины роли агитатора, заговорщика, и именно въ ту эпоху когда на заговоры и тайныя общества была такая мода въ Германіи, Франціи, Испаніи, когда десятки ихъ, подъ разными названіями, союзовъ, комитетовъ, ложъ, возникали въ обихъ столицахъ Россіи, привлекая въ свою среду множество образованнѣйшихъ представителей современнаго общества?

И вотъ Александръ Бестужевъ со своимъ пыломъ своей страстной натуры отдается дѣлу заговорщика. Менѣе пылкими и эпрометчивыми, но болѣе стойкими и разсудительнѣйшими дѣятелями тайнаго общества являются братья А. Бестужева, Николай и Михайла; въ это же общество вомекается, противъ воли старшихъ братьевъ, и четвертый, еще совсемъ юный братъ ихъ, мичманъ Петръ Бестужевъ.

Весь отдавшійся охватившей его идее, Бестужевъ забываетъ свое блестящее положеніе въ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ 1821—1822 годахъ адъютантъ главноуправлявшаго путями сообщенія, знаменитаго инженера Бетанкура, Александръ Бестужевъ, въ чинѣ штабсъ-капитана гвардіи, сдѣланъ адъютантомъ замѣнявшаго Бетанкура герцога Александра Виртембергскаго, брата императрицы Маріи Феодоровны. Отличное положеніе по службѣ, прекрасное образованіе, веселый нравъ, извѣстность талантаиваго писателя, красивая, представительная наружность, все это, казалось, соединено было въ одномъ человѣкѣ чтобы доставить ему полное счастье въ настоящемъ и вполнѣ блестящую будущность. * А между тѣмъ востор-

* Вотъ какъ отзывался объ А. Бестужевѣ желчный Вигель, одно время служившій съ нимъ при Бетанкурѣ: „Этотъ (А. Бестужевъ)

жельный лоборникъ предвзятыхъ идей, осуществленіе которыхъ, по его мнѣнію, должно было доставить очастіе его отечеству, Бестужевъ не задумываясь вступаетъ на скользкій, преступный путь къ достиженію своихъ цѣлей. вмѣстѣ съ Рыльевымъ, съ которымъ въ 1824—1825 годахъ онъ и жилъ на одной квартирѣ въ домѣ Американской Компаніи, на Москвѣ, А. Бестужевъ дѣлается главнѣйшимъ руководителемъ тайнаго общества, привлекаетъ въ него новыхъ членовъ, сочиняетъ пьески возбуждающаго къ дѣлу общества содержанія, дѣятельно участвуетъ въ засѣданіяхъ общества, и одновременно неустанно работаетъ на литературномъ поприщѣ. Здѣсь онъ является попеременно повѣствователемъ, критикомъ и издателемъ періодическаго изданія *Полярная Звѣзда*.

Въ то же время это былъ вполнѣ свѣтскій человекъ. У него былъ огромный кругъ знакомства; его видѣли очень часто на разныхъ балахъ; въ кругахъ офицерскихъ молодецество Бестужева, частенько натывавшагося на дуэли (дѣло также модное въ ту эпоху), доставляло не мало предметовъ для разговоровъ. Впрочемъ, многія дуэли у Бестужева кончались шутками, смѣхомъ, или выстрѣлами съ его стороны на воздухъ; по поводу же одной сердечной исторіи, Бестужевъ, игравшій въ ней роль, вызвалъ на дуэль нѣкоего фонъ Д***. Этотъ не принявъ вызова. Шыкій другъ Бестужева, Рыльевъ, встрѣтивъ Д*** на улицѣ, отстегалъ его хлыстомъ. Въ послѣдствіи времени Д***, служа на Кавказѣ, самыми низкими преслѣдованіями отомстилъ Бестужеву, уже солдату. Вообще же у Бестужева было съ полдесятка дуэлей, кромѣ того онъ, вѣрный представитель современнаго ему общества, неоднократно бывалъ секундантомъ на дуэляхъ пріятелей. Такъ, между прочимъ, въ дуэли Рыльева съ женихомъ его сестры Александръ

оригинальный писатель ловчстой мнѣ чрезвычайно нравился своимъ умомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Служба ознакомила насъ, но короткаго сношенія у насъ не было; всего раза два-три, но больше, онъ посѣгалъ меня. Мнѣ и въ голову тогда придти не могло чтобъ у него была вредная привычка, ибо насчетъ мнѣшій своихъ онъ былъ всегда очень скромнымъ." (*Русскій Вѣстникъ* 1865, № 6, стр. 760.) Гречъ, давшій въ запискахъ своихъ мѣсто многимъ клеветамъ и жи въ отавалъ о разныхъ дѣтеляхъ двадцатыхъ годовъ, не могъ однако не отзываться объ Александрѣ Бестужевѣ какъ о „человѣкѣ съ характеромъ добрымъ, откровеннымъ, преисполненнымъ ума и талантовъ". (*Русскій Вѣстникъ* 1868, июль, стр. 396.)

Бестужевъ былъ также секундантомъ Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанціи. Пуля Рылѣева ударила въ стволъ пистолета его противника и отклонила выстрѣлъ, направленный прямо въ лобъ Рылѣева, въ пятку ноги.

Не вовлекаясь однако въ описаніе бурной и весьма интересной политической, литературной и общественной дѣятельности Бестужева за пять послѣднихъ лѣтъ его жизни предъ катастрофой 14го декабря 1825 года, мы не можемъ хотя мимоходомъ не остановиться на отношеніяхъ его къ матери и тремъ, тогда молодымъ дѣвушкамъ, сестрамъ. Отношенія эти были полны самаго нѣжнаго чувства дружбы и привязанности. Ни онъ, ни братья его ни единымъ намекомъ о своей опасной дѣятельности не тревожили дорогихъ имъ существъ. Напротивъ, всѣ они, вѣчно веселые предъ ними, дѣлали ихъ своимъ нѣжнымъ вниманіемъ и заботливостью. Прасковья Михайловна Бестужева съ дочерьми каждый годъ уѣзжала на лѣто въ свое имѣніе на Волховъ, въ Новолодожскій уѣздъ, Петербургской губерніи. Здѣсь они загосгидись и лѣтомъ 1825 года, и сыновья не торопили вызовомъ ихъ въ Петербургъ до декабря этого роковаго для нихъ года. Но вотъ пришла вѣсть о смерти Александра I. Тайное общество рѣшается пойти навстрѣчу совершающимся событіямъ и воспользоваться для своихъ плановъ, по его мнѣнію, удобнымъ временемъ. Александръ Бестужевъ, игравшій во всѣхъ этихъ преступныхъ ковахъ общества одну изъ главнѣйшихъ ролей, болѣе другихъ чувствуетъ приближеніе роковой своей судьбы: сердце его трелецетъ желаніемъ видѣть, быть-можетъ въ послѣдній разъ, свою мать, своихъ сестеръ, и онъ пишетъ къ нимъ, лишь за четыре дня до катастрофы, призывъ сколь можно поспѣшить прїездомъ въ Петербургъ. Призывъ послѣлъ во-время. Прасковья Михайловна Бестужева прїѣхала, и 13го декабря 1825 года, въ квартирѣ занимаемой ею на Васильевскомъ острову, въ послѣдній разъ соединилась вокругъ ней вся семья— пять сыновей и три дочери...

Участіе Александра Бестужева въ событіяхъ слѣдующаго дня достаточно извѣстно. На другой день лютъ кровавой трагедіи, Бестужевъ самъ явился съ повинною головою въ Зимній дворецъ. Въ ночь на 6е августа 1826 года, онъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Якушкинымъ, Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Арбузовымъ и Алексѣемъ Тютчевымъ, отвезены изъ Петропавловской крѣпости, послѣ восьмидесяти часовъ въ ней

заключенія, въ Финляндію, въ фортъ Славу. Здѣсь она пробыла съ небольшимъ годъ. Въ концѣ октября 1827 года Бестужевъ съ фельдъегеремъ былъ отосланъ чрезъ Шайссельбургъ и Петербургъ въ Сибирь, и 22го ноября того же года, пройдомъ чрезъ Иркутскъ, имѣлъ счастье свидѣться съ пламенно любимыми имъ братьями, Николаемъ и Михаиломъ, которыхъ въ это время везли изъ Шайссельбургской крѣпости въ Читинскій острогъ. Съ этого времени и начинается рядъ писемъ А. Бестужева къ его роднымъ; онъ пишетъ къ матери изъ Иркутска и затѣмъ, по водвореніи его въ томъ же году въ Якутскѣ, продолжаетъ писать очень часто къ матери, сестрамъ и братьямъ: двумъ изъ нихъ въ Нерчинскій округъ—въ Читу, а двумъ, самымъ младшимъ, на Кавказъ. Печатаемые нами письма охватываютъ время съ декабря 1827 по июль 1829 года. Бóльшая часть ихъ писалась подъ строгимъ надзоромъ нѣсколькихъ цензуръ мѣстныхъ властей Якутска и затѣмъ цензуры петербургской. Чтобы попасть въ Нерчинскій округъ, въ Читу, письма А. Бестужева должны были побывать сначала въ Петербургѣ и затѣмъ уже являлись къ братьямъ его въ Нерчинскій округъ, въ Читу.

Несмотря на этотъ рядъ цензуръ и эти тысячи верстъ, которыя посланія А. Бестужева должны были проходить чтобы попасть къ мѣсту своего назначенія, они все-таки интересны. Между казенными фразами о здоровьи, о логотѣ, между повтореніями о скукѣ и однообразіи жизни въ ссылкѣ, въ представляемыхъ здѣсь письмахъ попадаетъ множество подробностей рисующихъ типическую личность А. Бестужева, а также данныхъ для знакомства съ бытомъ Якутска.

По отношенію къ личности Бестужева, печатаемые здѣсь письма прежде всего выдвигаютъ нѣжную привязанность этого человѣка къ его роднымъ, къ его братьямъ. Въ нынѣшній вѣкъ эгоизма и холоднаго разчета, такая любовь представляется явленіемъ до крайности рѣдкимъ, чѣмъ-то напускнымъ, между тѣмъ въ Бестужевѣ она кипитъ живою правдой.

Цоправидамъ о каторжныхъ, братья Бестужевы не могли писать къ кому бы то ни было. Такимъ образомъ, не зная навѣрное что письма его дойдутъ, и вполне увѣренный что во всякомъ случаѣ онъ на нихъ не получитъ въ отвѣтъ ни слова, ни привѣта, Александръ Бестужевъ писалъ къ своимъ братьямъ въ Читу едва ли не каждую почту, и все это для

того чтобы всячески ободрить и подкрѣпить ихъ своимъ участіемъ. Въ то же время онъ дѣлится съ ними своимъ платьемъ и своими деньгами.

Зачастую говоря о своемъ бездѣйствіи и лѣности, Бестужевъ однако въ дѣйствительности вовсе „не олуекается“ духомъ и бодро работаетъ въ дѣлѣ самообразованія: такимъ образомъ, получивъ изъ Петербурга отъ матери и г. Греча кучу книгъ, разумѣется иностранныхъ, Бестужевъ весь погружается въ чтеніе Байрона въ подлинникъ, Гомера во французскомъ переводѣ, и въ изученіе римскихъ классиковъ. Въ то же время, никогда не любя нѣмецкаго языка и весьма плохо его зная до ссылки, Бестужевъ, въ тиши якутской жизни, начинаетъ изучать этотъ языкъ; а для того чтобы меньше отвлекаться отъ занятій и болѣе сидѣть дома, онъ выбриваетъ себѣ голову. Едва проходитъ мѣсяць упорнаго труда какъ онъ въ состояніи уже читать Шиллера, Гёте и переводить этихъ писателей. Впрочемъ, онъ читалъ не одни сочиненія англійскихъ и нѣмецкихъ беллетристовъ. Путешествія, исторія, наконецъ сочиненія изъ области естественныхъ наукъ, все это тщательно было прочитываемо и, можно сказать, изучаемо имъ въ его тоскливомъ уединеніи. Такимъ образомъ изъ этихъ же писемъ видно что онъ читалъ сочиненія Франклина, Гумбольдта, Паррота, Шуберта, Араго, размышляя о прочитанномъ и не имѣя съ кѣмъ перемолвить слова по поводу научныхъ предметовъ, зачастую пускался въ письмахъ своихъ къ братьямъ въ бесѣду или, лучше сказать, въ монологъ по поводу прочитаннаго: о свѣтѣ, о температурѣ вообще и температурѣ якутской лучвы въ особенности, о магнетизмѣ земли, о происхожденіи сѣвернаго сіянія, о языкѣ Якутовъ и т. д. Свободно владея англійскимъ и французскимъ языками, Бестужевъ пишетъ иногда письма на этихъ языкахъ....

Страстно любя отечество, Бестужевъ живо интересовался въ своей ссылкѣ политическими новостями, внимательно слѣдилъ за извѣстіями о происходившей тогда войнѣ съ Персіей и съ Турціей, а также, прочитывая *Сѣверные Цвѣты*, *Сынъ Отечества*, *Московский Телеграфъ*, *Московскія Вѣдомости*, Бестужевъ не терялъ изъ виду столь любезной ему нѣкогда родной словесности. Въ печатаемыхъ здѣсь письмахъ разбросано имъ нѣсколько рѣзкихъ и сильныхъ замѣчаній объ *Евгении Онегинѣ* Пушкина, а также замѣтокъ о

Грибоедовъ, о *Московскомъ Телеграфѣ* и его редакторъ-издатель Николай Полевомъ, о тогдашней спорѣ въ мирѣ журнальномъ, о романтизмѣ и классицизмѣ, о литературѣ вообще и положеніи писателя на Руси въ особенности, о нашей книжной торговлѣ и т. д. Увлекаясь разсужденіями о тѣхъ или другихъ предметахъ, Бестужевъ совсѣмъ забываетъ иногда что письма его должны пройти не менѣе 14ти тысячъ верстѣ (чрезъ Петербургъ въ Нерчинскій округъ), причемъ, подверженныя всѣмъ случайностямъ, ни въ какомъ случаѣ не вызовутъ отвѣта.... И между тѣмъ онъ, въ своемъ забытіи, обращается къ братьямъ съ вопросами по поводу разныхъ научныхъ предметовъ.

Мы упомянули что въ письмахъ этихъ заключается немало-важный этнографическій матеріалъ. Бестужевъ очень много говоритъ о природѣ Якутска, останавливается на нравахъ и обычаяхъ его обитателей, упоминаетъ о языкѣ Якутовъ, характерѣ отношеній къ нимъ Русскихъ, о воспитаніи дѣтей жителей города Якутска, о мѣстныхъ животныхъ, о цѣнахъ на припасы, о свойствахъ климата, объ одеждѣ и торговлѣ Якутовъ, останавливается на мельчайшихъ подробностяхъ ихъ обыденной жизни, дѣлаетъ остроумную и рѣзкую характеристику городского общества въ Якутскѣ и пр. Всѣ эти замѣтки, несмотря на то что онѣ писаны *сорокъ лѣтъ* тому назадъ, въ блестящемъ и остроумномъ изложеніи Бестужева читаются съ большимъ интересомъ.

Несмотря на свое относительно безотрадное положеніе и на официальность писемъ, Бестужевъ, вѣрный своему веселому характеру, не упускаетъ случая пошутить и поострить, и съ пера его зачастую срываются шутки и каламбуры. Особенно живы тѣ его письма которыя удавалось ему посылать неофициальнымъ путемъ. Таковы письма за №№ 8, 11, 14, 17 и, какъ кажется, за №№ 20 по 23. Во всякомъ случаѣ, эти послѣднія письма замѣчательно живѣе и интереснѣе прочихъ писемъ, обыкновенно называемыхъ имъ „казенными“, съ ихъ, какъ онъ выражается, „осторожностью и замороженными строками“.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить что мы печатаемъ письма Бестужева слово въ слово съ подлинниковъ и съ самыми небольшими выпусками нѣкоторыхъ не имѣющихъ никакого интереса строкъ; мы думали сдѣлать больше

выпусковъ, но отъ этого много потерявъ бы колоритъ этихъ писемъ, и безъ того не длинныхъ. * Тамъ гдѣ оказалось это нужнымъ, мы оставили письма краткими объяснительными примѣчаніями.

1.

Иркутскъ, 7го декабря 1827.

Любезная матушка, милыя сестры, я здоровъ, братья здоровы, ** мы видѣлись и радовались какъ небесному дару свиданію. Получите подробное письмо о пути съ нѣкоторымъ г. Чекменевымъ. Теперь не имѣю времени, ъду въ Якутскъ. Письма адресуйте Ивану Богдановичу Цейлеру, г. гражданскому губернатору Иркутской губерніи. Если найдете дорогу мнѣ прислать мнѣ венгерку, то лучше деньгами, въ Иркутскѣ шьютъ очень хорошо. Матвѣй Муравьевъ *** проситъ извѣстить сестру что онъ будетъ за Якутскомъ, въ Вилюйскѣ, адресъ тотъ же что и мнѣ. Будьте счастливы и здоровы. Я вѣчно вашъ искренній Александръ.

Цѣлую вашу руку и обнимаю сестеръ, **** покорный сынъ Александръ.

Кланяюсь Алекс. Фил.; Сомову † и домашнимъ.

(На оборотѣ): Прасковья Михайловна Бестужева, спросить у Николая Ивановича Греча.

* Самые письма обязательно сообщены намъ Е. А. и М. А. Бестужевыми, которымъ мы и свидѣтельствуемъ нашу признательность, равно какъ Е. Б. З. за содѣйствіе въ приготовленіи этихъ писемъ къ изданію.

** То-есть Николай и Михаилъ Александровичи, съ которыми Александръ Александровичъ видѣлся въ Иркутскѣ, на пути ихъ въ Читинскій областной городъ Забайкальской области съ населеніемъ въ 1.400 душъ обоого пола, а до 1851 деревушку съ острогомъ; первая замѣчательна была тѣмъ что въ ней издавна былъ складочный пунктъ транспортъ идущихъ изъ Верхнеудинска въ Иркутскъ, а послѣдній тѣмъ что въ немъ заключены были съ 1827 по 1830 участники въ событіяхъ 14го декабря 1825 года. Въ августѣ 1830 читинскіе заключенные переведены были въ Петровскій заводъ.

*** Подполковникъ (до іюня 1826) Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолаъ возвратился изъ Сибири въ 1856.

**** Елену, Марію и Ольгу. Всѣ три пережили четырехъ изъ пяти своихъ братьевъ.

† Сомовъ, авторъ разныхъ статей, замѣтокъ и критическихъ обзорѣній „россійской словесности“ въ петербургскихъ журналахъ и альманахахъ 1820—30.

2.

Якутскъ, 9го января 1828.

Да вѣдомо будетъ вамъ, любезные братья Николай и Михаилъ Александровичи, что я благополучно доѣхалъ до Якутска наканунѣ Нового года, и завтра перехожу на наемную квартиру, гдѣ завожусь хозяйствомъ. Климатъ здѣсь суровъ, морозы не падаютъ ниже 38°, но насчетъ образованности городъ сей далеко лучше того понятія которое имѣють о немъ въ Россіи. * Оставляя до другаго раза подробности, мысляю переносясь въ Чету, сердцемъ желаю вамъ съ твердостью переносить судьбу свою. Будьте здоровы, прощайте, друзья души моей.

Братъ и другъ вашъ Александръ.

На оборотѣ: Николаю Александровичу Бестужеву, въ Чету (Иркутской губерніи).

3.

Якутскъ, 1828, февраля 10го дня.

Здравствуйте, милые сердцу братья Николай и Михаилъ!

Телерь, живучи на своей квартирѣ, я еще болѣе имѣю досуга мечтать о васъ чѣмъ когда-либо; вы можете вообразить что мечтанія эти не всегда бываютъ розоваго цвѣта, но всегда ли они были таковыми и въ лучшіе дни нашей жизни? Нынѣ по крайней мѣрѣ имѣешь горести не вымышленныя и, конечно, подостойнѣе тѣхъ которыя имѣли честь безлокоуть насъ на раздолѣе. Одно только разсужденіе что грустью ничего не исправншь и никому не можешь развлекать меня въ одиночествѣ, въ совершенномъ одиночествѣ. Я произвожу необходимость въ добродѣтели и, такъ сказать, терпѣливо „переживываю“ свою участь. Зима, правда, здѣсь довольно скучна: день короче якутскаго носа (et c'est beaucoup dige), а морозы блокируютъ меня въ дому. Я очень привыкъ къ холоду, и всѣ члены привезенные изъ Россіи еще находятся въ наличности; но признаюсь, дѣйствие онаго на грудь очень болѣзненно: десять шаговъ производятъ одышку, и потому прогулки, столь необходимыя для моего здоровья, весьма рѣдки. Впрочемъ, книги и занятія по новому устройству моему коротаютъ время, и весна, которой не видалъ я такъ долго, возвратитъ мнѣ, вѣроятно, и прежнее здоровье, и

* Якутскъ, съ 1822 областной городъ Якутской области, находится на рѣкѣ Ленѣ; жителей въ немъ въ настоящее время насчитывается не болѣе трехъ съ половиною тысячъ, а сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда жилъ въ немъ А. А. Бестужевъ, число жителей было, безъ сомнѣнія, еще меньше.

старинный веселый, безлечный духъ мой. Еслибы вы видѣли какимъ я сдѣлался хозяиномъ, какой порядокъ и чистота царствуютъ въ моемъ уютномъ жилищѣ, то погладили бы меня по головкѣ. Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ вы не со мною? Какъ часто я думаю, принимаясь за ложку, я бы былъ счастливъ еслибы они дѣлили скромный обѣдъ мой—думаю—и обѣдъ мой стынетъ неприкосновенъ.

Я ничего не знаю о васъ, но надѣюсь узнать по великодушію его превосходительства, господина якутскаго гражданскаго губернатора. Дай Богъ чтобъ эти вѣсти хотя въ миллионную долю отвѣчали моимъ желаніямъ. Отъ матушки ни строчки, и я, признаюсь, начинаю сомнѣваться въ ея здоровьѣ, въ ея существованіи; надобна особая благодать свыше чтобъ перенести столь тяжкіе и столь частые удары. Да будетъ воля пославшаго насъ въ міръ, я ко всему приготовленъ. Да облегчитъ спокойствіе духа и дружество узы ваши. Ваша твердость только утверждаетъ жарко любящаго и благожелающаго вамъ брата Александра.

4.

Якутскъ, 1828 года, 25го марта.

Любезные братья Николай и Михаилъ: Христось Воскресе!

Вотъ уже третій годъ * какъ мы розно встрѣчаемъ этотъ свѣтлый праздникъ! И никогда еще я не встрѣчалъ его такъ скучно какъ нынѣ, потому что не имѣю отъ родныхъ ни слуху, ни слова. А надпись надъ денежнымъ конвертомъ: „Отъ сестры Елены Александровны“, мало оставляетъ надежды чтобъ добрая матушка наша была въ живыхъ. Иначе письма бы шли отъ ея, а не отъ сестрина имени. Несмотря однакоже на всѣ печали, Богъ подкрѣпляетъ душу и хранитъ мое здоровье. Я все переношу съ терпѣніемъ истинно христіанскимъ. У насъ воздухъ начинаетъ дышать весною, сдѣловательно у васъ, я думаю, скоро все зеленѣть будетъ. Дайто Богъ чтобъ сердца ваши ожили вмѣстѣ съ природой. Вѣснѣ и на яву жарколюбящій васъ братъ желаетъ вамъ душевнаго покоя.

5.

Якутскъ, 1828 года, апрѣля 10го дня.

Любезные братья Николай и Михаилъ!

Вы дѣлите со мной грусть—раздѣлите же радость мою: 4го апрѣля я получилъ письмо отъ матушки и сестеръ, онѣ всѣ живы и довольно здоровы. Впрочемъ, вѣроятно, и вы равнымъ образомъ были порадованы письмами, и потому я не распро-

* То-есть съ 1826 года, когда въ послѣдній разъ въ жизни А. А. Бестужевъ встрѣчалъ съ братьями, сестрами и матерью этотъ праздникъ въ Петербургѣ.

страшаюсь вѣдѣть. Я здоровъ и оживаю вмѣстѣ съ природой, зима у насъ минула безъ слѣдовъ, все сухо, и ранняя весна прогуливается по нашему городку не замоча ноги. Однакожь, по малороссійской пословицѣ, здѣсь „до Свитаго Духа, не занимай кожуха“, и старожилы не теряютъ надежды прокатиться на санкахъ въ мѣсь. Съ возвратомъ тепла, вѣроятно, растаетъ и лѣнь моя, я снова примусь за перо, такъ давно покинутое что оно бы заржавѣло, еслибы родной гуошный жиръ не предохранилъ его равно отъ мороза и влажности и засухи. Объ васъ, мои милые, никакой вѣсти, это крѣпко огорчаетъ меня, но чтѣ жь дѣлать! Богъ для всѣхъ, на Него и надежда.

Будьте здоровы, я молюсь только объ этомъ, ибо въ другомъ вы мнѣ образцомъ служить должны, ибо можете. Да облегчитъ дружба то чего не въ силахъ усладить родство, родство по духу и крови. Снова и снова будьте счастливы по возможности; что касается до меня, я теперь отдохнулъ душою, получивъ извѣстiя о своихъ. Живу хорошо, то-есть спокойно...

6.

Якутскъ, 1828, апрѣля 25го.

Любезные братья!

Очень радъ что вы оба получили недавно извѣстiя и посылки изъ незабвенной Россiи, изъ дому роднаго. Я и самъ жду книгъ, хотя и теперь не вовсе бѣдѣлъ ими. Теперь меня услаждаетъ Томъ Муръ, и правъ Байронъ, не даромъ называя его Анакреономъ, онъ умѣлъ такъ сказать обиталинннть неблагородный англiйскiй языкъ, и чувства его знойны и томны какъ климатъ Петrarки.

Пробѣгаю поэмногу и Гомера въ переводѣ, но я не могу вдругъ вынести его, il ecrase de sa grandeur et mon entendement fléchit sous le poids des pensées qu'il reveille. Ce sont véritablement des idées séminales, tantôt elles s'épanouissent en fleurs, tantôt, mûrissent en fruits.* Я еще почти ничего не дѣлаю. По цѣлымъ часамъ гляжу на солнце и вдыхаю вѣтеръ. Они для меня новы, или по крайней мѣрѣ обновлены; иногда тоскую, нерѣдко грущу, вы знаете по комъ. Сердце сердцу даетъ вѣсть. Но не проникая тумана, насъ раздѣляющаго, я, такъ сказать, стараюсь оуплениить мысль о васъ, стараюсь думать о васъ отдѣльно отъ печальнаго настоящаго. Гляжу на васъ какъ на радугу въ тучѣ, но всегда ли услышатъ? Богъ это знаетъ лучше людей.

Кажется, военныя дѣйствiя возобновляются въ Персiи, и

* Онъ подавляетъ своимъ величiемъ, и мой разумъ изнемогаетъ подъ тяжестью возбуждаемыхъ имъ мыслей. Дѣйствительно, эти мысли плодотворны: онѣ то распускаются цвѣтами, то созрѣваютъ плодами.

потому Павелъ * можель попробовать счастье въ роковой лотерей. Свинець или золотой костыль, или горсть праха? Какъ звать. Но жребій шевелить уже шалкою, и что вынется, то и сбудется.

Здѣсь логота немного измѣняется. Холодной вѣтеръ крутитъ пыль, но не сгоняетъ ледскаго снѣга. Караваны тянутся въ Охотскъ, но видъ Якутовъ, одѣтыхъ въ грязныя шубы при вѣтрѣ солдѣ, все еще наюминаетъ о царствѣ хлада. Окрестности Якутска мало занимательны, по крайней мѣрѣ а сужу такъ, глядя на нихъ издаека. Лѣсъ не олеряетъ дальнихъ холмовъ; рѣки не видать въ островахъ, толь и болото окружають городъ. Только чахоточные тальники темными полосами стелются по лугу. Впрочемъ, теперъ нельзя вѣрно судить о видахъ, зелень хотя не перемѣняетъ мѣстоположенія, но даетъ ему другое лицо. Подождемъ и посмотримъ! Николинъ день, день твоихъ именинъ, любезный Николай, который проводили мы нерѣдко такъ весело въ кругу семьи своей, есть первый весенній праздникъ. Якуты тутъ лютуютъ и пляшутъ. О, пусть залпыгаетъ въ груди сердце твое вспомя о далекомъ братѣ, и если ты не выронишь слезу, прижавъ къ груди Михаила, вспомни тогда что Александръ въ ту же минуту о тебѣ мыслить, о васъ можетъ-быть плачетъ — почему я не скажу что я могу плакать? Думаю что кто видѣлъ гибель безъ страха, тотъ имѣетъ право пролить слезы безъ стыда. Будьте счастливы, сколько возможно, независимо отъ обстоятельства; я локою только мыслию о вашей твердости. Цѣлую и объемя васъ, милые братья и друзья,—привѣтъ и прощаніе.

Вашъ душою Александръ.

7.

Якутскъ, 25го мая 1828 года.

Любезные братья Михаилъ и Николай.

Наконецъ мы дождались весны, которая напрасно намъ поганила такъ рано. Еще теперъ едва почки разверзаются, и зелень видна только на сырыхъ мѣстахъ. Рѣки пошли на прибыль: 17го и 20го уже покрыли весь предъ-якутскій лугъ съ его холмами. Только гдѣ-гдѣ колеблются верхи тальниковъ, льды катятся, сокрушаясь, къ морю, то густѣя, то перемежаясь, картина предестная! Вода оживила грязные лобережья нашего городка, потому что все отражено въ ея зеркалѣ.

* Павелъ Александровичъ, пятый и младшій изъ братьевъ Бестужевыхъ, въ 1826 году произведенъ изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища въ прапорщика полевой артиллеріи и отправленъ на Кавказъ за найденный начальникомъ училища на его столѣ томъ *Цѣлной Звѣзды*, альманахъ на 1824 годъ.

Люди томятся у береговъ и ждутъ лаузокъ; ихъ еще нѣтъ. Это мая, въ день твоихъ именинъ, любезный Николай, я видѣлъ якутскую пляску на ундолѣ, то-есть праздникъ ихъ. Это было на дугу предъ городомъ: она утомительно единообразна. Якутки, взявшись за руки, двигаются тихо въ бокъ, какъ у насъ маршируютъ въ польборота налѣво, и вотъ все. Налѣвъ и голосъ всѣхъ ихъ лѣсень одинъ и тотъ же, точно скриль веровнаго чухонскаго колеса съ прерывнымъ тактомъ. День былъ жаркій, и можете вообразить каковы были пахучіе ихъ танцы подъ бременемъ двойныхъ шубъ и телыхъ шалоковъ! Они лѣтомъ и зимой ходятъ въ мѣху, и какъ никогда не моются, то тотъ кто находится въ большой ихъ компаніи въ опасности задохнуться отъ мефигическихъ паровъ. Вообще надобно сказать что все въ этомъ народѣ носитъ отпечатокъ холода и бѣдности климата. Лица, большею частію, блѣдны, налѣвъ скученъ, танцы печальны. Право, кажется, они мерзнутъ въ пляскѣ: никакой живости въ движеніяхъ, никакого огня въ глазахъ, весь ихъ праздникъ однообразенъ какъ онъ; къ этому присоединялся еще недостатокъ кумыса, за поздними травмами, а гдѣ Бахуса нѣтъ, тамъ и Момуса не увидишь. Я, славу Богу, здоровъ. Много хожу, не рѣдко ѣзжу верхомъ на четвероногихъ сеledкахъ здѣшнихъ. Лошади якутскія очень свосны, но малы ростомъ и не красивы, цѣной не дороги, отъ 30 до 100, и надобно сказать что жиръ здѣсь цѣнится дороже стага, потому что конина любимый кусъ Якута, и нерѣдко случается что здѣсь крадутъ лошадей для нѣсколькихъ котлетъ. Вотъ мое житье-бытье: какъ-то поживаете вы, мои милые? безотвѣтно какъ могила жилище ваше, но есть Богъ, Онъ подкрѣпитъ васъ. Сестра Елена отъ 8го марта извѣщаетъ меня что Павелъ, проведя 12 дней съ Петромъ,* двинулся далѣе въ Персію: поручите защитѣ Провидѣнья юные ихъ шаги. Съ Турками, кажется, рѣшительныя возьмутся мѣры. Гвардія въ походѣ къ границамъ, и императоръ тоже теперь долженъ уже быть на дорогѣ къ новымъ лаврамъ, у меня душа радуется, когда заслышу хоть газетные выстрѣлы. Пора, пора дать карачунъ бусурманамъ. Конечно, вы мнѣ дѣлаете тысячу мысленныхъ вопросовъ, между прочимъ о литературныхъ моихъ занятіяхъ? отвѣтъ мой будетъ весьма кратокъ, я вовсе ничего не произвожу. Причина? спросите вы. О, еслибъ я зналъ ее, то навѣрно бы огыскалъ средство искоренить зло. Но голова, какъ и желудокъ человѣческой, не изъ хрустали, и слѣдственно недоступна изысканіямъ. Радъ

* Петръ Александровичъ, четвертый изъ братьевъ Бестужевыхъ, въ 1825 году былъ мичманомъ 27го флотскаго экипажа, но за участіе въ событіяхъ 14го декабря лишень чиновъ съ написаниемъ въ солдаты съ выслугой. Онъ отправленъ былъ на Кавказъ, гдѣ, послѣ трудной, боевой жизни, сошелъ съ ума и умеръ уже въ деревнѣ, въ Петербургской губерніи, на рукахъ своихъ сестеръ.

не радъ, а извиняюсь выраженіемъ: такъ. Впрочемъ, все это не мало зависитъ и отъ лѣни, которая въ послѣдніе годы сидки * разрослась во мнѣ какъ добрая крапива, хотя по стику:

Вызаетъ грустно мнѣ, а скучно не бываетъ.

Я надѣюсь, въ свою очередь, что вамъ бываетъ горько, но скучать некогда: у насъ такое множество чувствъ важнѣйшихъ занимаетъ сердце, что врядъ ли и въ селезенкѣ есть мѣсто для слезы.

Будьте счастливы въ самихъ себѣ со всеми товарищами бѣдствія. ** Будьте здоровы для счастья любящаго васъ брата и друга Александра.

Цѣлую васъ и объеблю.

8.

Якутскъ, 1828, іюня 16го.

J'étais grandement surpris, mes très chers freres et amis Nicolas et Michel, d'apprendre que vous ne receviez guère de mes lettres dont j'avais soin de vous écrire tous les quinze jours. Le gouverneur avait la cruauté de me laisser en cette illusion, m'y ayant enduit lui-même par ses promesses. C'est une consolation de moins, c'est une raison de plus de plaindre que je ne sois point ensemble avec vous. J'ai eu de vos nouvelles: j'en étais avides, votre fortitude me raffermît le coeur, et en présentant un si bel exemple de la patience, m'apprend de me faire digne d'estime, en imitant votre indifférence pour toutes les peines physiques. D'ailleurs il nous serait honteux de lâcher pied, quand les femmes timides se sont élevées au beau idéal de l'héroïsme et d'abnégation. *** Vraiment, quand j'y pense, je suis pénétré d'une admiration pure et consolante. Cela me rafraîchit l'âme, et je fais la paix avec l'humanité quelquefois si présomptueuse et si abjecte! Je me porte bien. J'ai repris tant soit par mes couleurs et mon humeur jovial qui me servait mieux que toutes les leçons de la philosophie. Mon genre de vie fut assez uniforme, quoique l'abondance des sentiments, qui ne sont rien moins que triviaux empêchait à l'ennui s'emparer de mon esprit. J'étais logé assez commodément et très proprement tout le temps que je me trouve

* То-есть съ декабря 1825 года.

** То-есть съ лицами заточенными въ Читинскій острогъ за участіе въ декабрьскомъ заговорѣ: этихъ лицъ было въ то время въ Читинскомъ острогѣ болѣе семидесяти человекъ.

*** Здѣсь А. А. Бестужевъ, безъ сомнѣнія, напоминаетъ о самоотверженіи г-жъ П. Анненковой, княгини Трубецкой, кн. Волконской, Юшневской, А. Г. Муравьевой, баронессы Розень и нѣкоторыхъ другихъ дамъ явившихъ истинное самоотверженіе и глубокую преданность своему долгу. Отказавшись отъ свѣта, спокойной жизни и всѣхъ удобствъ своего прежняго въ немъ положенія, эти высокостойныя женщины послѣдовали за своими мужьями въ Сибирь.

ici. Au surplus je suis devenu bon ménager et cuisinier passable. L'argent ne me manquait pas d'autant plus que je suis frugal de nature; la seule manie qui ne me quitte pas, c'est celle de m'habiller élégamment; je suis la vignette de mode à Jakoutsk. Je goûte peu la société d'ici, et la seule chose que je puisse dire à son louange, c'est ce que les femmes ne manquent pas d'esprit, et les hommes de vanité; mais la véritable hospitalité est gelée dans cette patrie du froid aux 40 degrés; il n'y a que l'étalage. Je ne fréquente point les assemblés et ne suis connu qu'avec deux maisons. On vient parfois me voir et m'ennuyer: même j'ai vu des jolies dames chez moi.... Honni soit pourtant qui mal y pensera! Je suis parfaitement sûr que mon vénérable collègue et savant agronomie Jean, * *que sais-je!* arrivera pour y attacher l'histoire du clocher de Riga. Demandez lui ce que c'est—et faites mes sincères *поздравы*, et mes regrets encore plus valables que je suis privé de sa compagnie; nous aurions maintenant agité une foule des questions qui restent intactes, faute d'exploitation. Serrez bien la main à Antoine, faites mes compléments des condoléances à Alexis la barbe épilée. Embrassez bien cordialement Poustchin, ** Eugène, *** Steinbell. **** Je tiens chande la reminiscence de leur amitié ainsi que celle de Mouche-barbe et de Jakob à longue moustache, et du jeune poète „le prince de mon âme“, † comme je l'appelais. A propos de la poésie: mon *André* est imprimé avec toutes ses fautes et pechés capitaux, et ce que pis est à mon insû et contre mon gré expresse. Oh, femmes, femmes! †† s'en est fait!... Je tombe dans les griffes des journaux et sans défense. Mes occupations intellectuelles consistent dans la lecture, car je possède tant et plus des livres très instructifs. Sur les traces de Michel ††† (mon ange, non pas l'archange) je tacherai d'acquérir

* Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ? Онъ умеръ въ 1866 году.

** Ивана Ивановича Пущина, товарища по воспитанію поэта А. С. Пушкина. Пущинъ умеръ 3го апрѣля 1860, въ селѣ Марьинѣ, близъ Бронницъ, въ Московской губерніи.

*** Князь Евгеніи Петровичъ Оболенскій умеръ 26го февраля 1865, въ 69 году отъ рожденія, въ Калугѣ. Некрологъ его, написанный барономъ А. Розеномъ, смотри въ газетѣ *Дель*, 1865, № 18.

**** Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель умеръ въ С.-Петербургѣ, 8го сентября 1862 Некрологъ его составленъ мною. Смотри въ газетѣ *Современное Слово*, 1862.

† Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій умеръ отъ чахотки, на возвратномъ пути съ Кавказа, куда переведенъ былъ изъ Сибири, †† Андрей. князь Переяславскій, Москва 8 д. изд. 1828. Поэма въ стихахъ, напечатана г-жой Шереметьевой.]

††† Братъ Александра Бестужева, Михаилъ Александровичъ, всегда отличался замѣчательными способностями къ языкамъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ.

des connaissances polyglotes. Dernièrement on m'a envoyé les classiques allemands et latins. Pour rimaiter, j'ai fait peu, plutôt par distraction me croyant quelque temps épris; le temps a démontré que c'était un feu d'artifice. Je monte souvent à cheval et gravis les monts; je chasse et je me promène. Voilà mon genre de vie. Dieu veuille qu'il sois bientôt le vôtre aussi, et que je puisse le petrager: alors, seulement alors je m'estimerais heureux. L'arrivé de Zachar * mit fin à ma solitude forcée, et j'en suis content comme homme, comme roi de moi-même. Je cours la poste comme vous voyez en vous écrivant ceci. Eh bien donc, excusez le peu de liaison qui existe dans les lignes: nous avons tant de choses à nous dire que même une feuille de platane ne suffirait pas; je me repose sur les autres détails sur la lettre de Zr. Mathieu, ** Чижовъ et Назумовъ *** se portent bien, et nous nous écrivons assez souvent: le fait est que mon lot est meilleur que celui qui leur tomba en partage. Quand il vous sera possible de m'écrire quelque mots, cela me rassurera sur votre être si non votre bien-être. Priez Madame **** au moins qu'elle écrive la date comme ça: 18^{VII}_I28 quand vous vous porterez bien, et *ordinairement* quand vous serez malade, en remplaçant le numéro du mois en bas pour M. et en haut pour N. Je vous embrasse de tout mon coeur. Vous savoir heureux, c'est mon désir le plus fervent. Alexandre.

M. Glébow et Répine † mes compliments, de même à notre Pik-de-Mirandola l'omnisciens Zavalichine. ††

P. S. j'ai reçu beaucoup des choses de Рылѣевъ. En avez vous de même? La santé de maman est chancelante; que Dieu la protège: elle est si généreuse!

* Графъ Захаръ Чернышевъ въ 1825 году былъ ротмистромъ Кавалергардскаго полка, за участіе въ событіяхъ 14го декабря 1825 года былъ сосланъ въ каторжную работу и въ 1828 году изъ Читинскаго острога высланъ на поселеніе въ Якутскъ.

** Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

*** Чижовъ, лейтенантъ 2го флотскаго экипажа, и Михаилъ Александровичъ Назумовъ, лейбъ-гвардіи конно-помернаго эскадрона штабъ-капитанъ, за участіе въ дѣлѣ декабристовъ, сосланы были на поселеніе въ Восточную Сибирь.

**** Если не ошибаюсь, Юшневскую, которая веда отъ своего имени перепуску Николая и Михаила Бестужевыхъ съ ихъ родными.

† Штабъ-капитанъ Репинъ и коллежскій секретарь Глѣбовъ за участіе въ событіяхъ декабря 1825 сосланы были въ каторжную работу, и оба умерли въ послѣдствіи въ Сибири, живя уже на поселеніи.

†† Лейтенантъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ.

J'ai vu le portrait dessiné par vous, mon respectable Nicolas, et une foule des souvenirs se précipita sur mon coeur! S'il se peut, faites le mien: moustache en bas, et sans favoris.

Я былъ чрезвычайно удивленъ, милые мои братья и друзья Николай и Михаилъ, узнавъ что вы не получаете моихъ писемъ, которыя я писалъ каждыя двѣ недѣли. Губернаторъ имѣлъ жестокость оставлять меня въ заблужденіи, вызвавъ меня самъ своими обѣщаніями. Еще утѣшеніемъ меньше, еще причиною болѣе сожалѣть что я не съ вами. Я имѣлъ о васъ вѣсти, которыхъ ждалъ съ нетерпѣніемъ; ваша твердость подкрѣпляетъ мое сердце, и такой примѣръ терпѣнья учить меня быть достойнымъ уваженія, уважая и подражая вашему равнодушію къ физическимъ страданіямъ. И не стыдно ли было бы намъ падать духомъ, когда слабыя женщины возвысились до прекраснаго идеала геройства и самоотверженія? Въ самомъ дѣлѣ, при этой мысли, я проникнуть чистымъ, умротоворяющимъ чувствомъ восторга. Эта мысль обновляетъ мою душу, и я мирюсь съ человечествомъ, нерѣдко столь тщеславнымъ и столь низкимъ. Я здоровъ. Румяный видъ мой и шутовское расположеніе духа, которое было мнѣ полезнѣе всѣхъ уроковъ философіи, понемногу возвращаются. Мой образъ жизни былъ довольно однообразенъ, хотя избытокъ чувствъ, далеко не обыденныхъ, не допускалъ скукѣ овладѣвать моимъ умомъ. Мое помѣщеніе было довольно удобно и очень чисто во все время моего здѣшняго пребыванія. Къ тому же я сдѣлался хорошимъ хозяиномъ и изряднымъ поваромъ. Недостатка въ деньгахъ у меня не было, тѣмъ болѣе что я отъ природы умѣренъ; единственная слабость не покидаетъ меня, это слабость къ щегольству; я представляю собой модную картинку въ Якутскѣ. Здѣшнее общество мнѣ не очень нравится, все что я могу сказать въ его похвалу, это то что женщины не лишены ума, а мужчины тщеславія; но истинное гостепріимство обледело въ этомъ отечествѣ 40-градусныхъ морозовъ; тутъ только выставка. Я не посѣщаю собраній и знакомъ только съ двумя дамами. Иногда меня навѣщаютъ и наводятъ на меня скуку; видѣлъ я у себя даже хорошенькихъ дамъ. Но да будетъ тому стыдно, кто превратно истолкуетъ мои слова. Я совершенно увѣренъ что мой почтенный товарищъ, ученый агрономъ Иванъ, *какъ знать?* явится чтобы прилечь къ моимъ словамъ разказъ о колокольѣ въ Ригѣ. Спросите у него что это значитъ, передайте ему мой искренній привѣтъ и мои еще болѣе дѣйствительныя сожалѣнія о томъ что я лишень его общества; мы бы подыали теперь бездну вопросовъ, которые остаются нетронутыми за отсутствіемъ изслѣдованія. Пожмите крѣпче руку Антону, передайте мои соблазнованія Алексѣю съ выщипанною бородой. Обнимите дружески Пущина, Евгенія, Штейнгеля. У меня горячо сохранилось воспоминаніе о ихъ дружбѣ, также какъ

о дружбѣ Mousche barbie и Якова съ длинными усами и молодого поэта, котораго я называлъ княземъ моей души. Кстати о поезіи: мой Андрей напечатанъ со всѣми ошибками и смертными грѣхами, и что еще хуже, безъ моего вѣдома и именно противъ моего желанія. О женщины, женщины! Все пропало. Я попалъ въ когти журналистовъ и безъ защиты. Мои умственные занятія заключаются въ чтеніи, такъ какъ имѣю множество поучительныхъ книгъ. По слѣдамъ Михаила (моего ангела, а не архангела), я постараюсь пріобрѣсть познанія поаглотовъ. Надьяхъ прислали мнѣ нѣмецкихъ и латинскихъ классиковъ; стихотворствую я очень много, и скорѣе для разсѣянности, вообразивъ себя одно время влюбленнымъ; время доказало что это былъ только искусственный огонь. Я часто ѣзжу верхомъ и влѣзаю на горы; охочусь и прогуливаюсь. Вотъ мой образъ жизни. Дай Богъ чтобы тотъ же былъ и вашимъ, и чтобы я могъ раздѣлить его съ вами; тогда, только тогда буду считать себя счастливымъ. Захаръ прекратилъ мое принужденное уединеніе. Я доволенъ, какъ человекъ, какъ король; самимъ собой. Я пишу вамъ на почтовыхъ, какъ вы видите. И потому простите несвязность этихъ строкъ; намъ столько надо пересказать что не хватало бы листа платана; я разчитываю на другія подробности въ письмѣ Захара. Матвѣй, Чижевъ и Назимовъ здоровы, мы переписываемся довольно часто; но дѣло въ томъ что моя участь лучше той которая выпала имъ на долю. Если вы найдете возможнымъ написать имъ нѣсколько словъ, они меня успокоятъ насчетъ вашего состоянія, если нельзя сказать благосостоянія. Попросите madame выставлять число по крайней мѣрѣ такимъ образомъ: $16\frac{vii}{I}28$ когда вы здоровы, и обыкновеннымъ образомъ, когда вы будете больны, перемищая число мѣсяца внизъ для *M* и на верхъ для *N*. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Знать васъ счастливыми самое горячее желаніе моего сердца.

Александръ.

Глѣбову и Релину мой привѣтъ. Также какъ и нашему Пикъ-де-Мирандола, всевѣдущему Завадшину.

P. S. Я получилъ многое отъ Рылѣва. Получили ли и вы то же? Здоровье матушки слабо. Да сохранитъ ее Богъ; она такъ волюдушна.

Видѣлъ портретъ нарисованный тобою, почтенный Николай, и тогда воспоминаній наполнила сердце. Если можно, сдѣлай мнѣ: уса внизъ и безъ бакембартъ.

9.

Якутскъ, 1828 года, 23го июля.

Здравствуйте, любезные братья!

Прибытіе Чернышева, который жилъ съ вами полгода, познакомило меня съ вашимъ бытомъ и не на радость. Богъ да подкрѣпитъ ваши душевные и тѣлесныя силы! Захаръ

пріѣхалъ жевать и худъ, теперь понемногу поправается. Мы жавемъ вмѣстѣ, несчастье близить и роднить людей и, кажется, мы не будемъ скоротиться. Я радъ очень что есть съ кѣмъ раздѣлять часы грусти и минуты пріятныя. Матушка насла-ла мнѣ гору книгъ, у него ихъ тоже вдоволь... не знаешь съ чего начать. За обѣдомъ и чаемъ мы обыкновенно разговари-ваемъ о васъ и нашихъ, о старинныхъ забавахъ и новыхъ новостяхъ, которая не всегда одинакова доходить сюда свѣ-тами. Погода прекрасна, зелень въ поляхъ, вода играетъ, я оживаю.... разумеется на мигъ.

Ты, любезный Николай, какъ я слышалъ, порою рисуешь... * а тоже получилъ краски, но какъ терпѣніе есть такая вещь которую нельзя переслать по почтѣ, то до сихъ поръ не бралъ за кисть, и это къ счастью бумаги; перо мое лежитъ въ лыи, гусиное, какъ лѣтушье.

Я... но звонятъ къ обѣднѣ! Иду молиться за своего благо-дѣтеля и пожелать сердечно чтобы русскіе солдаты въ свѣт-ный день его рожденія сдѣлали ему достойный подарокъ, на-примѣръ какую-нибудь турецкую крѣпость перваго ранга. Желаю вамъ здоровья и твердости. Всегда тотъ же, братъ Александръ.

10.

Якутскъ, 1828, августа 10го дня.

Любезные друзья и братья Николай и Михаилъ!

Наконецъ знаменитая ярмарка наша кончилась. Мы заку-пили почти весь годовой запасъ, и теперь эти хлопоты всто-рому. Проза жизни вкралась и здѣсь, но я очень радъ что отъ нея вырвался чтобы погулять у зайзжей гостини—приро-ды, и посидѣть у гослужи средняго рода, называемой заня-тіемъ. А то въ теченіи послѣдняго мѣсяца ничего кромѣ Байрона не бралъ въ руки. Ни дѣло, ни бездѣлье хуже всего на свѣтѣ—заняться некогда и отдохнуть не отъ чего. Это бо-лѣзнь большихъ городовъ, которая становится еще неснос-нѣе въ маленькихъ. Осень или полуосень наша лучше лѣта—ясна и тепла, безъ духоты и комаровъ, только чахоточный блескъ румянить окружные лѣса и совѣтуетъ подумать о шубѣ, обнажая на зиму деревья. Косьба еще продолжается,

* Николай Бестужевъ, между прочими дарованіями, обладалъ та-лантомъ живописца, по преимуществу портретнаго. Кисти его, между прочимъ, принадлежить очень большая коллекція портретовъ его товарищей по несчастью. Коллекція эта мѣсколько лѣтъ тому на-задъ приобретена однимъ изъ московскихъ любителей разныхъ за-мѣчательныхъ вещей. По окончаніи срока заключенія въ острогъ и по водвореніи на поселеніе въ Селенгинскѣ, Николай Бестужевъ до-бывалъ себѣ средства къ жизни, между прочимъ, снятіемъ портре-товъ съ мѣстныхъ жителей, также ѣздилъ снимать портреты въ Кахту съ Китабцевъ.

ибо здѣсь она единственное земледѣліе, и отъ этого въ окрестности мало дичи.

Что вы подѣлываете въ краткіе часы досуга? Боже мой, я спрашиваю въ забвеніи безответную могилу! дружній привѣтъ не коснется ни слуха, ни взора моего, и я только сердцемъ долженъ угадывать мысли братьевъ—тяжелая судьба.

Я здоровъ, я довольно покоенъ, хотя порой душа крикомъ зоветъ по васъ и о васъ, и о тѣхъ которые о всѣхъ насъ болятъ. Желаю мужества и здоровья для перенесенія подобныхъ мыслей и всего, всего сокрушающаго тѣло и душу.

Искренно любящій васъ братъ
Александръ.

Р. С. Товарищъ мой * здоровъ.

11.

Якутскъ, 1828, августа 16го дня.

Здравствуйте, милые братья!

Человѣкъ, у котораго мало есть чего разказывать и многое сказать, долженъ находиться въ большомъ затрудненіи, когда бы ему въ немногихъ словахъ должно было сказать что-нибудь дѣльное. Теперь я въ такомъ же случаѣ: чувство водолода, а слова рѣшето! одинъ взглядъ, одно пожатіе руки изъяснило бы вамъ болѣе, и всѣхъ насъ болѣе бы осчастливило чѣмъ осторожностію замороженныя строки, какъ червяки на сѣтѣ. Въ этотъ разъ я дѣлаю вопросъ: какъ вы живете? и жду отвѣта, по крайней мѣрѣ я льщусь что эта мысль не безнадежна, а то писать съ увѣренностію что письма мои останутся безответны и съ неуѣренностію что они дойдутъ до васъ, тяжело для сердца и для ума. Теперь я очень увѣренъ (то-есть формально извѣщенъ) что всѣ письма, въ Читѣ отправляемыя, проходятъ сквозь петербургскій карантинъ и уже оттопъ возвращаются по адресу или въ видѣ оумиамъ колтатъ небеса. Этотъ способъ странствія рикошетами, конечно, не изъ самыхъ быстрыхъ, но воображал что письма мои могутъ доставить вамъ хотя нѣсколько минутъ развлеченія, я пишу по крайней мѣрѣ черезъ одну почту и пускаю на вѣтеръ надежды, поблеклыя листки осенней жизни моей. Не повѣрите, какая пустота въ сердцѣ и въ головѣ; кажется, всѣ чувства мои, расгнутыя на такое огромное разстояніе, стали едва примѣтными чертами: Чита, Петербургъ, Грузія и Якутскъ стоятъ на сердцѣ моемъ какъ гири на вѣсахъ, но стрѣлка, вопреки магниту, отвращается отъ полюса. Жизнь моя весьма однообразна, одолеваяемъ лѣнью, только вовсе „не сладкой“, я порой лежу по дѣльнымъ днямъ поднявъ ноги на стѣну и вперивъ глаза въ потолокъ; кончилъ хлопоты ярмарки, которая мнѣ весьма надоѣла, потому что я все покупалъ и для себя, и для Матвѣя; ** иногда брожу одинъ, иногда

* То-есть графъ Захаръ Чернышевъ.

** Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола.

съ Захаромъ по полямъ и болотамъ съ ружьемъ; однако, мы самые несчастные охотники, не зная мѣстъ, не имѣя собакъ, рѣдко случается намъ возвратиться съ добычей. Да вообще здѣсь ея почти вовсе нѣтъ, а которая и случается временами, то чрезвычайно луглива и удаляется людей, какъ Байроновы герои. Иногда выѣзжаю въ гору на лошади, которую нанялъ я здѣсь, и тамъ, при жужжаніи комаровъ и шумѣ тальника мечтаю о томъ, о семь, а лучше о ничемъ. Просыпаюсь рано, но какъ мое первѣйшее наслажденіе лежать въ постели, то вѣрѣдко Захаръ стаскиваетъ меня къ чаю. Около часа обѣдаемъ, иногда за чашкой кофе заводимъ полугрустный разговоръ о Читѣ, иногда переживаемъ снова петербургскіе вечера, въ 6 пьемъ чай, потомъ гуляемъ, вмѣстѣ или порознь, какъ случится; около 11ти ужинаемъ, и обыкновенно тутъ питаемся мечтами вмѣсто десерта. Потомъ тоже что вчера. Теперь еще порой докучаютъ намъ глупые поствителіи, отъ которыхъ ни крестомъ, ни пестомъ не отбояришься, но съ зимой дверь на крюкъ, и баста. Вотъ планъ нашего домика *, у обоихъ расположеніе одно. Покуда не холодно, я сплю въ чуланѣ, гдѣ и пишу сіи строки. На будущей годъ хотимъ сдѣлать пристройку, ибо не достаетъ общей комнаты, для обѣда и чаю. Впрочемъ, хозяйка у насъ люди добрые. Я плачу въ мѣсяць 13 р., человѣчку платилъ 5 р. ** и моя одежда, но вчерась за лѣнь и грубость согналъ со двора. Трудно вообразить какъ трудно здѣсь достать прислугу: у всѣхъ нравственность самая испорченная, а лѣнь еще выше ихъ невѣжества и, вообще, у здѣшнихъ жителей нѣтъ ни добродушія, ни одной благородной черты въ характерѣ, и дѣлать заю, чтобы показать что они могутъ что-нибудь дѣлать, есть ихъ первое наслажденіе. Можете себѣ представить что я не избѣгъ ихъ злословія, или за то что самъ не кланяюсь, или за то что мнѣ шлѣвые кланяются. Но я, какъ и всегда, мало о томъ забочусь. Впрочемъ, на этотъ счетъ женщины благосклоннѣе меня щиллютъ нежели мужья ихъ; здоровье мое довольно хорошо, я опять выровнялся и собрался съ силой. Недавно здѣсь проѣхалъ въ Камчатку Голенищевъ съ женой и всюю челядью; онъ добрый, но довольно пустой человѣкъ, не видѣлъ, ибо, какъ замѣтно, не дерзнулъ видѣть матушку, и потому я ничего отъ него о ней не свѣдалъ. Здѣсь также былъ проѣздомъ изъ Ситхи Башуцкій, рекомендовать его таланты

* Планъ этотъ въ подлинномъ письмѣ сдѣланъ отъ руки перомъ. Изъ него между прочимъ видно что домъ, въ которомъ жили Бестужевъ и Чернышевъ, состоялъ изъ двухъ довольно просторныхъ избъ, поставленныхъ рядомъ. Въ каждой изъ нихъ было одинаковое расположеніе комнатъ: сѣни, чуланъ, прихожая, буфетъ, залъ въ два окна каждыи, и спальня, каждая въ одно окно. Боковой фасадъ Бестужевской избы выходилъ на Никольскую улицу.

** Счетъ, конечно, на ассигнаціи.

ничего, разказалъ какъ у нихъ на Овайгѣ сѣлаи дикіе офицера Пѣвца и съ нимъ четырехъ гребцовъ, которыхъ послаи за овиньей, и уѣхалъ не простясь. Больше изъ замѣчательныхъ людей много я не видалъ. Начальника нашей области ты, вѣроятно, знаешь. Человѣкъ справедливый, но самый не лодкій, въ самомъ желаніи сдѣлать добро... У него бываю омень рѣдко. Сестра его весьма добрая дѣвушка, хотя и любитъ городскія вѣсти.

Я отыскалъ здѣсь могилу графини Анны Гавриловны Бестужевой, сестры графа Головкина, которая здѣсь кончила изгнанническую жизнь свою, бывъ сослана изъ ревности императрицей Елисаветой, высѣчена кнутомъ и съ урѣзаннымъ языкомъ. Ее помнила одна старуха и разказывала что она была хороша собой, ходила всегда подъ покрываломъ и едва слышно говорила. Дѣлала много добра, я было нашель сѣдъ ея бумагъ и бумагъ ея брата, но засталъ ихъ (о Вандаляхъ!) на стѣнѣ подъ краской: такъ-то здѣсь гибнуть сѣдъ древяности. * О Войнаровскомъ нашель преданія, но не открылъ могилы. ** Бросивъ или отложивъ *Андроя*, *** мнѣ хочется

* Графиня Анна Гавриловна Бестужева, дочь великаго канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина, была фрейлина Екатерины I, и 10го ноября 1723 вышла замужъ за генераль-прокурора Павла Ивановича Ягужинскаго; въ 1728 она сдѣлана статсъ-дамой. Отодвѣвъ въ 1736, Анна Гавриловна жила весьма уединенно; въ 1742 году сосланъ въ Сибирь братъ ея Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ; въ слѣдующемъ году Анна Гавриловна вышла замужъ за роднаго брата вице-канцлера, графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, и въ томъ же году по извѣстному дѣлу Натальи Лопухиной, была, по наказанію кнутомъ, сослана съ урѣзаннымъ языкомъ въ Якутскъ. Здѣсь она была еще жива въ 1749 году и жила въ заточеніи съ четырьмя оставленными при ней служителями. Содержалась она, какъ видно изъ донесеній ея тюремщика, въ деревянныхъ покоехъ, въ домѣ якутскаго Спасскаго монастыря строителя, монаха Шапошникова. Домъ былъ очень ветхъ и гнилъ, а потому въ 1748 году Бестужева переведена въ казенныя, выстроенныя для нея деревянныя хоромы, недалеко отъ прежняго мѣста заточенія. Новая тюрьма обнесена была плотною городьбой. Бестужева не пережила императрицу Елисавету Петровну.

** Андрей Войнаровскій, родной племянникъ Мазелы, перешелъ вмѣстѣ съ нимъ къ Карлу XII. Въ 1716 году Войнаровскій былъ арестованъ въ Гамбургѣ и со всею семьей сосланъ въ Якутскъ, гдѣ и былъ еще живъ въ 1737 году. А. Бестужевымъ было составлено въ 1825 году краткое жизнеописаніе этого замѣчательнаго врага Петра I, и напечатано въ предисловіи къ повѣи Рылѣва: *Войнаровскій*. Спб. 1825 г., 8 д.

*** *Андрей, князь. Переяславскій*, поема А. Бестужева.

попробовать себя въ легкомъ родѣ, именно въ такомъ какъ писалъ *Донъ-Жуанъ*. Не знаю какъ-то удастся.

Ты, любезный Никола, много меня порадуешь приславъ мнѣ при случаѣ свой и Мишинъ портреты, а ты, любезный Миша, пріятно меня развлечешь написавъ что-нибудь на англійскомъ языкѣ. Снова обнимите за меня Ив. Пущина, потому форславскихъ моихъ друзей, * также Муханова, Сутгофа, Оболенскаго и владѣтельнаго Ростовскаго, ** который, какъ я слышалъ, хочетъ вовсе завладѣть славою вывода Московскаго полка! Не забудьте и всѣхъ которые меня не забыли, я ни минуты не переставалъ любить или уважать собратій какъ братію. Будьте и вы счастливы въ душѣ, здравы тѣломъ, вы, кровные и картечные братья мои, и, если можно, утѣшите, хоть строчкой, не простывающаго брата и друга вашего Александра Бестужева.

Оржицкій уже прапорщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Какъ я радъ! Онъ, бѣдняжка, долго не могъ сварить обѣда на американскомъ кораблѣ. ***

Напишите, милые, не имѣете ли нужды въ одеждѣ; теперь у меня довольно ея, и я буду счастливъ уделить что могу.

12.

Якутскъ, 1828. сентября 25го дня.

Любезнымъ братьямъ Михаилу и Николаю здравія!

Я что-то давно не писалъ къ вамъ, но о чемъ писать? Печальное, вѣроятно, вы знаете, а прочаго и я не знаю. Единственная новость, или, лучше сказать, не новость, есть та что эти строки пойдутъ къ вамъ на саняхъ.—здѣсь ранняя осень. Я здоровъ, поdraжайте и вы мнѣ. Товарищъ мой кланяется вамъ, я кланяюсь товарищамъ и обнимаю васъ, друзья и братья. душой вашъ Александръ Бестужевъ.

* То-есть товарищѣй по заключенію въ Финляндіи, въ Фортъ-Сандъ, въ теченіе года съ дѣта 1826 по осень 1827 года.

Князя Щепина-Ростовскаго. Въ 1825 году князь Щепинъ былъ штабъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Онъ вовсе не былъ членомъ „Союза Благоденствія“ и увлеченъ въ дѣло декабристовъ лишь дня за три до 14го числа. Увлекъ его товарищъ по полку, Михаилъ Бестужевъ. Князь Щепинъ-Ростовскій, вмѣстѣ съ Михаиломъ и Александромъ Бестужевыми, вывели Московскій полкъ на площадь, причемъ Щепинъ дѣйствовалъ особенно горячо.

Бывшій въ 1825 году штабъ-ротмистромъ, Никол. Ник. Оржицкій былъ высланъ въ 1826 солдатомъ въ гарнизонъ въ Кизляръ, переведенъ потомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, и въ 1832 году выпущенъ въ отставку прапорщикомъ. Оржицкій умеръ въ Петербургѣ около 1860 года.

13.

Якутскъ, 1828. октября 25го.

Любезные братья!

Я живъ, я здоровъ. Вотъ все чтò могу сказать вамъ. Желалъ бы къ этому прибавить: я веселъ, но могу ли быть имъ думая о васъ, лишь къ вамъ? Петръ * произведенъ въ унтеръ-офицеры и на дорогѣ къ Стамбуду — какія двѣ радости! Къ нимъ не достаетъ только третьей, что мы не можемъ порадоваться ею вмѣстѣ. Зима играетъ еще съ нами какъ кошка съ мышенкомъ, отпуститъ и прихватитъ, но, кажется, развязки не миновать. Здѣсь 40° не диковинка. Я собираюсь до Рождества въ карантинъ, хочу погрузиться въ нѣмецкое море собирать кораллы и ловить янтаря пюзюи, а то вовсе избаловался. дѣльное пойдетъ въ умъ, а перо въ руку. Я знаю себя, мнѣ, какъ насѣдкѣ, надобно посидѣть чтобы до чего-нибудь дожидаться: безъ пера, какъ безъ электрическаго проводника, мысли не искрятся; итакъ пожелайте мнѣ, если не своего, по крайней мѣрѣ чужаго ума, съ тѣмъ вмѣстѣ довольно здраваго вкуса чтобы избирать изящное. Я же вамъ сердечно жажду терпѣнія въ часы досады и спокойствія всегда. Обнимите братья, другъ друга.

Якутскій пустынный и нелицембрный другъ вашъ

Александръ Бестужевъ.

14.

Якутскъ, 1828. 10го ноября.

Любезные братья Николай и Михаилъ!

Зима поздравила уже насъ ранними своими цвѣтами; около двадцатыхъ чиселъ октября три дня морозъ превышалъ 30°. Теперь уже онъ трещитъ на 35. Здѣшніе курносые метеорологи предрекали очень теплую зиму, но погода, не спросясь съ ними, идетъ по-прошлогоднему, съ тою только разницею что туманы рѣже, оттого что осень глубоко залушила землю снѣгами, и она, менѣе промерзая, даетъ менѣе паровъ. Не знаю, право, отчего нынѣшній годъ все стало вдвое дороже прежняго. Рыбы вовсе нѣтъ; дичина дорога паравнѣ съ петербургскимъ. Ягодъ съѣли птицы, а птицъ, кажется, самъ якутскій чернобогъ. Въ лѣсу, бывало, ищешь не сыщешь какого-нибудь несчастнаго рябчика или „пустынный дикой горы“, зайца. Все мертво и безмолвно какъ могла, даже дробной лѣсной шляхты не увидишь. *Le gibier dans les environs de Pétersbourg a plus d'urbanité et se laisse plomber avec*

* Четвертый изъ братьевъ Бестужевыхъ.

meilleure grâse. Напротивъ, здѣшняя дичь такъ неучлива что не дожидается охотничьяго привѣтствія за два перестрѣла и, видно, ее мало бьютъ что до сихъ поръ не приучать къ скорородѣ. За то уже палитъ всякій, на иномъ озерѣ, подумаешь, они хотятъ изрѣшетить солнце, такъ и жарятъ въ летъ и въ ледъ за версту; всего забавнѣе что, между тѣмъ какъ горожане стрѣляютъ на озерѣ утокъ на авось и убиваютъ по случаю, Якуты очень хладнокровно развѣзжаютъ на вѣткахъ (берестянки) и подбираютъ себѣ чужбинку, мало заботясь о брани и просьбахъ лѣшеходныхъ Нимвродовъ. Можете сдѣлать себѣ сравненіе по этой чертѣ между характеромъ русскихъ крестьянъ и Якутовъ. Си послѣдніе даромъ не ступятъ шагу, и горе тому кто приметъ отъ нихъ бездѣлку въ подарокъ: они выместятъ это сторицею, съ лихвою назойливой скуки. Пусть благословитъ ихъ Богъ, только въ жизни моей не видать я лукавѣе народа. Они имѣютъ пріятное качество соединять въ себѣ пріобрѣтеніе всѣхъ пороковъ образованія, съ потерю всѣхъ доблестей простоты. Впрочемъ, не сужу о дальнихъ, но только о близгородныхъ. Теперь я заключился совершенно дома: поутру что-нибудь пишу, если случится, послѣ обѣда читаю, вечеромъ учусь. За чайнымъ и обѣденнымъ столикомъ лыхтимъ другъ другу съ Захаромъ табачный дымъ, и, какъ онъ, исчезаетъ время. Ахъ, единообразіе вашихъ занятій тяготитъ меня, воспоминаніе о васъ тѣснится между ложкой и устами, между взоромъ и книгою, между бумагой и перомъ. Третьяго дня, въ день именинъ твоихъ, милый Мишель, я вспоминалъ былое и, между прочимъ, наводненіе всплыло на память. Черезъ годъ-другой потокъ смѣлы насъ съ лица отчизны! Теперь остается потокъ забвенія—и finita la comedia! Будьте здоровы и желайте счастья побѣднымъ штыкамъ Русскихъ. Весь вашъ

А. Бестужевъ.

15.

Якутскъ, 1828 года, ноября 25го дня.

Любезные братья!

Было время когда я хвалился догадливостью распознавать по почерку духъ съ которымъ письмо писано, основныя черты характера пишущаго, и другія дѣйствовавшія на него обстоятельства во время письма. До нѣкоторой степени героглифика эта не безъ основанія. Кто, на примѣръ, взглянувши на сію писульку не скажетъ что я полѣнился очинить перо, но правъ ли бы былъ онъ? Можетъ-быть, я не имѣлъ на то времени, можетъ-быть, я не умѣю чинить перья (с'est le cas), и въ этой-то тонкости догадки и состояло мое искусство: я былъ Задекъ на эти вещи, и доказательства мои казались (по крайней мѣрѣ самому) ежели не самыми справедливыми, то самыми правдоподобными. На примѣръ, видя первыя строки

во всей красѣ чистолисанія, а далѣе, далѣе хуже и связнѣе, я говорилъ: это отъ нетерпѣнія, и въ этомъ различалъ желаніе идти, читать и пр., или чистую скуку неприятной корреспонденціи, или желаніе дописать до вещи которая лѣжитъ на сердцѣ, и которая всегда выливается яснѣйшими буквами. Особенно подпись составляла характеристическую черту разбора. Четкая значила человека который старается болѣе о наружности чѣмъ о дѣлѣ; средняя слишкомъ обширна для этой бумаги; а очень связная — показывала людей у которыхъ всѣ повятія смѣшаны. Почеркъ каждой буквы выражалъ откровенность или скромность, благородство или рѣшительность нрава, а фигурки и крючки составляли особенную статью для поясненія наружнаго вида и привычекъ подлищика. Взаимное положеніе подписныхъ строкъ указывало степень гордости или уваженія, степень лести или униженія. Видя, на примѣръ, слова *вашъ всепокорнѣйшій* написанными бѣгло и вблизи всего письма, я заключалъ что этотъ человекъ нехотя повторяетъ эту формулу; между тѣмъ какъ четко нафруктуренный *слуга* и висящій въ воздухѣ какъ гробъ Магомета, показывалъ что подлищикъ любовался снѣгъ словомъ и думалъ выиграть уголокъ сердца своего патрона скрючившись въ уголокъ письма, подлѣ самаго золотого обрѣза.* Но къ чему такой длинный переходъ словъ чтобы дойти до лустаго привала? спросите вы. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: разгадайте по намѣченнымъ выше правиламъ, по какому случаю пишу я теперь такъ нескладно и не нарядно?

Впрочемъ, не желая откладывать шарады своей до слѣдующаго нумера, я вамъ просто скажу что меня крѣпко долбаетъ зубная боль, которой я давно не вѣдалъ.

Желалъ бы вамъ послать *видъ Якутска*, но весной не было красокъ, а лѣтомъ — желанія рисовать. Прибавьте къ тому неумѣнье. Adieu, mes amis

Alexandre.

Р. С. Братья Петръ и Павелъ въ арміи графа Эриванскаго. Первый участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ и былъ преславномъ взятіи Ахалъыха. Онъ унтеръ-офицеромъ. Второй пралорщикъ, исправлялъ дороги къ побѣдѣ и принималъ отъ Турокъ трофеи. Теперь, вѣроятно, самъ наводитъ пушку къ знамя Магометово.

* Почтовая бумага въ 1828 году и около того времени употреблялась обыкновенно въ форматѣ небольшой осьмушки, довольно плотная, и съ золотымъ обрѣзомъ. На такой же бумагѣ написаны и печатаемыя здѣсь письма А. Бестужева.

16.

Якутскѣ, 1828, декабря 9го дня.

Милые братья!

Въ минушемъ письмѣ я что-то много писалъ вамъ, но много ли вы поняли? Это другое дѣло. Здоровый не всегда разумѣетъ писанное подъ влияніемъ зубной боли, которая такая близкая сосѣдка мозгу. Впрочемъ, меня и здороваго не всегда понимали. Я теперь плотно принялся за германизмъ, на дняхъ кончилъ Валленштейна, и теперь ломаю голову надъ Фаустомъ. Еслибы сію же минуту не набилъ я къ перу оскотины разсужденіемъ о нихъ въ письмѣ къ матушкѣ, то поскучалъ бы тѣмъ же вамъ; въ этотъ разъ однакожь баста о словесности, о наукахъ:

Блаженъ кто лестною надеждою ободряемъ
 Безвредно всплыть изъ океана тьмы.
 Чего не знаемъ мы — употребляемъ,
 И невозможно то чт'о знаемъ мы.

(Гёте стр. 67.)

Напрасно однакожь, мнѣ кажется, или по крайней мѣрѣ излишне помѣстилъ Гёте въ Фауста нѣкоторыя сцены, напри- мѣръ сцену въ погребѣ съ пьяными. Чудеса для Фауста были бы не значащи, а для пьяныхъ смыслъ его насмѣшки поте- ряны; цѣль автора въ отношеніи къ читателю не минована, но въ отношеніи къ Фаусту это вставка. Или не хотѣлъ ли онъ выставить ему ничтожность земныхъ увеселеній?

Термометръ, показываетъ у насъ „кровь мерзнетъ“, и да- же винный спиртъ прячется въ шарикъ. Впрочемъ, объ этихъ оголяющихъ и отъ истлѣнія хранящихся холодахъ я знаю только по слуху. Теперь я гражданинъ своего тулуза: никуда не хожу гулять и въ окошко гляжу только тогда какъ какой-нибудь Якутъ закричитъ: *Балыкъ нада?* на чт'о ему обыкновенно отвѣчаю я: *солъ* (нѣтъ), единственное слово въ этомъ языкѣ которое я знаю очень твердо. Жаль, право, что я не затвердилъ его ранѣе. * Между прочимъ пора спать; я нерѣдко вижу васъ во снѣ и теперь надѣюсь того же.

Будьте счастливы. Вашъ

Александръ Бестужевъ.

* Очень можетъ быть что этою шуткой А. Бестужевъ намекаетъ на свою говорливость при свидѣствіи по дѣлу 14го декабря. Въ то время когда братья его, Николай и Михаилъ, въ твердой увѣренности что ихъ ожидаетъ смертная казнь, сочли излишнимъ вѣдаться при допросахъ въ многословіе и обыкновенно ограничивались отвѣтами: „не знаю“, „нѣтъ“, и т. п., Александръ, при его пыломъ и живомъ темпераментѣ, вдавался въ подробныя изъясненія цѣлей тайнаго общества и своего въ немъ участія. Откровенность его была причиною

17.

Якутскъ, 1828, 14го декабря.

Mes chers frères!

Lord Byron dit que „some bits of lead send very, very far“—je trouve que „some cartridges send greatly farther“. En voilà trois ans révolus après l'heure fatale, et nous sommes éparpillés comme des feuilles mortes par un orage. Je ne peux pas vous exprimer l'angoisse du souvenir du 14. C'était pour la dernière fois que j'étais, que je vous ai vus libres, frei wie Vögel—doch jetzt wir sind vogelfrei!—Vous voulez savoir ce qu'il est devenu de Pierre et Paul? Eh bien—le premier après avoir combattu bravement les Perses, après mainte maladies et mainte assauts—est avancé comme sous-officier dans son régiment de Chirvane, qui est estimé le plus brave des plus braves. Pollux se trouve maintenant dans le même corps d'armée que Pierre, mais y étant transféré vers la fin de campagne, n'a point participé aux combats et crakmurailles. Mais d'après toutes les probabilités aura pour son tour de quoi rincer les dents; ils sont tous les deux recommandés à l'Empereur comme sujets distingués. Paul eu outre a reçu à deux fois благодарности по арміи за исправленіе горныхъ дорогъ. Il a du coeur, il ne manque pas de tact militaire et si rien ne s'opposerait il devrait faire sa carrière—mais *si* et *mais* sont des grands gâte-fêtes. Pour moi, je plonge dans le germanisme et par pure vanité je vous prie de dire à Jakoushkine que dans l'espace d'un mois de lecture je suis à même de lire Shiller et Goethe sans l'aide de personne. Pour m'ôter toute distraction je me fis raser la tête—et grâce à cette mesure violente, je possède un trésor de plaisirs que j'avale à long trait. Maintenant je ne m'étonne plus que la fièvre de Schwärmerei gagne les esprits faibles; dans les deux auteurs elle est investie d'une grâce naïve et entraînante! Ma vie est bien monotone. La chasse et les promenades à cheval sont cessées. Je ne vais nulle part—et goute peu la compagnie qui vient par fois m'enluyer. Mathieu, * vous deux et Ив. Дм. ** des compliments à part; il est seul; casse lui même le bois etc. etc. etc. Sa position n'est pas à envier: *** Чижовъ и Андреевъ въ Олекмъ, Назимовъ, Зарорецкіи и Заикинъ въ Витимъ—сіи послѣдніе живутъ

что участь его была облегчена: вмѣсто каторжной работы, онъ былъ сосланъ на поселеніе, но это именно и разлучило его съ братьями и друзьями.

* Матвѣи Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

** Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

*** Милые братья! Лордъ Байронъ говоритъ: „some bits of lead send very, very far“ (нѣсколько кусковъ свинца отсылаютъ очень, очень далеко). Я же нахожу что, „some cartridges send greatly farther“ (нѣ-

скупивше всѣхъ равно по мѣсту, какъ и по духу. * Я ни то, ни се. Сталь олять красенъ и толстъ, и сердце просить практики. Ахъ, зачѣмъ вы не здѣсь!!—Хозяйство наше рушится, Захаръ переходитъ на другую квартиру. Кланяйтесь Форславинскимъ,

которые ружейные выстрѣлы отсылають гораздо далѣе). Вотъ уже три года миновали съ роковаго дня; мы разбросаны какъ поблекшіе листья послѣ бури. Не могу вамъ выразить мою скорбь при воспоминаніи о 14мъ; послѣдній разъ былъ я свободенъ и видѣлъ васъ свободными—, frei wie Vögel, doch jetzt sind wir vogelfrei“. Вы хотите знать что дѣлають Петръ и Павелъ? Вотъ что. Первый, послѣ славныхъ битвъ съ Персіянами, послѣ тысячи болѣзней и тысячи наладеній, произведенъ въ унтеръ-офицеры своего Ширванскаго, считающагося храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.... Поллуксъ находится теперь въ одномъ корпусѣ съ Петромъ, но бывъ переведенъ туда уже въ концѣ похода, онъ не участвовалъ въ сраженіяхъ и штурмахъ. Но, по всей вѣроятности, и ему, въ свою очередь, придется поточить зубы, они оба представлены государю какъ отличные подданные. Павелъ, кромѣ того, получилъ два раза „благодарность по арміи за исправленіе горныхъ дорогъ“. Онъ добръ, не лишенъ военнаго такту, и если ничто ему не воспрепятствуетъ, сдѣлаеть карьеру, но если и не многому преграда. Что до меня, то я весь погруженъ въ германизмъ и изъ тщеславія прошу васъ сказать Якушкину (Иванъ Дмитріевичъ, въ 1825 году отставной полковникъ, былъ человекъ весьма просвѣщенный и много работалъ для образованія себя и во время своей ссылки, по дѣлу 14го декабря. Якушкинъ оставилъ послѣ себя весьма интересныя записки, изъ которыхъ только небольшой отрывокъ явился въ одномъ заграничномъ сборникѣ), что послѣ одного мѣсяца посвященнаго чтенію, я въ состояніи читать Шиллера и Гете безъ посторонней помощи. Чтобы лишить себя всякаго развлеченія, я обрилъ себѣ голову и, благодаря этой энергической мѣрѣ, владѣю теперь сокровищницею наслажденій, изъ которой черпаю съ жадностью. Теперь не удивляюсь болѣе что лихорадка Schwärmerei охватываетъ слабые умы. Оба писателя облакають ее прелестью научною и увлекающею. Моя жизнь очень однообразна. Уроки и верховая ѣзда прекращены. Я никуда не выхожу и мало вкушаю удовольствія въ бесѣдѣ съ лицами приходящими иногда наводять на меня скуку. Матвѣй кланяется вамъ обоимъ, а Ив. Дм. посылаетъ особый привѣтъ; онъ совершенно одинъ, самъ пилить дрова и пр. пр. Его положенію нельзя позавидовать.

Загорецкій въ годъ ссылки былъ поручикомъ, Чижевъ — лейтенантомъ, Назимовъ—штабъ-капитаномъ, Андреевъ и Заикинъ—подпоручиками; все это были въ 1825 году очень молодые люди и подверглись ссылкѣ за принадлежность „къ тайному обществу съ знаменемъ сокровенной цѣли онаго“.

особенно Антону—каковъ онъ милый? Не забудь Пушкина, Дунина, Торсона, Об—го, Якуба * и всѣхъ, всѣхъ. На Новый Годъ буду въ маскарадѣ одѣтъ Полякомъ. Теперь же, какъ Русскій и братъ, обнимаю и желаю счастья.

Если желаете знать о финансахъ моихъ, они очень тощи. Средства, къ сожалѣнью, найти нельзя, ибо учить запрещено; до сихъ поръ однакоже недостатка не терпѣлъ, а съ экономіей и впредь надѣюсь того же. Лутковскій со мною поступаетъ какъ братъ, присылаетъ журналовъ, книгъ, подарилъ ружье славное и словомъ, я въ немъ нашелъ болѣе нежели потерялъ въ старыхъ друзьяхъ. Здѣсь проѣздомъ были Головинъ, Гозенбахъ и Осташевъ (дети въ лаптяхъ); послѣдній тебѣ по кушакъ кланяется.

Пришли мнѣ свой и Мишелевъ портреты—какъ хочешь.

Писано въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Получаете ли казенныя мои письма? Я черезъ почту по крайней мѣрѣ пишу.

18.

Якутскъ, 1828, декабря 25го дня.

Поздравляю любезныхъ братьевъ и братій съ Рождествомъ Счастлива!

Съ особенною грустью берусь за тулое перо чтобы написать вамъ немногія строки, не для того чтобы утѣшить письмомъ (могу ли дать чего самъ не имѣю?), но чтобы не огорчить молчаніемъ. Я здоровъ, новаго не знаю, и стараго хотѣлъ бы не знать. Вчера для меня обнажено отъ воспоминаній, а завтра—отъ надеждъ. Около сердца роятся чувства, около ума сверкаютъ мысли, и все даромъ. Нѣтъ цѣли ни тому, ни другому. Я не столь страстенъ къ поэзіи чтобы писать для червей и мышей, и не готовлю сухой прозы на оклейку свѣтъ. ** Мой міръ ограничивается собственно головой,

* То-есть князя Евгенія Оболенскаго († 26го февр. 1865) и Якубовича (умеръ, кажется, въ 1847); первый въ 1825 былъ поручикомъ, а второй — капитаномъ. Оба были главнѣйшими участниками въ печальныхъ событіяхъ 14го декабря.

** Въ самомъ дѣлѣ, изъ сочиненій А. Бестужева лишь только вѣсколько и притомъ весьма посредственныхъ стихотвореній относятся къ 1828 году. Такимъ образомъ, кромѣ одной главы повѣсти въ стихахъ, *Князь Андрей Переяславскій*, А. Бестужевымъ написаны въ этомъ году слѣдующія стихотворенія: *Салтырь*, якутская баллада, *Въ день именинъ А. М.*, *Ей*, *Изъ Гете* (четыре стихотворенія), *Съ персидскаго*, *Зюлейка*, *Изъ Гафиза*. Всѣ эти стихотворенія помѣчены самимъ авторомъ 1828 годомъ и помѣщены имъ въ собраніи его сочиненій, первая части котораго вышли въ 1832 году. Поэтическаго дарованія у А. Бестужева было мало, и онъ охотно бросилъ стихи, лишь только съ переводомъ его на Кавказъ представлялась возможность писать для печати, хотя и подъ псевдонимомъ.

въ которой родятся и гибнуть сыны мечтаний. Я не лугаю строфами своими даже дикихъ утокъ, какъ это дѣлаетъ Пушкинъ, который, мимоходомъ сказать, ведетъ своего *Онгина* чѣмъ далѣе тѣмъ хуже. Въ трехъ послѣднихъ главахъ не найди полдюжины логическихъ строфъ. Стихи игривы, но обременены лусгьяками и нерѣдко небрежны до неопрятности. Характеръ Евгенія просто гадокъ. Это безстрастное животное со всѣми пороками страстей. Дуэль описана прекрасно, но во всемъ видна прежняя школа и самая плохая логика. Со всѣмъ тѣмъ, Пушкинъ поэтъ и не дюжинный; недостатокъ хорошаго чтенія и издѣшество дурнаго весьма вредятъ ему.

Прощайте. Братъ и другъ вашъ

Александръ Бестужевъ.

19.

Якутскѣ, 1829, генваря 25го дня.

Любезные братья!

Не помню, право, поздравлялъ ли я васъ съ Новымъ Годомъ ло прошлой почтѣ? Если нѣтъ—тѣмъ лучше. Друзей не надобно утомлять частыми лисьмами, чтобы не усилить ихъ воображенія. Надобно чтобы незабудки росли въ ихъ саду, а не увялыя получались ими, а рѣдкость придаетъ вкусу и самымъ бездѣлцямъ. Какъ бы то ни было, я бы непременно послѣдовалъ этой почтамтской политикѣ, еслибы сердце не вооружалось противъ; оно просится лобесѣдовать съ кровными, и я охотно говорю монологъ свой, вѣроятно слышный, но вѣрно безотвѣтный. Обѣ послѣднія почты привозили мнѣ извѣстїя отъ матушки и братьевъ, всѣ здоровы, слѣдовательно и живы, сестра Ольга приложила къ своему лисьму обрѣзокъ Павлова. Мнѣ казалось что онъ благоухаетъ порохомъ. Въ Ахалцыхѣ они оба съ Петромъ сражались какъ должно Русскимъ. Павелъ командовалъ въ двухъ брѣсахъ, послѣдовательно, четырьмя отбитыми орудїями. Старшїй лѣзь на стѣну, дрался на ней и за ней и теперь остался въ засадѣ тамъ же; онъ еще за Карсъ представленъ въ офицеры, что будетъ, или даже что есть—Богъ вѣсть. Подъ воротился въ Тифлисъ. Вотъ все что мнѣ извѣстно. Теперь дошла очередь и до меня грѣшнаго,—но ежели отвѣчать точно на вопросъ что я дѣлаю? то мнѣ придется ограничиться односложнымъ: *ничего*; ибо мысли, которыя какъ пролетные гуси мелькаютъ въ лоднебесы моего черепа, не могутъ назваться дѣлами, а бездѣлицы которыя порою лорхаютъ въ безсвязности на бумагу—тѣмъ менѣе. Сегодня же посылаю матушкѣ небольшую лїеску подъ заглавїемъ *Финландїя*. * Мнѣ она кажется недурна, но автору нерѣдко кажутся и уродства предлестями. Время

* Напечатана въ первомъ Полномъ собранїи сочиненїй Марлинскаго, т. XII, стр. 129.

рѣшить лучше. Прозой вовсе ничего не пишу; * для серьезныхъ предметовъ не имѣю довольно источниковъ и основаній, а для сентиментальныхъ статей я сталъ слишкомъ серьезень. Живу одинъ, перелистываю книги и дымаю потолокъ трубкой. Улыбаюсь только отъ воспоминаній, а смѣюсь также рѣдко какъ мой котъ. О, для чего васъ нѣтъ со мной, друзья мои! Съ вами я бы сбросилъ съ лица эту непривычную и непристалаю мнѣ угрюмость. Будьте здоровы.

Братъ Алекс. Бестужевъ.

20.

Якутскъ, 1829, 25го февраля.

Любезные братья, Николай и Михаилъ!

Никогда не бывало въ Якутскѣ столь теплой Масленицы какова нынѣшняя: три дня стояли холода только въ 8° и 9°, прочіе дни около 20°. Отъ этого катающихся подъ окнами моими умножилось больше обыкновеннаго; но со всѣмъ тѣмъ городъ все-таки лустъ и молчаливъ въ сравненіи даже съ русскими деревнями въ эту пору. Такая безжизненность происходитъ отъ недостатка единодушія между жителями, а можетъ и вовсе отъ недостатка души. Я мало вѣрилъ доселѣ трактатамъ господъ физиологовъ о вліяніи климата на темпераментъ, ибо въ Сѣверной Пальмирѣ своей встрѣчалъ всѣ страсти Италіи хоть рѣдко, но несомнѣнно,—за то здѣсь невѣріе мое склонилось подобно магнитной стрѣлкѣ: при каждомъ философическомъ взорѣ больше и болѣе убѣждаешься въ этой истинѣ. Здѣсь умъ и чувства людей въ какой-то спячкѣ: движенія ихъ неловки и тяжелы, рѣчь однозвучна и протяжна; сидѣть есть величайшее ихъ удовольствіе и молчать — не трудъ, даже женщинамъ. Здѣсь движутся только желчныя страсти: корысть, зависть, тщеславіе. Все что течетъ съ кровью мерзло и безжизненно. Они женятся для хозяйства и потому живутъ вмѣстѣ потому только что почти невозможно разойтись. Отъ этого дѣти ихъ слабы и чахлы, и рѣдкіе доживаютъ до отрочества. Сверхъ того привычка отдавать своихъ дѣтей на вскармъ, какъ здѣсь говорится, *въ Якутъ*, истребляетъ болѣе дѣтей чѣмъ всѣ болѣзни, и можете судить

* И дѣйствительно, то небольшое что написано Бестужевымъ въ Якутскѣ въ 1829 году написано стихами: къ этому времени, между прочими, относятся слѣдующія піески: *Шобутуй*, водопадъ Становаго хребта, *Черепъ*, *Часы*, *Е. И. Б—ной*, стихотвореніе въ альбомъ, *Осень*, *Дождь*, *Оживленіе*, *Разлука*, *Алинь*, *Лидь*, *Пресыщеніи*, *Тостъ*, *Сонъ*. Всѣ эти стихотворенія напечатаны въ *Полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго*, въ XII томѣ, съ отмѣтками подъ каждымъ изъ нихъ: „1829 годъ“.

объ ихъ привычкахъ, когда они лѣтъ трехъ или четырехъ привозятся въ домъ къ матери, которой не знаютъ и которая ихъ забыла; остальное баловство и нерадѣніе доканчиваетъ ихъ воспитаніе, такъ что въ 18 лѣтъ юноша имѣетъ уже въ себѣ всѣ предрасудки обоихъ народовъ, ни одной прямой идеи и никакого языка, ибо якутскій онъ не доучилъ, а русскому не у кого учиться. Я знаю многихъ казаковъ здѣшной области которые едва знаютъ два русскія слова, и рѣдкіе изъ жителей, средняго сословія, не мѣшаютъ плохой русскій языкъ съ еще болѣе плохими приговорками якутскаго. Напр., поди *дигоръ* (другъ), надо *ду?* взять *ду?* (ли?), *кулгагъ-согъ* (ушей нѣтъ), *ичугей* (хорошо)-и сотни тому подобныхъ. Нигдѣ столько нѣтъ охоты къ праздникамъ какъ здѣсь. Женщины просиживаютъ въ гостяхъ по полдни ничѣмъ не занимаясь, да и дома ничего не дѣлаютъ, или если дѣлаютъ, то изъ необходимости, а не для забавы. Пріятныя и красивыя рукодѣлья едва извѣстны двумъ или тремъ. Щеголяя однѣми дорогими шубами, онѣ вовсе не заботятся о платьяхъ, и часто на достаточной кулчихѣ вы увидите засаленное платье, черные чулки и пестрый платокъ въ рукѣ. Наряды мужей еще болѣе забавны. Объ удовольствіи чистаго и хорошаго бѣлья не имѣютъ понятія. За домашнимъ столомъ не перемѣняютъ тарелокъ; два стакана служатъ дюжинѣ ртовъ. И все это тѣмъ непонятнѣе что въ званые обѣды вы увидите европейски накрытый столъ и нерѣдко европейскія кушанья, слѣдственно они знаютъ что хорошо, что дурно; но, кажется, считаютъ чистоту праздничнымъ кафтаномъ, который надѣвается только для показу. Не говорю о лѣни и нечистотѣ Якутовъ. Несомнѣнно что русскій работникъ сработаетъ въ день противъ трехъ Якутовъ, хотя сіи послѣдніе весьма переимчивы въ рукоумслахъ и отлично наслѣдовали у Русскихъ искусство Толкучаго рынка дѣлать красиво, дешево и никуда не годно.

Оставшись снова одинъ безъ Захара, я долго не могъ собраться съ мыслями; теперь онѣ начинаютъ устлаваться, и я снова примусь за перо. * Теперь посылаю къ матушкѣ два стихотворенія, *Черепъ* и *Тостъ*. Первой метафизика, мистическая шарада, которой я и самъ не могу разгадать. Эпиграфъ его изъ Гёте; другой—сонъ небывалаго счастья. **

Есть еще кой-какія штучки на станкѣ, но челнокъ воображенія запутался въ нитяхъ рюмъ. Мнѣ непремѣнно должно сдѣлать чтобы летать. Безъ этого ртутная моя фантазія, какъ

* Ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ (давно уже покойный), сосланный въ 1825 г. въ каторжную работу „за принадлежность къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго“, послѣ кратковременнаго пребыванія въ острогѣ въ Читѣ, въ 1828 году былъ переведенъ на поселеніе въ Якутскъ, и уже въ началѣ 1829 года получалъ прощеніе, едва ли впрочемъ не съ переводомъ въ кавказскую армію.

** См. примѣч. къ письму № 19.

летучая рыбка, кидается въ разные элементы, не проникая ихъ. Обнимаю васъ, милые друзья! Будьте крѣпки духомъ и здоровьемъ, какъ крѣпка моя любовь къ вамъ.

Вашъ Александръ Бестужевъ.

21. *

Якутскъ, 9го марта, 1829.

Милые братья!

Я, кажется, уже сообщилъ вамъ объ отъѣздѣ моего *compagnon des larmes, non d'armes* (товарища по горю, а не по оружію); если же я не писалъ объ этомъ, то тѣмъ не менѣе я одинокъ. Онъ уѣхалъ такъ послѣдно что едва успѣлъ выговорить *adieu*, такъ что послѣднее слово *Dieu*, относилось болѣе къ путешественнику нежели ко мнѣ. Да хранить же Онъ его и да пошлетъ ему успѣха! Я же удовольствуюсь таинственной частицей *à.....* Судьба укажетъ мнѣ гдѣ я нахожусь, на глухой ли улицѣ, или на перепутьи. Вы, конечно, думали, судя по обстоятельствамъ въ которыхъ нахожусь, что я снова предаюсь одинокимъ плаксивымъ жалобамъ? Но на этотъ разъ, ваша прозорливость ошиблась. Я нахожусь въ ровномъ расположеніи духа. Читаю исторію и бесѣдную съ прошедшими временами. Иногда я осмѣливаюсь даже писать, но (только) прозою теперь, направляя свое перо на романтизмъ и, кажется, нашелъ на моихъ усахъ сѣверо-западный проходъ, раздѣляющій два материка, классиковъ и романтиковъ. Конечно, я никогда не стану увѣрять чтобъ я былъ изобрѣтателемъ чего-нибудь подобнаго; но, по крайней мѣрѣ, я очень доволенъ что распуталъ этотъ хаосъ для своей собственной пользы. Прежде я шелъ ощупью. Мое сужденіе висѣло на воздухѣ, какъ гробъ Магомета, и (по народному преданію) малѣйшее дыханіе, пролитанное чеснокомъ, низвергало его съ воздушнаго мѣстопробыванія. Изъ русской литературы я читаю только *Телеграфъ*. Въ немъ странная смѣсь выбора самаго просвѣщеннаго и здрава самаго невѣжественнаго, тутъ умъ желающій учиться и тщеславіе желающее учить; это ученикъ который корчитъ педанта. На дняхъ прочелъ я одну изъ его ученыхъ замѣтокъ на мѣлнѣ, не менѣе ученое, Араго, который рассказываетъ намъ какъ новость что снѣгъ предохраняетъ землю отъ холода. Снѣгъ объясняется (говоритъ *Телеграфъ*) великое количество снѣга въ холодныхъ странахъ и безснѣжіе въ теплыхъ. Великая экономія природы!! Въ Россіи нѣтъ ни одного простодушнаго который бы не зналъ что снѣгъ, какъ дурной проводникъ удерживаетъ теллородный газъ и не пропускаетъ вѣншній холодъ. Но утверждать что въ Якутскѣ болѣе снѣгу чѣмъ въ Новгородѣ совершенно ложно, потому что холодъ

* Приводимъ это и слѣдующія два письма въ переводѣ. Въ подлинникѣ они писаны по-французски, а второе отчасти и по-англійски.

прелятствуетъ образованію свѣжыхъ облаковъ въ Якутскѣ, точно также какъ жаръ въ Италіи. Одна лишь умеренная температура благопріятствуетъ образованію свѣга. Гдѣ же эта экономія природы, когда, за недостаткомъ свѣга, пропадаетъ всякая растительность у полюса? Это значитъ извращать причины и принимать послѣдствія за причины. Это не случайность, не особый законъ что вѣтъ свѣгу въ жаркихъ странахъ, а просто воздухъ недостаточно холоденъ чтобы образовать свѣгъ и сохранить его; *vice versa*, у насъ мало свѣгу, потому что воздухъ слишкомъ холоденъ чтобы наполняться испареньями. Я предполагаю что адъ очень далекъ отсюда, если судить по нашей землѣ замерзшей даже лѣтомъ. Много лѣтъ пройдетъ, пока Якутскъ просвѣтится и приблизится къ аду. По этому сужденію вы видите что я принадлежу къ школѣ вулканистовъ, которые утверждаютъ что внутри земнаго шара находится пылающее горнило, предохраняющее насъ по временамъ своими фейерверками и своими *salto-mortale* что нашъ *salto-mortale* ближе къ намъ нежели мы думаемъ. Но пока друзья, будемъ жить какъ живется и будемъ пользоваться жизнью по возможности. Желаю вамъ румянецъ здоровья и радость сердца для облегченія страданій. Я, благодаря Бога, въ эту минуту здоровъ и бодръ. Сидя въ своемъ углу, попрежнему люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ. Миръ вамъ. Прогните мое маранье.

Вамъ преданный Александръ Бестужевъ.

22.

Якутскъ, 25го марта, 1829.

Милые братья!

Еслибы мои мысли доходили до васъ также часто какъ я думаю о васъ, мои письма улодоблялись бы крупному, тяжеловѣсному сентябрьскому дождю. Но не обладая чародѣйствомъ писать на золотомъ листѣ ея рогатой ночной свѣтлости, и такъ какъ страна свиданій (гостиница земли, какъ Жуковский говоритъ) исключительно обитаема поэтами и ясновидящими, то я долженъ бы былъ довольствоваться *volens-volens* (волей-неволей) большою почтовою дорогою и писать вамъ мой нескладный вздоръ на земной бумагѣ, пересылая его въ обыкновенной почтовой телегѣ. Помилуйте, о чемъ мнѣ говорить, когда мнѣ нечего дѣлать? Конечно, жизнь разумнаго существа заключается не въ однихъ дѣйствіяхъ, но и въ мысляхъ; однако я еще сомнѣваюсь, должна ли каждая мысль быть обнародована прежде чѣмъ она хорошо переварится и сдѣловательно хорошо, выработается. Нетерпѣливый и легкомысленный, могу ли я быть способнымъ на такой трудъ? Желалъ бы быть способнымъ къ нему. Моя внѣшняя жизнь все та же. Хуже чѣмъ ничто. Обычныя слова часовыхъ при свѣнахъ: *все обстоитъ благополучно*, можетъ служить эпиграфомъ къ моей жизни. Дѣйствительно, такое

классическое однообразіе опротивѣло мнѣ, я очень важно поливаю чай и покуриваю трубку, отъ времени до времени примѣшиваются нѣсколько вздоховъ, которыхъ никто не можетъ раздѣлить, и звѣота, которую никакой сонъ не въ состоянн унять. Я смѣло могу сказать что дни мои состоятъ изъ глотковъ чая, клубовъ табачнаго дыма, вздоховъ и звѣоты. Исключая нѣсколькихъ маленькихъ прогулокъ и авторскихъ порывовъ, плоды которыхъ, освобождая мой мозгъ отъ слишкомъ воспламененнаго воображенія, служатъ для закуриванія трубокъ въ примѣненіи къ домашней экономіи. Я рекомендую подобный строгій судъ всѣмъ моимъ сотоварищамъ писателямъ, какъ лучшее разрѣшеніе Шекспировскаго сомнѣнія: „Печатать или не печатать?“ Что касается до моего чтенія, то оно очень разнообразно, но по преимуществу нѣмецкое. Гете меня очень затрудняетъ. „Мое упорство понять непонятное часто утомляетъ меня. Я бросаю книгу въ сторону, отсылая автора къ чорту. Последнее время утѣшалъ меня Франклинъ. Какая теплая любовь къ человечеству! Какая убѣдительная ясность изложенія! Вотъ былъ человѣкъ! Надѣюсь что вы прочли метеорологическую замѣтку въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Пользуясь случаемъ погрузитесь въ воздушное пространство, я тебѣ объявляю, какъ любителю физики, что мнѣніе Шуберта о сѣверномъ сіяніи самое правдоподобное изъ всѣхъ до сихъ поръ высказанныхъ. Онъ говоритъ, и я подтверждаю (по всѣмъ разсказамъ), что сѣверное сіяніе совсѣмъ не дѣйствіе миража или электричества, но послѣдствіе горѣнія азота, сжигаемаго падающими звѣздами. Такъ какъ диаметръ вращенія на экваторѣ длиннѣе всѣхъ другихъ, непремѣнное слѣдствіе его постоянный токъ къ обоимъ полюсамъ, увлекающій въ своемъ движеніи прежде всего газъ, какъ жидкое наилегчайшую; такъ что еслибы горѣніе не разжижало такъ кетати полярную атмосферу, намъ, соседямъ полюсовъ, пришлось бы задохнуться не далѣе какъ черезъ 100 лѣтъ, или мы были бы вынуждены путешествовать въ сгущенномъ азотѣ съ заступомъ въ рукѣ. Еще, если позволите, нѣсколько словъ о свѣтѣ. Я готовъ съ каждымъ спорить и утверждать вещественность свѣта, очевидность чего была доказана послѣдними опытами Перкинса. Скажите, ради Бога, зачѣмъ будутъ меня увѣрять изобрѣтатели новыхъ системъ, что не свѣтъ распространяется при восходѣ солнца, но тѣма ускользаетъ при его содѣйствіи. Въ самомъ дѣлѣ, я долго напрягалъ умъ, пока не догадался въ чемъ дѣло; теперь же съ удовольствіемъ сознаюсь что не вполнѣ его разумѣю. Въ настоящее время года всѣхъ возможныхъ болѣзней я очень безпокоюсь о вашемъ здоровьѣ. Воздухъ пропитанъ головою болью, а земля испаряетъ лихорадку. Я же, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, здоровъ и бодръ. Зима не покидаетъ насъ; вездѣ блескъ и холодъ. Вліяніе солнца видно только на крышахъ, которыя оно покрываетъ ледяными сосульками; другихъ признаковъ

приближающейся весны, „этой эфирной нѣги“, какъ говоритъ Томсонъ, не имѣется. Посылаю вамъ обоимъ три предмета, совершенно для меня лишніе; пользуйтесь ими и раздѣлите ихъ между собою какъ хотите. Да благословитъ васъ Богъ, мой дорогой, болѣе чѣмъ дорогой Николай и многолюбимый братъ Михаилъ, братья крови и сердца моего. Да смягчатся ваши страданья радостью и здоровьемъ, и да пополнится остальное ваше время досугомъ и удовольствіями. Вы всегда пребываете въ мысляхъ

любящаго васъ брата

Александра Бестужева.

23.

Якутскъ, 10го апрѣля, 1829.

Милыя братья!

Въ моихъ двухъ послѣднихъ письмахъ я говорилъ вамъ о метеорологіи; сегодняшнее письмо будетъ посвящено магнетизму земли. Вы знаете, или вы не знаете, что подразумѣвается подъ этимъ названіемъ. О помянутомъ предметѣ даже ораы между учеными знали не болѣе насъ невѣждъ. Вѣрно только то что электричество, гальванизмъ и магнетизмъ все одно и то же; что Лейденская банка и Вольтовъ столбъ, и компасъ дѣйствуютъ подъ влияніемъ одного закона и одной и той же силы въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ. Но это еще не все. Извѣстный Гумбольдтъ недавно открылъ видимое влияніе сѣвернаго сіянія на магнитную стрѣлку, которая колеблется, дрожитъ и прыгаетъ, когда сѣверное сіяніе такъ любезно что освѣщаетъ полярныя страны, какъ будто въ нихъ сокрыты глаза кокетки. Замѣтьте также что движеніе стрѣлки производится во всѣхъ направленіяхъ, такъ что наклоненіе также мѣняется какъ уклоненіе. Кромѣ того говорятъ, то-есть Гумбольдтъ говорить, что существуютъ магнетическія бури, не тѣ впрочемъ которыя кружатъ дамамъ головы; онѣ сильно дѣйствуютъ на компасъ подъ всѣми широтами и заставляютъ прыгать бѣдную стрѣлку безъ видимой причины. Вы сами, я думаю, бывъ на морѣ, * не одинъ разъ замѣчали подобное колебаніе компаса; остается узнать, связана ли эта магнетическая пляска съ музыкой тетки моей аюгоге богэале (сѣвернаго сіянія). Одинъ молодой Прусакъ посѣщалъ съ этою цѣлью нѣсколько сѣверныхъ странъ и находится теперь въ Камчаткѣ. Онъ докторъ философіи и человекъ съ большими способностями и образованіемъ. ** Якуты приняли

* Оба брата, Николай и Михаилъ Бестужевы, воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, оба служили во флотѣ, участвовали во многихъ экспедиціяхъ, и изъ нихъ второй только въ 1824 году перешелъ въ лейбъ-гвардію Московскіи полкъ.

** Рѣчь, кажется, идетъ о докторѣ Эрманѣ, съ которымъ Бестужевъ

его за чародѣя и увѣряють что онъ пришелъ сюда ловить звѣзду скрывающуюся съ небосклона Европы. Они не въ состояннн постичь того какъ можно добровольно и безъ умысла просиживать ночи на пролетъ въ созерцаннн звѣздъ. Глупцы!

Вы видите, однако, что все это въ прямомъ противорѣчнн съ азотною теорнн сѣвернаго снннн которую я прежде усвоилъ, потому что она мнѣ казалась самою правдоподобною. Но какъ узнать чтѣ похоже на *правду*, когда мы не знаемъ чтѣ такое истина. Не значить ли это мѣрять невѣрною мѣркою? Я люблю, однако, согласовать противорѣчнн, и предполагаю что азотъ чрезъ горѣнне магнетизируетъ воздухъ до такой степени что производитъ подобное явленнн. Я не скрою, однако, моего сомнѣнн относительно теорнн передвиженн азота. И отчего, бы въ самомъ дѣлѣ, протекалъ только онъ одинъ, и по преимуществу отъ экватора къ полюсамъ? Атмосфера не разлагается ни вслѣдствнн перемѣщеннн, ни въ угоду гг. Шарроту и Шуберту; другнн частицы составляющнн воздухъ должны бы также перемѣщаться какъ и азотъ. Чтѣ вы объ этомъ скажете?

Одинъ изъ жителей Якутска вздумалъ выкопать колодезь 7 сажень уже вырыто, а вода не хочетъ выступать и, вѣроятно, не покажется никогда. Спросить, отчего? По простой причинѣ, потому что средняя температура, то-есть термометрическая сумма распределенная на 365 дней даетъ $5\frac{1}{2}$ холода, изъ чего слѣдуетъ что глубже $2\frac{1}{2}$ сажень температура земли равняется средней температурѣ страны, если не вмѣшается вулканической огонь. Такимъ образомъ температура возвышается на каждую саженю футовъ глубины на одинъ градусъ. На поверхности температура мѣняется по времени года. Внутренняя температура подъ экваторомъ на 18 выше нуля. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ что я въ Якутскѣ послѣ смерти не промочу своихъ ногъ, такъ какъ почва здѣсь постоянно оледенѣлая. И такъ въ одинъ прекрасный день найдутъ мои кости вмѣстѣ со скелетами мамонтовъ. Оттепель наступила; ночи становятся прозрачными, дни ясными. Да будетъ ваше расположеннн духа такое же. Я здоровъ и веду себя хорошо; говнню, молясь о васъ! Богъ въ помощь вамъ, друзья мои.

P. S. Получили ли вы съ прошлою почтой три посланныя отъ меня вещи, именно: куртку на лисьемъ мѣху и пр.

Неизмѣнно любящнн васъ братъ и другъ

Александръ Бестужевъ.

имѣлъ случай познакомиться въ Якутскѣ и съ которымъ потомъ имѣлъ ученую переписку на французскомъ языкѣ. Одно изъ писемъ А. Бестужева къ Эрману, написанное въ томъ же 1829 году, но уже изъ Дербента, напечатано въ *Полномъ Собраннн сочиненнн Марлинскаго*, т. III.

24.

Якутскъ, 1829 апрѣля 10го дня.

Любезнѣйшая матушка!

Я снова озабоченъ сомнѣніями, не получая отъ васъ писемъ двѣ почты сряду. Дороги по сію пору должны были быть нетронуты по всей Сибири, и минувшая почта пришла къ намъ двумъ ранѣе обыкновеннаго. Пасха на дворѣ, а со всѣмъ тѣмъ у насъ едва таятъ наудичныя грязи, но за то когда рухнуть всѣ снѣга, то въ городѣ надобно будетъ пробираться влავъ; сѣдственно самый праздникъ дастъ много работы и заботы охотникамъ и невольникамъ визитовъ. Благодаря Бога, я теперь избавленъ отъ этой язвы, и могу проводить въ халатѣ то время когда всѣ другіе во всѣхъ углахъ святой Руси гремать колесами и калошами по грязной мостовой или просто по грязи безъ мостовой. Здоровье мое ровно: только что-то грустно душѣ. Исполняя долгъ христіанина и человѣка, мышо прошу у васъ отлученія за всѣ огорченія встарину причтенныя вамъ,—равно какъ и всѣмъ въ Россіи, волей и неволей,—вѣдомымъ дѣломъ и неумышленнымъ словомъ. Я говню на сей недѣлѣ и, Богу помогающе, надѣюсь душевно поздравить васъ съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ Христовымъ и самъ обновленный духомъ. Желая всякаго счастья и полнаго здоровья, есмь покорный вашъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

P. S. Полагая что при настоящихъ духовныхъ моихъ занятіяхъ „во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія“, я на сей разъ пожелаю только милымъ сестрицамъ моимъ радостно встрѣтить день Пасхи, и весело, или по крайней мѣрѣ безъ тоски, проводить оную. Получили ли отъ 25го марта съ письмами мой портретъ? Прощаясь съ вами какъ грѣшникъ и приѣзжая къ вамъ заранѣе какъ причастникъ, остаюсь неизмѣнно-любящимъ васъ братомъ.

Александръ Бестужевъ.

Портретъ отправленъ.

(На оборотѣ: ея высококородію милостивой государынѣ Парасковѣ Михайловнѣ Бестужевой. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевскій островъ, въ 14 линіи, въ домѣ купца Шальцова.)

25.

Якутскъ, 1829, 25го апрѣля.

Любезнѣйшая матушка!

Сегодня, то-есть 24го числа, я получилъ вдругъ два письма отъ васъ: одно отъ 25го января, другое отъ 17го февраля, съ приложеніемъ 200 р. за которые благодарю душевно, и тѣмъ болѣе что я было чувствовалъ въ нихъ не малую надобность. Посылка задержана въ Иркутскѣ, за разлитіемъ верховьевъ

Лены, и получится здѣсь не ранѣе исхода мая. Что же касается до выговора за рѣдкое писаніе къ чигинскимъ братьямъ,—я не беру его на свои плечи, ибо пишу къ нимъ регулярно черезъ почту, а часто и двѣ сряду. Особенно въ этомъ году каждый почтовый день отправлялъ къ нимъ посланія: полученіе же зависитъ не отъ меня. Къ вамъ я пишу безъ *исключенія* всякую почту, въ доказательство той истины что хотя намѣреніе и благое, но исполненіе плохое, и что сердце не всегда хорошій ораторъ. Христосуясь съ вами мысленно, я воспоминаю свѣтлую заутреню, которую обыкновенно мы встрѣчали въ церкви Академіи Художествъ; по крайней мѣрѣ въ моемъ отрочествѣ. * Праздники провелъ особенно грустно, и по сердцу, и по погодѣ, которая стояла до сихъ поръ одного цвѣта съ моимъ духомъ: холодна и ненастна; грязь была не проѣздимая, снѣгъ таялъ не падая, и вѣтеръ барабанилъ въ кровли и ставни. Только одинъ университетъ собаке лаемъ своимъ доказывалъ что въ городѣ есть жизнь, да Якуты, которые считаютъ звонъ своеручный дѣломъ славительнымъ, забравшись на колокольни, трезвонили отъ чистаго сердца. Здѣсь колокольни суть единственное увеселеніе въ Пасху. Еще узналъ я что старухи носятъ внучковъ своихъ подъ колокола, считая это предохранительнымъ средствомъ отъ будущихъ болѣзней. По крайней мѣрѣ это не спасло многихъ дѣтей отъ настоящихъ простудъ, обыкновеннаго слѣдствія суетвѣрій. Сію минуту только проглянуло солнце, и барометръ даетъ слово за хорошую погоду, но кто же вѣритъ надписямъ барометра? Воздухъ можетъ облегчиться и при худой погодѣ, или ртуть улетитъ и въ хорошую. Только пора быть ведру на небѣ и въ сердцѣ вашемъ, любезнѣйшая матушка. Будьте здоровы и покойны, вотъ моя просьба вамъ и молитва Богу. Лобзаю руку вашу. Покорный и любящій сынъ

Александръ

Любезнымъ сесгрицамъ христіанское и братнее объятіе.

За *Андрея* благодарю, онъ уже здѣсь; жалко и досадно видѣть его въ такомъ видѣ въ печати. ** Не знаю когда, скрѣпя сердце, снова за него приняться. *Цвѣты* *** меня ободряютъ, но это не болѣе какъ комплименты, и я знаю во сколько сребренниковъ цвѣнить общія похвалы, какъ и общія побранки. Нынѣ что-то залѣнился, но кой-что прозы въ походѣ. Такъ какъ все на меня находить..... **** то и нѣмецкій языкъ покоится до новаго приладка охоты къ нему. Н. М.—ъ, скажите что я до послѣдней искры памяти не забуду ея ко мнѣ

* См. предисловіе къ этимъ письмамъ.

** *Андрей, князь Переяславскій*, повѣсть въ стихахъ.

*** *Сверные цвѣты*, альманахъ издававшійся съ 1826 по 1832 барономъ А. А. Дельвигомъ.

**** Слово не разборчивое.

друзьями, равно какъ и дружбы ея супруга. * Да сохранить Богъ здоровье ея для малютки. ** Поклонитесь знакомымъ и домашнимъ, и если увидите англійскаго моего учителя, то поблагодарите за прежнія книги. Получилъ ли онъ Алекс. Джонсона? Простите за малолесь; долго ждалъ почты, а теперь нѣтъ время. Вашъ Александръ.

При семь прилагаю два письма къ закавказскимъ братьямъ.

26.

Якутскъ, 1829, апрѣля 25го дня.

Павлу Бестужеву въ 21 артиллерійскую бригаду.

Христось воскрес!

Отъ сердца поздравляю тебя, милый Павлуша, съ украшеніемъ сабли твоей орденомъ. Знаки отличія суть не болѣе какъ вещи сами по себѣ, но значительность получаютъ только отъ заслугъ за которыя даны, и потому они, какъ фонари, озаряютъ достоинства, или виднѣе дѣлаютъ недостатокъ оныхъ. Нисколько не сомнѣваюсь что не случай, но дѣло доставило тебѣ эту искру монаршей милости, и потому ты можешь не краснѣя глядѣть въ глаза товарищамъ и не прятать ефеса за фалду предъ заслуженными воинами. Какъ я слышалъ, ты провелъ зиму въ Тифлисѣ, на паркѣтѣ и коврахъ, или за канцелярскою оловянною чернильницей, попеременно. Я правду сказать, хотъ не видалъ паркетовъ, но туфли мои прогуливались всю зиму по войлоку, который здѣсь нужнѣе вашихъ шемаханскихъ, и чернильница (хотъ и рѣдко) играла у меня не послѣднюю роль, особенно въ почтовые дни. Я кажется, у тебя спрашивалъ, не сталъ ли ты потомъ взглянуть на Кавказъ, ибо, мнѣ кажется, неучтиво не сдѣлаться имъ будучи такъ близко къ небу; притомъ я раздѣляю классическое мнѣніе, что не видя горъ, не ставятъ и въ стихотворцы, и потому не смѣю бредить рѣчами что въ молодости моею видѣлъ только Пудковскую гору, въ юныхъ лѣтахъ льняной пзвоцикъ вывалилъ меня на Валдайскихъ; да разъ обѣдалъ я у князя Юсупова на Воробьевыхъ горахъ. Съ тѣхъ же поръ хотъ и проѣзжалъ я много хребтовъ, но всѣ они, благодаря правительству, такъ сглажены по дорогамъ что я уже прѣхавъ въ Иркутскъ узналъ о перѣздѣ черезъ страшныя въ разказахъ горы. Итакъ, какъ видишь, я въ этомъ случаѣ похожъ на русскаго обѣдаду, который, скушавъ на закладъ въ закускахъ приготовленнаго осетра,—вскричалъ: „подавайте же осетра!“ все мнѣ кажется мало, а кто виновать? русскіе герои. Они такъ пріучили насъ къ большому размѣру что и самую природу хотимъ мы раздвинуть для простора. Для насъ, Русскихъ, нѣтъ ни времени, ни разстоянія. Сегодня

* Наталья Михайловна и мужъ ея Кондратій Федоровичъ Рыльевы.

** Дочери, Анастасіи Рыльевой.

въ Москвѣ, а завтра въ Парижѣ, еще шагъ—и въ Стамбулѣ. Думаю что ни одинъ народъ такъ не сближалъ быстроты дѣла съ быстротой мысли. Хочу по-русски значить могу.

Если ты занимаешься въ часы досуга словесностию, то помни, пожалуй, что ранніе цвѣты не всегда бываютъ красивы и, ради Бога, не дѣлай изъ пера ремесла: у насъ еще званіе сочинителя (съ приписью) плохо уважено, и надобно имѣть какія-нибудь побочныя средства для извиненія въ писательствѣ. Штатнаго автора, правда, хоть и приглашаютъ всюду, если онъ въ модѣ, но приглашаютъ какъ *саладнаго мастера* къ обѣду. *Monsieur écrit joliment*, говоритъ хозяинъ, чуть не указывая на него пальцемъ, и гости, оглядывая автора какъ заморскую чайку, говорятъ *ага!* съ видомъ благосклонности. Ты, какъ офицеръ, не имѣешь надобности отпирать рюемами ворота, и если поведение твое будетъ безъ упрека, а служба безъ пятна, то онѣ послужатъ лучшими рекомендателями. Занимайся литературой для своего удовольствія, а не для причудъ другихъ. Она добрый другъ, но злой баринъ. Прошу тебя вспомни меня при первомъ бокалѣ и при первомъ выстрѣлѣ, и они вѣрно не минуютъ цѣли. Будь счастливъ и не забудь не совсѣмъ счастливаго брата

А. Бестужева.

27.

Якутскъ, 1829, мая 9го дня.

Любезная матушка!

Въ день именинъ старшаго брата пишу къ вамъ, и сердечная слеза дрожитъ на рѣсницѣ. Было время когда мы весело проводили этотъ весенній праздникъ, и весна жизни не грозила ненастьемъ которое теперь бьетъ въ мои окна. Слава Богу, премудрость Его сокрыла отъ нашихъ глазъ грядущее, иначе мы тогда не наслаждались бы настоящимъ и теперь не вспоминали бы минувшаго.... Это письмо вѣроятно заставитъ васъ на отъѣздѣ или въ дорогѣ въ деревню и потому позвольте поговорить о дѣлѣ. Вы, конечно, уже получили письма, въ коихъ я толковалъ о предполагаемомъ мною изданіи, * и потому повторяю просьбу мою чтобы распорядиться насчетъ приемки тетрадей и отсылки ихъ въ цензуру, чтобъ это могло выйти въ свѣтъ своевременно. Если это состоится, то печатать 2.000 экземпляровъ, на петергофской бумагѣ, въ форматѣ *Сверныхъ Дѣтловъ*, прозу *отрасте*, стихи съ *разрядкою*.... О корректурѣ особенно прошу позаботиться, наиболѣе въ сличеніи съ моимъ

* Писемъ этихъ нѣтъ въ собраніи у насъ находящемся и, какъ кажется, они и не были получены П. М. Бестужевой.

писаннымъ текстомъ; имѣя свои особыя странности въ слогѣ и правописаніи, не хочу надѣвать чужихъ обносковъ, по пословицѣ: „хоть худо да свое“. На всякій случай,—хоть это и сходно будетъ съ охотникомъ продающимъ шкуру не убитаго медвѣдя,—вотъ наставленіе какъ обходиться съ націей книгопродавцевъ: кто беретъ *заранѣе* 300 экземплярровъ на чистыя деньги, сбросить 30 процентовъ съ рубля съ публичной цѣны (она назначится мною послѣ), кто 200,—уступить 25 процентовъ, кто менѣе—20; за комиссію (что дѣлать не ранѣе какъ по истеченіи мѣсяца по выходѣ) давать 15 процентовъ. Кредитъ можно дѣлать только Сленину и Смирдину, и по ихъ поручительству. Да кромѣ того, во избѣжаніе лишней прилечатки экземплярровъ, заглавный листъ напечатать въ другой типографіи. У насъ книжное лиратство въ полной силѣ, и по неволѣ надобно брать свои мѣры противъ хитрости ничѣмъ неограниченной.

Покидая эти подробности, которыя хоть на минуту отвлекли мои мысли отъ грустныхъ предметовъ, перехожу къ важному вступленію и нерѣдко содержанію всесвѣтныхъ разговоровъ—къ погодѣ. Она у насъ отлично дурна. Бурные вѣтры смѣнились теперь дождемъ, но холода стоятъ постоянно. Лена идетъ на прибыль, и потому почта замедлится въ пути: апрѣльская придетъ къ намъ въ концѣ мая, но, какъ кажется, не найдетъ цвѣтовъ, если не привезетъ ихъ сама. Только дикіе гуси съ крикомъ летятъ на море чтобы доставить Колымцамъ единственное пропитаніе; дивная заботливость Промысла. Да сохранить Всевышній ваше здоровье, любезнѣйшая матушка, какъ хранить оное мое. Разрушительный климатъ здѣшній начинаетъ только съ зубовъ свое грызенье, впрочемъ грѣхъ жаловаться. Сестрицъ прошу васъ обнять за меня, приломнивъ и чигинскихъ братьевъ. Петру и Павлу привѣтъ, знакомымъ и домашнимъ поклоны. Въ мирномъ на Волховскомъ жилищѣ своемъ * забудьте несчастіе какъ во снѣ. но только помните безъ укора любящато васъ сына

Александра Бестужева.

28.

Якутскъ, 1829, мая 25го дня.

Открывшаяся Лена принесла на хребтѣ своемъ вмѣстѣ со льдами и посылку, за которую благодарю, цѣлуя заботливую руку вашу, любезная матушка. Снуръ очень хороши, каретки весьма полезны. Жаль только что эта почта не привезла о васъ вѣсточку и, что еще печальнѣе, привезла ужасную

* Имяне Бестужевыхъ, Сольцы, куда мать ихъ съ сестрами удалась каждое лѣто, было на Волховѣ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ, въ Петербургской губерніи.

вѣсть объ убійствѣ при персидскомъ дворѣ посланника. Не говорю уже какую горестъ почувствовалъ я о потерѣ человѣка, котораго пріязню имѣлъ счастье пользоваться, но (не) просто какъ человѣкъ, но просто какъ Русскій, могу ли не горевать о такой безвременной кончинѣ человѣка, которому счастье общало все въ будущемъ, и который столько общалъ отечеству своими познаніями и талантами! Вотъ судьба: одного градъ луть минуетъ, другой пораженъ желѣзомъ въ ловѣ мира, подъ кровомъ народныхъ правъ и за стѣнами гостепріимства. Сколько людей завидовали его возвышенію, не имѣя и сотой доли его достоинствъ, кто позавидуетъ теперь его паденью? Молнія не свергается на мураву, но на высоту башенъ и на главы горъ. Высь души, кажется, манитъ къ себѣ ударъ жребія. Доблестъ человѣческая осуждена гибнуть въ цвѣту, въ этомъ мірѣ одинъ Богъ разсыплетъ люды ея здѣсь и тамъ. *

Вы кручинитесь, любезнѣйшая матушка, что, при открывающейся войнѣ, братья-воины будутъ снова подвержены опасностямъ. Примѣръ Грибоѣдова можетъ доказать вамъ невѣрность разчета вѣроятностей, а милость Провидѣнія, хранившаго ихъ доселѣ, пусть успокоитъ насчетъ будущаго. „Что будетъ то будетъ, говорилъ Хмѣльницкій, а будетъ то что Богъ дастъ.“

Погода у насъ стоитъ зѣло сумрачная, рѣка играетъ, то есть то прибудеть, то сбудеть, и что страннѣе всего, до сихъ поръ не одного лавозка не пришло. По лугамъ, на которыхъ протекъ разливъ Лены, теперь зеленѣетъ трава, но по суходоламъ гдѣ-гдѣ свѣжую муравку увидишь, кусты чуть распушаются, а деревья наги; сбросивъ зимнія иглы, они не отросли еще новыхъ ногтей. Но что значитъ скучная здѣшняя весна въ сравненіи съ Туруханскомъ или Колымою, гдѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ въ самомъ городѣ иногда не протаиваютъ снѣга, несмотря на то что солнце не вечерѣетъ. Впрочемъ и здѣсь лѣта, которыхъ обрашукъ мы видѣли въ Петербургѣ, безъ тѣни и свѣжести. Мудрено ли что чудаки поэтъ Альфіеръ увхалъ изъ Сѣверной Пальмиры на другой день своего прибытія, испугавшись свѣтлости нашихъ ночей и блѣдности русскаго неба! Небо здѣсь еще блѣднѣе, и мѣсяцъ обыкновенно виденъ лежащимъ роги вверхъ, что весьма дѣлаетъ его сходнымъ съ ладьею. Впрочемъ, я пользуюсь здѣсь собственномъ большою небесной Медвѣдицы, старой своей знакомки; въ хвостѣ ея, полпрежнему, сверкаетъ Полярная Звѣзда,

* А. Бестужевымъ, безъ сомнѣнія подъ живымъ впечатлѣніемъ печальнаго извѣстія о смерти Грибоѣдова, была составлена весьма интересная статья: *Знакомство мое съ Грибоѣдовымъ*. Обязательно сообщенная мнѣ Еленой Александровной Бестужевой, она помѣщена мною въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1861 года.

а порой лучи ея сыплются и на бумагу. Что-то дошли ли до васъ первые стихи мои? И что съ ними, если дошли?

Сестрицъ прошу перецѣловать одну за другою; не пишу особенно по нерасположенію духа, вслѣдствіе политическихъ новостей. Воображаю печаль почтенной матушки и сестры Александра Сергѣевича! * Въ ихъ домѣ, въ Москвѣ, я былъ какъ родной, теперь они потеряли единственнаго!.. Пожелайте выздоровленія старшей тетушкѣ и веселья обѣимъ. Кат. Мих. мое почтеніе, Ник. Серг. вдвое, веѣмъ меня помнящимъ прпрвѣтъ. Мнѣ самому—ваше благословеніе.

† Сынъ вашъ Александръ.

P. S. Всѣ сказанныя вами письма получили.

29.

Иркутскѣ, 1829 года, 27го іюля.

Любезные братья Михаилъ и Николай!

Богъ великъ, и государь милостивъ. Оба услышали мои мольбы, я солдатъ и лѣчу къ стѣнамъ Эрзерума.

Путь мой верхомъ по берегамъ Лены былъ труденъ и опасенъ, рѣдкій день проходилъ безъ приключеній, но каждый часъ сближаетъ меня съ битвами за правое дѣло, и я благословляю судьбу.

Мужайтесь, уповая на Бога. Желайте мнѣ заслужить царское великодушіе. Обнимаю васъ послѣдній разъ въ Сибири, будьте теперь здоровы и всегда счастливы. Душою братъ и другъ

вашъ Александръ.

P. S. При семъ посылаю 3½ аршина сукна сѣраго. Однѣ рукавицы и однѣ перчатки съ береговъ Лены. Также куртку вапковую, подбитую легиагами, и сто рублей на мелкіе расходы.

Я виѣ себя отъ радости что увижусь съ братьями. ** Неужели и съ вами не увижусь я? *** Дай Боже, по крайней мѣрѣ, чтобы духъ мой съ кроваваго поля узрѣлъ васъ счастливыми.

Александрю Бестужеву крѣпко стосковалось въ Якутскѣ. Жажда дѣятельности мучила его невыразимо. Занятія каби-

* Грибоѣдова.

** Петромъ и Павломъ.

*** Судьба не судила Александрю Бестужеву видѣться съ „друзьями души его“, какъ онъ называлъ своихъ братьевъ Николая и Михаила.

нетныя, при невозможности съ кѣмъ бы то ни было подѣлиться результатами своихъ трудовъ, не могли, конечно, удовлетворить этого человѣка... И вотъ онъ рѣшается, хоть чрезъ тернистый, полный опасностей боевой луть Кавказской жизни, но добиться въ концѣ концовъ свободы, или, по крайней мѣрѣ, возможности имѣть большій просторъ для дѣятельности.... Всеподданнѣйшее прошеніе Бестужева о переводѣ его на Кавказъ, написанное горячо, было услышано. 29го іюня 1829 года онъ прибылъ въ Иркутскъ. 4го іюля того же года, вмѣстѣ съ Толстымъ, однимъ изъ товарищей его несчастья, также переведеннымъ на Кавказъ, выѣхалъ онъ изъ столицы Восточной Сибири. Ровно черезъ мѣсяць оба изгнанника прибыли на Кавказъ и немедленно приняли участіе въ экспедиціяхъ противъ Горцевъ.... Но мы еще, быть-можетъ, увидимся съ А. Бестужевымъ на Кавказѣ, въ другомъ его собраніи писемъ, также еще неизданныхъ и приготавливаемыхъ нами къ печати.

М. СЕМЕВСКІЙ.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. ЛОНДОНЪ.

ГЛАВА XIV.

Джофри пишетъ письмо.

Слуги лорда Гольчестера, съ буфетчикомъ во главѣ, ждали съ часу на часъ пріѣзда мистера Юлія Деламена изъ Шотландіи. Появленіе обоихъ братьевъ вмѣстѣ удивило весь домъ. Юлій одинъ распрашивалъ буфетчика, а Джофри только стоялъ да слушалъ.

— Отецъ живъ?

— Лордъ Деламень, можно сказать, удивилъ докторовъ. Ему вчера вечеромъ сдѣлалось гораздо лучше. Если такъ продолжится еще двое сутокъ, выздоровленіе его считается несомнѣннымъ.

— Какая болѣзнь у него?

— Ударъ. Когда леди Деламень телеграфировала вамъ въ Шотландію, доктора отъ него отказались.

— Матушка дома?

— Для васъ дома.

Буфетчикъ произнесъ личное мнѣстоименіе съ особеннымъ

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2, 3 и 4.

удареніемъ. Юлій обратился къ брату. Улучшеніе въ состояніи здоровья лорда Гольчестера сгавило въ эту минуту Джоффри въ неловкое положеніе. Входъ въ родительскій домъ былъ ему положительно запрещенъ. Онъ могъ послушаться этого запрещенія только въ предположеніи что отецъ умираетъ. При настоящихъ же обстоятельствахъ, воля лорда Гольчестера сохраняла всю свою силу. Низшая прислуга, обязанная повиноваться этой волѣ подѣ страхомъ отказа отъ мѣста, поглядывала то на мистера Джоффри, то на б. фетчл-а. Буфетчикъ поглядывалъ то на Джоффри, то на Юлія. Юлія ...дѣлъ на брата. Водворилось неловкое молчаніе. Второй сынъ являлся чѣмъ-то въ родѣ дикаго животнаго, отъ котораго нужно отдѣлаться, не рискуя, по возможности, собою.

Джоффри первый заговорилъ, и разрѣшилъ затрудненіе:

— Отворите дверь кто-нибудь, сказалъ онъ лакею.—Я уйду.

— Постои минуту, вступился братъ.—Магушка будетъ очень огорчена, когда узнаетъ что ты былъ здѣсь и не видался съ нею. Мы находимся въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Джоффри. Пойдемъ наверхъ, я беру на себя.

— Да я-то на себя ни за что не возьму, отвѣтилъ Джоффри.—Отворите дверь.

— Подожди здѣсь, по крайней мѣрѣ, уговаривалъ Юлій,—пока я пришлю тебѣ сказать.

— Пришли сказать въ гостиницу Негля. Тамъ я дома, а здѣсь—нѣтъ.

Въ эту минуту разговоръ въ прихожей былъ прерванъ появленіемъ маленькаго Терріера. Увидѣвъ чужихъ, собака залаяла. Доктора непремѣнно требовали полнѣйшей тишины въ домѣ. Слуги бросились всѣ ловить и унимать собаку, и тѣмъ только усилили шумъ. Джоффри разрѣшилъ и это затрудненіе по-своему. Онъ повернулся, когда собачка пробѣгала мимо него, и ударилъ ее тяжелымъ салогомъ. Она упала на мѣстѣ съ жалобнымъ визгомъ.

— Любимая собачка миледи! воскликнулъ буфетчикъ.—Вы переломали ей ребра.

— То-есть я отбилъ у нея охоту лаять, отозвался Джоффри.—Чортъ съ ней!—Онъ обратился къ брату:—Это рѣшаетъ вопросъ, проговорилъ онъ весело.—Лучше мнѣ отложить свиданіе съ милою мамашей до слѣдующаго случая. Ты знаешь гдѣ найти меня. Приходи обѣдать. У Негля подадутъ такую котлету что почувствуешь себя другимъ человѣкомъ.

Онъ вышелъ. Лакен глядѣли на втораго сына лорда съ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Они видѣли его на годичномъ праздникѣ „Общества кулачныхъ бойцовъ“ въ боевыхъ перчаткахъ. Онъ въ три минуты забилъ бы до полусмерти самаго сильнаго человѣка въ прихожей. Швейцаръ поклонился, отворяя дверь. Все вниманіе прислуги сосредоточено было въ эту минуту на Джофри. Юлій пошелъ наверхъ никѣмъ не замѣаемый.

Быль августъ мѣсяць. Улицы были пусты. Дулъ зловреднѣйшій вѣтеръ въ Лондонѣ,—жаркій, восточный вѣтеръ. Даже Джофри, повидимому, чувствовалъ на себѣ вліяніе погоды, пока извощикъ везъ его отъ двери отцовскаго дома до гостиницы. Онъ снялъ шляпу, разстегнулъ жилетъ, закурилъ свою неизмѣнную трубку, и все что-то ворчалъ про себя, пуская изо рта дымъ. Одинъ ли жаркій вѣтеръ вызывалъ эти проявленія неудовольствія, или на умѣ у него была тайная забота, способствующая расслабляющему вліянію погоды? Была тайная забота у него на умѣ, и забота эта звалась Анной.

При настоящихъ обстоятельствахъ, какъ поступить ему съ несчастною женщиной, ожидавшею отъ него вѣсти на шотландскомъ постояломъ дворѣ?

Писать или не писать? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ для Джофри.

Первое затрудненіе, какъ адресовать письмо, Анна устранила сама. Она рѣшилась, въ случаѣ нужды, объявить свое имя до пріѣзда Джофри, только назваться не миссъ, а мистрисъ Сильвестеръ. Письмо адресованное на имя мистрисъ Сильвестеръ дойдетъ до нея безъ всякихъ затрудненій. Не въ этомъ заключалось сомнѣніе. Сомнѣніе заключалось, какъ обыкновенно, въ выборѣ между двоякимъ образомъ дѣйствія. Чѣмъ благоразумнѣе: уведомить Анну съ сегодняшнею же почтой что выздоровленіе отца сочтено будетъ несомнѣваемымъ лишь по прошествіи двухъ сутокъ, или подождать пока эти двое сутокъ пройдутъ, и тогда уже дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами? Взвѣсивая вопросъ этотъ, сидя на извожикѣ, Джофри рѣшилъ что самое лучшее—успокоить Анну, уведомивъ ее о положеніи дѣлъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу, онъ сѣлъ писать письмо; усомнился, разорвалъ его, усомнился опять, снова принялся писать, еще разъ усомнился, и разорвалъ второе письмо: всталъ и

признался себѣ нелечатнымъ языкомъ что никакъ не можетъ рѣшить что безопаснѣе: писать теперь, или обождать.

Въ этомъ затрудненіи здоровые физическіе инстинкты побудили его обратиться за облегченіемъ къ здоровымъ физическимъ средствамъ. „У меня въ головѣ каша, сказалъ себѣ Джофри;—попробую выкутаться.“

Куланіе было многосложное, происходившее во многихъ комнатахъ и заключавшее въ себѣ много различныхъ положеній. Онъ подвергалъ себя дѣйствию пара, онъ нырялъ, онъ становился подъ душъ, и на голову ему лилась струя холодной воды. Его клали на спину, клали на животъ; искусныя руки почтительно терли и мяли его съ ногъ до головы. Онъ вышелъ изъ бани гладкій, свѣжій, румяный, прекрасный. Онъ вернулся въ гостиницу и олять взялся за перо и бумагу; и вотъ олять овладѣла имъ несносная нерѣшимость. Нельзя было отмыться отъ нея. Этого разъ виною всему представилась ему Анна. „Эта проклятая женщина погубитъ меня“, сказалъ Джофри, взявъ шляпу. „Надо попробовать гири.“

За этимъ новымъ пособіемъ противъ вялости ума онъ отправился въ школу гимнастики, которую содержалъ мастеръ дѣла, имѣвшій честь учить его когда онъ готовился къ атлетическимъ состязаніямъ.

— Особую комнату и гири! крикнулъ Джофри:—самыя тяжелыя какія есть у васъ.

Онъ снялъ верхнее платье и принялся за работу, держа тяжести въ обѣихъ рукахъ и размахивая ими вверхъ и внизъ, назадъ и впередъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ движеній, пока его великолѣпныя мускулы словно готовы были выскочить изъ-подъ гладкой кожи. Мало-по-малу онъ расходился. Сильное напряженіе ольяняло сильнаго человѣка. Въ возбужденномъ состояніи онъ весело ругался, призывая громъ и молнію, разореніе и гибель на содержателя и сына его, въ отвѣтъ на комплименты которыми они его осылали. „Перо, чернилъ и бумага!“ заревѣлъ онъ, когда уже былъ не въ силахъ владѣть гирями. „Я рѣшился. Напишу, и тѣмъ покончу.“ Онъ тутъ же сѣлъ писать: онъ дѣйствительно дописалъ письмо до конца; еще минута, и оно отправилось бы да почту; но въ эту минуту олять овладѣло имъ дѣстериное сомнѣніе. Онъ распечаталъ письмо, передалъ его, и олять разорвалъ. „Я не въ своей тарелкѣ!“ вскричалъ Джофри, устремляя

большіе растерянные глаза на обучившаго его профессора.—
„Громъ и молнія! Пошлите за Кроучемъ.“

Кроучъ, извѣстный и чтимый вездѣ гдѣ извѣстна и чтима англійская мужественность, былъ живущій на поковъ кулачный боецъ. Онъ являлся съ третьимъ и послѣднимъ средствомъ для возбужденія дѣятельности ума, какое извѣстно было досто-почтенному Джоффри Деламеу, а именно съ парой боевыхъ перчатокъ въ ковровомъ мѣшкѣ.

Дворянскіе и кулачный боецъ надѣли перчатки и стали другъ противъ друга въ классически правильномъ оборонительномъ положеніи.

— У меня не шутить, проворчалъ Джоффри, — биться, какъ бляса бы на полѣ, когда приказано одолѣть.

Никто лучше великаго и грознаго Кроуча не зналъ что значить настоящій бой и какіе страшные удары можно нанести даже набитыми перчатками. Онъ только притворился что лопивуется желанію своего покровителя. Джоффри, въ награду за его учтивость, сбилъ его съ ногъ. Великій и грозный всталъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. ;

— Славный ударъ, сударь, сказалъ онъ, — теперь попробуйте другою рукой.

Джоффри не такъ владѣлъ собою. Посылая Кроуча въ преисподнюю ада, онъ грозилъ мгновеннымъ лишеніемъ своего покровительства, если учтивый боецъ не будетъ сейчасъ биться во всю силу. Герой сотни боевъ смутился отъ такой угрозы.

— У меня семейство на рукахъ, замѣтилъ Кроучъ.—Если вамъ непременно угодно, такъ вотъ вамъ.

Послѣдовало паденіе Джоффри, потрясшее весь домъ. Онъ тотчасъ же вскочилъ на ноги, все еще недовольный.

— Не бить въ туловище! заревѣлъ онъ. — Въ голову бей. Громъ и молнія! Валяй во всю! Въ голову бей.

Послушный Кроучъ сталъ бить въ голову. И тотъ и другой получалъ и наносилъ удары, которые оглушили бы, а можетъ-быть и убили бы на мѣстѣ образованнаго члена общества. То съ одной стороны, то съ другой, кулаки бойца падали на голову его покровителя съ глухимъ, страшнымъ звукомъ. Наконецъ самому Джоффри показалось достаточно.

— Благодарю васъ, Кроучъ, сказалъ онъ, впервые показывая бойцу учтивость.—Довольно. Теперь я чувствую себя хорошо. Онъ раза два, три покачалъ головою, онъ былъ вытертъ съ ногъ

до головы, какъ скаковая лошадь конюхомъ; онъ выпилъ обильную кружку пива, и развеселился словно волшебствомъ.

— Прикажете перо и бумаги? освѣдомился содержатель.

— Благодарю покорно! отозвался Джофри:— каша теперь выбита у меня изъ головы. Къ чорту перо и бумагу! Я отыщу нѣкоторые товарищи и пойду въ театръ. Онъ вышелъ изъ школы гимнастики въ самомъ счастливомъ, спокойномъ настроеніи духа. Подъ ударами Кроучевыхъ кулаковъ вялая хитрость его проснулась наконецъ и пришла въ дѣйствіе. Надо быть сумашедшимъ чтобы писать Аннѣ локуда нѣтъ крайней необходимости. Лучше всего выждать что произойдетъ въ теченіи двухъ сутокъ, а потомъ написать ей, или бросить ее, смотря по обоготельствамъ. Это ясно какъ день. Благодаря Кроучу, глаза его открылись.

— Итакъ, обѣдать весело съ товарищами, а потомъ въ театръ!

ГЛАВА XV.

Джофри на брачномъ рынкѣ.

Двое сутокъ прошли, и братья не видались. Юлій, оставаясь въ отцовскомъ домѣ, посылалъ брату въ гостиницу краткіе отчеты о здоровьи отца. Въ первомъ такомъ увѣдомленіи говорилось: „Идетъ хорошо. Доктора довольны.“ Тонъ втораго былъ рѣшительнѣе: „поправляется отлично. Доктора полагаютъ большія надежды“. Третье было самое опредѣленное: „Я увижу отца черезъ часъ. Доктора отвѣчаютъ за его выздоровленіе. Будьте увѣрены что я замолвлю за васъ слово, если возможно, и ждите извѣстій отъ меня въ гостиницѣ.“

Лицо Джофри омрачилось по прочтеніи третьяго увѣдомленія. Онъ опять потребовалъ ненавистныя перо и бумагу. Теперь уже, безъ сомнѣнія, необходимо писать Аннѣ. Выздоровленіе лорда Гольчестера ставило его опять въ то же самое положеніе въ какомъ находился онъ въ Виндигетсѣ. Удержать Анну отъ какого-нибудь отчаяннаго поступка, который залуталъ бы его въ скандальную исторію и разрушилъ бы всѣ надежды на отца, опять представлялось ему единственнымъ средствомъ избѣжать бѣды. Все лисьмо его заключалось въ пятнадцать словахъ: „Милая Анна, сейчасъ только узналъ что отецъ поправляется. Оставайся тамъ, гдѣ ты теперь. Напиши опять.“

Отправивъ это спартанское сочиненіе по почтѣ, Джофри закурилъ трубку и сталъ ожидать исхода свиданія лорда Гольчестера со старшимъ сыномъ.

Юлій нашелъ отца страшно измѣнившимся съ виду, но въ полномъ умѣ. Старый законникъ не могъ отвѣчать на пожатіе руки сына, не могъ безъ помощи повернуться въ постели, но суровый глазъ его былъ также зорокъ, суровый умъ его также ясенъ, и, какъ прежде, цѣлью честолюбія его было видѣть Юлія членомъ парламента. Юлій въ это именно время, по желанію отца, выгупалъ кандидатомъ на выборахъ въ Шертшейръ. Не просидѣвъ старшій сынъ двухъ минутъ у постели отца, какъ уже лордъ Гольчестеръ жадно принялся толковать о политикѣ.

— Благодарю, Юлій, за поздравленія. Такіе люди какъ я не легко сваливаются. Посмотри на Брума и Линдгорста. Не придется еще тебѣ занять мѣсто въ верхней палатѣ. Ты начнешь съ нижней палаты, какъ мнѣ и хотѣлось. Какія надежды у тебя на избирателей? Скажи мнѣ въ точности въ какомъ положеніи твое дѣло и въ чемъ я могу помочь тебѣ.

— Вы едва ли еще въ силахъ говорить о дѣлахъ.

— Совершенно въ силахъ. Мнѣ нужно чѣмъ-нибудь заняться. Мысли мои начинаютъ возвращаться къ прошлому, къ такому чгдъ лучше забыть.

Внезапное содроганіе пробѣжало по его блѣдному лицу. Онъ присгально поглядѣлъ на сына.

— Юлій, заговорилъ онъ опять,—слыхалъ ли ты о молодой женщинѣ, по имени Анна Сильвестеръ?

Юлій отвѣчалъ отрицательно. Онъ и жена его обмѣнялись карточками съ леди Лунди и отклонили приглашеніе на сельскій праздникъ. Кромѣ Бланки, они не знали никого изъ членовъ семейства живущаго въ Виндигетсѣ.

— Заломни это имя, продолжалъ лордъ Гольчестеръ.—Анна Сильвестеръ. Отецъ и мать ея умерли. Я когда-то знакомъ былъ съ отцомъ. Съ матерью ея не хорошо поступили. Дурное было дѣло. Послѣ многихъ лѣтъ, я теперь впервые передуналъ объ этомъ. Если дочь жива и гдѣ-нибудь бьется на свѣтѣ, она, можетъ-быть, припомнитъ имя нашего семейства. Помоги ей, Юлій, если она будетъ нуждаться въ помощи и обратится къ тебѣ.

Опять болѣзненное содроганіе пробѣжало по лицу его. Упокоились ли мысли его къ тому достопамятному лѣтнему вечеру

на Гамлстедской дачѣ? Видѣлъ ли онъ опять покинутую женщину, безъ чувствъ лежащую у ногъ его?

— Говори о своемъ выборѣ, произнесъ онъ нетерпѣливо.— Мой умъ не привыкъ быть празднымъ. Дай ему какое-нибудь занятіе.

Юлій описалъ свое положеніе насколько могъ ясно и коротко. Отецъ нашелъ въ этомъ отчетѣ все удовлетворительнымъ, кромѣ отсутствія сына съ поля дѣйствія. Онъ порицалъ леди Гольчестеръ за то что она призвала Юлія въ Лондонъ. Онъ недоволенъ былъ тѣмъ что сынъ сидитъ тутъ у его постели, когда ему слѣдовало бы говорить съ избирателями.

— Это неудобно, Юлій! сказалъ онъ лорывисто.— Развѣ ты не видишь самъ что это неудобно?

Условившись предварительно съ матерью воспользоваться первымъ случаемъ какой представится чтобы заговорить о Джофри, Юлій рѣшился выразить такой взглядъ, къ которому отецъ не былъ приготовленъ.

— Я не считаю это неудобствомъ, и братъ также. Джофри очень безпокоился о васъ. Джофри пріѣхалъ со мною въ Лондонъ.

Лордъ Гольчестеръ поглядѣлъ на сына съ выраженіемъ сердито-насмѣшливаго удивленія.

— Развѣ я не говорилъ тебѣ что расудокъ мой не пострадалъ отъ болѣзни? Джофри безпокоился обо мнѣ? Безпокойство есть одно изъ ощущеній цивилизованныхъ людей. Человѣкъ въ его дикомъ состояніи неспособенъ чувствовать безпокойства.

— Но братъ не дикій.

— Желудокъ его всегда полонъ, а тѣло покрыто лосотномъ и сукномъ, вмѣсто красной охры и жира. Настолько твой братъ, конечно, цивилизованъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ дикій.

— Я знаю о чемъ вы говорите. Но можно сказать кое-что и въ защиту образа жизни Джофри. Онъ развиваетъ въ себѣ мужество и силу. Мужество и сила хорошия въ своемъ родѣ качества.

— Превосходныя качества если развиты. Если ты хочешь знать какъ далеко идетъ такое мужество, заставь Джофри написать что-нибудь на пристойномъ англійскомъ языкѣ, и увидишь хватить ли у него на это мужества. Заставь его приготовиться на степень, и какъ онъ ни силея, онъ захвораетъ при видѣ книгъ. Ты хочешь чтобъ я повидѣлся съ твоимъ братомъ. Ничто не

заставить меня повидаться съ нимъ пока его образъ жизни (какъ ты выразился) не измѣнится. Я надѣюсь теперь только на одно средство которое могло бы измѣнить его. Очень возможно что вліяніе женщины хорошей фамиліи и хорошо воспитанной, одаренной качествами которыя даже дикаго заставили бы уважать ее, могло бы имѣть вліяніе на Джоффри. Если онъ хочетъ имѣть опять входъ въ мой домъ, пусть онъ сначала заслужитъ входъ въ хорошее общество и привезетъ мнѣ невѣстку которая согласится ходатайствовать за него, и которую мать твоя и я могли бы принять и уважать. Если это случится, я начну надѣяться на Джоффри. А до тѣхъ поръ не передавай брату никакихъ разговоровъ которые могутъ быть у меня съ тобой. Теперь возвратимся къ твоему выбору. Я хочу дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ прежде чѣмъ ты уѣдешь. Ты хорошо слылаешь если поѣдешь сегодня. Прилодниаи меня на подушкѣ. Мнѣ будетъ легче говорить, когда голова моя будетъ повыше.

Сынъ прилодниааъ его на подушкѣ и опять попросилъ его беречься.

Но это было бесполезно. Никакія убѣжденія не могли поколебать желѣзной воли челоѵѵка проложившаго себѣ дорогу въ политическомъ мірѣ къ высокому, исключительному положенію, которое онъ занималъ въ немъ. Бесильный, полумертвый, вырванный изъ самой челюсти смерти, лежалъ онъ, твердо излагая свой здравый взглядъ на вещи, за которыя, по мнѣнію сына, онъ былъ достоинъ всевозможныхъ мірскихъ почестей. Онъ не забылъ ни одного совѣта, ни одного предостереженія которые могли помочь Юлію пройти по узкимъ политическимъ дорогамъ, по которымъ онъ самъ прошелъ такъ невредимо и съ такимъ успѣхомъ. Еще часъ прошелъ прежде чѣмъ непроницаемый старикъ закрылъ усталые глаза и согласился съѣсть что-нибудь и успокоиться. Его послѣднія слова, едва слышныя отъ утомленія, были похвалою политической карьерѣ.

— Это великая карьера, Юліи. Я ни о чемъ такъ не скажу какъ о палатѣ общинъ.

Получивъ опять свободу думать и дѣйствовать, Юліи перешелъ съ постели лорда Гольчестера въ будуаръ леди Гольчестеръ.

— Говорилъ отецъ что-нибудь о Джоффри? встрѣтила его мать, когда онъ вошелъ въ ея комнату.

— Отецъ даетъ Джоффри послѣднюю надежду получить прощенье. Отъ Джоффри зависитъ воспользоваться ею.

Лицо леди Гольчестеръ омрачилось.

— Знаю, сказала она.—Послѣдняя надежда, это—приготовиться на степенъ. Невозможно, мой милый. Невозможно. Еслибы что-нибудь полегче, что-нибудь въ чемъ я могла бы помочь ему.

— Вы можете помочь ему, прервалъ ее Юлій.—Милая матушка, повѣрите ли? Послѣдняя надежда для Джоффри (скажу однимъ словомъ)—бракъ.

— О, Юлій, это саашкомъ хорошо чтобы быть вѣроятнымъ. Юлій повторилъ ей слова отца. Слушая его, леди Гольчестеръ помолодѣла на двадцать лѣтъ. Когда онъ кончилъ, она позвонила.

— Кто бы ни пріѣхалъ, меня нѣтъ дома, сказала она саутъ. Обернувшись къ Юлію, она поцѣловала его и, подвинувшись, дала ему мѣсто возлѣ себя на диванѣ.—Джоффри воспользуется этою надеждой, сказала она весело.—Я за него ручаюсь. У меня есть на примѣтѣ три невѣсты. Сядь сюда, мой милый. Обдумаемъ хорошенько которая изъ нихъ можетъ скорѣе привлечь Джоффри и лучше подойти къ понятіямъ отца о хорошей невѣсткѣ. Когда мы рѣшимъ, не рискуй писать объ этомъ Джоффри. Повзжай къ нему самъ и переговори съ нимъ въ его гостиницѣ.

Мать и сынъ начали совѣщаться и неумышленно посылали сѣмена ужасной жатвы.

Г Л А В А XVI.

Джоффри какъ общественный характеръ.

Время зашло за полдень прежде чѣмъ избраніе будущей жены Джоффри было рѣшено, и прежде чѣмъ братъ Джоффри былъ снабженъ достаточными инструкціями чтобы приступить къ брачному договору въ гостиницѣ Негль.

— Не оставляй его пока не получишь его обѣщанія, сказала леди Гольчестеръ, когда сынъ уходилъ со своимъ порученіемъ.

— Если Джоффри откажется отъ того что я предложу ему, возразилъ сынъ,—я соглашусь съ отцомъ что дѣло непоправимо, и тоже откажусь отъ Джоффри.

Это были сильныя слова со стороны Юлія. Не легко было вывести изъ терлѣнія ровный, выдержанный характеръ стар-

шаго сына лорда Гольчестера. Никогда два человѣка не были столь мало похожи другъ на друга какъ эти два брата. Грустно допустить что это возможно въ роднѣ современнаго Англичанина, но надо сознаться что Юлій развивалъ свой умъ. Этотъ выродокъ-Британецъ могъ переваривать книги, и не могъ переваривать пива. Могъ научиться языкамъ, и не могъ научиться грести. Упражнялся въ чужеземномъ порокѣ добиваться совершенства на музыкальномъ инструментѣ, и не могъ научиться англійской добродѣтели отличать съ перваго взгляда хорошую лошадь отъ дурной. Могъ обходиться (Богъ его знаетъ какъ) безъ книги для записыванія лари. Откровенно признавался въ англійскомъ обществѣ что не считаетъ лай своры собакъ лучшею музыкой. Бывая за границей, могъ смотрѣть на гору, на вершину которой еще не входилъ ни одинъ человѣкъ, не почувствовавъ тотчасъ же своего назначенія войти на нее первому. Такіе люди могутъ существовать между низшими расами материка. Будемъ благодарить небо, господа, что Англія никогда не была и не будетъ удобнымъ мѣстомъ для нихъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу Негль и не найдя въ залѣ никого, Юлій обратился съ вопросомъ къ молодой женщинѣ сидѣвшей за окномъ конторки. Но женщина читала въ газетѣ что-то до того интересное что не слыхала его вопроса. Юлій вошелъ въ кофейную комнату.

Слуга въ углу былъ углубленъ въ чтеніе другой газеты. Три джентльмена у трехъ разныхъ столовъ были углублены въ чтеніе третьей, четвертой и пятой газетъ. Не замѣтивъ вошедшаго, они всѣ продолжали читать. Юлій рѣшился потревожить слугу и спросилъ гдѣ можно найти мистера Джофри Деламенъ. При звукахъ славнаго имени слуга, вздрогнувъ, подаялъ голову.

— Вы братецъ мистера Деламена, сэръ?

— Да.

Три джентльмена съ трехъ столовъ тоже подняли головы. Блескъ славы Джофри отражался на его брата и придавалъ ему общественный характеръ.

— Вы найдете мистера Джофри, сказалъ слуга взволнованнымъ голосомъ,—въ гостиницѣ „Поваръ и бутылка“, въ Путни.

— Я ожидалъ найти его здѣсь. У меня съ нимъ была условлена встрѣча въ этой гостиницѣ.

Слуга устремилъ на него глаза съ невыразимымъ удивленіемъ.

— Развѣ вы не знаете новости, сэръ?

— Нѣтъ.

— Съ нами крестная сила! воскликнулъ слуга, и протянулъ ему газету.

— Съ нами крестная сила, воскликнули три джентльмена, и протянули ему три газеты.

— Чтò такое? спросилъ Юлій.

— Чтò такое?! повторилъ слуга глухимъ голосомъ. — Самое ужасное событіе какое я только заломлю. Не бывать празднеству въ Фульгамъ, сэръ. Тинклеръ надорвался!

Три джентльмена торжественно олустились въ свои кресла и хоромъ повторили страшную новость: „Тинклеръ надорвался!“

Человѣкъ, которому приходится быть свидѣтелемъ ужаснаго народнаго несчастія, не повиная его, хорошо дѣлаетъ когда придерживаетъ свой языкъ. Юлій взялъ газету у слуги и съѣлъ съ намѣреніемъ сдѣлать два открытія. Первое: человѣка, или не человѣка означаетъ Тинклеръ. Второе: какой родъ человѣческихъ невзгодъ обозначаютъ словомъ „надорвался“.

Не трудно было найти новость въ газетѣ. Она была напечатана крулявѣйшимъ шрифтомъ и сопровождалась личнымъ свидѣтельствомъ фактовъ взятыхъ въ одномъ отношеніи, и другимъ личнымъ свидѣтельствомъ фактовъ взятыхъ въ другомъ отношеніи. Дальнѣйшія подробности и другія личныя свидѣтельства были обѣщаны въ слѣдующихъ изданіяхъ. Залтъ британской печати выстрѣлилъ извѣстіемъ что Тинклеръ надорвался, выстрѣлилъ въ народъ погруженный въ книжки для записыванія пари.

Освобожденные отъ преувеличенія, факты сами-по-себѣ были очень просты и немногосложны. Знаменитое Сѣверное Атлетическое Общество сдѣлало вызывъ знаменитому Южному Атлетическому Обществу. Ожидали обыкновенныхъ зрѣлищъ—бѣговъ, прыганья, стрѣльбы въ цѣль, и въ добавокъ ко всему—бѣга безпримѣрной длины и съ безпримѣрными трудностями въ хроникахъ человѣческихъ подвиговъ, между двумя лучшими людьми обѣихъ сторонъ. Тинклеръ былъ лучшимъ человѣкомъ на сторонѣ юга. Противъ его имени значились выигрыши въ безчисленныхъ книжкахъ пари. И вдругъ легкія Тинклера измѣнили ему, вслѣдствіе усиленнаго напряженія. Надежда видѣть безпримѣрное совершенство въ искусствѣ бѣганья и

(что еще важнѣе) надежда на большіе денежныя выигрыши и проигрыши была неожиданно отнята у британскаго народа. Югъ не могъ представить съверу другаго достойнаго соперника. Во всемъ атлетическомъ мѣрѣ существовалъ только одинъ человѣкъ способный замѣнить Тинклера, но не было почти никакой надежды что онъ согласится на это. Имя этого человѣка (съ ужасомъ прочелъ Юліи)—Джофри Деламенъ.

Глубокое молчаніе царствовало въ кофейной комнатѣ. Юліи положили газету и посмотрѣлъ вокругъ себя. Слуга, въ своемъ углу, былъ погруженъ, съ карандашомъ въ рукѣ, въ книгу лари. Три джентльмена были погружены, съ карандашами въ рукахъ, въ книги лари.

— Попробуйте убѣдить его, сэръ, сказалъ слуга умоляющимъ голосомъ, когда братъ Деламена всталъ чтобъ уйти.

— Попробуйте убѣдить его, сэръ, воскликнули три джентльмена, когда братъ Деламена отворилъ дверь и вышелъ.

Юліи кликнулъ извощика (погруженнаго съ карандашомъ въ рукѣ въ книгу лари) и велѣлъ ему ѣхать въ гостиницу „Поваръ и бутылка“, въ Путни. Извощикъ просіялъ при этихъ словахъ. Не надо было говорить ему ѣхать скорѣе. Онъ самъ логмалъ свою лошадь.

По мѣрѣ того какъ экипажъ приближался къ своей цѣли, признаки сильнаго народнаго волненія дѣлались очевиднѣе. Уста народа съ необыкновеннымъ единодушіемъ произносили имя Тинклера. Сердца народа (большею частію въ трактирахъ) были поглощены вѣроятностями за и противъ замѣны Тинклера другимъ человѣкомъ. Сцена противъ гостиницы была назидательна въ высшей степени. Даже лондонская чернь стояла безмолвно, пораженная великою народною скорбью. Самъ неутомимый разнощикъ въ фартукѣ, вѣчно вертящійся въ толгѣ предлагая орѣхи и лакомства, теперь производилъ свою торговлю безмолвно и (къ чести народа надо сказать) находилъ мало охотниковъ разгрызть орѣхъ въ такое время. Полиція, въ большомъ числѣ представителей, стояла тамъ въ безмолвной, трогательной симпатіи съ народомъ. Юліи, оставленный у подвѣзда, сказалъ свое имя и былъ встрѣченъ оваціей. „Его братъ! О небо, его братъ!“ Народъ обступилъ его, народъ жалъ ему руки, народъ призывалъ благословенія на его голову. Юліи задыхался, но наконецъ полиція освободила его и ввела невредимо въ привилегированное убѣжище за дверью гостиницы. Когда онъ вошелъ, въ верхней области

дома раздался оглушительный крикъ. Голосъ въ отдаленіи прокричалъ: „Берегись!“ Человѣкъ безъ шляпы проломился сквозь толпу собравшуюся на лестницѣ. „Ура! Ура! Онъ согласился! Онъ принялъ на себя бѣгу!“ Сотни голосовъ подхватили крикъ. Взрывъ рукоплесканій раздавался въ толпѣ на улицѣ. Сотрудники газетъ выбѣжали изъ гостиницы и помчались на извощикахъ передать новость печати. Рука хозяина, осторожно вводившаго Юлія подъ руку на лестницу, дрожала отъ волненія. „Его братъ, джентльмены! Его братъ!“ При этихъ магическихъ словахъ толпа разступалась. При этихъ магическихъ словахъ дверь комнаты совѣщанія распахнулась, и Юлію очутился въ полномъ собраніи атлетовъ своей родной страны. Надо ли описывать ихъ? Описаніе Джофри примѣнимо къ нимъ ко всемъ. Мужественность и мускулы Англичанъ похожи на шерсть англійскихъ барановъ, въ томъ отношеніи что въ толпѣ атлетовъ такъ же мало разнообразія какъ въ стадѣ барановъ. Юлію посматрѣвъ вокругъ себя и увидѣвъ одного и того же человѣка въ его костюмѣ, съ его здоровьемъ, силой, склонностями, привычками, разговоромъ и дѣйствіями, повторившагося въ безчисленныхъ экземплярахъ во всѣхъ частяхъ комнаты. Шумъ былъ оглушительный, а восторгъ казался (непосвященному лицу) чѣмъ-то безобразнымъ и страшнымъ. Джофри сидѣлъ на стулѣ поставленномъ на столѣ, чтобы всѣ могли его видѣть. Они лѣли вокругъ него, они лясали вокругъ него, они рукоплескали вокругъ него, они клялись вокругъ него. Они привѣтствовали его льяными возгласами: „Дорогой другъ! Славный, благородный, великолѣпный, прекрасный товарищъ!“ Они обнимали его, жали ему руки, шлепали его по спинѣ, щупали его мускулы. Они обнимали его благородныя ноги предназначенныя бѣжать въ несравненномъ бѣгѣ. На противоположной сторонѣ комнаты, гдѣ не было физической возможности пробраться къ герою, восторгъ выражался въ подвигахъ силы и въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ. Геркулесъ I расчистилъ себѣ локтями мѣсто и легъ. Геркулесъ II поднималъ его зубами. Геркулесъ III схватилъ кочергу изъ камина и разломилъ ее руками. Геркулесъ IV взялъ каминныя щипцы и разломалъ ихъ на своей шеѣ. Казалось, дѣло дойдетъ скоро до мебели и до самаго дома, но вдругъ взглядъ Джофри случайно остановился на Юлію, и голосъ Джофри громозвучно назвалъ Юлія, что возбуждало всеобщее вниманіе и дало дикому восторгу новое

направленіе. Ура его брату! Разъ, два, три—на плечи его брата! Четыре, пять, шесть — на головы его брата! Къ нему его брата! Смотрите, господа, смотрите! Герой взялъ его за воротъ! Герой посадилъ его на столъ! Герой, разгоряченный своимъ торжествомъ, милостиво привѣтствуетъ бѣднаго смертнаго градомъ проклятій.

— Громъ и молвія! Чтò еще случилось, Юлій? Чтò случилось?

Юлій перевелъ духъ и оправился. Спокойный, маленькій человекъ, у котораго хватало мускуловъ только на то чтобъ достать съ полки лексиконъ, а выдержки только на то чтобы играть на скрилкѣ, нисколько не испугавшись грубаго приема который ему сдѣлали, казалось, не вынесъ изъ него другаго чувства кромѣ неумолимаго презрѣнія.

— Не испугался ли ты? спросилъ Джофри.— Наши молодцы народъ безцеремонный, но они не хотѣли сдѣлать тебѣ зла.

— Я не испугался, но я дивлюсь, долго ли просуществуютъ англійскія школы и университеты, если англійскія школы и университеты будутъ продолжать выпускать такія шайки негодяевъ.

— Будь осторожнѣе, Юлій. Они выбросили бы тебя изъ окна еслибы слышали чтò ты сказалъ.

— Они только подтвердили бы мое мнѣніе о нихъ, Джофри, еслибы это сдѣлали.

Тутъ общество, видя бесѣдующихъ братьевъ, но не слыша бесѣды, начало безпокоиться объ участи бѣга. Громъ голосовъ обратился къ Джофри съ вопросомъ нѣтъ ли какого препятствія. Успокоивъ собраніе, Джофри обратился опять къ брату и, далеко не дружелюбнымъ тономъ, спросилъ его какого чорта ему повадobilось.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой прежде чѣмъ я уѣду опять въ Шотландію, отвѣчала Юлій.— Отецъ даетъ тебѣ послѣднюю надежду. Если ты не воспользуешься ею, мой домъ закрытъ для тебя точно такъ же какъ и его домъ.

Нѣтъ ничего замѣчательнаго, въ своемъ родѣ, здраваго смысла и удивительнаго самообладанія выказываемыхъ современнымъ юношествомъ, когда дѣло идетъ о денежныхъ интересахъ. Въмѣсто того чтобы разсердиться за токъ которымъ заговорилъ съ нимъ братъ, Джофри тотчасъ же спустился съ высокаго пьедестала славы на которомъ стоялъ и, безъ малѣйшаго сопротивленія, отдался въ руки державшія его судьбу, или, иначе, его кошелекъ. Черезъ пять минутъ собраніе было

распущено со всеми необходимыми увѣреніями что Джофри сдержитъ обѣщаніе, и братья залерлись въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ гостиницы.

— Ну, говори же, сказалъ Джофри.—И пожалуйста не распространяйся.

— Я кончу въ пять минутъ, возразилъ Юлій.—Я увѣжаю сегодня на легкомъ повѣздѣ, а у меня еще много дѣла. Вотъ тебѣ въ немногихъ словахъ: отецъ соглашается принять тебя олять если ты устроишься въ жизни съ его одобреніемъ, а мать нашла тебѣ невѣсту. Рожденіе, красота, деньги — все къ твоимъ услугамъ. Возьми ихъ, и ты возвратишь себѣ положеніе сына лорда Гольчестера. Откажись отъ нихъ—и иди къ своей гибели какъ знаешь.

Приемъ который Джофри сдѣлалъ извѣстію изъ дома былъ не совсемъ успокоительнаго свойства. Въмѣсто того чтобы отвѣтить что-нибудь, онъ съ яростью стукнулъ кулакомъ по столу и отъ всего сердца послалъ проклятіе женщинамъ которую не назвалъ.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до твоихъ унижительныхъ знакомствъ, продолжалъ Юлій.—Мое дѣло только сказать тебѣ какъ надо поступать, а поступать ты можешь какъ хочешь. Невѣста, о которой я говорилъ, урожденная миссъ Ньюендинъ, происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Англіи. Теперь она мистрисъ Гленармъ, молодая вдова (и бездѣтная вдова) извѣстнаго желѣзнаго заводчика. Знатность и богатство она соединила въ себѣ. Чистаго годоваго дохода она получаетъ десять тысячъ. Нашъ отецъ можетъ и захочетъ увеличить его до пятнадцати тысячъ, если ты будешь такъ счастливъ что убѣдишь ее выйти за тебя. Матушка отвѣчаетъ за ея личныя качества. Моя жена принимала ее, когда мы жили въ Лондонѣ. Теперь она, говорятъ, гоститъ у какихъ-то друзей въ Шотландіи, и когда я ворочусь домой, я позабочусь чтобъ она была приглашена къ намъ. Конечно, еще не извѣстно произведешь ли ты на нее благоприятное впечатлѣніе, но сдѣлавъ попытку, ты исполнишь желаніе отца.

Джофри нетерпѣливо прервалъ его.

— Если она не захочетъ имѣть мужемъ человека который побѣдитъ, въ большомъ фульгамскомъ бѣгѣ, такъ есть много женщинъ, не хуже ея, которыя захотятъ! Не въ этомъ затрудненіе. Чтѣ дѣлать съ тою!

— Олять повторяю тебѣ что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до

твоихъ затрудненій, продолжалъ Юлію.—Подумай о томъ что я тебѣ сказалъ. Если ты рѣшишься принять предложеніе, то можешь доказать что намѣреніе твое серьезно пріѣхавъ сегодня ко мнѣ на станцію. Мы поѣдемъ въ Шотландію вмѣстѣ. Ты окончишь твой прерванный визитъ у леди Лунди (для моихъ интересовъ необходимо чтобы ты оказалъ должное уваженіе особѣ съ ея положеніемъ въ свѣтѣ), а жена моя, между тѣмъ, устроитъ все какъ слѣдуетъ съ мистрисъ Гленарми, въ ожиданіи твоего пріѣзда къ намъ. Мнѣ больше нечего сказать тебѣ, и нѣтъ необходимости оставаться здѣсь. Если ты пріѣдешь сегодня вечеромъ на станцію, моя жена и я сдѣлаемъ для тебя все что отъ насъ зависитъ. Если мнѣ придется уѣхать безъ тебя, не трудись слѣдовать за мною. Между нами будетъ все кончено.

Онъ подалъ брату руку и вышелъ.

Оставшись одинъ, Джоффри закурилъ трубку и послалъ за хозяиномъ.

— Приготовьте мнѣ лодку. Я покатаюсь часа два по рѣкѣ. И положите полотенецъ. Я, можетъ-быть, выкупаюсь.

Хозяинъ, выслушавъ приказаніе, сдѣлалъ предостереженіе своему знаменитому гостю.

— Не выходите по передней лѣстницѣ, сэръ. Народъ такъ возбужденъ что полиція не ручается что его можно будетъ удержать въ порядкѣ, если онъ увидитъ васъ.

— Хорошо. Я выйду по задней лѣстницѣ.

Джоффри началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Что мѣшало ему воспользоваться золотою будущностью которую предлагалъ ему братъ? Бѣгъ? Нѣтъ! Комитетъ обѣщалъ отсрочить день, если онъ пожелаетъ, а мѣсяца подготовки будетъ ему достаточно, при его физическомъ развитіи. Не было ли у него какого-нибудь личнаго нерасположенія къ браку съ мистрисъ Гленарми? Конечно нѣтъ! Ему не было никакого дѣла до женщины, только бы отецъ остался доволенъ и состояніе ея было въ порядкѣ. Прелютствіе дѣйствительно мѣшавшее ему была женщина которую онъ погубилъ. Анна! Необъядимое затрудненіе состояло въ томъ какъ поступить съ Анной.

— Посмотримъ что я буду думать объ этомъ покатавшись по рѣкѣ, сказалъ онъ.

Хозяинъ и интзоръ полиціи вывели его изъ дома по задней лѣстницѣ, т. е. отъ ожидавшаго его на улицѣ народа.

Оба долго стояли на берегу, любясь имъ, когда онъ удалялся отъ нихъ своими медленными, сильными, свободными и красивыми ударами по водѣ.

— Вотъ что я называю гордостью и украшеніемъ Англіи, оказалъ инспекторъ.—Начались пари за него.

— Шесть противъ четырехъ, и никто не беретъ, сказалъ хозяинъ.

Юлій въ этотъ вечеръ рано отправился на станцію. Мать его очень безлокоилась. „Пусть твой примѣръ, сказала она,— послужитъ Джоффи извиненіемъ, если онъ опоздаетъ.“

Первый человѣкъ котораго встрѣтилъ Юлій, выйдя изъ кареты, былъ Джоффи, съ билетомъ въ рукѣ и съ чемоданомъ на плеченіи сторожа.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. ВИНДИГЕТСЪ.

ГЛАВА XVII.

Близко.

Библіотека въ Виндигетсѣ была самая большая и самая красивая комната въ домѣ. Два большіе отдѣла, на которые въ наше время раздѣляется литература, занимали въ ней свои собственные имѣ мѣста. На полкахъ, окружавшихъ стѣны, стояли книги которыя человѣчество уважаетъ—и не читаетъ. На столахъ, разставленныхъ въ комнатахъ, лежали книги которыя человѣчество читаетъ—и не уважаетъ. Къ первому отдѣлу относились произведенія мудрыхъ древнихъ, также исторіи, біографіи и очерки позднѣйшаго времени—иначе серьезная литература, которая повсемѣстно уважается и рѣдко читается. Ко второму отдѣлу—романы нашего времени, иначе легкая литература, которая повсемѣстно читается и рѣдко уважается. Въ Виндигетсѣ, какъ и вездѣ, мы считали исторію высшею литературой, потому что она, повидимому, вѣрна авторитетамъ (о которыхъ знали очень мало), а вымыселъ—легкою литературой, потому что онъ пытался быть вѣрнымъ природѣ (о которой знали еще менѣе). Въ Виндигетсѣ, какъ и вездѣ, люди бывали болѣе или менѣе довольны

собой, когда ихъ заставляли занимающимся исторіей, и болѣе или менѣе сконфужены, когда ихъ заставляли поглощенными нашимъ вымысломъ. Архитектурныя особенности устройства библіотеки способствовали развитію этого общаго и любопытнаго явленія человѣческой глулости. Между тѣмъ какъ рядъ роскошныхъ креселъ приглашалъ читателя серіозной литературы покрусоваться своимъ добродѣтельнымъ поступкомъ, рядъ уютныхъ углубленій въ стѣнѣ, закрытыхъ завѣсами, давалъ возможность читателю легкой литературы скрыть свое порочное дѣйствіе. Что же касается до остальныхъ, не столь важныхъ принадлежностей этой комнаты, онѣ были такъ обильны и хорошо выбраны какъ только сердце могло пожелать. И серіозная литература, и легкая литература, и великіе, и малые писатели, все освѣщалось одинаково яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, врывавшимся въ комнату сквозь окна отворявшіяся до полу.

Шелъ четвертый день послѣ праздника леди Лунди, и недоставало часа или болѣе до времени когда, по обыкновенію, раздавался звонокъ къ завтраку.

Виндигетскіе гости были почти всѣ въ саду, наслаждаясь прекраснымъ утромъ послѣ нѣсколькихъ туманныхъ, дождливыхъ дней. Два джентльмена (исключенія изъ общаго правила) были одни въ библіотекѣ. Отъ этихъ двухъ джентльменовъ менѣе чѣмъ отъ всѣхъ другихъ можно было ожидать что они имѣютъ законную причину искать свиданія другъ съ другомъ въ мѣстѣ литературнаго уединенія. Одинъ былъ Арнольдъ Бриквортъ, а другой Джоффи Деламень.

Они пріѣхали вмѣстѣ въ Виндигетъ въ этотъ день утромъ. Джоффи выѣхалъ изъ Лондона вмѣстѣ съ братомъ наканунѣ вечеромъ. Арнольдъ, котораго задержали въ его имѣніи, долѣе чѣмъ онъ предполагалъ, различныя церемоніи неизбѣжныя въ его положеніи, и отъ которыхъ никакъ нельзя было освободиться не обидѣвъ многихъ достойныхъ людей, — сѣлъ на поѣздъ на ближайшей къ его имѣнію станціи въ этотъ день рано утромъ и пріѣхалъ къ леди Лунди, какъ и уѣхалъ отъ нея, вмѣстѣ со своимъ другомъ.

Послѣ краткаго предварительнаго свиданія съ Бланкой, Арнольдъ пришелъ къ Джоффи въ безопасное убѣжище библіотеки чтобы разказать ему о своемъ свиданіи съ Анной. Окончивъ свой разказъ о происшествіяхъ въ Крегъ-Ферри, онъ теперь естественно ожидалъ что скажетъ ему въ свою

очередь Джоффри. Но, къ удивленію Арнольда, Джоффри спокойно повернулся и пошелъ вонъ изъ комнаты.

Арнольдъ безъ церемоніи остановилъ его.

— Не стѣшайте такъ, Джоффри. Я заинтересованъ въ счастіи миссъ Сильвестеръ точно такъ же какъ и въ вашемъ. Теперь, когда вы опять въ Шотландіи, что намѣрены вы дѣлать?

Еслибы Джоффри сказалъ правду, онъ опредѣлилъ бы свое положеніе слѣдующимъ образомъ:

Принявъ предложеніе брата, онъ, конечно, рѣшилъ бросить Анну. Но онъ еще ничего не обдумалъ. Какъ бросить женщину, довѣрившуюся ему, такъ чтобы скрыть свой подлый постулокъ отъ общества, онъ еще не зналъ. Смутная мысль успокоить и вмѣстѣ съ тѣмъ обмануть Анну бракомъ, который совсѣмъ не будетъ бракомъ, пришла ему въ голову когда онъ вѣхалъ изъ Лондона. Онъ спросилъ себя, нельзя ли устроить такую ловушку въ странѣ извѣстной свободой своихъ брачныхъ законовъ. Надѣясь что его образованный братъ, жившій постоянно въ Шотландіи, знаетъ все это, онъ завелъ разговоръ о шотландскихъ бракахъ вообще, съ намѣреніемъ выпытать у него необходимыя свѣдѣнія. Но Юлію не изучалъ этого вопроса, Юлію объ этомъ ничего не зналъ, этимъ свѣдѣніямъ и ограничились. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого отпора было то что онъ пріѣхалъ въ Шотландію не имѣя въ виду рѣшительно никакого средства къ освобожденію, надѣясь только на случайность, и съ намѣреніемъ жениться на мистрисъ Гленармъ. Таково было его положеніе и таковъ долженство-валъ бы быть его отвѣтъ на прямой вопросъ Арнольда о томъ что онъ намѣренъ дѣлать.

— То что слѣдуетъ, отвѣчалъ онъ, не покраснѣвъ.—Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Я очень радъ слышать что вы такъ увѣрены какъ слѣдуетъ поступить, сказалъ Арнольдъ.—Я на вашемъ мѣстѣ совсѣмъ бы растерялся. Я еще въ тотъ день думалъ, не кончите ли вы тѣмъ же чѣмъ я кончилъ бы, не обратитесь ли вы къ сэръ-Патрику.

Джоффри устремилъ на него пристальный взглядъ.

— Обратиться къ сэръ-Патрику? повторилъ онъ.—Для чего же вы обратились бы къ нему?

— Я не зналъ бы какія нужны формальности чтобы жениться на ней, отвѣчалъ Арнольдъ,—и, такъ какъ мы въ Шотландіи, я обратился бы за совѣтомъ къ сэръ-Патрику (не назы-

вая именъ, конечно), потому что онъ навѣрное все это знаетъ хорошо.

— Предположите что я не такъ увѣренъ какъ вамъ кажется, сказалъ Джофри.—Посоветовали бы вы мнѣ?

— Обратиться къ сэръ-Патрику? Непременно. Онъ всю свою жизнь провелъ примѣняя къ практикѣ шотландскіе законы. Развѣ вы этого не знали?

— Нѣтъ.

— Такъ послѣдуйте моему совѣту, поговорите съ нимъ. Вамъ не надо называть именъ. Вы можете сказать что это случай съ вашимъ другомъ.

Мысль была новая, и хорошая мысль. Джофри обратилъ нетерпѣливый взглядъ на дверь. Стремясь сдѣлать сэръ-Патрика своимъ невиннымъ сообщникомъ, онъ сдѣлалъ вторую попытку уйти изъ библіотеки, но опять неудачно. У Арнольда было много другихъ неприятныхъ вопросовъ и много другихъ непрошеныхъ совѣтовъ.

— Какъ вы устроили встрѣчу съ миссъ Сильвестеръ? началъ онъ.—Вы не можете явиться въ гостиницу въ качествѣ ея мужа. Я предупредилъ васъ. Въ какомъ же мѣстѣ вы устроили встрѣчу? Она совершенно одна; она теперь, бѣдная, утомлена ожиданіемъ. Можете вы устроить такъ чтобъ увидаться съ ней сегодня же?

Джофри смотрѣлъ на него во всѣ глаза, пока онъ говорилъ, и разразился хохотомъ, когда онъ кончилъ. Безкорыстное безпокойство о чужомъ счастьи было одно изъ тѣхъ утонченнѣйшихъ чувствъ о которыхъ мускульное воспитаніе не дало ему никакого понятія.

— Такъ вотъ какъ вы заинтересовались миссъ Сильвестеръ! воскликнулъ онъ.—Не влюбились ли вы въ нее сами, право?

— Замолчите пожалуйста, сказалъ Арнольдъ очень серьезно.— Ни она, ни я не заслужили отъ васъ такихъ насмѣшекъ. Я принесъ жертву для вашей пользы, и она тоже.

Лицо Джофри сдѣлалось очень серьезно. Его тайна была въ рукахъ Арнольда, а его понятіе о характерѣ Арнольда основывалось безсознательно на его понятіи о самомъ себѣ.

— Ну, не сердитесь, сказалъ онъ примирительнымъ тономъ.— Вѣдь я пошутилъ.

— Вы можете шутить сколько вамъ будетъ угодно, когда женитесь на ней, возразилъ Арнольдъ.—А до тѣхъ поръ для меня это серьезно.— Онъ остановился, подумалъ и съ силою

положилъ руку на плечо Джофри.— Не забудьте! сказалъ онъ:— вы не должны проронить ни одного слова, ни одному живому человѣку о томъ что я былъ въ гостиницѣ!

— Я обѣщаль вамъ молчать. Чего вамъ еще нужно?

— Я безлокоюсь, Джофри. Я былъ въ Крегъ-Ферри, когда Бланка была тамъ. Она разказывала мнѣ все что тамъ происходило, бѣднѣйка, въ полной увѣренности что я былъ тогда далеко отъ нея. Клянусь вамъ, я не смѣлъ взглянуть ей въ глаза. Что бы она подумала обо мнѣ еслибы знала правду? Пожалуста, будьте осторожны! Пожалуста.

Джофри началъ терять терпѣніе.

— Мы вѣдь рѣшили все это когда ѣхали сюда со станціи, сказалъ онъ.— Съ какой стати начали вы сначала?

— Вы правы, сказалъ Арнольдъ добродушно.— Это оттого что я не въ духѣ сегодня. Мой разсудокъ смущенъ какимъ-то предчувствіемъ, не знаю почему.

— Разсудокъ? повторилъ Джофри, чрезвычайно довольный.— Мясо— вотъ что васъ смущаетъ. Вы тяжелѣе своего нормального вѣса. Клянусь вамъ: человѣкъ хорошо выдержанный не знаетъ есть ли у него разсудокъ. Займитесь гимнастикой, Арнольдъ. Пролотѣйте хорошенько.

Съ этимъ прекраснымъ совѣтомъ онъ повернулся въ третій разъ чтобы выйти, но судьба, повидимому, рѣшила арестовать его въ библиотекѣ на все утро. Въ этотъ разъ ему помѣшалъ слуга съ письмомъ.

— Посланный ждетъ отвѣта.

Джофри взглянулъ на письмо и узналъ почеркъ брата. Онъ разстался съ Юліемъ на станціи часа три тому назадъ. Что такое пишетъ Юліи?

Онъ распечаталъ письмо. Юліи объявлялъ ему что сама судьба покровительствуетъ имъ. Пріѣхавъ домой, онъ былъ встрѣченъ хорошимъ извѣстіемъ о мистрисъ Гленармъ. Она сдѣлала визитъ его женѣ во время его отсутствія, была приглашена пріѣхать къ нимъ погостить, и обѣщала воспользоваться приглашеніемъ въ началѣ недѣли. „Въ началѣ недѣли“, писалъ Юліи, „можетъ означать завтра. Извинись предъ леди Лунди и постарайся не обидѣть ее. Скажи что семейныя обстоятельства, о которыхъ ты надѣешься имѣть скоро удовольствіе передать ей, вынуждаютъ тебя обратиться вторично къ ея великодушію. Пріѣзжай завтра и помоги намъ принять мистрисъ Гленармъ.“

Даже Джофри былъ пораженъ неожиданною необходимостью приступить къ исполненію своего намѣренія. Анна знаетъ гдѣ живетъ его братъ. Что если Анна (не зная гдѣ найти его) явится къ его брату и предъявитъ свои права въ присутствіи мистрисъ Гленарми? Онъ сказалъ чтобы посланный ждалъ и что онъ отвѣтитъ письмомъ.

— Изъ Крегъ-Ферри? спросилъ Арнольдъ, указавъ на письмо которое другъ его держалъ въ рукѣ.

Джофри взглянулъ на него нахмурившись. Онъ только что открылъ ротъ чтобъ отвѣтить тономъ далеко не дружелюбнымъ на этотъ несвоевременный намекъ на Анну, когда голосъ въ саду, призывавшій Арнольда, возвысился имъ о приближеніи третьяго лица къ библиотекѣ, и предупредилъ ихъ что пришелъ конецъ ихъ тайному свиданію.

ГЛАВА XVIII.

Еще ближе.

Бланка легкими шагами вошла въ комнату чрезъ растворенную дверь выходившую въ садъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? обратилась она къ Арнольду.

— Ничего. Я только что хотѣлъ идти къ вамъ въ садъ.

— Садъ невыносимъ сегодня, сказала она, обмахиваясь платкомъ. При этихъ словахъ она замѣтила Джофри, и взгляды ея выразили едва сдержанную досаду. „Вотъ, погоди, я выйду замужъ“, подумала она. „Мистеръ Деламенъ окажется умнѣе чѣмъ я его считаю, если ему удастся тогда попользоваться обществомъ своего друга.“

— Немного жарко? спросилъ Джофри, видя что она смотритъ на него и воображивъ что надо непременно сказать что-нибудь.

Исполнивъ эту обязанность, онъ повернулся, не дожидаясь отвѣта, и сѣлъ къ одному изъ письменныхъ столовъ библиотeki.

— Сэръ-Патрикъ говоритъ правду о современныхъ молодыхъ людяхъ, сказала Бланка, обратившись къ Арнольду. — Вотъ этотъ, напримѣръ, задаетъ мнѣ вопросъ и не ждетъ отвѣта. А тамъ въ саду еще трое такихъ же въ продолженіи долгаго часа говорили только о родословныхъ лошадей и о мускулахъ людей. Когда мы женимся, Арнольдъ, не знакомые

меня съ тѣми изъ своихъ друзей которые моложе пятидесяти лѣтъ. Что мы будемъ дѣлать до завтрака? Здѣсь такъ тихо и прохладно между книгами. Мнѣ хочется легкаго возбужденія, а дѣла у меня никакого нѣтъ. Не почитать ли намъ стиховъ?

— Пока онъ здѣсь? спросилъ Арнольдъ, указавъ на вопиющую противоположность позвѣи, иначе на Джофри Деламена, сидѣвшаго спиной къ нимъ въ отдаленномъ углу библіотеки.

— Такъ что же! сказала Бланка.—Въ комнатѣ есть животное, но мы не будемъ обращать на него вниманія.

— Что это съ вами! воскликнулъ Арнольдъ. — Вы сегодня также ядовиты какъ самъ сэръ-Патрикъ. Что вы будете говорить мнѣ, когда мы женимся, если вы теперь такъ говорите о моемъ другѣ?

Бланка взяла руку Арнольда и выразительно пожала ее. „Съ вами я буду ласкова“, шепнула она, сопровождая свои слова взглядомъ который самъ до себя содержалъ тѣмъ прекрасныхъ обѣщаній. Арнольдъ возвратилъ взглядъ. (Джофри несомнѣнно мѣшалъ ему.) Глаза ихъ нѣжно встрѣтились (развѣ не можетъ это большое, неуклюжее животное лисать свои письма гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?). Бланка сѣла на одно изъ креселъ съ легкимъ вздохомъ и съ румянцемъ ярче обыкновеннаго.

— Чьи же стихи читать? спросилъ Арнольдъ.

— Все равно, отвѣчала Бланка.—Это опять одно изъ моихъ побужденій. Мнѣ ужасно хочется стиховъ. Все равно чьихъ. И не знаю почему.

Арнольдъ подошелъ къ ближайшей полкѣ и вынулъ первый попавшійся подъ руку томъ—толстый, *in quarto*, въ скромномъ коричневомъ переплетѣ.

— Ну? спросила Бланка.—Что вы достали?

Арнольдъ открылъ книгу и добросовѣстно прочелъ все заглавіе, отъ перваго до послѣдняго слова: „*Потерянный рай* Поэма. Іоанна Мильтона.“

— Я не читала Мильтона, сказала Бланка.—А вы читали?

— Нѣтъ.

— Еще черта симпатіи между нами! Всякій образованный человекъ долженъ знать Мильтона. Будемъ и мы образованными людьми. Начинайте.

— Сначала?

— Конечно! Постоите. Зачѣмъ вы сѣли тамъ? Вы должны

свѣтъ чтобъ я могла васъ видѣть. Мое вниманіе блуждаетъ когда я не вижу того кто читаетъ.

Арнольдъ поставилъ стулъ къ ногамъ Бланки и открылъ книгу первую *Потеряннаго рая*. Его система чтенія бѣлыхъ стиховъ была сама простота. Въ поэзіи нѣкоторые изъ насъ (что могутъ засвидѣтельствовать многие современные намъ посты) ищутъ только звуковъ; другіе же (что могутъ засвидѣтельствовать немногіе изъ современныхъ намъ постовъ) ищутъ только смысла. Арнольдъ искалъ звуковъ. Онъ неумолимо кончалъ каждую строчку полною точкой и стремился къ своей точкѣ такъ скоро какъ только дозволяло ему неизбѣжное препятствіе словъ. Онъ началъ:

О первой непокорности людей,
О дровѣ томъ, чей запрещенный плодъ
Привнесъ въ нашу ниръ страданіе и смерть
Съ потерей Эдема, до тѣхъ поръ,
Пока второй божественный Адамъ
Не возвратилъ намъ доступъ въ вѣчный рай,
Пой, неба дочь.....

— Какъ хорошо, сказала Бланка.— Не стыдно ли что у насъ все это время былъ Мильтонъ, и мы не могли прочесть его? Мы будемъ проводить утра съ Мильтономъ, Арнольдъ. Онъ, кажется, длиненъ, но мы оба молоды и, можетъ-быть, доживемъ до конца книги. А знаете что, мой милый, гляжу я теперь на васъ и замѣчаю что вы воротились въ Виндигетсъ не въ хорошемъ расположеніи духа.

— Въ самомъ дѣлѣ. Не знаю почему я не въ духѣ.

— Я знаю. Это симпатія со мной. Я тоже не въ духѣ.

— Вы!

— Да. Послѣ того что я видѣла въ Крегъ Ферни я все боѣе и боѣе безлокоюсь объ Ангѣ. Вы это, конечно, поймете послѣ того что я разказала вамъ сегодня утромъ.

Арнольдъ перевелъ глаза съ необыкновенною послѣдностью съ Бланки на Мильтона. Это вторичное возвращеніе къ происшествіямъ въ Крегъ-Ферни было вторичнымъ упрекомъ ему за его поведеніе въ гостиницѣ. Онъ попробовалъ заставить ее замолчать, указавъ на Джофри.

— Не забывайте, сказалъ онъ,— что мы не одни въ комнатѣ.

Бланка съ презрѣніемъ пожала плечами.

— Какое намъ дѣло до него? сказала она. — И какое ему дѣло до Анны?

Оставалось только одно средство отвѣчь ее отъ щекотливаго предмета. Арнольдъ съ отчаянiя началъ опять читать, нѣсколькими строками ниже того мѣста гдѣ остановился, съ большею звучностью и съ мѣньшимъ смысломъ чѣмъ прежде.

Какъ нѣкогда и небо и земля
Изъ хаоса возникли, какъ Сіонъ....

Но Бланка опять прервала его.

— Подождите немного, Арнольдъ. Я не хочу чтобы мнѣ зажимали ротъ Мильтономъ. Мнѣ надо поговорить съ вами. Разказывала я вамъ что совѣтовалась съ дядей объ Аннѣ? Нѣтъ, кажется, не разказывала. Я поймала его одного въ этой комнатѣ. Я разказала ему все что разказывала вамъ. Я показала ему письмо Анны и спросила: „какъ вамъ кажется?“ Онъ немного подумалъ и много шюкалъ прежде чѣмъ отвѣтилъ. Онъ сказалъ что я, можетъ-быть, права подозрѣвая что мужъ Анны ужасный негодяй. Уже одно то что онъ спрятался отъ меня (я сама такъ думала) очень подозрительное обстоятельство. Потомъ это внезапное потушенiе свѣчъ когда я вошла. Я думала что это отъ вѣтра. Но сэръ-Патрикъ подозрѣваетъ что это сдѣлалъ тотъ ужасный человекъ, чтобъ я не могла увидать его когда вошла. Я теперь вполне убѣждена что сэръ-Патрикъ правъ. Какъ вамъ кажется?

— Мнѣ кажется, намъ лучше продолжать читать, сказалъ Арнольдъ, съ опущенною въ книгу головой.—Мы, кажется, совсѣмъ забыли Мильтона.

— Какъ вы несносны съ вашимъ Мильтономъ. Последнее мѣсто было уже не такъ интересно какъ начало. Въ *Потерянномъ раѣ* есть любовь?

— Можетъ-быть и найдемъ, если будемъ продолжать.

— Ну такъ, продолжайте, только пожалуста читайте поскорѣе.

Арнольдъ такъ постѣвшилъ что потерялъ мѣсто на которомъ остановился. вмѣсто того чтобы продолжать онъ началъ съ того что уже читалъ.

Какъ нѣкогда небо и земля
Изъ хаоса возникли, какъ Сіонъ.....

— Вы это уже читали, сказала Бланка.

— Нѣтъ, кажется, еще не читалъ.

— Я знаю что читали. Когда вы сказали: „Сіонъ“, я сей-

часъ же вспомнила о методистахъ. Я не могла бы вспомнить о методистахъ еслибы вы не прочли „Сіона“.

— Такъ я лучше начну со второй страницы. Вторую-то страницу я навѣрное не читалъ, потому что я еще не открывалъ ея.

Бланка откинулась на спинку кресла и безропотно начала обмахиваться платкомъ.

— Эти мухи! воскликнула она. — Я не засну. Начинайте вторую страницу. Да начинайте же наконецъ вторую страницу!

Арнольдъ началъ:

Скажи же ты, чей взоръ объекаетъ все
Сокрытое въ аду и въ небесахъ,
Что праотцевъ въ блаженномъ бытіи
Подвигало.....

Бланка мгновенно бросила свой платокъ и выпрямилась на креслѣ.

— Закройте книгу, Арнольдъ, воскликнула она. — Это наконецъ невыносимо. Бросьте, Арнольдъ, бросьте.

— Что же вамъ теперь не понравилось?

— Это блаженное бытіе, сказала Бланка. — Что означаетъ это блаженное бытіе? Бракъ, конечно. А бракъ напомнилъ мнѣ объ Аннѣ. Я не буду больше слушать. *Потерянный рай* ужасно печаленъ. Закройте книгу. Ну, мой слѣдующій вопросъ сэръ-Патрику былъ, конечно: что, по его мнѣнію, сдѣлалъ мужъ Анны? Негодяй поступилъ съ нею безсовѣстно какимъ-нибудь образомъ. Какимъ образомъ? Касается ли это до брака? Дядя олять подумалъ. Онъ сказалъ что это очень возможно. Тайные браки опасны (сказалъ онъ), въ особенности въ Шотландіи. Онъ спросилъ меня въ Шотландіи ли они обвинялись? Я этого сама не знаю, я сказала ему только: „Предположимъ что въ Шотландіи? Что же въ такомъ случаѣ?“ — „Въ такомъ случаѣ очень возможно, сказалъ сэръ-Патрикъ, — что миссъ Сильвестеръ безлокоится насчетъ своего брака. Она, можетъ-быть, даже имѣетъ основаніе предполагать что это совсѣмъ не бракъ.“

Арнольдъ вздрогнулъ и оглянулся на Джофри, все еще сидѣвшаго за письменнымъ столомъ, оборотившись къ нимъ спиной. Хотя Бланка и сэръ-Патрикъ ошибались въ своей оцѣнкѣ положенія Анны въ Крегъ-Ферри, тѣмъ не менѣе они разсуждали о вопросѣ въ которомъ заинтересованы Джофри и миссъ Сильвестеръ, о шотландскихъ бракахъ. Въ присутствіи Бланки Арнольдъ не могъ сказать Джофри что ему полезно

выслушать мѣнѣе сэръ-Патрика даже изъ вторыхъ рукъ. Но можетъ-быть слова доходятъ до него? Можетъ-быть онъ уже слушаетъ?

Онъ слушалъ. Послѣднія слова Бланки дошли до него когда онъ обдумывалъ свое полуоконченное письмо къ брату. Онъ началъ прислушиваться, не двигаясь, съ приподнятымъ перомъ въ рукѣ.

Бланка продолжала, разсѣянно путая пальцами волосы Арнольда, сидѣвшаго у ея ногъ.

— Я сейчасъ же убѣдилась что сэръ-Патрикъ угадалъ правду. Конечно, я сказала ему это. Онъ засмѣялся и сказалъ что я не должна дѣлать такихъ послѣднихъ заключеній. Что мы угадываемъ въ потемкахъ, что всѣ загадочныя обстоятельства которыя я замѣтила въ гостиницѣ могли имѣть совершенно другую причину. Онъ готовъ былъ надѣяться мнѣ своими скучными доводами все утро, еслибъ я не остановила его. Я была строго логична. Я сказала ему что я видѣла Анну, а онъ не видалъ ея, и что это большая разница. Что я требую отчета за все что тогда поражало и огорчало меня въ моей бѣдной подругѣ. Что законъ долженъ покарать этого человѣка, и покараетъ его, и что заллачу за это я. Я такъ разгорячилась что, кажется, плакала. Что же, вы думаете, сдѣлалъ этотъ милый старикъ? Онъ посадилъ меня на колѣни, поцѣловалъ и сказалъ что онъ готовъ смотрѣть съ моей точки зрѣнія, въ настоящее время, если только я обѣщаю не плакать больше и ждать. Что мы все узнаемъ, и что онъ освѣтитъ мнѣ мою точку зрѣнія совершенно новымъ свѣтомъ, лишь только я успокоюсь. Можете вообразить какъ я скоро осушила глаза, и какой образецъ спокойствія изобразила я изъ себя чрезъ минуту! „Будемъ считать несомнѣннымъ“, сказалъ сэръ-Патрикъ, „что неизвѣстный намъ человѣкъ имѣлъ дѣйствительно намѣреніе обмануть миссъ Сильвестеръ, какъ мы предполагаемъ. Но я вамъ вотъ что скажу: очень можетъ быть что, стараясь обмануть ее, онъ (ни мало того не подозревая) обманулъ самого себя.“

Джозфри затаилъ духъ. Перо незамѣтно выпало изъ его пальцевъ. Приближается! Свѣтъ, которымъ его братъ не могъ бы освѣтить вопросъ, занимается надъ нимъ наконецъ!

Бланка продолжала:

— Я была такъ заинтересована, слова его производили на меня такое сильное впечатлѣніе что я помню все что онъ говорилъ слово въ слово. „Я не буду обременять вашу бѣдную

гозовку шотландскимъ закономъ. Я передамъ вамъ его въ простыхъ словахъ. Въ Шотландіи, Бланка, допускаются браки, называемые неправильными. Это очень дурная вещь, но она имѣетъ одно случайное достоинство въ настоящемъ случаѣ. Въ Шотландіи человѣку очень трудно сдѣлать видъ что онъ женатъ и не оказаться дѣйствительно женатымъ. Иными словами, ему чрезвычайно легко, притворившись что онъ женатъ, оказаться дѣйствительно женатымъ, нисколько о томъ не подозревая.“ Это собственные слова дяди, Арнольдъ. Наша свадьба не должна быть въ Шотландіи.

Грубый цвѣтъ лица Джофри поблѣднѣлъ. Если это правда, онъ, можетъ-быть, самъ попался въ ловушку которую готовилъ Анна! Бланка продолжала. Онъ слушалъ.

— Дядя спросилъ поняла ли я то что онъ сказалъ. Слова его были ясны какъ солнце въ полдень, я конечно все поняла. „Такъ мы перейдемъ къ настоящему случаю,“ сказалъ сэръ-Патрикъ. „Предположивъ опять что наша догадка справедлива, очень можетъ быть что миссъ Сильвестеръ безпокоится напрасно. Если тотъ невидимый человѣкъ въ Крегъ-Ферни дѣйствительно разыгралъ комедію, не говорю уже притворной женитьбы на ней, но если онъ только выдалъ ее тамъ за свою жену, то шансы девять противъ одного (хотя, можетъ-быть, ни онъ, ни она не подозреваютъ этого) что онъ теперь дѣйствительно женатъ на ней.“ Это собственные слова дяди, Арнольдъ. Конечно, черезъ полчаса послѣ того какъ онъ выговорилъ ихъ, я отослала ихъ въ Крегъ-Ферни, въ письмѣ къ Аннѣ.

Глухие глаза Джофри вдругъ просвѣтлѣли. Свѣтъ зажженный дьяволомъ отразился въ нихъ. Мысль внушенная дьяволомъ пришла ему въ голову. Онъ украдкой взглянулъ на человѣка которому спасъ жизнь и который отплатилъ ему самоотверженною услугою. Ужасная насмѣшка подергивала ему ротъ и свѣтилась въ его глазахъ. „Арнольдъ Бриквортъ выдалъ ее за свою жену въ гостиницѣ. Вотъ спасеніе о которомъ я не подозревалъ до сихъ поръ.“ Съ этою мыслью онъ обратился къ своему неоконченному письму. Въ первый разъ въ жизни онъ былъ сильно взволнованъ, въ первый разъ въ жизни онъ былъ устрашенъ, и устрашенъ своею собственною мыслью. Онъ писалъ Юлію съ сознаниемъ необходимости выиграть время чтобъ успѣть удалить Анну изъ Шотландіи прежде чѣмъ сдѣлать предложеніе мистрисъ Гленармъ. Его

письмо содержало рядъ бессмысленныхъ доказательствъ невозможности прѣхать къ брату немедленно. „Нѣтъ,“ подумалъ онъ перечитавъ письмо. „Что бы ни случилось, но этого не будетъ.“ Онъ опять обернулся къ Арнольду и, глядя на него, медленно разорвалъ письмо въ клочки.

Между тѣмъ Бланка не кончила.

— Нѣтъ, отвѣчала она на предложеніе Арнольда пройтись по саду.— Мнѣ надо еще сказать вамъ нѣчто, въ чемъ заинтересованы и вы. Арнольдъ безропотно приготовился слушать и, что еще хуже, — отвѣчать, если придется, въ качествѣ чловѣка ничего не знающаго и никогда не приближавшагося къ Крегъ-Ферри.

— Ну, начала Бланка, — какъ вы думаете, что я получила въ отвѣтъ на мое письмо къ Аннѣ?

— Право не знаю.

— Ничего не получила!

— Неужели?

— Буквально ничего. Я знаю что она получила мое письмо вчера утромъ. Я должна бы была получить письмо сегодня за утреннимъ завтракомъ.

— Можетъ-быть, ей показалось что никакого отвѣта не надо.

— Ей не могло такъ показаться по извѣстнымъ мнѣ причинамъ. А главное, въ моемъ письмѣ я умоляла ее сказать мнѣ (хотя бы въ одной строчкѣ) правы ли мы съ сержъ-Патрикомъ въ нашей догадкѣ объ ея положеніи. И вотъ день приходитъ къ концу, а отвѣта нѣтъ. Что мнѣ послѣ этого думать?

— Право, не знаю.

— А вѣдь очень можетъ быть, Арнольдъ, что мы не угадали. Неужели нельзя узнать въ чемъ состоитъ подлость того чловѣка который задулъ тогда свѣчи? Сомнѣніе такъ ужасно что я рѣшила выносить его только до послѣ-завтра. Я рассчитываю на ваше сочувствіе и на ваше содѣйствіе, когда придетъ послѣ-завтра.

У Арнольда замерло сердце. Какая-то новая путаница очевидно грозила ему. Онъ ждалъ безмолвно что скажетъ Бланка. Она нагнулась и начала шептать ему.

— Это секретъ, сказала она. — Если у того животнаго за письменнымъ столомъ есть уши чтобы слышать о чемъ-нибудь другомъ кромѣ плаванья и бѣганья, то не надо чтобъ

онъ меня слышалъ. Можетъ-быть, Анна придетъ сегодня ко мнѣ тайно, когда вы все будете за завтракомъ. Если она не придетъ, и если я не получу отъ нея письма, тогда тайная причина ея молчанія должна быть объяснена мнѣ, и сдѣлаете это вы.

— Я?

— Это совсѣмъ не трудно. Если вы не знаете какъ дойти до Крегъ-Ферри, я скажу вамъ. Что же касается до Анны, вы сами знаете какая она милая особа. Она приметъ васъ отлично изъ любви ко мнѣ. Мнѣ необходимо и я хочу узнать о ней что-нибудь. Я не могу нарушить домашнихъ законовъ еще разъ. Сэръ-Патрикъ сочувствуетъ, но онъ не повѣдетъ. Леди Лунди нашъ злѣйшій врагъ. Слугамъ запрещено под страхомъ наказанія ходить къ Аннѣ. Кромѣ васъ никого нѣтъ, и завтра вы отправитесь къ Аннѣ, если сегодня я не узнаю о ней ничего.

Такое порученіе давалось человѣку который выдавалъ себя въ гостиницѣ за мужа Анны,—человѣку которому была доверена ужасная тайна Анны. Арнольдъ всталъ, чтобы положить на мѣсто Мильтона, съ самообладаніемъ отчаянія. Всякую другую тайну онъ могъ бы въ крайнемъ случаѣ доверить скромности третьяго лица. Но тайну женщины,—тайну отъ которой зависитъ репутація женщины, нельзя доверить никому, ни при какихъ обстоятельствахъ. „Если Джофри не выручитъ меня, подумалъ онъ, мнѣ остается только одно: ухватить завтра же изъ Виндигетса.“

Когда онъ ставилъ на мѣсто квигу, въ бібліотеку вошла изъ сада леди Лунди.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросила она у ладчерицы.

— Просвѣщаю умъ, отвѣчала Бланка. — Мы съ мистеромъ Бриквортомъ читали Мильтона.

— Не можете ли вы спознати, послѣ чтенія Мильтона въ продолженіи всего утра, до того чтобы помочь мнѣ написать приглашенія къ обѣду будущей недѣли.

— Если вы, леди Лунди, послѣ кормленія куръ въ продолженіи всего утра, можете спознати, то я, прочитавшая все утро Мильтона, должна быть воплощеннымъ смиреніемъ.

Послѣ этого краткаго обмѣна колкихъ любезностей, мачиха и ладчерица удалились къ письменному столу чтобы вмѣстѣ пустить въ ходъ добродѣтель гостепріимства.

Арнольдъ подошелъ къ своему другу.

Джофри сѣлъ облокотившись локтями на столъ. Крутыми калаи пота стояли на его лбу. Клочки разорваннаго письма валялись вокругъ него. Онъ въ первый разъ въ жизни проявлялъ симптомы нервной чувствительности и вздрогнулъ, когда Арнольдъ подошелъ къ нему.

— Что съ вами, Джофри?

— Надо отвѣтить на письмо. Я не знаю что отвѣтить.

— Отъ миссъ Сильвестеръ? спросилъ Арнольдъ исподволь чтобы дамы на другомъ концѣ комнаты не могли слышать его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джофри еще тише.

— Слышали вы что Бланка говорила мнѣ о миссъ Сильвестеръ?

— Отчасти слышалъ.

— Слышали вы ея послѣднія слова что она намѣрена послать меня завтра въ Крегъ-Ферри, если не получитъ сегодня письма отъ миссъ Сильвестеръ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Такъ теперь вы это знаете. Бланка мнѣ это сейчасъ сказала.

— Такъ что же?

— То что есть мѣра всему, даже тому чего человекъ не можетъ ожидать отъ своего лучшаго друга. Я надѣюсь что вы завтра избавите меня отъ порученія Бланки. Я не хочу и не могу идти опять въ гостиницу при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Съ васъ и такъ довольно, да?

— Да, я уже довольно смущалъ миссъ Сильвестеръ, и даже больше чѣмъ довольно обманывалъ Бланку.

— Что значитъ: „смущалъ миссъ Сильвестеръ?“

— Она не разделяетъ нашего спокойнаго взгляда на то что я выдалъ ее въ гостиницѣ за свою жену.

Джофри взялъ разсѣянно въ руки перочинный ножикъ и началъ рѣзать верхній листъ подкладной бумаги, лежавшей у него подъ рукой. Не поднимая головы, онъ вдругъ прервалъ молчаніе, сказавъ шепотомъ:

— Послушайте.

— Ну?

— Какъ вамъ удалось выдать ее тамъ за свою жену?

— Я вамъ уже рассказывалъ это, когда мы ѣхали сюда со станціи.

— Я тогда думалъ о другомъ. Расскажите еще разъ.

Арнольдъ разказалъ оинтъ все что произошло въ гостиной. Джофри слушалъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній. Онъ разсѣянно качалъ перочинный ножикъ на пальцѣ. Онъ былъ какъ-то странно разсѣянъ и молчаливъ.

— Все это сдѣлано и кончено, сказалъ Арнольдъ, тряся его за плечо.—Теперь отъ васъ зависитъ вывести меня изъ затрудненія съ Бланкой. Вы должны сегодня же покончить съ миссъ Ольвестеръ.

— Я самъ намѣренъ покончить съ ней.

— Чего же вы ждете?

— Я жду сдѣлать то что вы мнѣ совѣтовали.

— Что я совѣтовалъ вамъ?

— Развѣ вы не совѣтовали мнѣ спросить сэръ-Патрика какъ мнѣ жениться на ней?

— Правда. Это я вамъ совѣтовалъ.

— Ну, я и жду случая поговорить съ сэръ-Патрикомъ.

— И тогда?

— И тогда.... (Онъ въ первый разъ взглянулъ на Арнольда.) Тогда вы можете считать это рѣшеннымъ.

— Бракъ?

Джофри мгновенно перенесъ глаза на бумагу.

— Да, бракъ.

Арнольдъ протянулъ руку въ знакъ поздравленія. Джофри не замѣтилъ его движенія. Онъ смотрѣлъ въ окно.

— Не слышите ли вы голосовъ? спросилъ онъ.

— Это, вѣроятно, гости въ саду, сказалъ Арнольдъ.—Сэръ-Патрикъ, можетъ-быть, съ ними. Я пойду посмотрю.

Въ ту же минуту какъ Арнольдъ ушелъ, Джофри оторвалъ лоскутокъ бумаги. „Не забыть бы,“ сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ написалъ на верху листка „на память“, и потомъ прибавилъ слѣдующія строки:

„Онъ спросилъ ее какъ свою жену у двери. Онъ сказалъ за обѣдомъ въ присутствіи хозяйки и слуги: я беру эти комнаты для моей жены, и въ то же время заставилъ ее сказать что онъ ея мужъ. Послѣ этого онъ оставался съ ней всю ночь. Что означаетъ это пошотландскимъ законамъ? (Спрашивается: не бракъ ли это?)“

Сложивъ бумажку, онъ колебался съ минуту.

„Нѣтъ,“ подумалъ онъ. „Нельзя проложиться на слова миссъ Луиди. Я не буду спокоевъ пока самъ не спрошу у сэръ-Патрика.“

Онъ положилъ бумажку въ карманъ и вытеръ потъ на лбу. Онъ былъ блѣдень, для него поразительно блѣдень, когда вошелъ Арнольдъ.

— Чтѣ съ вами, Джофри? Вы блѣдны какъ смерть.

— Это отъ жара. Гдѣ сэръ-Патрикъ?

— Можете видѣть сами.

Арнольдъ указалъ на окно. Сэръ-Патрикъ переходилъ мостъ, направляясь къ библиотекѣ съ газетой въ рукахъ. Виндигетскіе гости слѣдовали за нимъ. Сэръ-Патрикъ молча улыбался. Гости разговаривали между собой съ жаромъ и очень громко. Можно было понять что произошла какая-то стычка между старою и новою школою. Арнольдъ обратилъ вниманіе Джофри на положеніе дѣлъ на мосту.

— Какъ вы будете говорить съ сэръ-Патрикомъ при такой толпѣ?

— Я поговорю съ сэръ-Патрикомъ, хотя бы мнѣ пришлось схватить его за шиворотъ и перетащить въ другое графство.

При этихъ словахъ онъ вскочилъ, произнесъ ихъ задыхаясь и съ проклятіемъ.

Сэръ-Патрикъ, сопровождаемый гостями, вошелъ въ библиотечку.

ГЛАВА XIX.

П о д х о д и т ь .

Вторженіе гостей въ библиотечку имѣло, повидимому, двѣ цѣли.

Сэръ-Патрикъ пришелъ положить газету на мѣсто съ котораго взялъ ее. Гости, числомъ пять, слѣдовали за нимъ съ намѣреніемъ привести всѣмъ обществомъ жалобу Джофри Деламену. Между этими двумя, повидимому различными, цѣлями, была связь незамѣтная съ перваго взгляда, но обнаружившаяся въ послѣдствіи.

Изъ пяти человекъ гостей два были джентльмены среднихъ лѣтъ, принадлежавшіе къ тому обширному, но неопредѣленному классу человечества, окрашенному рукой природы непримѣтнымъ нейтральнымъ цвѣтомъ. Необыкновенно воспріимчивые къ идеямъ своего времени, они исполняли въ обществѣ роль хора на сценѣ въ оперѣ, выражали преобладающее чувство минуты и давали солисту время перевести духъ.

Три другіе гостя были джентльмены лѣтъ около трид-

дуги. Всѣ—глубокіе знатоки въ лошадакъ, въ атлетическихъ упражненіяхъ, въ трубкахъ, пивѣ, билліардахъ. Всѣ глубокіе невѣжды во всемъ остальномъ. Всѣ джентльмены по рожденію, и всѣ признаваемые джентльменами какъ люди отличенные клеймомъ „университетскаго образованія“. Каждый изъ нихъ, отдѣльно можетъ быть названъ слабою копейю Джоффи. Мы обозначимъ ихъ (за неимѣніемъ другихъ отличительныхъ свойствъ) именами: Первый, Второй и Третій.

Сэръ-Патрикъ положилъ газету на столъ и усѣлся въ одно изъ покойныхъ креселъ. Неукротимая свояченица тотчасъ же напомнила ему о его хозяйственныхъ обязанностяхъ. Она отправилась къ нему Бланку со спискомъ гостей приглашенныхъ на обѣдъ.

— Обратитесь, душа моя, за одобреніемъ къ дядѣ, какъ къ главѣ семейства.

Пока сэръ-Патрикъ просматривалъ списокъ, а Арвольдъ пробирался къ Бланкѣ, стоявшей за кресломъ дяди, Первый, Второй и Третій, съ акомпаниментомъ хора, осадили всѣ вмѣстѣ Джоффи и потребовали въ свидующихъ краткихъ, непрерывно свидовавшихъ одна за другою, фразахъ защиты его верховнаго авторитета:

— Послушайте, Деламень. Вы намъ нужны. Сэръ-Патрикъ насъ просто обругалъ. Называетъ насъ первобытными Британцами. Говоритъ что мы необразованы. Сомнѣвается, оказалось ли бы что мы умѣемъ читать и писать, считать правильно, еслибы онъ проэкзаминовалъ насъ. Говоритъ что ему надобны люди показывающіе свои руки и ноги и толкующіе о силѣ и мускулахъ. Говоритъ о насъ чортъ знаетъ что. Говоритъ, что если человекъ любитъ жизнь внѣ дома и совершенствуется въ бѣганьи и греблѣ, то *слабѣетъ* этого онъ способенъ на всевозможныя преступленія, не исключая и убійства. Увидалъ ваше имя въ газетѣ, въ объявленіи о бѣгѣ, и когда мы спросили его будетъ ли онъ держать пари, онъ оказалъ что готовъ держать какое угодно пари противъ насъ въ другомъ состязаніи—это, ловимъте, объ экзаменѣ. Подло прекать экзаменомъ, по мнѣнію Перваго. Неблагородно со стороны сэръ-Патрика говорить о томъ о чемъ мы сами никогда не говоримъ между собой, по мнѣнію Второго. Недостойно Англичанина такъ насмѣхаться надъ человекомъ за его спиной, по мнѣнію Третьяго. Поговорите съ нимъ, Деламень. Видъ ваше имя въ газетахъ; какъ же онъ насмѣхается надъ вами?

Два хориста еогласились (въ минорномъ тонѣ) съ общими жѣніемъ.

— Конечно, взгляды сэръ-Патрика чрезвычайно односторонни, Смитъ.

— Мнѣ кажется, было бы пріятно выслушать мистера Деламена съ другой стороны, Джонъ.

Джофри посмотрѣлъ поочередно на своихъ поклонниковъ съ выраженіемъ чего-то совершенно новаго въ лицѣ и манерахъ, что поразило ихъ всѣхъ.

— Вы сами не можете спорить съ сэръ-Патрикомъ, сказалъ онъ,— и хотите чтобъ я спорилъ съ нимъ?

Первый, Второй, Третій, и хоръ, всѣ отвѣчали:

— Да.

— Я не буду спорить съ нимъ.

Первый, Второй, Третій и хоръ, всѣ спросили:

— Почему?

— Потому, сказалъ Джофри,— что вы всѣ неправы, а сэръ-Патрикъ правъ.

Не удивленіе, но совершенное оцѣпенѣніе поразило безмолвіемъ депутацию изъ сада.

Не сказавъ ни слова своимъ поклонникамъ, Джофри подошелъ рѣшительно къ сэръ-Патрику и лично обратился къ нему. Тѣлохранители окружали его и слушали съ удивленіемъ.

— Вы готовы держать какое угодно пари, сэръ, противъ моей способности выдержать экзаменъ? Вы совершенно правы. Я не буду держать экзамена. Вы сомнѣваетесь умѣемъ ли мы правильно читать, писать и считать? Вы опять правы. Мы не умѣемъ. Вы полагаете что люди подобные мнѣ и подобные имъ, начавъ съ гребли и бѣганья, могутъ кончить всевозможными преступленіями, не исключая убійства? Такъ что же? Вы опять правы. Кто знаетъ что съ нимъ можетъ случиться, или чего не сдѣлаетъ онъ въ своей жизни? Можетъ-быть кто другой, а можетъ-быть и я? Могу ли я ручаться? И можете ли вы ручаться?

Сказавъ это, онъ оборотился къ депутации, которая стояла за нимъ какъ громомъ пораженная.

— Вы хотѣли знать мое мнѣніе? Такъ вотъ вамъ мое мнѣніе въ короткихъ словахъ.

Постыдливость признанія и самодовольный тонъ которыми оно было высказано поразили кружокъ слушателей, не исключая и сэръ-Патрика, минутнымъ ужасомъ.

Въ эту минуту общаго молчанія шестой гость показался на дугу и тихо вошелъ въ библіотеку — молчаливый, рѣшительный, незамосочивый старикъ, прѣхавшій въ Вандигетотъ накануне и хорошо извѣстный, какъ въ Лондонѣ такъ и въ Лондонѣ, за одного изъ лучшихъ докторовъ своего времени.

— У васъ, кажется, идетъ споръ? спросилъ онъ. — Не помѣшалъ ли я?

— У насъ нѣтъ никакого спора, — мы все согласны, воскликнулъ Джофри, самаодѣянно отвѣчая за всехъ. — Чѣмъ больше тѣмъ веселѣе, сэръ.

Взглянувъ на Джофри, докторъ вдругъ остановился, не дойдя до середины комнаты, повернулъ въ сторону и сталъ у одного изъ оконъ.

— Извините, сказалъ сэръ-Патрикъ, обратившись къ Джофри тономъ величественнаго достоинства, который былъ въ немъ новостью для Арнольда, — мы несогласны. Я не могу позволить вамъ, мистеръ Деламенъ, думать что я имѣю что-нибудь общее съ мнѣніемъ сейчасъ выказаннымъ вами. Употребляемые вами выраженія не оставляютъ мнѣ другаго выбора какъ опровергнуть вашу перечень того что, по вашему мнѣнію, я сказалъ, повторивъ то что я действительно сказалъ. Не моя вина что нашъ маленькій споръ въ саду возобновляется здѣсь при новыхъ слушателяхъ, — вина ваша.

Сказавъ это, онъ взглянулъ на Арнольда и на Бланку, а послѣ нихъ на доктора, стоявшаго у окна.

Докторъ нашелъ себѣ занятіе которое совершенно разобщило его съ другими гостями. Держась въ тѣни, онъ изучалъ лицо Джофри, освѣщенное полнымъ свѣтомъ, съ пристальнымъ вниманіемъ, которое было бы всеми замѣчено, есабы въ это время всѣ глаза не были устремлены на сэръ-Патрика.

Лицо Джофри не легко поддавалось опредѣленію въ эту минуту.

Когда сэръ-Патрикъ заговорилъ, Джофри сѣлъ къ окну, угрюмо равнодушный къ возраженію обращенному къ нему. Въ своемъ нетерпѣніи посоветоваться съ единственнымъ авторитетомъ способнымъ рѣшить вопросъ о положеніи Арнольда относительно Анны, онъ послѣднимъ согласился съ сэръ-Патрикомъ, надѣясь освободиться этимъ способомъ отъ непріятнаго присутствія своихъ друзей, но испортилъ дѣло своею грубою неспособностью управлять собой въ достиженіи своей цѣли. Былъ ли онъ теперь обезкураженъ неудачей, или

просто рѣшился ждать удобнаго времени, трудно было рѣшить по вѣбваемымъ признакамъ. Съ каллами юта на углахъ рта, съ глуло равнодушнымъ, скучающимъ взглядомъ, сидѣлъ онъ, вооружившись свѣтшя упрямымъ нейтралитетомъ противъ всѣхъ покушеній вышпаться въ начикавшееся столкновение мнѣнй.

Сэръ-Патрикъ взялъ со стола газету, которую принесъ изъ сада, и посмотрѣлъ опять слушаётъ ли его докторъ.

Нѣтъ! Вниманіе доктора было поглощено его собственною задачей. Онъ стоялъ все въ томъ же положеніи, и умъ его работалъ, отгадывая что-то непоятное въ Джофри, что сразу заинтересовало и удивило его. „Этотъ человекъ,“ думалъ онъ, „пріѣхалъ сюда сегодня утромъ, пробывъ въ дорогѣ всю ночь. Происходить ли то что я вижу въ его лицѣ отъ обыкновенной усталости? Нѣтъ!“

— Нашъ маленькій споръ въ саду, началъ сэръ-Патрикъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ Бланки, начался, другъ мой, вотъ съ этого параграфа, объявляющаго о предстоящемъ появленіи мистера Деламена въ бѣгѣ, въ окрестностяхъ Лондона. У меня очень непопулярное мнѣніе объ атлетическихъ представленіяхъ, которыя вошли въ моду въ Англіи въ наше время. Можетъ-быть, я выразилъ мое мнѣніе слишкомъ рѣзко въ спорѣ съ джентльменами, моими противниками, и я увѣренъ, противниками по убѣжденію относительно этого вопроса.

Первый, Второй и Третій отвѣчали на комплиментъ сэръ-Патрика ворчливымъ протестомъ:

— Объясните какимъ образомъ гребля и бѣганье кончаются тюрьмою и висѣлицей. Вы сказали это, сэръ? Вы сами знаете что сказали.

Два хориста переглянулись и согласились съ большинствомъ.

— Онъ, кажется, дѣйствительно сказалъ это, Смитъ?

— Да, Джонсъ, конечно сказалъ.

Только два человека оставались попрежнему равнодушными къ спору—Джофри и докторъ. Первый сидѣлъ, упрямо сохраняя нейтралитетъ, одинаково равнодушный къ нападенію и къ защитѣ. Другой стоялъ продолжая свое наблюденіе, съ возрастающимъ интересомъ человека начинающаго находить путь къ своей цѣли.

— Выслушайте мою защиту, джентльмены, продолжалъ сэръ-Патрикъ.—Не забывайте что вы принадлежите къ націи гордащейся преимущественно своею справедливостью. Я прошу

вась вспомнить нашъ разговоръ въ саду. Я началъ съ утутки. Я согласился, какъ согласился бы всякій здравомыслящій человекъ, что мы бываемъ способны къ умственному труду, если соединяемъ съ нимъ трудъ физическій. Весь вопросъ состоитъ въ пропорціи и степени того и другаго труда, и моя жалоба на наше время заключается въ томъ что оно забываетъ объ этомъ. Общественное мнѣніе въ Англіи, мнѣ кажется, не только начинаетъ считать развитіе мускуловъ столь же важнымъ какъ развитіе ума, но вдается, — на практикѣ, если не въ теоріи, — въ опасную крайность ставить тѣлесное воспитаніе на первый планъ, а умственное на второй. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: я не знаю ничего что могло бы возбудить въ народѣ такой неподдѣльный, единодушный восторгъ какъ наши университетскія гонки. Еще примѣръ. Видя что наше атлетическое воспитаніе даетъ поводъ къ публичнымъ празднествамъ, въ школахъ и коллегіяхъ, я спрашиваю у всякаго безпристрастнаго свидѣтеля: что возбуждаетъ сильнѣйшій восторгъ въ публикѣ и что занимаетъ болѣе видное мѣсто въ газетахъ — объявленіе ли (въ дни раздачи наградъ) того что мальчики могутъ сдѣлать своими умами или (въ гимнастическіе дни) того что они могутъ сдѣлать своими тѣлами? Вы сами отлично знаете какого рода услѣхи возбуждаютъ болѣе громкія рукоплесканія, занимаютъ болѣе видное мѣсто въ газетахъ и, какъ необходимое слѣдствіе этого, доставляютъ общественныя почести герою дня.

Опять ролоть со стороны Перваго, Втораго и Третьаго.

— Противъ этого нечего сказать, сэръ; до сихъ поръ вы правы.

Смитъ и Джонсъ согласились опять съ преобладающимъ мнѣніемъ.

— Очень хорошо, продолжалъ сэръ-Патрикъ.—Мы всѣ согласны чему общественная склонность отдаетъ предпочтеніе. Если это склонность которую надо уважать и поощрять, то покажите мнѣ какую пользу она принесла народу. Какое вліяніе имѣло современное увлеченіе на серьезныя стороны жизни? Въ какомъ отношеніи оно улучшило характеръ народа вообще? Сдѣлался ли кто изъ насъ готовѣе жертвовать своими частными интересами благу общества? Научились ли мы относиться къ нашимъ серьезнымъ общественнымъ вопросамъ смѣлѣе, искреннѣе, опредѣленнѣе? Замѣтно ли какое-нибудь очевидное и неоспоримое улучшеніе въ нашемъ кодексѣ коммерческой нравственности? Появился ли у насъ болѣе

трезвый и высокій тонъ въ тѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ которыя во всѣхъ странахъ вѣрно отражаютъ вкусъ общества? Дайте мнѣ утвердительные отвѣты, основанные на очевидныхъ доказательствахъ, на мои вопросы, и я перестану считать современную манію къ атлетическимъ увеселеніямъ проявленіемъ, въ новой формѣ, врожденной намъ хвастливости и врожденнаго намъ варварства.

— Спрашивайте, спрашивайте! кричатъ Первый, Второй и Третій.

— Спрашивайте, спрашивайте! кротко откликаются Смитъ и Джонсъ.

— Вы уже слышали мой вопросъ, сказала сэръ-Патрикъ.— Вы допустили существованіе общественнаго увлеченія, а я спрашиваю васъ какую пользу оно приноситъ.

— Какой же вредъ оно приноситъ? спрашиваютъ Первый, Второй и Третій.

— Слушайте, слушайте! кричатъ Смитъ и Джонсъ.

— Вы дѣлаете мнѣ вызовъ, джентльмены, возразилъ сэръ-Патрикъ.— Я вынужденъ состязаться съ вами на новомъ поприщѣ. Въ отвѣтъ вамъ, джентльмены, я не укажу на возрастающую грубость въ нашихъ манерахъ или на постоянно усиливающееся, по моимъ наблюденіямъ, извращеніе нашихъ національныхъ вкусовъ. Вы имѣете полное право сказать что я слишкомъ старъ чтобы судить о томъ что не подходитъ подъ мои образцы. Мы стараемся опредѣлить предметъ нашего спора только по его отвлеченнымъ достоинствамъ. Я утверждаю что общественная склонность ставить тѣлесное воспитаніе выше нравственнаго и умственнаго есть положительно вредная и опасная склонность, потому что она поощряетъ врожденное человѣку отвращеніе подчиняться обязанностямъ которыя неизбежно налагаются на него нравственное и умственное воспитаніе. Что мальчикъ по природѣ сдѣлаетъ охотнѣе: попробовать какъ высоко онъ можетъ прыгнуть, или сколько онъ можетъ выучить? Какое воспитаніе дается легче молодому человѣку: то которое учить его обращаться весломъ, или то которое учить его платить добромъ за зло и любить ближняго какъ самого себя? Которое изъ этихъ двухъ родовъ воспитанія должно бы было встрѣчать больше теплаго сочувствія отъ общества? И которое изъ нихъ въ дѣйствительности поощряется въ Англии, какъ будто такъ и сдѣдуетъ?

— Что вы и сами говорили, кричатъ Первый, Второй и Третій.

— Замѣчательно хорошо сказано, поощряютъ Смитъ и Джонсъ.

— Я говорю, согласился сэръ-Патрикъ, — что человѣкъ будетъ работать усѣшнѣе надъ своими книгами послѣ здороваго физическаго упражненія. Я опять повторяю это, если только физическія упражненія не переходятъ за приличныя имъ границы. Но такъ какъ общество открыто отдаетъ предпочтеніе тѣлеснымъ упражненіямъ въ ущербъ умственнымъ, я говорю что общество вдается въ опасную крайность. Тѣлесныя упражненія, вслѣдствіе такого предпочтенія, займутъ первое мѣсто въ мысляхъ юноши, будутъ составлять его главный интересъ, возьмутъ львиную часть его времени, и этими медленными, но вѣрными способами сдѣлаютъ изъ него (если онъ только не исключеніе) человѣка необразованнаго и, можетъ-быть, даже опаснаго для всѣхъ добрыхъ, нравственныхъ и умственныхъ начинаній.

Крикъ въ лагерѣ противниковъ: „Наковецъ-то онъ договорился! Человѣкъ который ведетъ жизнь внѣ дома и пользуется Богомъ данною ему силой—человѣкъ опасный. Слышалъ ли кто что-нибудь подобное?“

Крикъ съ вариациями повторяется и отголосками человѣчества: „Нѣтъ, никто не слышалъ ничего подобнаго!“

— Освободитесь отъ предубѣжденій, джентльмены, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.—Земледѣлецъ ведетъ жизнь внѣ дома и пользуется Богомъ данною ему силой. Матросъ на торговомъ судавъ дѣлаетъ то же самое. Оба составляютъ необразованный, постыдно необразованный классъ, и посмотрите на результатъ. Обратите вниманіе на таблицу преступленій, и вы увидите что самыя ужасныя преступленія совершаются не въ городахъ, гдѣ человѣкъ не ведетъ жизнь внѣ дома, не пользуется (какъ правило) своею силой, но (какъ правило) сравнительно образованъ, не въ городахъ, а въ земледѣльческихъ округахъ. Что же касается до англійскаго матроса, если только онъ не попалъ въ королевскій флотъ, гдѣ онъ немного цивилизованнѣе, то спросите у мистера Бринкворта, служившаго на торговыхъ судахъ, какого рода образецъ нравственнаго вліянія внѣдомашней жизни и мускульнаго воспитанія представляетъ англійскій матросъ.

— Въ девяти случаяхъ изъ десяти, сказалъ Арнольдъ, — онъ лѣнивый, порочный негодяй.

Опять крикъ на сторонѣ оппозиціи: „Развѣ мы земледѣльцы? Развѣ мы матросы на торговыхъ судахъ?“

. Отголоски чловѣчества откликаются обиженнымъ тономъ: „Смѣть! Развѣ я земледѣлецъ?“ — „Джонсъ! развѣ я матросъ?“

— Пожауста не будемъ касаться личностей, джевтамены, сказалъ сэръ-Патрикъ. — Я говорю вообще. На крайнія возраженія я могу отвѣчать только доведенными до крайности доказательствами. Земледѣлецъ и матросъ послужили моею цѣлю. Если земледѣлецъ и матросъ оскорбляютъ васъ, пусть они сойдутъ со сцены. Я начинаю съ того на чемъ остановился. Человѣкъ можетъ быть аристократомъ, богачомъ, хорошо одѣваться, хорошо ѣсть, но если онъ при этомъ человѣкъ не образованный, то (вопреки всѣмъ преимуществамъ) онъ человѣкъ съ сильными наклонностями ко злу. Не преувеличивайте моихъ словъ. Я далекъ отъ того чтобъ утверждать что современная страсть къ исключительно мускульному развитію неизбѣжно доведетъ людей до крайней испорченности. Къ счастью для общества, крайняя испорченность есть всегда, болѣе или менѣе, слѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ. Но масса чловѣчества проходитъ жизнь подвергаясь только всенедвнымъ искушеніямъ. Тысячи молодыхъ людей посвятившихъ себя любимому занятію нашего времени пройдутъ жизнь безъ худыхъ для себя послѣдствій, кромѣ грубости въ обращеніи и образѣ мыслей и печальной неспособности къ тѣмъ высокимъ и нѣжнымъ чувствамъ которыя украшаютъ и очищаютъ жизнь чловѣка цивилизованнаго. Но поставьте современнаго молодаго чловѣка изъ цвѣтущаго класса, вашего и моего, въ исключительныя обстоятельства (что можетъ случиться со всякимъ). Я прошу мистера Деламена сдѣлать мнѣ честь обратить вниманіе на то что я намѣренъ сказать, и тому что это относится къ тому что я говорилъ въ саду, и объяснить разницу между моимъ мнѣніемъ и тѣмъ съ чѣмъ притворно согласился мистеръ Деламень, и чего я никогда не говорилъ.

Равнодушіе Джофри, повидимому, не поколебалось. „Продолжайте,“ сказалъ онъ, и остался на своемъ мѣстѣ, съ устремленными въ пространство, усталыми, ничего не замѣчавшими и ничего не выразившими глазами.

— Возьмите примѣръ который мы имѣемъ теперь въ виду, началъ сэръ-Патрикъ,—примѣръ обыкновеннаго молодого человѣка нашего времени, пользующагося всѣми преимуществами какія только можетъ дать ему физическое развитіе. Положимъ что такой человѣкъ подвергается искушенію употребить во зло, ради своихъ интересовъ, дикіе инстинкты таящіеся въ человѣчествѣ,—инстинкты самосохраненія и жестокости, которые составляютъ главныя побуждательныя причины всякаго преступленія. Положимъ что онъ поставленъ относительно другаго человѣка въ положеніе которое заставляетъ его принести въ жертву одно изъ двухъ: другаго человѣка, или его собственные интересы и желанія. Положимъ что счастье его ближняго и жизнь его ближняго стоятъ между нимъ и достиженіемъ того чего ему хочется, и что онъ можетъ, не опасаясь повредить себѣ, разбить счастье ближняго или отнять у него жизнь. Что при такихъ условіяхъ помѣшаетъ такому человѣку пойти прямо къ своей цѣли? Помогутъ ли ему искусство въ греблѣ, быстрота бѣга, удивительная выносливость во всѣхъ другихъ физическихъ упражненіяхъ, которой онъ добился усиленнымъ трудомъ исключавшимъ всякій трудъ другаго рода,—помогутъ ли ему всѣ его физическія совершенства одержать чисто нравственную побѣду надъ своимъ эгоизмомъ и надъ своею жестокостью? Нѣтъ, они даже не дадутъ ему понять что это эгоизмъ и жестокость. Основной принципъ его физическихъ упражненій (принципъ самъ по себѣ безвредный, если онъ применяется только къ физическимъ упражненіямъ) приучилъ его пользоваться преимуществами силы и ловкости надъ своимъ соперникомъ. Въ его воспитаніи ничто не могло смягчить дикой жестокости его сердца и просвѣтить дикое невѣжество его ума. Искушеніе находитъ такого человѣка безоружнымъ. Кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ высоко ни стоялъ на общественной лѣстницѣ, онъ для всѣхъ нравственныхъ цѣлей и намѣреній животное и ничего болѣе. Если мое счастье преградить ему дорогу, и онъ можетъ опрокинуть мое счастье не повредивъ себѣ, онъ опрокинетъ мое счастье. Если случайно моя жизнь будетъ слѣдующимъ препятствіемъ на его дорогѣ, и если онъ можетъ лишитъ меня жизни не повредивъ себѣ, онъ лишитъ меня жизни. И слѣдуетъ онъ это, мистеръ Деламенъ, не какъ орудіе неодолимой судьбы или слѣдствіе случая, а какъ человѣкъ посвятившій себя и

собирающій жатву. Вотъ, сэръ, случай, который я привелъ какъ случай исключительный, когда начался нашъ споръ. Какъ исключительный случай, но въ то же время совершенно возможный, я повторилъ его и теперь.

Прежде чѣмъ адвокаты съ другой стороны успѣли открыть рты чтобъ отвѣтить, Джофри неожиданно сбросилъ свое равнодушіе и вскочилъ съ мѣста.

— Стойте! закричалъ онъ, угрожая кулакомъ другимъ, въ бѣшеномъ нетерпѣніи отвѣтить самому.

Наступило общее молчаніе.

Джофри такъ взглянулъ на сэръ-Патрика, какъ будто сэръ-Патрикъ оскорбилъ его лично.

— Кто этотъ анонимный человѣкъ который идетъ своею дорогой къ своимъ цѣлямъ, никого не щадя и ни предъ чѣмъ не останавливаясь? спросилъ онъ.— Назовите его.

— Я привелъ только примѣръ, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.— Я не касался личностей.

— Какое право имѣете вы, кричалъ Джофри,— совершенно забывъ, въ странномъ волненіи овладѣвшемъ имъ, о выгодахъ сдержать себя предъ сэръ-Патрикомъ, — какое право имѣете вы приводить въ примѣръ негодая-гребца, когда столь же возможно что гребецъ можетъ быть отличнымъ человѣкомъ? А? и лучшимъ человѣкомъ, если до этого дошло, чѣмъ тотъ который стоитъ въ вашихъ башмакахъ!

— Если одно столь же возможно какъ и другое (съ чѣмъ я охотно соглашаюсь), отвѣчалъ сэръ-Патрикъ,— то я во всякомъ случаѣ имѣю право выбрать для примѣра какой мнѣ угодно случай. (Позвольте, мистеръ Деламень! Мнѣ надо сказать еще нѣсколько словъ, и я намѣренъ сказать ихъ.) Я взялъ въ примѣръ не исключительно порочнаго человѣка, — какъ вы ошибочно полагаете, — но обыкновеннаго человѣка, съ его обыкновенною долей низкихъ, жестокихъ и опасныхъ качествъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго необработаннаго человѣческаго характера, что вамъ говоритъ ваша религія, и въ чемъ вы можете сами убѣдиться, если соблаговолите обратить вниманіе на вашихъ непрощенныхъ ближнихъ. Я предположилъ что такой человѣкъ встрѣчаетъ выходящее изъ ряда вонъ искушеніе, и показалъ, какъ умѣлъ, почему пренебреженіе нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, — пренебреженіе скрытно поощряемое въ наше

время въ Англии общественною склонностью,—дѣлаетъ его вполне неспособнымъ бороться съ дурными инстинктами его природы, и какъ неизбежно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ (джентльменъ), подобно самому низкому уличному негодяю, начавъ съ невѣжества, кончитъ преступленіемъ. Если вы не признаете моего права привести такой примѣръ въ защиту моего мнѣнія, вы должны или отвергнуть что исключительное побужденіе ко злу можетъ овладѣть человѣкомъ въ положеніи джентльмена, или доказать что человѣкъ который стоитъ выше всякихъ искушеній есть именно человѣкъ посвятившій себя атлетическому поприщу. Вотъ моя защита. Говорить меня побудило мое искреннее уваженіе къ правдѣ и къ просвѣщенію и къ тѣмъ молодымъ людямъ которые сопротивляются заразѣ окружающаго ихъ варварства. Такіе молодые люди надежда Англии на будущее. Я кончилъ.

Джофри, готовый на вспыльчивое возраженіе, былъ предупрежденъ другимъ человѣкомъ, имѣвшимъ что-то сказать и намѣревавшимся сказать это въ ту именно минуту.

За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ докторъ окончилъ свое наблюденіе надъ лицомъ Джофри и обратилъ все вниманіе на разсужденіе сэръ-Патрика. Едва послѣднее слово было выговорено, какъ онъ такъ быстро и такъ ловко вмѣшался между сэръ-Патрикомъ и Джофри что даже самъ Джофри былъ изумленъ.

— Остается сказать еще нѣчто, чтобы доказательство сэръ-Патрика было полно, сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, я могу пополнить его опытомъ вынесеннымъ изъ моей практики. Но прежде чѣмъ я скажу то что намѣренъ сказать, мистеръ Деламень, можетъ-быть, извинить меня, если я сдѣлаю ему предостереженіе что ему необходимо сдерживать себя.

— Развѣ вы тоже намѣрены поострить на мой счетъ? спросилъ Джофри.

— Я совѣтую вамъ сдерживаться, и больше ничего. Есть много людей которые могутъ сердиться сколько имъ угодно, не причиняя себѣ большаго вреда. Но вы не изъ такихъ.

— Что вы хотите сказать?

— Мнѣ кажется, мистеръ Деламень, что ваше здоровье не въ такомъ удовлетворительномъ состояніи какъ вы, можетъ-быть, думаете.

Джофри оборотился къ своимъ поклонникамъ и послѣдова-

телямъ съ насмѣшливымъ хохотомъ. Поклонники и послѣдователи единодушно откликнулись ему. Арнольдъ и Бланка переглянулись, улыбаясь. Даже сэръ-Патрикъ смотрѣлъ точно не вѣряя своимъ ушамъ. Передъ нами стоялъ современный Геркулесъ, а противъ него человекъ котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ кулака, и съ серьезнымъ участіемъ увѣрялъ его что онъ не совсѣмъ здоровъ.

— Вы удивительный человекъ, воскликнулъ Джофри, полушутя и полусердито.—Что же вы находите во мнѣ?

— Я рѣшился сдѣлать вамъ необходимое, по моему мнѣнію, предостереженіе. Но я не имѣлъ намѣренія говорить вамъ что съ вами дѣлается. Объ этомъ вопросъ мы, можетъ-быть, поговоримъ въ послѣдствіи. А до тѣхъ поръ мнѣ хотѣлось бы удостовѣриться въ томъ что я замѣтилъ въ васъ. Имѣете вы какія-нибудь причины не отвѣтить мнѣ на вопросъ касающійся васъ, но не имѣющій особой важности?

— Скажите сначала вопросъ.

— Я замѣтилъ нѣчто въ вашемъ поведеніи въ то время когда говорилъ сэръ-Патрикъ. Вы также заинтересованы въ опроверженіи мнѣнія сэръ-Патрика какъ всѣ окружающіе васъ джентльмены. Я не понимаю почему вы сидѣли молча, предоставивъ другимъ защищаться, до тѣхъ поръ пока сэръ-Патрикъ не сказалъ того что васъ разсердило. Развѣ у васъ до тѣхъ поръ не было въ головѣ готоваго возраженія.

— У меня были въ головѣ всѣ тѣ возраженія которыя были здѣсь высказаны.

— Однако вы не высказали ихъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть вы чувствовали, хотя и были убѣждены въ основательности своихъ возраженій, что не стоить трудиться облекать ихъ въ слова? Однимъ словомъ, вы предоставили вашимъ друзьямъ отвѣчать за васъ, чтобы не утруждать самого себя?

Джофри взглянулъ на своего медицинскаго совѣтника со внезапнымъ недовѣріемъ.

— Скажите, спросилъ онъ,—какъ вы отгадали что происходило въ моей душѣ, когда я вамъ ничего не говорилъ?

— Моя спеціальность отгадывать что происходитъ въ тѣлѣ человека, а для этого мнѣ иногда приходится отгадывать, по возможности, что происходитъ у него въ душѣ. Такъ какъ

я отдавалъ что происходило въ вашей душѣ, я не буду настаивать на моемъ вопросѣ. Вы уже отвѣтили мнѣ.

Сказавъ это, онъ обратился къ сэръ-Патрику.

— Въ этомъ вопросѣ есть сторона, сказалъ онъ, которой вы не коснулись. Есть физическое возраженіе противъ современной страсти ко всевозможнымъ мускульнымъ упражненіямъ, столь же сильное, въ своемъ родѣ, какъ всѣ нравственныя возраженія. Вы опредѣляли послѣдствія мускульнаго воспитанія какъ она касаются души, я могу опредѣлить послѣдствія его какъ она касаются тѣла.

— По вашему собственному опыту?

— По моему собственному опыту. Я могу сказать вамъ, какъ медикъ, что часть молодыхъ людей—и не подумайте что небольшая часть—подвергающихъ свою силу и выносливость необыкновеннымъ, атлетическимъ опытамъ, причиняютъ этимъ серьезный и непоправимый вредъ своему здоровью. Публика, присутствующая на гонкахъ лодокъ, на бѣгахъ и на другихъ подобныхъ представленіяхъ, видитъ только успѣшные результаты мускульнаго воспитанія. Отцы и матери дома видятъ его вредъ. Есть семейства въ Англіи,—несчастныя семейства, сэръ-Патрикъ, и считаемыя не единицами,—гдѣ видимъ молодыхъ людей, которые, благодаря напряженіямъ которымъ они подвергали свои организмы на популярныя въ наше время атлетическихъ представленія, останутся на всю жизнь людьми съ разстроеннымъ здоровьемъ, или больными.

— Слышите? спросилъ сэръ-Патрикъ, взглянувъ на Джофри.

Джофри безлечно кивнулъ головой. Его раздраженіе прошло, и глубое равнодушіе овладѣло имъ опять. Онъ сидѣлъ на стулѣ, вытянувъ ноги и устремивъ бессмысленный взглядъ на узоръ ковра. „Какое мнѣ до всего этого дѣло?“ выражалось въ его наружности, съ головы до ногъ.

Докторъ продолжалъ.

— Я не вижу никакого исхода изъ этого печальнаго положенія дѣла, пока общественная склонность остается тѣмъ что она теперь. Красный, здоровый на видъ молодой человекъ, съ великолѣпнымъ мускульнымъ развитіемъ, стремится (что очень естественно) отличиться подобно другимъ. Воспитательные авторитеты въ его коллегіи, или гдѣ бы то ни было судятъ объ его силѣ (что опять очень естественно) по его вышнему виду. Правы ли они, или ошиблись, выбравъ его,

они не могутъ знать, пока опытъ не будетъ сдѣланъ, и вредъ ошибки во многихъ случаяхъ окажется непоправимымъ. Многіе ли изъ нихъ знаютъ важную физиологическую истину что мускульная сила человѣка не есть гарантія его жизненной силы? Многіе ли изъ нихъ знаютъ что всѣ мы живемъ (какъ сказалъ одинъ великій французскій писатель) двумя жизнями,—внѣшнею жизнью мускуловъ, и внутреннею жизнью сердца, легкихъ и мозга? Еслибы даже они знали это и обращались за совѣтами къ медикамъ, было бы еще въ высшей степени сомнительно, въ большинствѣ случаевъ, можетъ ли предварительное изслѣдованіе опредѣлить вѣрно есть ли въ человѣкѣ достаточно жизненной силы чтобы выдержать мускульное испытаніе которому его подвергаютъ. Обратитесь къ кому угодно изъ моихъ собратьевъ, и они скажутъ вамъ, по опыту вынесенному изъ ихъ специальныхъ наблюденій, что я нисколько не преувеличиваю важности вреда и опасности послѣдствій къ которымъ онъ ведетъ. У меня въ настоящее время есть пациентъ, молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, обладающій однимъ изъ прекраснѣйшихъ, въ мускульномъ отношеніи, организмовъ встрѣчавшихся мнѣ въ жизни. Еслибы этотъ молодой человѣкъ посоветовался со мною прежде чѣмъ послѣдовалъ примѣру другихъ молодыхъ людей, я не могу сказать чтобъ я могъ предугадать послѣдствія. Но какъ бы то ни было, выдержавъ извѣстную степень мускульнаго воспитанія, и совершивъ нѣсколько мускульныхъ подвиговъ, онъ однажды неожиданно упалъ въ обморокъ, къ удивленію своего семейства и своихъ друзей. Пригласили меня, и съ тѣхъ поръ я сѣдиль за нимъ. Онъ, вѣроятно, будетъ жить, но никогда не поправится. Этотъ двадцатилѣтній юноша требуетъ такого же осторожнаго ухода какъ осьмидесятилѣтній старикъ. На видъ онъ такъ силенъ что можетъ служить моделью для Самсона, но не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ я видѣлъ какъ онъ, точно молодая дѣвушка, лежалъ въ обморокѣ на рукахъ своей матери.

— Имя! воскликнули поклонники Джофри, не уступавшіе, несмотря на то что не встрѣчали никакого поощренія со стороны Джофри.

— Я не имѣю обыкновенія называть имена моихъ пациентовъ, возразилъ докторъ.—Но если вы непременно хотите чтобъ я показалъ вамъ человѣка разбитаго атлетическими упражненіями, я могу удовлетворить васъ.

- Покажите! Кто онъ?
- Вы знаете его очень хорошо.
- Онъ уже въ рукахъ доктора?
- Нѣтъ еще.
- Гдѣ же онъ?
- Вотъ онъ!

Въ минуту глубокой тишины, подъ взглядами всѣхъ присутствовавшихъ, съ нетерпѣннѣмъ обращенными на него, докторъ поднялъ руку и указалъ на Джоффри Деламена.

ГЛАВА XX.

Трогаетъ.

За всеобщимъ изумленіемъ, конечно, послѣдовало всеобщее недовѣріе.

Человѣкъ который сказалъ первый что „видѣть“ еще не значитъ „вѣрить“ указалъ (сознательно или безсознательно) на одно изъ основныхъ заблужденій человѣчества. Доказательство которое намъ дается легче другихъ доказательствъ есть то которое не требуетъ отъ насъ другаго сужденія кромѣ сужденія глазъ, вслѣдствіе чего оно останется всегда доказательствомъ которому человѣчество будетъ вѣрить охотнѣе другихъ доказательствъ, пока будетъ существовать человѣчество. Глаза всѣхъ видѣли Джоффри Деламена, и сужденіе всѣхъ рѣшило что докторъ ошибается. Сама леди Лунди оторвалась отъ своихъ приглашеній къ обѣду, и выразила всеобщій протестъ.

— Мистеръ Деламень разбитый человѣкъ! воскликнула она, обращаясь къ здравому смыслу своего гостя, знаменитаго доктора:—Вы, конечно, не разчитываете что мы вамъ повѣримъ!

Вызванный на споръ во второй разъ поразительнымъ мнѣніемъ высказаннымъ о немъ, Джоффри всталъ и взглянулъ пристально и дерзко на доктора.

— Вы не шутите? спросилъ онъ.

— Нисколько.

— Вы указываете на меня всему этому народу?

— Позвольте, мистеръ Деламень. Я соглашаюсь что я виноватъ. Вы имѣете право сердиться на меня за то что я отвѣтилъ публично на публичный вызовъ вашихъ друзей. Я

прошу у васъ извиненія. Но я не отказываюсь ни отъ одного слова сказаннаго мною о вашемъ здоровьи.

— Вы стоите на томъ что я разбитый человекъ?

— Да.

— Я желалъ бы, сэръ, чтобы вы были двадцатью годами моложе.

— Зачѣмъ?

— Я полпросилъ бы васъ выйти со мной вонъ на тотъ лугъ и показалъ бы вамъ разбитый я человекъ или нѣтъ.

Леди Лунди взглянула на своего свояка. Сэръ-Патрикъ тотчасъ же вмѣшался.

— Мистеръ Деламенъ, сказалъ онъ,—вы были приглашены сюда какъ джентльменъ. Вы гость въ домъ женщины.

— Ничего, ничего! сказалъ докторъ, добродушно.—Мистеръ Деламенъ употребилъ сильное доказательство, сэръ-Патрикъ, и только. Еслибъ я былъ двадцатью годами моложе, обратился онъ къ Джофри,—и *еслибъ* я вышелъ на лугъ съ вами, результатъ нашего поединка нисколько не свидѣтельствовалъ бы противъ моего мнѣнія. Я не говорю что чрезмѣрные тѣлесныя упражненія, которыми вы славитесь, повредили вашей мускульной силѣ. Но я утверждаю что они повредили вашей жизненной силѣ. Въ какомъ отношеніи они повредили ей, я не считаю себя обязаннымъ объяснять вамъ. Я только изъ человеколюбія предупреждаю васъ. Вы хорошо сдѣлаете если удовлетворитесь уже пріобрѣтеннымъ успѣхомъ на атлетическомъ полприщѣ и измѣните вашъ образъ жизни. Примите опять мое извиненіе въ томъ что я сказалъ это при всѣхъ, а не наединѣ, и не забывайте моего предостереженія.

Онъ повернулся съ намѣреніемъ уйти, но Джофри заставилъ его остановиться.

— Подождите немного, сказалъ онъ.—Вы высказали ваше мнѣніе. Теперь моя очередь. Я не могу опровергнуть васъ словами, но я опровергну васъ дѣломъ. И, честное слово, я тогда припомню вамъ ваши слова. Дней черезъ десять, или черезъ двѣ недѣли я начну готовиться къ фульгамскому бѣгу. Вы думаете что я не выдержу подготовки?

— Нѣтъ, вѣроятно, выдержите.

— Выдержу я бѣгъ?

— Вы, можетъ-быть, выдержите и бѣгъ, но....

— Чтò?

— Вы послѣ того никогда не примете участія въ другомъ бѣгѣ.

— И никогда не буду грести въ другой гонкѣ?

— Никогда.

— Меня пригласили грести на лодочной гонкѣ будущей весны, и я общалъ. Вы говорите мнѣ прямо что я не буду въ состоянїи принять въ ней участіе?

— Да, я говорю вамъ это прямо.

— Положительно?

— Положительно.

— Скрѣдите ваше мнѣніе, воскликнулъ Джофри, и вынулъ изъ кармана книгу лари. — Я ставлю сотню что буду въ состоянїи грести на университетской гонкѣ будущею весною.

— Я не держу лари, мистеръ Деламень.

Съ этимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ докторъ отошелъ на другую сторону бібліотеки. Леди Лунди (овладѣвъ Бланкой) возвратилась къ сѣріозной обязанности писать приглашенія. Джофри, съ вызывающимъ взглядомъ и съ книгой въ рукахъ, обратился къ окружающимъ его товарищамъ. Британская кровь расходилась, и британская страсть держать лари, не признающая ни общественныхъ приличій, ни общественныхъ законовъ, не хотѣла уступить.

— Ну что же! закричалъ Джофри. — Держите кто-нибудь изъ васъ за доктора.

Сэръ-Патрикъ всталъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ и отошелъ къ доктору. Первый, Второй и Третій, вызванные знаменитымъ другомъ, локачали своими большими головами и всѣ единогласно отвѣчали однимъ краснорѣчивымъ словомъ: „Вздоръ!“

— Кто-нибудь изъ васъ! настаивалъ Джофри обратившись съ лихорадочнымъ волненіемъ къ двумъ хористамъ на заднемъ планѣ.

Хористы, по обыкновенію, переглянулись.

— Мы родились не вчера, Смитъ?

— Кажется что нѣтъ, Джонсъ.

— Смитъ, сказалъ Джофри со врезалною притворною важностію, признакомъ чего-то недобраго.

Смитъ съ улыбкой спросилъ:

— Что?

— Джонсъ!

Джонсъ, въ подражаніе Смигу, спросилъ:

— Что?

— Вы оба дрянные нищие, и у обоихъ васъ нѣтъ ста фунтовъ!

— Полноте, сказалъ Арнольдъ, вмѣшиваясь въ первый разъ.— Не стыдно ли вамъ, Джофри?

— Почему же никто изъ нихъ не хочетъ держать пари?

— Если вы настаиваете на своей глупости, сказалъ Арнольдъ тоже съ раздраженіемъ, — и ничто другое не можетъ успокоить васъ, я принимаю пари.

— Сто за доктора! воскликнулъ Джофри.— Идетъ!

Его сграсть была удовлетворена, и расположеніе духа пришло опять въ нормальное состояніе. Онъ записалъ пари въ свою книгу и чистосердечно извинился предъ Смитомъ и Джонсомъ.

— Не сердитесь, друзья. Дайте руки.

Смитъ и Джонсъ пришли въ восторгъ.

— Англійская аристократія-то, Джонсъ? А!

— Кровь и воспитаніе-то, Смитъ? А!

Арнольдъ, принявъ пари, тотчасъ же почувствовалъ угрызеніе совѣсти: не за то что держалъ пари (кто стыдится этого въ Англии?), но за то что стоялъ за мнѣніе доктора. Съ искреннимъ расположеніемъ къ другу, онъ спекулировалъ на удачу здоровья своего друга. Онъ началъ горячо увѣрять Джофри что ни одинъ человекъ въ комнатѣ не убѣжденъ такъ искренно какъ онъ что докторъ ошибается.

— Я не раскаиваюсь что держалъ пари, сказалъ онъ.— Но, дорогой мой другъ, пожалуста вѣрьте что я взялъ его только для того чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

— Все это пустяки, сказалъ Джофри, смотрѣвшій на дѣло съ серіозной точки зрѣнія, что было однимъ изъ отличительныхъ качествъ его характера.— Пари есть пари, и къ чорту ваши чувства.

Онъ взялъ Арнольда подъ руку и отвелъ его въ сторону, гдѣ другіе не могли ихъ слышать.

— Послушайте, сказалъ онъ озабоченно, — не разсердился ли старій дуракъ?

— Сэръ-Патрикъ?

Джофри кивнулъ головой и продолжалъ:

— Я еще не говорилъ съ нимъ о дѣлѣ, о женитьбѣ въ Шотландіи. Что если онъ теперь не захочетъ говорить со мной? Говоря это, онъ взглянулъ на другую сторону комнаты. Докторъ разсматривалъ альбомъ съ гравюрами. Дамы трудились

надъ пригласительными залпками. Сэръ-Патрикъ сидѣлъ одиноко у полокъ съ книгами, углубившись въ только что взятый томъ.

— Извинитесь, посовѣтовалъ Арнольдъ.—Сэръ-Патрикъ, можетъ-быть немного раздражителенъ и язвительенъ, но онъ человѣкъ благородный и добрый. Скажите что вы не имѣли намѣренія оскорбить его, и этого будетъ достаточно.

— Хорошо.

Сэръ-Патрикъ, забывшійся надъ старымъ венеціанскимъ изданіемъ Декамерона, былъ неожиданно вызванъ изъ среднейковой Италіи въ современную Англію великимъ Джофри Деламеномъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ сухо.

— Мнѣ угодно извиниться, сказалъ Джофри. — Не обижайтесь. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ. Простите и забудьте. Вѣдь это не совсѣмъ дурной девизъ, сэръ. А?

Хотя и неловко выраженное, но это было извиненіе. Даже Джофри не могъ обратиться къ вѣжливости и внимательности сэръ-Патрика тщетно.

— Ни слова болѣе, мистеръ Деламень, отвѣчалъ вѣжливый старикъ.—Извините меня если я съ своей стороны выразился такъ рѣзко, и забудемъ прошлое.

Отвѣтивъ такимъ образомъ, онъ замолчалъ, ожидая что Джофри уйдетъ и дастъ ему возможность возвратиться опять къ Декамерону. Но, къ его невыразимому удивленію, Джофри нагнулся и шелпнулъ ему на ухо:

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами наединѣ.

Сэръ-Патрикъ отшатнулся, точно Джофри хотѣлъ укусить его.

— Извините, мистеръ Деламень. Что вы сказали?

— Не можете ли вы поговорить со мной наединѣ?

Сэръ-Патрикъ отложилъ въ сторону Декамерона и поклонилась, внутренно содрогаясь. Совѣщаніе съ достопочтеннымъ Джофри Деламеномъ было для него самымъ неприятнымъ совѣщаніемъ въ мірѣ. „Вотъ причина его извиненія,“ подумалъ онъ. „Что ему могло понадобиться отъ меня?“

— Я хочу поговорить съ вами о моемъ другѣ, началъ Джофри, направляясь къ окну.—Мой другъ попалъ въ затруднительное положеніе. Я хочу посовѣтоваться съ вами. Но не забудьте что это большая тайна.

:: Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ какое впечатлѣніе произвели его слова.

Сэръ-Патрикъ ни словомъ, ни жестомъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія слушать далѣе.

— Не угодно ли вамъ пройтись по саду? спросилъ Джоффри.

Сэръ-Патрикъ показалъ на свою хромую ногу.

— Я уже гулялъ сегодня определенное время. Болѣзнь не позволяетъ мнѣ ходить болѣе, сказалъ онъ.

Джоффри оглянулъ комнату, желая замѣнить какимъ-нибудь образомъ садъ, и направился къ одному изъ раскрытыхъ углубленій въ стѣнѣ.

— Мы можемъ поговорить наединѣ здѣсь, сказалъ онъ.

Сэръ-Патрикъ сдѣлалъ послѣднюю попытку избавиться отъ предлагаемаго совѣщанія — нескрываемую попытку въ этотъ разъ.

— Извините меня, мистеръ Деламень. Увѣрены ли вы что обращаетесь къ кому слѣдуетъ, обращаясь ко мнѣ?

— Вѣдь вы шотландскій адвокатъ?

— Конечно.

— И знаете законы о шотландскихъ бракахъ?

Сэръ-Патрикъ мгновенно измѣнился.

— Не я. Это мой другъ.

— Такъ вашъ другъ?

— Да. У него вышло недоразумѣнiе съ женщиной. Здѣсь, въ Шотландіи. Мой другъ не знаетъ женатъ онъ на ней или нѣтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, мистеръ Деламень.

Къ радости Джоффри (но ужъ конечно не къ удивленію), сэръ-Патрикъ теперь не только пересталъ выказывать нежеланіе поговорить съ нимъ, но даже самъ поощрилъ его направившись къ ближайшему углубленію къ стѣнѣ. Быстрое соображеніе стараго адвоката сдѣлало сближеніе между просьбой о помощи со стороны Джоффри и такою же просьбой со стороны Бланки, и на этомъ основаніи построило свою собственную теорію. „Нѣтъ ли чего-нибудь общаго между настоящимъ положеніемъ гувернантки Бланки, и настоящимъ положеніемъ „друга“ мистера Деламена, подумалъ онъ. Такія несообразности встрѣчались мнѣ въ моей практикѣ. Изъ этого выйдетъ что-нибудь.“

Два разнородные собесѣдника усѣлись другъ противъ друга у стола, въ одномъ изъ углубленій библіотеки. Арнольдъ и другіе гости ушли въ садъ. Докторъ съ гравюрами и дамы съ пригласительными билетами сидѣли на другой сторонѣ комнаты. Совѣщаніе Джоффри съ сэръ-Патрикомъ, совѣщаніе такое ничтожное по видимому и такое ужасное по влиянію

которое оно могло имѣть, не только на будущность Анны, но и на будущность Арнольда и Бланки, было вполнѣ совѣщаніемъ съ закрытыми дверями.

— Ну, сказалъ сэръ-Патрикъ, — въ чемъ же состоитъ вопросъ?

— Вопросъ состоитъ въ томъ женатъ ли на ней мой другъ, или нѣтъ.

— Имѣлъ онъ намѣреніе жениться на ней?

— Нѣтъ.

— Онъ не женатый человѣкъ, и она не замужняя женщина? И оба они въ Шотландіи?

— Да.

— Хорошо. Разкажите мнѣ подробности.

Джофри замаялся. Способность исчислять подробности зависитъ отъ развитія очень рѣдкой способности — способности мыслить. Никто не зналъ этого лучше сэръ-Патрика. Онъ съ намѣреніемъ далъ Джофри залутаться, зная что кліентъ хочетъ скрыть отъ него что-то. Единственный способъ выведать истину былъ способъ допроса. Но еслибъ онъ началъ прямо съ допроса, Джофри догадался бы объ его намѣреніи. Сэръ-Патрикъ сдѣлалъ такъ что Джофри самъ пожелалъ вопросовъ. Стараясь разказать подробности, онъ, конечно, залутался. Сэръ-Патрикъ слушалъ пока онъ не потерялъ окончательно нити своего разказа, и тогда воспользовался своею удачною уловкой.

— Не легче ли вамъ будетъ если я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ? спросилъ онъ простодушно.

— Гораздо легче.

— Я къ вашимъ услугамъ. Мы начнемъ съ того что осветитъ нашъ путь. Имѣете вы право называть имена?

— Нѣтъ,

— Мѣста?

— Нѣтъ.

— Числа?

— Долженъ я говорить точно?

— Какъ только возможно.

— Довольно ли, если я скажу что въ настоящемъ году?

— Довольно. Вашъ другъ и дама путешествовали вмѣстѣ въ настоящемъ году?

— Нѣтъ.

— Жили вмѣстѣ съ Шотландіи?

— Нѣтъ.

— Такъ что же они дѣлали вмѣстѣ въ Шотландіи?

— Что? Они сошлись въ гостиницѣ.

— А! Они сошлись въ гостиницѣ. Кто же явился первый на *rendez-vous*?

— Женщина явилась первая. Позвольте, мы теперь дошли до нашей цѣли.—Говоря это, онъ досталъ свой меморандумъ о поведеніи Арнольда въ Кругъ-Ферри.—У меня есть маленькая записка. Вамъ, можетъ-быть, угодно будетъ взглянуть на нее?

Сэръ-Патрикъ взялъ записку, быстро прочелъ ее про себя, потомъ перечелъ ее фразу за фразой вслухъ, употребляя ее какъ текстъ для вопросовъ.

— „Онъ спросилъ ее какъ свою жену у двери,“ читалъ сэръ-Патрикъ.—Вѣроятно у двери гостиницы? А дама тоже назвала себя предварительно замужнею женщиной въ гостиницѣ?

— Да.

— Долго ли она была въ гостиницѣ прежде чѣмъ вашъ другъ пришелъ къ ней?

— Только часъ или около того.

— Назвала она себя тамъ по имени?

— Я могу сказать навѣрное что не назвала.

— А другъ вашъ назвалъ себя?

— Нѣтъ. Я увѣренъ что онъ не назвалъ себя.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ опять на записку.

— „Онъ сказалъ за обѣдомъ въ присутствіи хозяйки и слуги— я беру эти комнаты для моей жены. Онъ въ то же время заставилъ ее сказать что онъ ея мужъ.“ Была это шутка, мистеръ Деламенъ, со стороны дамы или вашего друга?

— Нѣтъ. Это было сказано серьезно.

— Вы хотите сказать что это было сказано серьезно только для того чтобъ обмануть хозяйку и слугу?

— Да.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ опять на записку.

— „Послѣ того онъ провелъ съ ней всю ночь.“ Провелъ ночь въ комнатахъ которыя оставилъ за собой для себя и для своей жены?

— Да.

— Что произошло на слѣдующій день.

— Онъ ушелъ. Дайте припомнить. Онъ отговорился дѣлами.

— Значить, онъ до конца выдержалъ свою роль въ гостиницѣ, и оставилъ тамъ даму въ качествѣ своей жены?

— Да.

— Былъ онъ послѣ того въ гостиницѣ?

— Нѣтъ.

— Другъ вашъ и дама Англичане или Шотландцы?

— Оба Англичане.

— Въ то время когда они сошлись въ гостиницѣ прошло болѣе или менѣе трехъ недѣль послѣ прїѣзда ихъ обоихъ въ Шотландію?

Джофри подумалъ. За Анну не трудно было отвѣтить. Леди Лунди и ея домашній кружокъ провели въ Шотландію гораздо болѣе трехъ недѣль до Виндигетскаго праздника. Но чтобы отвѣтить за Арнольда надо было подумать. Припомнивъ подробности своей встрѣчи съ Арнольдомъ въ Виндигетсѣ, Джофри вспомнилъ разказъ своего друга о какомъ-то представленіи въ Единбургскомъ театрѣ, и тотчасъ же рѣшилъ вопросъ о времени. Арнольдъ былъ, конечно, задержанъ нѣкоторое время въ Единбургѣ дѣлами по наслѣдству, и слѣдовательно онъ, какъ и Анна, провелъ въ Шотландію болѣе трехъ недѣль прежде чѣмъ они встрѣтились въ Крегъ-Ферри. Онъ отвѣтилъ сэръ-Патрику что дама и его другъ были въ Шотландію болѣе трехъ недѣль и прибавилъ вопросъ съ своей стороны:

— Я не хочу торопить васъ, сэръ, но позвольте спросить скоро ли вы кончите?

— Еще два вопроса, и я кончу, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ что дама требуетъ, на основаніи исчисленныхъ вами обстоятельствъ, чтобы она была признава женой вашего друга?

Джофри отвѣтилъ утвердительно. Утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ былъ самымъ легкимъ способомъ узнать мнѣніе сэръ-Патрика. Иными словами, самымъ легкимъ способомъ было представить Анну (такъ-называемую *даму*) требующею брака съ Арнольдомъ (такъ-называемымъ *другомъ*).

Сдѣлавъ эту уступку обстоятельствамъ, онъ въ то же время понималъ что долженъ ограничиться этимъ единственнымъ отступленіемъ отъ истины. Ему надо было знать мнѣніе адвоката о тѣхъ именно фактахъ которые произошли въ гостиницѣ. До сихъ поръ онъ строго держался фактовъ, и рѣшилъ не отступать впредь отъ истины (кромѣ единственнаго исключенія которое принужденъ былъ сдѣлать).

— Дама и вашъ другъ не писали другъ другу? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Итъ, насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Джофри, не отступая отъ истины.

— Я кончилъ, мистеръ Деламень.

— Ну? Какъ же вы полагаете?

— Прежде чѣмъ я скажу вамъ мое мнѣнiе, я долженъ предпослать ему мое личное толкованiе закона, которое вы можете, если вамъ угодно, не считать правильнымъ толкованiемъ. Вы хотите чтобъ я рѣшилъ, судя по фактамъ которые вы сообщили мнѣ, женатъ ли вашъ другъ по шотландскимъ законамъ, или нѣтъ?

Джофри кивнулъ головой.

— Да, сказалъ онъ нетерпѣливо.

— По моему мнѣнiю, мистеръ Деламень, въ Шотландiи всякiй неженатый человѣкъ можетъ жениться на всякой незамужней женщинѣ во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Словомъ, послѣ тридцатилѣтней адвокатской практики, я не могу опредѣлить что въ Шотландiи *не есть* бракъ.

— Такъ вы полагаете что она его жена? сказалъ Джофри.

Волпреки его хитрости, вопреки его самообладанiю, глаза его заблестали при этомъ вопросѣ. И въ тонѣ его голоса, какъ онъ ни старался скрыть свое торжество, тонкiй слухъ могъ различить радость.

Ни взглядъ, ни тонъ голоса не ускользнули отъ вниманiя сэръ-Патрика.

При началѣ совѣщанiя у него было очень понятное подозрѣнiе что Джофри, говоря о своемъ „другѣ“, говоритъ о самомъ себѣ. Но, какъ всѣ адвокаты, онъ не довѣрялъ первымъ впечатлѣнiямъ, даже своимъ собственнымъ. До сихъ поръ его задачей было рѣшить вопросъ о дѣйствительномъ положенiи Джофри и о дѣйствительныхъ намѣренiяхъ Джофри. Съ этою цѣлью онъ устроилъ свою западню и поймалъ свою добычу.

Теперь ему было ясно, вопервыхъ, что Джофри, совѣтуясь съ нимъ, говоритъ по всей вѣроятности о случаѣ съ другимъ человѣкомъ и, вовторыхъ, что у него есть свой интересъ (какого рода интересъ невозможно было рѣшить) удостовѣриться что другъ его по шотландскимъ законамъ дѣйствительно женатый человѣкъ. Проникнувъ на столько въ тайну которую открывалъ отъ него Джофри, сэръ-Патрикъ покинулъ надежду подвинуться далѣе по этому направленiю. Далѣе онъ намѣревался рѣшить вопросъ кто анонимная дама, и скрывается ли подъ этимъ названiемъ Анна Сильвестеръ или нѣтъ. Прямымъ

путемъ къ достиженію такого результата и единственнымъ путемъ (при неопредѣленныхъ понятіяхъ сэръ-Патрика) было изложеніе законовъ. Онъ немедленно приступилъ къ вопросу о бракѣ и изложилъ законы, не утаивъ ничего отъ своего кліента.

— Не слѣшите заключеніями, мистеръ Деламень. Я сказалъ вамъ только мое мнѣніе вообще. Я еще не сказалъ вамъ моего мнѣнія о случаѣ съ вашимъ другомъ.

Лицо Джозфри омрачилось. Сэръ-Патрикъ замѣтилъ и эту новую перемену.

— Шотландскій законъ о неправильныхъ бракахъ, началъ онъ,— есть поруганіе надъ общепринятою благопристойностію и здравымъ смысломъ. Если вамъ кажется что я преувеличиваю, то я могу сослаться на законный авторитетъ. Лордъ Дезъ недавно выразилъ мнѣніе о шотландскихъ брачныхъ законахъ въ слѣдующихъ словахъ: „Согласіе составляетъ бракъ. Никакихъ церемоній гражданскихъ или религіозныхъ; никакихъ предувѣдомленій или объявленій послѣ брака; ни сожительства, ни письменныхъ документовъ, ни свидѣтелей не нужно чтобъ утвердить самый важный контрактъ какой только могутъ заключить между собой два лица.“ Вотъ мнѣніе шотландскаго судьи о законѣ который онъ примѣняетъ. Замѣтите что въ то же время у насъ въ Шотландіи есть опредѣленные законныя формы для контрактовъ и продажи домовъ, земель, лошадей, собакъ. Единственный контрактъ который мы оставляемъ безъ законной защиты и какихъ бы то ни было предосторожностей, есть контрактъ соединяющій на всю жизнь мужчину съ женщиной. Что же касается до власти родителей, или несовершеннолѣтія, нашъ законъ не признаетъ ни того, ни другаго. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка и четырнадцатилѣтній мальчикъ могутъ вступить въ бракъ безъ помѣхи, безъ малѣйшаго замедленія или какого бы то ни было прелятствія, и безъ малѣйшей попытки со стороны шотландскаго закона уведомить о томъ ихъ родителей. Законъ даже не требуетъ чтобы простое условіе обоюднаго согласія было доказано слѣдствіемъ. На основаніи такого закона мужчина и женщина въ Шотландіи могутъ быть признаны мужемъ и женой когда у нихъ не было обоюднаго согласія, и когда они даже не подозреваютъ что по закону они мужъ и жена. Имѣете ли вы теперь достаточно смутное понятіе о законныхъ неправильныхъ бракахъ, мистеръ Деламень, и

достаточно ли я сказалъ чтобъ оправдать рѣзкій приговоръ закону, который я высказалъ когда началъ объяснять вамъ его?

— Гдѣ тотъ авторитетъ о которомъ вы упомянули, спросилъ Джофри.— Не обратитесь ли мнѣ къ нему?

— Если вы обратитесь къ нему, то знайте что его вполне опровергаетъ другой авторитетъ, столь же ученый и столь же извѣстный, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.— Я не шучу. Я передаю вамъ истинные факты. Слышали вы когда-нибудь о королевской комиссиіи?

— Нѣтъ.

— Такъ выслушайте меня. Въ мартѣ шестьдесятъ пятого года королева назначила комиссию для изслѣдованія брачныхъ законовъ Соединеннаго Королевства. Отчетъ комиссиіи былъ напечатанъ въ Лондонѣ и доступенъ всякому кто желаетъ заплатить за него два или три шиллинга. Однимъ изъ результатовъ изслѣдованія было открытіе что величайшіе авторитеты совершенно различныхъ мнѣній объ одномъ изъ основныхъ вопросовъ о шотландскихъ брачныхъ законахъ. Члены комиссиіи, объявляя объ этомъ фактѣ, прибавляютъ что сомнительный вопросъ никогда не былъ рѣшенъ закономъ. Въ отчетѣ авторитеты постоянно противорѣчатъ одинъ другому. Въ Шотландіи самый важный контрактъ цивилизованной жизни окруженъ мракомъ сомнѣнія и неопредѣленности. Одинъ этотъ фактъ былъ бы достаточною причиною, еслибы не было другихъ, для исправленія шотландскихъ брачныхъ законовъ. Неопредѣленный брачный законъ есть народное несчастье.

— Можете вы сказать мнѣ ваше личное мнѣніе о случаѣ съ моимъ другомъ? спросилъ Джофри, упрямо добываясь цѣли которую имѣлъ въ виду.

— Конечно. Теперь, когда я предостерегъ васъ не полагаться безусловно на чье бы то ни было личное мнѣніе, я могу сказать вамъ мое мнѣніе по чистой совѣсти. Я говорю что въ настоящемъ случаѣ не было положительнаго брака, но были обстоятельства изъ которыхъ можно вывести бракъ.

Такое тонкое различіе не было понятно Джофри. Онъ смутился и разсердился.

— Нѣтъ брака, воскликнулъ онъ,—когда они назвались мужемъ и женой при свидѣтеляхъ!

— Это одно изъ общепринятыхъ недоразумѣній, сказалъ сэръ-Патрикъ.— Я уже говорилъ вамъ что въ Шотландіи для

утвержденія брака не нужны свидѣтели. Но если свидѣтели были, какъ въ настоящемъ случаѣ, они могутъ пригодиться для рѣшенія спорнаго брака.

Джофри придрался къ послѣднимъ словамъ.

— Такъ хозяйка и слуга могутъ доказать что это бракъ, сказалъ онъ.

— Да. И замѣтите, если вы обратитесь къ кому-нибудь изъ моихъ товарищей по профессіи, онъ по всей вѣроятности скажетъ вамъ что это несомнѣнный бракъ. Законъ, позволяющій чтобъ обоюдное согласіе было доказано слѣдствіемъ, можетъ имѣть обширное примѣненіе. Вашъ другъ называетъ извѣстную даму въ прямыхъ словахъ своею женой. Дама называетъ вашего друга въ прямыхъ словахъ своимъ мужемъ. Въ комнатахъ, которыя они оставили за собой какъ мужъ и жена, они остаются какъ мужъ и жена до слѣдующаго утра. Вашъ другъ уходитъ, не разубѣдивъ никого въ своемъ обманѣ. Дама остается послѣ того нѣсколько дней въ гостиницѣ, въ качествѣ его жены. Всѣ эти обстоятельства происходятъ при компетентныхъ свидѣтеляхъ. Логически, если не законно, здѣсь есть, по видимому, обоюдное согласіе на бракъ. Я тѣмъ не менѣ держусь моего мнѣнія. Доказательства въ пользу брака (говорю я), и ничего болѣе.

Пока сэръ-Патрикъ говорилъ, Джофри думалъ и додумался наконецъ до опредѣленнаго вопроса.

— Пойдите, сказалъ онъ, ударивъ своею тяжелою рукою по столу.—Предположите что другъ мой имѣетъ въ виду другую невѣсту.

— Ну?

— При настоящемъ положеніи дѣлъ посоветуете вы ему жениться на ней, или нѣтъ?

— При настоящемъ положеніи дѣлъ, конечно, нѣтъ.

Джофри быстро всталъ и положилъ конецъ совѣщанію.

— Этого довольно, сказалъ онъ,—для меня и для моего друга. Сказавъ это, онъ безъ церемоніи ушелъ на другую сторону комнаты.

„Не знаю кто вашъ другъ“, подумалъ сэръ-Патрикъ, глядя ему вслѣдъ. „Но если интересъ который вы принимаете въ вопросѣ о бракѣ есть честный и безвредный интересъ, то я знаю человѣческую природу не лучше чѣмъ ее знаетъ перожденный младенецъ!“

Когда Джофри ушелъ отъ сэръ-Патрика, къ нему тотчасъ же подошелъ слуга, искавшій его.

— Извините, сэръ, началъ слуга,—посланный отъ достопочтеннаго мистера Деламена....

— Да. Посланный который привезъ мнѣ утромъ письмо отъ брата?

— Онъ говорить что его ждутъ. Онъ боится оставаться долге.

— Подождите здѣсь. Я сейчасъ напашу отвѣтъ.

Онъ сѣлъ къ письменному столу и опять обратился къ письму Юлія. Разсвѣяло пробѣжавъ его глазами, онъ остановился на послѣдней фразѣ: „Пріѣзжай завтра, и помоги намъ принять мистрисъ Гленармъ.“ Онъ подумалъ съ минуту. Счастье троихъ—Анны, любившей его, Арнольда, послужившаго ему, и Бланки, ни въ чемъ не виноватой предъ нимъ, зависело отъ того какъ онъ поступитъ на слѣдующій день. Если онъ останется у леди Лунди, то, послѣ того что произошло въ то утро между Арнольдомъ и Бланкой, ему нельзя будетъ не исполнить своего обѣщанія Аннѣ. Если же онъ возвратится къ брату, ему нельзя будетъ поступить иначе какъ бросить Анну, подъ безчестнымъ предлогомъ что она жена Арнольда.

Онъ бросилъ письмо на столъ и взялъ листъ почтовой бумаги. „Женюсь на мистрисъ Гленармъ“, подумалъ онъ, и отвѣтилъ брату одною строчкой.

„Дорогой Юлій, ожидай меня завтра. Д! Д.“

Невозмутимый слуга стоялъ возлѣ него пока онъ писалъ, любовался на его широкую грудь, и думалъ какъ въ ней много силы для послѣдней ужасной мили будущаго бѣга.

— Возьмите, сказалъ Джофри, и отдалъ письмо слугѣ.

— Все какъ слѣдуетъ, Джофри? спросилъ дружескій голосъ за его спиной.

Онъ обернулся и увидалъ Арнольда, жаждавшаго узнать о результатѣ совѣщанія съ сэръ-Патрикомъ.

— Да, сказалъ Джофри.—Все какъ слѣдуетъ.

(До слѣд. №.)

такъ заставить себя слушать, ихъ подвергаютъ логическимъ требованіямъ совершенно другаго рода чѣмъ тѣ которыя налагаются на другихъ судящихся. Во всевозможныхъ препирательствахъ полагается что представлять доказательства исключительно обязаны тѣ кто отстаиваютъ утвердительную сторону вопроса. Если, напримеръ, человекъ обвиняютъ въ убійствѣ, обвиняющій его обязанъ доказать его виновность, а не онъ обязанъ доказывать свою невинность.“ (3). Но желательно бы знать, кто въ настоящемъ случаѣ представляетъ отрицательную, и кто утвердительную сторону?... За то несомнѣнно что человекъ желающій разуверитъ меня въ чемъ-нибудь и замѣнить въ моемъ умѣ старую мысль новою, обязанъ вооружиться доказательствами—и доказательствами солидными.

Посмотримъ же доказательства г. Милля. Я прочиталъ его сочиненіе съ величайшимъ вниманіемъ и, признаюсь, былъ удивленъ отсутствіемъ въ настоящемъ случаѣ логической силы въ этомъ писателѣ, не всегда послѣдовательномъ, но обыкновенно владѣющемъ сильною аргументаціей. Скажу больше; мнѣ кажется что ни точка исхода, ни цѣль къ которой онъ желалъ бы привести дѣло, не представляются ему довольно ясно. На самой первой страницѣ мы находимъ напечатанное курсивомъ заявленіе: что „принципы которымъ управляются общественныя отношенія между обоими полами, то-есть *легальная* подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложны и составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ препятствій къ прогрессу человечества, и что его слѣдуетъ замѣнить принципомъ полного равенства, не допускающимъ власти ни преимуществъ съ одной стороны, ни воспрепятствій съ другой.“ Такова, говоритъ авторъ, „цѣль настоящаго сочиненія“. Итакъ онъ желалъ бы измѣнить *законы* устанавливающіе взаимныя отношенія между полами: онъ говоритъ о *легальной* подчиненности одного изъ нихъ другому. Та же мысль повторяется и во многихъ другихъ мѣстахъ его книги. „Общество предпочло дѣйствовать силою,“ читаемъ мы на страницѣ 72. „Бракъ есть единственный видъ рабства въ полномъ смыслѣ слова, признаваемый новейшими *законами*“ (стр. 200). На всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности, читаемъ мы на страницѣ 85, „есть люди которымъ ввѣрена вся *легальная* власть мужа. Къ самому низкому ядлю прикована (*закономъ*) какая-нибудь несчастная женщина, съ которою онъ можетъ сдѣлать

всякое безчеловѣчiе, если не убійство, да и убить-то ее можетъ, если оиъ сколько-нибудь ловокъ, безъ всякой опасности потерпѣть наказанiе отъ закона. Сколько есть тысячъ людей въ низшихъ классахъ, которые, не будучи въ легальномъ смыслѣ преступниками, каждый день колотятъ до увѣчья свою бѣдную жену; потому что она одна изъ взрослыхъ людей не можетъ (то-есть не имѣетъ права) защищаться“ (стр. 85).

Такъ говоритъ нашъ авторъ; вездѣ, какъ мы видимъ, оиъ избираетъ для своихъ нападенiй легальную сторону брака, формальнымъ закономъ установленныя отношенiя между двумя полами; оиъ желалъ бы слѣдовательно чтобы формальный же законъ опредѣлилъ ихъ равноправность какъ въ семействѣ, такъ и въ обществѣ. Нѣсколько странно видѣть со стороны Англичанина и друга свободы воззванiе къ регламентацiи, и къ регламентацiи даже въ нѣдрахъ семействъ, но пусть такъ; мы не стали бы возражать, еслибы надѣялись отъ того какой-нибудь пользы. Къ сожалѣнiю, ея никакъ нельзя ожидать. Нигдѣ семейныя отношенiя не подчинены такой тщательной регламентацiи какъ во Францiи, и однакоже никто не рѣшится утверждать чтобъ они были тамъ тверже и удовлетворительнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ. Законы всѣхъ странъ мира требуютъ чтобы мужъ былъ покровителемъ жены и запрещаютъ ему насилiе, и однакоже г. Милль жалуется что они не исполняются. Оиъ замѣчаетъ, съ другой стороны, что между супругами принадлежащими къ образованнымъ сословiямъ отношенiя несравненно болѣе гуманны чѣмъ между супругами изъ сословiй чернорабочихъ и вообще необразованныхъ, хотя положительный законъ одинаковъ для тѣхъ и другихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли что для улучшенiя положенiя женщины въ семействѣ нужно желать не законодательныхъ мѣръ, а возвышенiя умственного и еще болѣе нравственнаго уровня между людьми? Авторъ говоритъ что въ каждой странѣ существуетъ „громадное число мужчинъ стоящихъ немного выше скотовъ“; а если къ этому прибавить что развитiе женщинъ вообще по крайней мѣрѣ не выше чѣмъ развитiе ихъ мужей, то предъ нами откроется причина того зла о которомъ говоритъ авторъ. Грубость, неразвитость, низкiй нравственный уровень народныхъ массъ, — вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманiе, вотъ съ какой стороны надо требовать улучшенiй. Г. Милль говоритъ: „есть чувства и интересы которые въ мужчинахъ совершенно

нстребааютъ, а въ большинствѣ ихъ значительно умѣряютъ склонность къ тиранству“ (стр. 81), и прибавляетъ что изъ числа этихъ чувствъ и интересовъ „связь соединяющая мушину съ женою, при нормальномъ ихъ состоянїи, есть самая сильная изъ всѣхъ“. Такъ не будемъ же ослаблять эту связь, допуская въ семейныя отношенія, безъ крайней необходимости, вмѣшательство закона, полицейскихъ агентовъ, судей и сльдователей. Конечно, законъ долженъ блюсти надъ всѣми и надъ всѣми, всѣхъ ограждать, всѣмъ покровительствовать въ справедливыхъ ихъ требованїяхъ; но къ нему надлежитъ, особенно въ семейныхъ дѣлахъ, обращаться развѣ лишь въ крайнихъ случаяхъ и всячески стараться замѣнять его холодное вмѣшательство возбужденїемъ, развитїемъ, усиленїемъ тѣхъ чувствъ и интересовъ которые, по словамъ г. Милля, образуютъ тѣсную связь между мужемъ и женой.

Къ сожалѣнїю, г. Милль весьма рѣдко обращается къ этимъ чувствамъ и интересамъ; въ книгѣ его господствуетъ невыносимо черствый, сухой, меркантильный и узкій взглядъ на бракъ. Авторъ, который нерѣдко бывалъ повтомъ говоря о политической экономїи, трактуетъ о бракѣ какъ экономистъ; бракъ представляется ему не болѣе какъ обыкновенною ассоціаціей; онъ черпаетъ правила для супружескихъ отношенїй въ законахъ о товариществахъ на паахъ. Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ взглянувъ на страницу 95 и сльдующїя цитуемой книги. И между тѣмъ, по странной неосльдовательности такъ часто встрѣчающейся у г. Милля, онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ:

„Еслибы законъ относился къ торговымъ ассоціаціямъ такъ какъ относится къ брачному договору, онъ постановилъ бы чтобъ одинъ членъ фирмы управлялъ общими дѣлами, какъ будто они были исключительно его личными дѣлами; чтобъ другїе члены могли дѣйствовать только по довѣренности, и чтобъ этотъ глава фирмы былъ назначенъ въ силу какого-нибудь общаго положенїя или закона,—ну, хоть, пожалуй, по старшинству лѣтъ.... Совершенно справедливо что вещи (?) которыя должны рѣшаться каждый день и не могутъ улаживаться постепенно или дожидаться соглашенїя, должны зависѣть отъ одной воли. Но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ непременно распоряджалось ими одно лицо. Самое естественное устройство, это дѣленіе власти между супругами такъ чтобъ каждый пользовался неограниченною властью по своей части, и чтобъ для всякой перемѣны системы или принципа требовалось (законъ?) согласїе обоихъ. Дѣленїе же это не можетъ быть предопредѣлено закономъ, потому что должно зависѣть отъ личныхъ способностей супруговъ“ (стр. 95).

Мы не станемъ настаивать на противорѣчїи заключающемся въ послѣднихъ строкахъ приведенной цитаты: оно кидается въ глаза; но посмотримъ къ чему пришелъ авторъ, требовавшій за двѣ страницы предъ симъ устройства брака по подобію торговой фирмы. Впервыхъ, изъ ста тысячъ случаевъ развѣ въ одномъ мужчина не бываетъ старѣе лѣтами женщины съ которою вступаетъ въ бракъ, и слѣдовательно во всѣхъ этихъ случаяхъ, на основаніи теоріи самого г. Милля, мужъ былъ бы назначенъ главою семейной ассоціаціи. Затѣмъ, предполагая что женихъ и невеста стали бы составлять программу своей будущей дѣятельности, не въ ста ли тысячахъ случаевъ противъ одного мужчины взялъ бы на себя обязанность по дѣятельности такъ сказать вѣшной, а жена—по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ? Положимъ что и онъ, и она находятся на одинаковой степенѣ умственного развитія; но мужчина имѣетъ болѣе сильныя мускулы, болѣе крѣпкіе нервы и болѣе широкія кости: отъ природы ли это такъ положено, или произошло вслѣдствіе преемственнаго различія въ занятіяхъ обоихъ половъ,—это пока все равно. А если такъ, то дровосѣкомъ, носильщикомъ, пахаремъ, машинистомъ, техникомъ, солдатомъ, оракторомъ будетъ мужчина, а женщина возьметъ на себя домашнее хозяйство, воспитаніе дѣтей, работу иглой и вообще занятія не требующія большой физической силы. Но не такъ ли же и бываетъ на самомъ дѣлѣ между людьми принадлежащими къ рабочимъ классамъ, безъ всякихъ контрактовъ, безъ всякаго вмѣшательства закона, единственно по неизбѣжной силѣ естественныхъ условій? Между людьми занятія которыхъ требуютъ менѣе физическаго напряженія, роли разграничиваются не такъ рѣзко, и вѣтъ сомнѣнія что женщина получившая солидное образованіе можетъ съ честью исполнять такіа занятія отъ которыхъ она была до сего времени вообще устранена; но развѣ для этого нужно заключеніе предварительныхъ условій у маклера? Еслибы, напримѣръ, мужъ взялъ на себя занятіе живописью, то неужели необходимо было бы женѣ, которая подъ его руководствомъ выучилась писать масляными красками, получить отъ него формальную довѣренность чтобы списывать картины въ какомъ-нибудь музее?... Мысль по истинѣ оригинальная, особенно со стороны писателя такъ много толкующаго

о свободѣ!.. Но каково же удивленіе читателя, когда вслѣдъ за вышеприведенными строками онъ читаетъ слѣдующее:

„Практическое разрѣшеніе всякихъ дѣлъ, которому бы изъ супруговъ ни была вручена легальная власть, весьма значительно должно зависѣть, *какъ и теперь зависитъ*, отъ сравнительныхъ способностей каждаго. Тотъ фактъ уже что мужъ обыкновенно старшій по лѣтамъ, въ большинствѣ случаевъ, даетъ ему перевѣсъ. Кроме того перевѣсъ естественно на сторонѣ того изъ супруговъ который вноситъ въ хозяйство средства къ пропитанію“ (стр. 99).

Но если такъ, то о чемъ же споръ? Если „сравнительныя способности“ или, правильнѣе, если различіе въ способностяхъ обуславливаютъ перевѣсъ власти между супругами, и если, по причинамъ которыя не во власти закона устранить, это преобладаніе чаще на сторонѣ мужа, то что же нужно г. Миллю? Какую разумную цѣль имѣетъ его тревожное желаніе ломать и передѣлывать? Перевернуть вверхъ дномъ все, онъ (какъ и многіе другіе рушители), повидимому, принялся бы снова создавать разрушенное.

Онъ не желаетъ „теоретической“ неравноправности между членами семьи, но допускаетъ неравноправность на практикѣ; онъ желаетъ права свободнаго выхода изъ семейной ассоціаціи, но требуетъ чтобы супруги оставляли „ассоціацію“ лишь въ послѣдней крайности (97 стр.), что и допускается всѣми законодательствами; онъ говоритъ о контрактѣ который бы заранѣе опредѣлялъ кругъ дѣйствій каждаго изъ супруговъ, но соглашается что природныя ихъ способности лучше всего распредѣлять между ними занятія, и что „въ сущности власть и отвѣтственность *всегда* (!) распредѣляются отлично“ (99 стр.).... Еще разъ, изъ чего же вся эта буря поднятая г. Миллемъ? Почему его имя выставлено съ такимъ торжествомъ на знамени разрушителей, а не консерваторовъ въ дѣлѣ брака? Мнѣ кажется что тѣ и другіе одинаково могутъ цитовать г. Милля, выбирая изъ его книги мнѣнія подходящія къ ихъ собственнымъ. Если первые съ торжествомъ могутъ указывать, напримѣръ, слѣдующую фразу: „нельзя сказать ни одного слова въ пользу семейнаго деспотизма, котораго нельзя было бы сказать и въ пользу политическаго деспотизма“ (82 стр.), то и тѣ которые желаютъ чтобы сохранны были нынѣшнія существенныя черты брака, могутъ опереться на слѣдующія слова того же автора: „Когда

пропитаніе семейства доставляется не состояніемъ, а заработкомъ, обыкновенный порядокъ, при которомъ мужъ зарабатываетъ деньги, а жена ведетъ домашній расходъ, кажется мнѣ самымъ подходящимъ“ (118 стр.).

Не взирая однакожь на эти частыя противорѣчія, въ книгѣ г. Милля постоянно звучитъ какая-то неизмѣнная нота непріязненная браку въ его нынѣшнемъ значеніи и враждебная семьѣ. Мысль о томъ что семья есть личная ассоціація, не больше, проглядываетъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненія подъ различными формами; приравненіе супруговъ къ компаньонамъ на памъ есть самая яркая идея во всей его книгѣ,—и вотъ что сообщаетъ ей особаго рода букетъ, восхитительный для тѣхъ кто желали бы материализовать бракъ, и отталкивающій для тѣхъ кто дорожатъ духовною его стороною.

Замѣтимъ прежде всего что бракъ и вытекающія изъ него отношенія не созданы человѣческимъ произволомъ, а создались сами собою и только утверждены положительнымъ закономъ. Не сдерживаемые еще никакими нравственными понятіями, дикари и дикарки сходились между собою, разумѣется, не давая обязательствъ никогда не покидать другъ друга. Но тѣ изъ нихъ которые имѣли натуры болѣе стойкія и вкусы болѣе постоянные, сходясь, оставались вѣрны другъ другу. Въ послѣдствіи забота о судьбѣ дѣтей стала дѣйствовать заодно съ присущимъ человѣку свойствомъ предпочитать стойкость и постоянство вѣтренности и легкомыслію, а христіанское ученіе поставило мужу и женѣ эти качества въ обязанность. Вѣрности и постоянства потребовалъ наконецъ и законъ гражданскій во всѣхъ обществахъ усвоившихъ христіанское ученіе. Ихъ требуетъ законъ даже и въ тѣхъ бракахъ которые не освящаются церковію,—въ гражданскихъ бракахъ,—и если повсюду допускается разводъ съ правомъ вступать во второй бракъ прежде расторженія перваго смертію, то повсюду же это допускается лишь въ видѣ изъятія изъ общаго правила.

Итакъ бракъ по принципу своему отличается отъ всякой ассоціаціи и отъ всякаго товарищества тѣмъ, во первыхъ, что онъ, по принципу, нерасторжимъ. Это единственное свободное обязательство которое заключается на вѣки. Тяжелое обязательство, скажутъ, можетъ-быть, иные; да, правда; но

обязательство не быть негодяемъ которое каждый порядочный человекъ, приходя въ сознание, принимаетъ на себя есть тоже не легкое обязательство. И такъ брачное обязательство не похоже на другія, относящіяся къ области гражданскаго права. Зачѣмъ мнѣ обязываться быть вѣчно работникомъ на такой-то фабрикѣ? Если въ другомъ мѣстѣ мнѣ предложатъ условія болѣе выгодныя, я оставляю прежнее мѣсто. Зачѣмъ я стану обязываться быть вѣки дѣвокъ прикащикомъ у такого-то хозяина? Современемъ, собравъ капиталецъ, я самъ стану орудовать дѣломъ. Но я обещаюсь быть вѣрнымъ женщиной которую избираю, потому что постоянство есть такая же нравственная обязанность какъ честность, трудолюбіе, мужество, какъ все трезвое, строгое, требующее нравственнаго условія и доставляющее торжество духу надъ животными побужденіями. Вотъ основное понятіе о бракѣ въ цивилизованномъ обществѣ. Отрицать его могутъ лишь люди низшаго развитія,—напримѣръ мусульмане, или же низшаго нравственнаго уровня,—напримѣръ Маркъ Волоховъ. Мессалиной, конечно, легче быть чѣмъ Лукреціей, и Сарданапаломъ легче чѣмъ Сципіономъ.

Мотивы столь же естественныя, хоть и не такого высокаго свойства, установили искони отношенія между супругами,—„распределение между ними занятій“, какъ говоритъ г. Милль. И здѣсь также положительный законъ освятилъ лишь то что уже существовало и вытекло изъ законовъ природы. Первый дикарь, который сошелся съ дикаркой, построилъ шалашище и отправился на охоту чтобы добыть пищу для себя и для своей подруги, а она стала заниматься внутреннимъ устройствомъ общаго ихъ жилища и приготовленіемъ пищи; она стала нянчить дѣтей, а онъ озаботился защитой семейства отъ нападенія двуногихъ и четвероногихъ враговъ. Таково, безъ сомнѣнія, было распределение занятій въ первоначальныхъ человѣческихъ общежительствахъ, и въ существенныхъ чертахъ своихъ оно не измѣнилось до настоящаго времени, потому что основано на естественныхъ свойствахъ мужчины и женщины. Только на самой низшей степени творенія, то-есть между наѣвкомыи, самка сильнѣе самца; между четвероногими и пернатыми это наоборотъ. Орелъ отправляется на добычу пока орлица сидитъ на яйцахъ; львица кормитъ и нянчитъ дѣтенышей, пока они имѣютъ въ ней нужду, точно также какъ и женщина. Тяжелыя

и опасныя занятія всегда останутся удѣломъ и обязанностію мужчины, всегда онъ будетъ принужденъ чаще женщины отлучаться изъ дому, и слѣдовательно послѣдней всегда будутъ принадлежать непосредственное попеченіе о дѣтяхъ и занятія по домашнему хозяйству. Этого, какъ мы видѣли, не отрицаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія самъ г. Милль: „въ сущности, говоритъ онъ, власть и отвѣтственность (въ семьѣ) всегда (!) распределяются различно“, и далѣе: „когда пропитаніе семейства доставляется не состояніемъ, а заработкомъ, обыкновенный порядокъ, при которомъ мужъ зарабатываетъ деньги, а жена ведетъ домашній расходъ,—кажется мнѣ самымъ подходящимъ раздѣленіемъ труда между супругами“. А если такъ, то отношенія искони существовавшія между мужчиной и женщиной, сошедшимися для жизни вмѣстѣ, никогда не измѣнятся радикально, а будутъ подвергаться видоизмѣненіямъ лишь въ частностяхъ, обуславливаясь постепеннымъ развитіемъ людей и цѣлыхъ обществъ. Пока на свѣтѣ будутъ существовать люди грубые и неразвитые, „стоящіе немного выше скотовъ“, — мужья, какъ болѣе сильные, будутъ бить своихъ женъ, и вмѣшательство гражданской власти тутъ до нѣкоторой степени необходимо. Между людьми болѣе развитыми, подобныхъ грубыхъ насилій, конечно, не случится; но пока мужчина будетъ доставать средства для содержанія семейства, перевѣсъ вліянія, при равенствѣ супруговъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, будетъ неизбѣжно на сторонѣ мужа, тѣмъ болѣе что занятіе, соединенныя съ добываніемъ денегъ, ставя мужчину въ сопрیکосновеніе съ другими людьми, сообщаютъ ему знаніе жизни, котораго лишаетъ домоѣдство.

Я говорю: *перевѣсъ вліянія*, а не *деспотизмъ*, котораго не почитаю явленіемъ не только нормальнымъ, но даже и обыкновеннымъ въ супружествахъ между образованными людьми. Для регулированія отношеній между образованными супругами вовсе не нужно законодательныхъ мѣръ, предварительныхъ контрактовъ и неизбѣжно слѣдующаго за ними вмѣшательства полицейскихъ агентовъ и слѣдственныхъ пріставовъ. Въ большинствѣ случаевъ кругъ дѣятельности внешней, по отношенію къ семьѣ, будетъ специалностію мужа, а внутреннее управленіе—спеціальностію жены; но во всѣхъ серіозныхъ случаяхъ, супруги,—также какъ

и товарищи на паяхъ г. Милля,—не преминуть посовѣтоваться между собою. Мужъ посовѣтуется съ женой по поводу предстоящихъ ему переменъ въ его службѣ, открывающагося случая предпринять выгодное промышленное дѣло и т. п., точно также какъ жена не перемѣнитъ квартиры и не возьметъ новаго учителя для дѣтей не поговоривъ съ мужемъ.

Г. Милль говоритъ что совершенно такъ и бываетъ въ супружествахъ между образованными людьми; но въ такомъ случаѣ гдѣ же онъ видитъ семейный деспотизмъ со стороны мужчинъ и „подчиненность женщины“? На какомъ основаніи онъ утверждаетъ что семья есть школа деспотизма политическаго и всяческаго?... Если онъ относитъ свое замѣчаніе исключительно къ необразованнымъ классамъ, то такъ и надо было бы сказать, и при этомъ требовать не предварительныхъ контрактовъ, а образованія для бѣдныхъ людей. Надо признаться, знаменитый англійскій писатель очень любитъ „жалкія слова!“ Каждая семья, если вѣрить ему, есть школа политическаго и всяческаго деспотизма. Шутка ли! Какъ же должна усиливаться выдѣлка этого продукта съ постепеннымъ увеличеніемъ народонаселенія на земномъ шарѣ!... И однако мы видимъ на самомъ дѣлѣ совершенно иное; самый мрачный пессимистъ не рѣшится утверждать чтобы въ Англіи,—отечествѣ нашего автора,—не было нѣсколько меньше деспотизма теперь чѣмъ во время королевы Елисаветы или Генриха VIII: а если осмотрѣться внимательно, то подобное же явленіе мы замѣтимъ во всей Европѣ, не исключая и Турціи. Куда же дѣвается выдѣлываемый въ такомъ страшномъ изобиліи деспотизмъ?... Я расположенъ скорѣе думать что семья вырабатываетъ для государства начала гуманности и либерализма, ибо каждый человѣкъ вноситъ болѣе любви въ свои семейныя отношенія чѣмъ въ общественныя или государственныя; каждый отецъ скорѣе проститъ своего виноватаго сына чѣмъ подчиненнаго ему чиновника, или прикащика который служить у него по найму. Я думаю и убѣжденъ что семья есть питомникъ всѣхъ лучшихъ гражданскихъ доблестей, всѣхъ добрыхъ побужденій обнаруживающихся въ сферахъ дѣйствія общественной и государственной. Гдѣ человѣкъ приучается къ искренности какъ не въ разговорахъ съ отцомъ и матерью? Гдѣ власть приучается къ разумности и мягкости формъ какъ не въ отношеніяхъ родителей къ существамъ наиболѣе ими любимымъ въ мірѣ, — къ ихъ

дѣтямъ? Гдѣ всего нечувствительнѣе устарѣваются понятія о дисциплинѣ какъ не въ средѣ, гдѣ она протекаетъ изъ условій естественныхъ, неоскорбительныхъ? Гдѣ, наконецъ, какъ не въ семьѣ, какъ не среди условій существующихъ между мужемъ и женой, облеченный легальною властью человѣкъ привыкаетъ видѣть не подчиненнаго, а помощника и товарища въ своемъ сотрудникѣ? Но для этого нужно чтобы семья была не простою личною ассоціаціей, не товариществомъ на паяхъ; нужно чтобы въ основаніе супружескаго сожитія легло не только взаимное уваженіе, — которое необходимо и для компаніоновъ промышленнаго предпріятія, — но и взаимная любовь.

Любовь.... Вотъ еще одно изъ тѣхъ понятій которыя часть современной литературы старается низвести съ указанной вѣчными законами высоты до простаго сотрудничества, либо до половаго влеченія самца къ самкѣ. Но самецъ не привязывается къ самкѣ, по крайней мѣрѣ надолго, и человѣку который ищетъ сотрудниковъ для какой-нибудь работы нѣтъ причины остановиться на одномъ изъ нихъ предпочтительно предъ другими; онъ натурально предпочтетъ лучшаго хорошему. Но любовь ставитъ людей въ совершенно исключительныя отношенія; они не прилагаютъ другъ къ другу общей мѣрки сравненія; они не предпочитаютъ одинъ другаго, а просто любятъ другъ друга. Такое исключительное чувство, такая страсть не можетъ, конечно, продолжаться вѣчно; но подъ ея вліяніемъ два отдѣльныя существа обращаются какъ бы въ одно. Страсть проходитъ, но между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ сдѣлано столько уступокъ, сгладилось столько шероховатостей что жить вмѣстѣ становится легко; страсть прошла, но образовалась привычка, — болѣе: потребность другъ въ другѣ; успѣла установиться общность интересовъ, родились дѣти, воспитаніе и забота о будущности которыхъ образуютъ прочную, добрую связь между супругами приближающимися къ старости; а тамъ попеченія другъ о другѣ, радости и горести доставляемыя дѣтьми ставшими на свои ноги, общность воспоминаній и эта грустная пустота, которая мало-по-малу образуется вкругъ дряхлѣющей четы; наконецъ одновременное усиленіе духовныхъ стремленій, по мѣрѣ того какъ бренный организмъ приближается къ тлѣнію, — и нѣтъ конца этой связи, пока не разорветъ ее смерть!

Не думаю чтобы въ средѣ подобнымъ образомъ связаннаго семейства было мѣсто деспотизму съ одной стороны и рабству съ другой; не думаю также чтобы изъ нѣдръ подобной семьи могли выйти люди съ дурными задатками для жизни; не думаю и того чтобы подобная тѣсно связанная семья воспитывала, какъ иные утверждаютъ, семейный эгоизмъ, въ противоположность требованіямъ гражданственности и общественности. Напротивъ, въ ней удобно взрости всѣмъ гражданскимъ доблестямъ, не исключая и самаго высокаго самоотверженія.

Скажутъ что я выставилъ на видъ идеальную семью. Да, действительно таково было мое намѣреніе; мнѣ хотѣлось сколь возможно ярче выразить то различіе которое оказывается между семейнымъ идеаломъ г. Милля и тѣмъ который выработался въ европейскомъ обществѣ всею предыдущею исторіей. Семья есть *клеточка* всего общественнаго организма и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милль, тѣ начала которыя вырабатываетъ семья овладѣвають всѣмъ человечествомъ; повтому, если устранить изъ семейныхъ отношеній принципъ любви, внесенный христіанствомъ, то и все человечество преобразуется наконецъ въ огромную торгово-промышленную компанію. По словамъ нашего автора, главнымъ занятіемъ современнаго общества „сдѣлалась торговля“ (216 стр.), а потому, разумѣется, законы и условія наиболѣе ей благоприятствующія должны сдѣлаться преобладающими. Но справедливо ли что торговля сдѣлалась главнымъ занятіемъ современнаго общества? Если торговля значительно развилась въ сравненіи съ прежними временами, то значительно развилась и наука; если нынѣ, гораздо болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ предъ симъ насчитывается людей занимающихся коммерческими оборотами, то гораздо больше и литераторовъ, живописцевъ, музыкантовъ, профессоровъ, историковъ, судей, адвокатовъ, воиновъ, членовъ разныхъ общественныхъ и государственныхъ управленій. Хороши были бы войско, судъ, литература, еслибъ ими руководили соображенія исключительно коммерческаго свойства!

Вообще мнѣ кажется что присвоеніе нашему времени характера меркантилизма и матеріализма не совсѣмъ основательно, не взирая на то что можно указать на многіе признаки заставляющіе, повидимому, думать именно такимъ образомъ. Замѣчаютъ, напримѣръ, что демократическій будто

бы строй современнаго общества неблагопріятствуетъ успѣхамъ отвлеченнаго мышленія, искусству и чистой наукѣ. Для подобныхъ занятій нужна-де нѣкоторая обезпеченность въ матеріальномъ отношеніи и досугъ,—и вотъ почему, говорятъ они, нѣкоторые католическіе монастыри сдѣлали такъ много для науки и почему дворянство XVIII вѣка такъ охотно предавалось интеллектуальнымъ занятіямъ. Таковъ аргументъ который весьма нерѣдко случается слышать. Онъ справедливъ по скольку относится къ прежнему времени, но грѣшитъ тѣмъ что силится приложить старую мѣрку къ явленіямъ совершенно новаго порядка. Справедливо что нынѣ не существуетъ уже тѣхъ искусственныхъ мѣръ съ помощью которыхъ ограждались наследственныя преимущества небольшого числа фамилій; справедливо и то что съ тѣхъ поръ какъ всякому гражданину открыта возможность достигнуть самаго высокаго общественнаго положенія, изъ темныхъ нѣдръ народной массы стали безпрестанно проникать въ высшія общественныя сферы люди которымъ чужды, говоря вообще, интеллектуальные интересы, и которые достигаютъ своей цѣли путями практическими, какъ-то, торговлей, подрядами, спекуляціями. Съ другой стороны, люди пользующіеся различными пріобрѣтенными въ прежнее время преимуществами принуждены стараться быть болѣе прежняго практичными, дабы не лишиться этихъ преимуществъ; они должны хозяйничать въ своихъ наследственныхъ имѣніяхъ, учиться, вообще работать, вмѣсто того чтобы собираться по вечерамъ для разыгрыванія *charades en action* и писанія *bouts-rimés*, какъ ихъ дѣды. Но этотъ двойной потокъ практичности, вливающейся съ двухъ сторонъ въ современное общество, закрываетъ отъ нашихъ глазъ, а не уничтожаетъ, глубокую, попрежнему продолжающуюся въ немъ чисто-духовную работу. Пораженные новизной вышепоказаннаго явленія, мы не замѣчаемъ другаго, къ которому привыкли, и ошибочно утверждаемъ что оно не существуетъ. Нынѣ жизнь не перевернулась, а стала сложнѣе, и труднѣе сдѣлалось наблюдать ея явленія. Говорятъ, теперь стало болѣе торгашей и увеличилось число лавокъ; но развѣ не больше и книгъ, оперъ, картинъ, газетъ, академій, университетовъ, гимназій, школъ всякаго рода? Во множествѣ стали нынѣ появляться книги матеріалистическаго характера: но развѣ не увеличилось и число сочиненій противоположнаго направленія? Никогда можетъ-быть

вопросы религиозные не получали въ Западной Европѣ столь общаго значенія какъ нынѣ; можетъ-быть обрядная сторона религіи нѣсколько ослабѣла, но за то никогда нравственный идеалъ созданный христіанствомъ не былъ усвоенъ такою значительною долей общества какъ нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы тысячи людей вовсе не считающихся религиозными, людей которые и сами не почитаютъ себя такими, и которые однакожь глубоко проникнуты христіанскою нравственностію, которые не строго соблюдаютъ посты, но служатъ ближнему, и не только служатъ ему, но и любятъ его?...

Повторяю, въ послѣднее время жизнь усложнилась; къ машинѣ которую она приводится въ движеніе прибавилось нѣсколько новыхъ факторовъ; но старые не исчезли. Демократическій принципъ заявилъ о своемъ присутствіи среди насъ. Онъ вывелъ на очередь вопросы о распространеніи просвѣщенія, гражданскихъ правъ и благосостоянія на всѣ классы людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно явилось множество задачъ по предметамъ чисто матеріальнымъ, требовавшихъ разрѣшенія; но онѣ не устранили и другихъ, относящихся къ области духа, также точно какъ съ увеличеніемъ числа людей прокладывающихъ себѣ дорогу при помощи физическаго труда, не исчезли съ лица земли люди работающіе въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Напротивъ, дѣти тѣхъ бѣдняковъ которые успѣли пробиться въ люди въ потѣ чела, сдѣлавшись собственниками, увеличиваютъ съ каждымъ днемъ контингентъ людей могущихъ предаться труду мысли и высшимъ человѣческимъ интересамъ; самый трудъ умственный сдѣлался привлекательнѣе и доставляетъ вознагражденіе тѣмъ которые въ ономъ нуждаются.... Пусть же не говорятъ намъ что меркантилизмъ есть духъ новаго времени, и будто оно требуетъ чтобы бракъ устраивался на основаніяхъ торгово-промышленной ассоціаціи.

Книгѣ г. Милля болѣе всего вредятъ раздражительность съ которою онъ защищаетъ свои идеи и парадоксы которые онъ сыплетъ въ своемъ полемическомъ одушевленіи. Можетъ-быть слѣдуетъ приписать его страстности большую долю нелѣпостей въ которыя онъ впадаетъ, и этотъ низкій, сухой, черствый идеалъ брака и семьи который онъ противопоставитъ нынѣшнему. Можно желать устраненія нѣкоторыхъ

несовершенство известнаго учрежденія и говорить о томъ, не касаясь однако основныхъ его началъ. Положеніе женщины въ современномъ обществѣ, особенно въ западно-европейскомъ, во многихъ отношеніяхъ уступаетъ тому какое присвоено мужчинамъ, это правда; но отсюда отнюдь не вытекаютъ еще теорія вѣчнаго антагонизма между двумя полами и ученіе о брачномъ союзѣ основанномъ на началахъ торговой ассоціаціи; нѣтъ никакой надобности измѣнять основанія семьи для того чтобъ удовлетворить многимъ разумнымъ требованіямъ г. Милля, имѣющимъ цѣлю вообще возвысить положеніе женщины.

Прежде всего нашъ авторъ замѣчаетъ что въ настоящее время умственное развитіе женщинъ стоитъ на гораздо низшей ступени чѣмъ умственное развитіе мужчинъ принадлежащихъ къ образованнымъ классамъ, и находя въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разлада бывающаго въ семействахъ, выражаетъ желаніе чтобы женщинамъ даваемо было такое же образованіе какъ мужчинамъ. Противъ подобнаго требованія существуютъ въ русскомъ обществѣ предубѣжденія, и надо признаться что они не лишены нѣкотораго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, можно привести много примѣровъ что женщины достигшія известности своимъ развитіемъ и талантами пріобрѣтали вмѣстѣ съ тѣмъ и другаго рода, менѣе почтенную, известность; такова, на примѣръ, одна изъ самыхъ даровитыхъ французскихъ писательницъ. У насъ первыя заявленія о дарованіи женщинамъ средствъ къ высшему образованію совпали, къ сожалѣнію, съ событіями возбуждившими сомнѣнія насчетъ серьезности этихъ заявленій, и нельзя отрицать что въ стремленіи проникнуть въ университетъ которое лѣтъ десять тому назадъ обнаружилось между женщинами, было много искусственнаго, напускнаго, посторонняго желанію учиться и научиться.

Но въ такомъ дѣлѣ недостаточно произнести осужденіе; надо выразить о немъ *сужденіе*. А если такъ, то намъ пришлось бы указать на многія причины совершенно не зависящія отъ тѣхъ которыя десять лѣтъ тому назадъ скомпрометтировали несомнѣнно законное и справедливое право женщины на высшее образованіе. Исчислять эти причины было бы здѣсь излишне, но каковы бы онѣ ни были, самый принципъ отъ того не можетъ измѣниться. Можно допустить что у насъ вообще слишкомъ мало женщинъ подготовленныхъ

для принятія высшего образованія, что слѣдовательно для удовлетворенія этой далеко еще не общей потребности нѣтъ повода учреждать особый женскій университетъ, и что общественое присутствіе въ аудиторіяхъ слушателей различныхъ половъ представляетъ серьезныя неудобства; все это можно допустить, но нельзя отрицать что необходимо подумать о доставленіи нашимъ дочерямъ и сестрамъ болѣе солиднаго и широкаго образованія. Это, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милль, тотчасъ увеличило бы умственный капиталъ современнаго общества, а умственнымъ капиталомъ, особенно въ Россіи, пренебрегать не слѣдуетъ.

Нельзя уму не предубѣжденному не согласиться и съ тѣмъ что вліяніе развитой супруги и матери, при одинаковыхъ прочихъ качествахъ, можетъ стать однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей истиннаго, серьезнаго, желаннаго всѣми благомыслящими людьми прогресса. Если, говоритъ г. Милль, нѣрѣдко вліяніе жены не допускаетъ мужа спуститься ниже нравственнаго уровня установленнаго общественнымъ мнѣніемъ, то съ другой стороны „мушкетеръ женатый на женщинѣ стоящей ниже его по уму и по развитію, постоянно чувствуетъ что она тянетъ его внизъ какъ гири“ (стр. 224). Противъ этого ничего нельзя возразить. Въ русскомъ обществѣ, какъ и во всякомъ смикомъ не рѣдка случаи что молодой человекъ, увлекшись красотою, легкимъ остроуміемъ и маленькими талантами дѣвушки, въ послѣдствіи не находятъ въ ней никакихъ серьезныхъ качествъ способныхъ поддержать привязанность къ ней. Въ лучшемъ случаѣ связь между такими людьми поддерживается привязанностью къ дѣтямъ, но каждый изъ супруговъ начинаетъ жить отдѣльною внутреннею жизнью: а развѣ въ этомъ состоитъ идеалъ брачнаго союза? Какъ часто мать семейства, при всемъ желаніи, не въ состояніи сообщить дѣтямъ своимъ самыхъ начальныхъ основаній знанія! Какъ часто, принуждена будучи прибѣгать къ пособію учителей, она вводитъ волка въ овчарню, потому что не можетъ быть судьей не только въ познаніяхъ преподавателя, но и въ характерѣ его возрѣвній!

Но, говорить намъ, чему учить и какъ учить? Изъ двухъ этихъ вопросовъ мнѣ кажется наиболѣе важнымъ второй, то-есть *какъ учить*. Отвѣчаю на него серьезнымъ образомъ. Наши женщины, заявлявшія претензіи на высшее образованіе, обнаружали рѣшительное предпочтеніе предъ всеми прочими

науками химіи, физиологіи, анатоміи,—вообще естествознанію, и скомпрометтировавшись сами, скомпрометтировали и эти науки въ глазахъ нашего общества. Въ этомъ увидѣли тенденціозность, стремленіе къ матеріализму. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ; но почему? Потому что эти господа не были приучены смотрѣть трезво на науку и заниматься ею серьезно. Всякій профессоръ не уважающій науки и всякій олушатель ищущій въ аудиторіи ощущеній, а не знанія, найдутъ поводъ къ раздраженію нервовъ въ какомъ угодно предметѣ.

Итакъ главное дѣло: учить серьезно, будь это анатомія, исторія или древніе языки. Вопросъ о томъ: чему учить женщинъ, представляется намъ тревожнымъ только вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ. Если не вся мужская половина молодого поколѣнія слушаетъ лекціи по естественному или медицинскому факультету, то нѣтъ причинъ думать чтобъ и всѣ женщины ничего иного не захотѣли слушать кромѣ химіи и эмбриологіи. Въ настойчивости съ какою онѣ хотѣли пробиться въ Медико-Хирургическую Академію, и въ исключительномъ ихъ стремленіи на естественный факультетъ нельзя видѣть ничего иного кромѣ временнаго увлеченія. Да это увлеченіе уже проходитъ; женскіе курсы въ Москвѣ, въ числѣ коихъ вовсе нѣтъ естественныхъ наукъ, находятъ поспѣвательницъ и даже довольно многочисленныхъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, держаніе въ рукахъ анатомическаго ножа перестанетъ казаться молодечествомъ, и наши юныя искательницы знанія будутъ изучать то или другое по серьезному побужденію.

Но для того чтобъ онѣ могли разумно и не безцѣльно стремиться къ знанію, говорятъ намъ, необходимо чтобъ имъ была предоставлена возможность прилагать свои знанія, чтобъ имъ былъ открытъ доступъ ко всякаго рода профессіямъ, чтобы женщинамъ даны были права, чтобъ ее признали гражданиномъ наравнѣ съ мужчиной.... Объ этой сторонѣ такъ-называемаго женскаго вопроса говорятъ обыкновенно съ особенною запальчивостью, точно также какъ съ гораздо большею горячію требуютъ для женщинъ вышшаго чѣмъ серьезнаго средняго образованія,—а эта именно сторона вопроса и требуетъ для его разрѣшенія особенно спокойнаго обсужденія. Впервыхъ, надо знать къ кому обращаться съ предъявленіемъ нашихъ требованій, въ какую

дверь стучаться; надо знать,—законъ, администрація или общественное мнѣніе преграждаютъ женщинамъ доступъ къ различнымъ профессіямъ и занятіямъ.

Русское законодательство вообще гораздо либеральнѣе къ женщинамъ чѣмъ западно-европейское: это извѣстно всѣмъ юристамъ; но такъ какъ я пишу не для специалистовъ, то позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько справокъ изъ иностранныхъ законодательствъ, и особенно французскаго, сравнительно съ русскимъ. Обращаюсь къ превосходному сочиненію г. Сень-Жозефа, * и вотъ что нахожу тамъ. По кодексу Наполеона, отецъ одинъ пользуется въ семействѣ родительскою властью (§ 373); о матери законъ не упоминаетъ; то же самое гласитъ и законъ Австрійской имперіи (172); французскій законъ предоставляетъ отцу право требовать заключенія въ тюрьму кого-либо изъ его дѣтей, не объясняя даже причинъ такого требованія (376—79), но мать, сдѣлавшаяся вдовою, не можетъ этого требовать иначе какъ совокупно съ двумя родственниками-мущинами (381); отцу предоставляется пользоваться имуществомъ принадлежащимъ его дѣтямъ и даже зарабатываемыми ими деньгами, развѣ при наймѣ ихъ сдѣлана будетъ формальная оговорка объ изъятіи этихъ денегъ изъ распоряженія главы семейства (384, 387, 389). Французскій законъ требуетъ согласія отца и матери для брака ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, но если по этому поводу возникаетъ разногласіе между родителями, то достаточно согласія и одного отца (148); австрійскій законъ идетъ еще далѣе: онъ вовсе не требуетъ согласія матери и предоставляетъ разрѣшеніе на бракъ, въ случаѣ смерти отца, опекуну и судебному учрежденію (49). Изъ этихъ немногихъ цитатъ читатель видитъ что женщина, какъ мать семейства, не имѣетъ никакихъ правъ на своихъ дѣтей при жизни мужа; даже въ томъ случаѣ когда, она разведена съ мужемъ, по ея требованію и по винѣ послѣдняго, онъ имѣетъ, по силѣ французскихъ законовъ, право взять къ себѣ дѣтей отъ нея (303 и 304). Теперь посмотримъ каковы на Западѣ права женщины какъ супруги. Главою семейства вездѣ безъ исключенія признается мужъ. Что же касается до мѣста въ семьѣ отводимаго закономъ женѣ, то оно опредѣляется слѣдую-

* *Concordance entre les codes civils étrangers et le code Napoléon*, p. Antoine de Saint-Joseph.

щими постановленіями. Она обязана жить вмѣстѣ съ мужемъ (фр., 214) и повсюду за нимъ слѣдовать (австр., 92); по Наполеонову кодексу, она не можетъ начать искъ безъ разрѣшенія мужа (215), ни совершить какой-либо актъ (219); ей дозволяется принять безъ спроса мужа обязательство лишь въ томъ случаѣ если она занимается торговлей (220), то-есть обязаться шить къ такому-то сроку платье или вымыть бѣлье, не больше. Мало того, жена челоѣка лишеннаго гражданскихъ правъ не вступаетъ въ пользованіе имъ, но должна обращаться къ публичной власти для разрѣшенія ей явиться къ суду или совершить обязательство (221); то же самое она должна дѣлать въ случаѣ отсутствія мужа (222). Что касается до имущественныхъ правъ жены, то ихъ, можно сказать, не существуетъ; въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ изъятія и законодательство Англій. Имущество которое женщина, по кодексу Наполеона, приноситъ съ собою при вступленіи въ бракъ, считается принадлежащимъ ей, но распоряжается имъ исключительно мужъ; затѣмъ всякое приобрѣтеніе, сдѣланное послѣ совершенія брака, становится уже собственностію обоихъ супруговъ вмѣстѣ, или общины (*communauté*, 1402), и поступаетъ въ завѣдываніе главы семейства. Жена совершенно лишается права распоряжаться своимъ имуществомъ. Ей воспрещается не только дарить свое имущество безъ разрѣшенія мужа или публичной власти (905), но и принимать даръ (934). Въ Англій, по свидѣтельству Милла, нѣрѣдко обходятъ законъ, предоставляющій мужу безусловное право распоряжаться желинымъ имуществомъ, особыми при совершеніи брака условіями; во Франціи закрыта и эта лазейка. Статья 1388 Наполеонова кодекса дозволяетъ совершеніе условій между супругами относительно имущества ихъ съ тѣмъ только чтобъ эти условія не нарушали правъ мужа. Женщина вступаетъ въ обладаніе своимъ имущественными правами единственно тогда какъ садится писать духовное завѣщаніе (226): тутъ она можетъ распоряжаться безъ согласія мужа. Такимъ образомъ французскій законъ смотритъ на женщину, во все продолженіе ея жизни, какъ на несовершеннолѣтнюю, и ставитъ ее подъ опеку то отца, то мужа, и почти то же самое замѣчается во всѣхъ законодательствахъ западной Европы; въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи изобрѣтенъ *conseil judiciaire*, которому подчиняются всѣ женщины не имѣющія отца или мужа, то-есть дѣвцы даже 60ти-лѣтнія

вдовы и женщины находящіяся въ разводѣ; безъ разрѣшенія этого совѣта онѣ не могутъ стать на судъ, сдать заемъ, совершить какой-либо актъ и вообще распоряжаться своимъ имуществомъ; словомъ, conseil judiciaire замѣняетъ отца и мужа, по отношенію къ имуществу, женщинамъ помѣнутыхъ категорій.

Имѣя въ виду такіе законы, мы не должны удивляться что въ западной Европѣ раздаются жалобы на униженное положеніе женщинъ и въ семьѣ, и въ обществѣ; но мы по справедливости можемъ удивляться что онѣ раздаются и у насъ. По русскимъ законамъ, женщина пользуется въ отношеніи имущественномъ совершенно тѣми же правами какъ мужчина, то-есть ей не нужно согласія мужа для того чтобы принимать или дѣлать даръ, продавать, покупать, совершать крѣпостные акты, завѣщать свое имущество и управлять имъ, вчинать иски и являться на судъ. Она можетъ быть опекуншею дѣтей своихъ; совершеннолѣтняя дѣвица можетъ вступать въ бракъ по своему личному рѣшенію, не спрашивая ничего разрѣшенія; надъ нею, такъ же какъ и надъ вдовою или состоящею въ разводѣ, не учреждается никакой опеки; согласіе матери такъ же нужно для брака не вышедшихъ изъ совершеннолѣтія дѣтей какъ и согласіе отца. Словомъ, въ кругу тѣхъ отношеній которыхъ мы теперь касаемся, мудрено сказать чего бы можно было просить у закона для женщины. Правда, намъ случалось слышать жалобы что женщина, выходя замужъ, обязана принять фамилію и званіе своего мужа, и что дѣти называются *по отчеству*; но перевѣдываться съ такими претензіями надо въ водевилѣ, а не въ серіозномъ разсужденіи. Находятъ также стѣснительнымъ законъ обязующій жену раздѣлять мѣстопребываніе мужа. Эта жалоба не лишена основанія; дѣйствительно, бываютъ случаи гдѣ обязанность сожителства тягостна; но такъ какъ и жена имѣетъ право требовать чтобы мужъ не покидалъ ея, то стѣсненіе обоюдное, и тягость уравновѣшена. Притомъ, въ какомъ случаѣ такая обязанность оказывается тяжелой? Въ томъ когда между мужемъ и женой нѣтъ не только любви, но и согласія. Конечно, законъ долженъ принимать во вниманіе такіе случаи, но отнюдь не слѣдуетъ и поощрять ихъ чрезмѣрнымъ облегченіемъ возможности супругамъ расходиться, ибо это значило бы покровительствовать клятвопреступленію. Болѣе желательная поправка этому злу заключается въ разумномъ,

серіозномъ возрѣніи на супружество, которое слѣдовало бы влиять на лица обоихъ половъ.

Теперь посмотримъ въ какой степени основательны сѣтванія на недостаточность правъ женщинъ въ семьѣ, какъ дѣятелей общественныхъ. Г. Милль говоритъ что очень трудно и даже невозможно рѣшить способны ли женщины къ общественной дѣятельности, потому что онъ никогда бы, иначе какъ въ царскомъ санѣ, не были допускаемы къ общественной дѣятельности, и однакоже нашъ авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ положительномъ: таковы постоянныя противорѣчія г. Милля. Но сдѣлаемъ ему уступку. Согласимся что женщины появлялись на поприщѣ общественной дѣятельности гораздо рѣже мужчинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ со славою правили государствами, многія, особенно въ ближайшее время, приобрѣли значеніе въ литературѣ и искусствахъ; тѣмъ не менѣе однако справедливо что ихъ можно считать не столько какъ мужчинъ. Этотъ аргументъ обращаютъ обыкновенно противъ женщинъ, какъ доказательство ихъ неспособности, но мы этого не сдѣлаемъ. Дѣло въ томъ что дѣятельность правительственная и литературная далеко не исчерпываетъ ихъ значенія въ судьбахъ человѣчества. Роль женщины въ дѣлѣ распространенія христіанства великая; нашъ авторъ самъ приписываетъ чрезвычайную важность вліянія женщины на смягченіе нравовъ и облагороженіе понятій въ эпоху рыцарства; онъ говоритъ тоже что женщины не мало способствовали и еще способствуютъ къ отвращенію мужчинъ отъ войны и вообще отъ насилій.... Кажется, все это въ совокупности составляетъ порядочную долю въ суммѣ благъ достигнутыхъ человѣчествомъ, и не даетъ права жаловаться на ничтожность женской доли, на ея подчиненность и даже рабство. Но г. Милль требуетъ для женщины роли болѣе активной и видной, а главное, не замкнутой въ семейной сферѣ. Но почему это оказывается непременно нужнымъ? Если семья должна быть расторгнута, какъ желаютъ коммунисты (но не г. Милль), то разумѣется и женщины принуждены будутъ выйти изъ домовъ на площадь; если же семья должна существовать, то кто замѣнитъ въ ней женщину? Вѣдь руки перейдетъ то невидимое, но неотразимое вліяніе которое сказалось въ исторіи человѣчества смягченіемъ нравовъ, облагороженіемъ понятій, уменьшеніемъ среди образованныхъ классовъ пьянства, буйства и вообще грубыми

развлеченій и развитіемъ миролюбивыхъ наклонностей въ современномъ обществѣ? На это не даетъ отвѣта ни г. Милль, ни кто-либо другой изъ числа желающихъ вывести женщину на публичную арену. Или можетъ-быть воспитаніе челоѳчества уже кончилось, и въ дальнѣйшемъ гуманизованіи людей нѣтъ болѣе надобности? Но самъ г. Милль рисуетъ яркую картину грубости англійскаго работника.

Какъ же быть? Развѣ въ самомъ дѣлѣ принять въ серіозную сторону мнѣніе нашего автора что міръ имѣетъ обратиться въ огромную торговую контору, и что слѣдовательно надо заранѣе заготовлять бухгалтеровъ, только бухгалтеровъ и больше ничего?

Нѣтъ; роль женщины намѣчена исторіей, и въ главныхъ чертахъ своихъ измѣниться не можетъ. Семья возвышаетъ значеніе женщины, и женщина держитъ семью: семью и женщину невозможно разъединить; онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ всемірной цивилизаціи, и яркіе парадоксы г. Милля не въ состояніи поколебать ихъ. Но можно и должно согласиться что какъ законъ, такъ и общественное мнѣніе должны обратить вниманіе на тѣхъ женщинъ которыя не находятъ мѣста въ семьѣ, или у которыхъ остается время отъ семейныхъ заботъ, и наконецъ на тѣхъ которыя принуждены поддерживать семью своимъ трудомъ. Нельзя не согласиться съ этимъ; но невозможно не замѣтить также что эта потребность есть потребность весьма недавняя. Ни законъ, ни общественное мнѣніе не должны забѣгать навстрѣчу каждому возбужденному вопросу и спѣшить удовлетвореніемъ едва пробуждающихся, еще не ясно сознанныхъ потребностей, какъ Пульхерія Ивановна Гоголя, которая безпрестанно лѣзла съ предложеніями: „не хотите ли варениковъ съ ягодами? Или можетъ-быть съѣли бы кисельку? А можетъ-быть хотите коржиковъ?“... Если у насъ двумъ-тремъ барышнямъ пришло въ голову: „а не заняться ли намъ физиологіей?“—то еще нѣтъ повода открывать въ Россіи особый университетъ; если въ Англіи двѣ-три миссъ сказали: „а хорошо бы намъ поговорить въ парламентѣ!“—нѣтъ основанія издавать новый избирательный законъ. Это не даетъ также и общественному мнѣнію разумной причины, съ одной стороны смущаться, а съ другой—предаваться восторгу. Примемъ къ свѣдѣнію фактъ и не станемъ ни мѣшать, ни искусственно возбуждать въ женщи-

нахъ стремленія къ общественной дѣятельности, ибо въ томъ и другомъ случаяхъ въ результатѣ выйдетъ фальшь. Въ настоящее время женская прислуга почти вытѣснила мужскую изъ небогатыхъ домовъ, и это одѣлалось безъ всякихъ искусственныхъ агитацій; женщины участвуютъ у насъ во многихъ частныхъ обществахъ, какъ-то: благотворительныхъ, учебно-литературныхъ, акціонерныхъ, и нѣтъ причинъ не допускать ихъ въ собранія земскія и дворянскія, въ постановленія которыхъ они участвуютъ чрезъ уполномоченныхъ. Желательно только чтобъ изъ нихъ оказалась побольше одособныхъ звать съ честью мѣста на которыхъ онѣ претендуютъ, въ чемъ многіе сомнѣваются. Учебное начальство охотно принимаетъ женщинъ для преподаванія элементарныхъ предметовъ, и затрудняется лишь приисканіемъ одособныхъ для того субъектовъ; преподаваніемъ фортепیانной музыки занимаются женщины едва ли не болѣе чѣмъ мужчины; женщины начинаютъ заниматься въ типографіяхъ, книжныхъ лавкахъ, частныхъ конторахъ и телеграфныхъ управленіяхъ, и нѣтъ причинъ не испытывать ихъ на разныхъ другихъ еще поприщахъ. Въ ту самую минуту какъ я десказываю эти строки, газеты приносятъ извѣстіе что на разсмотрѣніе правительства поступило въ законодательномъ порядкѣ представленіе о допущеніи женщинъ къ занятію должностей по различнымъ частямъ государственнаго управленія: что жъ въ добрый часъ! Если это представленіе пройдетъ, можно будетъ радоваться, оставаясь при увѣренности что все-таки неизмѣримое большинство женщинъ не одѣлаются чиновниками, а останутся женами-матерями. Но смѣшно требовать чтобъ ихъ брали потому только что онѣ женщины! Напротивъ, ихъ полъ и связанные съ нимъ недуги неизбѣжно должны вовсе закрыть имъ нѣкоторыя карьеры и указать имъ второе мѣсто въ другихъ.

Вообще относительно общественной дѣятельности женщинъ должно, кажется, быть принято то же правило которымъ благоразумныя законодательства руководствуются во всѣхъ вопросахъ: запрещать лишь то что положительно вредно. Но совсѣмъ другое, слѣдуетъ ли поощрять выходъ женщины изъ семейной сферы.

Къ какимъ же окончательнымъ выводамъ и замѣчаніямъ мы приходимъ?

Мы приходимъ, во первыхъ, къ тому замѣчанію что сочиненіе г. Милля о женщинахъ есть произведеніе безпокойнаго,

иногда яркаго, почти всегда непоследовательнаго и сутаго ума, который заявляетъ намѣреніе всколебать небо и землю, но ограничивается иногда выводами поражающими своею незначительностію. Я не желаю бы оскорблять писателя пользующагося громкою извѣстностію, но не могу скрыть что въ настоящемъ сочиненіи своемъ онъ напоминаетъ клоуна, который дѣлаетъ видъ что хочетъ бросить камень до самыхъ звѣздъ и роулетъ его у своихъ ногъ. Все взбалтывать, все взѣрошить, все перепутать и кончить ничѣмъ, — вотъ, повидимому, задача которую онъ хотѣлъ разрѣшить.

Что касается до такъ-называемаго *женскаго вопроса*, къ которому русскіе переводчики очевидно приурочиваютъ его сочиненіе, то я старался выяснитъ: что не касаясь физиологическихъ различій между женщиной и мужчиной, исторія дѣлаго человѣчества указываетъ для каждаго пола особую роль; что роль женщины дѣйствующей въ семейной сферѣ есть роль великая и благая, имѣвшая глубокое и въ высшей степени полезное участіе въ дѣлѣ цивилизаціи; что эта роль еще не кончилась и никогда не кончится, а потому не только не нужно, но и не должно измѣнять ее; что семья, какою она должна быть по христіанскому идеалу, воспитываетъ всѣ лучшія человѣческія доблести; что стремиться къ замѣнѣ христіанскаго идеала семьи идеаломъ торговой ассоціаціи значитъ стремиться не къ прогрессу, а къ пониженію нравственнаго уровня всего человѣчества; что положеніе женщины въ Россіи требуетъ лишь немногихъ уступокъ, и притомъ уступокъ со стороны общественнаго мнѣнія болѣе чѣмъ со стороны закона, чтобы достигнуть равноправности съ положеніемъ мужчины; что стремленіе къ дѣятельности внѣ семейной сферы есть стремленіе разумное лишь со стороны относительно весьма небольшого числа женщинъ, и что, наконецъ, дѣйствительная, серіозная потребность касается единственно улучшенія женскаго образованія. Серіозное умственное развитіе нужно женщинамъ не столько для того чтобы быть общественнымъ дѣтелемъ, какъ для того чтобы имѣть въполнѣ благотворное значеніе въ семьѣ, чтобы стоять на одномъ уровнѣ съ образованнымъ мужчиной и быть въ состояніи воспитывать для отечества нравственно развитыхъ людей.

П. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I.

Богданъ Хмельницкій, соч. Николая Костомарова, изд. третье. Спб. 1870.

Последніе годы Речи Посполитой, Н. И. Костомарова. Спб. 1870.

Мы не всегда соглашались со взглядами г. Костомарова касательно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но всегда отдавали справедливость его блистательному таланту. Нѣкоторыя изъ его монографій отличаются первоклассными достоинствами. Таково между прочимъ жизнеописаніе Богдана Хмельницкаго, которое, на нашъ взглядъ, есть лучшее изъ всѣхъ сочиненій г. Костомарова, особенно въ томъ видѣ въ какомъ оно вышло теперь, значительно исправленное и провѣренное по многимъ новымъ, до сего неизвѣстнымъ автору источникамъ (т. IX, X, XI изданныхъ г. Кожанчиковымъ *Монографій и Исследованій* г. Костомарова).

Къ числу лучшихъ произведеній нашего автора принадлежит и большое сочиненіе только-что вышедшее отдѣльною книгой: *Последніе годы Речи Посполитой*. Это полная и яркая картина быта въ этомъ странномъ государствѣ которое не знаешь какъ назвать иначе какъ Рѣчью Посполитой, — картина относящаяся ко второй половинѣ XVIII вѣка, то-есть ко времени агоніи и смерти Рѣчи Посполитой. Предметъ котораго коснулся нынѣ г. Костомаровъ былъ трактованъ весьма многими, но изъ прежнихъ историковъ только Рюльеръ успѣлъ

начертать яркую и живую картину, хотя и несравненно меньше вѣрную и полную, чѣмъ г. Костомаровъ. Это понятно: Рюльеръ пользовался для своей исторіи единственно свѣдѣніями которыя находились въ распоряженіи французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, да еще разказами нѣсколькихъ Поляковъ-очевидцевъ, тогда какъ г. Костомаровъ пользовался огромнымъ количествомъ матеріаловъ и притомъ самаго разнообразнаго свойства: документами печатными и рукописными, официальными и неофициальными, русскими и иностранными, болѣе же всего польскими. Не беремса рѣшать, вполнѣ ли воспользовался всѣми этими источниками нашъ историкъ и достаточно ли онъ изучилъ каждый изъ нихъ: это потребовало бы отъ насъ почти такой же работы какую преодолѣлъ онъ самъ; мы даже готовы допустить что въ этомъ отношеніи онъ не вполнѣ безупреченъ, потому что замѣтили въ его сочиненіи нѣсколько мелкихъ фактовъ (въ описаніи военныхъ дѣйствій) которые онъ представилъ сърысла, не составивъ о нихъ, какъ видно, окончательнаго самостоятельнаго мнѣнія; но это едва замѣтныя пятна на его превосходной, истинно грандіозной картинѣ, пятна, которыя легко могутъ быть вполнѣ исправлены при новыхъ изданіяхъ. Люди которые занимались подобными трудами, безъ сомнѣнія, поймутъ и оцѣнятъ какую силу дарованія нужно имѣть писателю чтобъ управиться съ этою массою матеріала, чтобы разсортировать и размѣстить ее, чтобъ отдѣлать всѣ подробности, не теряя изъ виду общаго плана, чтобы сохранить гармонию между цѣлымъ и частностями, чтобы соблюсти историческую перспективу.

Нельзя пропустить безъ вниманія и того что г. Костомаровъ относится совершенно объективно къ изслѣдуемому имъ предмету; онъ стоитъ внѣ вихря описываемыхъ имъ происшествій; его идеалъ выше тѣхъ страстей и побужденій которыя руководили изображенными имъ лицами, какъ это видно изъ страницъ коими онъ заключаетъ свой разказъ. Вотъ его слова:

„Польша сложилась въ республику и поставила свободу знаменемъ своего политическаго бытія въ ряду европейскихъ державъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживала и ревниво сохраняла у себя крайнее рабство, безпредѣльное униженіе человеческого достоинства. Отъ этого выходило что Поляки хотѣли быть свободными гражданами, а были только деспотами.

Возможность деспотствовать — самая ужаснѣйшая нравственная отравка человѣка.... Она приучаетъ человѣка къ праздности, къ умственной лѣни, къ неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, къ необузданности страстей, къ жестокости, къ эгоизму, къ предпочтенію собственныхъ узкихъ интересовъ потребностямъ общаго блага. Униженія и страданія порабощенныхъ отомщаются деморализаціей порабощителей. Но существованіе рабства въ государствѣ само по себѣ еще не должно было погубить Польшу; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ что тамъ гдѣ оно было господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ бы ни деморализовались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ, уже чрезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и поневолѣ должны дѣйствовать заодно въ дѣлахъ касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ, при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть еще достаточно крѣпкимъ противъ внешнихъ ударовъ.... Въ такой республикѣ какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, неоткуда было начаться благотѣльнымъ перемѣнамъ. Толпа правящихъ своею страню гражданъ не могла согласиться насчетъ средствъ возрожденія отечества и еще менѣе могла исполнить то что нужно было для общаго блага, какъ скоро при этомъ должны были терпѣть частные интересы....“

„Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и исцѣлиться отъ своего разращенія. Видя явную опасность угрожавшую государственной самостоятельности, Поляки съ лихорадочнымъ движеніемъ схватились за дѣло преобразованія; но потолковавши два съ половиною года, ничего не сдѣлали, хотя въ то время имъ никто не мѣшалъ. Современники, знавшіе общество того времени, сознавали что еслибъ они (Поляки) двадцать пять лѣтъ разсуждали на сеймѣ, оставаясь съ прежними правами, то изъ ихъ разсужденій все равно ничего бы не вышло. Кружокъ людей старавшихся о томъ чтобъ отечество возродилось какъ можно скорѣе придумалъ переворотъ 3го мая, который скорѣе можно назвать фокусомъ чѣмъ дѣломъ преобразованія.... Повтому-то мы имѣемъ причину предполагать что и безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ по ходу вещей обстоятельствъ которыя обратили въ прахъ майскую конституцію и вслѣдъ за нею самую Рѣчь Посполитую, Польша, съ помощію этой конституціи, не могла достигнуть возрожденія, и развѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы попрежнему, ведя ее къ разрушенію.

„....Вслыхнуло возстаніе. На челѣ его явилась личность безукоризненно-чистая, благородная. Послѣдователь идеи Франклина и Вашингтона, одинъ изъ святелей новой свободы на

дѣственной почвѣ Америки, Костюшко былъ республиканецъ до костей.... Ближайшая цѣль его была освободить отечество отъ иноземнаго нападена; что съ отечествомъ должно быть въ случаѣ успѣха,—Костюшко, повидимому, не задался насчетъ этого никакими планами, а все предоставилъ будущей волѣ освобожденнаго народа. Единственное что онъ намѣтилъ впередъ для будущихъ реформъ, это освобожденіе шловоъ, выраженное въ универсалѣ 7го мая. Этимъ какъ будто устранялась старая историческая нелогичность: Польша оставалась республикою, но уже безъ рабства.... Возстаніе, которое такъ энергически двигалъ Полякъ-Американецъ, не имѣло успѣха не только оттого что не выдержало борьбы съ русскимъ оружіемъ находившимся въ рукахъ гениальнаго Суворова, но и оттого что оно разбилось о прежнюю заматерѣвшую польскую деморализацію....

„Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патриотическаго самообольщенія, скажемъ что изъ всѣхъ территориальныхъ приобрѣтеній совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ, приобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ относительно. Екатерина возвращала своему государству то что принадлежало ему на основаніи не однихъ династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а вѣковой, живой народной связи. Что масса русскаго народа находившагося подъ властію Польши, униженнаго, порабощеннаго и состоявшаго въ послѣднее время изъ одного низшаго класса, желала соединенія съ Россіей—это не подлежитъ сомнѣнію.... Россія присоединяла къ себѣ страны въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало. Вотъ здѣсь-то и правота Россіи. Между тѣмъ Россія не поставила этой правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ лишь на сколько оно могло быть однимъ изъ орудій годныхъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; сбылись завѣтныя желанія многихъ поколѣній....“

Но, говорить г. Костомаровъ, что стало съ этимъ русскимъ народомъ, который такъ долго и постоянно стремился въ объятія Россіи? Въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ, онъ приводитъ записанную имъ на Волинѣ народную пѣсню, въ которой изображается съ горькою правдою положеніе русскаго крестьянина подъ управленіемъ того же польскаго пана....

Мы отъ всей души желаемъ чтобы голосъ г. Костомарова былъ услышанъ и тѣми кто полагаютъ что мы должны краснѣть предъ Поляками, равно какъ и тѣми которые думаютъ что мы не должны краснѣть предъ этимъ бѣднымъ русскимъ народомъ западнаго края.

II.

*Археологическая топографія Таманскаго полуострова, К. Герцъ
Москва, 1870.*

Наше побережье Чернаго моря отъ устьевъ Днѣпра до устьевъ Ріона было занято переселенцами древней Греціи, также какъ югъ Франціи или восточная часть Испаніи. Тамъ были Марсель, Арль, Нимъ, здѣсь существовали греческія колоніи Ольвія, Херсонесъ, Феодосія, Фанагорія, Пантикалея; въ предѣлахъ Русской Имперіи находятся Митридатова гора, древній Фазисъ (Ріонъ) со своимъ преданіемъ о золотомъ рунѣ и Аргонавтахъ; русская земля связана съ памятью объ Овидіи.... Надѣмся что болѣе древнихъ и классическихъ воспоминаній не представитъ ни одно изъ государствъ Европы. А изъ этого слѣдуетъ что для насъ, не менѣе чѣмъ для Французовъ, Англичанъ и Германцевъ, классическая археологія должна быть интересомъ отечественнымъ. Эти валяющіеся среди насъ вещественные остатки классической древности, эти развалины, эти сосуды, монеты, надписи—суть наше историческое достояніе и одна изъ нашихъ связей съ историческою жизнью человѣчества.

Г. Герцъ, профессоръ Московскаго университета, посѣтившій Таманскій полуостровъ въ 1859 году, сообщаетъ въ своей книгѣ много интересныхъ данныхъ и соображеній. На Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ производилъ свои изысканія уважаемый профессоръ, находится большое число кургановъ и насыпей наполненныхъ вещественными остатками временъ отошедшихъ въ вѣчность; весьма часто мѣстные жители, роя фундаментъ для строенія, находятъ основанія давно не существующихъ зданій, принадлежація ко временамъ классической древности; во многихъ мѣстахъ волны нагоняемая на берегъ западными вѣтрами оставляютъ на немъ древне-греческіе браслеты или кольца, монеты принадлежація ко времени существованія здѣсь греческихъ колоній и т. л. Несомнѣнно что на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ, составлявшемъ въ древнія времена архипелагъ, жило многочисленное населеніе, также впрочемъ какъ на Таврическомъ полуостровѣ и вообще на сѣверномъ побережьи Чернаго моря.

Мы не намѣрены впрочемъ входить въ подробности изысканій г. Герца, такъ какъ предметъ ихъ составляетъ специальность мало интересующую большинство публики: самъ ученый путешественникъ, въ предисловіи къ своему труду, обращается исключительно къ археологамъ. Но это не снимаетъ съ насъ обязанности заявить что его сочиненіе, представленное для полученія степени магистра, было принято учеными товарищами г. Герца съ большимъ уваженіемъ и составляетъ въ самомъ дѣлѣ не только полный сводъ археологическихъ свѣдѣній о топографіи Таманскаго полуострова, но и полезное дополненіе къ трудамъ Палласа, графа Потоцкаго, Дюбуа де-Монлеррѣ, Ашика, Лазаревскаго и другихъ археологовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ остатковъ древности на сѣверномъ прибрежьи Чернаго моря. Нельзя не желать чтобъ эти изысканія продолжались. Весьма вѣроятно что они бросятъ новый свѣтъ на судьбы нынѣшняго Новороссійскаго края въ отдаленнѣйшія времена. Въ самомъ дѣлѣ, если здѣсь жили, задолго до Рождества Христова, люди принадлежавшіе къ тогдашнему цивилизованному міру, то неужели вліяніе ихъ насколько не отразилось на окружавшихъ ихъ „варварахъ“? Неужели, напримѣръ, христіанская вѣра не переступала за черту принадлежавшихъ Византійской имперіи древне-греческихъ колоній, и неужели херсонскія врата были первымъ памятникомъ вліянія древней Тавриды на молодую Русь?... А если открыта будетъ духовная связь греческихъ колоній съ туземцами, если будетъ доказано что Херсонесъ имѣлъ какія-нибудь сношенія съ Киевомъ,—разказъ о первыхъ временахъ Россіи надо будетъ начинать задолго до сказаній Нестора и до прибытія Варяжскихъ князей.

П. Ц.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. А. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюль Верна. М. 1870. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXE

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

511140

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

1870

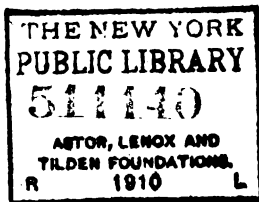
І Ю Н Ъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ГРОДНЕНСКИЙ СЕЙМЪ 1793 ГОДА. Гл. VII—X. Д. И. Илорайскаго.
- II. ТЮРЬМА И ВЪНЕЦЪ. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. И. X. Зедлица. Переводъ Ф. В. Миллера.
- III. АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ НА КАВКАЗЪ. 1829—1837. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. М. И. Семевскаго.
- IV. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXI—XXIV.
- V. ЕГИПЕТСКИЙ МОГИЛЬНЫЙ МІРЪ: Публичное чтеніе Генриха Бругша.
- VI. ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XIX—XXIV. Н. А. Чаева.
- VII. РѢШЕНІЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКАГО ВОПРОСА. Т. И. Филиппова.
- VIII. ВЗГЛЯДЪ НА МАТЕРІАЛЫ НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСА О САМОСТОЯТЕЛЬНОМЪ НАЧАЛѢ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ. Отвѣтъ гг. С. Усову и Н. Аксакову. Г. Е. Струве.
- IX. ЧАРЛЪЗЪ ДИККЕНСЪ. Некрологъ. Нелюбова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. БУЛГАМПТОНСКИЙ ВИКАРІЙ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- II. ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬДЪ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе первой части. Часть вторая, гл. I—II.
- III. ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XI.

INDEXED

ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ

1793 ГОДА

VIII.

Пруссія требованія.— Сеймъ противится переговорамъ съ Пруссіей.—
Онъ принужденъ уступить.— Споръ о полномочіяхъ.

До сихъ поръ прусскій дипломатъ держался въ сторонѣ, чтобы не мѣшать ходу переговоровъ со своимъ русскимъ товарищемъ. Но когда вопросъ объ уступкѣ провинцій въ пользу Россіи былъ рѣшенъ сеймомъ, Бухгольцъ не замедлил выступить на передній планъ. Мы видѣли что въ засѣданіи 9го (20го) іюля онъ подалъ ноту, въ которой требовалъ чтобы депутація была снабжена надлежащимъ полномочіемъ для договора съ Пруссіей на основаніи предыдущихъ его нотъ, предъявленныхъ сообщая съ русскимъ посланникомъ. Почти всѣ заранѣе предвидѣли что трактатъ съ Пруссіей встрѣтитъ еще болѣе сопротивленія чѣмъ договоръ съ Россіей. Сиверсъ не разъ говоритъ о томъ въ своихъ дѣлесахъ. Тогда какъ большинство сейма состояло изъ сторонниковъ и кліентовъ Россіи, прусская партія насчитывала только немногихъ второстепенныхъ пословъ, за деньги согласившихся поддерживать требованія Пруссіи и подвергаться при этомъ поруганію со стороны большинства (Подгорскій, Древновскій, Владекъ, Рокитницкій, Рокасовскій и др.).

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 3 и 4.

12го (23го) іюля маршалъ сеймовый, открывая засѣданіе, пригласилъ палату обратить серіозное вниманіе на требованіе прусскаго министра, выраженное въ нотѣ 20го (9го) іюля. Онъ указалъ на смутныя обстоятельства, на невозможность сохранить цѣлость польскихъ предѣловъ; но въ то же время старался утѣшить представителей націи надеждой на лучшее устроеніе республики, котороѣ помогло бы ей забыть свои бѣдствія и упрочить свое будущее.

При чтеніи прусской ноты поднялась цѣлая буря. Многіе послы наперерывъ требовали голоса, чтобы въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ заявить свою оппозицію всякимъ переговорамъ съ Пруссаками. Тутъ вылилась наружу вся горечь накопившаяся въ душѣ Поляковъ вслѣдствіе вѣроломнаго поведенія Пруссіи начиная съ 1788 года. Ее обвиняли въ томъ что она устроила Полякамъ западню, возбуждая ихъ противъ Россіи во время Четырехлѣтняго сейма и обманывая ихъ призракомъ союза. Нѣкоторые упрекали прусскій дворъ какъ единственнаго виновника бѣдствій Польши, хотя онъ обязанъ ей своимъ существованіемъ и разбогатѣлъ на ея же счетъ. Другіе издѣвались надъ тѣмъ предлогомъ который Пруссаки выставили для своихъ новыхъ насилій, то-есть надъ мнимымъ яacobинствомъ Поляковъ. „Пусть прусскій король будетъ стражемъ тѣхъ яacobинцевъ которыхъ онъ нашелъ въ Великой Польшѣ, восклицаетъ Краснодембскій; — но было бы нелѣпо на основаніи подобнаго титула требовать уступки этой области.“ Карскій объявляетъ, что онъ согласится только на такую делегацию которая будетъ имѣть цѣлью очищеніе польскихъ земель отъ прусскихъ войскъ. Микорскій, высчитавъ всѣ поступки Берлинскаго двора въ отношеніи къ Польшѣ съ давняго времени и наломнивъ обязательства принятые имъ по послѣднему договору, предложилъ проектъ отвѣтной ноты, въ которой содержались бы слѣдующіе вопросы Бухгольду: Союзъ Прусскаго короля съ Рѣчью Посполитой, заключенный на предыдущемъ сеймѣ, должно ли считать существующимъ или прекратившимся? Если онъ прекратился, то какія причины разрыва? Ходзко объявляетъ, что онъ никогда не согласится на уступку и одной горсти песку.

Голынский, посолъ черниговскій, не ограничиваясь оппозиціей прусскимъ требованіямъ, возвращается къ только-что оконченному договору съ Россіей. Онъ распространился о своихъ личныхъ опасностяхъ, о грозившей ему потерѣ имущества и

свободы, вслѣдствіе чего онъ не присутствовалъ на засѣданіи 17го числа; но тѣмъ не менѣ всякая уступка, хотя бы малѣйшей частички польской земли, для него немислима. Затѣмъ Голыньскій предлагаетъ проектъ торжественнаго протеста противъ подписаннаго депутацией трактата съ Россіей, какъ вынужденнаго насиліемъ, и протестъ этотъ совѣтуетъ разослать ко всемъ европейскимъ дворамъ. По настоянію членовъ оппозиціи, каковы Карскій, Микорскій, Стоинскій, Гославскій и Кимбаръ, проектъ Голыньскаго былъ прочитанъ. Тѣ же члены потребовали пустить его на голоса. Но маршалъ сеймовый воспротивился нарушенію закона, только что постановленнаго сеймомъ. Ожаровскій пытается снова обратить вниманіе палаты на требованія Пруссіи, и совѣтуетъ въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ великодушному покровительству Русской императрицы. Онъ предлагаетъ отнестись чрезъ канцлеровъ къ русскому посланнику съ просьбой о вмѣшательствѣ и добиваться если не полного очищенія края, занятаго прусскими войсками, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его частей. Предложеніе Ожаровскаго поддерживаютъ Кунцикі; но онъ требуетъ, чтобы съ такою же просьбой обратились еще къ Австрійскому двору.

Только къ концу засѣданія, когда патриотическія декламации значительно утомили и ораторовъ, и слушателей, поднялся одинъ голосъ въ пользу назначенія делегации для переговоровъ съ Пруссіей. Этотъ голосъ принадлежалъ Рокитницкому, послу отъ Плоцка. Если, замѣтилъ онъ, съ одной стороны жалобы противъ Пруссіи справедливы, то съ другой—дальнѣйшее сопротивленіе ея требованіямъ могло бы еще болѣе умножить бѣдствія провинцій занятыхъ прусскими войсками. Разсужденія о прусской нотѣ въ это засѣданіе перемѣшались еще спорами о Тарговицкой конфедерации: одни требовали ея уничтоженія, другіе, напротивъ, защищали ея судебное значеніе. Засѣданіе продлилось до девяти часовъ вечера и окончилось безъ всякаго рѣшенія.

На слѣдующій день слышалось уже нѣсколько голосовъ въ пользу назначенія делегации, такъ какъ нѣтъ другихъ средствъ отвратить бѣдствія. Кромѣ сеймоваго маршала, въ этомъ духѣ говорили Влодекъ, посоль равскій, и князь Александръ Понявскій, посоль закромимскій. Они также совѣтовали обратиться преимущественно къ посредничеству русскаго посланника и сохранить Тарговицкую конфедерацию, пока нѣтъ

другой болѣе прочной правительственной формы. Но противъ назначенія делегаціи снова подыались оживленные возгласы. Между прочимъ Суходольскій, каштелянъ Смоленскій, отвергая всякіе переговоры съ Пруссіей, предлагаетъ отнестись прямо къ Петербургскому двору и заявить что польскій народъ не теряетъ своего улованія на помощь „Великой Екатерины“. Затѣмъ, въ порывѣ ораторскаго увлеченія, онъ обращается къ королю и проситъ его, какъ добраго отца народа, вести своихъ сыновъ на жертву милой отчизнѣ, подобно тому какъ Авраамъ въ угоду Творцу принесъ на закланіе собственнаго сына, и Царь Царей удержитъ мечъ гнѣва Своего и сохранитъ народъ польскій какъ Онъ сохранилъ жизнь Исааку.*

Кумбаръ, улитскій посоль, заявивъ свое несогласіе на переговоры съ Пруссіей, требуетъ чтобы канцлеры сообщили сословіямъ, если имѣютъ какія-либо делеша изъ Вѣны отъ польскаго повѣреннаго Войны. Коронный канцлеръ не замедлилъ исполнить это требованіе. Вотъ сущность полученныхъ делешъ. Война имѣла нѣсколько откровенныхъ разговоровъ съ австрійскими министрами, барономъ Тугутомъ и кн. Колоредо. Оба они убѣждены въ невыгодныхъ для Австріи результатахъ событій совершающихся въ Польшѣ; но при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Европѣ они не могутъ обѣщать Полякамъ что-либо положительное. Петербургскій дворъ, по ихъ словамъ, пользуется затруднительнымъ положеніемъ Австріи и хлопочетъ чтобъ императоръ гарантировалъ Россіи и Пруссіи владѣніе вновь присоединенными отъ Польши провинціями. Стороной Война узналъ что Разумовскій и прусскій повѣренный въ Вѣнѣ всѣми силами стараются добиться этой гарантіи и настаиваютъ на категорическомъ отвѣтѣ; что Разумовскій недавно вручилъ императору отъ императрицы письмо, въ которомъ она будто бы соглашается даже на его участіе въ новомъ раздѣлѣ Польши. Вообще Австрія совершенно погружена въ свою войну съ Франціей, и въ такихъ

* Предложеніе обратиться къ посредничеству русскаго послампика дѣлалось, конечно, не безъ предварительнаго согласенія съ Сиверсомъ. Въ делешѣ своей вице-канцлеру, составленной поутру того же 13го (24го) іюля, онъ говоритъ: „Сегодня представлять проектъ о слабженіи депутаціи полномочіемъ; будутъ очень настаивать на выгодахъ торговыхъ и на долгахъ, а также на томъ чтобъ я рѣшительно былъ посредникомъ присутствующимъ на конференціяхъ. Послѣднее мнѣ не совсѣмъ пріятно.“

обстоятельствахъ Война совѣтуетъ только выжидать какой-либо перемѣны въ общихъ дѣлахъ Европы. *

Подобныя сообщенія не замедлили дать новую лицу оппозиціи. Она сдѣлалась еще оживленнѣе и не скрывала своихъ великихъ надеждъ на помощь Вѣнскаго двора.

15го (26го) іюля голоса въ пользу делегаціи усиливаются до такой степени что ихъ выслушиваютъ. Древновскій, ломжинскій посолъ, вноситъ проектъ трактованія съ Прусскимъ дворомъ, и замѣчаетъ что отказъ отъ всякихъ договоровъ можетъ быть сочтенъ прусскимъ королемъ за молчаливое согласіе на его узурпацію. Это замѣчаніе произвело впечатлѣніе, такъ что палата допустила чтеніе самого проекта. Сущность его заключалась въ томъ чтобы дозволить депутаціи, подписавшей трактатъ съ Россіей, вступить въ переговоры съ прусскимъ посланникомъ, но начать ихъ не иначе какъ съ торговаго трактата и притомъ результаты переговоровъ сообщать на одобреніе сеймующихъ сословій. Члены оппозиціи попрежнему пытаются отстранить вопросъ о делегаціи. Между прочимъ Шидловскій упрекаетъ еписколовъ и короля за ихъ измѣну многократно произнесенной клятвы: скорѣе пожертвовать жизнію чѣмъ согласиться на раздѣлъ Польши. Король отвѣчаетъ что онъ всегда готовъ на эту жертву, если она можетъ спасти отечество, но что теперь она бесполезна, и дѣло идетъ только о спасеніи остальной Польши. Затѣмъ онъ предлагаетъ уполномочить канцлеровъ чтобы они подали русскому посланнику ноту съ объясненіемъ всѣхъ причинъ по которымъ сеймъ не соглашается на требованія Пруссіи и съ выраженіемъ готовности положиться на его совѣты въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ.

Бѣлинскій, Ожаровскій, Лобаржевскій, Мледзяновскій, Скар-

* О колебаніяхъ австрійской политики по вопросу гдѣ искать ей вознагражденія за борьбу съ французскою революціей, въ Баваріи, въ Польшѣ или во Франціи? см. мою замѣтку (въ *Русск. Вѣстн.* 1867 г. ноябрь) составленную на основаніи дополнительнаго тома къ *Исторіи Россіи* Германа. Извѣстіе Войны о согласіи Екатерины допустить Австрію къ участию во второмъ раздѣлѣ Польши, конечно, несправедливо; но оно могло легко возникнуть на основаніи уклончивыхъ отвѣтовъ Петербургскаго двора. См. статью Зибеля *Polens Untergang und der Revolutionskrieg* (*Historische Zeitschrift* 1870, I), составленную на основаніи дипломатическихъ документовъ Вѣнскаго архива.

жинскій, Владекъ, Суфчинскій и Радзинскій поддерживаютъ проектъ короля. А Голынский, чтобы парализовать его, возобновляетъ предложеніе Куницкаго о подачѣ такой же ноты Вѣнскому двору. Ходзко и Карскій поддерживаютъ эту прибавку. Сеймовый маршалъ ставитъ вопросъ: тронный проектъ будетъ ли принятъ съ дополненіемъ Куницкаго или безъ онаго? 67 голосовъ противъ 52 рѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу троннаго проекта безъ дополненія.

На слѣдующемъ засѣданіи была прочитана отвѣтная нота русскаго посланника. Онъ съ удовольствіемъ видитъ новое доказательство довѣрія которое сеймъ показывалъ его государынѣ; но тѣмъ не менѣ весьма положительныя инструкціи побуждаютъ его настаивать на немедленномъ началіи переговоровъ съ прусскимъ министромъ и на снабженіи делегации потребнымъ для того полномочіемъ. Собраніе обратило вниманіе не столько на ясный, опредѣленный смыслъ этой ноты, сколько на ея мягкій тонъ, и нисколько не постыжилось рѣшеніемъ вопроса. Члены оппозиціи не переставали гремѣть противъ всякой попытки вступить въ переговоры съ Пруссіей. Съ особенною ѣдкостью выражался Скаржинскій, посолъ отъ Ломжи. Онъ не допускалъ никакой уступки земель ни Пруссіи, ни Россіи, и называлъ безполезнымъ обращеніе къ посредничеству русскаго посланника, который по своимъ инструкціямъ обязанъ былъ поддерживать интересъ Берлинскаго двора наравнѣ съ собственнымъ. Онъ настаивалъ на отправленіи посольства прямо къ русской императрицѣ. Ожаровскій, съ своей стороны, пытается обратить вниманіе сейма на армию, которой не заплачено жалованье уже за многіе мѣсяцы; онъ совѣтуетъ хлопотать о собраніи податей съ провинцій занятыхъ русскими и прусскими войсками. Король поддерживаетъ его совѣтъ и говоритъ также о необходимости прежде всего найти средства на удовлетвореніе армии.

Епископъ Коссаковскій во время преній о делегации высказалъ такую мысль: можно надѣяться на перемѣну въ отношеніяхъ двухъ принимающихъ участіе въ раздѣлѣ дворовъ; а въ ожиданіи этой перемѣны можно открыть переговоры съ Пруссіей. „Это нескромное заявленіе произвело замѣтное впечатлѣніе“, доноситъ Сиверсъ. Послѣ засѣданія онъ сдѣлалъ епископу легкое внушеніе. Кромѣ того, онъ велѣлъ сказать двумъ братьямъ Скаржинскимъ, ломжинскому и черниговскому, что если они въ своихъ рѣчахъ еще позволяютъ себѣ выраженія противныя

интересамъ ея величества, то онъ назначить экзекуцію въ ихъ земли.

Шидловскій, Карскій и другіе члены оппозиціи не замедлили на другой день снова поднять жалобы на насилія сейму, и предложили депутировать по этому поводу канцлеровъ къ Сиверсу; но они отказались отъ такой депутации, и на томъ дѣло кончилось. Такъ какъ наступало 30е іюля, а сеймъ все еще не исполнилъ своей задачи, то въ эти два дня (28 и 29го іюля нов. ст.) пренія о делегации перемѣшивались горячими спорами о томъ, должно ли отсрочить засѣданія сейма или продолжить его сессию? Наконецъ вопросъ пущенъ на голоса, и большинствомъ рѣшено продолжить сеймъ опять на двѣ недѣли, то-есть до 15го августа.

На засѣданіи 19го (30го) іюля небольшая прусская партія рѣшилась выступить еще смѣлѣе въ вопросъ о делегации, а русскій посланникъ въ этотъ день подалъ новую ноту, въ которой повторялъ требованіе немедленно выдать полномочія для заключенія трактата съ Пруссіей.

При самомъ началѣ засѣданія Древновскій снова предлагаетъ свой проектъ о торговомъ договорѣ съ прусскимъ королемъ. Но это предложеніе послужило сигналомъ къ крикамъ и декламациямъ. Оппозиція хватается за проектъ Микорскаго, то-есть чтобы канцлеры подали Бухгольцу ноту съ вопросомъ: считать ли союзъ Пруссіи съ Рѣчью Посполитой разрывнымъ, и какія причины этого разрыва? Когда секретарь сеймовый прочелъ проектъ Микорскаго, Подгорскій, посолъ отъ Волыни, потребовалъ чтенія и проекта Древновскаго, а маршалъ сеймовый предъявилъ уломянутую ноту Сиверса. Тогда поднялись горячія пренія, и палата раздѣлилась на двѣ противныя стороны. Секретарь хотѣлъ читать проектъ Древновскаго; но онъ былъ прерванъ и принужденъ замолчать посреди шумныхъ возгласовъ и личной перебранки. Между прочимъ Ходзко обращается къ королю съ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Что скажетъ потомство, увидавъ имя вашего величества подъ актомъ генеральной конфедераціи и внизу ратификаціи этихъ двухъ договоровъ?“ Маршалъ сеймовый умоляетъ короля сказать свое мнѣніе, въ виду раздѣленія палаты на двѣ стороны. Король отвѣчаетъ что потомство, конечно, будетъ на столько справедливо чтобы различить обстоятельства сопровождавшія его присоединеніе къ Тарговицкой конфедераціи отъ тѣхъ въ которыхъ онъ находился въ послѣдствіи.

Относительно вопроса раздѣлившаго палату онъ изъявилъ желаніе услышать прежде мнѣніе сената.

Нѣкоторые сенаторы подаютъ свой голосъ; между прочимъ епископы Скаржевскій и Коссаковскій говорятъ что не имѣется въ виду никакихъ средствъ помѣшать договору съ Пруссіей. Пренія продолжались еще нѣсколько времени. Наконецъ Бѣлинскій ставитъ *ad turnum* вопросъ: будетъ ли принять проектъ Микорскаго или мнѣніе Рокасовскаго (бельзскаго), который предлагаетъ пустить на голоса проектъ Древновскаго? За первый пусть будутъ положительные отвѣты, а за второе отрицательные. Произвели голосованіе, и въ результатъ получилась „неслыханная вещь, по выраженію Сиверса, если она не была подготовлена“: на каждой сторонѣ 53 голоса. Палата обращается къ королю съ просьбой „развязать“ это равновѣсіе. Король рѣшаетъ въ пользу предложенія Рокасовскаго, но въ то же время поручаетъ канцлерамъ подать Бухгольцу ноту составленную на основаніи проекта Микорскаго. Такимъ образомъ онъ пытается удовлетворить обѣ стороны.

На другой день канцлеры сообщили собранію отвѣтную ноту Бухгольца на ихъ запросъ о томъ, считаетъ ли прусскій король обязательными для себя трактаты 1773 и 1790 годовъ? Посланникъ отвѣчалъ уклончиво, говоря что онъ объяснится на этотъ счетъ съ делегацией, которая будетъ уполномочена вести съ нимъ переговоры. Въ это засѣданіе проектъ Древновскаго былъ предложенъ на окончательное рѣшеніе и принятъ большинствомъ 65 голосовъ противъ 39. Сиверсъ доноситъ что многіе отсутствовали чтобы не компрометтировать себя участіемъ въ голосованіи, а что вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, опять произошло бы равенство сторонъ.

Такимъ образомъ рѣшено было той же депутации, которая договаривалась съ русскимъ посланникомъ, вступить въ переговоры съ прусскимъ; но предметомъ этихъ переговоровъ долженъ былъ служить торговый трактатъ. Послѣ нѣкоторыхъ преній о разныхъ дополненіяхъ къ проекту Древновскаго, приняты были палатой еще слѣдующія прибавки къ инструкціи депутатамъ, предложенныя епископомъ Ливонскимъ: 1) во введеніи къ инструкціи сказать что сеймъ согласился на депутацию только вслѣдствіе насилія; 2) упоминать что сеймъ не можетъ уступить ни малѣйшей части изъ территоріи Рѣчи Посполитой, и 3) все что сдѣлаетъ депутация

будеть только проектомъ, подлежащимъ рѣшенію сословія.*
 Чтобы дать канцлерамъ время приготовить всѣ акты необходимые для депутаціи, король на два дня отложилъ засѣданіе.

Около этого времени Сиверсъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, сообщаетъ что видѣлъ секретные отвѣты (канцлеровъ) на депеши всѣхъ польскихъ повѣренныхъ при иностранныхъ дворахъ. Отвѣты эти воздаютъ хвалу сопротивленію короля и сейма и прямо говорятъ что надежды ихъ основаны на томъ чтобы выиграть время и дожидаться могущихъ послѣдовать перемѣнъ въ отношеніяхъ и интересахъ европейскіхъ дворовъ. О поведеніи иностранныхъ министровъ, аккредитованныхъ при Рѣчи Посполитой, нашъ посланникъ замѣчаетъ что шведскій не скрываетъ злой радости по поводу затрудненій прусскаго; англійскій совершенно равнодушенъ; австрійскій маскируетъ свои чувства лучше шведскаго, но они проглядываютъ вопреки его скрытности.

Между тѣмъ на Рейнѣ счастье повернуло на сторону Пруссаковъ: 22го іюля (нов. ст.) Французы, занимавшіе крѣпость Майнцъ, сдались на калитуляцію. Сиверсъ говоритъ что извѣстіе о взятіи Майнца произвело на Поляковъ большое впечатлѣніе, и что еслибъ оно пришло двадцатью четырьмя часами ранѣе, то повліяло бы на инструкцію составленную для депутаціи. Тонъ этой инструкціи, по его словамъ, показываетъ неразуміе и безтактность (*l'imbecilité et la fatuité*) собранія. Онъ предупреждаетъ что въ первой конференціи съ прусскимъ министромъ не приметъ участія, но потомъ, конечно, принужденъ будетъ это сдѣлать.

25го іюля (5го августа) происходила первая конференція депутаціи съ прусскимъ посланникомъ. Президентъ депутаціи, князь-епископъ Масальскій, обратился къ посланнику съ выраженіемъ надежды на его участіе и дружеское расположеніе къ польской націи. Посланникъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ; во прибавилъ что обстоятельства побудили ихъ величества (русское и прусское) сообща принять мѣры для предохраненія своихъ государствъ отъ печальнаго положенія Европы. Затѣмъ прочли полномочія. Ожаровскій замѣтилъ что прусскій документъ говоритъ объ уступкѣ всѣхъ провинцій занятыхъ прусскими войсками; это обстоятельство препятствуетъ обмѣну полномочій: оно означало бы что депутація заранѣе

* Текстъ инструкціи см. въ *Korresp.*, 1309.

соглашается не только на уступку, но и на весь ея объемъ, тогда какъ въ полномочіи депутатовъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Въ виду такого затрудненія, Масальскій предложилъ ограничиться на первый разъ только прочтеніемъ полномочій; но Бухгольдъ требовалъ ихъ обмѣна; однако послѣ нѣкоторыхъ споровъ уступилъ и уѣхалъ. Депутатія рѣшила подать ему ноту.

Въ тотъ же день въ квартирѣ Масальскаго нота была составлена и препровождена Бухгольду. Она указывала на невозможность дальнѣйшихъ переговоровъ, потому что, на основаніи своей инструкціи, депутатія не можетъ принять прусскаго полномочія, въ которомъ первымъ пунктомъ стоитъ уступка земель Рѣчи Посполитой; притомъ и самое полномочіе русскаго посланника не заключало въ себѣ требованія столь рѣзко выраженнаго. На слѣдующій день отъ Бухгольда получена отвѣтная нота, съ замѣчаніемъ что разница въ выраженіяхъ не можетъ быть принята за помѣху къ переговорамъ. На это депутатія уведомила что въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она должна обратиться къ сословіямъ, и потому прерываетъ дальнѣйшія объясненія.

Отчетъ объ этихъ затрудненіяхъ былъ представленъ сейму въ засѣданіи 27го іюля (7го августа). Въ томъ же засѣданіи прочтена нота Бухгольда, которая протестовала противъ отказа депутатіи обмѣняться полномочіями, такъ какъ этотъ обмѣнъ былъ простою формальностію, и основою для переговоровъ служатъ не полномочія, а инструкціи. Тогда всталъ Цемневскій, посолъ рожанскій, и предложилъ сословіямъ изъявить благодарность депутатіи за исполненіе обязанностей возложенныхъ на нее сеймомъ. Депутатія отвѣчаетъ ему что она желаетъ отъ сейма не похвалъ, а только одобренія своему образу дѣйствія. Маршалъ сеймовый думаетъ ограничиться этими заявленіями. Но нашлись многіе члены собранія которые схватились за предложеніе Цемневскаго и потребовали чтобъ оно было подвергнуто формальному рѣшенію. Посылались возраженія и поправки къ этому предложенію, и пренія о немъ прекратились только съ закрытіемъ засѣданія.

На слѣдующій день король, по обыкновенію, въ 11ть часовъ прибылъ въ сенатъ; но нашелъ такое небольшое число присутствующихъ что принужденъ былъ отложить засѣданіе до 4хъ часовъ пополудни. Очевидно, многіе члены сейма пытались

уклониться отъ участія въ щекотливомъ вопросѣ о депутаціи. Когда же открылось засѣданіе, палата какъ будто забыла объ этомъ важномъ вопросѣ и занялась давно начатыми сужденіями о войскѣ, о его числѣ, преобразованіи и средствахъ уплатить ему жалованье. Послѣ многихъ преній остановились на мысли назначить комиссію для отобранія у гетмановъ и региментарія отчетовъ о состояніи войска и войсковыхъ кассъ.

А между тѣмъ вопросъ о депутаціи занималъ всѣ умы и вызывалъ самую напряженную дѣятельность. Русскій посланникъ продолжалъ служить центромъ этой дѣятельности. Бухгольцъ обращается къ нему съ настойчивыми просьбами о поддержкѣ своихъ требованій; Поляки также умоляютъ его о помощи. На просьбу о посредничествѣ Сиверсъ официально отвѣчалъ что взаимныя противорѣчія съ обѣихъ сторонъ слишкомъ велики чтобъ онъ могъ дѣйствовать не обижая ни той, ни другой. Однако въ его донесеніи отъ 28го іюля (8го августа) прямо сказано что вопросъ о депутаціи будетъ обсуждаемъ завтра, а рѣшенъ послѣ завтра, то-есть 10го августа нов. стilia. Это указываетъ на непрерывно продолжавшіяся соглашенія между нимъ и большинствомъ сейма.

Все засѣданіе 29го іюля (9го августа) прошло въ горячихъ преніяхъ о депутаціи. Голоса раздѣлились между двумя проектами: Влодека, посла гостынского, и Млодзяновскаго, рожавскаго. Первый предлагалъ чтобы депутація обмѣнялась полномочіями и начала переговоры съ прусскимъ министромъ не дожидаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны прусскихъ войскъ; а второй не допускалъ никакихъ негоціацій, пока полномочія не будутъ измѣнены. Члены оппозиціи, каковы Шидловскій, Кимбаръ, Карскій, Богудкій, поддерживаютъ Млодзяновскаго; другіе, и особенно Міончинскій, защищаютъ проектъ Влодека. Наконецъ еписколъ Коссаковскій, чтобы помирить противныя стороны, предлагаетъ, по своему обычаю, среднюю мѣру: депутація пусть потребуетъ чтобы прусскій министръ хлопоталъ объ измѣненіи своего полномочія, а въ ожиданіи этого измѣненія пусть трактуетъ съ нимъ, но не active, а только proestive, то-есть не положительно, а условно. Вся палата одобрила эту мысль. Окончательное рѣшеніе вопроса о депутаціи отложено до слѣдующаго дня.

Въ этотъ день, то-есть въ субботу 30го іюля (10го августа), засѣданіе открылось чтеніемъ двухъ вотъ, отъ Сиверса и

Бухгольца, которые увѣщевали палату оставить безполезныя пререканія и постановить немедленный обмѣнъ полномочій. Послѣ чтенія нотъ возобновились пренія о томъ какой проектъ предпочесть: Влодека, исправленный депутаціей, или Млодзяновскаго съ поправками каштеляна Суходольскаго? Секретарь сеймовый прочелъ оба проекта. Маршалъ хочетъ пустить ихъ на голоса: но его прерываютъ многіе послы, требуя слова, между прочимъ Краснодембскій и Цемневскій. Ихъ поддерживаетъ вся оппозиція; а другая часть палаты требуетъ немедленнаго рѣшенія. Послѣ многихъ споровъ маршалъ даетъ голосъ Краснодембскому.

Ораторъ поблагодарилъ товарищей, помогшихъ ему добиться слова, и затѣмъ началъ свою рѣчь. „Наияснѣйшій король, панъ мой милостивый, сказалъ онъ, и пресвѣтлыя сословія Рѣчи Посполитой сконфедерованной! Хотя право войны не есть право справедливости, однако вслѣдствіе обычая, съ незапамятныхъ временъ господствующаго въ испорченномъ мірѣ, оно украсило себя ея подобіемъ, и съ тѣхъ поръ побѣдитель по своей волѣ распоряжается имуществомъ отнятымъ у побѣжденнаго. Но если, по привычкѣ пользоваться чужимъ добромъ, безъ объявленія даже войны, а просто чувствуя себя сильнѣе другихъ, ограбятъ на большой дорогѣ мирнаго путника, то я еще не слыхалъ о такомъ правѣ, на основаніи котораго онъ утратилъ бы способность жаловаться и домогаться предъ судомъ возвращенія своей собственности.“ Съ такимъ-то разбоемъ на большой дорогѣ ораторъ сравниваетъ занятіе польскихъ провинцій иностранными войсками. Онъ протестуетъ противъ ратификаціи какого бы то ни было забору (подразумѣвая, конечно, состоявшійся уже трактатъ съ Россіей) и противъ всякихъ полномочій основанныхъ на вторженіи иностранныхъ войскъ. Пусть наложатъ на него оковы, возьмутъ его имѣніе, самую жизнь, ничто не заставитъ его отступить отъ этой протестаціи.

Затѣмъ въ томъ же смыслѣ и съ такимъ же жаромъ говорилъ Цемневскій. Онъ думаетъ что нѣтъ другой надежды на спасеніе республики какъ подождать пока императоръ, освободясь отъ войны съ Франціей, получитъ возможность употребить свое могущественное посредничество въ дѣлѣ Польши. Потому онъ въ сильныхъ выраженіяхъ нападаетъ на короля Станислава и обвиняетъ его царствованіе во всѣхъ бѣдствіяхъ Польши. „Вся исторія этого несчастнаго царствованія записана въ

черную книгу. Остается только одинъ бѣлый листъ; онъ находится въ твоихъ рукахъ,“ восклицаетъ неукротимый ораторъ, обращаясь къ королю. „Пусть по крайней мѣрѣ на немъ запишутъ что ты не согласился на уступку нашихъ провинцій! Мы возвели тебя на этотъ высокій постъ и поддержали тебя на немъ. Мы въ изобиліи доставляли тебѣ все нужное, платили твои долги, возвысили твоихъ ближнихъ на первыя мѣста и осылали ихъ благодареніями республики. Кажется, мы имѣемъ право ожидать другаго выраженія признательности, а не того чтобы видѣть тебя постыдно подписывающимъ разореніе и позоръ націи.“* Въ заключеніе Цемневскіи, подобно Краснодембскому, отвергаетъ всякіе переговоры съ Пруссіей и поддерживаетъ проектъ Млодзяновскаго.

Дзѣвонскіи, надворный литовскіи подскарбій, и Анквичъ слѣдуютъ сказать нѣсколько словъ въ защиту короля, приписывая несчастія Польши не ему, а упрямству и раздору самихъ обывателей. Но имъ удается только отчасти изгладить впечатлѣніе произведенное рѣчью Цемневскаго.

Затѣмъ маршалъ ставитъ ad tingitum вопросъ о томъ, какой проектъ принимаетъ палата, Влодека или Млодзяновскаго? За первый оказалось 63 голоса, за второй 26. Такимъ образомъ рѣшено чтобы депутация продолжала переговоры съ прусскимъ посланникомъ и обмѣнялась съ нимъ полномочіями.

Въ концѣ засѣданія король счелъ нужнымъ оправдаться во всѣхъ обращенныхъ къ нему упрекахъ и произнесъ длинную рѣчь, мѣстами не лишнюю отгѣнка искренности и правды. Онъ сдѣлалъ историческій обзоръ всѣхъ событій своего царствованія, начиная отъ времени Семилѣтней войны. Въ несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, въ недостаткахъ правительства, въ поведеніи сеймовъ и интригахъ партій онъ указалъ источникъ всѣхъ золъ, которымъ не могли воспрелятствовать его извѣстная рѣшимость и его девизъ: „король съ народомъ и народъ съ королемъ“. Дошедши до эпохи Тарговицкой конфедерации, то-есть до своей измѣны 3му мая и вообще дѣлу патріотовъ, Станиславъ Августъ продолжаетъ оправдывать свое поведеніе слѣдующими словами:

„Я спрашиваю еще разъ, въ душѣ короля какое рѣшеніе должно было одержать верхъ: жажда славы и обманчивый ея призракъ чтобы продолжать войну, слѣдствіемъ которой

* Делегата Сиверса отъ 4го (15го) августа.

было бы взятіе столицы и потеря всей страны, или онъ долженъ былъ предпочесть сохраненіе отечества? Кто слышалъ меня тогда и кто подписалъ актъ генеральной конфедераціи, тотъ не можетъ упрекать меня за то что я положился на данныя мнѣ увѣренія и, ради цѣлости государства, принесъ жертву, лично для меня самую чувствительную. Съ той минуты какъ я приступилъ къ Тарговицѣ, у меня была отнята всякая дѣятельность и всякая власть. Очень хорошо всѣмъ извѣстно какъ другая власть, которая мнѣ наслѣдовала, распорядилась нашимъ войскомъ, и какъ потомъ она воспрепятствовала всякому на этотъ счетъ улучшенію.

„Когда эта власть потребовала чтобъ я созвалъ настоящій сеймъ, что сдѣлалъ я такое къ чему бы не былъ обязанъ какъ глава націи, которая еще имѣла титулъ свободной и независимой? Я сказалъ этому сконфедерованному сейму: „Какъ представитель нашего справедливаго дѣла, буду защищать его до тѣхъ поръ пока вы сами за него стоите.“ И я исполнилъ свое слово. Насилія, употребляемыя противъ насъ, постепенно возрасли до того что наконецъ намъ сказали: „Или сегодня подпишите, или завтра вы будете имѣть войну.“ И какую войну? Не ту которая началась бы у нашихъ границъ, но посреди нашей земли, занятой 180.000 иноземцевъ; изъ нихъ одинъ корпусъ, расположенный въ четырехъ лагеряхъ, окружаетъ самое мѣсто нашихъ совѣщаній, а другой занимаетъ нашу столицу. И что остается намъ противъ нихъ? Около 30.000 человекъ, безъ артиллеріи, безъ запасовъ и безъ денегъ, маленькими кучками разсыянныхъ по всему пространству республики и окруженныхъ шестеро сильнѣйшими войсками, которыхъ кормить наша несчастная страна, не получившая до сихъ поръ и десятой доли вознагражденія.

„Все это уже было вамъ указано. Вы признали полную необходимость уступить; рѣшило ваше большинство. Итакъ гдѣ же моя вина? Сегодня вы также рѣшили большинствомъ то что считаете наиболее удобнымъ: развѣ мнѣ позволительно теперь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, выступать противъ вашего рѣшенія? Пусть это послужитъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ кто еще сегодня возбуждалъ меня къ сопротивленію. Еслибы достаточно было однихъ словъ чтобъ отвѣчать на дѣйствія иноземныхъ войскъ, то конечно мы бы не покусились на нихъ.“ Въ заключеніе король поблагодарилъ Дзѣконскаго и Анквича за ихъ стараніе доказать его невинность

Послѣ этого засѣданія Сиверсъ написалъ длинное письмо русскому уполномоченному въ Берлинѣ, Алопеусу: послѣдній уведомилъ его о явномъ неудовольствіи Берлинскаго двора на то что договоръ Польши съ Пруссіей не былъ подписанъ въ одно время съ русскимъ договоромъ. Сиверсъ старается объяснить свое поведеніе и показать всю трудность задачи. „Если вы прочтете бюллетени всего сейма“, писалъ онъ Алопеусу, „то увидите сколько усилий стоило мнѣ привести умы къ заключенію моего трактата. Еслибъ я не получилъ отъ моего двора приказаніе договариваться отдѣльно, то не заключилъ бы его и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе они продержали меня пять недѣль.“ „Мнѣ не оставалось ничего другаго какъ обѣщать горы и чудеса и подмѣшивать угрозы къ самой обширной системѣ подкупа.“ „Никакія объясненія и заявленія не заставили бы ихъ дозволить обмѣнъ полномочій и продолженіе конференцій, еслибы не мои ноты. Большинство подававшихъ голоса объявило что оно уступаетъ только изъ повиновенія Россіи. Поставьте себя на мое мѣсто. Секвестровавъ доходы короля, назначивъ военную экзекуцію въ имѣнія Валевскаго, Ржевускаго, Тышкевича и другихъ; остановивъ проходъ судовъ, уплату за сѣсныя припасы и за фуражъ, что мнѣ оставалось другаго дѣлать какъ не предписать прямыя непріятельскія дѣйствія? Но король, съ его 30.000.000 долга, оба гетмана, обѣ арміи и большинство сеймовыхъ пословъ, также обремененныхъ долгами, желаютъ этихъ непріятельскихъ дѣйствій. Что могли бы мы выиграть въ силѣ трактата, наступивъ на нихъ съ оружіемъ? Мнѣ кажется, лучше повременить и придти къ той же цѣли нѣсколькими недѣлями позже, хотя не безъ насилія, за то безъ пролитія невинной крови, не рискуя отчаяніемъ націи и вмѣшательствомъ завистливой Австріи, а также враждою Турціи и Швеціи, подстрекаемыхъ Французами.“

„Относительно границы на Ченстоховѣ, чрезъ Раву и Сольдау, Пруссаки отступили отъ прямой линіи, которая подразумѣвалась (въ конвенціи съ Россіей), и взяли лишнихъ отъ 70 до 80 квадратныхъ льѣ въ странѣ очень обработанной. Полякамъ это тѣмъ чувствительнѣе что граница близко подходитъ къ Варшавѣ, и я былъ уполномоченъ объявить что демаркаціонная коммиссія имѣла приказъ вести границу извилинами по назначенной линіи, не разрѣзывая малыхъ владѣній и вознаграждая каждую сторону въ другихъ мѣстахъ

А прусскій проектъ договора требуетъ всего что занято и двухъ цѣлыхъ воеводствъ Равскаго и Плоцкаго, тогда какъ линия дѣлитъ ихъ на двое.“

„Статья о религиѣ также представляетъ нѣкоторыя затрудненія.“ „Я предвижу что они (Поляки) будутъ оспаривать каждый пунктъ шагъ за шагомъ. Боюсь что мнѣ придется вмѣшиваться очень часто для отстраненія затрудненій. Необходимо чтобы посредствомъ торговаго трактата Поляки убѣдились что съ ними хотять договариваться на равной ногѣ. Гуманность и мудрость этого требуютъ.“ „Уменьшеніе голландскаго долга короля на одну треть или на одну четверть привлекло бы его на сторону (прусскихъ требованій).“

Всѣ эти объясненія обращены были къ Алопеусу конечно съ тѣмъ чтобъ онъ показалъ ихъ прусскому министерству. Сиверсъ предварительно прочелъ свое письмо Бухгольцу, и говорить что послѣдній, повидимому, остался имъ доволенъ. То что русскій посланникъ писалъ о своихъ затрудненіяхъ было справедливо; но онъ умалчиваетъ о главномъ, то-есть о неудовольствіи Пруссаковъ на его недостаточно усердную поддержку ихъ требованій и о своихъ отношеніяхъ къ большинству сейма. Впрочемъ его замѣчаніе объ излишнемъ захватѣ Пруссаками земель противъ условленной линіи ясно намекало имъ на главную причину его сдержанности. Кромѣ разногласія между союзниками по данному пункту, на это недостаточное усердіе въ поддержкѣ прусскихъ требованій вліяло и другое обстоятельство: императрица считала нужнымъ показать Пруссакамъ что сами-по-себѣ, безъ помощи Россіи, они не могутъ ничего добиться отъ Польши.

Еще письмо Сиверса не успѣло достигнуть своего назначенія, какъ Бухгольцъ сообщилъ ему вновь полученныя отъ своего двора дѣлети, въ которыхъ тономъ болѣе сильнымъ чѣмъ прежде высказывалось неудовольствіе на замедленіе переговоровъ. Прусское правительство даже назначило срокъ для подписи трактата, именно 20е (9е) августа; въ противномъ случаѣ грозило начать непріятельскія дѣйствія. Сиверсъ замѣтилъ Бухгольцу что этотъ срокъ невозможенъ, и просилъ подождать пока получится отвѣтъ на его письмо къ Алопеусу. „Положеніе мое, замѣчаетъ онъ въ своемъ донесеніи вице-канцлеру, весьма непріятно. Вѣнскій уполномоченный молчитъ, шведскій злобно радуется, англійскій ухѣхалъ на двѣ недѣли въ Варшаву.“

Между тѣмъ движеніе на сеймѣ, произведенное сильными выходками Цемневскаго противъ короля, не ограничилось 30мъ іюля; оно наполнило собою и бѣольшую часть слѣдующаго засѣданія 1го (12го) августа. Многіе послы слѣшать засвидѣтельствовать свою преданность королю и принимаютъ на себя его защиту. Очевидно, въ промежутокъ между этими двумя засѣданіями королевская партія условилась употребить всѣ усилія чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе рѣчи Цемневскаго. Особеннымъ усердіемъ въ апологіи Станислава Августа отличились Подгорскій, посоль отъ Волыни—одинъ изъ королевскихъ шамбеляновъ, и Шидловскій, посоль подляскій.* Они напоминаютъ его благодѣянія странѣ, особенно указываютъ на его заслуги народному образованію и на его покровительство искусствамъ. „Это ужъ обычное свойство Поляковъ, замѣтилъ Подгорскій, огорчать своихъ королей при ихъ жизни и потомъ покрывать цвѣтами ихъ могилу.“ Цемневскій дѣлаетъ попытку оправдать неумѣренность своихъ выраженій, но не можетъ удержаться отъ слѣдующихъ словъ обращенныхъ къ королю: „Вы видите, государь, что если вамъ придется услышать отъ кого-нибудь голосъ правды, тотчасъ поднимаются другіе которые стараются заглушить его голосомъ лести.“

Тотъ же Цемневскій предложилъ на этомъ засѣданіи, въ видахъ сокращенія расходовъ, отмѣнить уплату пенсій тѣмъ военнымъ сановникамъ которые пребываютъ въ чужихъ земляхъ и не думаютъ нисколько объ исполненіи своихъ обязанностей. Такой проектъ подаетъ Гославскому, послу сандомирскому, поводъ распространиться вообще о вельможахъ которые, преслѣдуя свои личные интересы, навели на страну иностранную войска, а сами теперь спокойно проживаютъ за границей, покинувъ отечество посреди смуть и бѣдствій. Проектъ принять *ad deliberandum*.

Въ заключеніе засѣданія Суфчинскій, посоль холмскій, снова восхваляетъ дѣянія короля и, чрезъ посредство сеймоваго маршала, проситъ допустить собраніе къ цѣлованію руки его величества. Король отвѣчаетъ что „нѣжный отецъ прижимаетъ къ

* Этого Шидловскаго, старосту Мѣльницкаго, не должно смѣшивать съ двумя другими Шидловскими, цѣхановскими и особенно плодкимъ — извѣстнымъ ораторомъ сеймовой оппозиціи и также однимъ изъ королевскихъ шамбеляновъ:

сердцу своихъ дѣтей, особенно тѣхъ которые привыкли оказывать ему любовь и почтеніе вмѣстѣ съ признательностію.“
Происходитъ церемоніальное лобзаніе королевской руки.

IX.

Ратификація русскаго договора.—Конференціи съ прусскимъ посланникомъ.—Сиверсъ посредникъ.—Празднества и общественная жизнь въ Гроднѣ.

Въ ночь на 2е (13е) августа въ Гродно прискакалъ изъ Петербурга курьеръ, который привезъ высочайшее подтвержденіе договора 11го (22го) іюля между Россіей и Польшей. Вмѣстѣ съ этимъ подтвержденіемъ была прислана для Сиверса Андреевская лента при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Сиверсъ немедленно препроводилъ къ канцлерамъ ноту съ извѣстіемъ о полученной имъ ратификаціи и съ изъясненіемъ надежды что со стороны короля и сословія въ скоромъ времени будетъ изготовлена такая же ратификація для обмена съ русскимъ посланникомъ. Когда эта нота была сообщена сейму, Анквичъ вслѣдъ за тѣмъ внесъ и самый проектъ ратификаціи. Нѣкоторые члены оппозиціи, чтобы замѣть рѣчь о не-пріятномъ предметѣ, послѣдшили обратить вниманіе палаты на другіе вопросы; напримѣръ, одинъ вноситъ проектъ о награжденіи бригадира Добровскаго за его услуги отечеству, другой подаетъ проектъ объ уменьшеніи податей. Но Шидловскій, посоль плоцкій, прямо нападаетъ на ратификацію и говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„И въ древности падали народы, истребляемые вражескимъ мечомъ; но въ самомъ паденіи своемъ они оставили намъ прекрасные примѣры для подражанія, относительно усердія, мужества и твердости при защитѣ своей земли. Мы же, привыкшіе къ подлости, уже въ другой разъ изъ одного только страха отдаемъ наши земли, съ обманчивою надеждою спасти остальное. Пресвѣтлыя сословія! придетъ, можетъ-быть, время скоро отдать и въ третій разъ. Ибо въ нашъ вѣкъ никто не можетъ полагаться на трактаты и союзы. Все можетъ быть потеряно; но пусть по крайней мѣрѣ честь останется при насъ. Пусть вся Европа услышитъ что Поляки, безсильные, утѣсенные, но не уstraшенные, не хотѣли подло уступить

своихъ соотечественниковъ чужому владычеству, хотя уже не могли сохранить ихъ. Я говорю въ томъ смыслѣ что никогда не признаю дѣло насилія; на теперешній проектъ не согласенъ, и противъ внесенія его протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ.

„Милая отчизна! услышь голосъ мой, съ которымъ уже не въ первый разъ стою предъ тобою; буду стоять и впредь, и посреди гибели Рѣчи Посполитой смѣло скажу: братья мои! я не могъ васъ уберечь отъ неволи, хоти всѣми силами старался удержать при цѣлости и вольности! Отвергнутый большинствомъ голосовъ, я при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ сдѣлать ничего добраго.“

Въ заключеніе своей рѣчи Шидловскій проситъ канцлеровъ сообщить собранію все что заключали въ себѣ послѣднія дѣла польскихъ повѣренныхъ при заграничныхъ дворахъ. Палата поддержала его просьбу, и канцлеры представили отчетъ о дѣлесахъ. Сущность ихъ была слѣдующая. Въ Вѣнѣ французскія дѣла поглощаютъ все вниманіе, и тамъ идетъ вопросъ о важной негоціаціи съ Пруссіей; въ Берлинѣ заняты приготовленіями къ энергическому веденію войны съ Французами; Англія уговариваетъ Данію послѣдовать ея мѣрамъ въ торговлѣ съ Франціей. Шведскій и датскій дворы ничего не сдѣлаютъ для Польши безъ совѣта съ заинтересованными державами; отъ Гаги также нечего ожидать безъ согласія съ ея союзницею Англіей; а послѣдняя занята только войною съ Франціей и стараніями усилить коалицію. *

Въ томъ же засѣданіи прочтены были отвѣтныя ноты Сиверса и Бухгольца относительно податей въ провинціяхъ занятыхъ союзными войсками. Тутъ снова обнаружилась ихъ разница въ тонѣ. Между тѣмъ какъ русскій посланникъ признавалъ справедливость желаній сейма и выразилъ увѣренность что императрица согласится на возвращеніе задержанныхъ ея войсками сборовъ, Бухголецъ отвѣчалъ что этотъ предметъ долженъ подвергнуться обсужденію въ числѣ другихъ пунктовъ трактата, и что его государь назначить потребную для того комиссію.

Это засѣданіе достаточно показало какой еще бури надлежало ожидать по поводу русской ратификаціи, хотя дѣло объ уступкѣ было уже рѣшено, и ратификація представляла простую

* Дѣлеса Сиверса отъ 4го (15го) августа.

дополнительную формальность. По предварительному условію русскаго посланника съ вождями большинства, предположено было чрезъ Анквича внести проектъ ратификаціи на сеймъ въ пятницу 5го (16го) августа, а на слѣдующій день произвести обмѣнъ. Но вопреки условію, проектъ былъ внесенъ не въ пятницу, а въ субботу, то-есть 6го (17го) августа. Засѣданіе этого дня представило удивительную картину смятенія и безпорядка.

Маршалъ сеймовый приглашаетъ прочесть предложеніе Анквича. Тогда встаютъ Карскій, Микорскій, Краснодембскій, Шидловскій и еще нѣсколько членовъ оппозиціи, и требуютъ слова. Маршалъ отказывается имъ въ томъ до прочтенія проекта, и повторяетъ приглашеніе. Но когда секретарь вышелъ впередъ и хотѣлъ начать чтеніе, мазовецкіе послы схватили его за руку чтобъ отвести назадъ. Тотчасъ подбѣжали Подгорскій и нѣсколько членовъ противной партіи, и схватили секретаря съ другой стороны чтобъ удержать его на мѣстѣ. Тѣснымъ и толкаемымъ въ противоположныя стороны, несчастный Езерковскій не могъ двинуться ни назадъ, ни впередъ. Эта неприличная сцена происходитъ посреди громкихъ криковъ, изъ-за которыхъ ничего не возможно слышать. Наконецъ, уловивъ минуту затишья, король обращается къ собранію съ выраженіемъ своего удивленія по поводу такого безпорядка. Маршалъ хотѣлъ воспользоваться этою минутою чтобъ опять попробовать чтеніе проекта. Но тщетно; въ лапѣ снова поднимается шумъ. Какой-то сильный голосъ прокричалъ что такой проектъ можетъ быть сочиненъ только измѣнникомъ, и кто предлагаетъ его читать также измѣнникъ. Услыхавъ это, Анквичъ становится подлѣ маршала и требуетъ для себя сеймоваго суда; но члены оппозиціи не отступаютъ предъ нимъ и требуютъ для себя того же суда. Наконецъ друзья отвели Анквича на его мѣсто; проектъ прочтенъ и на половину прослушанъ. За тѣмъ всѣ въ одно время потребовали опять слова. Маршалъ отказывается, говоря что всакій будетъ свободенъ мотивировать свое мнѣніе при подачѣ голосовъ. Недовольные члены оппозиціи обращаются къ великому маршалу литовскому и у него просятъ позволенія говорить. Тотъ жалуется на свое трудное положеніе: изъ четырехъ маршаловъ, ему одному пришлось нести обязанности этого званія при столь критическихъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ взываетъ къ миру и совѣтуетъ подчиниться необходимости

Король вновь начинаетъ увѣщывать собраніе и приглашаетъ окончить безполезныя пренія. Тѣмъ не менѣ оппозиція не умолкаетъ, и королю приходится выслушать много горькихъ укоризнъ.

Маршалъ сеймовый предлагаетъ на рѣшеніе слѣдующій вопросъ: принять проектъ ратификаціи ad turnum, или нѣтъ? Слѣдуютъ многочисленныя рѣчи сопровождающія подачу голосовъ. Между прочимъ Анквичъ говоритъ что напрасно его предложенію даютъ громкое названіе проекта, такъ какъ трактатъ съ Россіей уже подписанъ, а послѣднимъ пунктомъ этого трактата требуется ратификація; онъ только написалъ мнѣніе какими словами замести это рѣшеніе въ сборникъ сеймовыхъ постановленій. Онъ хотѣлъ чтобы ратификація послѣдовала со стороны сейма въ силу уже взятаго на себя обязательства, а не явилась въ видѣ проекта вновь поступающаго на разсмотрѣніе сословія и раскрывающаго еще свѣжую рану, причиненную насиліемъ. Если же его мнѣніе обратилось въ проектъ, то онъ, хотя и неохотно, соглашается на его turnum, то-есть голосованіе. Результатъ голосованія былъ положительный. Затѣмъ постановленъ вопросъ: принять проектъ ратификаціи, или отвергнуть его? Новыя пренія. Наконецъ ратификація утверждена большинствомъ 66 голосовъ противъ 21. Засѣданіе началось въ 5 часу пополудни, а когда оно окончилось, было уже 3 часа полночи. Отправляя въ Петербургъ бюлетень „этого замѣчательнаго дня“, Сиверсъ прибавляетъ: „Онъ служитъ доказательствомъ того сколько будетъ трудности совершить заключеніе трактата съ Пруссіей.“

Слѣдующій день былъ воскресенье, и Сиверсъ могъ только въ понедѣльникъ обмѣняться съ депутатами ратификаціей договора; причемъ онъ не забылъ потребовать чтобъ ему былъ врученъ такой экземпляръ въ которомъ русскій титулъ предшествуетъ польскому. При обмѣнѣ канцлеръ Сулковскій и епископъ Масальскій держали къ русскому посланнику рѣчь; они говорили что все счастье республики зависитъ отъ ея связей съ Россіей, и напоминали послу о надеждѣ поданной имъ на договоръ о союзѣ и торговлѣ. Сиверсъ отвѣчалъ что имѣетъ приказанія удовлетворить этому желанію, и что приготовляются потребныя для того инструкціи и полномочія.

Откланявшись депутатамъ, Сиверсъ, по желанію короля, перешелъ въ его кабинетъ, гдѣ нашелъ его блѣднымъ и разстроенымъ. Станиславъ объявилъ что онъ съ трудомъ держится на

ногахъ, и только разными спиртными запахами предохраняеть себя отъ обморока.

— Довольны ли вы? спросилъ онъ.—И будетъ ли довольна ея императорское величество?

— Да, отвѣчалъ Сиверсъ,—если ваше королевское величество и впредь будете исполнять ея требованія.

Король началъ жаловаться на ужасы которые наговорили ему въ субботнемъ засѣданіи и высказалъ ожиданіе еще большихъ непріятностей при договорѣ съ Пруссіей.

— И опять вы же заставите меня подписать его! воскликнулъ онъ.—Я былъ бы доволенъ жалованьемъ простаго русскаго солдата, еслибы могъ сласти эту часть Польши.

Онъ продолжалъ еще говорить „въ томъ же отчаянномъ тонѣ“. Потомъ перешелъ къ арміи, финансамъ, конституціи, къ полному слиянію обѣихъ частей Рѣчи Посполитой, то-есть короны и Литвы, убѣждалъ опять перенести сеймъ въ Варшаву. жаловался на свое безденежье, и просилъ оставить его доходы въ цѣлости хотя до Новаго Года. Относительно перенесенія сейма Сиверсъ отказалъ наотрѣвъ, а насчетъ доходовъ согласился, съ тѣмъ чтобы предварительныя мѣры для уплаты королевскихъ долговъ повемному начались съ сентября.

Но возвратимся къ прусскимъ переговорамъ.

1го (12го) августа происходила вторая конференція между Бухгольцемъ и депутаціей. * Князь-епископъ виленскій заявилъ прусскому послу что сеймъ удовлетворяется его отвѣтомъ, то-есть принимаетъ выраженія его полномочій за формальность не заключающую никакого обязательства; сословія разрѣшили ихъ обмѣнъ, въ надеждѣ что въ теченіи негоціаціи посоль получитъ отъ своего правительства другое полномочіе, болѣе согласное съ ихъ желаніями; а до того времени не можетъ состояться никакого рѣшительнаго постановленія, но только одни проекты.

Обмѣнявшись полномочіями, епископъ предлагаетъ слѣдующій вопросъ: считаетъ ли себя его прусское величество связаннымъ трактатами 1773 и 1790 годовъ? Такъ какъ тягостное для населенія пребываніе его войскъ въ земляхъ республики противорѣчитъ характеру установленныхъ тогда дружественныхъ отношеній, то сословія имѣютъ право ожидать

* Всѣ свѣдѣнія о конференціяхъ депутаціи какъ съ русскимъ посланникомъ, такъ и съ прусскимъ, почерпнуты нами исключительно изъ донесеній Сиверса.

что его величество выведетъ свои войска. На это наивное заявленіе Бухгольцъ отвѣчалъ тѣмъ же тономъ дипломатической комедіи: его величество весьма расположенъ выполнить условія предыдущихъ договоровъ во всемъ что не будетъ противорѣчить новому порядку вещей; онъ даже готовъ возобновить трактатъ 1790 года, хотя этотъ трактатъ почти отмененъ послѣдующими перемѣнами во внутреннемъ состояніи Польши и событіями грозившими спокойствію сосѣднихъ съ нею государствъ. Земля причинило много несчастій. Дѣло этого дня совершенно безъ согласія его величества; оно даже скрывалось до послѣдней минуты отъ прусскаго посланника Гольца. „Я знаю, прибавилъ Бухгольцъ, что обыкновенно ссылаются на письмо короля одобряющее эту перемѣну; но оно было результатомъ ложнаго свѣта въ которомъ представлено дѣло его величеству особою отправленной послѣдшнею въ Берлинъ на другой день революціи.“

Затѣмъ Бухгольцъ перешелъ къ чтенію проекта договора между Пруссіей и Польшею. Онъ начинался обычно уже въ то время ссылкой на смуты произведенныя революціей 3го мая, которыя и побудили ихъ величества, русское и прусское, сообща принять мѣры для безопасности своихъ государствъ. Проектъ состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) о взаимной и вѣчной дружбѣ. 2) *Основаніемъ для этой дружбы послужитъ уступка провинцій занятыхъ прусскими войсками, по чертѣ отъ Ченстохова на Раву и Сольдау, и кромѣ того городовъ Дамцига и Торна съ ихъ округами.* 3) *Послѣ этой уступки прусское величество за себя и своихъ преемниковъ отказывается отъ всякихъ притязаній на тѣ земли которыя составляютъ теперь владѣнія республики и гарантируетъ ей эти владѣнія.* 4) *Польская республика съ своей стороны гарантируетъ владѣнія Пруссіи.* 5) *Католики въ уступленныхъ провинціяхъ будутъ пользоваться всѣми своими правами и свободой религіи.* 6) *Прусскій король обязуется поддерживать въ Польшѣ внутренній порядокъ и спокойствіе.* Далѣе слѣдуютъ три пункта о формальностяхъ договора.

Епископъ Масальскій, продолжая играть дипломатическую комедію, выразилъ прусскому послу удивленіе что, послѣ всѣхъ увѣреній въ дружескомъ расположеніи, въ проектѣ договора на первомъ планѣ стоитъ уступка провинцій. Онъ просилъ для депутаціи времени подумать о сообщенныхъ предложеніяхъ. На томъ и окончилась вторая конференція.

Черезъ два дня соблазились олять. Но депутація объявила что ея отвѣтъ на предложенный договоръ еще не готовъ, и просила отложить его до слѣдующаго засѣданія. Выведенный изъ терпѣнія этими отсрочками, Бухгольцъ поѣхалъ тотчасъ къ Сиверсу и настоятельно убѣждалъ его принять участіе въ конференціяхъ. Сиверсъ обѣщаль, если будетъ приглашенъ къ тому сеймомъ и депутаціей. Въ этомъ приглашеніи оны, конечно, не сомнѣвался. Вѣроятно и проволочки со стороны депутаціи происходили не безъ задней мысли вынудить Бухгольца чтобъ оны самъ хлопоталь объ участіи Сиверса въ переговорахъ.

Дѣйствительно, на засѣданіи 3го (14го) августа, епископъ Скаржевскій, отъ имени депутаціи, внесъ въ палату предложеніе просить російскаго посланника чтобъ оны присутствовалъ на конференціяхъ и былъ посредникомъ въ переговорахъ съ прусскимъ министромъ. Со стороны сейма это предложеніе конечно не могло встрѣтить прелятствій, потому что большинство надѣялось найти въ русскомъ посланникѣ опору противъ прусскихъ притязаній. Но нѣкоторые члены оппозиціи воспротивились немедленному утвержденію проекта. Краснодембскій объявилъ что беретъ его *ad deliberandum*. А Гродзицкій замѣтилъ что посредничество Сиверса не принесеть никакой пользы республикѣ, такъ какъ между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами существуетъ соглашеніе относительно Польши. Король совѣтуетъ принять проектъ Скаржевскаго, тѣмъ болѣе что извѣстно дружественное расположеніе русскаго посланника къ польской націи. Маршалъ хотѣлъ перейти къ вотированію; но по закону оно не могло быть допущено безъ предварительнаго обсужденія, если былъ хотя одинъ голосъ который этого потребоваль или, какъ тогда выражалось, взялъ проектъ *ad deliberandum*. Король попытался склонить Краснодембскаго чтобъ оны отказался отъ своей оппозиціи, но тотъ отвѣчалъ что не имѣеть обыкновенія измѣнять разъ принятое имъ рѣшеніе. На слѣдующемъ засѣданіи, 5го (16го) августа, продолжаются пренія о проектѣ Скаржевскаго. Краснодембскій развиваетъ ту же мысль [которую высказаль Гродзицкій, то-есть о безлозности русскаго посредничества; обращаться къ нему значитъ признавать за Россіей право диктовать законы Польшѣ какъ своей провинціи, и внимательство это только ускорить заключеніе договора съ

Пруссіей. Тѣмъ не менѣе, когда вопросъ перешелъ ad turnum, проектъ принять почти единогласно.

Начиная съ понедѣльника 8го (19го) августа, открылся рядъ дѣятельныхъ конференцій съ участіемъ Сиверса, и конференціи эти продолжались каждый день до 13го (24го) числа включительно. Ободренная присутствіемъ русскаго посла, депутація рѣшилась вступить въ переговоры объ уступкѣ провинцій, хотя въ ея полномочіяхъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Но за то она усердно оспаривала каждый пунктъ прусскаго проекта. Самыя горячія пренія завязались по поводу пограничной линіи. Сиверсъ представилъ для нея свою карту, составленную на основаніи Петербургской конвенціи. Послѣ многихъ споровъ, Бухгольцъ согласился отодвинуть нѣсколько назадъ прусскій кордонъ. Затѣмъ перешли къ вопросу о духовныхъ имѣніяхъ: депутація требовала чтобъ имѣнія эти попрежнему были свободны отъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтской власти. Не мало затрудненій представили епархіи польскаго примаса и познанскаго епископа, которыя отчасти переходили въ Пруссію, отчасти оставались за Польшей. Сиверсъ предложилъ учредить новую епископію, Варшавскую, и къ ней приписать оставшіяся части этихъ епархій. Далѣе, духовные члены депутаціи (Масальскій, Скаржевскій и Коссаковскій) предъявили требованіе чтобы знаменитый Ченстоховскій образъ Богородицы, какъ національная святыня, былъ оставленъ въ Польшѣ, и конечно вмѣстѣ съ его сокровищами. А Бухгольцъ возражалъ что образъ принадлежитъ той церкви въ которой онъ находится, что Поляки переходящіе къ Пруссіи тоже католики и также дорожатъ сохраненіемъ этой святыни, и что религія католическая хотя не сдѣлается въ Пруссіи господствующею, однако будетъ пользоваться полною свободой. Потомъ слѣдовали пренія о торговлѣ и пограничныхъ пошлинахъ. Наконецъ депутація обратилась къ Сиверсу съ представленіемъ чтобъ онъ довелъ до свѣдѣнія императрицы просьбу Поляковъ о ея медиации и гарантіи въ точномъ исполненіи прусскаго договора.

Понятно какъ щекотливо было положеніе русскаго посланника между двумя спорившими сторонами. Изъ Петербурга онъ постоянно получаетъ подтвержденія дѣйствовать мягко, осторожно, не прибѣгать къ насиліямъ и поддерживать Поляковъ въ вопросахъ о пограничной линіи и о выгодномъ торговомъ трактатѣ. Пользуясь его поддержкой, депутація

продолжала свою неуступчивость въ отношеніи прусскихъ требованій. А Бухгольцъ выходилъ изъ себя и настаивалъ на немедленномъ принятіи предложеннаго имъ трактата. Онъ нѣсколько разъ грозилъ прервать переговоры, и Сиверсъ улоупотреблялъ не мало усилій чтобъ удержать его отъ всякаго крайняго рѣшенія и вынудить разныя уступки или смягченія въ его проектѣ. Въ то же время онъ долженъ былъ вступить въ дѣтельную переписку съ прусскимъ главнокомандующимъ Мёллендорфомъ, который показывалъ видъ что намѣренъ перейти за свой кордонъ и занять воеводства Краковское и Сандомирское. Сиверсъ убѣждаетъ его подождать, а Мёллендорфъ объявляетъ что 27го августа (нов. ст.) онъ переступитъ границу, если до того времени договоръ не будетъ подписанъ. „Мнѣ дана задача развязать Гордіевъ узелъ не прибѣгая къ мечу“, замѣтилъ Яковъ Еюимовичъ въ письмѣ къ Зубову.

Нестерпиміе Пруссіи и ея неудовольствіе на задержки въ Польшѣ въ это время особенно усилились вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій изъ Вѣны. Дѣло въ томъ что Австрія уже начала терять надежду относительно своего вознагражденія на западѣ: Англія воспротивилась присоединенію къ ней Баваріи, а пріобрѣтенія со стороны Франціи становились все болѣе и болѣе сомнительными. Вслѣдствіе того вѣнскіе дипломаты стали поговаривать что ихъ правительство будетъ искать вознагражденія „въ полномъ раздѣлѣ Польши“. Но такого исхода не желали ни Россія, ни Пруссія.

Вотъ чтò пишетъ Бухгольцъ къ генералу Мёллендорфу отъ 22го августа (н. ст.): * „У меня ежедневныя конференціи съ делегацией. На нихъ, по желанію сейма, присутствуетъ русскій посланникъ; но онъ не обнаруживаетъ той энергіи какую показалъ при заключеніи своего трактата. При его содѣйствіи у насъ оспариваютъ много земли въ Равскомъ воеводствѣ, и это, кажется, идетъ изъ Петербурга, гдѣ хотятъ отодвинуть насъ отъ Варшавы. Мы всегда думали что Вѣнскій дворъ будетъ намъ содѣйствовать; а онъ не только измѣняетъ намъ, но посредствомъ своихъ креатуръ открыто противъ насъ работаетъ. Еслибъ я не подвигался впередъ осторожно, то рисковалъ бы прервать переговоры, и тогда враги наши могли выиграть дѣло. А еслибы вздумалъ договариваться одинъ (безъ русскаго товарища), тогда они смѣялись бы надъ моими угрозами, ибо какаѧ нужда Литовцамъ до того

что происходитъ въ великой Польшѣ и въ Краковскомъ воеводствѣ?

„На наши переговоры надобно смотрѣть съ другой точки зрѣнія чѣмъ на русскіе, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Польша уже привыкла находиться подъ русскимъ вліяніемъ; 2) она вела войну съ Россіей, 3) а съ нами только думаетъ воевать, и наконецъ 4) Поляки ненавидятъ Нѣмцевъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ мое положеніе очень труднымъ. Притомъ Россія имѣетъ свои войска по всей Польшѣ, а мы нѣтъ“.

Еще сильнѣе раздаются жалобы Бухгольца, въ письмѣ отъ 25го августа: „Россія пользуется запутаннымъ положеніемъ въ которомъ находится нашъ дворъ и заставляетъ насъ дорогою цѣной купить трактатъ объ уступкѣ, а сама желаетъ при этомъ разыграть законодательную власть. Это высказывается въ поведеніи русскаго посланника. Поляки не хотятъ имѣть съ Пруссіей никакого дѣла и прячутся за Россію. Господинъ баронъ фонъ-Сиверсъ позволилъ себѣ увлечься ихъ внушеніями или желаніемъ польстить своей государынѣ. О вступленіи нашихъ войскъ въ Краковское воеводство посланникъ не хочетъ и слышать, и сказалъ что не имѣетъ разрѣшенія допустить войну съ Поляками. Онъ начинаетъ показывать чрезвычайное къ нимъ пристрастіе; обѣщаетъ принудить ихъ къ подписи трактата, но почти все другое отъ себя отклоняетъ. А трактатъ онъ ни за что не хотѣлъ принять въ томъ видѣ въ какомъ я получилъ его отъ моего двора, и требуетъ отъ меня всѣхъ возможныхъ уступокъ, которыя я и сдѣлалъ въ большей части пунктовъ, хотя не безъ возраженій и объясненій. Однимъ словомъ, чтобы не разстроить всего дѣла, я долженъ былъ согласиться на трактатъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ приложенъ къ этой делешѣ. Теперь онъ будетъ представлять сейму, такъ какъ съ конференціями мы покончили. Положеніе мое поистинѣ отчаянное. Затянуть переговоры еще долѣе чрезвычайно опасно; господинъ посланникъ отъ роли моего сотоварища перешелъ къ роли посредника.“ Слустя нѣсколько дней Бухголецъ замѣчаетъ: „Въ Варшавѣ и до времени заключенія трактата съ Россіей я имѣлъ всѣ поводы быть весьма довольну поведеніемъ господина фонъ-Сиверса; но вотъ уже пять или шесть недѣль какъ онъ совсѣмъ перемѣнился.“

Между тѣмъ какъ въ Гроднѣ совершался такимъ образомъ приговоръ исторіи надъ Рѣчью Посполитой, собравшееся здѣсь жмьское общество нисколько не думало измѣнять своимъ

привычкамъ повеселиться и полпировать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Пиръ и праздники эти, разумѣется, главнымъ образомъ сосредоточивались вокругъ русскаго посланника. 14го (25го) юля пришлись его именины, и представители Рвчи Посполитой съ жаромъ схватились за этотъ случай.

„Вчера, пишетъ Сиверсъ младшей дочери, праздновали день моихъ именинъ. Поздравленія сыпались съ какимъ-то неистовствомъ! Мнѣ присылали корзины и горшки съ цвѣтами, букеты и даже италіянскіе стихи. Князь-епископъ Виленскій далъ большой обѣдъ на 50 приборовъ, а госпожа каштелянша графиня Ожаровская устроила большое вечернее собраніе и ужинъ; въ послѣднемъ я не принималъ участія, опасаясь что вамъ это не понравится.“

Король со своимъ секретаремъ прислалъ имениннику подарки для его дочерей, именно браслетъ и ожерелье. Послѣдній не только отказался ихъ принять, но не захотѣлъ и видѣть. Секретарь со слезами на глазахъ увѣрялъ что король прикажетъ ему отослать вещи по ихъ назначенію съ первымъ курьеромъ. Сиверсъ строго замѣтилъ, что если онъ осмѣлится это сдѣлать, то пусть нога его никогда не переступитъ за порогъ посольскаго дома. „Не огорчайтесь, мои милыя дѣти, прибавляетъ Сиверсъ, извѣщая дочерей о своемъ отказѣ; пусть вознаградится это съ другой стороны, только не со стороны бѣднаго короля, которому я въ тотъ же день велѣлъ возвратитъ на 25.000 дукатовъ драгоценныхъ камней, принесенныхъ имъ въ даръ государству.“

Празднества въ честь Якова Еоимовича не ограничились однимъ днемъ; они продолжались цѣлую недѣлю, въ видѣ обѣдовъ, раутовъ, ужиновъ, фейерверковъ и иллюминацій; а поздравительныя письма лились неудержимымъ потокомъ. Сиверсъ наконецъ началъ подозрѣвать что всѣ эти празднества имѣютъ заднею мыслию обольстить его и убаюкать заявленіями преданности, чтобы сдѣлать изъ него полонофила и возбудить къ дѣятельному заступничеству противъ прусскихъ притязаній. „Все показываетъ, пишетъ онъ дочери, что меня не знаютъ, или что-нибудь худшее (то-есть хотять подкупить). Это очень плохой народъ, мнѣ не улучшить его, и я готовъ отказаться отъ такой задачи.“ И нѣсколько времени спустя: „Въ этой несчастной странѣ нѣтъ никакой добродѣтели, или ея очень мало. Можетъ-быть она скрывается въ крестьянскихъ

жилиахъ; но она далека отъ чертоговъ короля, отъ сейма, отъ общества вельможъ и фигурантовъ. Меня безпрестанно обманываютъ, я безпрерывно сержусь, и все понапрасну! А король,—это настоящее бѣдствіе для несчастной Польши, несмотря на всю его любезность.“

Именинные праздники заключились 21го іюля (1го августа), и заключились съ большимъ блескомъ. Въ этотъ день былъ у вундія парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали многія дамы; лица не только здоровье Якова Бѣимовича, но и здоровье его дочерей. Послѣ обѣда посланника ожидалъ пріятный сюрпризъ. Баронесса Гейкингъ, жена депутата отъ курляндскаго рыцарства, и графиня Камелли, обладавшая лѣвнѣйшимъ голосомъ, устроили для него спектакль за городомъ въ лавильонѣ. Вотъ какъ разказываетъ о немъ самъ Сиверсъ своей дочери: „Сначала давали небольшую французскую піесу подъ заглавіемъ *Le proverbe*, а потомъ еще одну маленькую, сочиненную барономъ Гейкингъ. Я пришла ея вамъ съ первымъ курьеромъ. Стихи и музыка вѣрно вамъ понравятся; стихи прославляютъ вашего палла и поощряютъ его къ добру; но вы знаете что я не люблю похвалъ. При этомъ раздавались аллодисменты полутораста зрителей. Ничего не говорю о музыкѣ, которая сверхъ того сопровождалась лѣвнѣемъ Камелли. Это были мои любимыя мелодіи; а ея братъ Мартини представлялъ комическаго капельмейстера. Графъ Морелли спѣлъ прекрасную піесню съ аккомпаниментомъ гитары; онъ игралъ аббата Дусѣ. Наконецъ молодая и весьма красивая баронесса Гейкингъ, племянница барона, очень хорошо сыграла *Maguégie*, хотя въ началѣ конфузилась.“

Послѣ обѣда общество перешло въ ботаническій садъ (разведенный извѣстнымъ литовскимъ подскарбіемъ Тизенгаузомъ при медико-хирургической академіи). Здѣсь приготовлены были разныя увеселенія маршаломъ конфедераціи Пулавскимъ, и тутъ собралась многочисленная публика, такъ какъ приглашены были всѣ сеймовые послы, русскіе и польскіе офицеры. Каштелянша Ожаровская собственноручно зажгла великолѣпный фейерверкъ, стоившій, по словамъ Сиверса, до 800 дукатовъ. При концѣ фейерверка вспыхнули буквы J. S., то-есть вензель русскаго посланника. Потомъ зажгли блестящую иллюминацію, и на самомъ видномъ мѣстѣ ея загорѣлся тотъ же вензель. Между тѣмъ публику пригласили къ ужину, который былъ приготовленъ въ смежномъ палатцѣ (постройки

того же Тизенгауза) и въ нарочно устроенныхъ бесѣдкахъ.* Послѣ ужина заиграли польскій, и посланникъ съ каштеляншей Ожаровской открылъ балъ. Но сберегая свои силы, онъ уѣхалъ около 11 часовъ, а балъ и иллюминація продолжались цѣлую ночь.

На слѣдующій день новое празднество. Такъ какъ это были именины супруги наследника русскаго престола Маріи Теодоровны, то Сиверсъ давалъ большой обѣдъ на 60 особъ.

Спустя нѣсколько дней тотъ же Пулавскій устроилъ у себя новое пиршество въ честь графа Николая Зубова (младшій братъ Платона), который остановился въ Гроднѣ проездомъ изъ Петербурга въ Варшаву. Зубовъ разказалъ посланнику какъ за нѣсколько часовъ до его отъѣзда изъ столицы туда прибылъ курьеръ изъ Гродна и представилъ только что заключенный трактатъ, и какъ императрица осталась очень довольна трактатомъ.**

Лестъ и заискиванія польскаго общества не оставались однако безъ нѣкотораго вліянія на нашего посланника, несмотря на всю его увѣренность въ своей провицательности и неподкупности. Жалобы на нравственную испорченность Поляковъ не мѣшаютъ ему иногда предаваться мечтамъ о возможности облагодѣтельствовать и осчастливить эту несчастную націю. Онъ все болѣе и болѣе начинаетъ принимать въ ней сердечное

* Когенер. 1336. Въ настоящее время дворецъ Тизенгауза, невысокое каменное зданіе расположенное покоемъ, занято губернаторскимъ помѣщеніемъ; бывшій ботаническій садъ, теперь лубличный, извѣстенъ также подъ именемъ губернаторскаго. Эта часть города называется *Городничцею*; она лежитъ на правой сторонѣ рѣчки Городничанки, впадающей въ Нѣманъ между двумя крутыми холмами. На лѣвомъ холмѣ видѣются остатки древняго королевскаго замка, а на правомъ — уцѣлѣвшая часть Коложской церкви, когда-то изящный памятникъ древне-русскаго зодчества.

** Курьеръ этотъ, какъ мы знаемъ, былъ племянникъ Сиверса баронъ Гильденгофъ; онъ получилъ въ награду чинъ поручика артиллеріи. „Это выигрышъ пятнадцати лѣтъ службы! говоритъ Яковъ Есимовичъ въ письмѣ къ дочери. Благодареніе Богу! Еслибы сестра моя (мать Гильденгофа) была жива, она бы порадовалась вмѣстѣ со мною.“ Вообще Сиверсъ на своемъ высокомъ посту не упустилъ случая благодѣтельствовать и выдвигать впередъ родственниковъ и земляковъ, которыхъ онъ не малое число имѣлъ въ своей свитѣ. Съ общенною ратификаціей договора курьеромъ въ Петербургъ былъ отправленъ молодой баронъ Кампенгаузенъ.

участіе. Такъ, извѣщая дочь о полученномъ имъ Андреевскомъ орденѣ при милостивомъ рескриптѣ, онъ прибавляетъ: „Благодареніе Богу! Но не столько за голубую ленту, сколько за то что я заслужилъ одобреніе отъ моей безсмертной государыни: она извлекла меня изъ моего тихаго уголка чтобы почтить блестящею и вмѣстѣ трудною должностію — можетъ-быть для счастья миллионовъ человѣческаго рода.“ Пѣвительный голосъ графини Камелли, повидимому, имѣлъ также свою долю участія въ пробужденіи симпатій къ бѣдной Польшѣ. „Я вывожу для тебя эти строки—говорится въ письмѣ отъ 12го (23го) августа—въ то время когда диктую посланіе къ генералу Мѣллендорфу, чтобы воздержатъ его отъ военныхъ дѣйствій противъ несчастныхъ Поляковъ, которые упорно отказываются отъ подписи своего бѣдствія. О милое мое дитя! Какъ часто сердце обливается у меня кровью. Я посредникъ между сильнымъ и слабымъ, если еще что-нибудь не хуже. Однако они подлишутъ. Сегодня вечеромъ я слушалъ графиню Камелли; она пѣла какъ ангелъ венеціанскую мелодію и русскую пѣсню.“

Черезъ недѣлю, получивъ отъ младшей дочери давно ожидаемую имъ вѣсть о разрѣшеніи ея отъ бремени, и къ тому же сыномъ, Сиверсъ между прочимъ пишетъ: „Сегодня былъ для меня тройной праздникъ. Случаю угодно было чтобъ я назначилъ на этотъ день большой концертъ; а извѣстіе о твоёмъ разрѣшеніи напомнило мнѣ что это есть также день моего рожденія. Концертъ былъ очень хорошъ, благодаря прекрасному голосу графини Камелли и вновь изобрѣтенному кларинетъ-маршу. Послѣ того играли и ужинали; только около полуночи могъ я оставить общество чтобы лечь въ постель и написать тебѣ эти строки.“

Если заглянемъ въ общественную жизнь, китѣвшую въ то время въ Гроднѣ, то увидимъ оригинальное явленіе: параллельно съ выраженіями грусти и отчаянія наполнявшими сеймовыя засѣданія, въ домахъ обывателей течетъ почти непрерывная струя веселья и разгула. Городъ въ осадномъ положеніи, его улицы и окрестности наполнены русскими солдатами и казаками; повсюду виднѣются лагеря, пикеты и патрули; а между тѣмъ рауты, обѣды, балы, ужины и т. п. смѣняють другъ друга. Разумѣется, всѣ эти удовольствія оплачивались русскими и прусскими деньгами; не считая пировъ которые давали русскій посланникъ и самые крупныя вожди сеймоваго

большинства, обыкновенно всякій вліятельный сеймовый посолъ (особенно членъ депутаціи) получалъ субсидіи, чтобы угощать своихъ пріятелей и держать для нихъ открытый столъ какъ обѣденный, такъ и карточный. Многие члены сейма и Тарговицкой конфедераціи явились въ Гродно со своими женами, дочерьми, или племянницами. * Дамское общество, вино и карты, повидимому, дѣлали все возможное чтобы поддерживать представителей Рѣчи Посполитой въ нѣкоторомъ чадѣ и разсѣвать ихъ политическія тревоги; слѣдовательно, дипломатія не даромъ тратила деньги и поощряла веселую жизнь. Русскіе офицеры принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ: они исправно пили венгерское и шампанское съ польскими панями, проигрывали имъ въ карты и ухаживали за ихъ женами; въ послѣднемъ отношеніи мужа не были очень строги, особенно если любезности сопровождались значительными подарками. Но вѣроятно для того чтобы не возбуждать національнаго чувства видомъ иноземнаго мундира, офицеры имѣли приказъ являться ввѣ службы въ гражданскомъ костюмѣ. (Въ этомъ костюмѣ они нерѣдко замѣшивались и въ среду арбитровъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ.)

Нѣкто Охоцкій посѣтилъ въ то время Гродно, и въ воспоминаніяхъ своихъ оставилъ намъ нѣсколько яркихъ чертъ для характеристики собравшагося тамъ общества.

Охоцкій пошелъ на какое-то вечернее собраніе и встрѣтился тамъ со своимъ люблинскимъ пріятелемъ Яномъ Л., однимъ изъ сеймовыхъ пословъ, и съ его сестрой Франциской, которая оказалась теперь женой другаго люблинскаго знакомаго, Иосифа Ж., также сеймоваго посла. Франциска оставила танцы и посвятила остальное время на бесѣду съ Охоцкимъ. Надобно замѣтить что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ они были равнодушны другъ къ другу и теперь занялись воспоминаніями о прежнемъ времени. Костюмъ молодой женщины обратилъ на себя особое вниманіе собесѣдника. Первое что его поразило, это ея босыя ножки, на каждомъ пальцѣ которыхъ надѣты были перстни съ дорогими камнями; вмѣсто башмаковъ служили какія-то сандалии въ родѣ калуцкихъ, привязанныя бѣлыми лентами, которыя оплетали ногу

* По замѣчанію записокъ Л. Н. Энгельгардта, красотою своею замѣвала всѣхъ прочихъ княжна Четвертинская.

до колѣна. Всмотриваясь далѣе, онъ замѣтилъ что на ней не было сорочки, а только платье изъ какой-то легкой матеріи, фестомъ приподнятое у правой ноги выше колѣна; при этомъ грудь совсѣмъ почти открытая. Когда Охотскій выразилъ свое удивленіе такому наряду, Франциска встала и повернулась предъ нимъ, чтобы показать всю гармонию своего костюма. „Онъ очень шелъ къ ней, замѣчаютъ мемуары,—ибо рѣдко кого природа одарила такъ щедро; но, выигрывая въ красотѣ, она утратила скромность, наибольшее украшеніе женщины“. Проходя съ ней по салонамъ, онъ убѣдился что дамы большею частію были одѣты подобнымъ же образомъ; такъ что непривычному человѣку можно было вообразить себя на Олимпѣ, посреди пригрезившихся Венеръ, Діанъ, Психей, или въ Афинахъ и въ Римѣ, гдѣ выступали предъ нимъ Аспазіи и весгалки; а нѣкоторыя ланц, въ костюмѣ à la sauvage, пожалуй переносили воображеніе на островъ Отаити. Въ одной кадрили Охотскій замѣтилъ красивую даму, съ головы до ногъ сверкавшую брилліантами. На вопросъ, кто такая? ему отвѣчали: маркиза Люлли, новая возлюбленная короля. Оказалось что она-то главнымъ образомъ и вводила здѣсь нескромныя моды, привезенныя ею изъ Парижа, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе античному міру. *

На слѣдующее утро Охотскій, приглашенный къ завтраку, явился въ жилище гг. Ж. и былъ удивленъ роскошью ихъ окружавшею. Когда окончился завтракъ, лакей доложилъ о приходѣ бригадира Циціанова. Хозяйка зарумянилась и

* Что касается до убранства мужчинъ, то между ними встрѣчалось значительное разнообразіе. Кое-гдѣ еще можно было увидать старопольскіе кунтуши, подбритыя головы, длинные усы и кривыя сабли на пышныхъ поясахъ, обдѣланныхъ серебромъ и золотомъ. Но чаще мужскіе костюмы представляли смѣсь старопольскаго съ французскимъ и англійскимъ. А наиболѣе усердные франты держались придворной моды, то-есть носили фракъ съ высокою короткою таліей и длинными остроконечными фалдами, со стальными уговицами и огромнымъ воротникомъ, завитые локоны вокругъ головы, на шеѣ длинный платокъ, завязанный такъ что изъ него уходилъ весь подбородокъ, на ногахъ чулки и башмаки, и съ боку шиага на перевязи. Между молодыми людьми рѣдко попадался красивый костюмъ народной кавалеріи (темносиняя куртка съ красными отворотами, венгерскіе панталоны съ красными лямочками и невысокіе сапоги)—равно удобный для верховой ѣзды и для маршутки. (Polska w roku 1793, Fryderyka Szulca.)

очевидно смугилась; мужъ и братъ приказали просить. Вошелъ господчнъ во фракъ, лѣтъ около тридцати, небольшого роста, лысый, рябоватый, вообще не видный, но очень любезный и благовоспитанный. Онъ служилъ въ гвардіи, и въ то время находился въ отпуску. * Хозяйсва познакомили между собою двухъ гостей. Циціановъ вскорѣ сошелся съ Охоцкимъ, откровенно признался ему въ своей страсти къ пани Францискѣ, и сильно жаловался на ея суровость; интрига стоила ему уже до 30.000 рублей; дама принимаетъ подарки и сюрпризы, а до сихъ поръ не отвѣчаетъ на его чувства. Когда Охоцкій заговорилъ о немъ съ пани, она отвѣчала что не любитъ Циціанова, но что мужъ ея къ нему очень расположенъ.

На другой день Охоцкій былъ приглашенъ къ обѣду, и нашелъ у Ж. большое общество мушнъ и дамъ, между прочимъ съ десятокъ Русскихъ во фракахъ, все офицеровъ гвардіи и болѣе или менѣе изъ хорошихъ фамилій. Серебряный сервизъ, саксонскій фарфоръ, отлично приготовленные блюда и отборныя вина оцать обратили на себя вниманіе гостя, такъ какъ хозяйсва были прежде извѣстны ему за людей весьма посредственнаго состоянія. После кофе разложили большой зеленый столъ, и мушнны, не теряя дорогаго времени, принялись за банкъ, а дамы развѣхались. Вечеромъ Охоцкій, по просьбѣ мужа, отвезъ хозяйку въ театръ, гдѣ у нея была абонированная ложа; въ антрактахъ въ ея ложу былъ большой приливъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Воротились домой; тамъ еще продолжалась игра; въ двѣнадцатомъ часу забастовали. На другой день повторилось то же самое. На третій день Охоцкій очутился на балѣ у русскаго посланника, благодаря Яну Л., которому досталось нѣсколько билетовъ. Здѣсь все показалось ему чрезвычайно пышнымъ и роскошнымъ. Три огромныя залы Салъжинскаго палаца и нѣсколько меньшихъ покоевъ были наполнены гостями. ** Многочисленная прислуга безпрестанно

* Если тутъ рѣчь идетъ о князя Павлѣ Дмитріевичѣ Циціановѣ, будущемъ герцѣ Кавказа и Грузіи, то онъ родился въ 1754 году, следовательно въ то время имѣлъ около 40, а не 30 лѣтъ. Притомъ онъ находился въ Гроднѣ не въ отпуску, а командовалъ здѣсь гренадерскимъ полкомъ.

** Салъжинскій дворецъ, фасадомъ выходящій на рынокъ, былъ въ то время красивѣйшимъ зданіемъ въ Гроднѣ, по замѣчанію современника (*Polens Ende*, vol. Sirisa). Въ настоящее время онъ извѣстенъ подъ именемъ дома Любецкаго, хотя недавно перешелъ въ руки

носила разнаго рода сласти и прохладительное. Внутри палацъ былъ освѣщенъ нѣсколькими тысячами восковыхъ свѣчъ, а снаружи разноцвѣтными стаканчиками. Для игры разставлено много столовъ, и на нихъ блистали кучи золота. Когда подали великолѣпный ужинъ, Франциска объявила мужу что ей нездоровится, и тотъ поручилъ Охоцкому проводить ее домой. Нѣсколько дней спустя Цициановъ попросилъ его и гг. Ж. на паруску, которую онъ устроилъ въ гостиницѣ на предмѣстьѣ. Здѣсь было нѣсколько дамъ, Полекъ и Русскихъ; генеральша Муханова занимала мѣсто хозяйки. Веселились до пятого часа утра; причемъ карты работали по обыкновенію.

Однажды Охоцкій не утерпѣвъ и спросилъ своего пріятеля Яна Л., откуда у него и зятя его Иосифа Ж. явились средства къ такой роскошной жизни. Въмѣсто отвѣта Янъ открылъ коммодъ и показалъ ему десять кошельковъ по тысячѣ дукатовъ въ каждомъ, потомъ отворилъ шкафъ, и тамъ оказалось оцнанадцать кошельковъ съ рублями. „Счастливая игра, разные обороты“.... проговорилъ хозяинъ. Подошелъ лавъ Иосифъ, повелъ гостя въ свое отдѣленіе и тамъ показалъ ему такую же кассу. Дѣло въ томъ что оба они были членами депутаціи трактовавшей съ сосѣдними державами. Въ слѣдующемъ году, во время возстанія, и тотъ и другой попали въ число проскриптовъ и должны были спастись бѣгствомъ. *

одного еврея. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманіе главная злая, въ старинномъ вкусѣ, съ двойнымъ свѣтомъ и слѣдами хоръ, теперь уже не существующихъ.

* Участиѣ въ депутаціи заставляетъ насъ предположить что тутъ подъ буквами Л и Ж скрываются вѣроятно Лопотъ, эксъ-обозный автовскій, посолъ новгородскій, и Живевъ, староста березницкій, посолъ гродненскій.

Во всемъ этомъ разказѣ Охоцкій, очевидно для красоты слова, позволяетъ себѣ нѣкоторыя преувеличенія. Вотъ еще примѣры его неточностей. Указывая на нескромныя моды и обычаи, вводимыя маркизой Люлли, онъ замѣчаетъ: „некому было наблюдать за сохраненіемъ приличій. не было пани Краковской, Тышкевичевой, Коминской и Уиѣцкой почтенныхъ матронъ, служившихъ украшеніемъ того вѣка“. Но извѣстно что сестра короля, пани Краковская, присутствовала тогда въ Гроднѣ, а также и его племянница графиня Тышкевичъ если здѣсь о ней идетъ рѣчь. О своихъ пріятеляхъ Л. и Ж. Охоцкій говоритъ что одинъ участвовалъ въ делегаціи трактовавшей съ однимъ дворомъ, а другой въ делегаціи трактовавшей съ другимъ. Онъ, повидимому, не зналъ или забылъ что съ обоими послан-

Охоткій бывалъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ, и видалъ тамъ короля, возсѣдающаго на тронѣ, при которомъ стояли на стражѣ польскіе гвардейцы, между тѣмъ какъ входъ въ залу охранялся русскими часовыми. Онъ нашелъ разительную перемѣну въ наружности Станислава Августа сравнительно съ тѣмъ что было за два года, то-есть во время Четырехлѣтняго сейма. Тогда физіономія короля еще сохраняла свою пріятность и живость; а теперь это былъ худой, жалкій старикъ, съ желтымъ, сморщеннымъ лицомъ, съ потухшимъ, опущеннымъ взоромъ, какъ будто онъ только всталъ съ одра тяжелой болѣзни. Въ воскресные дни, свободные отъ сеймовыхъ засѣданій, король по обыкновенію дѣлалъ парадный выходъ въ тронную залу на публичную аудіенцію. Охоткій былъ на одной изъ такихъ аудіенцій и нашелъ тамъ небольшое число придворныхъ и другихъ лицъ, такъ что вокругъ короля замѣтна была значительная пустота.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія Охоткій оставилъ Гродно, вмѣстѣ съ генераломъ Дзялынскимъ. На прощаньѣ ланы Л. и Ж. задали для нихъ обѣдъ болѣе чѣмъ на 60 человекъ. Послѣ обѣда Франциска, ея мужъ, братъ и Циціановъ проводили Охоткаго до первой станціи, гдѣ еще росли нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Охоткій наивно намскаетъ на свои отношенія къ ланѣ Францискѣ; но не знаетъ, имѣлъ ли какой успѣхъ совѣстникъ его Циціановъ. Онъ не знаетъ также, какъ далеко зашелъ въ своихъ исканіяхъ третій прегендентъ, хлопотавшій въ то же время, ланъ Дзялынскій.

Одинъ лифляндскій путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно предъ самымъ началомъ сейма, оставилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько легкихъ замѣтокъ, не лишенныхъ для насъ интереса. „Открывшійся съ горы видъ на городъ, пишетъ онъ, былъ очень красивъ. Много костеловъ съ колокольнями и нѣкоторое число палацовъ построенныхъ въ новомъ вкусѣ, разсѣянныхъ тамъ сямъ, выступаютъ на темномъ фонѣ деревянныхъ хижинъ, которыя собственно и составляютъ городъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города я встрѣтилъ немалое

ликама веда переговоры одна и та же депутація. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго что въ мемуарахъ, писанныхъ спустя значительное время, по памяти, могли вкрасться разныя неточности; но это не уничтожаетъ ихъ интереса относительно характеристическихъ бытовыхъ подробностей.

количество лущекъ, на него направленныхъ. Въездъ довольно хорошъ; его украшаютъ королевскій замокъ и панскіе дома, сгруппированные тутъ въ значительномъ числѣ. Миновавъ эту часть, достигаютъ до новаго большаго моста и до самаго города, въ которомъ, какъ обыкновенно въ польскихъ городахъ, разнообразнѣйшія строения скучены вмѣстѣ. Подлѣ порядочнаго дома стоятъ двѣ или три деревянныя хижины, грозящія ладеніемъ; за ними палацъ; далѣе костель; мостовая едва ли можетъ называться этимъ именемъ, потому что при всякомъ дождѣ покрывается болотомъ.

„Впрочемъ Гродно представлялось телерь люднымъ и оживленнымъ городомъ. Кромѣ сильнаго русскаго гарнизона, тутъ были многіе послы со своими домашними, главный штабъ всѣхъ войскъ расположенныхъ въ окрестностяхъ, и тѣ польскіе магнаты которые имѣли отвагу выступить на предстоящемъ сеймѣ. Въ городѣ совсѣмъ незамѣтно было чтобы тамъ находился король; онъ жилъ въ замкѣ со своимъ небольшимъ дворомъ совсѣмъ отдѣльною и замкнутою жизнью. Предъ замкомъ я не встрѣтилъ ни одного экилажа, но за то очень много предъ жилищемъ нашего (то-есть русскаго) посланника. Наши штабъ-офицеры въ пышныхъ коляскахъ, запряженныхъ шестеркой или четверкой коней, развѣзжали по улицамъ; а польскіе магнаты въ скромныхъ экилажахъ держались отъ нихъ къ сторонкѣ. Много лавокъ открытых варшавскими модистками; ибо сюда пріѣхало значительное количество красивѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ *дъвицъ*, чтобы своимъ примѣромъ (какъ полагаю) склонить разныя партіи и разныя народности къ уступчивости и взаимному соглашенію. Городъ относительно малъ для такого большаго съѣзда; окрестный край не отличается большимъ изобиліемъ; поэтому квартиры и съѣстные припасы неломѣрно дороги. Комната съ постелью стоила въ день отъ одного до трехъ дукатовъ; а порядочный обѣдъ отъ осьми до двѣнадцати золотыхъ. За возикъ сѣна платили отъ трехъ до четырехъ дукатовъ. Все остальное этому соответствовало.“ *

* *Reise eines Lifländers von Riga nach Warschau. Berlin, 1795. (См. Polska w roku 1793).* Вотъ что говоритъ о Гроднѣ другой современникъ: „Послѣ Вильны это лучшій городъ въ Литвѣ, но считаетъ только 4.000 жителей; изъ нихъ четвертая часть Евреи. (Въ настоящее время изъ 19.000 населенія саишкомъ 10.000 Евреевъ. *Бобровскій.*) Нѣтъ ни воротъ, ни стѣнъ; лежитъ частію на горѣ, частію въ долинѣ, и окруженъ

X.

Отчетъ депутаціи о конференціяхъ съ Бухгольцемъ. — Подгорскій и оппозиція. — Бурное засѣданіе 18го (29го) августа.

Въ понедѣльникъ 15го (26го) августа маршалъ сеймовый объявилъ собранію что депутація, назначенная договариваться съ прусскимъ министромъ, желаетъ представить сословіямъ отчетъ о своихъ конференціяхъ. Епископъ Скаржевскій, за президента депутаціи Масальскаго, доложилъ сейму что депутаты строго держались своихъ инструкцій, въ подтвержденіе чего представилъ протоколы конференцій. Затѣмъ онъ обратился къ Гродзицкому, послу краковскому, и просилъ его прочесть содержаніе протоколовъ, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ ходомъ переговоровъ и участвуетъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Бѣлинскій повторилъ ту же просьбу отъ имени рыцарскаго сословія. Гродзицкій началъ читать содержаніе протоколовъ, изложенное на 20 листахъ и обнимающее конференціи съ 5го августа по 24е включительно. Здѣсь по порядку излагались: обмѣнъ полномочій, споры съ Бухгольцемъ, приглашеніе русскаго посланника къ посредничеству, его поправки въ прусскомъ проектѣ договора, настоятельное требованіе Бухгольца чтобы депутація постаралась о немедленномъ утвержденіи трактата; запросъ депутаціи, по какимъ причинамъ король прусскій изъ недавняго союзника Рѣчи Посполитой обратился въ ея непріятеля? Этотъ запросъ депутація подкрѣпила

еще горами. Старый королевскій замокъ, опоясанный глубокимъ ровомъ, находится въ развалинахъ; только одинъ его флигель можетъ быть обитаемъ. Новый замокъ великъ, правильно построенъ и красивъ. Особенно хороши большая зала, сенаторская зала и калелла. Въ городѣ девять католическихъ, одна лютеранская и двѣ греческія церкви, и еще каменная синагога.* Потомъ идетъ описаніе фабрикъ, основанныхъ Тизенгаузомъ и въ то время уже покинутыхъ. *Poles Ende von Siriss. Warschau, 1797.*

Главнѣйшій памятникъ прошлаго столѣтія, такъ-называемый новый королевскій замокъ (построенный Августомъ II), сохраняя свой наружный видъ, внутри совершенно передѣланъ, такъ что мы не нашли въ немъ почти никакихъ слѣдовъ сеймовой залы и королевскихъ покоевъ. Тамъ помѣщается теперь военный госпиталь.

нѣкоторыми документами изъ времянъ Четырехлѣтняго сейма, и между прочимъ представила протоколъ памятной конференціи прежняго прусскаго посланника въ Варшавѣ, графа Гольца, съ литовскимъ подканцлеромъ Хребтовичемъ, происшедшей 16го мая 1791 года въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ савоаниковъ Рѣчи Посполитой. Гольцъ сообщалъ что Фридрихъ Вильгельмъ поручилъ заявить Полякамъ свое удовольствіе по поводу ихъ новой конституціи и выбора Саксенской династіи на польскій престолъ. вмѣстѣ съ протоколомъ этой конференціи Гродзицкій прочелъ и делену князя Яблоновскаго, въ то время польскаго посла въ Берлинѣ. Яблоновскій извѣщалъ о своей аудіенціи у прусскаго короля, на которой онъ докладывалъ его величеству о переворотѣ 3го мая. Король принялъ это извѣстіе весьма благосклонно, и сказалъ между прочимъ что „Польша всегда найдетъ въ немъ искренняго союзника“.

Собраніе въ глубокомъ молчаніи слушало отчетъ депутациі. Но когда прочтаны были послѣдніе документы, напомнившіе Полякамъ гибельныя для нихъ послѣдствія вѣроломной прусской политики, они не могли удержать своего негодованія. Поднялся шумъ, такъ что Гродзицкій не могъ продолжать чтеніе, а король велѣлъ закрыть засѣданіе.

На другой день окончено чтеніе отчета, и затѣмъ Гродзицкій передалъ сеймовому маршалу прусскій проектъ договора, снабженный поправками Сиверса. Когда собраніе его прослушало, всталъ Адамъ Подгорскій и попросилъ голоса. Это былъ одинъ изъ сеймовыхъ пословъ подкупленныхъ Бухгольцемъ, человекъ имѣвшій репутацію шулера. Онъ получалъ отъ сеймоваго маршала позволеніе говорить; но едва произнесъ онъ нѣсколько словъ какъ его заглушили ярые крики со стороны оппозиціи. Затѣмъ произошло сильное смятеніе. Всѣ заговорили разомъ. Противъ Подгорскаго возстали многіе какъ противъ измѣнника, который осмѣливается поддерживать подобный договоръ. Нѣкоторые, напримѣръ Годачевскій, даже предлагаютъ его изрубить; на что съ разныхъ сторонъ слышался крикъ: згода! згода! Подгорскій изъ вѣсхъ силъ кричить что, такъ какъ ему не даютъ говорить, то онъ откладываетъ свое предложеніе. Но смятеніе все увеличивается и продолжается болѣе часу. Наконецъ крики затихли, и тогда Шидловскому (люцкому) удалось овладѣть вниманіемъ палаты.

Въ рѣчи своей, одной изъ самыхъ сильныхъ, Шидловскій

говорить что не знаетъ проекта Подгорскаго, но не сомнѣвается въ его содержаніи: онъ хочетъ уполномочить депутацію подписать только-что прочтенный договоръ съ Пруссіей, то-есть доверить гибель отечества. „Пусть оно погибнетъ отъ неправды и насилія! восклицаетъ ораторъ, но да погибнетъ и одинъ изъ этого постыднаго большинства которое явилось для того чтобы помогать нашему уничтоженію! Объявляю что я буду преслѣдовать всякаго кто осмѣлится предложить такой проектъ, и что я привлеку его къ сеймовому суду какъ измѣнника отечеству.“ Тутъ его прерываютъ одобрительныя восклицанія. Одушевленный ими, ораторъ предлагаетъ чтобы пала или его голова, или голова измѣнника. Затѣмъ онъ вноситъ проектъ въ формѣ деклараціи слѣдующаго содержанія:

Такъ какъ король прусскій не считаетъ обязательнымъ для себя трактаты 1773 и 1789 годовъ, то прерываются всякіе переговоры съ его министромъ какъ бесполезные и пагубные для республики.

Оппозиція требуетъ отъ маршала немедленнаго *turnum*. Въ виду возбужденнаго состоянія палаты, маршалъ хочетъ приступить къ собранію голосовъ. Но Миончинскій и Залѣвскій останавливаютъ это движеніе, принявъ проектъ *ad deliberandum*. „Я знаю, сказалъ Шидловскій, законъ дозволяетъ отсрочку; но не знаю, допускаетъ ли ее патриотизмъ, когда дѣло идетъ о подобномъ проектѣ.“ Въ эту минуту другой Шидловскій, посоль цѣхановскій, громко назвалъ кого-то измѣнникомъ (здрайцей), но посреди замѣшательства нельзя было слышать имени.

Затѣмъ встаетъ Краснодембскій и спрашиваетъ канцлеровъ какой былъ результатъ ноты поданной русскому посланнику и заключавшей просьбу очистить польскую территорию отъ русскихъ войскъ, такъ какъ договоръ съ Россіей уже ратификованъ. На этотъ запросъ Платеръ представляетъ отвѣтную ноту Сиверса отъ 13го (24го) августа. Въ ней говорится что войска уже имѣли приказъ отойти къ границамъ Рѣчи Посполитой, но затрудненія возникшія при заключеніи договора съ Россіей и замедленіе трактата съ Пруссіей, а также непрочность правительства, еще не вполне организованнаго, и опасенія за общественное спокойствіе принудили отнѣздить упомянутый приказъ.

Когда палата уже готова была услокоиться и перейти къ

обсужденію безконечныхъ вопросовъ о податяхъ и прочихъ доходахъ республики, вдругъ встаетъ Карскій и олять начинаетъ громить прусскій проектъ договора. Онъ увлекся до того что упрекаетъ короля и напоминаетъ будто тотъ однажды сказалъ: „Пока отъ Польши останется хотя такое пространство которое можно покрыть своею шляпой, я не покину моего мѣста и буду управлять сю.“ Эта выходка вызвала негодованіе палаты. Міончинскій требуетъ чтобы Карскій былъ подвергнутъ сеймовому суду. Король начинаетъ увѣрять что онъ никогда не говорилъ такихъ словъ и снисходительно прощаетъ Карскаго. Но многіе послы настаиваютъ на его осужденіи. Тогда король проситъ ему прощенія. Палата соглашается, но съ условіемъ чтобы Карскій отказался отъ своей рѣчи и извинился предъ королемъ. Тотъ ловинуется и цѣлуетъ у короля руку. По предложенію Шидловскаго, вся палата проситъ той же чести и получаетъ ее.

Заканчивая засѣданіе, король предупредилъ пословъ чтобы они на будущее время не опаздывали, а собирались бы ровно въ четыре часа. Когда послы выходили изъ залы, Міончинскій заступилъ дорогу Шидловскому и спросилъ:

— Не меня ли ваша милость назвалъ здраицей?

— Того который хотѣлъ бы подать прусскій проектъ, отвѣчалъ посолъ цѣхановскій.

— Стало-быть насчетъ лана Подгорскаго? замѣтилъ Міончинскій.

Пулавскій, чтобы предупредить столкновение, сказалъ:

— Да, это о Подгорскомъ.

А когда Міончинскій удался, Пулавскій, кивая на него, обратился къ Шидловскому и окружающей ихъ кучкѣ пословъ, и прибавилъ:

— Да и самъ-то онъ не лучше. *

Выраженный на этомъ засѣданіи рѣшительный отказъ сейма вступить въ какіе-либо переговоры съ Пруссіей сильно обезлокоилъ Бухгольца. Онъ послѣдовалъ за совѣтомъ и помощью къ Сиверсу. Послѣдній все еще не хотѣлъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и условился дѣйствовать пока на сеймѣ общими нотами. При этомъ онъ совѣтовалъ своему товарищу не жалѣть денегъ на умноженіе прусскихъ сторонниковъ между членами сейма. **

* *Diariusz Sejmu Extraordinaryniiego 1793 roku.*

** Экономическій, разчетливый характеръ прусскаго правительства

Сиверсъ призывалъ къ себѣ Подгорскаго и вручилъ ему проектъ полномочія для подписи прусскаго трактата. Этотъ проектъ Подгорскій долженъ былъ на слѣдующій день представить сейму отъ своего имени и поддерживать его своимъ голосомъ. Затѣмъ часть ночи была употреблена на приготовленіе нотъ, русской и прусской, которыя на слѣдующій день, 17го (28го) августа, и были представлены сейму. Эти ноты напоминали ему о порядкѣ и спокойствіи и требовали немедленнаго снабженія депутаціи полномочіемъ къ подписи трактата. Русская нота прибавляла что генераль Мёллендорфъ уже 20го числа долженъ былъ ввести войска въ Краковское и Сандомірское воеводства; но что его непріятельскія дѣйствія остановлены по просьбѣ русскаго посланника.

Однако всѣ эти заявленія не произвели никакого дѣйствія. Напротивъ, угрожающій тонъ прусской ноты вызвалъ чрезвычайное волненіе. Со всѣхъ сторонъ закричали что прусскій посоль обращается къ Полякамъ уже не какъ къ вольному народу, а какъ къ своимъ подвластнымъ. Члены оппозиціи требуютъ утвержденія проекта поданнаго наканунѣ Шидловскимъ, то-есть прерванія всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Многіе послы разомъ домогаются голоса, въ томъ числѣ и Подгорскій. Маршалъ сеймовый, конечно заранѣе предупреденный, дастъ голосъ Подгорскому. Но напрасно послѣдній силится перекричать другихъ. Тогда онъ досталъ изъ кармана проектъ, положилъ его на столъ предъ маршаломъ и сѣлъ на свое мѣсто. Маршалъ приглашаетъ секретаря взять проектъ и прочесть его. Тотъ повинуется; но крики усилились еще болѣе. Шидловскій, Янковскій, Гославскій, Стоинскій, Скаржинскій, Кимбаръ, Краснодембскій и Карскій осылаютъ Подгорскаго бранью и требуютъ чтобъ онъ былъ судимъ какъ измѣнникъ. Тщетно секретарь пытается начать чтеніе: его подвергаютъ угрозамъ и оскорбленіямъ.

Шидловскій вышелъ впередъ, сталъ, по техническому выраженію, „подъ маршальскій жезлъ“, то-есть подлѣ сеймоваго маршала и позвалъ туда же Подгорскаго; это значило что онъ отдавалъ себя и своего противника на судъ сейма. Многочисленные голоса требовали чтобы Подгорскій шелъ подъ жезлъ.

сказался и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Агентамъ своимъ между сеймовыми послами Бухгольдъ никогда не платилъ впередъ, „какъ это дѣлалъ тороватый русскій посланникъ“, а давалъ имъ только за дѣйствительно оказанныя услуги. (Вегнеръ, 106.)

Но тотъ отвѣчаетъ что обвиненіе его въ измѣнѣ неумѣстно и преждевременно, такъ какъ проектъ еще не былъ прочитанъ, и палатѣ неизвѣстно его содержаніе. Нѣкоторые послы подходятъ къ маршальскому столу и, вмѣстѣ съ Шидловскимъ, читаютъ про себя проектъ. Оппозиція продолжаетъ требовать Подгорскаго къ суду и упрекаетъ его въ боязни этого суда. Тогда немногочисленные члены прусской партіи поднимаютъ голосъ въ защиту своего товарища: Иозефовичъ, Виламовскій и Мюнчинскій настаиваютъ предъ маршаломъ чтобы проектъ былъ прочитанъ. Маршалъ снова приказываетъ секретарю читать проектъ; но ему отвѣчаютъ что секретарь не лакей его, а слуга палаты. Иозефовичъ продолжаетъ настаивать, но его встрѣчаютъ шikanье и брань. Тогда онъ предлагаетъ чтобы весь этотъ споръ былъ взятъ *ad deliberandum*, а теперь пусть палата перейдетъ къ другимъ вопросамъ. Но Стопнскій объявляетъ что не допустить обсуждения никакихъ другихъ вопросовъ пока Подгорскаго не подвергнутъ суду. Посреди этого смятенія Шидловскому опять удается на некоторое время овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говоритъ что у него есть доказательства измѣны Подгорскаго, что послѣдній за свою измѣну получилъ деньги, и слова требуетъ его къ железу. Подгорскій остается на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ стоически выносить всѣ оскорбленія. Наконецъ король, чтобы прекратить эти неприличныя сцены, приказываетъ закрыть засѣданіе.

На слѣдующій день Сиверсъ замѣтилъ въ своей депешѣ: „Послѣ вчерашняго засѣданія трудно было думать чтобы могло быть еще болѣе шумное; но это случилось именно сегодня.“

Бухгольдъ, конечно, обратился къ русскому посланнику съ новыми просьбами употребить болѣе энергическія мѣры противъ упорства оппозиціи. Сиверсъ, все еще не желая прибѣгать къ крайностямъ, отнесся къ сейму съ новою нотой. Въ то же время онъ отправилъ къ великому маршалу литовскому Тышкевичу записку, въ которой напомнилъ объ его обязанности охранять спокойствіе и тишину сеймовыхъ засѣданій, и строго требовалъ чтобъ изъ сеймовой залы были удалены безъ исключенія всѣ лица не принадлежація къ сейму, такъ какъ своимъ присутствіемъ они поощряютъ оппозицію и мѣшаютъ робкому большинству заявить свое мнѣніе. *

* Напоминанъ при этомъ читателямъ распредѣленіе мѣстъ въ Сенаторской палатѣ, гдѣ засѣдали соединенныя сословія, то-есть совершенна-

Вслѣдствіе этого требованія, предъ началомъ засѣданія 18го (29го) августа Тышкевичъ усердно обыскивалъ всѣ углы сеймовой залы и вытравивалъ всѣхъ не принадлежащихъ къ сейму, въ томъ числѣ и совѣтниковъ конфедерации, которымъ, вмѣстѣ съ судьями высшей инстанціи предоставлено было право присутствовать на засѣданіяхъ. Члены оппозиціи не замедлили обнаружить свое неудовольствіе на это нарушеніе права, и нѣкоторые восклицаютъ что въ такомъ случаѣ и послы также должны удалиться изъ залы. Тышкевичъ отвѣчаетъ имъ что онъ представитъ палатѣ объясненіе причинъ которыя принудили его къ такому непріятному поступку.

Когда всѣ арбитры были удалены, великій маршалъ литовскій, ударивъ три раза о землю своимъ жезломъ изъ чернаго дерева оправленнымъ въ золото, далъ голосъ сеймовому маршалу, то-есть пригласилъ его открыть засѣданіе. Вдругъ двери залы отворяются, и входитъ Адамъ Подгорскій. Многіе послы, уже взволнованные предыдущею сценой, теперь приходятъ въ страшное негодованіе; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Измѣнникъ, негодяй!“ и т. п. Крики эти переходятъ въ какой-то дикій ревъ. Мало того, нѣсколько самыхъ горячихъ крикуновъ подбѣгаютъ къ нему и начинаютъ толкать его вонъ изъ залы. Подгорскій былъ „толстъ какъ бочка“, по выраженію Сиверса, что лишило его надеждающей гибкости чтобъ ускользнуть изъ рукъ своихъ враговъ. Посреди этой суматохи было видно только какъ двери залы съ трескомъ растворились и тотчасъ затворились снова. Подгорскій очутился въ корридорѣ посреди сеймовыхъ гайдуковъ; тутъ ожидали его и высланные арбитры, которые не замедлили подвергнуть несчастнаго посла новымъ оскорбленіямъ. Съ минуту онъ стоялъ бѣзъ раздумья куда направиться съ жалобой: къ Бухгольцу или къ Сиверсу? и рѣшилъ отправиться къ послѣднему.

лосъ сеймованіе. Въ глубинѣ залы стоялъ тронъ короля. Отъ него, съ обѣихъ сторонъ, шли два ряда сенаторскихъ креселъ. За креслами этими, также по обѣимъ сторонамъ, располагались лавки или мѣста для пословъ. Посреди залы оставался широкій свободный проходъ. На другомъ концѣ его, прямо противъ королевскаго трона, помещался сеймовый маршалъ на табуретѣ предъ своимъ столикомъ, а по сторонамъ его находились кресла великихъ маршаловъ и другихъ министровъ. Но въ послѣднее время министры, кажется, помещались подлѣ трона. Позади посольскихъ мѣстъ, вдоль стѣны, шли галереи для арбитровъ или для публики.

Между тѣмъ въ сеймовой залѣ настала глубокая тишина. Маршалъ открываетъ засѣданіе воззваніемъ къ согласію, какъ къ единственному средству спасти отечество. Затѣмъ онъ извѣщаетъ о новой нотѣ русскаго посланника. Великій маршалъ литовскій, въ оправданіе своего поступка съ арбитрами, сообщаетъ собранію записку Сиверса, писанную по-французски. Собраніе рѣшило чтобъ эта записка, какъ доказательство насилія, была переведена и занесена въ діаріушъ.

Секретарь сеймовый читаетъ русскую ноту:

Выразивъ сожалѣніе о томъ что сеймъ не внялъ его предыдущей нотѣ, посланникъ напоминаетъ сословіямъ о грозѣ висящей надъ ихъ отечествомъ и убѣждаетъ заняться утверженіемъ прусскаго договора въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредничествѣ. Фельдмаршалъ Меллендорфъ, побуждаемый приказами отъ своего правительства, извѣдомляетъ его что начнетъ непріятельскія дѣйствія, если присланный имъ курьеръ не привезетъ извѣстія о подписи трактата. Поэтому онъ, Сиверсъ, принужденъ назначить сейму крайніе сроки: 31е августа для снабженія депутаціи надлежащимъ полномочіемъ, а 3е сентября для подписи самого трактата.

Нѣкоторые сторонники Пруссіи требуютъ чтобы былъ прочтенъ проектъ внесенный наканунѣ Подгорскимъ. Но Шидловскій тотчасъ протестуетъ противъ подобнаго требованія, и говоритъ что онъ не усложнится до тѣхъ поръ пока не увидитъ казни измѣнника, хотя бы и самъ долженъ былъ при этомъ пасть. За нимъ всталъ Гославскій. Увлекаемый потокомъ своего краснорѣчія, онъ сравниваетъ современную Польшу съ Римскою республикой во времена ея упадка, а Подгорскаго съ Катилиной. Но если между Поляками нашлась Катилины, за то и въ Цидеронахъ у нихъ нѣтъ недостатка; доказательство тому Шидловскій, который отдаетъ собственную голову, лишь бы подлѣ нея пала голова измѣнника. Но Шидловскій будетъ не единственною жертвою любви къ отечеству, онъ, то-есть Гославскій, также охотно сложитъ свою голову, лишь бы уменьшить число Катилинъ. Нѣкоторые голоса заламчиво восклицаютъ вслѣдъ за Гославскимъ что они готовы послѣдовать тому же примѣру. „Ничего не могло быть комичнѣе подобнаго пыла для тѣхъ кто знаетъ актеровъ этихъ забавныхъ сценъ“, замѣчаетъ въ своей делшѣ Сиверсъ, не вѣрившій въ польскій патріотизмъ.

Ораторъ переходитъ затѣмъ къ угрозѣ Пруссаковъ, и спрашиваетъ что могутъ они еще прибавить къ своимъ притвореніямъ и насиліямъ? Самъ онъ оставилъ въ Сендомірскомъ воеводствѣ престарѣлаго отца и небольшой участокъ земли; но охотно жертвуетъ послѣднимъ, только бы остаться свободнымъ отъ упрека въ томъ что собственными руками подлисалъ неволю своихъ великопольскихъ собратій. Въ заключеніе ораторъ проситъ сеймоваго маршала подвергнуть вотированію проектъ Шидловскаго о прерваніи всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Другіе члены оппозиціи горячо поддерживаютъ эту просьбу.

Въ виду продолжающейся запальчивости относительно прусскаго договора, Станиславъ Августъ рѣшается наконецъ прервать свое молчаніе объ этомъ вопросѣ. „Наяснѣйшій панъ круаль хочетъ говорить!“ возвѣстали по обычаю канцлеръ, и въ залѣ снова водворилась тишина. Станиславъ Августъ произноситъ длинную рѣчь. „Для короля любящаго свой народъ и желающаго быть любимымъ, замѣчаетъ онъ, нѣтъ ничего тяжеле какъ высказать правду, когда онъ знаетъ что эта правда будетъ несприятна.“ Далѣе король отдаетъ справедливость патриотизму Шидловскаго и тѣхъ которые поддерживали его проектъ. Но еслибы проектъ былъ принятъ, какія бы вышли изъ того послѣдствія? Только новыя обиды со стороны несправедливаго и сильнаго сосѣда. Поляки противились его требованіямъ въ надеждѣ что время принесетъ какую-либо благоприятную перемѣну и въ улованіи на помощь русской императрицы. Но вотъ уже истощены всѣ способы сопротивленія, а ни откуда не свѣтитса лучъ спасенія. Прекрасна готовность каждаго отдѣльнаго человѣка жертвовать собою для отчизны; но обязанность короля, какъ отца народа, разсвѣять туманъ навѣянный патриотическимъ пыломъ. Прусское войско войдетъ еще глубже въ край, возьметъ нѣсколько тысячъ рекрутъ, выжметъ милліоны контрибуціи, разоритъ страну и потребуетъ еще большей части въ раздѣлѣ Польши. Послѣдняя нота русскаго посланника не оставляетъ уже никакой надежды на помощь императрицы противъ прусскаго захвата, который есть результатъ соглашенія обоихъ дворовъ. Въ заключеніе своей рѣчи король совѣтуетъ уступить обстоятельствамъ, но при этомъ добиваться по крайней мѣрѣ наименѣе тяжелыхъ условій.

Рѣчь эта, несмотря на свои неопровержимые доводы, не

произвела, повидимому, никакого дѣйствія. Въ концѣ ея въ залу снова явился несчастный Подгорскій, которому Сиверсъ велѣлъ воротиться на свое мѣсто и не взирая ни на что защищать свой проектъ. Едва король пересталъ говорить какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: „судъ, судъ измѣннику!“ Шидловскій снова становится подъ жезлъ и требуетъ туда же Подгорскаго. Тотъ нѣсколько минутъ колеблется, но осыпаясь угрозами и бранью наконецъ пошелъ и сталъ подлѣ Шидловскаго. Оппозиція обращается къ королю съ просьбой назначить судъ. Мюнчинскій, чтобы сласти своего товарища, предлагаетъ собранію сперва вотировать вопросъ: Подгорскій долженъ быть подвергнутъ суду или нѣтъ? Въ случаѣ вотированія онъ разсчитывалъ на большинство, которое до сихъ поръ только вслѣдствіе стыда и робости слѣдовадо за горстью запальчивыхъ патріотовъ. Но предложеніе его потерялось посреди криковъ, требовавшихъ немедленнаго суда. Затѣмъ возникъ долгій споръ о способѣ какимъ долженъ быть судимъ посоль обвиненный въ измѣнѣ отечеству. Польское законодательство не представляло въ этомъ отношеніи точныхъ правилъ; изъ прежней сеймовой практики также никто не могъ привести подобнаго примѣра. Обратились за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ еписколу Коссаковскому, савшему знатокомъ въ старомъ польскомъ законодательствѣ. Онъ отвѣчалъ что въ законахъ не встрѣчается никакого объясненія на этотъ счетъ. Далѣе, разсуждая о выходѣ посла подъ жезлъ, Коссаковскій замѣтилъ что этотъ способъ суда неправиленъ, потому что когда обѣ избы соединены, маршалъ сеймовый не имѣетъ высшей инстанціи: она въ это время остается за великимъ маршаломъ. Въ заключеніе онъ припомнилъ изъ діаріуша какого-то стараго сейма что былъ подобный случай; тогда изба раздѣлилась на посольскую и сенаторскую, и посольскою избой назначено было судебное слѣдствіе. Но такой способъ, прибавилъ Коссаковскій, въ настоящемъ случаѣ неудобенъ и несогласенъ съ достоинствомъ палаты: посоль не долженъ быть отвѣтственъ предъ судомъ сейма за свои мнѣнія.

Король въ другой разъ пытается утишить волненіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ взываетъ къ христіанскимъ и республиканскимъ чувствамъ палаты. Къ чему послужила бы бесполезная кара? Развѣ она отвратила бы несчастіе отечества? Раздѣлъ все-таки останется раздѣломъ.

Зачѣмъ подавать поводъ чтобы Поляковъ называли варварами и смѣшивали ихъ съ ненавистною сектой якобинцевъ. Да и нарасенъ былъ бы судъ, потому что нроземная сила не допустила бы исполнить приговоръ. „Соединимся лучше во-кругъ печальныхъ остатковъ нашего отечества; поищемъ средствъ спасти ихъ и обезпечить имъ благосостояніе, если еще возможно на него надѣяться.“

Но и это трогательное увѣщаніе оказалось также безуспѣшнымъ какъ и первое. Снова поднялся шумъ; бѣлая часть пословъ сходитъ со своихъ мѣстъ, и великій маршалъ тѣтко усиливается возстановить какой-нибудь порядокъ. Члены оппозиціи хватаются за примѣръ приведенный Коссаковскимъ; нѣкоторые изъ нихъ берутъ за руку сеймоваго маршала и хотятъ вести его въ посольскую избу чтобы тамъ назначить судъ Подгорскому. Маршалъ отказывается идти. Министры и сенаторы окружили короля, и онъ совѣтуется съ ними о средствахъ усложнить волненіе. Вслѣдствіе этого совѣта король подзываетъ къ себѣ Подгорскаго и говоритъ ему чтобы онъ хотя на минуту удался съ глазъ своихъ раздраженныхъ товарищей. Подгорскій уходитъ. * Тогда послы возвращаются на свои мѣста. Гославскій требуетъ чтобы измѣнникъ особымъ декретомъ навсегда былъ исключенъ изъ сеймовыхъ засѣданій и чтобы проектъ его никогда не былъ читанъ въ палатѣ. Маршалъ, помня данное ему отъ Сиверса порученіе, приказываетъ секретарю читать проектъ Подгорскаго. Секретарь хочетъ начать чтеніе, но горячіе оппозиенты снова вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и отталкиваютъ секретаря назадъ. Маршалъ выводитъ его самъ, ихъ отталкиваютъ обаихъ. Палата снова владаетъ въ шумное замѣшательство.

Тогда встаетъ епископъ Скаржевскій и произноситъ рѣчь. Онъ развиваетъ ту же мысль которая была высказана королемъ: трактатъ требуется необходимою, которую устранить никто не въ состояніи, потому что относительно ея согласились двѣ державы. Прерваніемъ переговоровъ нельзя возвратити ни одной яды земли; а переговорами, напротивъ, можно помочь и братьямъ-Полякамъ переходящимъ подъ чужое

* Онъ укрылся въ каморку гдѣ обыкновенно прятала посуду прислуга, которая держала буфетъ въ корридорѣ предъ сеймовою залой. Тутъ онъ оставался часа два, подвергаясь насмѣшкамъ и брани со стороны прислуги (*Dziwiuz*).

владычество, и самимъ можно добиться лучшихъ условій. Вопервыхъ, надобно требовать русской гарантіи въ торговомъ трактатѣ и въ сепаратныхъ пунктахъ, и гарантія эта должна быть принята Берлинскимъ дворомъ прежде ратификаціи трактата. Вовторыхъ, если городъ Ченстоховъ отойдетъ, то чудотворный образъ Богородицы и всѣ сокровища его пусть будутъ перенесены въ Краковъ. Втретьихъ, пусть въ случаѣ прекращенія Бранденбургской династіи прекратятся и права Пруссіи на польскія провинціи. Наконецъ, — утѣшалъ еписколъ, — трактатъ заключенный между сильнымъ и слабымъ существуетъ только до тѣхъ поръ пока этотъ слабый не сдѣлается сильнымъ и не получить возможности потребовать справедливаго вознагражденія.

Голосъ Холмскаго епископа ободрилъ грушу прусскихъ партизановъ: Мюнчинскій, Зальскій, Виламовскій, Влодекъ, Рокасовскій и Иозефовичъ настаиваютъ на чтеніи проекта Подгорскаго. Но имъ горячо возражаетъ Краснодембскій. Онъ объявляетъ что если не боялся Сибири, когда противился договору съ Россіей, то не болѣе боится Шландау. Онъ совѣтуетъ отпрать посольство въ Петербургъ съ просьбой о помощи, а если Петербургскій дворъ не хочетъ помогать Полякамъ противъ Пруссіи, то пусть дозволить имъ прогнать Пруссаковъ собственными силами. Для этого пусть гетманъ и региментарій дадутъ приказъ всѣмъ полкамъ выступить противъ „страшнаго Мёллендорфа“, и пусть созовутъ послѣднее рушеніе.

Но большинство собранія было далеко отъ того чтобы слѣдовать подобнымъ совѣтамъ. Секретарь, по приказанію маршала, снова пытается начать чтеніе проекта Подгорскаго и снова голосъ его заглушается криками оппозиціи. Мюнчинскій со своими единомышленниками требуетъ отъ сеймоваго маршала возвращенія къ порядку, но тотъ молчитъ и только пожимаетъ плечами. А Шидловскій ни за что не хочетъ уйти отъ жезла и воротиться на свое мѣсто, пока измѣнникъ не будетъ преданъ суду. Великій маршалъ литовскій, на обязанности котораго собственно лежали порядокъ и тишина сеймованія, думаетъ дать другой оборотъ дѣлу. Онъ замѣчаетъ что споръ идетъ о проектѣ который никѣмъ не подписанъ и авторъ коего не находится налицо, поэтому совѣтуетъ оставить его въ сторонѣ и просто рѣшить вопросъ: дозволить заключеніе трактата съ прусскимъ королемъ или нѣтъ? Такой

совѣтъ подалъ поводъ еще къ большому смятенію. Карскій подходитъ къ сеймовому секретарю, вырываетъ у него проектъ и удаляется съ нимъ въ глубину залы. На протестацію маршала онъ отвѣчаетъ что это не проектъ, а просто бумага безъ всякой подписи. Маршалъ обращается къ посредничеству короля, и тотъ строгимъ тономъ выговариваетъ Карскому за его поступокъ, который можетъ послужить дурнымъ примѣромъ и для будущихъ сеймовъ. Вслѣдъ за королемъ почти все собраніе настаиваетъ на возвращеніи проекта. Карскій наконецъ уступилъ, подошелъ и съ презрѣніемъ бросилъ проектъ на маршальскій столъ.

Секретарь опять дѣлаетъ попытку чтенія и опять безъ успѣха. Послы снова оставляютъ свои мѣста и толпятся на среднѣхъ залы; патріоты уже готовы были вступить чуть не въ рукопашную схватку со своими противниками. Маршалъ бросается между ними со своимъ жезломъ и усиливается воротить пословъ на ихъ мѣста. Министры и сенаторы опять становятся полукругомъ около трона. Между тѣмъ, пользуясь безпорядкомъ, изгнанные изъ залы арбитры проникаютъ въ нее снова, смѣшиваются съ послами и усиливаютъ сторону безлокойныхъ патріотовъ.

Не видя другаго способа возстановить порядокъ, король приказываетъ позвать Подгорскаго и приглашаетъ его подписать проектъ. При видѣ его, снова поднимаются крики и ругательства. Подгорскій нѣсколько времени колеблется и не знаетъ на что рѣшиться. Наконецъ онъ изъявляетъ готовность подписать. Тогда враги его спрятали со стола чернильницу. Но король подаетъ ему собственный карандашъ, и онъ идетъ къ столу. Его толкаютъ, стараются помѣшать, однако онъ подписываетъ и слѣшитъ протѣсниться назадъ изъ толпы. Тутъ враги его уже дали волю своимъ рукамъ, и несчастный Подгорскій завопилъ къ великому маршалу литовскому чтобъ онъ исполнилъ свою обязанность и удалилъ бы изъ избы людей къ ней не принадлежащихъ. Тышкевичъ сильно оскорбляется тѣмъ что даже и Подгорскій дѣлаетъ ему выговоръ; онъ хочетъ отказать отъ столь тягостнаго для него маршальскаго жезла. Слова его вызвали еще сильнѣйшую бурю. „Прочь съ негоднымъ измѣнникомъ!“ кричатъ патріоты. Король снова приглашаетъ Подгорскаго удалиться изъ залы. Когда онъ вышелъ, буря на минуту стихла; послы заняли свои мѣста.

Маршалъ сеймовый хочетъ воспользоваться минутою за-
тишья и приказываетъ секретарю читать проектъ. И опять
тишето. Кимбаръ, Годачевскій, Карскій встають и кричатъ
что ни за что не допустятъ чтенія проекта. Мюнчинскій,
Иозефовичъ, Коссаковскій, Виладовскій и Древновскій, на-
противъ, требуютъ этого чтенія. Бѣлинскій, наконецъ, ду-
маетъ помочь дѣлу тѣмъ чтобы подвергнуть вотированію слѣ-
дующій вопросъ: „Проектъ Подгорскаго долженъ быть про-
чтенъ или нѣтъ?“ Но и эта уловка осталась безъ успѣха: роб-
кое большинство, въ виду крайняго раздраженія своихъ про-
тивниковъ и арбитровъ, не рѣшилось поддержать маршала.
Мануцци, посоль инфлянтскій, отозвался что законъ не доз-
воляетъ приступать къ вотированію послѣ восьми часовъ, а
теперь былъ уже десятый часъ. Маршалъ опять нѣсколько
разъ пытается начать чтеніе проекта, но постоянно без-
успѣшно. Неприличныя сцены длятся еще до полуночи. Нако-
нецъ король приказываетъ закрыть это достопамятное засѣ-
даніе.

Такая узорная оппозиція и неуваженіе къ авторитету
русскаго посланника, заставили наконецъ Сиверса подумать
о крайнихъ мѣрахъ. Но эти мѣры не согласовались ни съ его
инструкціями, ни съ его собственнымъ взглядомъ на пред-
метъ. Онъ рѣшилъ еще разъ ограничиться однимъ внуше-
ніемъ.

На слѣдующій день, 19го (30го) августа, Яковъ Евимовичъ
написалъ Тышкевичу что если арбитры снова проберутся въ
залу засѣданія, то въ его имѣнія будетъ посланъ баталіонъ
солдатъ на экзекуцію. А сейму онъ послалъ третью ноту, въ
которой повторилъ прежнія увѣщанія и указалъ на опасность
грозящую двумъ лучшимъ воеводствамъ Рѣчи Посполитой,
если въ тотъ же день депутація не будетъ уполномочена под-
писать договоръ. Къ этой нотѣ онъ приложилъ составленный
имъ проектъ полномочія, который былъ уже внесенъ Подгор-
скимъ. Съ трудомъ Бѣлинскій добился чтобы оппозиція до-
пустила чтеніе ноты. А когда секретарь хотѣлъ перейти къ
чтенію проекта, снова произошли тѣ же сцены какъ нака-
нунъ. Съ одной стороны Мюнчинскій, Залѣскій, Древновскій
и другіе сторонники Пруссіи требуютъ чтенія, съ другой оп-
позиціонная партія рѣшительно противится. Въ жару спора
почти всѣ послы опять покинули свои мѣста и столпились въ
серединѣ залы. Тышкевичъ, пытавшійся призвать собраніе къ

порядку, получилъ на свою долю нѣсколько толчковъ; Бѣлинскаго бранили въ глаза, а секретаря грозили просто убить. Но кому-то пришла въ голову счастливая мысль: пусть палата дозволитъ чтеніе проекта не какъ самостоятельнаго документа, а только какъ приложение къ нотѣ русскаго посланника. Большинство поддержало эту мысль, и столь долго ослариваемый проектъ былъ наконецъ прочтенъ, но посреди волненія и шума, такъ что едва ли кто слышалъ то что читали. Снова посылались со всѣхъ сторонъ требованія голоса, а голосъ былъ уже обѣщанъ сеймовымъ маршаломъ Скаржинскому. Но король, видя крайне возбужденное состояніе палаты и опасаясь возобновленія неприличныхъ сценъ, объявилъ что о такомъ важномъ предметѣ надобно подумать, и распустилъ собраніе. *

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

* Рукописныя записки одного изъ арбитровъ (Людвика Гинета) прибавляютъ что оппозиція кричала всадъ уходившему королю: „Вотъ другой измѣнникъ; это отецъ Подгорскаго!“ Король, повидимому, не слышалъ этихъ возгласовъ, а можетъ-быть дѣлалъ видъ что не слышитъ.

ТЮРЬМА И ВЪНЕЦЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ.

И. Х. ЗЕДЛИЦА.

ПЕРЕВОДЪ Ѳ. Б. МИЛЛЕРА.

Дѣйствующія лица.

ТОРКВАТО ТАССЪ.

КАРДИНАЛЪ АЛЬДОБРАНДИНИ.

МОНТЕКАТИНО, придворный герцога Феррарскаго.

Кастелянъ больницы Свкта-Анна.

Маска.

Дворянинъ.

Пажъ.

СКИАРА, атаманъ бандитовъ.

1й } бандиты.
2й }

Гражданинъ соррентскій.

Крестьянинъ.

ЛУКРЕЦІЯ УРБИНО. } Сестры герцога Феррарскаго.
ЭЛЕОНОРА ЭСТЕ. }

АНДЖЮЛЕТТА, племянница кастеляна.

КОРНЕЛИЯ, сестра Тасса.

Два пастуха.

Свита герцога.

Маски, дамы, кавалеры, пажи, кресьяне, пастухи, музыканты, стража.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дворецъ герцога въ Феррарѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУКРЕЦІЯ. ЭЛЕОНОРА.

ЭЛЕОНОРА.

Благодаренье Богу! Ты со мной!
Вотъ, наконецъ, при мнѣ есть существо
Которому вполнѣ я довѣрю.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, тяжела и мнѣ была разлука!

ЭЛЕОНОРА.

Какъ страшный ядъ который разрушаетъ
Сосудъ его хранящій, такъ въ груди
Моей хранилась тайна роковая.
Ахъ, сладко мнѣ теперь ее открыть
Моей сестрѣ и другу: я люблю,
Люблю еще несчастнаго Торквато!
Моя любовь была ему проклятьемъ....
Лишь я одной виной что онъ семь лѣтъ
Закабаленъ въ больницѣ Санта-Анна;
Лишь я одной что эта драгоценность
Италіи, предметъ восторговъ свѣта
И геній нашихъ дней и всѣхъ вѣковъ,
Въ дому умалишенныхъ изнываетъ!
Лишь я одной что въ обществѣ безумныхъ,
Терзаемый подъ пыткой непрерывной,
Безъ утѣшенья, безъ участя, сталъ
Мрачиться духъ поэта благородный,
Что, возмущенный злобой палачей,
Съ отчаянья владеетъ онъ въ безумьѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты въ томъ виной? Возможно ль? Какъ же это?

ЭЛЕОНОРА.

Я, я одна! За то что я его
Люблю; за то что онъ меня любилъ,
Онъ заключенъ въ гробу своей темницы.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я слышала что будто онъ наказанъ
За дерзкія слова, что онъ подверженъ
Приладкамъ сумашествія лорой.

ЭЛЕОНОРА.

Все это лишь предлогъ чтобъ оправдать
Насиліе! И еслибъ точно онъ
Честь герцога затронулъ оскорбленьемъ,
Такъ изъ того ль бросать алмазь короны?
Торквато—нашъ алмазь, онъ честь Феррары;
Свѣтъ назоветъ его монарха имя,
Когда лишь имя Тасса назоветъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Да, это правда, и куда лишь можетъ
Проникнуть гласъ молвы, изъ вѣка въ вѣкъ
Альфонса имя понесетъ пятно,
Когда потомству передастъ сказанье
Какъ уважали при дворѣ Феррары
Того кому подобнаго здѣсь нѣтъ.

ЭЛЕОНОРА.

Не для лѣченья отъ болѣзни мнимой
Онъ заключенъ, но только для того
Чтобы привить болѣзнь ему иную,
И это имъ удастся безъ труда
Съ такой душою пылкой и тревожной.
Сомнѣнья нѣтъ, съ тѣхъ лоръ какъ братъ Альфонсъ
Узналъ зачѣмъ я уклоняюсь брака
Который былъ его мечтой любимой,
Въ немъ ненависть кровавая возникла
Противъ того который взоръ любви
Осмѣлился поднять къ его сестрѣ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Все это такъ. Въ Италиі не разъ
Просили за него. Всѣ государи,

И императоръ, и святой отецъ
 Ходатайство за Тасса заявляли
 Предъ герцогомъ; чего жь они достигли?
 Онъ и для нихъ остался непреклоненъ.

ЭЛЕОНОРА.

Теперь, сестра, попробуемъ олять.
 День радости встрѣчаетъ дворъ феррарскій:
 Давнишнее горячее желанье
 Исполнилось, и радуясь услѣху,
 Добре сгалъ и кротче братъ Альфонсъ.
 Здѣсь во дворцѣ теперь соединилось
 Все чѣмъ родство и дружба на него
 Подѣйствовать могли бы: испытаньемъ
 Съ тобой еще въ чемъ можемъ мы услѣть.
 Я крѣлко на твою надѣюсь помощь,
 А помощи ищу я для Торквато.

ЛУКРЕЦІЯ.

Меня къ тому упрашивать не нужно.
 Хотя ему я не кажусь святыней
 И существомъ возвышеннымъ какъ ты,
 Но мнѣ пріятно то припомнить время,
 Когда въ Касгель Дуранте воспѣвалъ
 Онъ бѣлизну моихъ прекрасныхъ рукъ.

ЭЛЕОНОРА.

О, не шути, не огорчай меня!
 Я ужь давно огвыкла огъ веселья.
 Я огрекалась отъ счастья и любви
 И поклялась безбрачною остаться.
 Моя душа давно чужда надеждъ
 И сладостныхъ мечтаній не лелѣеть.
 Тотъ Тассъ который мною былъ любимъ
 Ужь для меня не существуетъ болѣ:
 Я на себя смотрю какъ на вдовицу!
 Ахъ! гдѣтъ того кто былъ мнѣ божествомъ!
 Чего же мнѣ желать? о чемъ мечтать?
 Я бѣдному, больному существу,
 Гнетомому безумьемъ и темницей,
 Которому осталась лишь могила,
 Хочу свободу возвратить, хочю

Извлекъ его изъ той ужасной ночи
 Въ которой онъ провелъ семь тяжкихъ лѣтъ;
 Чтобъ онъ олять увидѣлъ Божій свѣтъ,
 Чтобы ему передъ его кончиной
 Еще хоть разъ могъ улыбнуться міръ,
 Чтобъ онъ хоть разъ полюбоваться могъ
 На солнца блескъ, на шумъ вѣтвей зеленыхъ,
 Чтобъ посмотрѣлъ онъ на цвѣты полей,
 Чтобъ встрѣтилъ взоры любящихъ людей,
 И на груди сестры своей любимой
 Нашелъ привѣтъ въ тоскѣ неутолимой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я не хочу оправдывать Альфонса;
 Но недостатка не было и въ томъ
 Что и ему нашелтывали злое
 Чтобъ устранить его отъ кроткихъ мѣръ.

ЭЛЕОНОРА.

Да, милость брата къ Тассу и моя
 Ему враговъ доставили у трона;
 Здѣсь было все: и злобы тайной ковы,
 И зависти коварной клевета,
 И оскорбленье гордости надутой,
 Которая не можетъ перенесгь
 Чтобъ надъ ея ничтожностью презрѣнной
 Достоинство прямое вознеслось.

ЛУКРЕЦІЯ.

Попробуемъ что можно будетъ сдѣлать.
 Любезень брату герцогъ Мантуанскій,
 Съ нимъ дружень и Урбино, мой супругъ,
 Графиню Савитале Скандіано
 Высоко цѣнить онъ, — они всѣ тугъ
 И намъ помочь охотно согласятся.

ЭЛЕОНОРА.

Есть у меня еще одно желанье:
 Мнѣ хочется Торквато увидать.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ? увидать его?

ЭЛЕОНОРА.

Еще хоть разъ!

Хоть разъ, пока судьба его рѣшится.

Хочу сама я видѣть какъ разбить
 Такой божественно-прекрасный образъ,
 Свое чело державшій такъ высоко;
 Какъ онъ теперь, отчаяннемъ убитый,
 Поникъ во прахъ вѣнчанной головой!
 Да, видѣть я хочу какъ эти очи,
 Въ которыхъ честь, любовь и вдохновенье,
 Свѣтясь, лучами озаряли мѣръ,
 Теперь совсѣмъ угасли, и глядятъ
 Остановясь, и только лишь порою
 Сверкнутъ огнемъ какъ молнія въ ночи.
 Да, я хочу съ нимъ видѣться — и только,
 Не говорить и даже для него
 Незримой быть. Теперь иль никогда!
 И дворъ, и городъ занять торжествомъ,
 И никому до узника нѣтъ дѣла.
 Воспользуюсь удобною минутой,
 Чтобы теперь, послѣдній въ жизни разъ,
 Лишь на мгновенье увидать того
 Въ несчастіи кого я знала въ счастье.

(Звонитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и ПАЖЬ.

ЭЛЕОНОРА.

Ждетъ кастелланъ въ пріемной?

ПАЖЬ.

Ждетъ, принцесса!

ЭЛЕОНОРА.

Введи его сюда.

ЛУКРЕЦІЯ.

Боюсь, сестра...

ЭЛЕОНОРА.

Что бъ ни было, на все рѣшилась я.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и КАСТЕЛЛАНЪ.

ЭЛЕОНОРА.

Обдумали ль мое вы предложеніе,

И можно ли исполнить вамъ его?

КАСТЕЛЛАНЪ.

Надѣюсь, герцогиня. Подлѣ комнатъ
 Безумнаго проходить галерея,
 Съ которой я во всякую минуту
 Могу его секретно наблюдать:
 Такой надзоръ надъ нимъ необходимъ.
 Такъ если будетъ вамъ угодно, я
 Введу васъ тайно въ эту галерею;
 Тамъ изъ окна удобно будетъ вамъ
 Взглянуть къ нему, оставшись незамѣтною.

ЭЛЕОНОРА.

Ну, хорошо; такъ ждите же меня.

(Кастелланъ уходитъ.)

Что за свиданье предстоить мнѣ, Боже!
 Какъ все не такъ сложилось какъ мечтала
 Когда-то я въ счастливыя мгновенья!
 Былъ сладокъ сонъ, но горько пробужденье!
(Объ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Домъ умалишенныхъ Санта-Анна. Комната Тасса, со сводами и двумя
 лѣвѣрами по сторонамъ. Вверху, въ углубленіи, видна готическая стеклян-
 ная дверь ведущая на галерею.

ТАССЪ и АНДЖИОЛЕТТА, сидящая за рукодѣльемъ, которое по време-
 намъ она откладываетъ въ сторону чтобы наблюдать за Тассомъ.

АНДЖИОЛЕТТА.

Сегодня ясный, теплый день весны:
 Щебечутъ птички, разцвѣли цвѣты,
 И къ намъ въ окно несутся ароматы.

ТАССЪ.

Что говоришь мнѣ о веснѣ, о птичкахъ!
 Нѣтъ для меня весны, какъ и зимы;
 Остановилось время надо мною,
 За годомъ годъ летитъ, но неподвижно
 Стоитъ стрѣла на каменныхъ часахъ
 Моей печальной жизни!
 Я позабылъ и ароматы весны,
 И осени роскошной красоту;

Я, на скамьѣ мученій распросергтый,
Здѣсь, какъ титанъ закованный, томлюсь
И на себѣ несущій страданій миръ.

АНДЖИОЛЕТТА.

О, будьте же спокойнѣе и тверже!
Вы знаете какъ вамъ вредитъ волнение.

ТАССЪ.

О, еслибы вредить оно могло!
Но нѣтъ! Изъ стали трижды закаленной
Отлить мой остовъ, какъ ни слабъ на видъ;
Удары молота стучать въ мой черепъ,
Но раздробить не могутъ.... вотъ что грустно!

АНДЖИОЛЕТТА.

Вотъ дядюшка.

(Входитъ кастелланъ.)

ТАССЪ.

Что новаго, мой другъ?

КАСТЕЛЛАНЪ.

Синьйоръ Монтекатино видѣть васъ
Желаетъ: герцогъ къ вамъ его прислалъ.

ТАССЪ.

Монтекатино? Нѣтъ.... я не хочу....
Не нужно мнѣ его.... не нужно!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Но

Онъ присланъ къ вамъ отъ герцога, по дѣлу;
Вамъ отослать назадъ его нельзя;
Да онъ и самъ едва ли удалится;
Васъ не выдавъ. Онъ противъ вашей воли
Увидитъ васъ.

ТАССЪ.

О, Боже милосердый!

Ужели мало имъ того что я
Здѣсь заключенъ и видѣть тѣхъ не смѣю
Кто мной любимъ, а долженъ видѣть тѣхъ
Кого я ненавижу? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Я не хочу! Пусть къ чорту онъ идетъ!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Мой добрый господинъ! Зачѣмъ хотите
Вы утруждать обязанность мою?

ТАССЪ.

Отъявленный мерзавецъ, какъ собака
 Готовъ во прахъ пресмыкаться онъ,
 Когда вдали почуетъ господина,
 И вдругъ дыбится точно гордый конь,
 И фыркаетъ, и ноздри раздуваетъ,
 Какъ будто бы ему противень воздухъ
 Которымъ долженъ съ низшимъ онъ дышать!

КАСТЕЛАНЪ.

Къ вамъ это вѣдь не можетъ относиться:
 Вы дворянинъ такой же какъ и онъ,
 Равны ему....

ТАССЪ.

Вы говорите вздоръ!
 Я жилы бы себѣ открылъ не медля,
 Когда бъ во мнѣ была хоть капля крови
 Такой какъ у него! Я равенъ съ нимъ!
 Нѣтъ! слава Богу, я ему не равенъ!

КАСТЕЛАНЪ.

Не то хотѣлъ сказать я; по породѣ
 Вы равны съ нимъ....

ТАССЪ.

Поймите же меня!

Вѣдь я не гордъ. И чѣмъ же мнѣ гордиться?
 Мнѣ никакой причины нѣтъ къ тому.
 Я знаю самъ себя, и видитъ Богъ,
 Я сознаю всѣ слабости мои.
 Во мнѣ ихъ больше чѣмъ могу я въ жизнь
 Ихъ перечестъ. На рядъ моихъ страданій
 Въ теченіе семи ужасныхъ лѣтъ
 Смотрю я какъ на праведную кару:
 Мнѣ Богъ ее послалъ, и я несу.
 Но палачи не судьи же мои,
 Не предъ людьми я былъ виновенъ въ жизни,
 И потому не имъ меня судить.
 И еслибъ я былъ черенъ какъ смола, —
 Я передъ вами бѣлъ еще какъ снѣгъ.

КАСТЕЛАНЪ.

Могу ль ввести я посланнаго?

ТАССЪ.

Какъ?

Наушника, предателя, который
 Былъ злобнѣйшимъ врагомъ моимъ всегда?
 Пусть былъ бы онъ врагомъ, врагомъ открытымъ,
 Грудь противъ груди, мечъ противъ меча,
 И еслибъ онъ пронзилъ меня желѣзомъ,
 Ему бъ я руку протянулъ съ прощеньемъ.
 Но если вспомню какъ старался онъ
 Безчестьемъ имя запятнать мое,
 Насмѣшкою, коварствомъ, клеветою....
 Нѣтъ, къ чорту! Нѣтъ, не нужно мнѣ его,
 Хотя бъ всѣ герцоги его прислали!

АНДЖИОЛЕТТА.

Торкватто!

ТАССЪ.

Ну?

АНДЖИОЛЕТТА.

О, будьте же спокойнѣй!

Припомните что мнѣ вы обѣщали.

ТАССЪ.

Ты доброе дитя! Ну, не сердись!
 Вѣдь это боль моей старинной раны.
 Ты права, я не стану волноваться,
 Хоть потому что обѣщала тебѣ.
 Ну, хорошо, введите.... негодяя!

*(Кастелланъ удаляется.)*АНДЖИОЛЕТТА *(приближаясь къ Тассу)*

О, выслушайте, Тассъ, его съ терпѣньемъ!
 Пусть онъ противенъ вамъ, но онъ явился
 Отъ герцога, такъ будьте съ нимъ добрые.

ТАССЪ.

О, милый мой цвѣтокъ! Тебя Всевышній
 Послалъ въ мою печальную темницу!
 Когда тебя я вижу, мнѣ сдается
 Что я вдыхаю свѣжій горный воздухъ
 И вижу вновь лѣса, ручьи, поляны
 И солнца свѣтъ, и нѣжный голосъ твой,
 Какъ лѣные птички вешнею порою
 Изъ-подъ роскошнаго деревьевъ свода,
 Летить ко мнѣ, и въ немъ звучить свобода!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, МОНТЕКАТИНО, КАСТЕЛЛАНЪ.

МОНТЕКАТИНО.

Торквато! Мой привѣтъ вамъ! Какъ живете?
Вы долго ждать заставили меня.
Друзей, какъ я, впускаютъ безъ доклада.

ТАССЪ.

Простите! Вамъ извѣстно—я больной,
Какъ говорить,—такъ я не ожидалъ
Такого посѣщенія, тѣмъ меньше
Отъ васъ. Но къ дѣлу, если вамъ угодно.
Чему обязанъ я высокой честью
Увидѣть васъ въ стѣнахъ моей тюрьмы?

МОНТЕКАТИНО.

Тюрьмы? Вотъ видите ль—вѣдь это развѣ
Не плодъ мечты болѣзненной? Тюрьмы!
Повѣрьте, герцогъ къ вамъ расположенъ;
А такъ какъ вамъ, при вашемъ положенъи,
Уходъ надежный нуженъ и надзоръ,
То въ этотъ домъ онъ васъ и помѣстилъ,
Послѣдовавъ разумному совѣту
Васъ любящихъ друзей.

ТАССЪ.

Благодарю

Я герцога за милость!

МОНТЕКАТИНО.

Вы такъ блѣдны,
Мой другъ: замѣтно что вы нездоровы.
Мнѣ говорили будто бы у васъ
Припадки.... меланхоліи бываютъ.

ТАССЪ.

Синьйоръ!...

МОНТЕКАТИНО.

Но видъ вашъ вовсе не таковъ
Какъ у страдающихъ такимъ недугомъ.

ТАССЪ.

Нѣтъ, я, синьйоръ, не такъ еще безуменъ,
Какъ думаютъ, чтобъ отличить не могъ
Того кто честенъ отъ того.... Но къ дѣлу!

МОНТЕКАТИНО.

Ну, вотъ, и я такого же былъ мнѣнья,
 Когда шла рѣчь у герцога о васъ:
 Вѣдь это лишь тѣлесное страданье—
 Простой избытокъ желчи, отъ которой
 На васъ находятъ нѣчто въ родѣ бреда.

ТАССЪ (*про себя*).

О Боже! исплошли Ты мнѣ терпѣнье!

МОНТЕКАТИНО.

Въ своей судьбѣ вы сами виноваты.
 Сказать по правдѣ, вы не безъ таланта,
 Который мы и цѣнимъ по заслугамъ;
 Но, извините, слишкомъ высоко
 Въ мечтахъ своихъ взлетѣвъ, вы предались
 Надеждамъ, если не преступнымъ, то
 До крайности нелѣпымъ.

ТАССЪ (*вздохнувъ*).

Это правда!

МОНТЕКАТИНО.

Поэты всѣ—народъ прещекотливый.
 Все раздражаетъ васъ. Сознайтесь сами,
 Что Круски * судъ о вашемъ сочиненьи
 Навѣрное васъ очень оскорбилъ.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, сивѣюрь! Когда мой трудъ хорошъ,
 То онъ отъ критики не станетъ хуже.
 Мой голосъ внутренней велитъ мнѣ духу,
 Которымъ я исполненъ, довѣрять.
 Не разъ я трогалъ нѣжныя сердца,
 Не разъ видалъ я слезы умиленья;
 Я увлекалъ отъ низменной земли
 Ихъ души въ высь и слышалъ благодарность
 И отъ мужей достойныхъ, и отъ женъ,—
 Такъ мнѣ ль сужденьемъ Круски оскорбляться!

МОНТЕКАТИНО.

Ха-ха! Ну что же, съ Богомъ, другъ мой!

* Академія della Crusca, принявшая въ послѣдствіи Тасса въ число своихъ членовъ. *Пер.*

ТАССЪ.

Смѣйтесь!

Мой даръ—блаженство данное мнѣ Богомъ,
 И я ни съ кѣмъ не помѣняюсь имъ.
 Ни зависть, ни коварство, ни гоненье,
 Ни самая тюрьма не въ силахъ были
 Его отнять. Онъ здѣсь, въ моей груди,
 И сохранится въ ней до лучшихъ дней.
 Не унижалъ высокаго я дара,
 Хвалой толпы не льстился никогда,
 Я вослѣввалъ лишь то что благородно.
 Что жъ для меня насмѣшки и гоненье!
 Смѣшонъ я вамъ, такъ смѣйтесь надо мной;
 Я не гонюсь за *ваши* блескомъ въ свѣтъ,
 Оставьте жъ мнѣ и *мой*—онъ не для васъ!

МОНТЕКАТИНО.

Ему я не завидую, Торквато:
 Изъ-за него я быть здѣсь не хочу.

ТАССЪ.

Да, ваша правда. Но, Монтекатино,
 Вотъ вы теперь стоите предо мной
 Во всемъ сияньѣ счастья и почета,
 Поставленный высоко при дворѣ
 И милостью монарха озаренный,
 Межъ тѣмъ какъ я, его гонимый гнѣвомъ,
 Томлюся здѣсь, оставленный, больной;
 Все это такъ. Но, проникая духомъ
 Въ далекіе грядущіе вѣка,
 Я вижу въ нихъ безсмертіе свое:
 И Тасса имя будетъ жить тогда,
 Когда о васъ никто и не помянетъ!

МОНТЕКАТИНО.

Далеко же уносить васъ мечта!

ТАССЪ.

Пусть это такъ! Пусть при дворѣ толкуютъ
 Что я бываю не въ своемъ умѣ,
 Примите смыслъ рѣчей моихъ по мѣсту
 Гдѣ вы ихъ слышали. Теперь скажите,
 Что герцогу угодно отъ меня?

Т. LXXVII.

14*

МОНТЕКАТИНО.

Ему письмо недавно вы послали....

ТАССЪ.

Такъ есть отвѣтъ? О, дайте мнѣ скорѣй!

МОНТЕКАТИНО.

Не письменный, изустный.

ТАССЪ.

Какъ? Черезъ васъ?

МОНТЕКАТИНО.

Мнѣ очень жаль; посолъ вамъ непріятель,
 Не будетъ вамъ пріятнѣй и посланье.
 Строжайше герцогъ запрещаетъ вамъ
 Впредь докучать ему присылкой писемъ,
 И какъ ему, такъ точно и другимъ.
 Вы жалобой своей обременяли
 Почти что всѣхъ окружныхъ государей.
 Онъ неприличнымъ это признаетъ.

ТАССЪ.

Какъ? Неприличнымъ? то что я скорблю,
 Что хлопочу я о своей свободѣ?...
 Ужель о ней молить мнѣ неприлично?
 Альфонсъ, Альфонсъ!

МОНТЕКАТИНО.

Когда еще хоть разъ
 Вы станете просить, васъ будутъ строго
 Здѣсь содержать. Мнѣ герцогъ приказалъ
 Подъ свой контроль принять всѣ ваши письма
 И отсылать лишь тѣ въ которыхъ нѣтъ
 Подобнаго.

ТАССЪ.

О, это слишкомъ много!

МОНТЕКАТИНО.

Мнѣ порученъ особенный надзоръ
 Надъ вами, добрый Тассъ, и что вамъ нужно,
 Скажите мнѣ, а я, сообразуясь
 Съ потребностью и вашимъ положеньемъ,
 Доставлю вамъ. Вотъ это новый знакъ
 Участья къ вамъ Альфонса; онъ заботы
 О вашемъ благѣ другу поручилъ.

ТАССЪ.

А, вотъ оно, предчувствіе мое!

МОНТЕКАТИНО..

Прощайте, другъ! Мечты свои умѣрьте,
Вы сами лучшій врачъ своей болѣзни.
Да, вотъ еще: принцесса посылаетъ
Обратно вамъ письмо, не распечатавъ.

(Подаетъ ему письмо.)

Вы видите что будетъ трудъ напрасный
Ее впередъ подобнымъ утруждать!

(Уходитъ въ сопровожденіи кастеллана.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАССЪ. АНДЖИОЛЕТТА.

ТАССЪ.

Ахъ, и она! И ты, Элеонора!
Итакъ пропало все, погасло все!
Ничто тебѣ о мнѣ ужь не наломнить,
И голосъ мой до слуха не дойдетъ!
Отверженъ я! забытъ повсюду! мертвъ!...
И тѣни нѣтъ о мнѣ воспоминанья!
Иль не полна моихъ страданій чаша?
Что сдѣлалъ я, что бѣдная душа
Моя должна нести такую муку?
Ребенкомъ—былъ съ отцомъ я осужденъ,
И голова моя оцѣнена;
Сонъ юности едва лишь миновалъ,
Былъ схваченъ я рукою произвола,
И, скованный, лежалъ какъ Прометей,
И слышалъ я надъ головой моею
Крикъ коршуна и клювъ его, и когти,
Вливаясь въ грудь мою, терзали сердце!
Ужели мнѣ терпѣть все это? Нѣтъ!
Я не хочу! Довольно! Если можетъ
Чей взоръ смотрѣть на землю равнодушно,
На ужасы которые на ней
Кшатаь,—я не хочу, я это кончу!

АНДЖИОЛЕТТА.

О, Тассъ! Послушайте меня!

ТАССЪ.

Какъ воюють

Безумные вокругъ меня! Счастливы!
 Замкнутые во мракъ вѣчной ночи,
 Не чувствуютъ, не думаютъ они!
 Не для того ль горить въ насъ свѣтъ ума
 Чтобъ видѣть мы могли свои страданья
 И мѣсто пытки наблюдать?

АНДЖИОЛЕТТА.

Торквато!

Пора бы вамъ принять литье. Оно
 Полезно вамъ. Примите!

ТАССЪ.

Прочь! Не надо!

Дай сѣры мнѣ, огня, смолы кипящей,
 Но не литья,—я не хочу его!
 Свѣтъ—дикая пустыня, человѣкъ
 Въ ней хищный звѣрь, который, изловивъ
 Свою добычу, рветъ ее на части!
 Они за мной, какъ будто за оленемъ,
 Охотились съ собаками, пока
 Я кровью не истекъ изъ сотни ранъ....
 Тогда они въ восторгъ затрубили
 Въ свои рога и стали вокругъ меня,
 Чтобъ посмотрѣть какъ я кончаюсь!

АНДЖИОЛЕТТА.

Тассъ!

ТАССЪ.

Да, это будетъ скоро!... Да и лучше!

АНДЖИОЛЕТТА.

О, Боже мой! Какія рѣчи! Тассъ!
 Какъ это вы могли сказать?

ТАССЪ.

Послушай,

Дитя мое, что я тебѣ открою:
 Сегодня или завтра поднесутъ
 Мнѣ яду въ суль, иль въ литьѣ, и вотъ
 Рѣшенье всей загадки.

АНДЖИОЛЕТТА.

Вы жестоки!

Не я ли вамъ приготавлию пищу?
 Могу ли я васъ отравить? Но полно;
 Скажите мнѣ еще хоть разъ что я
 Утѣха вамъ въ несчастьи, и опять
 Я вамъ повѣрю....

ТАССЪ.

А не то, такъ ночью,
 Проникнувъ въ этотъ домъ, они насильно
 Сорвутъ меня съ постели и потащутъ
 Туда, въ подвалъ, гдѣ съ факелами будутъ
 Ихъ сборы въ маскахъ ожидать меня,
 Чтобъ задушить суровыми руками
 Иль грудь мою кинжалами пронзить!

АНДЖИОЛЕТТА.

Вамъ дурно.... Вы шагаетесь, присядьте!

ТАССЪ (*садится на постель*).

Да, дубъ подгнилъ! Я слабъ; но не изъ страха;
 Свидѣтель Богъ что я ихъ не боюсь!
 Чтò мнѣ до нихъ! Пускай они приходятъ,
 И если я предъ ними задрожу,
 Ты рыцаремъ меня не называй.
 Но все-таки они убійцы, вѣрь мнѣ;
 Не только тѣло, душу бы мою
 Они убили, еслибы могли!

(Анджіолетта беретъ цитру и начинаетъ играть.)

ТАССЪ.

А! музыка! О, пусть она играетъ,
 Чтобъ подъ ея чарующіе звуки
 Душа моя уснула! Слой мнѣ пѣсню!

АНДЖИОЛЕТТА (*поетъ*).

Пѣсня соловьиная
 По лѣсу звучить;
 Много она чуткому
 Сердцу говорить.
 Говорить про милаго
 Въ дальней сторонѣ....
 Ахъ, когда-то свидѣться
 Съ нимъ придется мнѣ!

ТАССЪ.

Ахъ, и она на сторонѣ враговъ!
 Вѣдь это въ мозгъ ударъ и въ сердце рана!
 И нѣтъ надежды мнѣ, нѣтъ исцѣленья!
 А я любилъ ее—и какъ любилъ!

АНДЖИОЛЕТТА *(поетъ)*.

Сердце безпокойное!
 Что же ты дрожишь?
 Отчего за другомъ ты
 Трепетно слѣдишь?
 И любви, и счастья
 Тщетно ищешь ты:
 Надъ тобою тѣшатся
 Лишь однѣ мечты!

Уснулъ онъ! Такъ бываетъ съ нимъ всегда,
 Когда его волненье истощаетъ.
 О, бѣдный! Какъ ему здѣсь тяжело,
 Межь тѣмъ какъ я не вышла бы отсюда;
 Хотя я съ нимъ въ однѣхъ стѣнахъ живу,
 Но нѣтъ во мнѣ желанья ихъ оставить.
 Я за порогъ почти не выхожу,
 Я не ищу ни пляски, ни забавы,
 Все съ нимъ сижу, и рада что могу
 Ему внимать, и лишь онъ улыбнется,
 Во мнѣ восторгомъ сердце вострепнется!

(Уходитъ въ сосѣдную комнату.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАССЪ, ЭЛЕОНОРА и КАСТЕЛАНЪ *(являются въ галлерей)*.

КАСТЕЛАНЪ.

Онъ спитъ; теперь вамъ можно, герцогиня,
 Его спокойно разсмотрѣть: онъ спитъ.

ЭЛЕОНОРА *(смотритъ на Тасса; краткое молчаніе)*.

О, Боже мой! Какъ измѣнился онъ!
 Какой тяжелый, трогательный видъ!
 Ужели это Тассъ? О, силы неба!
 Кто скажетъ мнѣ: сонъ это или смерть?

КАСТЕЛАНЪ.

Да, онъ вполнѣ достоинъ сожалѣнья,

Гораздо больше чѣмъ другіе всѣ
 Которые кругомъ его сидятъ.
 Они судьбы своей не понимаютъ,
 Изъ умъ затмился, лишь воображенье
 Рисуетъ имъ картины. Ихъ мечты
 Бываютъ часто веселѣй того
 Чтò имъ даетъ дѣйствительность. Но онъ
 Вдвойнѣ страдаетъ, *чувствуя* страданье.

ЭЛЕНОРА.

Заботьтесь же о немъ какъ только можно,
 Старайтесь участь облегчить его!
 Я награжу....

КАСТЕЛАНЪ.

О, я и безъ награды

Все это исполняю: мы его
 Всѣ любимъ, а племянница моя,
 Сиротка, взрослая при немъ, всегда
 Бываетъ съ нимъ, бесѣдуетъ и нѣжно
 Заботится о немъ. И любить онъ
 Ее какъ дочь, и учить, и ласкаетъ.
 Но.... онъ проснулся....

ЭЛЕНОРА (*про себя*).

Боже! Взглядъ одинъ!

Дрожать мои колѣна!

(Тассъ бросаетъ взглядъ вверхъ и вскрикиваетъ. Въ эту минуту кастелланъ за-творяетъ стеклянную дверь. Анджіолетта стремительно вбѣгаетъ въ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТАССЪ. АНДЖИОЛЕТТА.

АНДЖИОЛЕТТА.

Чтò съ вами? Боже мой!

ТАССЪ.

Она! Она сама! Нѣтъ, я не спалъ!
 Я чувствую.... нѣтъ, это не мечта!
 Да, то была она!

(Падаетъ на колѣни и простираетъ руки къ галлерей.)

Эленора!

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната Тасса.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАССЪ. КАСТЕЛАНЪ.

ТАССЪ.

Не отрицайте! то была она!
 Хотя я много вынесъ въ эти годы,
 Сталь робокъ мой и недовѣрчивъ взоръ,
 А умъ порою утрачиваетъ ясность;
 Но это былъ не сонъ и не игра
 Фантазіи; нѣтъ, то была она!

КАСТЕЛАНЪ.

А еслибъ точно то была она?

ТАССЪ.

Зачѣмъ она явилась мнѣ не раньше?
 Когда бъ я могъ ее увидѣть прежде,
 Теперь здоровъ я былъ бы. Безъ нея,
 Какъ тѣнь на брегѣ Леты, я скитался,
 Ни жить не могъ, ни умереть. Теперь же,
 Увидаясь съ ней, я укрѣпился духомъ.
 Повѣрьте, другъ, что это было мнѣ
 Последнее прощанье. О, я вѣрю
 Тому что мнѣ пророчить чуткій духъ!
 Имъ смерть моя нужна: пока я живъ,
 Я и въ темницѣ слишкомъ близокъ имъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. МОНТЕКАТИНО. АНДЖИОЛЕТТА.

ТАССЪ.

Какъ? ужъ теперь? Ну, все равно. Я знаю,
 Вы приговоръ пришли мнѣ объявить.
 Что жъ? я готовъ темницу на могилу
 Переимѣнить. Что скажете еще?

МОНТЕКАТИНО.

Я не съ такимъ извѣстьемъ къ вамъ пришелъ;
 Напротивъ....

ТАССЪ.

Говорите не стѣсняясь,
 Не думайте что блѣдень я отъ страха.
 На странствіяхъ своихъ, въ былые годы,
 Я бархатомъ завѣшивалъ лицо:
 Такъ и на казнь пойду,—я не хочу
 Чтобъ видѣли они мое лицо;
 А то, пожалуй, скажутъ что я блѣдень.
 Лишь палачу прилично лицемѣритъ;
 Но для меня ничтожна смерть; я смѣло
 Всегда готовъ ей въ очи заглянуть!

МОНТЕКАТИНО.

Оставьте эти мрачныя идеи!
 Не нужно вашей смерти никому.
 Васъ герцогъ заключилъ сюда затѣмъ
 Что были вы опасны на свободѣ,
 Что не умѣли съ ней вы обращаться;
 Ну, словомъ, воля герцога была.
 Васъ видѣть здѣсь. Когда бъ онъ вашей смерти
 Хотѣлъ, то васъ казнили бы давно.
 Но ни о чемъ подобномъ нѣтъ и рѣчи.
 Готовьтесь вѣсть пріятную услышать:
 Для васъ теперь открыты всѣ двери;
 Тассъ, вы свободны!

ТАССЪ.

Боже!

МОНТЕКАТИНО.

Да, свободны!

ТАССЪ.

Свободенъ!... Погодите!... Вы сказали....

МОНТЕКАТИНО.

Возьмите и читайте.

ТАССЪ.

Не могу!...

Въ глазахъ темнѣеть!...

АНДЖИОЛЕТТА.

Отдохните, Тассъ!

ТАССЪ (*послѣ краткаго молчанія*).

О, сердце! лишь теперь не сокрушися!
 Свободенъ! послѣ столькихъ лѣтъ неволи!

Ахъ, мнѣ во всемъ обширномъ царствѣ слова
 Нѣтъ сладостяе звука! О, Всевышній!
 Дай словъ мнѣ, звуковъ, музыки — такой
 Чтобъ выразить восторгъ душевный мой,
 Чтобъ высказать всю радость, для которой
 Названья нѣтъ на языкѣ земномъ!

МОНТЕКАТИНО.

Но вы свободны только подъ условьемъ:
 Вамъ герцогъ запрещаетъ пребыванье
 Не только здѣсь, но и въ его владѣньяхъ,
 И если вы когда-нибудь опять
 Осмѣлитесь въ Феррарѣ появиться,
 Васъ большее постигнетъ наказанье.
 Вы изгнаны на вѣкъ! Сегодня въ ночь
 Отправьтесь въ луть: вамъ долже нельзя
 Здѣсь оставаться. Помните же это!

ТАССЪ.

О, этого довольно! Пусть, какъ нищій,
 Во власнѣцѣхъ лотацусь я въ луть.
 Какъ кающійся грѣшникъ, на колѣняхъ
 Я радъ ползти, чтобъ только здѣсь не быть!

МОНТЕКАТИНО.

Какъ вамъ угодно, только чтобъ сегодня.

ТАССЪ.

И смерть, и жизнь—ничто; свобода—все!
 Освободиться изъ темницы мрачной,
 Бродить въ лѣсу, въ горахъ, въ долинахъ, видѣть
 И ночь, и день, и небо, и цвѣты,
 Вдыхать душой алкающею воздухъ:
 Вотъ это жизнь, лишь это значить жить!
 О, еслибъ могъ парить я какъ орелъ,
 И все смотрѣть, смотрѣть, смотрѣть на землю!

АНДЖИОЛЕТТА.

Теперь, Торквато, это можно вамъ.

ТАССЪ.

Не думалъ я чтобъ могъ я быть свободенъ,
 Чтобъ въ состоянн былъ я пережить
 Звукъ чудный словъ: „Торквато, ты свободенъ!“

И вотъ я живъ! Когда бъ я въ эти годы
 Хотъ разъ одинъ увидѣлъ отчій дождь,
 Увидѣлъ дымъ Везувія далекій,
 Клубящійся въ зѣврѣ голубомъ,
 Я думаю, я умеръ бы отъ счастья!
 Теперь увижу все: и край родной,
 И прикоснусь свободной головой
 Къ родной землѣ; сестру свою увижу,
 Мнѣ дорогую, добрую сестру!

КАСТЕЛАНЪ.

И радость васъ волнуетъ такъ какъ горе.

ТАССЪ.

Монтекатино! Герцогу скажите
 Признательность душевную мою!
 Скажите что я все, все позабылъ,
 И помню лишь его благодѣянье.
 Принцессѣ передайте что.... Но чьею просьбой
 Былъ тронуть онъ, когда до этихъ поръ
 Никто не могъ къ тому его склонить?
 Кому, кому обязанъ я свободой?
 Ахъ, не хочу я быть неблагодарнымъ
 Ни передъ Богомъ, ни передъ людьми,
 Ни даже передъ самыми врагами!

МОНТЕКАТИНО.

За васъ просили многие; но этимъ
 Вамъ услужилъ, какъ думается мнѣ,
 Великодушный герцогъ мантуанскій,—
 Онъ былъ за васъ порукою.

ТАССЪ.

О Боже!

Благослови его!

МОНТЕКАТИНО.

Теперь прощайте!
 Мы не увидимъ больше васъ, а развѣ
 Услышимъ и — хорошее, надѣюсь.
 Желаю вамъ воспользоваться лучше
 И милостью Альфонса, и свободой,
 Чтобъ онъ не пожалѣлъ что вамъ ее
 Онъ возвратилъ. Желаю вамъ всѣхъ благъ!

ТАССЪ.

Отъ всей души того же вамъ желаю!

(Монтекатино уходитъ въ сопровожденіи кастеллана.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

ТАССЪ.

Я такъ доволенъ что вся желчь исчезла
 Изъ радостнаго сердца, и меня
 Его слова теперь не оскорбляютъ.
 Въ послѣдній разъ гляжу на васъ я, стѣны,
 Семь долгихъ лѣтъ скрывавшія меня,
 Свидѣтели тоски моей и горя!
 Сегодня васъ оставлю навсегда!
 Но—чудная загадка наше сердце:
 Мнѣ ихъ теперь какъ будто стало жаль!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тассъ! вы ужъ къ намъ не возвратитесь болѣ,
 И никогда я не увижу васъ!

ТАССЪ.

Да, и съ тобой я долженъ разлучиться,
 Мое дитя! вотъ капля горькой влаги
 Въ налиткѣ такъ меня очаровавшемъ!
 Ты дорога для сердца моего,
 Дороже чѣмъ ты думаешь, дороже
 Чѣмъ я могу сказать; быть-можетъ, я
 Тебѣ одной обязанъ тѣмъ что живъ!

АНДЖІОЛЕТТА.

Разстаться!... ахъ, я не снесу разлуки!

ТАССЪ.

Тебя качалъ я на моихъ колыбеляхъ,
 Малюткой ты играла здѣсь со мной;
 Ты близъ меня выросла и стала дѣввой,
 Какъ будто вдругъ теперь я это вижу....
 Да, тысячью любезныхъ сердцу нитей
 Былъ я къ тебѣ привязанъ: ты была
 Здѣсь для меня отрадой и утѣхой;

И голосомъ, и цитрою своею,
 Какъ арфою Давида, ты вливала
 Покой и миръ въ страдающую грудь!
 Пошли тебѣ Господь благословенье!

АНДЖИОЛЕТТА.

Торквато! вы меня съ собой возьмите....
 Я не оставляю васъ!...

ТАССЪ.

Что ты сказала? ..

АНДЖИОЛЕТТА.

Возьмите, Тассъ, меня съ собою! Я
 Васъ не могу оставить, не хочу!
 Остаться здѣсь одной, не видѣть васъ,
 Не слышать васъ.... о, никогда!... Возьмите
 Меня съ собой! Я буду васъ повсюду
 Сопровождать, ухаживать за вами,
 Какъ это было здѣсь.

ТАССЪ.

О, что за мысли!

АНДЖИОЛЕТТА.

Вѣдь вы больны; уходъ за вами нуженъ;
 Вы очень, очень слабы; вы слабѣе,
 Чѣмъ думаете сами—и оставить
 Мнѣ васъ однимъ, покинутымъ на свѣтѣ!

ТАССЪ.

Вотъ то-то же! Вѣдь я подгнившій дубъ:
 Не сломить буря,—рухнетъ самъ собою;
 Такъ неужель въ сухихъ его вѣтвяхъ
 Свивать себѣ гнѣздо моей голубкѣ?
 Нѣтъ, нѣтъ, Анджіолетта! Ты дитя,
 Ты при началѣ дней, я при концѣ.
 И мнѣ ль отторгнуть розу молодую
 Отъ почвы гдѣ цвѣтеть она такъ пышно,
 Чтобъ положить ее на крышу гроба?

АНДЖИОЛЕТТА.

Да, я была дитя, но не теперь!
 Я и сама не знаю что со мною
 Свершилось вдругъ, но я теперь не та.
 Лишь нынче я свои узнала чувства.
 Мнѣ мѣсто тамъ гдѣ вы; вы для меня

И свѣтъ, и воздухъ: я могу цвѣсти
 Лишь подлѣ васъ; безъ васъ должна увянуть.
 Безъ васъ, Торквато, жить я не могу!
 Не будьте жъ такъ жестоки, не отбросьте
 Вамъ преданнаго, любящаго сердца!

ТАССЪ.

Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, я васъ люблю!

И этого донынѣ я не знала:
 Моя любовь со мною возросла,
 Какъ часть меня самой, она была
 Мнѣ воздухомъ которымъ я дышала.

ТАССЪ.

О, замолчи! Да сохранить меня
 Господь, чтобъ я къ судьбѣ своей печальной
 Привилъ судьбу твоей цвѣтущей жизни!
 Пусть юность ищетъ юность и веселье;
 Веснѣ—цвѣты, счастливцу—радость счастья!
 Все это не живетъ въ моей груди.
 Нѣтъ у меня вѣнковъ для украшенья
 Твоихъ кудрей, ни вѣтки нѣтъ зеленой.
 Передъ тобой вся будущность твоя;
 Но для меня ужъ нѣтъ очарованья:
 Въ дали глухой угасли счастья дни,
 Угасли звѣзды—свѣточи мои,
 Оставивъ мнѣ одно воспоминанье.
 Да сохранить Господь тебя узнать
 Чтò суждено мнѣ было испытать!

*(Онъ цѣлуетъ ее въ голову и уходитъ.)*АНДЖІОЛЕТТА *(одна)*.

Уходитъ онъ, уходитъ! Чтò со мною?
 Духъ замираетъ, нелоятный страхъ
 Сжимаетъ грудь мнѣ холодомъ могилы,
 И приливаетъ къ сердцу кровь! О, Боже!
 Была ли я когда-либо такою?
 Ужель меня покинетъ ангелъ мой?
 Покинетъ навсегда и безъ возврата?
 Нѣтъ! никогда! Съ нимъ жизнь моя сплась,
 И мнѣ нельзя, нельзя его оставить!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь предъ дворцомъ герцога, въ Феррарѣ. Дворецъ ярко освѣщенъ, въ него входятъ и выходятъ маски.

ТАССЪ.

Нѣтъ силъ уйти отсюда! въ этомъ домѣ
 Заключено чтѣ радостью мнѣ было,
 Чтѣ горечью наполнило мнѣ жизнь.
 Еще хотъ разъ хочу взглянуть на это.
 Я здѣсь стою какъ горестный изгнанникъ
 Изъ рая пылкой юности моей;
 Но не могу сознаться въ преступленьи,
 Иль преступленьемъ назову любовь.
 Я здѣсь брожу какъ отлетѣвшій духъ,
 Котораго влечетъ сюда желанье
 Взглянуть на то чтѣ въ жизни онъ любилъ....
 Какъ тамъ свѣтло! Тамъ шумное веселье
 Справляетъ лиръ, и музыка гремитъ,
 И для гостей отворены всѣ двери.
 Но въ нихъ войти не смѣю гостемъ я:
 Мнѣ мѣста нѣтъ среди счастливецевъ міра.
 Отверженный, какъ парія земли,
 Я лишь могу воскликнуть съ сокрушеньемъ,
 Въ тотъ яркій свѣтъ изъ мрака моего:
 Прости на вѣкъ! прости, Элеонора!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТАССЪ. ДВОРЯНИНЪ.

ТАССЪ.

Скажите мнѣ, сеньйоръ, чтѣ здѣсь за праздникъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Не здѣшній вы, какъ видно по вопросу?

ТАССЪ.

Нѣтъ, я не здѣшній.

ДВОРЯНИНЪ.

Здѣсь сегодня балъ,

И входъ открытъ свободный каждой маскѣ.

Весь дворъ, самъ герцогъ будетъ здѣсь въ костюмѣ,

Чтѣбъ самому неузнаннымъ остаться

И общаго веселья не стѣснять.
Наѣхало немало иностранцевъ,
И при дворѣ, какъ слышно, будетъ свадьба.

ТАССЪ.

Какъ? свадьба? чья? какая свадьба? съ кѣмъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Да говорятъ, что герцогъ мантуанскій
Вступаетъ въ бракъ съ принцессой Леонорой.

ТАССЪ.

Съ принцессой Леонорой? (*про себя*;) Неужели
Свободу я купилъ такой цѣною?

ДВОРЯНИНЪ.

Вонъ тамъ даются маски напрокатъ,
И недорого стоить, не хотите ль
Взглянуть на балъ? не будете жалѣть.
Я самъ иду туда чтобъ удивить
Мою подругу, тамъ ее заставъ.

ТАССЪ.

Съ соперникомъ подъ ручку? Статься можетъ!

ДВОРЯНИНЪ.

О, нѣтъ, сивѣторъ! она чужда измѣны!

ТАССЪ.

Глулецъ кто вѣритъ имъ! Я ихъ извѣдалъ!
Онѣ, сивѣторъ, коварны, какъ трясина,
Которая поверхностью зеленой
Плѣвняетъ взоръ; но если только ступишь,
Какъ подъ тобой осядетъ эта зелень,
И въ глубь тебя затянетъ неизбежно!

ДВОРЯНИНЪ.

Я видѣлъ въ ней лишь доброту и нѣжность.

ТАССЪ.

Что видѣли, то было хорошо,
Плѣвнительно, святѣ какъ добродѣтель;
Но то чего не видѣли.... О, нѣтъ!

ДВОРЯНИНЪ.

Вы, кажется, не въ духѣ?

ТАССЪ.

Въ темнотѣ

Таится больше всяческихъ пороковъ
 Чѣмъ можемъ мы придумать и постичь....
 И чѣмъ прелестнѣе, тѣмъ гаже! Грудь,
 Холодная на видъ, какъ снѣгъ альпійскій,
 Скрываетъ больше жара и огня
 Чѣмъ всѣ вулканы вмѣстѣ. О, повѣрьте,
 Тѣмъ гаже, чѣмъ прелестнѣй!

ДВОРЯНИНЪ.

О, зачѣмъ

О женщинахъ такъ дурно заключать!

(Уходитъ во дворецъ.)

ТАССЪ.

Гремите трубы! бейте барабаны,
 Чтобъ заглушить души моей стenanья!
 Последняя мечта теперь исчезла,
 Разсѣялся волшебный жизни сонъ!
 Но что скорбѣтъ? виновна ли она?
 Иль никогда ты, сердце, не привыкнешь
 Быть одинокимъ въ мѣрѣ, и тогда,
 Когда ужъ гробъ открыть передъ тобою?
 Нѣтъ, Тассъ, будь твердъ, какимъ ты долженъ быть!
 Но я хочу войти туда, хочу
 Ее увидѣть, съ ней поговорить,
 Хотя бы смерть была передо мною.
 О, десять жизней я готовъ отдать
 Чтобъ только разъ еще взглянуть ей въ очи....
 А тамъ—пусть будетъ что угодно Богу!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Безикольно украшенная галерея во дворцѣ герцога. Изъ замъ слышна музыка. Входятъ и выходятъ маски.

ЛУКРЕЦІЯ и ЭЛЕНОРА *(замаскированныя)*.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая бъ ни была его судьба,
 Мы одного достигли: онъ свободенъ.

т. LXXXVII.

15

ЭЛЕНОРА.

Чтобъ умереть, какъ хочется ему.

ЛУКРЕЦІЯ.

И это вѣдь свобода.

ЭЛЕНОРА.

И притомъ

Съ такимъ трудомъ она ему досталась!

ЛУКРЕЦІЯ.

Пока онъ не уйдетъ, не буду я покойна,
Чтобъ новая бѣда съ нимъ не случилась.

ЭЛЕНОРА.

Но онъ вѣдь удался, злополучный!
Межъ тѣмъ какъ здѣсь и ширь, и торжество.
Бредетъ онъ, бѣдный, темною дорогой,
Задумчивый, покинутый отъ всѣхъ!
И не сказалъ никто ему „прости!“
Лишь я; но онъ не могъ меня услышать.

(Идутъ дальше.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАССЪ *(замаскированный пилигримъ).*

Вояъ тамъ она идетъ.—ся походка!
Межъ тысячами я ее узналъ бы,
Хотя бъ нашелъ ее на брегѣ Леты!
Ея мнѣ образъ не затмить и время,
Ни мнѣ тѣней не скроеть отъ меня!

(Слѣдуетъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОНТЕКАТИНО *(замаскированный). Другая
такая же маска.*

МАСКА.

Вы не ошиблись ли, Монтекатино?

МОНТЕКАТИНО.

Нѣтъ, это былъ Торквато.

МАСКА.

Вы сказали,

Чтобъ онъ сегодня жь ночью удался
И не являлся здѣсь?

МОНТЕКАТИНО.

Сказаль.

МАСКА.

А онь.

Все здѣсь еще! Я съ вамъ логоворю.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТАССЪ и ЭЛЕОНОРА (входятъ).

ЭЛЕОНОРА.

Что нужно вамъ? Зачѣмъ вы все за мной
Слѣдите всюду? Вамъ, какъ пилигриму,
Не слѣдуетъ спутниковъ искать.

ТАССЪ.

Но прежде чѣмъ начать онь трудный подвигъ,
Онь долженъ преклониться предъ святыней,
Чтобъ подкрѣпить себя на путь безвѣстный
Съ котораго ужь нѣтъ ему возврата.

ЭЛЕОНОРА.

О, Боже! Этотъ голосъ! Вы....

ТАССЪ.

Я мертвый, пынче вставшій изъ могилы,
И вновь туда идущій навсегда!
И еслибъ я снялъ маску передъ вами,
Мой страшный видъ васъ могъ бы испугать.

ЭЛЕОНОРА.

Тассъ! Это вы!

ТАССЪ.

Да, точно, это я!

ЭЛЕОНОРА.

Несчастный! Ахъ! могла-ль я ожидать
Такъ увидаться съ вами?

ТАССЪ.

Наконецъ

Свершилось то о чемъ не смѣлъ мечтать я:
Мой взоръ съ восторгомъ тонетъ въ вашемъ взорѣ,
Въ тѣхъ безпредѣльныхъ звѣздахъ, гдѣ душа

Моя, какъ злато, плавилась въ огнѣ,
Чтобъ сдѣлаться и чище, и блестящѣй.

ЭЛЕОНОРА.

Но знаете ль что ждетъ васъ?

ТАССЪ.

Знаю все.

Мнѣ нечего страшиться и терять.
Я ухожу, и Богъ мнѣ говорить:
Навстрѣчу я иду свободѣ высшей
Чѣмъ та которую мнѣ герцогъ даровалъ;
Но какъ ужь сочтены мои минуты,
То дайте мнѣ схватить ихъ на лету,
Чтобъ разъ еще вкусить бывшее счастье!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, еслибъ знали вы мои страданья!

ТАССЪ.

Въ своей груди носилъ я идеалъ
Того что было мнѣ всего дороже,
Всего прекраснѣй въ жизни и въ любви.
Я сохранилъ его въ моемъ несчастьи,
Душъ моей свѣтильникомъ онъ былъ,
Онъ былъ моимъ хранителемъ, когда
Мою главу удары бѣдъ разили....
Я этимъ вамъ обязанъ, Леонора!

ЭЛЕОНОРА.

О, кѣтъ! Вы мнѣ обязаны лишь горемъ!

ТАССЪ.

И ежели мое творенье въ свѣтѣ
Приобрѣло успѣхъ и похвалу,
То я и этимъ также вамъ обязанъ.
И не сердитесь, если я припомню
Тѣ дни которые, быть-можетъ, вамъ
Хотѣлось бы изъ памяти изгладить,
Не нужно вамъ краснѣть за нихъ, ни мнѣ,
Что я любовью вашей жилъ, вкушая
Амброзію небеснаго блаженства,
И, счастливый, равнялъ себя богамъ.
Благодарю, за все благодарю!

Хотя и я, какъ Иксіонъ, который,
Дерзнувъ любить Юпитера сестру,
Былъ сброшенъ въ адъ отъ тралезы боговъ!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, еслибъ я могла однимъ лишь словомъ
Всю жизнь мою, всѣ чувства передать!

ТАССЪ.

Хоть разъ еще васъ видѣть, сокрушить
Замѣкъ, уста и сердце мнѣ гнетущій,—
Вотъ что всегда моею мечтою было,
Безуміемъ, мой обуявшимъ духъ,
Стремленіемъ, которымъ я томился;
И милосердый Богъ исполнилъ все:
Я ухожу отъ васъ не безъ прощанья.
Теперь о мнѣ ни слова. Если можно,
Забудьте обо мнѣ! Да, пусть для васъ
Я буду мертвъ отнынѣ. Возвратитесь
Къ веселымъ, свѣтлымъ днямъ счастливой жизни,
Да ниспослетъ вамъ Богъ ихъ много, много!
Про вашу свадьбу говорили мнѣ....

ЭЛЕОНОРА.

Какъ? Свадьбу? Тассъ! Могли ль вы это думать?

ТАССЪ.

Какъ? Развѣ нѣтъ? Вамъ бракъ не предстоитъ?

ЭЛЕОНОРА.

Нѣтъ, и не будетъ никогда! Клянусь!

ТАССЪ.

О, поддержи теперь меня, Всевышній!

ЭЛЕОНОРА.

Такъ слушай же и вѣрь моимъ словамъ,
Какъ будто говорю ихъ умирая:
Да, мой Торквато, я тебя любила,
Люблю теперь и буду вѣкъ любить!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и ЛУКРЕЦІЯ (*входитъ поспѣшно и беретъ Элеонору за руку*).

ЛУКРЕЦІЯ.

Скорѣй закройся маской! Удалимся!

(Къ Тассу:)

Уйдите, если жизнь вамъ дорога!

ТАССЪ.

Что слышала я! Оставайтесь, ради Бога!

ЛУКРЕЦІЯ.

Нельзя, нельзя! Не слѣдуйте за нами!

(Убѣждаетъ съ Элеонорой.)

ТАССЪ.

О, рухни сводъ на голову мою

И погребни меня съ моимъ блаженствомъ!

Нѣтъ, я пойду, пойду за нею...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТАССЪ. МАСКА (загораживаетъ ему дорогу).

МАСКА.

Стойте!

ТАССЪ.

Что нужно вамъ? Цусгите!

МАСКА.

Только слово!

Вы, какъ я вижу, странникъ, и дороги

Не знаете; позвольте жь вамъ сказать:

Цѣль вашего пути—не этотъ домъ;

Дорога ваша дальше; удалитесь

И не дерзайте приходить сюда.

У входа здѣсь на стражѣ исполнны:

Онъ уничтожитъ васъ однимъ ударомъ.

Онъ васъ еще щадитъ, благодаря

Хорошему расположенью духа;

Но если встрѣтитъ васъ еще, какъ нынче,

То, головой клянусь, грозитъ вамъ смерть!

Безумецъ жалкій! Вы не излѣчились!

Вы все еще мечтаете разлучиться

Что ровня вамъ невѣсты королей,

Вамъ, для кого осталось лишь изъ долю

Безуміе да цитра, да сума!

(Уходитъ.)

ТАССЪ.

Ахъ, это говорилъ мой любимый геній!
То герцогъ былъ! Да, я его узналъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

АНДЖІОЛЕТТА.

Уйдемте поскорѣе! Васъ узнали,
И оставаться здѣсь опасно вамъ.

ТАССЪ.

Анджіолетта! Ты ли это здѣсь?

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, это я! Не сиранивайте больше!
Уйдемте лишь отсюда поскорѣе!
Я не оставлю васъ, пойду за вами,
Куда бъ вы ни пошли, мнѣ все равно!

(Запавясь опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Здѣсь вблизи Сорренто.

ЯВЛЕНІЕ I.

СКІАРА И ДВА БАНДИТА.

СКІАРА.

Вотъ, день прошелъ, и не было почина!
Здѣсь, на дорогѣ, пусто какъ въ карманѣ
У игрока.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Да, наше ремесло
Телерь хоть брось, едва на хлѣбъ хватаетъ!
Вольготнѣе быть нищимъ у воротъ
Монастыря чѣмъ рыцаремъ дѣсовъ.

СКИАРА.

Ахъ ты безстыжій, ненасытный малый!
 Ни дать ни взять какъ жадная акула,
 Чтò безпрестанно разѣваетъ пасть
 И все-таки утробы не наполнить.
 Ну, чѣмъ намъ не житье? Все есть у насъ:
 Вино,—а мы не садимъ винограда,
 И хлѣбъ,—а мы полей не засѣваемъ,
 И золото,—а мы земли не роемъ,
 И жены есть,—а свадебъ не справляемъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЬ.

А счастье повезетъ—такъ насъ повѣсятъ,
 И покупать веревку намъ не нужно.

ВТОРОЙ БАНДИТЬ.

Охота же объ этомъ вспоминать!

СКИАРА.

И эта смерть не хуже чѣмъ другія.
 Не всякій же, кто висѣлицы стоить,
 Виситъ на ней. Судьбы не избѣжишь,
 И мужъ разумный ждетъ ея спокойно.
 Морякъ выходитъ въ море, хоть и знаетъ
 Чтò много въ немъ погибло кораблей.
 Вотъ кровельщикъ иной, свалившись съ кровли,
 Убьется наповаль, такъ неужели
 И ремесломъ такимъ не заниматься?
 Не я ли самъ, вашъ атаманъ Скиара,
 Чѣмъ именемъ стращаетъ мать дѣтей,
 Добыча собирамъ лучшая чѣмъ вы?—
 Но веселъ я и въ усъ себѣ не дую,
 Хотя и мой предшественникъ, и пражній,
 И всѣ они—отъ летли не ушли.
 Чтò жь дѣлать тутъ? такое ремесло;
 Тутъ надо не роптать, а покоряться.

ВТОРОЙ БАНДИТЬ.

Смотрите! тамъ идутъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЬ.

Какой-то странникъ

Съ дѣвцею.

СКИАРА.

Ну, этотъ не похожъ
На богача, да кажется и хворымъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Пойдемте къ нимъ!

СКИАРА.

И рукъ мараить не стоить!—
Тотъ кто нанять не можетъ даже мула,
А тащится лѣшечкомъ черезъ горы,
Навѣрное сокровищъ не несетъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Ну, тутъ порою бываетъ только маска:
Иной скупецъ прикинется такимъ
Оборваннымъ бѣднягой, а въ лохмотьяхъ
Его плаща брильянты позашиты.

СКИАРА.

Ну, отойдемте въ сторону покуда,
Посмотримъ, вѣтъ ли тутъ кого вблизи.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА, въ дорожномъ платьѣ.

ТАССЪ.

Здѣсь на холмѣ хочу я отдохнуть.

АНДЖІОЛЕТТА

Вы отъ ходьбы устали.

ТАССЪ.

И отъ жизни!

АНДЖІОЛЕТТА.

О, будьте же добре!

ТАССЪ.

Ты напрасно.

Придать мнѣ хочешь бодрости. Меня
Томить не столько мой недугъ тѣлесный,
Какъ горе, какъ душевныя страданья,
Которыя влекутъ меня къ могилѣ.

АНДЖІОЛЕТТА.

А развѣ я для васъ ничто, Торквато,

Что вы, предавшись горю своему,
 Меня и слушать больше не хотите?

ТАССЪ.

О, ты мнѣ больше чѣмъ могу сказать!
 Ты ангель мнѣ посланный отъ Бога,
 Чтобъ на покой меня сопровождать.
 Ты создана не изъ земнаго гѣла;
 Какъ свѣта лучь, душа твоя чиста....
 Да, да, ты ангель!

АНДЖОЛЕТТА.

Нѣтъ, не ангель я,
 А дѣвушка которая васъ любитъ,
 Васъ не покинетъ, и готова съ вами
 И радости, и горе разделять.
 Въ моей любви не стыдно мнѣ признаться
 Ни передъ Богомъ, ни передъ людьми;
 Нѣтъ у меня надежды, нѣтъ желаній!
 Вы говорите что вы близки къ смерти,
 Вы чувствуете это,—и я вѣрю
 Предчувствію, но что бы ни случилось,
 Я неизмѣнно буду васъ вести
 Своей рукой до сѣни гробовой.
 Пока вы живы, я васъ не покину,
 А если намъ пробьетъ разлуки часъ,
 Я удалюсь опять подъ кровъ родимый
 И буду вѣчно, вѣчно помнить васъ!

ТАССЪ.

О, нѣтъ, Анджіолетта! возвратись
 Домой теперь, прошу, оставь меня!
 И безъ того ты сдѣлала мнѣ больше
 Чѣмъ можетъ сдѣлать добрая сестра.
 И вѣжная невѣста, и жена:
 Ты кинула и родину, и кровныхъ.
 Чтобъ въ край чужой меня сопровождать;
 Теперь я дома,—этого довольно!
 Ты вѣжно такъ заботилась о мнѣ,
 И бѣдность, и презрѣнье разделяла,
 Заботливо больнаго охраняла
 Тамъ, гдѣ едва пріютъ онъ находилъ:
 Весною дней ты жертвовала мнѣ

И беззаботной юности не знала;
 Еще дитя по лѣтамъ, ты со мной
 Узнала бремя старческихъ заботъ.
 Съ лица исчезла дѣтская улыбка,
 И въ тѣ лѣта, когда насъ манитъ радость,
 Лелѣешь ты живаго мертвеца.

АНДЖИОЛЕТТА.

Что вамъ жалѣть о томъ что мнѣ пріятно?
 Иль въ тягость вамъ присутствіе мое?

ТАССЪ.

Нѣтъ славы быть подругою Торквата,
 Ни счастья нѣтъ; ты это знать должна,
 Хотя тобой владѣеть заблужденъе.

АНДЖИОЛЕТТА.

Оставьте мнѣ его, — оно мнѣ мило.

ТАССЪ.

Ахъ, это злая, гибельная прихоть
 Насмѣшницы судьбы, Анджіолетта!
 Обманъ коварный силы чародѣйной,
 Которая неопытную юность
 Твою влечетъ—искать цвѣтовъ любви
 На прахъ гробовомъ!

АНДЖИОЛЕТТА.

Вы все сказали?

Оставьте, Тассо, свой напрасный трудъ!
 Когда тутъ есть какое чародѣйство,
 То я его разрушить не могу.

ТАССЪ.

Теперь стою я у воротъ Соренто:
 Я юношей оставилъ этотъ городъ,
 А возвращаюсь какъ? больной и ищущій,
 Едва способный мыслить, пораженный
 Рукой того кому всегда служилъ,
 Кого прославилъ! Да, свидѣтель Богъ,
 Альфонса слава съ пѣсню мою
 И родилась, и съ нею лишь умереть!
 Гошимый завистью, хулою Круски,
 Съ творецемъ, безобразно наказаннымъ
 Руками воровскими—вотъ какимъ
 Въ отчизну возвращается Торквата!

АНДЖИОЛЕТТА.

Вы здѣсь найдете нѣжную сестру:
Она всегда любила васъ и любить.

ТАССЪ.

Всѣмъ сердцемъ къ ней стремлюсь я; лишь одно
Отраднo для души моей печальной,
Что если мой угаснетъ жизни день,
При мнѣ родное будетъ существо
Которое мои закроетъ очи.

А то могло бы случиться что во всей
Италии, гдѣ не имѣлъ я крова,
Мнѣ бы даровой могилы не нашлось!

АНДЖИОЛЕТТА.

О, вы озлоблены!

ТАССЪ.

Озлобленъ? да!

Но ты была солутницей моею;
Не правда ли что луть мой былъ похожъ
На триумфальный бога Вакха луть
По Инди? лишь съ разницею тою
Что колесницу барсы не везли
И вокругъ нея вакханки не плясали.

АНДЖИОЛЕТТА.

Когда терѣли нужду вы дорогою,
То сами и виновны были въ томъ:
Вы не хотѣли помощи просить.

ТАССЪ.

Да, не просилъ я, и Господь свидѣтель,
Что легче умереть мнѣ чѣмъ просить.
Я голодомъ, нуждой томиться буду,
Но помощи и денегъ не спрошу.
Нѣтъ у людей понятія о чести,
О благородной гордости; они
Увѣрены что можно все купить.
Изъ всѣхъ дворовъ Итали, гдѣ прежде
Бывалъ я гостемъ дорогимъ, гдѣ Тасса
Съ любовью ждали, съ честью принимали,
Спросилъ ли хоть одинъ телерь о немъ
Когда онъ брелъ съ тобой по ихъ владѣньямъ?

Для нихъ я не лѣвецъ Ерусалима,
А лишь больной изъ дома сумашедшихъ.
Я страшень имъ, какъ будто зачумленный,
Лишь оттого что я ужь не любимецъ
Феррарскаго двора.

АНДЖИОЛЕТТА.

Что жь, если не князья,
То любить васъ народъ: въ его устахъ,
Вездѣ гдѣ только слышенъ нашъ языкъ,
Звучала ваша лѣснь. Ея налѣвы
Неслися къ вамъ изъ лодки рыбака,
Погонщикъ муловъ ею сокращалъ
Себѣ свой луть черезъ лѣса и горы.
Ужели тотъ кто ихъ такъ восхищалъ
Себѣ у нихъ приюта не нашель бы,
Когда бъ у ихъ дверей онъ постучалъ?
Зачѣмъ вы во дворцахъ его искали?
Ищу искуть такое должно сердце
Которое сочувствуетъ ему;
Такихъ сердецъ найдете вы не мало.

ТАССЪ.

И точно, я нашель такое сердце,
Нашель его въ тюрьмѣ, гдѣ не искалъ,
Нашель его безумемъ омраченный,
Нашель его передъ открытымъ гробомъ!

АНДЖИОЛЕТТА.

И потому нашли что вы—Торквато.

ТАССЪ.

И я его въ наслѣдіе оставлю
Стастливцу,—такъ желаю и надѣюсь,
Моя Анджіолетта! Но довольно.
Я здѣсь хочу немного отдохнуть. *(Садится.)*
Въ Соренто я нежданымъ возвращаюсь,
Такъ что когда войду я въ домъ сестры
Такой худой и блѣдный, то пожалуй
Она сочтетъ меня за привидѣнье.
Она меня любила горячо;
Я не хотѣлъ бы услугать ее
Нечаяннымъ приходомъ. Здѣсь въ лѣсу

Мы встрѣтили сорентскихъ пастуховъ.
 Сходи туда, пошли кого-нибудь
 Предупредить Корнелию. Лишь только
 Подумаю о ней, забьется сердце,
 Какъ будто бы вся кровь моя къ нему
 Прихлынула внезапно. Такъ отвыкъ я
 Отъ радости что даже отъ нея
 Изнемогаю будто отъ печали.

АНДЖИОЛЕТТА.

Такъ подождите, я сейчасъ приду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАССЪ (*однѣн*).

Вотъ существо которому придумать
 Достойнаго названья не могу!
 Она—цвѣтокъ надломленный до цвѣта.
 Она, какъ соловей въ глуши лѣсной,
 Все будетъ лѣтъ, томясь и изнывая,
 Пока умереть. Несчастливая! Она
 Другой любви себѣ не отыскала,
 Другаго сердца, кромѣ лишь того
 Которое перестаетъ ужь биться.
 Она при мнѣ выросла,—ребенокъ чудный,
 Задумчивый, серьезный, молчаливый,—
 Моимъ словамъ она внимала жадно;
 Но я не могъ провидѣть чувства въ ней,
 Не могъ проникнуть въ нѣдра той коры
 Которая такой алмазь таила.
 Недобрая звѣзда тебя манила
 Ко мнѣ, Анджіолетта! Тасса грудь
 Тебя не можетъ счастьемъ подарить:
 Въ ней ты найдешь лишь горе и страданье.
 Спроси о томъ Лепору! Ахъ, Лепору!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАССЪ, СКИАРА, БАНДИТЫ, потомъ АНДЖИОЛЕТТА.

СКИАРА.

Стой!

ТАССЪ.

Что вамъ нужно?

ОДИНЪ ИЗЪ БАНДИТОВЪ.

Денегъ!

ТАССЪ (*обнажая мечъ*).

Негодяи!

Я только тѣмъ того что прежде былъ,
 Когда я могъ съ троими потягаться:
 Но будь еще во мнѣ хоть искра жизни,
 Я защищать готовъ се отъ васъ.

АНДЖИОЛЕТТА (*бросается между ними*).

О, Боже!... Тассъ!...

СКИАРА.

Какъ? Вы Торквато Тассъ?

ТАССЪ.

Да, это я.

СКИАРА (*товарищамъ*).

Прочь ружья! Прочь кинжалы!
 Я человекъ суровый, но души
 Еще не продалъ чорту чтобъ рѣшился
 Убить такого мужа изъ-за денегъ.

ТАССЪ.

Вы, кажется, бандитъ?

СКИАРА.

Да, я бандитъ:

Что нужно мнѣ, беру я у другихъ;
 Но проклятъ будь тотъ грошъ который я
 Рѣшился бы отнять у васъ.

ТАССЪ.

Почемъ же

Вы знаете меня?

СКИАРА.

Всѣ, все я знаю!

Когда бь опять пришло такое время
 Какое вы въ поэмѣ описали,
 То не гнѣздила бь я въ лѣсахъ Абруццо,
 Но былъ бы такъ же воинномъ креста,
 И право, не пославшимъ!

ТАССЪ.

Что я слышу!

СКИАРА.

Телерь прощайте, благородный Тассъ!
 Когда бы мнѣ огромнѣйшій брильянтъ
 Добычею достался, то, повѣрьте,
 Что онъ меня не радовалъ бы такъ,
 Какъ то что я васъ видѣлъ. Я оставляю
 Двухъ молодцовъ васъ вывести изъ лѣса.
 — Но вотъ сюда идетъ народъ, и вамъ
 Ужь болѣе не нужно провожатыхъ.
 Прощайте, да хранить васъ Богъ! *(Уходитъ съ обоими то-
 варищами.)*

ТАССЪ.

Не грезы ль,
 Не сонъ ли это былъ, Анджіолетта?

АНЖИОЛЕТТА.

Ахъ, я едва могу сдержатъ рыданья.

ТАССЪ.

Смотри, Альфонсъ, кто мнѣ телерь защита,
 Съ тѣхъ поръ какъ ты изгнать меня велѣлъ!
 Иль только мнѣ разбойники друзья?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПОСЕЛЯНЕ, ПАСТУХИ и ПАСТУШКИ.

ВСѢ.

Ура, нашъ Тассъ! Да здравствуетъ нашъ Тассъ!

ТАССЪ.

Что значить эта сцена? Что имъ нужно?

ОДИНЪ ИЗЪ ПОСЕЛЯНЪ.

Вѣдь вы Торквато Тассо? Вы сложили
 Намъ лѣснъ о томъ какъ взяли христіане
 У мусульманъ священный гробъ Христа?

ТАССЪ.

Да, я. Но что жъ?

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ Тассъ!

ТАССЪ.

Такъ лѣснъ моя извѣстна вамъ?

ПАСТУШКИ.

Еще бы!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ только эта дѣвушка сказала,
 Что Тассъ идетъ въ Соренто и желаетъ
 Сыскать кого-нибудь для извѣщенья,—
 Я бросилъ плагу, онѣ свои стада,
 И всѣ кричали издали другъ другу,
 И всѣ слѣшили видѣть человѣка
 Котораго Господь благословилъ
 Такимъ чудеснымъ даромъ—восхищать
 Сердца такими сладкими словами.

ВТОРАЯ ПАСТУШКА.

Войдите къ намъ, сеньѳоръ, не откажитесь
 Покушать хлѣба нашего, испить
 Вина; мы будемъ рады васъ почтить,
 Какъ только будемъ въ силахъ....

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Вы больны;

Мы лучшаго вамъ мула приведемъ,
 Чтобъ васъ дорога къ намъ не утомила.

ТАССЪ.

Благодарю, друзья, благодарю!
 Не ждалъ я здѣсь найти такой привѣтъ!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Не думайте, сеньѳоръ, что если мы
 Такъ бѣдны, то не можемъ васъ цѣнить,
 Ни восхищаться вашей чудной лѣснью;
 Вамъ Богъ ее внушилъ чтобъ улаждать
 Сердца людей—и бѣдныхъ, и богатыхъ,
 И знатныхъ родомъ, и простыхъ какъ мы.

АНДЖЮЛЕТТА.

Телерь, Торквато, будете ль вы думать,
 Что васъ не чтутъ въ Итали, не любятъ,
 Что ваша лѣснь не трогаеть сердцець,
 И ваше имя умерло для свѣта?

ТАССЪ *(глубоко тронутый, озирается кругомъ)*.

Да, человѣкъ и добръ, и благородень,
 Когда одинъ съ природою; онъ чистъ

Душой, какъ чистыхъ рукъ ея созданье,
 Не искаженный гнетомъ принужденья,
 Ни пошлостью житейской суеты.
 Да, да, туда пойду я, гдѣ сердца
 Еще свѣжи, какъ въ первый день творенья,
 Гдѣ въ жилахъ кровь свободная течеть.
 О, прочь отъ блеска пышнаго дворцовъ,
 Прочь отъ людей коварныхъ и надменныхъ,
 Отъ суеты, отъ зависти презрѣнной,
 Отъ злобы ихъ и даже—отъ любви!
 Я здѣсь, въ саду лѣтнательномъ природы,
 Съ Везувіемъ дымящимся вдали,
 Въ виду равнины моря безпредѣльной
 И острововъ, разбросанныхъ по ней,
 Подъ куполомъ лазуреваго неба,
 Я буду черпать вновь изъ родника
 Поэзіи, пока не вырветъ время
 Изъ рукъ моихъ сосуда. Буду вновь
 Жезломъ волшебнымъ вызывать духовъ,
 Да служатъ мнѣ какъ нѣкогда служили!
 Тамъ буду вновь я тѣмъ къ чему Господь
 Меня призвалъ—царемъ своихъ владѣній,
 И ужь никто меня ихъ не лишитъ;
 Мнѣ лѣсъ—мое наслѣдье и вѣнецъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, КОРНЕЛІЯ и ПАСТУХИ.

КОРНЕЛІЯ *(за сценой)*.

О, гдѣ жь онъ? Гдѣ? Скорѣи къ нему, скорѣи!
(Входитъ.)

Мой Тассъ!

ТАССЪ.

Сестра! Корнелія!

КОРНЕЛІЯ.

О Боже!

Ты милосердъ! Ты внялъ моимъ молитвамъ
 И брата мнѣ въ объятія возвратилъ!

ТАССЪ.

О, дорогая, милая сестра!

КОРНЕЛІЯ.

Вотъ, послѣ столько безнадѣжныхъ лѣтъ
Ты вновь со мною, братъ мой ненаглядный;
Съ твоими вновь мои смѣшались слезы!

ТАССЪ.

Какъ? Слезы? Боже! Въ самомъ дѣлѣ слезы!
Семь лѣтъ я ихъ не зналъ, переноса
Ужасныя страданья, а теперь
Твою любовь и ласку не могу я
Принять безъ слезъ, затѣмъ что въ сердце мнѣ
Проникъ внезапно лучъ того свѣтила.
Котораго я долго не видалъ.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь со мной ты будешь неразлученъ,
Тебѣ взойдетъ здѣсь новой жизни день.

ТАССЪ.

Я вынесъ много, милая сестра!
Любовь и честь, и ненависть, и зависть,
Всѣ гени добра, всѣ духи зла
Душой моею предательски играли,
Неблагодарность мнѣ язвила сердце,
Топтало въ грязь меня высокомерье,
Все подлое и низкое въ лицо
Плевало мнѣ, а гордой власти сила
Меня пятой тяжелою давила,
Держала въ узахъ духъ свободный мой.

КОРНЕЛІЯ.

А я была далеко отъ тебя
И не могла дѣлать твоихъ страданій!

ТАССЪ.

Но я не плакалъ: я въ негодованьи
Жельзную рѣшетку потрясалъ,
Стучалъ ногою въ полъ моей темницы
И въ стѣны билъ пылавшей головой;
Но ни одной слезы не проронилъ!
Теперь же плачу я, и какъ потокъ,
Прорвавшійся на волю, льются слезы.

КОРНЕЛІЯ.

И я для чувства словъ не нахожу!

ТАССЪ.

Не такова ли доля челоѣка,
Гонимаго судьбою? Онъ упорно
Противится насилью,—а любовь
Его легко смиряетъ и смягчаетъ,
И онъ безъ слезъ не можетъ леренестъ
Привѣтнаго ея прикосновенья.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь ты осуши ихъ, чтобъ волненье
Душевное тебя не утомило.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, сестра! Пускай онѣ текутъ!
Ахъ, еслибъ съ ними вмѣстѣ утекала
И жизнь моя, чтобъ больше ничего
Отъ Тасса здѣсь на свѣтѣ не осталось!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тому назадъ лишь нѣсколько минутъ
Мечтали вы о будущности лучшей,
И вотъ опять тоскѣ вы поддались,
Забудьте жъ всѣ минувшія несчастья
И не назадъ глядите, а впередъ.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, Анджіолетта, эти слезы
Мнѣ сладостны какъ майская роса,
Онѣ въ меня вливаютъ исцѣленье:
Я чувствую весны благоуханье
Въ моей груди. Какъ нѣкогда Орестъ
Въ объятяхъ сестры, въ священной рошѣ,
Избавился отъ фурій и нашель
Покой желанный послѣ долгихъ бѣдствій:
Такъ близъ тебя и мнѣ здѣсь хорошо;
Я будто вновь возсталъ для жизни новой,
И какъ змѣя свою бросаетъ кожу,
Такъ сброшу я съ души моей печаль!

КОРНЕЛІЯ.

Коль есть бальзамъ врачующій страданья
Больной души,—его достану я;

Коль есть литье которое могло бы
 Смирить тревогу сердца твоего,—
 Я дамъ его тебѣ. Когда любовь,
 Покой и миръ твои зѣницы могутъ
 Сжегить своимъ цѣлебнымъ сномъ, я буду
 И день, и ночь заботливо стеречь
 Чтобы ничѣмъ онъ не былъ потревоженъ.

ТАССЪ.

О, перестаньте, добрыя мои!
 Пусть прежде я сберу остатокъ силы....
 Я ужь отвыкъ отъ ласки и любви;
 Онъ во мнѣ смущаютъ духъ унылый!
 Откуда мнѣ такая благодать,
 Такой избытокъ счастья неземнаго?
 Какой восторгъ мнѣ душу вдругъ объялъ?
 Иль на землѣ я гостемъ только сталъ?
 Повѣдай мнѣ, о Небо, гдѣ витаетъ
 Моя душа, предчувствіемъ полна?
 Откуда этотъ пылъ что проникаетъ
 Весь мой составъ и ярко озаряетъ
 Все вокругъ меня? Скажи что значитъ онъ,
 И что со мной? Иль это смерти сонъ?

(Поддерживаемый Корнеліей и Анджіолеттой, онъ опускается на колѣни и простираетъ руки къ небу. Народъ, удалившійся сначала въ глубину сцены, собирается вокругъ него.)

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лугъ предъ домою Тасса въ Соренто. Въ глубинѣ море и Везувій.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОРНЕЛІЯ, АНДЖІОЛЕТТА.

АНЖІОЛЕТТА.

Что вашъ больной?

КОРНЕЛІЯ,

Сегодня на зарѣ

Онъ на море съ балкона любовался
И радостно привѣтствовалъ восходъ
Изъ синихъ водъ пылающаго солнца.

АНДЖИОЛЕТТА.

Едва могу смотрѣть я на него
Безъ слезъ! Съ тѣхъ поръ какъ онъ живетъ въ, Соренто,
Узнать нельзя въ немъ прежняго Торквата:
Ни вспыльчивости нѣтъ въ немъ, ни волненья
Тревожнаго, ни быстрыхъ переходовъ
Отъ радости къ тоскѣ.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь онъ тихъ

И кротокъ сталъ, и жалобы умолкли;
Отрадою его согрѣта грудь,
Какъ будто онъ, избѣгнувъ бури, прибылъ
Въ надежный портъ.

АНДЖИОЛЕТТА.

Какъ путникъ, утомленный

Скитальчествомъ, стряхаетъ наконецъ
Дорожный прахъ у дома своего,
Такъ онъ, придя къ желанному порогу,
Стряхнулъ съ себя весь слой земнаго праха
И, просвѣтленный, радостный, теперь
Онъ кажется лишь гостемъ на землѣ.

КОРНЕЛІЯ.

Онъ съ твердостью идетъ къ своей могилѣ;
Какъ человѣкъ идущій въ дальній путь
Устраиваетъ домъ свой предъ уходомъ,
Такъ онъ теперь заботится о томъ
Чтобъ памятникъ достойный по себѣ
Въ твореніи своемъ оставить міру.

АНДЖИОЛЕТТА.

Последніе лучи того свѣтила,
Съ которымъ скоро разлучится онъ,
Златятъ ему отрадно вечеръ жизни.
Теперь гремитъ его повсюду слава,
И даже въ границъ его отчизны;

Туманъ, которымъ зависть и вражда
Старались помрачить его сіянье,
Разсѣялся, и свѣтлый ликъ поэта
Останется навѣки лучезарнымъ!

КОРНЕЛИЯ.

Такъ и мой домъ его сіяньемъ свѣтелъ,
Но ахъ! Онъ скоро снова омрачится!
Анджіолетта, милая, скажи,
Ужели я должна съ его кончиной
Лишиться не его лишь одного?
Ужели всѣ отрадныя надежды
Должны на вѣкъ съ нимъ вмѣстѣ умереть?
Ужели я, не только какъ сестра,
Но и какъ мать, должна съ разбитымъ сердцемъ
Остаться здѣсь, когда его лишусь?
Дитя мое! Тебѣ давно извѣстно
Желанье сердца моего. Мой сынъ —
Его ты знаешь, видишь ежедневно,
Какъ мать, я имъ горжусь,—тебя онъ любитъ;
Скажи....

АНДЖИОЛЕТТА.

Ахъ, ради Бога, замолчите!
Мнѣ тяжко это слышать.

КОРНЕЛИЯ.

Такъ всегда
Ты говоришь на вызовъ мой сердечный,
Ужели мой Антонио не можетъ
Надѣяться?

АНДЖИОЛЕТТА.

Вы мать его, и вамъ
Извѣстны всѣ души моей изгибы,
Мое открыто сердце передъ вами
Какъ книга; все извѣстно вамъ, и вы
Рѣшаетесь избрать меня для сына?

КОРНЕЛИЯ.

Все потому что знаю я тебя.

АНДЖИОЛЕТТА.

Я не могу ничьею быть невѣстой,
Ни Тасса, ни кого-либо другаго;

Чѣмъ для Антоніо могу я быть?
 Еще не разъ онъ въ жизни встрѣтитъ сердце
 Которое отвѣтитъ на любовь.
 Чтò я ему? Чѣмъ быть ему могу я,
 Которой дивной суждено судьбою
 Торквата жизнь съ своею сочетать?

КОРНЕЛИЯ.

Ты не всегда какъ нынѣ будешь думать
 И убѣгать отъ брачнаго вѣнца.

АНДЖИОЛЕТТА.

Ахъ, юность мнѣ не брачно улыбалась!
 Какъ смутный сонъ встаетъ передо мной
 Воспомянать мимолетныхъ дней,
 Которые мнѣ юностью казались
 Изъ всѣхъ мущинъ его лишь одного
 Я знала, и ужъ больше никого
 Мнѣ не хотѣлось знать. Благоговѣя
 Душой предъ нимъ, лита я къ нему
 Какое-то невольное влеченье!
 Какъ матерьялъ и образъ нераздѣльно
 Сливаются въ картинѣ, такъ слилось
 Торквата бытіе съ моею жизнью.

КОРНЕЛИЯ.

Чтò ты зовешь любовью—не любовь,
 Нѣтъ, вовсе не любовь, Анджіолетта!
 А страшное лишь заблужденье сердца,
 Которое не сознаетъ себя.

АНДЖИОЛЕТТА.

Мнѣ то же и Торквато говорить;
 Но какъ ни называйте это чувство,—
 Мнѣ все равно,—оно во мнѣ живетъ.
 Зачѣмъ и какъ, правдиво или ложно
 Я чувствую,—не спрашиваю я.
 Вы говорите: это не любовь;—
 Пусть будетъ такъ! Но это свѣтъ и воздухъ,
 Которымъ я живу. Пока ни слова
 Тассъ о любви со мной не говорилъ,
 И знаю я что любить онъ другую.

КОРНЕЛІЯ.

И все его ты любишь? Непонятно!

АНДЖИОЛЕТТА.

Не онъ принадлежитъ мнѣ,—я ему.

КОРНЕЛІЯ.

То сила лишь мечты, а не любви!

По случаю чудесному тебѣ

Пришлось при немъ расти и развиваться,

Отъ всѣхъ людей, отъ свѣта отчужденной;

Все было чуждо для тебя; весь міръ

Твой былъ лишь въ немъ; ему ты подчинилась.

И духъ его тобою управлялъ.

Но, милая, все это не любовь!

И что съ тобой тогда, бѣдняжка, будетъ,

Когда его похититъ смерть? Ужели

Ты и тогда при томъ же заблужденъи

Останешься?

АНДЖИОЛЕТТА.

Не только ежедневно,

Я ежечасно о его кончинѣ

Все думаю, и мысль о ней меня

Нисколько не страшитъ. Съ тѣхъ поръ какъ стала

Я чувствовать, ни часа безъ него

Я не жила, да и не знаю, буду ль

Я жить, когда его со мной не будетъ,

Мнѣ смерть его не кажется разлукой,

Не знаю, долго ль мнѣ еще придется,

Липась его, глядѣть на божій свѣтъ;

Мнѣ кажется почти что не придется!

Но что бы мнѣ ни предстояло въ жизни,

Я вамъ скажу какъ я на то смотрю:

Вотъ, напримѣръ, ничтожное колечко,

Въ него былъ вдѣланъ драгоценный камень,—

Сокровище единственное въ мірѣ,—

Его ужъ нѣтъ, осталось лишь кольцо;

Но что же въ немъ безъ камня дорогаго?

КОРНЕЛІЯ.

Не я одна, и Таессо вѣдь желаетъ

Тебя пристроить. Онъ скорбитъ душой

О будущемъ твоємъ.

АНДЖИОЛЕТТА.

Я это знаю.

КОРНЕЛІЯ.

Смотрѣть на жизнь такъ безнадежно, думать
Весною жизни объ ея кончинѣ
Въ твои года,—вѣдь это знакъ болѣзни!

АНДЖИОЛЕТТА.

Пусть будетъ такъ! Вы знаете что жемчугъ,
Безцѣнное сокровище морей,
Есть раковинъ большихъ произведенье.
Какъ этотъ жемчугъ, такъ моя любовь
Болѣзненно возникла подъ страданьемъ!
Но тише! Вотъ идетъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тъ же. ТАССЪ.

АНДЖИОЛЕТТА.

Добрый день,

Торквато! Знайте, я на васъ сердита:
Корнелія совсѣмъ меня отбила
Отъ васъ. Зачѣмъ вы передали ей
Мои права?

ТАССЪ.

Ты, доброе созданье,
Всегда служить готова!

АНДЖИОЛЕТТА.

Какъ вамъ вынче?

ТАССЪ.

Какъ выгорѣвшей лампѣ: понемногу
Она горитъ, дохнешь—и ужь погасла.

АНДЖИОЛЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! когда вашъ духъ покоенъ,
Когда давно страдающее чувство
Нашло себѣ желанное цѣленье
И раны затянулись,—здѣсь, въ Соренто,
Гдѣ окружаютъ васъ любовь и миръ,
Какъ духъ, и тѣло ваше оживетъ.

ТАССЪ.

Взгляни, какъ величаво и спокойно
 Возносится Везувій къ небесамъ!
 Его глава въ златистыхъ облакахъ,
 Какъ будто бы въ вѣнцѣ, а лурлуръ съ плечъ
 Спускается какъ царская порфира!
 Какъ все кругомъ привѣтно и спокойно:
 Прозрачный воздухъ, темныя вершины
 Деревъ, и зелень кущей виноградныхъ,
 И зеркало сверкающее моря;—
 А кратеръ все и пышетъ, и дымится!
 Вотъ мой покой! Я больше не пылаю
 Какъ нѣкогда, не извергаю лавы,
 Но въ глубинахъ еще остался жаръ.

КОРНЕЛИЯ.

Но этотъ жаръ не жжетъ, а согрѣваетъ.

ТАССЪ.

Повѣрьте мнѣ что тѣ же недостатки,
 Съ которыми на свѣтъ мы родились,
 Съ собой олять въ могилу всѣ уносимъ,
 Ни одного изъ нихъ не покидая;
 Но милосерднѣй судить Богъ чѣмъ люди.

АНДЖИОЛЕТТА.

Онъ вамъ не вмѣнить вашихъ недостатковъ.

ТАССЪ.

Изъ всѣхъ житейскихъ бурь мнѣ удалось
 Съ трудомъ спасти лишь лучшее въ себѣ,
 И я созналъ себя лишь у могилы;
 Я истинной свободы той достигъ
 Которой чужды всѣ земныя узы.
 Съ Создателемъ моимъ я примирился
 И всѣ мои разчеты кончилъ съ миромъ;
 Но сталъ ли я смиреннѣе и кротче?
 Очистился мой жаръ, но не угасъ!

КОРНЕЛИЯ.

Не долустя Господь чтобъ онъ угасъ!

ТАССЪ.

Изъ всѣхъ моихъ любимѣйшихъ желаній
 При мнѣ теперь осталось лишь одно,—

Но для меня оно дороже всѣхъ:
 Мое твореніе, мой жизни трудъ,
 Что началъ я, какъ юноша цвѣтущій,
 Что я, какъ мужъ, лелѣялъ и до гроба
 Сберегъ—и въ блескѣ шумнаго дворца,
 И въ сумракѣ темницы одинокой,
 Едва владея умственной силой,—
 Что было мнѣ источникомъ блаженства
 И бѣдствій всѣхъ виною, возбудивъ
 Ко мнѣ любовь и ненависть, и зависть;—
 Хотѣлъ бы я, пока во мнѣ есть сила
 И не угасъ огонь мой, довершить
 Мой трудъ, чтобъ онъ, оконченный вполнѣ,
 Въ потомствѣ жилъ, когда меня не будетъ.

КОРНЕЛІА.

Онъ будетъ вмѣстѣ жить съ твоею славой.

АНЖОЛЕТТА.

На немъ лежитъ безсмертія печать.

ТАССЪ.

Пусть всѣ мои грѣхи, всѣ заблужденья
 Возьметъ земля, а камень гробовой
 О нихъ молчить! Но то что я свершилъ,
 Тотъ лучъ святой, что въ грудь мою вложилъ
 Создатель мой,—да свѣтитъ вѣковѣчно
 Не мнѣ во славу, а Тому кто мнѣ
 Отверзъ уста и духъ мой открылъ!
 Я былъ несчастный, бѣдный человекъ,
 Осмѣянный, больной, гонимый, лѣнныи,
 Я чуждъ былъ всякой жизненной утѣхи,
 Я ничего не могъ назвать своимъ;
 Но я всегда потомъ оставался,
 Останусь имъ пока могу дышать
 И, часъ придетъ, окончу дни потомъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. ГРАЖДАНИНЪ изъ Соренто.

ГРАЖДАНИНЪ.

Сейчасъ пріѣхалъ князь Альдобрандини
 Съ прислугою и свитою дворянъ;

Въ Соренто онъ спросилъ гдѣ отыскать
Вашъ домъ и гдѣ живетъ Торвато Тассо.

БОРНЕЛИЯ.

Альдобрандини?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, онъ слѣзъ съ коня
И скоро будетъ здѣсь. Я послѣдилъ
Впередъ чтобъ васъ объ этомъ извѣстить.

ТАССЪ.

Онъ вѣкогда ко мнѣ благоволилъ.
Онъ мужъ достойнѣйшій,—и старъ, и младъ
Къ нему равно питаютъ уваженъе;
Знатокъ искусствъ, художниковъ онъ чтить,
Не внѣшній блескъ въ нихъ цѣнитъ, а талантъ,
Даритъ своею дружбой не по сану;
Онъ, какъ весна, и кротокъ, и привѣтливъ,
Въ немъ тѣни нѣтъ надменности кичливой;
Начитанъ и ученъ, онъ образецъ
Сановника, какимъ онъ быть бы долженъ,
Но рѣдко лишь бываетъ: вотъ какимъ
Я зналъ его. Онъ въ Римѣ при дворѣ
Высоко чтимъ!

БОРНЕЛИЯ.

Вотъ онъ идетъ сюда!

Какая свита съ нимъ!

ТАССЪ.

Пойдемъ къ нему!

Привѣтствуемъ его, какъ подобаетъ.

(Идетъ къ нему навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Кардиналь АЛЬДОБРАНДИНИ. Свита.

ТАССЪ.

Позвольте, князь, привѣтъ вамъ принести
Тому лицу чье имя вамъ когда-то
Не чуждо было. Я Торквато Тассъ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Не только мнѣ не чуждо, но и міру
Такое имя. Мрачная година

Скрывала долго васъ отъ нашихъ взоровъ,
 За тучею скрывался свѣтъ; теперь
 Разсѣялся туманъ, и снова солнце
 Изъ мрака съ прежнимъ блескомъ засіяетъ.

ТАССЪ.

Я солнце, князь? нѣтъ, я огонь блудящій,
 Чтò здѣсь и тамъ мелькаетъ безпрестанно
 И наконецъ угаснетъ межъ могилъ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Вы нездоровы, благородный Тассо,
 Но не допуститъ Богъ чтобъ геній вашъ
 Такъ рано улетѣлъ въ свою отчизну!
 Теперь мое исполню порученье:
 Хотя меня сердечное желанье
 Влекло сюда увидѣть васъ, мой другъ;
 Но все же я не больше какъ посолъ
 Отъ высшаго чѣмъ я.

ТАССЪ.

Рѣчь ваша, князь,
 Меня дивитъ. Какой же вѣнценосецъ, —
 Вѣдь только онъ быть можетъ выше васъ, —
 Припомнилъ о Торквато, о безумномъ,
 Который скрытъ въ больницѣ Санта-Анна?

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Нѣтъ, будьте лучшихъ мыслей о себѣ
 И о своихъ друзьяхъ! Нѣтъ ни дворца,
 Ни хижины простой, гдѣ бъ ваше имя
 Не чтилось высоко. Все чтò можетъ
 Исторія хорошаго сказать
 О нашей родинѣ, она прославитъ
 Ее изъ всѣхъ—отчизною искусства,
 Ея народъ—развитіе другихъ—
 Сочувствуетъ ему. Здѣсь не найдется
 Ни одного и въ грубомъ одѣяньѣ,
 Въ комъ сердце бы не билось ко всему
 Высокому, прекрасному въ искусствѣ.
 Вѣдь вы, Торквато, лучшій нашъ поэтъ,
 Вы—гордость родины и слава міра;
 Какъ ни старалась зависть васъ затмить,
 Она замолкла,—равнаго вамъ нѣтъ.

Италія склоняется теперь
 Предъ гениемъ что Богъ вамъ даровалъ;
 А чтобъ о томъ свидѣтельство дошло
 Въ грядущіе вѣка что ваше время
 Умѣло васъ достойно оцѣнить,
 Являюсь я посломъ отъ государя,
 Отъ нашего святѣйшаго отца:
 Вы Климентомъ Осмымъ приглашены
 Прибыть къ нему немедля въ Капитолій,
 Чтобъ отъ него принять вѣнецъ лавровый —
 Символь того что выше и прекраснѣй!
 И вотъ слова святѣйшаго отца:
 „Вѣнецъ, который честь даетъ другимъ,
 Достойное чело его вѣнчая,
 Получить больше славы, имъ сіяя!“

ТАССЪ.

При мнѣ ль мои всѣ чувства, или снова
 Покрыла ночь мой омраченный умъ?
 Что слышалъ я? Вѣнецъ мнѣ назначаютъ?
 Меня ждетъ Римъ и славный Капитолій,
 Гдѣ съ торжествомъ, передъ лицомъ народа,
 Меня священнымъ лавромъ увѣнчаютъ?
 И мнѣ ли, послѣ столькихъ униженій,
 Такая честь? О, духъ мой, укрѣпись,
 Не дай себя увлечь мечтою ложной!

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Пусти этотъ лавръ васъ долго украшаетъ;
 Чтобъ вашихъ дней вторая половина
 Счастливейше чѣмъ первая была!

ТАССЪ.

Могу ли я подумать, — мнѣ вѣнецъ,
 Который лишь героямъ достается
 И королямъ! Ужели сонъ чудесный
 Прекрасною дѣйствительностью сталъ!
 Да, сознаюсь, моею высшей цѣлью,
 Достойною того чтобъ для нея
 Всѣ силы духа положить, считалъ я
 Чтобъ современники нашли меня достойнымъ
 Такой высокой чести, а потомство
 Ихъ приговоръ признало справедливымъ.

И я достигъ того о чемъ мечтааь:
 На одинокую мою главу
 Сошло сіянье славы! Не считайте
 Меня глупцомъ за то что въ глубинѣ
 Души моеѣ пылающей встаютъ
 Подобныя мечтанья....

АЛЬДОБРАНДИНИ.

О, насколько,

Мой другъ! Могу ли я не понимать,
 Что вы должны цѣнить себя достойно?
 Въ сознаниі такомъ тщеславья нѣтъ.

ТАССЪ.

Тотъ не поэтъ кто можетъ вдохновиться
 Стяжаніемъ награды; но и тотъ
 Кто пламенной душою не стремится
 Къ звѣздѣ той лучезарной, что надъ нимъ
 Сіяетъ славой, — тоже не поэтъ!

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Она не всѣмъ достойнымъ воздается;
 Но здѣсь она достойнаго нашла.

ТАССЪ.

Я такъ отвыкъ отъ милости монарховъ,
 Я такъ отвыкъ отъ вѣшняго почета,
 Что на меня онъ дѣйствуетъ теперь
 Какъ свѣта лучъ внезапный на сѣлаго.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Монархъ, какимъ онъ долженъ быть, другъ Тассо,
 Монархъ душой и сердцемъ, знаетъ самъ
 Что блескъ вѣнца съ его исчезнетъ прахомъ,
 Что высшая, единственная слава
 Его лишь въ томъ когда онъ свѣтъ наукъ
 Въ своихъ владѣніяхъ распространяетъ:
 Гдѣ свѣтъ, тамъ правда царствуетъ. Такъ мыслить
 И государь меня сюда пославшій.
 Готовьтесь же со мною ѣхать завтра;
 Я самъ васъ провожу съ моею свитой.
 Ужь все готово къ празднеству; гостей
 Не мало будетъ: торжество поэта
 Устроить Римъ при лицезрѣннѣ свѣта!

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Вилла близъ Рима.

ЯВЛЕНІЕ I

ЛУКРЕЦІЯ, ЭЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ.

Довольна ль ты теперь, Элеонора?
Нашъ Тассъ достигъ награды по заслугамъ.

ЭЛЕОНОРА.

Довольна ль я? Да, милая сестра,
Довольна тѣмъ что свѣтъ теперь созналъ
Свою несправедливость. Но она,
Хотя и признана, не въ состояньи
Вознаградить его за всѣ лишенья.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какой законникъ научилъ тебя
Такъ строго различать отгѣнки права?
Намъ, бѣднымъ смертнымъ, и за то хвала
Что сознались въ своемъ мы заблужденъи.

ЭЛЕОНОРА.

Пусть такъ; но тотъ кто пострадалъ отъ насъ
Не выигралъ отъ нашего сознанья!
Нѣтъ, нѣтъ! Простить я этого не въ силахъ!
Хоть я люблю и уважаю брата,
Но никогда не буду равнодушно
Смотрѣть на тѣ жестокости какими
Мнѣ дорогую отравляли жизнь!
Нѣтъ, не могу я этого забыть!
И еслибъ на него теперь они
Корону и порфиру возложили,
Все буду помнить я что жертвой власти
Томился онъ съ безумными въ темницѣ,
Что, изгнанный изъ родины своей,
Какъ нищій онъ въ Италиі скитался,
Безпомощный, больной, забытый всѣми!

Т. LXXXVII.

ЛУКРЕЦІЯ.

Теперь его вѣнчаетъ Калитрдіи!
 Вотъ сила правды, милая сестра, —
 Что, несмотря на всѣ гоненья свѣта,
 Она изъ нихъ выходитъ съ торжествомъ.
 Пусть ненависть и зависть затемняютъ
 Ея заслуги, — силою своей
 Она стоитъ, и часъ ея настанетъ, —
 Когда почетъ ей должный воздадутъ.

ЭЛЕОНОРА.

Жаль только что достойнѣйшимъ такъ долго
 Приходится такого часа ждать!
 О, злополучный, благородный Тассо!
 Какъ рада я что мнѣ пришлось увидѣть
 Что мужъ, любимый мною, вознесенъ,
 Что самъ Альфонсъ, пристыженный, теперь
 Стараются исправить то въ чемъ прежде
 Такъ глубоко предъ нимъ онъ провинился,
 И что ему прѣвѣтствіе Феррары
 Монтекатино, врагъ его, несетъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

И все-таки ты болѣе грустна,
 Чѣмъ весела.

ЭЛЕОНОРА.

Я и сама не знаю

Какъ объяснить тебѣ мое волненье;
 Къ глазамъ невольно приливаютъ слезы,
 И раны сердца всѣ открылись вновь,
 И прежнія страданья всѣ проснулись!
 Его увижу я, какъ онъ всегда
 Являлся мнѣ въ прекрасныхъ сновидѣньяхъ:
 Покрытый славою и всѣми чтимый; —
 Но все-таки какой-то страхъ и трепегъ
 Я чувствую, тѣмъ болѣе тяжелый
 Что нѣтъ ему причины никакой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Сюда идутъ, Ленора. Успокойся!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, МОНТЕКАТИНО.

ЛУКРЕЦІЯ.

Монтекатино, здравствуйте! Скажите,
Исполнили ль вы наше порученье?

МОНТЕКАТИНО.

Исполнилъ все, принцесса. Всѣ готовы
Устроить такъ, какъ вамъ угодно было
Мнѣ приказать, чтобъ вамъ при торжествѣ
Не больше быть въ виду чѣмъ вы желали.

ЭЛЕОНОРА.

Вотъ это хорошо!

ЛУКРЕЦІЯ.

Благодарю!

МОНТЕКАТИНО.

Такой восторгъ я вижу въ первый разъ!
Съ разсвѣта все уже пришло въ движенье,
Изъ всѣхъ окружныхъ деревень народъ
Дороги всѣ усѣялъ и ликуеть.
Деревья всѣ украшены вѣнками,
Съ высокихъ мачтъ, нарочно водруженныхъ,
Цвѣтные выются флаги, и чѣмъ ближе
Подходишь къ городу, тѣмъ все тѣснѣй
Становится стеченіе народа;
Всѣ улицы кипятъ имъ, и какъ волны
Толпы несутся къ мѣсту гдѣ пройдетъ
Процессія; всѣ окна и балконы
Увѣшаны коврами дорогими,
И въ праздничныхъ одеждахъ кавалеры
И дамы съ нихъ глядятъ. Почти со всей
Италіи монархи собрались;
Кто самъ не прибылъ, выслалъ отъ себя
Посланника, и даже отъ двора
Французскаго посолье сюда пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не правда ли что вы не ожидали
Чтобъ былъ почтенъ такую честью Тассъ,

Который былъ въ больницѣ Санта-Анна
Подъ полеченьемъ дружескимъ у васъ?

МОНТЕКАТИНО.

Его врагомъ я не былъ никогда:
Я исполнялъ лишь волю государя,
Который былъ къ нему неблагоклонень.
Но какъ теперь самъ герцогъ удостоилъ
Почтить своимъ посольствомъ торжество
И эту честь назначилъ мнѣ, то я
Не смѣю заявлять свое сужденье:
Я герцога служитель и ни въ чемъ
Не долженъ быть различнаго съ нимъ мнѣнья.

ЛУКРЕЦІЯ.

Вотъ мудрыя слова! Кто научилъ
Такъ думать васъ, тотъ ловкій былъ придворный.

ЭЛЕОНОРА.

Но намъ пора. Прошу, Монтекатино,
Скажите нашей свитѣ чтобъ она
Готовилась.

МОНТЕКАТИНО.

Сейчасъ скажу, принцесса!

ЭЛЕОНОРА.

Какъ бьется сердце! Какъ стучитъ въ груди!
Ее сжимаетъ страхъ который я
Преодолѣть не въ силахъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Это радость!

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Монастырь Савъ-Онофріо. Келья, изъ которой ведетъ галлерей

ТАССЪ (у окна).

Какой прелестный видъ передо мною!
Внизу тѣнисный монастырскій садъ,
Гдѣ олеандры пышные цвѣтутъ,
И высятся красиво кипарисы,
А вонъ и дубъ гдѣ часто я сидѣлъ,
И близъ него безмолвное кладбище

Съ грядою могильныхъ камней и крестовъ;
 А за его оградой шумный городъ
 Съ толлою дворцовъ, и куоловъ, и башень,
 Съ фонтанами, со всѣмъ великолѣьемъ
 Чтò здѣсь тысячелѣтія скопили.
 И тамъ шумитъ ликующій народъ,
 Взывая имя Тасса, и тѣснитса
 Чтòбъ на меня хотъ издали взглянуть,
 А я такъ слабъ, такъ страшно утомленъ,
 Что мнѣ телерь милѣи локой кладбища
 Чѣмъ въ Капитоліи вѣнецъ!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА, одѣтая по-праздничному.

ТАССЪ.

Какъ нарядилась ты, Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Для вашего торжественнаго дня.

ТАССЪ.

О, добрая!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тамъ въ залѣ собрались
 Князья, вельможи, дамы въ пышныхъ платьяхъ,
 Чтòбъ въ Капитоліи васъ сопровождать,
 И съ нетерпѣньемъ ждутъ толпы народа
 На улицахъ. Вотъ этотъ славный день
 Всю вашу жизнь печальную искупить.

ТАССЪ.

Да, это такъ! Но нѣтъ, не вѣшній блескъ
 Меня прельщаетъ, не вѣнецъ лавровый
 И не восторгъ народа предо мной,
 Когда вступлю съ триумфомъ въ Капитоліи:
 Безъ этого я могъ бы обойтись;—
 Но что я здѣсь какъ призванный стою,
 Что мнѣ привѣтъ народный подтверждаетъ
 Что жизни трудъ мой не напрасенъ былъ,
 Что, вѣсѣтъ съ жаждой творчества, Господь
 Мнѣ столько силы далъ что за гоненья,
 Которыя я несъ отъ одного,

Хотя и государя, свѣтъ меня
 Вознаградилъ, что я не сумашедшимъ,
 Сорвавшимся съ цѣли, перехожу
 Въ грядущіе вѣка, и что потомство
 Увидитъ мой неискаженный образъ:
 Вотъ что открылъ мнѣ этотъ славный день!
 И въ слабости моей я сознаюсь,
 Хотя она некстати у могилы:
 Какъ жадно льетъ сухая почва дождь,
 Такъ этотъ день душа моя вливаетъ
 И отъ него цвѣтеть и зеленѣть!
 Онъ угасилъ, изгладилъ все что въ жизни
 Я перенесъ; но пережить еще
 Другой подобный день я бѣ не желалъ!
 Пора мнѣ на покой, Анджіолетта!
 Какъ на рукахъ у матери дитя,
 Увидѣвъ дугъ зеленый и цвѣты,
 Къ вамъ изъ окна протягиваетъ ручки,
 Такъ простираю руки я къ могилѣ!
 Что могъ бы дать еще мнѣ этотъ свѣтъ?
 Чего лишитъ меня? Въ чемъ отказать?

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, Тассо, да! Я чувствую сама
 Что вашъ расчетъ уже оконченъ съ міромъ;
 Но если вы оставите его,
 То ужъ возьмите и меня съ собою!
 Что жизнь моя была? Что я сама?
 Вѣдь я была лишь только тѣнью Тассо!
 И чѣмъ еще могу я быть безъ васъ?
 И я, какъ вы, съ днемъ этимъ наконецъ
 Достигла цѣли жизни; что теперь
 Мнѣ предстоитъ еще, то для меня
 Лишь вынѣшняго гимна отголосокъ:
 Что для меня онъ значитъ послѣ гимна!

ТАССЪ.

Не сказки то что говорятъ поэты;
 Въ природѣ есть магическія узы!
 Есть власть, которой сила подчиняетъ
 Намъ родственную душу. То не выборъ
 Влакующій сердце къ сердцу, то судьба!

Я часто, часто чувстворааъ все это:
Ты для меня не чуждое созданье,
Ты часть меня.

АНДЖИОЛЕТТА.

О, повторите это!

Мнѣ сладко знать что чувствуете вы
Такъ точно какъ и я. О, какъ я рада!

ТАССЪ.

Вотъ что, дитя, скажу тебѣ,—я знаю,
Мои слова тебя не испугаютъ,—
Поэтъ и умирающій—пророки,
А я въ себѣ обоихъ сочетала.
Не долго жить ты будешь безъ меня;
Когда мой духъ къ тебѣ изъ горнихъ отравъ
Пришлетъ призывъ, ко мнѣ придешь ты снова,
И ждать тебя не долго буду я!
Вѣдь эти розы на щекахъ твоихъ,
Что ярко такъ горятъ, не цвѣтъ здоровья,
Не юности примѣта—это смерти!

АНДЖИОЛЕТТА.

Я за тобой послѣдую, мой Тассо!

(Бросается въ его объятія.)

ТАССЪ.

Оставь пока лорывъ нетерпѣливый;
Пусть я впередъ отправлюсь въ мѣръ иной:
Созрѣетъ плодъ, падетъ онъ самъ собой.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. ЛУКРЕЦІЯ. ЭЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ.

Пришли друзья привѣтствовать васъ, Тассо!

ТАССЪ.

Принцесса! Вы? возможно ли? здѣсь, въ Римѣ?

О, какъ могу я васъ благодарить?

Какъ много счастья мнѣ въ одинъ лишь день!

ЭЛЕОНОРА.

Всегда близка была намъ ваша слава,
Зачѣмъ же быть намъ далеко отъ васъ
Въ день торжества ея?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ Италіи у васъ

Телерь одни друзья; враги исчезли.
 Присутствіе Элеоноры здѣсь
 Въ раскаянїи Альфонса васъ увѣритъ.

ЭЛЕОНОРА.

Какая радость, дорогой мой другъ,
 Что знаетъ свѣтъ васъ такъ какъ знала я!
 Телерь душой спокойна я, и что бы
 Мнѣ ни послала жизнь, я равнодушно
 Перенесу. Пошли вамъ Богъ чтобъ долго
 Вы миромъ тѣмъ желаннымъ наслаждались
 Который къ вамъ такъ поздно низошелъ!

ТАССЪ.

Какъ сочетать покой и жизнь, принцесса?
 Меня самъ Богъ содѣлалъ безлокоитнымъ!
 Я въ этотъ мигъ все это ощущаю:
 Пока вдыхать я буду воздухъ свѣта,
 Я буду все въ борьбѣ, и мой огонь,
 Чуть тлѣющій подъ пелломъ, разгорится
 Отъ легкаго дыханья вѣтерка.

ЭЛЕОНОРА.

Пусть этотъ чудный день, который насъ
 Свелъ вмѣстѣ послѣ долгихъ испытаній,
 Останется ничѣмъ неомраченнымъ!
 Зачѣмъ на услоенное море
 Волненье бурь минувшихъ вызывать
 И скрытые на днѣ его обламки
 Опять на свѣтъ изъ мрака поднимать?

ЛУКРЕЦІЯ.

Пусть новый лучъ надежды оживитъ
 Вамъ жизни луть для будущности новой.

ТАССЪ.

Та будущность, которой я желаю,
 Не въ здѣшнемъ мірѣ,—я туда стремлюсь
 Съ надеждою, на полныхъ парусахъ.
 Но дайте мнѣ о прошломъ вспомнать,
 Вѣдь станетъ скоро прошлымъ для меня

И настоящая минута!...
 Не бойтесь, я не стану извлекать
 Тѣ образы ужасные изъ моря
 Чтѣ скрыты въ немъ. О, нѣтъ! какъ водолазъ
 Нырну въ него и вынесу на свѣтъ
 Изъ глубины лишь жемчугъ драгоцѣнный,
 Сокровище моихъ воспоминаній!
 О, дайте мнѣ припомнить дни былые,
 Когда близъ васъ, въ садахъ Буонъ-Ретиро,
 Небесное блаженство я вкушалъ,
 Гдѣ грудь моя была полна мечтами
 Великихъ дѣлъ и будущности дивной,
 Гдѣ цѣлый мѣръ мнѣ тѣсенъ былъ для чувства,
 И... ахъ! для счастья моего!

ЭЛЕОНОРА. .

Ахъ, нѣтъ!

Не вспоминайте! Это былъ лишь сонъ!

ТАССЪ.

Не сонъ, но жизнь богатая была:
 Въ ней не было ни мысли, ни желанья
 Которыхъ бы я вамъ не довѣрялъ;
 Чтѣ только есть прекраснаго, всегда
 Сочувствіе въ душѣ у васъ встрѣчало.
 Да! жизнью боговъ тогда я жилъ,
 Безъ бурь, подъ вѣчнымъ солнечнымъ сіяньемъ!
 Чтѣ сдѣлалось потомъ, какъ измѣнилась
 Моя судьба,—пройду о томъ молчаньемъ.
 И вотъ опять стою я подавъ васъ,
 И чувствую, стою въ послѣдній разъ!
 Да, Леонора, мы должны разстаться!
 О, дайте мнѣ какъ прежде вашу руку,
 Въ залогъ того что никакое время
 Не измѣнило прежнихъ вашихъ чувствъ;
 А что я вамъ весь вѣкъ свой довѣрялъ,
 То вотъ вручаю вамъ мое наслѣдство
 И лучшее сокровище,—оно
 Достоинно на груди у васъ храниться!
 Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тассъ! Чтѣ вы хотите?

ТАССЪ.

Возьмите это сердце и храните,
Когда меня не станетъ; я увѣренъ,
Она любить васъ будетъ какъ меня.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что съ вами, Тассъ? О, Боже! что такое?
Вы стали блѣдны такъ!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, Боже мой!

АНДЖИОЛЕТТА.

Присядайте.

ТАССЪ.

Нѣтъ; не нужно, все пройдетъ....

ЛУКРЕЦІЯ.

Что тамъ за шумъ?

ЭЛЕОНОРА.

Что сдѣлалось такое?

АНДЖИОЛЕТТА.

Во всѣхъ церквахъ звонятъ въ колокола!

ЛУКРЕЦІЯ.

И въ цитадели Ангела пальба.

ЭЛЕОНОРА.

Ужъ началось! Идетъ Альдобрандини.

*(Вдали слышны колокольный звонъ
и пушечная пальба.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и АЛЬДОБРАНДИНИ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Простите мнѣ, принцесса, что я долженъ
Увестъ отъ васъ намъ дорогаго друга.
Ужъ часъ насталъ, и гости собрались:
Угодно ль вамъ пожаловать со мною
Къ намъ, въ сборный залъ, гдѣ ожидаютъ васъ
Чтобъ нашего лова въ Калитолій
Со свитою почетной проводить?

ЛУКРЕЦІЯ.

Идти готовы мы.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

И вы, мой другъ?

Такъ послѣшимъ; не ставемъ отдавать
Отрадныя минуты торжества.

ТАССО.

Итакъ, идемъ! Подъ свѣтъ моей могилы
Готовился смиренно я вступить,
Никѣмъ не чтимый, никому не милый,
Свою главу усталую сложить!
И снова жизнь чарующею силою
Меня къ себѣ стремится примагнитъ....
Свой высшій даръ она мнѣ предлагаетъ
И лучшими цвѣтами украшаетъ!

И этотъ звонъ торжественный и хоръ,
То горный гласъ, то Господа велѣнье!
И жизнь, и смерть, и слава, и позоръ
Лишь отъ Его зависятъ назначенья.
Къ Нему съ надеждою устремляю взоръ;
Онъ мнѣ судилъ извѣдать униженье
И торжество,—и дней моихъ конецъ
Вдругъ озарилъ безсмертія вѣнецъ!

(Уходитъ съ другими
черезъ галлерей.)

АНДЖИОЛЕТТА (смотритъ на удаляющихся).

Что, что со мною? Не обманъ ли чувствъ?
Я никогда его *такимъ* не знала!
Изъ глазъ его взоръ не его сіялъ,
То былъ иной, чудесный лучъ, и весь
Онъ просвѣтлялъ, и всѣ его черты
Мнѣ чуждыми казались....

(Вскрикиваетъ.)

Горе мнѣ!

О, Боже! Онъ упалъ! Всѣ вокругъ него
Стѣсались.... Ахъ! онъ умеръ! умеръ! умеръ!

(Бѣжитъ въ галлерей. Воскличанія:
„Да здравствуетъ Тассъ!“ раздаются
все громче. За сценой слышны музыка,
колокольный звонъ и пушечная пальба.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Большой залъ. Множество богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ. Музыканты, лажи (одинъ изъ нихъ держитъ бархатную подушку, на которой лежитъ лавровый вѣнецъ). Въ глубинѣ сцены почетная стража съ алебардами. На авансценѣ въ высокихъ креслахъ лежитъ мертвый Таосъ; у ногъ его на козлѣняхъ Анджіолетта. Кормсаля и обѣ принцессы стоятъ вокругъ него. Въ отдаленіи Монтекатино и другіе гости. Впереди всѣхъ Альдобрандини.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Все кончено! Велите прекратить
 Кликъ торжества! Пусть похоронный гимнъ
 Замѣнитъ звуки музыки веселой!
 Краса и честь Италиі угасъ!
 Два радости не могъ онъ пережить....
 Все кончено! Уже не вступить онъ
 При колокольномъ звонѣ въ Капитолій;
 Господь призывалъ его высокій духъ,
 Мы можемъ честь воздать его лишь праху.
 Онъ не вошелъ подъ свѣтъ того чертога,
 Гдѣ ожидалъ его вѣнецъ лавровый,
 Лишенный силъ, улялъ онъ на порогѣ.
 Но на главу умершаго поэта
 Я возложу теперь его вѣнецъ,
 Которымъ намъ не присудило Небо
 Его чело при жизни увѣнчать.

ЭЛЕОНОРА.

Угасъ! И вотъ ему награда наконецъ:
 При жизни—склеить тюрьмы; со смертію—вѣнецъ!

(Занавѣсъ опускается.)

Е. МИЛЛЕРЪ.

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ

НА КАВКАЗЪ

1829—1837.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЕГО КЪ МАТЕРИ, СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

Стосковался сильно Бестужевъ въ Якутскѣ. Написалъ громозвучное прошеніе, въ которомъ говорилъ что душа его рвется въ бой кровавый, и прошеніе было услышано. Оставивъ 4го іюля 1829 года Иркутскъ, Бестужевъ, вмѣстѣ съ другимъ декабристомъ, бывшимъ пралорщикомъ Толстымъ, — уже 4го августа очутился за Кавказомъ. Прошло еще двѣ-три недѣли, и онъ, рядовой № 10го Грузинскаго линейнаго полка, участвуетъ въ походахъ и въ сраженіяхъ. Въ боевой амуниции, съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ и ранцемъ за спиной, лѣзетъ на завалы, штурмуетъ городъ,—видитъ страшныя картины убійства и грабежа. Въ началѣ 1830 года Бестужевъ въ Тифлисъ, и здѣсь, среди нѣсколькихъ товарищей его бѣдствія, либо переведенныхъ изъ Сибири, либо высланныхъ прямо на Кавказъ,—а также среди добрыхъ знакомыхъ, легко найденныхъ имъ въ столицѣ Кавказа, жизнь его, казалось, должна бы была пойти не только безъ особыхъ лишеній, ни даже не безъ пріятностей.... Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу на Кавказѣ очутились изъ декабристовъ Корниловичъ, Толстой, Крив-

цовъ, Михайло Назимовъ, графъ Захаръ Чернышевъ, Нарышкинъ, Коновницынъ, князь Одоевскій, Оржицкій, Цебриковъ.... „Все это были люди получившіе большею частію хорошее воспитаніе, говоритъ баронъ Э. Э. Торнау бывшій въ тѣ годы на Кавказѣ офицеромъ, нѣкоторые съ замѣчательными душевными качествами, испытанные несчастіемъ и наученные тяжелымъ опытомъ жизни.“ * Среди ихъ, а также въ частыхъ свиданіяхъ съ находившимися на Кавказѣ же младшими своими братьями Петромъ и Павломъ, Александръ Бестужевъ предполагалъ вздохнуть свободно и возможно легко донести крестъ своихъ испытаний.... Но не такъ судила судьба.... Товарищи мало-по-малу разсланы по дальнимъ гарнизонамъ Кавказа, либо поступили въ ряды наиболее часто водимыхъ въ дѣло полковъ, — братья также разбросаны, наконецъ и самъ онъ въ началѣ же 1830 года высланъ изъ Тифлиса въ Дербентъ, въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ гарнизона этого города. Большею частію бывало, какъ встарь, такъ и въ позднѣйшіе годы, что разжалованные въ солдаты пользовались на службѣ своей весьма льготною жизнью сравнительно съ прочими рядовыми: они бывали постоянно въ обществѣ офицеровъ и не несли въ дѣйствительности тяготей солдатской службы, а затѣмъ командиры тѣхъ частей въ которыхъ находились разжалованные пользовались малѣйшимъ случаемъ чтобы выдвинуть ихъ и дать имъ право получить прощеніе. Не такъ было съ Бестужевымъ. Фортуна не улыбалась ему. Въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ проведенныхъ имъ въ дербентскомъ гарнизонѣ онъ долженъ былъ вынести всѣ бѣдствія и труды съ которыми сопряжена была въ то время, цѣлою бездною отдѣленная отъ нынѣшней, доля солдата.

Онъ томился на ученьяхъ и, по калризной командѣ грубаго баталіоннаго командира, по цѣлымъ часамъ выступалъ, наряду съ какими-нибудь рекрутами, гусинымъ шагомъ; во всей боевой амуниціи ходилъ въ караулы, стоялъ въ ранцѣ на часахъ, больной долженъ былъ ложиться не иначе какъ въ общемъ лазаретѣ съ нижними чинами; наконецъ командиръ говорилъ ему не иначе какъ „ты“.... Особенно много натерпѣлся горя и притѣсненій нѣкогда блестящій адъютантъ

* „Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи“, въ *Русско-мъ Вѣстникѣ* 1869, кн. IV, стр. 700.

герцога Виртембергскаго и законодатель русской критики и литературы—съ начала 1832 года, когда командиромъ баталіона его сдѣланъ былъ подполковникъ В—въ. Это былъ одинъ изъ такъ-называемыхъ въ русской арміи „бурбоновъ“, выслужившійся изъ солдатъ, человекъ до чрезвычайности грубый и жестокій... Придиркамъ его къ нему не было конца, — и многіе, многіе часы проведены солдатомъ Бестужевымъ въ ранцѣ, подъ палящимъ солнцемъ Кавказа. Никакія схватки съ горцами и экспедиціи въ трупы разбойниковъ Черкесовъ не были такъ томительны и ужасны какъ эта жизнь подъ вѣчнымъ произволомъ грубаго человека; малѣйшій капризъ его, и злополучный солдатъ его баталіона уже стоналъ подъ палками; полная возможность попасть подъ палки вынуждала Бестужева выполнять всѣ мельчайшія, самыя дикія требованія безпрекословно...

А между тѣмъ, съ первыхъ же дней своего пріѣзда изъ Сибири на Кавказъ, онъ уже трудился на литературномъ поприщѣ: его увлекательные, по своему времени, очерки и рассказы, его повѣсти, съ жадностью поглощавшіяся публикой, стали появляться въ журналахъ: *Военный Антикварій*, *Испытаніе*, *Вечеръ на Кавказскихъ водахъ*, *Лейтенантъ Блюзоръ*, *Путѣды*, *Страшное гаданье*, *Алмалатъ-Бекъ*, и прочія его произведенія уже украшали лучшіе журналы своего времени: *Сынъ Отечества*, *Московский Телеграфъ*, а къ 1832 году интересъ и вниманіе читателей до того были возбуждены талантомъ А. Марлинскаго, что сестры его нашли возможнымъ выпустить собраніе его повѣстей и рассказовъ, и оно было быстро раскуплено. И чѣмъ тяжеле было дѣйствительное положеніе Бестужева, неволею хоронившагося отъ русской публички подъ псевдонимомъ Марлинскаго, тѣмъ, казалось, живѣе работала его фантазія, тѣмъ увлекательнѣе вырабатывались подробности замысловатыхъ сюжетовъ его повѣстей и рассказовъ. Обтирая стѣны какихъ-нибудь душныхъ карауленъ, либо томясь еще въ болѣе грязныхъ, зараженныхъ убійственнымъ миазмомъ лазаретахъ, онъ обдумывалъ и писалъ свои сочиненія. Твердость духа этого человека поразительна. Работая среди самой тяжкой обстановки, онъ въ то же время никакъ не могъ поручиться что трудъ его дойдетъ до предназначавшейся ему цѣли: онъ могъ погибнуть на почтѣ, въ ту эпоху въ высшей степени неаккуратной, какъ гнула масса посылавшихся къ нему и отъ него писемъ, посылокъ и денегъ; могъ пропасть въ тѣхъ

передаточныхъ инстанціяхъ, какъ напримѣръ въ канцеляріи III отдѣленія, чрезъ которую, по крайней мѣрѣ въ первые годы его осыльной жизни, проходили почти всѣ его письма и посылки, наконецъ могъ захлеснуться въ красныхъ чернилахъ тогдашней цензуры, полосовавшей все живое, своеобразное, все касавшееся не мечтательной, а дѣйствительной жизни...

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Бестужевъ и въ дербентской каторжной жизни нашелъ для себя уголокъ гдѣ онъ весь оживалъ, гдѣ природная веселость его и остроуміе развертывались въ полномъ своемъ блескѣ, при живительной добротѣ, гостепріимствѣ и радушіи хозяевъ. То было семейство коменданта Дербента Шниттнитокова.

Этому почтенному человѣку (нынѣ давно уже покойному) и его достойной супругѣ Таисѣ Максимовнѣ Бестужевъ вполне обязанъ что не палъ подъ гнетомъ ярма, которымъ силился его „вывести въ расходъ“ Богъ вѣсть изъ чего возненавидѣвшій его командиръ В—въ. Любопытно что послѣдній, злобась на коменданта изъ-за какихъ-то дразгъ, вымещалъ злобу на Бестужевѣ: онъ зачастую умышленно ставилъ его въ ранцѣ на часы къ комендантскому дому, — и „какъ часто,“ разказывала намъ Таиса Максимовна, „приходилось намъ угощать у себя Бестужева не иначе какъ видя его истомленнымъ всюю тяжестью боевой амуниціи и подъ ранцемъ“....

Лишь въ этомъ семействѣ Бестужевъ отводилъ свою душу, съ увлеченіемъ читалъ имъ свои сочиненія, разказывалъ планы замышляемыхъ имъ повѣстей и романовъ, либо увлекалъ своихъ добродушныхъ слушателей сужденіями своими о прочитанныхъ книгахъ, шутилъ, балагурилъ, рѣзвился съ дѣтьми. Читалъ онъ много. Усердные корреспонденты его братья Полевые, также Гречъ, и наконецъ сестры присылали ему множество книгъ. Лучшіе нѣмецкіе, французскіе и англійскіе авторы, хотя и поздно, но всегда являлись въ его саклѣ; о русскихъ книгахъ и журналахъ и говорить нечего: крайне неаккуратно, въ разсыпную, нерѣдко сильно истреланные дальнимъ и небрежнымъ перевозомъ, они все-таки прибывали къ нему, нерѣдко впрочемъ заставляя недѣли и даже мѣсяцы томиться въ ожиданіи....

Страшный случай въ началѣ 1833 года, — а именно смерть одной дѣвушки, дочери унтеръ-офицера, ходившей къ Бестужеву, смерть въ его квартирѣ, на его кровати, отъ нечаянно разряженнаго ею пистолета, — былъ причиною большихъ

непріятностей постигшихъ Бестужева. Между прочимъ надъ нимъ было наряжено тѣмъ же г. В—вымъ томительное и тридирчивое слѣдствіе; этотъ же случай, отдаливъ отъ Бестужева прощенье, удалилъ его и изъ Дербента. Въ началѣ 1834 года онъ былъ переведенъ рядовымъ же во 2й гренадерскій ливейный баталіонъ, въ Ахалцыхъ. Какъ ни тяжела была жизнь въ Дербентѣ, съ грустью оставилъ онъ его чтобы протянуть свою ламку въ дальней крѣпости, въ убійственномъ климатѣ, среди незнакомыхъ и чуждыхъ людей. Проѣздомъ чрезъ Тифлисъ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть своего младшаго брата Павла: это было ихъ послѣднее свиданіе. Павелъ Бестужевъ, въ то время поручикъ артиллеріи, заявилъ себя какъ мужественный и искусный офицеръ, отличился нѣкоторыми изобрѣтеніями и усовершенствованіями по артиллерійской части (Бестужевскіе прицѣлы) и въ 1834 получилъ разрѣшеніе перейти на службу въ Петербургъ.... Съ братомъ Петромъ Александръ Бестужевъ разстался еще въ 1832 году: несчастный молодой человѣкъ, вѣсншій свою долю солдата въ теченіе шести лѣтъ, участвовалъ во множествѣ экспедицій, былъ тяжело раненъ и наконецъ, не вынесши своего положенія, сошелъ съ ума. Несчастному постоянно грезилось что всѣ посягаютъ на его жизнь, что его преслѣдуютъ, мучать и. т. д. Нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1832 году, проведены были имъ у брата Александра, и послѣдній истомился зрѣлищемъ ужаснаго недуга брата; наконецъ Петру Бестужеву разрѣшенъ былъ возвратъ на родину, и онъ отправился туда доживать немногіе оставшіеся ему годы страдальческой жизни....

1835—1836 годы проведены были Бестужевымъ въ безпрерывныхъ почти переѣздахъ и переходахъ, въ экспедиціяхъ, набѣгахъ за Кубань и упорныхъ схваткахъ съ горцами. Ахалцыхъ, Геленджикъ, Гагры и Пицунды (послѣднія двѣ крѣпостцы на Черномъ морѣ, въ углу побережья, славились губительнѣйшими лихорадками и горячками), и наконецъ Кутаисъ, были, попеременно, главнѣйшими станціями, въ которыхъ доводилось ему отдыхать среди трудовъ боевой жизни. Въ это время труды эти стали наконецъ окупаться; въ 1835 году онъ получилъ унтеръ-офицерскіе галуны, а десять мѣсяцевъ спустя произведенъ былъ въ прапорщики....

Съ удивительнымъ жаромъ ловилъ онъ выдававшіеся ему дни отдыха отъ его боевой жизни! Значеніе его въ литерату рѣ росло все болѣе и болѣе. Издатели и редакторы журна-

ловъ и альманаховъ засыпали его предложеніями о сотрудничествѣ; издатели *Энциклопедическаго Лексикона* сочли важнымъ также послать ему челобитье; предприимчивый Смирдинъ положилъ „Марлинскому“ жалованье въ 5.000 руб. чтобы тотъ только работалъ для его *Библиотеки для Чтенія...* Несмотря на неаккуратность въ платежахъ со стороны нѣкоторыхъ издателей (какъ напримѣръ, гг. Греча и какого-то Андреева, на которыхъ часто жалуется своимъ роднымъ Бестужевъ), ни на пролажи на почтѣ денегъ, работая при такой тяжелой обстановкѣ при какой едва ли и до него, и послѣ него трудился русскій литераторъ, Бестужевъ уже въ 1834 году сколотилъ капиталецъ въ 12.000 руб., который и былъ положенъ въ ломбардъ, а въ слѣдующемъ году онъ уже могъ положить сумму въ 50.000 руб., разумеется ассигнаціями.

Послѣдніе два, 1835—1836, года, несмотря на всѣ тягости походо́въ и битвъ, были вообще самыми счастливыми въ жизни Бестужева со времени катастрофы 14го декабря 1825. Деньги, извѣстность и всюду радушный и предупредительный пріемъ—все это вышло на его долю. Кратковременные пріѣзды его въ Тифлисъ доставляли ему полнѣйшіе триумфы. Въ домахъ именитѣйшимъ представителей населенія и въ семействахъ высшихъ начальниковъ края онъ былъ самымъ дорогимъ гостемъ: особенно внимательны и предупредительны были къ нему дамы; его блестящее дарованіе, остроуміе, романтическая судьба и наконецъ открытая, полная благородства и симпатичности наружность, все привлекало къ нему сердца его читательницъ и поклонницъ....

Но главною отрадой Бестужева во всѣ годы его скитальческой и страдальческой жизни, буквально почти до того момента когда пули и шашки Черкесовъ сразили его 7го іюня 1837 года, была переписка съ сердечно-любимыми имъ матерью, сестрами и братьями. Ни пролажа писемъ отъ неаккуратности почты, ни тотъ официальный луть которымъ большая часть ихъ шла, ни наконецъ то обстоятельство что отвѣтовъ на письма доводилось ждать по нѣсколькимъ мѣсяцамъ, ничто не останавливало Бестужева: каждая двѣ недѣли онъ писалъ въ уединенную деревеньку Сольцу, на берега Волхова, гдѣ нетерпѣливо ждали этихъ золотыхъ грамотокъ старушка мать и три сестры его, и время отъ времени слалъ онъ большія письма ко своимъ кровнымъ друзьямъ и братьямъ въ Петровскій острогъ, въ Нерчинскій округъ. Предъ нами

сорокъ такихъ писемъ, не издаваемыхъ досель, но какъ по содержанию и изложенію, такъ и по отношенію къ личности писавшаго вполнѣ заслуживающія обнародованія. Читатель найдетъ въ нихъ прекрасныя, полныя жизни и не утратившія досель своей свѣжести описанія картинъ кавказской природы: длиннаго пути изъ Сибири на Кавказъ; быта горцевъ; описаніе городовъ: Эрзерума, Дербента и побережья Чернаго моря; очерки сраженій и штурмовъ городовъ; тонкія замѣчанія о будущности и значеніи Кавказа для Россіи въ торговомъ, промышленномъ и другихъ отношеніяхъ; замѣчанія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и Россіи къ Европѣ; и все это написано прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ.

Особенно интересны письма Бестужева къ его братьямъ Николаю и Михаилу; въ нихъ онъ, зачастую, вдается въ сужденія о современной литературѣ: оправдывается противъ замѣчаній которыя дѣлаетъ на его сочиненія братъ его Николай (ум. въ 1855 г.), толкуетъ о сочиненіяхъ Пушкина, Карамзина, Н. Полеваго, Бальзака, Булгарина, Виктора Гюго. Последній—его кумиръ, обстоятельство весьма интересное, потому что, быть-можетъ, этимъ увлеченіемъ и объясняется тотъ крайне фигурный языкъ который усвоилъ себѣ „Маршальскій“ въ повѣстяхъ и романахъ написанныхъ въ послѣдніе годы его жизни. Вообще съ замѣчаніями его о современной ему словесности далеко не всегда можно согласиться (особенно несправедливъ его отзывъ о безсмертномъ трудѣ Карамзина), и тѣмъ не менѣе они все-таки интересны, какъ замѣтки человека умнаго, даровитаго, много читавшаго и размышлявшаго.

Нѣкоторыя изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ Бестужева останавливаютъ вниманіе своимъ искусственнымъ, такъ сказать казеннымъ тономъ, выпрежними изъявленіями чувствъ признательности и т. п. Это объясняется тѣмъ что Бестужевъ имѣлъ въ виду не всегда только тѣхъ къ кому писаны были его письма, а и тѣхъ случайныхъ лицъ которыя иногда прочитывали его письма прежде чѣмъ доставить ихъ по адресу. Очевидно имѣя это въ виду, онъ въ письмахъ своихъ въ *Петербургѣ* разъ или два подпускаетъ тучу самаго льстиваго еуміама о дѣйствіяхъ на Кавказѣ Паскевича и одного изъ его преемниковъ, барона Розена, а въ письмахъ своихъ въ *Москву* къ Полевымъ (въ 1861 году напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*) и еще болѣе въ письмахъ къ брату Павлу, въ Тифлисъ (см. *Отче-*

стениныя Записки 1860), говоритъ о тѣхъ же лицахъ совершенно иначе: рѣзко и откровенно.

Съ другой стороны, всѣ письма свидѣтельствуютъ о Бестужевѣ какъ о человѣкѣ который, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, тщеславіи и фанфаронствѣ, отличался удивительнымъ трудолюбіемъ, замѣчательною силою воли и многими возвышенными качествами. При самыхъ тяжкихъ условіяхъ жизни, онъ не только работалъ для матеріальной поддержки себя и *всѣхъ своихъ четырехъ братьевъ*, но и заботился о приобрѣтеніи новыхъ знаній. Пытливый умъ его постоянно жаждалъ новой пищи. Зная прекрасно языки французскій и англійскій, онъ изучалъ италянскій, а живя въ Дербентѣ, съ необыкновенною легкостью овладѣваетъ языкомъ татарскимъ, начинаетъ свободно изъясняться на немъ, знакомится научнымъ образомъ съ языкомъ арабскимъ, „стремится“, по собственному выраженію, къ языку персидскому.* И все это не самохвалство. Лица знавшія Бестужева на Кавказѣ вполне подтверждаютъ справедливость показаній его о трудовой жизни и его успѣхахъ на поприщѣ самообразования.

Нѣжная заботливость его о братьяхъ и вообще о родныхъ заслуживаетъ особаго вниманія. Думы и заботы объ улучшеніи ихъ положенія и объ обезпеченіи ихъ будущности одушевляютъ Бестужева въ трудахъ его и занимаютъ его до послѣдняго часа жизни. Нельзя равнодушно читать тѣ многочисленные мѣста его писемъ которыя относятся къ этому предмету.

Представляемая здѣсь письма печатаемъ мы впервые и притомъ съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ въ мое распоряженіе Е. А. и М. А. Бестужевыми, сестрой и братомъ покойнаго; къ сожалѣнію, нѣсколько писемъ отъ времени, сырости, а можетъ-быть отъ тысячеверстныхъ лутешествій ими совершенныхъ, дошли до нашего времени сильно протертыми и сотлѣвшими: таковы письма подъ №№ V, VI, VII, VIII, IX и нѣкоторыя другія. Само-собою разумѣется что мы печатаемъ письма безъ измѣненій, кромѣ небольшихъ выпусковъ слишкомъ частныхъ семейныхъ подробностей; впро-

* Какъ велика была его любознательность видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: въ 1835 году онъ пролежалъ въ постели нѣсколько недѣль, въ Пятигорскѣ, тяжело больной; не зная чѣмъ развлечься, Бестужевъ прочелъ въ это время массу медицинскихъ книгъ.

чемъ, многія изъ таковыхъ подробностей мы не нашли нужнымъ олуskать, такъ какъ онѣ обрисовываютъ нравственный обликъ этого человѣка.

Печатаемые документы, гдѣ оказалось нужнымъ, обставлены примѣчаніями, причемъ мы сочли излишнимъ приводить въ соответственныхъ мѣстахъ перечни сочиненій и изданій Марлинскаго, такъ какъ этого рода подробныя библиографическія примѣчанія напечатаны мною при письмахъ Бестужева къ брату его Павлу въ *Отечественныя Записки* 1860 (кн. V, VI и VII).

Въ концѣ писемъ приведены извѣстія о гибели Александра Бестужева, дополняющія и исправляющія свѣдѣнія напечатанныя мною объ этомъ событіи въ вышеуказанныхъ статьяхъ.

1.

Тифлисъ, 15го августа 1829.

Я въ Грузіи. Надо мной гаетъ тлетворное тифлисское небо, и за мной бѣлѣютъ вдали снѣжные хребты Кавказа. Наконецъ я видѣлъ Кавказъ, который жаждалъ видѣть съ самаго дѣтства, и до сихъ поръ не насытился этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Надобно самому испытать возвышенное чувство проникающее душу при подножіи лдяныхъ горъ, чтобы ловѣрить силѣ и сладости сего впечатлѣнія. Сибирскія горы во многихъ мѣстахъ живописнѣе Кавказа и почти всегда разнообразнѣе, но величественность его ни съ чѣмъ несравнима: она поражаетъ, приковываетъ васъ; она чаруетъ не одни взоры, но душу. Мнѣ даже на письмѣ жаль свести съ нихъ глаза чтобы хронологически описать свое путешествіе. Возвратимся къ Саянскому хребту, съ котораго спустился я 4го юля, и отъ котораго ровно чрезъ мѣсяць въѣхалъ уже подъ тѣнь Кавказа.

Ничто не могло быть пріятнѣе нашего путешествія: самое лучшее время года, то-есть лѣто, разсыпало полною рукой обиліе травъ и плодовъ, а доброе расположеніе духа позволяло видѣть все *въ настоящемъ видѣ*. Надежда трелетала надъ нами крыльями, и все кругомъ насъ жило и любило. Мы скоро оставили за собой волнистыя долины Иркутской губерніи; скоро Обь и Енисей зашумѣли за нами, и мы, налутствуемые во всю дорогу зноемъ, въѣхали въ печальную тундру Барабикской степи. Стоячія болота заражали тамъ воздухъ. Кони въ деревняхъ валились тысячами, и язва перешла на людей. Мы проѣзжали съ опасностію сквозь или около зараженныхъ деревень, и нерѣдко впрягали жеребятъ въ повозки, имѣя на козлахъ привидѣніе вмѣсто кучера. Наконецъ чрезъ двѣ

недѣли мы покинули Сибирь. Окрестности Екатеринбургa есть одно изъ живописнѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстъ въ Россіи. Очень многіе города наши гораздо хуже тамошнихъ селъ, и вообще довольство, всеобщая образованность радуютъ сердце. Казань и Симбирскъ мелькнули и исчезли изъ виду, но не изъ памяти моей—это весьма красивые города. И вотъ вѣхали мы въ степи Саратовскія. Скучное мѣсто! Только порой встрѣча съ матушкой Волгой утѣшала меня, и потомъ видъ прелестныхъ нѣмецкихъ колоній, изъ коихъ перлъ—Сарелта стоить вниманія. Отъ стѣвъ Астрахани поворотили мы олять въ степи—въ степи лецанья и безводныя, населенныя только милліонами болотныхъ птицъ, дикихъ гусей, дрофъ и беркутовъ. Только несчисленныя стада птицъ сихъ оглашаютъ пустыню зыблемую вихремъ, и только желтѣющая кора на поверхности соляныхъ озеръ сверкаетъ тамъ на солнцѣ; впрочемъ все мертво. Отъ Кизяра, покинувъ Кара-Нагаевъ, поѣхали мы линейскими казаками: Гребенцами, Моздокцами и другихъ станицъ. Всѣ они люди высокой храбрости и ничѣмъ не отличаются отъ Черкесовъ, съ коими ведутъ непрестанную войну. Здѣсь уже, по Тереку, нельзя ѣздить безъ конвоя, и мы день и ночь скакали окруженные красивыми всадниками, препоясавъ шашки и кинжалы, безъ которыхъ здѣсь не увидите трехлѣтняго мальчика. Наконецъ пріѣхали мы 3го августа въ Екатериноградъ, станицу на берегу Терека, коего враждующіе берега поятъ станицы казаковъ и аулы Чеченцовъ. Здѣсь ночевали мы четвертую ночь съ выѣзда изъ Иркутска—такъ слышали мы съ жаркою волей чтобы застать побѣдителей Эрзерумскихъ еще со взмахнутымъ мечомъ.

Съѣвъ верхами, мы отправились ущелиемъ горъ далѣе, отъ крѣпости къ крѣпостямъ, всегда съ лѣвшимъ и коннымъ конвоемъ. Нерѣдко даютъ и пушки, но мы не брали ихъ. Ущелие суживалось, виды становились картиннѣе, но, по несчастію, бурные дни только на часы открывали намъ Бешту и Эльборусъ и снова заволокали ихъ тучами. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ болѣе увеличивалась опасность, которой, признаюсь, я не совсѣмъ вѣрилъ. Но теперь узналъ что конвой провожавшій насъ былъ зарѣзанъ до одного человѣка возвращаясь на лошадь своей. Нынѣшній и прошлый годъ набѣги Черкесовъ стали чаще, но это только до возвращенія графа Эриванскаго. Недавно полонили доктора. За три дня предъ нами отбили они 200 коней изъ-подъ лушекъ конвоя, и вообще каждый шагъ въ горахъ ознаменованъ разбоемъ, а когда и убійствомъ, и расщепленные камни въ честь ихъ убитыхъ узденей вездѣ напоминаютъ о гибельныхъ стычкахъ. Но полно о Кавказѣ на этотъ разъ; завтра я выѣзжаю въ отрядъ верхомъ на купленной здѣсь лошади. Повѣду чрезъ Карсъ, Эрзерумъ и далѣе, гдѣ главнокомандующій. О Тифлисѣ скажу послѣ. Братъя Здоровъ, Павелъ въ Эрзерумѣ, Петръ въ походѣ. Послѣдняго Провидѣніе спасло отъ чумы, когда трое съ нимъ жившихъ товарищей умерли. Я здоровъ, несмотря на удушающій жаръ, и радъ

что скоро буду въ дѣлѣ... Объемлю сестрицъ и прошу, любезная матушка, вашего благословенія на новое поприще чести. Вашъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

2.

Эрзерумъ, 3го сентября, 1829.*

Любезнѣйшая матушка! Наконецъ я достигъ цѣли утомительнаго моего путешествія, или лучше сказать миновалъ ее, достигая, ибо главнокомандующій нашъ такъ быстро побѣдами своими рѣшилъ кампанію что намъ, залоздалымъ воинамъ, досталось одно изумленіе отъ исполнскихъ подвиговъ. Мы было отправились уже изъ Эрзерума въ отрядъ, надеясь еще застать какія-нибудь дѣла, но встрѣтили его сіятельство верстахъ въ двадцати за Евфратомъ уже на возвратъ. Можете вообразить горькое чувство овладѣвшее мною, когда я поверотилъ коня опять на битую дорогу; все для чего я переносилъ терпѣливо трудности пути, и едва сидя верхомъ съ самаго Тифлиса, питался сладкою мечтой участвовать хотя въ одномъ сраженіи—все это исчезло предо мною на цѣлый годъ. Холодъ былъ сильный, дождь сѣялся кругомъ, и верхи горъ покрылись снѣгомъ,—но еще смутнѣе, еще холоднѣе былъ духъ мой. Признаюсь, до сихъ поръ не могу оправиться отъ неудачнаго своего прѣзда, и только лучъ надежды имѣть стычки съ Курдами зимою нѣсколько меня утѣшаетъ. Имѣя это въ виду, его сіятельство назначилъ меня въ 4й егерскій полкъ, остающійся здѣсь для защиты крѣпости,—и такъ какъ глубокіе снѣга нерѣдко прерываютъ здѣсь сообщеніе, то прошу васъ не безпокоиться если долго не будете получать отъ меня вѣстей... Пріѣхавъ на квартиру братьевъ, я засталъ дома только раненаго.... онъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ.... радость эта была для обоихъ вовсе неожиданна! Рана его понемногу выполняется, и доктора даютъ надежду что будетъ въ ней владѣнье: пуля пробила ему руку между двухъ костей близъ локтя. Одна линія ниже или выше, и онъ бы вовсе лишился руки. Вечеру мы собрались всѣ трое, и то-то было разказовъ о всемъ что каждый испыталъ и видѣлъ. Старшій изъ нихъ,—я долженъ однакожь олустить флагъ предъ младшими, и снявъ шапку, слушать о преодолѣнныхъ ими трудностяхъ, о битвахъ и осадахъ. Скоро я лишусь и этой отрады: оба они при своихъ локкахъ идутъ къ Тифлису, оставляя меня одного глядѣть на дорогу къ вамъ и къ нимъ и съ зубчатой стѣны вздыхать на горный вѣтеръ.

Эрзерумъ, стоящій на скатѣ обнаженнаго, печальнаго хребта Саганлу, довольно издали живописенъ, потому что тамъ-и-

* Письмо это, какъ посланное изъ зачумленной мѣстности, исколото въ карантинѣ.

самъ зеленѣють въ немъ деревья—но вблизи, но внутри его очарованіе исчезаетъ, какъ и во всѣхъ турецкихъ городахъ; узкіе, темные, грязные и кривые переулки, всѣ лавки и мастерскія и бойни на виду, журчаніе ключей въ водоемахъ и паденіе ихъ по улицамъ, крикъ ословъ, говоръ Армявъ, лай собакъ, толкотня и лестрота, вотъ главныя черты моей резиденціи. Турки, нахмуривъ брови, курятъ табакъ или изподлобья поглядываютъ на Русскихъ, тихо ступая. Физиономіи ихъ красивы и выразительны: фанатизмъ и ненависть къ пришельцамъ напечатаны на лицѣ. Днемъ они безопасны, но въ сумеркахъ невольно хватаешься за рукоять сабли, слыша за собой подковы мусульманскихъ туфлей. *Геть, геть* (ступай, проходи) говорятъ ему, и Турокъ, сжавъ губы, медленно опережаетъ тебя. Одежда ихъ прекрасна и разнообразна; женщины, закутанныя съ ногъ до головы въ бѣлыя чадры, мелькаютъ какъ привидѣнія, едва показывая кончикъ носа. Странно только что вѣтеръ бываетъ всегда благосклоннѣе къ тѣмъ которыя не дурны, свѣтая съ лица ихъ чаще покрывало. Внутренность здѣшнихъ домовъ лучше и чище отдѣлана чѣмъ въ Карсъ и Гассанъ-кале, но все еще далеко отъ европейской чистоты. Рѣзные, раззолоченные и фольгою украшенные потолки, испещренныя арабесками стѣны, шкалики по всѣмъ угламъ и каменный полъ, окруженный возвышеніями въ четверть, вотъ и все: ни стола, ни стула, ни стеколъ въ окнахъ. Не знаю какъ справимся мы съ жестокою здѣшнею зимою безъ печей, а еще того болѣе безъ дровъ; не знаю чѣмъ будемъ кормить и коней, ибо въ окрестности ни травки, ни прутика, а дороговизна на конскій кормъ невообразима, хотя всѣ другіе припасы очень сходны. Здѣсь останется около восьми тысячъ гарнизону: прочія войска идутъ зимовать въ окрестности Тифлиса. Крѣпость Байбуртъ взорвана, и слѣдовательно мы будемъ служить границею. Длинный рядъ армянскихъ арбъ, ословъ и коней тянется сюда изъ Байбурта, но за то много упрямыхъ мусульманъ вывозяютъ отсель. Войска приходятъ изъ экспедицій и выступаютъ въ походъ, весь городъ въ движеніи—картина прекрасна.

Въ другую пору, любезная матушка, я порядочнѣе и подробнѣе опишу свою дорогу: хребтъ Саганлу, гдѣ разбитъ былъ сераскиръ и его укрѣпленный лагерь, потомъ прекрасную крѣпость Гассанъ-кале, древній Θεодосіополь, гдѣ я купался въ горячихъ ваннахъ, наконецъ снова Эрзерумъ и, по слухамъ, экспедицію графа къ серебрянымъ рудникамъ, прекрасному греческому городку, и рекогносцировку въ сердце Лазистана. Теперь слышу къ почтѣ. Здоровье мое укрѣпляется, но бездѣйствіе какъ-то крушитъ сердце.

Для *Пчелы* я собираю военныя анекдоты, которыхъ здѣсь не мало, ибо графъ Эриванскій умѣлъ вдохнуть героизмъ въ послѣдняго солдата. Да сохранитъ Господь ваше здравіе, любезнѣйшая матушка, этого молитъ покорный и неизмѣнно любящій васъ сынъ Александръ Бестужевъ.

3.

Дербентъ, 4го марта, 1830 г.

Вотъ уже четвертое * письмо, любезная и почтенная матушка, что я пишу къ вамъ съ береговъ бурнаго Каспійскаго моря—и нѣтъ отвѣта. Я ужь не знаю чему и приписать такое молчаніе, и очень былъ печаленъ насчетъ драгоценнаго для насъ здоровья вашего, покуда не получилъ отъ брата Павла извѣстія что вы здоровы, и утѣшая себя разными предлогами, полагаю что, можетъ-быть, вы остались на эту зиму въ деревнѣ, и отъ того произошли всѣ замедленія. Собственное положеніе мое достойно всякаго сожалѣнія, и лихорадка снова томить меня. Со всѣмъ тѣмъ я бы полумертвый готовъ былъ отправиться въ походъ, такъ сильно во мнѣ желаніе заслужить кровію прежній проступокъ предъ государемъ императоромъ, котораго уважаю какъ великодушнаго монарха и люблю какъ великаго человѣка.

Вслѣдствіе сего я умоляю васъ немедленно написать просительное письмо къ его высокопревосходительству Александру Христофоровичу Бенкендорфу: „о предстательствѣ его предъ трономъ за несчастливца желающаго быть переведеннымъ въ какой-либо армейскій полкъ, для того только чтобъ участвовать въ открывающейся кампаніи противъ горцевъ“. Истлевая въ гарнизонѣ, могу ли я загладить минувшее? Можетъ ли назваться службою инвалидная служба! Здѣсь, въ бездѣйствіи (въ отношеніи военномъ), я гибну безъ всякой пользы для государя и отечества.

Въ этотъ разъ, любезнѣйшая матушка, просьба сія, исполненіе коей занимаетъ всѣ мои чувства и думы, будетъ единственною, хотя мнѣ бы и нужно было объяснить мои житейскія заботы, находясь вовсе безъ денегъ. Обвините за меня милыхъ сестрицъ и пошлите привѣтъ братьямъ. Жду благословенія вашего. Горячо и неизмѣнно любящій васъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

Р. S. Письма можете и просто адресовать въ Дербентскій гарнизонный баталіонъ, въ Ію роту.

4.

Дербентъ, 1830 года, августа 20го. **

Милые братья, Николай и Михаилъ! Давно, давно не писалъ я къ вамъ, но думалъ о васъ тѣмъ не рѣже. Сначала дорога, потомъ походъ и сраженіе, потомъ опять походъ, кара-

* Изъ первыхъ трехъ писемъ одного мы не имѣемъ.

** Письмо исколото въ караульнѣ.

тины и болѣзни мѣшали мнѣ. Отсюда же не хотѣлось печалить васъ вѣстями нерадостными. Теперь, когда уже самое несчастіе обратилось въ привычку, и въ виду мало надеждъ къ перемѣнѣ, надобно представить краткій перечень моего существованія со времени письма изъ Иркутска, чтобы наполнить пропускъ въ моемъ романѣ.*

Дорога моя была живописное путешествіе. Вся сибирская природа тогда оживала наравнѣ съ моими надеждами. Дикій, пустынный берегъ Лены, по которому скакалъ я верхомъ (за разливомъ рѣки и болѣе для скорости), на каждомъ поворотѣ представлялъ новые, прелестные виды. Я долженъ былъ ѣхать по гребню горы и весьма часто по краю отвѣснаго берега, и самая опасность прибавляла наслажденія. Нерѣдко также приходилось спускаться на затолченный берегъ и ѣхать по поясу въ водѣ, не зная что за шагъ обрывъ или яма встрѣтитъ тебя, и потомъ обѣзжать въ самой рѣкѣ скалу, заступившую дорогу. Переправа черезъ широкія рѣки могла бы одна потребовать тома: иногда въ бродѣ по гребню камней водопада, ревущаго подъ ногами, иногда въ берестяномъ челнѣ, плава сзади коней, готовыхъ его опрокинуть, иногда на срубленной соснѣ, иногда владѣ, неожиданно сорвавшись или съ размытаго мостика, или обманутый бродомъ. Случалось не разъ что мы принуждены бывали класть жерди съ сучка до сучка потопающихся деревъ и по нимъ переправляться черезъ болотистую рѣчку, переноса на плечахъ чемаданы и бадавсируя надъ лучиной. Случалось, взѣзжая къ верховью поперечныхъ рѣкъ для прииска броду, прорубать себѣ дорогу въ чащѣ, въ которой отъ вѣка не была стопа человѣческая: здѣсь человѣкъ оставленъ собственнымъ своимъ силамъ, и побѣда его надъ природой тѣмъ замѣтнѣе. Наконецъ, по многихъ случаяхъ опасныхъ, встрѣчаясь раза два съ медвѣдями носомъ къ носу, я прибылъ въ Иркутскъ, 29го іюня, и 4го іюля, вмѣстѣ съ Толстымъ, въ покойномъ экипажѣ, отправились въ дорогу снова. Города и области мелькали за нами какъ во снѣ, и черезъ шестнадцать дней мы вѣхали въ Россію, оставя за собой Уральскій хребетъ и богатые, прелестные его городки и деревни. Мы скакали нигдѣ не вочуя, нигдѣ не останавливаясь, до самаго Симбирска. Тамъ пересѣли въ телѣгу и ровно черезъ мѣсяцъ увидѣли снѣжные верхи Кавказа, отправясь съ Алтайскихъ горъ. Не могу выразить что я почувствовалъ, увидя во Владикавказѣ впервые послѣ ласмурной погоды гряды льдовъ, озаренныхъ лучомъ утра! Я не могъ налюбоваться ими, не могъ наглядѣться на нихъ. Военное ущеліе по берегу Терека нерѣдко высочайшей красоты, и переправа черезъ Крестовую гору—прелесть. Я при этомъ былъ промоченъ до костей, потомъ замороженъ, и черезъ десять минутъ весь въ поту отъ жара. Казбекъ и Дарьялъ и

* Последнее письмо А. Вестужева къ его старшимъ братьямъ было отъ 2го іюля 1829 изъ Иркутска.

еще кой-какія мѣста стоятъ кисти Сальватора. Богатство растеній, разнообразіе деревь, плющъ и дикій виноградъ, падающій фестонами, и множество ключей летящихъ съ утесовъ, обворожаютъ слухъ и взоръ. Но тамъ, за камнемъ, въ высотѣ, ты видишь прилывшаго Чеченца, который высматриваетъ отставшихъ. Предъ нами захватили они въ лапы доктора; но одинъ изъ казаковъ залѣзъ въ дуло упавшаго дуба и, съ ружьемъ въ рукѣ, отсидѣлся: Черкесы не могли пробить дерево пулями. Они ранили подлѣ Хозревъ-Мирзы одного нукера, и конвой, съ нами бывший, изъ тринадцати егерей и четырехъ козаковъ, былъ изрубленъ на другой день въ куски близъ Ардона. Впрочемъ, къ чести человечества и имени Русскихъ, когда вы получите это письмо, кавказскіе разбойники будутъ уже лишены всѣхъ средствъ дѣлать набѣги, и навсегда. Изъ Тифлиса, въ восемь дней, миновавъ Гимры, Карсъ, Саганлукскій, хребтъ совершенно похожіи на сибирскія горы по основому лѣсу и образованію, мы, выкулавшись въ горячихъ ключахъ Θεодосіелоля (Гассанъ-Кале), прибыли въ Эрзерумъ, гдѣ я нашелъ Павла и раненаго Петра. Представясь главнокомандующему, я былъ назначенъ въ храбрый 41й егерскій полкъ. Лихорадка держала меня на постели; но будучи съ братьями и друзьями послѣ столь долгой разлуки, я считалъ себя совершенно счастливымъ. Еще больной, я выпросился участвовать въ походѣ, и 15го сентября часть нашего полка двинулась съ отрядомъ къ Байбурту. Не буду описывать ни перестрѣлки наканунѣ 27го сентября, гдѣ мы сначала прикрывали орудія, а потомъ, разсылавшись по горѣ, завязали потѣшный огонь съ кавалеристами по крутой стремнинѣ; на разсвѣтѣ мы вдругъ перемѣнили дорогу и пошли въ обходъ верстѣ двѣнадцать чтобъ отрѣзать непріятеля отъ дороги въ Тралезонтъ. Прочее вы знаете. Завладѣвъ высотами, мы кинулись въ городъ, ворвались туда черезъ заставки, прошли его насквозь, преслѣдуя бѣгущихъ, и наконецъ верстѣ пять далѣе вступили въ дѣло съ Лазами, сбили ихъ съ горы, и пошла рукопашная. Я былъ ужасно утомленъ усиліями карабкаться по каменистой крутой горѣ, пересѣченной оврагами, въ полной амуниціи и въ шинели. Но вся добыча которую я себѣ позволилъ состояла въ кисти винограда и въ турецкомъ молитвенникѣ: хозяинъ заплатилъ за это жизнью. Возвращаясь по полю усѣянному мертвыми тѣлами, разумѣется обнаженными, и видя иныхъ еще дышущими, съ запекшеюся кровью на устахъ и лицѣ, видя всюду грабежъ, насилие, пожаръ,—словомъ, всѣ ужасы сопровождающіе приступъ и битву, я удивлялся не чувствуя въ себѣ содраганія; казалось какъ будто я выросъ въ этомъ, какъ будто это должно было такъ быть: какъ скоро привыкаетъ человѣкъ къ этимъ картинамъ! Сознаніе что ты не въ состояніи помочь, ни отвратить, дѣлаетъ тебя почти равнодушнымъ. Вечеру зрѣлище было ужасно великолѣпно. Городъ пылалъ, и кровавое зарево отражалось на кулахъ утесовъ, на высокихъ тополяхъ

и въ гремучихъ струяхъ Чароха. Невнятный гулъ раздавался въ срединѣ города, отданнаго на разграбленіе; глѣси и выстрѣлы изъ взятыхъ ружей раздавались въ станѣ. Солдаты, сгибаясь подъ ножами, тащили всякую всячину, мѣняли, продавали; золоченыхъ рамы, пестрые шкафы трещали въ кострахъ бивачныхъ, на которыхъ жарили, варили и лекали съ масломъ и медомъ. Радость и веселье одушевляли всѣхъ. Я сѣлъ на коня и поѣхалъ посмотрѣть Байбуртъ: онъ походилъ на печь: огонь и дымъ стлался поверху; по улицамъ бродили толпы солдатъ, доискивая остатковъ, ломая все что ломается, разбивая объ уголь даже глиняные горшки. Дома, большею частію съ навѣшеннымъ этажомъ, рухали вдругъ всею массой. Нѣсколько армянскихъ семействъ глядѣли на пожаръ издали, и плакали тихо. Тамъ рыдала Турчанка-старуха надъ тѣломъ сына.... Тамъ.... но я опускаю завѣсу. Это необходимое слѣдствіе войны.

Я бродилъ потомъ по развалинамъ царства Армянскаго: я видѣлъ печальную страну завоеванной Персіи, я толталъ подножіе Арарата, былъ въ Сардарабазѣ, въ Эривани, тогда еще зачумленной. Видѣлъ удары нашихъ бомбъ и ядеръ на мечетяхъ ея; видѣлъ горестную дорогу по которой шелъ къ Эчмядзину Красовскій, гдѣ легло столько Русскихъ, не побѣжденныхъ, но утомленныхъ. Вообще весь тотъ край наводитъ тоску на сердце: голыя обожженные вулканическія горы, безжизненные стелы или ущелія, по коимъ вьется лыль и шумитъ бурьянъ. Вотъ все. Деревни подъ землей, жители оборваны.

Болезнь моя въ Тифлисѣ и внезапный отъѣздъ, или, лучше сказать, высылка изъ онаго вамъ ужъ вѣрно, милые братья, извѣстны, и я не люблю останавливаться на чертахъ не приносящихъ чести человечеству. Теперь я живу въ губительномъ климатѣ: лихорадка здѣсь условіе бытія, и недавно холера прошла какъ ангелъ истребленья по этому краю. Я живу на склонѣ Кавказа, и не вижу его. Деревья миндальныя, гранатовыя, персиковыя, разныхъ плодовъ, освѣняютъ ближніе холмы; но вѣсть ихъ значитъ навѣрное быть больнымъ,— и это не выгода, а казнь Тантала. Вдали лустое море, кругомъ безрадостная степь, вблизи грязныя стѣны и непріязненные лица Татаръ, вотъ мои товарищи. Пуще всего мнѣ горька разлука съ Петромъ: онъ теперь въ отрядѣ близъ Темиръ-Ханъ-Шуры, и климатъ тамъ довольно здоровъ. Въ досужное отъ службы время (то-есть между часами) я занимаюсь словесностью, какъ одурающимъ средствомъ отъ скуки, и если вы въ *Сынъ Отечества* будете читать что-нибудь съ подписью Марлинскій, это мое. Калачи, говорятъ, зависятъ отъ воды: не осудите что моя вода не очень вкусна. Впрочемъ, теперь я здоровъ и терплю только отъ нестерпимаго жара. Какъ вы, мои любезные отчужденники? веселы ли? здоровы ли? Я бы готовъ душой вѣхать къ вамъ, еслибы позволили, и не разъ горюю даже объ Якутскѣ. Что я выигралъ перемью? Но ладно объ этомъ. Судьба неисповѣдима, и я ей

поручаю васъ, милые оердцу. Единственная мольба моя кончить жизнь вмѣстѣ, гдѣ бы то ни было. Обнимаю васъ, друзья и братья. Будьте здоровы и счастливы. Неизмѣнно любящій васъ братъ

Александръ Бестужевъ.

5.

Дербентъ, 11го декабря 1830.

Вотъ уже и годъ на исходѣ, любезнѣйшая матушка. Время проходитъ незримо, только судьба наша, какъ неподвижная скала въ потокѣ лѣтъ, не движется къ лучшему. Въ утѣшеніе вамъ по крайней мѣрѣ могу сказать что духъ мой едва ли не также неизмѣненъ.... годы могутъ разбить его на части, но и самые кусочки сохранять свою природу. Правда, на этой скалѣ не зеленѣетъ теперь..... * двѣты радости, на ней бѣлѣветъ только снѣгъ несчастія, который и тая разрушаетъ, но все-таки я еще не безплодный песокъ, возметаемый каждымъ вѣтромъ и каждою волною. Не знаю право съ чего мнѣ пришло въ мысль это сравненіе, но въ немъ не безъ правды. Письмо сестры Елены Александровны отъ 16го октября получено.... очень утѣшенъ, хотя не совсѣмъ увѣренъ что здоровье какъ ваше, дражайшая матушка, такъ и сестрицъ, находится въ добромъ состояніи; о сохраненіи его моя единственная молитва: вы намъ одинъ другъ на землѣ. Изъ газетъ вижу что холера какъ тать пробирается къ вамъ, что была уже въ Тихвинѣ, но, признаюсь, мало ея страшусь за край сѣверный: холода стоятъ тамъ на часахъ, и мѣры правительства уже ослабили ядъ ея, и мало-помалу она исчезнетъ какъ привидѣніе. Одному только мало вѣрю, это совершенству спосѣбовъ медиковъ: всякій хвалить свой, а между тѣмъ по таблицамъ видно что умираетъ 70 изъ 100. Долго, долго пройдетъ еще времени локуда найдутъ противъ нея несомнѣнное лѣкарство. Московскія скорослѣлки далеки еще отъ цѣли. У насъ каждое дунѣвеніе вѣтра навоситъ то съ горъ, то съ моря туманы и дожди, но сила растенія такъ велика что мелкая травка зеленѣетъ снова по горамъ и разрушеннымъ стѣнамъ города. Въ недавнія бури разбило близъ Дербента казенный транспортъ, и море временами выкидываетъ доски и боченки: жалкіе остатки работы человѣческой.... такъ ничтожны и всѣ замыслы челоѣвка когда онъ идетъ противу промысла Божія, касается царствамъ и они въ прахъ. Объемля сестеръ и лобзая руку дающую благословеніе, я остаюсь въ надеждѣ что милость Всевышняго сохранить васъ здоровою, какъ сохраняю я въ сердцѣ благодарность за родительскую любовь и полечительность вашу. Покорный и любящій васъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

* Весь бокъ этого письма исглазъ.

Chère Hélène! Я хочу попенять вамъ за сомнѣнiе, такъ-сказать, которое какъ будто вы имѣете ко мнѣ насчетъ недостатковъ брата Петра; я не изъ тѣхъ беззаботныхъ братьевъ которые только о себѣ и думаютъ, и будьте увѣрены, дѣлать и сдѣлаю что могу чтобъ облегчить его существованiе.... Налашите пожалуста мнѣ аккуратно всѣ числа отъ коихъ получили вы мои письма. Я пишу регулярно черезъ двѣ недѣли, но такъ ли вы ихъ исправно получаете сомнѣваюсь, ибо нерѣдко спрашиваете о вещахъ давно вамъ объясненныхъ: я чрезвычайно аккуратенъ самъ и потому желать бы взаимности.... Насчетъ литературы есть до васъ, любезная сестрица, просьба, и вотъ въ чемъ состоитъ она. Вопервыхъ, узнать отъ О. В. (Булгарина) что сдѣлалось съ моими стихами которые просилъ я ихъ продать куда-нибудь въ альманахъ; если нѣтъ успѣха, возьмите къ себѣ до времени, но ради Бога не навязывайте никому, я не хочу быть Хвостовымъ (цѣна ихъ 200 руб.). Вовторыхъ, въ газетѣ *Furet* была напечатана похвала *Испытанiю* и *Вечеру на Кавк. водахъ*, гдѣ, между прочимъ, сказано что публика желаетъ видѣть ихъ напечатанными особо. Это знакъ что сiи повѣсти приняты хорошо, и потому попроси къ себѣ Смирдина или Еленина, предложите имъ: не хочетъ ли кто купить ихъ, для напечатанiя вмѣстѣ трехъ: *Замка Дэйзена*, *Испытанiя* и *Вечера на Кавк. водахъ*. Къ нимъ въ такомъ же форматѣ могутъ они въ послѣдствii прилечатать.... лубликоваться имѣющiя мои повѣсти ежегодно, ибо, если Богъ дастъ здоровья, я сорокъ печатныхъ листовъ буду издавать непрерывно въ годъ. Цѣна тремъ 1.500 руб., двумъ послѣднимъ 1.200, съ тѣмъ условiемъ чтобъ они печатали не болѣе одного завода или 1.200 экземпляровъ.* Если согласятся, то условiе надобно сдѣлать на бумагѣ и по крайней мѣрѣ взять половину денегъ впередъ. Всѣ сдѣлки совершать по законамъ. Я уже довольно былъ грабленъ на вѣку и не хочу быть обманутымъ въ сотый разъ. Эта цѣна ничтожная и по ходу книжной торговли выгоды, у книгопродавцевъ будутъ тройныя, и потому не отдавать ни рублемъ дешевле. Будь я въ Петербургѣ, я увѣренъ что взялъ бы втрое противъ настоящаго, но по одежкѣ протягивай ножки. О рѣшенiи этого увѣдомьте не медля, и если получите деньги, то храните ихъ у себя до дальнѣйшаго распоряженiя. Съ хирѣющимъ здоровьемъ мысль неволью встрѣчаетъ раннюю старость, — я слишкомъ долго былъ птицею, пора быть муравьемъ. Не забудьте также условиться объ уплатѣ отъ *Пчелы*: какъ хотятъ они? по полугоду ли, по третямъ ли? лишь бы это было какъ заведенные часы. Они не могутъ на меня жаловаться, я точенъ, а долгъ красенъ лятежомъ; еще: если кто изъ нихъ скорчитъ кислою, возьмите назадъ мое слово, и скажите что я не хочу ловить ихъ на

* Само собою разумѣется что цѣны уломинаемыя въ этихъ письмахъ надо считать на *ассигнаци*.

..... если они имѣють добь считать договоръ невыгоднымъ, а лучше буду копать землю чѣмъ продавать свой умъ наравнѣ съ подещиной. У меня готова для нихъ большая повѣсть: *Блѣзоргъ*, и повѣсть недурная, и не беретъ лакеговъ. Надо подождать.

Любезную Марію, добрую Ольгу цѣлую братоки. Зачѣмъ не приписываютъ онѣ хоть по слову при каждомъ письмѣ? Родной привѣтъ мнѣ дороже жемчуга. Что думаютъ онѣ, что дѣлаютъ? Вьютъ нить жизни одинокой! Дай Богъ чтобы судьба впаела золото отрады въ черную ея пряль. Кланяйтесь моему везабвенному Арсе....., кланяйтесь Николаю Алексѣевичу, Александру Филиповичу и всѣмъ домашнимъ. Обнимаю васъ отъ души, вѣчно любящій братъ вашъ

Александръ.

P. S. Надѣюсь, вы получили письма съ комиссіями? Не забудьте о журналахъ: хоть на свои деньги локуда. Братъ писалъ письмо, кажется, въ *accès de spleen*. Это не всегда бываетъ.

6.

Дербентъ. 1830 года декабря 27го.

Милые, добрые братья, Николай и Михаилъ, здравія вамъ и радости!

Когда эти строки будутъ у васъ предъ глазами, вы уже встрѣтите Новый Годъ—по времени, едва ли новый по судьбѣ. Такъ думаю, хотя не того желаю. Отказался уже я вѣрить надеждѣ, ибо каждый мѣсяць, пролетая, набрасываетъ лишнюю гирю въ чашку вѣсовъ нашихъ, вѣсовъ земнаго испытанія. Бѣдствие наше не похоже на котомку Эзола, которая облегчалась при каждомъ обѣдѣ и ужинѣ. Для меня утѣшно по крайней мѣрѣ сказать, какъ и чувствовать, что мы не падаемъ духомъ подъ своею ношей: „*Mon âme est de granite,*“ говорилъ Наполеонъ, „*la foudre même n'y mordra pas!*“ Это стоитъ подражанія.

Говорятъ что васъ переводятъ, а можетъ-быть и перевели уже на какой-то Петровскій заводъ? * Поздравлять съ такою обновкой значило бы привѣтствовать мертвеца въ новой могилѣ. Я увѣренъ что вамъ просторнѣе теперь чѣмъ въ Читѣ, но лучше ли? Я не Панглось, и потому вѣрю въ лучшее

* Заключенные съ 1827 года въ острогъ города Читы, „декабристы“ переведены отсюда въ 1830 году въ нарочно выстроенный для нихъ острогъ въ Петровскѣ. Выступивъ изъ Читы 7го августа этого года, заключенники прибыли въ новую свою тюрьму 23го сентября. Петровскій заводъ (Нерчинскаго округа) отстоитъ отъ Читы въ 635 верстахъ.

только для всего человечества, очень рѣдко для людей и почти никогда собственно для насъ: нумера нашей лотереи въ всѣхъ разчетахъ вѣроятностей.

Не думаете ли вы, любезные братья, что я всегда кукую? Право, нѣтъ: не могу при мысли о страданіяхъ родныхъ моихъ залетѣть себѣ печали; но вы очень хорошо знаете что я отъ природы весьма веселаго характера и самыхъ миролюбивыхъ привычекъ. Еслибы отъ меня завистлю все въ свѣтѣ, то люди плясали бы съ утра до вечера. Гнѣвъ, досада, негодованіе на мигъ пролетаютъ сквозь сердце, какъ молнія сквозь трубу, и безъ слѣда. Я болѣе всего не понимаю мщенія. Гомеръ говоритъ что она страсть боговъ, боговъ языческихъ, разумется. Мнѣ кажется, въ нашихъ понятіяхъ ее можно отлратить въ преисподнюю, въ удѣлъ мильтоновскихъ обитателей Пандемоніума.

Какъ бы то ни было, но въ воображеніи я еще живу, хотя по сущности бытіе мое Богъ знаетъ что такое: смертью назвать грѣшно, а жизнью совѣстно. Трудно себѣ вообразить нравственную безплодность этой стороны, и едва повѣрить можно какъ малы здѣсь удобства жизни: Русскій, для котораго водка не есть элементъ, какъ вода для рыбы, есть здѣшній Робинзонъ на необитаемомъ острову: ни съ деньгами, ни съ желаніемъ узнать что-нибудь, онъ ничего не купить, не вымѣняетъ ни одной человѣческой, не только еврейской идеи. Здѣсь нѣтъ зимы—и всѣ мерзнутъ; здѣсь природа родитъ лимоны, а за рубль не найдешь калустнаго листка; море за полверсты, и я не пробовалъ еще рыбы; все прочее въ такой же пропорціи: люди и четвероногія, растенія и стѣны. Къ счастью, что вслѣдствіе своей философіи я вижу во всемъ болѣе недвижимости, предразсудка чѣмъ склонности ко злу, и потому я беру вещи съ забавной ихъ стороны.

Мнѣ бы хотѣлось написать романъ, но вовсе нѣтъ средствъ. Для этого нужны топографическія карты, лѣтописи, и то, и другое, и третье; здѣсь нѣтъ ничего, даже досуга. Я вздыхаю о томъ только чтобы жить въ уголку свѣта и тамъ посвятить умъ ученію, а произведенія ума—словесности.... вздыхаю—и вѣтеръ уноситъ звуки. Не скажу вамъ, милые братья, будьте терпеливы: мнѣ должно учиться у васъ этой добродѣтели; но будьте здоровы и веселы. Петръ стоитъ съ отрядомъ въ с. Казанищахъ, въ горахъ: скучаетъ и груститъ и вмѣстѣ со мною обнимаетъ васъ. Неизмѣнно любящій васъ братъ и другъ

Александръ.

7.

Дербентъ, 1831, января 5го. *

Не знаю, право, любезная матушка, будетъ ли стоять поздравленій грядущій годъ; но крайней мѣрѣ поздравлю васъ "

* Письмо сохраненное не вполнѣ.

себя что минулъ протекшій. Что-то общааетъ, что-то дастъ вамъ будущее? Не дай Богъ чтобъ оно измѣнилось, какъ былое.

Я встрѣтилъ, или, лучше сказать, меня напелъ новый годъ спящимъ, и на этотъ разъ даже свидѣнія никакого не было, на коемъ бы могъ я построить хоть ельный замокъ..... Ничего наломивающаго вамъ обычай родины, ничего радующаго душу, къ чему привыкли мы съ младенчества.. О, родина не пустой звукъ, не предразсудокъ воспитанія. Не знаю въ какомъ раю забылъ бы я свое туманное отечество, гдѣ цвѣлъ ребенокъ, жилъ юношей, даже гдѣ страдалъ и погибъ: мнѣ кажется, тамъ отъ живаго меня схоронено мое сердце, туда летаютъ и думы, и сны мои.

Здоровье мое довольно хило: летучая лихорадка неизмѣнно со мною путешествуетъ. Да и не мудрено ей питаться мною въ холодной саклѣ, когда морозцы восходятъ до восьми градусовъ. Этотъ холодъ, столь ничтожный въ краяхъ сѣверныхъ, чрезвычайно здѣсь чувствителенъ, потому что всѣ поры разрѣжены климатомъ, и каждый готовъ къ ознобу и простудѣ. Въ Якутскѣ при 27° говорилъ я: „какъ тепло“; здѣсь при четырехъ я дрожу, ибо все относительно въ мѣрѣ.

Третьяго дня, получивъ тифлисскія газеты, я былъ чрезвычайно огорченъ и раздосадованъ извѣстіемъ объ измѣнѣ варшавской. Какъ жаль что мнѣ не удастся..... промѣнять пуль съ лавами добродѣями..... Впрочемъ, вѣроятно, когда придутъ къ вамъ эти строки, въ Польшѣ уже все кончено, ибо мятежь..... была частной. Одно только замѣчу что Поляки (никогда не будутъ искренъ).....ними друзьями Русскихъ: какъ не корми (волка)... Никакого нѣтъ сомнѣнія что Царство Польское никогда не было такъ хорошо управляемо какъ подъ русскимъ владычествомъ, и масса народа выиграла; но дворянство ихъ не забыло еще своихъ своевольныхъ вольностей, и скорѣе согласится быть несчастнымъ по прихоти чѣмъ счастливымъ по чужому разуму. Хотьте ихъ, они оперятся опять нашими перьями и опять забушуютъ... У нихъ полмилліона шляхты, которая ничего не имѣетъ терять, и слѣдственно всегда готова на покушеніе, гдѣ можетъ что-нибудь выиграть. Покуда въ Польшѣ есть дробная шляхта, въ ней не можетъ быть спокойствія. Забавнѣе всего послѣдство ихъ: оны (народъ) всегда былъ обласканъ Русскими, всегда избавляемъ нами отъ феодальнаго угнетенія пановъ—и все-таки не любятъ Русскихъ, не зная самъ тому причины. Москаль для него бѣльмо на глазу, и оны, повторяя слова пановъ какъ сорока, готовъ драться за ярмо свое какъ быкъ. Я знаю Польшу можетъ-быть лучше нежели многіе изъ Поляковъ, и предвижу много въ ней смятеній. Энтузіазмъ женщинъ и легкомысліе мушницъ суть вѣчно тлѣющія головни раздора. Кровь зальетъ ихъ, но навсегда ли? Дай Богъ.

Въ какой чудный вѣкъ живемъ мы! Династіи и народы уничтожаются и возникаютъ, и Франція, какъ исполненное

знамя, какъ боевая пушка, даетъ и теперь знакъ переворотъ. Проществіе поля отдалось во всей Европѣ; мятежъ разбѣжъ Бельгію отъ Голландіи, и сама Англія.....

P. S. Chère Hélène: il paraît que M-rs les éditeurs ne sont pas trop pressés de remplir leur engagement—et bientôt je serais de nouveau sans argent—la poste ne reçoit pas l'ouvrage pour eux et ce n'est pas ma faute.

....Мои поздравленія всѣмъ знакомымъ, всѣмъ домашнимъ. О. В. (Булгарину) и О. М.—особо. Николаю Алексѣевичу (Полевому) поминки.

P. S. Напишите, правда ли что А. Пушкинъ женился? Онъ вовсе перестанетъ лѣтъ, если это правда. Гречъ написалъ романъ? Каковъ онъ?

8.

Дербентъ, 1831, января 19го.

Съ 28го ноября, любезнѣйшая матушка, не получаю отъ васъ вѣстей, и, складывая многое на распутицу, не могу однакожь не безлюбопытиться о столь долгомъ молчаніи. Каждую почту ждешь, какъ бывало въ младенчествѣ воскресенья, она приходитъ—и холодное „нѣтъ“ рѣшаетъ и разрушаетъ всѣ ожиданія. Несносная холера не допускаетъ къ намъ ни книгъ, ни журналовъ, ни посылокъ, и тѣмъ умножаетъ скуку нетерпѣнія. Того и гледи что чума, открывшаяся въ окрестностяхъ Кавказа, заградитъ насъ отъ Европы еще на полгода....*

У насъ стоитъ прелестное время: тепло, свѣтло. Бываютъ дни что забываешься, не въ маѣ ли мы. 16го, въ 11 часовъ ночи, было землетрясеніе съ минутой, но довольно легкое. Какова-то погода у васъ? Я думаю, морозы и дожди поперемѣнно, какъ всегда водится въ Петербургѣ, истинный символъ вѣтренности его обитателей. Новый годъ взомель на политическій горизонтъ въ бурныхъ тучахъ; но эта гроза на западѣ. У насъ поговариваютъ что горцы шалятъ на Линии и готовятся къ упорной войнѣ. Для нихъ же хуже. Вотъ какъ обманчивы всѣ расчеты человѣческіе! Прошлою весною кто бы не поручился что съ турецкою войной раздался послѣдній выстрѣлъ въ Европѣ? И что жъ? Теперь вся Европа въ оружіи, и одно яблоко можетъ увлечь ее во всеобщую войну. Мы живемъ въ вѣкѣ ужасныхъ прей и переломовъ. Да минуется Русь чаша сія!

Послѣднее время я ничего не дѣлалъ въ отношеніи литературномъ: какое-то изнеможеніе ума овладѣло мною. За то прочелъ 2й томъ исторіи Полеваго и поразился за Русскихъ: это высокое созданіе. Вы обвиняли меня что я рѣзокъ въ критикѣ. Я втрое лыче въ похвалахъ. Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, челоѣвка безъ всякой философіи,

* Бокъ письма исцѣлѣлъ.

который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справясь съ предыдущею. Онъ былъ пусто-звонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывавшій подъ шумихою сентенцій чужихъ свою собственную ничтожность. Не таковъ Полевой. Я никогда не ожидалъ отъ него столько глубокомыслия и зоркости, столько добросовѣстности и ясности въ изложеніи. Я бы могъ быть предупрежденъ на него за критику на меня, во многихъ мѣстахъ несправедливую; но это самое заставляло меня быть безпристрастнымъ, и я съ гордостью указываю на него какъ на перваго дѣльнаго русскаго писателя. Это правда что его долго не поймутъ; но тѣмъ не менѣе, достоинство его книги отъ того не умалится. Честь и слава государю Николаю! Въ прежній вѣкъ подобная исторія едва ли была бы написана, ибо увѣренность въ одобреніи правительства—великое дѣло. Пушкина 7й и 8й главъ не читалъ, и жалѣю изъ одного любопытства. Онъ писатель заблудившійся изъ XVIII вѣка въ нашъ, и жалъ, писатель который своимъ даромъ могъ бы... Вижу что Булгаринъ пустился писать для денегъ, то-есть полною горстью сталъ разсылать дѣтъ русскому народу. Онъ выиграетъ золото—это несомнѣнно; но тотъ кто хочетъ лить чрезь Геллеспонтъ къ потомству, тому онъ худой товарищъ. Что его всѣ читають, это доказательство что онъ пишетъ для толпы: д'Арленкура вышло семь изданій въ два года, но онъ отъ того сталъ не лучше. Не говорю что онъ не имѣетъ достоинствъ,—напротивъ; но страсть все сводить къ одному заданному центру заставляетъ его говорить нелѣпости. Деньги, выгода—его богъ, его совѣсть, его все. Кстати о деньгахъ. Что значитъ что издатели не присылаютъ мнѣ долгаго? За третью съ 1го іюля не долложено 200; за идущую по 1е марта—500. Они не думаютъ что здѣсь не Россія, и невѣрность въ полученіи влечетъ за собою разстройство, проценты жидовскіе и т. л. Я онять безъ денегъ, ибо долженъ былъ шить себѣ кой-какое платье и не умѣю питаться воздухомъ, а потому прошу поторопиться присылкой, то-есть взиманіемъ откуда слѣдуетъ. Надо бы также спросить, получена ли ими небольшая тетрадка съ отрывками изъ разказовъ о Сибири? Почта все не приходитъ и не приноситъ ничего—это несосно.

.... Сестрицу Елену просилъ о нѣмецкихъ книгахъ Гете: очень бы желалъ имѣть ихъ. Была ли возможность справиться и отправить ко мнѣ посылки? Во многомъ нуждаюсь....

Желая чтобы мои желанія были для васъ векселями на счастье, и прося родительскаго благословенія, съ чувствомъ сыновняго уваженія и любви, емъ горячо любящій васъ, любезнѣйшая матушка, Александръ Бестужевъ.

Р. S. Нельзя ли узнать что стоить арабскій лексиконъ съ грамматикой, также татарскій (кавказскаго нарѣчія) и Виблія на нихъ писанная?

9.

Дербентъ, 1831 года, февраля 12го. *

Мольбы къ небу не извлекаютъ изъ земли, любезные, добрые страдальцы, братья по крови, друзья по сердцу. Все идетъ впередъ въ этомъ мірѣ, кромѣ судьбы вашей — общей нашей. Годъ падаетъ за годомъ въ чашу жизни тяжелою гирей — и она падаетъ ниже, ниже; но если одно повижается, то другое возникаетъ; это другое — душа! Ей одной позволено Провидѣніемъ расти и мужать между ребячествъ человѣка. Съ гордостью скажу что я переросъ облака своего жребія. Онъ можетъ разрушить мое тѣло; голова за то вѣв бурь его. Также точно думаю и о васъ — и это утѣшаетъ меня. Одно мнѣ тяжело за васъ: каково же должно быть вамъ это лишеніе единственного отличія человѣка отъ бесловеснаго — лисья. Мысли, которыя бы могли быть утѣшительны самими, гибнутъ и для человѣчества. Онѣ не развиваются отъ раздѣленія, не даютъ искры отъ встрѣчи: онѣ убиты въ умѣ вашемъ. Я говорилъ только какъ человѣкъ; что я чувствую какъ родной? Былицы умственной жизнью, вы безотвѣтны какъ урна погребальная.... Мои слезы могли бы зажечь порошокъ; но могутъ ли растопить ледъ? Полюсь не знаетъ лѣта.

Странная вещь: никогда менѣе не было мнѣ причинъ любить людей, какъ теперь, и никогда любовь къ нимъ не была во мнѣ теплѣе. Признаться сказать, я прежде любилъ ихъ или негодовалъ на нихъ какъ на братій; теперь я ихъ жалю какъ дѣтей. Они все видятъ косыми глазами. У ногъ моихъ играетъ Татарченкокъ; даю ему яблоко, даю другое — плачетъ; объ чемъ? — нечѣмъ взять третьяго: онъ досадуетъ что у него не три руки, не два рта. Не корыстолюбецъ ли это, не честолюбецъ ли? На все другое нашелъ бы я примѣры, хоть съ различіемъ; дитя не имѣетъ еще разума, и потому его дурныя качества прощательны, но у человѣка есть свой разумъ, есть разумъ другой, есть разумъ вѣры, если въ сердцѣ не находитъ онъ своего, свѣдственно ему нѣтъ отговорокъ: его злоба есть преступленіе. Но я разумѣю злобу умышленную, хладнокровную.

У насъ стоитъ прекрасная зима: я уже ѣлъ щи со свѣжею крапивою. Какъ привыкъ я играть значеніемъ словъ: въ Россіи я бы назвалъ прекрасною зимой — свѣтлую, морозную зиму; теперь — теплую и только не грязную. Такъ и все относительно въ мірѣ. Что хорошо сегодня, завтра можетъ стать дурнымъ, не измѣняясь: красное тамъ — называютъ здѣсь чернымъ. Только одна истина убѣгаетъ отъ времени и пространства; но многие ли разбираютъ ея гіероглифы?

Братъ Петръ терлитъ тяжелый свой крестъ какъ причично

* Къ братьямъ Николаю и Михаилу въ Сибирь.

человѣку съ душой; но составъ его распадается лотихоньку. Одиночество, болѣе чѣмъ одиночество—пустыня населенная волками вокругъ его. Братъ не можетъ обнять, утѣшить брата, и только 80 верстѣ разлучаютъ насъ! Надѣюсь, вы читаете новые романы и новыя исторіи. Поздравляю съ книгой Полеваго: онъ изумилъ меня зрѣлостію. Его произведеніе не дюжинное. Меня, вѣроятно, узнаете въ журналахъ: наяву и въ письмѣ я выражаюсь своимъ норовомъ. Да освѣнитъ васъ Крыло Провидѣнія; цѣлую братски. Adieu, chers Nicolas et Michel; je suis tout à vous. Votre frère Alexandre.

10.

Дербентъ, 1831 года, мая 14го. *

Что вы, гдѣ вы, добрые друзья и братья, мои пенаты когда-то, теперь грустные мученики! Я не имѣлъ духу писать къ вамъ о Святой: сердцу больно такъ долго христосоваться чрезъ почту; это все равно что посылать къ вамъ отсюда розу. Вы по крайней мѣрѣ хоть со слезами могли обнять другъ друга въ день воскресенія природы, но не воскресенія доброты Спасительной: мы съ Петромъ не имѣли и этой отрады. Быть такъ близко и такъ далеко, такъ льзко желать и такъ холодно получать отказы—это утонченіе достойное нашего вѣка, возведшаго прядильное искусство до высшей стелени. Петруша олять въ сраженіяхъ: это его стихія (была бы и моею, еслибъ было позволено); но одна бѣда что все это даромъ. Мы въедемъ изъ леску веревку: трудъ безконечный, но чрезвычайно полезный.

Я слава Богу; какъ-то вы, мои безцѣнные? Конечно, мы всѣ уже идемъ подъ гору; по крайней мѣрѣ чтобы не давать шлепковъ! Когда вы были въ Читѣ, я имѣлъ еще нѣкоторое понятіе о житьѣ-бытьѣ вашемъ; теперь совершенно ничего не знаю. Лета обтекаетъ вашъ заводъ, и стѣна его сложена изъ обломковъ золотой. Это страхъ какъ досадно: лучше прежняго—не вѣрится, а хуже не хочется. Птичкой бы скинулся да слеталъ къ вамъ: мнѣ ужъ наскучили дербентскія кукушки.

Что я дѣлаю—вы вѣроятно угадываете: солдатская кигринка не разнообразна; что я пишу, вѣроятно читаете въ журналахъ: много пустяковъ, перемѣшанныхъ съ истиной. Это полевые цвѣты не въ букетѣ, а на лугу, можетъ-быть даже въ снѣгѣ. Не имѣю досуга заняться дальнѣйшимъ, вдохновенья и того менѣе. Вы оба, какъ слышалъ я, занимаетесь испан-

* Это письмо и слѣдующее за нимъ (то-есть №№ 10 п 11) напечатаны нами въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 года (кн. V и VII, на стр. 148 и 45) съ несправныхъ копій, а потому въ нихъ вкралась ошибка и пропуски. Между прочимъ послѣднее письмо напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ* отрывками въ двухъ мѣстахъ, какъ совершенно отдѣльныя письма.

скимъ. Боже мой, сколько пользы сخورено между вами! какой бы ходъ дали литературѣ руки ваши, еслибъ имъ дали бездѣлицу—гусиное перо! Неужели они такъ дороги? Что до меня, я принялся за татарскій; доберусь и до Гафиза. Будьте счастливы, и да дастъ вамъ Богъ привычку спать, не морщась, на терніяхъ. Душою вашъ братъ и другъ, Александръ Бестужевъ.

11.

Дербентъ, 1831 года, декабря 24го.

Кончаю почтовый годъ мой, добрые, неналюбимые братья, Николай и Михаилъ, письмомъ къ вамъ, заключенникамъ. Недаромъ написалъ я въ одномъ альбомѣ:

Минувшихъ дней завѣтный свитокъ
Хранить лишь бѣдъ моихъ избытокъ,

и когда я при концѣ года считаюсь съ Крономъ, какъ московскій лавочникъ съ хозяиномъ, въ барышахъ у меня остаются одни лишь щелчки судьбы. И то еще великая отрада что могу считаться съ нимъ, могу считать то и се не по ладцамъ; а вы-то, вы, бѣдныя! Когда вспомню о васъ, то якутскій морозъ обжигитъ по жиламъ, несмотря на тропические здѣшніе жары. И что вы, и какъ вы теперь? Болѣе имѣю понятіе о берегахъ Стукса нежели о вашемъ петровскомъ кладбищѣ. На землѣ ли, подъ землей ли вы прозябаете, проросшіе только цѣлью, будто корнемъ, къ холодной землѣ!! Ужасно!

Я, напротивъ, дышалъ эту осень своею атмосферой—дымомъ пороха, туманомъ горъ. Я толталъ сѣнги Кавказа, я дрался съ сынами его—достойные враги. Какія куклы предъ нами Персы и Турки, какъ искусно умѣютъ они сражаться, какъ геройски рѣшаются умирать! Имя русское здѣсь только, въ одномъ мѣстѣ изъ цѣлаго свѣта, не водитъ трелета. За горцевъ стоятъ ихъ горы. И что за горы! О, какъ бы любилъ Русскіе этотъ край, еслибъ онъ былъ ихъ отчизною: не умѣю пересказать вамъ какъ онъ прелестенъ и въ одеждѣ лѣта, и въ алмазахъ зимы!

Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ всегда впереди, въ стрѣлкахъ; не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ. А онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добрались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ и (это чуть не чудо) ружье мое прострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала шомполъ; такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ дѣлѣ я видѣлъ пять. Штыки отбиты у многихъ. Трудно вѣрить какъ мѣтко и далеко они стрѣляютъ; особенно офицеры отъ того терпятъ: горцы ихъ ловятъ на отборъ, и вообще ранять тяжело въ грудь, въ

голову, очень рѣдко въ руку или ногу. Можно положить навѣрное что половина здѣшнихъ раненыхъ умираетъ.

Этотъ походъ, однакожь, прервалъ мои словесныя занятія; а привыкнувъ къ лагерной лѣтви, къ военной животной жизни, трудно олять приниматься. Ты, я думаю, читаешь, мой милый Николушка, *Блѣзора*? Въ немъ я пощечился немного твоими разказами о Голландіи.* И гдѣ твой даръ, твои таланты, твое сердце, которому не найти лары въ подлунной?—схоронено, зарыто, тѣветъ; какъ виноградъ на корню! Боже мой, Боже! Лучъ солнца утопленъ въ омутъ, звѣзда, упавшая съ неба, гаснетъ во мракахъ ада!

Но ты, Мишель, — я отдаю тебѣ терновый вѣнокъ терлѣнія. Ты практическій философъ; ты дѣлаешь то что другіе едва умѣютъ постигать, что очень немногіе говорятъ; ты не только равнодушно,—весело несешь свой крестъ и, какъ забытый цвѣтокъ на этомъ свѣтѣ всѣхъ радостей, веселишь своею ясною физиономіей сердца родныхъ, думы знакомыхъ. О, да сохранить Провидѣніе неизмѣннымъ этотъ высокій въ тебѣ характеръ, эту покорность къ волѣ небесной, да прольетъ Оно ее и въ души намъ. Въ трудахъ, въ непогодахъ, въ холодѣ, здоровье мое было крѣпче нежели здѣсь. Правду сказать, и климатъ тамошній прелестъ. У насъ въ городѣ погода ходитъ между грязью и гололедицей, между туманомъ или дождемъ. Для перемѣны исторіи ладають снѣга. Пренесносная зима!

Скажу вамъ радость: я видѣлъ въ Бурной брата Петра; онъ вздыхаетъ по тюрьмѣ вашей,—разумѣется не по замкамъ, а то что за замками; онъ бы душой летѣлъ къ роднымъ — и это ему единое спасенье отъ одолевшаго его сллина.

Со слезами говорю далекое прощай вамъ, недоплаканные живые мертвецы. Потомство бы рыдало, еслибы прочло эти строки, писанныя братомъ-страдальцемъ къ братьямъ-мученикамъ; а въ современникахъ нѣтъ слезъ для несчастія. Это-измъ заглушилъ всѣ чувства благородящія человека. Утѣшимся! мы пали въ другомъ, но сохранили ихъ. Обнимаю васъ.

Горячо любящій братъ,

Александръ Б.

12.

Дербентъ, 1832 года, іюня 9го.

Любезнѣйшая матушка!

Въ заголовокъ ставлю прибытіе брата Петра ко мнѣ въ Дербентъ: вотъ уже 10 дней какъ мы вмѣстѣ, благодаря великодушію корпуснаго командира. Онъ все еще худъ, но противъ зимняго гораздо поправился. Нелюдимъ какъ и всегда,

* *Записки о Голландіи 1815 года*, соч. Николая Бестужева. Спб. 1821 г. въ 8 д.

и домосѣдъ ужасный: не вызовешь ни въ гости, ни на воздухъ. Задумчивъ, одинокъ и чаще всего преданъ своимъ чуднымъ мечтамъ; но съ благословеніемъ божескимъ, авось, удаленный отъ ненавистныхъ ему предметовъ, онъ найдетъ здѣсь утраченное веселье. Воздухъ родины и кругъ семейный излѣчили бы его вовсе, и я съ нетерпѣніемъ жду этого дня, какъ праздника, когда отпущу больного брата къ роднымъ. Неужели нѣтъ нигдѣ милосердія? Онъ же имѣетъ всѣ законныя причины къ отставкѣ. Очень удивился я, узнавъ отъ васъ что обложился письмами: къ Полевому Ксенофону заввернулъ къ вамъ, а вѣроятно ваше послалъ въ Москву; запечатайте и пошлите въ контору *Телеграфа*. * О чемъ письма тогда — не помню; но письмо это получите. Не знаю, впрочемъ, своей или *чужой* разсѣянности приписать эту выходку. Письма къ вамъ пишу всегда черезъ двѣ недѣли, очень рѣдко черезъ три, никогда рѣже, и потому счастье можете по числамъ, если какое затеряется.

Я былъ на этомъ времени нездоровъ: немного простудился, отъ чего и страдалъ бессонницей. Теперь гораздо лучше: возвращаюсь и сонъ, и лозы въ на лицу. Впрочемъ, не лежалъ. Сердцемъ грустенъ: тому не мало причинъ, и большая самая — Петръ. **

Celui qui le contraire devient à ses yeux son ennemi mortel, et ses récits et ses caprices tout absurdes qu'ils sont, sont des choses sacrés pour lui. Surtout ce qui me chagrine le plus, c'est son obstination de quitter ses mauvaises habitudes. Il fume près de 60 pipes par jour, il est toujours couché, il dort trop et prétend que c'est le résultat de quelques malefices, et non de sa paresse. Il ne veut aller nulle part, il ne veut prendre aucune médecine, se prétendant en parfaite santé. Sa croyance est la magie, et pour cette cause il prend pour réalité ses songes, enfants de l'imagination dérangée, et il est intimement convaincu que tout cela lui arriva. Le pis est qu'il raconte en distraction tout ce qu'il a vu ou entendu, sans considérer que cela peut blesser l'amour-propre ou l'intérêt de quelqu'un. Oh! de grâce insistez sur son congé; au sein de sa famille il reprendra ses forces mentales.

Да будетъ надъ вами данъ Всевышняго.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ.

* *Московскій Телеграфъ*, журналъ изд. Н. А. Полевымъ.

** Мать Бестужева не знала французскаго языка, вотъ почему Александръ Александровичъ, изъ деликатности, чтобы старушка не прочла грустныхъ подробностей о сумашествіи сына ея Петра, пишетъ о нихъ по-французски.

13.

Г. Дербентъ, 23го іюня (1832).

Слезы благодарности — вотъ лучшіе перлы въ вѣнцѣ царей... и я, человекъ съ желѣзными очами, пролилъ ихъ, когда получилъ извѣстіе объ отставкѣ брата Петра. Не говорилъ ли я вамъ, драгоценная матушка, что намъ одна не-обманчивая надежда—государь? слова мои оправдались. Великодушный вялъ мольбамъ матери, и Петръ скоро упадетъ въ ваши объятія. Никогда не сомнѣвался я что онъ войдетъ въ бѣдственное положеніе и брата-страдальца, и матери-мученицы,—но, признаюсь, сомнѣвался чтобы слухъ о томъ достигъ до него. Хвала Всевышнему,—доступъ къ его отеческому сердцу открытъ для послѣдняго изъ подданныхъ, и тѣмъ болѣе чести русскому монарху. Всякая подобная черта радуетъ меня какъ человекъ, кромѣ того что я горжусь этимъ какъ подданный и проникнуть благодарностію какъ родной обязаннаго. Вѣсть о томъ впервые получилъ я отъ сестры—образца сестеръ—Елены, * которая, бывъ виною сего событія, была и вѣстницей онаго. Отраднo быть братомъ этой души высокой, равно какъ сыномъ вашимъ долго и многострадальная матушка!

На этотъ разъ сердце мое слишкомъ полно чтобъ уми-ститься на клочкѣ бумаги. Молчу. О, поплачьте за меня

* Этотъ восторженный, исполненный благоговѣйнаго чувства любви и уваженія отзывъ брата о своей сестрѣ былъ вполне заслуженъ Еленою Бестужевой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе благородную, самоотверженную жизнь, какую провела эта замѣчательная дѣвушка. Съ раннихъ лѣтъ, поддержка слабой матери, воспитательница и руководительница въ жизни младшихъ сестеръ, Елена Бестужева въ 1825 году разомъ *теряетъ* пять братьевъ. Отнынѣ она дѣлается какимъ-то гениемъ спасителемъ въ своей разбитой семьѣ: она поддерживаетъ окончательно убитую горемъ мать, навѣщаетъ,—среди множества прелятствій, — узниковъ братьевъ, изъ послѣднихъ средствъ шлетъ имъ постоянно все необходимое въ Сибирь и на Кавказъ, хлопочетъ за нихъ, исполняетъ массу порученій; дѣлается редакторшей, издательницей, комиссіонершей брата Александра; вымаливаетъ брату Петру прощенье; мужественно выноситъ страданія при видѣ сумасшедшаго брата, поощаетъ его въ домъ умалишенныхъ, куда съ трудомъ принимаютъ его, опасаясь его политической неблагонадежности, наконецъ, сгоронивъ постепенно трехъ братьевъ и мать, продаетъ свой скарбъ и съ двумя сестрами ѣдетъ въ Сибирь оживить своимъ участіемъ оставшихся двухъ братьевъ.

обнима сестерь, драгоценная матушка. Я увѣренъ что эти слезы не будутъ имѣть въ себѣ ничего горькаго.

Да будетъ свиданіе съ Петромъ..... васъ задаткомъ будущаго л..... *

Вашъ душою любящій васъ сынъ, Алекс. Бестужевъ.

Хвала Богу, слава государю,—не говорю про васъ, милая сестрица Елена: ваша награда въ собственномъ сердцѣ,—за отставку брата. Но съ вами теперь долженъ поговорить о немъ откровенно, ибо ложное понятіе объ его положеніи можетъ васъ ввести въ заблужденіе и быть ему въ послѣдствіи вреднымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Умственное разстройство его имѣло далекіе корни. Онъ смолоду былъ уже чрезвычайно недовѣрчивъ и по природѣ склоненъ къ меланхоліи. Ошибаться въ людяхъ было всегдашнимъ его удѣломъ, ибо наружность и ласки казались ему вѣрнѣе чѣмъ истинныя достоинства. Это почерпнулъ я изъ журнала его походовъ, гдѣ любилъ онъ описывать характеры каждаго—и вообще невѣрно, и вообще въ каждомъ видѣлъ онъ много осудительнаго. Ласкаемый начальниками, любимый товарищами и всегда въ избранномъ кругу молодежи, въ первые годы солдатства онъ мало терпѣлъ нравственно; физически же въ походѣ терпѣлъ всѣ. Переводъ въ Куринскій казармѣ, лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, угнетеніе, отравленное насмѣшками; никакого общества, ни одного отраднаго взгляда, это могло поколебать духъ и болѣе его твердый. Онъ падалъ, увѣряя что онъ не колеблется, и наконецъ палъ, сохраняя увѣренность что онъ стоитъ на обломкахъ міра. Одиночество и безмолвіе, на которое онъ себя осудилъ, воображая что каждый солдатъ подкупленъ за нимъ глядѣть, его подсаушивать, его клеветать, расширило въ его глазахъ предметы: онъ увеличивалъ воображеніемъ обиды, потому что увеличивалъ себя, это было пораненное самолюбіе. Скоро онъ сталъ подозрѣвать что люди, которые желали и дѣлали ему наиболѣе добра, ему вредятъ наговорами, клеветами, и такъ какъ они были съ нимъ чаще нежели другіе, то онъ каждый взглядъ, каждое случайное слово толковалъ по-своему. Мы еще не замѣчали разстройства въ умѣ и старались убѣдить его письмами въ неправости подозрѣній. Напрасно. Первые признаки оказались въ немъ въ жары, два года назадъ. Мы приписали это къ лихорадкѣ, и онъ съ осенью, хоть не оставилъ своихъ мыслей, но выражалъ ихъ связно, и ежели бы допустить основаніе, то выводы его казались довольно вѣроятны. Онъ отказался отъ всякаго общества, отъ всякаго пособія людей ему преданныхъ. Молчалъ, грустилъ, служилъ, терпѣ лямку во всей строгости и терпѣлъ нужду, ибо не хотѣлъ попросить

* Края письма оборваны.

никого. Гонители его умерли; слабость его здоровья устранила отъ службы, но первыя стрѣлы не вышли изъ сердца. Онъ не выходилъ изъ палатки, не вставалъ съ койки по мѣсяцамъ, и наконецъ, отъ безпрестаннаго сна, который не могъ быть крѣпокъ, мечты свои принималъ онъ за существованность: ему вездѣ слышались голоса, вездѣ видѣлись чуды, то жуки съ человѣческими глазами, то мыши въ образѣ кого-нибудь. Когда я увидѣлъ его въ Бурной, я плакалъ горькими слезами, ибо впервые убѣдился въ его положеніи. Онъ говорилъ мнѣ что его судятъ какія-то существа, что собаки ему поклоняются, что онъ высокое созданіе, и для того его хотятъ извести; толковалъ что-то объ Аракчеевѣ, объ его враждѣ къ нашему дому, и что все это слѣдствіе того. Я замѣтилъ въ немъ чрезвычайную раздражительность и желчность, и *долженъ* былъ оставить брата въ такомъ расположеніи. Можете судить каково мнѣ это было!! Между тѣмъ онъ писалъ ко мнѣ все, обвиняя одного К. въ томъ что онъ губитъ его, что онъ составилъ изъ солдатъ и офицеровъ противъ него заговоръ, и очень сердясь что я его оправдывалъ. Вдругъ получаю извѣстіе что онъ при смерти, не вѣсть уже пять дней, говоря что его отравить хотятъ. Онъ добрелъ въ такомъ видѣ до коменданта и объявилъ ему это форменно. Тотъ просилъ лѣкаря Потѣхина, очень хорошаго человѣка, взять его къ себѣ. Потѣхинъ далъ ему лѣкарство. Все шло хорошо. Вдругъ на бѣду встрѣтился онъ со штабъ-лѣкаремъ Мельцеромъ, полумумнымъ по природѣ и недавно вставшимъ отъ сильнаго сумашествія, но человѣкомъ который считаетъ себя гениемъ, виртуозомъ, и магнетизромъ, и Богъ знаетъ чѣмъ. Этотъ Мельцеръ очаровалъ Петра своимъ фиглярствомъ. Онъ переселился къ нему, и такъ какъ тотъ потворствовалъ его разказамъ, да и самъ толковалъ о снахъ, о предсказаніяхъ, брать принималъ его за спасителя, за избавителя, и хоть тотъ не давалъ ему ничего, онъ увѣряетъ доселѣ что Мельцеръ его спасъ отъ смерти, которую Потѣхинъ ему готовилъ, и что онъ оправдалъ его въ глазахъ міра. Но какъ и отъ чего, этого онъ не объясняетъ, увѣряя что это всякій знаетъ, и я лучше всякаго. Онъ было не хотѣлъ вѣхать сюда, чтобы не лишиться покровительства этого генія. Наконецъ я обнимаю его—и въ первый часъ онъ сказалъ мнѣ столько нелѣпаго, показалъ мнѣ тетради такого хаоса что я изумился. Мало-по-малу онъ мнѣ сталъ говорить о томъ, видя что ему не вѣрятъ; но со вѣты до здоровья касающіеся раздражали его, и кончилось тѣмъ что онъ сталъ подозрѣвать и меня что я орудіе К., что я хочу завладѣть его способностями, ибо имъ завидую, что я посредствомъ магіи собираю собакъ и терзаю его слухъ, одними словомъ, что и я злодѣй его. Къ этому прибавить надо что ему слышатся такіа рѣчи какихъ никто не произносилъ, и онъ въ глаза увѣряетъ что то-то сказалъ ты. Сны, повѣсти, чужіе анекдоты, все это смѣшано, все это пріемлетъ онъ на себя. Объ обыкновенныхъ предметахъ говорить иногда

красно, и хоть въ немъ нѣтъ полнаго познанія ихъ, но онъ разсуждаетъ довольно послѣдовательно, и это-то самое вводитъ въ заблужденіе всякаго кто съ нимъ не коротокъ. Даже когда заговорить онъ и о томъ что у него въ сердцѣ *Она*, въ видѣ *Весны* или источеннаго пирога, что въ брюхѣ у него говорятъ голоса, вы подумаете что онъ дѣлаетъ это для забавы.

P. S. Все что нужно для быстрой дороги, у Петра будетъ: объ этомъ не заботьтесь. Но едва ль выѣдетъ ранѣе двухъ недѣль. Приложите еще двѣ недѣли карантина и время лута. Онъ здоровъ тѣломъ очень, но радоваться вполнѣ не можетъ: все думаетъ какъ доѣхать.

14.

1832 года, іюля 14го.

Любезнѣйшая, дражайшая матушка!

Наконецъ, по долгомъ ожиданіи, полученъ вчера въ полку приказъ объ увольненіи Петра, и хотя еще выдача бумагъ продлится съ недѣлю, но потомъ онъ можетъ ѣхать на родину при первомъ случаѣ. Теперь на рейдѣ стоитъ судно, и если послѣдетъ ласпортъ ранѣе его отхода, мы славимъ нашего лутника до Астрахани; оттуда онъ можетъ доѣхать до Нижняго на пароходѣ, а оттоль колесомъ до Новгорода и далѣе, прямо къ вамъ въ объятія. Физическое здоровье его хорошо; но, признаться, жары враждебно дѣйствуютъ на разсудокъ, и вотъ почему путь водою для него лучше другихъ.... Я, слава Богу, здоровъ; былъ въ горахъ недавно, любовался на природу и забывалъ людей. Кази-мулла олять шалить. Было дѣло, въ которомъ потеряли мы 146 человекъ. Я не пойду противъ, если Розенъ самъ не будетъ въ Дагестанѣ. Да и зачѣмъ? За прошлые труды и опасности хоть бы спасибо сказали, такова наша доля. Не слишкомъ понимаю, почему вы журите меня за правду, насчетъ прежней войны съ горцами или Турками: я говорю и сужу какъ тактикъ, и этого никто никому не запрещалъ. Какое мнѣ дѣло что это не всегда дестно: генералъ не есть Богъ и можетъ ошибаться. Чувства же мои въ отношеніи къ престолу—благодарность и уваженіе: я никогда не смѣшивалъ подданныхъ съ властью. Dixi....

....Пожелавъ вамъ, дражайшая родительница, съ весельемъ встрѣтить возрожденнаго брата и оживленнаго надеждою, пусть Богъ освѣтитъ Своей десницею на счастье, и здоровье и локкой всякаго рода.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ

Милая, добрая сестрица, Елена Александровна. Съ какимъ благоговѣніемъ любувался я портреты матушки и вашъ! О, какъ благодаренъ я вамъ за это! Боже мой, какъ горести постарили матушку.... Но доброта все еще сіяетъ и сквозь сумракъ печалей, особенно у васъ.... Вся исторія души вашей

въ этихъ чертахъ. Это отрада не только для сына или брата, для всего человѣчества. За посылки благодарю.... Растолкуйте, пожалуста, какимъ образомъ пропустили вы цѣлую треть съ Гречемъ? Ужели у васъ нѣтъ для сего особой тетради? За июльскую треть 1831 года послалъ онъ мнѣ чрезъ Андреева (я еще ее выхаживаю), вотъ мы квитъ до 1го ноября. За ноябрьскую треть послали вы мнѣ 400 р., а 100 удержали для докупокъ, вотъ мы квитъ по 1е марта. Но съ 1го марта до 1го июля я не получилъ ни шелега. Растолкуйте, отъ чего это? Вы ли получили, или по моему одному письму Гречъ вычелъ за недочетъ листовъ сего года? Это для меня непонятно, а вы молчите, хоть я уже раза три писалъ о томъ. Благодарю за вниманіе Греча, но мнѣ кажется, лучше бы пополнить истекшій годъ чѣмъ начинать въ долгъ новый. Я непременно равно или поздно вылачусь. Ужели нѣтъ мнѣ на 500 рублей доврѣя?

Покупки для меня производимыя, если онѣ не изъ чистыхъ, само собою разумѣется, уплатите изъ будущихъ барышей съ книгъ. Quant à Pierre, chère Hélène, sa manie est de plus triste au monde. Il soupçonne et haie ceux qui sont le plus dévoués à ses intérêts, il n'aime que ceux qui sont loin, etc. *

15.

1832 года, августа 5го.

Дражайшая матушка! Наконецъ братъ Петръ готовъ снять-ся съ якоря: сегодня переѣзжаетъ на корабль въ укромную каютку, и чуть дунетъ попутный, отправится въ Астрахань. Тамъ, верстъ за 70 не доѣзжая оной, остановятъ ихъ въ карантинъ на 14 дней. Комаровъ тамъ хоть ножомъ рѣжь, и потому онъ заласяя дологомъ. Дни два пробывъ въ городѣ, лутится далѣе на пароходѣ или колесомъ, смотря по обстоятельствомъ. Я писалъ письмо къ генералъ-губернатору, прося, нельзя ли дать ему въ прислугу надежнаго человѣка или велѣть найти добраго попутчика. Не знаю, будетъ ли прокъ.

Правду сказать, братъ въ послѣднее время, съ жарамы, сталъ капризенъ какъ избалованный ребенокъ. Вообразите что онъ разъ пять задумывалъ ѣхать: то хочетъ ѣхать въ лагерь, то въ Карабахъ. Я не могъ добиться чтобъ онъ позволилъ снять съ себя мѣрку для плаща и сюртука, и кончилъ тѣмъ что шилъ наобумъ. Когда особенно вздумается ему что онъ слабъ, то ничего не ѣсть и не уговоришь тронуться съ мѣста. Чуть за то совѣтуешь ѣсть менѣе фруктовъ, онъ говоритъ: „это изъ скулости“. Морской воздухъ, я полагаю, много дастъ ему исцѣленія, а ваше дѣло истребить остальное. Молюсь о томъ. Денегъ съ нимъ пойдетъ 550 рублей: этого весьма довольно

* Письмо оканчивается грустными подробностями о болѣзни Петра Бестужева.

для проѣзда, ибо по тому тракту по 5 коп. на лошадей платится. Все нужное у него есть; стоить вѣхать не останавливаясь; развѣ вообразить что онъ боленъ и гдѣ останется....

.... Здоровье мое порядочно, несмотря на жары. Хожу въ караулъ, нерѣдко горюю и думаю: неужели это вѣчно! Хорошо что я самъ не подаренъ этимъ качествомъ.

Милаю Елену Александровну, хлопотальницу за всѣхъ насъ, сердечно цѣлую. Марью и Ольгу поздравляю со скорымъ гостемъ. Всѣхъ домашнихъ прошу служить и радѣть больному отъ души: я не забуду наградить послушныхъ. Отцу Федору мой привѣтъ. Всѣмъ кто не забылъ меня поклоны.

Съ горячею любовью, милая матушка, емь покорный сынъ,

Александръ Бестужевъ.

Не получено: и чай, и серебро, и 300 денегъ.

16.

1832 года, августа 7го.

Наконецъ, послѣ многихъ ожиданій и затрудненій со стороны погоды, братъ Петръ ѣдетъ къ вамъ, и если Богъ судитъ, вы получите эти строки изъ собственныхъ рукъ сына. Воображаю минуту свиданія. О, какъ сладостна она мнѣ и за васъ всѣхъ! Доведеть ли судьба когда-нибудь и мнѣ вкусить ее?...

Хоть не вполнѣ, хоть не всегда въ точности, но Петръ разкажетъ вамъ про скуку дербентской жизни, про этотъ край скорліоновъ и людей едва ли не заѣе скорліоновъ. Впрочемъ, какъ островъ въ этомъ океанѣ слетней (общее названіе маленькихъ городковъ), возвышается семейство здѣшняго коменданта истинно русскимъ благородствомъ и гостеприимствомъ.* Не могъ я жаловаться и на начальство свое, напротивъ, со всею строгостію было оно справедливо и никогда не оскорбляло несчастіе насмѣшкой или угнетеніемъ. Теперь у насъ новый баталіонный командиръ В—въ: не знаю что будетъ впередъ, но добраго не жду. Вотъ судьба наша: зависѣть не отъ своего поведенія, но отъ чужихъ прихотей.

Брата снарядилъ въ путь сообразно съ его надобностями....

.... Но не хочу отвлекать васъ отъ живаго письма. Пусть онъ надолго возьметъ все ваше вниманіе: ему это необходимо

* Этотъ комендантъ былъ Шпитцвитниковъ, достойная вдова котораго, Таиса Максимовна, вышедшая за извѣстнаго ученаго и архитектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ив. Ив. Свиязева, передала намъ много подробностей о кавказской жизни ея друга А. А. Бестужева. Она сохранила къ нему чувство глубокаго уваженія и признанія и отзывается о немъ какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ представителей своего времени.

и полезно. Я же прошу у васъ родительскаго благословенія, желая вамъ новаго счастья, котораго зарей да разсвѣтитъ вамъ лицо возвращеннаго сына. Еще разъ обнимаю васъ, любезнѣйшая родительница.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ.

У меня сидитъ Татаринъ бекъ Ферзаали, предобрый старикъ, онъ проситъ сказать вамъ что пусть скоро возвеселятся ваши очи прибытіемъ и *дружить дѣтей*.

17.

Дербентъ. 1832 года, сентября 1го.

Вѣроятно вы получите эти строки, почтенная, дражайшая матушка, послѣ прибытія Петра въ лоно семейства. Долго, бѣдвяга, онъ качался на якорѣ за противными вѣтрами. Но въ одно прекрасное утро я взглянулъ въ окно, корабля нѣтъ уже и въ горизонтѣ. У меня стало легко на сердцѣ. Дай Богъ путь счастливый къ спокойной жизни. Ему необходимъ отдыхъ послѣ столькихъ бурь. Скажите ему что Вишневскій, товарищъ его по флоту и по полку, произведенъ въ мичманы въ 7й эскадрѣ. Это истинно царская милость.*

Братъ Павелъ въ походѣ съ корпуснымъ командиромъ и, можетъ-статься, будетъ сюда. Я очень буду радъ съ нимъ свидѣться: вотъ уже три года мы въ разлукѣ. Ежели въ Чечнѣ близъ насъ что-либо затѣется, стану проситься въ дѣло. Знаю что мнѣ ничего не дадутъ, хоть бы я взялъ звѣзду съ неба (тому доказательство минувшій годъ), но и здѣсь мнѣ теперь не прѣяники. Новый командиръ такъ грубъ что надо верблюжье терпѣніе служить съ нимъ. Караулы часты, а учиться обокъ съ рекрутами, право, въ мои лѣта не къ лицу.

Здоровье мое держится порядочно, несмотря на кучу мелкихъ неудовольствій. Нужды не имѣю... Полевой наслалъ мнѣ множество прекрасныхъ книгъ, такъ что я задавленъ почти чтеніемъ. Не лишу, ибо не въ томъ расположеніи духа. Казбекъ обвалился и загородилъ военную дорогу, отчего вотъ уже двѣ недѣли нѣтъ почты. Вотъ пречень моего и окрестнаго быта. Въ умѣ моемъ необыкновенная засуха, и оттого пишу такъ вяло и такъ мало; авось-либо осень размочитъ мой духъ и онъ снова зазеленѣетъ.

Любезныхъ сестрицъ обнимаю. То-то имъ теперь заботъ и радости: и что, и какъ, и гдѣ, и почему? Я чай нѣтъ конца распросамъ.

Тебя же, любезный братъ, привѣтствую съ родными лена-

* Лейтенантъ Вишневскій, за участіе въ мятежѣ 14го декабря и возбужденіе нижнихъ чиновъ, былъ осужденъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію чина съ записаніемъ въ солдаты съ выслугой, каковой карѣ подвергся и поставленный въ одинъ съ нимъ разрядъ мичманъ Петръ Вестужевъ.

тами. Да возвратятъ они тебѣ веселость и покой, давно отъ тебя разлученные. И кого-кого не излѣчили бы ласки сестеръ и матери!

Счастія, совершеннаго счастья желаю вамъ, дражайшая матушка и милыя сестры. Пусть Петръ будетъ задаткомъ ожидающаго васъ впереди.... Я буду самъ благополученъ, когда узнаю что вы довольны.

Братьямъ Петровскимъ, милымъ сотруженикамъ моимъ въ сей юдоли испытанія, если не пытки, мой нравственный привѣтъ отъ сердца. Ужели не суждено намъ никогда свидѣться, — никогда, кромѣ сна, этой области, не подлежащей никакой власти кромѣ Божіей?

Снова обнимаю васъ, милые сердцу. Да сойдетъ на васъ благодать Всевышняго.

Истинно любящій сынъ и братъ, Александръ Бестужевъ.

18.

Дербентъ. 1832 года, октября 5го.

Милостивая государыня, Екатерина Петровна! * Давно уже не имѣлъ я счастья получать писемъ отъ родныхъ чрезъ ваши руки; желалъ бы симъ вызвать ихъ изъ забвѣтыя. Прошу васъ, когда будете писать къ нашимъ Петровскимъ, прибавить мой сердечный привѣтъ всѣмъ тремъ моимъ братьямъ, ибо Константина я считаю не иначе. Порадуйте ихъ вѣстью что Вишневскій произведенъ въ мичмана, въ Кронштадтѣ онъ былъ ихъ товарищъ. Богъ да спасетъ ихъ и да помилуетъ въ нихъ насъ самихъ государь.

Съ уваженіемъ всегда пребываая, есмь покорнѣйшій слуга.

Александръ Бестужевъ.

На письмѣ помѣтка: „получила 1го декабря“.

19.

Дербентъ. 1832 года, октября 5го.

Любезнѣйшая матушка! Наконецъ полагаю несомнѣннымъ прїездъ брата Петра въ мирное на-волховское убѣжище ваше. ** То-то, я чай, было слезъ, распросовъ, радостей, объятій! Когда-то Богъ приведетъ и мнѣ насладиться этимъ! Я болѣю глазами.... Недавно былъ у насъ смотръ и кончился благопо-

* Торсона, сестра капитанъ-лейтенанта Константина Петровича Торсона, сосланнаго за участіе въ тайномъ обществѣ, вмѣстѣ съ старшими братьями Бестужевыми, въ Сибирь. Это былъ сослуживецъ и задушевный другъ Николая Бестужева.

** Сельцо „Сольцы“, принадлежавшее матери Бестужевыхъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, на рѣкѣ Волховѣ.

лучно. Я, разумѣется въ полной боевой амуниции, въ рандѣ и съ ружьемъ, маршировалъ гусинымъ шагомъ. Забавная вещь видѣть мыслящее существо подъ солдатскими крестами,— лускай бы еще въ битвѣ, а то на плацъ-парадѣ! Смѣшнѣе всего моя фигура безъ усовъ (мнѣ новый командиръ объявилъ на нихъ острацизмъ): это вѣчто въ родѣ Соломонова портрета на гадательной картѣ.

Сюда ѣдетъ главнокомандующій, а вѣроятно съ нимъ будетъ и Павелъ. Я очень, очень радъ буду съ нимъ свидѣться: вотъ ужъ три года какъ мы разстались съ нимъ въ Эрзерумѣ; а въ три года много утекаетъ воды, много наливаетъ опытности.

Кази-мулла залерся въ Гимринской проласти; но сардаръ* хочетъ туда идти. Онъ дѣйствуетъ по-Ермоловски: сжегъ и истребилъ 60 деревень въ Чечнѣ, 80 покорены вновь. За прошлый годъ за Дербентъ вышли награды: всѣ осыпаны выше заслугъ; мнѣ ничего какъ ничего. Прошу тутъ лѣзть изъ кожи! Панкратьевскія представленія возвращены — что-то не по формѣ... а всѣ терпятъ.

Я пишу повѣсть *Фрегатъ Надежда*.

Извѣщаю, что получена мною Петрова посылка на 120 рублей, странствовавшая три года съ половиной.... Наконецъ обнимаю милыхъ, добрыхъ сестеръ, цѣлую ихъ тысячи разъ, цѣлую вашу руку. Будьте счастливы и любите любящаго васъ сына, Александра Бестужева.

Любезный, добрый мой братъ, Петруша! Я слышалъ что вѣтры, и волны, и карантинны, и грязи вооружились на тебя, но тѣмъ сладостнѣе, думаю, была твоя встрѣча съ родными. Воображаю какъ крѣпко забилось твое сердце, когда ты завидѣлъ острую кровлю солецкаго дома и главы и колокольню церкви. Это было впервые наяву; но сколько разъ уже носились туда твои мечты! Возблагодари же Провидѣніе—не звуками, но покорностію къ желаніямъ матушки, нашей доброй и столько для насъ претерпѣвшей матушки! Будь ей отрадой, забывъ съ причиною меланхоліи самую болѣзнь сію. Много, много горя дала она мнѣ, уклонивъ отъ меня на время твое дружество; но можно ль въ этомъ винить кого-нибудь изъ насъ?

Лала, Ниль и Жуковъ тебѣ желаютъ счастья на родинѣ; первые ждуть отставки, послѣдній получилъ съ бантомъ Владиміра. ** Мнѣ обѣщаютъ Георгія,—но это все буки, въ ожиданіи я тру стѣвны караулень.

Надѣюсь за тебя обнять скоро *Ванлика**** и получить отъ тебя радостную вѣсть. О, какъ горячо желаю я тебѣ душевнаго выздоровленія въ очарованномъ кругу родныхъ!

Неизмѣнно любящій тебя братъ Александръ.

* Такъ называетъ Бестужевъ русскаго главнокомандующаго.

** Первые два—молодые офицеры, сосланные, за участіе въ событіяхъ 14го декабря, солдатами на Кавказъ.

*** Брата Павла.

20.

17го ноября, 1832 года.

Любезнѣйшая, дражайшая матушка! Сегодня получилъ я письма ваши... и пишу сидя подлѣ брата Павла; не можете представить какъ это грѣветъ сердце! И какъ давно былъ я лишень удовольствія, даже можно сказать счастья, родственной откровенности. Я въ это время совершенно разцвѣлъ и духомъ, и тѣломъ. Онъ у меня болѣе двухъ недѣль, и дня 4 еще пробудеть, а тамъ лугается въ луть трудный, верхомъ, почти по пустынямъ, на 700 верстъ. Безлокоитъ меня много молчаніе Петра. Онъ обѣщаль писать отовсюду, и вотъ съ 18го августа, дня его отъѣзда, ни строчки.... *

...Я не имѣю ни время, ни расположенія хворать; душа — нашъ лѣкарь и убійца... теперь она лѣкарь, ибо я доволенъ. Одна бѣда: брату нужны деньги въ дорогу, а мнѣ никто не шлетъ, хоть всѣ обѣщаютъ, придется занимать, а это мнѣ очень не по сердцу. Приходъ войскъ далъ мнѣ случай увидѣть многихъ старыхъ знакомцевъ и познакомиться съ добрыми людьми вновь. Сардаръ нашъ преблагородное существо. Я не видѣлъ его, но это общій голосъ.

Ничего не смогу и не успѣю разказать о себѣ, такъ быстро проходить мимо меня чувства, люди и мысли — и не мимо, виновать, но сквозь умъ, сквозь сердце, сквозь душу.... Если вы, добрая и милая Елена Александровна, сочли строки *Пчелы* и *С. О. (Сына Отечества)*, то увѣдомьте считали ли вы *Напѣды* въ томъ же числѣ? Ихъ надо выключить. Если же и съ *Антикваріемъ* выйдетъ столько, то я квитъ за два года съ издателями, и начинаю годъ съ января 1833, но не иначе какъ за 5.000, довольно я и до сихъ поръ почти за полцѣны работалъ на нихъ....

...Петровцамъ — мой привѣтъ прямо изъ души....

Будь вашъ щитъ небо и удѣлъ счастье. Всѣхъ вашъ, братъ Александръ Бестужевъ.

21.

Дербентъ, 1832 года, декабря 1го.

Любезнѣйшая матушка! Не имѣя времени писать много, не хочу однакожь пропустить почты. Братъ Павелъ уѣхалъ 21го ноября и теперь, вѣроятно, далеко. Я снабдилъ его на дорогу деньгами и всѣмъ нужнымъ. Палутье и житье его здѣсь стоило

* Далѣе опускаю нѣсколько строкъ относящихся къ соображеніямъ А. Бестужева о повздкѣ брата его Петра. На письмѣ этомъ, безъ сомнѣнія по полученіи его матерью Бестужевыхъ, сумашедшимъ Петромъ намазано нѣсколько не имѣющихъ смысла строкъ.

мнѣ болѣе 500 рублей; но я заплатилъ бы двѣ тысячи чтобъ имѣть такое пріятное свиданіе. Павелъ сталъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ: солдены, уменъ, правственъ. Я ожилъ душой проживши съ нимъ. Ради Бога, скажите чтоъ случилось съ Петромъ? ни съ дороги отъ него, ни объ немъ изъ Сольцы ни строчки; а ужъ давно бы пора. Обнимите его за меня, если онъ съ вами.

Я здоровъ, но совершенно безъ денегъ и, что хуже еще, въ долгу. Н. И. (Гречъ) не шлетъ денегъ да и только. Каждую почту жду и каждую обманываюсь: это право досадно. Нового нѣтъ.

Съ братскимъ участіемъ обнимаю сестеръ и цѣлую руку вашу. Петровцамъ посылаю душу. Будьте счастливы.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ.

22.

Дербентъ, 1832 года, декабря 29го.

Я чрезвычайно радъ, любезнѣйшая матушка, что Петръ счастливо доѣхалъ до вашей палестины. Начните чтеніе письма поцѣлуемъ ему за меня. Дай Богъ чтобы все минувшее горе скатилось съ плечъ и съ памяти, какъ съ гуся вода. Онъ ожилъ вновь; пускай же новая жизнь будетъ ему весна.

Я слава Богу; немного кашляю, да это ничего. Морозцы у насъ хоть куда, свѣгу вдоволь; жаль что горы мѣшаютъ кататься, а саней не видывали здѣсь въ глаза. Даже дрова везать колесами: эти Татары сущіе невѣгласи, какъ говорить Несторъ.

Это время я былъ довольно прилеженъ: написалъ довольно большую повѣсть, *Фрегатъ Надежда*. Увѣренъ что она понравится, потому что писана отъ сердца. Чувства, которыя застоялись было, брызнули потокомъ. Любовь и море, двѣ мои любимыя стихіи, на сценѣ: я разгулялся. За симъ начну, или лучше сказать, кончу *Кавказскія воды*, а тамъ только держись. Я разгараюсь на сѣчу, словно олимпійская колесница.

Въ баталіонъ нашъ за осаду Дербента присланы два георгіевскіе креста. Какъ достойнѣйшаго, выбрали меня солдаты и ротные командиры, и самъ подполковникъ. Но онъ трусь. Въѣсто того чтобы по общему порядку возложить его на меня и донести о томъ, онъ спрашиваетъ разрѣшенія — возложить ли? Разумѣется, это пошло въ долгій ящикъ и, можетъ, даромъ. Вотъ какъ мимо текутъ всѣ мои награды. Сами всѣ боятся наградить, а представить царю лѣнятся.

Отъ брата Павла еще не имѣю вѣсти изъ Тифлиса. Знаю только что онъ былъ въ Баку и поклонился ключамъ огня. Вѣроятно, теперь странствуетъ по Тифлису. Съ нимъ былъ, по порученію корпуснаго командира, одинъ молоденькій ногайскій князекъ, Хассай-Мусса, предобрый и презабавный

мальчикъ. Онъ нерѣдко смѣшилъ насъ своею дикостію. Съ нимъ вмѣстѣ отправился онъ и въ путь.

Господа пчеловоды * меня морять. Долженъ кругомъ, а отъ нихъ ни гроша; это не по-товарищески, тѣмъ болѣе что сами обѣщали выслать давно. Отъ 1го ноября имѣю свидѣніе что мои книги поступать скоро въ продажу, но еще пользы не вижу. Что-то будетъ впередъ. Судили много; какъ бы не съѣхать на убытокъ. Барыши и недочеты въ одной ѣздѣ тѣлѣтъ.

Со Смирдинымъ готовъ сдѣлаться за пять тысячъ, иначе не хочу и со старыми пріятелями. Мнѣ выгоднѣе будетъ печатать мои повѣсти особо: я вѣрно выберу болѣе 5.000 въ годъ.

Обвиняю крѣпко сестеръ, цѣлую еще разъ милаго Петра. Прошу у Бога твердости Петровцамъ и здоровья и счастья вамъ.

Съ истинною и горячею любовью покорнаго сына, прошу вашего благословенія, Александръ Бестужевъ.

Отцу Федору мой душевный поклонъ.

Поздравляю съ Рождествомъ Христовымъ, съ Новымъ Годомъ, со всѣми праздниками, которые такъ намъ были милы на святой родинѣ.

(До слѣд. №.)

М. СЕМЕВСКІЙ.

* То-есть Булгаринъ и Гречъ.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА XXI.

К о н ч е н о .

Арнольдъ былъ нѣсколько удивленъ краткостью отвѣта Джофри.

— Развѣ сэръ-Патрикъ сказалъ вамъ что - нибудь неприятное? спросилъ онъ.

— Сэръ-Патрикъ сказалъ именно то что я желалъ отъ него услышать.

— Не будетъ никакого затрудненія?

— Никакого.

— Я могу не бояться что Бланка...

— Она не пошлетъ васъ въ Крегъ-Ферри, за это я ручаюсь.

Онъ сказалъ это съ увѣренностью, взялъ со стола письмо брата, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Друзья его, бродившіе по лугу, окликнули его. Онъ прошелъ мимо, не отвѣчая и едва взглянувъ на нихъ. Дойдя до цвѣтника, онъ остановился, вынулъ трубку, потомъ вдругъ передумалъ и повернулъ на другую дорожку. Въ такой часъ дня онъ, конечно, не могъ разчитывать на уединеніе въ цвѣтникѣ.

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

Ему ужасно хотѣлось быть одному; онъ чувствовалъ что способенъ убить того кто подошелъ бы къ нему въ эту минуту. Съ мрачнымъ взглядомъ и опустивъ голову, онъ пошелъ по дорожкѣ чтобы посмотрѣть куда она ведетъ. Она доходила до калитки которая вела въ кухонный садъ. Здѣсь онъ былъ въ безопасности. Ничто не могло привлечь гостей въ кухонный садъ. Онъ подошелъ къ орѣховому дереву, посаженному въ центрѣ сада и окруженному деревянною скамьей и дерномъ. Оглянувшись вокругъ, онъ сѣлъ и закурилъ трубку.

— Поскорѣй бы кончить, сказалъ онъ.

Онъ сидѣлъ, опершись локтями въ колѣни, курить. [и думалъ. Но овладѣвшее имъ безлокойство скоро подняло его опять на ноги. Онъ всталъ и началъ кружиться по дерновому лугу вокругъ дерева, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ.

Что возмутило его душевное спокойствіе? Не мучила ли его совѣсть за то что онъ рѣшился обмануть друга вѣрившаго и служившаго ему?

Совѣсть мучила его такъ же мало какъ васъ когда вы читаете эти строки. Ему просто до бѣшенства хотѣлось достигнуть поскорѣе цѣли которую онъ имѣлъ въ виду.

Могъ ли онъ чувствовать раскаяніе? Раскаяніе есть болѣе или менѣе слѣдствіе двухъ чувствъ, изъ которыхъ ни одно не развито въ первобытномъ человѣкѣ. Первое изъ этихъ чувствъ есть самоуваженіе, второе—уваженіе къ другимъ. Въ своемъ высочайшемъ проявленіи эти два чувства возвышаются— первое до любви къ Богу, второе до любви къ человечеству. Я обидѣлъ васъ и чувствую раскаяніе. Почему я чувствую раскаяніе, если я, обидѣвъ васъ, принесъ пользу себѣ, и вы не можете отвѣтить мнѣ такою же обидой? Я раскаяваюсь потому что во мнѣ есть чувство которое говоритъ мнѣ что я согрѣшилъ противъ самого себя и противъ васъ. Это чувство не принадлежитъ къ числу врожденныхъ инстинктовъ человѣка, и не было такого чувства у Джофри Деламена, потому что Джофри Деламентъ былъ первобытный человѣкъ.

Когда идея его плана родилась въ его головѣ, новость ея поразила его, безмѣрная дерзость ея устрасила его. Признаки безлокойства, которые онъ обнаружилъ за лисьменнымъ столомъ въ библиотекѣ, были проявленіемъ умственного замѣшательства, и ничего болѣе.

Первое живое впечатлѣніе прошло, онъ освоился съ идеей и достаточно успокоился чтобы видѣть трудности которыя

она заключала въ себѣ, и слѣдствія къ которымъ она вела. Трудности сначала испугали его, но страхъ скоро прошелъ. Что же касается до жестокости и безчестности замышляемаго поступка, то сознание ихъ было ему недоступно. Положеніе его относительно человѣка которому онъ спасъ жизнь, было положеніе собаки. „Благородное животное,“ только что вытаскившее человѣка изъ воды, черезъ десять минутъ вцѣплится ему въ горло при извѣстныхъ условіяхъ. Прибавьте къ бессознательному инстинкту собаки сознательную хитрость человѣка, и вообразите такого человѣка въ положеніи когда онъ можетъ сказать: „когда-то мнѣ случилось оказать такую-то услугу, и вотъ теперь она пригодится мнѣ,“ и вы будете имѣть понятіе о чувствахъ Джофри къ его другу, когда онъ вспоминалъ прошлое или думалъ о будущемъ. Когда Арнольдъ некстати заговорилъ съ нимъ въ критическую минуту, онъ разозлился на Арнольда, но ничего другаго онъ не почувствовалъ.

Та же непроницаемая безчувственность, то же первобытное состояніе нравственныхъ понятій избавили его отъ малѣйшаго чувства жалости къ Аннѣ. „Я освобожденъ отъ нея,“ было его первою мыслию. „Она пристроена безъ хлопотъ съ моей стороны,“ было второю мыслию. Онъ ни мало не беспокоился о ней. Онъ ни мало не сомнѣвался что, когда онъ объяснитъ ей ея положеніе, и ей останется выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть, или потребовать себѣ Арнольда, она потребуетъ Арнольда. Онъ былъ увѣренъ что она такъ поступитъ, потому что онъ поступилъ бы такъ на ея мѣстѣ.

Но ему хотѣлось чтобы все было кончено. Кругась вокругъ дерева, онъ стремился дойти поскорѣе до кризиса и перешагнуть черезъ него. Дайте мнѣ свободу обратиться къ другой женщинѣ и начать готовиться къ дѣлу, — вотъ чего ему хотѣлось. *Они* обижены? Я обиженъ ими. Они мои злѣйшіе враги! Они преграждаютъ мнѣ дорогу.

Какъ избавиться отъ нихъ? Вотъ что беспокоитъ его. Онъ рѣшилъ избавиться отъ нихъ въ тотъ же день. Но съ чего начать?

Нельзя было начать ссорой съ Арнольдомъ. Такой образъ дѣйствія, при отношеніяхъ Арнольда съ Бланкой, произвелъ бы тотчасъ же скандалъ, — скандалъ, который помѣшалъ бы ему произвести надлежащее впечатлѣніе на мистрисъ Гленармъ. Надо было начать съ женщины, потому что полъ и положеніе

одинокой, всѣми покинутой женщины помѣшаютъ ей произвести скандалъ. Покончить немедленно съ Анной и предоставить Арнольду раздѣливаться съ нею, рано или поздно, и какъ ему угодно.

— Какимъ образомъ объявить ей объ этомъ сегодня же?

Пойти въ гостиницу и объявить ей лицомъ къ лицу что она мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ? Нѣтъ! Съ него довольно объясненія съ нею лицомъ къ лицу въ Виндигетсѣ. Самый легкій способъ—написать ей и отослать письмо въ гостиницу съ первымъ посланнымъ котораго удастся найти. Пусть она прѣѣзжаетъ въ Виндигетсѣ, пусть она слѣдуетъ за нимъ къ его брату, пусть она обратится къ его отцу. Онъ теперь умылъ руки отъ нея. „Вы замужняя женщина,“— вотъ достаточный отвѣтъ чтобъ отдѣлаться отъ нея.

Онъ сложилъ письмо въ умѣ. „Что нибудь въ этомъ родѣ,“ думалъ онъ, обходя вокругъ орѣховаго дерева: „Вы можетъ-быть удивляетесь что я не прѣѣзжаю. Пеняйте на себя. Я знаю что произошло между вами и имъ въ гостиницѣ. Я совѣтовался съ адвокатомъ. Вы жена Арнольда Бринкворта, желаю вамъ счастья и прощайте на вѣки.“ Адресовать „мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ,“ сказать посланному чтобъ онъ оставилъ письмо въ гостиницѣ поздно вечеромъ и ушелъ не дожидаясь отвѣта, уѣхать завтра рано утромъ къ брату и считать дѣло поконченнымъ.

Но даже въ такомъ образѣ дѣйствія было одно прелятствіе— прелятствіе способное привести въ отчаяніе.

Если Анну знали въ гостиницѣ подъ какимъ-нибудь именемъ, то только подъ именемъ мистрисъ Сильвестеръ. Письмо адресованное на имя мистрисъ „Арнольдъ Бринквортъ“ едва ли будетъ принято у двери гостиницы. Или, если оно будетъ принято и передано ей, она, можетъ-быть, откажется прочесть его, какъ письмо не ей адресованное. Человѣкъ съ большимъ умственнымъ запасомъ понялъ бы что имя на конвертѣ ничего не значитъ, лишь бы содержаніе письма было прочтено тѣмъ къ кому оно написано. Но умъ Джофри придавалъ большее значеніе лустякамъ. Онъ считалъ необходимымъ сохранить связь между адресомъ и письмомъ. Такъ какъ онъ назоветъ ее женой Арнольда Бринкворта, то и адресовать онъ долженъ ей какъ женѣ Арнольда Бринкворта. Иначе кто знаетъ какое значеніе можетъ придать этому законъ, и какихъ хлопотъ можно нажить себѣ однимъ почеркомъ пера! Чѣмъ

дальше онъ думать объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ необходимости поступить осторожно, и тѣмъ сильнѣе онъ горячился.

Но изъ всякаго затрудненія есть выходъ, и изъ этого затрудненія вѣроятно есть тоже выходъ. Еслибы только найти его!

Но онъ не находилъ его. Покончивъ со всѣми серьезными затрудненіями, онъ неспособенъ былъ рѣшить лустыхъ затрудненій. Его вдругъ поразила мысль что онъ, можетъ-быть, слишкомъ долго думалъ объ этомъ,—онъ, не привыкшій ни о чемъ думать долго. У него кружилась голова отъ однообразнаго хожденія вокругъ дерева. Онъ съ раздраженіемъ повернулся и пошелъ по новой дорожкѣ, рѣшивъ подумать о чемъ-нибудь другомъ чтобы потомъ воротиться опять къ затрудненію и взглянуть на него съ новой точки зрѣнія. Получивъ свободу, мысли его естественно обратились къ бѣгу. Черезъ недѣлю надо будетъ начать готовиться.

Онъ рѣшилъ взять на этотъ разъ двухъ учителей. Одного вызвать въ Шотландію и подготовиться съ нимъ въ домѣ брата, а съ другимъ, который взглянетъ на него съ новой точки зрѣнія, заняться по возвращеніи въ Лондонъ. Онъ перебиралъ въ умѣ подвиги знаменитаго солерника, съ которымъ готовился вступить въ состязаніе. Солерникъ его бѣгалъ скорѣе его. Державшіе пари за Джоффи разчитывали на безпримѣрную силу бѣга и на необыкновенную выносливость Джоффи. Долго ли переждать соперника? Гдѣ можно съ безопасностью догнать его? Какъ близко къ концу разчитать на его полное истощеніе и обогнать его? Вопросы немаловажные. При возложенной на него ответственности онъ обязанъ прибѣгнуть къ тайному совѣту уважаемыхъ авторитетовъ. На кого можно положиться? Можно положиться на А. и на В., оба авторитеты, и оба сохранять тайну. Можно ли положиться на С? Авторитетъ безпримѣрный, но человѣкъ ненадежный. Вопросъ о С. поставилъ его въ тупикъ и не хотѣлъ разрѣшиться. Ну, не бѣда! Во всякомъ случаѣ можно посоветоваться съ А. и В., а С. послать пока къ чорту, и думать о чемъ-нибудь другомъ. О чемъ же другомъ? О мистрисъ Гленармъ? И ее къ чорту! Всѣ онѣ на одинъ ладъ. Всѣ бѣгаютъ переваливаясь и наполняютъ желудокъ жидкимъ чаемъ предъ обѣдомъ. Только этимъ онѣ отличаются отъ мушницъ, во всемъ же остальномъ онѣ слабое подражаніе намъ. Послать женщину къ чорту и

постараться думать о чемъ-нибудь другомъ. О чемъ же? Самое лучшее—закурить олять трубку.

Онъ вынулъ мѣшокъ съ табакомъ, хотѣлъ открыть его, но вдругъ остановился.

Кто это тамъ направо, по другую сторону ряда низкихъ грушевыхъ деревьевъ? Женщина, по одеждѣ очевидно служанка, сидитъ къ нему спиной и смотритъ на что-то: на траву, сколько онъ могъ различить издали.

Что это виситъ на суркѣ у ней на боку? Аспидная доска? Да! На кой чортъ повѣсила она на себя аспидную доску? Онъ искалъ развлечения, и развлечение представилось. „Все равно чѣмъ бы ни заняться“, подумалъ онъ. „Не пошутить ли мнѣ съ ней объ ея доскѣ?“

Онъ окликнулъ женщину: „Эй!“

Женщина встала, медленно подошла къ нему, взглянула на него и остановилась предъ нимъ съ печальнымъ лицомъ и каменно неподвижною Есэри Дезриджъ.

Джофри былъ изумленъ. Онъ не осмѣлился заговорить съ такою женщиной тѣмъ въ высшей степени грубо-вульгарнымъ нарѣчіемъ человѣческаго языка, который обозначается словомъ „шутить“.

— Для чего у васъ эта доска? спросилъ онъ, не зная какъ начать.

Женщина подняла руку, притронулась къ губамъ и покачала головой.

— Нѣмая?

Женщина кивнула головой.

— Кто вы?

Женщина написала на доскѣ и протянула ее подъ грушевыми деревьями. Онъ прочелъ: „Я кухарка“.

— Кухарка! Вы такъ и родились нѣмой?

Женщина покачала головой.

— Отчего же вы онѣмѣли?

Женщина написала на доскѣ: „Огъ удара“.

— Кто же ударилъ васъ?

Она покачала головой.

— Не скажете?

Она опять покачала головой.

Пока онъ спрашивалъ ее, она смотрѣла на него своими холодными, неподвижными, мертвыми глазами. Какъ ни былъ крѣпки его нервы, какъ ни неподвижно было его воображеніе.

но глаза женщины медленно подѣйствовали на него и произвели въ немъ внутреннюю дрожь. Что-то пробѣжало по его спинному мозгу и задрожало подъ корнями его волосъ. Ему захотѣлось освободиться отъ нея. Что могло быть легче? Стоило только сказать „прощайте“ и уйти. Онъ сказалъ „прощайте“, но не ушелъ. Онъ опустилъ руку въ карманъ и предложилъ ей денегъ, какъ средство заставить ее уйти. Она протянула руку подъ грушевыми деревьями чтобы взять деньги, но вдругъ окаменѣла съ протянутою въ воздухѣ рукой. Ея мертвое лицо страшно измѣнилось, закрытыя губы медленно раскрылись, тусклые глаза устремились на что-то черезъ его плечо, точно за нимъ стоялъ какой-то страшный призракъ.

— На какого чорта вы смотрите? сказалъ онъ, вздрогнувъ, и обернулся.

За нимъ не было никого и ничего на что бы можно было смотрѣть. Онъ повернулся опять къ женщинѣ. Она ушла отъ него подъ влiяніемъ какого-то мгновеннаго, панацеекаго страха. Какъ ни была она стара, она бѣжала, слѣша скрыться отъ его взгляда, точно его взглядъ былъ смертеленъ.

„Сумашедшая“, подумалъ онъ, и отвернулся чтобы не видать ея.

Онъ опомнился подъ орѣховымъ деревомъ, не зная какъ опять попалъ туда. Черезъ нѣсколько минутъ его крѣпкіе нервы окрѣли и онъ могъ смѣяться надъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на него женщина. „Испугался въ первый разъ въ жизни“, подумалъ онъ, „и испугался женщины! Пора начать готовиться къ бѣгу, ужь если дошло до этого!“

Онъ взглянулъ на часы. Приближалось время завтрака въ домѣ, а онъ еще не рѣшилъ какъ адресовать письмо Аннѣ. „Надо рѣшить немедленно“, подумалъ онъ.

Женщина, нѣмая женщина, съ каменнымъ лицомъ и мертвыми, глазами представилась ему опять и мѣшала думать. Срамъ! Старая, сумашедшая служанка, которая была, можетъ-быть, когда-то кухаркой, а теперь живетъ изъ милости,—а онъ думаетъ о ней. Забыть ее! Забыть!

Онъ легъ на траву и началъ обдумывать неразрѣшимый вопросъ: какъ сдѣлать чтобы письмо адресованное Аннѣ на имя „мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ“ дошло до нея?

Нѣмая женщина представилась ему опять.

Онъ закрылъ глаза и хотѣлъ окружить ее мракомъ собственнаго изобрѣтенія.

Женщина показала въ мракѣ. Она стояла и писала на доскѣ, точно онъ только что задалъ ей вопросъ. Онъ не могъ разобрать что она написала. Все исчезло въ одно мгновеніе. Онъ вскочилъ, дивясь на самого себя, и въ ту же минуту въ головѣ его мелькнула новая мысль. Онъ нашель, безъ сознательнаго усилія съ своей стороны, способъ выйти изъ затрудненія. Вложить письмо въ два конверта: нижній, незалечатанный и адресованный на имя мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ, и верхній, залечатанный и адресованный на имя мистрисъ Сильвестеръ, и задача рѣшена. Самая легкая изъ всѣхъ задачъ смущающихъ тупоумныя головы!

Почему онъ не догадался раньше? Неизвѣстно!

Почему онъ догадался теперь?

Нѣмая женщина представилась ему опять, точно рѣшеніе задачи зависѣло отъ нея.

Онъ испугался за самого себя впервые въ своей жизни. Не имѣеть ли это неотвязчивое впечатлѣніе, которое произвела на него сумашедшая старуха, чего-нибудь общаго съ разстройствомъ здоровья о которомъ говорилъ докторъ? У него кружится голова. Онъ курилъ слишкомъ много на тощій желудокъ и, проведя всю ночь въ дорогѣ, слишкомъ долго обходился безъ своей обычной порціи пива.

Онъ вышелъ изъ сада чтобы немедленно исправить эту оплошность. Еслибы публика могла увидать его въ эту минуту, никто не сталъ бы держать пари за него. Онъ смотрѣлъ разстроеннымъ и озабоченнымъ, и имѣлъ на то основательную причину. Его нервная система дала себя почувствовать безъ малѣйшаго предубѣжденія, и говорила на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ: вотъ и я!

Войдя въ цвѣтникъ, онъ увидалъ одного изъ лакеевъ передававшего какое-то приказаніе садовнику. Джофри тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ гдѣ можно найти буфетчика,—единственный авторитетъ въ настоящемъ затрудненіи.

Проведенный въ комнату буфетчика, Джофри попросилъ его принести кружку самаго стараго пива и приличную, здоровую закуску, въ видѣ ломтя хлѣба съ сыромъ.

Буфетчикъ удивился. Такая форма снисхожденія со стороны высшаго класса была для него новостью.

— Сейчасъ будетъ готовъ завтракъ, сударь.

— Что тамъ есть къ завтраку?

Буфетчикъ назвалъ ему множество прекрасныхъ блюдъ и рѣдкихъ винъ.

— Къ чорту всѣ эти пустяки, сказалъ Джоффри.— Дайте мнѣ стараго лива и ломоть хлѣба съ сыромъ.

— Куда прикажете подать, сударь?

— Сюда, конечно, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Буфетчикъ послѣшилъ исполнить приказаніе, и поставилъ простой завтракъ предъ своимъ высокимъ гостемъ съ невыразимымъ удивленіемъ. Сынъ вельможи, и къ тому же общественная знаменитость, съ жадностью наполнялъ себя предъ нимъ хлѣбомъ, сыромъ и пивомъ, самымъ непритязательнымъ образомъ, за его столомъ! Буфетчикъ рискнулъ на льстивую фамильярность.

— Я поставилъ за васъ шесть фунтовъ, сэръ, сказалъ онъ улыбаясь.

— Хорошо сдѣлалъ, дружище! Выиграешь!

Съ такими благородными словами герой ударилъ его по спинѣ и протянулъ пустой стаканъ. Буфетчикъ втрое сильнѣе чувствовалъ себя Англичаниномъ, наполняя стаканъ лѣнящимся пивомъ. Пусть иностранныя націи творять революціи! Пусть иностранныя аристократіи падаютъ! Британская аристократія живетъ въ сердцахъ народа и будетъ жить вѣчно.

— Еще, сказалъ Джоффри, подставляя ему олять пустой стаканъ.— Будьте здоровы!

Онъ выпилъ стаканъ не переводя духа, кивнулъ буфетчику и вышелъ.

Удался ли опытъ? Доказалъ ли онъ что знаетъ самого себя? Безъ сомнѣнія! Пустой желудокъ и дѣйствіе табаку на голову, вотъ что было причиной страннаго состоянія овладѣвавшего имъ въ саду. Нѣмая женщина съ каменнымъ лицомъ исчезла, и онъ теперь не ощущалъ ничего кромѣ пріятнаго шума въ головѣ, успокоительной теплоты во всемъ тѣлѣ и безграничной готовности взять на себя какую бы то ни было отвѣтственность. Джоффри сдѣлался олять самимъ собой.

Онъ направился къ библіотекѣ, съ намѣреніемъ написать Адаму немедленно. Гости, въ ожиданіи звонка къ завтраку, собрались въ библіотекѣ. Всѣ безцѣльно болтали, и многіе навѣрное привязались бы къ нему, еслибъ онъ вошелъ. Онъ повернулъ назадъ не показавшись. Надо подождать пока они уйдутъ всѣ завтракать, и тогда вернуться въ библіотеку чтобы написать письмо безъ помѣхи. Въ то же время

можно будетъ найти кого-нибудь съ кѣмъ отослать письмо и потомъ незамѣтно уйти одному на дневную прогулку. Двухъ или трехчасовое отсутствіе обманетъ Арнольда, который навѣрное объяснитъ его себѣ свиданіемъ съ Анной.

Онъ разсѣянно шелъ по саду, и все болѣе и болѣе удалялся отъ дома.

Разговоръ въ библиотекѣ, болышею частію безцѣльный и пустой, былъ разговоромъ съ цѣлью въ томъ углу комнаты гдѣ сидѣли вдвоемъ сэръ-Патрикъ и Бланка.

— Дядя! Я сейчасъ наблюдала за вами минуты двѣ.

— Въ мои годы, Бланка, это мнѣ очень пріятный комплиментъ.

— И знаете чтò я видѣла?

— Вы видѣли стараго господина ожидающаго завтрака.

— Я видѣла стараго господина у котораго есть что-то на умѣ. Чтò у васъ на умѣ?

— Подагра, моя милая.

— Неправда. Вы отъ меня такъ не отдѣляетесь. Дядя! Я хочу знать.

— Остановитесь, Бланка! Молодая дѣвушка которая говоритъ что она „хочетъ знать“, высказываетъ очень опасное чувство. Ева „хотѣла знать“, и вспомните чтò изъ этого вышло. Фаустъ „хотѣлъ знать“ и попалъ въ дурное общество, какъ неизбежное слѣдствіе знанія.

— Вы чѣмъ озабочены? настаивала Бланка.—И къ тому же, сэръ-Патрикъ, вы вели себя сегодня самымъ непонятнымъ образомъ.

— Когда?

— Когда вы спрятались съ мистеромъ Деламеномъ въ томъ темномъ углу. Вы сами повели его туда, я это видѣла когда трудилась надъ несносными пригласительными записками леди Лунди.

— А! Такъ вы такъ-то трудитесь? Желалъ бы я знать, была ли когда-нибудь женщина которая бы вполнѣ предавалась тому чѣмъ она занимается?

— Оставьте въ покоѣ женщину, дядя. Желала бы я знать о чемъ вы могли говорить съ мистеромъ Деламеномъ? И почему это явилась у васъ морщина между бровями послѣ разговора съ нимъ, морщина, которой не было до вашего тайнаго совѣщанія?

Сэръ-Патрикъ подумалъ, можно ли сказать о своей догадкѣ Бланкѣ. Попытка отождествить непозванную „даму“ Джоффри съ Анной, попытка, которую онъ рѣшилъ сдѣлать, заставить

его съѣздить въ Крегъ-Ферни и вѣроятно поведеть къ разговору съ Анной. Дружба Бланки съ Анной, конечно, пригодится ему при такихъ обстоятельствахъ, а на скромность Бланки можно было положиться во всемъ что касается интересовъ миссъ Сильвестеръ. Съ другой стороны, осторожность была крайне необходима при его неопредѣленныхъ свѣдѣніяхъ, и осторожность преобладала въ характерѣ сэръ-Патрика. Онъ рѣшилъ ждать и посмотрѣть что покажетъ посѣщеніе гостиницы.

— Мистеръ Деламень совѣтовался со мной объ очень сухомъ юридическомъ вопросѣ, въ которомъ заинтересованъ его другъ, сказала сэръ-Патрикъ.—Вы тратили свое любопытство, моя милая, на предметъ недостойный вниманія женщины.

Но проникательную Бланку нельзя было обмануть такъ легко.

— Отчего не объявить прямо что вы не скажете мнѣ? возразила она.—Чтобы вы стали прятаться съ мистеромъ Деламеномъ для того чтобы поговорить о законѣ! Чтобы вы послѣ разговора о законѣ сдѣлались задумчивымъ и безпокойнымъ! Какая я несчастная, сказала она горько вздохнувъ.—Во мнѣ есть что-то, что отталкиваетъ отъ меня тѣхъ кого я люблю. Ни одного довѣрчиваго слова отъ Анны! Ни одного довѣрчиваго слова отъ васъ! Это жестоко. Я лучше пойду къ Арнольду.

Сэръ-Патрикъ остановилъ племянницу за руку.

— Подождите одну минуту, Бланка. Какъ насчетъ миссъ Сильвестеръ? Слышали вы о ней что-нибудь?

— Нѣтъ. Я не могу выразить вамъ словами какъ я безпокоюсь о ней.

— Не съѣздить ли кому-нибудь въ Крегъ-Ферни чтобъ узнать тайную причину молчанія миссъ Сильвестеръ? Развѣ вы думаете что никто не сочувствуетъ вамъ въ этомъ?

Лицо Бланки просіяло отъ удовольствія и удивленія. Она съ благодарностью поцѣловала руку сэръ-Патрика.

— О! воскликнула она.—Ну же, ли вы это сдѣлаете?

— Мнѣ, конечно, не слѣдовало бы дѣлать этого, взявъ во вниманіе то что вы ѣздили въ гостиницу прямо вопреки моему запрещенію, и что я простилъ васъ тогда только за ваше обѣщаніе исправиться. Со стороны главы семейства непростительная слабость посягать противъ своихъ принциповъ изъ-за того что племянницѣ его вздумалось безпокоиться и огорчаться. Однако, если вы одолжите мнѣ вашъ экипажъ, я прокачусь, можетъ-быть, въ Крегъ-Ферни и доберусь какъ-

нибудь до миссъ Сильвестеръ, если вы имѣете сказать ей что-нибудь.

— Сказать ей что-нибудь? повторила Бланка, и объявъ шею дяди, начала шептывать ему одно изъ безконечнѣйшихъ посланій когда-либо посылавшихся однимъ живымъ существомъ другому. Сэръ-Патрикъ слушалъ съ возрастающимъ интересомъ къ вопросу который онъ имѣлъ въ виду. „Женщина которая можетъ внушить такую любовь къ себѣ,“ подумалъ онъ „должна имѣть много благородныхъ качествъ.“

Пока Бланка шепталась съ дядей, другое тайное сообщеніе — чисто хозяйственнаго свойства — происходило въ залѣ между леди Лунди и буфетчикомъ.

— Есѳиръ Дезриджъ, сударыня, къ сожалѣнію, опять погмшалась.

— Что вы хотите сказать?

— Она была совсѣмъ какъ слѣдуетъ, сударыня, когда пошла въ кухонный садъ, а воротилась оттуда какъ сумасшедшая. Требуется остальную часть дня себѣ, сударыня. Говорить что выбилась изъ силъ съ такимъ множествомъ гостей, и, осмѣлюсь сказать вамъ, сударыня, она на видъ совсѣмъ больна.

— Не говорите глупостей, Робертъ. Она просто лѣнивая, упрямая и дерзкая женщина. Она, какъ вамъ извѣстно, доживаетъ въ домѣ свой послѣдній мѣсяцъ. Если она не будетъ работать какъ слѣдуетъ этотъ мѣсяцъ, я не дамъ ей аттестата. Кто же будетъ готовить обѣдъ сегодня, если Есѳиръ уйдетъ?

— Во всякомъ случаѣ, сударыня, готовить сегодня придется кухонной служанкѣ. Когда на Есѳиръ найдеть приладокъ, она бываетъ упряма, какъ вы изволили замѣтить.

— Если Есѳиръ Дезриджъ не приготовитъ сегодня обѣда, она сегодня же уйдетъ изъ моего дома. Вотъ вамъ мое послѣднее слово. Если она будетъ настаивать на своемъ, пусть она принесетъ мнѣ въ библіотеку свой счетъ, въ то время когда мы будемъ завтракать, и положить его на мой столъ. Я ворочусь послѣ завтрака въ библіотеку, и если увижу тамъ счетъ, то пойму что это значитъ. Тогда я прикажу вамъ прочитать ее. Звоните къ завтраку.

Раздался звонокъ къ завтраку. Всѣ гости отправились въ столовую; сзади всѣхъ шель сэръ-Патрикъ подъ руку съ

Бланкой. Предъ дверью столовой Бланка остановилась и извинулась предъ дядей.

— Я сейчасъ вернусь, сказала она. — Я забыла на верху одну вещь.

Сэръ-Патрикъ вошелъ. Дверь столовой затворилась, и Бланка вернулась одна въ библіотеку. Подъ различными предлогами, она три послѣдніе дня вѣрно исполняла обѣщаніе данное въ Кругъ-Ферри—оставаться каждый день послѣ звонка къ завтраку десять минутъ въ библіотекѣ, въ надеждѣ увидать Анну. Въ этотъ четвертый день она опять сидѣла одна въ болшой комнатѣ и ждала, устремивъ глаза на лугъ.

Прошло пять минутъ, и ни одно живое существо не показывалось на лугу, кромѣ прыгавшихъ по травѣ птицъ.

Но не прошло еще минуты какъ тонкій слухъ Бланки различилъ шелестъ женскаго платья. Она подбѣжала къ ближайшему окну и захлопала руками съ радостнымъ крикомъ. По лугу быстро приближалась хорошо знакомая фигура. Анна не пэмѣнила ихъ дружбѣ, Анна наконецъ исполнила обѣщаніе!

Бланка выбѣжала ей навстрѣчу и съ торжествомъ ввела Анну въ библіотеку.

— Это искушаетъ все, моя милая! Вы отвѣчаете на мое письмо самымъ лучшимъ образомъ, — вы отвѣчаете мнѣ своею милою личностью.

Она посадила Анну на стулъ, и поднявъ ея вуаль, взглянула на нее при яркомъ полдневномъ свѣтѣ.

Перемяна во всей наружности Анны была ужасна для любящихъ глазъ остановившихся на ней. Она смотрѣла нѣсколькими годами старше своихъ настоящихъ лѣтъ. Ея лицо выражало грустное спокойствіе, невозмутимую, тулую покорность. Три дня и три ночи уединенія и горя; три дня и три ночи безпрерывнаго, одинокаго ожиданія сломили ея нервную натуру и оледенили ея теплое сердце. Оживляющій духъ исчезъ, жила и двигалась только тѣнь женщины, насмѣшка на ея прежнее существо.

— Ахъ, Анна, Анна! Чтò случилось съ вами? Не боитесь ли вы? Право, нечего бояться что кто-нибудь застанетъ насъ. Они воѣ завтракаютъ, а слуги обѣдаютъ. Никто не придетъ въ эту комнату. Голубчикъ мой! Какая вы слабая и странная! Не принести ли вамъ чего-нибудь?

Анна нагнула къ себѣ голову Бланки и поцѣловала ее. Два-

женіе это было грустно и медленно и не сопровождалось ни словомъ, ни слезой, ни вздохомъ.

— Вы устали, это оттого что вы устали. Вы пришли сюда лѣшкомъ? Вы не увидите отсюда лѣшкомъ, объ этомъ я позабочусь.

Анна встала при этихъ словахъ и заговорила въ первый разъ. Въ голосѣ ея была несвойственная ему слабость и грусть, но прелесть его, врожденная мягкость и красота его, казалось, пережили гибель всего остального.

— Я не вернусь туда, Бланка. Я покинула гостиницу.

— Покинули гостиницу? Съ вашимъ мужемъ?

Анна отвѣтила только на первый вопросъ.

— Я не могу вернуться туда, я не могу жить тамъ, сказала она.—Какое-то проклятіе слѣдуетъ за мной куда бы я ни пошла. Я бываю причиной ссоръ и горя ненамѣренно, Богъ свидѣтель. Старикъ, главный слуга, былъ со мною добръ по своему, моя милая; изъ-за этого вышла у нихъ съ хозяйкой брань. Ссора, ужасная, жестокая ссора. Онъ вслѣдствіе этого отказался отъ мѣста. Хозяйка сложила всю вину на меня. Она злая женщина и сдѣлалась еще злѣе съ тѣхъ поръ какъ ушелъ Бишонригсъ. Я потеряла письмо въ гостиницѣ, должно-быть бросила куда-нибудь и забыла. Я вспомнила о немъ только сегодня ночью, начала искать и не нашла. Я сказала объ этомъ хозяйкѣ, а она начала бранить меня, едва я успѣла выговорить слово. Спросила обязана ли она хранить мои письма. Говорила такія вещи которыхъ я не могу передать вамъ. Я не совсѣмъ здорова и неспособна ладить съ такими людьми, и рѣшилась уйти изъ Крегъ-Ферни. Я надѣюсь не видать никогда олятъ Крегъ-Ферни.

Она передала свой маленькій разказъ безъ малѣйшаго волненія, и кончивъ, устало склонила голову на спинку стула.

Глаза Бланки наполнились слезами.

— Я не буду спрашивать васъ, Анна, сказала она ласково. — Пойдемте на верхъ, отдохните въ моей комнатѣ. Вы теперь неспособны уѣхать куда-нибудь. Я постараюсь чтобы никто не приходилъ къ намъ.

Часы пробили четверть втораго. Анна, вздрогнувъ, приложилась на стулѣ.

— Сколько это пробило? спросила она.

Бланка сказала.

— Я не могу остаться здѣсь. Я пришла сюда чтобы узнать

одну вещь, если возможно. Вы не будете спрашивать меня? Пожалуста, Бланка, не спрашивайте. Во имя старой дружбы.

Бланка отвернулась от нея, страдая душою.

— Я не буду беспокоить васъ, моя милая, сказала она, взявъ руку Анны, и удержала слезы которыя начинали течь по ея щекамъ.

— Я хочу узнать одну вещь, Бланка. Скажете вы мнѣ?

— Да. Чтѣ вы хотите знать?

— Назовите мнѣ мужчинъ которые гостятъ въ настоящее время въ вашемъ домѣ.

Бланка опять взглянула на нее со внезапнымъ удивленіемъ и страхомъ. У нея явилось смутное опасеніе не помѣшалась ли Анна отъ горя. Анна настаивала на своей странной просьбѣ.

— Назовите ихъ, Бланка. У меня есть причина желать знать кто гоститъ у васъ теперъ.

Бланка назвала гостей леди Лунди, оставивъ подъ конецъ тѣхъ которые только что пріѣхали.

— Еще двое пріѣхали сегодня утромъ, сказала она. — Арнольдъ Бринквортъ и его противный другъ мистеръ Деламень.

Анна склонила опять голову на стуль. Она узнала чтѣ ей нужно было знать, не выдавъ тайной и единственной цѣли съ которою пришла въ Виндигетсъ. Онъ опять въ Шотландіи, но пріѣхалъ только сегодня утромъ. Онъ, конечно, не имѣлъ времени сообщить объ этомъ въ Крэгъ-Ферри до ея ухода, — онъ, ненавидящій письменныя сношенія. Всѣ обстоятельства свидѣтельствовали въ его пользу, и не было основанія, дѣйствительно не было основанія подозрѣвать что онъ бросилъ ее. Сердце бѣдной женщины радостно забилось отъ перваго луча надежды согрѣвшаго его послѣ четырехъ дней отчаянія. Подъ вліяніемъ внезапнаго пробужденія чувства, ея слабая оболочка содрогнулась съ головы до ногъ. На лицѣ ея вспыхнулъ на минуту яркій румянецъ, но тотчасъ же замѣнился мертвенною блѣдностью. Бланка, тревожно сдѣлавшая за ней, поняла необходимость дать ей немедленно чего-нибудь подкрѣпительнаго.

— Я сейчасъ принесу вамъ вина. Вамъ сдѣлается дурно, Анна, если вы не подкрѣпитесь. Я вернусь въ одну минуту, и сдѣлаю такъ что никто ничего не узнаеть.

Она придвинула стуль Анны къ ближайшему отворенному окну.

Едва Бланка скрылась за дверью которая вела въ залу, какъ въ библіотеку вошелъ Джофри въ дверь со стороны луга.

Задумавшись о письмѣ которое онъ шелъ писать, онъ медленно приблизился къ ближайшему столу. Анна, услышавъ шаги, вздрогнула и подняла глаза. Покинувшая ее сила возвратилась мгновенно отъ облегченія которое она почувствовала увидя его. Она встала и послѣшно подошла къ нему со слабымъ румянцемъ на щекахъ. Онъ поднялъ глаза. Они стояли лицомъ къ лицу и—одни.

— Джофри!

Онъ глядѣлъ на нее не отвѣчая, не сдѣлавъ ни шагу впередъ. Въ его взглядѣ была злость, въ его молчаніи угроза. Онъ рѣшился никогда не видать ея, а она поймала его на свиданіе. Онъ рѣшился написать ей, а она стоитъ предъ нимъ и заставляетъ его говорить. Мѣра ея проступковъ противъ него теперь дополнилась. Еслибы была когда-нибудь надежда что въ его сердцѣ можетъ пробудиться сколько-нибудь жалости къ ней, то эта надежда исчезла бы теперь.

Она не поняла вполнѣ значенія его молчанія. Она, бѣдная, начала извиняться что осмѣлилась придти въ Виндигетсъ, — извиняться предъ человѣкомъ намѣревавшимся оставить ее безпомощною въ мірѣ.

— Простите меня что я пришла сюда, сказала она. — Я не сдѣлала ничего что могло бы скомпрометтировать васъ, Джофри. Одна Бланка знаетъ что я въ Виндигетсъ. Я узнавала отъ нея о васъ, не выдавъ ей нашей тайны.

Она замолчала и начала дрожать. Она замѣтила въ его лицѣ то чего не замѣтила съ перваго разу.

— Я получила ваше письмо, сказала она, собираясь съ духомъ.—Я не жалею что оно такъ коротко, я знаю что вы не любите писать. Но вы обѣщали написать еще разъ и не написали. Ахъ, Джофри, какъ мнѣ было тяжело въ гостиницѣ!

Она опять замолчала и поддержала себя, опершись рукою на столъ. Слабость овладѣвала ею опять. Она попробовала продолжать говорить. Напрасно! она могла теперь только смотрѣть на него.

— Чего вы отъ меня хотите? спросилъ онъ тономъ человѣка предлагающаго пустой вопросъ совершенно незнакомому человѣку.

Послѣдній проблескъ ея прежней энергіи освѣтилъ какъ угасающее пламя ея лицо.

— Я разбита всѣмъ тѣмъ что я вынесла, сказала она. — Не унижайте меня заставляя напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи.

— О какомъ обѣщаніи?

— Стыдитесь, Джофри! стыдитесь! Вы обѣщали жениться на мнѣ.

— И вы смѣете напоминать мнѣ о моемъ обѣщаніи послѣ того что вы сдѣлали въ гостиницѣ?

Она прислонилась къ столу и приложила руку къ сердцу. У нея кружилась голова. Она хотѣла припомнить и не могла.

— Въ гостиницѣ? Что я сдѣлала въ гостиницѣ? сказала она разсѣянно.

— Знайте что я совѣтовался съ адвокатомъ. Я знаю что говорю.

Она, казалось, не слыхала его. „Что я сдѣлала въ гостиницѣ?“ спрашивала она себя, но не находя отвѣта, съ отчаяніемъ бросила эту мысль. Облокачиваясь на столъ, она по-двинулась къ нему и положила руку на его плечо.

— Вы не хотите жениться на мнѣ? спросила она.

Онъ воспользовался безчестнымъ предлогомъ; онъ сказалъ безчестныя слова.

— Вы жена Арнольда Бринкворта.

Безъ крика, безъ усилія удержаться, она упала безъ чувствъ къ его ногамъ, какъ когда-то мать ея упала къ ногамъ ея отца.

Онъ освободилъ ноги изъ-подъ ея платья.

— Кончено! сказалъ онъ, смотря на нее.

Когда это слово сорвалось съ его языка, онъ вздрогнулъ, услыхавъ шумъ во внутренней части дома. Легкіе шаги быстро приближались по залѣ къ библиотекѣ.

Онъ повернулся и выбѣжалъ изъ комнаты въ ту же отворенную дверь въ которую вошелъ.

ГЛАВА XXII.

Ушла.

Вошла Бланка со стаканомъ вина въ рукахъ и увидала безчувственную Анну на полу.

Она испугалась, но не удивилась, стала на колѣни возлѣ Анны и подняла ее голову. Предварительное состояніе ея подруги естественно помѣшало ей поискать другой причины

обморока. Затрудненія, которыя задержали ее съ виномъ, были, по ея мнѣнію, единственною причиною того что она теперь видѣла.

Еслибъ она не такъ легко выводила слѣдствія изъ причинъ, она, можетъ-быть, подошла бы къ окну чтобы посмотрѣть не случилось ли чего на дворѣ что могло испугать Анну, можетъ-быть увидала бы Джофри прежде чѣмъ, онъ успѣлъ завернуть за уголъ дома, и сдѣлавъ одно это открытіе, могла бы измѣнить весь ходъ событій не только своей будущей жизни, но и жизни другихъ. Такъ-то мы ходимъ въ жизни какъ слѣпые и предоставляемъ нашу маленькую долю счастья игрѣ слѣплаго случая. Но блаженное заблужденіе убѣждаетъ насъ что мы вѣнецъ творенія и заставляетъ даже сомнѣваться есть ли люди на другихъ планетахъ, потому что на другихъ планетахъ нѣтъ той атмосферы которая необходима намъ.

Полпробовавъ безъ пользы всѣ средства которыя были у нея подъ рукою, Бланка пришла въ отчаяніе. Анна лежала на ея рукахъ мертвая по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ. Она уже готова была позвать на помощь,—будь что будетъ,—но тутъ дверь изъ залы отворилась, и въ комнату вошла Есѣрь Дезриджъ.

Кухарка приняла условіе безъ котораго барыня не хотѣла освободить ее на остальную часть дня. Она рѣшилась настоять на своемъ и шла положить, какъ приказала леди Лунди, свой счетъ на столъ въ бібліотеку. Только сдѣлавъ это дѣло, она обратила вниманіе на просьбы о помощи. Есѣрь подошла медленно и задумчиво къ мѣсту гдѣ стояла на колѣняхъ Бланка, склонивъ голову Анны на свою грудь, и взглянула на обѣихъ дѣвушекъ не выразивъ ни малѣйшаго признака волненія на своемъ каменномъ лицѣ.

— Развѣ вы не видите что случилось! воскликнула Бланка.— Живая вы или мертвая? О, Есѣрь, я не могу ничего сдѣлать съ ней! Взгляните на нее! Взгляните!

Есѣрь Дезриджъ взглянула на нее и покачала головою. Взглянула еще разъ, подумала немного, взяла свою доску и написала на ней. Протянула доску надъ Анной и показала Бланкѣ написанное:

„Кто это сдѣлалъ?“

— Безтолковое созданіе, сказала Бланка.— Никто этого не сдѣлалъ.

Есѣрь Дезриджъ посмотрѣла внимательно на блѣдное, изму-

ченное лицо, безмолвно разказывавшее о своемъ страданіи на груди Бланки. Она приложила свою прошлую несчастную замужнюю жизнь, и опять написала на доскѣ и показала написанное Бланкѣ:

„Это сдѣлалъ мужчина. Оставьте ее въ покоѣ. Господь возьметъ ее къ себѣ.“

— Ужасная вы, безчувственная женщина! Какъ вы смѣете писать такія жестокія слова!

Послѣ такого естественнаго взрыва негодованія, Бланка взглянула на Анну, и испугавшись продолжительности ея обморока, обратилась опять съ просьбой о помощи къ непреклонной женщинѣ.

— О, Есѳирь! Ради Бога, помогите мнѣ!

Кухарка опустила доску на бокъ и кивнула головой въ знакъ своей готовности повиноваться. Она показала Бланкѣ знакомъ что надо разстегнуть платье Анны и опустилась на колѣни чтобы поддержать Анну пока Бланка будетъ разстегивать.

Едва Есѳирь Дезриджъ прикоснулась къ ней, какъ въ безчувственной женщинѣ показались признаки жизни.

Слабая дрожь пробѣжала по ея тѣлу съ головы до ногъ, вѣки задрожали, полуоткрылись на минуту и закрылись опять. Она тихо вздохнула.

Есѳирь Дезриджъ передала ее опять Бланкѣ, написала на своей доскѣ и показала написанное:

„Задрожала, когда я прикоснулась къ ней. Это значитъ что я прошла по ея могилѣ.“

Бланка съ ужасомъ отвернулась отъ доски и отъ женщины.

— Вы меня пугаете, сказала она.—Вы испугаете и ее, если она увидитъ васъ. Я не хочу обидѣть васъ, но уйдите, пожалуйста уйдите.

Есѳирь Дезриджъ приняла отказъ какъ принимала все. Она наклонила голову въ знакъ того что понимаетъ чего отъ нея хотятъ, взглянула въ послѣдній разъ на Анну, поклонилась своей молодой хозяйкѣ и вышла изъ комнаты.

Часомъ позже буфетчикъ заллатилъ ей жалованье, и она ушла изъ дома.

Бланка вздохнула свободнѣе, когда осталась одна. Она могла теперь радоваться возвращенію къ жизни Анны.

— Слышите вы меня, голубчикъ мой? спросила она.—Могу я уйти на одну минуту?

Анна медленно открыла глаза и оглянулась съ мученіемъ и ужасомъ, которыми человекъ выражаетъ страшный протѣстъ. Когда милосердіе смертныхъ вырываетъ его изъ объятій смерти.

Бланка прислонила голову Анны къ ближайшему креслу и подбѣжала къ столу. на который, войдя въ комнату, поставила вино.

Проглотивъ нѣсколько капель, Анна почувствовала облегченіе. Бланка настояла чтобъ она выпила весь стаканъ и удерживалась отъ вопросовъ и отвѣтовъ до тѣхъ поръ пока Анна не пришла вполнѣ въ себя подъ вліяніемъ вина.

— Вы измучили себя сегодня утромъ, сказала она, лишь только ей показалось что можно говорить.—Никто не видалъ васъ, моя милая, и ничего не случилось. Лучше ли вамъ теперь?

Анна сдѣлала надъ собой усиліе и встала чтобъ уйти. Бланка тихо посадила ее на стулъ.

— Нѣтъ никакой надобности уходить такъ скоро. Мы можемъ провести еще четверть часа вмѣстѣ, прежде чѣмъ кто-нибудь потревожитъ насъ. Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, Анна. Хотите вы выслушать меня?

Анна взяла руку Бланки и съ благодарностью прижала ее къ губамъ. Она не дала другаго отвѣта. Бланка продолжала.

— Я не буду спрашивать васъ, моя милая, я не буду удерживать васъ здѣсь насильно, я даже не напомню вамъ о моемъ вчерашнемъ письмѣ. Но я не могу отлучить васъ, Анна, не успокоившись на вашъ счетъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Вы освободите меня отъ моего безлокойства, если сдѣлаете одну вещь, одну легкую вещь, для меня.

— Что такое, Бланка?

Она задала этотъ вопросъ совсѣмъ не думая о томъ что говорилось. Но Бланка была слишкомъ занята своимъ предметомъ чтобы замѣтить разсѣянный, чисто механическій тонъ ея вопроса.

— Я хочу чтобы вы посоветовались съ моимъ дядей, сказала она.—Сэръ-Патрикъ сочувствуетъ вамъ, онъ предлагалъ мнѣ сегодня съѣздить въ гостиницу и повидаться съ вами. Онъ умный, добрый, милый старикъ, и вы можете довѣриться ему какъ никому другому. Хотите вы довѣриться моему дядѣ и принять его совѣтъ?

Думая совсѣмъ о другомъ, Анна смотрѣла разсѣянно на дуть и не отвѣтила.

— Ну, что же? сказала Бланка. Вамъ стоить сказать только одно слово. Да или нѣтъ?

Продолжая смотрѣть на лугъ, продолжая думать о другомъ, Анна уступила и сказала „да“.

Бланка пришла въ восторгъ. „Какъ, должно-быть, я хорошо говорила!“ подумала она. „Вотъ что значить, какъ говоритъ дядя, приняться за дѣло серьезно.“

Она нагнулась къ Аннѣ и весело потрепала ее по плечу.

— Умнѣ этого „да“ вы не могли ничего сказать. Подождите здѣсь немного, я пойду въ столовую, не то они пришлютъ узнать что со мною сдѣлалось. Сэръ-Патрикъ удержалъ для меня мѣсто возлѣ себя. Я постараюсь сказать ему что намъ нужно, а онъ постарается (о, какое счастье имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ; ихъ такъ мало!...) онъ постарается выйти изъ за стола не возбудивъ подозрѣнія. Уйдите съ нимъ поскорѣе въ бесѣдку (мы провели все утро въ бесѣдкѣ, теперь туда никто не заглядываетъ), а я приду къ вамъ лишь только удовлетворю леди Лунди, похвѣвъ чего-нибудь. Минуть черезъ пять, придетъ къ вамъ сэръ-Патрикъ. Пустите меня. Нельзя терять ни одной минуты.

Анна удерживала ее. Вниманіе Анны теперь сосредоточивалось на ней.

— Что вы? спросила Бланка.

— Счастливы вы съ Арнольдомъ, Бланка?

— Арнольдъ лучший человѣкъ въ мірѣ.

— Назначенъ день вашей свадьбы?

— До свадьбы еще долго. Не прежде чѣмъ мы воротимся въ городъ, въ концѣ осени. Пустите меня, Анна!

— Поцѣлуйте меня, Бланка.

Бланка поцѣловала ее и постаралась освободиться. Анна держала ее руку какъ утоляющая.

— Будете ли вы всегда любить меня, Бланка, какъ вы любите меня теперь?

— Что за вопросъ!

— Я сказала сейчасъ „да“. Скажете вы тоже „да“?

Бланка сказала „да“. Анна остановила на ней долгій, тоскливый взглядъ и наконецъ выпустила ее руку.

Бланка выбѣжала изъ комнаты взволнованная и огорченная. Никогда она не чувствовала такой крайней необходимости обратиться за совѣтомъ къ сэръ-Патрику, какъ въ эту минуту.

Гости сидѣли еще за завтракомъ, когда Бланка вошла въ столовую.

Леди Лунди выразила неизбежное удивленіе, прилично считающимся тономъ выговора, на неаккуратность своей ладчерицы. Бланка извинилась съ примѣрнымъ смиреніемъ. Она сѣла рядомъ съ дядей и положила на тарелку первое что ей подали. Сэръ-Патрикъ посмотрѣлъ на свою племянницу, и увидавъ себя въ обществѣ примѣрной англійской миссъ, удивился что бы это могло значить.

Разговоръ прерванный на минуту (разговоръ о политикѣ и объ охотѣ, а для разнообразія объ охотѣ и о политикѣ) завязался опять вокругъ стола. Подъ прикрытіемъ говора, въ промежутокъ между отвѣтами на ухаживаніе мушницъ, Бланка говорила шепотомъ сэръ-Патрику:

— Не удивляйтесь, дядя, Анна въ библиотекѣ. (Вѣжливый мистеръ Смитъ предложилъ ветчины. Отказано съ благодарностью.) Умоляю васъ, идите къ ней. Она ждетъ васъ. Она въ ужасномъ положеніи. (Любезный мистеръ Джонсъ предложилъ фруктовый тортъ и сливки. Принято съ благодарностью.) Идите съ ней въ бесѣдку. Я приду къ вамъ при первой возможности. Поскорѣе, дядя, если любите меня, или будетъ слишкомъ поздно.

Прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ успѣлъ шепнуть что-нибудь въ отвѣтъ, леди Лунди, разрѣзывавшая роскошнѣйшій шотландскій пирогъ и провозгласившая во всеуслышаніе что это ея „собственный пирогъ“, предложила кусокъ сэръ-Патрику. Кусокъ извергалъ смѣсь сливъ съ вареньемъ и жирныя испаренія. Такъ какъ уже извѣстно что сэръ-Патрику было болѣе семидесяти лѣтъ, то бесполезно прибавлять что онъ отказался отъ пирога, опасаясь разстроить желудокъ.

— Мой собственный пирогъ! настаивала леди Лунди, поднимая ужасную смѣсь вилкой.— Неужели онъ не соблазнитъ васъ?

Сэръ-Патрикъ увидалъ способъ уйти изъ комнаты подъ прикрытіемъ комплимента свояченицы. Онъ улыбнулся своею вѣжливою улыбкой и приложилъ руку къ сердцу.

— Слабый смертный, сказалъ онъ,— встрѣчаетъ искушеніе противъ котораго не надѣется устоять. Если онъ благоразумный смертный, что сдѣлаетъ онъ въ такомъ случаѣ?

— Съѣсть мой пирогъ, отвѣчала прозаически леди Лунди.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, обративъ къ свояченицѣ

взглядъ невыразимой преданности.—Онъ убѣжить отъ искушенія, что сдѣлаю и я.

Онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія.

Леди Дунди опустила глаза, съ выраженіемъ набожнаго снисхожденія къ человѣческой слабости, и скромно раздѣлила комплиментъ сэръ-Патрика между собой и своимъ лирогомъ.

Зная что за его выходомъ скоро послѣдуетъ выходъ хозяйки, сэръ-Патрикъ шелъ въ библіотеку такъ скоро какъ только могъ со своею хромою ногой. Теперь, когда онъ былъ одинъ, манеры его выражали безлокойство, а лицо было очень серьезно. Онъ вошелъ въ библіотеку.

Комната была пуста.

— Ушла! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.

Подумавъ съ минутой, онъ вышелъ въ залу и взялъ свою шляпу. Очень возможно, думалъ онъ, что она любялась чтобъ ея не застали въ библіотекѣ и ушла одна въ бесѣдку.

Если же онъ не найдетъ ея въ бесѣдкѣ, то для успокоенія Бланки и для разъясненія его собственныхъ подозрѣній необходимо будетъ открыть убѣжище миссъ Сильвестеръ. Въ такомъ случаѣ время будетъ дорого, а умѣнье пользоваться имъ будетъ драгоценною способностью. Быстро сообразивъ все это, сэръ-Патрикъ позвонилъ и вызвалъ своего слугу. Слуга его былъ человѣкъ испытанной скромности и честности, почти такой же старій какъ и онъ.

— Надѣньте шляпу, Дунканъ, сказалъ сэръ-Патрикъ, когда вошелъ слуга.—Вы пойдете со мной.

Бария и слуга молча пошли по саду. Завидѣвъ бесѣдку, сэръ-Патрикъ приказалъ слугѣ остановиться и вошелъ туда одинъ.

Но предосторожность его была напрасна. Бесѣдка была пуста какъ и библіотека. Онъ вышелъ и поглядѣлъ на всѣ стороны. Нигдѣ ни одного живаго существа. Сэръ-Патрикъ позвалъ слугу.

— Идите въ конюшню, Дунканъ, и скажите что миссъ Дунди отдала мнѣ свой кабріолетъ на нынѣшній день. Прикажете сейчасъ же заложить лошадь и ждать у конюшни. Надо стараться чтобы никто ничего не замѣтилъ. Кромѣ васъ я никого не возьму съ собой. Заласитесь росписаніемъ лошадей. Есть у васъ деньги?

— Есть, сэръ-Патрикъ.

— Видѣли вы гувернантку, миссъ Сильвестеръ, въ тотъ день когда мы пріѣхали, въ день праздника?

— Видѣлъ, сэръ-Патрикъ.

— Узнали бы вы ее, еслибъ увидали опять?

— У нея замѣчательная наружность, сэръ-Патрикъ. Я на вѣрное узналъ бы ее.

— Есть у васъ основаніе предполагать что она замѣтила васъ.

— Она даже не видала меня, сэръ-Патрикъ.

— Отлично. Положите себя въ мѣшокъ перемѣну бѣлья, Дунканъ. Вамъ, можетъ-быть, придется прокатиться по желѣзной дорогѣ. Ждите меня у конюшни. Это такого рода дѣло гдѣ все зависитъ отъ моей и вашей скромности.

— Благодарю васъ, сэръ-Патрикъ.

Отвѣтивъ на комплиментъ сэръ-Патрика, Дунканъ отправился въ конюшню, а сэръ-Патрикъ воротился въ бесѣдку ждать тамъ прихода Бланки.

Во время періода ожиданія сэръ-Патрикъ выказывалъ признаки безпокойства. Онъ безпрестанно обращался къ табакеркѣ въ набалдашникѣ своей трости и безпрестанно выходилъ изъ бесѣдки. Исчезновеніе Анны было серіознымъ препятствіемъ на пути къ дальнѣйшимъ открытіямъ, а къ отстраненію этого препятствія нельзя было приступить не потерявъ драгоценнаго времени на ожиданіе Бланки.

Наконецъ она показалась. Залыхавшись и озабоченно бѣжала она къ мѣсту свиданія, такъ скоро какъ только могла.

Сэръ-Патрикъ вышелъ ей навстрѣчу чтобы приготовить ее къ неизбѣжному открытію.

— Бланка, сказалъ онъ,—приготовьтесь, милая моя, къ разочарованію. Я здѣсь одинъ.

— Неужели вы отпустили ее, дядя?

— Милое дитя мое! Я даже не видалъ ея.

Бланка пробѣжала мимо него въ бесѣдку. Сэръ-Патрикъ послѣдовалъ за ней. Она вышла ему навстрѣчу съ отчаяніемъ на лицѣ.

— О, дядя! Я такъ искренно жалѣла ее, а она нисколько не жалѣетъ меня!

Сэръ-Патрикъ обнялъ племянницу и ласково погладилъ ея красивую, молодую головку, склонившуюся на его плечо.

— Не будемъ судить ее строго, моя милая. Мы не знаемъ, не побудила ли ее на такой поступокъ неизбѣжная необходи-

мость. Она, очевидно, не можетъ довериться никому и согласилась поговорить со мной только для того чтобъ удалить васъ изъ комнаты и избавить отъ мучительнаго прощанія. Успокойтесь, Бланка. Я надѣюсь открыть куда она скрылась, если вы можете мнѣ.

Бланка подняла голову и бодро осушила слезы.

— Отецъ родной не можетъ быть добрее васъ, сказала она. — Скажите, дядя, что могу я сдѣлать?

— Мнѣ надо знать въ точности что было у васъ въ библиотекѣ, сказалъ сэръ-Патрикъ. — Не пропустите ни одной подробности, дитя мое, какъ бы незначительна она вамъ ни казалась. Намъ дороги теперь пустяки и дороги минуты.

Бланка разказала все до малѣйшихъ подробностей. Дядя слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда она кончила, онъ пригласилъ ее выйти изъ бесѣдки.

— Я приказалъ заложить вашъ кабриолетъ, сказалъ онъ. — На пути къ конюшнѣ я разкажу вамъ что я намѣренъ предпринять.

— Возьмите меня съ собой, дядя!

— Извините меня, если я скажу „нѣтъ“. Ваша мамочка очень подозрительна; и вамъ не слѣдуетъ быть со мной, если мои розыски приведутъ меня въ Крегъ-Ферри. Я обѣщаю разказать вамъ все когда вернусь, если вы останетесь здѣсь. Дѣлайте то что будутъ дѣлать всѣ, каковъ бы ни былъ ихъ планъ на нынѣшній день, и такимъ образомъ вы сдѣлаете что мое отсутствіе будетъ едва замѣчено. Послушаетесь вы меня? Вотъ какая умница! Теперь я разкажу вамъ какъ я буду отыскивать миссъ Сильвестеръ, и какъ вашъ разказъ поможетъ мнѣ.

Онъ замолчалъ и подумалъ, разказать ли Бланкѣ о своемъ совѣщаніи съ Джофри, и опять рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Лучше подождать до возвращенія изъ поѣздки которую онъ предпринималъ.

— То что вы разказывали мнѣ, Бланка, началъ онъ, — раздѣлилось въ моемъ умѣ на двѣ части: то что произошло въ библиотекѣ на вашихъ глазахъ, и то что разказала вамъ миссъ Сильвестеръ о своемъ пребываніи въ гостиницѣ. Что же касается главнаго происшествія въ библиотекѣ, теперь уже поздно справляться что было причиной обморока — усталость ли; какъ вы полагаете, или что-нибудь другое, что могло произойти во время вашего отсутствія.

— Что же могло произойти во время моего отсутствія?

— Я знаю столько же какъ и вы, другъ мой. Я говорю только что это возможно. Обратимся къ тому что касается нашего дѣла. Если миссъ Сильвестеръ не совсѣхъ здорова, она не могла уйти далеко отъ Виндигетса безъ чьей-нибудь помощи. Она, можетъ-быть, пріютилась въ одной изъ фермъ, въ нашемъ сосѣдствѣ, или, можетъ-быть, встрѣтила какую-нибудь повозку на пути къ станціи желѣзной дороги и попросила чтобъ ее подвезли.

— Я обойду фермы, дядя, во время вашего отсутствія.

— Милое дитя мое, въ окрестности одной мили отъ Виндигетса не менѣе дюжины фермъ. Ваши розыски задержали бы васъ весь нынѣшній день. Я не буду говорить что подумала бы леди Дунди о вашемъ отсутствіи, но напомиаю вамъ о двухъ обстоятельствахъ. Вопервыхъ, вы сдѣлали бы предметомъ общественныхъ толковъ изслѣдованіе которое должно совершиться по возможности тайно, и вовторыхъ, еслибы вы даже попали на ту дорогу гдѣ она скрылась, вы не узнали бы ничего.

— Почему?

— Я знаю шотландскаго поселанина лучше чѣмъ вы его знаете, Бланка. Онъ сильно отличается отъ англійскаго поселанина своею понятливостью и самоуваженіемъ. Онъ принялъ бы васъ вѣжливо, потому что вы барышня, но въ то же время онъ далъ бы вамъ замѣтить что, по его мнѣнію, вы, войдя къ нему, воспользовались разницей между вашимъ положеніемъ и его положеніемъ. И притомъ, если миссъ Сильвестеръ обратилась къ его покровительству и защитѣ, и онъ принялъ ее, то никакая земная сила не заставитъ его сказать, безъ ея личнаго позволенія, что она была подъ его кровлей.

— Однако, дядя, если никто не будетъ отвѣчать на наши распросы, какъ же мы найдемъ ее?

— Я не говорю что никто не будетъ отвѣчать на наши распросы, я говорю только что шотландскіе поселане не будутъ отвѣчать намъ. Чтобы найти ее мы должны узнать не то что она дѣлаетъ въ настоящую минуту, но то что она намѣрена сдѣлать, положимъ хоть прежде чѣмъ окончится нынѣшній день. Послѣ всего случившагося, мы, кажется, можемъ рассчитывать что она уйдетъ изъ нашего сосѣдства при первой возможности. Согласны вы со мною до сихъ поръ?

— Да, конечно! Продолжайте.

— Хорошо. Она женщина по меньшей мѣрѣ не сильная. Ухватить изъ нашего соседства она можетъ или нанявъ повозку, или по желѣзной дорогѣ. Надѣясь на быстроту вашего поезда, я разчитываю прійхать на станцію во время, предполагивъ что она поѣдетъ съ первымъ поѣздомъ.

— Черезъ полчаса пройдетъ поѣздъ, дядя, но на этотъ она, конечно, не поспѣетъ.

— Она, можетъ-быть, не такъ утомлена какъ мы думаемъ, или кто-нибудь поможетъ ей. Она, можетъ-быть, не одна. Кто знаетъ, не ждетъ ли ее кто-нибудь за Виндигетсомъ, ее мужъ, на примѣръ, если у нея есть мужъ. Нѣтъ, я предполагаю что она теперь на пути къ станціи и постараюсь добраться туда какъ можно скорѣе.

— И остановите ее дядя, если найдете?

— Что я сдѣлаю, Бланка, еще неизвѣстно. Если я встрѣчу ее тамъ, я употреблю всѣ силы чтобы помочь ей. Если же не встрѣчу, я оставлю тамъ Дункана, котораго беру съ собой, и онъ будетъ слѣдить тамъ пока не пройдетъ послѣдній вечерній поѣздъ. Я прикажу Дункану слѣдовать за ней куда и когда бы она ни поѣхала, — на югъ или на сѣверъ, рано или поздно. На него можно вполне положиться. Если она поѣдетъ по желѣзной дорогѣ, я ручаюсь что мы будемъ знать куда она скроется.

— Какъ вы умно придумали взять съ собой Дункана.

— Нисколько. Дунканъ мой повѣренный, и всякій на моемъ мѣстѣ поступилъ бы точно также. Теперь подумаемъ о затрудненіяхъ которыя могутъ представиться намъ. Что если она найметъ экипажъ?

— Здѣсь нельзя найти экипажа нигдѣ кромѣ станціи.

— Здѣсь есть фермеры, а у фермеровъ бывають легкія тележки, кабриолетки или что-нибудь въ этомъ родѣ. Конечно, въ высшей степени невѣроятно чтобъ они дали ей экипажъ, но вѣдь женщины преодолевають такія препятствія которыя останавливають мужчинъ. А она умная женщина, Бланка, и женщина рѣшившаяся, въ этомъ вы можете быть увѣрены, скрыться отъ насъ. Признаюсь, я желалъ бы чтобъ у насъ былъ человекъ которому мы могли бы довѣрить тайну и послать его на то мѣсто гдѣ нѣсколько дорогъ соединяются съ тою которая ведетъ къ станціи. Я, можетъ-быть, поѣду не по той дорогѣ по которой поѣдетъ она. Что я могу сдѣлать одинъ?

— Арнольдъ можетъ пойти туда.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ недоумчиво.

— Арнольдъ славный малый, сказалъ онъ, — но можемъ ли мы положиться на его скрытность?

— Арнольдъ послѣ васъ самый скрытный человекъ изъ всѣхъ кого я знаю, отвѣчала Бланка съ убѣжденіемъ. — При томъ я уже разказала ему все объ Аннѣ, — все, кромѣ того что случилось сегодня. Кажется, я разкажу ему и это, когда мнѣ сдѣлается грустно во время вашего отсутствія. Въ Арнольдѣ есть что-то такое, — не знаю какъ назвать это, — что всегда дѣйствуетъ на меня успокоительно. Неужели вы считаете его способнымъ выдать тайну которую я попрошу его сохранить? Вы не знаете какъ онъ преданъ мнѣ!

— Милая Бланка, вѣдь не я избранный предметъ его преданности. Почему же мнѣ знать? Вы единственный авторитетъ въ этомъ случаѣ. Я полагаюсь на васъ. Возьмемъ Арнольда. Скажите ему чтобъ онъ былъ остороженъ и пошлите его на перекрестокъ. Есть еще только одно мѣсто гдѣ я надѣюсь найти какой-нибудь слѣдъ миссъ Сильвестеръ. Я намѣренъ произвести необходимыя изслѣдованія въ гостиницѣ Крегъ-Ферри.

— Въ гостиницѣ Крегъ-Ферри, дядя? Вы забыли что я сказала вамъ.

— Не слѣшите, другъ мой. Миссъ Сильвестеръ покинула гостиницу, — я это знаю. Но если намъ не удастся найти ее другими средствами, намъ пригодится слѣдъ который миссъ Сильвестеръ оставила по себѣ въ гостиницѣ Крегъ-Ферри. Этотъ слѣдъ долженъ быть непременно въ нашихъ рукахъ, на всякій случай. Вы, можетъ-быть, не послѣдуете за мной? Я говорю также скоро какъ бѣгаетъ вашъ пони. Я дошелъ теперь до второй изъ двухъ частей на которыя раздѣлился въ моемъ умѣ вашъ разказъ. Что случилось по словамъ миссъ Сильвестеръ въ гостиницѣ?

— Она потеряла въ гостиницѣ письмо.

— Именно. Она потеряла въ гостиницѣ письмо, — это одинъ случай. Слуга Бишоригъ поссорился съ мистрисъ Инчбаръ и отказался отъ мѣста, второй случай. Вопервыхъ о письмѣ. Оно или дѣйствительно затерялось, или украдено. Во всякомъ случаѣ, если оно будетъ въ нашихъ рукахъ, оно объяснитъ намъ хоть что-нибудь. Теперь о Бишоригѣ.

— Вы хотите говорить о слугѣ?

— Да, Бишорригсъ имѣеть два важныя значенія. Онъ звено въ моей цѣпи мыслей и мой старыи пріятель.

— Онъ вашъ пріятель!

— Мы живемъ, другъ мой, въ такое время когда одинъ работникъ говорить о другомъ: „этотъ господинъ“. Я иду за вѣкомъ, слѣдовательно обязанъ говорить о моемъ писарѣ какъ о моемъ пріятелѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бишорригсъ служилъ въ моей конторѣ писаремъ. Онъ одинъ изъ самыхъ повѣтливыхъ и въ высшей степени безсовѣстныхъ шотландскихъ негодяевъ. Я сдѣлалъ два неприятыя открытія когда онъ служилъ у меня: узналъ что онъ хотѣлъ поддѣлать мою печать, и имѣлъ серіозное основаніе подозрѣвать его въ безчестномъ обращеніи съ бумагами двухъ моихъ кліентовъ. Онъ не успѣлъ сдѣлать серіознаго вреда, и у меня не было времени судиться съ нимъ. Я отпустилъ его какъ человѣка которому нельзя было довѣрять писемъ и бумагъ долженствовавшихъ проходить чрезъ его руки.

— Теперь я понимаю, дядя.

— Теперь ясно, не правда ли? Если скрывшееся письмо миссъ Спльвестеръ письмо незначительное, я готовъ вѣрить что оно дѣйствительно затерялось и, можетъ-быть, найдется. Если же въ немъ есть что-нибудь такое что могло обѣщать хоть самую отдаленную выгоду тому у кого оно будетъ въ рукахъ, то, выражаясь на проклятомъ современномъ нарѣчці, я готовъ держать пари, Бланка, что Бишорригсъ спряталъ его.

— А онъ ушелъ изъ гостиницы! Какъ жаль!

— Жаль только потому что теперь будетъ задержка. Но я очень ошибаюсь, если Бишорригсъ не воротится въ гостиницу. Онъ негодяи, но нельзя отнять у него что онъ очень забавный человѣкъ. Онъ оставилъ по себѣ ужасный пробѣлъ въ моей конторѣ, когда я отказалъ ему. Привычные посѣтители Крегъ-Ферри, въ особенности Англичане, лишившись Бишорригса, лишились многого что привлекало ихъ въ гостиницу. Мистрисъ Инчбаръ не позволитъ своей гордости повредить денежнымъ выгодамъ. Она и Бишорригсъ сойдутся олять рано или поздно. Я предложу мистрисъ Инчбаръ нѣсколько вопросовъ, которые могутъ повести къ серіознымъ результатамъ, и оставлю у нея письмо къ Бишорригсу. Письмо скажетъ ему что у меня есть дѣло до него и будетъ содержать адресъ по которому онъ можетъ написать мнѣ. Онъ отвѣ-

тить мнѣ. Бланка, и если письмо у него, оно перейдетъ къ намъ.

— Не побоятся ли онъ, если онъ украсть письмо, признаться что оно у него?

— Хорошо сказано, дитя мое. Съ кѣмъ-нибудь другимъ онъ сталъ бы колебаться, но я умѣю вести съ нимъ дѣло и знаю какъ заставить его признаться мнѣ. Довольно о Бишонригсѣ, пока не придетъ олять его очередь. У меня есть еще вопросъ относительно миссъ Сильвестеръ. Мнѣ придется описывать ея наружность. Какъ была она одѣта когда приходила сюда? Не забывайте что я мужчина, и если одежда Англичанки можетъ быть описана англійскимъ языкомъ, опишите мнѣ по-англійски какъ была она одѣта.

— На ней была соломенная шляпка съ полевыми цвѣтами и бѣлый вуаль. Цвѣты на боку, дядя, что не такъ обыкновенно какъ цвѣты спереди. Потомъ на ней была легкая сѣрая шаль и *riqué*.

— Ну, ужъ вы съ вашимъ французскимъ! Довольно. Соломенная шляпка, съ полевыми цвѣтами на боку шляпки, бѣлый вуаль и легкая сѣрая шаль. Больше этого не можетъ вмѣстѣ стить обыкновенный мужской умъ, и потому довольно. Я узналъ то что мнѣ надо знать безъ лишней потери времени. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Теперь мы дошли до конца нашего совѣщанія, иными словами до воротъ коннаго двора. Появилъ вы какъ вы должны поступать безъ меня?

— Я должна послать Арнольда на перекрестокъ, и вести себя (если хватитъ силъ) такъ какъ будто ничего не случилось.

— Олять хорошо сказано, моя умница. У васъ есть то что называется разсудительностью. Безцѣнная способность! Вы будете управлять будущимъ домашнимъ царствомъ. Арнольдъ будетъ не болѣе какъ конституціонный король. Только такіа мужья и бываютъ вполнѣ счастливы. Я разкажу вамъ все, когда вернусь. Захватили мѣшокъ, Дунканъ? Хорошо! А описание повѣздовъ? Хорошо. Берите вожжи, — я не буду править. Мнѣ надо думать, а когда правишь, нельзя думать. Человѣкъ долженъ сосредоточить все свое вниманіе на лошади, для того чтобъ это полезное животное довезло его до цѣли не опрокинувъ. Благослови васъ Богъ, Бланка. На станцію, Дунканъ! На станцію!

ГЛАВА XXIII.

Поиски.

Кабриолеть выѣхалъ изъ воротъ. Собаки неустово залаяли. Сэръ-Патрикъ оглянулся, махнулъ рукой и скрылся за угломъ. Бланка осталась одна на дворѣ.

Она подождала немного, разсѣянно лаская собакъ. Онѣ въ эту минуту имѣли особыя права на ея симпатію,—онѣ тоже, повидимому, считали жестокостью что ихъ оставили дома. Немного погодя она ободрилась. Сэръ-Патрикъ возложилъ на ея отвѣтственность наблюденіе за перекресткомъ. Она еще не сдѣлала своего дѣла и пошла домой чтобы сдѣлать его.

На пути домой она встрѣтила Арнольда, котораго леди Лунди послала искать ее.

Планъ занятій въ до-обѣденное время былъ рѣшенъ во время отсутствія Бланки. Какой-то демонъ внушилъ леди Лунди любовь къ феодальнымъ памятникамъ, и желаніе развить такую же любовь къ нимъ въ своихъ гостяхъ. Она предполагала поѣздку въ старый баронскій замокъ, въ горахъ, далеко на востокъ (къ счастью для сэра-Патрика) отъ Крегъ-Фернѣйскихъ горъ. Одни изъ гостей должны были ѣхать верхомъ, другіе сопровождать хозяйку въ открытой коляскѣ. Назначая избранныхъ, леди Лунди замѣтила отсутствіе нѣсколькихъ членовъ своего кружка. Мистеръ Деламенъ исчезъ неизвестно куда. Сэръ-Патрикъ и Бланка послѣдовали его примѣру. Леди Лунди замѣтила съ нѣкоторымъ раздраженіемъ что если и другіе намѣрены поступать другъ съ другомъ также безцеремонно, то чѣмъ скорѣе Виндигетсъ будетъ обращенъ въ исправительное заведеніе, съ системой молчанія, тѣмъ пріятнѣе будетъ для его обитателей. При такихъ обстоятельствахъ Арнольдъ посоветовалъ Бланкѣ извиниться поскорѣе и принять мѣсто въ коляскѣ которое предлагала ей маичка.

— Мы поѣдемъ осматривать феодальныя развалины, Бланка, и будемъ, по возможности, облегчать одинъ другому поѣздку. Если вы поѣдете въ коляскѣ, я тоже сяду въ коляску.

Бланка покачала головой.

— У меня есть серіозная причина соблюсти приличія, сказала она. — Я поѣду въ коляскѣ. Но вы совсѣмъ не поѣдете.

Арнольдъ былъ конечно удивленъ и попросилъ чтобъ его удостоили по крайней мѣрѣ объясненіемъ.

Бланка взяла руку Арнольда и крѣпкожала ее. Теперь когда исчезла Анна, Арнольдъ сдѣлался ей еще дороже. Она буквально жаждала услышать отъ него какъ онъ любитъ ее. Чтѣ за дѣло что она была вполне спокойна на этотъ счетъ? Все же пріятно (хотя онъ повторилъ это уже пятьсотъ разъ), услышать это еще разъ.

— А чтѣ если я не дамъ вамъ никакого объясненія, сказала она. — Останетесь вы чтобъ угодить мнѣ.

— Я сдѣлаю все чтѣмъ могу угодить вамъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ любите меня?

Они были еще на дворѣ; однѣ собаки могли ихъ видѣть. Арнольдъ отвѣтилъ на языкѣ безъ словъ, который чтѣмъ не менѣе есть самый выразительный изъ всѣхъ языковъ употребительныхъ между мужчинами и женщинами во всемъ мѣрѣ.

— Однако я не исполняю моей обязанности, сказала Бланка смиренно. — Но еслибы вы знали, Арнольдъ, какъ я безпокоюсь, какъ я несчастна, и какъ пріятно знать что вы не оставите меня какъ оставили другіе.

Послѣ такого предисловія она разказала ему все чтѣ произошло въ библіотекѣ. Увѣренность Бланки въ способности ея жениха сочувствовать ей болѣе чтѣмъ оправдалась впечатлѣніемъ которое ея разказъ произвелъ на него. Онъ не только былъ удивленъ и огорченъ за нее, но лицо его выразило непритворное безпокойство и испугъ. Онъ никогда не стоялъ во мнѣніи Бланки такъ высоко какъ въ эту минуту.

— Чтѣ же намъ дѣлать теперь? спросилъ онъ. — Какимъ образомъ надѣется сэръ-Патрикъ найти ее?

Бланка повторила ему распоряженіе сэръ-Патрика относительно перекрестка и совѣтъ поступать какъ можно осторожно. Арнольдъ, избавленный отъ опасенія что его пошлютъ въ Крегъ-Ферри, готовъ былъ сдѣлать чтѣ угодно и обѣщавъ свято сохранить тайну.

Они вернулись домой и были встрѣчены ледянымъ приемомъ леди Лунди. Она повторила въ назиданіе Бланкѣ свое предложеніе обратитъ Виндигетъ въ исправительное заведеніе и приняла просьбу Арнольда освободить его отъ поѣздки съ самою сухою вѣжливостью.

— О, конечно, вамъ лучше идти гулять. Вы можете надѣяться встрѣтить вашего друга, мистера Деламена, который,

повидимому, такъ страстно любить лѣтнее хожденіе что не могъ дожидаться завтрака. Что же касается сэръ-Патрика... Неужели? Такъ сэръ-Патрикъ отправился кататься? Одинъ? Я не имѣла намѣренія оскорбить его предложивъ ему кусокъ моего пирога. Постараюсь по крайней мѣрѣ не оскорбить кого-нибудь другаго. Можете располагать вашимъ временемъ, Бланка, какъ вамъ угодно. Никто, кажется, не расположенъ ѣхать осматривать развалины—интереснѣйшій памятникъ феодальныхъ временъ Пертшейра. Что дѣлать! Не могу же я вышнить насильно моимъ гостямъ интересъ къ феодальнымъ древностямъ. Не безпокойтесь, Бланка. Мы не въ первый разъ,—и не въ послѣдній,—кататься одной. Я совсѣмъ не противъ уединенія. Мой умъ есть мое царство, какъ сказалъ поэтъ.

Въ такихъ выраженіяхъ оскорбленное самопочитаніе леди Лунди продолжало заявлять о своихъ нарушенныхъ правахъ на уваженіе челоуѣчества, — пока не пришелъ докторъ и не пригладилъ поднявшихся перьевъ хозяйки. Докторъ (онъ терпѣть не могъ развалины) попросилъ позволенія ѣхать. Бланка тоже. Смитъ и Джонсъ (глубоко заинтересованные феодальными памятниками) сказали что они сядутъ гдѣ-нибудь сзади, на запяткахъ, и не пропустятъ такого неожиданнаго наслажденія. Первый, Второй и Третій, заразившись общимъ желаніемъ, согласились составить эскорту.

Торжествующая улыбка леди Лунди (улыбка пребывавшая на ея лицѣ по цѣлымъ часамъ не измѣняясь) появилась опять. Она отдала приказанія съ самымъ очаровательнымъ миролюбіемъ. „Мы возьмемъ съ собою гидъ,“ сказала она, „и сбережемъ шиллингъ который должны были бы отдать проводнику.“ (Такую мелочную расчетливость можно встрѣтить только между очень богатыми людьми.) Она отправилась на верхъ переодѣться для поѣздки, взглянула въ зеркало и увидала безупречно добродѣтельную, привлекательную, благовоспитанную женщину, смотрѣвшую на нее въ новой французской шляпкѣ.

По тайному знаку Бланки, Арнольдъ тихо вышелъ изъ комнаты и отправился на перекрестокъ.

Тамъ по одну сторону было пространство поросшее мягкимъ верескомъ, а по другую каменная стѣна какой-то фермы. Арнольдъ олустился на мягкій верескъ и началъ думать и отгадывать двойную тайну—появленія и исчезновенія Анны.

Онъ объяснилъ себѣ отсутствіе своего друга такъ какъ предполагалъ его другъ: онъ былъ увѣренъ что Джофри

отправился на предварительно назначенное тайное свиданіе съ Анной. Появленіе миссъ Сильвестеръ въ Виндигетсъ и ея тревожное любопытство узнать имена мужчинъ гостившихъ въ домѣ, казалось, ясно показывали что она и Джоффри, по ошибкѣ, разошлись. Но что могло быть причиной ея побѣга? Знала ли она гдѣ можно найти Джоффри? Не вернулась ли она въ гостиницу? Или не поступила ли она подъ вліяніемъ внезапнаго отчаянія? Арнольдъ, конечно, не могъ рѣшить этихъ вопросовъ и не могъ поступить иначе какъ только ждать пока не представится возможность передать о всемъ случившемся самому Джоффри.

По простествіи получаса, стукъ приближающагося экипажа привлекъ вниманіе Арнольда. Онъ всталъ и увидаль приближавшійся къ нему по дорогѣ отъ станціи кабриолетъ. Сэръ-Патрикъ теперь принужденъ былъ править самъ, — Дункана уже не было. Увидавъ Арнольда, онъ остановилъ лошадь.

— Такъ! такъ! сказала старикъ. — Вы, я вижу, уже все знаете, и, конечно, понимаете какая это тайна? Хорошо. Не случилось ли чего-нибудь замѣчательнаго съ тѣхъ поръ какъ вы сидите здѣсь?

— Ничего, сэръ-Патрикъ. Не сдѣлали ли вы какого-нибудь открытія?

— Никакого. Я послѣлъ на станцію раньше поѣзда. Никакихъ слѣдовъ миссъ Сильвестеръ. Я оставилъ на станціи Дункана и приказалъ ему не уходить пока не пройдетъ послѣдній вечерній поѣздъ.

— Не думаю чтобъ она пришла на станцію, сказалъ Арнольдъ. — Мнѣ кажется, она вернулась въ Крегъ-Ферри.

— Очень возможно. Я теперь ѣду въ Крегъ-Ферри. Не знаю долго ли мнѣ придется пробыть тамъ и къ чему это поведетъ. Если увидите Бланку раньше меня, скажите ей что я просилъ станціоннаго смотрителя дать мнѣ знать куда миссъ Сильвестеръ возьметъ билетъ, если она поѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Благодаря такому распоряженію, мы будемъ имѣть о ней извѣстіе раньше чѣмъ Дунканъ телеграфируетъ мнѣ, проводивъ ее до конца ея пути. Знаете ли вы что вы должны дѣлать здѣсь?

— Бланка мнѣ все объяснила.

— Оставайтесь на вашемъ мѣстѣ и дѣлайте хорошее употребленіе изъ вашихъ глазъ. Вы, я думаю, привыкли къ этому на морѣ. Въ такой прекрасный лѣтній день не тяжело

провести на воздухѣ нѣсколько часовъ. Я вижу, вы заразились гадкою современною привычкою курить — вотъ вамъ и развлеченіе. Не спускайте глазъ съ перекрестка, и если она проѣдетъ мимо васъ, не пытайтесь остановить ее, — вамъ этого не сдѣлать. Заговорите съ ней какъ будто ничего не знаете, только для того чтобъ имѣть время замѣтить человѣка съ которымъ она поѣдетъ и имя на его повозкѣ — если будетъ какое-нибудь имя. Вотъ и все ваше дѣло. Фу! какъ ваша сигара заражаетъ воздухъ. Что сдѣлается съ вашимъ желудкомъ къ моимъ годамъ!

— Я не буду жаловаться, сэръ-Шатрикъ, если у меня будутъ такіе же хорошіе обѣды какіе кушаете вы.

— Кстатѣ. Я встрѣтилъ на станціи знакомую. Эсэпръ Дезриджъ покинула насъ и уѣхала въ Лондонъ. Теперь мы въ Виндигетсѣ будемъ кормиться, а время обѣдовъ прошло. На этотъ разъ произошла окончательная ссора между хозяйкой и кухаркой. Я далъ Эсэпри мой лондонскій адресъ и сказалъ ей чтобъ она увѣдомила меня когда рѣшится взять другое мѣсто. Женщина которая не можетъ говорить и можетъ стрелять есть женщина возвысившаяся до абсолютнаго совершенства. Такое сокровище не уйдетъ изъ нашего рода, насколько это зависитъ отъ меня. Замѣтили вы соусъ подъ бешемелью за завтракомъ. Какъ вамъ замѣтить! Человѣкъ курящій сигары неспособенъ отличить соуса подъ бешемелью отъ растопленнаго масла. Прощайте, однако! Прощайте!

Онъ подобралъ вожжи и отправился въ Крегъ-Ферри. Ему было семьдесятъ лѣтъ, а лошади его двадцать, но по уму и живости какъ тотъ, такъ и другая, были полезнѣйшими существами въ Шотландіи.

Медленно прошелъ еще часъ, и Арнольдъ не видалъ никого кромѣ нѣсколькихъ прохожихъ, тяжелой телѣги и кабриолета, въ которомъ сидѣла какая-то старуха. Наконецъ онъ всталъ, утомленный бездѣйствіемъ, и началъ ходить взадъ и впередъ, для разнообразія, не удаляясь отъ своего поста. При второмъ поворотѣ глаза его обратились случайно на дугъ, и онъ замѣтилъ въ отдаленіи новаго пѣшехода, повидимому мушину. Въ его сторону идетъ прохожій.

Арнольдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Незнакомецъ приближался къ нему, и такъ быстро что чрезъ нѣсколько минутъ Арнольдъ началъ узнавать его, а еще чрезъ минуту былъ увѣренъ что не ошибается. Нельзя было не узнать

гибкой силы, граціи и плавной, быстрой походки приближавшагося человека. То былъ герой бѣга, Джоффри Деламень, на возвратномъ пути въ Виндигетсъ.

Арнольдъ послѣшилъ ему навстрѣчу. Джоффри, увидавъ его, остановился и ждалъ, опершись на палку, его приближенія.

— Знаете вы что случилось въ Виндигетсъ? спросилъ Арнольдъ.

Онъ инстинктивно удержалъ свой слѣдующій вопросъ который готовъ былъ произнести. Вызывающее выраженіе лица Джоффри озадачило Арнольда. Джоффри смотрѣлъ человекомъ рѣшившимся не отступить, что бы ни случилось, и противорѣчить всякому кто бы ни заговорилъ съ нимъ.

— Васъ, кажется, что-то раздражило? сказалъ Арнольдъ.

— Что же случилось въ Виндигетсъ? спросилъ Джоффри громовымъ голосомъ и съ угрозой во взглядѣ.

— Миссъ Сильвестеръ была тамъ.

— Кто видѣлъ ее?

— Никто кромѣ Бланки.

— Ну?

— Она была очень печальна и слаба, такъ слаба что съ нею бѣдною, сдѣлался обморокъ въ библіотекѣ. Бланка привела ее въ чувство.

— Что же было потомъ?

— Мы всѣ были за завтракомъ. Бланка ушла изъ библіотеки и послала туда секретно дядю. Но миссъ Сильвестеръ скрылась и съ тѣхъ поръ никто не видалъ ея.

— Весь домъ переполошился?

— Никто ничего не знаетъ.

— А вы вотъ знаете. Кто еще знаетъ?

— Сэръ-Патрикъ знаетъ. Больше никто.

— Никто. Скажите еще что-нибудь.

Арнольдъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи хранить втайнѣ отъ всѣхъ мѣры принятыя къ отысканію Анны. Манеры Джоффри заставили его безсознательно включить и его въ число всѣхъ, чего онъ, можетъ-быть, не сдѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ.

— Я больше ничего не знаю.

Джоффри вонзилъ свою палку глубоко въ песчаную почву, поглядѣвъ на палку, выдернулъ ее изъ земли и взглянулъ опять на Арнольда.

— Прощайте, сказалъ онъ, и пошелъ дальше своею дорогой.

Арнольдъ догналъ и остановилъ его. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Арнольдъ заговорилъ первый.

— Въ не въ духѣ, Джофри? Что ѣвася такъ раздражило? Вы, вѣроятно, не нашли миссъ Сильвестеръ?

Джофри молчалъ.

— Видѣли вы ее послѣ того какъ она ушла изъ Виндигетса? Никакого отвѣта.

— Знаете вы гдѣ теперь миссъ Сильвестеръ?

Опять никакого отвѣта. Все тотъ же безмолвно дерзкій вызовъ во взглядѣ. Смуглое лицо Арнольда начало краснѣть.

— Почему вы не отвѣчаете мнѣ? спросилъ онъ.

— Потому что мнѣ это надоѣло.

— Что надоѣло?

— Ваше пристаиванье съ миссъ Сильвестеръ. Это мое дѣло, а не ваше!

— Потихе, Джофри. Не забывайте что я тоже замѣшанъ въ это дѣло, хотя и не искалъ этого.

— Не безлокойтесь, не забуду. Вы намозолили мнѣ уши вашею услугой.

— Намозолилъ вамъ уши?

— Да. Перестану ли я когда-нибудь слышать о вашей услугѣ? Чортъ бы побралъ вашу услугу! Мнѣ надоѣло одно это слово.

Не легко было разсердить прямого, добродушнаго Арнольда. Но Джофри удалось наконецъ разсердить его.

— Когда вы придете въ себя, сказалъ Арнольдъ,—я вспомню старое время и выслушаю ваше извиненіе. А теперь идите своею дорогой. Я не хочу говорить съ вами.

Джофри стиснулъ зубы и сдѣлалъ шагъ впередъ. Арнольдъ встрѣтилъ его, сильнѣйшаго изъ двухъ, взглядомъ смѣлаго вызова. Джофри понималъ и уважалъ только одну человѣческую добродѣтель—смѣлость. И онъ видѣлъ ее теперь предъ собой, неоспоримую смѣлость слабѣйшаго человѣка. Безчувственный негодяй былъ тронутъ въ единственное чувствительное мѣсто его существа. Онъ повернулся и пошелъ молча своею дорогой.

Оставшись одинъ, Арнольдъ опустилъ голову на грудь. Другъ счастій ему жизнь, единственный другъ котораго онъ имѣлъ, съ которымъ были соединены лучшія воспоминанія его юности, грубо оскорбилъ его и ушелъ не сказавъ ни одного примирительнаго слова. Любящая, прямая, честная, привязчивая душа Арнольда была глубоко оскорблена. Быстро удаляющаяся

фигура Джоффри затуманилась въ его глазахъ, и онъ закрылъ руками, съ дѣтскою стыдливостью, горячія слезы, свидѣтельствовавшія о его сердечной боли и дѣлавшія ему честь.

Онъ все еще продолжалъ бороться съ пересилившимъ его горемъ, когда на перекресткѣ случилось нѣчто замѣчательное.

Четыре дороги расходились крестообразно. Арнольдъ былъ теперь на восточной дорогѣ, куда онъ вышелъ навстрѣчу Джоффри, и стоялъ ярдовъ за триста отъ сѣвны фермы, возлѣ которой устроилъ свой наблюдательный постъ. Дорога на западъ, загибавшаяся за ферму, вела въ ближайшій городъ, дорога на югъ—къ станціи, а дорога на сѣверъ—къ Виндигетсу.

Когда Джоффри былъ еще за пять, десять ярдовъ отъ фермы, когда слезы еще стояли на глазахъ Арнольда, ворота фермы растворились. Показался легкій, четырехколесный кабриолетъ, съ сидѣвшими въ немъ мужчиной и женщиной. Женщина была Анна Сильвестеръ, мужчина—хозяинъ фермы.

Вмѣсто того чтобы повернуть на южную дорогу, которая вела къ станціи, кабриолетъ повернулъ на западную, которая вела въ городъ. Джоффри, подвигавшійся съ востока, могъ видѣть только слышны уѣзжавшихъ. Онъ едва замѣтилъ невзрачный, маленькій кабриолетъ и повернулъ на сѣверъ, къ Виндигетсу.

Когда Арнольдъ достаточно успокоился чтобъ обернуться, кабриолетъ скрылся на дорогѣ загибавшей за ферму. Арнольдъ, вѣрный принятому на себя обязательству, возвратился на перекрестокъ. Въ это время кабриолетъ былъ уже пятномъ въ отдаленіи. Еще чрезъ минуту онъ скрылся изъ виду.

Такъ (по словамъ сэръ-Патрика) женщина преодолѣла препятствія которыя остановили бы мужчину. Анна Сильвестеръ, въ своемъ безотрадномъ положеніи, приобрѣла симпатію фермера, и онъ далъ ей мѣсто въ кабриолетѣ, въ которомъ отправлялся въ городъ по своимъ дѣламъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, она спаслась отъ тройной опасности угрожавшей ей: отъ встрѣчи съ Джоффри возвращавшимся домой, съ Арнольдомъ на перекресткѣ и со слугою ожидавшимъ ея появленія на станціи.

Время приближалось къ вечеру. Слуги въ Виндигетсѣ, бродившіе вокругъ дома въ отсутствіи своихъ хозяевъ и гостей, были смущены на одну минуту возвращеніемъ одного изъ „господъ“. Мистеръ Джоффри Деламенъ воротился домой одинъ.

прошелъ прямо въ курильную комнату, потребовалъ вторичную порцію стараго пива, взялъ газету и началъ курить.

Чтеніе ему скоро надобно, и онъ задумался о томъ что узналъ въ концѣ своей прогулки.

То что онъ узналъ могло оправдать самыя пламенныя надежды какія онъ могъ имѣть. Онъ приготовился выдержать серьезный скандалъ, и вдругъ оказывается что никакого скандала нѣтъ. Трое: сэръ-Патрикъ, Арнольдъ и Бланка знаютъ что Анна въ большомъ затрудненіи, но они хранятъ эту тайну такъ тщательно какъ будто боятся повредить его интересамъ. А что еще удивительнѣе, такъ это то что Анна не только не поднимаетъ шума въ домѣ, но еще сама буквально бѣжала, не сказавъ никому ни одного слова которое могло бы скомпрометтировать его.

Что все это значить? Онъ ломалъ голову чтобы найти какое-нибудь объясненіе и даже придумалъ причину молчанія Бланки, ея дяди и Арнольда: они всѣ трое, вѣроятно, стоворились скрыть отъ леди Лунди посѣщеніе Виндигетса бѣжавшею гувернанткой.

Но тайна молчанія Анны ставила его окончательно въ тупикъ.

Онъ былъ неспособенъ понять что страшное опасеніе сдѣлаться препятствіемъ къ браку Бланки могло побудить ее скрыться поскорѣе и рѣшиться, въ ея незнаніи какъ поступить иначе, никогда не возвращаться, чтобы не допустить считать себя женой Арнольда.

„Нѣтъ, мнѣ этого не понять“, было окончательное заключеніе къ которому пришелъ Джофри. „Если она находитъ для себя выгоднымъ молчать, я тоже нахожу выгоднымъ молчать, и этого съ меня довольно.“

Онъ положилъ ноги на стулъ, расправляя послѣ прогулки свои великолѣпныя мускулы, и набилъ опять трубку, вполне довольный собой. Теперь не предвидѣлось никакихъ столкновеній съ Анной, никакихъ неприятныхъ вопросовъ со стороны Арнольда. Онъ вспоминалъ о ссорѣ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и отдавалъ справедливость своему другу.

„Можно ли было подозрѣвать что въ этомъ мальчишкѣ столько мужества“, подумалъ онъ, зажигая спичку и закуривая трубку.

Прошелъ еще часъ, и воротился сэръ-Патрикъ.

Онъ былъ задумчивъ, но далеко не обезкураженъ. Повидимому его лѣзвѣ въ Крэгъ-Ферри кончилась не совсемъ

неудачно. Старикъ разсѣянно напѣвалъ свою любимую шотландскую арію и чаще обыкновеннаго обращался къ табатеркѣ. Онъ позвонилъ и позвалъ слугу.

— Не спрашивалъ ли меня здѣсь кто-нибудь?

— Никто не спрашивалъ, сэръ-Патрикъ.

— Нѣтъ ли писемъ?

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ.

— Хорошо. Поидемте наверхъ въ мою комнату и подайте мнѣ халатъ.

Слуга подалъ ему халатъ и туфли.

— Миссъ Лунди дома?

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ. Всѣ уѣхали кататься.

— Хорошо. Принесите мнѣ чашку кофе и разбудите меня за полчаса до обѣда, если я усну.

Слуга вышелъ. Сэръ-Патрикъ легъ на диванъ. „Эхъ, спина-то побаливаетъ, и въ ногахъ какая-то тяжесть. Ручаюсь что лошадь чувствуетъ то же самое. Старость, я думаю, въ обоихъ случаяхъ. Чтò дѣлать! Будемъ молоды сердцемъ.“ И онъ принялся олять за свою шотландскую арію. Вошелъ слуга, поставилъ кофе и олять вышелъ. Въ комнатѣ слышалось только жульжаніе настѣжныхъ и тихій шелестъ растений на окнахъ. Минуть пять сэръ-Патрикъ прилебывалъ кофе и думалъ. Еще черезъ пять минутъ онъ уснулъ.

Немного погодя воротилось и общество изъ развалины. Вся экспедиція, кромѣ предводительницы, была измучена, въ особенности Смитъ и Джонсъ, которые совершенно охѣмѣли. Одна леди Лунди продолжала бодро относиться къ феодальной древности. Она лишила проводника, показывавшаго развалины, его шиллинга, и была вполне довольна собой. Голосъ ея по мелодичности улодоблялся флейтѣ, а торжествующая улыбка никогда не была въ лучшемъ порядкѣ.

— Чрезвычайно интересно! сказала она выходя изъ коляски съ тяжелою граціей и обращаясь къ Джофри, прохаживавшемуся по террасѣ.—Вы много потеряли, мистеръ Деламентъ. Въ слѣдующій разъ, когда вамъ захочется погулять, предупредите хозяйку и не будете расквашиваться.

Бланка, измученная и озабоченная, спросила слугу объ Арнольдѣ и дядѣ. Сэръ-Патрикъ отдыхаетъ наверху, а мистеръ Бринквортъ еще не вернулся. Оставалось только двадцать минутъ до обѣда, а въ Виндигетсѣ за обѣдомъ требовался позній вечерній туалетъ. Тѣмъ не менѣе Бланка осталась въ

залѣ въ надеждѣ увидать Арнольда. Надежда ея сбылась. Когда часы пробили четверть, онъ вошелъ. Онъ, какъ и всѣ, былъ не въ духѣ.

— Видѣли вы ее? спросила Бланка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Арнольдъ съ полнымъ убѣжденіемъ.— Дорога по которой она скрылась не касается перекрестка. За это я ручаюсь.

Они разошлись чтобъ одѣться. Когда общество собралось опять предъ обѣдомъ въ библиотекѣ, Бланка подошла къ дядѣ, едва онъ вошелъ въ комнату.

— Новостей, дядя. Я жажду новостей.

— Новости хороши, другъ мой.

— Вы нашли Анну?

— Нѣтъ, не нашелъ.

— Вы слышали о ней въ Крегъ-Ферри?

— Я сдѣлалъ важныя открытія въ Крегъ-Ферри, Бланка. Тише! Леди Лунди. Подождите до послѣобѣда. Тогда вы узнаете, можетъ-быть, болѣе чѣмъ я могу сообщить вамъ теперь. Я съ минуты на минуту жду извѣстія со станціи.

Обѣдъ былъ тяжелою пыткой для двухъ, по крайней мѣрѣ, особъ кромѣ Бланки.

Арнольдъ, сидѣвшій противъ Джофри, не обмѣнявшись съ нимъ ни однимъ словомъ, страдалъ, думая о ссорѣ со старымъ другомъ. Сэръ-Патрикъ, чувствуя во всякомъ случаѣ отсутствіе искусной руки Эсэри Дезриджъ, скучалъ о потерѣ одной изъ роскошей своей жизни и считалъ вслѣдствіе своей свояченицы безчеловѣчїемъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Бланка послѣдовала за леди Лунди послѣ обѣда въ гостиную, старая нетерпѣніемъ въ ожиданіи выхода мушкетъ изъ столовой. Мачиха ея проектировала вторичную антикварскую экскурсію на слѣдующій день, но замѣтивъ что Бланка не слушаетъ ея бѣглыхъ замѣчаній о феодальной Шотландіи за пять столѣтій назадъ, начала жаловаться съ сатирическимъ одушевленіемъ на немѣніе умной подруги, и протянула на диванѣ свою величественную фигуру, въ ожиданіи прихода изъ столовой достойной аудиторіи. Черезъ нѣсколько минутъ успокоительное вліяніе послѣобѣденнаго размышленія о феодальной древности и чистая совѣсть произвели свое дѣйствіе: глаза леди Лунди закрылись, и изъ носа леди Лунди послышалась звуки, глубокіе какъ ея познанія, правильные какъ ея привычки, — звуки родственные ночнымъ челцамъ и спаль-

нямъ, извлекаемые самою природою у всѣхъ безъ различія словесій, словомъ (о, правда! какіе ужасы говорятся во имя твое!) она захралѣла.

Получивъ свободу, Бланка предоставила эху гостинной спокойно наслаждаться звучнымъ отахкомъ леди Дунди.

Она пошла въ библіотечку, взяла въ руки романъ, но тотчасъ же бросила его и взглянула чрезъ залу на дверь столовой. Скоро ли они разстанутся наконецъ со своею политикой и виномъ? Она пошла на верхъ въ свою комнату, перемѣнила серьги и побранила горничную. Сошла внизъ и сдѣлала тревожное открытіе въ углу залы.

Тамъ стояли два человѣка со шляпами въ рукахъ и шептались съ буфетчикомъ. Буфетчикъ остановилъ ихъ, вошелъ въ столовую, воротился съ сэръ-Патрикомъ и сказалъ имъ: „Подойдите сюда.“ Два человѣка выступили на свѣтъ: Мурдокъ—станціонный смотритель, и Дунканъ — слуга. Извѣстіе объ Аннѣ!

— О, дядя! Позвольте мнѣ не уходить, умоляла Бланка.

Сэръ-Патрикъ колебался. Онъ боялся, не принесли ли ему какого-нибудь ужаснаго извѣстія о скрывшейся женщинѣ. Возвращеніе Дункана со станціоннымъ смотрителемъ предвѣщало что-то недоброе. Бланка тотчасъ же поняла причину колебанія дяди. Она поблѣднѣла и схватила его руку. „Не отсылайте меня“, прошептала она. „Я могу вынести все кромѣ неизвѣстности.“

— Говорите, сказалъ сэръ-Патрикъ, держа руку племянницы.— Нашли ее или нѣтъ?

— Она уѣхала на поѣздѣ, сказалъ станціонный смотритель,—и мы знаемъ куда.

Сэръ-Патрикъ вздохнулъ свободнѣе; румянецъ Бланки воротился. По разнымъ причинамъ, дядя и племянница были одинаково обрадованы.

— Я приказалъ вамъ слѣдовать за нею, сказалъ сэръ-Патрикъ Дункану.—Почему вы воротились?

— Вашъ слуга не виноватъ, вступился станціонный смотритель.—Дама сѣла на поѣздъ въ Киркандрю.

Сэръ-Патрикъ вздрогнулъ и взглянулъ на станціоннаго смотрителя.

— Что? На слѣдующей станціи, въ городѣ? Непростительное тулоуміе съ моей стороны! Мнѣ это не пришло даже въ голову.

— Я взялъ на себя смѣлость телеграфировать ваше описаніе дамы въ Киркандрю, сэръ-Патрикъ, на всякій случай.

— Что дѣлаетъ вамъ честь, мистеръ Мурдокъ. Ваша голова, въ этомъ случаѣ, оказалась умнѣе моей. Ну?

— Вотъ отвѣтъ который я получилъ.

Сэръ-Патрикъ и Бланка прочли вмѣстѣ телеграмму.

„Киркандрю. Поездъ 7 ч. 40 м. л. л. Дама подходитъ подъ описаніе. Багажа не было. Въ рукахъ мѣшокъ. Уѣхала одна. Билетъ втораго класса. Въ Эдинбургъ.“

— Эдинбургъ! повторила Бланка.—О, дядя! Въ такомъ большомъ городѣ мы не найдемъ ея!

— Мы найдемъ ее, моя милая, и вы сейчасъ увидите какимъ образомъ. Дунканъ, принесите мнѣ перо, чернилъ и бумаги. Мистеръ Мурдокъ, вы, вѣроятно, воротитесь на станцію?

— Да, сэръ-Патрикъ.

— Я дамъ вамъ телеграмму которую вы передадите немедленно въ Эдинбургъ.

Онъ тщательно составилъ телеграмму и адресовалъ ее шерифу Мидъ-Лотіана.

— Шерифъ этотъ мой старый другъ, объяснилъ онъ племянницѣ.—Теперь онъ въ Эдинбургѣ. Гораздо раньше чѣмъ поездъ придетъ туда, онъ получитъ мое описаніе миссъ Сильвестеръ и просьбу тщательно наблюдать за ея дѣйствіями до слѣдующаго увѣдомленія. Полиція въ его полномъ распоряженіи, онъ лучшій человекъ какого мы можемъ выбрать для нашей дѣли. Благодарю васъ, мистеръ Мурдокъ. Прощайте. Дунканъ, идите ужинать и отдохните. Бланка, милая моя, идите въ гостиную; мы сейчасъ придетъ пить чай. Вы будете знать гдѣ ваша подруга прежде чѣмъ ляжете спать сегодня.

Съ такими утѣшительными словами онъ ушелъ къ мущинамъ. Минуть черезъ десять всѣ они вошли въ гостиную. Леди Дунди, вполне убѣжденная что не смыкала глазъ ни на минуту, воротилась опять въ феодальную Шотландію.

Бланка, выбравъ удобную минуту, подошла къ дядѣ.

— Ваше обещаніе, сказала она.—Вы сдѣлали какое-то важное открытіе въ Крегъ-Ферни. Разкажите.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ на Джофри, дремавшаго въ креслѣ въ углу комнаты, и ему захотѣлось подразнить любопытство племянницы.

— Послѣ извѣстія которое мы получили, сказалъ онъ,— не можете ли вы подождать пока мы не получимъ телеграммы изъ Эдинбурга?

— Не могу, дядя. Телеграмма не придетъ еще нѣсколько часовъ, а до тѣхъ горь мнѣ надо же думать о чемъ-нибудь.

Она сѣла на диванъ въ углу, прямо противъ Джофри, и указала дядѣ на свободное мѣсто возлѣ себя.

Сэръ-Патрикъ обѣщалъ, онъ не могъ не сдержать своего слова. Взглянувъ еще разъ на Джофри, онъ сѣлъ возлѣ племянницы.

ГЛАВА XXIV.

Догадки.

— Ну? таинственно шепнула Бланка, взявъ руку дяди.

— Ну, повторилъ сэръ-Патрикъ, сверкнувъ на племянницу искрой своего сатирическаго юмора. — Я хочу сдѣлать опрометчивую вещь: я хочу вручить важную тайну въ руки осьмнадцатилѣтней дѣвушки.

— Руки дѣвушки сохранять тайну, дядя, хотя дѣвушкѣ только осьмнадцать лѣтъ.

— Надо рискнуть, другъ мой; ваша короткость съ миссъ Сильвестеръ можетъ принести мнѣ величайшую помощь при слѣдующемъ шагѣ который я сдѣлаю. Вы узнаете все что я могу сказать вамъ, но сначала позвольте предостеречь васъ. Я могу говорить съ вами откровенно не иначе какъ поразивъ васъ сначала очень удивительнымъ открытіемъ. Поняли вы меня до сихъ поръ?

— Да! да!

— Если вы не сумеете совладать съ собою, вы помѣшаете мнѣ принести въ будущемъ пользу миссъ Сильвестеръ. Помните это и приготовьтесь къ удивленію. Что сказалъ я вамъ до объѣда?

— Вы сказали что сдѣлали важныя открытія въ Кретъ-Ферри. Что же вы узнали?

— Я узналъ что есть человѣкъ знающій вполнѣ тайну которую миссъ Сильвестеръ скрыла отъ васъ и отъ меня. Человѣка этого мы знаемъ. Онъ близко отъ насъ. Онъ въ этой комнатѣ.

Сэръ-Патрикъ взявъ руку Бланки лежавшую на его рукѣ и

выразительно пожалъ ее. Она взглянула на него, удерживая крикъ удивленія, подождала немного, не спуская глазъ съ его лица, одѣлала надъ собою рѣшительное усиліе и усюкоилась.

— Покажите мнѣ его, сказала она съ самообладаніемъ, заслужившимъ полное одобреніе дяди. Бланка дѣлала чудеса для дѣвушки съ ея характеромъ.

— Посмотрите, сказалъ сэръ-Патрикъ,— и скажите мнѣ что вы видите.

— Я вижу на томъ концѣ комнаты леди Лунди съ планомъ Пертшепра и съ описаніемъ феодальныхъ памятниковъ на столѣ. И вижу что всѣ кромѣ васъ и меня слушаютъ ее.

— Всѣ?

Бланка оглянула внимательно комнату и замѣтила Джофри славшаго въ креслѣ въ противоположномъ углу комнаты.

— Дядя! Не можетъ быть!

— Охъ.

— Мистеръ Деламенъ?

— Мистеръ Деламенъ знаетъ все.

Бланка, держась машинально за руку дяди, смотрѣла на славшаго Джофри, какъ будто никакъ не могла вдоволь насмотрѣться на него.

— Вы видѣли въ библиотекѣ мое тайное совѣщаніе съ мистеромъ Деламеномъ, началъ опять сэръ-Патрикъ. — Признаюсь, другъ мой, вы были вполнѣ правы, взглянувъ на это какъ на подозрительное обстоятельство. Теперь я долженъ оправдаться въ томъ что до сихъ лоръ таился отъ васъ.

Послѣ такого предисловія онъ вкратцѣ напомнилъ ей о происшествіяхъ первой половины дня и прибавилъ, въ видѣ комментарія, перечень заключеній которыя отъ вывелъ изъ происшествій.

Происшествій было, какъ мы знаемъ, три. Первое, совѣщаніе Джофри съ сэръ-Патрикомъ о неправильныхъ шотландскихъ бракахъ, второе, появленіе Анны Сильвестеръ въ Виндигетсѣ, и третье, исчезновеніе Анны.

Изъ этихъ происшествій сэръ-Патрикъ вывелъ шесть заключеній.

Первое, что есть что-то общее между извѣстнымъ затрудненіемъ друга Джофри и подразумеваемымъ затрудненіемъ миссъ Сильвестеръ. Второе, что Джофри разказалъ сэръ-Патрику случаи бывшій действительно съ его другомъ, а не съ нимъ самимъ. Третье, что у Джофри есть свой интересъ

(не безвреднаго свойства) доказать бракъ его друга. Четвертое, что тревожное любопытство Анны узнать имена вичагетскихъ гостей относилось, по всей вѣроятности, къ Джофри. Пятое, что послѣднее заключеніе опровергаетъ заключеніе второе и снова поражаетъ сомнѣніе, не разказалъ ли Джофри случай бывшій съ нимъ самимъ. И шестое, что единственный способъ разъяснить послѣднее подозрѣніе и всѣ другія подозрѣнія, — это съѣздить въ Крегъ-Ферни и узнать отъ мистрисъ Инчбаръ то что она замѣтила въ періодъ пребыванія Анны въ Крегъ-Ферни. За симъ послѣдовало извиненіе сэръ-Патрика въ томъ что онъ до сихъ поръ скрывалъ все это отъ племянницы. Онъ не хотѣлъ напрасно тревожить се, пока не убѣдится что подозрѣніе его основательно. Теперь онъ въ этомъ убѣдился и передаетъ Бланкъ всѣ свои мысли, не утаивъ ничего.

— Я кончилъ, другъ мой, продолжалъ сэръ-Патрикъ, — съ необходимыми объясненіями, неизбежными непріятностями въ сношеніяхъ человѣчества. Вы знаете теперь столько же сколько зналъ я когда пріѣхалъ въ Крегъ-Ферни, и следовательно можете достойно оцѣнить то что я узналъ тамъ. Влоанъ ли вы поняли меня до сихъ поръ?

— Влоанъ.

— Хорошо. Пріѣхалъ я въ Крегъ-Ферни, и вообразите, заперся съ мистрисъ Инчбаръ въ ея собственной комнатѣ. (Пострадаетъ или нѣтъ моя репутація еще неизвѣстно, но когда мистрисъ Инчбаръ очевидны.) Долго мы толковали, Бланка. Такой угрюмой, хитрой, недовѣрчивой свидѣтельницы мнѣ не случалось допрашивать во все время моей адвокатской практики. Она вывела бы изъ терпѣнія всякаго смертнаго, кромѣ адвоката. Но намъ необходимо удивительное терпѣніе въ нашей профессіи, и мы умѣемъ быть терпѣливыми когда захотимъ. Словомъ, другъ мой, мистрисъ Инчбаръ была кошкой, а я котомъ, и я выцаралалъ наконецъ изъ нея правду. Результатъ котораго я добился стоить труда, какъ вы сами увидите. Мистеръ Деламенъ разказалъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ обстоятельствъ случившихся въ гостиницѣ съ дамой и господиномъ которые хотѣли выдать себя мужемъ и женой. Тѣ же самыя обстоятельства случились, Бланка, въ Крегъ-Ферни съ дамой и господиномъ въ тотъ день когда миссъ Сильвестеръ скрылась изъ нашего дома. И, слушайте, когда ее спросили объ ея имени, послѣ того какъ господинъ

ушелъ, оставивъ ее въ гостиницѣ, она назвалась мистрисъ Сильвестеръ. Чтѣ вы думаете объ этомъ?

— Думаю! просто поражена! Я не могу повѣрить!

— Поразительное открытіе, дитя мое, я съ вами согласенъ. Не подождать ли мнѣ немного, пока вы не усложнитесь?

— Нѣтъ! нѣтъ! Продолжайте. Господинъ, дядя? Тотъ господинъ который былъ съ Анной? Кто онъ? Конечно не мистеръ Деламенъ?

— Нѣтъ, не мистеръ Деламенъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Если я не убѣжденъ ни въ чемъ другомъ, въ этомъ по крайней мѣрѣ я убѣдился.

— Это само собой понятно. Мистеръ Деламенъ уѣхалъ въ день праздника въ Лондонъ, и Арнольдъ....

— И Арнольдъ проводилъ его до второй станціи. Но могъ ли я знать чтѣ сдѣлалъ мистеръ Деламенъ разставшись съ Арнольдомъ? Только распросивъ мистрисъ Инчбаръ, я убѣдился что онъ не вернулся тайно въ гостиницу.

— Почему же вы убѣдились?

— Я попросилъ ее описать мнѣ господина бывшего съ миссъ Сильвестеръ. Описаніе мистрисъ Инчбаръ (очень неопредѣленное, какъ вы сами увидите) вполне выгораживаетъ этого человѣка, сказалъ сэръ-Патрикъ, кивнувъ на Джофри, все еще спавшаго въ креслѣ.—Не онъ выдалъ миссъ Сильвестеръ за свою жену въ Крегъ-Ферри. Онъ не лгалъ когда сказалъ что это случай съ его другомъ.

— Но кто это другъ? настаивала Бланка.—Вотъ чтѣ я хочу узнать

— То же самое и я хочу узнать.

— Разкажите мнѣ въ точности, дядя, какъ описала его мистрисъ Инчбаръ. Я провела съ Анной всю жизнь: я, вѣроятно, видѣла его гдѣ-нибудь.

— Если вы догадаетесь кто онъ по описанію мистрисъ Инчбаръ, возразилъ сэръ-Патрикъ,—вы будете умнѣе меня. Вотъ какъ описала его хозяйка: молодъ, средняго роста, темные волосы, глаза и цвѣтъ лица, привѣтавъ, вѣжливъ. Выпустите „молодъ“, и все остальное контрастъ съ мистеромъ Деламеномъ. Но можно ли по такому описанію узнать человѣка? Въ Англіи по меньшей мѣрѣ лятьсотъ тысячъ человѣкъ, о каждомъ изъ которыхъ можно сказать: молодъ, средняго роста, бровнеть, привѣтавъ, вѣжливъ. Одинъ изъ здѣшнихъ лакеевъ подходитъ подъ это описаніе.

— И Арнольдъ подходитъ подъ это описаніе, сказала Бланка, какъ еще болѣе сильное доказательство досадной неопредѣленности описанія.

— И Арнольдъ подходитъ подъ это описаніе, повторилъ сэръ-Патрикъ, совершенно соглашаясь съ нею.

Едва она произнесла эти слова, какъ оказался Арнольдъ, приближавшійся къ сэръ-Патрику съ колодой картъ въ рукахъ.

Въ ту самую минуту когда они безсознательно напали на правду, предъ ними стояла разгадка тайны, въ лицѣ человека выдаваемаго Анну Сильвестеръ за свою жену въ гостиницѣ Крегъ-Ферри. Страшный калпризъ судьбы, безплодная пронія случайности не могли зайти дальше. Всѣ трое стояли въ эту минуту на краю пропасти. Двое изъ нихъ улыбались на смѣшное совпаденіе, а третій тасовалъ колоду картъ.

— Мы наконецъ покончили съ древностями, сказалъ Арнольдъ,—и составляемъ вистъ. Не возьмете ли вы карту, сэръ-Патрикъ?

— Слишкомъ скоро послѣ обѣда, другъ мой. Сыграйте первый робберъ, а потомъ сяду я. Слышали вы, прибавилъ онъ,—что миссъ Сильвестеръ видѣла въ Киркандрю. Какъ это вы проглядѣли ее?

— Она не проѣзжала мимо меня, сэръ-Патрикъ; иначе я видѣлъ бы ее.

Оправдавшись такими словами, онъ ушелъ на другую сторону комнаты, куда его призывали нетерпѣливые игроки, ожидавшіе картъ которыя онъ держалъ въ рукахъ.

— О чемъ мы говорили когда онъ прервалъ насъ? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— О томъ человѣкѣ который былъ съ миссъ Сильвестеръ въ гостиницѣ.

— Безполезныя догадки, моя милая, когда мы не имѣемъ другихъ указаній кромѣ описанія мистрисъ Инчбаръ.

Бланка взглянула на спящаго Джоффи.

— А онъ знаетъ! сказала она.—Можно съ ума сойти, дядя, глядя на это спящее въ креслѣ животное.

Сэръ-Патрикъ погрозила пальцемъ. Прежде чѣмъ она успѣла сказать еще слово, разговоръ ихъ былъ опять прерванъ.

Партія виста состояла изъ леди Лунди и доктора, игравшихъ противъ Смита и Джонса. Арнольдъ сѣлъ сзади доктора, и изучалъ игру. Первый, Второй и Третій, предоставленные такимъ образомъ самимъ себѣ, естественно встопычили о

бильярдъ, и замѣтивъ спящаго въ углу Джоффри, пришли разбудить его. Джоффри проснулся, протеръ глаза и сказалъ, зѣвнувъ, „хорошо“. Вставъ, онъ взглянулъ на противоположный уголъ, гдѣ сидѣли сэръ-Патрикъ и Бланка. Самообладаніе Бланки, какъ усиленно она ни боролась съ собой, не было достаточно сильно чтобы заставить ее отвернуться отъ Джоффри и не смотрѣть на него взглядомъ въ которомъ выражался невольный интересъ который она чувствовала теперь къ нему. Онъ остановился, замѣтивъ что-то совершенно новое въ ея взглядѣ.

— Извините, сказалъ Джоффри. — Вамъ угодно сказать мнѣ что-то?

Бланка покраснѣла. Дядя послѣшилъ выручить ее.

— Миссъ Лунди и я надѣмся что вы хорошо почивали, мистеръ Деламентъ, сказалъ онъ шуточно. — Больше ничего.

— А! Больше ничего? сказалъ Джоффри, все еще смотря на Бланку. — Извините еще разъ. Чертовски длинная прогулка и чертовски тяжелый обѣдъ. Естественный результатъ — сонъ.

Сэръ-Патрикъ смотрѣлъ на него пристально и замѣтилъ что онъ былъ искренно удивленъ, увидѣвъ себя предметомъ вниманія Бланки.

— Увидимся въ бильярдной? спросилъ Джоффри беззечно, и не дождавшись, по обыкновенію, отвѣта, вышелъ за своими товарищами изъ комнаты.

— Будьте осторожны, сказалъ сэръ-Патрикъ племянницѣ. — Онъ хитре чѣмъ кажется. Мы сдѣлаемъ большую ошибку если дадимъ ему замѣтить что наблюдаемъ за нимъ.

— Этого не случится въ другой разъ, дядя. Но подумайте только что Анна довѣряетъ ему и не довѣряетъ мнѣ!

— Его другъ довѣряетъ ему, хотите вы сказать, моя милая. Если мы не возбудимъ въ немъ подозрѣнія, онъ, можетъ быть, скоро скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь такое что покажется намъ кто его другъ.

— Но онъ увѣжаетъ завтра къ брату. Онъ сказалъ это за обѣдомъ.

— Тамъ лучше. Ему не придется видѣть странныхъ взглядовъ извѣстной молодой дѣвушки. Домъ его брата недалеко отъ насъ, а меня онъ избралъ своимъ совѣтникомъ. Опытность моя говоритъ мнѣ что онъ еще не кончилъ со мною, и что въ слѣдующее совѣщаніе онъ скажетъ мнѣ что-нибудь новое. Будемъ доискиваться правды посредствомъ мистера

Деламена. Но это не единственный способъ. Я еще не сказалъ вамъ ничего о Бишопригсѣ и потерянномъ письмѣ.

— Нашлось оно?

— Нѣтъ, я заставляялъ искать его при себѣ. Письмо украдено, а укралъ его Бишопригсѣ. Я оставилъ ему записочку у мистрисъ Инчбаръ. Посѣтителю гостиницы уже соскучились о немъ, что я вамъ и предсказывалъ. Хозяйка раскаивается въ своей вспыльчивости и, конечно, слагаетъ всю вину на миссъ Сильвестеръ. Говоритъ что Бишопригсѣ не обращалъ никакого вниманія на посѣтителей и только и дѣлалъ что ухаживалъ за миссъ Сильвестеръ; что онъ началъ грубить, и что миссъ Сильвестеръ поощряла его къ этому, и такъ далѣе. Кончится тѣмъ,—такъ какъ миссъ Сильвестеръ уже нѣтъ въ гостиницѣ,—что Бишопригсѣ воротится въ Крегъ-Ферри прежде чѣмъ пройдетъ осень. Будемъ ждать, моя милая. Пойдемте, поучитесь висту.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти къ карточному столу, но Бланка остановила его.

— Вы еще не все сказали мнѣ. Кто бы ни былъ тотъ человекъ, мужъ онъ Аннѣ или нѣтъ? спросила она.

— Кто бы ни былъ тотъ человекъ, возразилъ сэръ-Патрикъ,—ему лучше и не думать жениться на другой.

Такъ племянница задала безсознательно вопросъ, а дядя высказалъ безсознательно свое мнѣніе о томъ, отъ чего зависѣло все будущее счастье Бланки. „Человѣкъ!“ Какъ легко они относились къ „человѣку!“ Неужели ничто не возбудитъ подозрѣнія въ нихъ или въ Арнольдѣ, что Арнольдъ есть самъ тотъ „человѣкъ?“

— Вы хотите сказать что она замужемъ? спросила Бланка.

— Я не захожу такъ далеко.

— Вы хотите сказать что она не замужемъ?

— Я не захожу такъ далеко.

— Вотъ такъ законъ!

— Ужасный, не правда ли, другъ мой? По моему мнѣнію, она имѣетъ основаніе, если захочетъ, требовать чтобъ ее признали его женой. Вотъ что я хотѣлъ сказать моимъ отвѣтомъ, и пока мы не узнаемъ болѣе, это все что я могу сказать.

— Когда же мы узнаемъ болѣе? Когда получимъ мы телеграмму?

— Не ранѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ. Пойдемте, почитесь висту.

— Я лучше поговорю съ Арнольдомъ, дядя, если позволите.

— Какъ хотите. Но не разказывайте ему того что я разказалъ вамъ сейчасъ. Вспомните что онъ и Деламень друзья, и онъ, пожалуй, разкажетъ своему другу о томъ чего его другу не слѣдуетъ знать. Не хорошо съ моей стороны, не правда ли, вселять неискренность въ вашу молодую душу? Одинъ умный человѣкъ сказалъ однажды: чѣмъ старѣе дѣлается человѣкъ, тѣмъ онъ дѣлается хуже. Этотъ умный человѣкъ, милая моя, говоря это имѣлъ въ виду меня, и былъ вполне правъ.

Вознаградивъ себя за такое непріятное признаніе щепоткой табаку, онъ отправился къ карточному столу ждать пока окончаніе роббера дастъ ему мѣсто въ игрѣ.

(До слѣд. №.)

ЕГИПЕТСКИЙ МОГИЛЬНЫЙ МИРЪ

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ ГЕНРИХА БРУГША. *

Если уединенная прогулка между могилами, хотя бы даже лочившіе въ нихъ принадлежали давно минувшимъ вѣкамъ и локолѣніямъ, имѣеть свойство наводить лутника, посѣтившаго жилище мертвыхъ, на серіозную мысль о скоротечности всего земнаго и о собственной бренности; если народы Востока, не исключая даже нашихъ современниковъ, нарочно устраиваютъ кладбища рядомъ со многолюднѣйшими улицами или большими дорогами, чтобы напоминать прохожимъ о конечной цѣли земнаго бытія, то много посѣщаемымъ и часто описываемымъ некрополямъ древнихъ Египтянъ вполне удалось, благодаря ихъ величественнымъ размѢрамъ и замѣчательно яркимъ картинамъ и письменамъ, украшающимъ ихъ, отодвинуть на задній планъ всѣ грустныя мысли и изобразить могильный миръ съ самой радостной стороны. Слѣдуя природному влеченію къ этому народу и его памятникамъ, я хочу попытаться сдѣлаться умственнымъ путеводителемъ по этой странѣ могиль, обитатели которой за пять или за шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ жили и дѣйствовали въ отдаленной равнинѣ Нила, на благословенной почвѣ гдѣ зародилась древнѣйшая культура, дѣйствовали въ такое время и въ такой странѣ о которой, *повидимому*, исторія не сохранила даже

* Лейпцигъ, 1868.

воспоминанія. Я говорю *повидимому*, потому что въ наше время, благодаря спасительному Промыслу, Египетъ празднуетъ торжество своего духовнаго обновленія, и изъ сѣдой старины, изъ туманной дали выступаютъ праотцы человѣчества, озаренные свѣтомъ современной, богато развитой, въ умственномъ отношеніи высоко стоящей культуры. Но если мы, гордые своимъ значеніемъ въ исторіи вселенной, думаемъ найти въ этихъ первобытныхъ племенахъ, населявшихъ древній Египетъ, въ ихъ сказаніяхъ и памятникахъ лишь слѣды первыхъ грубыхъ началъ цивилизаціи, то, изумленные и глубоко пристыженные, мы должны будемъ сознаться что этотъ давно погибшій и забытый міръ, который представляется путешественнику, изучившему классическія древности, въ туманномъ свѣтѣ глубокой старины, достигъ, напротивъ того, высокой степени умственного развитія, основаніемъ коего служило облагороженіе и смягченіе нравовъ. Въ то время когда въ Европѣ человѣкъ велъ жизнь дикаря, скрываясь въ глубокихъ лѣсныхъ пещерахъ или проживая на озерахъ въ грубыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, въ то время когда, окруженный хищными животными, онъ, говоря словами одного остроумнаго писателя, чаще былъ добычей чѣмъ охотникомъ; въ то самое время на берегахъ Нила уже нѣсколько тысячъ лѣтъ красовались богатые города, храмы и дворцы, воздвигались громадныя гробницы въ честь умершихъ, и царствовали законы и порядокъ. Въ то же время ученые мужи писали на листьяхъ лалируса, — колючіе свертки котораго нынѣ осторожно извлекаются изъ темныхъ гробницъ рукой ученаго, — трактаты о добродѣтели и человѣческомъ достоинствѣ, поученія въ стихотворной формѣ для назиданія юношей, которые въ школахъ ученыхъ жрецовъ внимали словамъ своихъ наставниковъ. Даже повелители страны, цари, принимали участіе въ этихъ попыткахъ, и до насъ дошли трогательныя свидѣтельства ихъ воззрѣній на цѣли человѣчества и земнаго бытія. Они приглашаютъ своихъ сыновей упражняться въ дѣлахъ милосердія, вести жизнь умѣренную и трезвую и служить примѣромъ скромности и нравственности.

Правило, которымъ долженъ былъ руководиться человѣкъ въ теченіи его земнаго странствованія, лежитъ въ основѣ того признанія которое мертвые должны произнести предъ лицомъ своего судьи: „Я предлагалъ хлѣбъ голодному, воду томящемуся жаждой, одежду нагому, челнокъ путнику; я при-

носили искупительныя жертвы богамъ и жертвы въ память усопшихъ.“

Уваженіе и высокое почитаніе которымъ пользовались умершіе составляетъ прекрасную черту въ характерѣ Египтянъ. Этому-то почитанію мы обязаны тѣмъ громаднымъ числомъ памятниковъ покрывающихъ почву Египта, которые уже однимъ своимъ долготѣтнимъ существованіемъ, вопреки разрушительному вліянію времени и опустошеніямъ, производимымъ рукою человѣка, свидѣтельствуютъ о заботливости съ которою воздвигались усиліями живущаго поколѣнія эти сооруженія въ память умершихъ. Дѣйствительно, эти гробницы должны было служить на поминаніемъ, поддерживать память объ усопшихъ, что ясно выражается египетскимъ названіемъ этихъ памятниковъ *таппи*. *Помнить, вспоминать* значитъ на древне-египетскомъ языкѣ *тап*, и не простая случайность что этотъ корень, наряду со многими другими, ясно сохранился въ семитическихъ и индо-германскихъ группахъ языковъ, преобразившись въ Германіи въ слово *таппен*.

Слово *таппи* или, какъ говорили Греки, *тетнонія* (намекъ на сказаніе о Мемнонѣ), безошибочно указываетъ на назначеніе этихъ памятниковъ — служить воспоминаніемъ о прошломъ и объ умершихъ праотцахъ, и это указаніе безпрестанно подтверждается живописью и надписями украшающими самыя гробницы. Статья моя имѣетъ цѣлью разъясненіе этого вопроса, для большей вразумительности котораго я позволю себѣ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Небо, земля и бездна составляли три обширныя царства древне-египетскаго космоса. На безконечномъ океанѣ, омывающемъ куполъ небесный, солнце плыветъ въ челнокѣ, который приводится въ движеніе планетами и неподвижными звѣздами. Здѣсь движутся на корабляхъ большія созвѣздія. Это царство безсмертныхъ боговъ которые, въ вѣчномъ покоѣ, господствуютъ надъ небеснымъ океаномъ подъ свѣтлою звѣздъ. Входъ къ великому теченію находится на востокѣ, гдѣ ежедневно богъ солнца, въ видѣ новорожденнаго младенца, поднимается изъ влаги. Поверхность земли населена людьми, получившими составныя части своего существа изъ трехъ великихъ царствъ космоса. Душа дана имъ съ небесной высоты, родины свѣта; тѣло, матерія, принадлежитъ имъ земной отчизнѣ; образъ, — внѣшняя форма, которою одинъ человѣкъ отличается съ виду отъ другаго, — преисподней. По смерти человѣка душа, тѣло и

образъ раздѣляются; душа, какъ частица божества, возвращается къ своей исходной точкѣ—небу; тѣло предается землѣ, такъ какъ оно создано изъ земли; образъ сходитъ въ бездну, въ царство тѣней, входъ въ который предполагался на западѣ, на окраинѣ вечерней зари, за которою солнце ежедневно отходитъ на покой, умираетъ. Отсюда проистекаютъ соотношенія между ежедневнымъ движеніемъ солнца и человѣческимъ бытіемъ, между восхожденіемъ и захоженіемъ, появленіемъ и исчезновеніемъ, жизнью и смертью.

Бездна—та область гдѣ совершается ночное странствованіе солнца. Это настоящее царство мертвыхъ. Здѣсь властвуетъ Озирисъ, царь и судья умершихъ; въ этомъ подземномъ трибуналѣ, въ присутствіи сорока двухъ помощниковъ верховнаго судьи Озириса, человеческое сердце кладется на вѣсы, а въ другую чашу истина; здѣсь врата ада, за которыми каждому воздается по его заслугамъ. Ворота эти открываются предъ грѣшникомъ, и за ними его ждутъ казни столь разнообразныя и ужасающія, страшнѣе которыхъ не представляетъ Дантовъ адъ. Ужасныя животныя, внушающіе страхъ демоны встрѣчаютъ вновь прибывшаго; грозныя змѣи и драконы заслоняютъ ему путь: адскіе привратники, въ маскахъ отвратительныхъ животныхъ, стоятъ на часахъ, у вратъ ада, осведомляются объ имени приходящаго и требуютъ отмѣтку ада. Праведный, подъ покровомъ своей добродѣтели и положенныхъ съ его муміей свитковъ и талисмановъ, безрелетно проникаетъ въ страшныя врата ада и достигаетъ наконецъ горней страны, покрытой цвѣтами долины *Anpuru*, гдѣ богъ Хоръ, подобно доброму пастырю, пасетъ стада людей, раздѣливъ ихъ на четыре расы—на Египтянъ, Азіятцевъ, Негровъ и Ливійцевъ. Здѣсь они лашутъ, сѣютъ и ложинаютъ лшеницу длиною въ семь локтей, небесный Нилъ орошаетъ подземныя поля, и легкій вѣтерокъ освѣжаетъ праведныхъ, отдыхающихъ въ тѣни великолѣпныхъ смоковницъ. Оставшись здѣсь довольно продолжительное время, душа ихъ соединяется наконецъ со своимъ образомъ и съ источникомъ свѣта, откуда проистекла — съ солнцемъ.) Тогда они восходятъ на востокъ вмѣстѣ съ безсмертнымъ божествомъ, они упеваются гармоніей звуковъ раздающихся въ честь бога; ихъ око зреть вѣчный свѣтъ, и душа ихъ исполнена блаженства и сознанія своего слиянія съ творцемъ.

Это не пустая теорія, основанная на предположеніяхъ; все

это явствуетъ изъ многочисленныхъ надписей покрывающихъ свертки палируса, которые вручаются мертвымъ, и изъ надписей украшающихъ стѣны гробницъ. Въ главнѣйшихъ мѣстахъ моего описанія я буквально придерживался подлинника и ничего не прибавилъ отъ себя, что могло бы дать ложное или неточное понятіе.

Заботливость относительно тѣла умершихъ, для предохраненія его не только отъ порчи, но и отъ всякихъ случайностей или насилія, составляла, по древне-египетскимъ вѣрованіямъ, главнѣйшее условіе для скорого избавленія души и для соединенія ея съ источникомъ свѣта и добра, что у Египтянъ почиталось нераздѣльнымъ. По ихъ мнѣнію, въ теченіи продолжительнаго цикла годовъ, душа была еще въ нѣкоторомъ смыслѣ связана съ тѣломъ, хотя могла, по своему усмотрѣнію, временно покидать его чтобы, въ разныхъ мѣстностяхъ и видахъ, являться людямъ въ тѣхъ формахъ которыя, разныя другъ отъ друга смотря по времени, ясно опредѣляются въ рисункахъ и текстахъ.

Вотъ единственная причина заботливой бальзамировки тѣла и почти невѣроятныхъ усилій скрыть мѣсто погребенія. Въ глубокихъ колодцахъ, вырытыхъ въ известковомъ грунтѣ пустыни, въ формѣ вертикальныхъ шахтъ, и наглухо заложенныхъ пескомъ и камнемъ, покоятся муміи въ ихъ деревянныхъ или каменныхъ гробахъ, стоящихъ въ узкихъ каморкахъ, доступъ къ которымъ столь труденъ что даже нынѣ расчистка случайно открытаго нетронутаго еще колодца дастъ работу на нѣсколько недѣль. Нерѣдко рядомъ съ настоящею шахтой (*bir bikr*, „дѣвственный колодезь“, какъ говорятъ Арабы) находятя другіе пустые колодцы (*bir kadab*, „живый колодезь“), вырытые съ намѣреніемъ утомить изслѣдователя, сбить его съ пути и принудить отказаться отъ его преступныхъ замысловъ.

Погребенія въ древне-египетскихъ городахъ совершались обыкновенно на большомъ разстояніи отъ обитаемыхъ мѣстностей и преимущественно, если то дозволяли географическія условія, по ту сторону рѣки, на западномъ ея берегу, такъ какъ западъ, на что я имѣлъ уже случай указать, почитался настоящею страной мертвыхъ. Въ торжественной процессіи, мумія, бальзамированная согласно предписанію и обернутая въ новый холстъ, въ сопровожденіи жрецовъ, плакальщицъ и приближенныхъ, перевозилась на лодкѣ на противоположный

берегъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ это было невозможно, корабль, въ которомъ лежала мумія, ставился на деревянные подмостки, имѣющие видъ саней, и такимъ образомъ достигалъ мѣста назначенія. Налутствуемый молитвами и плачемъ, умершій ставился въ могилу, куда, сообразно съ званіемъ и богатствомъ, клалось все что любилъ и чѣмъ дорожилъ человѣкъ при жизни.

Слѣдуетъ дѣлать строгое различіе между могилой хорошо скрытою въ глубокой скалистой шахтѣ и могильною часовней которая посвящалась памяти умершаго. Эти сооруженія, высѣченныя горизонтально въ горѣ или же воздвигнутыя изъ громадныхъ плитъ на плоской возвышенности въ пустынѣ, въ видѣ прямоугольныхъ, нѣсколько косвенныхъ каменныхъ домовъ, или залобразныхъ зданій, составляютъ въ общей связи правильно расположенныя улицы, настоящій городъ мертвыхъ. Древнѣйшими почитаются тѣ изъ нихъ которыя окружаютъ своими развалинами три большія пирамиды Гице, близъ города Каира, и группу пирамидъ Саккара, лежащую часа на три ходьбы южнѣ вышеупомянутыхъ. Первыя обозначаютъ мѣсто погребенія древнѣйшихъ обитателей стараго города Мемфиса, послѣднія—некрополь новѣйшихъ поколѣній, если только слово *новѣйшій* можетъ быть примѣнено къ старинѣ имѣющей пять тысячъ лѣтъ. Правильность съ которою расположены главныя и боковыя улицы можно лучше и яснѣ всего замѣтить, если бросить взглядъ съ высоты пирамидъ. Какъ образецъ для описанія внутренняго убранства могильной часовни древнѣйшей эпохи я избралъ почти вполне сохранившійся надгробный памятникъ одного знатнаго Египтянина, по имени Ти. Памятникъ этотъ находится къ сѣверу отъ ступеньчатой пирамиды Саккара, на главной могильной улицѣ, въ ближайшемъ соседствѣ отъ мѣста въ которомъ находились могилы священныхъ быковъ Алисовъ, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мариеттъ-беємъ.

Мы спустимся по песчаной дорогѣ, покрытой мусоромъ, поблѣввшими костями и остатками мумій, въ глубь улицы, которая, какъ и вся окружная полоса могилъ, находится футовъ на лятнадцать, на двадцать ниже теперешняго уровня пустыни. Прежде всего мы видимъ громадную залу, поддерживаемую двѣнадцатью колоннами, съ широкимъ открытымъ входомъ; линіи всего зданія, сооруженнаго изъ бѣлаго известковаго камня, совершенно прямыя, размѣры равняются простой

пропорціи четырехъ къ четыремъ, согласно древнѣйшему архитектурному правилу, которое мы въ точности узнаемъ изъ самихъ надписей. Тончайшія изваянія покрываютъ стѣны залы, только одні колонны лишены всякихъ скульптурныхъ украшеній. Явственно выступаютъ предъ нами изъ безконечнаго числа картинъ, которыя сопровождаются пояснительными текстами, громадныя фигуры умершаго Ту и его супруги. Я вылуцу титулы, которые даны ему какъ знатному Египтянину, такъ какъ уже въ то время существовали камергеры, тайные совѣтники и военные министры. Надписи которыя находятся подлѣ изображенія его супруги, „владычицы дома“, по словамъ текста, зачастую гласятъ что она была „пальмой любезности съ мужемъ“, что „она была ему дорога“, что „она его любила“. Итакъ съ перваго вступленія мы знакомимся съ прекрасною чертой египетскихъ нравовъ, со взаимною любовью между мужемъ и женой, соединенныхъ въ брачномъ союзѣ основанномъ на законѣ одноженства, любовью, о которой свидѣлствуютъ даже послѣ смерти многочисленныя надписи.

Между многочисленными изображеніями и надписями не встрѣчается ни единой исторической черты, ни единаго числа, но за то тѣмъ разнообразіе пространна свѣдѣнія о древнеегипетской естественной исторіи. Точныя изображенія домашнихъ животныхъ, четвероногихъ и птицъ того времени покрываютъ цѣлыя простѣнки, и мы безъ усталы слѣдимъ за странными рисунками. Мы узнаемъ различные виды рогатаго скота и козъ, которые и понынѣ составляютъ главную отрасль скотоводства въ Египтѣ, но мы не встрѣчаемъ лошади, верблюда и овцы, трехъ видовъ животныхъ которые были неизвѣстны въ лятѣ и четвертомъ тысячелѣтіи до нашей эры. Мы прѣвѣтствуемъ въ качествѣ первоначальныхъ обитателей страны различные виды гусей, утокъ и голубей; намъ странно видѣть чалуру въ числѣ домашнихъ птицъ, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ слѣда курицы, этой живой представительницы египетскихъ пернатыхъ нашего времени.

Далѣе мы видимъ изображеніе хорошо огороженнаго двора для помѣщенія вышеназванныхъ домашнихъ животныхъ, хлѣва, мѣста ихъ ночлега, прудовъ для купанья, — словомъ, всего ухода за ними, не исключая кормленія. Сидя на корточкахъ предъ гусемъ, египетскій пастухъ осторожно открыв-

заетъ ему клювъ и влагаетъ въ него лищу, а рядомъ съ этимъ находится незатѣливая надпись: „здѣсь кормятъ гуся“. Изображеніе утки поясняется словами: „здѣсь даютъ кормъ уткамъ“, подъ голубемъ подписано: „днѣ идетъ за лищей“, рядомъ со саугой бросающимъ зерно стоитъ пояснительный текстъ: „онъ четыре раза въ день даетъ кормъ“, и т. д. Надъ этими картинами прошлаго находится общая имъ всѣмъ надпись, поясняющая что эти изображенія указываютъ на обиліе скота принадлежавшаго умершему Ти, который радуется этому зрѣлищу.

Такого рода каменные иллюстраціи, попадающіяся въ гробницахъ древнѣйшей исторической эпохи Египта и, смѣло можно сказать, всего человѣчества, имѣютъ высокое значеніе для изслѣдователя. Онѣ, въ самой доступной формѣ, служатъ ему иллюстрированнымъ словаремъ точнѣе и безошибочнѣе всякой другой письменной лѣтописи; помимо этого, онѣ даютъ важныя указанія на древнѣйшее появленіе и распространеніе домашнихъ животныхъ и, съ этой стороны, служатъ безцѣннымъ матеріаломъ для исторіи естествознанія.

Оставивъ позади себя эти изображенія и пройдя все пространство по направленію къ юго-западному углу залы, мы находимся въ началѣ узкаго хода. Каменные столбы, стоящіе около двери, носятъ ясныя слѣды втулокъ и затѣровъ. Узкій ходъ, ведущій къ настоящей могильной часовнѣ, запирается на замокъ. Даже этотъ корридоръ не былъ лишенъ изображеній и надписей. Мы видимъ большіе корабли съ распущенными парусами, другіе съ длинными рядами гребцовъ, направляющіеся къ некрополю съ тѣломъ умершаго и всѣмъ могильнымъ скарбомъ. На противоположной сторонѣ вниманіе наше останавливается на перевозкѣ статуй назначенныхъ для часовни. Надъ одною изъ нихъ находятся надписи: „эта статуя сдѣлана изъ колючей акаціи, она изображаетъ умершаго Ти“, „статую тянуть, славно тянуть!“; надъ другою мы читаемъ: „эта статуя сдѣлана изъ чернаго дерева, ее тянуть!“ Обѣ фигуры стоятъ на деревянныхъ салазкахъ; на пути ихъ какой-то человекъ льетъ воду чтобъ не дать дереву воспламениться. Рядомъ съ этимъ мы видимъ надпись: „сауги льютъ воду“; это должно пояснить и безъ того уже легко понятное дѣйствіе. Мы вступаемъ наконецъ въ находящуюся на заднемъ планѣ главную комнату, которая выше предыдущихъ и поддерживается четырьмя каменными колоннами, покрытыми длинными, продольными надписями.

Въ юго-западномъ углу, на каменномъ пьедесталѣ, отояли статуи умершаго и его жены, которыя нынѣ составляютъ одну изъ лучшихъ украшеній египетскаго музея въ Булакѣ, на берегу Нила. Какъ поражаетъ насъ видъ пространства въ которомъ мы находимся! Всѣ четыре стѣны покоя покрыты картинами, расположенными въ видѣ длинныхъ, находящихся одна надъ другою, полосъ; яркость красокъ ихъ такова что кажется будто они лишь вчера вышли изъ-подъ руки художника. И какое богатство поучительныхъ свѣдѣній изъ жизни первобытныхъ поколѣній открываютъ передъ нами эти простые картины, какая наивность понятій скрывается въ сопровождающихъ ихъ лестныхъ иероглифическихъ текстахъ! Я постараюсь вкратцѣ передать то что собственно, для полнаго разумѣнія, слѣдуетъ испытать самому при видѣ этихъ почтенныхъ, по своей старинѣ, картинъ, созданныхъ за шесть тысячъ лѣтъ.

Мы начнемъ обзоръ съ сѣверной стороны, и прежде всего увидимъ шестіе тридцати шести желтокожихъ женскихъ фигуръ, торжественно выступающихъ другъ за другомъ и несущихъ на головѣ, подобно Египтянкамъ нашего времени, деревянные, имѣющие видъ ящика, сосуды, въ которыхъ находятся всевозможныя приношенія и дары. Загадка эта объясняется слѣдующею надписью: „эти женщины суть представительницы селеній, которыя входятъ въ составъ владѣній Ти въ верхнемъ и нижнемъ Египтѣ“. Достопочтенный Ти былъ богатый человекъ; это доказываетъ длинный рядъ символически изображенныхъ селеній, посвящихъ каждое свое собственное названіе, названіе, въ составъ коего въ большинствѣ случаевъ вошло, какъ необходимое дополненіе, имя ихъ основателя Ти. Предъ нами эпоха когда еще лишь основывались города. Цари и частныя лица, какъ повѣствуютъ памятники, привлекали людей для поселенія въ основанныхъ ими мѣстахъ.

За симъ слѣдуютъ сцены изъ жизни животныхъ. Одинъ Египтянинъ ведетъ привязанныхъ на сворѣ двухъ молодыхъ собакъ, въ то время какъ уродливый карликъ водить гулять маленькую обезьяну. Собаки, карлики и обезьяны составляли увеселительный элементъ въ домашнемъ быту древнихъ Египтянъ; мы встречаемъ ихъ во всѣхъ часовняхъ этого первобытнаго времени. Нѣсколько далѣе какіе-то люди готовятся увести на плечахъ ящикъ, а рядомъ съ ними двѣ фигуры,

прикорнувъ на землѣ, забавляются шахматною игрою. Игра эта не уступаетъ по древности самому Египту, она даже древнѣе его, такъ какъ сами египетскіе боги, равно какъ и обитатели царства мертвыхъ, издавна играли въ нее. Вѣдь гласитъ же преданіе что богъ Тоотъ, Гермесъ Египта, игралъ въ шахматы съ богиней луны и выигралъ у нея семидесятую долю всякаго дня въ году, изъ чего онъ, по здравому размышленію, образовалъ лять прибавочныхъ дней въ году. За этимъ слѣдуетъ пастушеская сцена; одна корова телится, другихъ тутъ же доятъ. Переднія ноги ихъ связаны, а телята, которые, высунувъ языки, тянутся къ отнимаемому у нихъ молоку, привязаны къ колючему кустарнику чтобъ они не мѣшали процессу доенія.

Нѣсколько далѣе мы видимъ разливающійся Нилъ; это переноситъ насъ приблизительно къ июлю мѣсяцу. Каналы переполняются водой и разливаютъ ее на изсохшія поля. Всюду вырастаетъ свѣжая зелень и высокіе камыши; и рыбаки, и птицеловы приступаютъ къ своему прибыльному промыслу. Въ свѣтлообразныхъ западняхъ эти послѣдніе ловятъ безчисленное количество пернатыхъ: „эти птицы принадлежатъ Ти“, гласитъ надпись. Послѣ этого мы уже знаемъ въ чью пользу производилась ловля. Домочадцы ощипываютъ крылатыхъ гостей, приносимыхъ изъ значительнаго отдаленія наводненіемъ, которое составляетъ эпоху въ растительной жизни Египта, и заколотыя птицы развѣшиваются длинными рядами въ прохладномъ мѣстѣ дома. Рыбаки употребляютъ для своей работы сѣти, они дружно тянутъ веревки чтобъ вытянуть на берегъ канала полную сѣть. Рядомъ съ этимъ стоятъ слова: „она приближается, давайте ее сюда!“ Лениво опирается на свою изогнутую палку надсмотрщикъ, „хозяинъ судовъ“, какъ поясняетъ надпись; онъ, не стѣсняясь, кричитъ людямъ: „вы точно обезьяны!“ Онъ отдаетъ дальнѣйшія приказанія и получаетъ въ отвѣтъ: „твое приказаніе исполнено“. Другой отвѣчаетъ ему еще положительнѣе: „оно исполняется превосходно“. „Ловля была хороша,“ говоритъ надпись, находящаяся надъ грудой разложенной рыбы; вторая ловля была не менѣе удачна: „приближается, тащите, что за дивная ловля, сколько рыбы въ сѣтяхъ!“ разъясняетъ намъ дѣло ближайшій текстъ.

Для пастуха эпоха наводненія весьма неудобная пора. Онъ не можетъ перейти въ бродъ покрывающую поля воду. Сидя

въ легкой лодкѣ, онъ движется впередъ, опираясь на длинный шестъ, въ то время какъ рогатый скотъ стоитъ по горло въ водѣ. Бѣдный теленокъ, который не чувствуетъ уже твердой почвы подъ ногами, безжалостно тащится на веревкѣ сидящимъ въ лодкѣ ластухомъ. Къ довершенію, въ ближайшемъ сосѣдствѣ находятся два громадные крокодила, которые угрожаютъ очевидною опасностью измученному теленку. На высокомъ сухомъ берегу ластуховъ ожидаетъ ворчливый старикъ, опираясь на свою палку. Ближайшій къ нему лодочникъ кричитъ ему: „ты бы самъ пошелъ на воду.“ Старикъ отвѣчаетъ: „не теряй лишннихъ словъ!“ Дѣло идетъ, кажется, о какомъ-то упрекѣ.

Слѣдующія за симъ картины переносятъ насъ въ природу августа и сентября. Вода достигла высшей точки, тростникъ и болотныя растенія по берегу каналовъ высоко поднялись въ воздухъ; въ густой зелени скрываются весело щебечущія птицы, а сидящіе въ гвѣздахъ лтенцы широко развѣваютъ желтые свои клювы, прося пищи. Однако имъ угрожаетъ опасность, ибо, наостривъ ухо и съ хитростью во взорѣ, скрывается въ тростникѣ готовый къ нападенію египетскій икневмонъ.

Ти не желаетъ долѣе лишать себя водяныхъ забавъ. Какъ человекъ высокаго званія, онъ изображенъ великаномъ сравнительно съ подчиненными ему лицами; вѣдь „онъ великъ, а они малы“, это долженъ сумѣть ясно представить умный египетскій художникъ. Съ неизбѣжною, внушающею уваженіе палкой въ рукахъ, стоитъ Ти на своей баркѣ; двѣ другія лодки приняли въ себя болѣе мелкій людъ; всѣ слѣшать на рыбную ловлю и водяную охоту, такъ какъ „судохозяинъ“ и „смотритель надъ плотинами“ приготовили своему господину настоящее празднество. Посредствомъ веревки, безъ помощи палки, ловятся угри, оксирипхосы и другіе безвредные обитатели водъ. Гораздо опаснѣе водяная охота, въ которой гиллопотамъ и крокодилъ борются другъ съ другомъ, пока первый не обхватитъ послѣдняго поперекъ туловища. Одна партія удитъ громаднаго гиллопотамъ кольцеобразными металлическими крюками, прикрѣпленными къ тремъ крѣпкимъ веревкамъ изъ пальмовой мочалы, между тѣмъ какъ другая пронзаетъ его толстую шкуру остроконечною острогой. Охота имѣетъ видъ смѣлый и отважный, и намъ казалось бы что такой важный вельможа какъ Ти долженъ бы болѣе заботиться о своей драгоцѣнной жизни.

Постепенно воды вступаютъ въ свое прежнее русло. Поселяне, привязавъ свою одежду на плеча въ видѣ котомки, переходятъ въ бродъ затопленнаго поля, убывающая вода коихъ только по брюхо коровамъ. Наконецъ отъ всего наводненія на поляхъ остается лишь плодоносный черный илъ, который немедленно заталкивается стадами козъ. Животныя эти понуждаются къ наступательному движенію двойнымъ способомъ: сзади ихъ подгоняютъ поднятымъ кнутомъ, спереди маяятъ корзиной съ кормомъ. А надпись гласитъ: „вотъ какъ любятъ трудъ.“ Полевые работы начинаются: крестьяне копаютъ землю, волы тащатъ плугъ, работники подгоняютъ ихъ посредствомъ поднятой палки; въ лужахъ, окружающихъ поля, безъ большого труда ловятъ оставшуюся рыбу рыбацкимъ кузовомъ. Каналы, по краямъ которыхъ растутъ водяныя лиліи и кувшинчики, изобилуютъ еще водою; гребцы на лодкахъ начинаютъ между собою на узкомъ водяномъ пространствѣ драку, поясняемую текстами. Они сильно ударяютъ другъ друга веслами; одинъ изъ нихъ говоритъ своему противнику: „ты грубъ, а я такъ кротокъ.“ Грубость лодочниковъ видна не только изъ сцены драки, но и изъ сопровождающихъ ее текстовъ. Этимъ завершается сѣверная стѣна, на которой изображено болѣе ста тридцати однихъ мужскихъ фигуръ.

Восточная стѣна, не менѣе богатая, покрыта десятью рядами картинъ, представляющихъ сцены земледѣлія и жатвы. Здѣсь сѣютъ и сажаютъ, здѣсь жнутъ пшеницу короткимъ египетскимъ серпомъ, связываютъ снопы и навьючиваютъ ихъ на спину ослонъ, тороливо прибѣгающихъ, что поясняетъ находящаяся надъ ними надпись: „все любятъ проворныхъ и наказываютъ лѣнливыхъ; итакъ торолитесь.“ Снопы собираются въ большія груды; молотбу производятъ волы и ослы, морды которыхъ свободны. Въ одной изъ гробницъ древнѣйшей эпохи встрѣчается молотильная лѣсня, которая вложена въ уста погонщика воловъ и звучитъ слѣдующимъ образомъ:

„Молотите волы,
Молотите волы,
Молотите же!
Молотите себѣ солому,
Хозяину зерно,
Не уставайте,
Не уставайте!“

Въ молотьбѣ принимаютъ также участіе ослы, погоняемые двумя мужчинами, но очевидно что они очень неловки, такъ какъ одинъ изъ погонщиковъ говоритъ своему сосѣду-ослу: „Ахъ! еслибъ ты только могъ видѣть что ты дѣлаешь!“ Зерно сгребается въ кучу и просѣивается; токъ выметается дѣчиста; это ужъ дѣло женщинъ. Всѣ эти сцены, въ которыхъ принимаютъ участіе человекъ до ста, постоянно поясняются надписями, наивный тонъ коихъ ясно виденъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Надъ лицами, занятыми молотьбой, стоятъ, на примѣръ, слѣдующія слова: „Это воть молотьба; кто ею занимается остается кроткимъ, и я дѣйствительно таковъ!“ Далѣе мы читаемъ: „Это воть молотьба; говорю вамъ, займитесь ею въ-время!“

Дальнѣйшія картины переносятъ насъ въ позднѣйшіе вѣсцья года, когда, послѣ наводненія и по окончаніи полевыхъ работъ, наступаетъ время спокойнаго занятія ремеслами. Здѣсь изъ сочетанія картинъ и надписей еще разъ образуется по нѣвѣйшій иллюстрированный лексиконъ, и внимательный изслѣдователь имѣетъ возможность подробно и основательно познакомиться съ древнѣйшими въ мірѣ цехами и съ тѣми инструментами которые въ древности употреблялись при различныхъ ремеслахъ. Во главѣ всего стоитъ почтенный плотникъ, работа котораго, начиная съ рубки дерева и кончая производствомъ изящной мебели, наглядно представлена въ картинахъ. Неприхотливые инструменты суть слѣдующіе: топоръ, пила, деревянный молотокъ, рѣзецъ, гладило и буравъ. Этимъ дѣлается все: рубится дерево, стругается бревно, строится корабль. За этимъ цехомъ ремесленниковъ слѣдуютъ на южной стѣнѣ: ваятель изъ дерева и камня, живописецъ, токаръ, полировщикъ, выдувальщикъ, кожевникъ и башмачникъ.

Последняя картина на той же южной стѣнѣ даетъ намъ точное понятіе о состояніи скотоводства и о служащихъ по управленію помѣстьями Ти. Наряду съ волами, козами, ослами, гусями, утками, голубями и чалурами, мы встрѣчаемъ газель, каменнаго барана и антилопу въ числѣ домашнихъ животныхъ. Писцы записываютъ цифру этого движимаго имуществва и подводятъ пастуховъ и слугъ къ своему господину. Невдалекѣ мясники закалываютъ быковъ, и, какъ всегда, надписи объясняютъ этотъ актъ. Нерѣдко все это перелетается наивными діалогами. Надъ двумя лицами, которыя заняты закалываніемъ, стоятъ слова: „воть это мясники“.

Одно лицо говорить: „держи же!“ другое отвѣчаетъ: „я это и такъ дѣлаю!“ Лишь на послѣдней стѣнѣ, на западной, гдѣ находится мѣсто захожденія солнца, религіозный элементъ впервые вкрадывается въ составъ изображеній и текстовъ. Здѣсь нарисована дверь, изображающая закрытыя для живущихъ врата подземнаго царства. Простая надпись, обращенная къ смотрителю могилы Анубису, поручаетъ умершихъ его покровительству. За симъ слѣдуютъ изображенія скульптурныхъ жертвъ,

Маленькая комнатка, расположенная на югъ, рядомъ съ корридормъ ведущимъ въ главную залу, только что мною описанную, даетъ намъ наглядное понятіе о древне-египетской кухнѣ и погребѣ. Здѣсь все начинается *ab ovo*: гончаръ изготовляетъ и обжигаетъ свои горшки, лекаръ мѣситъ и печетъ хлѣбъ, поваръ усердно стряпаетъ въ новой посудѣ, и тутъ же длинными рядами наставлены кружки вина и ячменнаго отвара.

Если мы изслѣдуемъ тайную причину, которая въ ту отдаленную эпоху человѣческой исторіи побуждала древнѣйшихъ обитателей долины Нила украшать такими странными картинами стѣны не только описываемой нами, но и другихъ современныхъ часовенъ, то возникаетъ предположеніе что причина эта крылась въ желаніи дать понятіе грядущимъ поколѣніямъ о первыхъ завоеваніяхъ человѣчества на пути культуры и нравственнаго усовершенствованія. Человѣкъ только что перешелъ отъ первобытной простоты къ началамъ цивилизации, и онъ уже съ гордостью указываетъ на результаты своихъ мирныхъ побѣдъ надъ одушевленной и неодушевленной природой въ многочисленныхъ надписяхъ; онъ приглашаетъ потомство принять участіе въ его собственной радости, при видѣ его торжества надъ окружающею его дѣйствительностью. А видѣтъ въ то время, даже по смыслу языка, значило то же самое что любоваться. Величайшимъ дѣяніемъ той эпохи можно почитать богатое убранство могиальныхъ сооружений. Это наглядный архитектурный документъ, который положенъ въ гробницу какъ памятникъ современной ему эпохи. Ни единое число, ни единая историческая ссыла не опредѣляетъ времени къ которому относятся могилы, лишь картины на стѣнахъ должны обезсмертить минувшіе вѣка съ ихъ начинаніями. Если попадаются имена царей, то совершенно случайно, при наименованіи титула умершаго, если дѣло

касалось царя, которому, въ качествѣ жреца пирамидъ, оказывались божескія почести, или для опредѣленія степени родства умершаго съ царствующимъ домогъ.

Какъ все измѣнилось двѣ тысячи лѣтъ спустя! Прежніе обитатели Мемфиса вымерли, новая цивилизація разцвѣла на югѣ, и блестящимъ центромъ ея сдѣлались Оивы. Войны и торговля вызвали дѣятельныя международныя сношенія, новыя идеи получили доступъ,—словомъ, на развалинахъ древняго царства возникло новое. Даже самый внѣшній видъ человека измѣнился; дородный, коренастый Египтянинъ времямъ пирамидъ превратился въ тонкую, стройную фигуру.

Разстаемся съ древнимъ Мемфисомъ и поплывемъ вверхъ по рѣкѣ, по направленію къ новому царству, оставивъ за собой въ горныхъ ущельяхъ праваго и лѣваго берега средняго Египта могилы древняго царства и переходной поры новаго, и причалимъ къ западному берегу Оивъ, въ виду богатыхъ могилами горъ Гурна и Мединетъ-Абу. Мы взойдемъ на вершину ихъ, и на западномъ склонѣ известковаго горнаго хребта увидимъ могилу возлѣ могилы, пещеру возлѣ пещеры; все это такъ художественно задумано и выполнено что даже лонцыя Арабы и европейскіе ученые избираютъ эти мѣста для своего жилья. Пространный, обыкновенно полуразрушенный дворъ ведетъ чрезъ вышъ открытую, въ былые же дни залертую дверь къ могильной часовнѣ, и предъ нами ясно выступаетъ все различіе новой и старой эпохи. Пятое и четвертое тысячелѣтіе замѣнено третьимъ и вторымъ. Намъ попадаются пространные тексты, обращенные къ богамъ страны, преимущественно къ судѣ мертвыхъ Озирису, чтобъ испросить ихъ милосердіе къ умершимъ. Около боковой стѣны воздвигнуто что-то въ родѣ памятника, съ обозначеніемъ имени, званія и фамиліи умершихъ, между тѣмъ какъ историческія воспоминанія изъ ихъ жизни покрываютъ, въ видѣ картинъ и письменъ, скалистыя стѣны. Старыя картины семейнаго быта исчезли, какъ слишкомъ обыденныя; мѣсто ихъ, въ занимающую насъ эпоху, заступили безчисленныя явленія внѣшняго міра; они доказываютъ намъ что кругозоръ расширился, что человекъ сдѣлался многостороннѣе. Языкъ, далекій отъ той наивности въ формѣ и выраженіяхъ которая составляетъ общее правило въ старыхъ мемфисскихъ

могилахъ, сдѣлался богаче, правильнѣе, изысканнѣе, форма употребляется искусственная, логическая, параллельность отдѣльных частей и созвучіе періодовъ часто напоминаютъ родственную поэзію Евреевъ.

Между главными надписями прежде всего выступаютъ тѣ которыя обращены къ посѣщающимъ могилу лицамъ, все равно принадлежатъ ли они къ современникамъ или потомкамъ. Обыкновенно общепринятая формула открываетъ этотъ длинный рядъ текстовъ, приглашая всѣхъ свидущихъ въ грамотѣ лицъ, разныхъ званій и сословій, остановиться и съ честью помянуть покойнаго. Я приведу здѣсь въ буквальный переводъ нѣсколько отрывковъ этого рода надписей:

„О, вы, великіе мужи, пророки, жрецы, храмовые пѣвчіе, и вы всѣ, которые будете жить миллионы лѣтъ послѣ меня, если кто изъ васъ отречется отъ моего имени и предпочтетъ ему свое собственное, то богъ накажетъ его, уничтожитъ память о немъ на землѣ; если же кто, при видѣ этого памятника, воздастъ мнѣ моему хвалу, то божество наградитъ его тѣмъ же самымъ!“

Такъ гласитъ надпись на памятникѣ одного достойнаго Абидена. Другая, болѣе краткая, заключаетъ въ себѣ слѣдующій призывъ:

„О, вы всѣ, живущіе на землѣ, жрецы, храмовые пѣвчіе, пророки, когда вы приблизитесь къ этому памятнику, то воздайте хвалу и честь вашему богу и при этомъ сотворите молитву о блаженномъ Уака.“

Другая надпись возвѣщаетъ:

„О, вы, живущіе на землѣ, помолитесь обо мнѣ, помянуешь при этомъ мое имя, такъ какъ человѣкъ живетъ еще, если не угасла о немъ молва; дайте же мнѣ пожить въ вашей памяти!“

Нерѣдко умершимъ вкладываются въ уста пожеланія чтобы потомкамъ благочестивыхъ посѣтителей хорошо жилось на свѣтѣ. Это мы видимъ изъ слѣдующаго примѣра:

„О, вы, живущіе на землѣ, всѣ ученые, всѣ жрецы, пророки и т. д., при видѣ этого камня воздайте честь и хвалу боже-ствамъ вашей страны; да перейдетъ вашъ санъ къ вашимъ дѣтямъ, и да будете вы сами долгодѣтны на землѣ. Теперь же помолитесь обо мнѣ,“ и т. д.

Зачастую общія выраженія пріветствія разнообразятся слѣдующею вводною фразой: „вы, которые еще пользуетесь

жизнiю и не знаете смерти“. Въ основѣ всѣхъ этихъ примѣровъ находится желанiе чтобы посятитель помянулъ покойнаго молитвой, если онъ только любитъ Бога и хочетъ продолжать жить на землѣ въ лицѣ своего потомства.

Этотъ древнiй обычай приглашать посятителя, при вступленiи его въ гробницу, помянуть покойнаго перешелъ изъ времянъ язычества въ христіанскую эпоху; я посятилъ многія могилы христіанскихъ отшельниковъ первыхъ вѣковъ и видѣлъ краткія надписи, выведенныя красною или черною краскою на скалистой стѣнѣ, которыя выражали ту же мысль „Я бѣдный NN, вспомните обо мнѣ, помолитесь за меня!“ Вотъ лаконическiй, грустный призывъ, который составляетъ единственную эпитафію изъ первыхъ времянъ христіанства въ Египтѣ.

Сверхъ того могилы той эпохи, которую я для характеристики назвалъ египетскою, заключаютъ въ себѣ нѣчто въ родѣ жизнеописанiя, гдѣ рѣчь ведется какъ бы отъ лица умершаго. Здѣсь выводятся отдѣльныя черты изъ его жизни чтобы, часто въ трогательной формѣ, передать потомству слухъ о прекрасныхъ качествахъ и добродѣтели воспитываемаго лица. Отовсюду на насъ вѣяютъ гуманныя идеи, и духовная жизнь Египтянъ является предъ нами въ невѣданномъ доселѣ яркомъ свѣтѣ.

Слѣдующая надпись, заимствованная мною изъ могилы близъ Бени-Гассана, и происхожденiе коей относится къ срединѣ третьяго тысячелѣтiя до нашей эры, можетъ служить доказательствомъ и примѣромъ всего вышесказаннаго. Послѣ краткаго историческаго вступленiя, въ которомъ умершiй указываетъ на свои заслуги, какъ намѣстника ввѣренной ему области, онъ продолжаетъ: „Я не угнеталъ сына бѣдняка, не притѣснялъ вдовы, не тревожилъ рыбака, не изгонялъ ластуха, нѣтъ такого хозяина у котораго я отнялъ бы работника, въ темницахъ не томилась заключенныя, въ мое время не было голодныхъ. Въ неурожайныя годы поля ввѣренной мнѣ области были обработаны съ южной до сѣверной границы. Я давалъ пищу обывателямъ, я кормилъ ихъ; у меня не было ни одного голоднаго. Я одѣлывалъ вдову наравнѣ съ хозяйкой дома, я не оказывалъ предпочтенiя богатому предъ бѣднымъ!“ Другой умершiй хвалится тѣмъ что „не отнималъ ребенка у матери, у жены бѣдняка-мужа“. Третiй, наконецъ, сообщаетъ что былъ „отцомъ престарѣлыхъ, братомъ

молодыхъ и никогда не былъ ненавистникомъ людей“. Въ изысканныхъ выраженіяхъ нѣкій Петарпократъ вѣщаетъ со своего пьедестала:

„О, всѣ вы, живущіе на землѣ, всѣ вступающіе въ эту часовню, всѣ вы, которые знакомы съ совершенствомъ частей свѣта, всѣ лица, упражняющіеся въ грамотѣ, и всѣ живущіе согласно волѣ божіей, внимайте моей рѣчи, да не будетъ вамъ это тяжело. Узрите во мнѣ образецъ благотворителя и человѣка, который шелъ по стезѣ указанной ему богомъ. Я упражнялся въ дѣлахъ справедливости и ненавидѣлъ ложь. Я одѣлывалъ хлѣбомъ голоднаго, водой жаждущаго, одеждою нагаго, постелью не имѣющаго крова. Я дѣлалъ людямъ то что желалъ бы видѣть отъ нихъ“, и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ умершій говоритъ слѣдующее:

„Вы всѣ, вступающіе въ эту гробницу, всѣ, которые достигли до этой часовни, которые зрите этотъ надгробный памятникъ, оставайтесь и внимайте рѣчамъ устъ моихъ и повторяйте ихъ безъ устали. Я любилъ своего отца, уважалъ мать, радовалъ братьевъ; я былъ другомъ своихъ сосѣдей, благодѣтелемъ всѣхъ обывателей города. Я давалъ хлѣба голодному, воды жаждущему, одежду нагому. Я питалъ священныхъ животныхъ и приносилъ имъ масло и одѣянія. Я гостеприимно встрѣчалъ странствующаго господина и его слугу; двери мои были открыты всякому пришельцу, я ему давалъ все что необходимо для жизни. Господь милостиво взглянулъ на меня и наградилъ меня за все что я сдѣлалъ. Онъ даровалъ мнѣ долги, счастливыя лѣта на землѣ; многочисленная семья сидѣла у ногъ моихъ, сынъ около своего сына, въ тотъ день когда я отошелъ къ вѣчности.“

Если эти тексты какъ будто посвящаютъ насъ во внутренній бытъ древнихъ Египтянъ, то другія надписи, сопровождаемыя вѣрѣдко очень обстоятельными изображеніями, посвящены исключительно описанію внѣшнихъ событій, не исключая самого погребенія. Походы, всевозможныя почести, путешествія и приключенія составляютъ поучительный сюжетъ этихъ стѣнныхъ картинъ. Описаніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко; мы ограничимся лишь нѣкоторыми краткими указаніями.

Квинтъ-эссенцію всѣхъ могильныхъ текстовъ этой эпохи составляютъ имѣющіе высокое значеніе гимны въ честь божества страны. Здѣсь исчерпывалось все что по смыслу и формѣ языка могло быть выражено возвышеннаго въ понятіяхъ и представленіяхъ. Высшимъ символомъ невѣдомаго Бога

почиталось солнце, источникъ свѣта и жизни, въ противоположность тьмѣ, этому вѣчному врагу свѣта и добра. Духъ — это свѣтъ, знаніе — это свѣтлое, блестящее зарожденіе; смерть — это просвѣтленіе, когда побѣждена уже ея мрачная сторона. Свѣтъ имѣлъ свое волющеніе въ Хорѣ, или утреннемъ солнцѣ, и въ Атумѣ, или вечернемъ солнцѣ. Мракъ вступаетъ въ ежедневную борьбу съ божествомъ свѣта; символомъ его служить змѣя Алофисъ, которая ежечасно силится противудѣйствовать движенію впередъ чистаго солнечнаго свѣта, но побѣждается въ борьбѣ со свѣтомъ. Просвѣтленныя души принимаютъ участіе въ борьбѣ и наслаждаются близостью торжествующаго источника свѣта. Эти мысли, выраженные въ болѣе пространной формѣ, составляютъ содержаніе хвалебныхъ пѣсней; для образца я предлагаю переводъ одного гимна къ солнцу, заимствованнаго изъ четырнадцатаго столѣтія. Пѣсня эта открывается словами:

„Хвала тебѣ, солнце, создавшее всѣхъ насъ человѣковъ, хвала вамъ, Атумъ и Хоръ, боги обоихъ горизонтовъ; хвала тебѣ, о божество живущее одною лишь правдой, создавшее все въ мірѣ, и животныхъ, и человѣка! Въ свѣтломъ своемъ окѣ проявляетъ все свое величіе повелитель неба, властелинъ всѣхъ земныхъ существъ, верховный вождь, создатель всѣхъ боговъ, небесный царь, стоящій во главѣ небесныхъ полчищъ, самъ отъ себя создавшійся, единый въ двухъ лицахъ, безустанно творящій съ первыхъ временъ существованія вселенной. Тебя, о Атумъ, прославляютъ всѣ боги, какъ создателя безгрѣшной души человѣка, творца чудесной пальмы; всѣ видятъ въ тебѣ средоточіе любви, изливающее ее на всѣхъ земнородныхъ. Я восхваляю тебя подъ вечеръ моей жизни, когда погружаюсь съ тобою во мракъ, въ надеждѣ возрожденія къ новой жизни. Весело несутся солнечныя лады, пробѣгая съ тобой волны океана, и твои слуги утопаютъ въ наслажденіи. Свѣтъ твоихъ очей поражаетъ твоего врага и преграждаетъ путь змѣѣ Алофисъ. Какъ величественно твое разставанье съ землей въ минуту вечерней зари! Въ ту пору ты уже свѣтишь благому божеству подземнаго міра, властелину надъ временемъ; твои лучи освѣщаютъ лица мертвыхъ, созерцающихъ тогда все твое величіе. Они воздымаютъ къ тебѣ руки, слагая тебѣ хвалу; тѣ же изъ нихъ, которые уже достигли запада, приходятъ въ восхищеніе при твоёмъ свѣтломъ приближеніи; ихъ глаза снова раскрываются, сердце снова радостно бьется, завидѣвъ тебя. Ни одно божество не можетъ само собой создаться, — имъ вставъ дашь ты жизнь. Восходишь ты на небосклонъ, и умоляютъ всѣ печали ихъ; тыходишь внизъ и нѣжно ихъ ласкаешь. Они хвалятъ приходъ твой и простираютъ длани къ твоей ладѣ. Всегда величественъ вечерній твой закатъ, о, солнце! Подай же мнѣ, чтобъ и мой духъ имѣлъ

общеніе съ богами, чтобы свѣтъ ихъ славы падалъ на меня, чтобы вмѣстѣ съ ними могъ я созерцать тебя, когда, просвѣтляемые и совершенные, предстоятъ они предъ лицомъ бога создавшаго все доброе, все благое на землѣ.“

За этимъ слѣдуетъ литературное примѣчаніе на самомъ памятникѣ, указывающее что гимнъ этотъ составленъ сыномъ умершаго, храмовымъ писцемъ Аферумомъ.

Свѣтъ, всегда и вездѣ свѣтъ, который призывалъ на смертью одръ великій нѣмецкій поэтъ, вотъ что въ тысячѣ гимнахъ, сохранившихся въ египетскихъ гробницахъ, составляетъ предметъ восторженныхъ дифирамбовъ. Узрѣтъ свѣтъ озаряющій боговъ, которые сами проистекли изъ него, сотворены имъ, значило стоять лицомъ къ лицу съ вѣчною истиною, значило достигнуть цѣли всѣхъ стремленій. Видимое на землѣ солнце было только символомъ, оно, по ихъ понятіямъ, было „окомъ бога“, вѣчнаго невидимаго свѣта.

По этой самой причинѣ земная жизнь считалась Египтянами чѣмъ-то ничтожнымъ; она служила только преддверіемъ вѣчности. Глубокая могила открывала доступъ къ свѣту, вотъ почему съ такою расточительностью украшались надгробные памятники. Города древнихъ Египтянъ, дворцы ихъ царей разрушены и забыты, лишь однѣ гробницы, эти сооруженія въ память отжившихъ поколѣній, устояли вмѣстѣ съ храмами отъ разрушительнаго вліянія времени чтобы дать намъ, позднѣйшимъ потомкамъ, ясное понятіе о томъ какъ въ эту сѣдую старину человѣческой умъ добивался разрѣшенія высшихъ вопросовъ бытія.

Вплоть до осьмаго и девятаго столѣтія до Р. Х. гробовыя надписи проникнуты этимъ духомъ, глубина котораго, при посѣщеніи моемъ этихъ осиротѣвшихъ гробницъ, приводила меня въ умиленіе и въ восторгъ. Мысль что земной, видимый нами ежедневно на небосклонѣ свѣтъ столько же есть символъ Бога, чистаго духовнаго свѣта другаго міра, сколько и картина нашей собственной земной жизни,—эта мысль изстари была священна и въ послѣдствіи подверглась чудному историческому возрожденію въ опредѣленіи безыменнаго Бога, „я тотъ, который есмь“, опредѣленіи, коимъ законодатель избраннаго народа Божія сядиса человѣческимъ языкомъ опредѣлить сынамъ Израила сущность и имя Божества.

Новый міръ зародился съ возникновеніемъ Греціи. Добытая и завоеванная путемъ продолжительной борьбы, передаваемая

изъ рода въ родъ, въ теченіи тысячелѣтій, древняя мудрость Востока угасла постепенно, передавъ свой свѣточъ древней Эладѣ, гдѣ онъ озарилъ вторую эпоху человѣческаго развитія и увѣнчалъ геній человечества неувыдаемымъ, лучезарнымъ вѣнцомъ. Древняя мудрость уступила долго занимаемое ею мѣсто философскому мышленію. Если эллинскій духъ преобразовалъ древнюю мудрость въ міросозерцаніе основанное на философскихъ началахъ, если онъ, подъ обломками и страданіями тяжело борющейся эпохи проложилъ дорогу къ просвѣщенію и наукѣ нашего времени, то тѣмъ не менѣе одно осталось понынѣ неизмѣннымъ, а именно то чего такъ жадно добивался человѣкъ жившій за нѣсколько тысячъ лѣтъ на берегахъ Ила,—стремленіе къ свѣту.

Но новый эллинскій духъ глубоко провинился предъ старинною мудростью древнихъ Египтянъ. Могила перестала быть священными вратами, за которыми слѣдовало радостное воскресеніе къ свѣту; она сдѣлалась мѣстомъ у входа котораго останавливалась радость, и гдѣ какъ бы находились слова, сказанныя италянскимъ поэтомъ: „вы всѣ, вступающіе сюда, оставьте за собой надежду“. Міръ могилъ превратился въ обиталище скелетовъ, и египетскіе памятники покрыты жалобами объ утраченной жизни. Для образца, я, между многими примѣрами, выберу слова написанныя на памятникѣ изъ временъ Птолемея и вложенныя въ уста умершей жены.

„О, братъ, о, супругъ, о, другъ мой (такъ обращается она къ мужу своему, знатному Египтянину), вѣшь и лей безпрестанно, не отнимай отъ своихъ устъ кубка радости, наслаждайся любовью и веселыми лирами, исполняй всѣ свои желанія и не допускай до себя заботы, сколько бы ты лѣтъ ни жилъ на землѣ. Ибо западъ есть страна тяжкой дремоты и мрака, это грустное мѣстопребываніе для всѣхъ находящихся въ немъ. Всѣ эти безтѣлесныя существа дремлютъ, они не пробуждаются къ свиданію съ братьями, они не узнаютъ ни отца, ни матери, сердце ихъ не рвется къ женѣ и дѣтямъ. Все живущее утоляетъ жажду животворящею водой, лишь я одна изнываю. Она течетъ къ тѣмъ которые живутъ еще на землѣ, во мнѣ же возбуждаетъ только жажду. Я не знаю болѣе гдѣ я съ тѣхъ поръ какъ поселилась въ этой странѣ. Я тоскую по той водѣ которой лишена. Я томлюсь въ ожиданіи вѣтерка, дующаго надъ рѣкой, который успокоилъ бы мое горестное сердце. Здѣсь властвуетъ богъ, имя которому *общая смерть*. Онъ призываетъ всѣхъ, и всѣ трепещутъ подчиняются ему. Никого онъ не удостоиваетъ взгляда, ни человѣка, ни божества; великій и малый равны предъ его лицомъ. Всѣ боятся возсы-

дать къ нему мольбы, потому что онъ никого не слушаетъ. Никто не воздастъ ему хвалы, ибо онъ не оказываетъ милосердія восхваляющему его. Онъ не взираетъ ни на какую жертву приносимую ему.“

Слова этого текста достаточно подтверждаютъ сказанное мною выше. Это уже не пирамбическій порывъ вдохновенныхъ гимновъ къ свѣту, не стремленіе къ сліянію съ просвѣтленными душами другаго царства, это скорѣе горькая тоска объ утраченной жизни и сожалѣніе о потерѣ яркаго дневнаго свѣта и радостей земнаго бытія. Этимъ воззрѣніемъ объяняется странный разказъ Геродота о современныхъ ему египетскихъ пиршествахъ (около 450 г. до Р. Х.). Во время ихъ въ комнату приносили искусно поддѣланную мумію, причѣмъ обращались къ каждому гостю со слѣдующими словами, призывающими къ наслажденію жизнью: „пей и веселись, взгляни на это, такимъ и ты будешь послѣ смерти“. Во всѣхъ могилахъ Египта, принадлежащихъ доброму старому времени, мы встрѣчаемъ величавое спокойствіе и, если можно такъ выразиться, завидное достоинство во всемъ что касается представленія о смерти и о загробной жизни. Нигдѣ не выражается жалобы или горя, и если живущіе и оплакиваютъ умершихъ, то надписи нѣмы на этотъ счетъ и не заключаютъ никакихъ указаній на скорбь объ утратѣ жизни и на желаніе возвратиться къ земному бытію.

Съ греческимъ міросозерцаніемъ, философское сомнѣніе было брошено въ древній міръ, и оно подкопалось подъ наследственную мудрость старыхъ вѣрованій, которыя, передаваясь изъ рода въ родъ въ теченіе тысячелѣтій, казалось, пережили сами себя. Но исторія вселенной отомстила за свое право. Когда новое ученіе о воскресеніи возвѣстало блаженство небснаго Іерусалима, когда апостолы этого ученія разсѣялись по всему міру, они встрѣтили первыхъ и искреннѣйшихъ послѣдователей въ Египтѣ; проповѣдь Христа исполнила то что за нѣсколько тысячъ лѣтъ предъ тѣмъ сулили надгробные памятники, съ ихъ надписями, хотя пути къ достиженію цѣли сдѣлались иными. Кровь тысячи мучениковъ обогрѣла волны священной рѣки Нила, и еще понынѣ тѣла этихъ египетскихъ поборниковъ вѣры покоятся въ старыхъ гробницахъ ихъ праотцевъ, куда втайнѣ положила ихъ рука любящихъ послѣдователей и учениковъ, чтобы скрыть ихъ отъ преслѣдованія враговъ. Путешественникъ видитъ и

лоныя на старыхъ гробницахъ простыя надписи, высѣченныя въ скалы или написанныя красками на стѣнахъ древнеязыческихъ храмовъ и могильныхъ часовень,—надписи которыя сохранили память о мученикахъ за вѣру до нашихъ дней. Здѣсь они мирно покоятся вмѣстѣ съ прахомъ ихъ предковъ, отойдя въ вѣчность съ надеждой на спасеніе посредствомъ вѣры, въ то время какъ эти послѣдніе почивли въ надеждѣ на слияніе съ вѣчнымъ свѣтомъ путемъ добродѣтели.

Разстанемся съ могильнымъ міромъ Египтявъ, который мы обозрѣли съ отдаленнѣйшихъ временъ вплоть до распространенія христіанства, съ твердою увѣренностію что это древнее племя, эти основатели первѣйшей цивилизаціи, жили не даромъ, что они честно и добросовѣстно выполнили свое назначеніе въ исторіи человѣчества. Многократно выраженное на могильныхъ памятникахъ желаніе чтобы сохранилось до позднѣйшихъ временъ воспоминаніе о праотцахъ, чтобы не пришлось имъ умереть вторично смертію забвенія, это желаніе исполнилось въ буквальный смыслъ. Голосъ доносящійся до насъ, какъ голосъ призрака, изъ могилъ Египта, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ не умолкъ: онъ воплотился въ каменномъ словѣ.

Да будетъ дозволено мнѣ надѣяться что моему слабому изложенію удалось быть вѣрнымъ толкователемъ этого могильнаго голоса.

ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ *

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІХ.

Предъ широкимъ теченіемъ народныхъ, міровыхъ событій кажутся мелкими, ничтожными узенькіе ручейки жизни отдельныхъ лицъ; воля человѣка вырвавшійся отъ своей личной боли во время народной, земской бѣды напоминаетъ плачь ребенка раздавшійся во время проловѣди.

Война была въ разгарѣ; Крымъ наводненъ былъ Французами, Англичанами; Кроншгадтъ, Петербургъ ждали на весну блокады. Севастополь еще держался, благодаря героизму нашихъ войскъ; Россія съ сердечнымъ трелетомъ слѣдила за ходомъ осады и военныхъ дѣйствій. Не одна мать, жена, съ замираніемъ сердца пробѣгала первыя страницы газетъ, гдѣ помѣщались исключенные не изъ однихъ служебныхъ, но и изъ жизненныхъ списковъ. Читая героическіе подвиги знакомыхъ, какъ-то не вѣрилось: „неужели это тотъ самый, добродушный, скромный человѣкъ, котораго видали мы въ семьѣ, въ кругу пріятелей, на бульварѣ, въ оперѣ? Неужто эти чудеса мужества, эти подвиги неслыханнаго терпѣнія творятся тѣми самыми солдатами которые ходили бывало въ караулы,

См. Русск. Вѣстн. №№ 2, 3, 4 и 5.

не выказывая никакихъ особенныхъ признаковъ храбрости?" Да; это въ нихъ, въ тѣхъ самыхъ людяхъ, событія вызвали хранившіяся до поры до времени подъ слудомъ великія душевныя силы; это они, тѣ самые солдаты, ходять на вѣрную смерть съ молитвою и русскою лѣсней. А эта лѣсня, это тотъ самый звукъ, та искра которая вылетѣла, помните, изъ-подъ смычка русскаго музыканта. Это она разгорѣлась, будто въ полымя, въ могучій хоръ, чтобъ ободрить идущихъ биться, умирать за родину. Это мощное слово молитвы то самое которое разсѣянно и равнодушно мы слушали и слушаемъ въ церквахъ; евангельскій разказъ о страстяхъ Господнихъ, читанный въ Севастополѣ подъ оглушающій грохотъ орудій, слышите, говорятъ, былъ каждому чѣмъ на торжественной обѣднѣ, произносимый въ полной тишинѣ и голосистымъ протодіакономъ. И очевидно стало всѣмъ и каждому, имѣющему уши слышать, что не вотще, не даромъ посылаются народамъ испытанія и невзгоды, что земская бѣда вызываетъ земскія силы, народное самосознаніе. Грозное зарево войны озарило и героя, и труса, мужа неколебимой честности и жалкаго казнокрада, подло воспользовавшагося общественнымъ бѣдствіемъ; торжественно, предо всею Россіей, обличились „вся тайная“, всѣ помышленія, объявилось все душевное нутро, у одного со всею его красой, у другаго со всѣмъ, подслуднымъ до тѣхъ поръ, ужасающимъ безобразіемъ. Геройство Нахимовыхъ, Корниловыхъ, Истоминыхъ, Хрулевыхъ, распорядившихся спокойно, точно на смотру, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, заставляло даже Русскихъ думать: „да позно, чувствуютъ ли эти люди что-нибудь? Понимаютъ ли опасность?“ Одна завѣтная молитва слышалась у умирающихъ: „сохрани, Господи, царя и матушку Россію“. Умирали безъ ропота, безъ стона; переселялись въ другой міръ словно въ сосѣдную губернію.

Неширокому жизненному ручью многихъ довелось прижнуть, слиться, въ эти грозные дни, съ неоглядно широкимъ потокомъ народной жизни. Незабвенныя, помянутыя нами выше имена уже занесены на страницы русской лѣтописи. А сколько стоявшихъ ниже, незамѣтнѣе, легло подъ Севастополемъ! Сколько такихъ которыхъ имена скромно занесены въ сердечный синодикъ женъ, дѣтей, товарищей и братьевъ!

Владиміръ Лучаниновъ однажды, воротясь со службы, нашель, наконецъ, у себя на столѣ письмо изъ Крыма. Черная

печатать конверта предвѣщаала уже недоброе; адресъ былъ писанъ незнакомою рукою; нетерпѣливо выдернувъ письмо, онъ увидалъ почеркъ брата и перекрестился. „Значить живъ,“ подумалъ онъ, „вѣрно....“ Онъ не успѣлъ окончить мысли, какъ имя „Конотолскій“ попалось ему первое. Сквозь слезы Лучавиновъ едва могъ читать:

„Конотолскаго нѣтъ больше на свѣтѣ; я не могу опомниться: такъ это быстро и неожиданно случилось. Онъ убитъ въ одной изъ схватокъ какого-то нашего лѣхотнаго отряда съ отрядомъ французскихъ драгунъ, посланныхъ, вѣроятно, для развѣдыванія. Вотъ какъ это было. Рано утромъ, чѣмъ свѣтъ, небольшой отрядъ нашихъ гусаръ возвращался съ командировки въ главную квартиру; отрядомъ, гдѣ былъ и я, командовалъ Конотолскій; ѣдемъ; вдругъ, вправо, не очень вдалекѣ, раздалися ружейные выстрѣлы; два, три, наконецъ чаще, чаще и слышались въ довольно сильную перепалку. Конотолскій остановилъ коня, и обратясь къ гусарамъ, спросилъ: „а это, вѣдь наша цѣль схватилась съ какимъ-нибудь неприятельскимъ отрядомъ; отберитесь человекъ пять, съѣздите, узнайте.“ Отъ отряда отдѣлились пятеро и поскакали рысью, цѣпкомъ, мелкимъ кустарникомъ, идущимъ по горѣ отдѣлявшей насъ отъ схватки. Конотолскій остановилъ отрядъ, а самъ слѣзъ съ лошади. Минуть черезъ пять наши, глядя, несутся назадъ во весь опоръ. „Французы окружили нашу роту, ваше благородіе; она куда-то пла.“ — „Много ли ихъ?“ спросилъ Конотолскій. „Не разберешь въ дыму,“ отвѣчалъ одинъ изъ вѣстовыхъ, осаживая лошадь. „Надо быть больше чѣмъ нашихъ.“ — „Такъ какъ же, надо выручать!“ замѣтилъ Конотолскій, влѣзая на лошадь. Я хотѣлъ предостеречь его что онъ можетъ отвѣтить вступивъ безъ приказанія въ схватку, но не успѣлъ. Конотолскій скомандовалъ: „за мной, въ галопъ“, и мы неслись по кустамъ, куда, зачѣмъ, я до сихъ поръ не понимаю. Минуть, надо быть, черезъ пять, мы слышали крикъ, и вскорѣ увидели подъ горой толпу лѣвшихъ и конныхъ обившихся въ кучу; надъ ними стояло облако дыма, но стрѣльбы не было; изрѣдка раздавался одинокій листовный выстрѣлъ. „На выручку, братья; надо выручить товарищей,“ крикнулъ Константинъ Михайловичъ, пришпоривъ коня и выхвативъ саблю. Гусары кинулись за нимъ съ крикомъ: „на выручку“. Я очутился въ смѣшанной толпѣ, ударилъ какого-то лѣшаго, въ синемъ мундирѣ, раза два саблей; затѣмъ подлѣ меня раздалось нѣсколько выстрѣловъ; лошадь моя взвилась вдругъ на дыбы и со всего размаха грянулась чуть-чуть не на спину, прижавъ мнѣ правую ногу. Я попробовалъ высвободиться, но ударъ чѣмъ-то по затылку отшибъ мнѣ лапять. Опомился я только въ полдень, у бивачнаго костра; подлѣ меня стояло сѣдло мое; шагахъ въ двадцати кучка гусаръ, подлѣ лошадей, локуривала трубки; кругомъ было поле съ рѣденькимъ, тощимъ

кустарникомъ; моросилъ дождикъ; я оглянулся; сзади, шагахъ въ шести, лежалъ на шинели, въ рубашкѣ и рейтузахъ, Конотолскій; трое солдатъ стояли нога въ ногу на колыяхъ. Я вскочилъ чтобы подойти къ нему; онъ приподнялся, всталъ прямо мнѣ въ глаза и упалъ на руки гусара, хотѣвшаго было поддержать его. „Отшель; царство небесное,“ произнесъ страшное слово солдатъ, опуская осторожно на шинель усопшаго. Вахмистръ зателпилъ въ головахъ, перекрестившись и воткнувъ въ землю, желтую, откуда-то взявшуюся, свѣчку. Дѣлу засѣли у него въ лѣвой сторонѣ груди, и, должно-быть картечью, раздробило кисть лѣвой руки, такъ что невозможно было отдѣлать пальцы отъ поводьевъ; ремни отрѣзали. Невдалекѣ, поматывая концами обрѣзаннаго поводка, звонокъ ржалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, караковый, красивый Буяба Конотолскаго; вдали, подлѣ куста, валялся трупъ моей, убитой въ ухо, лошади. Странно: наканунѣ Конотолскій, надѣвъ мнѣ, хлопоталъ съ кѣмъ бы отправить четвертакъ въ Севастополь: „надо помянуть мнѣ одного солдатика,“ говоритъ онъ, „славный, ахъ, какой славный былъ человекъ! Надо помянуть его.“ Четвертакъ былъ отправленъ съ деньщикомъ какого-то генерала, проѣзжавшаго въ Севастополь мимо нашего бивака. Что это былъ за солдатъ, узнавалъ я у гусаръ, не знаютъ. Третьягодня похоронилъ я друга; солдаты плакали навзрыдъ; они любили его пламенно, да и нельзя было не любить этого человека. Пашу въ землянкѣ у одного артиллериста; у меня лера и червиль, по старинѣ, не имѣется. Извини что черный сургучъ; знаю что налугалъ тебя, но здѣсь красный выводится. Прощай; я здоровъ, нога побаливаетъ немного, но не оломяюсь отъ утраты. Я потерялъ друга, няньку.... Да ты лучше меня самого знаешь кого я потерялъ. Севастополь держится.“

Лучаниновъ, сложивъ письмо, сѣлъ къ столу, подперевъ голову руками. „Вотъ новая, драгоценная намъ могила,“ думалъ онъ, „новый, живой образъ человека, любящаго ближняго не однимъ словомъ, а дѣломъ и истиною.“ И видѣлся ему, будто живой, ликъ отшедшаго, воспоминались его шутки, его смѣхъ, голосъ, манеры. Владиміръ Алексѣевичъ взялъ шляпу, надѣвъ пальто и отправился, услыжавъ звонъ къ вечерѣ, отслужить лаврихаду; послѣ вечерни, одинъ сильный голосъ дьячка залѣлъ „вѣчную память“, но слово досягало до глубины души. „Я ловимаю телерь“, думалъ выходя изъ церкви Лучаниновъ, „какой глубокій смыслъ имѣла, на Страстной, преждеосвященная обѣдя въ осажденномъ Севастополѣ; глѣли обыкновенно, также, но не такъ, какъ мы здѣсь, слушали: „нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“.

И потрясенный новымъ горемъ организмъ молодого чело-

чѣкъ то и дѣло вышибалъ слезы; онъ пробовалъ сдерживать ихъ; тогда, какъ бы въ отместку, нервы, — эти проводники, телеграфныя нити отъ души къ тѣлесному составу, — подымали изъкорядочную дрожь и тревогу. Лучаниновъ сѣлъ на скамейку на бульварѣ; ему не хотѣлось домой; хотѣлось воздуха.

„Что это? Разумъ, или просто шальная луля, случай?“ продолжалъ онъ свои размышленія, быстро поднявшись со скамьи и направляясь къ рѣкѣ по усыпанному пескомъ сѣвгу бульвара. „Будто бы ужъ ни на что больше не былъ годенъ этотъ прекрасный человекъ?“ Воспоминаніе о матери, зачѣмъ-то, налетѣло на него легкою тучкой; и думалось ему: „не для того ли рано покидаютъ насъ подобные люди чтобъ оставить въ нашей памяти, во всей чистотѣ, свой образъ? Тогда еще есть смыслъ: въ нихъ влюбляешься больше и больше, ибо въ отдаленіи исчезаютъ немногія пятна которыя, какъ во всякомъ изъ насъ, были и въ нихъ, конечно. Стало-быть, чтобы сдѣлаться силою надо стать жертвою, исчезнуть; договоривъ задушевное слово, бѣжать, даже не полюбовавшись имъ, изъ тѣлаго кружка друзей? Можетъ-быть, такъ и слѣдуетъ. Но если такъ, придется вѣдь бесѣдовать часто съ отшедшими, ибо никто не замѣнитъ, никто не повліяетъ на меня такъ именно, какъ вліялъ хоть бы покойникъ Конолотскій?“

Чтобы не показалась нѣсколько неясною послѣдняя мысль Лучанинова, мы скажемъ о ней два, три слова читателю. Художникъ-писатель, напримѣръ, сидя за работой, въ своемъ одинокомъ углу, постоянно ведетъ бесѣду съ тѣмъ, съ другимъ: лшеть ли онъ смѣшную сцену, онъ представляетъ себѣ какъ прочтется она человекомъ особенно чуткимъ къ смѣшному; изображая разговоръ двухъ влюбленныхъ, непременно припомнитъ пріятеля который любитъ потрунить надъ сантиментальностью, припомнитъ для того чтобы справиться: „что-то онъ скажетъ?“ Въ жизни, гдѣ вѣчно недосугъ, это вліяніе на васъ другихъ не такъ замѣтно какъ въ одинокія, безмолвыя минуты творчества; тамъ, въ жизни, мимолетнѣе, быстрѣе дѣлаются эти справки, но все-таки дѣлаются. Въ самосозиданіи каждаго человека участвуютъ многіе; еслибы дѣлать цитаты, отмѣчать откуда то или другое во мнѣ, оказалось бы что даже у недалняго человека, у ребенка, есть чему поучиться. Какъ безчисленно разноцвѣтны дары розданные людямъ природою, такъ неизмѣримо количество силъ тайно зиждущихъ человека.

Стало смеркаться; на той сторонѣ замерзшей рѣки свѣтились огоньки въ домахъ; съ широкаго простора другаго, отлогатаго берега, рѣзкій вѣтеръ несъ свѣжнюю пыль. Лучаниновъ повернулъ назадъ и пошелъ медленнымъ шагомъ на квартиру. Впереди его шла старуха, въ потертомъ атласномъ черномъ салотѣ, съ увязавною огромнымъ платкомъ головою. Поравнявшись съ нею, молодой человѣкъ остановился чтобы вынуть палироску. Старуха тоже остановилась.

— Извините, робко начала она, — вы, кажется, господинъ губернской секретарь, Лучаниновскій? Служите здѣсь?

— Точно такъ, отвѣчалъ Лучаниновъ. (На службѣ, согласно свидѣтельству консисторской метрики, онъ именовался Лучаниновскимъ.)

— Мы съ вами сосѣди, господинъ губернской секретарь, продолжала, съ польскимъ выговоромъ, потряхивая головой, старуха.— У меня дѣло; вы, какъ служащій при начальникѣ, можетъ-быть, даже знаете.... Процессъ, извольте видѣть, объ имѣньѣ.... Всѣ доказательства въ нашу пользу, господинъ губернской секретарь, но дѣло мое женское, безграмотное почти, стара, и посоветовать.... Я не богата, — такъ посоветовать и некому.... всѣ документы у меня.... Вотъ, продолжала старуха, вытаскивая изъ-подъ салота толстую связку увязанныхъ въ платокъ бумагъ.— Вотъ, господинъ губернской секретарь, говорила она, подошла къ лавочкѣ и принималась дрожащими руками развязывать узлы пачки.

— Это вы потрудитесь привести ко мнѣ, остановилъ ее Лучаниновъ. — Впрочемъ, не знаю буду ли я вамъ полезекъ; я плохой юристъ, но если дѣло въ какой-нибудь справкѣ, извольте, я готовъ сдѣлать ее вамъ.

— Многаго я дать пока не въ силахъ, но что могу я заплачу за хлопоты вамъ, господинъ губернской секретарь; не принимаете ли вы меня за нищую? обидчиво произнесла, спрятавъ бумаги, старуха.

— Помилуйте, мнѣ и въ мысль не приходило, отвѣчалъ краснѣя Лучаниновъ.— Но я не адвокатъ; справку, это такая бездѣлица, я сдѣлаю вамъ бесплатно; но вести весь процессъ вашъ не берусь, просто потому что не сумѣю. Позвольте мнѣ....

— Толоровская, сдѣлавъ нѣчто въ родѣ реверанса, отвѣчала старуха.

Лучаниновъ покраснѣлъ.

— Я люблю вашу вашу внучку: какая славная, должно-быть, дѣвочка, проговорилъ онъ, закуривая палироску. Гдѣ она учится?

— Ходила было въ школу, да я взяла; далеко: шутка ли ребенку въ морозъ.... Телерь не учится.... Да.... Она шалунья, но добрая, добавила съ улыбкой, какъ бы любясь вдругъ мелькнувшею фигуркой внучки, бабушка.— Вотъ, думаю, стара я, одна останется, вдругъ отъ улыбки перейдя къ слезамъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ закончила старуха.— Когда же вы мнѣ позволите? спросила она, отерѣвъ слезы.

— Позвольте, хоть завтра утромъ, самому мнѣ быть у васъ.... Что жъ въ ваши лѣта безлокоиться, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Самимъ?... Ну, если будете такъ снисходительны къ старухѣ, господинъ губернской..., начала было олять титуловать Лучанинова новая знакомка.

— Такъ завтра въ десять часовъ, если вамъ удобно?

— Удобно.... Извините, господинъ губернской секретарь, что я осмѣлилась остановить васъ, съ поклономъ отвѣчала старушка — До свиданія, если вы такъ снисходительны, господинъ губернской....

Лучаниновъ раскланялся и пошелъ на свою квартиру.

— Вотъ вамъ принесли, говорила ему служанка, отдавая вмѣстѣ съ ключомъ отъ комнаты пачку газетъ, которыми снабжалъ Лучанинова правитель дѣлъ. Обросивъ пальто, Владимиръ Алексѣевичъ развернулъ пачку журналовъ; ему бросился въ глаза верхній листокъ, окаймленный черною рамкой; это было извѣстіе о кончинѣ государя. Бюллетени о болязни печатались давно, но, судя по нимъ, никто почти не подозрѣвалъ опасности.

Всю ночь горѣла свѣчка у Лучанинова на столикѣ подлѣ постели; ему дѣлалось даже немного жутко, страшно, въ одинокихъ трехъ комнатахъ; когда онъ на минуту забывался, являлся ему Конотопскій, или видѣлся братъ... Онъ просыпался, бралъ книгу, принимался читать, но не понималъ смысла читаемаго.... На душѣ, помимо воли и сознанія, гудѣла неотвязная печальная нота, точно мѣрный, похоронный звонъ. И мысленно переносился онъ въ Москву, въ „Россію“. „У многихъ, правда, не у одного меня, та же тяжкая дума въ ночной тишинѣ, днемъ замѣняемая неутѣшными слезами о невозвратныхъ утратахъ.“

На весну въ городѣ, гдѣ служилъ Лучаниновъ, ждали тоже

непріятельскихъ дѣйствій; въ Балтійское море шла англійская эскадра; со всѣхъ сторонъ окружена была Россія непріязнью; Европа шла противъ насъ вооруженная всевозможными новѣйшими средствами истреблять человѣчество; карточка боевыхъ убоженій девятнадцатаго столѣтія удовлетворить тончайшаго гастронома по этой части: разрывныя пули, игольчатыя ружья, подводныя батареи, словомъ, чего хочешь, того просишь; несмотря на это, спеціалисты знай дѣлали новыя открытія на этомъ поприщѣ, знай изобрѣтали новыя средства истреблять родъ человѣческій: въ иностранныхъ газетахъ помѣщались то и дѣло извѣстія объ опытахъ новой системы ружей и пуль надъ трупами; фельетонисты увѣдомляли читателей о результатахъ этихъ отвратительныхъ пробъ такимъ тономъ какъ будто дѣло шло о важномъ, научномъ открытіи.

Французскія газеты были наполнены описаніями походной жизни въ крымскихъ баракахъ; иностранные герои Крымской войны, читая ихъ, поглаживали свои бородки и воображали какое впечатлѣніе должны эти разказы произвести на Парижанокъ. „Ah, bien écrit,“ снисходительно толковали различные колелели и калитѣны, читая описанія своихъ геройскихъ подвиговъ. Французъ всегда любилъ порисоваться храбростью, но въ Крыму это рисованье доходило до невѣроятныхъ размѣровъ: армія для развлечения устраивала спектакли накавуль сраженій. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, пожалуй, не повѣрить этому человѣчеству. Варвары Русскіе молились, а въ комфортныхъ баракахъ цивилизованныхъ націй танцовали, глѣли скоромные куллеты. Подобнаго зрѣлища еще не видало человѣчество; танцы на свѣжихъ могилахъ ладшихъ товарищей впервые введены, въ иностранномъ лагерѣ, предъ стѣнами Севастополя. У насъ, въ виду общественной бѣды, лили шампанское и глотали устрицъ на тысячныхъ завтракахъ одни казнокрады. Все честное въ молитвѣ обрѣтало твердость и мужество, съ которыми защищался Севастополь, этоть ящикъ, куда кидала день и ночь ядра почти вся Европа.

Страшно было созерцать эту живую картину частвому лицу; каково же было глѣть на нее государю? Мы и видѣли, конечно, не все; а предъ нимъ открытыми лежали замыслы, намѣренія кабинетовъ; ему прямо въ сердце летѣли стрѣлы пуценныя враждой и завистью; тутъ ежедневныя вѣсти о потерѣ лучшихъ русскихъ людей, вѣрнѣйшихъ слугъ его и Россіи.

Каково это было переносить тому кто, умирая, говорилъ царственнымъ дѣтямъ: „люсѣ Россіи, я васъ любилъ больше всего на свѣтѣ?“ За это чувство „пламенной любви къ нашей славной Россіи“ благодарилъ онъ Творца, вручая Ему свою великую душу. Вотъ послѣднія слова его къ Русскимъ; „я былъ человекъ со всеми недостатками, коимъ люди подвержены, старался исправиться въ томъ что за собой худаго зналъ; въ иномъ устѣлъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно простить меня“.

Заслышавъ звонъ этого похороннаго колокола, въ такіе уже и безъ того тяжкіе дни, крѣпко задумалась сама о себѣ вся Россія; это была какая-то Страстная недѣля ея; печально, сумрачно было тогда въ родной землѣ нашей.

XX.

„Страшное время переживаемъ мы,“ писалъ на другое утро, вставъ со свѣчой, Владиміръ Лучаниновъ къ Корневу; онъ, между прочимъ, хотѣлъ увѣдомить его о смерти Конотопскаго. „Вчера мнѣ не сладось; случайно мнѣ попалась „Переписка Гоголя съ друзьями“. Я сталъ читать и зачитался; въ первый разъ такъ понятно сдѣлалось мнѣ въ этихъ письмахъ многое. Событія, мнѣ кажется, ведутъ къ тому же вѣдъ Россію, къ чему призывали ее наши поэты, именно: къ думѣ о себѣ, ко внутренней работѣ надъ собой, быть-можетъ къ покаянію. Ты скажешь, только Гоголь заговорилъ объ этомъ. А Жуковскій? Вспомни статью его *о значеніи поэзіи*. А Хомяковъ? Да не одну Россію, не одну родную семью, вѣдъ весь міръ они звали къ любви, къ объятіямъ, къ мировой, но прежде къ покаянію.... Безъ этого не разрѣшить намъ ни славянскаго, ни какого вопроса.

Путемъ измѣнъ, путемъ раздора,
 Стезей кровавыхъ, звѣрскихъ стѣчъ,
 Добромъ не кончитъ вѣкъ намъ спора:
 Кого на казнь изъ братьевъ влечь?

Метнувъ на жребій багряницу,
 Опять любовь на крестъ ведутъ....
 Но сонмъ ведущихъ, какъ Девяницу,
 Отъ горныхъ, вѣрьте, изженутъ.

И станутъ мракъ, и рабства своды,
И жажда свѣта насъ томить;
И какъ воды, святой свободы,
Хоть капли будетъ мнѣ просить

У жертвъ. Но жертвы скажутъ: „братья!
„Не мы ль о ней молили васъ?
„Не мы ли звали къ ней въ объятья?
„А вы цѣлыми вязали насъ.“

И грозный образъ херувима
Безмолвно намъ заступитъ входъ;
И вспять, отъ вратъ Ерусалима,
Съ стѣнъ онемѣвъ родъ нашъ отойдетъ.

„....А между тѣмъ въ русской душѣ сколько богатыхъ залоговъ примѣненія къ дѣлу, къ жизни, высшей заповѣди любви. Не эта ли любовь звучитъ и вѣется около сердца въ нашей задумчивой русской лѣсной? Это не испанская огненная, страстная качуча; не италіанская, ласкающая слухъ мелодія; не французскій бойкій, щегольской кулеть, — наша родная лѣсная вся пропитана внутреннимъ чувствомъ; то слышится боль сердечная въ ея неотразимыхъ звукахъ, то любованье просторомъ, этимъ прообразомъ свободы, прирожденной человѣческой душѣ; самый разгулъ, такъ дико выразившійся въ какомъ-нибудь гулякѣ-Залорождѣ, есть порождение того же чувства: „все ни почемъ, всего дороже мнѣ мое душевное движеніе“. Эта сердечная ширь русской природы, какъ въ зеркалѣ, вся отразилась въ языкѣ: въ немъ есть всѣ краски, всѣ звуки, начиная отъ грубыхъ, оскорбляющихъ все дорогое человѣку, до ангельски-чистыхъ, ласкающихъ даже бездушную природу словъ: „травушка, рѣвеченька, дороженька“. Такая ширь опасна, если она не подчинится нетяжелому игу любви, не приметъ ея легкаго бремени. Замѣть, если Русскій луситися въ дурное, онъ перещеголяетъ всякаго иностранца. Эту опасность слышали и слышатъ наши рускіе художники; такъ русскій гениальный живописецъ пишетъ чуть не тридцать лѣтъ, вздерты, *Явленіе Христа народу*. Его картинѣ предшествуетъ *Послѣдній день Помпеи*, разрушеніе ветхаго міра, въ виду небольшой кучки христіанъ, не даромъ помѣщенныхъ гениемъ на первомъ планѣ. Даже въ народныхъ сценахъ русскихъ живописцевъ благоухаетъ любовь къ человѣку, къ бѣдняку, къ нищему; клеймится, во имя

любви, гнетъ, грубая зажитѣлость и всякое нравственное безобразіе.

„Честно пожертвовать самою славой, популярностью, наши художники немолча зовутъ Русь, подобно гласу вопиющему въ пустынь, уготовать путь Господу. Одиноко, при общей легкомысленной насмѣлкѣ, раздавался ихъ голосъ, но правду одинокихъ рѣчей уже высоко цѣнятъ нѣкоторые, и цѣнить еще выше грядущее.

„Залоги, повторяю, есть въ Россіи богатые. Гляди, не это ли святое чувство любви несетъ милліоны на общее дѣло? Не оно ли стоитъ, что мученикъ, противъ цѣлой Европы за родныя твердыни? Это подслушная сила любви, подобно молніи, излетѣла въ словѣ нашего друга: „какъ же братьцы? Вѣдь надо выручить товарищей?“ А что жь иное, не любовь ли говорила устами умирающаго русскаго царя: „иду молиться за Россію!“

„Видишь, какіе богатые залого, какой кладъ хранится въ русской душѣ; какая плодотворная почва дана, и горе будетъ намъ, если мы не воздѣлаемъ ее, а дадимъ ей зарости крапивой и терніемъ.“

Давно разсвѣло, а свѣчи все еще горѣли на столѣ записавшагося Лучанинова; погруженный весь въ свою любимую думу, онъ позабылъ было что обѣщалъ вчера зайти къ сосѣдкѣ. „Знать, мы только умѣемъ толковать въ стихахъ о любви къ ближнему, а вотъ бѣдная женщина“, думалъ онъ, залечатывая письмо, „проситъ помочь ей, я забылъ, отпѣкиваюсь незнаемъ, недосугомъ. А между тѣмъ помощь беззащитному развѣ не есть прямое примѣненіе христіанской любви къ дѣлу?“ продолжалъ онъ размышлять, одѣваясь. „А не другое ли зоветъ тебя туда отчасти?“ мелькнуло у него въ головѣ. И ему представилось какъ бы расхохотался Конотолскій; онъ, потирая руки и подпрыгивая, непременно сказалъ бы: „а что, братъ, ты смѣялся что я ѣду спасать человѣчество? А ты? Тебя, ну хоть отчасти, не манитъ туда небось хорошенькая женская головка?“ Но послѣ шутивой рѣчи слышалась другая, серьезная рѣчь Конотолскаго: „смѣло ступай; ты человѣкъ честный. Какъ знать, можетъ-быть тамъ крайне нужно твое участіе, можетъ защита?“

Натянувъ ваточное пальто, Лучаниновъ залерь одинокую свою обитель и отправился чрезъ улицу къ сосѣдямъ; входъ былъ со двора; пройдя по усыпанной лескомъ, расчищенной,

уакой тропинкѣ, онъ поднялся по новой, узенькой лѣсенкѣ и постучался въ дверь съ надписью каракулями: „Madame Тороговѣска“. Дверь отворилась, и гость вошелъ въ первую, уставленную старинными сундуками, опрятно убранную, комнату; вѣнво, за ширмою, стояла широкая кровать, вправо—бѣлая кухонная печь съ коллакомъ для дыма. Старушка, въ бѣломъ челпѣ и темномъ ситцевомъ платьѣ, вышла ему навстрѣчу.

— Просимъ покорнѣйше, говорила она.— Сюда вотъ не угодно ли повѣсить вашу бекешу, господинъ губернской секретарь.

Лучаниновъ раздѣлся и вошелъ во вторую, вѣроятно исправлявшую должность гостиной, небольшую комнату. Въ сторонкѣ на столѣ китѣлъ самоваръ. У полукруглаго, знакомаго вошедшему, окна стояла, потупившись, дѣвушка лѣтъ четырнадцать, въ свѣтломъ ситцевомъ, полукороткомъ платьѣ; нагнувъ головку, она очень неловко отвѣтила на поклонъ вошедшаго; на оживленномъ, съ нѣсколько поднятымъ носикомъ, лицѣ ея вспыхнуль яркій румянецъ; большіе темносиніе глаза, украдкой, наскоро взглянувъ на гостя, снова исчезли подъ олуцеными темными рѣсницами. Во всей головкѣ дѣвушки, съ какимъ-то страннымъ локономъ на лбу, въ сжатыхъ губахъ, было что-то оригинальное; украдкой взглядывая по временамъ на гостя, она, перебирая свой бѣлый фартучекъ, продолжала стоять на одномъ мѣстѣ. Старуха усадила Лучанинова и вытащила изъ комода, нѣсколько знакомую уже ему, килу пожелтѣвшихъ бумагъ.

— Вы мнѣ позволите курить?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчала старушка.— Дай свѣричку, обратилась она къ внучкѣ.

Дѣвочка покраснѣла; ей, замѣтно, не хотѣлось почему-то покидать занятую позицію; она придвинула къ окну стоявшій неподалеку отъ нея стулъ, набросила на него какой-то желтый платокъ, но не успѣла сдѣлать отъ окна двухъ шаговъ, какъ изъ-подъ стула, стукнувъ фарфоровою головой объ полъ, высунулось глупое, румяное лицо улавшей куклы.

— Вотъ, господинъ губернской секретарь, начала старуха, развертывая старыя бумаги.

Дѣвочка отошла снова къ окошку, подавъ случешницу.

— Вотъ посмотрите, продолжала старушка.

— Вы мнѣ позволите взять ихъ на домъ.

— На домъ-то?... замаялась старуха, поправляя чепецъ.— Изволите видѣть, господинъ....

— Очень хорошо. Я рассмотрю ихъ здѣсь, перебилъ Лучаниновъ, покраснѣвъ немного, но не обидясь недоверіемъ старухи къ нему, какъ къ незнакомому.

— Раздай же кофе, Маріанночка. Что ты стоишь? сказала, не то по-польски, не то по-русски, старуха.

Дѣвушка подошла къ столику и застучала чашками; замѣтивъ издали выглядывавшую изъ-подъ стѣла куклу, она, воспользовавшись минутой когда гость нагнулся надъ бумагами, проворно подошла къ окну и сердито толкнула носкомъ ботинки куклу; кукла спряталась.

— Не стучи такъ. Разливай же, замѣтила старуха, обратившись къ молодой, усердно разставлявшей чашки, хозяйкѣ.— Поддай сначала гостю, Маріанночка.

„Славное имя“, подумалъ Лучаниновъ. Дѣвушка подала ему стаканъ на подносѣ; она совсѣмъ покраснѣла, когда Лучаниновъ принялъ стаканъ; доковъ на лбу раздѣлился на нѣсколько колець; темные зрачки глазъ глядѣли въ сторону изъ-подъ густыхъ, полуопущенныхъ темныхъ рѣсницъ. „Какая красивая головка“, подумалъ Лучаниновъ, поблагодаривъ угощавшую.

— Оставь здѣсь подносъ, приказала старуха любѣзавшей было обратно съ нимъ къ столику внучкѣ. — Можетъ-быть, господинъ губернской секретарь скушаетъ вотъ хлѣба съ масломъ, или бисквитовъ?

Лучаниновъ принялся читать лежавшія сверху въ связкѣ бумагъ прошенія.

— Это вотъ рѣшеніе гражданской палаты. Дѣло въ сенатѣ; мы подали на апелляцію, говорила старуха. Но нельзя сказать чтобъ очень внимательно слушалъ ее молодой адвокатъ; глаза его поминутно перебѣгали отъ желтоватаго, морщицистаго лица старухи къ свѣжему личику намазывавшей на ломтикъ хлѣба масло дѣвушки. Онъ любовался ею какъ любитъся живописецъ красивою натурщицей. „Въ наивности, вотъ гдѣ истинная грація“, думалъ онъ. Селомъ, деревней вѣяло отъ дѣвушки, здоровьемъ, которымъ надѣваетъ воздухъ, ароматъ сосновыхъ лѣсовъ, березовой рощи, запахъ ржи и чистое, безоблачное, какъ душа ребенка, небо.

— Вы мнѣ потрудитесь сказать о чемъ вы желаете справиться? спросилъ Лучаниновъ.

— А вотъ номерокъ у меня, отвѣчала старуха, доставая изъ ридикюля клочокъ бумаги. — Вотъ, есть ли отвѣтъ изъ Петербурга на эту бумагу?

— Да это не у насъ; это въ ламатѣ нужно справиться.

— Ахъ, вы не тамъ служите, начала было старуха.

— Не тамъ; но это все равно, я съ удовольствіемъ съѣзжу и узнаю, перебилъ ее, нѣсколько испугавшись и поднимаясь съ мѣста, Лучаниновъ.—А бумаги позвольте мнѣ рассмотреть въ другой разъ.

— Вотъ эти старые документы, пожалуй, я вамъ дамъ, говорила старуха, перебирая дрожащими руками бумаги.— Я какъ-то, не знаю почему, думаю что вы не воспользуетесь моею простотой, прибавила она улыбаясь и передавая бумаги.—Вотъ вы увидите изъ нихъ какія права на нашей сторонѣ, да некому и нечѣмъ взяться, господинъ губернской секретарь.

Лучаниновъ, завернувъ свертокъ ветхихъ листовъ, съ висящими на шелковыхъ шнурахъ старинными печатями, раскинаясь. Старушка пошла въ переднюю проводить его; дѣвушка поклонилась, какъ кланяются дѣти, когда имъ велятъ поклониться. „Что она, сердится что ли на меня?“ подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ, выходя въ переднюю.

Отдавъ въ почтамтъ письмо къ Корневу, Лучаниновъ поѣхалъ въ ламату сдѣлать справку; не добившись никакого толка отъ чиновниковъ, занятыхъ какимъ-то слѣпнымъ дѣломъ, онъ уже надѣлъ пальто, какъ къ нему подошла небольшая фигурка, въ писарскомъ, военномъ сюртукѣ, съ полчинымъ галуномъ на воротникѣ.

— Вамъ угодно сдѣлать справку по дѣлу Топоровскихъ?—спросила фигурка, уставивъ на Лучанинова черные, умные глаза.

Черные, кудрявые волосы, выговоръ и ухватки подошедшаго обличали его еврейское происхожденіе.

— Да, отвѣчалъ Лучаниновъ,—но господа чиновники говорятъ что не знаютъ, что имъ некогда.

— Они не знаютъ, отвѣчала фигура;—дѣло у секретаря. Если угодно, я могу вамъ доставить справку, прибавилъ таинственный писарь, провожая Лучанинова въ сѣни.

Лучаниновъ остановился. „Врешь вѣдь ты, вѣроятно?“ подумалъ онъ. Фигура, какъ бы отвѣчая на его мысль, съ увѣренностью посмотрѣла на него своими умными глазами.

— Такъ я попрошу васъ, если вы можете, началъ Лучаниновъ.

— Могу, отвѣчала фигура;—только... прибавила она нервнѣе, уже посмотрѣвъ въ локъ.

Лучаниновъ вынулъ изъ портмонея трехрублевую бумажку и, краснѣя, всунулъ ее въ локтовую руку лица вмѣстѣ со своимъ адресомъ.

— Завтра я вамъ доставлю справку; я васъ застаю часовъ въ шесть? спросилъ писарь, яворово сунувъ за бортъ сюртука бумажку и опять уставивъ глаза на Лучанинова.

— Застаете.

— Я приду въ шесть часовъ къ вамъ на квартиру.

Лучаниновъ простился съ нимъ и поѣхалъ обѣдать, размышляя о томъ что видѣвъ, видно, не обходится дѣло безъ подслудныхъ, скромно дѣйствующихъ силъ; наскоро отобѣдавъ вдвоемъ съ газетой въ трактирѣ, Владиміръ Алексѣевичъ воротился домой, и улегшись съ сигарой на диванѣ, началъ разсматривать переданныя ему старухой бумаги. Это были потемнѣвшія тетради, спитыя красными, шелковыми смурками, писанныя по-русски; въ концѣ, къ нимъ были приложены, къ другимъ привѣшены, черныя восковыя печати, съ княжескимъ, полустершимся гербомъ; въ кудрявыхъ загадывыхъ буквахъ грамотъ были выведены лицомъ дѣлые узоры, травы, даже птицы. „Выписка изъ книгъ уголовныхъ трибунальскихъ воеводства Кіевского“, прочелъ Лучаниновъ. „Лѣта господскаго нароженья тысяча шестьсотъ осьмаго на десять, мѣсяца іюня двадцать шестаго дня, предъ нами, депутатами суда, уголовного трибунала всталъ...“ Далѣе шли имена, между прочимъ имя какого-то „вельможнаго княжати Ивана Толюра“; затѣмъ шли названія селъ, совѣтъ русскія: Погостъ, Заволочье, Горностап, даже какое-то Иваново-двориче съ бобровыми гоны и рыбными ловлями. Все это отдавалось „его милости, княжати Панкрату, брату моему“, посяялось въ грамотѣ: „съ подаваемъ въ нашу дѣдовскую церковь Ивана Предтечи“. Имѣнье отдавалось „з слугами, боярами ланцьерными и путными людьми, тягальцами, огородниками и подсуздками, и вшелюкими з нихъ повинностями“. Выше печати видѣлась подпись князя Ивана, русскими, уфсискими каракулями; въ концѣ подписи сказано было: „рука сва“; дальше шли подписи депутатовъ и свидѣтелей, по-русски и по-польски. По прочтеніи бумагъ, которыхъ было штукъ за десять, предъ Лучаниновымъ развернулася цѣлая повѣсть окатоличенія стариннаго, княжата русскаго рода;

въ бумагахъ подъявѣшихъ годовъ умершаго „князя Ивана Толора“ уже перекрестили въ „Януша“, о церкви „Ивана Предтечи“ не было и поминка, а жертвовалось завѣщателями на костель; то и дѣло поладилось имена патеро́въ: подслудьяя силы, просто, возились между полицялыми отъ времени строками старинныхъ грамотъ. „О какой же измѣнѣ толкуютъ ксенды Полякамъ переходящимъ въ православіе? Это выдумка Рима. Возвращаясь къ намъ въ церковь, они ворочаются домой, къ своимъ, на родину“, думалъ Лучаниновъ. „Скорѣе къ намъ, братья!“ чуть не вымолвилъ пылкій молодой человекъ. Воображеніе рисовало уже ему день примиренія коварно разлученныхъ односельчанъ, свѣтлый, радостный день обоюднаго разъясненія вѣковой размолвки. Настанетъ ли онъ когда-нибудь?

Какимъ-то особымъ свѣтомъ одѣлась для него новая, молодая знакомка; онъ рядилъ уже ее, мысленно, въ богатую жемчужную повязку, въ сарафанъ, видѣлъ за пальцами въ узорчатомъ, старинномъ русскомъ теремѣ. Въ чертахъ хорошеякаго личика, въ глубокомъ взорѣ темносинихъ глазъ, онъ отыскалъ что-то какъ будто виданное тамъ, у насъ въ Россіи. „Есть даже что-то старорусское въ ней; право есть,“ думалъ онъ, поднявшись съ дивана...; напримѣръ лобъ, глаза напоминаютъ нѣсколько портретъ Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой.“ И какъ же злился онъ на Римъ, на эти подлиси давно стланныхъ въ землѣ досадныхъ патеро́въ. „Не въ одномъ звукѣ да образѣ намъ лортилъ этотъ Римъ. А въ жизни? Въ исторіи? Думали ли, въ самомъ дѣлѣ, князя Панкратій и Иванъ, что ихъ праправнучка будетъ молиться не въ дѣдней церкви Ивана Предтечи, а въ костель?“

XXI.

Уже вышелъ на Красное крыльцо молодой Царь съ юною Царицей. Россія восторженно привѣтствовала Ихъ; она сознавала въ какіе тяжкіе дни вступаетъ новый царственный труженникъ на поприще и безъ того труднаго служенія. Изъ Крыма летѣли дельца за дельцей; курьеры то и дѣло летали изъ Севастополя въ Петербургъ и обратно; внутри Россіи было все напряжено, все ждало страшнаго своею неизвѣстностью исхода, рѣшенія борьбы. „Что Севастополь?“ было

первымъ вопросомъ при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ на улицѣ, въ обществѣ, на службѣ.

Въ одно пасмурное сентябрьское утро тащилась стелью почтовая телега тройкой; на ней сидѣлъ въ острѣй военной шинели краснолицый (извѣстный читателю руссофила), въ рукахъ у него была огромная гнѣковая трубка, съ гнувшимся чубукомъ, называвшимся лавочниками „съ флексибилемъ“; на головѣ былъ ополченскій картузь. Податъ помѣщика трясся гусарскій офицеръ, тоже въ шинели. На облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ молодой, свѣжій парень, съ гауловатымъ лицомъ, въ военной, изъ солдатскаго сукна, дивреѣ.

— За что вы бранитесь? улыбаясь говорилъ офицеръ нахмурившемуся сосѣду.

Въ молодомъ человѣкѣ, съ загорѣлымъ лицомъ, не сразу можно было узнать Петра Алексѣевича Лучашинова.

— За дѣло, братецъ, браню, отвѣчалъ краснолицый.—Гауло... Ну какъ же вызывать на дуэль всякаго мерзавца?

— Но, позвольте... Вѣдь онъ оскорбляетъ подозрѣнiемъ, накидываетъ тѣнь на мою мать, уже серьезно заговорилъ Лучашиновъ.

— Никакой онъ тѣни не накидываетъ. Мы всѣ знаемъ кто былъ твой отецъ, кто была мать твоя и что за ллица Тарханковъ, отвѣчалъ краснолицый.—Побить—я еще допускаю; иногда это.... продолжалъ старикъ, закашлявшись отъ табачнаго дыма; — но дуэль, братецъ, вѣмецкая выдумка, челуха. Меня какой-то разъ, въ концертѣ, прибавилъ онъ, взглянувъ своими свѣтло-сѣрыми, мутными глазами на сосѣда,—вотъ позабылъ фамилію, хотѣлъ удавить....

— Какъ удавить? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Да, удавить, подтвердилъ краснолицый; — я, разумѣется, только что хотѣлъ его смазать, полицеймейстеръ меня за руку. Послѣ мнѣ говоритъ вице-губернаторъ: „вы, говоритъ, должны его вызвать на дуэль.“ Вотъ ему что надо, жалко помѣшали, а не на дуэль, отвѣчалъ я вице-губернатору, показавъ кулакъ. А то на дуэль! Да если онъ меня убьетъ? Положимъ даже я его убью; за что же я за всякаго скота буду отвѣчать на семь и на томъ свѣтѣ?

— Но вѣдь, позвольте; вы бы его побили, вѣдь онъ васъ вызвалъ бы за это? Я бы любилъ Тарханкова, вѣдь онъ бы меня вызвалъ?

— Тарханковъ-то? спросилъ краснолицый.—Добрый ты маль-

чакъ, Петруша; люблю я тебя, но, извини, или ты молодой, или дуракъ.

— Да что жь тутъ невозможнаго? Ну вызоветъ?

— Еще любить, лаконически отвѣчалъ краснолицый.

Лучаниновъ расхохотался.

— Однако, послушайте, началъ было онъ.

— Нечего слушать, сердито отвѣчалъ краснолицый. — Разумѣется подлецовъ бьютъ; что жь съ ними дѣловаться, что ли?

— Отчего же вы давеча, я вѣдь просилъ васъ познакомиться меня съ нимъ, не только не познакомили, а еще увели меня? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Оттого что.... Плюнь, братецъ, ты на этого Тарханкова.

Здѣсь краснолицый прибавилъ нѣсколько не совсѣмъ удобныхъ для печатанія, но очень сильныхъ словъ. Оба замолчали; сзади, вдаль, путники слышали колоколецъ, и оглянувшись, скоро увидали несущуюся во весь духъ четверку.

— Вѣдь это онъ, мерзавецъ! произнесъ краснолицый. — Это онъ меня опять догоняетъ. А Севастополь-то? Севастополь? А? Петруша? произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія старикъ; губы его задрожали, и нѣсколько слезъ скатилось на шинель и лѣнковую трубку.

Офицеръ молчалъ, уставившись въ пустое поле. Проѣхавъ съ версту, тройка подѣхала къ стоявшей одиноко среди тощихъ деревьевъ станціи; тотчасъ за нею подлетѣла къ крыльцу щегольская, забрызганная грязью, открытая коляска четверней. Тарханковъ, въ шинели съ бобромъ, сидѣлъ въ ней рядомъ съ комиссаріатскимъ, красноворотымъ чиновникомъ; съ козелъ соскочилъ камердинеръ.

— Опять сѣхался мы съ вами, закричалъ Павелъ Ивановичъ краснолицому, слѣзавшему, при помощи слуги, съ телеги.

Краснолицый, не глядя на Тарханкова, молча сдѣлалъ подъ козырекъ и пошелъ на крыльцо вмѣстѣ съ Лучаниновымъ.

— Что это фургонъ не ѣдетъ? спрашивалъ Павелъ Ивановичъ, выходя изъ коляски.

— Тяжело; нагружено у нихъ порядкомъ, отвѣчалъ камердинеръ.

Комиссаріатскій, длинный, сухой человекъ, съ краснымъ вздернутымъ носомъ, выйдя изъ экипажа, потянулся, зѣвнулъ раза два, и подпершись руками въ бока, подъ шинелью, сталъ отъ нечего дѣлать глядѣть въ пустое поле.

— Войдемте въ избу, пока перемѣняютъ лошадей, обратился къ нему Тарханковъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ комиссаріатскій, зѣвнувъ еще разъ. Они вошли; малый краснолицаго разставлялъ на столѣ флаги и на походную жестяную тарелку укладывалъ жареную курицу.

— Мы вамъ не помѣшаемъ? спросилъ Тарханковъ, обратясь къ лежащему на лавкѣ Лучанинову.

— Нѣтъ; мы сейчасъ уѣзжаемъ, отвѣчалъ, приподнявшись, Петръ Алексѣевичъ.

Тарханковъ сѣлъ на кожаный диванъ; комиссаріатскій, снявъ шинель, помѣстился на стулѣ; въ это время вышелъ изъ-за перегородки, закрывая бумажникъ, краснолицый, расплачивавшійся со смотрителемъ.

— Здравствуйте, началъ Тарханковъ. — Позвольте васъ познакомиться; чиновникъ особыхъ порученій при комиссаріатѣ, Еремѣй Еремѣевичъ Туманинъ. А это мой почтенный землякъ и начальникъ нашего губернскаго ополченія...

Тарханковъ назвалъ фамилію; краснолицый, положивъ въ карманъ свой старинный, красный бумажникъ, протянулъ руку чиновнику.

— Не угодно ли вамъ рюмку водки? спросилъ онъ его, принимаясь рѣзать холодную курицу.

Чиновникъ потеръ, по обыкновенію людей пристулающихъ къ закускѣ, руки, вѣроятно съ цѣлю пояснить причину по которой они намѣреваются выпить свѣжестью въ воздухѣ, и отвѣчалъ: „въ дорогѣ вещь полезительная рюмка водки“.

— А коли полезительная, произнесъ краснолицый, наливая двѣ рюмки, такъ не угодно ли? А вы? спросилъ онъ обратясь къ Тарханкову.

— На дѣтѣ, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, выразивъ на лицѣ сожалѣніе (что не можетъ выпить вмѣстѣ съ ними рюмку, другую).

Поднявшись съ дивана, Павелъ Ивановичъ подошелъ къ краснолицому и спросилъ его на ухо: „кто это съ вами?“

— Это одинъ мой дальній родственникъ, изъ Полтавской губерніи, отвѣчалъ краснолицый, принимаясь жевать жесткую курицу.

Къ окнамъ подъѣхалъ огромный фургонъ на лежачихъ рессорахъ, четверкой; подъ небольшимъ волчкомъ, за козлами, сидѣлъ, извѣстный читателю, весельчакъ поваръ въ дубленомъ,

пропитомъ по лацканамъ узорамъ, полушубкѣ, и Василю Семенову, въ синемъ суконномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ.

— Вотъ они, произнесъ Павелъ Ивановичъ, остановившись противъ окна. — Погодите-ка, я велю сдѣлать бифштексъ; со мною есть великолѣпнѣйшій кусокъ говядины.

— Что до меня, я сейчасъ увѣжаю, отвѣчалъ краснолицый, наливая себѣ и чиновнику еще по рюмкѣ. — А ты что же, Петруша? Я и позабылъ про тебя.

Лучаниновъ поблагодарилъ, отвѣтивъ что не хочетъ, и вышелъ изъ избы.

— Не хотите ли мадеры? Со мною есть превосходная, представлялъ къ краснолицому Тарханковъ.

Краснолицый покачалъ отрицательно головой, сморщившись отъ только что выпитой рюмки настойки; комиссаріатскій замѣтилъ что „хлѣбное пользителнѣе“. Павелъ Ивановичъ разлегся на диванѣ.

— Лошади готовы, доложилъ вошедшій въ избу, уже облеченный въ свою тяжелую ливрею, малый краснолицаго.

— Убирай же; да подай мнѣ трубку, отвѣчалъ краснолицый, — напрасно ливрею надѣлъ; въ шинели неловко укладывать логребецъ.

— Ничего-съ, прошелталъ малый, уставляя фляги въ судучокъ съ безчисленными перегородками.

Павелъ Ивановичъ, вскочивъ съ дивана, молча взялъ подъ руку помѣщика.

— Позволь, братецъ, намъ одну минуту. Выдь, пожалуста, обратился онъ къ станціонному, щелкавшему все время счетами за перегородкой.

Смотритель вышелъ изъ избы. Комиссаріатскій принялся читать въ первой комнатѣ правила для станціонныхъ смотрителей, доставая въ то же время лерышкомъ частицы жареной курицы, засѣвшія между зубами.

— Послушайте, началъ вполголоса, введя за перегородку и взявъ легонько подъ бока краснолицаго, Павелъ Ивановичъ, — прошу еще разъ, возьмите вы назадъ свой ралортъ. Ну, право, вы погорячились; салоги, сукно вовсе не такъ дурны. Что же касается до той крупы которая.... Это была случайность.... Поймите, въ эдакой массѣ мудрено ли просмотрѣть; ивогда самъ не знаешь вѣдь что принимаешь.

— Ралортъ отправленъ; еслибы даже я согласился, и то было

бы уже поздно; не могу, отвѣчалъ краснолицый, застегивая свой стрый казакинъ и уставившись въ уголь.

— Можете, олять взявъ его легонько подъ бока, съ живостию возразилъ Тарханковъ.— Можете; ралпортъ еще не отправленъ?

— Какъ не отправленъ? Такъ я сейчасъ же. Эй! крикнулъ краснолицый.

— Погодите, уговаривалъ его, продолжая держать подъ бока Тарханковъ.

— Эй, малый! повторилъ, не слушая его, краснолицый, освобождаясь изъ рукъ Павла Ивановича, который держалъ его точно влюбленный танцовщикъ держать хорошенькую балерину за тонкую, перетянутую въ рюмку талию.

Коммисариатскій съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ наставленія смотрителямъ, висящія на стѣнѣ за стекломъ въ рамкѣ; крупныя, печатныя буквы онъ разбиралъ такъ пристально, какъ будто это были какіе-нибудь гіероглифы. Въ избу вошелъ малый въ ливреѣ съ трубкой для барина.

— Скажи смотрителю что мнѣ нужны лошади назадъ на прежнюю станцію, обратился къ нему краснолицый.

Малый вылучилъ глаза и не двигался съ мѣста.

— Что ты стоишь, болванъ? Тебѣ говорятъ, я ѣду назадъ, въ узданный городъ. Позови смотрителя.

— Послушайте, вдругъ подскочилъ къ нему, весь вспыхнувъ, Тарханковъ. — Вѣдь ничего изъ этого не выйдетъ, увѣряю васъ.

— Посмотримъ, отвѣчалъ краснолицый, закуривая поданную слугою трубку.

Въ это время вошедшій смотритель объявилъ что назадъ лошадей онъ дать сейчасъ не можетъ.

— У меня подорожная не въ одинъ конецъ, а для разъѣздовъ по всей Имперіи, произнесъ краснолицый.

— Я знаю, ваше высокоблагородіе, но лошади у насъ на счету на каждой станціи.... Развѣ вотъ не подойдутъ ли....

— Чтобъ были.... У меня важное дѣло; я ѣду по казенной надобности, закричалъ на него краснолицый. — Ты отвѣтишь за это....

Смотритель помялся, сбѣгалъ на улицу и возвратясь сказалъ: „пожалуйте, ваше высокоблагородіе; какъ-нибудь обернусь; извольте ѣхать на этихъ“. Краснолицый былъ одинъ изъ тѣхъ, къ счастью исчезающихъ, людей которые чего потребуютъ, то

вытребуютъ, какіе имъ не представляй резоны: „нельзя-де по закону, или по другому чему“. Другой кричитъ, бѣсись, вы чего не добьется, но подобнымъ краснолицому господамъ стоить прикрикнуть, пугнуть „казенною надобностью“, и, глядяшь, послушается ихъ самый неумолимый соблюдаватель закона Тарханковъ во время описанной сцены что-то разказывалъ съ жаромъ, вполголоса, комиссаріатскому; чиновникъ, вмѣсто отвѣта, глядя въ полъ, почесывалъ лопинутно за ухомъ.

Лучаниновъ сидѣлъ давно въ телѣгѣ, на крыльцѣ дремалъ Василій Семеновъ, откуда-то долеталъ молодецкій, похожій на трепакъ, стукъ двухъ ножей повара, рубившаго котлеты, малый въ ливреѣ жевалъ калачъ, стоя у телѣги и переговариваясь съ ямщикомъ и Лучаниновымъ.

— Вы ѣдете назадъ? спросилъ Петръ Алексѣевичъ подошедшаго къ телѣгѣ слугника.

— Назадъ, отвѣчалъ краснолицый, кряхтя взбираясь на телѣгу.—Каковъ подлецъ! проговорилъ онъ, застегнувъ крючокъ шинели, причемъ лицо его, налившись, приняло нѣсколько звѣрское выраженіе.—Пошелъ, произнесъ онъ, взявъ въ руку лѣнниковую, дымящуюся трубку.

Малый вскочилъ на облучокъ, загородивъ растолырившимся калашономъ не интересный впрочемъ видъ на ожидающія лутниковъ окрестности, и тройка поѣхала обратно по выходящей среди лустыря грязной дорогѣ. На встрѣчу ѣдущимъ тянулся казенный обозъ; на зеленыхъ, парныхъ телѣгахъ лежали раненые; лѣнный Французъ, засучивъ красные ланталоны, сидѣлъ на одномъ возѣ, покуривая трубочку. Лучаниновъ спросилъ его куда онъ ѣдетъ?

— Въ Москву; мнѣ хочется увидеть брата который тамъ, отвѣчалъ Французъ солдатскимъ жаргономъ, съ шикомъ приподнявъ свою алжирку.

— Какимъ хватомъ сидитъ, точно въ каретѣ ѣдетъ, замѣтилъ краснолицый.—Чтѣ онъ пробормоталъ?

Лучаниновъ перевелъ.

— Теперь мнѣ жаль что я не поручилъ тебѣ любить этого подлеца Тарханкова, говорилъ краснолицый.

— Вылей я двѣ, три рюмки водки, отколотилъ бы, произнесъ Лучаниновъ, закуривая палиросу.— А чтѣ?

Слугникъ разказалъ ему что послѣднее довѣсеніе его перехвачено или пріостановлено Тарханковымъ.

— Да что же вы безлокоутеесь? Вѣдь, говорятъ, слѣдствіе начато? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Начато; но какъ же онъ смѣлъ задерживать мой рапортъ? горячо возразилъ краснолицый. — Положимъ что я не одинъ, и другіе донесли на него, подлеца.... Пошелъ, братецъ, проворнѣе; что ты, съ горшками что ли ѣдешь? крикнулъ онъ на ямщика распутившаго возжи.

Черезъ часъ въ почтамтѣ уѣзднаго города руссофилъ поднялъ бурю; почтмейстеръ, черноволосый толстякъ, заика, бѣгалъ, рылся въ книгахъ....

— По.... помилуйте, ва.... ваше висо...ко....родіе, толковалъ онъ;—от....отправленъ рапортъ.

Наконецъ, послѣ двухчасовой тревоги, крика краснолицаго и страшныхъ хлопотъ призваннаго городничаго, безтолковѣшаго, но шумливаго старика на костылѣ,—рапортъ отыскался въ конторѣ. Почтмейстеръ божился что забылъ отправить.

— За...за...валился проклятый, говорилъ онъ, поблѣднѣвъ отъ страха.—Я эста....фе....фету сейчасъ....

— Да этого мнѣ мало, эстафету; ты съ мѣста улетишь, подь судъ я улѣку тебя, Ирода, говорилъ краснолицый, хотъ никому изъ присутствовавшихъ неизвѣстно было что онъ нашель общаго между Иродомъ и почтмейстеромъ.

— Не.... не погубите, умолялъ то краснолицаго, то городничаго, стучавшаго сердито костылемъ своимъ, почтмейстеръ.— Зас....ставьте за себя Бога мо....молить. Семейство....

— Дѣти что ли? спросилъ краснолицый.

— Да.... дѣтей нѣтъ, лгать не.... не хочу, отвѣчалъ дрожащій, точно студень или желе, почтмейстеръ.

Петръ Алексѣевичъ, отвѣдя въ сторону краснолицаго и городничаго, уговорилъ ихъ простить почтмейстера, отправить конвертъ съ эстафетою и ѣхать; такъ и было сдѣлано.

— Въ полученіи доставъ росписку въ Москву, говорилъ краснолицый почтмейстеру, садясь въ телѣгу. — Залисалъ ли гостиницу?

— За...за...лисалъ, ва....ваше превосходительство, вытянувшись, отвѣчалъ почтмейстеръ.

— Смотри жѣ у меня; я тебя.... горячился, постукивая костылемъ, городничій. — Прощайте, крикнулъ онъ отъѣзжающимъ, пролетѣвъ мимо нихъ въ своихъ дрожкахъ. — Очень радъ случаю, добавилъ онъ, сдѣлавъ въ заключеніе молодецки лодъ козырекъ.

— Прощайте, отвѣчалъ краснолицый, прибавивъ:— а безтолковъ, Господь съ нимъ, и телѣга привялась подпрыгивать по деревянной мостовой городишка. — Заставилъ, подлець, прокатиться слишкомъ шестнадцать верстъ лишнихъ, ворчалъ краснолицый, покуривая изъ своей лѣнковой трубки.

Когда тройка ихъ подлетѣла, часу въ десятомъ вечера, снова къ прежней станціи, въ избѣ происходило что-то странное; у наружныхъ дверей стоялъ жандармъ въ шинели.

— Нельзя, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, заслонивъ дорогу руссофилу, вошедшему было на крыльцо. — Не приказано никого впускать.

— Не приказано, такъ не лускай. Закладывай поскорѣе, проговорилъ краснолицый, садясь на бревна подлѣ крыльца.— Набей мнѣ трубку, Васыка.

— Что же это такое? спросилъ Петръ Алексѣевичъ, подходя къ нему.— Тарханковъ здѣсь еще.... стало-быть....

— Стало-быть дѣло идетъ на ладъ, самодовольно отвѣчалъ краснолицый, раскуривая поданную слугой трубку.— Какъ же не здѣсь? Ты видишь, вонъ стоитъ его фургоны, а вотъ колыска.

Лучаниновъ искоса посмотрѣлъ въ освѣщенное окно. Василій Семеновъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, съ бумагами въ рукахъ предъ какимъ-то полковникомъ въ эполетахъ и съ аксельбантомъ. Коммиссаріатскому чиновнику, должно-быть, понравились наставленія смотрителямъ; онъ поминутно подходилъ читать ихъ. Тарханковъ, по временамъ, злобно поглядывалъ на него; облокотясь на окно, онъ сидѣлъ на лавкѣ, покручивая усы свои; время отъ времени онъ вскакивалъ и подходилъ къ столу съ какими-то поясненіями полковнику. Военный писарь, засучивъ оба рукава сюртука, бойко строчилъ какую-то бумагу за отдѣльнымъ столикомъ.

— Кто это? Слѣдователь вѣрно? спросилъ Петръ Алексѣевичъ краснолицаго.

— Много будешь знать, скоро состарись, братецъ, отвѣчалъ краснолицый.

— Готовы лошади, доложилъ малый.— Прогоны смотритель просить отдать на слѣдующей станціи.

— Хорошо.... А что-то свѣжеть. Не вылить ли, Петруша, намъ съ тобой по рюмочкѣ? какъ-то необыкновенно весело спросилъ краснолицый. — Есть кусокъ хлѣба?

Малый досталъ изъ погребца пеклеваный хлѣбъ, соль и

флягу; путники выпили по рюмкѣ водки, закурили одинъ трубку, а другой палиросу, и уѣхали со станціи.

Севастополь былъ взятъ; точно тихій ангелъ пролетѣлъ по Россіи; въ обществахъ, клубахъ, въ театрѣ не слышно было обычнаго, шумнаго говора толпы; всѣ говорили вполголоса, были неразговорчивы, унылы. Москвою проѣхали богатыри-Черноморцы, потоплившіе свои корабли въ севастопольской гавани; герои въ Москва принимала радушно, но снѣдающая тоска по друзьямъ, по многимъ, мѣшала и гостямъ, и хозяевамъ веселиться. Нѣтъ, нѣтъ, а вырывался лорою глубокой вздохъ, слеза у лирующихъ.

Теперь только война, умолкнувъ, сдѣлавшись прошедшимъ, начинала дѣлаться урокомъ, лоученіемъ для Россіи; одни относили наши неудачи къ недостатку желѣзныхъ дорогъ, усовершенствованныхъ лушекъ и ружей; другіе обвиняли людей воспользовавшихся общемо бѣдой какъ средствомъ набить себѣ карманы; нѣкоторые винили главнокомандующихъ; но всѣ единогласно удивлялись мужеству нашей арміи, самоотверженію являвшемуся во всѣхъ слояхъ ея, начиная отъ генерала до матроса; для честныхъ бойцовъ наступили дни почета, справедливаго признанія ихъ доблести, для негодяевъ дни обличенія, кары за низкія дѣла ихъ. Начались слѣдствія. „Такой-то взятъ, тотъ-то замѣшанъ, говорятъ,“ разказывалось вполголоса въ столичныхъ и губернскихъ обществахъ; и точно также какъ не вѣрилось что въ скромныхъ, знакомыхъ намъ людяхъ явилось геройство, такъ же не вѣрилось: какъ могъ такой-то, образованный, прекрасный съ виду человекъ залѣзть добровольно по уши въ такую грязь и подлость? „Быть не можетъ,“ невольно срывалось съ языка, при слухахъ о грустныхъ открытіяхъ слѣдователей; а между тѣмъ неопровержимыя улики, доказательства ярко озарили страшную картину злоупотребленій. Каково было глядѣть на нее честнымъ односельчанамъ этихъ ладшихъ нравственно людей? Что должна была переживать, вынести иная мать, глядя на невинныхъ дѣтей, отецъ которыхъ олозорилъ свое имя предъ всею Россіей? И надо отдать справедливость, общество, правительство, простонародье, всѣ, всѣ старались поскорѣй забыть имена ладшихъ, чтобы какъ-нибудь невольно не маломнить, не оскорбить намекомъ неповинныхъ ихъ семьянъ; участіе доходило до того что самихъ разжалованныхъ общество не казнило презрѣніемъ,

отдавая содѣянное ими на судъ собственной ихъ совѣсти. Несправедливо пные объясняютъ равнодушіемъ, безучастнымъ отношеніемъ къ добру и злу эту высокую черту нашего общества; мы ищемъ глубже ея корня: онъ лежитъ въ тѣхъ же задогахъ любви, залогахъ смутно сознаваемыхъ, небрегомыхъ обладателями, но искони, повторяемъ, хранящихся въ душѣ русскаго человѣка. „Несчастливымъ“ издавна звалъ и зоветъ народъ нашъ всякаго преступника; будь это воръ, убійца, всѣмъ у него одно названіе: „несчастный“.

Въ число эгихъ, поистинѣ несчастныхъ, завела необуздываемая алчность и Тарханкова. Получивъ отъ Аристархова на семьдесятъ тысячъ заемныхъ писемъ, годныхъ развѣ для заворачиванія бритвенныхъ кисточекъ (ихъ была кстати цѣлая коллекція у Павла Ивановича), Тарханковъ точно конь закусил удила; съ налитыми кровью глазами, понесся онъ, влекомый страстью, чрезъ изгороди, бездорожицей, не разбирая проластей, кустовъ, колючки держи-дерева, крутизнь, овраговъ. Адвокатъ подлилъ масла, свѣтильникъ вспыхнулъ и разгорѣлся, дабы освѣтить то чего было не видно въ полумракѣ, весь безпорядокъ и соръ плохо прибранной комнаты. Наткнувшись на честность командировъ ополченій и полковъ, онъ пробовалъ всевозможныя средства, сначала чтобы сбыть гнилой провіантъ, извѣденныя молью шинели и полушубки, потомъ чтобы хоть съ убыткомъ; вылутаться, улести по добру по здорову ноги, но дѣло не выгорѣло. Полетѣвшія съ разныхъ сторонъ донесенія подкрѣплены были энергическимъ вмѣшательствомъ руссофила. Взявъ нѣсколько полушубковъ, салоковъ, доставленныхъ для его ополченцевъ, находившихся въ Севастополѣ (руссофилъ былъ, какъ мы уже сказали, начальникомъ своего губернскаго ополченія), честный начальникъ отправился съ ними прямо къ главнокомандующему. Послѣдній ужаснулся, увидя вещи, и тутъ же велѣлъ усилить комиссію которой поручено уже было дознаніе. Тотчасъ по сдачѣ Севастополя, присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ началъ формальное слѣдствіе, первый актъ коего читатель и видѣлъ вмѣстѣ съ нами сквозь окно станціоннаго дома.

„Предопредѣленіе“, сказалъ бы, вѣроятно, самъ Тарханковъ, еслибы не былъ прикосновенъ къ дѣлу, увидавъ какъ аккуратность его крѣпостнаго лисьмоводителя, Василья, и собственная страсть къ бумагамъ красиваго шрифта сразу

помогли слѣдователю поймать конецъ нитки огромнаго клубка, намотаннаго и залутаннаго не безъ ловкости. Василій Семеновъ обезумѣлъ самъ отъ удивленія, увидя такое важное прижненіе своей, казалось, безцѣльной и лустой работы.

Свявъ допросы, слѣдователь, въ сопровожденіи жандарма, отправилъ Павла Ивановича, впрочемъ въ его собственной коляскѣ, въ ближайшій губернскій городъ, объявивъ что онъ долженъ подвергнуть его домашнему аресту. Коммиссаріатскій, слутникъ Тарханкова, оказался членомъ слѣдственной коммиссіи; къ Павлу Ивановичу онъ подѣхалъ, съ недѣлю тому назадъ, въ видѣ ходатая по дѣлу его; фамилія чиновника оказалась псевдонимомъ. Василій Савельевъ и поваръ получили тоже двухъ провожатыхъ, или, по выраженію Василья, „двухъ архангеловъ“. Поваръ, любитель музыки, попросилъ у жандармовъ позволенія взять куленную у ямщика на станціи балалайку, и усѣвшись на фургонъ, всю дорогу наяривалъ *Камаринскую*, трелака и *Барыню*.

Василій Савельевичъ Аристарховъ не только не былъ замѣчанъ въ дѣло, но не былъ и подозрѣваемъ; никакихъ писемъ, ни даже имени его не попадалось въ арестованной походной перепискѣ Павла Ивановича. Вѣроятно, предвидя исходъ предпріятія, умный и опытный адвокатъ ограничился получениемъ заемнаго письма и не вступалъ въ корреспонденцію и сообщество съ Тарханковымъ.

Отрадно было одно что кучка проворовавшихся была ничтожна въ сравненіи съ многочисленнымъ, почтеннымъ сонмомъ истинныхъ героевъ, людей явившихъ чудеса честной вѣрности долгу и мужества. Иноземныя войска несли изъ-подъ Севастополя домой гордое, хотя не совсѣмъ вѣрное, сознаніе побѣды, наши несли внутрь Россіи думу о самихъ себѣ, смиреніе предъ путями Промысла и отрадное чувство, убѣжденіе, что правота дѣла все-таки на нашей сторонѣ, что такъ или иначе кончилась борьба, но Русь стояла честно и за святую истину.

Что дала имъ война, что намъ, повѣдать объ этомъ человечеству; дѣло историка. Прикованному же къ заранѣе обдуманному плану разкащику приходится оставить широкую рѣку народной жизни и снова лыть по узкимъ, мутнымъ и свѣтлымъ жизненнымъ ручьямъ отдѣльныхъ нарисованныхъ имъ личностей. Пойдемте въ эти тайники, порою мрачныя, порою озаряемыя, словно солнцемъ, лучами вѣчно зиждущей любви.

И какъ отрадно лобывать въ послѣднихъ, такъ тяжело спускаться въ мрачную, затхлую и сырую глубину лишенныхъ свѣта и тепла, душевныхъ подземелій.

Петръ Лучаниновъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, хотѣлъ проситься въ отпускъ, съ тѣмъ чтобы выйти совсѣмъ въ отставку (безденежье не позволяло ему служить въ кавалерію), когда встрѣтившійся съ нимъ въ Крыму руссофилъ, пріятель отца и кромѣ того крестный отецъ Петра Алексѣевича, уговорилъ его отправиться съ нимъ въ качествѣ адъютанта ихъ ополченія; прежній адъютантъ былъ тяжело раненъ и лежалъ въ больницѣ въ Одессѣ. Лучаниновъ возразилъ было „что это нельзя, не переведутъ“.

— Это не твое дѣло; твое дѣло сказать: желаешь или нѣтъ? перебилъ его помѣщикъ.

Лучаниновъ отвѣчалъ что онъ не прочь. Руссофилъ взял шапку и поѣхалъ къ полковому командиру Лучанинова; съ недѣлю онъ ѣздилъ по бригаднымъ, дивизионнымъ генераламъ, по военнымъ штабамъ, канцеляріямъ и выхлопоталъ таки приказъ „о прикомандировкѣ гусарскаго корнета Лучанинова къ начальнику такого-то губернскаго ополченія“. Ополченіе было уже на обратномъ походѣ, когда они выѣхали изъ Крыма на почтовыхъ, чтобы догнать его. Черезъ нѣсколько станцій, рано утромъ, они догнали ратниковъ; ополченцы поднимались съ дневки; народъ шелъ бодро, больныхъ было немного, но одежда и особенно обувь была плоха у многихъ.

— И воровать у этого бѣднаго народа, говорилъ влодоголоса Лучанинову руссофилъ, расхаживая вмѣстѣ съ нимъ по выстроившимся рядамъ ополченцевъ.—Понимаешь ты телеръ всю гнусность поступка этихъ.... Какъ назвать ихъ? добавлялъ онъ, взбираясь на телѣгу.

Отѣхавъ станцію, двѣ, они останавливались, чтобы снова осмотрѣть ополченцевъ; начальникъ иногда подчивалъ ихъ на свой счетъ водкой. Зная съ дѣтства руссофила, Петръ Лучаниновъ не удивлялся его распорядительности и аккуратности; точно такъ дѣло шло у него и дома въ хозяйствѣ: со свѣтомъ поднимался онъ и отправлялся на бѣговыхъ, старинныхъ, звонкихъ дрожкахъ на работы. Старушка жена (они были бездѣтныя) отправляла ему въ поле обѣдъ; послѣ обѣда отдыхалъ онъ на снѣгѣ или на снопахъ и только вечеромъ воровчался домой. Возвращаясь, онъ ѣхалъ обыкновенно шажкомъ, саженьхъ въ двадцати, за идущею толпою, и слушалъ

хоровую лѣсноу косцовъ.... Мужики и дѣвки, зная слабую струву ломѣщика, по воскресеньямъ собирали хороводъ на зеленомъ дугу предъ стариннымъ его флагелемъ.

Въ Москвѣ Лучаниновъ заговорилъ было о разчетѣ проговоръ и сталъ благодарить на прощаньѣ своего спутника, но руссофилъ отвѣчалъ на это:

— Да кто же тебя отпуститъ; ты обязанъ проводить до мѣста ополченіе. Да потомъ что тебѣ здѣсь дѣлать? Опять плясывать съ какими-нибудь скотами? Вздорь.... Ты поѣдешь ко мнѣ въ деревню.

Лучаниновъ что-то хотѣлъ возразить, но краснолицый, прехладнокровно указавъ малому на чемоданъ Петра Алексѣевича, произнесъ:

— Что жъ ты стоишь, дуракъ эдакой.... Выноси....

— Я думалъ, началъ было слуга.

— Думаютъ, братецъ, люди умные; гдѣ намъ съ тобой.... Готово что ли? Ну, поѣдемъ. Одѣвайся.

Лучаниновъ надѣлъ шинель, бормоча себѣ что-то подъ носъ, а черезъ недѣлю сидѣлъ въ деревнѣ краснолицаго, пославъ въ свой полкъ прошеніе объ отставкѣ. Въ Москвѣ онъ успѣлъ только заѣхать къ Корневу; въ свой домъ, на который уже наложено было запрещеніе, онъ не заѣхалъ даже; тамъ впрочемъ и не было никого; Лаврило Алексѣевъ жилъ съ семьей въ уѣздномъ городѣ, гдѣ перебивались и прочіе отлученные на волю дворовые; поваръ нашелъ себѣ мѣсто въ Москвѣ, а Петруша приводилъ въ порядокъ планы владѣній и размежевывалъ Корнева съ однимъ деревенскимъ сосѣдомъ.

XXII.

Года черезъ полтора отъ описаннаго въ предыдущей главѣ, вечеромъ, у одного извѣстнаго литератора и вмѣстѣ замѣчательнаго музыканта, князя О., въ Петербургѣ, гремѣлъ квартетъ. Первую скрипку игралъ Барскій; въ числѣ довольно многочисленныхъ слушателей и слушательницъ сидѣлъ нашъ знаменитый Михаилъ Ивановичъ Глинка.

— Знаете отчего вамъ не везетъ? сказалъ онъ, подойдя къ Барскому, усѣвшемуся къ чайному столу послѣ квартета.

Барскій вѣжливо поднялся съ своего мѣста.

— Вамъ надобно перемѣнить вашу фамилію, продолжалъ

комплонистъ, на какую-нибудь иностранную. Съѣздивъ на полгода въ Парижъ, возвратитесь вы оттуда назвавшись какимъ-нибудь, хоть „Синьйорини“. Посмотрите какъ повезетъ вамъ.

— Правда, подтвердила хозяйка, передавая чашку Барскому.

— Простите меня, Михаилъ Ивановичъ, отвѣчалъ скрипачъ; — не подумайте что я слишкомъ высоко цѣню себя, но, положивъ руку на сердце, сознайтесь: вѣдь и вамъ, кажется, не худо бы переименоваться хоть въ „Глинчини“. Какъ бы мы, Русскіе, высоко чтили тогда и васъ, и ваши оперы.

Хозяйка разсмѣялась. Глинка пожалъ плечами и отвѣчалъ:—

— Пожалуй что; въ Глинчини надо и мнѣ... пожалуй что и правду вы замѣтили, Захаръ Петровичъ.

Музыкантъ давно былъ женатъ на 'Елизаветѣ Николаевнѣ и имѣлъ уже дочь. Жили они на той же квартирѣ на Васильевскомъ островѣ. Попрежнему сидѣлъ онъ, но не во второмъ, а уже въ третьемъ ряду первыхъ скрилокъ опернаго оркестра. Какъ затерялся въ общемъ звонѣ широкой тоны его скрипки, такъ точно негромкое имя его и самъ онъ исчезли въ толпѣ музыкантовъ; всегда, правда, ему поручалъ почему-то капельмейстеръ вывѣрить партіи, отыскать фальшивый „цисъ“ у того или у другаго инструмента, прорелетировать съ квартетомъ арію лѣвца или лѣвицы, но исполненіе этихъ лестныхъ порученій, отнимая время у исполнителя, не прибавляло ему ни жалованья, ни особаго почета. Небольшой кругъ истинныхъ любителей музыки цѣнили замѣчательное дарованіе скрипача, приглашали его играть на вечера къ себѣ; но наслаждаясь его игрой, говоря любезности (какъ это водится за нами Русскими) никто изъ истинныхъ любителей даже не попытался помочь взойти на данную ему, такъ сказать свыше, эстраду концертиста. Барскій, изъ скромности, не просилъ ихъ объ этомъ, а они сами не догадались: такъ и остался музыкантъ чернорабочею силой, не нуждаясь въ деньгахъ, правда (онъ имѣлъ уроки), но нуждаясь въ случаѣ подѣлиться, выказать обществу всю ширь своего дарованія; а это много тяжеле чѣмъ не долить и не доѣсть для прирожденнаго художника.

Насъ упрекнуть, быть-можетъ, въ пристрастіи, въ преувеличеніи; скажутъ: „ужь не такой же талантъ какъ онъ описываетъ“. Актеръ, отвѣтимъ мы на это, виртуозъ, лѣвецъ лишены возможности опровергнуть на дѣлѣ подобное сомнѣніе, лишены

съ той минуты какъ умолкъ навсегда звукъ ихъ инструмента, голоса. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось послѣ нихъ? Разказъ восторженнаго почитателя, которому не-очевидцы не повѣрять, скажутъ: „это пылкая голова; къ тому же онъ былъ молодъ, слушая, самъ ничего не понималъ; это ему такъ показалось“, и т. д. Чѣмъ доказать что это было? что это былъ громадный талантъ, затертый въ толлу нашимъ невниманіемъ? Нечѣмъ. Мы попробуемъ однакожь 'пригласить недовѣрчивыхъ взглянуть на висяція въ русскихъ галереяхъ картины, хоть напримѣръ, бывшаго крѣпостнаго, Тропинина. Смѣло просимъ ихъ сравнить его картины съ современными Тропинину (да пожалуй и намъ) произведеніями европейскихъ живописцевъ. Сравните и скажите намъ по совѣсти, хуже нашъ Тропининъ, не говорю ужъ о Егоровѣ, Шебуевѣ, Ивановѣ, какого-нибудь Плекгорста или Мессонье, покупаемыхъ нами за диковинныя цѣны у ловкихъ иностранцевъ? Такъ почему же, если русская кисть способна лѣтъ такія гармоничныя, очаровательныя лѣсни, почему русскому смычку не сумѣть срисовать родную „стель“, или вѣрно и ярко передать назначенныя геніальнымъ компонистомъ краски? Не потому ли ужъ что этотъ сказочный смычокъ приписанъ, по ревижскимъ сказкамъ, къ числу двухъ тысячъ душъ помѣщика? Къ несчастью такихъ скептиковъ (еслибы оказались таковые), Тотъ Кто даетъ таланты рѣдко справляется съ ревижскими и послужными, и всякими другими людскими списками.

Объ освобожденіи Барскаго въ обществѣ ходилъ неясный слухъ что онъ обязанъ имъ старой графинѣ и Жуковскому; вѣрнаго, впрочемъ, ничего не могъ онъ ни отъ кого добиться; такъ деликатно была оказана помощь. Замѣчательно, что въ тотъ самый день въ который вѣхалъ въ Петербургъ Барскій, въ Александро-Невскую лавру тянулся длинный похоронный поѣздъ старушки графини. Проѣзжая на другой день утромъ мимо ея дома, музыкантъ увидалъ остатки можжевеловика, убираемые дворникомъ; сторы въ окнахъ были опущены; старинный домъ точно зажмурился, собираясь вздремнуть, на досугъ, въ тишинѣ водворившейся въ немъ по отъѣздѣ навсегда старой хозяйки. Князь О. сообщил потомъ Барскому что одинъ изъ наследниковъ графини разказалъ, будто превосходная коллекція старыхъ италіянскихъ скрипокъ и аальтовъ графини украдена не задолго до ея смерти и

замѣнена копиями. Скрипачъ ахнулъ и поблагодарилъ судьбу счастливую отъ похищенія его красавицу Гварнери.

— А то вѣдь и ее бы увезли за границу, говорилъ онъ.

— Да неужели за границу увезена коллекція? спросилъ кто-то.

Въ отвѣтъ на это музыкантъ подробно разказалъ обществу исторію инструментовъ знаменитаго оркестра В—хъ, гдѣ старыя италіянскіе не только скрипки, но виолончели и контробасы, точно Сабинки, были похищены всѣ цѣликомъ, только не Римлянами.

Музыкальный вечеръ кончился.

— А вы слышали что вашъ Тарханковъ лодъ судомъ? спросилъ князь, прощаясь съ Барскимъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ музыкантъ.— Жаль все-таки его, но нѣтъ вѣдь худа безъ добра, не поможетъ ли это какъ-нибудь Лучаниновымъ? Вы слышали ихъ исторію?

— Слышалъ, отвѣчалъ князь;— но какъ же поможетъ? Непростительная небрежность со стороны старика, добавилъ онъ.

— Вы незнакомы съ ними? спросилъ Барскій.

— Нѣтъ, но слышалъ о нихъ много отъ графа Н.

Онъ назвалъ фамилію графа охотника, котораго не разъ уже встрѣчалъ читатель.

Среди блеска и роскоши столицы, небогатый уголь музыканта былъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ зеленыхъ, свѣжихъ закоулковъ правильно разбитаго парка, въ которые такъ и хочется хоть заглянуть гуляющему по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ съ бордюрами изъ залыненныхъ цвѣтовъ и подстриженныхъ скучныхъ акацій. „Не разстался бы съ этимъ захоlustьемъ,“ думаетъ гуляющій, забравшись въ благоволенную чащу свѣжей зелени, но вотъ неумолимый сторожъ замѣчаетъ: „не угодно ли вамъ выйти на аллею?“ Продолжаю сравненіе: надъ этимъ свѣжимъ, уютнымъ уголкомъ, чудилось бытъ-можетъ нервному хозяину, висѣла какая-то бѣда, туча. Состояніе духа Барскаго было не то что мрачное.... Оно похоже было на весенній теплый, пасмурный день; благоухаетъ зелень, птицы щебечуть и звенятъ въ сосѣдней рощѣ, но воздухъ влаженъ, душенъ. „Если это не предъ грозой,“ думаетъ лѣшеходъ-лутникъ, „по крайней мѣрѣ надо ждать ненастья, и сильнаго“. Ни слова не говорилъ музыкантъ женѣ о своемъ непонятномъ предчувствіи, но она знала безъ его словъ что онъ ждетъ чего-то. Елизавета Николаевна на второй годъ

свадьбы часто прихварывала, кашляла по временамъ; доктора говорили что нѣтъ ничего опаснаго, но однако запретили ей заниматься музыкой. Это послужило новою лицею для нравственнаго состоянія Барскаго. Онъ вспоминалъ часто утро когда они играли, предъ его отъѣздомъ въ деревню, концертъ Вьетана.... „Я не сыграю его такъ теперь, и никогда, кажется,“ размышлялъ онъ самъ съ собою, „не вложу въ него этого жгучаго горя, которое само тогда, помимо моего сознанія, почти воплотилось въ звуки, передѣлало во что-то свое чужую музыкальную думу. И у нея, въ акомпаниментѣ, положительно, вотъ какъ сейчасъ я слышу, были звуки литавръ покрытыхъ крепомъ; и она не повторить, не добудетъ въ другой разъ похоронно-лечальнаго, страшнаго звука изъ-подъ клавишъ. Похороны, правда, были; умеръ старикъ,“ утѣшалъ себя мыслительный художникъ. Но на другой же день, иногда ночью, въ бессонныя минуты, снова слышался, внутреннему слуху его, мрачный, тяжелый, похоронный стукъ литавры, снова припоминалось это загадочное утро. „Это бываетъ только разъ въ жизни и бываетъ не даромъ,“ думалъ музыкантъ. „Это предчувствіе, болѣзненная дальнозоркость духовнаго ока. Случится съ вами что-нибудь недоброе.“ И онъ дрожалъ за жену, за ребенка; засидѣвшись гдѣ-нибудь на вечерѣ, онъ мучился, думалъ: „не заболѣлъ ли кто, не случилось ли чего“ и т. п. Товарищи по оркестру, знакомые начали, наконецъ, замѣчать тяжелое душевное настроеніе скрилача и совѣтовали ему ѣздить, съѣздить за границу. „Да, нужно, надо,“ говорилъ онъ, желая отдѣлаться отъ совѣтовъ и никому не повѣряя чѣмъ страдаетъ; да и совѣстно было разказывать о такой странности. Иногда самъ онъ начиналъ смѣяться надъ собою внутренно, старался убѣдить себя что это вздоръ, но въ ту же минуту какой-то внутренній голосъ говорилъ ему: „не притворяйся, не зачѣмъ. Чтѣ надувать себя? Ты знаешь, вѣдь, что это сбудется, что это вовсе не вздоръ, а правда.“ Бѣднакъ соглашался съ этимъ, вздыхалъ, и снова впадалъ въ свою неотвязную задумчивость.

Развитію такого страннаго настроенія не мало помогала не удовлетворенная, не высказавшаяся вполнѣ натура художника; не самолюбіе смѣдало его; его одолевалъ грузъ собственной, не примѣненной къ сродному ей дѣлу силы; томилась невозможность подѣлиться съ людьми звуками наполняющими душу. Часто, въ сумерки, вставъ противъ окна, онъ принимался

фантазировать; и слушала одна молодая жена эти чудныя бесѣды съ самимъ собою, эти мелодическія жалобы безъ словъ, слушала, склонясь надъ колыбелью засыпающаго ангела ребенка. Знала она „что“ думаетъ мужъ-художникъ, заливаясь точно одинокій соловей въ глуши безлюднаго кустарника въ весенній, теплый, лунный вечеръ; а люди, жалуясь на скуку и тоску, сидятъ всѣ по домамъ зѣвая и придумывая: чѣмъ бы имъ развлечься? А что бы выйти и послушать одинокаго лѣвца, мечущаго даромъ въ вечерній, лѣтній воздухъ свои звонкія, серебряныя трели?

„Ну, вотъ и воля“, думаетъ виртуозъ, поцѣловавъ вошедшую жену и укладывая со сдержаннымъ вздохомъ свою звонкую, лѣвучую Гварнери. Даже отъ князя О. и изъ другихъ музыкальных салоновъ отгирали его доброжелатели; заѣзжіе виртуозы (исключая славнаго учителя Барскаго, Вьетана, этого царя скрипачей, богатыря скрипки), когда ихъ спрашивали объ игрѣ Барскаго, отвѣчали: „Да, у него есть талантъ, хотя ему не достаетъ.... какъ бы это назвать вамъ?“ И они долго подбирали слово для точнѣйшаго выраженія чего не достаетъ, скромно умалчивая о томъ чего такъ много было въ отчетливой и вмѣстѣ задушевной, жаркой игрѣ русскаго музыканта. И что жъ вы думаете? Мало-по-малу, исключая князя О., да испытывающаго на дѣлѣ эти же невзгоды Глинка, да еще двухъ, трехъ любителей, въ салонахъ начали повторять отзвѣвы заѣзжихъ знаменитостей: „у него есть талантъ, хотя не достаетъ въ его игрѣ.... какъ бы это мнѣ выразить?“ слово-въ-слово повторяли разные, считающіе себя знатоками музыки лишь потому что они не пропустили ни одного абонемена италіанской оперы. Барскій отмалчивался, скрывая тяжелую боль наносимую этими, повидимому ничтожными, а между тѣмъ отгораживающими его все болѣе и болѣе отъ вострады солиста, отъ истиннаго дѣла, словами невѣжественныхъ отъщениковъ. Вѣдали ли они что творили?

Часовъ въ девять утра, на другой день квартета, Барскій сидѣлъ съ женою за самоваромъ; кто-то позвонилъ; нянька отворила, и въ комнату вошелъ Корневъ. Барскій познакомилъ его съ женою.

— Очень я радъ видѣть васъ, говорилъ хозяинъ, усаживая гостя къ чайному столу.—Скажите, гдѣ теперь и что подѣлываетъ Лучавиновъ Владиміръ Алексѣевичъ?

— Служить все тамъ же, но вотъ съ полгода я не получаю отъ него писемъ; правда, и самъ не писалъ, отвѣчалъ Кор-

невъ.—Брата его я видѣлъ мелькомъ въ Москвѣ; онъ, кажется, въ отставку и живетъ въ деревнѣ у одного помѣщика, друга отца.

— Хочу попробовать я написать Владиміру Алексѣвичу, говорилъ Барскій;—мнѣ онъ очень понравился, и потому я часто вспоминаю наше первое знакомство; вѣдь, знаете, тогда, да и теперь бы... вѣдь отдыхаешь встрѣчаясь съ такими теплыми, искренними людьми.

— Да, это правда, подтвердилъ Корневъ.

Онъ былъ какъ-то разсѣянъ; замѣтно было что ему нужно было о чемъ-то переговорить наединѣ съ музыкантомъ. Хозяйка, замѣтивъ это, вышла.

— Что ваша музыка? спросилъ Корневъ.

— Играю въ оркестрѣ; учу дѣтей разныхъ сіятельныхъ и несіятельныхъ господъ, отвѣчала Барскій.—Это вы для чего же меня о ней спросили?

— То-есть какъ для чего? У васъ такой талантъ что мнѣ кажется... началъ было Корневъ.

Барскій взялъ его за руку и произнесъ:

— Не завидуйте, Григорій Сергѣевичъ.

— Я не завидую, но...

— Будетъ объ этомъ, перебилъ Барскій.— Хныкать, жаловаться я не охотникъ, ѳ... Давайте о чемъ хотите говорить, только не объ этомъ, не о музыкѣ. Не видали ли вы кого-нибудь изъ нашихъ общихъ, впрочемъ немногочисленныхъ знакомыхъ?

— Видѣлъ. Вотъ я, кромѣ желанія, разумеется, васъ видѣть...

Вѣжливость иногда доходящая до смѣшнаго, рядомъ съ запальчивостью, была одною изъ слабостей Корнева.

— Кромѣ, говорю, того что мнѣ хотѣлось... повторилъ онъ.

— Къ дѣлу, безъ прелюдій, перебилъ Барскій.

Корневъ немного покраснѣлъ отъ замѣчанія музыканта и началъ:

— Я пріѣхалъ по порученію Сергѣя Александровича Палашова, съ которымъ недавно познакомился; онъ живетъ теперь въ Москвѣ; онъ просилъ меня передать вамъ насчетъ какой-то пѣвицы Груши. Писать хотѣлъ онъ, но не можетъ: съ нимъ недавно былъ ударъ...

— Ударъ?

— Да; теперь однако ему лучше, продолжалъ Корневъ.—

Она васъ проситъ пристроить ее гдѣ-нибудь въ Петербургѣ; ее выключили изъ театральнаго училища какъ неспособную, и бѣдняжка живетъ у какихъ-то швей, крѣпостныхъ Тарханкова; она безъ куска хлѣба...

Барскій задумался.

— Вы когда ѣдете? спросилъ онъ.

— Послѣ завтра; потомъ я буду здѣсь опять черезъ недѣлю, но проѣздомъ за границу въ Парижъ и, можетъ-быть, въ Италию, отвѣчалъ Корневъ.—Я пріѣхалъ теперь по имѣнію переговорить съ дядей; послѣ поѣду въ деревню и черезъ недѣлю, много дѣвъ, уѣду за границу.

— Позвольте мнѣ переговорить съ женой; у васъ есть полчаса времени? спросилъ Барскій.

Корневъ отвѣчалъ что есть. Музыкантъ вышелъ въ другую комнату. Григорій Сергѣевичъ курилъ палиросу и, отъ нечего дѣлать, перелистывалъ ноты лежавшія на закрытой рояли.

— Умница, говорилъ Барскій, глядя по головѣ жену, входя съ ней подъ руку въ гостиную. — Отлично; кажется, дѣвочка будетъ пристроена, и какъ нельзя лучше. Что жь, надо ѣхать?

— Сегодня не застанете. Его нужно заставить утромъ, замѣтила Елизавета Николаевна.

— Правда, отвѣчалъ Барскій.—Завтра вы свободны, такъ, часу въ девятомъ утра? спросилъ онъ Корнева.

— Свободенъ.

— Пріѣзжайте же ко мнѣ. Я васъ познакомлю съ петербургскими Аѳанасьемъ Иванычемъ и Пульхерією Ивановною, говорилъ Барскій.

— Кто же это такіе? спросилъ Корневъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Это, батюшка, силаща на контробасъ. А нѣтъ ли репетиціи завтра? говорилъ Барскій.

— Нѣтъ; повѣстки не было, отвѣчала Елизавета Николаевна.

— Да, завтра репетируюгъ балетъ. Лучше нельзя устроить дѣвочку. Только бы взялъ Иванъ Евстаѣвичъ, толковалъ Барскій. Но я радъ что васъ съ нимъ познакомлю... Чудакъ, но прелестнѣйшій человекъ. А вѣдь тоже аристократическаго происхожденія, какъ и я, изъ крѣпостныхъ же.

— Оба, и мужъ и старушка, превосходные люди, подтвердила Елизавета Николаевна, принимая отъ няньки на руки глѣзвущую на незнакомца дочку.

Проводивъ Корнева, Барскій отправился на уроки.

На другой день, часу въ девятомъ утра, Корневъ завхалъ къ музыканту, и они отправились вмѣстѣ въ одну изъ сосѣднихъ линій Васильевскаго острова. Сани ихъ остановились у деревяннаго стараго дома въ пять оконъ на улицу. Отворивъ калитку, Барскій повелъ Корнева узенькимъ проходомъ между небольшими, новенькими, опрятными будочками.

— Это куриный городокъ, объяснилъ, улыбнувшись, Барскій, указывая на курятники.

— Вижу, отвѣчалъ Корневъ, вслушиваясь въ говоръ и крикъ пернатыхъ обитателей городка.

Поднявшись на крыльцо, прѣвхавшіе прошли сѣни; Барскій отворилъ обитую мовою клеенкой дверь.

— Да лестрая не клохчетъ, Иванъ Евстаѣвичъ, говорила крестьянка, молодая баба, стоя съ вѣникомъ въ рукѣ, спиною къ вошедшимъ.

Увидя наконецъ гостей, она обдернула подоткнутый спереди фартукъ, поставила вѣникъ въ уголъ и низко поклонилась.

— А я тебѣ говорю: клохчетъ; я самъ щупалъ ее сегодня, отвѣчалъ чей-то стариковскій, но бодрый голосъ изъ сосѣдней, притворенной комнаты.

— Дома. Раздѣвайтесь, Григорій Сергѣевичъ, произнесъ Барскій, снимая мѣховое пальто свое.

Гости вошли въ небольшую залу; высокій, довольно плотный, сѣдой старикъ, въ длинномъ сюртукѣ, стоялъ, вытянувшись, на стулѣ у окна и чистилъ канареечную клѣтку.

— Такъ лестрая клохчетъ, Иванъ Евстаѣевичъ? спросилъ Барскій, остановившись у дверей.

— Смѣйся, отвѣчалъ, не оборачиваясь, старикъ;— вотъ погоди, дѣтшишками обзаведешься, самъ будешь куриць щупать, прибавилъ онъ, двигая дощечку съ чистымъ лескомъ и свѣжимъ кормомъ.

Неторопливо повѣсивъ клѣтку, онъ слѣзъ со стула, отрянулъ сѣмя и лесокъ съ сюртука, поправилъ свѣтлорусые, съ просѣдью, густые, курчавые волосы и протянулъ руку Барскому.

— Позвольте васъ познакомить, началъ Барскій.— Григорій Сергѣевичъ Корневъ; артистъ театровъ Иванъ Евстаѣевичъ Матвѣевъ.

— Здравствуйте, сударь, здравствуйте, обратился хозяинъ

къ Корневу, пожавъ руку; очень пріятно; прошу покорнѣйше...
Татьяна Алексѣевна! Вы скоро? Чайку бы намъ...

— Сейчасъ, сейчасъ Иванъ Евстаѣевичъ.... Сливокъ не принесла Агаѣя.... Прикажи, батюшка, ей, потрудица, раздался изъ сосѣдней затворенной комнаты голосъ старушки.

— Агаѣя! Сливки ты забыла принести Татьянѣ Алексѣевнѣ, сказалъ, обратясь къ вошедшей кухаркѣ, Иванъ Евстаѣевичъ.—А морозецъ градусовъ около тридцати, надо быть. Не посмотрѣлъ я на градусникъ. Что, у тебя не холодно?

— Да есть такъ; не жарко, отвѣчалъ Барскій.

— Говорилъ я твоему хозяину еще при старикѣ: „проковылать“. Вотъ я дворецъ свой переконопатилъ, — не нарадуюсь, хоть въ рубахѣ сиди, такъ въ пору; а вѣдь зима-то конче наша русская. Что, посадила? спросилъ онъ, оборотясь къ кухаркѣ, проходившей съ кринкой черезъ комнату.

— Сидитъ, отвѣчала кухарка.

— А говоришь, не знаяши, замѣтилъ Иванъ Евстаѣевичъ.

— Вотъ одолѣли человѣка курицы, замѣтилъ въ свою очередь Барскій.

— Смѣйся, отвѣчалъ, понюхавъ табаку, хозяинъ.

Корневъ оглядывалъ комнату; по угламъ, точно часовые, стояли два огромные ящика съ контробасами; у стѣнки старинное фортепиано, покрытое черною клеенкой; надъ окнами висѣли кѣтки съ канарейками; на подоконникахъ стояло безчисленное множество горшковъ съ цвѣтами, съ луковичами гіацинтовъ подъ стеклянными банками; въ нѣкоторыхъ горшкахъ ничего не было кромѣ воткнутой въ землю лучинки съ бумажкой; изъ сосѣдней комнаты по временамъ доносился рѣзкій перебой перепела.

— Вотъ, нынче у меня камелія что-то долго не цвѣтетъ, началъ хозяинъ, замѣтивъ что Барскій смотритъ на какое-то растеніе.—А что, расцвѣла ли моя у Елизаветы Николаевны?

— Расцвѣла, отвѣчалъ Барскій.—Какія у насъ азалии!

— Ну ужъ, братъ, перещеголяю; погоди; на той недѣлѣ прѣзжайте, увидите, отвѣчалъ Иванъ Евстаѣевичъ.

— Пожалуйте, раздалось изъ сосѣдней комнаты.

Служанка отворила обѣ половинки дверей и ушла. Хозяинъ ввелъ гостей въ просторную комнату, убранную старинною мебелью краснаго дерева; въ углу, въ кіотѣ съ образами въ серебряныхъ окладахъ, теплилась лампадка; на окнахъ и на зеленыхъ лѣсенкахъ подлѣ нихъ стояли тоже горшки съ цвѣ-

тами; на диванѣ сидѣла старушка въ челуѣ за чайнымъ круглымъ столомъ, уставленнымъ корзинами съ булочками, колобками, масленицами и молочниками разныхъ архитектуръ и калибровъ; надъ всею этою дребеденью гордо шилъ, точно разбогатѣвшій вдругъ кулець, самоваръ, вычищенный какъ зеркало.

— Жена моя, Татьяна Алексѣевна, проговорилъ Иванъ Евстаѣевичъ;—извините, сударь, заламятовалъ вашу фамилію... Да ужъ и имя и отчество позвольте.

— Григорій Сергѣичъ Корневъ, поклонившись, отвѣчалъ гость.

Сухая, низенькая и худощаая старушка, съ трясущеюся вѣсколко головой, приподнялась, промолвивъ: „покорнѣйше прошу, батюшка.“

— Елизавета Николаевна все ли въ добромъ здоровьѣ? обратилась она, снова усѣвшись на свое мѣсто, къ Барскому.—Что ея кашель? Употребляетъ ли она мое лѣкарство?

— Лучше, Татьяна Алексѣевна. Благодарю васъ; но все боюсь я за нее, все кашляетъ, отвѣчалъ Барскій.

— Зима вонче холодная, замѣтила старушка, наливая стаканы.—Покорнѣйше прошу, сударь, обратилась она къ Корневу.

Корневъ глядѣлъ во всѣ глаза на эту обстановку, наломившую ему деревню, дѣтство, бабушку, и едва вѣрилъ что онъ въ Петербургѣ.

— Не правда ли, удиллія? шепнулъ ему на ухо Барскій, угадавъ его мысли.

Хозяинъ принялся за чай, за колобки и мало обращалъ вниманія на посѣтителей.

— Точно бы масло горьковато въ колобкахъ, замѣтилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ.

— Ужъ я и сама вижу.... Поскупились.... Надо бы изъ новой кринки взять, озабоченно отвѣчала старушка.—Не угодно ли вамъ крендельковъ, сударь, предложила она Корневу.—Что же вы масла-то, Захаръ Петровичъ? Сливочное, свѣжее; вчера только что сбила.

— Ты слышала, Татьяна Алексѣевна, какъ онъ баранины-то купилъ вмѣсто лося? размѣявшись до слезъ, перебилъ Иванъ Евстаѣевичъ.

Старушка тоже размѣялась, проговоривъ: „ну да, вѣдь, гдѣ же имъ знать?“

— А васъ прошу, Татьяна Алексѣевна, запретить ему куръ щупать, отвѣчалъ Барскій, доливая стаканъ. — Помилуйте, приходитъ въ оперу, — весь фракъ въ куриныхъ перьяхъ.

— И фрака-то я сроду не носилъ, возразилъ хозяинъ.

— Ну, сюртукъ, поправилъ Барскій.

— Смѣйся... А вы чѣмъ же занимаетесь, сударь? Любите ли, полагать надо, музыки? спросилъ хозяинъ, обратившись къ Корневу.

— Люблю, но самъ ни на чемъ не играю; я математикъ, отвѣчалъ Григорій Сергѣевичъ.

— Мы пріѣхали къ вамъ, Иванъ Евстафьевичъ, началъ Барскій, — вотъ съ какимъ дѣломъ. Я вамъ рассказывалъ немного о доморощенной пѣвицѣ, Грушѣ.

— Рассказывалъ, отвѣчалъ Иванъ Евстафьевичъ.

И Барскій сообщилъ ему извѣстія привезенныя Корневымъ, окончивъ просьбою: не возьмутъ ли они, какъ бездѣтныя, къ себѣ на воспитаніе сиротку?

— Подъ вашимъ руководствомъ, я увѣренъ, вышла бы изъ нея замѣчательная пѣвица, заключилъ Барскій.

Старушка и старикъ внимательно выслушали разговоръ Барскаго.

— Эдакое дѣло зря нельзя дѣлать, надо подумать, отвѣчалъ, понуривъ голову, старикъ. — Дѣтей у насъ нѣтъ, правда; былъ сынъ, но Богу угодно было...

Старики переглянулись; старушка отерла наворачнувшіяся слезы; мужъ и жена какъ будто перемолвились безъ словъ, и тихо вздохнули оба.

— Что жь, можетъ Богъ намъ посылаетъ, замѣтила старушка.

Барскій поцѣловалъ у ней руку.

— Такъ-то такъ, а все-таки дай прежде мнѣ подумать. Вы когда ѣдете? спросилъ Иванъ Евстафьевичъ Корнева.

— Я могу лишній день остаться; послѣ завтра, отвѣчалъ Корневъ.

— Денегъ вѣдь надобно послать ей на дорогу. А съ кѣмъ пріѣдетъ-то? толковалъ старикъ.

Корневъ вызвался привезти дѣвушку съ собою черезъ двѣ недѣли.

— Все-таки погодите; вотъ мы померекаемъ со старухой; а завтра я отвѣтъ дамъ, хотъ тебѣ, отвѣчалъ, обращаясь къ

Барскому, Иванъ Евстафьевичъ.—А завтра вечеромъ у насъ вѣдь селтуоръ съ тобой у Глинки?

— Я знаю. Вы незнакомы съ Глинкой? спросилъ Корнева скрипачъ.

Барскій предложилъ познакомить его, и они условились вѣхать на другой день вечеромъ на селтуоръ.

— Если онъ, разумѣется, извинить что я не буду предварительно съ визитомъ: утро у меня занято, говорилъ Корневъ.

— Художники не обижаются подобными вещами, перебилъ его Барскій.

Хозяинъ принялся разказывать Корневу названія растений; старушка, отведя въ сторону Барскаго, подробно спрашивала его о Грушѣ.

Иванъ Евстафьевичъ.... Авторъ считаетъ лишнимъ прибавлять фамилію, такъ какъ подъ именемъ и отчествомъ, да еще подъ названіемъ „дѣдушки“, описываемое лицо извѣстно было всему театру и тогдашнимъ петербургскимъ любителямъ музыки; фамилію его рѣдко и зналъ кто изъ его друзей и многочисленныхъ знакомыхъ. Тридцать два года стоялъ Иванъ Евстафьевичъ, какъ столбъ, на мѣстѣ перваго контробасиста оперы; мѣнялись около него солисты, капельмейстеры, товарищи по инструменту („коллеги“, какъ онъ звалъ послѣднихъ); обросшій густою сѣдиной затылокъ Ивана Евстафьевича зналъ себя бѣлѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ подлѣ контробасной, похожей на верблюжью шею, ручки. „Можно скорѣе отставить отъ него оркестръ чѣмъ его отъ оркестра“, говорилъ про него одинъ изъ нашихъ композиторовъ, пародируя извѣстную острогу Ломоносова: „вотъ развѣ академію отъ меня отставить, а меня гдѣ отставить академію?“ Новые солисты, капельмейстеры, послѣ первой пьесы, невольно взглядывали съ уваженіемъ на Ивана Евстафьевича, сразу уразумѣвъ что это стоитъ сила; въ отвѣтъ на этотъ лестный для музыканта взглядъ, Иванъ Евстафьевичъ, будто ничего не замѣчая, садился подлѣ своего колосса-инструмента и молча подчивалъ изъ серебряной табатерки табакомъ сосѣда виолончелиста. Мягкій, бархатный тонъ контробасиста извѣстенъ былъ всему музыкальному Петербургу; устраивался ли селтетъ въ избранномъ кругу знатоковъ, безъ Ивана Евстафьевича дѣло не обходилось. „Надо послать за дѣдушкой“, говорили знатоки, устраивая у себя октетъ или другую пьесу съ контробасомъ. Въ оркестрѣ, онъ и литавщикъ, почти сверстникъ Ивана

Евстафьевича, были тяжеловѣсомъ сдерживающимъ подымавшіяся иногда колебаніе и качку: уносились ли впередъ разгорѣвшіяся въ концѣ огненного allegro первыя скрипки, Иванъ Евстафьевичъ, точно соборный колоколь, мѣрно благовѣстилъ настоящій тактъ, и скрипки, оломившись, сбѣгались, будто внуки, подталкивая другъ друга, къ твердачудѣдушкѣ; отставали ли неповоротливые виолончели, залутавшись какъ въ тенежѣ въ трудномъ пассажѣ, и виолончели слѣшно подходили, перепрыгнувъ чрезъ два-три такта, къ неколебимой доминантѣ стараго контробасиста. Фальшивый тонъ не пролеталъ тоже ни разу мимо опытнаго уха Ивана Евстафьевича; „фисъ“, замѣчалъ онъ вслухъ, или послѣ пьесы, проходя мимо промахнувшагося, говорилъ ему на ухо: „вдругорядь фисикъ, сударь, фисикъ потрудитесь взять“. Музыкантъ краснѣлъ.* „Разокъ-то ничего; и на старуху бываетъ проруха“, оканчивалъ свой выговоръ Иванъ Евстафьевичъ Барскій на релетиціи часто пускалъ, на встрѣчу контробасы, звонкій, невяжущійся, фальшивый тонъ; калельмейстеръ, переглянувшись со скрипачемъ, смѣялся. „Дури, дури“, добродушно говорилъ Иванъ Евстафьевичъ, зная что этотъ не прорвется; другому бы безъ церемоніи сказалъ онъ: „це, сударь“.

— Что, братъ, коллеги? Али не по зубамъ? острилъ онъ во время игры надъ тонконогимъ Франтикомъ, вторымъ контробасистомъ, когда у того, въ трудномъ мѣстѣ, залетались пальцы и вылетали изъ-подъ смычка звуки похожіе на звукъ сложной щетки.—Вскочи верхомъ на контробасъ-то, авось вывезеть, добавлялъ онъ, поглядывая искоса какъ „коллега“, весь въ поту, хлопочетъ безъ толку около инструмента.

Контробасисты обижались, и хотя побаивались Ивана Евстафьевича, но нѣкоторые жаловались на него инспектору музыки или калельмейстеру.

— Это невозможно, Herr Kapellmeister, жаловался нѣсколько разъ на него, картавя по-берлински, съ бородкой и стеклышкомъ въ глазу, заѣзжій шарлатанъ-контробасистъ, прѣхавшій въ Россію съ тою надеждою что его будутъ слушать варвары.—Нельзя играть, man kann nicht spielen mit Иванъ Эстафитшъ, говорилъ онъ. — Во время игры онъ остритъ, reißt Witzen, Herr Kapellmeister.

Калельмейстеръ призывалъ Ивана Евстафьевича на очную ставку; невозможно выслушавъ выговоръ и замѣчаніе что ладно быть вѣжливымъ, старикъ, тутъ же отвѣтилъ ему:

„слушаю, сударь“, замѣчалъ жаловавшемуся товарищу: „а все-таки вдругорядъ-то, коллега, почище выбери пассажикъ-то; возьми на гаузъ; поучи съ женой.“ Калельмейстеръ, разсмѣявшись, упрашивалъ истаца оставить дѣло; но жаловавшійся уже держись въ слѣдующей пиесѣ; какъ соколъ налеталъ на бѣдняка съ насмѣшками за всякую ошибку Иванъ Евстафьевичъ.

Трудно было бы рѣшить даже опытившему лингвисту и филологу на какомъ языкѣ Иванъ Евстафьевичъ говорилъ съ товарищами-иностранцами, въ первое время обыкновенно ни слова не понимающими по-русски. „Шпрингбогеномъ, коллега, шпрингбогеномъ; вотъ такъ“, говорилъ онъ; коллега понималъ и заставлялъ прыгать смычокъ свой. „Подгогъ, малеленечко, нидриговато“; товарищъ-Нѣмецъ подымалъ на полтона настроенную низко струну. „Вотъ, телерь гуть“, одобрялъ, подчуя его табакомъ и оглядывая оперную лублику, Иванъ Евстафьевичъ. „Не само форте; вартъ маленько.... Цу фри, коллега; наша рѣчь впереди. Вотъ телерь съ Богомъ.... Закресцендирывай помаленьку.... Ай да коллега! Гуть! Цѣны нѣтъ! Лихо!“ похваливалъ Иванъ Евстафьевичъ, возя смычкомъ по контробасу.

Иванъ Евстафьевичъ ничего сроду не пилъ, но любилъ лѣсть и самъ мастерски готовилъ нѣкоторыя кушанья; онъ былъ большой хлѣбосоль, и въ Ивановъ день, 29го августа, приглашалъ калельмейстера, Барскаго, литавщика и человѣкъ лять, шесть друзей музыкантовъ, большею частію сверстниковъ. Столъ ломился отъ разныхъ кулебякъ, заливныхъ изъ осетрины, нѣсколькихъ сортовъ жаркаго; великолѣпнѣйшія наливки, настойки, шилучки, варенья съ особеннымъ мастерствомъ приготавлила Татьяна Алексѣевна. Пиръ длился иногда съ перваго утра до четырехъ, пяти часовъ слѣдующаго.

Но главною страстью Ивана Евстафьевича были цвѣты, птицы и особенно куры; какихъ, какихъ сортовъ куръ у него не было. Жизнь куръ была для него и „старухи“ (какъ онъ звалъ жену, когда хотѣлъ быть съ нею особенно любезнымъ), была для нихъ, кажется, такъ же занимательна какъ собственная.

— Вывела вѣдь, кричалъ онъ вдругъ, расхаживая по двору, лѣтвомъ, безъ сюртука около своихъ курятниковъ.

— Чтѣ ты? отзывалась, высунувшись изъ открытаго окна, Татьяна Алексѣевна.

— Вотъ, гляди, отвѣчалъ Иванъ Евстафьевичъ, кроша яйцо цыплятамъ.

— Я говорила что сегодня надо имъ быть, замѣчала старушка, усѣвшись снова въ кресло и шевеля длинными, стальными спицами чулка.

Лѣтомъ Иванъ Евстафьевичъ ходилъ куда-то иногда на дѣнь, на два, за вѣниками, за грибами, за земляникой; встрѣчаясь со знакомыми, иногда весь увѣшанный пучками сѣжаго березника, онъ преспокойно раскланивался или подчивалъ табаккомъ встрѣтившагося, замѣчая: „а жарко въ городѣ; въ лѣсу, вотъ, рай, блаженство.“

Но не довольно ли о немъ?

Простясь съ хозяиномъ, Барскій и Корневъ уѣхали.

— Дѣло, кажется, устроится съ Грушей, говорилъ Барскій, садясь въ сани.—А каковъ дѣдушка-то?

— Славные люди, отвѣчалъ Корневъ.

— Но что такое онъ въ оркестрѣ, со смычкомъ, еслибы вы знали, говорилъ Барскій.—Богатырь, силаща!

XXIII.

Владиміръ Лучаниновъ служилъ все еще безъ жалованья; въ небольшомъ городѣ поэтому считали его многіе чуть не милліонеромъ; милліонеръ однако, для тѣхъ кто его видѣлъ чаще и ближе, значительно выцвѣлъ, полинялъ, если сравнить теперешнюю обстановку его съ тою какою была у него въ годъ пріѣзда. Унтеръ-офицеръ, „старшой“, какъ его называли прочіе канцелярскіе сторожа, снимая однажды пальто съ Лучанинова, замѣтилъ, обратившись къ сидѣвшему на лѣвѣ сторожу: „байку подшилъ вмѣсто шелковой-то подкладки. Видно карманъ потоньше сдѣлался.“ При этомъ, нюхая табакъ, унтеръ, старожилъ канцеляріи, разказалъ сторожу что много онъ на своемъ вѣку видалъ подобныхъ франтовъ; „пріѣдетъ, кончивъ курсъ, иной“, говорилъ унтеръ, „все съ иглочки; французскія перчатки, тросточка съ золотымъ набалдашникомъ; глядишь и думаешь, погоди, ваше благородіе, прощоголяешься; ты думаешь: небось, такъ тебѣ вотъ и дали мѣсто секретаря, али чиновника особыхъ порученій сразу: подождешь. Глядишь, черезъ мѣсяць, другой, пальтечко по локтямъ обтерлось, тросточка безъ набалдашника... Что, ваше благородіе? Знать тонко?“

— Получить, Богъ дастъ, мѣсто, поправится, зѣвая во весь ротъ, возражалъ сторожъ.

— Получить; жди; какія у насъ мѣста-то, мы чай знаемъ. А и откроется мѣсто, у правителя есть два племянника, кончаютъ курсъ въ наверситетѣ...

— А баринъ добрый, замѣтилъ сторожъ.

— Добрый-то, добрый, говорилъ унтеръ, а... только что къ сосѣдкѣ ему надо бы порѣже ходить; лучше бы было... Живья живетъ у сосѣдки.

Старшой былъ замѣчательный психологъ; отъ нечего ли дѣлать, или по призванію, онъ наблюдалъ, сидя на засаженномъ зарѣ прихожей канцеляріи, и зналъ душевнѣйшія тайны каждаго изъ служащихъ; наблюденія свои онъ сообщалъ, за недостаткомъ другихъ слушателей, то сторожу, то жандарму, иногда дежурному лицу, не знавшему какъ ему убить сутки на которые закабалила его очередь.

— На шею Станислава ждешь, замѣчалъ онъ, вѣшая шубу какого-нибудь столоначальника;—будетъ съ тебя и въ петличку.

Унтеръ не охотникъ былъ до служащихъ въ родѣ Лучанинова; онъ любилъ чиновника толстаго, „обстоятельнаго“, какъ онъ выражался; облекая въ енота кого-нибудь изъ разряда своихъ любимцевъ, онъ по уходѣ его прибавлялъ: „вотъ этотъ—лазуха: на жену третій домъ покупаетъ, а эти франтики, видали ихъ мы, завелись они не сегодня...“

Какъ ни скрывалъ, ни отмалчивался Лучаниновъ на вопросы о потерѣ имѣнія, сослуживцы знали дѣло въ подробности; унтеръ весьма охотно разказывалъ это занимательное происшествіе желающимъ; дежурные лица отъ скуки заставляли его повторять эту повѣсть по нѣскольку разъ. Оканчивалъ онъ разказъ свой всегда сильнымъ пріемомъ табаку и словами: „баринъ съ образованіемъ и добрый, только что нѣтъ въ немъ обстоятельности.“

Правитель доставилъ Лучанинову работу, переводъ одного, довольно объемистаго, политико-экономическаго сочиненія; переводъ и былъ напечатанъ въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій, гдѣ редакторомъ былъ пріятель правителя. Получивъ нѣсколько сотъ за эту работу, Лучаниновъ ожилъ и пересталъ поглядывать на свою Амати, подумывая: „не продать ли?“ Полученныя изъ Россіи письма отъ Гаврилы Алексѣева, брата и отъ доктора увѣдомляли что и завѣщаніе признано незаконнымъ; движимость, деньги и домъ

признаны, слѣдовательно, тоже имъ не принадлежащими. Петръ Лучаниновъ вышелъ въ отставку и продолжалъ жить въ деревнѣ руссофила.

Разбитый на всѣхъ путяхъ, Владиміръ Алексѣевичъ, какъ ни утѣшалъ себя, но владалъ день ото дня больше въ задумчивость и какое-то равнодушіе даже къ любимому занятію стариной; Олеарій и лѣтописи покрылись слоемъ пыли; библиотека посвящалась рѣже. У сосѣдокъ бывалъ онъ часто, оправдывая свои посвященія необходимостію сообщать старухѣ свѣдѣнія по ея дѣлу, за которое взялся писарь (извѣстный читателю); оказалось что онъ имѣетъ знакомыхъ въ Петербургѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ, писарей, большею частію соотечественниковъ. „Душъ восемьдесятъ отстоимъ“, говорилъ онъ Лучанинову, съ увѣренностію поглядывая на него своими умными глазами. Старуха недовѣрчиво слушала эти увѣренія, но вытаскивала ему изъ рубля два, три на хлопоты и на бумагу изъ коммода.

— Не обманщикъ ли онъ, боюсь, говорила она иногда Лучанинову.

Владиміръ Алексѣевичъ защищалъ писца; онъ, почему-то убѣжденъ былъ что писарь не обманщикъ.

Два года слишкомъ прошло отъ того дня какъ Лучаниновъ хохоталъ, наблюдая въ бинокль проказы дѣвочки-ребенка. Она выросла, сложилась и перестала дичиться Лучанинова. Когда онъ, лѣтомъ, проходилъ мимо окна, она часто кричала ему первая: „здравствуйте, Владиміръ Алексѣевичъ“.

— Олять, говорила ей старушка;—сколько разъ я говорила тебѣ: прилично ли вельможной паненкѣ первой здравствоваться съ молодымъ человѣкомъ? Ну, онъ поклонится, отвѣтъ, а самой кричать на всю улицу....

— Да почему же неприлично, бабушка? Онъ славный тачкой, отвѣчала, потулившись, внучка.

Старуха подумывала объяснить ей почему неприлично, но всегда махала рукой, рѣшивъ: „глухла еще; надо бы объяснить, да какъ ты объяснишь это ребенку?“ Лучаниновъ училъ ее языкамъ, читалъ вслухъ ей и старухѣ Вальтеръ-Скотта въ русскомъ переводѣ; по-нѣмецки не понимала старуха, поэтому и Шиллера онъ долженъ былъ читать въ переводахъ Жуковского; Пушкинъ и Гоголь нравились дѣвушкѣ больше всего; мелкія стихотворенія Пушкина она знала почти всѣ наизусть; по-русски она говорила языкомъ который изумлялъ

Лучанинова; рядомъ съ грубою ошибкой являлось у нея вдругъ старинное, давно утраченное нами слово. Причина оказалась самая простая: имѣніе гдѣ родилась она и провела дѣтство было окружено русскими, выселившимися когда-то старовѣрами; отецъ ея ѣзжалъ къ нимъ въ гости; въ дѣсу, на сѣнокосѣ, куда бралъ ее иногда отецъ, Маріанна подружилась съ русскими сверстницами, а ровесники и ровесники, какъ замѣчали вѣроятно всѣ родители, скорѣе чѣмъ у гувернера учатся другъ у друга говорить на какомъ угодно нарѣчій; уже взрослая, въ городѣ, нерѣдко напѣвая про себя какую-нибудь русскую пѣсню, Маріанна Александровна вспоминала деревенскихъ подругъ своихъ. Стоитъ замѣтить здѣсь что старовѣры дичатся только Русскихъ, насъ; съ римско-католиками, лютеранами, они вездѣ уживаются какъ нельзя лучше, живутъ дружески.

Умъ, память и воображеніе не зашколенной, выученной на мѣдныя деньги читать и писать дѣвушки, напоминали свѣжую, непочатую почву дѣвственной, воздѣлываемой впервые нивы; что ни посѣй, ни посади, все принимается, всходитъ, даетъ самъ-десять, самъ-двадцать сѣятелю. Эта восприимчивость изумляла Лучанинова, и онъ отдавался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе своему занятію; кипучій темпераментъ дѣвушки и наивность подчасъ и сердили его.

— Это неправда, это ваша выдумка, говорила она (это было въ началѣ курса), когда Лучаниновъ объяснялъ ей, довольно плохо впрочемъ, что земля вертится около своей оси и вокругъ солнца.—Это, извините, вздоръ. Какъ же мы не падаемъ на небо?

— Да помилуйте, начиналъ было менторъ;—не падаемъ на небо потому...

Но дѣвочка вскакивала со стула, и облокотясь обѣими руками на окно, молча смотрѣла на усыпанное звѣздами небо.

— Ну, вотъ я вамъ какъ это объясню, Маріанна Александровна, оячь начиналъ Лучаниновъ, придумавъ новый способъ объясненія.

— Вздоръ; не повѣрю; обманываете, говорила, продолжая лежать на подоконникѣ, калризная ученица.

Бабушка смѣялась, сидя въ креслахъ, извинялась за нее. Лучаниновъ бралъ шляпу, раскланивался и уходилъ, взбѣшенный, можетъ-быть, не меньше Галилея.

— Не уладите на небо... Вотъ вамъ; сердито кричала Маріанна на другое утро, высунувшись изъ окна, идущему мимо педагогу.

— Все еще не додумались, говорили, остановившись, педагогъ.

— Вздоръ это; вы обманываете?...

— Маріанна, съ укоромъ замѣчала бабушка.

— А зачѣмъ онъ говорить такіе пустяки? говорила внучка отходя отъ окна и надувъ губки.

Однажды, часу въ пятомъ вечера, это было весною, хозяйинъ сосѣдокъ, Клотцъ, невысокій, широкій и негнуційся, точно деревянный, лѣтъ сорока пяти-шести, человекъ, вышелъ съ трубкой, въ пальто, тоже необыкновенно твердомъ, будто сшитомъ изъ картона, къ своему ландшадику; хозяйинъ Лучанинова, въ своихъ многочисленныхъ фуфайкахъ, тоже стоялъ у своей калитки.

— А твоему секретарю, сосѣдъ, должно-быть вскружила таки голову моя фрейлейнъ, началъ Клотцъ, обернувшись къ сосѣду всѣмъ тѣломъ, такъ какъ шея у него, почему-то, давно не поворачивалась.

Сосѣдъ, хозяйинъ Лучанинова, сдѣлавъ, означавшую у него улыбку, кисаю мину, перешелъ улицу, и взявъ за руку Клотца, произнесъ своимъ сопрано:

— Влюбленъ; я вижу; ganz verliebt, total... Что дѣлать?... Fräulein ist eine hübsche Kröte.... Какъ быть? Молодъ.... Да вѣдь и мы съ тобой, Клотцъ... Помнишь ли Кенигсбергъ?

Старикъ засмѣялся; впрочемъ по его красному, съ синими жилами, сморщившемуся еще болѣе отъ смѣха лицу, всякій бы заключилъ скорѣе что онъ слезно плачетъ.

— Что жь Кенигсбергъ? отвернувшись, опять безъ поворота шеи, точно дубовый мужикъ, какихъ, сотнями въ день, вырѣзываютъ отъ руки наши подъ-трюцкіе скульпторы, мрачно отозвался Клотцъ;—это другое дѣло; мы были гезелями тогда... А сдѣлались мастерами, ложились....

— Да, это правда, Клотцъ; мы мастерами ложились, вытирая рукавомъ фуфайки текущія по щекамъ слезы, подтвердилъ хозяйинъ Лучанинова;—мы ложились.

Клотцъ болѣе не поворачивался; хозяйинъ Лучанинова по стоялъ минуты съ двѣ, поглядѣвъ по сторонамъ и побрѣсавъ черезъ улицу въ свои владѣнія.

— Влюбленъ? вся вслыхнувъ, мысленно повторила, сидѣвшая

у окна за работой, молодая соседка Лучанинова; она нагнулась еще больше надъ шитьемъ; рука съ иглой задрожала.

— Не у тебя ли мои очки, Марианна? спросила бабушка.

Дѣвушка порывалась въ своей корзинкѣ и подала ей ножницы.

— Въ умѣ ли ты? Окуляры я спрашиваю.

Внучка отыскала очки и воротилась къ окну; въ это время въ окнѣ своей квартиры показался Лучаниновъ.

— Здравствуйте, Марианна Александровна, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, отвѣчала вполголоса дѣвушка, опять задрѣввшись вся и наклонившись еще ниже надъ работой.

Языкѣ, на когоромъ объяснялись между собой бабушка и внучка, былъ какая-то смѣсь русскаго съ польскимъ и нѣмецкимъ; въ лексиконѣ старухи больше было польскихъ и бѣлорусскихъ словъ; у внучки преобладали русскія и нѣмецкія. Эти два существа, привязанныя другъ къ другу, похожи были на два дуба отъ одного корня; одинъ столѣтній, разбитый грозой, уже едва одѣвающийся кое-гдѣ листьями, гниетъ; другой, молодой, крѣпкій дубокъ зеленѣетъ подлѣ своего разрушающагося предка. „Хорошо если успѣетъ этотъ свѣжій, молодой отростокъ окрѣпнуть, возмужать, подъ защитою стараго, уцѣлѣть отъ вѣтра, отъ вдушаго бездорожицей гуляки, отъ руки безмысленнаго ребенка баловня“, думаетъ самъ про себя прохожій. „А ну какъ сломить это полное жизни, но еще тоненькое деревцо осенній вѣтеръ, задѣнуть колесомъ, или такъ, для забавы, срѣжутъ юный отростокъ чтобы потомъ швырнуть, забыть о немъ.“ Эти опасенія тревожили Лучанинова; сердце ожималось у него, кровь закипала ключомъ, когда какой-нибудь проходившій переулкомъ щеголь наводилъ стеклышко, замедляя шагъ, чтобы полюбоваться на мелькнувшую въ полукругломъ окнѣ головку дѣвушки со вьющимися волосами, съ густою русою косою и съ румянцемъ, рдѣющимъ здоровьемъ, юностью и жизнью. Никому, даже Корневу, съ которымъ онъ былъ откровеннѣе чѣмъ съ братомъ, не сообщалъ онъ о своемъ новомъ знакомствѣ; ему было не то стыдно, не то жаль, дѣлиться, говорить о чувствѣ, не уясненномъ еще хорошенько самому себѣ. Такъ жаль бываетъ дать въ руки гостью свѣжій, только что поставленный въ стаканъ съ холодною водою, букетъ, еще съ дрожащими на лепесткахъ кристалльными каплями утренней росы.

Ревниво скрывая ото всѣхъ свою новую, завѣтную думу, няньчась съ нею, Лучаниновъ оставилъ и правителя, и осталь-

ныхъ не многочисленныхъ своихъ знакомыхъ; знакомые, приписавъ это недостатку средствъ, самолюбію, мѣшавшему молодому человѣку являться въ общество въ помешанномъ фракѣ, скоро позабыли о немъ. Истинная причина одиночества не ускользнула однакоже отъ наблюдательнаго ока канцелярскаго психолога „старшого.“ „Заразился, ваше высокородіе“, замѣчалъ унтеръ, въ концѣ своего отвѣта на вопросъ правителя: — нѣтъ ли въ канцеляріи Лучанинова? Психологъ позволялъ себѣ по временамъ дѣлиться и съ правителемъ плодами своихъ многочисленныхъ, весьма любопытныхъ подчасъ и разнообразныхъ наблюденій; это дѣлалъ онъ, впрочемъ, только когда замѣчалъ что „ихъ высокородіе въ духѣ“. Правитель, отправляя на домъ Лучанинову бумаги для перевода, ничего не отвѣчалъ на сообщеніе психолога, но думалъ про себя: „нѣтъ, что-нибудь другое. Чтѣ жь сосѣдка? Съ кѣмъ этого не бывало въ молодости?“

Былъ Троицынъ день, Pfingsten; весь городъ съ утра собрался въ зелень (in's Grüne); утро было ясное, тихое; бѣлая и лиловая сирень, акація, шиповникъ, освѣженные накануне теплымъ дождемъ, благоухали въ палисадникахъ пригорода, гдѣ квартировалъ Лучаниновъ; аютины глазки и гвоздики горѣли, точно раскаленные угольки, на узенькихъ полоскахъ чернозема, которыми окаймлены были палисадники; хозяинъ Лучанинова, въ новомъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, въ высокой, старомодной, помешанной, но вычищенной шляпѣ, тоже потащился, подъ руку съ разодѣтою, высокою и худою своею старухой, въ зелень; на плечѣ висѣлъ у него на лалкѣ огромный бѣлый узелъ съ буттербротами. Поровнявшись съ окномъ, на которомъ сидѣлъ Лучаниновъ, онъ приподнял шляпу и проговорилъ плачущимъ тонкимъ голоскомъ своимъ: „in's Grüne“. Вытянутая какъ фланговый солдатъ хозяйка вѣщаво, не глядя, присѣла на вѣжливый поклонъ постояльца: „А вы, Herr?“ продолжалъ хозяинъ. Съ той поры какъ Лучаниновъ, однажды, попросилъ недѣлку подождать слѣдующую за мѣсяцъ квартирную плату, хозяинъ сталъ его называть просто Herr...“, убавивъ почему-то обычный прежній титулъ: Gouvernements Secretaire.

-- Да куда, отвѣчалъ Лучаниновъ: — думаю сходить къ обѣднѣ и усѣсться за письмо.

Хозяинъ приподнял шляпу и продолжалъ свое торжественное шествіе подъ руку со своею раскрашленною Frau-Ge-

таблин. Лучаниновъ утѣся опять на подоконникъ, наблюдая то и дѣло высылавшія изъ калитокъ домовъ разодртыя семейства съ узелками; дѣти въ новенькихъ, свѣжихъ платьицахъ прыгали, смѣялись, предвкушая ожидающій ихъ праздничный, ясный день, вѣнки изъ луговыхъ цвѣтовъ, можетъ-быть музыку и танцы, тамъ, за городомъ, въ рощѣ, въ благовономъ воздухѣ осны, березокъ, тополей. У сосѣдокъ окно было завѣшено. Но вотъ, отворилась широко ихъ уставленная березками калитка, и на тротуаръ вышла дѣвушка въ бѣломъ, убраннымъ бантами изъ широкихъ красныхъ лентъ, кисейномъ, въ первый разъ длинномъ, платьѣ; изъ-подъ соломенной, съ широкими полями, шляпы глядѣли темносиніе глаза; на жаркомъ личикѣ горѣлъ, кажется ярче лентъ и бантовъ платья, румянецъ и восторженная радость; выйдя на тротуаръ, дѣвушка оправила букетъ цвѣтовъ, который держала въ рукѣ, и поклонилась Лучанинову. Онъ поднялся съ окошка и раскланялся со старушкой, вылетавшеюся, съ молитвенникомъ въ рукѣ, вслѣдъ за внучкой, изъ калитки.

— Что вы это сидите? какой день-то, замѣтила старушка, поправляя голубыя ленты диковиннаго чепца, знакомаго Лучанинову.

— Да.... Думаю пройтись, отвѣчала Лучаниновъ.

Дѣвушка пошла впереди бабушки по тротуару, поднявъ головку и сияющее радостное личико; изъ-подъ тирольской, новой шляпы выбивались непослушные локоны; развившіяся торсы обхвачены были ловко сшитымъ платьемъ; въ ея походкѣ было что-то необыкновенно простое, необдуманное, живное, можетъ-быть потому-то и изящное.

— У, да какая-же хорошенькая! А? проговорилъ, спрятавшись за косякъ, когда дѣвушка оглянулась, наблюдавшій ее въ бинокль Владиміръ Алексѣевичъ. Онъ замѣтилъ что нѣкоторые изъ встрѣчавшихся прохожихъ, взглянувъ на открытое, свѣжее личико дѣвушки, останавливались и долго смотрѣли ей во слѣдъ, взглядомъ художника встрѣтившаго ореди сухихъ, ученическихъ копій, оригиналъ великаго мастера, блеснувшій вдругъ ему, точно природный брилліантъ знатоку, радомъ съ поддѣланными, искусно кажется, камнями.

Теперь повятно стало Лучанинову отчего такіа хлопоты шли у хорошенькой осядки цѣлые четыре дня предъ Троицей; приходила поминутно съ какими-то овертками Нѣмка швея, знакомая старушки; что-то кроила; дѣвушка бѣгала изъ

одной комнаты въ другую съ лучками красныхъ атласныхъ лентъ, шила необыкновенно проворно, хлопая въ ладоши и бросалась цѣловать швею и бабушку. „Вотъ говорите послѣ этого что нѣтъ породы“, думаетъ Лучаниновъ, продолжая наблюдать въ бивояль плавно идущую рядомъ со старушкой по тротуару внучку. „Откуда же въ ней грація и простота, которой позавидуетъ любая опытная, вышколенная и матерья, и гувернанткой, и невѣсть какими знатоками какъ держать себя, аристократка; право, вѣдь позавидуетъ. Отчего сѣмью такъ, невозможно даже свысока, но вмѣстѣ скромно, смотритъ на проходящаго эта разжалованная княжна, воспитанная въ бѣлорусской деревушкѣ? Посмотришь на ея походку, точно у ней шесть тысячъ душъ и стая бонивъ и гувернантокъ. Глядитъ прѣвѣтливо она на васъ, но... посмотрите-ка, однакожъ, съ какимъ достоинствомъ; къ ней не подступится, не подойдетъ съ наглою рѣчью дерзкій волокита. Это дубокъ, молодой, жидкій локуда, но крѣпкой дубокъ, не дряблый кленъ, не жимолость.“

Наконецъ старушка и внучка ея, повернувъ вправо на бульваръ, исчезли за угольнымъ домою переулка. Лучаниновъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дома; онъ пошелъ по бульвару къ рѣкѣ; на встрѣчу ему, и по пути, попадались то и дѣло лестрыя кучки идущихъ за городъ; съ бульвара Лучаниновъ повернулъ въ городъ; узкія улицы средневѣковаго городка точно вымерли; всѣ лавки были заперты; сауги олуствѣвшихъ ресторановъ, зѣвая, гляѣли въ окна на пустыя улицы; изрѣдка пролетала линейка съ разодрѣтыми дамами и дѣвцами, вѣроятно, не успѣвшими наканунѣ уѣхать „въ зелень“. Пройдя двѣ, три улицы, Лучаниновъ вошелъ въ римско-католическую церковь, украшенную снаружи и внутри свѣжею зеленью и гирляндами изъ листьевъ и цвѣтовъ; въ церкви было тоже довольно пусто; нѣсколько стариковъ сидѣло на мѣстахъ съ молитвенниками; три солдата стояли подлѣ входа на колѣняхъ; органъ игралъ хоралъ; два старческіе голоса подтягивали ему дрожащимъ, неувѣреннымъ фальцетомъ. Въ третьемъ ряду отъ алтаря бѣлѣло латѣе дѣвочки, и возвышался диковинный, старинный челець бабушки. Лучаниновъ сѣлъ въ одномъ изъ заднихъ рядовъ; началась проповѣдь; молодой, застѣнчивый ксендзъ, потулившись, очень долго говорилъ что-то такое по-польски; старики вздыхали по временамъ; наконецъ ласторъ умоакъ; челець старушки

зашевелился, поднялся, и скоро дѣвушка поровнялась съ Лучаниновымъ, выходя впереди бабушки изъ церкви.

— Вы вѣрно за городъ? спросила старушка, пожимая ему руку.

— Нѣтъ, домой, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Въ такомъ случаѣ покорнѣе прошу откушать съ нами кофе, пригласила его старушка.

Лучаниновъ поблагодарилъ и пошелъ съ ними по пустымъ улицамъ города. Дѣвушка была не такъ весела и радостна какъ утромъ, выходя изъ дома; опустивъ свой тяжелый букетъ, она задумавшись шла подлѣ старухи. При выходѣ на бульваръ, мимо нихъ пронеслись два заложенные по-англійски, щегольскіе шарабана; въ нихъ сидѣли нарядныя дамы и дѣвицы; онѣ и молодые люди правившіе лошадьми обернулись и посмотрѣли на идущихъ; Маріанна Александровна тоже взглянула на нихъ и тихонько вздохнула. Лучаниновъ, понявъ этотъ вздохъ, въ первый разъ разсердился на пролетѣвшее въ шарабанахъ, знакомое ему, семейство богача-банкира. „Но ужъ за то“, думалъ онъ, не безъ злобы провожая глазами улетающіе шарабаны, „какъ вы ни разодрѣваете вашихъ неказистыхъ, золотушныхъ дочекъ, не быть имъ такими какъ этотъ полевой цвѣтокъ, не засіять имъ такую радостною, поражающею всѣхъ и cadaго красю. Какъ пышно разцвѣтаетъ въ самомъ дѣлѣ! А?“ думалъ онъ, искоса поглядывая на задумавшуюся дѣвучку. А вѣдь ужъ далеко не та она, не тотъ ребенокъ что рядилась въ бабушкинъ челець, что разсердился на меня однажды за то что земля двигается около солнца? Много ли, кажется, два года, а уже предо мной не дѣвочка, а дѣвица; впрочемъ, длинное платье тоже придаетъ...“ подумалъ было Лучаниновъ, и тутъ же чуть не разсмѣялся, вообразивъ: „что еслибы, однакоже, тогда надѣть на нее длинное платье?“

Столъ былъ накрытъ, все приготовлено, и кухарка хозяйна, прислуживавшая и Толпоровскимъ, уже вносила въ палисадникъ кувшинъ мѣдный кофейникъ, когда они вошли въ калитку. Маріанна Александровна, повѣсивъ на кустъ шляпу, заварила кофе, и положивъ руку на столъ, снова задумалась.

— Отчего вы такъ молчаливы сегодня, Маріанна Александровна? спросилъ Лучаниновъ, усѣвшись на стулъ и закуривая папиросу.

— Такъ, отвѣчала дѣвушка, отвернувшись въ сторону.

Старуха вздохнула, отперевъ деревянный ларчикъ и выни-

мая старинная ложки съ княжескою короной и буквой Т. на ручкахъ. Лучаниновъ теперь взбѣсился самъ на себя: „какую глупость иногда отпустишь!“ думалъ онъ: „можно ли что-нибудь не деликатнѣе, пошлѣе выдумать; ей и такъ грустно, а будто дразнить еще вздумалъ бѣдняжку, и потомъ.... Какую глупость иногда оболтвуетъ языкъ!“ Дѣвушка, понурившись, наливала чашки.

— А этотъ праздникъ и особенно семикъ у насъ, бываю, въ деревняхъ весело, начала старуха, — дѣвушки березку завиваютъ съ лѣсьями....

— Тамъ очень весело. Помните, бабушка, у насъ въ Подвинокѣ? перебила старуху Маріанна Александровна.—У насъ, вотъ вы не знаете, продолжала она, обращаясь къ Лучанинову,—крестьянки-дѣвушки плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ и убираютъ голову. Какъ красиво! Вотъ, вы не бывали въ Блюрусси, прибавила она, опять задумываясь.

— Я не бывалъ, отвѣчалъ Лучаниновъ, — но мнѣ рассказывалъ одинъ товарищъ по-студенчеству; онъ жила въ тамъ и даже, по вашимъ рассказамъ, въ вашей сторонѣ.

— Кто же это? спросила Маріанна Александровна.

— Конотопскій.

— Какъ? Константинъ Михайловичъ? спросила съ просіявшимъ снова лицомъ дѣвушка.

— Да; онъ. А вы....

— Пойдите, пойдите.... Бабушка, дайте мнѣ ключикъ отъ моего ящичка; я отдала вамъ давеча, начала она съ обыкновенною своею живостью.—Да поскорѣе.... Ахъ, какія вы!

— Погоди же, дай мнѣ сыскать, говорила, роясь въ своемъ шелковомъ ридикюль, старушка.

— Сейчасъ, взявъ ключикъ и выбѣгая изъ лалисадника, проговорила дѣвушка.—Не говорите, бабушка.

— Ну, вотъ и чашки бросила, и все; хороша хозяйка; не прикажете ли масла, господишь.... начала-было старушка, но замаялась и докончила:—Владиміръ Алексѣевичъ?

Губернскимъ секретаремъ, къ удовольствію Лучанинова, старуха давно уже его болѣе не называла; онъ не зналъ, впрочемъ, что этимъ обязанъ былъ неоднократнымъ просьбамъ Маріанны Александровны: „онъ не похожъ на секретаря, говорила она, секретари не такіе.“—Да отчего не похожъ? Этого требуетъ приличіе, возражала на это бабушка.—„Можетъ-быть, я не знаю; но если вы меня любите, не зовите его такъ;

зовите лучше просто Негг Лучаниновъ,“ отвѣчала балованная внучка. Старушка, ни въ чемъ не умѣвшая отказать ей, стала величать съ тѣхъ поръ осѣда именовъ и отчествомъ.

— Такъ это вашъ товарищъ? Еще студентомъ мы его знали, онъ.... начала-было старуха, но дѣвушка уже вѣжала въ садъ съ фотографическою карточкой Конотолскаго. Передавъ ее Лучанинову, она ушла на свое мѣсто и улыбалась.

Конотолскій снятъ былъ во весь ростъ, въ гусарскомъ ментикѣ, опершись обѣими руками на саблю; это была его любимая поза, за чтó и лѣлъ ему часто Петръ Лучаниновъ:

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ...

— Вотъ я не знала; это вашъ другъ? говорила Марианна Александровна, наливая чашки.—Гдѣ онъ теперь?... Какой онъ славный! Какъ онъ танцуетъ мазурку.... Помните, бабушка?... Поетъ....

— Пѣлъ, вздохнувъ, перебилъ ее Лучаниновъ.

— Какъ? спросили въ одинъ голосъ бабушка и внучка.

Лучаниновъ разказалъ геройскую смерть Конотолскаго.

— Но какой же добрый, добрый-то какой онъ, бабушка, говорила сквозь навернувшіяся алмазныя слезы Марианна Александровна;—онъ зналъ меня очень маленькую, училъ танцовать мазурку, лѣлъ.... Ахъ какъ же жаль его! Помните, бабушка:

Я за его захолюсь, захолюсь,
Та никого не боюсь, не боюсь....

Дайте-ка мнѣ портретъ. А вѣдь похожъ?

— Двѣ капли, отвѣчалъ Лучаниновъ. — Я попрошу у васъ позволенія снять; у меня нѣтъ его карточки.

— Снять, пожалуй; а эту не отдамъ ни за чтó, прижимая къ себѣ портретъ, какъ будто его отнимали, отвѣчала Марианна Александровна.

— Скажите, началъ Лучаниновъ,—много у него было знакомыхъ въ вашей сторонѣ?

Онъ спросилъ это съ намѣреніемъ разузнать о прекрасной Полячкѣ, о которой не рѣшался ему разказать покойный Конотолскій.

— Много; тамъ вѣдь имѣнье его тетки, бабуки, отвѣчала Марианна Александровна.

— Тетушки; поправила старушка: — богатое, устроенное имѣнье; фольваркъ въ шести миляхъ отъ насъ.

— Вы знаете, онъ былъ влюбленъ въ мою кузину; но она—противная, неожиданно высказала дѣвушка то что хотѣлось такъ узнать Лучанинову.

— Марианна, остановила ее старуха, покачавъ головой.— Развѣ можно такъ рекомендовать родственницу?

— Противная она, противная. Не говорите, бабушка, подтвердила, вся вспыхнувъ и напомиравъ Лучанинову снова ребенка, дѣвушка,—можетъ-быть чрезъ нее онъ, бѣдный, умеръ. Старушка замолчала.

— Она, я слышалъ отъ него вѣроятно о ней, кажется вышла замужъ? замѣтно къ неудовольствію старухи, но не державъ, спросилъ Лучаниновъ.

— За старый мѣшокъ съ деньгами и графскій титулъ продалась княжна Урсула, запальчиво отвѣчала дѣвушка.— А какъ онъ любилъ ее!... „Какъ я пойду? Я ксенджна Толоровска“... У, гордая, противная!

— Марианна! уже вся покраснѣвъ, остановила ее бабушка. Дѣвушка замолчала.

Лучаниновъ любовался этою вспышкой негодованія; онъ самъ негодовалъ на злую кокетку, понявъ теперь отчего не разказывалъ ему объ этой любви Конотолскій; въ другихъ подобныхъ случаяхъ онъ не могъ долго скрытничать.

Владиміръ Алексѣевичъ пробылъ весь день у сосѣдокъ, обѣдалъ у нихъ; живущая тутъ же на дворѣ вдова повара, у которой Толоровскіе, а иногда и Лучаниновъ, брали обѣдъ, желая, вѣроятно, отличить праздникъ отъ будней, приготовила лишнее блюдо; по этому ли или по другому чему, но столъ показался молодому человѣку княжескимъ. Послѣ обѣда, хозяйки въ сопровожденіи гостя прошлись по сосѣднему бульвару. Марианна Александровна поминутно начинала разговоръ о Конотолскомъ, оканчивая рѣчь свою о немъ почти каждыиъ разъ: „бѣдный Константинъ Михайловичъ“.

— Однако что-то собирается, замѣтила старуха, поглядывая на собиравшуюся надъ зеленѣвшимъ за пригородомъ полемъ тучу.

Они отправились домой; Лучаниновъ довелъ ихъ и сталъ было прощаться, но старуха предложила ему выпить чаю вмѣстѣ чаю.

— Такъ ужъ втроемъ, какъ начали, и проведемъ праздникъ Святой Троицы, сказала она.

Не успѣли они войти въ комнату, какъ сверкнула молнія;

удары грома загудѣли вдали, и хлынулъ какъ изъ ведра дождикъ.

— Достанется же, я думаю, гуляющимъ, замѣтилъ не безъ злорадства Лучаниновъ.

Громъ грянулъ ближе и продолжался съ часъ; въ комнатѣ стемнѣло; старушка набожно крестилась; дѣвушка притворялась храброю, но при сильныхъ ударахъ вздрагивала, крѣпко сжимая деревянную ручку своего кресла; наконецъ громъ утихъ, солнце то выплывало изъ-за тучъ, то вновь заслонялось ими; дѣвушка отворила окно; свѣжій воздухъ вмѣстѣ съ запахомъ акацій и сирени повесся въ комнату. Дождь еще шелъ; по переулку во весь духъ неслись обратно въ городъ крытые и некрытые экипажи; лѣшиходы бѣжали вереницами подъ зонтиками, останавливаясь кучками чтобы переждать ливень подъ навѣсами крылецъ; хозяинъ Лучанинова, въ одной рубахѣ, вѣроятно въ видахъ береженія новаго сюртука, торолливою рысцою бѣжалъ со своею половиною, накинувшю, безъ церемоніи, себѣ на голову верхнюю юлку.

— Вымочило васъ, крикнулъ ему изъ окна сосѣдокъ Лучаниновъ.

— Да.... И зонтика не взяли.... Но кто же это могъ знать? плаксивымъ голосомъ, исчезая въ своей калиткѣ вслѣдъ за своею супругой, отозвался хозяинъ.

— Ужасно вымочило цыныхъ; это жаль, говорила дѣвушка, сидя у окна и наблюдаая бѣгущихъ.—Но воздухъ-то, воздухъ какой! Чудо!

Наконецъ дождь прошелъ. Лучаниновъ, послѣ чая, простился и пошелъ бродить по аллеямъ; солнце садилось; мимо бульвара, по канавѣ бѣжали мутные потоки воды; два босые мальчика валагдались въ лужѣ; липы, съ отяжелѣвшими отъ дождя листьями, точно задумавшись стояли по бокамъ аллеи; „Im Mai, im Mai!“, доносились откуда-то горловые голоса подгулавшихъ „въ зелени“ подмастерьевъ; по аллеямъ брели промокшія женщины въ накрытыхъ носовыми платками шляпкахъ, мушны съ дамами и безъ дамъ, съ дѣтьми на рукахъ и съ узлами.

Лучаниновъ не видалъ, впрочемъ, мимо идущихъ; въ ухахъ его еще звенѣлъ дѣвчій, чистый голосъ: а воздухъ-то, воздухъ! Чудо! „Думаетъ ли этотъ роскошный, одинокій, выросшій на каменистой, жесткой, безучастной почвѣ цвѣтокъ, какъ оласно, какъ непрочно его положеніе? Умри сегодня,

завтра старуха, куда дѣнется это неопытное, беззащитное созданье? А ей, вотъ что ужасно, кажется, ни разу не приходило этого въ голову? Есть шляпка, вьется безъ щипцовъ темный и мягкій локонъ, ботинки съ пряжками вчера купила бабушка, есть платице съ красными лентами, букетъ изъ лилій, гвоздикъ и бѣлыхъ розаовъ; румянецъ и здоровье есть, безцѣнный даръ роднаго поля, роуци, юности; воздухъ такъ чистъ пока; сиренью пахнетъ, ландышемъ; любимая мурта привялась, герань цвѣла весною на окошкѣ. Чего еще? А тамъ.... Да будь что будетъ! Тучка набѣжить, разсвѣтается, и снова будетъ ясно, какъ въ лѣтній день послѣ дождя, когда услужливый вѣтерокъ прогонитъ съ синяго неба всѣ, всѣ эти досадныя, „противныя“, какъ она говоритъ, тучи.“ Такъ бесѣдовалъ съ собою нашъ герой. И граціозный, живой образъ дѣвушки явился его внутреннему оку съ такою ясностью, точно пролетѣла она предъ нимъ, вся сіяющая, стройная, въ своемъ новенькомъ платьѣ съ лентами, въ соломенной тирольской шляпкѣ.

Мысль о потерянномъ имѣньѣ змѣей подошла къ сердцу. „Im Mai, im Mai,“ долетали олять откуда-то до него голоса пьяныхъ подмастерьевъ. Лучаниновъ теперь только замѣтилъ что совсѣмъ стемнѣло; онъ воротился и пошелъ къ дому. Такимъ, удвоеннымъ грузомъ легло ему теперь на душу свое несчастье; не зналъ онъ любить ли она его; „во еслибы,“ подумалъ онъ, вспыхнувъ весь, „и любила, что жъ, я заставаю ее нуждаться, бѣдствовать, ее, рожденную для счастья?“ Теперь не уповалъ онъ черезчуръ на трудъ, хотя до тяжкаго труда у него еще не доходило; онъ видѣлъ все-таки „цвѣточки“, какъ говорится, а „не ягодки“. „Ея не знаютъ; не видалъ никто; увидитъ какой-нибудь богачъ, тогда прощай; онъ, можетъ, и не влюбится; иные смотрятъ вѣдь на жену какъ на мебель для гостиной, для бальной залы. Болтать, протягивать милостиво одному, другому съ лаской руку, агать, этому не долго научить всякую женщину; а эта даже самоучка. Ее сейчасъ введи въ салонъ, не растеряется, войдетъ точно въ свои владѣнія, не струситъ.“

Приблизясь къ дому сосѣдокъ, онъ услышалъ задумчивый, молодой лодуголось, нагѣвавшій какую-то русскую лѣсню.

— Бабушка, я передѣлаю вамъ челчикъ, раздалось изъ окна лослѣ лѣнія.

— Ну, вотъ еще; испорти; чѣмъ онъ тебѣ не нравится; онъ

не дешево заплаченъ.... этотъ челець изъ дорогихъ; купленъ на керманѣ въ Креславѣ....

Лучашиновъ вошелъ въ свою квартиру и отворилъ окна; не зажигая свѣчи, онъ снялъ пальто и улегся на диванѣ. Въ отворенныя окна комнаты лыль свѣжій воздухъ, донося, вмѣстѣ съ запахомъ сирени, дѣвичій голосокъ, задумчиво напѣвавшій, про себя, какую-то протяжную, съ дѣтства знакомую мелодію.

XXIV.

Часовъ въ десять утра, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ одной изъ петербургскихъ площадей, несмотря на изморозь и холодъ, вадила толпа народа; между идущими, впереди ѣдущей шагомъ извожничьей кареты, шель, заложивъ руки назадъ, въ толстомъ вишневомъ пальто, графъ-охотникъ, съ которымъ мы познакомили читателя въ Венеціи; подлѣ него, въ мѣховомъ пальто и съ палкою, вѣроятно съ нотами, шель Барскій.

— Кому же, скажите, достанется все это? Ну, деньги онъ, положимъ, сохранить.... Имѣнье вѣдь отберутъ въ казну? говорилъ графъ; — спрашивается: зачѣмъ онъ копилъ, хваталъ чужое? Бѣдные Лучашиновы! Пробоваали мы, я и дядя, совѣтовались съ адвокатами какъ бы помочь имъ, но ничего не могли придумать.

— Да, вотъ какія вещи случаются на свѣтѣ, отвѣчалъ музыкантъ.

Онъ недавно познакомился съ графомъ на вечерѣ у одного князя, любителя музыки. Графъ, къ удивленію всѣхъ, выслушалъ цѣлые три квартета сыгранные Барскимъ.

— Народу-то, народу, продажалъ графъ, пропуская двухъ пробравшихся лю лужамъ дамъ.

— Зачѣмъ это женщины ходятъ на подобныя зрѣлища? шелнулъ графу скрипачъ.

— Почему жъ не ходить? Женщины любознательнѣе мужчинъ; а здѣсь вѣдь смыслъ есть; сюда влечетъ не пустое любопытство; люди ѣздятъ смотрѣть на разжалованіе, на казнь преступника, съ цѣлю психологическою; они изучаютъ самихъ себя.... Да развѣ это не любопытно взглянуть какъ человекъ будетъ держать себя, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ поруганіемъ, со смертью? Но я, признаюсь, не могу себѣ

объяснить что такое хотѣлъ выразить Тарханковъ, выйдя въ своей арестантской шинели на возвышеніе, этою презрительною, насмѣшливою миной, съ какою онъ оглядѣлъ толпу?

— Григорій, громко крикнулъ кто-то сзади ихъ.

Голосъ показался знакомымъ Барскому; онъ оглянувся и въ нѣсколькихъ шагахъ увидалъ Аристархова; онъ махалъ своему кучеру чтобы подавать; карета подѣхала; адвокатъ сбѣлъ, захлопнулъ дверцу и улетѣлъ.

— А я пожалуй что могу вамъ теперь разъяснить, графъ, почему провически поглядѣлъ на толпу Павелъ Ивановичъ, предъ тѣмъ какъ стали ломать надъ нимъ шлагу, сказалъ Барскій.

— Почему? спросилъ графъ.

— Вы знаете кто это сейчасъ уѣхалъ въ каретѣ?

— Кто же?

— Аристарховъ, можетъ-быть главный виновникъ паденія Тарханкова; конечно, онъ нашелъ въ Павлѣ Ивановичѣ медуша способнаго, воспріимчиваго, но не будь его помощи, не рѣшился бы Павелъ Ивановичъ, при своей ограниченности, на подобныя выходки.... Въ этой каретѣ уѣхали и голова, и правая рука преступника, запальчиво проговорилъ Барскій, указавъ на несущуюся вдали карету, проговорилъ такъ громко что нѣкоторые изъ идущихъ съ любопытствомъ посмотрѣли на него.

— Я слыхалъ про этого сокола, но, представьте, никогда не видалъ его; какъ жаль что вы мнѣ его не показали, сказалъ графъ.—И въ дѣлѣ Лучаниновыхъ, стало-быть?...

— Вездѣ, я разкажу вамъ послѣ; здѣсь неловко.... И какова наглость: вѣхать смотрѣть!

— Ему нужнѣе чѣмъ другимъ изученіе подобныхъ положеній, улыбаясь, замѣтилъ графъ, — „какъ знать,“ чай думаетъ, „не нынче, завтра, можетъ и мнѣ придется.“

— Вотъ почему поглядѣлъ насмѣшливо Тарханковъ на толпу, продолжалъ музыкантъ:—не встрѣтились ли они печально глазами другъ съ другомъ? Объясняется-то очень просто, какъ видите.

— Ясное, но весьма грустное объясненіе, отвѣчалъ графъ, задумавшись. — Куда вы отсюда?

— Я на релетицію.

— Я доведу васъ; пройдемтесь еще два шага, если хотите. Музыкантъ поблагодарилъ, и они пошли дагѣ.

— Кажется, онъ плакалъ однакожь послѣ того какъ переломили шпалу? спросилъ Барскій.

— Нѣтъ. Я близко стоялъ, отвѣчалъ графъ; — онъ не заплакалъ, но олустился какъ-то весь, точно внутри его переломили какую-то пружину, поддерживавшую туловище; такъ, олустившись весь, онъ и сошелъ съ эшафота. Вы примѣтили?

— Да, это я замѣтилъ. А жаль его; въ немъ было много добраго, но все это задушила непомерная жадность, говорилъ музыкантъ; — будь я судья, я бы вывелъ перваго не его, а Аристархова; еслибы не онъ, не былъ бы разжалованъ, обруганъ Павелъ Ивановичъ.

Графъ и Барскій усѣлись въ карету и уѣхали. Часу въ третьемъ, воротившись домой съ репетиціи, музыкантъ нашелъ у себя Василья Семенова; старикъ сидѣлъ на стулѣ въ залѣ и пилъ чай; старые знакомцы обнялись.

— Каковы дѣла надѣлались, Василій Семенычъ! говорилъ музыкантъ. — Кто это думалъ?

— Мы zawsze такъ, люди, живемъ сплуста рукава, не думаемъ.... Еслибы думали, не дѣлали бы дѣлъ худыхъ, отвѣчалъ старикъ.

— Гдѣ же ты теперь? Что думаешь дѣлать? спросилъ Барскій.

— Да теперь вотъ у тебя здѣсь, а думаю въ могилу, куда мнѣ больше-то? разсмѣявшись и понюхавъ табаку, отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Надо тебя познакомить съ женой, началъ было музыкантъ.

— Ужь мы познакомились, сидѣли, толковали. Добрѣйшая она у тебя, Елизавета Николаевна.... Добрѣйшая.

Василья Семенова, всегда молчаливаго, мрачнаго въ прежнее время, нельзя было узнать; урюмое лицо его сдѣлалось добрѣе; явилась вмѣсто молчанія даже болтливость.

— Чѣмъ въ деревню тебѣ, оставайся-ка у меня, Василій Семенычъ!

Василій Семеновъ махнулъ на это рукой, и поблагодаривъ, сказалъ:

— Нѣтъ, здѣсь я не останусь, да и глядѣть-то вамъ, молодежи, на меня тоска возьметъ. Иду вотъ въ Кіевъ, помолиться хочется тамошнимъ угодуикамъ, а тамъ что Богъ дастъ.... Мнѣ, одинокому-то, всюду уголь.

Музыкантъ припомнилъ что Василью дѣйствительно былъ „всюду уголь“; вспомнилъ какъ бывало лежалъ онъ у него, въ музыкантской, точно какая кладь, ло цѣлымъ днямъ на лавкѣ. „Постой-ка, братъ, Василій Семенычъ, мнѣ надо кларнетъ

достать съ верхней полки“, скажетъ ему, бывало, кларнетистъ: Василій встанетъ съ лавки, нахмурясь постоитъ, пока тотъ достанетъ что нужно, и уляжется снова; греми оркестръ, бывало, сколько угодно, разучивай врознь голоса инструменты, стучи турецкій барабанъ, Василью горя мало, лежитъ себѣ, отворотившись къ шкафу, полюхивая изрѣдка табакъ и откашливаясь.

Гость отобѣдалъ, сходилъ къ вечернѣ, ночевалъ у Барскаго, но на другой день, чѣмъ свѣтъ, простившись съ вечера съ хозяевами, надѣлъ на плечи что-то въ родѣ ранца, и не смотря на уговоры няньки выпить хоть чаю съ ней, ушелъ изъ Питера. Что ужъ его наткнуло на жизнь лаломника, одинъ Богъ вѣдаетъ. Что думалъ этотъ вольный что Божья птица человекъ, шагая со своею легонькою котомкой по летающему въ даль-дальнюю, прямому какъ стрѣла шоссе, или же пробираясь, позднимъ осеннимъ вечеромъ, грязнымъ проселкомъ до мелькающихъ вдали огоньковъ бѣдой деревушки? Что думаетъ эта толпа, въ орловскихъ, смоленскихъ и невѣсть какихъ кафтанахъ, шагая подъ дождемъ и солнцемъ къ Саввѣ Прелодобному, къ Сергію, къ Печерскимъ чудотворцамъ? „Ничего“, отвѣтитъ мнѣ иной, взирающій свысока на невѣжествомного, „неразвитаго“, какъ нынче говорятъ, простолюдина. Будто бы? Не торопитесь отрицать въ этой идущей Христовымъ именемъ толпѣ способность мыслить и чувствовать; у ней есть думы глубже, тяжелѣе, существеннѣе и важнѣе нашихъ моднымъ думъ; въ этой толпѣ, разговоритесь съ ней, и вы найдете людей идущихъ уяснить себѣ, обдумать, въ тиши одиночества, разговорку съ матерью, съ отцомъ, женою, ссору съ врагомъ; найдете вы идущихъ наединѣ, вдали отъ ежедневной житейской трескотни, идущихъ обвинить, быть-можетъ, одного себя во всемъ и привести, вмѣстѣ съ крестами отъ мощей угодника, раскаяніе, миръ и тишину семьѣ своей. Вѣдь отходящіе на богомолье лалотники просятъ прощенья у семьянъ. Не торопитесь же говорить что это „неразвитость“ одна, по временамъ, ведетъ простолюдина, вмѣсто того чтобы молиться дома, въ даль, ко святымъ угодникамъ.

Быстро идетъ разказъ и жизнь идетъ вѣдь, правда, быстро: не рыцарскій романъ предъ читателемъ; вмѣсто турнировъ, похищеній, битвъ, мы вынуждены рисовать ему думы одиноко живущаго, притомъ живущаго, большею частію, внутри

себя, человека. Трудно прослѣдить умственный и нравственный ростъ шагъ за шагомъ, трудно опредѣлить что добытъ я изъ собственной, душевной почвы, что мнѣ навѣяно со стороны, засѣло на душу, привнеслось съ сѣвернымъ, холоднымъ, или съ маяющимъ вонь изъ душевной комнаты, утреннимъ, теплымъ и благоуханнымъ лѣтнимъ вѣтромъ. А между тѣмъ нѣтъ для въ духовной жизни человека, въ который бы не вывалились два-три кирпичика изъ старыхъ зданій, и не прибавился бы хоть вершокъ къ непрестанно создающимся новымъ убѣжденіямъ.

Какъ позабытыя на время рабочими неоконченныя стѣны увѣшиваются длинными вѣтвями дѣвственнаго винограда, такъ около думъ нашего молодого поэта обвились новыя грезы и надежды. Тамъ, пронизавъ только-что выведенное каменщиками окно, спустились вѣтви чуднымъ изваяніемъ мавританскаго палаццо, тамъ, зацѣпившись за карнизъ, повисли, перелутавшись гирляндой надъ входомъ; тамъ новый побѣгъ, змѣйкой поднявшись изнутри, выглянулъ изъ-за вершины зданія юными, свѣтло-зелеными отростками. Не обрывайте ихъ, рабочіе! Поберегите, если не вѣтви, то хоть корень этихъ вьющихся, живолисныхъ ростковъ. Вѣдь зодчій не придумаетъ, не сочинитъ такихъ калризныхъ, легкихъ, прихотливыхъ украшеній, какія сразу, такъ, не думая, какъ геній въ минуту отдыха на первомъ лоскуткѣ, полавшимся карандашомъ, — придумаетъ природа.

Былъ конецъ сентября; кривая Латышка вставляла зимнія рамы въ квартирѣ Лучанинова и страшно ему надоѣла; рама попадала иногда не въ свое окно, нелѣзла; Латышка стучала въ нее кулаками, такъ что дребезжали стекла, бранила хозяина перелутавшаго рамы, хозяйку прогнавшую маляра и заставляющую ее, кухарку по профессіи, вставлять двойныя рамы.

— Заставила бы она Лизхень; она живетъ, вы знаете, телерь у токаря; говорила Латышка обращаясь къ Лучанинову, который не имѣлъ чести знать ни токаря, ни Лизхень. — Вотъ бы она ее заставила; глаза бы выпарапала за это ей, проклятой вѣдьмѣ, Лизхень.

— Что же, развѣ такая сердитая Лизхень? спросилъ Лучаниновъ, положивъ перо и поднимаясь изъ-за письменнаго стола.

Она было усѣяся за письмо къ брату, но стукотня и болтовня кухарки рѣшительно не позволяли думать.

— Лизхень? А вотъ она какая, отвѣчала, положивъ замазку на окно и подбоченясь, Латышка;—токарь вздумалъ однажды

съ ней, какъ съ прежнею кухаркой, заигрывать; неслая она бѣлье вѣшать на чердакъ, онъ и вздумалъ поцѣловать ее. Она его обернула, да въ шею съ лѣвѣицы такъ и спустила кубаремъ; онъ низенькаго роста, еще счастье, а то бы лбомъ поцѣловался съ перекладной. Вотъ какая Лизхень, Негг Secretaire; вотъ нынче въ Pfingsten, въ зелени; мы вмѣстѣ съ ней ходили, продолжала повѣствовательница, принимаясь замазывать раму, — своему трубочисту, жениху, — тотъ напился и вздумалъ нанимать извощика, — такихъ двѣ ляхи закатила; и за дѣло.... Береги деньги.... Вотъ она какая, Лизхень. Нѣтъ, та бы.... Та не станетъ ей, вѣдьмѣ, рамъ замазывать, окончила, задыхаясь отъ негодованія, Латышка.

„Нѣжная невѣста,“ подумалъ Лучаниновъ, надѣвая пальто чтобъ отправиться къ сосѣдкамъ: писарь-адвокатъ принесъ ему копію съ какой-то бумаги, для сообщенія Толоровкой; только-что зажгли свѣчи когда онъ вошелъ къ нимъ; Маріанна Александровна собиралась что-то читать по-русски бабушкѣ; увидя Лучанинова, она захолинула книгу.

— При васъ не стану, отвѣчала она, покраснѣвъ, на замѣчаніе гостя что онъ, кажется, помѣшалъ; — это по-русски, вы будете смѣяться что я нѣкоторыя слова дурно выговариваю.

— Говорите по-своему; къ вамъ идетъ это, и потомъ вы вовсе не такъ дурно говорите, отвѣчалъ Лучаниновъ, передавая старухѣ копію.

Старушка надѣла очки и стала читать про себя, но вдругъ, опустивъ бумагу, отшатнулась къ спинкѣ кресла.

— Мнѣ что-то дурно, Мар....

Дѣвушка робко взглянула на нее.

— Воды не прикажете ли? спросилъ, тоже перепугавшись, Лучаниновъ.

Онъ напилъ стаканъ изъ стоявшаго на окнѣ графина; старушка проглотила калю и безъ чувствъ опустилась въ кресло. Дѣвушка съ испуганнымъ лицомъ кинулась къ ней.

— Спиртъ есть у васъ? спросилъ Лучаниновъ.

— Есть, кажется, тамъ въ шкафѣ. Бабушка!

Лучаниновъ досталъ стклянку; дѣвушка поднесла ее къ лицу старухи; она очнулась, губы покривились немного; дѣвая рука, какъ плеть, скатилась съ мягкой ручки кресла.

— Бабушка, говорила, стоя на козлахъ подлѣ кресла, Маріанна Александровна.

Большая что-то силалась сказать, но языкъ, замѣтно, не саушался.

— Не можетъ говорить? обратилась дѣвушка къ Лучанинову.

— Я поѣду за докторомъ.

— Да... Съѣздите, но... поскорѣе.

— Не позвать ли хозяйку? Какъ вамъ однимъ? началъ было Лучаниновъ, надѣвая пальто.

Но въ комнату вошла Нѣмка-швея, знакомая сосѣдокъ.

Черезъ полчаса Лучаниновъ возвратился со врачомъ; больная лежала уже за перегородкой, въ постели; швея и внучка хлопотали около нея. Молодой, только что кончившій курсъ врачъ, розовый и кудрявый, съ голубыми глазами, стыдливо раскланялся съ Маріанной Александровной; бѣлое, съ розовыми щеками, лицо его наломинило лица восковыхъ херувимовъ, которыми украшаютъ у насъ искусственныя вербы. Поцуплавъ пульсъ и осмотрѣвъ отнявшуюся руку, молодой эскулапъ спросилъ перо, чернилицу, и усѣвшись на кончикъ стула, краснѣя, принялся что-то прописывать.

— Что это, докторъ? Ударъ? Опасно? спрашивала его лѣтнепки Маріанна Александровна

— Если хотите, gnädiges Fräulein, отвѣчалъ, приподнявшись со стула, точно провинившееся дитя, весь зарумянившись, докторъ;—принявъ въ соображеніе лѣта вашей достолочтенной матери....

— Бабушки, поправилъ его Лучаниновъ.

— Entschuldigen Sie, бабки, разумѣется уже само собою что болѣзнь не безопасна, но если, съ другой стороны, мы прослѣдимъ рядъ случаевъ....

Докторъ замаялся. Лучаниновъ дернулъ его за полу сюртука и шепнулъ: „утѣшите ее, скажите: нѣтъ опасности“. Врачъ еще болѣе сконфузился и окончилъ: „но я не нахожу особенной опасности; болѣзнь можетъ продолжиться, но не угрожаетъ какимъ-либо особенно неблагоприятнымъ исходомъ.“ Дѣвушка стояла предъ нимъ съ вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ; пожавъ плечами, она отошла наконецъ, думая про себя: „Богъ знаетъ что онъ такое говоритъ: если хотите есть, если хотите не угрожаетъ; вѣрно опасно, но онъ не хочетъ говорить.“ Подойдя къ швеѣ, она что-то вполголоса сказала ей и залакала.

— Могу увѣрить васъ, нѣтъ ни малѣйшей опасности; я

сейчасъ говорилъ съ докторомъ, сказалъ ей, тоже вловогоса, Лучаниновъ.

Врачъ ожидалъ его, уже одѣтый, въ передней; Лучаниновъ вхалъ въ аптеку и взялся подвести его.

— Сколько ей лѣтъ, старушкѣ? спросилъ докторъ, выходя за калитку.

— Не знаю; полагать надо, лѣтъ семьдесятъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.—А что?

Врачъ промывалъ что-то.

— Оласно? наступалъ на него Лучаниновъ.

— Другая фрейлейнъ мнѣ разказывала что это врядъ ли не третій ударъ. Вообще, судя по нѣкоторымъ признакамъ и принявъ въ соображеніе общее состояніе здоровья самого организма, утратившаго энергію вслѣдствіе значительной зрѣлости возраста пациентки, я долженъ формулировать отвѣтъ на вашу просьбу слѣдующимъ образомъ, говорилъ докторъ, взявъ за пуговицу Лучанинова.—Оласность есть; большая оласность, но именно этотъ недостатокъ энергіи организма даетъ мнѣ пріятную возможность надѣяться или... мнѣ кажется такъ лучше выразиться, поправилъ докторъ; онъ, закативъ глаза, глѣзъ какъ соловей, любуясь не только фразами, но, кажется, и самымъ звукомъ своего дѣйствительно пріятнаго, но черезчуръ сладкаго голоса. — Не надѣяться, а предусматривать, или, вѣрнѣе, предоощуать. Потому что настоящій врачъ, я нахожу, предоощуаетъ предварительно, потомъ уже....

— Что же предоощуать? спросилъ Лучаниновъ, сорвавшись съ абордажа, на которомъ все еще продолжалъ держать его, посредствомъ пуговицы, докторъ.

— Предоощуать что быстрого исхода ни къ выздоровленію, ни къ нѣсколько болѣе печальному исходу для больной не будетъ, окончилъ врачъ, садясь въ пролетку.

На дальнѣйшіе распросы Лучанинова, врачъ, потушивъ глаза, отвѣчалъ:

— Да... но... конечно, это вещь такая что... однакожь... тутъ много есть условій... жотя наука опредѣляетъ довольно точно, но... въ настоящее время... Бываютъ кризисы... А вы ихъ родственникъ?

— Нѣтъ.

— Толорская? Такъ написалъ я на рецелтѣ?

— Толоровская. Да это все равно.

— Гмъ... Но... Я долженъ вамъ сказать, началъ докторъ,

натягивая перчатку и потулившись, точно сознаваясь въ какомъ-нибудь неприличномъ поступкѣ,—что.... фрейлейнъ чрезвычайно красива.

— Да, она... началъ было Лучаниновъ.

— Очень красива, шепотомъ повторилъ врачъ, рассматривая набалдашникъ своей трости.

Лучаниновъ довелъ его на квартиру, и взявъ слово навѣстить завтра утромъ пациентку, поѣхалъ въ аптеку. Когда онъ воротился, у стола на диванѣ въ первой комнатѣ сидѣла Маріанна Александровна и тихо плакала; швея стояла подлѣ кровати; больная сидѣла что-то сказать; швея подавала ей воды, варенья, но больная отрицательно мотала головой и показывала правою, здоровою рукой на комодъ.

— Я не могу добиться, фрейлейнъ, чего она просить, говорила швея Маріаннѣ Александровнѣ.

— Залерто ли, вы спрашиваете? Да? спросила, отеревъ поворно платкомъ слезы, внучка.

Больная утвердительно кивнула головой и не ясно проговорила наконецъ: „бумаги... береги.“ Дѣвушка вынула изъ комода пачку бумагъ, и показавъ ей, положила обратно; больная успокоилась. Лучаниновъ, передавъ лекарство, пошелъ домой.

— Я вамъ должна, начала было дѣвушка, взявшись за ключи.

— Завтра, Маріанна Александровна. Покойной ночи, отвѣчалъ онъ, выходя въ дверь.

Осенній вѣтеръ точно плакалъ, завывая въ неплотно притворенную должно-быть трубу, когда онъ раздѣлся и легъ въ постель; онъ взялъ было книгу, но тотчасъ же закрылъ ее и лежалъ съ открытыми глазами, думая о сосѣдкѣ; по временамъ надѣвъ туфли и халатъ, онъ подходилъ къ окну, подымалъ штору и глядѣлъ на полукруглое окно сосѣдокъ; у нихъ былъ огонь; на бѣлой занавѣскѣ двигались двѣ женскія тѣни; Лучаниновъ ложился, но черезъ полчаса опять вскакивалъ посмотреть что дѣлается у Толоровскихъ.

Старуха познакомила его нѣсколько со своею семейною хроникой; вотъ что онъ зналъ изъ ея отрывочныхъ разказовъ: князь, отецъ Маріанны Александровны, единственный сынъ старухи, получилъ послѣ отца нѣсколько сотъ душъ, хорошо устроенное, впрочемъ дѣдомъ, а не отцомъ князя, имѣнье и небольшой капиталъ; за женою (сосѣдкой по имѣнью) онъ взялъ маленькое, смежное со своимъ, незаложенное имѣнье. Жить можно было, особенно въ деревнѣ, да еще при

тогдашнихъ условіяхъ. Но князь Топоровскій, съ далеко не Радзивиловскими средствами, имѣлъ широкія замашки: „панъ коханка“. По смерти отца онъ первое что сдѣлалъ, заложилъ имѣніе, и на вырученную отъ залога сумму увеличилъ охотскую ясовую охоту, снабдилъ охотниковъ серебряными рогами, а лошадей уздечками тоже съ серебрянымъ наборомъ. Воспитывался онъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ корпусовъ; не кончивъ курса, поступилъ кюнкеромъ въ уланы, но дослужившись до чина корнета, вышелъ еще при жизни отца въ отставку и завалился въ деревнѣ, растолстѣвъ до безобразія. Воспитавшись и довольно долго живши въ русскомъ обществѣ, какимъ образомъ сумѣлъ онъ сохранить старинныя привычки пана, довольно трудно объяснить; силачъ, огромнаго роста, съ длинными темнорусыми усами, коротко стриженный, онъ и съ виду походилъ скорѣе на старинный портретъ какого-нибудь сановитаго, ясновельможнаго воеводу времени Баторія чѣмъ на князя девятнадцатаго столѣтія; по убѣжденіямъ онъ былъ Русскій, по привычкамъ—закоренѣлый панъ стараго польскаго времени.

На охоты его, въ отъѣзжія поля, съѣзжалось иногда дватри уѣзда; пиръ горою шелъ часто мѣсяцъ изо дня въ день, безъ малѣйшихъ промежутковъ; нерѣдко гости спали тутъ же гдѣ лили, кто подъ столомъ, кто въ креслахъ, или на диванѣ; человекъ до десяти мелкопомѣстныхъ дворянъ и шляхтичей, кто въ качествѣ шута, кто неизвѣстно даже въ какомъ качествѣ, проживали у него постоянно. Большая жена, которую онъ любилъ, часто не могла спать отъ лѣсенъ и громкаго хохота гостей и весельчака хозяина. Любопытно было бы посмотреть въ желудки гостей, кушавшихъ рѣшительно по цѣлымъ днямъ; завтракъ тянулся до обѣда, послѣ обѣда жженка и опять закуска, продолжавшаяся до ужина; все это, до свѣта, заливалось наливками и венгерскимъ; до солнечнаго восхода еще, дворянъ тащила на кухню за рога барановъ; за погребомъ верещали свиньи, приведенныя на сѣвденіе; повараки оцилывали гусей; на кухнѣ стучали поварскіе ножи; въ погребѣ цѣлый день стояли дежурныя бабы, отпуская холодный квасъ, медъ и пиво. Ключницѣ, завѣдывавшей винами и наливками, доставалось лучше всѣхъ: „ногъ подъ собой не слышу; отъ-то жизнь наша подневольная“, говорила она, уставляя въ корзинку, принесенную двумя лакеями, бутылки со смородиновками, вишневыми и залеканками. Одни повара не

управлялись и прибѣгали къ послѣдней помощи другихъ дворянъ: такъ, фореитору поручалось вертѣть мороженое, кучера начинали гусей яблоками и черносливомъ, псарь ввѣивал метелочкой яичные бѣлки для пирожного, доѣзжачій обвертывал бумагой котлеты.

Одно время образъ жизни Топоровскаго возбудилъ даже подозрѣніе мѣстной администраціи.

— Не кроется ли подъ этимъ чего-либо? спросилъ исправника однажды, притворивъ двери, губернаторъ, прѣхавшій ревизовать уѣздъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ исправникъ, нерѣдко самъ угощавшійся по суткамъ у хлѣбосола-помѣщика, — ничего не кроется, кромѣ того....

— Кромѣ чего? спросилъ начальникъ губерніи.

— Кромѣ того что пьютъ точно что много.

— Да пить пускай ихъ, порѣшилъ губернаторъ, оставивъ съ тѣхъ поръ всякія опасенія.

У Топоровскаго было нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, но далеко не политическаго характера; на свѣрыхъ крышкахъ этихъ дѣлъ было надписано, на одномъ: „о побіеніи и выгнаніи въ шею дворянина такого-то изъ ресторана г-жи Пшицеловской во время ярмарки“. На другомъ: „о высѣченіи розгами и засаженіи въ погребъ шляхтича, имя рекъ“. На третьемъ: „о причиненіи побоевъ и оторваніи лѣваго лейса вилькомирскому мѣщанину Еврею Фейнгольду“. Рядомъ съ этимъ непростительнымъ самоуправствомъ, нерѣдко онъ выручалъ изъ бѣды, давъ сотню, другую рублей высѣченному дворянину; дарилъ ни съ того, ни съ сего пустошь, или мельницу шляхтичу. И пострадавшіе хвалили его, звали благодѣтелемъ. „Нынѣшніе ланы вѣжливы, а попроси, не дадутъ ломанаго гроша“, говорили бѣдняки, вспоминая чуть не со слезами Топоровскаго.

Также въ противорѣчіе своему безлутству, Топоровскій уважалъ мать и нѣжно любилъ маленькую, единственную свою дочь, „Маріанночку“ (такъ онъ называлъ ее). „Да; надо перестать; ну, не сердитесь“, говорилъ онъ, цѣлуя руки матери, когда она принималась журить его. День-другой прекращалось пированье; гости разѣзжались; Топоровскій ѣздилъ на жнитво, какъ лутный хозяинъ. Но на третью сутки заѣзжалъ къ сосѣду съ охоты, подгуливалъ; и вечеромъ въ широкія ворота помѣстья Топоровскихъ вваливала, со звономъ охотничьихъ роговъ и

лѣвными, цѣлая толпа конныхъ, веревца колымагъ, бѣгоныхъ и всякихъ дрожекъ, и снова начиналась кутерьма на цѣлую недѣлю. „здоровье княжны Топоровской!“ кричалъ хозяинъ. „Сто лѣтъ! Бондзь здорова!“ подхватывали гости, и трехлѣтнюю Маріанну, сонную, одѣвали и приносили къ отцу въ залу. Испуганными глазами глядѣлъ ребенокъ, прижавшись къ мощной груди отца, на раскраснѣвшіяся лица лирующихъ, не понимая гдѣ онъ и происходитъ ли все это на яву, или же сновидѣнье. Выбѣжавшая жена наконецъ уносила дочь. „Ну, уеси, душа моя, возьми,“ цѣлуя жену, говорилъ Топоровскій. „Хотѣлось выпить за ея здоровье... Прощай, моя горленка“, прибавлялъ онъ, крѣпко разцѣловавъ и передавая нехотя ребенка. „Бондзь щенствва и здорова ксенджна!“ провожали громкимъ крикомъ взятую матерью дѣвочку гости.

Имѣнья переиздавались; отхожія лустоши, хутора продавались; платились невозможные проценты Евреямъ, которые роємъ налетали на Топоровскаго, какъ мухи на варенье; сбереженный матерью небольшой, послѣдній капиталъ, Топоровскій уговорилъ ее отдать одному барону, который проигралъ все, даже жену свою, и остался съ однимъ хлыстикомъ. Жена и мать плакали; Топоровскій, расчувствовавшись, самъ плакалъ съ ними, называя себя безпутнѣйшимъ человѣкомъ. Искреннее раскаяніе гуляки не вело, однако, къ исправленію. Подходила ярмарка, именины сосѣда, Топоровскій, налившись, закладывалъ Еврею серебряные охотничьи рога и затѣвалъ уже у себя продолженіе попойки. Наконецъ имѣніе описали, исключая Подвинки, деревни матери Маріанны Александровны; Топоровскій окончилъ дни свои отъ апоплексическаго удара. Черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти началась ревизія дворянскихъ родовъ; Топоровскіе, мать и дочь, непризнанныя родными, лишились имѣнія и жили послѣ ревизіи года два въ Подвинкѣ; что вытерпѣли онѣ тамъ отъ гордыхъ родосвенниковъ, отъ Жидовъ и сосѣдей, трудно и тяжело разказывать; наконецъ родные по женской линіи оттягали и это послѣднее имѣніе. Старушка завела тягбу и переѣхала со внучкой въ нѣмецкій городъ, гдѣ мы и познакомили съ нею нашего читателя. Сначала у дѣвушки была нянька Нѣмка, но когда дѣла пошли худо, Нѣмка была отпущена, и дѣвочка осталась на рукахъ больной матери и бабушки. Все воспитаніе со стороны бабушки (мать постоянно лежала) ограничивалось внушеніями: „ты ксенджна,

ты не должна держать себя наравнѣ съ крестьянками.“ „Отчего же?“ спрашивала дѣвочка, любившая рвать съ ними вассальки въ полѣ и вить вѣнки изъ нихъ. „Какъ отчего? Онѣ все-таки холодки, а ты ксенджна.“ Но какъ ни добиралась молодая головка до различія бѣдной княжны съ холодкою, никакъ, однакожь, не могла добраться, слава Богу. Нужда, съ которою сражалась ежедневно бабушка, и бѣднов, набойчатое платьице, напротивъ, ясно говорили ей: „не вѣрь; нѣтъ никакого вѣдъ различія между княжной и крестьянкой“.

И вотъ вышла изъ нея эта странная дѣвушка, которую видить читатель; природа дала ей, въ самомъ дѣлѣ, грацію, какой, можетъ-быть, позавидовали бы иная „ксенджна“; уроки матери дали умѣнье читать, писать кой-какъ, но хорошедь, дружба съ крестьянками, надѣлили ее любовью къ родной природѣ, рошѣ, къ мирной тишинѣ деревни, къ полю волнующемуся что море, къ рѣкѣ широкой, тихой какъ стекло и синей какъ лазурь очей русской красавицы.

Оставшись лѣтъ шести послѣ отца, Марианна хорошо помнила его и любила не меньше матери и бабушки; она часто вспоминала потомъ какъ, прижавшись къ его широкой груди, она разглаживала его длинные, густые усы; какъ мать учила ее, держа на рукахъ, во время кутежа: „погрози ему“. Ребенокъ грозилъ пальчикомъ, и расходившійся гуляка билъ объ полъ вдребезги стаканъ, складывалъ на груди руки и задумывался; гости обыкновенно разъязжались послѣ этого, зная что хозяинъ день-другой не будетъ бражничать. Вотъ что узналъ Лучаниновъ изъ отрывочныхъ разказовъ бабушки и внучки о прежнемъ ихъ житиѣ-бытиѣ.

Вѣтеръ продолжалъ шумѣть верхушками акацій и сиреней въ палисадникахъ; шелъ мелкій дождь, когда Лучаниновъ, проснувшись часу въ девятомъ утра, поднялся съ постели. Въ дверь постучался кто-то; Лучаниновъ отворилъ, и въ комнату вошелъ хозяинъ съ обычнымъ „schön guten morgen“ и съ кипящимъ самоваромъ.

— Наша сосѣдка, Frau von... началъ онъ, совершивъ реверансъ, своимъ плачевнымъ голосомъ,—умерла сегодня, въ лютномъ часу утра.

— Умерла?

— Скончалась, продолжалъ хозяинъ.—Разумѣется, ей мудрено ли умереть.... семьдесятъ лѣтъ, но жаль мнѣ фрейлейнъ; родные, говорятъ, богатые и гордые, не принимаютъ изъ....

Одна' осталась; жаль, добавилъ олъ, почсавъ у себя за ужомъ и задумавшись.—Adieu, Negg....

Лучаниновъ одѣлся и пошелъ къ Толоровскимъ; съ ихъ лѣстницы сходилъ, въ черномъ, длинномъ сюртукѣ и шлягѣ, длинный и необыкновенно гибкій патеръ; онъ смѣрилъ искоса Лучанинова и приподнял шлягу. Отвѣтивъ на поклонъ, Владиміръ Алексѣевичъ подвѣлся на лѣстницу. Маріанна Александровна стояла у стола, на которомъ, уже одѣтая, лежала покойница; какая-то немолодая женщина сидѣла у окна и шила что-то черное; швел, надѣвъ шляпку, собиралась въ лавки. Лучаниновъ поклонился молодой хозяйкѣ и всталъ у двери. Онъ хотѣлъ было сдѣлать обычный вопросъ: „когда скончалась“ и т. д., но раздумалъ, опасаясь встревожить дѣвушку.

— Мнѣ пасторъ говорилъ что нужно что-то такое отъ доктора, начала она, обернувшись къ Лучанинову,—и потомъ изъ полиціи; мнѣ не хотѣлось васъ затруднять, но.... я ничего не знаю.

— Я сдѣлаю все. Не безпокойтесь, отвѣчала Лучаниновъ, и отправился къ доктору.

Странно, пока не вынесутъ тѣла, домашнимъ кажется что не случилось никакой перемѣны, все обстоитъ по-прежнему въ семьѣ, что отшедшій еще съ ними; выносъ тяжко наломиваетъ имъ невозвратимую утрату. На третій день послѣ описаннаго, черныи, съ серебрянымъ галуномъ, закрытый гробъ старушки устали на парныя дроги; Лучаниновъ усадилъ одѣтую въ трауръ Маріанну Александровну и швею въ карету, самъ сѣлъ въ извожничью пролетку, и процессія потянулась въ католическую церковь города. Въ церковь зашелъ врачъ и забѣжали два чиновника канцеляріи, вѣроятно желая взглянуть на красотку, по злодѣйскому выраженію утвѣра, „заразившую“ ихъ молодаго сослуживца; послѣ мессы гробъ отвезли, безъ пастора, на кладбище; вѣтеръ знай вылъ; когда зарыли могилу, дѣвушка кинулась на свѣжій песокъ и долго плакала; наконецъ Лучаниновъ и швея взяли ее подъ руки и усадили въ карету; у молодаго человѣка точно тяжелый камень лежалъ на сердцѣ; онъ проводилъ дѣвушекъ домой и просидѣлъ съ ними молча до вечера.

Тяжко было смотрѣть на это осиротѣвшее, беззащитное созданіе; она то принималась плакать, то молча, олутивъ руки, сидѣла какъ статуя, не слыша рѣчей къ ней обращенныхъ,

не видя кто около нея, гдѣ она. Лучаниновъ отвелъ въ сторону швею.

— Вы, кажется, любите Марианну Александровну; переѣзжайте хоть на время къ ней; ей все-таки будетъ легче; да и какъ ее оставить? Вы посмотрите на нее....

— Я переѣду непременно, отвѣчала швея.— Жаль ее бѣдную! Что станетъ она дѣлать?

Лучаниновъ молча пожалъ плечами; швея заплакала и, подойдя къ дѣвушкѣ, поцѣловала ее въ голову. Въ тяжкіе, грозные дни жизни каждаго человѣка, замѣтите, непременно явится откуда-то, неожиданно, доброе, большею частію знакомое лицо и коротко съ горемъ и нуждой созданіе, чтобъ утѣшить, раздѣлить грузъ скорби несчастливца.

Часовъ въ девять вечера Лучаниновъ, съ тяжкою тоской своею, лошагавъ по бульвару, несмотря на вѣтеръ и моросившій дождь, возвращаясь домой, увидѣлъ у своего подъѣзда извозничью карету; дверца отворилась, когда онъ подошелъ къ крыльцу, и изъ кареты сначала выпрыгнула дѣвочка лѣтъ десяти, за нею вышла дама; при тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря Лучаниновъ не вдругъ, но приглядѣвшись узналъ привѣтливое лицо кумушки Варвары Тимоѣевны; онъ бросился цѣловать ей руки.

— Откуда вы? Вотъ ужъ не ожидалъ, говорилъ онъ, отперъ дверь и зажигая свѣчи.

Варвара Тимоѣевна сняла шляпку и звонко засмѣялась. Лучаниновъ поднялъ и цѣловалъ дѣвочку.

— А вы, милостивый государь, думали исчезнуть, убѣжать отъ насъ, отъ деревенщины! говорила она.— Отыщемъ куда не спрячьтесь; на край свѣта уѣдете, и тамъ найдемъ.

И гостья снова залилась своимъ звонкимъ, искреннимъ смѣхомъ. Лучаниновъ усадилъ дѣвочку, которую онъ нянчилъ когда-то на рукахъ, и вышелъ чтобы заказать самоваръ.

— Ахъ, какъ я радъ, но объясните.... началъ онъ, и вдругъ задумался.

Гостья, усѣвшись, пристально поглядѣла на него и едва за хѣтво вздохнула.

— А вы не тотъ, не прежній Владиміръ Алексѣевичъ, который, помните, цѣлые вечера смѣшилъ насъ всѣхъ.... Что съ вами? говорила она, пристально вглядываясь въ стараго знакомаго и сверстника.

— Ничего.... я тотъ же самый, постарше, можетъ, сталъ, но... Куда вы ѣдете?

— Я? Вотъ ужъ не угадаете; за границу, въ Киссингенъ, за мужемъ; онъ тамъ дѣвился и стосковался по семьѣ, а доктора совѣтуютъ ему провести тамъ зиму гдѣ-то. Вотъ онъ и написалъ насъ.

— А дѣти?

— Всѣ со мной, всѣ четверо; я, какъ насѣдка, вѣчно съ цыплятами, отвѣчала, разсмѣявшись, гостя.

— Такъ въ Киссингенъ? переспросилъ, думая совершенно о другомъ, Лучаниновъ;—это хорошія воды, говорятъ, но что у него за болѣзнь?

— Говорятъ, печень страдаетъ. Представьте, мужъ мой за границей.... Ни на одномъ, вѣдь, языкѣ лизнуть не умѣетъ, кромѣ русскаго. Пишетъ мнѣ: нашелъ какого-то Еврея переводчика.... И мнѣ, впрочемъ, придется застаться Евреемъ, говорила улыбаясь кумушка;—вѣдь и я только по-французски, съ грѣхомъ попоаямъ.... Впрочемъ, нѣтъ, что жъ я! Гуть моргеаъ, биръ, флейшъ, буттеръ.... Ну, да, только должно-быть и есть. Больше ничего не знаю, по-нѣмецки. Но вы-то что такой задумчивый? Вы-то? Печень тоже что ли? разсмѣявшись, спрашивала гостя.

— Не печень, а.... Гдѣ вы ознакомились?

Барвара Тимоѣевна назвала отель.

— Я къ вамъ пріѣду завтра посоветоваться. Вы здѣсь побудете?

— Не пробыла бы двухъ дней, но вотъ исторія, мнѣ нужно поискать няньку. Я наняла въ Петербургѣ Нѣмку, но предъ самымъ отъѣздомъ она заболѣла чѣмъ-то въ родѣ горячки. Я подождала ее дня два, лучше нѣтъ, и уѣхала. Нѣтъ ли у вашихъ знакомыхъ на примѣтъ?

Лучаниновъ обѣщалъ справиться; Латышка подала самоваръ. Барвара Тимоѣевна усѣлась хозяйничать; дѣвочка, усѣвшись въ мягкое кресло, давно спала крѣпкимъ сномъ.

— Устала съ дороги, говорила Барвара Тимоѣевна,—вѣдь мы почти сейчасъ пріѣхали, но я не утерпѣла, уложила дѣтей и прямо въ канцелярію, отыскала дежурнаго, онъ далъ мнѣ вашъ адресъ, и вотъ....

— Благодарю васъ, но на кого же вы дѣтей-то оставили?

— Со мной вѣдь есть моя старуха; нянька нужна мнѣ для двухъ старшихъ, погулять съ ними, занять ихъ, отвѣчала.

гостья.— Да, скажете ли вы мнѣ, наконецъ, отчего вы такъ задумчивы?

Владимиръ Алексѣевичъ разказалъ грустную повѣсть о сиротлившей сестрѣ; кумушка внимательно слушала; нѣсколько разъ въ продолженіе разказа у ней наворачивались слезы.

— Послушайте, начала она съ обычною своею живостью, — познакомьте завтра меня съ нею... можетъ-быть... Не бойтесь, я ее не въ няньки, прибавила она, покраснѣвъ немного.

— Извольте; я предупрежу ее.... Да почему жъ и въ няньки? И потому, чего же мнѣ-то бояться? замѣтилъ, нѣсколько смутившись, Лучаниновъ.

Гостья спохватилась, отгадавъ причину задумчивости знакомца и, со свойственною женщинамъ деликатностью къ чувству, ловко повернула разговоръ въ другую сторону. Она ясно видѣла тяжелый недугъ Лучанинова и, какъ осторожный врачъ, тотчасъ притворилась предъ больнымъ что не находитъ вовсе опасною болѣзни, что она даже удивляется отчего больной такъ хандритъ и убивается. Часовъ до двухъ утра шла задушевная бесѣда двухъ друзей, встрѣтившихся послѣ многолѣтней разлуки; трудно передавать содержаніе подобныхъ разговоровъ: незначашее для постороннихъ слово, выраженіе, случай, подымаютъ въ нихъ цѣлую вереницу воспоминаній; и воскресаютъ одинъ за другимъ дорогіе образы; будто снова живешь съ ними, тамъ, въ далекомъ, невозвратномъ прошломъ. Дѣвочка крѣпко спала, быть-можетъ грезя во снѣ о будущемъ, въ то время какъ гостья и хозяинъ на яву грезили о прошломъ.

На другой день, часу въ первомъ, къ дому сестрокъ подъѣхала та самая извожичья карета которая стояла вчера, къ удивленію хозяина и особенно цѣломудренной хозяйки, у подъезда Лучаниновской квартиры до свѣту; хозяйка просто вознегодовала за это на постояльца: „я думала онъ скромный,“ говорила она, „вотъ тебѣ и скромный; впрочемъ, вѣдь въ тихомъ омутѣ всегда водятся черти,“ прибавила она въ отвѣтъ на слабое возраженіе мужа, что „можетъ-быть, эта дама родственница“. Хозяйка была одна изъ тѣхъ многочисленныхъ женщинъ которыя убѣждены что ошибаться онѣ не могутъ, и если что сказали, даже во снѣ, то это есть вѣчная и непреложнѣйшая истина; подверженное заблужденіямъ человѣчество, по-настоящему, должно бы ставить хоть не дорогіе памятки этимъ сивилламъ.

Изъ кареты вышли Лучаниновъ, Варвара Тимоѣевна и старшая ея дочка. Утромъ Владиміръ Алексѣевичъ предупредилъ Маріанну Александровну о желаніи своей старой знакомки пріѣхать къ ней; дѣвущкѣ видимо было не до того и не хотѣлось знакомиться, но отказать человѣку, прижавшему въ ней такое живое участіе, она сочла неумѣкимъ. Кумушка (онъ не повезъ бы самъ другаго) была одна изъ тѣхъ женщинъ къ которымъ сразу чувствуешь влеченіе, глядишь какъ на старыхъ знакомыхъ (точно видалъ ихъ гдѣ-то, зналъ прежде); сразу довѣришься, полюбишь ихъ; лежитъ ли это въ простотѣ съ которою онѣ относятся къ людямъ, въ улыбкѣ, въ ясномъ взорѣ. Ихъ прамизна наломиваетъ наивность ребенка, а между тѣмъ чувствуется, вѣрится вамъ что въ основѣ этой наивности лежитъ не легкомысліе, а что-то глубокое, незабываемое, что на привѣтливое слово ихъ вы смѣло можете положить, что это слово не пустая свѣтская вѣжливость, а дѣло. Какъ назвать этихъ людей? У насъ принято называть ихъ симпатичными; мнѣ кажется, мы вѣрнѣе опредѣлили бы ихъ, назвавъ чистыми, ибо только чистый душою человѣкъ способенъ такъ прямо и тепло глядѣть въ глаза всѣмъ и каждому. Даже дѣтей влечетъ къ подобнымъ людямъ: стоитъ такому человѣку протянуть руки къ чужому, незнакому ребенку, онъ улыбнется ему тотчасъ, будто старому знакомому.

Черезъ полчаса послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, хозяйка и гостя бесѣдовали другъ съ другомъ какъ давнишніе знакомцы; дочка Варвары Тимоѣевны тоже прижималась уже къ Маріаннѣ Александровнѣ; хозяйка была менѣе разговорчива; гостя увивалась, со своимъ ласковымъ щебетаньемъ, около огорченной, точно ласточка. Лучаниновъ сидѣлъ подлѣ окна, вслушиваясь въ этотъ знакомый ему съ дѣтства голосъ, какъ вслушивается вышедшій въ первый разъ въ поле послѣ грустной деревенской зимы въ звонъ перваго, весенняго жаворонка. Швея хлопотала около кофейника.

— Да вы подумайте, что будете вы дѣлать здѣсь одинъ? ужь ждала Варвара Тимоѣевна;— не понравится вамъ у насъ, мы васъ доставимъ обратно.

Маріанна Александровна отмалчивалась, просила дать ей подумать; новое положеніе компаніонки она не могла представить себѣ. Какая я компаніонка? О чемъ я стану съ ними говорить, будучи необразована; я деревенская дѣвущка... Какъ ни привѣтлива, какъ ни добра казалась ей гостя,

высказать прямо, откровенно свои думы дѣвушка все-таки не рѣшалась.

— Завтра я скажу вамъ, отвѣчала она, привнимаясь плакать.

„Вотъ какъ откажется?“ думала Лучаниновъ. „Что съ нею тогда будетъ? Въ другой домъ я бы не посоветовалъ ей; ее будутъ тамъ преслѣдовать насмѣшки, грубость; тамъ не поймутъ ея, какъ пойметъ и поняла ужь, кажется, кумушка.“ Усѣвшись на обратномъ пути въ карету, онъ высказалъ свои опасенія Варварѣ Тимоѣевнѣ.

— Я не отстаю отъ нея. Согласится, отвѣчала она;—увезу во что бы то ни стало. Бѣдная! А какая милая, должно-быть, дѣвушка.

Переговоры шли цѣлые два дня. Варвара Тимоѣевна ѣздила къ дѣвушкѣ раза три, четыре въ сутки, возила ее къ себѣ; Топоровская рѣшилась высказать наконецъ откровенно свои опасенія что она не годится въ компаніонки.

Слово „компаніонка“ взбѣсило Варвару Тимоѣевну.

— Да кто же это вамъ сказалъ? говорила она, вся вспыхнувъ:—я просто изъ любви къ вамъ, вы мнѣ полюбились, зову васъ погостить, побыть, остаться хоть на всю жизнь, если мы заслужимъ это.... Боже мой, да кто же это такъ вамъ передалъ? Владиміръ Алексѣевичъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Маріанна Александровна;—я сама такъ поняла, поэтому.... Скорѣй я могу быть нянькой.

— Оставьте вы эти должности, перебила Варвара Тимоѣевна. Ну, такъ ѣдьте покупать чемоданъ; покажите мнѣ ея вещи, обратилась она къ швѣѣ.

Слухъ о приглашеніи осиротѣвшей молодой Топоровской дошелъ, какимъ-то образомъ, до костела; старшему патеру представилось что это есть не иное что какъ коварное похищеніе овцы изъ ихъ стада; однажды вечеромъ онъ, призвавъ къ себѣ младшаго патера, поручилъ ему съѣздить предостеречь овцу отъ свѣтей разставленныхъ тайными врагами. „Топоровская и старуха рѣдко посѣщали церковь; дѣвушка осталась одна; ничего нѣтъ мудренаго что тутъ замысль. А этотъ молодой человекъ ни болѣе, ни менѣе какъ орудіе.“ Воображеніе могло завести старшаго патера еще далѣе, еслибы не принесла ему служанка ужинъ; поглядывая на дымящуюся кастрюлю съ любимымъ грѣтымъ ливомъ, онъ пожалъ руку младшему своему собрату со словами: „такъ съѣздите, братъ Іосифъ, къ этой несчастной, предостерегите ее; этого требуетъ чело-

вѣсколюбіе и пастырскій долгъ нашъ“. При послѣднихъ словахъ онъ сложилъ на округленномъ брюшкѣ своемъ руки и возвелъ глаза къ потолку комнаты. Младшій поклонился и вышелъ. Въ слѣдствіе ли вліянія отца Маріанны Александровны, не жаловавшаго Космидовъ, или же потому что бабушка не любила ихъ за вмѣшательство въ нѣкоторыя семейныя дѣла, еще при жизни ея мужа (набожнаго католика), семья Толововскихъ была какъ-то равнодушна къ католичеству. Поэтому, выслушавъ длинную рѣчь пріѣхавшаго латера, украшенную вздохами, возведеніемъ очей къ небу и наконецъ обличеніями адскихъ мученій за отступничество, дѣвушка отвѣчала что рѣшительно не понимаетъ о какомъ отступничествѣ говоритъ онъ ей. „Но вы не видите, дити мое, вы неопытны, вы не можете видѣть козней васъ окружающихъ, продолжалъ латеръ: зло способно притвориться добромъ; мы всѣ обставлены кругомъ сѣтями.“ Маріанна Александровна поблагодарила и ничего не отвѣчала на это латеру; латеръ простился съ нею, посоветовавъ ей подумать объ этомъ и чаще навѣщать костель. „Насчетъ же вашего положенія вы не тревожьтесь слишкомъ; мы постараемся пристроить васъ въ какое-нибудь хорошее семейство,“ окончилъ онъ, надѣвая шинель свою.

„А въ самомъ дѣлѣ, кто они эти люди? Куда они зовутъ меня?“ кинувшись въ подушки и зарывавъ, тотчасъ по уходѣ латера, думала дѣвушка. Но скоро, почему-то, вспомнилась ей Ковотолскій. „Неужто и онъ зло прикинувшееся добромъ?“ Изъ его разказовъ дѣвушка была нѣсколько знакома еще въ деревнѣ съ Корневымъ, Лучаниновымъ. „Что же дѣлать? Нужно дать отвѣтъ сегодня; я задерживаю здѣсь Барвару Тимоѣевну,“ подумала она подходя къ окну, и снова залакала. Въ эту минуту вошла со швеей кумушка; поцѣловавъ плачущую, она сѣла противъ нея у окна, и взявъ ея за руку, молча смотрѣла, будто магнетизеръ, ей въ глаза; это помогло лучше словъ. „Рѣшайтесь же,“ тихо произнесла кумушка; дѣвушка кинулась ей на шею, прошелтавъ: „я вѣду, вы меня не оставите“.... и уже обѣ вмѣстѣ залакали. Вмѣстѣ съѣздивъ на могилу бабушки, онѣ воротились и, при помощи швеи, стали укладывать небольшой чемоданъ Маріанны Александровны. Лучаниновъ привелъ въ порядокъ ея бумаги и взялъ ей паспортъ. На другой день вечеромъ четверомѣстная карета выѣхала за городскую заставу, по пути въ Таурогенъ; рядомъ съ

Варварой Тимошеевной сидѣла Толоровская! Подлѣ кареты на извозчикѣ вѣхалъ Лучаниновъ.

— Прощайте, крикнулъ онъ, поровнявшись съ окномъ кареты.

— Прощайте, кивнула ему Варвара Тимошеевна.

Марьяна Александровна поклонилась, проговоривъ: „благодарю васъ за все“.... Она что-то еще прибавила, но за крикомъ дѣтей, Лучаниновъ не могъ разслушать сказаннаго.

Н. ЧАЕВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РЪШЕНІЕ

ГРЕКО-БОЛГАРСКАГО ВОПРОСА*

Въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ было оглашено извѣстіе объ изданіи султанскаго фирмана, коимъ устанавливается новая независимая православная церковь, болгарская. Оловѣстившія объ этомъ событіи петербургскія газеты признали въ немъ окончательное рѣшеніе такъ долго длившагося греко-болгарскаго вопроса. Правда, въ сообщаемыхъ газетами извѣстіяхъ упоминалось что новоизданный султанскій фирманъ не былъ еще врученъ вселенскому патриарху, который былъ въ пору его изданія оласно боленъ и которому вслѣдствіе того не рѣшались объявить султанское повелѣніе, столь близко касающееся правъ и преимуществъ занимаемой имъ кафедрой общихъ правъ церкви; но въ этомъ обстоятельствѣ петербургская періодическая печать, повидимому, не усматривала никакой особенной важности и, какъ кажется, вовсе не подозревала чтобы въ немъ могло таиться дѣйствительное препятствіе къ осуществленію торжественно выраженной воли султана.

Не имѣвъ въ ту пору точныхъ свѣдѣній ни о тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ состоялось повелѣніе султана объ

* Читано въ засѣданіи С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета 5го мая 1870 года.

учрежденія болгарской независимой церкви, ни даже о содержаніи издавнаго Портою фирмана, которое въ петербургскихъ газетахъ передано было въ самыхъ неясныхъ и явно искаженныхъ чертахъ, * трудно было сказать что-либо вѣрное о значеніи и ближайшихъ послѣдствіяхъ совершившагося событія; тѣмъ не менѣе, даже сквозь эту мглу газетныхъ свѣдѣній, людямъ имѣющимъ ясныя понятія о природѣ церковныхъ вопросовъ не могло не придти на мысль сомнѣніе въ твердости выраженныхъ газетами надеждъ, — такъ какъ, объявляя объ окончательномъ рѣшеніи греко-болгарскаго вопроса, онѣ вовсе не приняли въ соображеніе той власти безъ соизволенія которой подобное рѣшеніе безусловно невозможно, и такимъ образомъ считали, какъ говорить французское присловье, безъ хозяина. Чувствуя важность такого пролуска въ соображеніяхъ нашихъ газетъ, я счелъ необходимымъ въ статьѣ моей: *Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря* (которая печаталась въ ту пору въ журналѣ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* и на которую я позволяю себѣ указать здѣсь какъ на органическую часть настоящаго моего разсужденія), сдѣлать слѣдующую оговорку:

„Выраженіе телеграммы что болгарскій вопросъ рѣшенъ — слишкомъ рѣшительно и поспѣшно. Мы еще не имѣемъ извѣстія о томъ чтобы независимая болгарская церковь была признана вселенскимъ патріархомъ, безъ чего она не можетъ быть принята и въ общеніе прочихъ независимыхъ церквей. Есть даже извѣстіе противоположнаго свойства, а именно: что патріархъ отказывается отъ принятія султанскаго фирмана, который рѣшилъ дѣло рѣшенію и суду Порты не подлежащее. Будемъ ждать дальнѣйшихъ свѣдѣній.“

Свѣдѣнія эти не заставили себя долго ожидать. Первымъ дѣломъ патріарха, возставшаго лаче надежды съ одра болѣзни, на который повергли его глубокія испытанія имъ въ послѣднее время потрясенія, было представленіе Портѣ протеста противъ издавнаго ею фирмана, какъ нарушающаго коренныя основанія церковнаго права и вторгающагося въ такую область которая всегда считалась и, по самой сущности дѣла, должна навсегда остаться недоступною не только

* Только нѣсколько позднѣе мы прочли, сперва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ сокращенномъ видѣ, а потомъ въ *Православномъ Обзорѣннн* (мартъ) уже въ полномъ объемѣ, истинный текстъ этого акта, который прилагается и къ настоящей статьѣ (прилож. № 1).

для власти не христіанской, но даже для православныхъ государей, коихъ церковь помазуетъ на царство и именуетъ своими защитниками.

По важности этого акта, я позволю себѣ привести его въ жолномъ его объемѣ.

„Чрезъ Христаки-эффенди Зографа и Александра Карееодори-эффенди. писалъ патріархъ, ваше высочество передала патріархіи, *безъ сопровожденія тескере*, высокій фирманъ на пергаментъ, коимъ императорское правительство думало путемъ официальнаго рѣшенія, положить конецъ болгарскому вопросу, тянувшемуся въ теченіе десяти лѣтъ и возбудившему столько шума.

„Заботливая о строгомъ исполненіи своихъ обязанностей къ могущественному правительству, которое дано намъ Господомъ, патріархія никогда не помышляла отказываться въ уваженіи и покорности повелѣніямъ нашего весьма чтимаго государя относительно всего что входитъ въ область государственную. Церковь восточная никогда не измѣняла сему началу въ своихъ отношеніяхъ къ мірской власти. Но равнымъ образомъ надобно признаться что и славные султаны, равно какъ и ихъ могущественный преемникъ (да будетъ держава его непобѣдима), никогда не желали входить въ дѣла относящіяся исключительно къ сферѣ церковной. Правительство султановъ устанавливало (всегда) существенное различіе между государствомъ и церковію. Права и преимущества сей послѣдней были торжественно признаваемы и утверждаемы высочайшими *гатти* (указами), и никогда никому не дозволялось посягать на преимущество той церкви которая, въ теченіе пяти столѣтій, состояла подъ непосредственнымъ покровомъ престола султановъ.

„Еслибъ этотъ фирманъ былъ только подтвержденіемъ акта прямаго соглашенія между вселенскою патріархіей и представителями болгарскаго вопроса, то подобно императорское утвержденіе было бы, какъ и всегда, уважено и принято. Но въ настоящемъ случаѣ это не такъ. Вслѣдствіе сего патріархія не можетъ подчиниться политическому ультиматуму въ вопросѣ принадлежащемъ къ порядку чисто религіозному, тѣмъ болѣе что предписанія этого документа явно противны какъ священнымъ правиламъ, такъ и правамъ и преимуществамъ церкви.

„Итакъ, имѣя въ виду что представители болгарскаго вопроса упорно отвергають всякое предположеніе о примиреніи исходящее отъ патріархіи; что правительство по вопросу чисто церковному не можетъ постанавить рѣшенія безвозвратнаго; что вслѣдствіе столь неправильнаго положенія дѣлъ нарушены священныя каноны (о чемъ вашему высочеству было неоднократно излагаемо), патріархія, по всѣмъ симъ основаніямъ, возвращается вновь къ своей просьбѣ (которая

была уже предъявлена вашему высочеству), чтобы вы согласились на созваніе вселенскаго собора, который одинъ будетъ въ правѣ произвести рѣшеніе дѣйствительное, непогрѣшительное и одинаково обязательное для обѣихъ сторонъ.

„Къ высокому правительству обращается также настоятельная просьба о томъ чтобъ оно приняло необходимыя мѣры къ прекращенію постоянно возрастающихъ безпорядковъ въ провинціяхъ, коимъ дана была новая пища чрезъ разсылку окружнаго посланія такъ-называемыхъ представителей отъ 3го марта, обнародованнаго со времени изданія фирмана. Противъ этихъ безпорядковъ патріархія можетъ только формальнымъ образомъ протестовать.“

„Писано 24го марта 1870 г.“ (Подпись:) „Григорій и члены синода.“

Этотъ протестъ, какъ извѣстно, вызвалъ со стороны великаго визиря отвѣтъ, который начинается указаніемъ на то что императорское правительство во всѣ времена руководилось правиломъ не вступаться въ дѣла чисто духовныя и увѣреніемъ что, какъ оно никогда не отступало отъ этого правила донынѣ, точно также будетъ продолжать соблюдать это правило и въ будущемъ. „Никакое сомнѣніе, говоритъ Аалипаша, не должно возникать относительно этого предмета, и я не думаю чтобы была нужда долѣе объ этомъ распространяться.“

Переходя за сими къ обстоятельствамъ коими сопровождалось настоящее распоряженіе Порты, великій визирь старается оправдать его тѣмъ что всѣ попытки, которыя будто бы дѣлало правительство къ примиренію враждующихъ сторонъ въ теченіе десяти лѣтъ ихъ раздора, оставались безъ успѣха; что такое продолженіе распри, при которой власть видѣла себя вынужденною прибѣгать къ силѣ чтобы заставлять Болгаръ принимать греческихъ митрополитовъ и священниковъ, было въ ущербъ миру и спокойствію страны и налагало на правительство обязанность принимать относительно одной части населенія мѣры принужденія и строгости, несогласныя съ началомъ того высокаго покровительства коимъ августѣйшій повелитель удостоиваетъ всѣхъ своихъ подданныхъ вообще.

Затѣмъ Аалипаша даетъ дѣлу такой оборотъ, будто бы содержаніе фирмана и даже самое изложеніе его соответствуетъ собственнымъ видамъ и мнѣніямъ патріарха и расходится съ ними только въ предметахъ второстепенной важности.

Устраняя такимъ образомъ упрекъ патріарха, великій визирь говоритъ:

„Вашему святѣйшеству не безызвѣстно что первый долгъ всякаго правительства состоитъ въ томъ чтобъ охранять и поддерживать покой и безопасность обитающихъ на его землѣ народовъ и стараться удалить всякій поводъ къ волненію; что при всемъ воздержаніи отъ вмешательства въ отправленія различныхъ исповѣданій, коимъ слѣдуютъ ваши соотечественники, и въ ихъ чисто духовныя дѣла, императорское правительство не можетъ, безъ забвенія лежащихъ на немъ обязанностей, остаться равнодушнымъ зрителемъ событий явно способныхъ возмутить общественное спокойствіе.“

Но и на это правительственное заявленіе патріархъ отвѣчалъ, какъ мы знаемъ изъ газетъ, повтореніемъ своихъ прежнихъ представленій о невозможности рѣшить вопросъ о независимой болгарской церкви тѣмъ способомъ который былъ избранъ Портою, и о необходимости разсмотрѣнія сего дѣла на общемъ соборѣ всѣхъ православныхъ (независимыхъ и полунезависимыхъ) церквей.

Я не могу сообщить объ этомъ патріаршемъ отвѣтѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ у меня не было въ рукахъ его полнаго текста; но думаю что въ его подробномъ изложеніи нѣтъ и особенной надобности, ибо онъ представляетъ, вѣроятно, только нѣкоторое видоизмѣненіе вышеприведеннаго протеста, главная мысль коего та что для учрежденія новой автокефальной церкви недостаточно согласія мірской власти (не только мусульманской, но и православно-христіанской), а необходимо созволеніе всей церкви.

Болгаре съ своей стороны усиливается всеми мѣрами оправдать правильность и законность изданнаго Портою фирмана и опровергнуть доводы патріарха направленные противъ права султановъ учреждать своею властію, въ предѣлахъ ихъ державы, автокефальныя церкви. Не знаю, вполнѣ ли искренно, но представители болгарскіе всегда выражались за это право Порты. Читавшіе мою статью: *Вселенскій патріархъ Григорій VI* и т. д., быть-можетъ постараятся припомнить что относительно сего предмета говорили Болгаре въ своей просьбѣ о восстановленіи Охридскаго архіепископства.

„Такое рѣшеніе вопроса (волею султана), писали они, относится къ кругу дѣятельности правительства, какъ власти имѣющей силу утверждать или останавливать примѣненіе правъ, существующихъ по законамъ церковнымъ, и возвращать эти

права тѣмъ кои незаконно были лишены ихъ. На томъ же основаніи на которомъ некогда правительство согласилось утвердить права присвоенныя патріархомъ (Самуиломъ), то можетъ инынѣ законнымъ актомъ снова перенести эти права на Охридскую архіепископію, предоставивъ ихъ тѣмъ кои въ теченіе 1232 лѣтъ пользовались ими и были ихъ лишены незаконно.“*

Точно также и въ настоящее время Болгаре утверждаютъ что если въ прежнія времена султанскій фирманъ имѣлъ право уничтожить независимыя патріаршества въ Охридѣ, Илѣкѣ и Терновѣ (?) и присоединить ихъ ко вселенскому престолу, то и нынѣ такой же фирманъ можетъ возстановить болгарскій экзархатъ.**

Въ виду такой крайней противоположности въ возрѣніяхъ на это дѣло, я нахожу что для русскаго общества, имѣющаго тысячи побужденій сѣдѣть за совершающимися на Болгарскомъ полуостровѣ событіями не только съ участіемъ, но даже съ біеніемъ сердца, въ высшей степени важно усвоить себѣ правильнѣйшій взглядъ на предметъ разногласія. Это вполне необходимо для надлежащаго направленія и справедливаго соразмѣренія его сочувствій, которыя въ продолженіе греко-болгарской распри не всегда и не во всемъ, по моему мнѣнію, были на сторонѣ не только формальной законности, но даже и внутренней правды. Для указанной мною цѣли, то-есть для установленія вѣрной точки зрѣнія на предметъ, наилучшимъ средствомъ можетъ послужить, какъ я думаю, обращеніе къ свидѣтельству исторіи, которая сохранила вполне вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о томъ какимъ способомъ и на какихъ основаніяхъ учреждались въ православной церкви независимыя патріаршіе престолы и равночестныя имъ синоды, въ законности коихъ никто не изъявлялъ и не изъявляетъ сомнѣнія. Изъ сопоставленія этихъ историческихъ примѣровъ съ настоящимъ случаемъ, читатель самъ легко выведетъ свое заключеніе о томъ сколько правды въ увѣреніяхъ вселенскаго патріарха о необходимости церковнаго и притомъ соборнаго рѣшенія настоящаго вопроса и въ соображеніяхъ болгарской стороны, готовой принять даръ церковной независимости изъ рукъ мусульманскаго правительства.

Древнѣйшіе патріаршіе престолы въ православной церкви

* Журналъ Мин. Нар. Пр., мартъ.

** Моск. Вѣд. № 78.

были: Римскій, Александрійскій и Антиохійскій. Первое намъ извѣстное утверждение достоинства сихъ престоловъ избржено въ шестомъ правилѣ перваго вселенскаго собора: „Дхрываются древніе обычаи, принятыя въ Египтѣ, и въ Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій еписколъ имѣлъ власть надъ всѣми сими: понеже и римскому еписколу сіе обычи. Подобно и въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей.“ *

Седьмымъ правиломъ того же собора патриаршее достоинство присвоивается еписколу святаго града Іерусалима, ради сн сительныхъ страстей Христовыхъ. **

Третьимъ правиломъ втораго вселенскаго собора сообщено то же достоинство еписколу Константинопольскому:

„Константинопольскій еписколъ да имѣеть преимущества чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный естъ новый Римъ.“ ***

Вальсамонъ, толкуя это правило, говоритъ: „Сперва Византия не имѣла чести архіепископства, но еписколъ ея рукою лагасмъ былъ митрополитомъ иракійскимъ. Когда же Константинъ Великій перенесъ туда престолъ (τὰ σκῆπτρα) римскаго царства, она переименована была Константинополемъ, Новымъ Римомъ и царицею всѣхъ городовъ. Потому и святы отцы втораго вселенскаго собора опредѣлили еписколу е имѣть преимущества чести послѣ епископа ветхаго Рима ибо она стала Новымъ Римомъ.“ ****

Двадцать восьмое правило четвертаго вселенскаго собора говоритъ такъ:

„Престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущество: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому и побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшихъ епископовъ предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу Новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быть градомъ царя и сивклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныя дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и да будетъ вторымъ по немъ.“ †

* См. *Книг. Прав.*, Спб. 1839, стр. 36.

** Тамъ же.

*** Тамъ же, стр. 44.

**** *Сѣвѣтв. канѡн. Ралли и Потли*, т. II, стр. 175.

† *Кн. Прав.* стр. 68.

Когда благочестивый царь Феодоръ Ивановичъ возымѣлъ намѣреніе учредить въ Москвѣ патріаршество, то созванный имъ соборъ, одобревъ его мысль, присовокупилъ:

„Благочестивый царь! Если угодно тебѣ, пошли грамоты о такомъ важномъ дѣлѣ къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы они, по совѣту со своими митрополитами и епископами, утвердили грамотами такое начинаніе. И ты, и мы почитаемъ ихъ столпами благочестія, и хотя они находятся подъ властію невѣрныхъ, но благодать и святыня владычествомъ нечестивыхъ не оскверняются. Сношеніе съ восточными патріархами необходимо и для того, *да не подумаютъ другіе, особенно Латиняне, пишущіе на святую вѣру нашу, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроился только одною царскою властію.*“*

По предварительному изъявленному согласію всѣхъ предстоятелей святой восточной церкви, поставивъ Московскому государству патріарха, вселенскій патріархъ Іеремія возвратился на Востокъ и созвалъ въ Константинополь на соборъ всѣхъ прочихъ патріарховъ православныхъ, для окончательнаго утвержденія патріаршества въ Россіи.

На этомъ соборѣ александрійскій патріархъ, знаменитый ученостію Мелетій Пуга, обратившись къ указаніямъ церковныхъ правилъ, главнымъ основаніемъ для учрежденія въ Россіи патріаршества призналъ царственное величіе города Москвы. Выписавъ вышеприведенное 28е правило Халкидонскаго собора, онъ говоритъ:

„Почитаю справедливымъ чтобы православнѣйшій городъ Москва, по Божію человеколюбію и благодати украшенный царствомъ, и въ дѣлахъ церковныхъ былъ возведенъ по 28му правилу четвертаго Вселенскаго собора.“**

Далѣе:

„И святой, великій соборъ 318 богоносныхъ отецъ (первый вселенскій) распредѣлил порядокъ и епархіи между патріархами престолами, которые онъ изобразилъ, *не на иномъ какомъ основаніи, какъ по вниманію къ достоинствамъ царственныхъ городовъ (столицъ)*, поставивъ Александрію надъ Египтомъ, Ливією и пр., Антиохію надъ Ассирією и всѣмъ востокомъ, и какъ надъ Европою Римъ, такъ надъ Азією Константинополь.... Посему самъ почитаю справедливымъ и мнѣніе его великаго и святаго собора признаю истиннымъ, чтобы

* Дополн. къ Акт. Ист., т. II, № 76, стр. 120.

** Собр. Прав. изд. Ралаи и Потаи, т. V стр. 152.

престолъ благочестивѣйшаго и православнаго града Москвы былъ и назывался патриархією: ибо градъ (храмъ) сей удостоенъ отъ Бога царственной чести.“*

Когда стѣснявшійся значеніемъ патріарха Петръ I задумалъ измѣнить патріаршее управленіе въ Россіи на синодальное, онъ не почелъ, для исполненія сего намѣренія, достаточнымъ своего собственнаго рѣшенія, но призналъ необходимымъ съестись со вселенскими патріархами, которые и утвердили мысль его своимъ согласіемъ, приславъ о томъ и свои всѣмъ извѣстныя грамоты.**

Учрежденіе синода независимой Элады совершилось такъ: Съ 1821 года естественно прекратились между возставшими противъ Порты Греками и Константинополемъ всякія сношенія, и церковь Эладская управлялась по нуждѣ сама собою. По признаніи европейскими державами независимости Греческаго королевства, дѣла церковныя довольно долго оставались неустроенными; наконецъ правительство новой державы обратило вниманіе и на нихъ и предположило устроить въ королевствѣ независимый синодъ, который и былъ учрежденъ въ 1843 году, по образцу святѣйшаго синода единовѣрной русской державы, съ нѣкоторымъ впрочемъ отличіемъ отъ сего послѣдняго. Онъ учрежденъ былъ соборомъ всего эладскаго духовенства, всѣмъ исполненіемъ христоименитыхъ православныхъ Еллиновъ и закономъ короля.*** Но, разумѣя недостаточность такого учрежденія безъ признанія его всѣми единовѣрными церковными властями, правительство Элады отправило въ 1850 году къ патріарху Константинопольскому грамоту съ просьбой объ утвержденіи независимости ея синода и съ извиненіями въ умедленіи сношеній по сему дѣлу. Эту медлительность старались оправдать политическими затрудненіями и внутренними неустройствами новой державы.

„Теперь же, говорить грамота, когда трудныя обстоятельства Элады Божиимъ споспѣшествіемъ миновали, мы почли священнѣйшею своею обязанностію, съ соизволенія его величества, по мысли же и требованію священнаго клира, возвѣстить о семъ (объ учрежденіи синода) великой константи-

* Тамъ же стр. 153.

** См. Царскія и патріаршескія грамоты на греческомъ и рускомъ языкахъ, или Ралли и Потли, т. V, стр. 160—163.

*** См. Ралли и Потли, т. V, стр. 177—185.

мопольской церкви, почитая ваше всесвятѣйшество яко перваго пастыреначальника православной, каѳолической, восточной церкви, дабы, изслѣдовавъ сіе церковное законоположеніе и признавъ учрежденный онымъ священныи синодъ Эллинскаго королевства, вы приняли его какъ во Христѣ брата, благословивъ дѣло благовѣрнаго Эллинскаго народа, и общили о томъ прочимъ блаженнѣйшимъ патріархамъ: антиохійскому, александрійскому и іерусалимскому чтобы вмѣстѣ съ вашимъ всесвятѣйшествомъ и сіи блаженнѣйшіе патріархи признали наконецъ и приняли какъ брата во Христѣ единочестный и единовѣрный священныи нашъ синодъ, да тако всецѣло сохранится единеніе святой, каѳолической и апостольской церкви.“*

Основаніемъ для учрежденія независимаго церковнаго правительства представляли и въ этомъ случаѣ независимость королевства. Грамота выражается объ этомъ такъ:

„Поелику всѣмъ премудро и челоувѣколюбиво правящій Промыслъ Всевышняго, по безмѣрной милости своей, благоговолитъ воздвигнуть Элладу *въ независимую и самоуправляющуюся державу* (αὐτόνομον κράτος), подобаетъ всячески и православной церкви ея воспользоваться такою же независимостью, какою пользуются церкви другихъ свободныхъ и самоуправляющихся государствъ.“**

Созванный по сему дѣлу въ Константинополѣ соборъ издалъ постановленіе, извѣстное подъ названіемъ Συνοδικὸς τόμος, которымъ признаны существованіе и полная законность священнаго синода Эллады.

Представляемая нами свидѣтельства исторіи слособны, по моему убѣжденію, устранить всякое сомнѣніе въ истинѣ того защищаемаго патріархомъ и отвергаемаго болгарскими представителями начала, что для учрежденія патріаршества недостаточно созванія мірской власти, хотя бы то была власть и православнаго, не только что мусульманскаго, государя, а необходимо свободное огласіе всей церкви.

Изъ тѣхъ же приведенныхъ выше примѣровъ видно что автокефальные престолы учреждались главнымъ образомъ ради царственной чести городовъ. Исключеніемъ изъ этого правила представляются лишь престолы іерусалимскій, синайскій и кипрскій, изъ коихъ первые два пользовались независимостію ради священнаго значенія тѣхъ мѣстъ гдѣ они были

* См. тамъ же.

** См. тамъ же.

учреждены. Послѣдній пользуется, впрочемъ, не совсѣмъ полною независимостію, ибо синайскій архіепископъ, по древнему обычаю, рукополагается патріархомъ іерусалимскимъ. Причины по которымъ кипрская церковь удостоена самостоятельности мнѣ неизвѣстны; но мнѣ извѣстно что она была независимою отъ времени весьма древнихъ. Еще на третьемъ вселенскомъ соборѣ возникалъ вопросъ о нарушеніи ея правъ сосѣднимъ антиохійскимъ престоломъ, и восьмымъ правиломъ этого собора была подтверждена и на будущее время ограждена независимость этой церкви.

Были впрочемъ въ исторіи православной церкви примѣры автокефальныхъ церквей которыя учреждались и мірскою властью; но церковь, терпѣвшая такія распоряженія до времени ради мира, никогда однако не признавала ихъ законности.

Такъ права и преимущества, которыя даны были императоромъ Юстиніаномъ архіепископу его родины Вегеріаны (по инымъ Таврисія), переименованной тѣмъ же императоромъ въ первую Юстиніану, сперва въ 535 г. (Новел. XI), а потомъ подтверждены и приумножены въ 545 г. (новел. CXXXI), вскорѣ послѣ смерти Юстиніана были уничтожены; послѣ тридцатилѣтняго съ небольшимъ управленія своею церковью, на правахъ автокефальнаго архіепископа, предстоятель церкви первой Юстиніаны является снова подчиненнымъ римскому папѣ ерархомъ: въ письмахъ папы Григорія Великаго (Двоеслова) мы видимъ его въ званіи намѣстника папы, коимъ онъ утверждается на престолѣ. Отъ папы же онъ получаетъ pallium и наконецъ подвергается папскому суду и даже запрещенію.*

Точно также непрочно и недолговѣчно было учрежденное въ X вѣкѣ мірскою властію патріаршество великопреславское (доростольское). По смерти знаменитаго Болгарскаго царя Симеона, приводившаго въ трелетъ Византію, правительство греческое постыпшило мирными предложеніями и уступками привязать къ себѣ Болгарію. Сыну Симеона Петру предложили невѣсту изъ царскаго рода, признали его царемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ церковь болгарскую объявили автокефальною. Архіепископъ Даміанъ былъ даже наименованъ патріархомъ,

* Нѣсколько подробнѣе объ этомъ изложено въ выше упоминаемой статьѣ моей: „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря.“ *Журн. мин. нар. просв.* Мартъ, стр. 7.

но такъ какъ это возведеніе въ санъ патріарха совершилось не по опредѣленію церкви, а рѣшеніемъ сената и повелѣніемъ императора, то онъ и не удержался въ этомъ званіи. Дошедшая до насъ отъ XII вѣка греческая запись * о первыхъ архіепископахъ болгарскихъ сообщаетъ о немъ такіа свѣдѣнія:

„При немъ (Даміанѣ) Болгарія признана самоглавенствующею. Царскимъ синклитомъ, по повелѣнію царя Романа Лакапина, Даміанъ объявленъ патріархомъ, но потомъ низложенъ Іоанномъ Цимисхиемъ.“

Долге другихъ автокефальныхъ каедръ, установленныхъ мірскою властію, держалась архіепископія Охридская, начало которой относится, по мнѣнію, которое кажется мнѣ болѣе другихъ вѣроятнымъ, къ 1018 году, то-есть ко времени возвращенія Болгаріи, при Василии Порфирородномъ, подъ власть Византійской имперіи, и которая упразднена была въ 1767 году по прошенію послѣдняго архіепископа охридскаго Арсенія и подчиненнаго ему клира, на основаніи состоявшагося о томъ опредѣленія вселенскаго патріарха Самуила и его синода, утвержденного въ послѣдствіи и султанскимъ фирманомъ.

Въ установленіи Терновскаго патріаршества учрежденнаго въ первой половинѣ XIII вѣка и уничтоженнаго вмѣстѣ съ паденіемъ Болгарскаго царства, въ концѣ XIV вѣка, принимала участіе и церковь; это доказывается и греческими, и болгарскими свидѣтельствами. Такъ Георгій Акрополитъ утверждаетъ что по поводу союза императора никейскаго Іоанна Дуки Ватаки съ болгарскимъ царемъ Іоанномъ II Асѣнемъ, „архіерей Терновскій почтень правомъ автономіи; царскимъ и соборнымъ опредѣленіемъ присуждено ему именоваться патріархомъ, въ удовольствіе князю Асѣню, ради его родства и дружбы“. **

Болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ, коими сопровождалось учрежденіе Терновскаго патріаршества, можно найти въ статьѣ г. С. Палаузова *Обновленіе патріаршества Болгарскаго царства*, *** составленной на основаніи древняго болгарскаго сказанія, открытаго Н. Х. Палаузовымъ.

Не буду входить въ разборъ этихъ свидѣтельствъ, который

* *Lucange famil. Byzant.*

** *Georg. Acrop. cap. XXXI, XXXIII,*

*** *Временн. 1806. Кн. XXI.*

сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ * и который въ настоящемъ случаѣ былъ бы совершенно неумѣстенъ; для цѣли моего разсужденія достаточно будетъ указать лишь на то что упраздненіе независимаго Терновскаго престола было прямымъ послѣдствіемъ покоренія Болгарскаго царства Турками и упраздненія царственной чести города Тернова, ради которой онъ былъ украшенъ и патріаршею кафедрой. Никакого султанскаго фирмана, въ изданіи коего болгарскіе представители обвиняютъ константинопольскую патріархію, по этому поводу издано не было и даже быть не могло: ибо паденіе Болгарскаго царства и одновременное съ тѣмъ упраздненіе терновскаго патріаршества послѣдовало (въ 1394 г.) за 59 лѣтъ до покоренія Турками Константинополя.

Безъ всякихъ со стороны патріархіи усилій, само собою, упразднилось патріаршество терновское, ибо уничтожилась самая причина (*raison d'être*) ея бытія, царственная честь города Тернова.

Совершенно подобный тому примѣръ видимъ мы въ уничтоженіи независимости грузинской церкви, которое послѣдовало по присоединеніи Грузіи къ Русской державѣ, по тѣмъ же самымъ основаніямъ.

Возвращаясь къ главному предмету моего разсужденія, я еще разъ повторяю что всѣ приведенныя мною историческія свидѣтельства обращаются въ подкрѣпленіе требованія патріарха Григорія подвергнуть греко-болгарское дѣло разсмотрѣнію и суду всей церкви.

Это требованіе предъявляется имъ уже не въ первый разъ. Извѣстно что святѣйшій Григорій, тотчасъ по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, составилъ проектъ примиренія съ Болгарами, на основаніи весьма широкихъ уступокъ. Важность и искренность этихъ уступокъ была признана даже благомыслящими изъ Болгаръ, голосъ которыхъ оказался, къ сожалѣнію, слишкомъ слабъ чтобы достигнуть до слуха народа и воздержать его отъ губельныхъ излишествъ международной вражды.

По отверженіи проекта патріарха Григорія, Порта изготовила, въ замѣнъ его, другіе два проекта, почти тождественнаго содержанія, которые были составлены болгарскими представителями и затѣмъ, по разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ въ

* По вопросу о болгарскомъ патріаршествѣ, 1880. Берлинъ.

совѣтъ министровъ, были предложены патріарху съ обязательствомъ принять одинъ изъ нихъ, по его выбору, къ исполненію. Такъ какъ оба означенные проекта * были преисполнены разнаго рода несообразностей и противорѣчили кореннымъ основаніямъ каноническаго права, то патріархъ Григорій, созвавъ свой синодъ и разсмотрѣвъ совокулно съ нимъ присланные ему проекты, рѣшительно отвергъ ихъ и въ томъ же засѣданіи открылъ синоду свою мысль перенести греко-болгарскій вопросъ на судъ всѣхъ единовѣрныхъ церквей и съ этою цѣлю обратиться къ нимъ съ приглашеніемъ на общій соборъ православной церкви.

Представители всѣхъ прочихъ церквей изъявили свое согласіе на созваніе собора и свою готовность прибыть на соборъ или лично, или чрезъ своихъ уполномоченныхъ; единственный голосъ противъ такого способа рѣшенія греко-болгарскаго вопроса, былъ поданъ святѣйшимъ синодомъ русской церкви; но этотъ голосъ, какъ по значенію Россіи въ составѣ православнаго міра, такъ и по особеннымъ отношеніямъ нашимъ къ народу болгарскому, имѣлъ такое рѣшительное значеніе что, съ отказомъ святѣйшаго синода отъ участія въ соборѣ, всякая мысль о его созваніи должна была сразу быть покинута. Приступаю къ разсмотрѣнію отвѣта святѣйшаго синода на приглашеніе вселенскаго патріарха съ подобающимъ важности этого историческаго документа вниманіемъ.

Въ краткомъ вступленіи къ своему отвѣту святѣйшій синодъ объяснилъ что доходившія до него извѣстія о долготѣней церковной распрѣ между Греками и Болгарами постоянно причиняли ему и всей церкви русской глубокую скорбь и возбуждали въ немъ самое живое сочувствіе къ страдающей церкви константинопольской и ея верховному архипастырю; что воздержаніе святѣйшаго синода отъ прямаго въ этомъ дѣлѣ участія происходило единственно отъ глубокаго уваженія къ правамъ церкви константинопольской, предѣлами которой ограничено было церковное возмущеніе, и что наконецъ теперь святѣйшій синодъ чувствуетъ себя свободнымъ выразить относительно греко-болгарскаго вопроса свое мнѣніе съ братскою откровенностію, бывъ приглашенъ къ тому самимъ

* Подробный разборъ этихъ проектовъ можно найти въ статьѣ моей *Вселенскій патріархъ Григорій* и т. д. *Жур. Мин. Нар. Пр.* мартъ, стр. 19—36.

патріархомъ, обратившимся къ нему оъ предложеніемъ подвергнуть этотъ вопросъ соборному обсужденію всей церкви.

Затѣмъ, взирая на дѣло, какъ оное выражается, съ точки зрѣнія истины и справедливости, святѣйшій синодъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Что вселенскій патріархъ есть законный архипастырь всѣхъ православныхъ Болгаръ, находящихся въ предѣлахъ его области, и имѣеть по отношенію къ нимъ неоспоримыя іерархическія права, такъ что если Болгаре хотятъ чтобы вселенскій патріархъ сдѣлалъ имъ тѣ или другія уступки и отказался отъ какихъ-либо или даже отъ всѣхъ своихъ надъ ними правъ, то они могутъ только объ этомъ его просить, но ни въ какомъ случаѣ не требовать насильственно.

Что самъ вселенскій патріархъ въ правѣ дѣлать Болгарамъ тѣ уступки какія признаеть справедливыми и нужными, *въ правѣ даже, по своей доброй воли, признать и полную независимость болгарской церкви*, до сихъ поръ отъ него зависящей, какъ призналъ нѣкогда независимость церкви русской и аѳинской. Но безъ его согласія Болгаре не могутъ отказаться отъ церковнаго подчиненія ему, какъ своему верховному архипастырю, и самовольно отторгнуться отъ него: такъ какъ подобное дѣйствіе, по церковнымъ правиламъ, было бы признано расколомъ.

Что, съ другой стороны, если не всё, то нѣкоторыя желанія Болгаръ, заявляемыя ими предъ вселенскимъ престоломъ, суть желанія самыя естественныя, основательныя и законныя, и что, слѣдовательно, вселенскій патріархъ призывается своимъ пастырскимъ долгомъ удовлетворить, по возможности, этимъ желаніямъ, во имя христіанской правды и любви, *и чѣмъ болѣе удовлетворить, тѣмъ лучше.*

Что не только благо православной церкви вообще, но и благо самихъ Болгаръ требуетъ чтобы они не домогались совершеннаго отдѣленія отъ вселенскаго патріарха и полной церковной самостоятельности, которой искать имъ было бы естественно и безопасно, еслибъ они, подобно Русскимъ или жителямъ Еллады, составляли отдѣльное и самостоятельное политическое тѣло.

Что учрежденіе болгарской самостоятельной церкви въ предѣлахъ того же государства, въ которомъ существуетъ церковь греческая (константинопольская?), повело бы къ увѣковѣченію вражды между племенами; но если Болгаре

удовольствуются только значительными со стороны патріархіи уступками, которыя дали бы ихъ церкви видъ нѣкоторой самостоятельности, оставаясь въ іерархическомъ единеніи съ церковію константинопольскою и въ подчиненіи вселенскому патріарху, то взаимная вражда между Греками и Болгарами мало-по-малу должна бы утихнуть, столкновенія между ними сдѣлались бы рѣже и удобно могли бы прекращаться, и обѣ церкви, греческая и болгарская, связанные единствомъ вѣры и высшей іерархической власти, могли бы находить поддержку одна въ другой и противодѣйствовать врагамъ православія.

Что путь къ такому соглашенію Болгарь со вселенскимъ патріархомъ уже предудказанъ, съ одной стороны, въ проектѣ начертанномъ самимъ патріархомъ, а съ другой, въ проектѣ представленномъ его святѣйшеству, отъ лица умѣренныхъ Болгарь, прежде бывшимъ филиппопольскимъ митрополитомъ Паусіемъ: такъ какъ оба означенные проекта совершенно сходны между собою въ главныхъ чертахъ и отличаются одинъ отъ другаго только въ частности, то эти общія черты обоихъ проектовъ и могли бы, по мнѣнію святѣйшаго синода, послужить началомъ для дальнѣйшаго и окончательнаго соглашенія между Греками и Болгарами, при новыхъ взаимныхъ уступкахъ.

Что же касается вселенскаго собора, на судъ котораго константинопольскій патріархъ рѣшается передать церковный греко-болгарскій вопросъ, то, не говоря о многочисленныхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ встрѣтиться при созваніи и составленіи такого собора изъ епископовъ разныхъ странъ и народовъ, святѣйшій синодъ выразилъ свои опасенія, какъ бы этотъ вселенскій соборъ, вмѣсто умирненія церкви, не послужилъ поводомъ къ еще большимъ въ ней волненіямъ и раздорамъ, и, вмѣсто ожидаемой пользы, не принесъ въ своихъ послѣдствіяхъ вреда. Если вопросъ рѣшится въ пользу патріарха, а не Болгарь, то они могутъ не покориться рѣшенію собора, и тогда послѣдуютъ три самыя печальныя событія: соборъ объявить Болгарь раскольниками; вселенскій патріархъ потерпѣть, чрезъ отпаденіе Болгарь, крайне чувствительную потерю, а съ нимъ вмѣстѣ понесетъ величайшую потерю и вся православная церковь. Но еслибы Болгаре и согласились покориться рѣшенію собора, ихъ не удовлетворяющему, то покорность эта была бы вынужденною и ненадежною; чувство принужденія могло бы болѣе усилить ненависть ихъ

къ Грекамъ, и при первомъ случаѣ обнаружилась бы между обоими народами прежня и даже еще большія распри и волненія.

„Нѣтъ!“ заключаетъ святѣйшій синодъ, „гораздо лучше если его святѣйшество, не дожидаясь вселенскаго собора, *постарается* самъ (ибо это его частное епархіальное дѣло) войти въ соглашеніе въ Болгарамъ, которое какъ онъ, такъ и они могли бы принять по доброй волѣ. Вотъ такое соглашеніе было бы и прочно, и вожделѣнно для всей Христовой церкви.“

Такимъ образомъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, отвѣтъ святѣйшаго синода русской церкви оказался въ отношеніи къ главному предмету, подлежавшему его обсужденію, то-есть къ вопросу о созваніи вселенскаго собора православной церкви, совершенно противоположнымъ общему мнѣнію объ этомъ дѣлѣ всѣхъ прочихъ единовѣрныхъ съ нимъ независимыхъ престоловъ.

При такомъ положеніи дѣла, то-есть въ виду такого существеннаго разномыслія по одному и тому же предмету между призванными и облеченными полномочіемъ представителями частныхъ церквей, я считаю дѣломъ благоразумія воздержаться, по скольку это окажется возможнымъ, отъ личнаго обсужденія означеннаго постановленія святѣйшаго синода и вообще содержанія его отвѣта вселенскому патріарху, и нахожу болѣе удобнымъ не только для себя, но и для самаго разъясненія спорнаго дѣла, ограничиться вѣрнымъ изображеніемъ того впечатлѣнія которое произвелъ отвѣтъ святѣйшаго синода на прикосновенныя къ дѣлу стороны.

Болгарскіе представители, какъ и слѣдовало ожидать, были обрадованы отказомъ святѣйшаго синода принять приглашеніе вселенскаго патріарха на задуманный имъ соборъ, такъ какъ, по содержанію и тону отзывомъ всѣхъ другихъ православныхъ церквей, а можетъ-быть и по свидѣтельству ихъ собственной совѣсти, они должны были ожидать отъ собора строгаго осужденія многихъ своихъ намѣреній и дѣйствій, и во всякомъ случаѣ не могли разчитывать на достиженіе всѣхъ своихъ цѣлей. Но съ другой стороны они остались недовольны и были даже какъ будто изумлены тѣмъ что святѣйшій синодъ считаетъ съ своей стороны, какъ для общаго блага всей церкви, такъ и для самихъ Болгаръ, совершенно необходимымъ пребываніе ихъ до времени (то-есть, до политическаго ихъ освобожденія и образованія независимой болгар-

ной державы) въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго престола, и что онъ весьма ясно отрицаетъ присвоенное ими право устроиться въ этомъ отношеніи, мимо воли патріарха, по собственному ихъ усмотрѣнію, путемъ ли возстановленія одной изъ бывшихъ автокефальныхъ болгарскихъ кафедръ, или на основаніи одного изъ составленныхъ ими и совѣтомъ турецкихъ министровъ одобренныхъ проектовъ.

Что такое сужденіе святѣйшаго синода показалось для болгарскихъ представителей неприятнымъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ имъ сразу и окончательно испровергались ихъ усиленные и многократныя попытки доказать что рѣшеніе вопроса о новомъ церковномъ устройствѣ болгарскаго народа вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія и воли Порты; но трудно объяснить себѣ ихъ изумленіе по поводу выраженного святѣйшимъ синодомъ мнѣнія, какъ будто въ подобномъ возрѣніи его на дѣло могло быть для нихъ что-нибудь неожиданное.

Съ тѣхъ поръ какъ русская церковь стала получать извѣстія о греко-болгарскихъ счетахъ и подавать о нихъ свои мнѣнія, которыя хотя и имѣли характеръ частныхъ сообщеній и передавались большею частію къ руководству для нашего константинопольскаго посольства, но тѣмъ не менѣе не могли и не должны были оставаться для предводителей болгарскихъ тайною, съ тѣхъ поръ, говоримъ, отъ представителей русской церкви не исходило ни одного слова коимъ ободрялось бы совершенное іерархическое отдѣленіе Болгаръ отъ вселенскаго престола, и не только самопроизвольное, которое, по суду священныхъ правилъ церкви, было бы расколомъ, но даже и такое на которое вселенскій патріархъ далъ бы свое вынужденное согласіе.

Относительно мнѣнія болгарскихъ представителей, будто бы для учрежденія независимой болгарской іерархіи достаточно созволенія Порты, митрополитъ Филаретъ еще въ 1861 году писалъ:

„Епископъ Иларіонъ опирается на просьбу къ Портѣ (о дарованіи Болгарамъ независимой іерархіи): странный образъ мыслей! Это значитъ сказать Портѣ: „мы рѣшились выйти изъ законнаго повиновенія патріарху, сдѣлайте наше незаконное положеніе законнымъ. Христіанскій вселенскій патріархъ не даетъ намъ болгарскаго патріарха: пусть намъ дастъ его магометанская власть.“

Затѣмъ въ 1863 году онъ же писалъ по подобному же поводу:

„Намѣреніе Болгаръ просить у Порты позволенія самимъ учредить свою народную независимую іерархію показываетъ что Болгаре хотя уже довольно давно времени обдумать свое дѣло, но все еще илѣютъ упрямое желаніе, а понятія не приобрѣли. Учредить новую независимую іерархію можно только съ благословенія законно существующей іерархіи.“

Вообще во всѣхъ его сообщеніяхъ по греко-болгарскому дѣлу проходить постоянно мысль что въ учрежденіи самостоятельной болгарской іерархіи вообще нѣтъ существенной необходимости, и что соглашеніе между вселенскимъ престоломъ и возставшими противъ его духовной власти Болгарами должно послѣдовать на основаніи взаимныхъ уступокъ, но при томъ непремѣнномъ условіи чтобы Болгаре остались въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

„Дѣйствительное врачество противъ зла“, писалъ онъ, „важнѣе было бы найти въ томъ чтобы православные Болгаре утвердили свои требованія отъ константинопольской патріархіи, и чтобы сія (писано въ патріаршество киръ Іоакима) утвердила овою непреклонность противъ ихъ требованій: чтобы она получила свою іерархію довольно свободною, но не совсѣмъ независимую и не отторженную отъ вселенскаго патріарха.“

При этомъ возраженія обращались и на самый способъ доказательствъ который употребленъ былъ въ настоящемъ случаѣ святѣйшимъ синодомъ. Что дальнѣйшее пребываніе болгарскаго народа подъ духовною властію константинопольскаго патріарха можетъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, представляться нужнымъ для общаго блага православнаго Востока, того болгарскіе представители не отрицали, хотя сами, какъ извѣстно, и не раздѣляли такого воззрѣнія на дѣло; но имъ, конечно, труднѣе было признать вѣрность того положенія будто учрежденіе самостоятельной болгарской церкви, въ предѣлахъ той же самой страны гдѣ существуетъ церковь Константинопольская, при какихъ бы условіяхъ она ни была учреждена, должно было бы непремѣнно повести къ увѣковѣченію вражды между обоими племенами, и что, напротивъ того, при іерархическомъ подчиненіи Болгаръ константинопольскому патріарху, открывалось бы болѣе надеждъ на прекращеніе племенной вражды и на устраненіе прискорбныхъ между Греками и Болгарами столкновеній.

Съ своей стороны они полагали, совершенно наоборотъ.

что полное административное отдѣленіе церкви болгарской отъ константинопольской, *caeteris paribus*, могло бы скорѣе удалить поводы и причины ко взаимнымъ недоумѣніямъ и недовольствамъ нежели совмѣстное существованіе ихъ подъ одною высшею іерархическою властію, на основаніи извѣстныхъ условныхъ въ пользу подчиненной церкви уступокъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, имѣ, какъ я полагаю, было особенно важно узнать опредѣлительное мнѣніе святѣйшаго синода о тѣхъ проектахъ устройства независимой болгарской церкви которые послужили для вселенскаго патріарха поводомъ къ приглашенію единовѣрныхъ церквей на соборъ и въ защиту коихъ отъ обличеній святѣйшаго Григорія они проводили въ святѣйшій синодъ пространную, правда, весьма неосновательную, но представляющуюся имъ, конечно, въ цѣль свѣтѣ записку.

Между тѣмъ во всемъ отвѣтѣ св. синода вселенскому патріарху (прямого отвѣта на свою записку и вообще на свои посланія къ св. синоду они, конечно, не могли и ожидать) объ этихъ проектахъ, которые заключали въ себѣ послѣднее слово Болгаръ и которые самимъ вселенскимъ патріархомъ предназначались въ основаніе соборныхъ разсужденій церкви, болгарскіе представители не встрѣтили даже краткаго упоминанія, что естественно могло привести ихъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Недоумѣніе это увеличивалось еще болѣе соопредѣленіемъ этого умолчанія съ тѣми выраженіями въ отвѣтѣ св. синода, коими желанія Болгарскаго народа признавались, хотя и не всѣ, самыми основательными, естественными и законными, за патріархомъ же признавалась обязанность возможно полнаго ихъ удовлетворенія. „Чѣмъ больше, писалъ св. синодъ, вселенскій патріархъ удовлетворитъ ихъ, тѣмъ будетъ лучше“, присовокупляя къ тому что отъ воли патріарха зависитъ дать Болгарамъ даже полную церковную независимость. „Если такъ смотритъ на наши отношенія ко вселенскому престолу св. синодъ, могли думать Болгаре, то что же побудило его перейти совершеннымъ молчаніемъ наши проекты, которые представляютъ высшую мѣру удовлетворенія нашихъ народныхъ требованій, и предпочесть имъ проектъ того патріарха, давно и безусловно нами отвергнутый, а также сходный съ патріаршимъ проектомъ бывшаго митрополита Филиппопольскаго Паусія, который, какъ извѣстно св. синоду, самъ уже отказался отъ своихъ прежнихъ предполо-

женій и совершенно примкнулъ къ сторонникамъ двухъ проектовъ утвержденныхъ Портой.“

Послѣдствіемъ этого недоумѣнія было то что Болгаре, считая сдѣланный патріархомъ разборъ ихъ проектовъ пристрастнымъ и невѣрнымъ, и не имѣя никакихъ ясныхъ по сему предмету указаній со стороны русской церкви, слово которой было бы особенно для нихъ убѣдительно, рѣшились остаться при своихъ проектахъ и домогаться у Порты приведенія одного изъ нихъ въ дѣйствіе.

Въ свою очередь, и въ средѣ греческаго населенія отвѣтъ св. синода принять былъ безъ особеннаго сочувствія. Хотя вселенскій патріархъ и вообще весь греческій клиръ и народъ не могли не быть довольны тѣмъ что въ отвѣтъ св. синода, вопервыхъ, признавалась необходимость, для пользы общаго дѣла церкви, дальнѣйшаго сохраненія за патріархомъ высшей духовной власти надъ Болгарами, и воторыхъ, отдавалось рѣшительное преимущество проекту святѣйшаго Григорія предъ проектами болгарскихъ представителей (о коихъ св. синодъ, какъ выше сказано, даже и не упоминаетъ); но тѣмъ не менѣе въ греческихъ газетахъ и въ доходившихъ до насъ частныхъ сообщеніяхъ проводилась мысль что св. синодомъ недостаточно были оцѣнены тѣ усилія которыя были употреблены вселенскимъ патріархомъ для умиротворенія церкви и не вполне принята во вниманіе крайняя затруднительность его положенія между двумя сторонами, равно ожесточенными и мало склонными къ какимъ-либо уступкамъ.

„При составленіи своего проекта,“ писалъ одинъ близкій свидѣтель всѣхъ дѣйствій патріарха по греко-болгарскому дѣлу, „святѣйшему Григорію нужно было смотрѣть въ двѣ противоположныя стороны; ему предстояла труднѣйшая задача изобрѣсти такія основанія для мира раздраженныхъ и страстныхъ соперниковъ, которыя, удовлетворяя существеннымъ потребностямъ однихъ, могли бы быть приняты другими. И онъ нашелъ такія основанія; его проектъ не только сторонними безпристрастными судьями, какъ на примѣръ русскимъ посломъ въ Константинополѣ и самимъ св. синодомъ, но и умѣренными и честными Болгарами признанъ былъ весьма либеральнымъ и великодушнымъ, и если на него согласилась греческая сторона, то единственно потому что онъ былъ предложенъ столь уважаемымъ на всемъ Востокѣ лицомъ.

дѣла коего не могли подвергнуться ничему двусмысленному истолкованію.“

„И когда это съ такими усиліями изобрѣтенное средство, благодаря интригѣ Порты и упорному противленію болгарскихъ представителей, было отвергнуто, тогда лишь святѣйшій Григорій, видя совершенное безсиліе собственныхъ средствъ константинопольской церкви для достиженія предложенной имъ дѣла, обратился къ помощи и содѣйствию другихъ единоувѣрныхъ церквей. При такомъ положеніи дѣла для него едва ли предстоить какая-либо возможность воспользоваться выраженнымъ въ посланіи русскаго синода совѣтомъ чтобъ онъ самъ, безъ посредства собора, *постарался* войти въ соглашеніе съ Болгарами. Всѣ его старанія уже были приложены къ дѣлу, и всѣ они обратились въ ничто; что могъ онъ предложить, уже было имъ предложено и отвергнуто. И еслибъ онъ, послѣдовавъ совѣту св. синода, вновь предложилъ то же самое (ибо св. синодъ прямо указываетъ какъ на основаніе для соглашенія на тотъ самый проектъ патріарха который былъ отринутъ болгарскими представителями), то откуда бы могла возникнуть надежда на то что отвергнутое при первомъ предложеніи было бы принято при второмъ? Да и позволить ли достоинство патріарха рѣшаться на вторичное предложеніе безусловно отвергнутой мѣры, безъ всякаго со стороны Болгаръ знака что они готовы, если не примать, то по крайней мѣрѣ обсудить его проектъ?“

То обстоятельство что рядомъ съ проектомъ вселенскаго патріарха св. синодъ ставитъ въ основу соглашенія проектъ бывшаго филиппопольскаго митрополита Паисія, по мнѣнію греческой стороны, также едва ли могло способствовать успѣху взаимныхъ переговоровъ: вопервыхъ, потому что св. синодъ самъ признаетъ этотъ проектъ почти тождественнымъ съ проектомъ патріарха и при томъ предлагаетъ принять за исходъ для соглашенія только общія черты обоихъ проектовъ (значить, все равно что одинъ патріаршій); во вторыхъ, потому что самъ Паисій уже отступился отъ своего проекта и примкнулъ совершенно къ другимъ болгарскимъ представителямъ, которые настаиваютъ на осуществленіи одного изъ проектовъ одобренныхъ Портой и отвергаемыхъ патріархомъ: такъ что о Паисіевомъ проектѣ не съ кѣмъ было въ то время и говорить; за него никто уже не стоялъ, и никто объ немъ не думалъ.

Исходя изъ сихъ соображеній, Греки пришли къ тому заключенію что отвѣтъ св. синода, оставляя вселенскаго патріарха его собственнымъ средствамъ, недостаточность коихъ была имъ исповѣдана предъ всѣми единовѣрными церквами, и не указывая ему при этомъ никакого способа обойтись этими средствами, привелъ дѣло въ положеніе безвыходное. Единственная нравственная сила, которая еще могла бы побудить Болгарь къ какимъ-либо согласительнымъ уступкамъ, и къ помощи которой взывалъ патріархъ, — сила общаго суда всей церкви, — отказомъ св. синода отъ участія въ соборѣ была устранена; обращаться же Болгарамъ прямо отъ своего лица патріарху не было возможности, такъ какъ они не изъявляли ни малѣйшаго желанія входить съ нимъ въ какіе бы то ни было переговоры....

„Далѣе,—читаемъ въ сообщеніи того же лица, отъ котораго исходитъ и выше приведенное нами соображеніе, — съ указаніемъ св. синода на то что вселенскій патріархъ воленъ дѣлать въ пользу Болгарь какія ему угодно уступки, что онъ въ правѣ дать имъ, *по своей доброй волѣ*, даже совершенную церковную самостоятельность, подобно тому какъ онъ далъ нѣкогда власть самоуправленія зависѣвшимъ отъ него церквамъ Русской и Эладской,—мы можемъ безусловно согласиться лишь въ томъ отношеніи что безъ воли вселенскаго патріарха учрежденіе самостоятельной болгарской церкви состояться, дѣйствительно, не можетъ. Но чтобъ одной его воли было достаточно для учрежденія той или другой независимой церкви, въ томъ возможно сомнѣніе; даже примѣръ тѣхъ самыхъ церквей, о коихъ упоминаетъ св. синодъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ что самостоятельность частной православной церкви утверждается не иначе какъ общимъ согласіемъ всѣхъ единовѣрныхъ независимыхъ церквей. Правда самостоятельность русской церкви первоначально признана была вселенскимъ патріархомъ Іереміемъ во время его пребыванія въ Москвѣ (въ 1588 г.); но что этого признанія было не достаточно, доказывается тѣмъ что, по возвращеніи на Востокъ, онъ созвалъ (въ 1593 г.) на соборъ всѣхъ другихъ православныхъ патріарховъ Востока, которые и подтвердили своимъ общимъ опредѣленіемъ независимость московскаго патріаршата престола.“

„Тѣмъ же самымъ порядкомъ, то-есть при посредствѣ собор-

наго же опредѣленія церкви, произошло и признаніе независимости аѳинскаго синода. * И хотя на этомъ соборѣ не было представителя отъ церкви Русской, которая, со временъ Петра Великаго, лишена живаго общенія съ православнымъ Востокомъ, но тѣмъ не менѣе она была приглашена къ заочному участию въ этомъ дѣлѣ и къ утвержденію сего соборнаго опредѣленія, представленнаго ей чрезъ нарочно, съ сею цѣлю, посланнаго съ Россію архимандрита (Хрисанѳа).“

„А между тѣмъ можно опасаться что употребленное святѣйшимъ синодомъ выраженіе будетъ во зло употреблено болгарскими представителями и можетъ повести къ неблагопріятнымъ для вселенскаго престола послѣдствіямъ: на этотъ отзывъ удобно могутъ ссылаться Болгаре, и ссылаясь на него, обвинять патріарха въ напрасномъ упрямствѣ и въ желаніи, подъ предлогомъ созванія вселенскаго собора, затянуть дѣло и отдалить срокъ неизбежнаго, по ихъ убѣжденію, рѣшенія, вмѣсто того чтобы самому рѣшить дѣло по принадлежащей ему буд-то бы власти.“

„Не патріархъ константинопольскій, замѣтилъ по сему поводу самъ святѣйшій Григорій, но 4й вселенскій соборъ опредѣлилъ границы и пространство области вселенскаго престола, включивъ въ нее страны Дуная, которыя въ ту пору назывались варварскими. И только вселенскій соборъ можетъ измѣнить то что сдѣлано другимъ вселенскимъ соборомъ. Я готовъ, закрывъ глаза, подписать все что бы ни рѣшилъ такой соборъ; но я не смѣю взять на себя отвѣтственность за дѣйствіе, коего послѣдствія могутъ быть неисчислимы для будущности всего православія.“

Къ этому и мы позволимъ себѣ присовокупить свое замѣчаніе: что такое расширеніе правъ вселенскаго патріарха, кромѣ того что оно могло бы быть опасно вообще для церковной свободы, представляетъ еще и то неудобство что константинопольскій патріархъ находится въ политической зависимости отъ Порты, при которой было бы гораздо лучше даже для него самого ограничивать свободу его дѣйствій и обязывать его, по всѣмъ важнымъ вопросамъ, сообразоваться съ намѣреніями и взглядами другихъ единоувѣрныхъ церквей. Невозможность рѣшить то или другое дѣло собственною

* См. Σύσταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων ὑπὸ κράλλη καὶ Πότλη. Т. V (Синоδικὸς Τόμος).

властію могла бы, въ трудныхъ случаяхъ, когда Порта потребовала бы (какъ это случилось и въ настоящемъ волроств) отъ патріарха рѣшенія, ей угоднаго, но церкви вреднаго, послужить для него твердымъ олотомъ отъ насилія и благовиднымъ поводомъ къ отказу.

Но если и признать всѣ вышеизложенныя соображенія вполнѣ справедливыми и согласиться съ мнѣніемъ греческихъ газетъ что вселенскій соборъ православной церкви оставался единственнымъ и послѣднимъ средствомъ для прекращенія греко-болгарской распри, съ чѣмъ согласны и всѣ единоверныя намъ церкви, то представляется обсужденію другой важный вопросъ: могъ ли бы этотъ соборъ, который, самъ по себѣ, для церкви Русской, послѣ такого продолжительнаго разобщенія ея съ православнымъ Востокомъ, былъ бы, безъ сомнѣнія, вождельвннвшимъ событіемъ и подалъ бы ей возможность къ устроению нѣкоторыхъ изъ ея собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, безъ собора не поправимыхъ, могъ ли бы, говорю, этотъ соборъ состояться, даже при всеобщемъ согласномъ желаніи всего православнаго міра? Не постигла ли бы Порта, которой мысль объ этомъ соборѣ была въ высшей стелени ненавистна, и которая отказъ святѣйшаго синода приняла, по нашимъ свѣдѣніямъ, съ величайшимъ восторгомъ, поставить на пути къ осуществленію этой мысли какія-либо важныя и, можетъ-быть, неодолимыя препятствія?

Нѣтъ сомнѣнія что Порта не допустила бы этого, дѣйстви-тельно весьма ей невыгоднаго, собранія, не испытавъ всѣхъ доступныхъ ей средствъ къ помѣхѣ; но какъ бы ни были велики тѣ затрудненія съ которыми пришлось бы въ этомъ случаѣ имѣть дѣло представителямъ православнаго міра, и прежде всего, конечно, намъ, нѣтъ никакого основанія считать ихъ непреборимыми: какъ бы ни старалась Порта противо-дѣйствовать созванію вселенскаго собора, ей было бы самой въ высшей стелени затруднительно изобрѣсти не только уважительныя, но даже сколько-нибудь приличныя причины къ отказу.

Патріархи вселенскіе весьма нерѣдко собирали въ Константинополѣ представителей восточныхъ православныхъ церквей для обсужденія особенно важныхъ для церкви дѣлъ, и никогда не встрѣчали въ этомъ со стороны Порты препятствій. Такъ, не далѣе какъ въ 1861 году, созванъ былъ патріархомъ Іоакимомъ соборъ, по тому же греко-болгарскому

вопросу, на которомъ присутствовали всѣ случившіеся на ту пору патріархи и значительное число митрополитовъ. Чѣмъ же разнился бы предложенный патріархомъ Григоріемъ вселенскій соборъ отъ тѣхъ, подобныхъ созванному въ 1861 году, соборовъ восточныхъ іерарховъ, къ созванію которыхъ Порта до сихъ поръ не поставляла никакихъ прелятствій? Тѣмъ что въ составъ его вошли бы, сверхъ обыкновенно собираемыхъ восточныхъ іерарховъ, представители трехъ церквей (Русской, Эладской и Карловицкой) находящихся внѣ предѣловъ Турецкой имперіи, и двухъ церквей (Сербской и Молдо-Влахійской) существующихъ въ странахъ полунезависимыхъ? Какими же доводами могла бы Порта оправдать недопущеніе въ свои предѣлы этихъ іерарховъ, которые явилась бы въ столицу Турціи для столь важнаго и требующаго ихъ разсмотрѣнія дѣла? Могла ли бы она, въ случаѣ общаго и единодушнаго признанія всѣми православными церквями необходимости въ соборѣ, сказать что для созванія не представляется достаточныхъ причинъ, когда десятилѣтній разрушительный раздоръ племень произвелъ столь глубокое потрясеніе въ церкви Константинопольской и грозитъ всему православію великою и непоправимою бѣдой. Но еслибы Порта и стала изощряться въ приисканіи прелятствій, пусть бы по крайнѣй мѣрѣ всѣ затрудненія этого дѣла пали на ея голову. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ что прелятствія, которыя встрѣтились бы на этомъ пути, заслуживали полнаго вниманія какъ святѣйшаго синода, такъ и вообще русскаго правительства, которому предстоало бы принять участіе въ ихъ устраненіи, и потому я нахожу что было бы не только естественно, но даже предусмотрительно и мудро, еслибы вопросъ объ этихъ прелятствіяхъ былъ поставленъ въ настоящемъ дѣлѣ на первый планъ, и еслибы самое созваніе собора было поставлено въ прямую и исключительную зависимость собственно отъ возможности побѣдить эти прелятствія. Тогда дѣло принимало бы такой видъ: русская церковь признала бы въ принципѣ предложеніе вселенскаго патріарха достойнымъ всякаго вниманія, но, оберегая достоинство Императорскаго правительства, дала бы свое согласіе на участіе въ предлагавшемся соборѣ не прежде, какъ получивъ полное убѣжденіе въ возможности осуществленія мысли святѣйшаго Григорія.

Но мы знаемъ однако изъ самаго отвѣта святѣйшаго

синода что главная причина, по которой соборъ не состоялся, не въ этихъ прелютствіяхъ, о коихъ святѣйшій синодъ упоминаетъ въ своемъ отвѣтѣ лишь вскользь, а въ томъ что этотъ соборъ могъ, по мнѣнію святѣйшаго синода, вмѣсто умирения церкви, послужить поводомъ еще къ большимъ волненіямъ въ ней и раздорамъ и, вмѣсто ожидаемой пользы, принести въ своихъ послѣдствіяхъ только вредъ, что Болгаре, *въ случаѣ рѣшенія вопроса въ пользу патріарха*, могли бы не подчиниться рѣшенію собора и чрезъ то подверглись бы его суду, который объявилъ бы ихъ раскольниками, и такимъ образомъ не только Константинопольская патріархія, но и вся церковь понесла бы величайшую и невозвратимую потерю.

О томъ, согласились ли бы Болгаре подчиниться рѣшенію собора или нѣтъ, въ настоящее время сказать ничего опредѣленнаго невозможно; это зависѣло бы, вопервыхъ, отъ образа дѣйствій вселенскаго патріарха и представителей другихъ независимыхъ церквей, и вообще отъ того направленія какое приняли бы соборныя совѣщанія, въ которыхъ отъ того, насколько удалось бы Болгарамъ благонамѣреннымъ, преданнымъ дѣлу церкви, своего народа и Россіи, освободиться самимъ и освободить всю страну свою отъ гнета константинопольскихъ представителей, захватившихъ въ свои руки народное дѣло и направляющихъ его ходъ въ пользу собственныхъ расчетовъ и Порты,—наконецъ отъ вліянія множества неуловимыхъ случайностей, коихъ заранѣе предвидѣть никто не въ состояніи.

Что касается вселенскаго патріарха, то онъ ни въ какомъ случаѣ не сократилъ бы размѣра тѣхъ льготъ и правъ которыя предоставляются Болгарамъ по его проекту,—и есть даже вѣрные извѣстія что онъ былъ согласенъ самъ и надѣялся склонить свой синодъ и свой народъ къ ихъ распространенію. Представители другихъ восточныхъ церквей, коихъ вопросъ этотъ непосредственно не касается (какъ на примѣръ: Антиохійской, Іерусалимской, Эладской), не имѣли бы ни малѣйшаго лобужденія и повода предлагать, въ удовлетвореніе Болгарамъ, менѣе того что было бы имъ предложено отъ лица ихъ собственнаго патріарха; что же касается представителей церквей славянскихъ: Русской, Сербской, Карловицкой, то ихъ мнѣнія могли бы клониться лишь къ расширенію, но ни въ какомъ случаѣ не къ сокращенію льготъ и правъ предлагаемыхъ Болгарамъ великою церковію и,—что особенно важно,—мнѣнія эти могли бы послужить опорой для самого

патріарха, который до известной степени стѣсненъ въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ менѣе его великодушными членами Кайра великой церкви; самъ же онъ готовъ, по его словамъ, закрывъ глаза, подписать все, что признано было бы соборомъ, лишь бы не требовали отъ него такихъ уступокъ, которыя на личную свою отвѣтственность онъ взять не можетъ. Такимъ образомъ очевидно что соборъ далъ бы Болгарамъ ни какъ не менѣе, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе того чего они могли ожидать отъ одного вселенскаго патріарха. И если была выражена надежда что Болгаре примутъ *меньшее* отъ лица патріарха, противъ коего они раздражены и коего власть надъ собою они уже отметають,—то откуда же могло возникнуть опасеніе что они не примутъ *большаго* отъ лица всей церкви, противъ которой у нихъ нѣтъ раздраженія, и власть которой признается ими безусловно?

Между тѣмъ, при такомъ положеніи дѣла, открывалась бы не малая надежда и для той, нынѣ загнанной и заслоненной части образованныхъ Болгаръ, * которая съ своей стороны была готова, какъ мы видѣли, помириться до времени и на проектъ патріарха Григорія, и которая, получивъ отъ собора обѣщанія новыхъ и большихъ правъ, могла бы возгласить о томъ въ слухъ всего Болгарскаго народа, и пользуясь поддержкою и содѣйствіемъ представителей всего православнаго міра, могла бы наконецъ достигнуть перевѣса надъ константинопольскими представителями или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ одуматься и отказаться отъ безмѣрныхъ притязаній.

Итакъ есть основанія съ вѣроятностію предполагать что Болгаре не отказались бы отъ повиновенія соборному рѣшенію, не говоря уже о другихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ средствахъ которыя могли бы открыться къ достиженію этой цѣли и къ установленію мира въ возмущенной церкви для собора, какъ живаго и разумнаго представителя общихъ и высшихъ интересовъ всего православія, одушевленнаго

* О взглядѣ этой части Болгаръ можно получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія изъ болгарскихъ книжекъ: *Братско-то объясненіе на Българинѣ къмѣ братія-та му Българе* и *Проектъ-тъ на вселенска-та патріаршія за рѣшеніе-то на Българскій-тъ въпросъ*, напечатанныхъ въ Букурештѣ въ 1867 и подробно рассмотрѣваемыхъ и сочувственно приматыхъ газетою *Москва* (1867, №№ 170, 184, 188 и 190. См. также статью: *Вселенскій патріархъ Григорій* и т. д. февраль стр. 292—301.

искреннюю заботой о прекращеніи возникшихъ въ его средѣ нестроений.

Впрочемъ, какъ бы ни была велика вѣроятность такого исхода дѣла, все-таки оставалась возможность и обратнаго предположенія. Допустимъ же что Болгаре, то-есть ихъ константинопольскіе представители, не приняли бы рѣшенія вселенскаго собора. Тогда, я въ томъ согласенъ, положеніе дѣла сдѣлалось бы въ высшей степени тревожнымъ и опаснымъ,—и одной возможности, хотя бы и мало вѣроятной, такого исхода соборныхъ совѣщаній было бы достаточно для того чтобы побудить обратиться къ другимъ способамъ дѣйствія, менѣе опаснымъ и болѣе дѣйствительнымъ,—при одномъ, впрочемъ существенно важномъ, условіи: если такіе способы есть. Но въ этомъ-то и вопросъ: есть ли они? Вселенскій патріархъ, какъ мы видѣли, ихъ не находилъ и не находить; другія единоувѣрныя намъ церкви ихъ не предлагали, считая, повидимому, вмѣстѣ со вселенскимъ патріархомъ, единственнымъ, или по крайней мѣрѣ лучшимъ способомъ—соборъ; святѣйшій же синодъ указывалъ на такую мѣру которая была уже испытана и осталась безъ успѣха.

Между тѣмъ болгарскіе представители, согласно со своимъ убѣжденіемъ въ томъ что устройство ихъ церковныхъ дѣлъ можетъ состояться и безъ согласія патріарха, по распоряженію самой Порты, съ тайнаго ея разрѣшенія обратились къ единомысленнымъ съ ними архіереямъ болгарскихъ епархій, призывая ихъ прибыть немедленно въ Константинополь на общее совѣщаніе объ окончательномъ установленіи новаго порядка церковнаго управленія и учрежденія болгарской независимой церкви.

Усилія патріарха воспрепятствовать прибытію этихъ епископовъ въ столицу не привели ни къ чему; Порта, несмотря на данныя ему обѣщанія, не только не пригласила ихъ къ соблюденію порядка и повиновенія патріарху, но даже объявила Болгарамъ, просившимъ у нея фирмана на утвержденіе ихъ независимой церкви, что въ этомъ фирманѣ не будетъ имъ отказано, какъ только болгарскіе епископы, собравшись въ Константинополь, придутъ ко взаимному соглашенію относительно основаній новой организаціи болгарскаго клира.

Прежде другихъ откликнувшіеся на призывъ и прибывшіе въ Константинополь архіереи,—филиппопольскій Панаретъ, владивскій Анеимъ, софійскій Дорофей и ловчанскій Иларионъ.

подали 20го декабря 1868 года, за общемо ихъ подписью, вселенскому патріарху формальное отреченіе отъ его духовной власти.

Это отреченіе было извѣстно св. синоду въ то время какъ онъ обсуждалъ приглашеніе патріарха Григорія на вселенскій соборъ, такъ какъ оно было препровождено къ нему при особомъ посланіи (27го февраля 1869 года) отъ имени тѣхъ же четырехъ архіереевъ, съ присоединеніемъ къ нимъ еще двухъ именъ (бывшихъ) макаріупольскаго Иларіона и филипполовскаго Паисія, который, какъ изъ этого видно, уже не удовлетворялся въ это время прежнимъ своимъ проектомъ, предложеннымъ отъ св. синода въ основу соглашенія вселенскаго престола съ Болгарами.

Итакъ то положеніе дѣлъ, во избѣжаніе коего св. синодъ отказался отъ приглашенія вселенскаго патріарха къ участию въ соборѣ, въ дѣйствительности было уже совершившимся фактомъ. Расколъ на дѣлѣ уже существовалъ, и если не могло быть никакихъ побужденій стѣснить церковнымъ осужденіемъ его вождей и вообще окончательнымъ признаніемъ возмущенной части Болгаръ раскольникамъ, то были тысячи побужденій стѣснить навстрѣчу этому злу съ тѣми или другими, но неперемѣнно дѣйствительными средствами, и ни въ какомъ случаѣ не оставлять такого дѣла его собственному теченію. И если въ виду всей церкви не было, какъ мы видѣли, никакого другаго средства къ устраненію угрожающаго ей бѣдствія, кромѣ предположеннаго вселенскимъ патріархомъ, то есть созванія общаго собора всей церкви, то не оставалось, повидимому, ничего болѣе какъ испытать это единственное средство и притомъ нисколько не откладывая. *Bis dat qui cito dat.* Притомъ же я позволяю себѣ замѣтить что соборъ есть не только единственное, но и самое приличное для церкви средство помочь тому бѣдственному положенію въ которомъ находится церковная область константинопольскаго патріарха, и возвратитъ ей миръ, если еще есть кака-либо возможность примиренія враждующихъ племенъ; что при рѣшеніи этого вопроса никакая власть въ мірѣ не можетъ имѣть такого значенія для обѣихъ спорящихъ сторонъ какъ власть всей собравшейся, въ лицѣ своихъ представителей, церкви; что въ подобныхъ случаяхъ церковь никогда не сомнѣвалась въ достоинствѣ и силѣ соборнаго сужденія, какъ средства къ

прекращенію возникавшихъ среди ея нестроений, и не ослась прибѣгать къ нему, вѣруя что *спасеніе во мнозѣ совѣтъ*.

Но независимо отъ того что соборъ православной церкви является, по изложеннымъ соображеніямъ, единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ для удовлетворительнаго рѣшенія греко-болгарскаго вопроса, онъ былъ бы и для всей церкви вообще событіемъ въ высшей степени важнымъ и обильнымъ послѣдствіями. Совѣщаніе есть жизнь церкви, и тамъ, гдѣ по какимъ-либо причинамъ ему полагаются преграды или ограниченія, въ соразмѣрности съ тѣмъ непременно оскудѣваетъ или даже вовсе замираетъ и духовная жизнь страны. Согласно съ симъ значеніемъ для церкви совѣщательнаго начала, и въ ся священныхъ канонахъ мы находимъ постановленія коими всѣмъ частнымъ церквамъ вмѣняется въ непрѣвную обязанность собираться въ извѣстный опредѣленный срокъ на общія совѣщанія, будетъ ли къ тому какой-либо особенно важный поводъ или нѣтъ,—все равно. Это есть прямая, сама по себѣ понятная, живая потребность общенія между людьми связанными союзомъ любви и единомыслія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое вѣрное средство къ непрерывному соблюденію истинны исповѣданія и единства установленій и къ предохраненію церкви отъ оласности всякаго рода личныхъ заблужденій или злоупотребленій. Для случаевъ же важныхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ и превышающихъ мѣру власти представленной частнымъ церквамъ, руководимая тѣмъ же основнымъ началомъ своей жизни, церковь издревле установила и донинѣ употребляетъ оправданный вѣковымъ опытомъ и духу ея вполне согласный способъ рѣшенія вопросовъ общимъ голосомъ всѣхъ (вселенскіе соборы) или, смотря по надобности, нѣсколькихъ (помѣстные соборы) частныхъ единоувѣрныхъ церквей. Изъ исторіи церкви видно что большая часть созывавшихся по тому или другому случаю соборовъ не ограничивались разсмотрѣніемъ только тѣхъ вопросовъ которые служили поводомъ къ ихъ созванію, но обыкновенно обозрѣвали общее состояніе церковныхъ дѣлъ въ данную минуту и исправляли въ нихъ то что на ту пору требовало исправленія.

Такъ, безъ сомнѣнія, поступилъ бы и соборъ православной церкви, созванный для разсмотрѣнія греко-болгарскаго вопроса, еслибы мысли патріарха Григорія суждено было осуществиться: по крайней мѣрѣ въ разсужденіяхъ греческихъ газетъ о значеніи и предметахъ дѣятельности предпологававшегося

собора, которыми сопровождалось извѣстія о рѣшимости патріарха пригласить къ участию въ немъ всѣ единовѣрныя церкви, уломинались нѣкоторые весьма важные церковные вопросы (армянскій, англиканскій и др.) которые патріархъ имѣлъ, по видимому, намѣреніе подвергнуть общему разсмотрѣнію.

При такихъ условіяхъ едва ли не каждая частная церковь должна была имѣть, кромѣ общей и главной нужды, и свои собственныя побужденія желанія собора и, можетъ-быть, болѣе всѣхъ церковь русская. Между тѣмъ какъ всѣ прочія единовѣрныя намъ церкви Востока, благодаря близкому между ними сосѣдству и еуществованію большей ихъ части въ предѣлахъ одного государства, приходятъ весьма естественно въ постоянное между собою соприкосновеніе, и въ случаяхъ особой важности легко могутъ собраться и дѣйствительно собираются на частныя между собой совѣщанія, русская церковь одна остается со времени упраздненія патріаршества внѣ этого живаго общенія, такъ что даже тотъ учредительный актъ который положенъ въ основу ея новой преобразованной организаціи, *Духовный регламентъ*, не былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ общимъ совѣтомъ всей православной церкви, и введенъ въ дѣйствіе со всѣми, теперь уже ясно признанными и во многомъ уже исправленными, его недостатками собственно по волѣ преобразователя и, какъ свидѣтельствуется исторія, вопреки убѣжденію большинства даже подписавшихся подъ нимъ изъ страха лицъ. Съ тѣхъ поръ въ жизни русской церкви, несмотря на неколебимую твердость и неизмѣнность въ исповѣданіи истинъ вѣры, было не мало разнаго рода явленій которыя самими членами ея разумѣлись не одинаково и вызывали однихъ на безусловное одобреніе, иныхъ же на протестъ, и къ окончательному разъясненію коихъ и къ успокоенію чрезъ то совѣсти вѣрующихъ не было дѣйствительныхъ средствъ: такъ какъ преобразователь не ограничился постановленіемъ преградъ къ общенію русской церкви съ единовѣрными ей церквами Востока, но уничтожилъ и соборныя совѣщанія представителей русской церкви между собою, подъ тѣмъ предлогомъ что св. синодъ установленъ „во образъ непрестающаго собора“ и слѣдовательно самымъ существованіемъ своимъ какъ бы устраняетъ нужду въ какомъ-либо иномъ способѣ церковныхъ совѣщаній. Преслѣдованіе совѣщательнаго начала въ церкви, какъ извѣстно, было простерто до

того что православнымъ архіереямъ воспрещено было даже взаимное посѣщеніе другъ друга въ епархіяхъ, — и эта мѣра продолжалась въ нашемъ законодательствѣ (трудно даже этому повѣрить) до дней настоящаго царствованія, которому принадлежитъ честь ея отмены и возвращенія православнымъ епископамъ такого права въ какомъ, за исключеніемъ ихъ, не отказывалось никому.

При такихъ обстоятельствахъ можно было бы, повидимому, ожидать болѣе сочувствія къ мысли великаго константинопольскаго іерарха, даже и въ томъ случаѣ еслибы къ созванію собора не было столь повелительнаго повода; слѣдовало бы, мнѣ кажется, ухватиться даже за какой-нибудь, хотя бы самый ничтожный, предлогъ, лишь бы вновь, послѣ столь долгаго, насильственнаго и обоюду вреднаго разобщенія съ единовѣрными церквами, соединиться съ ними въ живомъ братскомъ совѣщаніи и такимъ образомъ воскресить въ себѣ въ настоящее время уже столь не ясное и слабое ощущеніе нашего вселенскаго союза, тѣмъ болѣе что за такимъ актомъ возрожденія соборнаго начала не могло не послѣдовать оживленіе его и во внутренней жизни нашей церкви, столь издавна призываемое желаніями и чаяніями ея воздыхающихъ чадъ.

Совѣщательное начало, возстановленное въ его истинномъ видѣ и значеніи, возвративъ русской церкви правильность всѣхъ ея жизненныхъ проявленій, тѣмъ самымъ возстановило бы ее изъ того оскудѣнія духа которое она въ настоящее время испытываетъ, и само собою открыло бы въ ней обильные, временно изсякшіе, источники обновленія и силы. При этомъ только условіи открылась бы и возможность дѣйствительно услѣшныхъ и плодотворныхъ преобразованій въ области нашего церковнаго управленія, которыя до сихъ поръ какъ-то никому не удавались, вовсе, замѣтимъ, не по недостатку добрыхъ намѣреній или ревности и даже способностей рѣшавшихся на преобразованія лицъ, а единственно вслѣдствіе общей почти утраты яснаго разумѣнія требованій и смысла истинной церковной жизни. И не только въ собственной области церковнаго управленія, но и вообще въ жизни нашего общества и всего народа, возвращеніе русской церкви утраченнаго ею, по случайностямъ исторіи, начала совѣта и взаимнаго общенія несомнѣнно отразилось бы великими и неожиданными послѣдствіями; въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ способовъ измѣрить величину и исчислить

количество тѣхъ потерь которыя всѣ мы вмѣстѣ и каждый изъ насъ порознь несемъ въ вѣдѣніи оскудѣнія духа въ жизни нашей церкви, и важность которыхъ раскрылась бы предъ нашими очами сама собою, вмѣстѣ съ возвращеніемъ нашимъ къ ея оплодотворяющимъ источникамъ.

Притомъ же, кромѣ этихъ общихъ и, быть-можетъ, не всѣмъ равно внятныхъ побужденій желать созванія собора православной церкви, мы имѣемъ къ тому и другія вполнѣ опредѣлительныя и для всѣхъ одинаково вразумительныя причины; ибо есть не мало безъ собора не рѣшимыхъ, а между тѣмъ настоятельно требующихъ рѣшенія вопросовъ первой важности. Такъ напримѣръ: вотъ уже болѣе 200 лѣтъ какъ у насъ существуетъ расколъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ возникъ впервые, до самыхъ послѣднихъ дней, наша церковь постоянно изыскивала противъ него разнаго рода мѣръ. Въ ряду этихъ мѣръ первое по важности мѣсто принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, учрежденію единовѣрія.

Первая мысль о его учрежденіи явилась, какъ извѣстно, въ ту пору какъ наше правительство, а за нимъ и наша церковь, признали неудобство и вредъ прежнихъ крутыхъ мѣръ и ожесточеннаго тона обличительныхъ сочиненій противъ раскола, и признали за благо обратиться къ инымъ, болѣе свойственнымъ духу церкви способамъ кроткаго и вразумительнаго увѣщанія и искренняго обмѣна мыслей относительно причинъ отдѣляющихъ такую значительную часть Русскаго народа отъ общенія съ православною церковію. Съ той самой минуты какъ во взаимныхъ объясненіяхъ прежнія ругательства и клятвы замѣнились мирными и безпристрастными разсужденіями о предметѣ раздѣленія, вдругъ оказалось что для цѣлой половины пребывающихъ въ расколѣ (для половцевъ) людей не существовало никакой причины къ отдѣленію отъ церкви, кромѣ далеко зашедшей вражды и озлобленія. Тѣ содержимыя раскольниками обрядовыя особенности (двуперстное сложеніе, сугубая аллилуія, семь просфоръ, начертаніе имени Спасителя и т. п.), которыя представлялись до того времени дѣйствительнымъ препятствіемъ къ соединенію и которыя на самомъ дѣлѣ были только предлогомъ раздѣленія,—при совершенно согласномъ съ церковію возрѣніи половцевъ на всѣ основныя истины православнаго исповѣданія, явились, по отложеніи вражды, въ ихъ истинномъ значеніи, то-есть почти равными нулю и во всякомъ случаѣ не препятствующими

общенію церкви съ тѣми кто содержитъ эти особенности обряда, не соединяя съ ними никакого противнаго ученію церкви разсужденія. Тогда рѣшились предложить старообрядцамъ свободу въ употребленіи этихъ особенностей, лишь бы они въ свою очередь оставили свои превратныя мнѣнія объ усвоенномъ нами обрядѣ и признали бы надъ собою власть церкви и ея іерархіи. На условіи этихъ взаимныхъ уступокъ и состоялось, благодаря, съ одной стороны, ревности и искусству митрополита Платона и архіепископа Никифора Θεотоки, съ другой—усиліямъ Никодима Стародубскаго, Сергія Иргизскаго и иныхъ лучшихъ людей старообрядства, примиреніе съ церковію значительнаго числа раскольниковъ, и въ послѣдствіи основаніе такъ-называемой единовѣрческой церкви.* Но такъ какъ содержаніе этихъ самыхъ обрядовыхъ разностей было предметомъ сужденія и осужденія съ клятвою бывшаго въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ великаго собора 1666—67 годовъ, на которомъ, кромѣ московскаго патріарха, присутствовали два восточные, Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій, со множествомъ иныхъ меньшаго чина представителей единовѣрныхъ намъ церквей, — разрѣшеніе же употребленія сихъ разностей шло отъ одного св. синода, — власти сравнительно съ соборомъ низшей, то нельзя было не опасаться чтобы противники мира съ церковію не обвинили насъ въ превышеніи власти и не сочли даннаго русскою церковію благословенія на содержаніе въ единовѣрческой церкви двуперстнаго сложенія и другихъ тому подобныхъ предметовъ недостаточнымъ для отмѣны тѣхъ клятвъ которыя на сторонниковъ сего обряда были наложены соборомъ 1666—67 годовъ. Но еще важнѣе то обстоятельство что этой отмѣны въ подлежащемъ порядкѣ на самомъ дѣлѣ и не послѣдовало (ея и не могло быть безъ новаго большаго собора, такъ какъ только бѣлая церковная власть можетъ отмѣнять постановленія меньшей власти, а не наоборотъ), и что вслѣдствіе того всакій старообрядецъ, сознавшій заблужденіе своего толка и

* Мы употребляемъ выраженіе „единовѣрческая церковь“ по употребленію обычая; на дѣлѣ же особой церкви единовѣрческой нѣтъ (есть одна и та же соборная и апостольская церковь), а есть отдѣльныя единовѣрческіе приходы, подчиненныя вмѣстѣ со всеми другими одному и тому же епископу, а вмѣстѣ со своимъ епископомъ и св. синоду, но получившіе право на употребленіе особенностей стараго обряда.

склонившіяся къ переходу въ церковь на основаніяхъ едино-
вѣрія, если только онъ внимательно изучалъ предметъ, не-
избѣжно встрѣчался и до нынѣ встрѣчается съ затрудни-
тельнымъ вопросомъ о значеніи наложенныхъ соборомъ
1666—67 годовъ клятвъ, юридически еще не отмѣненныхъ,
но только игнорируемыхъ какъ тѣми которые вступаютъ
въ общеніе съ церковію, удерживая осужденныя соборомъ
особенности обряда, такъ и самую русскою церковію, кото-
рая принимаетъ такихъ лицъ въ свое общеніе. Что этотъ
вопросъ затрудняетъ даже самыхъ искреннихъ и просвѣщен-
ныхъ людей изъ старообрядскаго общества, доказатель-
ствомъ тому, въ числѣ многихъ другихъ примѣровъ, можетъ
служить, между прочимъ, примѣръ недавно пріобрѣтеннаго
церковію знаменитаго инока Павла Прусскаго (нынѣ настоя-
теля Московскаго единовѣрческаго Никольскаго монастыря),
который уже по окончательной побѣдѣ надъ всѣми другими
сомнѣніями въ истинѣ церкви, долгое время оставался еще
въ мучительномъ недоумѣніи предъ этимъ совмѣстнымъ су-
ществованіемъ благословенія и клятвы, и только путемъ край-
не тягостныхъ усилій могъ преодолѣть наконецъ свои нрав-
ственныя затрудненія. * Но то что оказалось труднымъ даже
для такого ревностнаго и безпристрастнаго искателя исти-
ны, для многихъ неизвѣстныхъ намъ, честныхъ и искрен-
ныхъ душъ, но не столь сильныхъ волею и умомъ, безъ всякаго
сомнѣнія послужило и еще послужитъ прелютствіемъ не-
одолимымъ.

Устранить окончательно этого рода прелютствія къ духов-
нымъ пріобрѣтеніямъ церкви могъ бы только ея общій соборъ,
который одинъ имѣлъ бы полное и безслорное право, разсо-
рѣвъ дѣло вновь и убѣдившись въ необходимости отмѣны
решенія, наложеннаго нѣкогда при обстоятельствахъ въ на-
стоящее время уже не существующихъ, придать этой отмѣнѣ
силу дѣйствительнаго церковнаго постановленія. вмѣстѣ съ
нимъ и единовѣрческая церковь вышла бы изъ ея настояща-
го неопредѣленнаго положенія, которое, какъ извѣстно, по-
ваетъ поводъ къ существенно важнымъ пререканіямъ даже

* Мы просимъ извиненія у досточтимаго о. Павла въ оглашеніи
о бытіи его внутренней жизни, переданнаго намъ въ откровенной
личной бесѣдѣ; оно приводится нами не для суетной цѣли, а для об-
ясненія вразумленія относительно одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ
въ жизни нашей церкви.

между православными писателями, и которое составляет главную причину малолюдности ея учрежденія. Я не смѣю брать на себя ручательства въ томъ что соборное рѣшеніе, состоявшееся въ указанномъ мною смыслѣ, имѣло бы своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ многочисленныя обращенія изъ раскола въ православіе: успѣхъ дѣла не всегда зависитъ отъ правды дѣйствующихъ, и его въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда предоставлять промышляющему о Своей церкви Богу. Но то несомнѣнно что достиженіемъ такого результата русская церковь исполнила бы лежащій на ней священный и поведенительный долгъ (что важнѣе самого успѣха).

Въ свою очередь и въ греческой церкви нашлись бы вопросы требующіе соборнаго разсмотрѣнія и рѣшенія. Извѣстно, на примѣръ, что въ настоящее время въ русской церкви существуетъ совершенно иное чѣмъ въ греческой правило о способѣ принятія въ лоно православія приходящихъ отъ Латинъ: у насъ ихъ принимаютъ, говоря языкомъ церковныхъ правилъ, вторымъ чиномъ, то-есть чрезъ миропомазаніе, между тѣмъ какъ на Востокѣ ихъ перекрещиваютъ, то-есть принимаютъ по первому чину, который древнею церковію установленъ былъ только для людей самыхъ крайнихъ заблужденій. Извѣстно также и то что нѣкогда мы сами Латинъ перекрещивали; по крайней мѣрѣ такое правило было установлено, какъ всеобдержное, на соборѣ 1621 года, бывшемъ при патріархѣ Филаретѣ, который, возвратившись изъ томительнаго девятилѣтняго польскаго плѣна, не могъ соблюсти нравственнаго равновѣсія въ своемъ судѣ о Полякахъ и ихъ вѣрѣ (тѣмъ болѣе что въ то время вся русская земля носила еще свѣжіе слѣды звѣрскаго ляхскаго олустошенія и оскверненія ея святыни) и, подъ вліяніемъ сихъ событій, признавъ Поляковъ и, ради ихъ, всѣхъ Латинъ, крайними еретиками, постановилъ со всѣмъ соборомъ русской церкви принимать приходящихъ отъ нихъ къ церкви не иначе какъ на условіи перекрещиванія.

Но на соборѣ 1666—67 годовъ, когда этотъ вопросъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ предложенъ общему разсмотрѣнію, представители восточныхъ православныхъ церквей нашли въ постановленіи собора 1621 года явную несоответственность со степенью латинскихъ погрѣшностей противъ церкви и неравноумѣрность по отношенію къ другимъ отступившимъ отъ церкви обществамъ и сектамъ.

Посему, сославшись на примѣръ древней церкви, которая даже Македоніанъ и Аріанъ принимала не первымъ, а вторымъ чиномъ, и на постановленіе константинопольскаго собора 1484 года,* коимъ устанавливалось для приходящихъ отъ Латинъ миропомазаніе, и наконецъ на письма Марка Ефесскаго,** который, при всей своей твердости въ преслѣдованіи латинскихъ заблужденій, считалъ достаточнымъ принимать обращающихся отъ этихъ заблужденій вторымъ чиномъ, соборъ постановилъ чтобъ и Русская церковь, согласно съ общимъ правиломъ всѣхъ единовѣрныхъ ей церквей, слѣдовала впредь такому порядку.

Между тѣмъ, мѣняе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого соборнаго рѣшенія, православный Востокъ самъ измѣнилъ этому преподанному намъ указанію, и въ 1756 году, подъ вліяніемъ крайняго раздраженія противъ безсовѣстныхъ дѣйствій латинской пропаганды, постановилъ на соборѣ, въ которомъ участвовали три патріарха,*** принимать Латинъ въ церковь не иначе какъ первымъ чиномъ. И вотъ съ тѣхъ поръ восточныя православныя церкви слѣдуютъ въ этомъ дѣлѣ тому порядку который нѣкогда ихъ же представителями былъ обличенъ и устраненъ изъ церкви Русской. Очевидно что на созванномъ, по мысли патріарха Григорія, соборѣ православной церкви, мы могли бы, по отношенію къ этому вопросу, оказать нашимъ восточнымъ братьямъ такую же услугу и помощь какую мы сами получили нѣкогда отъ нихъ.

Важности этого вопроса (не говоря уже о томъ что всякое исправленіе неправильнаго обычая весьма важно само по себѣ, какъ возстановленіе истины, независимо отъ его послѣдствій) и устраненія существующей между восточными церквами и Русскою въ семь дѣлѣ разности не слѣдуетъ отъ себя

* Подъ постановленіемъ мы разумѣемъ здѣсь составленное и утвержденное этимъ соборомъ *Παράκλησις* (ἀκολουθία) на обращающихся отъ латинскихъ ересей къ православнои и католической церкви константинопольской. См. *Рал.* и *Пот.* т. V, стр. 143.

** Дополненіе къ *Акж. истор.* т. V, стр. 499.

*** Определеіе этого собора, напечатанное въ т. V *Собрания правилъ Ралаи и Потаи* (стр. 614), подъ заглавіемъ: "Ὁρος τῆς ἁγίας τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας, συσταμένη μὲν τὸ θεοῦθεν δοθεὶν ἄγιον βάπτισμα, καταγεῖον δὲ τὰ ἄλλα ἐγεγόμενα τῶν ἀρετικῶν βαπτισμάτων, ἠοδικασατο πατριάρχασι: константинопольскимъ Кирилломъ, александрійскимъ Матѣемъ и іерусалимскимъ Парменіемъ.

скрывать. О ней можно судить, между прочимъ, по тому вѣдѣнію какое она имѣла на судьбу извѣстнаго русскому обществу англійскаго ученаго богослова Палмера.

Этотъ знаменитый послѣдователь того направленія въ англиканской церкви которое было создано извѣстнымъ докторомъ Пьюзеємъ, внимательно прикинувъ къ изученію твореній отцовъ церкви и церковной древности, пришелъ сначала къ тому убѣжденію что изъ всѣхъ нынѣ существующихъ христіанскихъ церквей единственною хранительницей чистаго апостольскаго преданія и вообще богопреданной истины должна быть признана восточная православная церковь, часть которой составляемъ и мы, и, повидимому, былъ на одинъ шагъ отъ перехода въ православіе. Но встрѣтившись съ существующимъ между восточными церквами и Русскою разномысліемъ въ такомъ предметѣ который, кромѣ своего безотносительнаго значенія, имѣлъ особую важность лично для него (ибо и отъ него, какъ отъ человека обращающагося къ церкви отъ заблужденія нисколько не мѣньшаго сравнительно съ латинскимъ, на Востоку требовали втораго крещенія), онъ отступилъ отъ своего намѣренія, и не имѣя возможности, по своимъ убѣжденіямъ, оставаться въ церкви англиканской, какъ протестантствующей, рѣшился перейти въ католичество,—не потому чтобъ онъ призналъ латинскую церковь единственно истинною (нѣтъ! онъ все-таки остался при той мысли что восточная церковь имѣетъ предъ нею несомнѣнное преимущество по чистотѣ догмата и обряда), но потому что онъ утратилъ самое вѣрованіе въ существованіе на землѣ такой церкви, и вслѣдствіе того рѣшился условно пристать къ такой изъ древнихъ апостольскихъ (по учрежденію) церквей, въ средѣ которой думалъ обрѣсти болѣе удовлетворенія для своего дѣятельнаго духа.*

Безъ сомнѣнія, и этого одного опыта было бы вполне достаточно для того чтобы послѣдить отъменной постановленія собора 1756 года, но необходимость его безотлагательно отмѣны предоставится намъ въ особенности настоятельно, если мы примемъ въ соображеніе что столь строгое по отношенію къ разномыслящимъ правило восточной церкви можетъ, при

* Последнія слова мои указываютъ на то что приведенная выше причина перемѣны въ настроеніи Палмера не была единственною, но несомнѣнно то что она была первою и привела за собою другія, изъ совокупности коихъ онъ и вывелъ свой несправедливый итогъ

случаѣ, сдѣлаться дѣйствительною преградой къ соединенію съ нею цѣлыхъ иновѣрныхъ обществъ. Припомнимъ недавній опытъ съ мелхитами (сирійскими и египетскими Греко-уніатами), которые въ началѣ истекающаго десятилѣтія выразили желаніе обратиться къ православной церкви, и дѣйствительно присоединились къ ней въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, но при этомъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣли допустить чтобы надъ ними было повторено таинство крещенія; такъ что восточная церковь поставлена была въ весьма тягостное затрудненіе выбирать между пріобрѣтеніемъ столь значительнаго числа вѣрующихъ и соблюденіемъ содержимаго ею правила. И хотя она рѣшилась,—не безъ предварительнаго впрочемъ колебанія,—поступиться симъ правиломъ, выше его поставивъ дѣло общенія съ ищущими ея христіанами; но все-таки она не могла не испытать при этомъ нѣкотораго нравственнаго затрудненія, неизбѣжно соединеннаго съ нарушеніемъ неотмѣненныхъ уставовъ.

Во сколько же разъ должны увеличиться эти затрудненія, если дѣло дойдетъ до рѣшительныхъ переговоровъ (на чтѣ наши восточные братья имѣютъ, по видимому, несомнѣнную надежду) о соединеніи съ православною церковью Армянъ, а за ними и другихъ монофизитскихъ церквей, яковитской и колтской, и наконецъ членовъ англиканской церкви, которые не могутъ предъявить никакихъ правъ на то чтобы имъ, по отношенію къ чину пріятія въ церковь, оказано было предпочтеніе предъ Латинами (такъ какъ армянское и вообще монофизитское заблужденіе было предметомъ сужденія вселенскаго собора, Халкидонскаго, и признано ересью, чего о латинскихъ отступленіяхъ церковь еще не постановляла, англиканская же церковь выдѣлилась изъ той же латинской), а между тѣмъ, конечно, не согласится подчиниться условіямъ перваго чина.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что наши восточные братья, при свѣтѣ церковныхъ каноновъ, къ которымъ они питаютъ такое глубокое и достойное нашего подражанія благоговѣніе, и при помощи указаній исторіи, не затруднились бы признать несостоятельность недавно и совершенно случайно проникшаго въ ихъ уставы правила, и что имъ нужень былъ бы только какой-либо поводъ къ тому чтобы подвергнуть его новому и тщательному пересмотру. Наилучшимъ же поводомъ къ тому было бы, очевидно, созваніе

задуманнаго вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ собора, который не только счелъ бы долгомъ произвести этотъ пересмотръ, но и имѣлъ бы право постановить со властію новое по этому вопросу постановленіе.

Созваніе этого собора, безъ сомнѣнія, оживило бы сношенія съ православною церковію съ одной стороны Армянь, о стремленіи коихъ къ сближенію съ нею русскіе читатели могли узнать изъ помѣщеннаго, въ переводѣ съ греческаго, въ *Христіанскомъ Читаніи*, за 1868 годъ, весьма замѣчательнаго разсужденія мигрополита хіосскаго Григорія, * съ другой стороны—членовъ англиканской церкви, о намѣреніяхъ коихъ печатано было въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ сравнительно гораздо болѣе. Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи этихъ двухъ вопросовъ, изъ боязни продлить безмѣры свое и безъ того не краткое разсужденіе и отдалиться еще болѣе отъ его главнаго предмета, я ограничусь лишь простымъ замѣчаніемъ что каждый изъ означенныхъ вопросовъ, по своей важности, заслуживалъ бы соборнаго разсмотрѣнія церкви.

Но конечно впереди всѣхъ другихъ вопросовъ стоялъ вопросъ болгарскій. И если для его благополучнаго рѣшенія и въ то время лучшимъ и единственнымъ (какъ показали послѣдствія) средствомъ было соборное его разсмотрѣніе, то въ настоящую пору созваніе для этой цѣли собора является необходимою еще болѣе настоятельною.

Мы видѣли что патріархъ константинопольскій отвергъ рѣшеніе Порты и не подчинился султанскому фирману, который вторгается въ область его неприкосновенныхъ правъ. При этомъ святѣйшій Григорій не вшелъ даже нужнымъ входить въ разборъ тѣхъ основаній которыя предложены фирманомъ для учрежденія независимой болгарской церкви, считая эту сторону дѣла второстепенными подробностями, но устремилъ всю силу своего veto прямо противъ права Порты создавать своею властію новыя автокефальныя церкви. На этой почвѣ патріархъ стоитъ твердо и, какъ ясно показывается двукратный протестъ его противъ торжественно выраженной воли султана, онъ рѣшился не уступать насильно.

* Автора выше упомятаемаго греческаго сочиненія: Πραγματεία περί της κανονικής δικαιοδοσίας τού Οἰκουμενικοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βουλγαρίᾳ ὀρθόδοξων ἐκκλησιῶν.

Между тѣмъ тайно руководяція направлениемъ болгарскаго вопроса лица, и во главѣ ихъ французскій константинопольскій посоль, по справедливости считающій изданіе фирмана плодомъ и торжествомъ своего дипломатическаго искусства, склоняють обрвавшихся въ Константинополь болгарскихъ епископовъ неотлагательно образовать изъ себя синодъ и вступить въ дѣйствительное обладаніе тѣми правами которыя даровалъ имъ фирманъ. При этомъ они разчитываютъ на то что за такимъ шагомъ болгарскихъ іерарховъ послѣдуетъ репрезентивное отлученіе ихъ и всѣхъ тѣхъ кто съ нами отъ общенія съ церковью. Для враговъ нашихъ, конечно, было бы въ высшей степени выгодно создать изъ Болгаръ новое религиозное общество, хотя по исповѣданію и православное, но находящееся внѣ дѣйствительнаго союза съ прочими православными церквами и, чрезъ такое одинокое и отчужденное положеніе среди православнаго міра, поставленное въ необходимость искать опоры внѣ этого міра, у его исконныхъ и нераскаянныхъ враговъ.

Можемъ ли мы остаться равнодушными зрителями того напастіа которому подвергается первенствующій іерархъ нашей церкви, и тѣхъ опасностей въ которыя вовлекается Болгарскій народъ предательскими внушеніями, имѣющими единственною цѣлю духовную разлуку его съ православнымъ міромъ, главнѣйшимъ же образомъ съ нами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ.

Но такъ какъ прямымъ своимъ влияніемъ дать дѣлу другое направленіе мы, очевидно, уже не можемъ, и никакаго другаго средства къ выходу изъ облака облажающихъ насъ затрудненій въ виду у насъ нѣтъ, то не остается, по моему мнѣнію, ничего болѣе какъ испытать то единственное средство, въ силу котораго до сихъ поръ не перестаетъ вѣрить святѣйшій Григорій, и которое дѣйствительно можетъ представить совершенно неожиданныя и отсюда невидныя слособы соглашенія и, по выраженію блаженно почившаго митрополита Филарета, съ края пропасти подвинуть къ спасенію.

Въ греческихъ газетахъ есть, какъ я слышалъ, достовѣрное извѣстіе что патріархъ Григорій имѣетъ намѣреніе вновь обратиться къ святѣйшему синоду и подкрѣпить свое предложеніе о созваніи собора новыми убѣдительными доводами. Правда, въ настоящее время осуществленіе этой мысли представляетъ гораздо болѣе затрудненій чѣмъ въ пору перваго

обращенія патріарха. Теперь Порта можетъ, съ большимъ для себя удобствомъ, сослаться на первоначальное отклоненіе святѣйшимъ синодомъ мысли о соборѣ и на изданіе фирмана, которое можетъ даже приписать, въ извѣстномъ смыслѣ, этому отказу. Труднѣе будетъ дѣйствовать и на Болгаръ, получившихъ отъ Порти давно искомыя ими права, и взирающихъ на церковную сторону вопроса съ тѣмъ же печальнымъ легкомысліемъ съ какимъ смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на нее мудрецы нашихъ фельетоновъ. Наконецъ и въ средѣ самой восточной церкви возникли весьма важныя смуты (я разумю дѣла Александрійской патріархіи), которыя, конечно, не представляютъ лишняго удобства для созванія собора. Но патріархъ Григорій не считаетъ, какъ видно, и этихъ препятствій неодолимыми.

Какъ будетъ принято святѣйшимъ синодомъ это новое обращеніе вселенскаго патріарха, угадать трудно; несомнѣнно одно что отказъ святѣйшаго синода отъ перваго приглашенія не можетъ связать свободы его новаго постановленія, такъ какъ съ того времени произошло въ положеніи вопроса столь важное измѣненіе, и возникли совершенно новыя обстоятельства, которыя могутъ внушить и новыя намѣренія, по слову премудрости: *последніи помысли паче первыхъ.*

Т. ФИЛИПОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ЦАРСКІЙ ФИРМАНЪ. *

Самое главное наше императорское желаніе состоитъ въ томъ чтобы всѣ жители и вѣрные подданные, населяющіе нашу высокославную державу, находясь въ безопасности и тишинѣ относительно вѣры и религіи и во всякомъ другомъ отношеніи, и живя между собою въ любви и добромъ согласіи какъ подобаетъ соотечественности и человечности, могли, на сколько зависитъ отъ насъ, содѣйствовать безпрестаннымъ нашимъ стараніямъ, которыя полагаются нами для достиженія въ совершенствѣ благосостоянія нашей державы и прогресса цивилизаціи; такъ какъ противное этому доброму желанію, распри и вражда породившіяся съ нѣкотораго времени между греческою патриархіей и православными (ортодоксъ) Болгарами о степени духовной зависимости, то-есть о томъ сколько митрополитовъ, епископовъ, священниковъ и церквей подчинены патриархіи, причинило намъ прискорбіе, то поему, какъ слѣдствіе розысканій и изслѣдованій предпринятыхъ для хорошаго разрѣшенія этой распри, поставлены слѣдующіе пункты:

1. Образованъ будетъ отдѣльный духовный округъ подъ наименованіемъ Болгарскій экзархатъ, въ составъ котораго войдутъ нижепоименованныя митрополіи, епископіи и нѣкоторыя другія мѣстности. Управленіе духовно-религіозными дѣлами этого округа будетъ вполнѣ возложено на этотъ экзархатъ.

2. Высшій по чину изъ болгарскихъ митрополитовъ, который будетъ находиться въ названномъ округѣ, будетъ имѣть титулъ экзарха; ему будетъ принадлежать каноническое предсѣдательство въ болгарскомъ синодѣ, который будетъ находиться при немъ.

3. Внутреннее духовное управленіе экзархатомъ будетъ опредѣлено согласно съ основными канонами и религіозными постановленіями православной церкви въ нарочномъ для этого уставѣ, который будетъ представленъ на одобреніе и утвержденіе нашему царскому правительству. Этотъ уставъ долженъ отстранить какъ посредственное,

* Заимствовано изъ *Прав. Обзор.* за мартъ 1870.

такъ и непосредственное вмѣшательство патріарха въ управленіе духовными дѣлами, особенно же въ избраніе епископовъ и самого экзарха, по избраніи коего болгарскій синодъ даетъ знать патріарху, который какъ можно скорѣе будетъ давать требуемыя, согласно съ вѣроу, утвердительныя письма.

4. Этотъ экзархъ, назначаемый нами высокославнымъ бератоу, обязанъ будетъ, сообразно съ церковными правилами, поминать имя константинопольскаго патріарха. Прежде чѣмъ будетъ провозглашено духовное по религіи избраніе лица достойнаго быть экзархомъ, должно быть испрашиваемо соизволеніе и соглашеніе отъ нашего высокославнаго правительства.

5. Экзарху дозволяется относиться прямо къ мѣстнымъ властямъ о дѣлахъ касающихся подчиненныхъ его духовному управленію мѣстностей, о которыхъ (дѣлахъ) онъ законно и канонически уполномоченъ ходатайствовать, а въ случаѣ нужды (ему дозволяется относиться) и къ нашей Высокой Портѣ. Бераты же, которые будутъ даваемы духовнымъ лицамъ, принадлежащимъ его вѣдомству, будутъ издаваться съ увѣдомленіемъ его.

6. О дѣлахъ касающихся православнаго вѣроисповѣданія и требующихъ совмѣстнаго совѣщанія и взаимнаго вспоможенія, синодъ названнаго экзархата будетъ относиться ко вселенскому патріарху и его митрополитскому синоду. Послѣдніе съ своей стороны послѣдуютъ дать необходимую помощь и отправлять нужные для этого отвѣты.

7. Синодъ Болгарскаго экзархата будетъ просить у константинопольскаго патріарха св. миро употребляемое церковью.

8. Епископы, архіепископы и митрополиты, подчиненные константинопольскому патріархату, будутъ безпрелютвенно проѣзжать чрезъ епархію Болгарскаго экзархата, равно какъ и болгарскіе епископы, архіепископы и митрополиты будутъ проѣзжать чрезъ епархію Константинопольскаго патріархата; они могутъ, если случатся дѣла требующія этого, пребывать и въ центрахъ викариатовъ и другихъ правительственныхъ мѣстностяхъ; однакожь они въ своего духовнаго округа не могутъ созывать синодъ и не могутъ вмѣшиваться въ дѣла христіанъ не принадлежащихъ ихъ духовному вѣдомству, а также, въ какомъ бы городѣ они ни находились, не могутъ священнодѣйствовать безъ позволенія мѣстнаго епископа.

9. Подобно тому какъ іерусалимское подворье, находящееся въ Фанарѣ, зависитъ отъ іерусалимскаго патріархата и принадлежитъ вѣдомству іерусалимскаго патріархата, точно такъ и болгарское подворье, находящееся въ той же мѣстности, а также и болгарская церковь подчинены будутъ болгарскому экзарху. Названный экзархъ, когда это необходимо, имѣетъ право пріѣзжать въ нашу столицу и жить въ упомянутомъ подворьѣ и, какъ сказано выше, онъ (экзархъ)

во все время своего пребыванія относительно священнодѣйствія будетъ подчиняться церковнымъ правиламъ, которымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиняются іерусалимскій, антїохійскій и александрійскій патріархи.

10. Духовный округъ этого болгарскаго экзархата составлять будутъ слѣдующія митрополїи: Рущукская, Силистрійская, Галмненская, Терновская, Софійская, Врачанская, Ловчанская, Видинская, Нитская, Пиратская, Кюстендольская, Самоковская, Велесская (къ Македонїи) и побережье Чернаго моря отъ Варны до Кюстенджи, исключая двадцать селъ, жители которыхъ не Болгаре; Сливненскій округъ, за исключеніемъ города Варны и уѣздныхъ городовъ Ахило и Месемврии; Созопольскій округъ безъ приморскихъ селъ; Филиппопольская епархїа, исключая собственно города Филиппополя, уѣзднаго города Старовимака и селъ: Кукленъ, Водинъ, Арнаутково, Панагїа, Новосело, Лѣсково, Ахлянъ, Бачково, Бѣлоштица и монастырей: Бачковскаго, Св. Безсребренниковъ, Св. Параскевы и Св. Георгїа. Приходъ Св. Богородицы въ городѣ Филиппополѣ войдетъ въ составъ Болгарскаго экзархата; но жителямъ названнаго прихода, если пожелаютъ, предоставляется свобода не подчиняться болгарской церкви и экзархату. Для рѣшенія этого пункта воспослѣдуетъ соглашеніе между патріархїей и экзархатомъ, согласно съ религіозными постановленїями.

Сверхъ поименованныхъ выше мѣстностей, православные жители другихъ епархїй, если они всѣ или по крайней мѣрѣ двѣ трети пожелаютъ относительно своихъ духовныхъ дѣлъ подчиняться Болгарскому экзархату, то имъ позволено присоединиться къ нему послѣ повѣрки о дѣйствительности относительно численности. Но такъ какъ это будетъ происходить по изъявляемому желанїю и согласїю всѣхъ или же двухъ третей народонаселенїа, то всѣ тѣ которые рѣшились бы возбудить несогласїе и раздоръ между жителями будутъ ответственны предъ закономъ и будутъ изобличаемы.

11. Порядокъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Болгарскаго экзархата и по вѣроисповѣднымъ законамъ зависящихъ отъ патріарха, остается тотъ же самый и будетъ соблюдаться и впредь.

Находя что изложенные выше пункты удовлетворяютъ законныя нужды обѣихъ сторонъ и отстраняютъ бывшіе прискорбные раздоры, наше высокое правительство одобрило ихъ, чтобъ они съ этого времени служили правиломъ для дѣйствїа, и нарушенїе ихъ не доускается. Впрочемъ для объявленїа что это согласно съ моею царскою волею изданъ настоящїй мой императорскій фирманъ, написанный въ 8й день счастливаго мѣсяца злихиже, въ дѣто 1286 (1870)."

ВЗГЛЯДЪ НА МАТЕРІАЛЫ

НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСА

О

САМОСТОЯТЕЛЬНОМЪ НАЧАЛѢ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ОТВѢТЪ ГГ. С. УСОВУ И Н. АКСАКОВУ.*

„Ce n'est pas hier que le coeur de l'homme s'est pour la première fois troublé devant ces alternatives. Cessera-t-il d'y penser demain?“

Emile Saisset.

I

1. Каждое научное изслѣдованіе всегда заключаетъ въ себѣ два слѣдующіе момента: вопервыхъ, собираніе *материала* необходимаго для разработки даннаго вопроса, вовторыхъ, *анализъ* собраннаго материала и выводъ изъ него общаго взгляда на данный предметъ.

* Обращаясь къ редакціи *Русскаго Вѣстника* съ просьбою дать мѣсто моему полному и окончательному отвѣту на всѣ разнородныя обвиненія гг. Аксакова и Усова, высказанныя противъ моей диссертациіи *О самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*, а знаю что отвѣтъ мой многимъ покажется слишкомъ обширнымъ и подробнымъ, въ особенности послѣ ясной и не менѣе обширной статьи по этому же дѣлу профессора Юркевича, и слишкомъ несоразмѣрнымъ съ вѣтрянными и необдуманнѣйшими обвиненіями моихъ противниковъ. Но есть обстоятельство побуждающее меня не оставить безъ помянутого и, надѣюсь, основательнаго опроверженія всѣ сдѣланныя на меня столь недобросовѣстныя нападки. Полемика, о которой идетъ рѣчь, касается моего честнаго имени и имѣетъ цѣлю уничтожить въ публикѣ довѣріе къ моей литературной добросовѣстности. Г. Аксаковъ прямо высказалъ что я взялъ изъ чужихъ сочиненій изложеніе разныхъ частей моей диссертациіи, и что даже мои ссылки на разные

Оба эти момента находятся въ тѣсной связи, несмотря на то что каждый изъ нихъ основывается на совершенно особомъ научномъ дѣйствіи. Отъ полноты и точности въ собраніи матеріала естественно зависитъ, до известной степени, какъ полнота, такъ и точность анализа и обсуждения этого матеріала. Изъ недостаточнаго и неточнаго матеріала нельзя вывести полнаго и точнаго взгляда на данный предметъ. Но съ другой стороны нельзя забывать что и наоборотъ, изъ полноты и точности одного матеріала не слѣдуетъ еще полнота и точность его анализа. Матеріалъ есть только одно изъ *условій* изслѣдованія. Есть еще и *другое* требованіе которымъ обуславливается *научное* изслѣдованіе, именно: требованіе полнаго и точнаго *анализа*, полной и точной *разработки* собраннаго матеріала. Эта полнота и точность анализа и разработки матеріала зависитъ прежде всего отъ яснаго, всесторонняго и основательнаго обсуждения, отъ строго-логическихъ процессовъ сравненія, раздѣленія, сужденія и умозаключенія. Гдѣ эти дѣйствія не совершаются правильно, по всѣмъ требованіямъ логики, какъ *науки познанія* (*Erkenntnislehre*), тамъ ни полнота, ни точность собраннаго матеріала не даютъ намъ никакаго полнаго и точнаго взгляда на данный предметъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ что научное достоинство и

труды списаны мною цѣлкомъ изъ постороннихъ источниковъ безъ ихъ названія. Обвиненіе это, какъ будто доказанное, настойчиво повторяется г. Усовымъ, присовокупляющимъ съ своей стороны рѣшительное якобы обвиненіе меня въ незнакомствѣ съ физиологическою литературой. Наконецъ, обвиненія эти, даже послѣ моего отвѣта въ номерѣ 99 *Московскихъ Вѣдомостей* и статьи профессора Юркевича, повторяются такъ и сямъ въ газетахъ и журналахъ, довѣряющихъ безъ критики несправедливымъ и недобросовѣстнымъ указаніямъ моихъ противниковъ. Вслѣдствіе этого полный отвѣтъ съ моей стороны мнѣ кажется необходимымъ. Въ настоящее цивилизованное время заключаются конвенціи противъ употребленія въ войнахъ варварскихъ средствъ для уничтоженія противника. Но мои господа критики не знаютъ еще о существованіи въ литературномъ мірѣ вѣковой конвенціи, по которой, при всей горячности и страстности полемики, не позволительно однако употреблять умыслаенное искаженіе истины для уничтоженія противника. Какъ жертва этого самаго варварскаго средства полемики, я обяванъ во всей подробности указать всему литературному міру на тѣхъ господъ которые употребляютъ это средство для достиженія своихъ подслудныхъ цѣлей. *Асм.*

значеніе изслѣдованія зависитъ, съ одной стороны, отъ полноты и точности матеріала собраннаго для рѣшенія даннаго вопроса, а съ другой—отъ полноты и точности анализа этого матеріала и основаннаго на немъ общаго взгляда на предметъ.

2. Человѣкъ ограниченный только своими физическими и умственными силами не можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ физическимъ и умственнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе того уже съ древнѣйшихъ временъ проявляется между людьми какъ *физическая* нужда, такъ и *логическое* и *нравственное* требованіе раздѣлить всѣ разнородныя, всѣмъ людямъ нужныя и полезныя, занятія между членами семьи, общества, государства.

Новѣйшіе политико-экономы обозначили эту физическую нужду и это логическое и нравственное требованіе мѣткимъ именемъ *закона раздѣленія труда*.

Законъ раздѣленія труда находитъ полное примѣненіе и въ сферѣ науки, а также и относительно двухъ вышеприведенныхъ разныхъ моментовъ научнаго изслѣдованія. Есть научныя изслѣдованія занятія преимущественно *собираніемъ матеріала* нужнаго для разработки извѣстнаго вопроса; есть другія изслѣдованія, которыя, пользуясь этимъ уже собраннымъ матеріаломъ, ставятъ себѣ главною задачею *анализъ* этого матеріала, выводъ изъ него *общаго научнаго взгляда* на данный предметъ.

Всѣмъ людямъ науки хорошо извѣстно что эти два основныя моменты научнаго труда въ исторіи наукъ распредѣляются не только между отдѣльными лицами, но даже между цѣлыми партіями и цѣлыми періодами. Было время, на примѣръ, когда дѣятельность науки состояла главнымъ образомъ въ *собираніи матеріала*, особенно въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Нынѣ она занята преимущественно *анализомъ* историческаго и филологическаго матеріала, выводомъ общаго философскаго *воззрѣнія* на постепенное развитіе исторіи и языковъ. Напротивъ, въ естественныхъ наукахъ господствуетъ въ настоящее время болѣе *реальное* и *фактическое* направленіе чѣмъ *умственное* и *философское*. Вообще вся настоящая борьба между реальными и идеальными, фактическими и философскими направленіями въ разныхъ наукахъ есть не что иное какъ *распредѣленіе* вышеприведенныхъ *необходимыхъ моментовъ научнаго изслѣдованія между разными партіями мысли и знанія*.

Но что же слѣдуетъ изъ такого взгляда на значеніе этихъ разныхъ направленій въ наукаѣ

Изъ него слѣдуетъ прежде всего то что *борьба* между этими разными направленіями совершенно неумѣстна, какъ неумѣстна борьба между членами одного и того же семейства, общества и государства, принимающими на себя отправление разныхъ обязанностей.

Но къ сожалѣнію эта борьба *существуетъ* и проявляется во всѣ періоды исторіи наукъ, именно вслѣдствіе того что каждое изъ этихъ направленій такъ часто развивалось неправильно, такъ часто принимало характеръ *исключительности*, пренебрегая дѣйствіемъ и результатами другаго направленія.

Но при всемъ томъ борьба эта между разными направленіями въ наукахъ не *можетъ* и не *должна* быть борьбою на *жизнь* и *смерть*.

Она, во первыхъ, не *можетъ* быть смертельна, потому что уничтоженіе одного какого-либо изъ этихъ направленій вовсе *невозможно*. Каждое изъ нихъ основывается на извѣстныхъ неустрашимыхъ потребностяхъ жизни и науки, и будетъ существовать пока существуетъ человѣческій разумъ, пока онъ мыслитъ и производитъ *науку*.

Но такое уничтоженіе одного изъ вышеприведенныхъ научныхъ направленій отнюдь не *желательно*, ибо вслѣдствіе его наука потеряла бы одинъ изъ необходимыхъ моментовъ развитія и прогресса. Еслибы прекратилось направленіе *фактическое*, то наши общія воззрѣнія на жизнь и на міръ были бы слишкомъ отвлеченны, непрактичны, безъ всякаго значенія для дѣйствительности. Если же прекратилось бы направленіе *философское, теоретическое*, то практическая дѣятельность человѣка потеряла бы характеръ разумной разсудительности и цѣлесообразности, и не отличалась бы ничѣмъ отъ инстинктивнаго дѣйствія животныхъ.

Борьба между вышеприведенными научными направленіями въ сущности своей есть слѣдствіе не столько *жизненнаго*, сколько, такъ сказать, *иерархическаго* спора о значеніи, компетенціи и достоинствѣ каждаго изъ этихъ направленій въ общемъ прогрессѣ науки. Только неосновательные и страстные умы, только дѣтскіе, незрѣлые и притомъ до неразумія запальчивые враги вымышленнаго ими самими *подспуднаго материализма* могутъ думать что этотъ иерархическій споръ долженъ необходимо кончиться варварскимъ погланиемъ одного и деспотическимъ господствомъ другаго направленія. Только подобнаго рода испанскіе рыцари воображаютъ себѣ что каждое изъ

этихъ направленій должно выступать на лозе брани со штандартами украшенными золотою надписью: *Aut Caesar aut nihil!*

Чудесный, восхитительный идеалъ для младенческаго сердца!

Но къ сожалѣнью *такими* младенческими идеалами въ настоящее время не увлекается наша болѣе логическая чѣмъ фантастическая, болѣе зрѣлая чѣмъ юная Европа, признающая законъ раздѣленія труда. Такихъ прихотей не встрѣчаемъ мы въ современныхъ стремленіяхъ науки. Такихъ прихотей и мы не имѣли, приступая къ разработкѣ вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

Напротивъ, сѣвдуя за общимъ ходомъ и развитіемъ противоположныхъ направленій, мы видимъ что вліятельнѣйшіе представители обѣихъ сторонъ уже давно стремятся къ примиренію. Они поняли что законъ раздѣленія труда есть главное основаніе ихъ разности, и что вслѣдствіе того согласіе между борющимися сторонами не только возможно, но и необходимо въ интересѣ истинной науки. И дѣло примиренія начато въ обоихъ лагеряхъ двойнымъ дѣйствіемъ.

Волевымъ, усмирениемъ придирчивыхъ и бранчивыхъ крикуновъ обѣихъ сторонъ, то-есть односторонняго материализма, отрицающаго въ конецъ и жизнь, и душу, и свободу, и односторонняго спиритуализма, который, по его мнѣнію, окончательно залепъ въ темницу и опытъ, и анализъ, и матерію. Извѣстнѣйшіе эмпирики и рационалисты, естествоиспытатели и философы, практики и теоретики указываютъ уже давно на неосновательность и вредъ этихъ крайностей и на необходимость въ истинной наукѣ принимать въ соображеніе объ природныя стороны человеческого бытія и бытія вообще, то-есть сторону физическую и метафизическую, матеріальную и идеальную, опытную и разумную.

Это послѣднее указаніе привело ко второму дѣйствію въ дѣлѣ примиренія, именно къ точному и справедливому опредѣленію значенія, преимуществъ и границъ, однимъ словомъ компетенціи обѣихъ, до сихъ поръ борющихся, сторонъ. Правда что это послѣднее дѣло еще не совсемъ кончено, ибо бранчивые крикуны отъ времени до времени все еще мѣшаютъ дѣлу примиренія. Но есть надежда что спокойный разумъ устранитъ и эти затрудненія, и что законъ раздѣленія труда будетъ основаніемъ истиннаго и дружескаго примиренія между помянутыми направленіями, на сколько они вообще заключаютъ въ себѣ истинный и полезный для науки

трудъ. Направленіе эмпирическое возьметъ на себя преимуще- ственно трудъ *собиранія матеріаловъ* нужныхъ для разработки извѣстныхъ вопросовъ, безо всякаго презрѣнія къ направленію философскому и теоретическому. Напротивъ, направленіе фи- лософское, теоретическое, займетя преимущественно *анали- зомъ* этого матеріала, выводомъ изъ него общихъ взглядовъ на предметъ, основываясь на эмпирическихъ данныхъ.

3. Читателямъ извѣстно что диссертация моя о *самостоя- тельномъ началѣ душевныхъ явленій* подверглась отзы- вамъ не очень любезнымъ и не очень приличнымъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ, со стороны *мате- риализма* и со стороны *спиритуализма*. Вслѣдствіе этого сейчасъ высказанныя мною слова о необходимости примире- нія эмпирическихъ и философскихъ направленій въ наукахъ, на основаніи закона раздѣленія труда, могутъ показаться какъ бы уступкой, сдѣланною одной или другой сторонѣ, или обѣимъ вмѣстѣ, какъ бы *captatio benevolentiae*. Отъ любезно- сти и добросовѣстности моихъ противниковъ я могу ожидать что, при удобномъ случаѣ, они воспользуются этою мнимою уступкой, но не съ цѣлю содѣйствовать осуществленію выше- сказанныхъ мирныхъ стремленій, а для того чтобы высту- пить съ новыми придирчивыми инсинуаціями. Они готовы сказать что вслѣдствіе ихъ нападокъ я отказался отъ своихъ убѣжденій и подалъ *смиренно* одну руку *злѣю матеріализ- ма* (выраженіе г. Усова), а другую *ангелу спиритуализма*. Между тѣмъ это вовсе не такъ. При всемъ моемъ миролюбіи, я остаюсь рѣшительнымъ противникомъ *всѣхъ* односторон- ностей и крайностей. И чтобы доказать что высказанныя мною мнѣнія о необходимости примиренія эмпирическихъ и философскихъ направленій не есть слѣдствіе *смиренія* предъ моими противниками, но слѣдствіе довольно давняго убѣж- денія, въ которомъ эти противники не принимали и не при- нимаютъ *ни малѣйшаго* участія, я позволяю себѣ привести здѣсь слова высказанныя мною восемь лѣтъ тому назадъ от- носительно того же предмета. Слова эти объясняютъ притомъ мой, какъ г. Аксаковъ благоволилъ сказать, *особый* взглядъ на развитіе новѣйшей философіи.

При моемъ первомъ выступленіи на полприще литературной и научной дѣятельности, я имѣлъ случай сказать слѣдую-

щее: * „Если мы обратимъ наше вниманіе на обѣ крайности вышеприведеннаго матеріализма (Фохта, Молешотта и др.) и дуализма въ ихъ отношеніи къ духу настоящей философіи, то мы должны сознаться что главное стремленіе новѣйшаго умозрѣнія направлено болѣе къ соединенію этихъ крайнихъ противоположностей нежели къ ихъ одностороннему развитію. Это стремленіе есть слѣдствіе всей исторіи философіи. Характеристическая черта и вмѣствъ съ тѣмъ не малый успѣхъ новѣйшей философіи состоитъ въ томъ что она оставила абстрактное, на самомъ себѣ утверждающееся мышленіе, и въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, въ своихъ стремленіяхъ постигнуть мыслію бытіе, не вращается уже въ сферѣ замкнутаго сознанія, но напротивъ она повяла какъ свою задачу познаніе внѣшняго и внутренняго міра, научное развитіе ихъ существенной связи, и стремится къ рѣшенію этой задачи естественнымъ путемъ *опыта*. Въ послѣдніе годы самые лучшіе труды касающіеся философской антропологии ** вѣрѣйшимъ образомъ доказываютъ что въ настоящее время не господствуетъ уже ни абстрактный рационализмъ и идеализмъ, ни простой эмпиризмъ и реализмъ. Оба эти направленія, наполняющія всю исторію философіи со времени Картезія и Локка своими разнородными оттѣнками, своимъ все новымъ и новымъ развитіемъ основныхъ противоположностей, прошли наконецъ чрезъ пробный огонь историческаго развитія и проявляютъ новую жизнь, вслѣдствіе соединенія всего того что есть истиннаго въ обоихъ направленіяхъ. Для Картезія *внѣшній міръ* былъ *tabula rasa*; онъ и вся абстрактная философія послѣ него, въ одномъ только положеніи: *cogito ergo sum*, обрѣтаютъ переходъ отъ скептицизма къ познанію истины. Напротивъ, Локкъ прямо говоритъ что *душа* есть *tabula rasa*. Обѣ эти крайности въ настоящее время побѣждены. Правда, онѣ до сихъ поръ еще не соединены въ такой степени чтобы вовсе не проявлялись и не стремились къ одностороннему развитію. Но все-таки немалый успѣхъ одержавъ уже благодаря тому что недостатки односторонняго идеализма и односторонняго реализма не только

* См. мое соч. *Zur Entstehung der Seele. Eine psychologische Untersuchung*. 1862, стр. 19 и слѣд.

** Я имѣлъ въ виду особенно антропологию Фихте, моего досточимаго учителя, даже антропологическое сочиненіе Лотце *Mikrokosmos*; сверхъ того *Психологию* Фортлаге, *Психофизику* Фехнера и др.

формально признаны, но и сдѣлались предметомъ философскаго сознанія, и что стремленіе къ соединенію обѣихъ противоположностей проявляется не только діалектически, но даже приняло для философіи значеніе жизненнаго вопроса. Съ того времени какъ Гегелевское тождество мышленія и бытія подверглось новой критикѣ и оказалось несостоятельнымъ въ смыслѣ абсолютномъ, и когда грубый матеріализмъ обнаружилъ все свое противорѣчіе и съ опытомъ, и съ логикой, возвращаясь къ брутальному скептицизму въ вопросахъ нравственнаго свойства, изъ котораго онъ вышелъ, и покидая лочву философіи,—начинается новый періодъ философскихъ стремленій. Теперь вопросъ уже не въ томъ, врождена ли человѣку идея въ абстрактной формѣ, и есть ли уже само мышленіе истина. Также не въ томъ, должно ли чувственное наблюденіе служить единственнымъ основаніемъ познанія бытія. Теперь господствуетъ сознаніе что мыслящій разумъ человѣка имѣетъ предметомъ *опытнаго* изученія *два* различныя сферы (внѣшній и внутренній міръ), и что сферы эти не должны быть разрываемы, но что онѣ должны быть соединены тѣснѣйшимъ образомъ въ одно органическое цѣлое. Исслѣдованія, которыми философія занимается въ настоящее время, относятся только къ вопросу *какъ* рѣшить эту задачу; но она сама сдѣлалась непосредственнымъ содержаніемъ философскаго сознанія нашего времени.“

Изъ вышеприведенныхъ словъ оказывается что между эмпиризмомъ и раціонализмомъ, между реализмомъ и идеализмомъ я никогда не усматривалъ непримиримой противоположности. Напротивъ, я всегда былъ убѣжденъ, и это убѣжденіе и послѣ часто высказывалъ, что оба эти направленія должны и могутъ примириться, раздѣливъ между собою различныя требованія научнаго изслѣдованія. Я всегда буду уважать *эмпиризмъ* какъ направленіе занимающееся преимущественно *собираніемъ матеріала* необходимаго для познанія человѣка и природы. Подобнымъ же образомъ я всегда буду уважать *раціонализмъ* и *идеализмъ* какъ направленія стремящіяся къ развитію общаго *міровоззрѣнія*, согласнаго со врожденными требованіями человѣческаго разума. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ чтобъ я не былъ рѣшительнымъ противникомъ эмпиризма и реализма на сколько эти направленія хотятъ ограничить человѣческій умъ и науку однимъ суровымъ внѣшняго опыта. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ

изъ моего воззрѣнія чтобъ я не былъ столь же рѣшительнымъ противникомъ рационализма и идеализма, на сколько эти направленія довольствуются одними общими требованіями разума, безъ принятія въ соображеніе эмпирическаго матеріала внѣшняго опыта. *Соединеніе этихъ двухъ напр-леній на основаніи общепризнаннаго закона раздѣленія труда, вотъ единственное основаніе для правильнаго развитія философіи въ будущемъ.* Основаніе это признано въ настоящее время большинствомъ философовъ, не связанныхъ никакими традиционными цѣлями ни съ матеріализмомъ, ни съ спиритуализмомъ. Въ этомъ отношеніи, слава Богу, я вовсе не занимаю *изолированнаго поста въ средѣ современныхъ философовъ.* А если мой критикъ въ такомъ философскомъ направленіи усматриваетъ путь ведущій его къ фантастическому *подспудному матеріализму*, то этимъ онъ доказываетъ только что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о философскихъ стремленіяхъ нашего времени, что даже не помялъ ни одного изъ сочиненій Ульрици, который принадлежитъ также къ этому философскому направленію характеризующему наше время.

4. Изъ двухъ вышеприведенныхъ основныхъ моментовъ каждаго научнаго изслѣдованія (матеріалъ и его разработка), здѣсь, въ настоящей статьѣ, мы обращаемъ наше вниманіе преимущественно на первый моментъ, то-есть на *собираніе матеріала.* Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ анализу матеріала, необходимаго для разработки вопроса о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*, я желалъ бы высказать еще одно общее замѣчаніе. Есть два источника изъ коихъ науки черпаютъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій; эти источники: *собственный опытъ* и *чужое свидѣтельство*, или короче: *жизнь* и *литература.*

Вслѣдствіе ограниченности отдѣльнаго человѣка, въ большей части научныхъ изслѣдованій, относительно матеріала преобладаетъ *чужое свидѣтельство, литература* надъ собственнымъ опытомъ. Еслибы всѣ изслѣдователи хотѣли основать свои понятія и взгляды лишь на томъ матеріалѣ который представляетъ ихъ собственный опытъ, былъ бы невозможенъ прогрессъ въ наукѣ, было бы невозможно расширеніе и усовершенствованіе нашего знанія. Ибо всякій прогрессъ въ наукѣ основывается на томъ что одинъ изслѣдователь пользуется указаніемъ и опытомъ другихъ, и находитъ

въ нихъ руководство для собственныхъ новыхъ изслѣдованій, для избѣжанія чужихъ ошибокъ и для открытія вѣрнѣйшаго пути къ истинному познанію.

Это относится къ изслѣдованіямъ не только *историческимъ*, въ которыхъ собственный опытъ, какъ источникъ познанія, ограниченъ до крайности. Это же самое преобладаніе *чужаго* свидѣтельства надъ *собственнымъ* опытомъ мы встрѣчаемъ даже въ наукахъ которыя называются по преимуществу *опытными*.

Отдѣльный естествоиспытатель уже физически не въ силахъ на основаніи *собственного* опыта изслѣдовать всѣ явленія своего, хотя бы и очень спеціальнаго, предмета. Онъ на каждомъ шагѣ пользуется свидѣтельствомъ другихъ изслѣдователей, и всѣ его собственные опыты основываются обыкновенно на научныхъ понятіяхъ, средствахъ, пособіяхъ и взглядахъ, словомъ, на научномъ матеріалѣ переданномъ отъ другихъ. Собственный опытъ составляетъ и здѣсь по большей части очень скудный источникъ знанія, въ сравненіи съ богатствомъ научнаго матеріала, полученнаго въ наслѣдство отъ предшественниковъ.

Впрочемъ, для научной разработки предмета все равно откуда взять *матеріалъ*, изъ собственного ли опыта, или изъ чужаго свидѣтельства, если только этотъ матеріалъ такъ хорошъ и, что еще важнѣе, такъ точенъ чтобы возможно было основать на немъ ясное и полное познаніе предмета. *Научная самостоятельность* основывается не столько на собственномъ самостоятельномъ *матеріалѣ*, сколько на самостоятельной его *разработкѣ*, на выводѣ изъ него самостоятельнаго *воззрѣнія* на предметъ. Матеріалъ служитъ только *средствомъ* для достиженія этой главной *цѣли* каждаго истиннаго познанія.

Только ограниченныя головы и дѣтскіе самоучки могутъ думать что самостоятельность и оригинальность требуютъ незнанія и пренебреженія *чужаго* свидѣтельства, трудовъ предшественниковъ. Для нихъ только *невѣжество* совладаетъ съ *оригинальностью*.

II.

1. Послѣ вышеизложенныхъ, какъ намъ кажется, не лишнѣхъ предварительныхъ замѣчаній, приступаемъ теперь къ подробному обзору *матеріаловъ необходимыхъ для разработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*.

И здѣсь, естественно, мы встрѣчаемъ оба вышеприведен-

ые источника научныхъ изслѣдованій: *собственный опытъ и чужое свидѣтельство*. Но въ нашемъ вопросѣ оба эти источнику находятъ примѣненіе къ областямъ двухъ разныхъ наукъ, *психологіи* и *физиологіи*. Потому прежде всего мы должны рѣшить вопросъ, на сколько вообще объ эти науки заключаютъ въ себѣ матеріалъ необходимый для разработки даннаго вопроса.

Относительно *психологіи*, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія что она *нужна* для рѣшенія нашего вопроса. До сихъ поръ еще не выступали мудрецы которые утверждали бы что *психологія* не нужна для рѣшенія этого *психологическаго* вопроса.

2. Другое дѣло съ *физиологіей*. Нужна ли *физиологія* для изслѣдованія нашего предмета? Заключаетъ ли она въ себѣ какой-либо научный *матеріалъ* способствующій къ рѣшенію вопроса *о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*? Всѣ *психологи*, то-есть всѣ изслѣдователи занимающіеся *спеціально* разработкой этого и многихъ другихъ психологическихъ вопросовъ, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ *положительно*. Они пользуются *физиологическими* данными относящимися къ дѣйствию нервной системы, такъ тѣсно связанной съ явленіями психическими; и до сихъ поръ никто еще не порицалъ ихъ за это. Слѣдовательно, совершенно излишнее дѣло доказывать значеніе физиологіи для психологіи? Такъ казалось бы. Но къ сожалѣнію есть люди которые желаютъ показать міру что въ специальныхъ вопросахъ психологіи они мудреѣе всѣхъ психологовъ. Насъ вовсе не удивляетъ что къ такого рода людямъ принадлежитъ юный философъ, г. Аксѣковъ, который въ своемъ *Подспудномъ матеріализмѣ*, на стр. 28, говоритъ что всѣ изслѣдователи, занятые опредѣленіемъ духа, отъ Платона до Гегеля, *вовсе не нуждались въ физиологическомъ основаніи*. Но поразительно, и очень поразительно, что къ такого рода людямъ принадлежитъ и *естествоиспытатель* г. С. Усовъ.

Въ своей брошюрѣ *по поводу* моей диссертациі г. Усовъ (стр. 8) высказалъ мнѣніе что *физиологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать принятію самостоятельнаго начала психической жизни, то-есть души*. Предъ нашими глазами слѣдовательно такой фактъ: всѣ *психологи-спеціалисты* говорятъ что *физиологія* доставляетъ психологу матеріалъ *необходимый* для рѣшенія разныхъ психологическихъ вопро-

совѣ, именно и нашего вопроса; они утверждаютъ даже что безъ физиологіи этого вопроса *научнымъ* путемъ вовсе рѣшить *нельзя*, а г. Усовъ, *не специалистъ-психологъ*, утверждаетъ что физиологія ни къ чему не годится для психологіи! Кажется, противорѣчіе довольно странное. Что, напримѣръ, подумалъ бы г. Усовъ, еслибы встрѣтилъ кого-нибудь *не-физиолога* который не шутя сказалъ бы ему: „Правда, всѣ специалисты-физиологи говорятъ что химія и физика *нужны, необходимы* для разработки разныхъ *физиологическихъ* вопросовъ, но я думаю что химія и физика *не могутъ ни мѣшать, ни помогать* физиологіи въ рѣшеніи ея задачъ?“ Съ какимъ крикомъ негодованія и презрѣнія остановилъ бы г. Усовъ этого несчастнаго *не-физиолога!* Отъ психологовъ въ подобномъ дѣлѣ г. Усовъ ожидаетъ болѣе хладнокровія. Дѣйствительно психологи привыкли болѣе наблюдать за своими мыслями, словами и дѣйствіями; они не подчиняются такъ слѣпо физической необходимости своей нервной системы, и потому имъ приходится легче сохранять спокойствіе. Желая удовлетворить этимъ ожиданіямъ г. Усова, мы съ полнымъ психологическимъ равнодушіемъ приступимъ къ анализу его помянутаго положенія.

Положеніе это, что физиологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи, г. Усовъ поддерживаетъ двумя весьма простыми доказательствами; во первыхъ, одною собственною замѣткой, и вовторыхъ, одною ссылкой на авторитетъ физиолога Функе. Разберемъ ближе оба эти доказательства.

3. Непосредственно послѣ вышеприведеннаго положенія что *физиологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать* принятію души, мы находимъ у г. Усова слѣдующія слова, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ вѣрность его взгляда: „Дѣло физиологіи, говоритъ г. Усовъ, изучать лишь отправления органовъ, никакъ не болѣе, и поэтому вопросъ о душѣ для физиолога *какъ таковаго* есть вопросъ праздный“. Соединивъ эту объяснительную замѣтку съ предыдущимъ положеніемъ, мы доходимъ до слѣдующей логической связи въ словахъ г. Усова. Такъ какъ дѣло физиологіи изучать лишь отправления органовъ, никакъ не болѣе, и такъ какъ поэтому вопросъ о душѣ для физиолога *какъ таковаго* есть вопросъ праздный, то изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію г. Усова, что физиологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать психологіи. Это взглядъ г. Усова.

Мы признаемся что для насъ приведенное г. Усовымъ

доказательство не имѣетъ никакой логической, а потому и никакой обязательной силы.

Положимъ что дѣйствительно вопросъ о душѣ для физиолога *какъ таковаго* есть вопросъ *праздный*, но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ изслѣдованія физиолога *какъ таковаго* были равнымъ образомъ *праздными* для психолога *какъ таковаго*? Слѣдуетъ ли изъ этого что физиологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи? Какая связь между этими совершенно разными положеніями?

Для объясненія этого логическаго затрудненія возвратимся въ видѣ примѣра къ нашему вышелприведенному простодушному *не-физиологу*. При помощи логики г. Усова, этому *не-физиологу* чрезвычайно легко удалось бы доказать истину своего положенія что химія и физика ни къ чему не годятся для физиологіи. Вотъ его доказательство: „Такъ какъ два химіи и физики изучать *лишь* явленія мертвой природы, *никакъ не болѣе*, и такъ какъ поэтому вопросъ объ *отправленіяхъ органовъ* для химика и физика *какъ таковыхъ* есть вопросъ *праздный*, то изъ сего слѣдуетъ что химія и физика *не могутъ ни мѣшать, ни помогать* изслѣдованіямъ физиологическимъ, имѣющимъ предметомъ *лишь отправленія органовъ*.“ Узнаетъ ли г. Усовъ въ этомъ доказательствѣ непосредственное примѣненіе его собственной логики къ предметамъ ему, вѣроятно, лучше извѣстнымъ нежели психологія?

A (психологія) не нужно для *B* (физиологіи), слѣдовательно и *B* не нужно для *A*. Вотъ логика г. Усова. Но согласны ли факты съ такою логикой? Не говорю уже о согласіи съ требованіями *разума*. Рѣдко ли встрѣчаемъ мы отношенія не имѣющія характера равномерной взаимности? Часто лицо *A*, напримѣръ, вовсе не нужно лицу *B*; но при всемъ томъ однако случается что тѣмъ же менѣе лицо *B* очень нужно лицу *A*. Мало ли подобныхъ примѣровъ встрѣчаемъ мы въ природѣ? Растенія, напримѣръ, вовсе не нужны минераламъ, но напротивъ безъ минераловъ растенія не могутъ существовать. Животныя вовсе не нужны растеніямъ, но растенія необходимы для животныхъ. Человѣкъ существо лишнее для животныхъ, между тѣмъ животныя очень полезны человѣку. Не извѣстно ли изъ естественныхъ наукъ что высшія формы существованія требуютъ бытія формъ низшихъ? А между тѣмъ нельзя сказать этого, наоборотъ, о формахъ низшихъ относительно высшихъ. Отчего же бы не могло быть и такъ

что вопросъ о душѣ есть вопросъ *праздный* для физиологіи, хотя физиологія вовсе *не праздна* для психологіи? По крайней мѣрѣ логика г. Усова этого до сихъ поръ еще не доказала. Напротивъ, изъ его собственныхъ словъ мы рѣшаемся вывести совершенно другія заключенія.

Дѣло физиологіи, говоритъ г. Усовъ, изучать *лишь отпращленія* органовъ, *никакъ не больше*. Очень хорошо. Но позвольте спросить: такъ-называемыя психическія явленія, столь тѣсно связанныя съ дѣйствіемъ нервной системы, принадлежать ли они къ помянутымъ *отпращленіямъ органовъ* или нѣтъ? Если принадлежать, въ такомъ случаѣ физиологія *нужна* для психологіи. Если же *не принадлежать*, то откуда вы узнали это? Развѣ могли вы это узнать безъ помощи науки, которая занимается *спеціально* анализомъ *отпращлений* нервной системы?

Можетъ-быть, этотъ вопросъ не принадлежитъ къ вашей *спеціальности*, и потому вы не можете заняться его рѣшеніемъ. Положимъ что такъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ онъ былъ *праздный* для физиолога *какъ такового*, занимающагося анализомъ *отпращлений органовъ*? И слѣдуетъ ли изъ этого что физиологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* его рѣшенію? Отчего во всѣхъ физиологіяхъ толкуютъ объ *отпращленіяхъ*, называемыхъ *психическими* явленіями, извѣстныхъ *органовъ*, называемыхъ *нервною системою*? Еще болѣе: отчего нѣтъ физиологіи которая не говорила бы о *такъ-называемой душѣ*, если вопросъ о душѣ дѣйствительно есть *праздный* для физиолога *какъ такового*? Далѣе, отчего люди мыслящіе, и философы, и натуралисты, всегда толковали объ отношеніи психическихъ явленій къ физиологическимъ, если они другъ другу *не могутъ ни мѣшать, ни помогать*? Наконецъ, скажите пожалуста, откуда вы взяли *ваши* психологическія воззрѣнія? Изъ *психологіи* вы ихъ, вѣроятно, не взяли, ибо для васъ *какъ такового* вопросъ о душѣ есть *вопросъ праздный*; изъ *физиологіи* тоже нѣтъ, ибо по вашему мнѣнію физиологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* вашимъ *психологическимъ* воззрѣніямъ. Такъ что же остается? Ничего, кромѣ чистаго воздуха? А изъ него психологическихъ воззрѣній почерпать нельзя.

4. Но г. Усовъ самъ не совсѣмъ доволенъ своею вышеприведенною замѣткою. Онъ вѣроятно чувствовалъ что она не удовлетворяетъ вполне ни *логикѣ*, ни *психологіи*, ни *физиологіи*, и потому ссылается на авторитетъ физиолога Функе.

Онъ цитуетъ его *Lehrbuch der Physiologie*, т. II, 1864, стр. 4. * Приведенное мѣсто напечатано вѣрно, безъ ошибокъ. Кроме того, содержаніе его очень ясно и согласно съ воззрѣніями большинства не только физиологовъ, но и психологовъ. Единственный недостатокъ этого мѣста въ томъ что оно вовсе не касается предмета о которомъ говорить г. Усовъ и вовсе не подтверждаетъ мнѣнія его что физиологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать приватію существованія души. Все это однако не мѣшаетъ г. Усову предварить цитату изъ Функе слѣдующими словами, сказанными непосредственно послѣ вышеприведенной замѣтки: „Вотъ какъ говорить объ этомъ Функе“. Послѣ такого введенія, читатель естественно ожидаетъ подтвержденія словъ г. Усова. Не тутъ-то было. Въ напечатанномъ г. Усовымъ мѣстѣ Функе говорить не о значеніи физиологіи для психологіи, не о томъ *въ помощь или въ помощь* физиологіи психологіи, но только о невозможности объяснить вопросъ: *какимъ образомъ нервные клетки изъ электрическихъ токовъ или химическихъ движеній матеріи производятъ разные ощущенія?* (Wie die Nervenzellen aus elektrischen Strömchen oder chemischen Stoffbewegungen „Farben und Töne machen“). Правда, Функе говорить здѣсь и о томъ что этого вопроса не можетъ рѣшить ни физиологія, ни психологія при помощи физиологіи, ни теорія матеріализма, ни теорія идеализма. Словомъ, Функе утверждаетъ что вопросъ: *какъ изъ процессовъ матеріи производятся ощущенія, необъяснимы никакими средствами* (eine für Physiologie und Psychologie unbeantwortbare Frage). Далѣе онъ дѣйствительно, въ концѣ приведеннаго мѣста, требуетъ отъ физиологіи чтобы она, не обращая вниманія на всѣ преждевременныя рѣшенія этого вопроса, осталась вѣрною своему *матеріальному пути* и *физическими* средствами отыскивала матеріаль необходимый для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ и все содержаніе цитаты г. Усова изъ сочиненія Функе. Развѣ она чѣмъ-либо подтверждаетъ положеніе что физиологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать разработкѣ разныхъ психологическихъ вопросовъ, въ томъ числѣ и вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій, то-есть души? Развѣ психологія отрицаетъ что есть вопросы которыхъ до сихъ

* У меня въ рукахъ 3е изданіе этого сочиненія Функе, 1860. Здѣсь цитованное мѣсто на стр. 5 и слѣд.

поръ нельзя объяснить, и что къ нимъ принадлежитъ вопросъ *какъ* образуются *ощущенія*? Но развѣ такое признание недостатковъ нашего познанія въ одномъ отношеніи исключаетъ возможность рѣшенія всѣхъ вообще психологическихъ вопросовъ? Химія и физика не излишни для фізіологіи, хотя фізіологія и при ихъ содѣйствіи не можетъ рѣшить очень многихъ затрудненій.

Слова Функе, высказанныя въ концѣ цитаты, заключаютъ въ себѣ не что иное какъ только требованіе чтобы *фізіологія* оставалась *фізіологіей*, и не переходила въ область *философіи*, именно метафизики и психологіи. И въ этомъ отношеніи Функе совершенно правъ. Съ нимъ согласны всѣ философы и психологи, которые никогда не требовали чтобы фізіологія занималась *психологіей*, чтобы она отступила отъ своего *матеріальнаго* пути, отъ пути *внѣшняго* опыта. И если бы г. Усовъ не сказалъ ничего болѣе, мы не имѣли бы никакой причины противорѣчить ему. Но онъ идетъ далѣе. Онъ не только требуетъ чтобы фізіологія осталась фізіологіей, но кромѣ того отказывается *психологіи* въ правѣ заниматься изслѣдованіемъ разныхъ психологическихъ вопросовъ при помощи фізіологическихъ данныхъ, утверждая что фізіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи. Но отъ права воспользоваться фізіологіей психологія никогда не откажется. Фактическій матеріалъ, эмпирическіе результаты фізіологіи составляютъ собственность не однихъ фізіологовъ, но всего ученаго міра, и если психологія при своихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ находитъ для себя научныя пособія въ фізіологическихъ данныхъ, то никто не можетъ отказать ей въ правѣ воспользоваться этими пособіями.

Г. Усовъ можетъ, если ему угодно, критиковать *фізіологическую* часть психологіи, какъ психологи критикуютъ *психологическія* возрѣвнія фізіологовъ. Но такой научной критики фізіологическаго матеріала психологіи онъ не долженъ замѣнять голословнымъ утвержденіемъ что фізіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* рѣшенію самыхъ главныхъ психологическихъ вопросовъ. Пока г. Усовъ не докажетъ, на основаніи специального *психо-фізіологическаго* изслѣдованія, что фізіологія дѣйствительно не можетъ способствовать рѣшенію разныхъ задачъ психологіи, до тѣхъ поръ и въ будущемъ всѣ психологи безъ его позволенія будутъ пользоваться фізіологическимъ матеріаломъ и давать своимъ изслѣдованіямъ харак-

теръ *психо-физиологическій*, который возбуждаетъ такое странное негодование г. Усова.

5. При этомъ случаѣ кстати будетъ отвѣтить г. Усову на его, какъ онъ самъ говоритъ, *самое существенное возраженіе*, касающееся примѣненія естественныхъ наукъ къ рѣшенію нашего вопроса. Г. Усовъ здѣсь уже не утверждаетъ что методъ естественныхъ наукъ *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи; но за то упрекаетъ меня въ томъ что я не вѣрно понялъ и ошибочно примѣнилъ методъ естественныхъ наукъ.

Возраженіе это относится къ слѣдующимъ словамъ высказаннымъ мною на стр. 24 диссертациі. Я тамъ говорю: „Если естествоиспытатель встрѣчаетъ явленія, которыя представляютъ нѣчто особое, ничѣмъ неизяснимое на основаніи извѣстныхъ данныхъ силъ; если всѣ усилія свести явленія къ знакомымъ уже причинамъ не достигаютъ своей цѣли и убѣждаютъ что разбираемая явленія не истекаютъ изъ общаго источника: въ такомъ случаѣ естественныя науки, для изясненія такихъ явленій, принимаютъ всегда существованіе особыхъ силъ и причинъ, отличающихся отъ всѣхъ уже извѣстныхъ.“

На стр. 9 своихъ возраженій г. Усовъ прямо говоритъ что *такого методологическаго правила вовсе не существуетъ*. Но это у него не *серіозное мнѣніе*, ибо *дѣль* страницы ниже, т. е. на стр. 11, онъ самъ приводитъ это правило какъ *одно изъ требованій для принятія гипотетическаго начала*. Вотъ его слова: „Итакъ для принятія гипотетическаго начала естественными науками требуется: а) *чтобъ извѣстная группа явленій не разяснялась уже признанными наукою началами*; б) чтобы новое гипотетическое начало вполне разясняло само данную группу явленій, и в) чтобы существованіе новаго гипотетическаго начала доказывалось еще чѣмъ-либо.“

Каждый видитъ что приведенное мною *методологическое правило* составляетъ *первое* изъ требованій г. Усова. Слѣдовательно г. Усовъ не можетъ утверждать что такого методологическаго правила *вовсе не существуетъ*. Онъ можетъ сказать что оно недостаточно*, что оно должно быть дополнено еще другими требованіями и правилами, но оно *существуетъ* и по мнѣнію г. Усова.

* Конечно и это можетъ сказать онъ также неосновательно. См. статью П. Д. Юркевича: *Игра подслудныхъ силъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ* за апрѣль мѣсяць, стр. 753—754.

Впрочемъ это только незначительная логическая замѣтка. Перейдемъ къ самому предмету, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, не можемъ оставить въ покоѣ эту безлокойную логику.

Три вышериведенныя требованія г. Усова въ *общихъ* чертахъ совершенно вѣрны. Противъ перваго и третьяго я не возражаю ни слова, и кажется что этимъ требованіямъ удовлетворяетъ вполнѣ моя диссертация и по мнѣнію г. Усова. Что же касается до втораго изъ его требованій, то мы должны сказать что оно, во первыхъ, выражено не довольно точно, и кромѣ того, что требованіе это, будучи сведено къ своему истинному значенію, не заключаетъ въ себѣ никакаго упрека противъ моей диссертации.

Г. Усовъ говоритъ что для принятія какого-нибудь новаго начала требуется, между прочимъ, чтобъ это новое начало *вполнѣ* разъясняло само данную группу явленій.

Здѣсь слово *вполнѣ* вполнѣ неточно. Никакимъ образомъ нельзя сказать что принятіе какого-нибудь новаго начала зависитъ отъ того разъясняетъ ли оно данную группу явленій *вполнѣ* или *не вполнѣ*. При настоящемъ состояніи человѣческаго знанія нѣтъ ни одного начала разъясняющаго *вполнѣ* извѣстную группу явленій. И *свѣтовой эфиръ*, на который г. Усовъ ссылается какъ на примѣръ начала удовлетворяющаго его тремъ требованіямъ, не разъясняетъ *вполнѣ* всѣхъ безъ исключенія явленій свѣта. Несмотря на принятіе *свѣтового эюра*, физика до сихъ поръ еще не довела насъ до *полнаго* научнаго знанія свѣта, его сущности и явленій.

Полнота въ разъясненіи извѣстной группы явленій не считалась и не считается ни самыми эмпирическими естествоиспытателями, ни строжайшими логиками, необходимымъ условіемъ принятія какого-нибудь новаго начала, еще притомъ *гипотетическаго*. Это требованіе преувеличено и примѣнено г. Усовымъ исключительно къ вопросу о самостоятельномъ началѣ *душевныхъ* явленій. Все что естествоиспытателями и логиками требуется отъ *новаго начала* для *разъясненія* данной группы явленій состоитъ только въ томъ чтобъ оно разъясняло эти явленія *полнѣе*, *вѣрнѣе* и *точнѣе* нежели всѣ другія приводимыя начала. Это большая разница. Теорія свѣтового эюра, теорія атомовъ и т. д. приняты физикой и химіей не потому что эти теоріи *вполнѣ* разъясняютъ соответственныя явленія, — онѣ этого не дѣлаютъ, — но только потому что онѣ разъясняютъ эти явленія *полнѣе*, *вѣрнѣе* и *точнѣе* чѣмъ всѣ другія возможныя теоріи.

Слѣдовательно и отъ принятія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій нельзя требовать чтобъ оно *только* разъясняло такъ-называемыя психическія явленія, но требуется только чтобъ оно разъясняло эти явленія *полнѣе, ширинѣ и точнѣе* нежели всѣ другія теоріи, напримѣръ теоріи матеріалистическія и физиологическія. Преувеличивая свои требованія до крайности относительно вопроса о душѣ, г. Усову легко было сказать что это вопросъ *праздный*, но по недостатку хладнокровнаго логическаго анализа онъ совсѣмъ забылъ поставить себѣ вопросъ: не объясняются ли психическія явленія *болѣе* на основаніи принятія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть *души*, нежели на основаніи простыхъ процессовъ *матеріи*? И пока г. Усовъ не разберетъ этого вопроса съ нужною логическою и психическою точностью, до тѣхъ поръ онъ не въ правѣ выступать ни *противъ*, ни за принятіе души, и не въ правѣ называть вопросъ о душѣ *празднымъ*.

Однако что касается того насколько я самъ въ своей диссертациі удовлетворилъ вышеприведенному требованію *объясненія* данной группы явленій, то я вкратцѣ долженъ сказать слѣдующее:

Объясненіе всѣхъ психическихъ явленій на основаніи понятія о *душѣ* не было задачей моей диссертациі. Такое объясненіе составляетъ задачу *полнаго изложенья психологіи*. Только оно опредѣляетъ ближе и развиваетъ понятіе о душѣ на основаніи подробнаго анализа психическихъ явленій; только такое полное изложеніе психологіи можетъ указать на то *каково* должно быть понятіе о душѣ чтобъ оно могло служить основаніемъ и объясненіемъ различныхъ явленій психической жизни. Напротивъ, въ моей диссертациі, на стр. 13 и слѣд., я ясно высказалъ что *ближайшее опредѣленіе души*, а слѣдовательно и *объясненіе* психическихъ явленій, лежитъ внѣ моей задачи, что при вопросѣ о *существованіи* души я не имѣю въ виду *понятія о душѣ по той или другой психической теоріи*, потому что всѣ такія ближайшія опредѣленія и объясненія психической жизни *находятся совершенно внѣ нашего вопроса и основываются на предыдущемъ рѣшеніи онаго*.

Слѣдовательно я совершенно ясно опредѣлилъ границы моего изслѣдованія и съ научною точностью держался обозначенныхъ границъ; я не спрашивалъ *какова* душа и *какимъ* образомъ понятіе о душѣ *объясняетъ* разнородныя явленія

психической жизни; я спрашивалъ только имѣютъ ли такъ-называемыя психическія явленія особое начало или нѣтъ? Кажется что не трудно понять разницу между однимъ *существованіемъ* какого-нибудь предмета и ближайшимъ *опредѣленіемъ* его *качествъ и свойствъ*.

Вообще г. Усовъ слишкомъ много говоритъ объ *объясненіи* психическихъ явленій и слишкомъ мало о настоящемъ предметѣ моей диссертациі, то-есть о *началѣ* этихъ явленій въ сравненіи съ явленіями физическими и физиологическими. Весь ходъ моей диссертациі и всю *силу* моего доказательства г. Усовъ свелъ къ одному понятію *объясненія*, какъ это доказываетъ приведенный имъ на стр. 9 силлогизмъ, о которомъ онъ говоритъ что вся моя диссертациа основана на немъ. Между тѣмъ силлогизмъ этотъ не совсѣмъ точенъ, именно потому что оставляетъ въ сторонѣ *главную* силу моего доказательства. Вслѣдствіе того, желая навести г. Усова на *точное* пониманіе моей диссертациі, я принужденъ представить ему слѣдующій силлогизмъ, заключающій въ себѣ *всю* силу моего доказательства, не только ея частицу.

Моя первая посылка слѣдующая: Начало такъ-называемыхъ психическихъ явленій можетъ быть только двойное, то-есть либо *физическое*, похожее на всѣ другія физическія силы и зависящее наравнѣ съ ними отъ общихъ законовъ *физической* природы, либо какое-нибудь другое, *самостоятельное* относительно этихъ силъ.

Посылка вторая: Подробный анализъ психическихъ явленій и ихъ сравненіе съ физическими показываютъ что начало психическихъ явленій *не можетъ* быть *физическое*.

Заключеніе: Слѣдовательно психическія явленія основываются на какомъ-нибудь другомъ *самостоятельномъ* началѣ.

Въ моей диссертациі я доказываю не только что такъ-называемыя психическія явленія *не объясняются* физиологическими и физическими началами,—на что г. Усовъ вполнѣ соглашается,—но кромѣ того я доказываю,—а этого г. Усовъ не благоволилъ замѣтить,—что психологическія явленія *противорѣчатъ* *всѣмъ физиологическимъ основаніямъ нервной системы*, что обѣ эти группы явленій никоимъ образомъ *не могутъ* быть выводимы изъ *одного и того же* начала. При анализѣ каждаго психическаго явленія я указываю на это *противорѣчіе*, на эту *основную разницу* обохъ родовъ явленій. Желая доказать несомнительность моего изслѣдованія, нужно было заняться

анализомъ приводимыхъ мною явленій, рассмотретьъ разницы указанныя мною и убѣдиться на сколько эти разницы существенны или нѣтъ. Вотъ задача *научной* критики моей диссертации съ физиологической точки зрѣнія. Г. Усовъ, къ сожалѣнью, о *такой* критикѣ и не думалъ! Такой критики отъ него и въ будущемъ ожидать не можемъ, пока онъ не оставитъ убѣжденія что физиологія *не можетъ ни писать, ни помогать* рѣшенію вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

III.

1. Въ предыдущей главѣ мы доказали что не только *психологія*, но и *физиологія* необходимы для рѣшенія нашего вопроса о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*. Слѣдовательно, рассматривая *матеріалы* нужные для разработки этого вопроса, мы должны обратить наше вниманіе какъ на матеріалъ относящійся къ психологіи, то-есть *психологическій*, такъ и на матеріалъ почерпнутый изъ физиологіи, то-есть *физиологическій*. Приступимъ здѣсь сперва къ рассмотрѣнію *психологическаго* матеріала.

Психологическій матеріалъ нужный для рѣшенія нашего вопроса, какъ вообще каждый научный матеріалъ, можетъ быть или *собственный*, или почерпнутый изъ *чужаго свидѣтельства*. Къ *собственному* психологическому матеріалу мы причисляемъ всѣ собственные новыя психологическія замѣчанія и наблюденія которыхъ нѣтъ въ другихъ трудахъ. Къ матеріалу чужому, напротивъ, принадлежитъ все то что почерпнуто изъ чужихъ трудовъ, то-есть изъ литературы психологіи.

Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего предмета мы постоянно будемъ имѣть въ виду эту разницу между *собственнымъ* и *чужимъ* матеріаломъ: не для того чтобы безпрестанно говорить о самомъ себѣ — это не наша привычка, — но для того чтобы защищать нашу научную самостоятельность противъ неожиданныхъ *подспудныхъ* нападковъ. Подобная защита нашей самостоятельности *вынуждена* у насъ, и потому читатель не станетъ смѣшивать ее съ самодовольствомъ, которое ищетъ случая указывать другимъ на свою собственность, то матеріальную, то интеллектуальную.

2. Эту защиту нашей оригинальности мы начнемъ анализомъ оригинальнѣйшей мысли *Подспуднаго материализма* г. Аксѣва.

На стр. 5 до 12 ламфлета издавнаго подь этимъ заглавіемъ г. Аксаковъ старается доказать что критикуя матеріализмъ, я самъ высказываю матеріалистическія положенія. Чтобъ указать на значеніе подобнаго критическаго и оригинальнаго открытія, мы прежде всего обратимъ наше вниманіе на то что, по мнѣнію г. Аксакова, называется *материализмомъ*.

На стр. 5 мы читаемъ что *дѣятельность психическую приписываетъ матеріализмъ чаще всего особой (1) психической силъ, и что эту силу называетъ онъ тожеъ душою*. На стр. 8 г. Аксаковъ причисляетъ меня къ *материалистамъ*, за высказанное мною мнѣніе что „отличіе души отъ началъ физическихъ явленій не составляетъ еще никакой абсолютной противоположности этихъ явленій, исключяющей вообще для нихъ и для души основаніе“ (стр. 15 диссертациі). Далѣе на стр. 16 г. Аксаковъ усматриваетъ подтвержденіе моего *подспуднаго матеріализма* въ томъ обстоятельстве что я на диспутѣ не признавалъ различія между силою *физической и силою душевною*, и что вслѣдствіе того призналъ существованіе извѣстной душевной силы и въ растеніяхъ. А на этой же страницѣ г. Аксаковъ высказалъ ясно какъ онъ понимаетъ матеріализмъ, говоря: „Вѣдь и всѣ совершенные матеріалисты видятъ причину душевной дѣятельности не въ движеніи, телѣ или электричествѣ, но въ *особой*, хотя и однородной съ ними силѣ, которую и называютъ они, въ отличіе отъ остальныхъ силъ природы, силою *нервной, витальной, психической*.“

Если г. Аксаковъ все это называетъ *материализмомъ*, то я долженъ ему откровенно сказать что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о *материализмѣ*, ни о *спиритуализмѣ*, ни вообще о какомъ-нибудь научномъ направленіи въ психологіи. Далѣе, еще болѣе я долженъ ему сказать что изъ подобнаго рода опредѣленій матеріализма видно что онъ не читалъ толково съ начала до конца ни сочиненія Ульрици *Gott und der Mensch*, ни *Антропологию* Фихте, на которыя онъ такъ часто ссылается. Изъ обоихъ этихъ сочиненій онъ получилъ бы совершенно другое понятіе о матеріализмѣ. Изъ этихъ сочиненій онъ бы узналъ что нѣтъ ни одного *материалиста* который бы признавалъ существованіе *особой психической силы*, но что всѣ они объясняютъ психическія явленія *исключительно изъ физическихъ, матеріальныхъ* процессовъ. Подобно тому какъ нѣтъ ни одного матеріалиста который бы принималъ существованіе *особой витальной силы*. Всѣ матеріалисты безъ

всякаго изъятія нападаютъ на такое принятіе и выводятъ *всѣ жизненные явленія* изъ однихъ переменъ и движеній *матеріи*. * Далѣе, изъ этихъ же сочиненій, г. Аксаковъ узналъ бы что понятіе *силы вообще* еще вовсе не тождественно съ понятіемъ о *физической силѣ*, и что всѣ психологи *нематериалисты* говорятъ о *психической духовной силѣ* въ отличіе отъ *силы физической*, отъ простыхъ процессовъ *матеріи*. Изъ этого слѣдуетъ что примененіе закона *отношенія* физическихъ силъ къ силѣ *психической*, о которомъ толкуетъ г. Аксаковъ на стр. 10, служить лишь доказательствомъ что онъ смѣшиваетъ самыя элементарныя понятія нашего предмета. **

* Чтобы дать г. Аксакову понятіе о воззрѣніяхъ материалистовъ, которыхъ сочиненій онъ до сихъ поръ, въ своей спиритуальной невинности, повидимому,] вовсе не читалъ, я позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько положеній, не [Фохта или Молешотта, но одного изъ *другихъ* материалистовъ, упомянутыхъ мною на стр. 28, въ перечлѣ литературы. Докторъ медицины г. Рейхъ высказалъ слѣдующія положенія въ своемъ обширномъ сочиненіи *Die allgemeine Naturlehre des Menschen*, 1865, стр. 29 и слѣд.: „Der Glaube an eine besondere Seele resultirt aus der *Gehirnschwäche* und *Voreingenommenheit* der Profanen.“ Стр. 76: Die Seele ein Gebilde *erhitzter Phantasie*. Стр. 104: ein *Hirngespinnst*. На стр. 245, говоря о *сдалищѣ души*, Рейхъ замѣчаетъ: „Wir brauchen noch viel weniger an solcher Fragen Beantwortung zu denken, weil eine Seele für uns überhaupt nicht existirt.“ Стр. 257: „Die Naturwissenschaft, wenn man ihre Wahrheiten richtig versteht, liefert tausendfältig den Beweis dass eine besondere Seele nicht existirt.“ На стр. 481 онъ называетъ принятіе особой *вещной силы* *eine hirnlose Annahme* и т. д. и т. д.

** Если г. Аксаковъ желаетъ ближе познакомиться съ разными затрудненіями относящимися къ точному опредѣленію понятій о *психической* и *физической* силахъ, то я советую ему прочесть со вниманіемъ слѣдующіе труды: введеніе ко второму тому сочиненія Фордаге, *System der Psychologie als empirischer Wissenschaft aus der Beobachtung des innern Sinnes*, 1855, особенно статью: *Der psychologische Kraftbegriff* и *Der physikalische Kraftbegriff*. Далѣе статью Лотце: *Leben und Lebenskraft*, въ Вагнера *Handwörterbuch der Physiologie*, т. I, особенно стр. XVII и слѣдующія, и соответственныя части другихъ приведенныхъ въ моей диссертациі сочиненій этого философа и физиолога. Далѣе введеніе Фехнера къ *Психофизикѣ*, и этого же философа и физика сочиненіе *Ueber die physikalische und philosophische Atomlehre*. 2 изд. 1864. Наконецъ обширное и основательное изложеніе ученія о *силѣ* и *силахъ* въ сочиненіи Уайриде

Далѣе, изъ этихъ же и другихъ психологическихъ сочиненій, г. Аксаковъ могъ уже давно узнать что есть психологи *не-материалисты* отрицающіе вовсе существованіе *особой* силы жизни, силы *витальной* *, и другіе, тоже не имѣющіе ничего общаго съ материализмомъ, которые соединяютъ силу *психическую* съ силою *витальною* въ одно, не признавая никакой разницы между этими силами. **

Далѣе, еслибы г. Аксаковъ читалъ приведенныя мною на стр. 38 диссертациі мѣста изъ Фехнеровой *Психофизики*,

Gott und die Natur, 2 изд. 1866, стр. 30 и *слѣдующія* до того мѣста гдѣ г. Аксаковъ можетъ освѣдомиться что Ульрици понимаетъ подъ словомъ *psychische Kraft*.

* Такъ напримѣръ Лотце въ приведенной выше статьѣ *Leben und Lebenskraft* отрицаетъ существованіе такой силы. Съ нимъ вполне согласенъ и физиологъ Фикъ, котораго я цитую на стр. 38 диссертациі, и котораго г. Аксаковъ, не знаю на какомъ основаніи, причисляетъ тоже къ *материалистамъ*. Это доказываетъ что г. Аксаковъ не читалъ ни приведенныхъ мною мѣстъ изъ Фика *Compendium der Physiologie*, въ которыхъ этотъ физиологъ высказываетъ свое сочувствіе философскимъ воззрѣніямъ Лотце, ни даже мѣстъ изъ физиологіи чувствъ, приведенныхъ въ сочиненіи Ульрици *Gott und der Mensch* стр. 190. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ Фикъ признаетъ что единичное зрѣніе при двухъ глазахъ есть результатъ не однихъ *физиологическихъ* процессовъ, но соединеннаго съ ними *психического* дѣйствія. Такого допущенія не дѣлаетъ ни одинъ *материалистъ*. При этомъ случаѣ замѣтимъ что подобнымъ образомъ ни Людвигъ, ни Дюбуа-Реймонъ не могутъ служить *примѣрами* материализма, какъ полагаетъ г. Аксаковъ на стр. 6. Они *скептики* въ отношеніи ко всякимъ вообще *метафизическимъ* воззрѣніямъ, и потому *нигдѣ* съ рѣшительностью не высказываютъ ни *материалистическихъ*, ни *спиритуалистическихъ* воззрѣній. Весь ихъ *материализмъ* сводится къ требованію чтобъ естественныя науки держались метода *материальнаго* объясненія явленій. Но на это соглашаются и *естествоиспытатели-спиритуалисты*. Обо всемъ этомъ г. Аксаковъ еще не имѣлъ случая узнать; ему еще довольно времени учиться началамъ философіи. Со временемъ онъ узнаетъ сколько мудрости въ его словахъ: „Вѣдь называютъ же начало душевныхъ явленій *самостоятельнымъ* и материалисты, какъ напримѣръ Фикъ, Дюбуа-Реймонъ, Людвигъ и др.“

** *Психическую* и *витальную* силу отождествляютъ всѣ такъ-называемые *анимисты*, о которыхъ будетъ рѣчь ниже при анализѣ Фаурансова *poem d vital*.

онъ узналъ бы что этотъ философъ, олять вовсе не матеріалистъ, допускаетъ что животныя раздѣленные на двѣ части и сохраняющія *жизнь* въ обѣихъ раздѣленныхъ частяхъ, представляютъ примѣръ раздѣленія *одной* души на двѣ части.*

Наконецъ еслибы г. Аксаковъ читалъ мѣста изъ сочиненій Лотце, цитованныя мною на стр. 16 диссертациі, то онъ узналъ бы что понятіе о *бытіи* исключаютъ всѣ абсолютныя противорѣчія, слѣдовательно и абсолютное противорѣчіе между *матеріею* и *духомъ*, не ведетъ еще ни къ какому матеріализму ни *поверхностному*, ни *подспудному*.

Но мы не хотимъ продолжать этихъ замѣчаній, доказывающихъ совершенную невинность моего критика въ вопросахъ психологіи. Скажу только что не имѣя ни малѣйшаго понятія объ элементарныхъ началахъ психологіи, нельзя *добросовѣстному* литератору взяться за критику спеціальнаго изслѣдованія о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*. Поэтому я и не думаю заниматься критикой метафизическихъ мудростей г. Аксакова относительно понятій о *матеріи* и *духѣ*, о *причинѣ* и *силѣ*, объ общихъ и не общихъ основаніяхъ *бытія* и т. п. Всѣ эти понятія г. Аксакова стоятъ ниже всякой критики, потому что они не основаны ни на исторіи философіи, ни на знаніи современныхъ ея направлений. Я протестую только противъ того что г. Аксаковъ развиваетъ *мои* понятія о душѣ *по-своему*. Онъ разбираетъ вопросъ *матеріальна ли или не матеріальна* душа по моему воззрѣнію, и приписываетъ душѣ разныя *качества* и *свойства* отъ моего имени, хотя для этого не имѣлъ онъ ни малѣйшаго основанія. Я опредѣлилъ душу лишь какъ *самостоятельное начало психическихъ явленій* и больше ничего. И на стр. 13 и слѣдующихъ ясно высказалъ что такое понятіе о душѣ есть *предварительное, методологическое*, между тѣмъ какъ „всякое ближайшее опредѣленіе души, и тѣмъ болѣе полное и окончательное понятіе о ея сущности, требуетъ критическаго изученія всѣхъ ея явленій и качествъ.“ Вотъ *мое* мнѣніе о *моемъ* собственномъ опредѣленіи души данномъ въ диссертациі. Я не признаю за г. Аксаковымъ права развивать *по-своему мое* понятіе о душѣ.

3. Самый главный *психологическій матеріалъ* для разра-

* См. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860. Т. II, стр. 413 и слѣд. и 536 и слѣд.

ботки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій мы встрѣчаемъ въ самихъ психическихъ фактахъ и явленіяхъ, именно въ *сознаніи, мышленіи, чувствованіи и волѣ*. Естественно что я въ своей диссертациіи обратилъ вниманіе на эти явленія и на ихъ психологическое содержаніе. Главная часть моей диссертациіи, отъ стр. 35 до 92, посвящена разработкѣ этого психологическаго матеріала въ сравненіи съ физиологическими данными.

Относительно *сознанія* я разбираю подробно его основныя явленія: *единство, самонаблженіе и тождество*. При анализѣ *мышленія* я разбираю дѣйствія относящіяся, какъ самъ я говорю, по большей части къ непосредственной связи мышленія со внѣшнимъ міромъ, именно *вниманіе, дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, и наконецъ представленія и понятія*. Далѣе, при анализѣ *чувствованія* и *фантазіи*, я указываю на различныя психическихъ дѣятелей вызывающихъ въ тѣлѣ измѣненія которыя нерѣдко принимаютъ характеръ патологической. Наконецъ, при анализѣ *воли* я разбираю подробно три ея момента: *идеальную законность, самостоятельную инициативу и энергію*.

Въ своей брошюрѣ г. Аксаковъ, на страницѣ 14, говоритъ прямо что такой *планъ* моей диссертациіи чрезвычайно *близокъ* къ плану большинства сочиненій специально посвященныхъ полемикѣ съ матеріализмомъ, и въ особенности къ плану извѣстной книги Ульрици *Gott und der Mensch*, а въ другихъ мѣстахъ этотъ же самый *добросовѣстный* юный литераторъ утверждаетъ что все содержаніе моей диссертациіи *взято* изъ сочиненій Ульрици, Фихте и Жана.

Въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* многочисленными цитатами я доказалъ всю ложность и недобросовѣстность подобныхъ обвиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ подкрѣпить свои указанія *текстуально*. Но такое *текстуальное* обличеніе моего критика и безъ меня послѣдовало уже въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Въ № 4 *Русскаго Вѣстника* уважаемый профессоръ П. Д. Юркевичъ занялся очень скучнымъ трудомъ доказать губликѣ что всѣ свидѣтельства относительно сходства моей диссертациіи съ книгами Ульрици, Фихте и Жана сплошь ложны. Многочисленныя выписки изъ книгъ Ульрици, Фихте и Жана. напечатанныя рядомъ съ выписками изъ моей диссертациіи, показываютъ съ *очевидностью*, не допускающею

никакого сомнѣнія, что ни въ словахъ, ни въ воззрѣнiяхъ, ни въ обсужденiяхъ, я не держался ни одного изъ этихъ авторовъ, даже и тамъ гдѣ говорю объ одномъ съ ними предметѣ и гдѣ на ихъ сочиненiя ссылаюсь.

Уличенiе это я считаю вполне достаточнымъ и думаю что читатели послѣ *такого* уличенiя поняли всю волюющую несправедливость которой подвергся мой скромный, но по крайней мѣрѣ честный и добросовѣстный трудъ. Здѣсь я укажу главнымъ образомъ на тѣ части моей диссертации которыя остались нетронутыми лжесвидѣтелемъ, и которыя уже сами указываютъ на самостоятельность моего психологическаго материала и моей обработки его.

4. Прежде всего нужно замѣтить что г. Аксаковъ оставляетъ въ локоѣ три первыя вступительныя главы моей диссертации. Между тѣмъ разобранные въ нихъ предметы очень важны для нашего вопроса. Такъ первая глава говоритъ о *значенiи* вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленiй въ *религиозномъ* и *нравственномъ*, въ *метафизическомъ* и *методологическомъ* отношенiяхъ. Во второй главѣ идетъ рѣчь о *методѣ* изслѣдованiя нашего вопроса. Здѣсь указывается на предварительное методологическое *понятiе о души*, далѣе на *полную неудовлетворительность* такъ-называемаго *нравственнаго* метода при рѣшенiи нашего вопроса; на *недостаточность* одного *физиологическаго* метода, и наконецъ развиты нѣкоторыя методологическiе приемы выведенныя изъ примѣненiя метода естественныхъ наукъ къ нашему вопросу. Третья глава заключаетъ въ себѣ довольно полный перечень новѣйшихъ сочиненiй относящихся къ нашему вопросу, какъ материалистовъ, такъ и противниковъ материализма, съ отдѣльнымъ указанiемъ на сочиненiя *естествоиспытателей* и сочиненiя *философовъ*.

Содержанiя этихъ трехъ главъ г. Аксаковъ не нашелъ ни въ книгахъ Ульрици, Фихте и Жане, и ни въ какомъ другомъ сочиненiи *специально посвященномъ полемикѣ съ материализмомъ*. Однако содержанiе это необходимо для полноты и методичности *монографii* посвященной разработкѣ одного изъ многочисленныхъ психологическихъ вопросовъ.

5. Перейдемъ къ указаннымъ выше психологическимъ явленiямъ.

Всѣ якобы улики г. Аксакова вмѣстѣ взятыя относятся

лишь къ моему анализу *единства* сознанія, *вниманія* и *вліянія фантазіи* на организмъ.

Профессоръ Юркевичъ сравнилъ *подробно и текстуально* мою обработку этихъ трехъ пунктовъ съ указанными г. Аксаковымъ страницами изъ сочиненій Ульрици, Фихте и Жана. Къ этому подробному и текстуальному сравненію мнѣ придется прибавить очень мало. Но кромѣ этихъ трехъ пунктовъ, я говорю еще о многихъ предметахъ которые самими г. Аксаковымъ признаются и оригинальными, и самостоятельными, или, какъ онъ выражается, *особыми*. Взглянемъ на это ближе. Мы должны здѣсь обратить наше вниманіе прежде всего на второй и третій моментъ сознанія, то-есть на его *самонаблюденіе* и *тождество*.

Отличіе *самонаблюденія* отъ *сознанія* г. Аксаковъ, на страницѣ 18, прямо называетъ *оригинальною, но положительною нелпостью*. Въ опроверженіе этой психологической мудрости моего пронципательнаго критика уже профессоръ Юркевичъ на страницѣ 736 и слѣд. своей статьи указалъ на круглое невѣжество г. Аксакова въ вопросахъ психологіи; ибо „*собственный опытъ* долженъ бы убѣдить его что сознаніе еще не есть необходимо *самонаблюденіе*, потому что самонаблюденіе есть источникъ мнѣній и сужденій отчетливыхъ, разумныхъ, основательныхъ; нелѣпости же и противорѣчія доказываютъ отсутствіе самонаблюденія, но не сознанія“.

Я къ этому прибавляю что, имѣя, напримѣръ, г. Аксакова предметомъ психологическаго наблюденія, не могу отказать ему въ *сознаніи*, но на основаніи эмпирико-психологическихъ данныхъ, я отказываю ему рѣшительно во всякомъ *самонаблюденіи*.

О моемъ анализѣ *постоянства* и *тождества* сознанія г. Аксаковъ самъ благоволилъ сказать, на страницѣ 19, что этотъ анализъ есть „звено самостоятельной части“ моего труда, и что оно заключаетъ въ себѣ „довольно ясное и толковое изложеніе мыслей“. Но мой строгій критикъ опасался что я слишкомъ обрадуюсь такой великодушной похвалѣ, и потому нужно было ее подчеркнуть чѣмъ-нибудь. Однако къ чему же придаться ежели все *ясно* и *толково*? Вотъ гениальная мысль! Юный литераторъ беретъ диссертацию въ руки и считаетъ страницы на которыхъ я говорю о постоянствѣ сознанія. Результатъ: „пять страницекъ!“ И вотъ придирка готова. Все *ясно* и *толково* въ моемъ изложеніи еслибы

не то великое преступленіе что о тождествѣ означенія я говорю лишь на *пяти страничкахъ*. По мнѣнію моего юнаго лектора, было бы лучше говорить объ этомъ предметѣ *ясно и толково* на *пятидесяти* страницахъ чѣмъ говорить *ясно и толково* лишь на *пяти!*

6. Мое изложеніе перваго момента мышленія, то-есть *вниманія*, сходно снова, по г. Аксакову, съ изложеніемъ этого предмета у Ульрици. На страницѣ 19 г. Аксаковъ утверждаетъ что изъ страницъ 297 до 303 книги Ульрици я *букально скопировалъ* и ссылки на астрономовъ Бесселя и Струве и физиолога Вебера, и всѣ *заключенія* находящіяся на 55 и 56 страницахъ моей диссертациі.

Послѣ помянутаго выше *текстуальнаго* уличенія ложныхъ указаній г. Аксакова, читатель не потребуетъ чтобы я и при этомъ предметѣ напечаталъ рядомъ выписки изъ Ульрици и изъ моей диссертациі. Въ *мое* оправданіе, я думаю, довольно напечатано рядомъ текстовъ; теперь очередь за г. Аксаковымъ подкрѣпить свои указанія *текстами*, напечатать рядомъ всѣ сходныя мѣста моей диссертациі съ мѣстами книги Ульрици. Я настоятельно *требую* отъ г. Аксакова этой очной ставки. Онъ это и сдѣлаетъ, если принадлежитъ къ *честнымъ* писателямъ, которые не высказываютъ подобнаго рода вообще нешуточныхъ обвиненій, когда не могутъ подкрѣпить ихъ текстами. Дѣло дошло до того что одніѣ ссылки и указанія недостаточны для того чтобы публика могла вѣрить г. Аксакову. Нужна очная ставка текстовъ. Иначе сдѣдуетъ повиноваться....

Но чтобы и здѣсь нѣсколькими примѣрами указать на *добросовѣстность* г. Аксакова, остановлю на минуту вниманіе терпѣливаго читателя на сравненіи моихъ ссылокъ со ссылками Ульрици относительно ученія о *вниманіи*.

Волервыхъ, что касается Бесселя, то на страницѣ 55 своей диссертациі я говорю о немъ *букально* такъ: „Математикъ и психологъ Дробишъ упоминаетъ въ своей *Психологии* (въ ссылкѣ: Drobisch, *Empyrische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode*. 1842, стр. 82 и слѣд.) что знаменитый астрономъ Бессель предпринималъ различныя изслѣдованія и т. д.“

По какому праву, спрашиваю я весь литературный міръ, по какому праву кто-либо можетъ публично сказать что я ссылки на Бесселя *взялъ* изъ Ульрици, когда я такъ ясно и

положительно указываю на страницы *Психологii* Дробша, въ которой говорится о Бессель обширно? Дѣйствительно, это уже *татарское право!*

Далѣе, то же самое право примѣнено и къ моей цитатѣ астронома Струве. Ульрици цитуетъ на страницѣ 298 *буквально* такъ: „Vgl. Struve, *Expédition chronométrique etc. Pétersb.* 1844, pag. 29.“ Моя цитата вовсе не *буквально* похожа на цитату Ульрици, какъ утверждаетъ г. Аксаковъ. На страницѣ 56 диссертации я цитую такъ: „Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843* p. 29.“

Спрашиваю, откуда я взялъ добавку въ моей цитатѣ „*exécutée en 1843*“, которой нѣтъ у Ульрици? Не видно ли уже изъ этой добавки что я имѣлъ въ рукахъ или подлинникъ, или какой-нибудь другой специальный источникъ, въ которомъ я нашелъ это дополненіе заглавія помянутаго сочиненія? А можетъ-быть я имѣлъ въ рукахъ и подлинникъ, и еще другой общій съ Ульрици источникъ. Такъ и есть.

Г. Аксаковъ говоритъ что я привожу статью Вебера *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagner Handwörterbuch der Physiologie*, Т. III, 2 отдѣл., хотя ея, по его мнѣнію, я не имѣлъ въ рукахъ. Имѣлъ ли г. Аксаковъ въ рукахъ Вебера? Повѣрилъ ли онъ мою цитату, общую съ цитатою Ульрици, именно страницу 488 помянутой статьи Вебера? О моей второй ссылкѣ на Вебера, которой нѣтъ у Ульрици, я не говорю.

Добросовѣстный критикъ взялъ бы Вебера и посмотрѣлъ бы на приведенныя имъ самими страницы этого сочиненія. Но г. Аксаковъ не принадлежитъ къ такимъ критикамъ. Потому я принужденъ сказать ему что находится у Вебера на указанной и мною и Ульрици страницѣ 488. Вотъ подлинныя слова Вебера:

„Was wir successiv vollbringen, glauben wir gleichzeitig auszuführen; die genaueren Untersuchungen von Bessel scheinen im Gegentheil zu beweisen, dass man sich nicht völlig gleichzeitig eine Gesichtsempfindung und eine Gehörsempfindung vorstellen könne.“

Непосредственно послѣ имени Бесселя сдѣлана у Вебера слѣдующая подлинная ссылка:

„Bessel, *Astronomische Beobachtungen. VIII Abtheilung. Königsberg, 1823. Einleitung.* Der Unterschied zeigte sich zwischen Bessel und andern Beobachtern bis etwas über 1 Secunde.

Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843 entre Poulkova et Altona*. St.-Petersbourg. 1844. pag 29. Bei den hier mitgetheilten Beobachtungen geht der Unterschied nicht über $\frac{1}{10}$ einer Secunde.“

Что слѣдуетъ изъ этихъ словъ Вебера въ сравненіи съ теми ссылками и со ссылками Ульрици на астрономовъ Бесселя и Струве? Во первыхъ, слѣдуетъ то что ссылка Ульрици на сочиненія этихъ астрономовъ *буквально* сходна со ссылкой Вебера, съ тою единственно разницею что въ ссылкѣ Ульрици не достаетъ семи послѣднихъ словъ изъ заглавія сочиненія астронома Струве. Далѣе слѣдуетъ что моя ссылка на это послѣднее сочиненіе заключаетъ въ себѣ три слова: *exécutée en 1843*, которыхъ нѣтъ у Ульрици, которыя однако входятся у Вебера.

Изъ всего этого такой выводъ: если я не имѣлъ въ рукахъ подлинника, то не могъ взять цитату изъ Ульрици, а развѣ только изъ Вебера. Слѣдовательно ложь что я взялъ цитату изъ Ульрици и восторыхъ ложь что я не имѣлъ въ рукахъ Вебера. Далѣе, если я не имѣлъ въ рукахъ подлинныхъ сочиненій упомянутыхъ астрономовъ, на томъ основаніи что объ этихъ сочиненіяхъ упоминаетъ уже Ульрици, то и Ульрици не имѣлъ въ рукахъ подлинниковъ, потому что его ссылки *буквально* сходны со ссылками Вебера.

Вотъ *уголовная* логика г. Аксакова. Между тѣмъ я увѣряю г. Аксакова что цитованныя сочиненія астрономовъ Бесселя и Струве имѣли въ рукахъ и Дробишъ, на котораго я сослался и Веберъ, и Ульрици, и я, а ихъ въ рукахъ *не* имѣлъ лишь г. Аксаковъ. Если же нашего юнаго литератора поражаетъ то обстоятельство что Веберъ говоритъ о Бесселѣ въ 1846 году, не упоминая однако что о Бесселѣ говорилъ уже Дробишъ въ 1842 году, далѣе что Ульрици цитуетъ Бесселя и Струве *буквально* сходно съ Веберомъ, не говоря однако что эту цитату *взялъ* изъ Вебера, и наконецъ что я, не упоминая объ Ульрици, привожу этихъ же астрономовъ со ссылками на Дробиша и Вебера, которые говорили обо всемъ этомъ за *двадцать* слѣдующихъ лѣтъ до изданія книги Ульрици,—то причина такого поразительнаго для г. Аксакова факта очень проста и состоитъ въ томъ что изъ насъ всѣхъ одинъ лишь г. Аксаковъ никогда въ жизни не видалъ ни психологіи Дробиша ни статьи Вебера, ни сочиненій астрономовъ Бесселя и Струве, хотя въ своей брошюрѣ приводитъ ссылки изъ трехъ послѣд-

нихъ авторовъ. Дробишъ имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Веберъ имѣлъ въ рукахъ Бесселя и Струве, Ульрици имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Струве и Вебера. а я имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Струве, Дробиша и Вебера. При университетахъ находятся бібліотеки, и астрономическія обсерваторіи, а потому г. Аксакова не должно удивлять то обстоятельство что университетскіе преподаватели имѣютъ въ рукахъ спеціальныя сочиненія.

7. Но дѣло съ Веберомъ еще не кончено.

Выше я доказалъ что ссылку на сочиненіе астронома Струве я взялъ или изъ подлинника или изъ Вебера, но во всякомъ случаѣ не изъ Ульрици. Можетъ-быть г. Аксаковъ въ виду такого выбора подумаетъ что мнѣ легче было получить сочиненіе моего почтеннаго соименника и изъ него дополнить то чего нѣтъ у Ульрици нежели сочиненіе Вебера. Въ уголовномъ процессѣ нужно обратить вниманіе и на мелочи. Г. Аксаковъ могъ бы случайно и въ данномъ вопросѣ примѣнить свою *уголовную* логику. Статья физиолога Вебера, скажемъ онъ, въ данномъ случаѣ важнѣе приведеннаго сочиненія астронома Струве, въ ней находится болѣе матеріала относительно вопроса о *вниманіи* нежели въ этомъ сочиненіи, следовательно авторъ *диссертации-брошюры* скорѣе взялъ въ руки менѣе важное сочиненіе астронома Струве нежели болѣе важный спеціальныи трудъ физиолога Вебера. Такая версія возможна. Но есть доказательства уничтожающія и эту версію. Если въ моей диссертациі находятся вещи которыхъ я не могъ дополнить изъ подлиннаго сочиненія астронома Струве, ни взять изъ Ульрици, ни изъ какого другаго посторонняго источника, и которыя однако непосредственно касаются Вебера, то кажется уже не будетъ подлежать сомнѣнію что я имѣлъ предъ собою сочиненіе Вебера. Начнемъ *подробное изслѣдованіе* самимъ обвиненіемъ.

На стр. 19, г. Аксаковъ говоритъ *буквально* слѣдующее: „Изъ книги Ульрици почерпнуты и факты передаваемые г. Струве на стр. 55 и 56 и ссылка на Bessel, *Astronomische Beobachtungen*, 1823. VIII Abth., и на Struve *Expédition chronométrique*. 1843, p. 29, и на Вебера, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagners Handwörterbuch der Physiologie* III, 2. стр. 488.“

Въ дополненіи моей цитаты изъ астронома Струве я прошу замѣтить что Ульрици, какъ показываетъ его вышешриведенная ссылка, цитуетъ не годъ 1843, какъ г. Аксаковъ, но

1844. Годъ 1843 г. Аксакѡвъ взялъ *буквально безъ названія источника* изъ моей диссертации, а не изъ Ульрици, ибо этотъ годъ находится только у меня, какъ годъ когда были совершены изслѣдованія (*exécutée en 1843*), между тѣмъ какъ Ульрици приводитъ годъ изданія сочиненія (1844). Вотъ г. Аксакѡвъ! Такъ-то попадають люди въ свѣти разставленными для другихъ! Это впрочемъ маленькое интермеццо. Возвратимся къ Веберу.

Цитату изъ Вебера г. Аксакѡвъ въ вышелприведенномъ мѣстѣ взялъ изъ Ульрици; диссертацию теперь уже онъ оставилъ въ сторонѣ. Онъ имѣлъ къ этому свои причины. Ульрици цитуетъ исключительно стр. 488 Вебера. Между тѣмъ же цитата на стр. 56, указанной выше самимъ г. Аксакѡвымъ, *буквально* такая: „E. H. Weber, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagners Handwörterbuch der Physiologie*. Т. III. Abth. 2, стр. 488 и слѣд. и 526.“

Прошу замѣтить: Ульрици цитуетъ изъ Вебера *одну* стр. 488, а я цитую *три*, то-есть не только 488, но *кромѣ* того и *слѣдующую* 489 и еще 526. Выдуманы ли мною эти страницы, или взяты изъ подлинника? Вѣдь ихъ нѣтъ у Ульрици. Посмотримъ въ подлинникъ. Веберъ говоритъ о Бессель не только на стр. 488, но еще и на стр. 489. На этой послѣдней стр. онъ все еще говоритъ о своихъ собственныхъ опытахъ подтверждающихъ положенія Бесселя. Потому я и эту страницу привожу. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя строки Вебера изъ этой 489 страницы: „Bessels Annahme scheint durch folgende von mir gemachte Beobachtung bestätigt zu werden, welche zu beweisen scheint, dass man nicht vermag sich zwei verschiedene Gehörempfindungen, von welchem die eine im rechten, die andere im linken Ohre entsteht, in ihren Zeitverhältnissen gleichzeitig vorzustellen.“ Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе самаго опыта Вебера посредствомъ двухъ карманных часовъ прилагаемыхъ то вмѣстѣ къ одному уху, то отдѣльно къ обоимъ ушамъ. Все это составляетъ очень важный дополнительный матеріалъ къ моему анализу вниманія, и я ссылаюсь на все это не для шутки, хотя у Ульрици нѣтъ и помину обо всемъ этомъ.

Но положимъ что г. Аксакѡвъ не замѣтилъ что Ульрици цитуетъ лишь стр. 488, а я и *слѣдующую*. Но не замѣтилъ ли онъ что я *кромѣ* того цитую и стр. 526 Вебера, которой нѣтъ во всемъ обширномъ сочиненіи Ульрици? Кто высту-

паетъ публично съ такими какъ г. Аксаковъ воллющими обвиненіями, имѣющими цѣлю уронить въ литературномъ мірѣ чужое имя, тотъ въ виду *правственной отвѣтственности*, на которую ссылается самъ г. Аксаковъ, долженъ тщательно взвѣшивать свои указанія. Г. Аксаковъ этого не дѣлалъ. Онъ имѣлъ *подспудный* поводъ не замѣчать что я цитую и стр. 526 Вебера, о которой нѣтъ помину у Ульрици. Взглянемъ однако ближе на эту страницу и на ея связь съ моею диссертацией.

На стр. 56 диссертации я говорю: „Лейпцигскій физиологъ Веберъ *собственными опытами* подтвердилъ наблюденія Бесселя и ту же самую невозможность сознательнаго воспріятія въ одно время двухъ различныхъ ощущеній доказалъ и въ области другихъ органовъ чувствъ, въ особенности осязанія.“

Ни при анализѣ вниманія, ни при подробномъ изученіи чувства осязанія, основанномъ преимущественно на упомянутой статьѣ Вебера, Ульрици не указываетъ ни на мысль высказанную у меня въ послѣднихъ строкахъ, ни на *собственные опыты* Вебера въ *этомъ* отношеніи. Откуда я обо всемъ этомъ узналъ ежели не читалъ всей статьи Вебера?

На стр. 526 Веберъ между прочимъ говоритъ: „Fontana hat beobachtet, dass die Elementarfäden der Nerven einfache Fäden sind, die weder Aeste aufnehmen noch abgeben. Hierauf und *auf meine Versuche* gestützt, die ich über die verschiedenen Grade der Feinheit des Ortsinns auf verschiedenen Theilen der Haut angestellt habe, nehme ich an, dass wenn zwei *sonst gleiche Eindrücke gleichzeitig denselben elementaren Nervenfasern an verschiedenen Orten treffen, nicht zwei Empfindungen entstehen, sondern nur eine.*“ Послѣднія строки подчеркнуты и въ самомъ подлинникѣ.

Я не могу здѣсь развить ближе психологическаго значенія этого положенія Вебера; это не было задачей и диссертации моею, которая имѣла цѣлю не излагать ученіе о *вниманіи*, а разобрать только данныя *факты* вниманія въ виду вопроса о существованіи души. Довольно что данныя изъ Вебера, на которыя я ссылаюсь, относятся къ разбираемому мною вопросу и что я привожу такія данныя которыхъ нѣтъ ни у Ульрици, ни въ другомъ сочиненіи кромѣ Веберова подлинника.

Взялъ ли я ссылки на Бесселя, Струве и Вебера изъ Ульрици? спрашиваю я г. Аксакова послѣ *такихъ* доказательствъ,

и ожидаю отъ него *честнаго* отвѣта. Или отрекитесь отъ вашихъ обвиненій или повторите ихъ еще разъ съ полнымъ *сознаніемъ* и *самоаблюденіемъ*. Но въ послѣднемъ случаѣ подтвердите ваши обвиненія *текстами*.

8. Наше дѣло еще далеко не кончено.

. При анализѣ вниманія я говорю и о Вундтѣ. Вундтъ извѣстный физиологъ и психологъ, а этого достаточно для *татарской уголовной* логики чтобы высказать мнѣніе что я некогда въ рукахъ не имѣлъ сочиненія Вундта *Vorlesungen über Menschen und Thierseele*. На стр. 19 и слѣд. г. Аксаковъ прямо говоритъ что я знакомлю на стр. 58 диссертациі читателей со словами Вундта *схваченными мною безъ названія источника* изъ 102 стр. книги профессора Владиславлева, „котораго однако будто бы я не благодарю за пользу отъ него полученную, а *напротивъ* усердно критикую“.

Возьмемъ сперва въ руки *corpus delicti*, то-есть мою диссертацию, и откроемъ указанную г. Аксаковымъ стр. 58. Первое слово на этой страницѣ *Вундтъ* со ссылкой на сочиненіе Владиславлева. Возможно ли это? Чтò же значать слова: *схваченный* и *безъ названія источника*?! Для ясности и *текстуального* уличенія дѣла нужно напечатать все мѣсто.

На стр. 57 и слѣд. я говорю: „До того же заключенія доходить, на основаніи собственныхъ новыхъ опытовъ, извѣстный физиологъ и психологъ Вундтъ, который говоритъ и т. д.“ *Послѣ* имени Вундта въ этомъ періодѣ сдѣлана у меня уже на приведенной г. Аксаковымъ стр. 58 слѣдующая *буквальная* ссылка: „См. соч. Владиславлева, *Современныя направленія въ науку о душѣ*. 1866, стр. 94 и слѣд., гдѣ находится описаніе и критика опытовъ Вундта.“ Это моя *буквальная* ссылка на Владиславлева описаніе и критику опытовъ Вундта! А г. Аксаковъ говоритъ что я *схватилъ* какія-то слова Вундта изъ Владиславлева *безъ названія источника*!

Но г. Аксаковъ скажетъ что я здѣсь ссылаюсь на стр. 94 книги Владиславлева, а слова Вундта взяты мною со страницы 102 этой книги. Однако я цитую не только стр. 94, но и *слѣдующія*, именно *всю* часть книги занятую *описаніемъ* и *критикой* опытовъ Вундта. Профессоръ Владиславлевъ *описываетъ* и *критикуетъ* опыты Вундта еще и на стр. 102, слѣдовательно и эта страница включена въ моей ссылкѣ. И потому остается и останется навсегда просто-на-просто ложью чтобъ я изъ книги г. Владиславлева *схватилъ* хотя бы и одно

слово относящееся къ Вундту не указавъ на мѣсто въ которомъ г. Владиславлевъ *описываетъ* и *критикуетъ* опыты Вундта.

Г. Аксакова озадачило, повидимому, то обстоятельство что я привожу слова I т. стр. 313 сочиненія Вундта не въ моемъ собственномъ переводѣ, но въ переводѣ Владиславлева, не сдѣлавъ однако объ этомъ особенной замѣтки. Въ отвѣтъ на это я скажу вамъ что, вопервыхъ, въ средѣ *зрѣлыхъ* литераторовъ занимающихся *критикою* чужихъ воззрѣній, переводъ нѣсколькихъ строкъ взятый изъ критикуемаго сочиненія, не считается дѣломъ такъ великимъ чтобы можно было дѣлать объ этомъ *особенную* замѣтку и *благодарить за пользу*. Подобнаго рода честолюбіе свойственно лишь дѣтски-незрѣлымъ литераторамъ. Вовторыхъ и самая педантичная литературная добросовѣстность не могла требовать отъ меня того чего требуетъ г. Аксаковъ, то-есть чтобы я послѣ вышесказанной ссылки, обнимающей собой и переводъ Вундтовыхъ словъ, еще разъ указалъ на сочиненіе Владиславлева. Каждый *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертациі хорошо знаетъ что при *описаніи* и *критикѣ* опытовъ Вундта профессоръ Владиславлевъ привелъ, по всей вѣроятности, разныя мѣста изъ Вундта и привелъ, конечно, болѣе мѣстъ нежели я, не занимающійся здѣсь подробнымъ *описаніемъ* и *критикою* этихъ опытовъ, но *указывающій* на такое *описаніе* и *критику* въ книгѣ Владиславлева. Далѣе, каждый *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертациі, узнавъ изъ ней объ *описаніи* и *критикѣ* опытовъ Вундта въ книгѣ Владиславлева, догадается, конечно, что авторъ этой книги приводитъ слова Вундта не въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но въ русскомъ переводѣ. Далѣе каждый подобнаго рода разумный читатель моей диссертациі будетъ убѣжденъ что я послѣ *моей ссылки* приведу слова Вундта не въ моемъ собственномъ переводѣ, но въ переводѣ Владиславлева, если только эти слова находятся въ *указанной мною* части его книги, и если этотъ переводъ я нахожу вѣрнымъ и достаточнымъ. И наконецъ, еслибы какой-нибудь *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертациі имѣлъ въ этомъ для г. Аксакова столь важномъ дѣлѣ какое-нибудь сомнѣніе, то взявъ бы въ руки книгу профессора Владиславлева, посмотрѣвъ бы на *указанное мною описаніе* и *критику* опытовъ Вундта, убѣдился бы что я вполне былъ доволенъ переводомъ Владиславлева и подумалъ бы: „хорошо сдѣлалъ; къ чему тутъ иной переводъ, когда переводъ Владиславлева вѣренъ и точенъ!“

Вотъ что сдѣлалъ бы и подумалъ бы зрѣлый и разумный читатель моей диссертациі въ силу *моей* ссылки на книгу Владиславлева. Г. Аксакову благоугодно было поступить иначе; онъ хотѣлъ и при этомъ случаѣ дать новое доказательство своей *добросовѣстности*, и потому публично высказалъ что я *саватилъ* слова Вундта изъ книги Владиславлева *безъ названія источника*, хотя я ссылаюсь на Владиславлева *описание и критику* опытовъ Вундта!

Но еще одно слово о моей *неблагодарности* къ профессору Владиславлеву и о моей *усердной* критикѣ его книги. Вотъ *текстуальныя* доказательства той и другой.

На стр. 33 диссертациі я говорю: „Изъ психологическихъ сочиненій *русской* литературы приводимъ *прежде всего* М. Владиславлева *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866 года, гдѣ кромѣ *основательнаго разбора* извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій, мы находимъ на стр. 32 и слѣд. статью о существованіи души.“ Далѣе на приведенной самимъ г. Аксаковымъ стр. 58 моей диссертациі я говорю: „Несмотря на вышеприведенныя изслѣдованія физиологовъ, Владиславлевъ, въ *остроумномъ* разборѣ ученія Вундта, отрицаетъ однако какъ точность самого факта, такъ и выведенное изъ него заключеніе относительно единства сознанія.“ Далѣе на слѣдующей 59 стр. моей диссертациі находятся слова: „Но и въ томъ и другомъ случаѣ Владиславлевъ забываетъ что скорость мысли, о которой самъ онъ *разсуждаетъ такъ основательно*, служить очень простымъ объясненіемъ приведенныхъ имъ трудностей. Вслѣдствіе этой скорости, доходящей *по исчисленію самого* Владиславлева до тридцати трехъ попятій, выраженныхъ въ словахъ, въ одну секунду, два сравниваемыхъ другъ съ другомъ понятія представляются намъ какъ бы *сознанными вмѣстѣ*.“

Я спрашиваю *честнаго* читателя, я спрашиваю приходящаго въ себя г. Аксакова, можно ли *такую* критику назвать приличною и *неблагодарною*? Не нужно ли признать, что несмотря на разногласіе въ данномъ случаѣ, я высказываю свое полное *уваженіе* къ труду профессора Владиславлева? Сопоставимъ вкратцѣ дѣйствительное положеніе дѣла со словами г. Аксакова. Въ перечнѣ *русской* психологической литературы я привожу *прежде всего* сочиненіе Владиславлева и указываю на его *основательный разборъ* извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій; я говорю о его *остроумномъ* разборѣ ученія Вундта, я указываю на его *основательныя разсужденія* о

скорости мысли и упоминаю объ его *собственныхъ* исчисленіяхъ этой скорости. И все это г. Аксаковъ называетъ *усердно* критиковать и оказывать неблагодарность.

9. Второй моментъ мышленія, разобранный въ моей диссертациі, есть *дѣйствіе чувствъ*. Здѣсь ссылаюсь на спеціальныя сочиненія физиологовъ: Функе, Людвигъ, Фика, Гельмгольца, со ссылкой при этомъ послѣднемъ и на сочиненіе Ульрици *Gott und der Mensch*.

Г. Аксаковъ на стр. 20 своей брошюры благоволилъ сказать: „Отдѣлъ этотъ, посвященный анализу психической дѣятельности высшихъ чувствъ, открывается *почти чудомъ*. Г. Струве, вопреки обычаю своему, дѣлаетъ цитату изъ подлинника. Онъ ссылается на подлинныя слова физиолога Функе.“

Изъ этихъ словъ моего *добросовѣстнаго* и *компетентнаго* критика слѣдуетъ прежде всего что обширное спеціальное сочиненіе Функе: *Lehrbuch der Physiologie*, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ „тремъ или четыремъ преимущественно популярнымъ трудамъ“, изъ которыхъ, по словамъ Аксакова, на стр. 27 его брошюры, я почерпалъ *всѣ* относящіяся къ моей диссертациі философскія, физиологическія, медицинскія и психіатрическія познанія“. Пусть же такъ! Довольно того что при моемъ *чудодѣйственнымъ* анализѣ психологической дѣятельности высшихъ чувствъ я пользовался относительно физиологическихъ данныхъ сочиненіемъ Функе.

Но скажемъ что насъ при этомъ поражаетъ. Именно то что такое признаніе со стороны моего *добросовѣстнаго* критика является уже не шутя истиннымъ *чудомъ* въ сравненіи съ его другими обвиненіями. Развѣ не *чудо* что я имѣлъ въ рукахъ физиологію Функе, изъ которой привожу всего пять или шесть мѣстъ, а не имѣлъ въ рукахъ, напримѣръ, *Lehrbuch der Physiologie* Людвигъ?

Профессоръ Юркевичъ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, на стр. 728 и слѣд., мой анализъ Гельмгольцовыхъ открытій рядомъ съ анализомъ Ульрици и указалъ на различія обоихъ анализовъ. Опасаясь новаго обвиненія въ неблагодарности, со стороны г. Аксакова, ссылаюсь здѣсь съ чувствомъ искренней благодарности на сказанное въ приведенномъ мѣстѣ профессоромъ Юркевичемъ, и перехожу къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ г. Аксакова.

10. Третій моментъ мышленія разбираемый въ моей диссертациі: *представленіе*. Г. Аксаковъ говоритъ на стр. 21 объ

этой части моей диссертациі такъ: „Мы не станемъ разбирать подробно безцвѣтный, хотя и довольно гладкій въ литературномъ отношеніи (благодарю за комплиментъ!) анализъ представленія, составляющій сокращеніе того что говорить о томъ же предметѣ Ульрици въ главѣ о зрѣніи отъ 154 до 193 стр.“

Въ отвѣтъ на эту тоже довольно гладкую замѣтку г. Аксакова, я снова *требую* отъ него *текстуальнаго* подкрѣпленія того что мой анализъ представленія есть лишь сокращеніе анализа Ульрици. Со своей стороны я укажу здѣсь только на совершенную разницу моихъ цитатъ изъ специальныхъ фیزیологическихъ сочиненій отъ такихъ же цитатъ Ульрици.

Ульрици ссылается въ указанномъ г. Аксаковымъ мѣстѣ особенно на Фольмана. На стр. 155, въ особенной замѣткѣ, Ульрици говорятъ: „Vrgl. hiezu wie zu allem Folgenden den Artikel *Sehen* in R. Wagners *Handwörterbuch der Physiologie* Bd. III, Abth. 1. Braunschweig. 1846. S. 265 ff., die grundlegende Abhandlung unsers ausgezeichneten Physiologen A. W. Volkman, auf der die neuesten Forschungen weiter gebaut haben.“

Кромѣ того Ульрици цитуетъ еще довольно часто фیزیологію Людвигъ, другое сочиненіе Фольмана: *Physiologische Untersuchungen im Gebiete der Optik*, и Фука: *Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane*. Вотъ ссылки Ульрици. Во всемъ анализѣ представленій въ моей диссертациі нѣтъ и помину обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ; но за то приведены совершенно другіе, не менѣе спеціальныя труды, которыхъ нѣтъ у Ульрици.

На стр. 67 и слѣд. находится у меня большая выписка изъ фیزیологіи Функе, а на стран. 70 читается слѣдующая *буквальная* ссылка: „Мы не можемъ здѣсь подробно описать всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій постепеннаго развитія зрѣнія и ссылаемся на слѣдующія изслѣдованія: Purkinje, *Sinne im Allgemeinen*, въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, ч. III, отдѣл. 1, стр. 352 и слѣд. Ruete, *Lehrbuch der Ophthalmologie*. 1853, ч. I, стр. 257 и слѣд., и того же автора *Ueber die Existenz der Seele*. 1863, стр. 63 и 67, и особенно важный для психологическаго изученія трудъ Дельбѣфа (Delbeuf): *Essai d'une théorie psycho-physique de la manière dont l'oeil apprécie les distances, les angles, et les grandeurs*. *Bulletins de l'Académie de Bruxelles*, ч. XIX. Изъ русскихъ сочи-

нейшій сюда относится ясный и основательный психологическій анализъ дѣйствія чувства, въ особенности зрѣнія, въ *Курсѣ общей педагогикѣ*, П. Юркевича. 1869, стр. 337 и слѣд. “
Вотъ мои ссылки.

Ни объ одной изъ всѣхъ этихъ цитатъ нѣтъ помину во *всей книгѣ Ульрици*, не говоря уже объ указанной г. Аксаковымъ части. Ульрици не указываетъ ни однимъ словомъ ни на особенно важный для психологическаго изученія трудъ бельгійскаго философа Дельбёфа, ни на краткую, но очень ясную и поучительную статью знаменитаго физиолога Пуркинѣ, въ которой между прочимъ говорится о столь важной въ психологическомъ отношеніи разницѣ между внѣшнимъ и внутреннимъ чувствами (*äusserer und innerer Sinn*); подобнымъ образомъ у Ульрици нѣтъ помину о специальномъ сочиненіи извѣстнаго офталмолога Рюте, *Lehrbuch der Ophthalmologie*, которое я цитую съ указаніемъ на нужныя для меня страницы. Во всемъ своемъ анализѣ чувства зрѣнія Ульрици цитуетъ изъ Рюте лишь два мѣста его сочиненія *Ueber die Existenz der Seele*. 1863. Но Ульрици ссылается на 75 и 70 этого сочиненія, а я ссылаюсь въ приведенной цитатѣ на стр. 63 и 77, и кромѣ того, на стр. 54 и 77 моей диссертациі, указываю на стр. 17 и слѣд. и 37 и слѣд. того же сочиненія Рюте, которыхъ нѣтъ у Ульрици.

Итакъ какой же результатъ этой очной ставки? Вотъ какой: Ульрици ссылается на *Людвига, Фолькмана и Фика*, а я ссылаюсь на *Функе, Пуркинѣ, Рюте и Дельбёфа*, а г. Аксаковъ имѣетъ смѣлость увѣрять что мое изложеніе есть лишь *сокращеніе того что говоритъ о томъ же предметѣ Ульрици!*

11. Перейдемъ къ анализу *чувствованія и фантазіи*. И здѣсь, естественно, повторяются стереотипныя, необдуманныя обвиненія г. Аксакова.

На стр. 22 г. Аксаковъ говоритъ что приступая къ изученію фантазіи, я „открылъ соотвѣтственную главу антропологій Фихте“, и отнесся къ ней „также безцеремонно, какъ и съ предшествовавшему труду Ульрици“.

На стр. 720 до 726 своей статьи профессоръ Юркевичъ впечаталъ рядомъ указанныя г. Аксаковымъ мѣста моей диссертациі и *Антропологии Фихте*. Ссылаясь на это полное *текстуальное* изобличеніе несправедливыхъ обвиненій г. Аксакова, я повторяю здѣсь лишь его результатъ. При анализѣ фантазіи, Фихте ссылается на *Falconer, Richerz, Tabor, Reil*,

Domrich, Plouquet, а я напротивъ ссылаюсь на спеціальныя сочиненія *Guilain, Marcé, Leidesdorf, Domrich, Descuret, Eckenberg*; г. Аксаковъ однако изъ одной общей ссылки на Домриха дѣлаетъ добросовѣстное и компетентное заключеніе что я всё свои ссылки просто списалъ съ Фихте. Въ подлинникѣ г. Аксакова на стр. 23 можно читать: *просто списалъ!*

Послѣ моихъ цитатъ, не имѣющихъ съ цитатами Фихте ничего общаго кромѣ одного общеизвѣстнаго сочиненія Домриха, находятся на стр. 79 и слѣд. моей диссертациі нѣкоторыя объяснительныя замѣтки, которыя г. Аксаковъ на стр. 23 благоволилъ назвать „весьма ясно выраженными, хотя и для кого не новыми“.

Я убѣдился уже давно и читатели наши тоже убѣдились что г. Аксаковъ знаетъ очень много, о чемъ никто кромѣ его не знаетъ, напримѣръ о моемъ отношеніи къ книгамъ Ульрици, Фихте и Жана. Поэтому меня вовсе не удивляетъ что сказанное мною на этихъ страницахъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго для него. Я доволенъ тѣмъ что есть въ моей диссертациі „замѣтки весьма ясно выраженныя“. Въдѣ ясность была главною цѣлью всей моей обработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Въдѣ я самъ сказалъ на стр. 3 и слѣд.: „Различіе мнѣній по этому вопросу до сихъ поръ еще такъ велико и недоразумѣнія между борющимися сторонами такъ многочисленны что каждый, кто безпристрастно понимаетъ трудности предмета, охотно вспрѣтитъ *попытку* внести сюда ясность и точность, и въ подобномъ стремленіи усмотритъ полезное *подготовленіе* къ окончательному рѣшенію вопроса.“ Итакъ я не хотѣлъ ничего столько, какъ внести въ данный вопросъ ясности.

12. Къ очень важнымъ явленіямъ дѣйствія фантазіи на организмъ принадлежатъ такъ-называемыя явленія *стигматизаціи*. На стр. 80 диссертациі я говорю объ этихъ явленіяхъ такъ: „Правда, эти факты нельзя признать несомнѣнными до такой степени чтобы на нихъ можно было основывать отдѣльныя доказательства самостоятельнаго существованія души; но они заслуживаютъ вниманія какъ матеріалъ весьма важный для критическаго анализа.“ Въ диссертациі, вкратцѣ на одной съ половиною страницахъ я указываю и на эти явленія.

По своему обычаю, г. Аксаковъ утверждаетъ „просто-напросто“, на стр. 23 и слѣд. своей брошюры, что все *изложено*

ногого предмета, какъ и всё относящіяся къ нему *ссылка* я *списалъ* съ антропологию Фихте, и въ концѣ добавляетъ: „Разумѣется все это *списано*, безъ указанія на общій *источникъ* этимъ *пестрымъ* цитатамъ источникъ—Фихте.“

Не знаю что сказать въ отвѣтъ на подобнаго рода ложь, и какъ ее наименовать надлежащимъ именованиемъ! Пусть читатель самъ отыщетъ такое надлежащее имя; я представляю ему лишь факты *честно* и *добросовѣстно*.

Прому читателя взять диссертацию и посмотрѣть на указанную г. Аксаковымъ стр. 80. Непосредственно послѣ вышеприведенныхъ словъ о значеніи явленій стигматизаціи, я говорю: „Главнѣйшіе факты, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, собралъ профессоръ Гёрресъ въ своемъ обширномъ сочиненіи о мистицизмѣ.“ Непосредственно послѣ имени Гёрреса находится у меня *буквальная* ссылка: „Görres, *Christliche Mystik*. 1836. Ч. II. *Geschichte der Stigmatisirten*. См. *moſce J. H. Fichte, Anthropologie*, 1856, стр. 479 и слѣд.“ Есть ли у меня, спрашиваю я, ссылка на Фихте, или нѣтъ? Не указываю ли я, какъ нельзя явѣе, что и Фихте говоритъ о явленіяхъ стигматизаціи? Не ложь ли что я не ссылаюсь на Фихте? Конечно, я не говорилъ что Фихте служилъ мнѣ *источникомъ* для *источнъ* моихъ, какъ говоритъ г. Аксаковъ, *пестрымъ* цитатъ относительно стигматизаціи; но сказать такъ значило бы сказать грубую ложь, такъ какъ я ссылаюсь на *шесть* специальныхъ сочиненій, причемъ Фихте не могъ служить мнѣ *источникомъ* по той простой причинѣ что онъ объ нихъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ.

Если правду говоритъ г. Аксаковъ что это *изложене* я *списалъ* изъ Фихте, то, кажется, у меня ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть *больше* нежели у Фихте. Между тѣмъ въ моемъ *списанномъ* по г. Аксакову изъ Фихте *изложеніи* приведено и *больше* фактовъ стигматизаціи и, какъ уже указано, *значительно больше* специальныхъ сочиненій заключающихъ въ себѣ описаніе и критику этихъ фактовъ.

Такъ Фихте упоминаетъ лишь о двухъ фактахъ стигматизаціи подмѣченныхъ врачами, то-есть объ Екатеринѣ Эмеррихъ и, какъ онъ называетъ, о Ц. Лаззари. Между тѣмъ я упоминаю еще о Маріи де-Мёрль, о которой нѣтъ и помину у Фихте. Кромѣ того, относительно приведенной въ книгѣ Фихте Лаззари, я *исправляю* Фихте, который называетъ ее *C. Lazzari* (во второмъ изданіи, 1860, стр. 469), между тѣмъ

какъ ея полное и настоящее имя *Доминика Лаззари*. Это имя я и привожу на стр. 81. Откуда я *списалъ*, спрашиваю я, и это полное имя Доминика Лаззари и вовсе не приведенную у Фихте Марію де-Мёрль, если не имѣлъ я въ рукахъ болѣе подробныхъ источниковъ чѣмъ Фихте? *Списалъ* ли я изъ Фихте эти исправленія? Наконецъ простое сравненіе моихъ ссылокъ со ссылками Фихте должно было удержать *добросовѣстнаго* критика отъ обвиненій высказанныхъ г. Аксаковымъ. Фихте ссылается относительно этого предмета лишь *исключительно* на трехъ авторовъ, то-есть на Гёрреса, Дрюфеля и Эннемозера, а я кромѣ того ссылаюсь еще на *шесть* специальныхъ сочиненій, о которыхъ Фихте не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Эти сочиненія слѣдующія: „*Léon Boré, Les Stigmatisées du Tyrol ou l'extatique de Caldern et la Patiente de Capriana. Relations traduites de l'italien, de l'allemand et de l'anglais.* 1843. Briegge de Boismont, *Des Hallucinations.* 3 изд. 1862. стр. 314 до 321; Heinroth, *Geschichte und Kritik des Mysticismus.* 1830. Peisse, *La médecine et les médecins.* Ч. I. Chap. 5. *Critique des faits dits impossibles, extraordinaires surnaturels.* Figuier, *Histoire du mer veilleux dans les temps modernes,* 1860; и Perty, *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur.* 1861.“ При этомъ прошу замѣтить что въ приведенной специальной реляціи о стигматизаціи въ Тироли упомянутая *l'extatique de Caldern* есть именно Марія де-Мёрль, о которой Фихте ничего не знаетъ, а *la patiente de Capriana* есть Доминика Лаззари, о которой Фихте не имѣетъ точныхъ извѣстій. И я ссылаюсь въ своей диссертациі на эту специальную реляцію непосредственно послѣ упоминанія что явленія стигматизаціи *замѣчены врачами* и на Марію де-Мёрль и Доминикъ Лаззари. Можетъ ли послѣ того *честный* критикъ сказать что я не имѣлъ въ рукахъ болѣе *специальныхъ* и болѣе *точныхъ* источниковъ относительно стигматизаціи чѣмъ Фихте? А какъ назовемъ мы критика, который въ виду *такихъ* данныхъ публично утверждаетъ что мое *изложеніе* и мои *ссылки* относительно стигматизаціи *списаны* изъ книги Фихте?

13. На страницахъ 82 до 92 моей диссертациі я разбираю явленія *воли*, съ цѣлію рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Здѣсь я обращаю вниманіе отдѣльно на три главные момента, именно, вопервыхъ на *идеальную законность* воли въ отличіе отъ слѣпой законности физическаго бытія, вовторыхъ на *самостоятельную инициативу*

тѣмъ и способность избирать цѣли для своихъ дѣйствій, наконецъ втретыхъ на *энергію*, противящуюся часто самымъ сильнымъ физическимъ требованіямъ.

Относительно этой части моей диссертациі приговоръ моего критика сѣдующій, на стр. 24: „Все вообще, говорить г. Аксаковъ, находящееся въ отдѣлѣ этомъ такъ *не ново* и такъ *общеизвѣстно* что можетъ быть приискано въ любомъ учебникѣ, и такъ *слабо*, что не заставитъ призадуматься ни одного матеріалиста, и вслѣдствіе (?) того *окончательно бесполезно*.“ Вотъ и все что мой *компетентный* учитель сумѣлъ оказать объ этой части; послѣ такого приговора онъ переходитъ прямо къ *последнему* отдѣлу моей диссертациі-брошюры. Но что же слѣдуетъ для меня, несчастнаго автора, изъ подобнаго *компетентнаго* приговора? Для меня слѣдуетъ во-первыхъ то положеніе что *все* что для г. Аксакова *не ново* и *общеизвѣстно* вмѣстѣ съ тѣмъ *такъ слабо* что не заставитъ никого призадуматься и кромѣ того *окончательно бесполезно!* Такъ мы наконецъ добрались до того что г. Аксаковъ называетъ для себя *не новымъ* и *общеизвѣстнымъ!* А восторыхъ, въ вышелеприведенномъ приговорѣ заключается для меня утѣшеніе въ томъ обстоятельстве что *все* что я говорю о волѣ, хотя оно и очень *слабо* и *окончательно бесполезно*, можетъ быть однако *приискано* *въ любомъ учебникѣ* психологіи. Конечно г. Аксаковъ на самомъ дѣлѣ *приискалъ* *все* это *слабое* и *бесполезное* въ *любомъ учебникѣ*, иначе онъ не могъ свидѣтельствовать что оно *можетъ быть* приискано. Однако не смотря на такое свидѣтельство, я попрошу г. Аксакова указать *подробно*, *гдѣ* и въ *какомъ* *любомъ учебникѣ* онъ нашелъ все то что я говорю о волѣ, хотя бы только такое раздѣленіе анализа воли, каково у меня. Прошу покорѣйше *текстуально* подкрѣпить подобное свидѣтельство. Вѣдь я не могу отпечатать мое изложеніе рядомъ съ изложеніемъ *всѣхъ* *любыхъ* учебниковъ чтобы доказать что въ нихъ нельзя *приискать* моего изложенія. Г. Аксакову легче будетъ взять *любой учебникъ*, отпечатать его изложеніе рядомъ съ моимъ и этимъ доказать справедливость своего рѣшительнаго приговора.

14. Послѣ указанія на явленія *воли*, мы могли бы перейти отъ взгляда на *психологическій* матеріалъ, необходимый для разработки нашего вопроса, къ обзорѣмъ матеріала *физиологическаго*. Но г. Аксаковъ еще не кончилъ съ матеріаломъ

психологическимъ, а я не хочу мѣшать ему высказать противъ меня все что онъ только знаетъ. Вѣдь на я и никто другой не мѣшалъ ему высказаться вполнѣ уже и на диспутѣ, только *ему*, вѣроятно, не угодно было подвергаться на глазахъ понимающей публики очень неприятному уличенію, какъ и на оборотъ *строятно* что каждому докторанту очень пріятно имѣть дѣло съ оппонентомъ у котораго голова не отвѣчаетъ за то что говорить языкъ. Итакъ чего же теперь хочетъ г. Аксакѣвъ? Прошу читателя терпѣливо выслушать его возраженія.

Г. Аксакѣвъ указываетъ еще на два психологическія сочиненія, находящіяся по его *честнымъ* обвиненіямъ въ тѣсной связи съ моею диссертациею; одно новое, то-есть книга Жана. *Le cerveau et la pensée*, и одно намъ уже извѣстное, то-есть *Антропология* Фихте.

Относительно Жана г. Аксакѣвъ утверждаетъ что я *умыслилъ* отъ Жана сравненіе мозга и души съ музыкальнымъ инструментомъ и артистомъ. Профессоръ Юркевичъ на стр. 717 и слѣд. такъ ясно указалъ на всю дѣтскость и неаппетитность подобнаго обвиненія что я болѣе объ этомъ говорить не буду. Укажу только при этомъ случаѣ на новую *добросовѣстность* теперь изучаемаго мною артиста. На стр. 24 этотъ артистъ говоритъ: „Г. Струве передаетъ намъ на 96, 97, 98 и 99 страницахъ первая сорокъ страницъ книги Жана. Всѣ примѣры, выводы и заключенія, помѣщенные на четырехъ страницахъ этихъ, копируетъ онъ изъ книги Жана съ поразительною *вѣрностью*.“ Волервыхъ вопросъ: если я это дѣлаю, то дѣлаю ли я все это съ указаніемъ источника или безъ указанія? Г. Аксакѣвъ прималчиваетъ объ этомъ, и естественно ожидается отъ читателя отвѣтъ отрицательный, иначе нельзя было бы понять сущности обвиненія. Вотъ почему отчего бы мнѣ не привести въ сокращеніи *сорокъ* страницъ чужой книги, если только я *ссылаюсь* на эту книгу? Обязанъ ли я говорить на *эти* страницахъ о томъ о чемъ другіе уже сказали на *сорока* страницахъ? Нѣтъ, я не имѣлъ въ виду написать *необходимо* толстую книгу и потому могъ сказать на *четыре*хъ страницахъ то что другой сказалъ на сорока страницахъ, указывая однако на этого послѣдняго автора. Такъ я отчасти и *сдѣлалъ*, потому что не хотѣлъ оригинальности состоящей въ *непѣжествѣ*. На стр. 96 моей диссертации находится у меня слѣдующая ссылка: „Подробный разборъ этого вопроса объ *отно-*

меніи развитія мозга къ развитію психической жизни можно найти въ соч. Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, переведенномъ въ *Сборникъ современныхъ христіанскихъ писателей*, 1868, стр. 11 и слѣд. "Могъ ли, спрашиваю я, *мыслящій* читатель подумать что послѣ *такой* ссылки я на *четыре* страничкахъ передамъ ему нѣчто такое чего вовсе нѣтъ въ подробномъ разборѣ того же предмета у Жане? Вѣдь объ отношеніи мозга къ психическимъ явленіямъ я не говорю *спеціально*. На стр. 92, во введеніи къ этой главѣ, я сказалъ: „Ко всѣмъ вышеприведеннымъ и, какъ намъ кажется, неопровержимымъ доказательствамъ существованія самостоятельной души, *прибавляемъ* здѣсь *нѣкоторыя* другія доказательства, касающіяся отношеній мозга ко психическимъ явленіямъ.“ Между тѣмъ книга озаглавленная *Мозгъ и мысль* занимается этимъ вопросомъ *спеціально*, потому я и ссылаюсь на *подробный* разборъ даннаго предмета въ этой книгѣ. Что въ этомъ поразительнаго?

Но при всемъ томъ однѣ уже цитаты указываютъ что я вовсе не держался одного Жане. На стр. 94 и слѣд. находится у меня обширная выписка изъ специальной физиологической статьи Фолькмана, которой нѣтъ у Жане, и которую самъ г. Аксаковъ на стр. 24 называетъ *весьма* интересною, хотя, по его уголовной логикѣ, *неизвѣстно откуда* почерпнутою. Далѣе на стр. 98 я цитую *пять* мѣстъ изъ специального сочиненія Marcé *Traité des maladies mentales*, 1862, стр. 168, 169, 292, 330 и 406, которыхъ нѣтъ ни у Жане, и ни въ какомъ-либо другомъ сочиненіи кромѣ подлинника. Наконецъ на стр. 99 я говорю о Рудольфѣ Вагнерѣ и привожу мѣсто изъ Фолькмана. Все это находится въ *моемъ* краткомъ разборѣ отношеній мозга къ мысли, хотя этого нѣтъ у Жане во всей его книгѣ, и тѣмъ не менѣе я ссылаюсь на *подробный* разборъ этого предмета у Жане.

15. Приступимъ наконецъ къ Фихте. На стр. 26 г. Аксаковъ говоритъ *буквально* слѣдующее: „Г. Струве вспоминаетъ что на письменномъ столѣ его еще лежитъ раскрытая *Антропология* Фихте, и *желая* съ *большимъ* блескомъ заключить многоученное свое сочиненіе, *выписываетъ* подъ рядъ съ 415 и 387 страницъ ссылки на Фолькманову статью *Gehirn, Wagners Handwörterbuch der Physiologie*, I, 569. Burdach, *Bau und Leben des Gehirns*, 185. Schubert, *Geschichte der Seele*, Fechner, *Zend-Avesta*, III и др. со *всѣмъ* содержаніемъ относящимся къ этимъ *ссылкамъ*.“

Это послѣднее обвиненіе г. Аксакова; непосредственно послѣ него онъ высказываетъ свое критическое резюме въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, все относящіяся къ диссертациі *познанія* многоуважаемаго доктора лочерпнуты не изъ цѣлаго строя цитированныхъ имъ философскихъ, физиологическихъ, медицинскихъ и психиатрическихъ сочиненій, но изъ *двухъ* много *трехъ* или *четыреухъ*, преимущественно популярныхъ трудовъ, какъ видно изъ *подробнаго* нашего *исслѣдованія*.“

Мы видѣли что слѣдуетъ изъ *подробнаго текстуальнаго* изслѣдованія и каковъ выходитъ *строй* цитированныхъ мною сочиненій. Изъ всего сказаннаго читатель знаетъ уже хорошо какъ *честно* и *добросовѣстно* обвиненіе г. Аксакова. Но для полноты мы приступимъ къ *подробному изслѣдованію* и этого послѣдняго обвиненія. Оно относится къ стр. 99 до 102 моей диссертациі. Прошу посмотрѣть на эти страницы и сравнить ихъ съ приведенными г. Аксаковымъ страницами 415 и 387 *Антропологиі* Фихте.

Для нагляднаго сравненія я приведу съ *буквальною* точностію ссылки находящіяся на помянутыхъ страницахъ моей диссертациі рядомъ со ссылками изъ *Антропологиі* Фихте.

Фихте.

Диссертациа.

Volkmann, *Wagners Handwörterbuch der Physiologie*. I, 569.

Volkmann, статья *Gehirn* въ *Wagners Handwörterbuch der Physiologie*, часть I, стр. 569.

Lang, *Geschichte des Materialismus*. 1866, стр. 431.

Жане, *Мозгъ и мысль*. 1868, стр. 34 и 66.

Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*. 1865, стр. 238 и слѣд. до 303, именно 272.

Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*. III, 185.

Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*. 3й томъ. 1826, стр. 185 и слѣд.

Schubert, *Geschichte der Seele*, zweite Aufl. S. 270—272.

Schubert, *Geschichte der Seele*. 4е изд. 1847.

Fechner, *Zend-Avesta*, III, 181 fg. III, 177 182.

Fechner, *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits. Vom Standpunkte der Naturbetrachtung*. 1851, томъ III и *Elemente der Psychophysik*. 1860, томъ III, стр. 389 и слѣд. *

Steffens, *Caricaturen des Heiligen*, II, 708.

Gall, *Sur les fonctions du cerveau*. 1822, т. I, стр. 215 и слѣд.

* Это опечатка, должно быть томъ II, стр. 532 и слѣд.

Brierre de Boismont, *Du retour de la raison chez les aliénés mourants* въ *Gazette des hopitaux*. 1844, и его же *Des Hallucinations*. 3 изд. 1862 г., стр. 370 и слѣд.

Schröder van des Kolk, *Leib und Seele in Wechselbeziehung zu einander*. 1865, стр. 20.

Какой результатъ этой очной ставки? Выписалъ ли я хоть одну цитату изъ Фихте? Разберемъ подробно каждаго автора.

Что касается Фолькмана, то я не списалъ изъ Фихте свою цитату, но напротивъ г. Аксаковъ списалъ ее снова изъ моей диссертации безъ названія источника! Откуда г. Аксаковъ узналъ что цитата Фихте: „Volkmann, Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, I, 569“ относится къ Фолькмановой статьѣ *Gehirn*? Въ *Антропологию* Фихте мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ ссылки на Вагнера *Handwörterbuch*, но Фихте нигдѣ не указываетъ на заглавіе статей этого сборнаго сочиненія. Въ одномъ только мѣстѣ, на стр. 34, находится у Фихте такая общая замѣтка: „Wir verweisen über alles oben Behauptete auf die beiden ausführlichen Artikel von F. W. Volkmann über *Gehirn* und *Nerven-physiologie* im ersten und zweiten Bande von R. Wagners *Physiologischen Wörterbuch*.“ Изъ этой замѣтки г. Аксаковъ все еще не могъ узнать что стр. 569 перваго тома этого *Wörterbuch* относится къ статьѣ Фолькмана озаглавленной *Gehirn*. Вѣдь въ одномъ и томъ же томѣ этого физиологическаго словаря могли быть помѣщены и другія статьи Фолькмана. *Gehirn* г. Аксаковъ взялъ *буквально* не изъ Фихте, но изъ моей диссертации, слѣдовательно и я своей цитаты не могъ взять изъ Фихте.

Но у меня есть еще другое доказательство что я имѣлъ въ рукахъ и читалъ приведенную статью Фолькмана. Какъ уже сказано, на стр. 94 и слѣд., говоря объ отношеніи развитія мозга къ психическимъ способностямъ я привелъ въ моей диссертации обширную выписку, занимающую всю 95 страницу, изъ помянутой статьи Фолькмана, со ссылкой на стр. 568, то-есть на одну страницу выше сравнительно съ приведенною общею у меня и у Фихте. Объ этой выпискѣ г. Аксаковъ говоритъ на стр. 24 такъ: „Последній пятый отдѣлъ начинается весьма интересными, хотя неизвѣстно откуда почерпнутыми (разумѣется не изъ подлинника, ибо сіе послѣднее было бы вполнѣ противно основному методу г. Струве) словами знаменитаго физиолога Фолькмана.“

Каковъ основной методъ критики г. Аксакова мы до сихъ поръ досыта видѣли. Но въ отвѣтъ на эту, *разумѣется*, тоже очень *компетентную* и *добросовѣстную* замѣтку, я повторяю высказанное мною въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* настоятельное *требованіе* чтобы г. Аксаковъ отыскалъ эту *весьма интересную* выписку изъ Фолькмана въ какомъ-нибудь другомъ трудѣ, и отпечаталъ ее, *разумѣется* вѣрно и честно. Иначе, я повторяю, несомнѣнно исполнятся опасенія относительно репутаціи г. Аксакова, высказанныя въ № 85 этихъ же *Вѣдомостей* авторомъ статьи о его *печальному де-бюту*. Вѣдь я прошу небольшой милости. Подтвердите изобличеніе фактами. Честный писатель не откажетъ мнѣ въ этой просьбѣ. Не правда ли, г. Аксаковъ?

Перейдемъ теперь къ Бурдаку. Изъ сравненія цитаты Фихте съ моею цитатой видно что я привожу годъ изданія Эго тома его сочиненія о мозгѣ; этого года нѣтъ у Фихте. Откуда я его взялъ? Можетъ-быть я отыскалъ этотъ годъ въ какомъ-нибудь библиографическомъ трудѣ? На это я отвѣчу г. Аксакову, и каждый знающій дѣло повѣритъ этому, что мнѣ легче зайти въ библіотеку и получить подлинное сочиненіе Бурдаха нежели заняться спеціальными библиографическими изслѣдованіями.

Далѣе, относительно Шуберта, Фихте цитуетъ *второе* изданіе его *Исторіи души*, а я *четвертое*. Взята ли моя цитата изъ Фихте?

Изъ Фехнера Фихте цитуетъ лишь сочиненіе *Zend-Avesta*, и притомъ во всемъ его трудѣ нѣтъ *полнаго* заглавія этой книги, которое однако приведено въ моей диссертациі. Только на стр. 333 *Антропологиі* Фихте (2е изданіе, 1860) я нахожу заглавіе *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits*. Но и это все еще не *полное* заглавіе, какое приведено мною. Откуда взялъ я это *полное* заглавіе? Занялся ли я снова библиографическими изслѣдованіями, или взялъ подлинникъ въ руки и прочиталъ эту, уже своимъ заглавіемъ столь любопытную книгу? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, г. Аксаковъ долженъ признать что ссылку на *Zend-Avesta* Фехнера я не *выписалъ* изъ Фихте. Но кромѣ этой ссылки у меня есть еще *подробная* ссылка и на Фехнера *Психобизику*, которой нѣтъ у Фихте. Наконецъ, *желая съ большимъ блескомъ заключить мое сочиненіе*, я ссылаюсь при разработкѣ тѣхъ же самыхъ что Фихте вопросовъ еще на

только на популярныя сочиненія Ланге и Жане, но на очень важныя и совершенно спеціальныя сочиненія Лейдесдорфа, Галля, Бривра де-Буамонъ и Шрёдера фонъ-деръ-Колька, съ подробнымъ указаніемъ на соответственныя страницы этихъ спеціальныхъ трудовъ. На весь этотъ очень важный для разбираемыхъ предметовъ матеріалъ Фихте не указываетъ ни однимъ словомъ во всемъ своемъ сочиненіи; вмѣсто всего этого спеціального матеріала онъ приводитъ только еще мистическое сочиненіе Стефенса *Caricaturen des Heiligsten*. Ну, повторите же еще разъ, г. Аксаковъ, что я свои ссылки для большаго блеска выписалъ подрядъ изъ *Антропологии* Фихте!

Окончимъ этотъ взглядъ на психологическій матеріалъ, необходимый для разработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій замѣткой о *строю* цитированныхъ мною психіатрическихъ сочиненій.

Исслѣдованія психіатрическія составляютъ очень важный матеріалъ для психологии, матеріалъ, до сихъ поръ еще недостаточно разработанный психологами. Въ приведенномъ выше № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* я указалъ на благоприятный случай вслѣдствіе котораго я занялся довольно подробнымъ изученіемъ психіатрическихъ сочиненій. Этими сочиненіями я воспользовался и въ моей диссертациі. На стр. 77, 78, 81, 89, 98, 100 и 101 моей диссертациі приведены многочисленныя подробныя ссылки, съ точнымъ обозначеніемъ страницъ, на спеціальныя психіатрическія сочиненія извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ психіатровъ, какъ *Marcé, Brierre de Boismont, Schröder van der Kolk, Leidesdorf*.

Я прошу г. Аксакова или причислить всѣ эти спеціальныя сочиненія къ *строю* цитированныхъ мною трудовъ, или же, если онъ можетъ, отыскать всѣ эти цитаты въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи и подкрѣпить свои указанія текстами. Я обѣщаю самъ г. Аксакову торжественно бросить навсегда свое перо и не писать болѣе ни слова, ежели онъ укажетъ на какіе-нибудь посторонніе источники, изъ которыхъ я выписалъ всѣ эти ссылки. Что сдѣлаетъ г. Аксаковъ, когда онъ не будетъ въ состояніи подкрѣпить свои обвиненія честными ссылками и *вѣрными* текстами? Увидимъ!

IV.

1. Несмотря на мнѣніе г. Усова что физиологія *не можетъ ни мншать, ни помогать принятію души*, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію *физиологическаго* матеріала необходимаго для разработкы этого вопроса.

Самый главный физиологическій матеріалъ, способствующій разработкѣ всѣхъ вообще психологическихъ вопросовъ, встречаемъ мы въ той части физиологіи которую обыкновенно называютъ *нервологіей*, то-есть въ наукахъ о процессахъ и отвлеченіяхъ нервной системы, находящихся, безъ всякаго сомнѣнія, въ тѣсной связи съ такъ-называемыми *психическими* явленіями.

Естественно что и физиологическій матеріалъ можетъ быть почерпаемъ или изъ *собственного опыта*, или изъ *чужаго свидѣтельства*, то-есть изъ литературы физиологіи. Отъ *психолога* нельзя требовать *собственного* физиологическаго матеріала. Физиологія совершенно особая спеціальная наука, имѣющая для психолога лишь характеръ науки *вспомогательной*. Сдѣдовательно, психологія вовсе не дѣлаетъ *самостоятельныхъ, оригинальныхъ* физиологическихъ открытій и опытовъ. Она пользуется лишь *готовыми* матеріаломъ, — *результатами* научныхъ изслѣдованій физиологовъ. Все чего можно требовать отъ психолога въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ чтобъ онъ познакомился съ *самыми* лучшими источниками физиологическаго знанія, то-есть изучилъ подлинныя сочиненія *извѣстнѣйшихъ* физиологовъ и ясно и точно понималъ содержаніе этихъ сочиненій.

Въ своей диссертациі я очень часто ссылаюсь на сочиненія *извѣстнѣйшихъ* физиологовъ и естественнспытателей. Рѣшеніе самыхъ главныхъ задачъ моего труда я основываю на физиологическомъ и вообще эмпирическомъ матеріалѣ этихъ сочиненій.

Г. Аксаковъ естественно утверждалъ и все еще утверждаетъ что всѣхъ этихъ спеціальныхъ сочиненій я не читалъ, что все мое знаніе объ нихъ почерпнуто лишь изъ постороннихъ *популярныхъ* источниковъ. Мы имѣли уже слишкомъ много случаевъ уличить всю несправедливость указаній г. Аксакова, и мы не думали бы далѣе разбирать обвиненія подобнаго

критика, еслибы другой, повидимому болѣе серьезный, критикъ не повторялъ тѣ же самыя обвиненія въ одномъ общемъ положеніи. Г. Усовъ на страницѣ 7 своей брошюры говоритъ буквально что я *вовсе незнакомъ лично съ физиологическою литературой*. Не значить ли это что всѣхъ приведенныхъ мною физиологическихъ сочиненій я вовсе не читалъ? Не есть ли это сокращеніе въ нѣсколькихъ словахъ брошюры г. Аксакова, на которую г. Усовъ ссылается какъ на трудъ *разбирающій* мою диссертацию *съ другой точки зрѣнія*. Но убѣдился ли г. Усовъ на сколько *вѣрны и добросовѣстны* указанія г. Аксакова? Далъ ли онъ себѣ *ясный и добросовѣстный* отчетъ въ томъ *какая* это *точка зрѣнія* съ которой г. Аксаковъ *разбираетъ* мою диссертацию? Настоящая статья представляетъ ему довольно богатый матеріалъ для подобнаго рода размышленій. Можетъ-быть г. Усовъ, какъ *честный критикъ*, откажется впередъ отъ ссылокъ на *такую точку зрѣнія* которая свойственна зрѣнію близорукаго. Но до сихъ поръ г. Усовъ объявляетъ себя солидарнымъ именно съ г. Аксаковымъ.

Всѣ возраженія самого г. Усова, относящіяся къ этому предмету, заключаются лишь въ *трехъ* пунктахъ. Во первыхъ, въ томъ что онъ указываетъ на будто бы невѣрныя цитаты изъ Лонже и Флуранса, приведенныя мною на основаніи сочиненій Ланге и Жане. Ниже мы увидимъ на сколько эти указанія *вѣрны* и насколько они доказываютъ личное знакомство ученаго г. Усова съ сочиненіями этихъ знаменитыхъ физиологовъ. Второй пунктъ г. Усова состоитъ въ томъ что въ выпискѣ изъ Фолькмановой статьи *Gehirn* я перевелъ нѣмецкое слово *Klasse* русскимъ словомъ *видъ*. „Ошибка, какъ г. Усовъ самъ говоритъ на стр. 7, въ *сущности* неважная.“ И наконецъ третій пунктъ, по которому г. Усовъ,—вѣроятно только вслѣдствіе своего незнакомства съ указаннымъ мною сочиненіемъ Жане,—утверждаетъ что мнѣ работы Грасіоле *вполнѣ неизвѣстны*.

Даютъ ли, спрашиваю я, эти три пункта г. Усову, если онъ *самостоятельный* критикъ, какое-либо право высказывать публично что я *вовсе незнакомъ лично съ физиологическою литературой*? Г. Усовъ самъ говоритъ о моемъ разборѣ психологическихъ воззрѣній Людвига, и ни однимъ словомъ не доказываетъ чтобъ я былъ *незнакомъ лично* съ этимъ знаменитымъ произведеніемъ *физиологической литературы*. Г. Усовъ знаетъ даже изъ брошюры самого г. П. П. Аксакова

что о моихъ ссылкахъ на Функе *Lehrbuch der Physiologie* ктѣ домину въ другихъ сочиненіяхъ; даже онъ знаетъ что мои выписки изъ Фолькмана взяты изъ подлинника и т. д. Все это должно было удержатъ г. Усова отъ сѣдлаго повторенія обвиненій г. Аксакова, все это должно было возбудить въ немъ сомнѣніе въ томъ, заслуживаетъ ли его *господинъ* Н. П. Аксаковъ *доверію* со стороны человека который предполагается серьезнымъ ученымъ. Мы видѣли насколько *честны* и *добросовѣстны* указанія этого господина относительно *психологическаго* матеріала моей диссертациі, а теперь убѣдимся насколько г. Усовъ имѣлъ право повторять со словъ его что я *вовсе* незнакомъ *лично* съ физиологическою литературой. Оказывается только что этотъ ученый профессоръ зоологіи не будетъ благодарить меня за доказательства моего *личнаго* знакомства съ сочиненіями Лонже и Флуранса.

2. Начнемъ съ Флуранса, о которомъ и ученый г. Усовъ, и провинцательный г. Аксаковъ надѣлали столько безполезнаго шуму. Единственная моя цитата изъ сочиненій Флуранса находится на стр. 38 диссертациі; вотъ она: „*Flourens, De la vie et de l'intelligence, 1858. T. II, pag. 155, * и Comptes rendus. 1851. T. XXXIII, pag. 437, и 1859, T. XLVIII, pag. 1136. См. О. Funke, Lehrbuch der Physiologie. 1860. T. II. Seit 567 и 575.*“

Относительно этой цитаты, знакомый нашъ г. Аксаковъ высказываетъ на стр. 14 три сѣдующія обвиненія, противорѣчающія другъ другу. Впервыхъ, онъ говоритъ что я, *подобно* Ульрици (въ *Gott und der Mensch*), *начинаю* указаніемъ на *несостоятельность* Флуранса отыскать центръ психическихъ явленій. Вовторыхъ, что я *ничего* не знаю о Флурансовомъ различіи между жизненными и психическими явленіями. и потому *явно* соединяю оба эти явленія, что даетъ ему поводъ напечатать нѣсколько строкъ изъ Флуранса. И третьихъ, что первую мою цитату изъ Флурансовой книги *De la vie et de l'intelligence* я взялъ по ошибкѣ изъ *соответствующаго мѣста* другаго труда Ульрици, то-есть изъ его *Богъ и природа*.

Ученый профессоръ зоологіи ссылается, на стр. 3 своихъ возраженій, на *подробный разборъ* этой цитаты сдѣланный Н. П. Аксаковымъ. Слѣдовательно и г. Усовъ раздѣляетъ обвиненія этого господина Н. П. Аксакова. Но что же слѣдуетъ изъ этихъ обвиненій?

* Это опечатка, должно быть: стр. 86.

Вопервыхъ то что, начиная подобно Ульрици указаніемъ на несостоятельность попытки Флуранса, я знаю о Флурансѣ по крайней мѣрѣ все то что о немъ говорится въ книгѣ Ульрици. Откуда иначе взялось бы это подобіе? Въ указанномъ однако самимъ г. Аксаковымъ мѣстѣ книги Ульрици *Gott und der Mensch*, очень ясно говорится о различіи дѣлаемомъ Флурансомъ между *жизненными* и *психическими* явленіями. Откуда же, спрашивается, произошло такое чудо что, говоря о попыткахъ Флуранса подобно Ульрици, я тѣмъ не менѣе не знаю того что Ульрици говоритъ о Флурансѣ, то-есть не знаю о Флурансовомъ различіи между *жизненными* и *психическими* явленіями, какъ это утверждаетъ г. Аксаковъ въ своемъ второмъ обвиненіи? Существуетъ ли что-нибудь болѣе нелѣпое этой безголовой логики г. Аксакова, на *подробный* разборъ котораго ссылается однако дѣйствительный профессоръ г. Усовъ?

Каждый видитъ что въ данномъ случаѣ представляется лишь одна возможность: или я не говорю подобно Ульрици, или же я знаю что слѣдуетъ о Флурансѣ по крайней мѣрѣ изъ самого Ульрици. Каковъ вашъ выборъ, господа критики? Положимъ что на алтарѣ истины вы принесете въ жертву мое подобіе съ Ульрици, а будете впередъ стоять за мое незнаніе Флуранса. Вѣдь Флурансъ знаменитѣе Ульрици, слѣдовательно, по вашей подслудной логикѣ, мнѣ легче знать объ Ульрици нежели о Флурансѣ. Положимъ что и такъ. Разберемъ же мое незнаніе о Флурансѣ *подробно*. Это ведетъ насъ къ анализу третьяго изъ вышеприведенныхъ обвиненій.

Я цитую и книгу Флуранса, и его статьи въ *Comptes rendus*, и *Физиологію* Функе. Далѣе касательно того же вопроса о *сѣдалищѣ души* находится у меня на той же 38 страницѣ слѣдующая буквальная ссыла: „Относительно вопроса о сѣдалищѣ души въ тѣлѣ, кромѣ вышеприведенныхъ сочиненій, *смотри еще*: G. F. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860. Т. II, с. 381—426. J. H. Fichte, *Psychologie*. Т. I, 1864. S. 35—63 и H. Ulrich, *Gott und Mensch*. Т. I, 1866. S. 105—125.“

Знаю ли я все то что находится во всѣхъ моихъ *подробныхъ* ссылахъ на Флуранса и Функе и на этихъ послѣднихъ психологовъ?

Г. Аксаковъ утверждаетъ что моя первая цитата изъ Флуранса *взята* будто изъ Ульрици, только теперь уже не изъ сочиненія *Богъ и человекъ*, но изъ *соответственнаго* мѣста

другъ и книги Ульрици *Богъ и природа*, гдѣ впрочемъ Ульрици цитуетъ не стр. 155 (должно быть 85), какъ я, но 156 (*Gott und die Natur*, 2е изд. 1866, стр. 260). Но о чемъ же говорить Ульрици въ этомъ *соответственномъ мѣстѣ*? Снова о *жизненной и психической силѣ* и о томъ что Флурансъ признаетъ *особую* жизненную силу? Итакъ, я снова изъ *другой* книги Ульрици узналъ нѣчто о Флурансовомъ витализмѣ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! кричать мои критики въ гармоническомъ дуэтѣ, одинъ тоненькимъ дискантомъ, а другой полнымъ басомъ. „Нѣтъ и нѣтъ! Все что знаешь о Флурансѣ, ты *взялъ* изъ Ульрици, но ты о Флурансѣ *ничего* не знаешь.“

Я по характеру своему очень уступчивъ, особенно въ мелочахъ. Потому сдѣлаю уступку дуэту моихъ критиковъ. Положимъ что я *взялъ* изъ Ульрици что только могъ относительно Флуранса и что, къ удовольствію моихъ критиковъ, въ слѣдующія минуты я забылъ обо всемъ этомъ, какъ будто бы я ничего не узналъ о Флурансѣ изъ Ульрици. Пусть же такъ. Но у меня есть много чего нѣтъ у Ульрици, у меня есть ссылки на *Comptes rendus*, на Функе, на Фехнера и Фихте. Откуда я все это *взялъ*? и не знаю ли я снова *ничего* что находится въ этихъ ссылкахъ? Но оставляю шутки въ сторонѣ. Буду говорить серьезно, и потому прежде всего позволяю себѣ спросить моихъ строгихъ критиковъ: повѣрили ли *они* мои ссылки и узнали ли *они* объ ихъ содержаніи?

Ежели какой-нибудь авторъ говоритъ читателю въ ссылкѣ *смотри*, а потомъ ниже повторяетъ *смотри еще*, какъ я дѣлаю на стр 38 диссертациі, то кажется, по общему обычаю образованнаго литературнаго міра, онъ *обязываетъ* симъ *всѣхъ добросовѣстныхъ* критиковъ отыскать эти ссылки и прочитывать ихъ содержаніе.

По моему мнѣнію, ссылки составляютъ нераздѣльную часть каждаго сочиненія. Кто не читаетъ ссылокъ, сдѣланныхъ авторомъ, тотъ не понимаетъ его вполнѣ; тотъ не можетъ позволять себѣ критиковать его, ибо ссылки содержатъ часто подробное развитіе мысли автора, развитіе необходимое для полнаго пониманія его воззрѣній.

Чтобы принудить читателя прочитать и содержаніе этихъ ссылокъ, многіе авторы не ограничиваются одними ссылками, но отпечатываютъ всѣ нужныя имъ мѣста изъ чужихъ книгъ. Этотъ методъ очень практическій въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ облегчаетъ читателю непосредственное пониманіе

автора, и восторжхъ—и это для многихъ авторовъ составляетъ главный мотивъ—при помощи такихъ выписокъ сочиненіе очень легко можетъ быть удвоено или утроено по объему.

Г. Аксаковъ впадаетъ въ ужасное негодованіе что вся моя диссертация составляетъ лишь, какъ онъ говоритъ, „тоненькую, изъ 101 съ половиною страницъ состоящую брошюрку.“ Но мой любезный молодой литераторъ, уважающій лишь *толстые* книги, забылъ совершенно что еслибъ я отпечаталъ въ своей диссертации всѣ мѣста изъ чужихъ сочиненій, на которыя я ссылаюсь—какъ это дѣлаютъ многіе авторы, то въ такомъ случаѣ уваженіе его къ моей диссертации очень легко удвоилось, или утроилось бы.

Но я имѣлъ два повода не печатать въ своей диссертации полныхъ выписокъ изъ чужихъ сочиненій. Я не хотѣлъ перерывать собственнаго изложенія предмета введеніемъ чужихъ словъ, требующихъ часто разныхъ полемическихъ и объяснительныхъ замѣтокъ, и восторжхъ, я писалъ диссертацию съ ученою цѣлю, и при ея сочиненіи имѣлъ въ виду исключительно читателей знающихъ хорошо предметъ о которомъ я говорю и знакомыхъ вслѣдствіе этого съ сочиненіями которыя я привожу. Для *такихъ* читателей не нужны цѣлыя выписки изъ чужихъ сочиненій, для нихъ довольно однихъ ссылокъ; они или знаютъ уже мнѣнія приведенныхъ авторовъ, или безъ всякихъ затрудненій могутъ получить ихъ сочиненія и узнать о содержаніи цитованныхъ мѣстъ.

Я никогда не думалъ что кто-нибудь возьмется за оцѣнку моей диссертации не принимая во вниманіе содержанія тѣхъ мѣстъ изъ чужихъ сочиненій на которыя я ссылаюсь какъ на статьи заключающія въ себѣ или необходимый для даннаго вопроса матеріалъ, или даже ближайшее развитіе представляемыхъ мною воззрѣній. Тѣмъ болѣе мнѣ никогда въ голову не приходило что я буду имѣть такихъ критиковъ которые выскажутся публично что я не знаю обо всемъ томъ что составляетъ содержаніе приведенныхъ мною и лишь ими самими нечитанныхъ мѣстъ изъ чужихъ сочиненій!

Я спрашиваю теперь еще разъ, читали ли гг. Аксаковъ и Усовъ приведенныя мною мѣста изъ сочиненій Функе, Фехдера и Фихте? Я отвѣчаю что нѣтъ, ибо иначе они не говорили бы что я не знаю о томъ что составляетъ содержаніе моихъ

ссылочъ, находящихся *лишь* въ моей диссертациі. Посмотримъ что говорится въ этихъ мѣстахъ. Начнемъ съ Функе.

Функе въ приведенномъ мною мѣствѣ, стр. 567, второй, томъ его физиологіи, говоритъ слѣдующее: „Eine kleine, wenige Linien umfassende graue Parthie ist es, deren Verletzung rasch den Tod durch plötzlichen Stillstand der *Athembewegungen*, und des Herzens bedingt, während das gesammte Gehirn mit seinen Basalganglien abgetragen werden kann, ohne dass die wesentlichsten Glieder der vegetativen *Lebensprocesse*, Athmung und Herzthätigkeit, unmittelbar alterirt oder gar sistirt werden. *Flourens*, der Entdecker dieser Thatsache, nannte die betreffende in der Spitze des *calamus scriptorius* gelegene Substanz, *noeud vital*, *Lebensknoten*, eine Bezeichnung, welche richtig ist, wenn damit eben *nur* der schnell tödtliche Erfolg der Verletzung dieser Stelle bezeichnet werden soll, welche aber *nicht richtig ist in Flourens Sinne*, welcher früher glaubte, dass in dieser Stelle das *Centrum des Lebens des Nervensystems* und somit des thierischen Lebens überhaupt liege: Brown-Sequard hat die Bedeutung jener Stelle und die Ursache des Todes nach ihrer Verletzung *besser erklärt*“ и т. д. А на слѣдующей страницѣ Функе говоритъ: „*Flourens* selbst hat sich *neuerdings* überzeugt, dass es ein paariges Organ ist, dass ferner der tödtliche Erfolg nur eintritt, wenn beide Seitenhälften desselben verletzt werden.“

Изъ этого видно что я не отъ гг. Усова и Аксакова только узналъ о различіи физиологическихъ отравленій большаго мозга и о Флурансовомъ *noeud vital*, именно объ различіи которое дѣлаетъ Флурансъ между физической и психической силой. Изъ этого видно что я уже изъ Функе узналъ то чего эти господа до сихъ поръ не знаютъ, то-есть что нужно различать *двокое* ученіе Флуранса о *noeud vital*, первое, по которому онъ считалъ *noeud vital* *жизненнымъ центромъ всей нервной системы*, и другое, по которому онъ признаетъ что *noeud vital* не составляетъ *одного* центрального пункта *всей жизни нервной системы*, но состоитъ изъ двухъ разныхъ частей, и что смерть слѣдуетъ лишь послѣ поврежденія *обоихъ* частей, вслѣдствіе пріостановки дыханія.

Говоря о *noeud vital* Флуранса, я имѣлъ въ виду его первое ученіе, тѣсно связанное съ его общими взглядами, какъ это видно изъ словъ Функе *in Flourens Sinne*, относящихся къ этому первому ученію, хотя Функе непосред-

ственно послѣ этого указываетъ и на измѣненіе этого ученія самимъ Флурансомъ. По мѣткому выраженію профессора Юркевича, *poeid vital* Флуранса принимается и въ моей диссертациі вообще въ *наружательномъ* смыслѣ. Г. Усову знакомо *лишь* одно ученіе Флуранса, по которому *poeid vital*, по выраженію г. Усова, есть только *нервный центръ управляющій дыханіемъ*. Первоначальное же ученіе Флуранса, извѣстное и въ физиологіи, и въ психологіи подъ именемъ *этого* ученаго, *вовсе* неизвѣстно лично г. Усову, и вотъ первоначальная причина всего недоразумѣнія въ этомъ отношеніи. Г. Усову, къ сожалѣнію, *вовсе* незнакомо лично указанное въ моей диссертациі и выше отпечатанное мѣсто изъ физиологіи Функе, иначе онъ имѣлъ бы свѣдѣніе объ этихъ двухъ *разныхъ* взглядахъ Флуранса на *poeid vital*.

Не было задачей моей диссертациі развивать ближе возрѣнія Флуранса на значеніе *poeid vital* и его отличіе отъ психическихъ отправленій головного мозга. Весь этотъ вопросъ относится къ психологической наукѣ о такъ-называемомъ *сѣдалищѣ души*, и потому я въ этомъ отношеніи, держась, какъ слѣдуетъ, *строго* своего предмета, и не желая повторять за другими авторами того что они, по моему мнѣнію, совершенно достаточно разъяснили, ссылаюсь на обширныя изысканія этого предмета въ специальныхъ сочиненіяхъ Фехнера, Фихте и Ульрици.

Фехнеръ говоритъ объ этомъ вопросѣ обширнѣе и основательнѣе всѣхъ другихъ, потому я поставилъ его въ самомъ началѣ, цитую его *Психофизику*, томъ II, стр. 381 до 426. Прошу не забыть что вслѣдствіе такой ссылки эти 45 страницъ Фехнеровой книги сдѣланы мною необходимою объяснительною частью диссертациі, въ особенности для такихъ читателей и критиковъ, для которыхъ вопросъ о *сѣдалищѣ души* совершенно новъ какъ *спеціальная* часть *неспеціальной* для нихъ и имъ *лично* *вовсе* незнакомой науки, психологіи. Отчего мои критики не заглянули къ Фехнеру?

На стр. 400 и слѣд. Фехнеръ развиваетъ обширно понятія о *poeid vital* въ отношеніи къ вопросу о *сѣдалищѣ души*. Тамъ же, на стр. 402, находится выписка *пятнадцати* строкъ подлинныхъ словъ Флуранса. Два первые періода этой выписки совладаютъ съ выпискою словъ Флуранса приведенныхъ г. Аксаковымъ на стр. 15 его брошюры и сопровождаемыхъ замѣткой что мнѣ эти слова неизвѣстны. Естественно

я вѣдь говорю о Флурансѣ подобно Ульрици, не зная вовсе того что говоритъ Ульрици, а говоря что-то другое; отчего же мнѣ не сослаться на тѣ части книги Фехнера гдѣ онъ говоритъ о Флурансѣ, и притомъ однако не звать что говорить о немъ Фехнеръ.

Слѣдую тактикѣ г. Аксакова, я долженъ бы сказать что приведенныя имъ на помянутой страницѣ слова Флуранса, онъ *схватилъ* не изъ подлинника, но изъ 402 страницы Фехнеровой *Психофизики* и то *безъ названія источника*. Да, вѣдь эти приведенныя г. Аксаковымъ слова находятся *буквально* уже у Фехнера. Но на этотъ разъ эта тактика снова какъ-то не достигаетъ цѣли; г. Аксаковъ не справлялся или съ Фехнеромъ, или съ совѣстью, иначе онъ не приводилъ бы мнѣ какъ новость слова Флуранса, находящіяся во французскомъ подлинникѣ у Фехнера въ тѣхъ именно мѣстахъ на которыя я ссылаюсь въ своей диссертации, и кромѣ того не говорилъ бы такихъ вещей которыя показываютъ что онъ вовсе не знакомъ съ психологическими теоріями о *стѣдальницѣ души*. Я спрашиваю *разумнаго* читателя, виновать ли я въ томъ что мои любезные, *добросовѣстные* критики не знакомы *лично* съ указаннымъ мною мѣстомъ сочиненія Фехнера, въ которомъ на 45ти страницахъ говорится лишь о томъ *какая* часть нервной системы могла бы служить *стѣдальницею души*. Логическая и нравственная *ответственность* за ужасную путаницу, возникшую въ головахъ моихъ критиковъ вслѣдствіе такого незнакомства съ приведенными мною мѣстами психологическихъ сочиненій, падаетъ конечно на самихъ же подобнаго рода критиковъ.

Я не могу здѣсь разбирать обширно всего того что въ отношеніи нашего вопроса говоритъ Фехнеръ о Флурансѣ, Бронъ-Секарѣ, Р. Вагнерѣ, Гербартѣ, Лотце и другихъ. Я прошу моихъ критиковъ сперва прочитать мои ссылки на Фехнера и другихъ психологовъ, ибо изъ нихъ они узнаютъ какое значеніе имѣлъ Флурансовъ *poesid vital* въ психологической наукѣ о *стѣдальницѣ души*, и въ какомъ значеніи я, какъ психологъ, для котораго этотъ вопросъ не новость, указываю на этотъ *физическій центръ* не одного дыханія, но всей *нервной системы*. *

* Послѣ окончанія моей статьи, я получилъ изъ Москвы 1й выпускъ второй серіи полемическихъ упражненій г. Аксакова. Онъ оставляетъ

Равнымъ образомъ здѣсь я не могу развивать моихъ взглядовъ относительно Флурансова различія *витальной* и *психической* силъ, вообще относительно столь пресловутаго, особенно во французской психологіи, спора между *виталистами* и *анимистами*. На 33 стр. моей диссертациі приведены три сочиненія занимающіяся *спеціально* анализомъ этихъ послѣднихъ психологическихъ теорій. Эти сочиненія: Bouillier, *Du principe vital et de l'âme pensante*, 1861; Bauchut, *La vie et ses attributs*, 1862, и Saisset, *L'âme et la vie*, 1864. Извѣстны ли эти сочиненія моимъ господамъ критикамъ? Къ сожалѣнію, я долженъ сказать что оба эти бранчивые господа, въ нѣкую брань, не замѣтили даже заглавій этихъ сочиненій въ моей диссертациі, иначе они не толковали бы о различіи витализма и анимизма съ горячностью приводящею на мысль

здѣсь совершенно въ сторону всѣ свои прежнія обвиненія и приступаетъ къ другимъ придиркамъ, относящимся болѣе къ самому *содержанію* моей диссертациі. Главная часть этого выпуска направлена противъ моего положенія что Флурансъ, Лотце и Фикъ „*всѣми силами стараются доказать сосредоточеніе тѣлеснаго организма, въ особенности нервной системы, въ одномъ пунктѣ*“. Въ доказательство что эти физиологи сказанное мною дѣлать *не стараются*, г. Аксаковъ приводитъ тѣ мѣста изъ ихъ сочиненій которыя показываютъ что они этого сосредоточенія *не доказали*. Вѣдь и я говорю что они этого *не доказали*, но что они *старались*, да, *всѣми силами* стараюсь доказать такое сосредоточеніе, это показываютъ уже приведенныя самимъ г. Аксаковымъ слова изъ Лотце (стр. 9 Аксакова, 1го выпуска), на котораго ссылается Фикъ. Хотя Лотце здѣсь признаетъ что *анатомія пока еще не нашла сидлища души* и впередъ его, вѣроятно, не отыщеть, однако онъ тутъ же говоритъ что „*признать этотъ узелъ вмѣстѣлищемъ души вынуждаетъ насъ непосредственная понятность пользы этого снаряда*“. Впрочемъ, какъ доказательство что ученіе Лотце всѣ знающіе дѣло понимаютъ такъ какъ я, я привожу здѣсь слова физиолога Вагнера, который занялся *спеціальнымъ* изслѣдованіемъ теоріи Лотце съ физиологической точки зрѣнія въ приведенной въ моей диссертациі статьѣ: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotze und Fichte über den Sitz der Seele*, въ *Göttingische Nachrichten*, 1860, № 6, гдѣ, на стр. 52, Вагнеръ говоритъ: „Für Lotze ist die Seele nur eine intensive Substanz von absoluter und einfacher Raumlosigkeit, welche, einem mathematischen Punkte vergleichbar, in einer bestimmten Stelle des Gehirns, als den Sitz des Sensorium commune gedacht werden muss.“ Это значитъ: „Для Лотце душа есть интенсивная, абсолютно-непространственная субстанція,

скорѣе молодую дѣвочку, разказывающую внимательнымъ слушателямъ вещи неслыханныя, совершенно новыя, чѣмъ спокойнаго и безпристрастнаго критика. Изъ этихъ сочиненій они бы узнали что именно понимаютъ въ настоящее время подъ именемъ *анимизма*, котораго главнымъ представителемъ во Франціи служить первый изъ приведенныхъ въ моей диссертациіи авторовъ, то-есть Булье, и противъ котораго выступаетъ послѣдній, то-есть Сессе.

Пожалуй я признаюсь моимъ критикамъ что по моимъ психическимъ убѣжденіямъ я вовсе не *виталистъ*, принимающій вмѣстѣ съ Бартесомъ, Биша, Флурансомъ, Иоанномъ Миллеромъ, Рудольфомъ Вагнеромъ, Либихомъ, Шредеромъ-Фоккертъ-Колькомъ и другими, существованіе *особой* силы жизни, отличной не только отъ физическихъ силъ, но и отъ самосто-

которая, будучи похожа на математическую точку, должна быть помѣщена въ *опредѣленномъ* мѣстѣ мозга, мыслимомъ какъ *сѣдалище sensorium commune*.^{*} Наконецъ замѣтимъ что г. Аксаковъ приводитъ лишь стр. 115 сочиненія Лотце *Medicinische Psychologie* и хранитъ въ тайнѣ стр. 118 и 119, гдѣ именно Лотце *въсми силами* старается отыскать сѣдалище души. Онъ упоминаетъ здѣсь что *много* искали сѣдалища души въ *спрой субстанціи полушарій большого мозга* и продолжаетъ буквально: „*geeigneter dürften Partien ungefäserter Substanz sein, die sich an Masse freilich viel unbedeutender in den Verbindungs-theilen des Gehirns, in dem pons Varolii und seinen nächsten Umgebungen befinden, und bis zu denen man die Ursprünge der meisten Hirnnerven mit hinreichender Sicherheit verfolgt hat.*“ Изъ этого видно что Лотце указываетъ на *pons Varolii* какъ на мѣсто которое было бы болѣе пригодно (*geeigneter*) для сѣдалища души нежели *сѣрая субстанція полушарій большого мозга*. На слѣдующихъ страницахъ Лотце разбираетъ ближе это мѣсто и устраняетъ разныя возраженія *противъ* принятія его какъ *спройтнаго* сѣдалища души, и доходитъ наконецъ на стр. 122 до развитія мысли что душа, какъ *пунктъ*, находится естественно всегда только въ одномъ *пунктѣ* мозга, но что она въ извѣстныхъ границахъ перемѣняетъ свое мѣсто, соотвѣтственно силѣ дѣйствующихъ на нее раздраженій, причежъ, однако, добавляетъ: „*doch würde muthmasslich der bleibende Einfluss der übrigen entgegengesetzten Erregungen sie stets nur kleine Wege beschreiben lassen*“. Въ эти и подобнаго рода разсужденія Лотце я называю *стараніемъ доказать въсми силами сосредоточеніе нервной системы въ одномъ пунктѣ*. И такъ называютъ эти стремленія Лотце *въсми силами* дѣла физиологи и психологи, и лишь невѣжество и *подслупныя* цѣли могутъ нападать на такое воззрѣніе.

ятельнаго *психическаго* начала, то-есть отъ души. Далѣе я вовсе и не *спиритуалистъ* въ духѣ Картезія, по которому органическая жизнь есть простой результатъ химическихъ и физическихъ процессовъ, а только душа, какъ мыслящее и сознающее себя существо есть результатъ *особаго* духоваго начала, какъ это учатъ Мэнъ де-Биранъ, Жюффрау, Сессе, Гарнье, отчасти Клодъ-Бернаръ, далѣе Лотце, отчасти и Вирховъ. По моимъ біологическимъ и психологическимъ воззрѣніямъ, мои противники пусть причисляютъ меня къ *анимистамъ*, отождествляющимъ понятія жизни и души, какъ-ковы: Пуркинъ, Булье, Тиссо, Лемуанъ, далѣе младшій Фихте, Фехнеръ, къ которымъ въ сущности принадлежитъ и Ульрици.

Естественно что здѣсь я олять не могу доказывать обширно теорію *анимизма* въ отличіе отъ *витализма* и *спиритуализма*. Это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ моей главной задачи. По этой-то самой причинѣ я не могъ заниматься въ моей диссертациіи этимъ предметомъ, хотя онъ и очень важенъ, и очень интересенъ. Чтобы однако предъ моими строгими критиками оправдать мою большую погрѣшность, состоящую въ томъ что въ диссертациіи я вездѣ, по словамъ г. Аксакова, *явно* соединяю психическія явленія съ жизненными явленіями, я бы хотѣлъ сказать слѣдующее:

3. *Анимизмъ* есть психологическое воззрѣніе, по которому *жизнь* и *душа* не выводятся изъ *двухъ* различныхъ началъ, но изъ *одного*, то-есть по которому, какъ я сказалъ выше, жизнь и душа *отождествляются*. Нѣтъ жизни безъ души, и наоборотъ нѣтъ души безъ жизни — вотъ теорія *анимизма*. Жизнь и душа имѣютъ *одно* общее начало, отличное лишь отъ физическихъ началъ; его характеристическій признакъ есть *самодѣятельность*, *самодвиженіе* (*spontanéité*). *Матерія* движется лишь вслѣдствіе *внѣшнихъ* причинъ, *внѣшнихъ* толчковъ. Напротивъ существа *живыя*, *одушевленные* движутся не только вслѣдствіе *внѣшнихъ* толчковъ, но преимущественно вслѣдствіе врожденной имъ *живой* силы. Если растенія *живутъ*, ежели они развиваются на основаніи собственной *живой* силы, то они принадлежатъ тоже къ существамъ *одушевленнымъ*. То же самое нужно сказать о животныхъ. Жизнь растеній, жизнь животныхъ и жизнь человѣка составляютъ только разные роды *одушевленія*; разные формы *душевныхъ* способностей и явленій.

Противъ такихъ положеній анимизма, витализма и спиритуализма выступаютъ съ критическими замѣчаніями что основнымъ характеристическимъ признакомъ душевной жизни служить не *самодвиженіе*, но *мысль, сознаніе*. Только существо *мыслящему, владѣющему сознаніемъ* присуща *душа*, только явленія основанныя на *сознаніи* могутъ быть названы *психическими*.

Въ опроверженіе этихъ возраженій, анимизмъ указываетъ на сотни явленій психической жизни не соединенныхъ однако съ сознаніемъ. Не принимаетъ ли душа огромнаго участія въ *несознательной* жизни человѣка напримѣръ въ разныхъ родахъ сна? Не дѣйствуетъ ли *душа* во снѣ и безъ *сознанія*? Мало ли приводитъ опытная психологія примѣровъ доказывающихъ такое дѣйствіе души и при отсутствіи *сознанія*? Есть факты доказывающіе что во время сна, то-есть безъ всякаго *сознанія*, поэты сочиняли стихи, композиторы музыку; даже ученые занимались иногда во снѣ рѣшеніемъ самыхъ сложныхъ задачъ, требующихъ большаго умственнаго труда, напримѣръ задачъ математическихъ.* Кроме того, мало ли мы совершаемъ *несознательныхъ* психическихъ дѣйствій и во время бодрствованія? Мало ли мыслей, чувствованій и побужденій вступаютъ въ наше *сознаніе* съ совершенно готовымъ, выработаннымъ содержаніемъ, хотя наше *сознаніе* въ этой работкѣ не принимало ни малѣйшаго участія? Сколько разнообразныхъ мыслей и знаній, чувствованій и стремленій лочиваютъ въ *несознательной* глубинѣ нашей души и вступаютъ въ

* Очень любопытные факты подобнаго рода можно найти между прочимъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Burdach, *Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft*. 1830. Т. III, стр. 464 и слѣд. Далѣе въ статьѣ приведеннаго выше знаменитаго физиолога Purkinje, *Waches Schlaf, Traum und verwandte Zustände* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. Т. III. Abth. 2, стр. 412 и слѣд. Въ приведенномъ въ моеѣ диссертациі нѣсколько разъ сочиненіи Gessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855, и въ соответственныхъ частяхъ антропологіи Фихте. Далѣе въ обширномъ сочиненіи, удостоенномъ преміи французскимъ Институтомъ, приведеннаго выше Albert Lemoine, *Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique*, 1855, и наконецъ особенно въ сочиненіи известнаго психіатра Briere de Boismont, *Des Hallucinations, ou histoire raisonnée des apparitions, des visions, des songes, de l'extase, des rêes, du magnetisme et du somnambulisme*. 3e ed. 1862.

наше сознание только по временамъ и только при удобныхъ случаяхъ! Однимъ словомъ, психологія основанная не на отвлеченныхъ теоріяхъ, но на психическихъ фактахъ можетъ доказать, на каждомъ шагѣ, что душа и сознание вовсе не тождественны. что понятіе души гораздо шире понятія сознания, что есть душа безъ сознания, хотя нѣтъ сознания безъ души. Сознание составляетъ одно изъ явленій души, правда явленіе самое высшее и зрѣлое, но при всемъ томъ душа существуетъ, дѣйствуетъ, развивается. живетъ и безъ сознания. Психологія животныхъ и вообще сравнительная психологія подтверждаютъ эти положенія новыми богатыми фактами.* Слѣдовательно нѣтъ никакой причины противопоставлять жизнь душъ и выводить ихъ изъ двухъ совершенно разныхъ началъ. Особая сила жизни виталистовъ не что иное какъ эта же самая душа, только въ своемъ несознательномъ дѣйствіи.

Вотъ вкратцѣ объясненіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ въ диссертациі я явно не различалъ и въ будущемъ различать не стану витальной силы отъ психической; вотъ причины вслѣдствіе которыхъ первоначальное ученіе Флуранса о *logos vital* какъ *физическомъ центрѣ* всей нервной системы придало для психологіи значеніе центра психической жизни.

Еслибы мои критики знали психологію и имѣли какое-нибудь понятіе о вышеломянутомъ анимизмѣ, то они не толковали бы о томъ что мнѣ не знакомъ витализмъ Флуранса, но изъ моихъ положеній они сейчасъ бы узнали что я не признаю различія витальной и психической силы. Они могли если имъ угодно было, заняться критикой анимизма, возстать противъ его началъ, но всѣ ихъ очень давно извѣстныя заявленія о витализмѣ Флуранса, высказанныя имъ какъ какая-нибудь гениальная новость, были совершенно излишни, равнымъ образомъ излишни всѣ ихъ выписки изъ Флуранса, ибо все что они говорятъ и приводятъ о его витализмѣ не направлено ни однимъ словомъ противъ анимизма, противъ раздѣляемой мною психической теоріи о тождествѣ витальной и психической силы.

* Смотри въ этомъ отношеніи особенно сочиненія: Perty, *Ueber das Seelenleben der Thiere. Thatsachen und Betrachtungen.* 1865. С. G. Carus, *Vergleichende Psychologie.* 1866, и соответственные части сочиненія Wundt, *Vorlesungen über die Menschen und Thierseele.* 1863.*

4. Перейдемъ къ другимъ физиологамъ.

Въ доказательство совершеннаго отсутствія *единства* нервной системы, *одного* центральнаго пункта, на основаніи котораго можно было бы объяснить *физиологически* эмпирико-психологическій фактъ *единства* сознанія, я ссылаюсь на изсѣдованія Пфлюгера, Шиффа, Вагнера и Бронъ-Секара, съ указаніемъ на Функе и Вирхова.

Относительно Пфлюгера г. Аксакѡвъ, какъ кажется, уличенъ такъ окончательно что уже не нужно объ этомъ болѣе и говорить. Отпечатанныя рядомъ и въ № 85 *Московскихъ Вѣдомостей* и на стр. 732 и слѣд. апрѣльской книжки *Русскаго Вѣстника*, слова изъ книги Ульрици и изъ моей диссертациі, очевидною своею разрѣшаютъ вопросъ о литературной добросовѣстности г. Аксакѡва, который на стр. 15 утверждаетъ что я взялъ изъ Ульрици *до буквальной схожее обсужденіе* теоріи Пфлюгера и *ссылку* на него. Наконецъ напечатанное мною въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* мѣсто изъ стр. 109 моего нѣмецкаго сочиненія *Zur Entstehung der Seele*, 1862, изданнаго ровно за *четыре* года до изданія книги Ульрици, доказываетъ что я высказалъ свое мнѣніе о Пфлюгерѣ *четыре* года раньше Ульрици. Можно ли очевидно обличить всю *добросовѣстность* господина Н. П. Аксакѡва, на котораго ссылается профессоръ Усовъ относительно *подробнаго разбора* моей диссертациі съ *другой точки зрѣнія*.

Я не думаю печатать здѣсь вторично всѣ эти документы оправдывающіе меня отъ литературно-уголовныхъ обвиненій г. Аксакѡва, и обвиняющіе въ свою очередь его самого. Укажу здѣсь лишь еще на одинъ моментъ доказывающій что мое знаніе о мнѣніяхъ Пфлюгера почерпнуто *исключительно* изъ его подлиннаго сочиненія *Die sensorischen Functionen des Rückenmarks*.

На стр. 39 диссертациі я указываю на гипотезу Пфлюгера о существованіи *множества душъ* въ нервной системѣ. Объ этой гипотезѣ Ульрици не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Ульрици указываетъ лишь на то что по мнѣнію Пфлюгера „не только головной, но и спинной мозгъ имѣетъ чувственныя отправленія, или какъ онъ (Пфлюгеръ) выражается. кошка, которой перерѣзали спинной мозгъ, получаетъ *два души*“. Это послѣднее приведенное Ульрици выраженіе Пфлюгера, высказанное съ отгѣнкомъ нѣкоторой ироніи, не могло служить для меня достаточнымъ основаніемъ говорить о Пфлю-

геровой гипотезѣ, допускающей *множество* душъ въ нервной системѣ. Въдъ при сочиненіи моей диссертациі я вовсе не зналъ что ни г. Аксаковъ, ни г. Усовъ не читають ссылокъ критикуемыхъ ими трудовъ; я долженъ былъ въ то время опасаться что кто-нибудь изъ нихъ случайнымъ образомъ возьметъ въ руки приведенное мною сочиненіе Пфлюгера и найдетъ тамъ вмѣсто гипотезы о *множествѣ душъ* лишь ту *иронію* на гипотезу что перерѣзанная кошка получаетъ *двѣ души*. Нѣтъ, подобному риску я не думалъ подвергаться. Пусть уже г. Аксаковъ подвергаетъ очевидному риску свою литературную репутацію несправедливыми, недобросовѣстными обвиненіями; пусть за нимъ и ученый зоологъ г. Усовъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ свое личное знакомство съ сочиненіями Лонже и Флуранса,—я ничего подобнаго не дѣлалъ и дѣлать не буду. Въ доказательство что я не говорилъ на рискъ о Пфлюгеровой гипотезѣ, приведу здѣсь самыя характеристическія мѣста изъ упомянутаго труда Пфлюгера, и притомъ въ подлинникъ, чтобы не дать г. Усову повода упрекать меня въ неточности перевода. Въдъ и онъ цѣлыя страницы своей брошюры налагаетъ французскими и нѣмецкими выписками, и притомъ совершенно излишними, потому что онъ не *доказываютъ* того что онъ желаетъ доказать.

На стр. XII Пфлюгеръ говоритъ: „*Bis jetzt wissen wir bereits, dass die Seele der niederen Thiere ein theilbares Individuum ist, das mit dem Schitte in so viele Individuen zerfällt als Körperstücke vorhanden sind. Ich werde zeigen, dass die Theilbarkeit des Sensoriums nicht allein für die niedersten Thiere, sondern für die ganze Thierwelt gilt.*“

На стр. 33 Пфлюгеръ развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „*Da es eine ausgemachte Sache ist, dass das Bewusstsein in den niederen Thieren theilbar ist, dass das eine Bewusstsein einer Naide z. B. in so viel Bewusstseinscentra zerlegt werden kann, als Stücke aus dem Thiere gebildet werden durch beliebige Theilung, so wäre es eben eine grosse Frage, ob das nicht auch bei den höheren Thieren der Fall sein könne, wenn wir es nicht gerade zu der Analogie halber als ein Wahrscheinliches hinstellen wollen. Wenn nun dem Rückenmarke sensorische Functionen zukämen, so könnte nach der gegebenen Analogie das eine Centralbewusstsein eines Thieres durch Durchschneidung des Rückenmarkes in so viel Bewusstseinscentra zerlegt werden, als das Centralmark in Stücke zerlegt ist.*“

Далѣе, на этой же страницѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, Пфлюгеръ говоритъ объ особенномъ *сознаніи* спиннаго мозга, отличномъ отъ *сознанія* головнаго мозга (Rückenmarksbewusstsein и Hirnbewusstsein). Наконецъ на стр. 132 онъ въ одномъ положеніи высказываетъ главный результатъ своихъ изслѣдованій, говоря: „So glaube ich das mir vorgestreckte Ziel erreicht, d. h. nachgewiesen zu haben, dass das *Sensorium* durch das ganze *Cerebrospinalorgan* verbreitet sei.“

Если при этомъ обратимъ вниманіе на многочисленные примѣры, посредствомъ которыхъ Пфлюгеръ доказываетъ что обезглавленные животныя сохраняютъ какъ способность чувствовать, такъ и способность отвѣчать на раздраженія посредствомъ *свободныхъ* движеній (willkührliche Bewegungen), въ отличіе отъ такъ-называемыхъ рефлексовъ; далѣе, что по Пфлюгеру даже отрѣзанный хвостикъ ящерицы представляетъ всѣ тѣ явленія, чувствованія и движенія какія мы встрѣчаемъ въ хвостикѣ соединенномъ съ остальнымъ тѣломъ (такой хвостикъ, по Пфлюгеру, даже *самостоятельно* отвращается отъ усиливаемаго огня); то кажется я имѣлъ полное основаніе говорить о Пфлюгеровой гипотезѣ, по которой, какъ я на стр. 39 диссертациіи сказалъ, „въ каждомъ нервномъ центрѣ находятся всѣ условія приписываемыя такъ-называсмой душѣ, то-есть способность чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія.“

Объ этой-то гипотезѣ Пфлюгера, выраженной у меня съ совершенною вѣрностью, точностью и ясностью, я никакъ не могъ узнать ни изъ Ульрици, ни изъ какого-нибудь посторонняго источника, но исключительно изъ приведеннаго мною въ полномъ заглавіи сочиненія самого Пфлюгера. А ежели г. Аксѣева удивляетъ то обстоятельство что всѣхъ этихъ любопытныхъ вещей изъ Пфлюгера я не описываю подробно для увеличенія объема моей диссертациіи, то я скажу ему что этого я не дѣлалъ, вопервыхъ, потому что не имѣлъ цѣли отвлекать вниманіе читателя отъ моего главнаго предмета приведеніемъ спеціальностей не относящихся непосредственно къ моему предмету, а во вторыхъ, потому что зналъ хорошо что не только Экартъ, Молевиотъ и Людвигъ, но и другіе физиологи, въ особенности Гольцъ (Goetz), возстали очень сильно противъ Пфлюгеровыхъ изслѣдованій. На это я очень ясно указываю въ своей диссертациіи, какъ въ началѣ, такъ и въ

концѣ моихъ замѣчаній о Пфлюгерѣ. Въ началѣ я говорю: „Уже изслѣдованія Пфлюгера возбуждали величайшее сомнѣнiе въ дѣйствительномъ существованiи единства нервной системы.“ Прошу замѣтить, я не говорю что Пфлюгеръ своими изслѣдованiями доказалъ что-нибудь, я говорю только что они возбуждали сомнѣнiе. А это и было дѣйствительно. Далѣе, я оканчиваю замѣтку о Пфлюгерѣ слѣдующими словами: „Изслѣдованiя Пфлюгера въ новѣйшее время часто были *повѣряемы* и побуждали къ новымъ, *болѣе точнымъ* наблюдениямъ.“ Не значитъ ли это что я хорошо зналъ что изслѣдованiя Пфлюгера признаны физиологами *не довольно вѣрными* и *не достаточно точными*? Наконецъ, непосредственно послѣ этихъ указанiй, я говорю: „Для насъ, въ нашемъ вопросѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманiя изслѣдованiя И. М. Шиффа и Рудольфа Вагнера.“ Это снова показываетъ что я хорошо зналъ о *другихъ* физиологахъ занимавшихся *повѣркой* Пфлюгеровыхъ изслѣдованiй, и что изъ числа этихъ физиологовъ я избираю лишь Шиффа и Вагнера, какъ *заслуживающихъ особеннаго вниманiя* въ нашемъ вопросѣ. Откуда, спрашиваю я, при такихъ данныхъ, юному философу, знающему все это изъ моей диссертации, приходитъ въ голову учить меня и упрекать въ томъ что я, будто бы, „излагаю теорiю Пфлюгера какъ стоящую внѣ всякихъ научныхъ сомнѣнiй“. Признаюсь, я полпалъ въ руки *компетентнаго учителя!* И г. Усовъ ссылается на *такой* авторитетъ!

5. На стр. 39й моей диссертации, какъ сказано, я указываю на Шиффа и Вагнера какъ на физиологовъ которые *повѣрили болѣе точными* наблюдениями изслѣдованiя Пфлюгера.

О Шиффѣ я говорю такъ: „Шиффъ, подобно Пфлюгеру доказывая независимость отравленiй спиннаго мозга отъ головного, доходитъ до заключенiя что спинной мозгъ самъ по себѣ, независимо отъ головного, обладаетъ не только способностью чувствованiя, но даже въ нѣкоторой степени способностью сознанiя.“ Въ доказательство что таковы дѣйствительно мнѣнiя Шиффа, я ссылаюсь на его *Lehrbuch der Physiologie*, т. I, стр. 208, 213 и 229 (это опечатка, должно быть 222). Вотъ подлинныя мѣста подтверждающiя основательность моихъ ссылокъ.

На стр. 208 Шиффъ говоритъ: „Der eben erwähnten Anschauung gegenüber hat sich schon früher eine andere geltend gemacht, welche auch dem Rückenmarke, unabhängig vom Ge-

hirn, die Fähigkeit der Empfindung und eines gewissen Grades von Bewusstsein zuschreibt, und in der That, wenn man die Bewegungen enthaupteter Amphibien betrachtet, so kann man, wie selbst Grainger, einer der eifrigsten Fürsprecher der Hall'schen Hypothese zugestehen muss, sich des Gedankens nicht erwehren, dass diese Thiere *noch fühlen*, und muss, scheint mir, um diese Vorstellung absolut zu verwerfen, in hohem Grade von der metaphysischen Abstraction der *Untheilbarkeit des Ich* und dem ich möchte sagen hypermetaphysischen Glauben an die Spontaneität der Seelenfunctionen, von der allerdings an enthaupteten Thieren keine Spur ist, eingenommen sein“.

На стр. 213 Шиффъ прямо говоритъ: „ich für meinen Theil stehe keinen Augenblick an, mit *Pflüger* und früheren *vorurtheillosen*, Beobachtern mich für das Zustandekommen einer *wahren* Empfindung und für die Möglichkeit des Schmerzgeföhles auch in dem vom Hirn *getrennten* Rückenmarke zu erklären“, а на послѣдней 222 страницѣ Шиффъ говоритъ и о *алмти* (Gedächtniss) спиннаго мозга.

Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ сочиненія Шиффа Ульрици не упоминаетъ ни однимъ словомъ, хотя онъ часто ссылается на Шиффа. Прошу г. Аксакова причислить впередъ и этотъ, уже третій, очень специальный учебникъ физиологiи (первые учебники Функе и Людвига) къ *строю* цитированныхъ мною физиологическихъ трудовъ; а г. Усова я прошу признать что и это важное произведение физиологической литературы мнѣ *знакомо лично*.

6. Перейдемъ къ Вагнеру.

На стр. 16, г. Аксаковъ повторяетъ слова свои обыкновенныя обвиненія. По его словамъ, *изложеніе* теоріи Рудольфа Вагнера и ссылку на его статью въ *Göttingische Nachrichten* а *взялъ* не изъ подлинника, но со стр. 108 книги Ульрица.

Уже прежде указано было на то что Ульрици цитуетъ лишь періодическое изданіе, въ которомъ помянутая статья Вагнера была напечатана, то-есть *Nachrichten von der Universität und der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*, между тѣмъ я, и только я, цитую *полное* заглавіе статьи Вагнера, именно: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotz und Fichte über den Sitz der Seele* (стр. 31 и 40 диссертациі).

Откуда *взято* такое подробное заглавіе, если не изъ подлинника? Съ другой стороны, откуда г. Аксаковъ *взялъ* сокра-

ценное названіе *Göttingische Nachrichten*, которое приводитъ на стр. 16? У Ульрици этого нѣтъ; онъ, какъ мы выше видѣли, цитуетъ полное заглавіе этого изданія, и только я для краткости оставилъ это заглавіе, давъ вмѣсто его подробное заглавіе самой статьи. Слѣдовательно цитату статьи Вагнера г. Аксаковъ взялъ не изъ Ульрици, на котораго онъ ссылается, но изъ 31 и 40 стр. моей диссертациі, но *безъ названія источника*. Все это доказываетъ что г. Аксаковъ по обыкновенію далъ невѣрное показаніе, говоря что я *ссылку* на статью Вагнера взялъ изъ Ульрици.

Разберемъ теперь *изложеніе* результатовъ Вагнера. Уже профессоръ Юркевичъ указалъ (стр. 743), что Ульрици говоритъ о Вагнерѣ на трехъ страницахъ, а я лишь на 17 строкахъ, однако при всемъ томъ есть у меня на 17 строкахъ такіа вещи которыхъ нѣтъ у Ульрици на трехъ страницахъ.

Такъ главная *суть* моего изложенія состоитъ въ слѣдующихъ словахъ на стр. 40 и слѣд.: „Самъ Вагнеръ *прежде предполагалъ* что въ мозгу возможно найти непарные органы, соединяющіе въ себѣ различныя первыя центры; но теперь, вслѣдствіе своихъ новыхъ, преимущественно патологическихъ изслѣдованій, онъ доказываетъ что и самый мозгъ не есть *одинъ центральный органъ* нервной системы, а только *собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ*“.

Обо всемъ этомъ нѣтъ и помину въ изложеніи Вагнеровыхъ результатовъ въ книгѣ Ульрици. Ульрици ни однимъ словомъ не указываетъ ни на *прежнее* мнѣніе Вагнера о упомянутыхъ мною *непарныхъ органахъ*, ни на то что по мнѣнію Вагнера мозгъ есть только *собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ*. Ульрици не приводитъ Вагнера при разборѣ вопроса о *единствѣ* нервной системы, но ссылается на него лишь говоря о размѣщеніи разныхъ психическихъ способностей въ разныхъ частяхъ мозга. Вслѣдствіе того Ульрици указываетъ лишь на то что Вагнеръ отрицаетъ существованіе пунктуальнаго *Sensorium commune* (требуемаго психологическою теоріей Лотце), что онъ отвергаетъ *ограниченіе* *сидалища* души въ одномъ мозгу или въ одной его точкѣ, и принимаетъ лишь сосредоточеніе двигательныхъ *червовъ* въ *Motorium commune*.

Откуда взялъ я, спрашиваю, свѣдѣніе о столь важномъ для вопроса о *единствѣ* нервной системы, *прежнемъ* воззрѣніи

Вагнера на непарные органы мозга, далѣе о несостоятельности этого прежняго воззрѣнія и о томъ что мозгъ по Вагнеру состоитъ изъ множества органовъ или центровъ? Честный читатель признаетъ что всего этого я не могъ взять изъ Ульрици, потому что у него этого нѣтъ. Вотъ мѣста Вагнеровой статьи которыя служили единственнымъ, исключительнымъ источникомъ для всего того что я говорю о Вагнерѣ, и о чемъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ Ульрици.

На стр. 53 и слѣд. Вагнеръ говоритъ: „Alle meine anatomisch-physiologischen Untersuchungen hatten mich auf die Ansicht geführt, dass die psychischen, im Gehirn ablaufenden Thätigkeiten sich schliesslich in ihrer letzten Phase nur auf eine grosse Anzahl *discreter* Punkte, welche in der Rindersubstanz des grossen Gehirns liegen, nicht auf einen einzelnen Centralpunkt als Sensorium und Motorium commune zurückführen lassen. In der letzten allgemeinen Betrachtung, welche ich hierüber öffentlich gegeben habe (*Der Kampf um die Seele*. S. 153), fügte ich jedoch jener Annahme den Satz bei: dass an der uns bis jetzt anatomisch und physiologisch (d. h. in ihren feineren Verhältnissen) so gut als ganz unbekanntem Basis des Gehirns *unpaarige Organe von grosser Wichtigkeit* liegen können, zu welcher (unter dieser Voraussetzung) die Randzellen der Hemisphären nur vermittelnde Organe sein würden.“

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мнѣній Вагнеръ указываетъ на причины по которымъ онъ отступилъ отъ этого прежняго мнѣнія и доказываетъ противъ Лотце невозможность принятія одной центральной точки для чувственныхъ нервовъ, одного *Sensorium commune*, и продолжаетъ въ цитованномъ мною и самомъ важномъ мѣствѣ своей статьи, на стр. 57 и слѣд., говоря: „Ja ich bekenne, indem ich meine *früheren* Ansichten limitire, dass eine gewisse Summe von Seelen-Erscheinungen erhalten bleibt, wenn man, wie bei Tauben möglich ist, *grosses, kleines und einen Theil des Mittelhirns* entfernt hat und die Thiere am Leben erhält.“ При этомъ случаѣ Вагнеръ въ ссылкѣ говоритъ о Пфлюгерѣ: „Jene strenge Opposition, welche ich *früher* gegen die Pflüger'schen Ansichten aussprach habe ich *aufgegeben*, ohne dieselben in der von ihm gegebenen Form zu adoptiren.“

Вслѣдъ за симъ Вагнеръ признаетъ что хотя *Sensorium commune* не существуетъ, однако нѣтъ доказательствъ противъ существованія *Motorium commune*, и высказываетъ

наконецъ на стр. 59 свое воззрѣніе (*Grundanschauung*) на элементарную организацію центральныхъ частей нервной системы, развивалъ мысль что головной и спинной мозгъ есть *eine massenhafte Anhäufung von Systemen von Punkten und Linien* и т. д.

Вотъ матеріалъ для моего краткаго изложенія Вагнеровыхъ изслѣдованій на 17 строкахъ диссертациі. Безъ этого матеріала я не могъ сказать о Вагнерѣ того что сказалъ точно и ясно, ибо, какъ замѣчено, Ульрици обо всемъ томъ не говорить. Далѣе, откуда я узналъ о томъ что Вагнеръ *повторялъ* изслѣдованія Пфлюгера, о чемъ Ульрици также не упоминаетъ, если не изъ вышериведенной замѣтки Вагнера о Пфлюгерѣ? Наконецъ я говорю, на стр. 41 диссертациі, что и Вагнеръ относительно *poesud vital* Флуранса доказалъ что онъ не можетъ считаться центральнымъ пунктомъ жизненныхъ отправленій организма, о чемъ Ульрици снова молчитъ,—между тѣмъ я узналъ объ этомъ изъ 55 стр. той же статьи Вагнера, гдѣ онъ объ этомъ говорить. * Какая однако *добросовѣстность* при такихъ данныхъ въ моей диссертациі сказать публично что я и *ссылку* на Вагнера и *изложеніе* его воззрѣній взявъ изъ Ульрици!

7. Последнее обвиненіе г. Аксакова, относительно моего физиологическаго матеріала относится къ Бронъ-Секару.

Я говорю на стр. 41 что касательно *poesud vital* Флуранса Бронъ-Секаръ наравнѣ съ Шиффомъ и Вагнеромъ „убѣдился что поврежденіе его не влечетъ за собою смерти, и поэтому онъ не можетъ быть признанъ за *узелъ жизни*, за центральный пунктъ жизненныхъ отправленій организма.“ Къ этому положенію находится на помянутомъ мѣствѣ моей диссертациі слѣдующая ссылка: „Brown-Sequard, *Journal de physiologie*. 1858. T. I, p. 217. См. O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. T. I. Seite 56. (Это опечатка, должно быть Т. II, стр. 568)*.

Г. Аксаковъ на стр. 16 говоритъ что эту ссылку на Бронъ-

* Изъ этой же 55 и слѣд. стр. Вагнера, г. Аксаковъ можетъ узнать какъ тѣсно связаны стремленія Лотце обозначить *сѣдалище* души съ *poesud vital* Флуранса. Вагнеръ разбираетъ здѣсь этотъ *центръ управляющій дыханіемъ* какъ пунктъ въ которомъ Лотце могъ бы усматривать *сѣдалище* души, обозначая ясно *pons Varolii*, какъ мѣсто гдѣ нужно искать это *сѣдалище*. Естественно что это все непонятныя вещи для людей занимающихся первый разъ этимъ труднымъ вопросомъ о *сѣдалищѣ души*.

Секара я *взялъ* изъ *другаго* сочиненія Ульрици, *Gott und die Natur* (2 изд., стр. 260).

Прошу читателя посмотрѣть еще разъ на мою ссылку. Послѣ указанія на Бронъ-Секара, я тамъ говорю: *смотри* Функе. Это значитъ указываю на свой источникъ, на источникъ *спеціальный*, гдѣ обширно говорится о Бронъ-Секарѣ. А *добросовѣстный* г. Аксакѣвъ закрываетъ и свои глаза, и глаза своихъ читателей, чтобъ они *не смотрѣли* на специальное сочиненіе Функе, и съ неслыханнымъ произволомъ говорить что источникомъ моей ссылки на Бронъ-Секара служить не специальный физиологическій трудъ, но *преимущественно популярное* сочиненіе Ульрици. Вотъ *добросовѣстная тактика молчать* о моихъ ясно указанныхъ специальныхъ источникахъ, и вмѣсто того указывать на сочиненія *популярныя!* Какъ назвать подобное дѣло?

Но имѣлъ ли въ рукахъ г. Аксакѣвъ физиологію Функе? Положимъ что указанная выше опечатка не дала ему возможности отыскать этого мѣста, но уже при Флурансѣ я цитую томъ II, стр. 567 и 575, физиологію Функе, гдѣ, какъ мы видѣли, Функе непосредственно послѣ Флуранса говорить о Бронъ-Секарѣ. Изъ этого мѣста г. Аксакѣвъ узналъ бы болѣе объ этомъ послѣднемъ физиологѣ нежели изъ книги Ульрици. Функе приводитъ здѣсь изъ Бронъ-Секара *Thatsachen, welche dem noeud vital seinen übertriebenen Werth nehmen*, и потомъ говорить: „Brown-Sequard sucht nachzuweisen, das auch der momental nach Zerstörung des noeud vital eintretende Tod nicht directe Folge des Fehlers der zerstörten Parthie als *Heerd der Lebenskraft* ist, sondern Folge einer durch die Verletzung bedingten Reizung benachbarter Parthien и т. д.“ Въ ссылкѣ же помѣщенной на стр. 575 Функе указываетъ на статью Бронъ-Секара *Sur les causes de mort après l'ablation de la partie de la moëlle allongée qui a été nommée point vital* въ *Journal de physiologie*, 1858. T. I, pag. 217.

Итакъ вотъ мой источникъ, на который я очень ясно указываю, говоря: *смотри* Функе. Что эту цитату я *взялъ* изъ Функе, на котораго я ссылаюсь, а не изъ Ульрици, этому служить доказательствомъ и то обстоятельство что Ульрици цитуетъ при *Journal de physiologie* годъ 1857 (2 изд. *Gott und die Natur*, стр. 260), между тѣмъ я цитую по Функе годъ 1858, а не 1857.

На невѣжественное возраженіе г. Аксакѣва, что Бронъ-

Секаръ является въ моемъ трудѣ совершенно излишнимъ, я не нахожу нужнымъ и отвѣчать послѣ вышеприведенныхъ словъ Функе, доказывающихъ его большое значеніе въ рѣшеніи даннаго вопроса.

Теперь, кажется, я могу кончить дѣло съ моимъ компетентнымъ критикомъ господиномъ Аксаковымъ, хотя онъ въ новомъ произведеніи своемъ, *Barbarus Antibarbaro*, при помощи новыхъ невѣжественныхъ придирокъ, желаетъ вновь обратить на себя вниманіе публики. Произведеніе это онъ называетъ *отвѣтомъ* на мою статью въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей*. Но онъ ни однимъ словомъ не *отвѣчаетъ* на эту статью. Онъ выступаетъ только съ новыми придирками основанными или на полномъ незнаніи психологическихъ воззрѣній людей какъ Лотце, какъ мы это видѣли выше, или даже на простыхъ опечаткахъ, какъ напримѣръ опечатка въ цитатѣ изъ Флуранса на стр. 38 моей диссертациі, гдѣ, какъ уже замѣчено, вмѣсто стр. 155 нужно читать стр. 85. Это не *отвѣтъ*! Въ приведенной статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* я, какъ тамъ сказано, „настоятельно требую отъ г. Аксакова, чтобъ онъ, подѣ страхомъ потери репутаціи честнаго человѣка, отыскалъ и цитату о Фолькманѣ и всѣ другія указанныя мною въ этомъ отвѣтѣ, въ какомъ-нибудь, хотя бы уже и непопулярномъ трудѣ.“ Г. Аксаковъ на это не *отвѣчаетъ*! О чемъ же толковать далѣе! Кто уличенъ въ такомъ дѣлѣ какъ дѣло г. Аксакова, тотъ не разбираетъ средствъ чтобъ избавить себя отъ неумолимыхъ приговоровъ Немезиды.

Das ist der Fluch der bösen That,
Dass sie fort wirkend Böses muss erzeugen!

говоритъ Шиллеръ. Потому пусть г. Аксаковъ лишеть сколько ему угодно новыя полемическія упражненія, пусть онъ, новыми по содержанию, но старыми по своей добросовѣстности обвиненіями нападаетъ на мою диссертацию: пусть онъ, уличенный вполне въ ложности всѣхъ указаний сдѣланныхъ имъ до сихъ поръ, приступитъ къ новымъ не мнѣе ложнымъ, все это не нарушитъ впередъ моего спокойствія. Кто читалъ №№ 85 и 99 *Московскихъ Вѣдомостей*, далѣе кто читалъ статью профессора Юркевича въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, и наконецъ кто читалъ мою настоящую статью, тотъ хорошо знаетъ какое значеніе могутъ имѣть

новыя обвиненія г. Аксакова. По его собственнымъ словамъ, онъ хочетъ въ слѣдующихъ выпускахъ своихъ дѣтскихъ нападений „поговорить о томъ что и не случилось нашимъ мудрецамъ“. Это не представляетъ для меня ни малѣйшаго интереса. Я *настоятельно* требовалъ, и весь честный литературный мiръ, принимающій участие въ этой полемикѣ, *настоятельно* требуетъ не новостей о которыхъ не случилось мудрецамъ, но или *текстуальныхъ* доказательствъ старыхъ обвиненій, или откровеннаго признанія ихъ ложности!

8. Для *полнаго* окончанія обѣщаннаго мною уличенія моихъ господъ критиковъ мнѣ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на нѣкоторыя *доказательства* приведенныя г. Усовымъ въ подкрѣпленіе его положенія что я *вовсе* *незнакомъ* лично съ литературой физиологіи и, прибавимъ, естественныхъ наукъ.

Первое изъ этихъ доказательствъ относится къ знаменитому Беру. Изъ логики г. Аксакова, которою въ данномъ случаѣ пользуется и г. Усовъ, слѣдуетъ что чѣмъ Беръ *знаменитѣе*, тѣмъ менѣе я знаю о немъ. На стр. 3 своей брошюры г. Усовъ просто высказываетъ что я *не знакомъ съ трудами Бера даже по наслышкѣ*. Откуда почерпнулъ г. Усовъ подобнаго рода свѣдѣніе? Кто сказалъ ему это *по секрету*? Нѣтъ, у него есть къ этому свое основаніе; оно состоитъ въ томъ что я назвалъ Бера *энтомологомъ*.

Г. Усовъ говоритъ что Беръ не энтомологъ, и что изъ всѣхъ своихъ большихъ и *малыхъ* сочиненій онъ не написалъ ни одного *энтомологическаго*. Я однако привожу на стр. 31 и 92 въ сокращенномъ заглавіи *малое* сочиненіе Бера, котораго полное заглавіе слѣдующее: „*Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige? und wie ist diese Auffassung auf die Entomologie anzuwenden? Zur Eröffnung der Russischen entomologischen Gesellschaft im Mai 1860, gesprochen von Karl Ernst von Baer, ihrem derzeitigen Präsidenten.*“ Berlin. 1862. Далѣе въ этомъ же *маломъ*, говорящемъ объ энтомологіи *не энтомологическомъ* сочиненіи Бера находятся на стр. 5 слѣдующія слова: „*Ueber die Untersuchung der schädlichen Insecten, gedenke ich bei einer anderen Gelegenheit einige Bemerkungen zu machen.*“ Эти обѣщанныя Беромъ замѣчанія объ *исслѣдованіи* вредныхъ *насекомыхъ* были имъ читаны въ *русскомъ энтомологическомъ* Обществѣ и, на сколько намъ извѣстно, въ послѣдствіи напечатаны въ *Трудахъ* этого Общества.

Если знаменитый естествоиспытатель, избранный председателем *этномологическаго* Общества, занимающійся въ этомъ Обществѣ рѣшеніемъ вопроса какое воззрѣніе на природу нужно примѣнить къ *этномологии*, и дѣлающій въ этомъ же Обществѣ замѣчанія объ изслѣдованіи вредныхъ насѣкомыхъ, *не можетъ* быть названъ *этномологомъ*, то я согласенъ съ г. Усовымъ что за Беромъ этого титула признать нельзя. Я былъ противнаго мнѣнія. Признаюсь, впрочемъ, въ ошибкѣ, замѣчая однако что мнѣ вовсе не прискорбно признать въ этой ошибкѣ, такъ какъ я никогда не былъ и не буду ни дилетантомъ, ни специалистомъ въ этномологіи. Обѣщаю г. Усову впредь говорить о Берѣ лишь только какъ о знаменитомъ *естествоиспытателѣ* вообще, не упоминая ни однимъ словомъ о разныхъ специальныхъ вѣтвяхъ естествознанія которыми онъ занимался. Впередъ я не буду называть его *этномологомъ*, хотя бы онъ написалъ еще болѣе статей о значеніи *этномологии* и о вредныхъ насѣкомыхъ; я не соглашусь на то чтобъ его называли *этнографомъ* или *антропологомъ*, хотя я и читалъ его лекціи объ антропологии и его очень интересныя статьи, читанныя въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; далѣе я не буду называть его *эмбриологомъ*, хотя бы мнѣ и нужно было говорить о его изслѣдованіяхъ относительно первоначальнаго развитія организмовъ. Я всегда и вездѣ буду называть Бера *лишь* знаменитымъ *естествоиспытателемъ*, не осмѣливаясь прибавлять *какой* именно онъ естествоиспытатель. Въ концѣ однако ксати замѣтить что и г. Усовъ не указалъ на специальную вѣтвь естествознанія которою знаменитый Беръ занимается *исключительно!*

9. Второе не болѣе важное доказательство того что я во все незнакомъ лично съ физиологическою литературой, г. Усовъ находитъ въ томъ обстоятельстве что въ моей диссертациі нѣтъ помину о Грасіоле. Если отсутствіе ссылокъ на Грасіоле доказываетъ въ чемъ-либо положеніе г. Усова, то всѣ люди которые жили и писали до изданія сочиненій Грасіоле, не исключая знаменитѣйшихъ физиологовъ, тоже *вовсе* незнакомы были лично съ физиологическою литературой. Но однако откуда узналъ г. Усовъ что мнѣ работы Грасіоле, какъ онъ говоритъ, *вполнѣ неизвѣстны?* Сообщилъ ли ему это г. Аксаковъ *по-секрету?* Лучше было бы г. Усову узнать отъ г. Н. П. Аксакова что я *явно* соединяю явленія психическія съ

явленіями жизненными, * чѣмъ искать у него свѣдѣній о томъ знаніи или незнаніи работъ Грасіоле. Впрочемъ я самъ въ своей диссертациі, доставилъ г. Усову возможность рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно, и притомъ *точно и строго*. Н-я вижу, и это не единственный случай, что г. Усовъ обращается очень и очень *поверхностно* съ научнымъ матеріаломъ приведеннымъ въ моей диссертациі. Въ этомъ уже виноваты не я.

Извѣстно ли г. Усову очень любопытное сочиненіе Поля Жане. *Мозгъ и мысль!* Если г. Усовъ не зналъ его до сочиненія своей брошюры, то обязанъ былъ прочитать его при печатаніи своихъ возраженій, ибо я ссылаюсь на это сочиненіе довольно часто, именно на стр. 96, относительно вопроса объ отношеніи развитія мозга къ развитію психической жизни, указывая на то что тамъ *можно найти подробный разборъ этого вопроса*.

Изъ этого-то труда Жане г. Усовъ могъ хорошо узнать насколько основательно его положеніе что мнѣ работы Грасіоле *вообще* неизвѣстны. Приведенное сочиненіе Жане составляетъ въ русскомъ переводѣ *только* лишь 103 съ половиною страницы занимающую *брошюру*. ** Однако въ разныхъ частяхъ этого сочиненія приводится имя Грасіоле не *меньше* тридцати разъ, часто съ довольно обширными выписками изъ сочиненія Leuret et Gratiolet, *Anatomie comparée du système nerveux chez les animaux et chez l'homme dans ses rapports avec le développement de l'intelligence*. Жане называетъ это сочиненіе *le plus riche et le plus complet sur la matière qui nous occupe* и основываетъ всѣ свои выводы преимущественно на эмпирическихъ данныхъ почерпнутыхъ изъ *этого* сочиненія. Вслѣдствіе того, изъ моей *подробной* ссылки на Жане.

* Во второмъ изданіи своей брошюры, на стр. 13. г. Усовъ говоритъ что я во всей диссертациі *не заявилъ* того что не разделяю жизненной силы отъ психической. Г. Аксаковъ напротивъ, на стр. 14. говоритъ что я *явно соединяю явленія психическія съ явленіями жизненными*.

** Несмотря на эту *тонкость* книги Жане, г. Аксаковъ выражается о ней съ извѣстнымъ уваженіемъ, имѣя въ виду вѣроятно то обстоятельство что она во французскомъ подлинникѣ, находящемся въ рукахъ г. Аксакова, занимаетъ 178 съ половиною страницъ. Впрочемъ и она причисляется этимъ господиномъ къ числу *преимущественно популярныя трудовъ*.

г. Усовъ могъ узнать что мнѣ работа Грасіоле хорошо известна уже изъ Жане. А если я не ссылаюсь непосредственно на Грасіоле, но только на Жане, въ которомъ говорится обширно о Грасіоле, то это служить лишь новымъ доказательствомъ моей педантичной добросовѣстности въ отноше- ніи цитатъ.

Что же касается мнѣнія г. Усова что вопросъ о параллелизмѣ развитія мозга и психической жизни *можетъ почтеться въ настоящее время рѣшеннымъ работами Грасіоле*, то я имѣю основаніе сомнѣваться въ точности и вѣрности подобнаго указа- нія и болѣе вѣрить словамъ Жане нежели словамъ г. Усова, высказываемымъ часто необдуманно и очень поверхностно. Жане, знающій очень хорошо работы Грасіоле, говоритъ: * „По- ка дѣло ограничивается самими *общими* фактами, такую па- раллельную послѣдовательность нельзя, безъ сомнѣнія, отри- цать; но весьма *затруднительно* точно обозначить то обстоя- тельство которое опредѣляетъ превосходство одного мозга надъ другимъ, разумность одного вида животныхъ надъ раз- умностью другаго вида.“ Подобное мнѣніе высказалъ уже пре- жде Фолькманъ въ приведенной мною обширной выпискѣ изъ его статьи *Gehirn*, и потому, со вторичною ссылкой на очень основательное изученіе этого вопроса у Жане, я еще разъ по- вторяю свое положеніе что „до сихъ поръ еще не опровергну- то утвержденіе сравнительной психологіи о томъ что различ- ная степень психическаго развитія зависитъ *не исключи- тельно отъ разности мозга, но и отъ разности психической организаціи, то-есть организаціи души*“ (стр. 96 диссертациі).

10. Но приступимъ теперь къ послѣднему пункту, который вполне оправдываетъ наше недовѣріе къ точности и основатель- ности указаній г. Усова. Какъ намъ вѣрить словамъ г. Усова относительно Грасіоле, когда мы убѣдились нагляднѣйшимъ образомъ что онъ съ неслыханною диктаторскою рѣшитель- ностью говоритъ что Лонже и Флуранъ *не могли даже ду- мать и предполагать того* что они однако и думали, и пред- полагали, и даже въ печатномъ словѣ высказали съ ясностью и точностью недопускающею ни малѣйшаго сомнѣнія?

Пусть читатель самъ судить. Я обращаю его вниманіе лишь на факты.

На стр. 100 моей диссертациі я говорю о французскихъ

* Жане. *Мозгъ и мысль*, русскій пер., стр. 11.

физиологахъ Лонже и Флурансѣ, но въ томъ и другомъ случаетъ не ссылаюсь на подлинныя сочиненія этихъ авторовъ, но на известныя въ философской литературѣ книги *Geschichte des Materialismus* Ланге и *Le cerveau et la pensée* Жана.

Въ своей брошюрѣ г. Усовъ высказываетъ съ абсолютною рѣшительностью что все то что говорится у меня на стр. 100 о Лонже и Флурансѣ невѣрно, не упоминая однако ни однимъ словомъ что за эту невѣрность отвѣчаютъ не я, но Ланге и Жане, которымъ я *доверялъ*. Только вслѣдствіе указанія профессора Юркевича на неприличіе подобнаго рода умащиванія, г. Усовъ былъ *принужденъ* упомянуть о Ланге и Жане, какъ объ авторахъ на которыхъ я ссылаюсь въ данномъ случаѣ, и признать вслѣдствіе того ихъ солидарность со мною. Теперь г. Усовъ имѣлъ дѣло не только со мною, но и съ этими почтенными и *основательными* авторами. Но все это не ослабляетъ рѣшимости обвиненій г. Усова; онъ повторяетъ что все что я говорю о Лонже и Флурансѣ невѣрно, и говорить даже о *невѣрныхъ цитатахъ*. По крайней мѣрѣ я теперь попалъ въ хорошую компанію, въ компанію Ланге и Жане.

Но строгость диктаторскаго суда г. Усова нашла средство отлучить меня отъ этой почтенной и лестной для меня компаніи. Онъ не *хочетъ* имѣть дѣла съ Ланге и Жане; они, по его мнѣнію, не могутъ отвѣчать за то что говорили и писали. Какимъ образомъ? Вѣдь они не мальчики, не поверхностные люди, не люди безумные, они *должны* отвѣчать за то что пишутъ. Нѣтъ, въ глазахъ строгаго диктаторскаго суда г. Усова имъ недостаетъ необходимыхъ условій для того чтобы можно было призвать ихъ къ ответственности за ихъ слова. Какія же это условія? Они не искали степени доктора на диспутѣ въ которомъ принималъ участіе г. Усовъ, одинъ изъ *компетентнѣйшихъ* цѣвителей философскихъ, и именно психо-физиологическихъ трудовъ. Да, это единственная причина по которой ни Ланге, ни Жане не отвѣтчики предъ г. Усовымъ, но только я, и я исключительно. Вотъ диктаторскій приговоръ: Я, Сергій Усовъ, профессоръ и т. д. „считаю отвѣтчикомъ г. Струве, а не Ланге и Жане, *ибо* искалъ степени доктора г. Струве, а не Ланге и Жане“.

Что дѣлать послѣ такого неумолимаго приговора? Нужно повиноваться! Нужно оказать *смиреніе*! Вѣдь г. Усовъ, по собственнымъ своимъ словамъ, „въ благонамѣренности моея

никогда не сомнѣвался“. Хорошо я буду отвѣтчикомъ. Но если вы думаете, г. Усовъ, что вамъ легче справиться со мною чѣмъ съ Ланге и Жане, то вы ошиблись, и грубо ошиблись.

На стр. 4 своей брошюры г. Усовъ говоритъ: „На стр. 100 г. Струве говоритъ: известный французскій физиологъ Лонже описываетъ въ своей *Анатоміи и физиологіи нервной системы* два случая, гдѣ при совершенномъ уничтоженіи обѣихъ переднихъ частей мозга не встрѣчалось никакихъ измѣненій психическихъ. У Лонже этого нѣтъ. Лонже на стр. 247, 2 тома своего *Traité de Physiologie*, изд. 1850, говоритъ“ и т. д. Г. Усовъ приводитъ здѣсь большую выписку изъ Лонже, гдѣ дѣйствительно нѣтъ этихъ *двухъ* случаевъ о которыхъ говорится въ моей диссертациі. Итакъ что же? Выдумалъ ли Ланге, на котораго я ссылаюсь, эти два случая, о которыхъ онъ еще кромѣ того въ своемъ сочиненіи говоритъ что они *очень хорошо замѣчены* (*sehr gut beobachtet*)? Г. Усовъ не взявъ даже въ руки указанное и у Ланге, и въ моей диссертациі сочиненіе Longet, *Anatomie et physiologie du système nerveux*, не убѣдился находится ли тамъ что-нибудь похожее на то что говоритъ Ланге. Съ чувствомъ своей компетентной *непогрѣшимости*, онъ коротко и лаконически говоритъ: У Лонже этого нѣтъ. А если однако это *есть* у Лонже, какое въ такомъ случаѣ мы должны получить понятіе, во первыхъ, объ *основательности* г. Усова, вовторыхъ, о его *личномъ* знакомствѣ съ физиологическою литературой, и втретьихъ, о его знакомствѣ съ физиологическимъ ученіемъ Лонже? Вотъ матеріалы для рѣшенія этого вопроса.

На стр. 670 и слѣдующихъ перваго тома приведенной въ моей диссертациі *Анатоміи и физиологіи нервной системы* Лонже находится статья со слѣдующимъ заглавіемъ: *Observations de blessures graves du cerveau. Perte de substance aux dépens de diverses régions des lobes cérébraux, avec intégrité de l'intelligence*. Въ этой статьѣ описаны шестнадцать случаевъ подобнаго рода опасныхъ поврежденій мозга не имѣвшихъ „*никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій въ психическомъ отношеніи*“. Два изъ этихъ шестнадцати случаевъ именно *тѣ самые* о которыхъ говорилъ я въ моей диссертациі, то-есть уничтоженіе обѣихъ переднихъ частей мозга безъ психическихъ послѣдствій. Вотъ подлинныя слова Лонже:

Стр. 674. Наблюденіе VI. „Le 2 août 1822. C. H. âgé de quinze ans fut blessé au front par les éclats d'un canon trop

chargé au quel il mettait le feu. Sa plaie des téguments avait trois pouces et demi de long sur deux et demi de large. La fracture de l'os frontal dépassait d'un pouce en longueur la plaie des téguments. Les lobes antérieurs du cerveau (слова эти подчеркнуты и въ самомъ подлинникѣ) s'apercevaient ainsi que leurs battements. On retira plusieurs fragments d'os fort considérables: trente-deux autres parcelles osseuses, dont plusieurs avaient pénétré dans la dure-mère, furent extraites au moyen des pinces. En même temps, il sortit plus d'une cuillère à soupe de substance cérébrale, et, dans les pansements consécutifs, il en sortit environ quatre cuillères à café. Le 27 octobre suivant, la cicatrice était complète. Depuis l'accident, le malade a toujours conservé sa raison."

Изъ этого описанія слѣдуетъ что выступившее черезъ большую рану лба мозговое вещество (substance cérébrale) въ количествѣ болѣе одной суловой ложки и четырехъ кофейныхъ ложекъ относится лишь къ обоимъ переднимъ полушаріямъ мозга (lobes antérieurs du cerveau), о которыхъ Лонже говорить что они были совершенно открыты вслѣдствіе разбитія лобной кости.

Второй случай слѣдующій:

Стр. 679. Наблюденіе XVI. „M. P. H. Bérard a fait voir (Soc. anat. séance du 15 mars, 1843), un cas de fracture, avec enfoncement de la paroi antérieure du crâne et broiement des deux lobules antérieurs du cerveau, surtout dans leur portion qui repose sur les voûtes orbitaires. Améné à M. Bérard, le blessé, jouissant de toute sa raison, put raconter lui-même les détails de son accident. La sensibilité et les mouvements volontaires étaient conservés. Toutefois, il semblait y avoir une légère hémiplegie faciale du côté droit. Le malade mourut bientôt dans le coma. Cette intéressante observation sera prochainement publiée dans les bulletins de la société anatomique: nous avons nous-même la pièce pathologique.“

Въ этомъ наблюденіи выраженіе Лонже broiement des deux lobules antérieurs du cerveau не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія что здѣсь идетъ рѣчь о разрушеніи обѣихъ переднихъ частей мозга.

Г. Усовъ могъ, если ему угодно было, критиковать и точность, и значеніе, и примѣненіе этихъ двухъ наблюденій Лонже; но не взявъ даже въ руки указанное въ моей диссертціи сочиненіе Лонже, не задавъ себѣ даже труда отыскать

ни наблюдѣнія, возражать какъ нельзя рѣшительнѣе что у *боже этого нѣтъ* и выступать противъ добросовѣстныхъ второвъ съ обвиненіями въ *нестырныхъ цитатахъ*, это уже не только *поверхностно*, это *легкомысленно!* Легкомысленно въ болѣе что подобнаго рода наблюдѣнія хотя и рѣдки, но единственны, и что кромѣ того теорія, на которую въ данномъ случаѣ ссылается г. Усовъ и по которой большія поврежденія мозга остаются безъ психическихъ послѣдствій только тогда когда одно изъ полушарій мозга остается цѣлымъ, вовсе не принята всѣми физиологами. Какое, мы должны предположить, у г. Усова *личное* знакомство съ физиологическою литературой, когда онъ въ своихъ *печатныхъ* возраженіяхъ указываетъ что все это было для него до сихъ поръ вовсе неизвѣстно?

Перейдемъ къ Флурансу.

На той же 100 страницѣ диссертациі я говорю, ссылаясь при этомъ на Жана, что „Флурансъ говоритъ что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то следеніи или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однако ни одной изъ своихъ способностей“.

На страницахъ 5 и 6 своей брошюры г. Усовъ приводитъ буквально мои слова и снова съ диктаторскою рѣшительностью прибавляетъ къ этимъ словамъ свое veto. „Флурансъ этого не говоритъ,“ кричитъ во всеуслышаніе г. Усовъ, „приложу въ доказательство его опыты изъ помянутаго сочиненія Флуранса, стр. 150, 151 и 152,“ и т. д. На этихъ страницахъ помянутаго г. Усовымъ сочиненія *Recherches expérimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux*, Флурансъ дѣйствительно *этого не говоритъ*. Усматривая въ этомъ открытіи новое подтвержденіе своей непогрѣшимости, въ которой впрочемъ г. Усовъ до сихъ поръ, какъ кажется, никогда не сомнѣвался, онъ съ чувствомъ побѣдителя даетъ въ несчастной жертвѣ его критики, послѣдній ударъ. „Изъ той длинной и вѣроятно для читателя довольно скучной выписки,“ говоритъ г. Усовъ, „ясно что Флурансъ не могъ даже предполагать (какъ то думаетъ г. Струве) возможности безъказаннаго кровосліянія во всѣхъ направленіяхъ полушарій мозга.“ А въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Г. Струве, незнакомый съ оригинальнымъ сочиненіемъ Флуранса, все перепуталъ.“

Итакъ борьба наша рѣшена. Какъ нельзя было сомнѣ-

ваться, г. Усовъ остается побѣдителемъ; я разбитъ на голову, уничтоженъ вполне и окончательно. Такъ казалось бы но къ сожалѣнiю, ко мнѣ снова является неожиданно ангель-хранитель; я снова *солидарно* соединенъ съ лестною для меня и притомъ могущественною компанiей. Нѣкогда моими солидарными компаньонами были и Вирховъ, и младшiй Фихте, даже Фихте старшiй, Шеллингъ и Гегель; послѣ того предъ судомъ г. Усова я явился въ солидарной связи съ Ланге и Жане, а теперь, для отраженiя послѣдняго смертельнаго удара г. Усова, я принужденъ указать на мою полную, въ данномъ случаѣ даже *буквальную* солидарность съ знаменитѣйшимъ физиологомъ Флурансомъ. Да, г. Усовъ, я въ данномъ случаѣ такъ солидарно связанъ съ Флурансомъ что вы не можете уничтожить меня иначе какъ уничтоживъ прежде самого Флуранса. Если я думалъ о Флурансѣ что-нибудь черное, по вашему мнѣнiю, *не могъ даже предполагать*, то и самъ Флурансъ думалъ и нѣсколько разъ высказалъ то черное не могъ даже предполагать, ибо я съ *буквальною* вѣрностью и точностью говорю о Флурансѣ то что онъ самъ говорилъ!

Возьмемъ въ руки упомянутое самимъ г. Усовымъ сочиненiе Флуранса *Récherches expérimentales*; г. Усовъ цитуетъ и страницы 109, и 150, и 200 этого сочиненiя, но знакомъ ли онъ лично и съ остальными страницами этого сочиненiя, приведеннаго въ *доказательство* противъ меня и Жане, хотя бы напимѣрь, только съ 99ю страницей? На этой 99й страницѣ находятся слѣдующiя слова (у меня въ рукахъ изданiе первое этой книги): „On peut retrancher, soit par devant, soit par derrière, soit par en haut, soit par côté, une certaine étendue des lobes cérébraux, sans que leurs fonctions soient perdues.“

Кажется что эти слова заключаютъ въ себѣ почти буквально то же самое что я и Жане говоримъ о Флурансѣ. Но г. Усовъ скажетъ что мои слова не заключаютъ въ себѣ *точнаго* перевода словъ Флуранса,—вѣдь *неточность* въ переводахъ играетъ очень важную роль у г. Усова именно въ тѣхъ случаяхъ когда ему недостаетъ никакихъ другихъ средствъ для оправданiя своихъ поверхностныхъ обвиненiй. Потому отыщемъ въ сочиненiяхъ Флуранса другое мѣсто которое не допускало бы даже подобнаго предлога. Это мѣсто мы нашли и печатаемъ его рядомъ съ возраженiемъ г. Усова.

Г. Усовъ въ брошюрѣ *По поводу диссертациіи г. Струве*. Москва. 1870. стр. 5 и 6:

Flourens въ соч. *De la vie et de l'intelligence*. 2eme édition. Paris. 1858. 1re partie, pag. 53:

На той же 100 стр. диссертациіи г. Струве говорится: „подобно тому говорить и Флурансъ что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то спереди или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однакоже ни одной изъ своихъ способностей.“ *Флурансъ этого не говоритъ*. Привожу въ доказательство его опыты изъ помянутаго сочиненія Флуранса и т. д.

On peut enlever, sur un animal, soit par devant, soit par derrière, soit par côtés une portion assez étendue des lobes ou hémisphères cérébraux, sans qu'aucune faculté intellectuelle soit perdue: toute l'intelligence subsiste.

Что вы скажете на это, г. Усовъ? Слова моеі диссертациіи заключаютъ въ себѣ буквальный переводъ словъ Флуранса высказанныхъ имъ въ *двухъ* разныхъ сочиненіяхъ. Теперь повторите еще разъ: „*Флурансъ этого не говоритъ!* Флурансъ не можетъ даже предполагать (какъ то думаетъ г. Струве) возможности безнаказаннаго кромсанія во всѣхъ направленіяхъ полушарій мозга.“ Теперь повторите еще разъ что я, „незнакомый съ оригинальнымъ сочиненіемъ Флуранса, все перемѣшалъ“. Теперь, я надѣюсь, г. Усовъ уже не будетъ осларивать коей докторской стелею и сомнѣваться въ моемъ *лично* знакомствѣ съ физиологическою литературой. Теперь безпристрастный читатель уже хорошо оцѣнитъ къ кому нужно отнести все то что было высказано г. Усовымъ обо мнѣ относительно физиологическихъ знаній.

Но меня не оставляетъ въ локоѣ вопросъ, какъ съ человекомъ зрѣлыхъ лѣтъ, профессоромъ, человекомъ науки, могла случиться подобнаго рода неисправность. Я думаю что нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ и позволяю себѣ сообщить его. Г. Усовъ забылъ о существованіи очень важной и разумной латинской пословицы: *verba volant, scripta manent*. На диспутѣ можно сказать очень и очень многое; и все снова улетаетъ. На диспутѣ можно докторанта озадачить разнаго рода болѣе или менѣе мудрыми вопросами; можно требовать чтобъ онъ исправлялъ на мѣстѣ опечатки, чтобы въ сію минуту отвѣчалъ за слова другихъ авторовъ, можно наконецъ сказать что того и другаго нѣтъ у Людвига, нѣтъ у Лонже, нѣтъ у Флуранса, хотя каждый, кто *лично* знакомъ съ ихъ сочиненіями, все это въ нихъ и находитъ. Такія

возраженія на диспутъ улетаютъ какъ прищипъ; докторантъ благодарить вѣжливо своихъ оппонентовъ за участіе въ диспутѣ, и дѣло кончено. Но напротивъ *scripta manent!* Другое дѣло, когда такія вѣтряныя возраженія, выдуманныя лишь для того чтобы принять какое-нибудь участіе въ диспутѣ, *печатются*. Другое дѣло, когда такими *печатными* возраженіями, высказанными во имя якобы ученаго авторитета и специальныхъ знаній, имѣется въ виду поддержать недобросовѣстныя наладки незрѣлыхъ юношей, сдѣлавшихся орудіемъ какихъ-то *подспудныхъ* силъ. Такое печатное слово не улетаетъ, оно дѣлаетъ сказавшаго *отвѣтчикомъ* за ихъ содержаніе. Отвѣчайте и вы, г. Усовъ, телерь за ваши возраженія!

Или можетъ-быть вамъ это неудобно; можетъ-быть вы убѣдились что не было вовсе надобности вторично начинать диспутъ и переносить его въ печать? Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе. Не потому что я усталъ, или что опасюсь неприятныхъ для себя послѣдствій; нѣтъ, у меня еще довольно силъ, и я не имѣю никакого повода опасаться чего-нибудь. Я желалъ бы окончить нашъ диспутъ лишь потому что онъ потерялъ научное и литературное значеніе и принимаетъ какой-то *подспудный* характеръ. И потому, если вамъ угодно кончить его и высказать обычное при подобныхъ случаяхъ *concedo*, я обѣщаю вамъ съ моей стороны смотрѣть на ваши *печатныя* возраженія такъ какъ смотрѣлъ на ваши возраженія изустныя, то-есть какъ на слова не имѣющія *серіознаго* характера, высказанныя съ необдуманною послѣдностью *по поводу* новыхъ для васъ взглядовъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ вашими, полагаю, серіозными научными занятіями.

ГЕНРИХЪ СТРУВЕ.

Варшава.
Май. 1870.

ЧАРЛЗЪ ДИККЕНСЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Не одна Англія, не однѣ страны англійской рѣчи, но и весь образованный міръ понесъ великую утрату въ лицѣ Чарлза Диккенса.

Онъ велъ неутомимо-трудовую жизнь. Постоянное напряженіе умственныхъ силъ причинило приливъ крови къ головѣ, который былъ причиной его предсмертной болѣзни. 8го іюня (нов. ст.) его ударилъ параличъ, а 9го утромъ, въ половинѣ седьмаго, его не стало.

Его здоровье разстроилось за нѣсколько времени предъ симъ; но многіе приписывали это его лубличнымъ чтеніямъ, гдѣ онъ съ мастерствомъ великаго художника воспроизводилъ отрывки — и въ нихъ живыя, нетлѣнные лица — изъ своихъ романовъ, разказовъ, юмористическихъ очерковъ. Думали что волненіе, которое часто предшествуетъ такого рода продукціи, или утомленіе, которое неизбежно слѣдуетъ за живымъ, страстнымъ воплощеніемъ вымысла было причиной недуга, и что прекращеніе чтеній и отдыхъ въ уединеніи его Кентской дачи возстановятъ лошатнувшіяся, но бодрья и мощныя его силы. А что силы его были потрясены, это онъ чувствовалъ съ начала своего новаго романа, „Тайну“ котораго онъ унесъ съ собою въ могилу: онъ жаловался приближеннымъ что мысли его не текли такъ свободно какъ прежде, что новый романъ (для насъ такъ полный жизни и свободного творчества) стоилъ ему больше усилій нежели какое бы то ни было

изъ его прежнихъ произведеній. Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ изъ Лондона повидимому здоровый; но въ деревнѣ, въ любимомъ имъ жилищѣ Gads-Hill, скрывшійся недугъ разразился съ неотвратимою силою. Испуганные домашніе, не довѣряя, быть-можетъ, совѣтамъ провинціального врача, который послѣшилъ на помощь больному, по телеграфу вызвали другаго медика изъ Лондона, который пріѣхалъ вмѣстѣ со старшимъ сыномъ Диккенса, но уже засталъ его въ состояніи безнадежномъ.

Въ завѣщаніи своемъ покойный положительно запретилъ всякую пышность, всякую торжественность погребенія. Но великая слава усопшаго и его заслуги указывали мѣсто гдѣ долженъ былъ покоиться его прахъ: согласно обычаю Англіи, благоговѣно почитающей память своихъ великихъ писателей, Диккенсъ надлежало похоронить въ томъ тѣнонѣ, но гордомъ славными именами склепѣ, который называется *Roets Corner* (уголокъ погостъ), въ Вестминстерскомъ аббатствѣ; и когда разошлась вѣсть о смерти творца *Копперфильда*, въ обществѣ и печати раздались голоса, которые требовали чтобы прахъ его былъ положенъ въ склепѣ аббатства вмѣстѣ съ прахомъ тѣхъ славныхъ мужей которые сдѣлали англійскую литературу одною изъ первыхъ міра. Когда вскрыли завѣщаніе, то увидали что хотя Диккенсъ не допускалъ никакой торжественности въ своихъ похоронахъ, но не назначилъ мѣста для своей могилы, такъ что тотъ заслуженный имъ почетъ котораго требовала англійская публика и который, съ своей стороны, послѣшилъ предложить душеприказникомъ деканъ Вестминстерскаго аббатства, Станлей, не былъ противенъ выраженной волѣ умершаго писателя. Согласно съ этимъ рано утромъ 2го (14го) іюня тѣло было перевезено изъ Гадс-Хилла на одну изъ станцій Лондонско-Дуврской желѣзной дороги, а оттуда на экстренномъ поѣздѣ въ Лондонъ, куда оно прибыло ровно въ 9 часовъ утра. Около 9½ похоронныя дроги прибыли въ аббатство.

Воля покойнаго была соблюдена съ самою добросовѣстною точностью. Похороны произошли такъ же тихо какъ еслѣ мѣстомъ дѣйствія была маленькая деревенская церковь, а знаменитый храмъ въ центрѣ города-великана. Прохожіе, которымъ встрѣчались похоронныя дроги, самыя простыя, и карты провожавшихъ (всего три), конечно не догадывались что мимо ихъ везли останки любимѣйшаго изъ англійскихъ писателей.

телей. Могилу вырыли въ теченіе предыдущей ночи, и кромѣ декана и канониковъ аббатства едва ли кто-нибудь изъ соборнаго причта зналъ о предстоявшемъ печальномъ обрядѣ. При богослуженіи были, кромѣ декана, двое старшихъ и трое младшихъ канониковъ, провожатые числомъ четырнадцать чело-вѣкъ, и около того же числа постороннихъ незнакомыхъ людей, которые случайно присутствовали въ соборѣ,—вотъ и всѣ кто видѣли какъ простой дубовый гробъ былъ опущенъ въ могилу. Надпись на гробѣ простотой своею соответствуетъ всей обстановкѣ погребенія; она гласитъ:

Charles Dickens, born February 7, 1812; died June 9, 1870.

(Чарльзъ Диккенсъ, родился 7го февраля 1812 г., умеръ 9го июня 1870.)

Мѣсто для могилы выбрано деканомъ изъ немногихъ оставшихся незанятыми въ *Уголкѣ Поэтовъ*. Бренныя останки Диккенса лежатъ у ногъ Генделя и у головы Шеридана; направо покоится Ричардъ Кумберландъ, налѣво Маклей. Могила близъ подножія статуи Аддисона; бюстъ Таккера спокойно глядитъ на мѣсто вѣчнаго отдыха своего стараго друга; въ нѣсколькихъ саженьяхъ—могила Самуила Джонсона и Гаррика; еще немного дальше—Шекспира, Мильтона, и сотни другихъ знаменитостей, которые вмѣстѣ съ нынѣ-отшедшимъ повѣствователемъ составляютъ славу Англіи.

Въ передовой статьѣ нумера слѣдующаго дня, 3го (15го) іюня, *Times* прекрасно замѣчаетъ что эти простыя похороны, эта скромная могила безъ памятника, безъ статуи, среди великолѣпнаго готическаго храма, прекрасно рисуютъ личность и жизнь усолнаго писателя. Его окружалъ богатый, разнообразный міръ вызванныхъ имъ къ жизни лицъ, положеній и происшествій, но среди этого міра онъ сохранялъ величайшую простоту чувства, любовь къ простымъ нравамъ, сочувствіе къ прослой человѣческой жизни, къ ея цѣлямъ, пуждамъ и потребностямъ, наконецъ скромность личныя привычекъ и требованій отъ жизни. Его дарованіе было достаточно велико чтобы питать въ немъ гордость или честолюбіе. Но онъ былъ чуждъ того и другаго, и предпочелъ скромную жизнь литератора.

Эта простота (не только личнаго характера, но и мотивовъ въ его произведеніяхъ) есть одна изъ главныхъ причинъ необыкновенной популярности Диккенса,—качество, въ которомъ онъ между современными ему писателями не имѣлъ сопер-

ника. Никто не пользовался тою всенародною любовью, тою всеобщою симпатіей которая была удѣломъ Диккенса. Кромѣ своихъ произведеній, столь популярныхъ во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ странахъ міра, онъ, какъ актеръ-любитель, какъ публичный чтецъ своихъ произведеній, какъ общественный филантропическій дѣятель, такъ часто приходилъ въ соприкосновеніе съ публикой что сдѣлался какъ бы личнымъ знакомцемъ большой массы лондонскихъ жителей. Такъ онъ былъ знакомъ и публикѣ англійской провинціи и Соединенныхъ Штатовъ. Поэтому двойнѣ понятно всеобщее чувство горести, съ которымъ по обѣ стороны Атлантическаго океана была встрѣчена вѣсть о его кончинѣ. Она не только поразила читающую публику, какъ могла бы поразить ее вѣсть о кончинѣ всякаго другаго писателя съ рѣдкимъ и яркимъ талантомъ Чарльза Диккенса; но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространила глубокую, искреннюю скорбь, какъ по человѣкѣ близкомъ, въ высшей степени симпатичномъ и любимомъ.

Эта общественная скорбь не могла найти выраженія въ строго-замкнутой похоронной церемоніи, время которой не было почти никому извѣстно, и которая была предписана завѣщаніемъ покойнаго. Чувство лондонской публики жаждяло случая гдѣ бы оно могло привести свой долгъ памяти „нашего общаго друга“. И понятно что набожные Англичане желали придать этому выраженію общаго чувства форму церковную, что они сожалѣли о тайнѣ окружавшей погребеніе знаменитаго писателя, а потому съ радостью и живымъ интересомъ узнали о предложенномъ словѣ на смерть Диккенса, которое долженъ былъ произнести деканъ Вестминстерскаго собора на утреннемъ богослуженіи 7го (19го) іюня. Проповѣдь Стаггеля (переведенная цѣлкомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, № 132) вполне оправдала ожиданія на нее возложенныя. Она отличалась шириною кругозора и отраднымъ соединеніемъ евангельскаго духа съ уваженіемъ къ свободнымъ плодамъ творческой фантазіи. Она далека отъ узкаго клерикальнаго взгляда, столь часто враждующаго со всею свѣтскою литературой, и ищетъ освященія ей въ самомъ Евангеліи.

Чарльзъ Диккенсъ родился въ Портсмутѣ, отецъ его, Джонъ Диккенсъ, былъ чиновникъ флотскаго казначейства. Его служебныя обязанности часто требовали перемѣны мѣста жительства, и такимъ образомъ значительная часть младенческаго

возраста будущій романистъ провель въ Плимутѣ, Чатамѣ, Ширнесѣ и другихъ портовыхъ городахъ. По окончаніи войны, въ 1815 году, дѣятельность вѣдомства гдѣ служилъ Диккенсъ-отецъ значительно сократилась, и онъ вышелъ въ отставку. Молодой Диккенсъ выросъ въ той сферѣ, которой онъ потомъ въ образѣ своей жизни и въ дѣхъ своихъ произведеній остался вѣренъ всю жизнь: въ сферѣ среднихъ классовъ Англии, которые, въ массѣ своей, составляютъ одинъ изъ столповъ ея величія и могущества. Средства Диккенса-отца были ограниченны, и образованіе которое получилъ Чарльзъ было не болѣе какъ обыкновенное среднее образованіе Англичанина, которое во время отрочества Диккенса, въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, стояло конечно ниже чѣмъ теперь. Пріѣхавъ въ Лондонъ юношей съ самыми скромными видами и надеждами, онъ помѣстился въ конторѣ одного повѣреннаго по дѣламъ (attorney) въ качествѣ письмоводителя (clerk), и такимъ образомъ вступилъ на юридическое поприще. Слѣды этого періода его жизни сохранились во многихъ его произведеніяхъ: въ *Запискахъ Пиквикскаго Клуба*, въ *Холодномъ Домѣ*, въ *Большихъ Ожиданіяхъ* и др., не мало характеровъ изъ судебного міра. Молодому человѣку не понравился родъ занятій на который его назначилъ отецъ, и онъ вскорѣ перемѣнилъ его и занялся стенографіей, получивъ мѣсто парламентскаго репортера при газетахъ: *The True Son*, *The Mirror of Parliament*, а въ послѣдствіи при *Morning Chronicle*. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе точностью своихъ отчетовъ и быстротой своего письма. Онъ такъ вошелъ въ свою дѣятельность что, по его собственному разказу, на одномъ торжественномъ обѣдѣ, не долго по оставленіи имъ стенографіи, не могъ слышать хорошаго слича безъ того чтобы пальцы его механически не приходили въ движеніе какъ бы для записыванія.

Но не стенографія была конечнымъ призваніемъ молодаго человѣка: въ немъ таились великія силы, богатый родникъ творчества, котораго онъ съ наивною скромностью и не подозрѣвалъ въ себѣ. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ раннихъ произведеній, онъ разказываетъ съ какимъ восторгомъ, еще будучи мальчикомъ, глоталъ онъ романы Фильдинга и Смоллета, во всей полнотѣ наслаждаясь приключеніями, смутно чувствуя комизмъ и съ совершенною невинностью не понимая непристойностей которыхъ въ нихъ не мало. Изъ

этого интереснаго автобіографическаго свидѣтельствѣ видно что юмористическій разказъ или повѣсть рано плѣнили воображеніе Диккенса, и потому-то онъ въ первыхъ опытахъ своего пера избралъ эту же форму. Первая книга, разказывающъ далѣе Диккенсъ, которую онъ купилъ, была именно однимъ изъ упомянутыхъ романовъ, и приобрѣлъ онъ эту книгу въ книжномъ магазинѣ Чалмана и Голла (Charman & Hall). Въ послѣдствіи онъ счелъ особенно счастливымъ знаменіемъ для своей литературной карьеры что эти же Чалманъ и Голль были первые издатели которые обратились къ нему съ предложеніемъ работы. Въ газетѣ *Morning Chronicle* (или вѣрнѣе, въ ея вечернемъ изданіи, озаглавленномъ *Evening Chronicle*), молодой стенографъ впервые покусился на беллетристическіе опыты. Это были легкіе, но полные наблюдательности, задушевности и веселости очерки нравовъ города Лондона, которые въ послѣдствіи, въ 1836 году, вышли отдѣльною книгой подъ заглавіемъ *Sketches by Boz.* (Очерки, Боза. Бозъ былъ псевдонимъ Диккенса. Но еще прежде отдѣльнаго выпуска, опыты эти, свѣжестью дарованія и преобладающимъ сатирическимъ содержаніемъ, бичевавшимъ множество злоупотребленій столичной жизни, обратили вниманіе на новый дебютирующій талантъ. Въ это время упомянутые уже Чалманъ и Голль издавали рядъ каррикатуръ рисованныхъ нѣкимъ Сеймуромъ, художникомъ нынѣ забытымъ. Издатели предложили Диккенсу скромную работу, писать текстъ къ каждой изъ этихъ каррикатуръ, и молодой писатель (это было въ 1836 году, стало-быть ему было 24 года) не только не нашелъ этого предложенія обиднымъ, но скромно замѣтилъ что этотъ родъ сочиненія наиболѣе подходитъ къ его способностямъ. Однако же способности „Боза“ не такъ благопріятствовали писанію на готовую картинку и подчиненію подъ данный образецъ, какъ онъ себя льстилъ, и вскорѣ вдохновенныя страницы *Записокъ Пиквикскаго Клуба* (такъ назывался текстъ къ каррикурамъ) совершенно стерли и помрачили произведенія бѣднаго Сеймура, такъ что въ послѣдствіи эти *Записки* вышли съ рисунками знаменитаго каррикатуриста Габлюа Брауна (Hablot K. Browne), извѣстнаго подъ псевдонимомъ „Phiz“. Эти *Записки* были приняты всеобщимъ энтузіазмомъ; ихъ читали десятки тысячъ, хотя въ то время читающій кругъ Англіи былъ гораздо тѣснѣе чѣмъ теперь: въ Америкѣ

же половина газетъ, на слѣдующій день послѣ полученія выпусковъ *Пиквика* изъ-за океана, наполняли ими свои столбцы. Въ этихъ *Запискахъ* Диккенсъ представилъ рѣдкій примѣръ молодого, почти начинающаго писателя съ силой вполне зрѣлою и опредѣлившеюся, съ мощнымъ юморомъ, глубоко проникающимъ въ противорѣчія жизни, и съ вѣрнымъ, чистымъ нравственнымъ чувствомъ. Послѣ *Записокъ Пиквикскаго Клуба*, Диккенсъ вполне посвятилъ себя изящной литературѣ. Онъ принялъ редакцію журнала *Bentley's Miscellany*, и въ этомъ изданіи, съ февраля 1837 года, сталъ выходить романъ *Оливеръ Твистъ*. Здѣсь Диккенсъ вступилъ въ область новую какъ для его пера, такъ и для всей англійской литературы: въ область преступленія, въ міръ воровъ и мошенниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изобразилъ страданія бѣдныхъ дѣтей въ дурно-содержимыхъ пріютахъ. За *Твистомъ* слѣдовала романъ *Никласъ Никльби*, съ восхитительнымъ характеромъ г-жи Никльби; потомъ Диккенсъ задумалъ рядъ повѣстей и разказовъ подъ общимъ заглавіемъ: *Master Humphrey's Clock* (Часы господина Гэмфрея); между ними вышли: *Лавка старыхъ рѣдкостей*, *Барнаби-Рэдъжъ* и нѣсколько болѣе мелкихъ. *Лавка рѣдкостей* замѣчательна трогательнымъ разказомъ о маленькой Нелли, однимъ изъ самыхъ дивныхъ характеровъ въ мірѣ вымысла; *Барнаби-Рэдъжъ*, повѣсть не менѣе богатая пафосомъ, обильнѣе движеніемъ, такъ какъ предъ читателемъ проходятъ „Гордонскія смуты“ 1780 года. Въ одно время съ *Часами Гэмфрея* вышла біографія знаменитаго клоуна, *Memoirs of Joseph Grimaldi*.

Въ 1842 году Диккенсъ съѣздилъ въ Соединенные Штаты, гдѣ слава его уже была не менѣе громка нежели въ его отечествѣ. Американцы оказали ему самый радушный и даже восторженный пріемъ; но тѣмъ не менѣе ихъ страна произвела на автора *Пиквика* самое невыгодное впечатлѣніе, и онъ не скрывалъ его въ своихъ *Американскихъ Запѣткахъ*. Онъ ѣдко и презрительно осмѣялъ въ этихъ очеркахъ американскіе нравы и воззрѣнія; еще хуже досталось Америкѣ въ романѣ *Мартынъ Чэзльвитъ*, вышедшемъ послѣ *Запѣтокъ*. Оружіе сатиры рѣдко употреблялось съ такимъ успѣхомъ какъ въ этомъ романѣ, и нельзя не признать что именно та часть его которая происходитъ въ Америкѣ производитъ наибольшее впечатлѣніе по неотразимому комизму и неистощимой веселости.

Въ 1845 году, Диккенсъ поѣхалъ въ Италию, и по возвращеніи написалъ свои путевыя впечатлѣнія подъ заглавіемъ *Картины изъ Италии*, которыя стали выходить въ новой газетѣ *Daily News*, основанной въ 1846 году и поступившей подъ главную редакцію Диккенса. Мысль, положенная въ основаніи этой газеты, поддерживать вездѣ и всегда дѣло свободы противъ деспотизма и угнетенія во всѣхъ ихъ видахъ, и этой мысли, замѣчаетъ сама *Daily News* въ своемъ некрологѣ Диккенса, органъ этотъ оставался неизмѣнно вѣренъ до настоящей минуты. Извѣстно что та же *Daily News* въ послѣдствіи была органомъ лорда Росселя, котораго Кавуръ назвалъ „самымъ либеральнымъ министромъ Европы“. Что касается до участія Диккенса въ этой газетѣ, то вскорѣ послѣ ея основанія онъ сложилъ съ себя бремя редакціи и воротился къ художественному творчеству, болѣе ему симпатичному. Онъ между тѣмъ успѣлъ создать новый родъ разказовъ, *Рождественскихъ* (*Christmas Stories*). Разказы эти, назначаемые для подарковъ къ Рождеству, имѣли сюжеты заимствованные изъ обычаевъ празднованія этого великаго дня у Англичанъ, и по идеѣ своей выражали, каждый иначе, утѣшительное, обновленное настроеніе, внутренній свѣтъ и теплоту, среди черствой, бѣдной, злобой, будничной среды, торжество любви и примиренія надъ равнодушіемъ и враждой, идею праздника Рождества Христова, который среди снѣговъ и мрака зимы наломываетъ намъ о пришествіи новаго свѣта, новой жизни. Первый изъ этихъ разказовъ *Рождественскій напитокъ*, вышелъ въ 1843 году; второй (*Колокола*) въ 1844; третій (*Кузнечикъ на очагѣ*) въ 1845; четвертый (*Битва жизни*) въ 1846; наконецъ пятый и послѣдній (*Духовидецъ*) въ 1848. Въ томъ же году окончень и романъ *Дѣла съ фирмою Домбей и сынъ*; въ слѣдующемъ (1849) началъ *Давидъ Колперфильдъ*. Характеры маленькаго Поля Домбей и его сестры Флоренсъ были достаточны чтобъ обезлечить громаднѣйшій успѣхъ перваго сочиненія; второе же обыкновенно считается вышею точкой творчества Диккенса. Личность Давида Колперфильда также относится къ Диккенсу какъ личность Пенденниса къ Таккерю; и не будучи автобіографіей, романъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ много чертъ и намековъ почеркнутыхъ изъ личной жизни автора. Въ *Холодномъ дождѣ* (1852—1853) Диккенсъ осмѣялъ медленность и формализмъ верховнаго судилища Англій (*Court of Chancery*) и нарисовалъ два характера (Скиппль и Бойторпъ)

которые многие считают за каррикатурные портреты известных повтовъ Лей-Гента и Севеджъ-Ландора. При этой безостановочной производительности, Диккенсъ еще съ 1850 года начал издавать журналъ *Слова для домашняго обихода* (Household Words) съ издателями Брэдбери и Ивансомъ, и въ этомъ журналѣ стали выходить его романы и повѣсти. *Слова для домашняго обихода* издавались до 1859 года, когда Диккенсъ разсорился со своими товарищами по изданію, прекратилъ *Household Words*, и вмѣсто этого журнала сталъ издавать другой, *All the Year Round*, помѣщая въ немъ, какъ въ прежнее, произведенія своего пера. Въ этихъ двухъ журналахъ одинъ послѣ другаго выходили слѣдующія произведенія: *Крошка Дорритъ*, *Тяжелыя времена*, *Разказъ о двухъ городахъ*, *Письма некоммерческаго путешественника* и *Большія ошуданія*. Въ 1864 году появился отдѣльными ежемѣсячными выпусками *Нашъ общій другъ*. Послѣ этого романа слѣдуетъ перерывъ нѣсколькихъ лѣтъ, и только 19го (31го) марта нынѣшняго года вышелъ первый выпускъ новаго романа: *Тайна Эдвина Друда*, который остался неоконченнымъ.

Таланты Диккенса не ограничивались литературой. Онъ былъ замѣчательный актеръ, первый актеръ-любитель въ Англии, и страстные ревнители театра сожалѣли что такія великолѣпныя способности не были посвящены сценѣ. Были такіе цѣнители, которые говорили что еслибы Диккенсъ сдѣлался не писателемъ, а актеромъ, то въ его лицѣ воскресли бы лучшіе дни англійской сцены. Онъ приносилъ и театру ту цѣльную, нераздѣльную энергію, ту чрезвычайную добросовѣстность и неутомимое рвеніе, которое онъ посвящалъ всякому дѣлу за которое брался. Всѣ подробности спектакля, вся техническая часть, всѣ аксессуары занимали и заботили его, и въ случаѣ нужды онъ принимался за простыя ремесленныя работы въ постановкѣ піесъ, гдѣ въ то же время игралъ одну изъ главныхъ ролей. Бывшіе товарищи Диккенса по любительскимъ спектаклямъ помнятъ какъ однажды, въ театрѣ миссъ Келли, Диккенсъ цѣлый день вколачивалъ гвозди. Въ послѣдній періодъ жизни Диккенсъ не игралъ болѣе, но воспользовался своимъ даромъ волоченія личностей въ тонѣ, голосѣ и декламациі для другой цѣли: онъ публично читалъ части и отрывки изъ своихъ произведеній, и искусство его чтенія было такъ велико что люди живо представлявшіе себѣ характеры и типы Диккенсовыхъ романовъ, но знавшіе эти

романы только по собственному чтенію, были поражены повз-
ной и внезапностью образовъ, которые совершенно реально
но совершенно въ другомъ видѣ, являлись предъ ними въ
исполненіи самого автора. Были и другіе судьи этихъ чтеній,
отрицавшіе вѣрность, жизненность въ типахъ которые Дик-
кенсъ вторично создавалъ въ живой декламациі, и находили
что это былъ не настоящій Сомъ Уэллеръ, не настоящая г-жа
Гамль. Это могло быть справедливо, могло быть несправед-
ливо, но во всякомъ случаѣ, какое новое свидѣтельство не-
обыкновенной правды и жизненности тѣхъ лицъ которые
Диккенсъ создалъ во множествѣ, съ такою осязательною бл-
зостью для насъ, и которые такъ знакомы намъ что изуст-
ную передачу ихъ рѣчей мы критикуемъ какъ представле-
ніе дѣйствительно-живущихъ лицъ!

Но эти богатые дары, которыми былъ надѣленъ Диккенсъ,
становятся еще драгоценнѣе, если мы бросимъ взглядъ на тѣ
его качества, которыя не всегда бывають у живо-чувствую-
щихъ, художественныхъ натуръ. Онъ былъ столь же дѣятель-
ный и „дѣльный“, сколько талантливыи или поэтическій че-
ловѣкъ. Тотъ же Чарльзъ Диккенсъ, чуткій любитель приро-
ды, который посвятилъ ей восторженныя сраницы своихъ
романовъ и имѣлъ страсть къ деревенскимъ прогулкамъ, на
которыхъ онъ утомлялъ своихъ болѣе молодыхъ сообщниковъ
быстрымъ шагомъ и дальними переходами,—тотъ же Чарльзъ
Диккенсъ былъ безукоризненный и образцовый редакторъ-
издатель, всею душою преданный дѣлу своего журнала, руко-
водившій не только общимъ духомъ, но и всѣми частностями
его, читавшій каждую статью въ корректурѣ прежде чѣмъ она
выходила въ свѣтъ, и оставившій послѣ себя „particulars for
next number“ (подробности о слѣдующемъ номерѣ) которыя
въ день его смерти висѣли надъ редакторскою конторкой.
написанные наскоро, не чистымъ почеркомъ. Нѣкоторое время
было принято говорить въ литературныхъ кружкахъ что Дик-
кенсъ, давая журналу голько свое имя, ничего въ немъ
не дѣлалъ; правда, непосредственнымъ редакторомъ (acting
editor) былъ прежде Вилсъ (W. H. Wills), а потомъ старшій
сынъ Диккенса (также Чарльзъ); но тѣ кто бывають за ку-
лисами журналистики знаютъ какой запасъ энергіи и личного
труда внесилъ Диккенсъ въ свое изданіе. Предъ смертью Чарльзъ
Диккенсъ передалъ по завѣщанію свое право собственности

въ журналѣ, также какъ и главное руководство въ изданіи онаго своему старшему сыну.

Та же неутомимая энергія не оставляла его и на полприщѣ общественной дѣятельности: онъ горячо сочувствовалъ и ослабляю ратовалъ за всякое дѣло общественной пользы, въ особенностн же общественной благотворительности, и такимъ образомъ его положительная практическая забота объ улучшеніи этой стороны въ англійскомъ бытѣ дополняла и оправдывала его сатирическое отрицаніе ея недостатковъ и злоупотребленій, его горячее обличеніе, напримѣръ, состоянія рабочихъ домовъ и школъ, которыя онъ часто осыпалъ горькими и заслуженными сарказмами. Въ самое послѣднее время своей жизни онъ былъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ поборниковъ учрежденія новой дѣтской больницы въ Лондонѣ (East London Hospital for Children), являясь предъ самою смертью тѣмъ же благороднымъ адвокатомъ несчастныхъ и заброшенныхъ дѣтей, какимъ онъ былъ въ *Оливеръ Твистъ*, въ *Никласть Никльби*, въ *Домбей и Синъ*.

Диккенсъ былъ счастливъ тѣмъ что не только сердечное убѣжденіе и сила мысли, но и болѣе легкіе таланты являлись на помощь въ его филантропическомъ призваніи. Известно какую роль играютъ въ общественной жизни Англіи торжественные обѣды. Они не праздныя пиршества, они даются болѣею частью съ цѣлью оживить какое-нибудь серьезное дѣло, полезное начинаніе, и рѣчи на нихъ произносимыя, которыя столько же привлекаютъ къ этимъ обѣдамъ, сколько и любовь къ общественнымъ удовольствіямъ, нерѣдко содержатъ плодотворныя мысли въ легкой и пріятной формѣ изящнаго общезитія. Такъ выработалось особенное искусство застольнаго краснорѣчія, и въ этомъ искусствѣ Диккенсъ имѣлъ мало равныхъ. Его рѣчи, особенно послѣ-обѣденныя, отличались неотразимымъ, увлекательнымъ юморомъ, и увеличивая общественное обаяніе личности всѣми чтимаго писателя, вмѣстѣ съ тѣмъ служили тѣмъ филантропическимъ цѣлямъ которыя нерѣдко бывали поводомъ подобныхъ торжествъ.

Прибавить ли еще слово о рѣдкихъ личныхъ свойствахъ творца *Пиквика*? Говорить ли о его необыкновенной *надежности* въ дружбѣ, о его всегдашней готовности жертвовать драгоценнымъ временемъ для помощи нуждающимся, несмотря на ту строгую точность и размѣренный порядокъ, безъ котораго Диккенсъ никогда не осилилъ бы своей многосто-

ронней дѣятельности? Диккенсъ человѣкъ тотъ же что и Диккенсъ-писатель: одинъ и тотъ же духъ оживлялъ дѣйствія человѣка и подсказывалъ творенія поэта. Вотъ что особенно дорого въ усолшемъ писателѣ.

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробный разборъ его многочисленныхъ произведеній; припомнимъ лишь нѣкоторые свойства его блестящаго и симпатичнаго пера. Диккенсъ, изображая дѣйствительную жизнь, не подыскиваетъ явленій которыми можно было бы раздражить нервы и возбудить жель читателя; онъ не спекулируетъ на чувство злобы и мести, не подставляетъ читателю объекты, на которые тотъ могъ бы излить накопившійся въ немъ слинъ или мизантролію; Диккенсъ не прибѣгаетъ къ этимъ, столь любимымъ многими повѣствователями пружинамъ. Его реализмъ есть истинный реализмъ. Онъ бралъ жизнь во всей ея широтѣ; онъ обошелъ богатую и разнообразную область явленій, и если въ своихъ картинахъ онъ преимущественно останавливался на явленіяхъ будничныхъ, на симпатіяхъ и судьбахъ мелкихъ, затертыхъ и забытыхъ людей, на злоупотребленіяхъ силой и превосходствомъ, то онъ всегда дополнял картину и изображеніемъ лучшей стороны жизни, и прекрасно согрѣвалъ свои изображенія, наполяя ихъ дивною музыкой глубоко любящаго и горячо вѣрующаго чувства. Онъ былъ исполненъ горячаго и великодушнаго порыва, который съ неудержимою силой влекъ его чувство къ угнетеннымъ и страждущимъ, къ забытымъ труженникамъ человѣчества. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ тою неистощимою веселостью, которая соединяетъ рѣзвый смѣхъ съ симпатичнымъ добродушіемъ, и которая прекрасно освѣжала выраженія его серьезнаго чувства и мрачныя стороны его картинъ. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ яркій и благотворный отблескъ его любящаго, человѣколюбиваго духа, и этотъ мягкій и грѣющій свѣтъ такъ очаровательно озаряетъ сочно-блещущую жизнь его столь оригинальныхъ и часто причудливыхъ характеровъ, такъ увлекательно охватываетъ настроеніе читателя, такъ утѣшительно укрѣпляетъ въ немъ вѣру въ лучшія стороны человѣческой природы, что дѣйствіе его романовъ, кромѣ художественной стороны, имѣетъ еще высокое нравственное значеніе. И здѣсь мы встрѣчаемся съ кроюкою, теллою и исполненною глубокой правды рѣчью того проповѣдника который взглянулъ на трудъ писателя съ высоты Евангелія. Дѣйствительно, братская любовь проникаетъ собой

разказы и изображенія Диккенса, и если онъ съ карющею вѣдкостью уличалъ и преслѣдовалъ зло тяготящее надъ чело-вѣческими дѣлами, то и въ этой бичующей сатирѣ слышенъ только благородный протестъ той же всеобъемлющей любви.

Мы не можемъ лучше заключить эти нѣсколько словъ въ память Диккенса, какъ письмомъ его къ одному изъ его знакомыхъ, который невольною несправедливостью вызвалъ его на искреннюю исповѣдь. Это замѣчательное письмо, вѣроятно одно изъ послѣднихъ писанныхъ Диккенсомъ, служить прекраснымъ комментариемъ къ его творческой и общественной дѣятельности.

„Я бы никогда не подозрѣвалъ, еслибы не ваше письмо, что благоразумный читатель могъ бы увидать намекъ на Св. Писаніе въ одномъ мѣстѣ моей книги, гдѣ я воспроизвелъ ходячую фигуру рѣчи, которая вошла въ ежедневное употребленіе и кстати и не кстати говорится безо всякаго отношенія къ первоначальному источнику. Я, право, возмущенъ (I am truly shocked) тѣмъ что какой бы то ни было читатель могъ при этомъ ошибиться. Я всегда въ сочиненіяхъ своихъ стремился выразить благоговѣніе къ жизни и урокамъ Спасителя, потому что я чувствую это благоговѣніе, потому что я письменно изложилъ Его исторію для моихъ дѣтей, которые впрочемъ уже знали ее наизусть, такъ какъ каждому изъ нихъ я повторялъ ее прежде чѣмъ ребенокъ умѣлъ читать и почти съ того времени какъ онъ начиналъ говорить. Но никогда я не кричалъ объ этомъ съ кровель домовъ.“

Вотъ еще слова его написанныя имъ за нѣсколько дней до кончины:

„Я поручаю чтобы на моей гробницѣ мое имя было написано простыми англійскими буквами.... Я умоляю моихъ друзей чтобъ они отнюдь не дѣлали мое имя предметомъ монумента, памятника и чего-либо подобнаго. Мое право на память моей страны я возлагаю на мои печатныя творенія, а воспоминанія моихъ друзей кромѣ того еще на ихъ знакомство со мной.... Я вручаю духъ мой милосердію Божію чрезъ Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, и увѣщаю моихъ милыхъ дѣтей стараться руководить себя ученіемъ Новаго Завѣта въ его широкомъ духѣ, не полагая вѣры въ чье-либо узкое толкованіе его буквы.“

НЕЛЮБОВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

М А Й.

	Стр.
Россия и Польша въ XVIII вѣкѣ. По реляціямъ Венеціанца Д. Доафина и Генуэзца С. Риваролы. <i>В. Макушева</i>	5
Курявлядія подъ управленіемъ Екатерины Великой. (1795 годъ.) <i>А. Мосолова</i>	26
Экономическая корреспонденція <i>Г. де-Моллини</i>	61
Произведенія иностранныхъ художниковъ въ Петербургѣ. <i>А. М. Матшинскаго</i>	104
Подслудныя силы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XII—XVIII. <i>Н. А. Чаева</i>	124
Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ. Неизданныя письма его роднымъ. 1827—1829. <i>М. И. Семевскаго</i>	215
Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллиза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XIV—XX	265
Джонъ Стюартъ Милль о женщинахъ. <i>П. К. Щербальскаго</i>	327
Русская литература:	
I. <i>Босданъ Хмьльмиукий</i> . Соч. Николая Костомарова, изд. третье. Слб. 1870. <i>Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой</i> . <i>М. И. Костомарова</i> . Слб. 1870.	354
II. <i>Археологическая топографія Таманскаго полуострова</i> , К. Герца. Москва. 1870. <i>П. Щ.</i>	359

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамитонскій викарій. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. LVI—LXVIII.	1
Двадцать тысячъ льв подъ водою. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. XIX—XXI.	1
Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. VII—IX.	1

І Ю Н Ъ.

Гродненскій сеймъ 1793 года. Гл. VIII—X. <i>Д. И. Иловайскаго</i>	361
Тюрьма и вѣнецъ. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. <i>И. X. Зедлица</i> . Переводъ <i>Ф. Б. Миллера</i>	413
Александръ Бестужевъ на Кавказѣ. 1829—1839. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. <i>М. И. Семевскаго</i>	445
Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллиза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXI—XXIV	525
Египетскій могильный міръ. Публичное чтеніе Генриха Бругша	576
Подслудныя силы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XIX—XXIV. <i>Н. А. Чаева</i>	598
Рѣшеніе греко-болгарскаго вопроса. <i>Т. И. Филиппова</i>	678
Взглядъ на матеріалы необходимыя для разработку вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Отвѣтъ гг. С. Усову и Н. Аксакову. <i>Г. Е. Струве</i>	724
Чарльзъ Диккенсъ. Некрологъ. <i>Нелюбова</i>	908

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамитонскій викарій. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	1
Двадцать тысячъ льв подъ водою. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе первой части. Часть вторая, гл. I—II.	1
Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XI.	1

LVI. Мщеніе викарія.

Никакое краснорѣчіе со стороны обѣихъ женщинъ и Джильмора не могло поколебать намѣреній Фенвика, но подъ конецъ онъ согласился сѣздить въ Салисбери посовѣтоваться съ мистеромъ Чамберленомъ. Ему предлагали посовѣтоваться съ епископомъ, къ личности котораго онъ всегда относился съ любовью, а къ должности съ глубокимъ уваженіемъ; но онъ объяснилъ что въ такомъ дѣлѣ онъ не прибѣгаетъ ко власти епископа.

— Но если вамъ нуженъ совѣтъ, сказалъ Джильморъ,—почему не попросить его у человека котораго вы уважаете?

Викарій объяснилъ что его уваженіе къ епископу такъ велико что совѣтъ епископа будетъ для него болѣе чѣмъ совѣтъ, онъ будетъ закономъ.

— Онъ хочетъ сказать что не пойдетъ къ епископу потому что рѣшилъ сдѣлать по-своему, сказала мистрисъ Фенвикъ.— Вы теряете даромъ время и деньги на повѣдку въ Салисбери.

— А вѣдь она, кажется, права, сказалъ викарій.

Они однако поѣхали въ Салисбери.

Достопочтенный Генри Фитцкерли Чамберленъ говорилъ необыкновенно краснорѣчиво, ясно, убѣдительно, но, можетъ-быть, немного надменно. Онъ настаивалъ чтобы часовня была помана немедленно, и чтобы расходы перенесенія ея на другое мѣсто были разложены на всѣхъ причастныхъ дѣлу лицъ—на мистера Пудельгама, на строителя, на повѣренныхъ методистовъ, старѣйшинъ конгрегаціи—„если у нихъ есть старѣйшины“, прибавилъ мистеръ Чамберленъ съ восхитительною троніей,—на маркиза и на повѣренныхъ маркиза. Мистеръ Чамберленъ былъ краснорѣчивъ, повелителенъ, воодушевленъ. Когда же викарій замѣтилъ ему что часовня построена для образа дѣла, краснорѣчіе мистера Чамберлена дошло до орязности.

— Булгамптонская церковная земля вѣрена вамъ, мистеръ Фенвикъ, сказалъ онъ,—не для того чтобы вы награждали ея раскольниковъ.

— Церковный домъ вѣренъ мнѣ тоже не для того чтобы читать въ немъ романы, однако романы тамъ читаются.

— Домъ данъ вамъ для вашего личнаго удобства, сказалъ пребендарій.

— Для того же самаго дана мнѣ и земля. Я не буду сложенъ если заставлю бѣдняковъ сломать ихъ храмъ.

Быль еще другой аргументъ противъ викарія, очень сильный. Церковная земля только вѣрена ему, и онъ обязанъ пользоваться ею такъ чтобъ она перешла къ его преемнику свободною и неистощенною. „Вы не имѣете права передать другому обязанность разрушить здание, постройкъ котораго вы должны были бы поминать.“ На этотъ аргументъ труднѣе было отвѣтить чѣмъ на первый, но мистеръ Февикъ и на него отвѣтилъ.

— Я все это понимаю, сказалъ онъ, — и знаю что обязанъ взять на себя перенесеніе часовни. Но то за что я могу заплатить не тяготитъ мою совѣсть. Я не сомнѣваюсь что имѣю право отдать въ аренду то мѣсто, хотя, конечно, не подъ зданіе.

— Однако на немъ стоитъ зданіе, замѣтилъ мистеръ Чамберленъ.

— Дѣйствительно, стоитъ, и я не слорою что обязанъ на свой счетъ освободить отъ него землю. Но я не вижу чтобъ я былъ обязанъ сломать часовню немедленно.

Мистеръ Чамберленъ началъ снова доказывать, но ему не удалось переубѣдить викарія.

Викарій не былъ переубѣжденъ, но манеры его, когда онъ уходилъ отъ пребендарія, внушили духовному сановнику и сквайру подозрѣніе что убѣжденія его поколебались. Онъ очень любезно поблагодарилъ мистера Чамберлена за совѣты и сказалъ что въ аргументахъ его много правды.

— Я не сомнѣваюсь что вы сами поймете необходимость освободить землю отъ часовни, сказалъ мистеръ Чамберленъ тѣмъ торжественнымъ тономъ которымъ онъ такъ хорошо владѣлъ. Это были его послѣднія слова.

— Ну что? спросилъ Джильморъ когда они вышли.

— Очень щекотливое дѣло, сказалъ Февикъ.

— Мнѣ не совсѣмъ нравится тонъ дяди, мнѣ никогда не нравился его тонъ, но онъ, кажется, правъ.

— Да, онъ, можетъ-быть, правъ.

— Такъ ее сломають, Фрэнкъ?

— Конечно, когда-нибудь сломають. Я увѣренъ только въ одномъ, Гарри, что, когда мы сомнѣваемся въ своемъ долгѣ

мы никогда не ошибемся отказавшись отъ того что было бы пріятно нашему недоброжелательству. Вамъ я признаюсь, но только не говорите этого женщинамъ, что на мои глаза буагамтонская синагога самое гадкое, отвратительное, непріятное зданіе во всемъ мірѣ.

— Я того же мнѣнія, сказалъ Джильморъ.

— И потому не трону въ ней ни одного кирпичика. Это будетъ моею власяницей, моимъ постомъ, моею жертвой, моимъ маленькимъ подвигомъ. Это дастъ мнѣ возможность наслаждаться всеми благами міра которыя достаются на мою долю, не упрекая себя въ излишнемъ себялюбіи. Ни одному методисту часовня не одѣлаетъ столько добра какъ мнѣ.

— Мнѣ кажется, васъ могутъ заставить сломать ее.

— Тогда необходимость сломать ее будетъ моею власяницей.

Они воротились въ Буагамтонъ, и Джильморъ разказалъ дамамъ о свиданіи, и о власяницѣ, и обо всемъ.

Мистеръ Феввикъ, надѣвая власяницу, не считалъ нужнымъ воздержаться отъ письма къ маркизу Тробриджу. Онъ написалъ ему въ тотъ же день какъ воротился изъ Салисбери. Зимой онъ написалъ маркизу возражая противъ постройки часовни возлѣ воротъ церковной усадьбы. Теперь онъ вынулъ копію съ того письма и отвѣтъ на него агента маркиза, въ которомъ говорилось что маркизъ считаетъ выбранное мѣсто самымъ удобнымъ для часовни. Викарію очень не хотѣлось разстроить часовню, когда она была уже окончена, но ему хотѣлось разстроить маркиза. Устраивая себѣ власяницу которую намѣренъ былъ носить, онъ не влилъ въ нее снисхожденія къ маркизу. Маркиза надо наказывать для блага общества вообще. За неуваженіе къ чужой собственности онъ прощалъ маркиза съ христіанской точки зрѣнія, но считалъ своимъ долгомъ раздавить его какъ зловредное насѣкаемое жестоко кусающее людей, чему извиненіемъ можетъ служить только безсознательность его жестокости. И онъ раздавилъ его слѣдующимъ письмомъ.

„Буагамтонъ, 18го іюля 1868.

„Милордъ маркизъ!

„Эго января нынѣшняго года я взялъ на себя смѣлость написать вамъ, съ цѣлью спасти себя и мое семейство отъ оскорбленія, а васъ отъ позора нанести мнѣ это оскорбленіе. Я говорилъ вамъ тогда что приличнѣе было бы выбрать для часовни какое-нибудь другое мѣсто въ приходѣ, а не

маленькое мѣстечко противъ воротъ моей усадьбы которое я всегда считалъ, какъ я объяснялъ вамъ, принадлежащимъ къ церковной усадьбѣ. Я даже не думалъ спрашивать о правахъ вашего сѣятельства на отданную землю, но обращаюсь къ вашему благородству. Признаюсь, я считалъ несомнѣннымъ что даже ваше сѣятельство въ такомъ серіозномъ дѣлѣ озабочились имѣть право на своей сторонѣ. Въ отвѣтъ на это я получилъ письмо отъ вашего повѣреннаго, на которое, какъ въ письме написанное имъ, я не жалею, но которое, какъ отвѣтъ на мое письмо къ вашему сѣятельству, было дерзостно. Часовня выстроилась и въ послѣднее воскресенье открыта для богослуженія.

„Я теперь узналъ что земля которую вы отдали не принадлежитъ вашему сѣятельству и никогда не принадлежала къ приходскимъ владѣніямъ Стоутъ. Она была и есть теперь церковная земля, и составляетъ часть моихъ владѣній какъ викарія. Я сознаюсь что поспешилъ нерадиво положившись на васъ что вы знаете свои владѣнія и не перейдете за нихъ. Я долженъ былъ узнать повѣрѣнне. Теперь я знаю вѣрно, и ваше сѣятельство можете убѣдиться сами въ правдѣ моихъ словъ, обратившись къ планамъ церковной земли которые можете найти въ канцеляріи епископа, и въ коллегіи С. Джонсъ въ Оксфордѣ, если не можете убѣдиться въ томъ по планамъ вашихъ собственныхъ владѣній. Прилагаю рисунокъ въ которомъ означены точныя границы церковной земли около входа въ мою усадьбу. Дѣло въ томъ что часовня выстроена на церковной землѣ вслѣдствіе позволенія вашего сѣятельства, позволенія незаконнаго и несправедливаго.

„Часовня уже выстроена, и хотя очень жаль что она выстроена, но было бы еще болѣе жаль еслибы пришлось сдѣлать ее. Я намѣренъ предложить методистамъ отдать имъ эту землю въ аренду, на то время пока я занимаю свое мѣсто. Аренда будетъ, конечно, сдана на такихъ условіяхъ что не повредитъ моему преемнику.

„Я не могу окончить этого письма, не высказавъ вамъ моего мнѣнія что, какъ ни поразительно невѣжество которое вы выказали въ отдачѣ чужой земли, но оно ничто въ сравненіи со злобой которую вы выказали относительно священника вашего вѣроисповѣданія, служащаго въ приходѣ большая часть котораго принадлежитъ вамъ, выбравъ мѣсто для часовни съ единственною цѣлью разрушить мой покой и покой моей жены.

„Имѣю честь быть

„Вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою,

„Франсисъ Фенвикъ.“

Окончивъ свое посланіе, Фенвикъ перечелъ его не разъ и радовался что оно будетъ неприятно маркизу. Его прямо

цѣлью было сдѣлать непріятность маркизу, и онъ всѣми силами постарался достигнуть этой цѣли.

— Я готовъ бы раздавить его, сказалъ онъ Джильмору, — еслибы зналъ какъ это сдѣлать? Онъ сдѣлалъ мнѣ то чего не простить ни одинъ человекъ. Онъ бранилъ меня, онъ клеветалъ на меня, и не потому чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ считалъ меня виноватымъ, но потому что онъ ненавидитъ меня. Пусть часовня стоитъ, пока это онъ меня зависить, но что касается до его свѣтлости, я презиралъ бы себя еслибы пощадилъ его.

И онъ не пощадилъ его сіятельства.

Письмо онъ показалъ жемъ.

— Не очень ли сильное слово злоба? замѣтила она.

— Надѣюсь, сказалъ викарій.

— Я хочу сказать, не можешь ли ты смягчить его, не повредивъ своей цѣли.

— Я думаю что не могу. Я убѣжденъ что обвиненіе справедливо. Я стараюсь жить среди своихъ ближнихъ такъ чтобы не безчестить ни тебя, ни себя. Онъ осмѣлился открыто обвинять меня въ величайшей безнравственности и лицемеріи, тогда какъ я только исполнялъ свою обязанность, по моему крайнему разумѣнію. Я убѣжденъ что, обвиняя меня, онъ самъ не вѣрилъ въ справедливость своихъ обвиненій. Во всякомъ случаѣ ни одинъ человекъ не смѣетъ возводить на другаго такихъ обвиненій не имѣя ясныхъ доказательствъ.

— Но все это не имѣетъ ничего общаго съ каючкомъ земли, Франкъ, замѣтила жена.

— Все это одно и то же. Ему угодно было обращаться со мной какъ съ врагомъ, и онъ употребилъ все вліяніе своего богатства и общественнаго положенія чтобы повредить мнѣ. Теперь пришла моею очередь. Я не скажу ему ни одного слова которое не было бы справедливо. Онъ обвинялъ меня за моею спиной въ томъ чему самъ не вѣритъ, а же буду обвинять его прямо въ глаза въ томъ въ чемъ я убѣжденъ.

Письмо было послано и, прежде чѣмъ окончился день, къ викарію воротилось его хорошее расположеніе духа.

И прежде чѣмъ окончился день, новость разнеслась по всему приходу. Въ деревнѣ былъ одинъ старикъ, башмачникъ, мистеръ Больтъ, человекъ спокойный, безвредный, но диссидентъ и одинъ изъ старѣйшинъ и повѣренныхъ которымъ былъ поручень сборъ денегъ на постройку часовни.

Ему викарій разказалъ всю исторію, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ что, пока это зависить отъ него, мистеръ Пудельгамъ и конгрегація могутъ спокойно пользоваться своею часовней. Онъ сдѣлалъ это тотчасъ же по возвращеніи изъ Салцсберга, прежде чѣмъ написалъ письмо маркизу. Мистеръ Больтъ, конечно, въ тотъ же вечеръ навѣстилъ своего священника, и дѣло обсуждалось въ полномъ собраніи пудельгамистовъ. Въ концѣ засѣданія мистеръ Пудельгамъ высказалъ свое убѣжденіе что вся исторія выдумка, съ начала до конца. Онъ не вѣрилъ въ ней ни одному слову. Маркизь не такой человекъ чтобы могъ отдать то что не принадлежитъ ему. Кто-нибудь обманулъ викарія или викарій самъ обманулъ мистера Больта, или же викарій — что по мнѣнію мистера Пудельгама было очень вѣроятно — помѣшался отъ досады, вида торжество новой часовни.

— Онъ былъ необыкновенно вѣжливъ, сказалъ мистеръ Больтъ, который въ тотъ день былъ расположенъ къ викарію.

— Конечно, мистеръ Больтъ, конечно, сказалъ мистеръ Пудельгамъ, который уже вполнѣ оправился отъ своего первоначальнаго смущенія и довелъ себя до состоянія краснорѣчиваго восторга. — Я увѣренъ что онъ былъ вѣжливъ. Почему же ему не быть вѣжливымъ? Въ былое время, когда мы едва осмѣливались говорить о нашемъ желаніи имѣть храмъ гдѣ бы мы могли прославлять нашего Бога, онъ былъ всегда вѣжливъ. Никто не скажетъ чтобы я когда-нибудь обвинялъ мистера Фенвика въ невѣжливости. Но скажетъ ли кто-нибудь что онъ расположенъ къ нашему вѣроисповѣданію? Господа, мы должны заботиться о себѣ, и я объявлю вамъ что часовня принадлежитъ намъ. Увидите, что его запрещеніе не прогонитъ меня съ кафедры. Церковная земля! Какъ бы не такъ! Какимъ это образомъ церковная земля попала на другую сторону дороги? И наконецъ, если ужъ дошло до этого, для чего ему имѣть церковную землю?

Все это было такъ убѣдительно что никто изъ собранія не возразилъ ни однимъ словомъ когда мистеръ Пудельгамъ кончилъ рѣчь.

Маркизь былъ въ Лондонѣ когда получилъ письмо. Маркизь Тробриджъ не очень жаловалъ лондонскую жизнь, во каждый годъ, вынуждаемый обстоятельствами (обстоятельства эти были свѣтскіе обычаи, о которыхъ проповѣдовалъ его дочери), проводилъ май, июнь и июль въ своемъ семей-

номъ дворцѣ, въ Гросвеноръ-скверѣ. Кромѣ того маркизь, никогда не открывавшій рта въ палатѣ лордовъ, считалъ своею обязанностью поддерживать главу партіи своимъ личнымъ присутствіемъ. Нашъ викарій, зная это, адресовалъ письмо въ Лондонъ, такъ что оно достигло назначенія безъ потери времени. Лордъ Тробриджъ уже зналъ почеркъ своего врага и, распечатывая письмо, думалъ, не лучше ли отослать его назадъ не распечатаннымъ. Онъ увидитъ свое достоинство переписываясь или читая письма человека который, по всей вѣроятности, наговоритъ ему дерзостей. Думая это, онъ распечаталъ письмо. Гнѣва, который овладѣлъ имъ когда онъ прочелъ письмо, не возьмется описать ни одинъ писатель скромнаго прозаическаго разказа. „Позоръ“, „дерзость“, „невѣжество“, „злоба“, вотъ какими словами осыпалъ его этотъ зловерный, гнусный, негодный священникъ. Чтѣ же касается до смысла письма, онъ не вдругъ понялъ его. Когда же началъ понимать его, онъ не повѣрилъ ему. Его умственная способность работала медленно, но гнѣвъ работалъ быстро. Но наконецъ онъ началъ спрашивать себя, дѣйствительно ли обвиненіе противъ него основано на правдѣ. Когда толковалось объ отдачѣ мѣста подъ часовню, никому и въ голову не пришло что оно принадлежитъ къ церковной землѣ. Явилось минутное подозрѣніе что оно приходская земля, но никто не ожидалъ что кто-нибудь другой можетъ предъявить на нее свое право. Всежъ было извѣстно что Булгамлтонокая деревня принадлежитъ маркизу. Конечно, есть и церковная земля, но кто могъ думать что заброшенный клочокъ земли по другую сторону дороги отъ церковной усадьбы есть церковная земля? Маркизь и теперь этому не вѣрилъ. Это какая-нибудь подлость, вымышленная язвительнымъ мозгомъ нечестиваго священника, гнуснѣшая изъ всѣхъ его подлостей. Маркизь не вѣрилъ, но ходилъ все утро взадъ и впередъ по комнатѣ, думая о письмѣ. Конечно, надо будетъ сказать Сентъ-Джорджу. Выраженія письма такъ гадки что теперь сынъ, вѣроятно, сойдется съ нимъ въ угодованіи на Фейвика. Нельзя ли какъ-нибудь наказать Фейвика? Преслѣдованія за анонимныя письма, за угрожающія письма, за просительныя письма, приходили ему на память. Онъ зналъ что авторы дерзкихъ писемъ къ царствующимъ особамъ строго наказываются. Онъ зналъ что можно преслѣдовать за ругательное письмо, но только въ томъ случаѣ

если оно явилось въ печати; что въ письмахъ бываютъ разговоры. Но онъ не зналъ къ которой изъ этихъ категорій причислить свое письмо. Онъ понималъ что онъ не царствующая особа, что викарій не угрожалъ ему и ничего не просилъ у него. Что если Сентъ-Джорджъ опять скажетъ что викарій правъ! Онъ переворачивалъ все это въ головѣ цѣлый день, и наконецъ, поздно вечеромъ, сѣлъ въ карету и отправился къ гг. Бусби, фамильнымъ адвокатамъ.

LVII. Надо лодить воду масломъ.

Господа Бусби въ Линкольнс-Иннѣ уже много лѣтъ были адвокатами фамиліи Стоутъ и знали фамильныя владѣнія лучше чѣмъ кто-либо изъ самихъ Стоутъ. У нихъ не спросилъ совѣта, когда отдали землю подъ часовню, и не поручали имъ составить документъ объ отдачѣ. Все дѣло было сдѣлано неправильно. Земля была только обѣщана, но не отдана вполнѣ, а лудельгамисты, въ своей послѣдственности, выстроили часовню и надѣявшись на обѣщаніе. Маркизь, когда гнѣвъ его на мистера Феввика немного успокоился, отправился къ господамъ Бусби и долженъ былъ объяснить всѣ обстоятельства для старшему изъ адвокатовъ прежде чѣмъ могъ показать гласное посланіе священника. Старый мистеръ Бусби былъ однихъ лѣтъ съ маркизомъ и въ своемъ родѣ такъ же важенъ. Но между ними была та разница что старый адвокатъ былъ умный старикъ, а старый маркизь былъ глухой старикъ. Мистеръ Бусби покачивалъ головой, слушая разказъ маркиза. Разказъ былъ нѣсколько запутанъ, и адвокатъ сначала могъ только понять что на землѣ его кліента выстроена диссидентская часовня.

— Надо будетъ дать имъ документъ на право владѣнія.

— Но приходскій священникъ говоритъ что она принадлежит ему, сказалъ маркизь.

— Онъ говоритъ что часовня принадлежитъ ему, милордъ?

— Онъ вредный, ужасный человекъ, мистеръ Бусби. Я привезъ его письмо.

Мистеръ Бусби протянулъ руку чтобы взять письмо. Отъ каждаго кліента онъ предпочелъ бы документъ словесному объясненію, а отъ его свѣтлости въ особенности.

— Вы должны знать что онъ совсѣмъ не похожъ на священ-

ника, продолжалъ маркизь.—Я питаю глубокое уваженіе къ церкви, и всегда радъ видѣть духовенство у себя въ домѣ. Но этотъ Фенвикъ задорный, сварливый человекъ. Говорятъ, онъ невѣрующій и содержитъ.... Согласитесь, что ужъ хуже этого трудно представить себѣ что-нибудь.

— Еще бы, сказалъ адвокатъ, дожидаясь письма съ протянутою рукой.

— Онъ постоянно старался оскорблять меня. Вы слышали что одинъ изъ моихъ арендаторовъ былъ убитъ? Его убилъ одинъ молодой человекъ, котораго этотъ священникъ прикрываетъ, потому что онъ братъ одной.... одной молодой женщины.

— Это очень дурно съ его стороны, милордъ.

— Это очень дурно. Ему все извѣстно объ убійствѣ. Я убѣжденъ что онъ все знаетъ. Онъ поручился за молодаго человека. Онъ былъ съ нимъ прежде въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Что же касается до его сестры, то это вѣрно. Они живутъ на землѣ одного господина, который владѣетъ небольшою собственностью въ приходѣ.

— Мистеръ Джильморъ, милордъ?

— Именно. Этотъ Фенвикъ совсѣмъ ослуталъ мистера Джильмора. Вы не можете представить себѣ что тамъ дѣлается. И вотъ теперь онъ написалъ мнѣ это письмо. Я знаю теперь его почеркъ, и если онъ напишетъ мнѣ еще разъ, я отонлю назадъ его письмо, не распечатывая.

Маркизь замолчалъ, и адвокатъ тотчасъ же погрузился въ письмо.

— Оно написано съ намѣреніемъ наговорить дерзостей, сказалъ адвокатъ.

— Дерзкое, оскорбительное, непристойное письмо. А епископъ стоитъ за такого человека.

— Но если онъ правъ въ томъ что говорить о землѣ, милордъ, то это дѣло очень неприятное.

Адвокатъ разсматривалъ чертежъ, приложенный къ письму.

— Онъ говоритъ что это списано съ приходской книги, милордъ.

— Я ему не вѣрю, сказалъ маркизь.

— Вы смотрѣли планы вашихъ владѣній, милордъ?

— Нѣтъ, не смотрѣлъ, но Пакеръ не сомнѣвался. Никто не знаетъ такъ хорошо Бугамптона какъ Пакеръ, а Пакеръ говорилъ....

Не дослушавъ маркиза, адвокатъ всталъ и, извинившись,

ушелъ въ другую комнату къ помощнику и ждалъ тамъ пока помощникъ сходилъ въ подвальный этажъ въ окованную желѣзомъ комнату и принесъ оттуда большой ящикъ. Порышась въ ящикъ, мистеръ Бусби досталъ тяжелую килу пергамента и большой плащъ Булгамитгонскаго помѣстья. Потомъ онъ сходилъ въ другую комнату и поговорилъ со своимъ товарищемъ.

— Боюсь что священникъ правъ, сказалъ онъ, возвратившись къ маркизу.

— Правъ!

— Правъ въ томъ что онъ говоритъ о землѣ. Это церковная земля, и здѣсь она обозначена очень ясно. Слѣдовало обратиться къ намъ, милордъ, право слѣдовало. Пакеръ и подобные ему люди ничего не знаютъ. Надо имѣть всегда документальныя доказательства.

— Такъ это церковная земля?

— Безъ сомнѣнія, милордъ.

Тогда маркизъ понялъ что врагъ его одержалъ надъ нимъ побѣду. Онъ склонилъ свою старую голову на сложенные руки и заплакалъ. Слезы, можетъ-быть, не текли по его щекамъ, но онъ плакалъ внутренними слезами,—слезами ненависти, раскаянія и сожалѣнія. Врагъ его избилъ его, а онъ не могъ отплатить ему хоть однимъ ударомъ. Онъ долженъ покориться, возвратитъ клочокъ земли и построить гадкимъ методамъ часовню гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, въ своихъ собственныхъ владѣнiяхъ. Въ этомъ онъ не сомнѣвался. Еслибы можно было избавиться отъ срама, онъ готовъ бы былъ построить имъ на свой счетъ хоть десять часовень. Но перенесенiе часовни будетъ незаслуженнымъ торжествомъ для человѣка, котораго онъ считалъ негодяемъ. Викарiй обвинялъ маркиза въ томъ что маркизъ распускаетъ о немъ слухи въ которыхъ самъ не вѣритъ, но маркизъ вѣрилъ всему что говорилъ о Фенвикѣ. Теперь же не было такой лодости къ которой маркизъ не считалъ бы его способнымъ. Ему даже пришла мысль, обратившаяся почти въ убѣжденiе, что Фенвикъ самъ принималъ участiе въ убiйствѣ Тромбула. Чего нельзя ожидать отъ священника который съ наслажденiемъ оскорбляетъ и укажаетъ помѣщика своего прихода. Одинъ тотъ фактъ что приходскiй священникъ шелъ противъ помѣщика доказывать маркизу что этотъ священникъ злодѣй, дрянъ, негодяй, вредный радикалъ и все чѣмъ священнику не слѣдуетъ быть. Викарiй ошибался

думая что маркизь сознательно клеветалъ на него. Маркизь всему вѣрилъ.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ маркизь.

— Что касается до часовни, милордъ, то викарій, какъ онъ ни гадокъ, не хочетъ ломать ее.

— Но ее надо сломать, сказалъ маркизь, вставъ со стула.— И она будетъ сломана. Вы думаете что я оставлю ее на томъ мѣстѣ гдѣ она построена по моей ошибкѣ? Ни одного дня! Ни одного часа! Я вамъ вотъ что скажу, мистеръ Бусби: некогдай зналъ это съ самаго начала; зналъ такъ же хорошо какъ вы теперь знаете, но онъ ждалъ чтобъ ее выстроили прежде чѣмъ сказать мнѣ. Я вижу все это такъ же ясно какъ носъ на вашемъ лицѣ, мистеръ Бусби.

Адвокатъ придумывалъ какъ бы разъяснить своему сердитому кліенту что онъ не имѣетъ никакого права сломать часовню, что если викарій и методисты согласятся между собой, часовня будетъ стоять вопреки маркизу, если только церковныя власти не заставятъ викарія освободить отъ нея землю, когда вошелъ помощникъ и шепнулъ что-то на ухо адвокату.

— Милордъ, сказалъ мистеръ Бусби,—лордъ Сентъ-Джорджъ прѣхалъ. Принять его?

Въ ту минуту маркизу не хотѣлось видѣть сына, но лордъ Сентъ-Джорджъ былъ, конечно, принятъ. Встрѣча у адвоката была для обоихъ неожиданная, сынъ и отецъ были одинаково удивлены. Но такъ сильны были гнѣвъ, замѣшательство и вообще душевное разстройство маркиза что онъ не сдѣлалъ никакого вопроса. Лордъ Сентъ-Джорджъ долженъ узвать о случившемся, и не было причины не сказать ему тотчасъ же.

— Мѣсто на которомъ выстроена часовня оказалась церковною землею, сказалъ маркизь. Лордъ Сентъ-Джорджъ свистнулъ.—Фенвикъ, конечно, зналъ это съ самаго начала.

— Не думаю, сказалъ сынъ.

— Прочти его письмо. Мистеръ Бусби, будьте такъ добры, дайте лорду Сентъ-Джорджу его письмо. Ты никогда не читалъ такого произведенія. Дерзкій негодай. Онъ, конечно, зналъ это съ самаго начала.

Лордъ Сентъ-Джорджъ прочелъ письмо.

— Негодяй ли онъ или нѣтъ, но онъ очень дерзокъ.

— Дерзокъ—слишкомъ мало для него.

— Его, можетъ-быть, вывели изъ терпѣнія, милордъ.

— Только не я, Сентъ-Джорджъ; не я. Я ему ничего не сдѣлалъ. А часовню надо, конечно, перенести на другое мѣсто.

— Не подождать ли немного, замѣтилъ мистеръ Бусби.—Черезъ мѣсяцъ или два всѣ немного успокоятся.

— Ни одного часа, сказалъ маркизь.

Лордъ Сентъ-Джорджъ, съ письмомъ въ рукахъ, ходилъ задумавшись по комнатѣ.

— Дѣло въ томъ, сказалъ онъ наконецъ, — что мы сдѣлали ошибку и теперь должны постараться выпутаться изъ нея. Отецъ, кажется, немного ошибается насчетъ характера священника.

— Сентъ-Джорджъ! Развѣ ты не читалъ его письма? Развѣ такое письмо прилично отъ духовнаго лица англійской церкви и къ кому же? (Маркизь хотѣлъ сказать къ лорду Тробріджу, но не осмѣлился выразиться такъ при сынѣ) къ поповицу приходитъ!

— Красная кирпичная часовня противъ вашихъ палатъ была бы не совсѣмъ пріятна, не правда ли?

— У него еще нѣтъ палатъ, сказалъ маркизь.

— Такъ намъ понадобится построить ему часовню. Предоставьте мнѣ это дѣло. Я повидаюсь съ нимъ и съ методистскимъ священникомъ и постараюсь полить воду масломъ.

— Я не хочу никакого умасливать.

— Лордъ Сентъ-Джорджъ правъ, милордъ, сказалъ адвокатъ.— Это такое дѣло на которое мы должны полить немного масла. Мы сдѣлали ошибку, а сдѣлавъ ошибку, надо всегда поливать воду масломъ. Я увѣренъ что лордъ Сентъ-Джорджъ сумеетъ выпутаться.

Отецъ и сынъ вышли вмѣстѣ и, прежде чѣмъ они дошли до парламента, лордъ Сентъ-Джорджъ убѣдилъ отца предоставить ему дѣло о бугамитовской часовнѣ.

— Что же касается до письма, сказалъ Сентъ-Джорджъ, — вы не думайте о немъ.

— Я и не намѣренъ думать о немъ, гордо возразилъ маркизь.

LVIII. Мечты Юдиен Броунло.

— Милая моя, садъ, я хочу поговорить съ тобой. Ты знаешь какъ мнѣ хочется чтобы ты вышла замужъ.

Съ этими словами обратился въ Донришелъ къ Юдиен Броунло дядя сэръ-Грегори, однажды утромъ, въ июль, когда

она прислуживала ему за завтракомъ. Завтракъ его состоялъ всегда изъ чашки шоколата, свареннаго особеннымъ образомъ, и Юдиень всегда стояла возлѣ его постели, когда онъ пилъ его. Она никогда не садилась, потому что, еслибы сѣла, то совсѣмъ скрылась бы въ большомъ креслѣ стоявшемъ возлѣ постели. Но теперь ее приглашали сѣсть, и она сама рада была скрыться, но она не сѣла. Надо было взять лутую чашку изъ рукъ дяди, а когда прошла первая минута думленія, она подумала что не слѣдуетъ прятаться. Она взяла чашку, поставила на столъ и воротилась къ постели, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ на слова дяди.

— Мнѣ очень хочется видѣть тебя замужемъ, сказалъ эръ-Грегори самымъ нѣжнымъ тономъ.

— Вамъ хочется отдѣлаться отъ меня, дядя?

— Нисколько, моя милая; этого-то именно мнѣ и не хочется. Ты, конечно, выйдешь за кого-нибудь замужъ?

— Не знаю, за кого я могу выйти, дядя.

— Отчего же? Ты, конечно, думала объ эгомъ?

— Только вообще, дядя.

Сэръ-Грегори Маррабель не былъ умнымъ человекомъ. Но глупость его совсѣмъ не была похожа на глупость лорда Гробриджа, она не вредила такъ сильно ни ему самому, ни другимъ, была гораздо невиннѣе и не исключала нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ дарованій. Лордъ Гробриджъ, надо сказать прямо, былъ вполне глупъ. Онъ былъ такъ глупъ что даже не подозрѣвалъ о своей глупости. Но сэръ-Грегори не довѣрялъ себѣ ни въ чемъ, считалъ себя жалкимъ существомъ, готовъ былъ уступить ребенку во всякомъ литературномъ вопросѣ и не имѣлъ своего мнѣнія ни объ одномъ предметѣ не входившемъ въ предѣлы его владѣній, но и въ этихъ предѣлахъ его мнѣніе было очень уступчиво. Онъ, однако, много читалъ, много знаній скрывалось гдѣ-то въ его памяти, и онъ понималъ по крайней мѣрѣ какую маленькую мухой былъ онъ на емномъ шарѣ. Но, къ сожалѣнію, вмѣшавшись во что-нибудь, онъ всегда портилъ дѣло. Онъ уже говорилъ о Вальтерѣ со своею невѣсгой, матерью Юдиен, съ сыномъ и съ миссъ Маррабель, своею родственницей. Но съ самою Юдиенью Броунъ онъ еще не говорилъ о немъ, а такъ какъ капитанъ Маррабель самъ еще ничего не говорилъ ей, то, можетъ-быть, эръ-Грегори не мѣшало бы придержать языкъ. Послѣ полудняго отвѣта Юдиен онъ помолчалъ немного и опять

возвратился къ своему предмету самымъ неумѣстнымъ вопросомъ:

— Какъ тебѣ нравится Вальтеръ?

— Калитанъ Маррабель?

— Да, калитанъ Маррабель.

— Онъ мнѣ нравится, дядя, отчасти.

— Мнѣ ничто не было бы такъ пріятно, какъ еслибы ты сдѣлалась его женой. Ты знаешь что Донришпелъ со временемъ будетъ принадлежать ему.

— Если Грегори не женится.

Юдиень не знала хорошо ли сдѣлала сказавъ это. Она сама понимала что кузень Грегори никогда не женится, что онъ неизлѣчимый больной, человекъ отжившій, преждевременно состарившійся, и что онъ стоитъ уже одною ногой въ могилѣ. Но ей казалось, что не наломивъ о немъ, она показала бы что считаетъ его уже погибшимъ.

— Грегори никогда не женится. Конечно, пока онъ живъ, Донришпелъ принадлежитъ ему; но если Вальтеръ женится Грегори устроить чтобъ отъ него Донришпелъ перешелъ прямо къ Вальтеру. Тебѣ не понять всего этого, но это было бы отлично. Я былъ бы такъ счастливъ еслибы зналъ что ты всегда будешь жить въ Донришпелѣ.

Юдиень поцѣловала старика и ушла, ничего не отвѣтивъ. Черезъ десять дней Вальтеръ пріѣдетъ опять въ Донришпелъ на нѣсколько дней, но и въ нѣсколько дней можно рѣшить дѣло. Юдиень слышала кое-что о Мери Лоутеръ, но не много. Одно время она подозрѣвала что Вальтеръ помолвленъ съ Мери Лоутеръ, но подозрѣніе оказалось ложнымъ. Къ ней самой Вальтеръ относился дружески, и онъ ей очень нравился. Они не были родственниками, но въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль были поставлены въ такія отношенія и такъ много были вмѣстѣ что очень сошлись. Его присутствіе въ Донришпелѣ было ей очень пріятно, но она никогда не думала о немъ какъ о женихѣ. У ней было свое убѣжденіе что дѣвушка не должна смотрѣть на мужчину какъ на жениха, не получивъ отъ него значительнаго поощренія къ этому.

Сэръ-Грегори передалъ мистрисъ Броунъ свой разговоръ съ Юдиенью, и она сочла необходимымъ поговорить съ дочерью.

— Это было бы очень хорошо еслибъ устроилось, но дядѣ все же не слѣдовало говорить тебѣ объ этомъ.

— Бѣда не велика, мама. Я не намѣрена жертвовать своимъ сердцемъ.

— Онъ очень хорошій молодой человекъ и совсѣмъ не похожъ на отца, хуже котораго нельзя найти человека.

— Онъ, кажется, былъ влюбленъ въ Мери Лоутеръ нынѣшнюю зиму?

— Не знаю, моя милая. Я такимъ разказамъ никогда не вѣрю. Когда мнѣ говорятъ что молодой человекъ женится на дѣвушкѣ, тогда только я вѣрю что они влюблены другъ въ друга.

— Надо надѣяться что такъ и будетъ, мама.

— Но пока они не помолвлены, я ничему не вѣрю. Мнѣ кажется, ты можешь быть покойна что между ними ничего не было.

— Мнѣ это все равно, мама.

— Нѣтъ, не все равно. Но довольно говорить объ этомъ. У тебя такъ много здраваго смысла что я увѣрена что ты не сдѣлаешь никакой глупости. Сэръ-Грегори лучше бы сдѣлалъ еслибы не говорилъ тебѣ, но такъ какъ онъ уже сказалъ, то тебѣ не мѣшаетъ знать что, еслибы ты вышла за Вальтера, это было бы очень пріятно по нѣкоторымъ семейнымъ соображеніямъ. Титулъ и состояніе должны со временемъ перейти къ Вальтеру, но для тебя сэръ-Грегори принесть бы немедленно такія жертвы какихъ онъ не сдѣлаеть для Вальтера.

Юдишь поняла все сказанное очень ясно и поняла бы по одному намеку. У ней не было своего состоянія, и дядя могъ дать ей очень мало. Да она не имѣла и права ожидать отъ него чего-нибудь. Она не была близкою родственницею никому изъ Маррабелей, хотя случай заставилъ ее жить постоянно въ Доврипелѣ. Она была уже какъ бы Маррабель, и конечно, для нея хорошо было бы вполне сдѣлаться Маррабелью. Вальтеръ былъ замѣчательно красивъ, а со временемъ будетъ бароветомъ и владѣльцемъ помѣстья, которое, женившись на ней, онъ получить, можетъ-быть, раньше чѣмъ женившись на комъ-нибудь другомъ. Все это Юдишь понимала, но вмѣстѣ съ тѣмъ она думала что дѣвушка не должна отдавать своего сердца пока его у нея не попросятъ, а Вальтеръ Маррабель еще не далъ ей повода думать что намѣренъ просить у нея ея сердце. Тѣмъ не менѣе она начала

безлокоиться насчетъ Мери Лоутеръ, и ей хотѣлось знать что было между ней и Вальтеромъ.

Четвертаго августа Вальтеръ пріѣхалъ въ Довришпелъ и нашелъ домъ въ полномъ распоряженіи доктора. Дядя его и двоюродный братъ были оба очень больны. Докторъ на его вопросъ отвѣчалъ что мистеръ Маррабель очень опасенъ, но что болѣзнь сэръ-Грегори не что иное какъ его всегдашняя слабость, усилившаяся отъ безлокоинства о сынѣ.

— Вашъ дядя можетъ прожить еще лѣтъ десять, сказалъ докторъ,—но за мистера Маррабель я не ручаюсь.

Обѣ дамы пожертвовали все свое время на ухаживаніе за больными. Мистрисъ Броунло ухаживала за племянникомъ, а Юдиень, по обыкновенію, за дядей. При такихъ обстоятельствахъ Юдиень Броунло и Вальтеръ Маррабель проводили много времени вдвоемъ, чему способствовало и общее желаніе чтобъ они сдѣлались мужемъ и женой. Бѣдной Юдиень казалось что всѣ ждуть чтобъ она влюбилась въ Вальтера. Она подозрѣвала что и ему посоветовали влюбиться въ нее. Это, конечно, ставило ее въ очень затруднительное и непріятное положеніе, которое, впрочемъ, нѣсколько облегчалось общимъ положеніемъ дѣлъ въ домѣ. Когда въ домѣ есть больвой, женскій духъ преобладаетъ надъ мужскимъ. Если же болѣзнь внушаетъ серіозныя опасенія, то естественныя отношенія двухъ половъ совершенно измѣняются. Юдиень, не сознавая этого, боялась своего предполагаемаго жениха гораздо менѣе чѣмъ боялась бы его еслибы въ домѣ не надо было ходить на цыпочкахъ, не о чемъ было бы говорить шепотомъ и не было бы необходимости въ женской дѣятельности.

Однажды, дня черезъ четыре послѣ пріѣзда, Вальтеръ сдѣлалъ съ Юдиенью въ саду между олеандрами. Онъ хотѣлъ было сначала ухватъ, увидавъ положеніе дѣлъ въ домѣ, но сэръ-Грегори не пустилъ его. Сэръ-Грегори ненавидѣлъ военную службу и думалъ что Вальтеру не слѣдуетъ служить въ полку. Самъ онъ былъ слишкомъ слабъ и нерѣшителенъ чтобы насгоять на этомъ, но еслибы кто-нибудь устроилъ это за него, онъ съ удовольствіемъ назначилъ бы Вальтеру годовое содержаніе съ тѣмъ чтобъ онъ жилъ въ Довришпелѣ, занимался помѣстьемъ и былъ ему вмѣсто сына. Но ничто не было еще рѣшено, ни о чемъ не переговорено, и капитанъ каждый день считалъ себя наканунѣ отъѣзда въ Бирмигамъ. Мистрисъ Броунло не отходила отъ племянника, а

Вальтеръ и Юдиѣ вышли въ садъ послѣ такого обѣда какіе годами въ домѣ гдѣ есть больные. Они очень сблизились, но Юдиѣ уже почти рѣшила что Вальтеръ не намѣренъ влюбиться въ нее. Она же съ своей стороны рѣшила что не влюбится въ него пока онъ не влюбится въ нее. Но что она сдѣлаетъ если онъ влюбится, она еще не рѣшила. Она не была вполне увѣрена. Онъ ей очень нравился, но она не была вполне увѣрена. Тѣмъ не менѣе она была очень расположена къ нему. Если можно сдѣлать пріятное друзьямъ, то надо это сдѣлать, сказала она себѣ.

Она вынесла ему чашку кофе. Онъ сидѣлъ на садовомъ стулѣ и курилъ сигару. Они были другъ для друга Юдиѣ и Вальтеръ, какъ родные. И въ самомъ дѣлѣ, почему имъ не быть родными въ остальную часть ихъ жизни?

— Отбросимъ капитана и миссъ, сказалъ онъ ей самъ.

Она охотно согласилась и безъ малѣйшаго колебанія начала звать его Вальтеромъ.

— Юдиѣ, сказалъ онъ ей теперь, взявъ у ней чашку,—слыхали вы когда-нибудь объ одной нашей родственницѣ, Мери Лоутеръ?

— О, да, конечно. Она живетъ въ Лорингъ съ тетужкой Саррой. Но тетужка Сарра мнѣ не тетка, а Мери Лоутеръ мнѣ не родственница.

— Это правда. Юдиѣ, я васъ такъ люблю что, кажется, могу открыть вамъ великую тайну моей жизни.

— Конечно можете. Я люблю тайны и особенно тайны людей которые меня любятъ.

Она сказала это твердымъ голосомъ и не обнаруживъ на лицѣ ни малѣйшаго безлокойства, но мечты ея уже раздетѣлись. Она отгадала тайну.

— Я былъ помолвленъ съ ней.

— И женитесь на ней?

— Мы разошлись, когда я думалъ что мнѣ придется ѣхать въ Индію. Это очень даунная и печальная исторія. Родной отецъ погубилъ меня. Я когда-нибудь расскажу вамъ все.

И онъ тутъ же рассказалъ ей все пока сидѣлъ съ ней и курилъ сигару. Такія исторіи кажутся очень длинными, но разказываются очень скоро.

— Но теперь вы опять воротитесь къ ней? спросила Юдиѣ.

— Она не подождала меня.

— Что вы хотите сказать?

— Она, говорятъ, выходитъ замужъ за.... за одного мистера Джильмора.

— Уже!

— Онъ разъ двадцать дѣлалъ ей предложеніе прежде чѣмъ мы сошлись съ ней. Она никогда не любила его и не любитъ теперь.

— Кто сказалъ вамъ что она выходитъ замужъ, калитавъ Маррабель?

Она безъ намѣренія не назвала его по имени и, спохватившись, готова была отдать что угодно чтобы только онъ не замѣтилъ этого.

— Дядя Джонъ.

— Вы должны сами спросить ее.

— Я и намѣренъ спросить ее. Но послѣ того какъ меня приняли здѣсь, я не могу сдѣлать этого, не сказавъ напередъ дядѣ. А пока Грегори такъ боленъ, объ этомъ не ловко говорить.

— Мнѣ надо идти къ дядѣ, Вальтеръ. Я надѣюсь что она осталась вѣрна вамъ, и надѣюсь что люблю ее. Не вѣрьте ничему кромѣ того что она сама скажетъ вамъ.

Сказавъ это, Юдиѣ Броунло воротилась домой и тотчасъ же отложила свои мечты спокойно въ сторону. Матери она тогда ничего не сказала. Нѣтъ никакой необходимости говорить матери сейчасъ же, думала она.

ЛІХ. Извѣстіе изъ Донриллея.

Въ концѣ первой недѣли августа, въ булгамтонскій церковный домъ пришло извѣстіе, которое, не имѣя никакого значенія для Фенвиковъ, тѣмъ не менѣе имѣло непосредственное вліяніе на ихъ жизнь и покой. Викарій уже нѣсколько дней былъ въ отличномъ расположеніи духа, вслѣдствіе письма полученнаго имъ отъ лорда Сентъ-Джорджа. Разказъ объ ихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ мы отложимъ до слѣдующей главы, потому что другія происшествія требуютъ немедленно нашего вниманія.

Мистеръ Джильморъ, настаивая чтобы былъ назначенъ день свадьбы, почти достигъ своей цѣли. Мери Лоутеръ, поставленная въ безвыходное положеніе, не находила другой отговорки кромѣ той что мистеръ Джильморъ обѣщалъ не торопить ее. „Что это значитъ?“ сердито спросила мистрисъ

Феввакъ. „Вы говорите о чловѣкѣ который будетъ вашимъ мужемъ, какъ будто для васъ величайшее счастье въ жизни быть подалше отъ него.“ Мери Лоутеръ не осмѣлилась сказать что это дѣйствительно было бы для нея величайшимъ счастьемъ въ жизни. Въ то время въ церковный домъ пришло извѣстіе о болѣзни Грегори Маррабель и о прїѣздѣ Вальтера въ Донрипелъ. Извѣстіе пришло, конечно, отъ тетки Сарры изъ Лоринга, и было сообщено такимъ образомъ что сдѣлалось причиною молчанія Мери относительно дѣла свадьбы. Донрипелскіе Маррабели были ей дальніе родственники, она даже не помнила сэръ-Грегори и его сына. Но извѣстію она придала какое-то значеніе, которое, если разобрать хорошенько, относилось скорѣе къ Вальтеру чѣмъ къ двумъ больнымъ. Тетка Сарра высказала свое убѣжденіе что Грегори Маррабель умираетъ и прибавила, — положившись на извѣстный фактъ что Мери невѣста Джильмора и на предполагаемый фактъ что Вальтеръ женихъ Юдиои Броунло, — что Вальтеръ, вѣроятно, останется въ Донрипелѣ и вступитъ немедленно во владѣніе имѣніемъ. „Мнѣ кажется, можно сказать навѣрное“, писала тетка, „что капитанъ Маррабель женится на Юдиои Броунло.“ Мери была невѣста Джильмора, и тетунка Сарра не видѣла причины не передавать ей всѣхъ своихъ соображеній.

Джильморъ, гордый и счастливый въ періодъ рубиновъ, въ три дня впалъ опять въ мрачное уныніе. Онъ пересталъ говорить о своей свадьбѣ съ Феввиками, и даже съ самой Мери почти не говорилъ. Въ Вязникахъ производились улучшенія въ садахъ, и онъ доносилъ ей о ходѣ работъ, и объявилъ что на дняхъ начнутъ работать надъ домомъ каменщику и маляры. Онъ нѣсколько разъ просилъ ее навѣстить Вязники, и она была тамъ два раза послѣ того дня когда сходилла туда добровольно и привела его съ собою посмотрѣть вещи. Но между ними было мало или совсѣмъ не было симпатіи. Мери не могла заставить себя интересоваться его домомъ и садами, хотя и пѣвтораала себѣ что ей придется прожить тамъ остальную часть жизни.

Въ продолженіе трехъ дней она получила два письма отъ тетки изъ Лоринга, наполненныя подробностями о болѣзни сэръ-Грегори и его сына. Вальтеръ извѣщалъ о нихъ дядо священника, а мистрисъ Броунло извѣщала миссъ Маррабель. На слѣдующій день послѣ полученія послѣдняго изъ двухъ

ласаетъ, Мери Лоутеръ получила письмо отъ самого Вальтера Маррабель. Грегора Маррабаль умеръ, и вотъ письмо извѣстившее Мери о смерти единственнаго сына баронета.

„Дорриплель, 12го августа 1868.

„Дорогая Мери!

„Вы, вѣроятно, не ожидали узнать новость которую я хочу сообщить вамъ прямо отъ себя; но мнѣ кажется что по нѣкоторымъ причинамъ будетъ лучше если я напишу вамъ самъ. Мой двоюродный братъ, единственный сынъ сэръ-Грегори, скончался сегодня утромъ. Вы конечно знаете что онъ былъ уже давно боленъ. Сегодня кончилисъ его страданія, и старый баронетъ теперь бездѣтеленъ. Онъ тоже былъ боленъ и теперь еще не совсемъ выздоровѣлъ, но болѣзнь его не опасна. Онъ уже много лѣтъ постоянно хвораетъ. Смерть сына, конечно, подействовала на него, потому что онъ былъ всегда хорошимъ отцомъ, но мнѣ кажется, старики такъ привыкають къ смерти что она не производитъ на нихъ такого впечатлѣнія какъ на насъ. Я видѣлъ его сегодня два раза послѣ того какъ ему сообщили новость, и хотя онъ говорилъ о сынѣ съ невыразимымъ страданіемъ, но былъ способенъ говорить и о другомъ.

„Я пишу вамъ самъ, вмѣсто того чтобы поручить это какой-нибудь изъ здѣшнихъ дамъ, преимущественно для того чтобы поговорить съ вами о себѣ. Мое положеніе совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, потому что я считалъ необходимымъ ѣхать служить въ Индію. Вы уже знаете что я оставилъ это намѣреніе и теперь хочу даже совсемъ оставить военную службу. Дядя желалъ этого съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ сюда въ первый разъ, а теперь онъ прямо предложилъ мнѣ остаться навсегда въ Дорриплель. Конечно, это означаетъ что я займу здѣсь положеніе наследника. Между мной и наследствомъ стоитъ мой отецъ, съ которымъ мнѣ менѣ чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ хотѣлось бы имѣть сношенія по этому поводу. Но я увѣренъ что семейныя дѣла будутъ такъ устроены что я никогда не буду нуждаться.

„Дорогая Мери, не знаю какъ и сказать вамъ что теперь вся моя будущность зависитъ отъ васъ. Я слышалъ что вы помолвлены съ мистеромъ Джильморомъ, но я не знаю правда ли это. Если вы сами скажете мнѣ что намѣрены быть его женой, я не скажу болѣе ни слова. Но пока вы мнѣ сами не скажете, я не хочу вѣрить этому. Не думаю чтобы вы когда-нибудь могли полюбить его такъ какъ вы когда-то любили меня. И подумаешь, давно ли это было! Я знаю что не имѣю права жаловаться. Наша разлука была столько же моимъ дѣломъ, какъ и вашимъ. Но я не рѣшу ничего насчетъ своего будущаго прежде чѣмъ вы не скажете мнѣ хотите вы или не хотите быть моею женой.

„Я уѣду отсюда послѣ похоронъ назначенныхъ въ пятницу. Въ понедѣльникъ я отправлюсь въ Бирмингамъ. Сегодня воскресенье, и я надѣюсь получить отъ васъ отвѣтъ въ концѣ той недѣли. Если вы позволите, я буду у васъ въ началѣ будущей недѣли. Если же вы скажете что мнѣ не зачѣмъ прибѣжать къ вамъ, то мнѣ будетъ все равно какъ ни устроить мое будущее.

„Вашъ со всею любовью моего сердца

„Вальтеръ Маррабель.“

Къ счастью для Мери, она была одна когда читала это письмо. Первымъ ея побужденіемъ, когда она прочла его, было вспомнить слова которыя она сказала Гарри Джильмору, когда такъ неохотно согласилась сдѣлаться его женой. „Еслибы Вальтеръ Маррабель имѣлъ возможность жениться на бѣдной дѣвушкѣ, я бы оставила васъ и пошла бы къ нему тотчасъ же.“ Она не забыла этихъ словъ. Она тогда заранѣе приготовилась, надѣясь оттолкнуть его этимъ отъ себя, избавиться отъ его домогательства, отъ совѣтовъ друзей и отъ своихъ сомнѣній. Но онъ принялъ ее вопреки этимъ словамъ. И вотъ теперь дѣло дошло до той возможности на которую она намекала. Какъ, она ни бѣдна, а Вальтеръ можетъ жениться на ней. Она держала въ рукахъ письмо, гдѣ онъ говорилъ что это возможно. Ея сердце принадлежало ему всецѣло теперь какъ и всегда: могла ли она отказать ему? Она сама сказала Джильмору что не можетъ еще разъ любить такъ какъ любила Вальтера. Ее убѣдили что для нея нѣтъ надежды сдѣлаться когда-нибудь женой Вальтера, и она разсталась съ нимъ. Разставшись съ нимъ, она убѣдила себя что можетъ быть женой Джильмора. Но вплоть до послѣдней минуты она не могла преодолѣть страха при мысли о такой будущности. Она постоянно думала что должна отказаться, даже тогда когда ее увѣрили что Вальтеръ женится на Юдици Броунло. Но это была ложь, неопоримая ложь. Въ его сердцѣ не было такого намѣренія. О, во сколько разъ онъ былъ благороднѣе ея!

Однако, какъ она старалась поступать согласно съ долгомъ, думать о другихъ болѣе чѣмъ о себѣ, распорядиться собою такъ чтобы принести кому-нибудь пользу! И вотъ до чего довели ее всѣ старанія! Теперь уже нѣтъ возможности выйти за Гарри Джильмора. Прежде она пыталась примириться съ этимъ бракомъ, но теперь и попытка невозможна. Имѣетъ ли она право отказать человѣку котораго любить, когда онъ

говорить что все его счастье зависитъ отъ нея? Теперь она поняла что при всемъ желаніи поступить честно, она поступила безчестно принявъ предложеніе Джильмора. Она поступила безчестно, несмотря на то что послѣдовала совѣтамъ всѣхъ своихъ друзей. По крайней мѣрѣ теперь, думала она, надо поступить согласно съ долгомъ, еслибы только знать чего требуетъ долгъ. Что не сѣдуетъ выходить за Гарри Джильмора, даже думать выйти за него, когда сердце ея такъ поглощено полученнымъ письмомъ, въ этомъ она была вполне уверена. Что она оскорбила человѣка, и что такого оскорбленія ничѣмъ не загладить, она тоже сознавала. Но оскорбленіе уже сдѣлано, и теперь его не уничтожишь, думала она. И притомъ развѣ она не сказала ему что готова воротиться къ Вальтеру, еслибы только Вальтеръ могъ взять ее.

Она медленно сошла внизъ предъ самымъ часомъ дѣтскаго обѣда, и нашла своего друга съ дѣтymi въ саду.

— Жанета, сказала она, — я получила письмо изъ Довриллея.

Мистрисъ Февикъ взглянула на ея лицо и увидѣла что оно было грустно и озабочено.

— Что новаго, Мери?

— Грегори Маррабель умеръ въ воскресенье утромъ.

(Тогда былъ вторникъ.)

— Вы, я думаю, ожидали этого?

— Да, конечно, но не такъ скоро.

— А сэръ-Грегори?

— Ничего, ему лучше.

— Жаль мнѣ бѣднаго старика лжившагося сына, сказала мистрисъ Февикъ.

Она была такъ умна что не могла не догадаться что грустный, торжественный видъ Мери не былъ слѣдствіемъ смерти дальняго, незнакомаго родственника; но она была также слишкомъ умна чтобы намекнуть на то что, по ея мнѣнію, было причиной горя Мери. Мери, вѣроятно, думаетъ объ измѣнявшемся положеніи своего родственника Вальтера, но чѣмъ нѣмѣе будетъ сказано теперь объ этомъ родственникѣ, тѣмъ будетъ лучше. Но такъ какъ нельзя было тотчасъ же заговорить о чемъ-нибудь другомъ, то мистрисъ Февикъ постаралась по возможности развлечь мысли своего друга.

— Надѣнете вы трауръ? спросила она.—Она вамъ дальній родственникъ, но о такихъ вещахъ у всякаго свои понятія.

— Не знаю, оказала Мери разсѣянно.

— На вашемъ мѣствѣ я посоветовалась бы съ мистеромъ Джильморомъ. Онъ имѣетъ право дать совѣтъ.

— Я надѣну трауръ, неожиданно сказала Мери, вспомнивъ какое положеніе Вальтеръ занимаетъ въ Докришпелѣ. Слезы выступили на ея глаза, а она сама не знала о причинѣ ихъ. Она пошла одна по саду и скрылась за кустами. Мистрисъ Денвикъ проводила ее глазами, не совсѣмъ понимая что съ ней дѣлается. Эти слезы не о дальнемъ родственникѣ. И потомъ, въ продолженіи послѣднихъ недѣль Мери добровольно исполняла всѣ совѣты мистера Джильмора, какъ будто хотѣла послушаніемъ замѣнить любовь которую обязана была чувствовать къ нему. Теперь же она напрямикъ отказалась посоветоваться съ мистеромъ Джильморомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Мери воротилась и, проходя въ домъ, сказала что не придетъ завтракать.

Въ тотъ день въ домѣ викарія ожидали къ завтраку лорда Сентъ-Джорджа, о чемъ будетъ разказано въ слѣдующей главѣ.

LX. Лордъ Сентъ-Джорджъ очень ловокъ.

Лордъ Сентъ-Джорджъ началъ поливать воду масломъ, относительно неудачной булгамптонской часовни, дня черезъ два послѣ встрѣчи съ отцомъ у адвоката. Отецъ принужденъ былъ уступить и, какъ это всегда случалось по приговору судьбы, предоставить сыну дѣйствовать такъ какъ онъ сочтетъ за лучшее. Ужасная ошибка Пакера имѣла столь неприятныя послѣдствія что маркизь не могъ не уступить. Въ тотъ день, прежде чѣмъ разстаться съ сыномъ съ Вестминстерѣ, гдѣ имъ надо было разойтись по различнымъ палатамъ, онъ усердно просилъ его чтобы масло было не слишкомъ жирно. Но сынъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки.

— Онъ такой негодай, доказывалъ маркизь, говоря о своемъ неприятели.

— Я не вполнѣ увѣренъ, милордъ, что вы можете судить какой онъ человекъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.— Вы его ненавидите, и онъ васъ, конечно, тоже ненавидитъ.

— Ужасно ненавидитъ, воскликнулъ маркизь.

— Вы стараетесь по мѣрѣ силъ вашихъ приносить пользу Булгамптонцамъ, не правда ли?

— Конечно стараюсь, Сертъ-Джорджъ, сказалъ маркизь чуть не со слезами ан глазахъ.

— Я почти увѣренъ что онъ дѣлаетъ то же самое.

— Но ты прими въ соображеніе его жизнь.... сказалъ маркизь.

— Не всегда легко судить жизнь человѣка. Мы всегда судимъ жизнь людей и всегда ошибаемся. Еписколъ считаетъ его хорошимъ человѣкомъ, а еписколъ не такой человѣкъ чтобъ ему пришлось по вкусу развратный, невѣрующій, вѣрадивый священникъ, который по вашему мнѣнію ведетъ открыто развратную жизнь. Я склоненъ думать что вы ошибаетесь.

Несчастный маркизь сердито заворчалъ и отправился въ палату лордовъ.

Подобныя невзгоды гнетутъ сердце человѣка. Если мы избавлены отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, то наше счастье или несчастье въ этомъ мірѣ зависитъ преимущественно отъ удачи или неудачи въ мелочахъ. Хотя бы человѣкъ, ложась въ постель, зналъ что у него, есть соими подвластныхъ, что все общество открыто ему, что его считаютъ красивымъ, умнымъ, благовоспитаннымъ, хотя бы даже лицеваденіе его было хорошо и докторъ не запрещалъ ему табаку, шампанскаго и т. д., но если онъ сознаетъ что потерпѣлъ неудачу тамъ гдѣ хотѣлъ имѣть успѣхъ, хотя бы то было въ состязаніи съ самымъ незначительнымъ соперникомъ, онъ будетъ потягиваться, перевертываться и изнывать какъ самое несчастное существо. Блаженъ тотъ кто можетъ заставить страдать за себя другаго.

Лордъ Сентъ Джорджъ написалъ священнику нѣсколько дней спустя послѣ встрѣчи съ отцомъ. Онъ и лордъ Тробриджъ жили въ Лондонѣ въ одномъ домѣ и всегда сходились за завтракомъ; но о часовнѣ между ними не было сказано ни слова въ остальные дни пребыванія въ городѣ. Лордъ Сентъ Джорджъ написалъ священнику, а отецъ его уѣхалъ изъ Лондона въ Торноверъ прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ отъ мистера Феввика

„Милосливый государь“, писалъ Сентъ-Джорджъ, „отецъ показывалъ мнѣ ваше письмо по поводу бугамптонской диссидентской часовни. Я понялъ изъ письма что онъ сдѣлалъ ошибку, и что вы очень разсердились. Нельзя ли намъ уладить дѣло безъ ссоры? Въ Англіи нѣтъ другаго землевладѣльца столь расположеннаго дѣлать добро своимъ арендаторамъ какъ мой отецъ; и я склоненъ думать что въ Англіи нѣтъ другаго приходскаго священника столь расположеннаго дѣлать

добро своимъ прихожанамъ какъ вы. Я увѣжаю изъ Лондона въ Вильтшейръ въ субботу 11го. Если вамъ угодно будетъ поговорить со мной, я приѣду въ Булгамтонъ 13го.

„Преданный вамъ
„Сентъ-Джорджъ.“

„Вы конечно согласитесь со мной что междуусобная распря въ приходѣ между поповщикомъ и священникомъ не можетъ имѣть хорошаго вліянія на прихожанъ.“

Такимъ образомъ лордъ Сентъ-Джорджъ началъ изливать свое масло на воду.

Неизвѣстно, силѣ или слабости характера мистера Фенвика должно приписать то что онъ, способный легко воспламеняться гнѣвомъ и поддерживать его въ сильной степени во все время борьбы, тѣмъ не менѣе, завидѣвъ издали масличную вѣтвь, дѣлался кротокъ какъ голубь. Онъ зналъ это самъ и иногда, въ минуту гнѣва, досадовалъ что не будетъ въ состояніи поддержать его до того времени когда можно будетъ отмстить. Прочитавъ письмо лорда Сентъ-Джорджа, онъ тотчасъ же сѣлъ и написалъ его сіятельству что будетъ очень радъ видѣть его у себя за завтракомъ въ понедѣльныхъ въ два часа. Лордъ Сентъ-Джорджъ отвѣчалъ что будетъ у викарія въ назначенный часъ.

Мистрисъ Фенвикъ, конечно, вышла занимать лорда Сентъ-Джорджа, котораго до сихъ поръ никогда не видала. Во время завтрака было сказано очень мало о часовѣ и о другихъ, неприяностяхъ.

— Ужасное зданіе, мистрисъ Фенвикъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Мы начинаемъ привыкать къ нему, возражала мистрисъ Фенвикъ.—Мужъ считаетъ эту часовню пригодною для самоистязанія.

— Намъ надо потолковать и отодвинуть немного подальше вретиче и лелель, сказалъ его сіятельство.

Завтракая, они толковали о приходскихъ дѣлахъ и единодушно выразили надежду что Точильщикъ будетъ пойманъ и повѣшенъ въ Салисбери.

— Теперь пойдемте посмотрѣть престулное зданіе, оказалъ священникъ, когда стулья были отодвинуты отъ стола.

И они пошли вдвоемъ, обошли вокругъ часовни, и найдя ее отворенною, вошли въ нее. Они, конечно, дѣлали о ней

свои замѣчанія и согласились что она безобразна, непріятна для глазъ, для ушей, и вообще непріятна, и хороша только тѣмъ что служитъ мѣстомъ для молитвы людямъ которые не достаточно развиты чтобы понять высокій смыслъ и образованный языкъ богослуженія англійской церкви. Такъ говорили они другъ съ другомъ, относясь къ дѣлу только съ эстетической точки зрѣнія.

Лордъ Сентъ-Джорджъ, войдя въ часовню, сказалъ что она должна быть сломана, и что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а викарій началъ доказывать что нѣтъ надобности слѣшать.

— Мнѣ говорятъ что ее надо будетъ сломать когда-нибудь, сказалъ онъ,—но такъ какъ я еще не собираюсь уѣхать изъ прихода, то можно оставить ее въ покоѣ года на два.

Лордъ Сентъ-Джорджъ началъ доказывать что уступчивость мистера Фенвика совершенно бесполезна, но тутъ въ часовню вошла третья особа и подошла къ нимъ послѣдними шагами.

— Мистеръ Пудельгамъ, священникъ методистовъ, милордъ, сказалъ мистеръ Фенвикъ, и будущій помѣщикъ Булгамптона познакомился съ настоящимъ обладателемъ каѳедры, подъ которою они стояли.

— Милордъ, сказалъ мистеръ Пудельгамъ,—я горжусь честию видѣть ваше сіятельство въ нашей новой часовнѣ и выразить вашему сіятельству чувства глубокой признательности которыя я и моя конгрегация питаемъ къ вашему высокородному родителю за великодушную щедрость съ которою онъ пожертвовалъ намъ землю.

Мистеръ Пудельгамъ даже не взглянулъ на викарія. Онъ считалъ себя въ настоящее время на самой сильной степени вражды съ нимъ. Когда они встрѣчались въ деревнѣ, мистеръ Пудельгамъ старался показать что считаетъ его врагомъ. Онъ поклонился войдя въ часовню, но онъ поклонился милорду, и не его вина если викарій принялъ его поклонъ также на свой счетъ.

— Боюсь, не поступили ли мы слишкомъ послѣдно, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Надѣюсь что нѣтъ, милордъ; надѣюсь что нѣтъ. Я слышалъ толки, но я разузнавалъ и узналъ....

— Дѣло въ томъ, мистеръ Пудельгамъ, что мы стоимъ теперь на собственной землѣ мистера Фенвика.

— Я съ большимъ удовольствіемъ предоставляю вамъ пользоваться ею, мистеръ Пудельгамъ.

Мистеръ Пудельгамъ принялъ надменный видъ и нахмурился. Онъ и теперь еще не вѣрилъ чтобы маркизь могъ сдѣлать такую роковую ошибку.

— Мы обязаны построить вамъ часовню въ другомъ мѣстѣ, мистеръ Пудельгамъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Милордъ, я убѣжденъ что въ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Тутъ вкралась какая-то ошибка. Я разузнаваль....

— Да, тутъ вкралась большая ошибка, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, — и обнаружилась на землѣ мистера Фенвика въ очень ощутительной формѣ. Но словами дѣла не поможешь, мистеръ Пудельгамъ.

— Такъ почему же почтенный джевлъменъ не предъявилъ своихъ правъ когда только что приступили къ постройкѣ, сказалъ съ негодованіемъ мистеръ Пудельгамъ, обратившись теперь въ первый разъ къ викарію съ гнѣвнымъ взглядомъ и поднявъ граціозно руку.

— Почтенный джевлъменъ самъ не зналъ своихъ правъ, хотя и долженъ былъ бы знать ихъ, сказалъ мистеръ Фенвикъ.

— Не зналъ, вотъ какъ! сказалъ мистеръ Пудельгамъ. — Милордъ, я убѣжденъ что мы можемъ доказать наши права на часовню и сохранить ее. Милордъ, я убѣжденъ что вся іерархія господствующей въ Англіи епископальной церкви не можетъ изгнать насъ отсюда. Милордъ, кто будетъ тотъ человекъ который рѣшится выбросить первый кирпичъ этого священнаго зданія? Милордъ, я прошу васъ не трогать часовни, и мы посмотримъ кто осмѣлится затворить дверь предъ овцами Божиими которыя приходятъ сюда на пастбище.

— Овцы будутъ имѣть и пастбище, и пастыря, сказалъ, смѣясь, лордъ Сентъ-Джорджъ. — Мы перенесемъ часовню на свою землю и устроимъ вамъ все какъ слѣдуетъ.

Но краснорѣчіе мистера Пудельгама еще далеко не истощилось, и имъ удалось избавиться отъ него только тогда когда они вышли изъ часовни и сошли съ земли которую мистеръ Пудельгамъ считалъ своею собственностью.

— А теперь, мистеръ Фенвикъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, съ твердымъ намѣреніемъ полить воду масломъ, — позвольте спросить васъ что было причиной несчастной ссоры между вами и моимъ отцомъ?

— Вамъ лучше спросить объ этомъ его самого, милордъ.

— Я, конечно, уже спрашивалъ его, и онъ, конечно, не далъ мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Вы очевидно имѣли намѣреніе возбѣсить его тѣмъ письмомъ которое онъ показывалъ мнѣ.

— Конечно.

— Я не понимаю какая польза сердить старика который стоитъ высоко въ общественномъ мнѣніи.

— Еслибъ онъ не стоялъ такъ высоко въ общественной мнѣніи, я, можетъ-быть, не обратилъ бы на него вниманія.

— Это я еще могу понять что одинъ человѣкъ можетъ чувствовать презрѣніе къ другому за то что онъ маркизь и богатъ. Но я никакъ не могу понять что такой человѣкъ какъ вы можетъ думать что это хорошо.

— Знаете вы что вашъ отецъ говорилъ обо мнѣ?

— Я не сомнѣваюсь что вы оба говорите много дурнаго другъ о другѣ.

— Я никогда не говорилъ за его спиной того чего я не повторилъ бы ему въ глаза, сказалъ мистеръ Фенвикъ съ недоуманіемъ.

— Неужели вы серьезно думаете что это оправдываетъ оскорбленія которыя вы наговорили моему отцу, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Знаете вы что онъ жаловался на меня еписколу?

— Да, и еписколъ принялъ вашу сторону.

— Что не дѣлаетъ чести вашему отцу, лордъ Сентъ-Джорджъ. Знаете вы что онъ всенародно обвинялъ меня въ вѣщавшихъ порокахъ; что онъ говорилъ что я... что я... что я... Словомъ, нѣтъ такой подлости въ которой онъ не обвинялъ бы меня.

— Увѣряю васъ что вы локвитались съ нимъ, мистеръ Фенвикъ. Право локвитались.

— То что я говорилъ, я говорилъ ему въ глаза. Я не клеветалъ на него. Но довольно, милордъ. Я готовъ забыть прошлое. Если лордъ Тробриджъ соизволитъ сказать что отказывается отъ вражды противъ меня, я прощу ему обиды. Но я никогда не соглашусь что я былъ не правъ.

— Я еще не встрѣчалъ человѣка который оогласился бы что былъ не правъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Если маркизь протянетъ мнѣ руку, я подамъ ему свою.

— Позвольте мнѣ сдѣлать это за него, сказалъ сынъ.

Такимъ образомъ рѣшено было считать осору оконченною. Лордъ Сентъ-Джорджъ отправился на постоялый дворъ за

своею лошадей, а викарій, на пути къ своему дому, почувствовалъ что его перехитрили. Молодой лордъ поступилъ очень умно, онъ говорилъ о ссорѣ, какъ будто бы обиды съ обѣихъ сторонъ были одинаковы. Но священникъ зналъ что правъ, правъ во всемъ, правъ съ начала до конца. „Онъ очень ловокъ, сказалъ онъ самъ себѣ, — и воспользуется своею ловкостью.“ Тамъ же не маже онъ рѣшилъ считать съ своей стороны вражду дѣйствительно поконченною.

LXI. Измѣна Мери Лоутеръ.

Въ то время когда викарій выслушивалъ въ часовнѣ краснорѣчивыя рѣчи мистера Пудельгама и поддавался обману лорда Сентъ-Джорджа, въ саду церковнаго дома происходила ужасная сцена. Мери Лоутеръ, какъ извѣстно читателю, объявила что будетъ носить трауръ по своему дальнему родственникѣ и отказалась явиться къ завтраку, къ которому ожидали лорда Сентъ-Джорджа. Мистрисъ Фенвикъ, соединивъ эти два обстоятельства, поняла что случилось что-то очень важное, но она еще не предчувствовала ужасной новости, которую ей суждено было узнать въ этотъ день.

Мери понимала что надо дѣйствовать. Главное что надо было сдѣлать, это отвѣтить на письмо капитана Маррабель. Потому она знала что обязана сказать мистеру Джильмору о своемъ намѣреніи. Отвѣтить Вальтеру было бы ей не трудно. То что она намѣрена была сказать ему сказалось бы съ большимъ удовольствіемъ. Но этого нельзя было сказать, не взявъ сначала назадъ обещанія даннаго другому. А какъ взять назадъ данное обещаніе? Нельзя было обойтись безъ помощи мистрисъ Фенвикъ, а она боялась теперь мистрисъ Фенвикъ, какъ виноватый всегда боится того кто будетъ судить его вину. Пока обѣдали дѣти и завтракали лордъ, она оставалась въ своей комнатѣ. Въ окно она видѣла какъ мушкетеры прошли къ часовнѣ и узнала что подруга ея осталась одна. Она хотѣла сообщить свою новость мистрисъ Фенвикъ, и только одной мистрисъ Фенвикъ. Она не рѣшилась бы сказать о своемъ намѣреніи викарию, пока онъ не былъ бы предупрежденъ женою. Нельзя было откладывать. Какъ только мушкетеры скрылись, она рѣшилась сойти внизъ. Взглянувъ на себя въ зеркало, она сгребла слѣды слезъ, пригладила волосы и

вышла изъ своей комнаты. Она никогда не чувствовала такого страха къ своїмъ подругѣмъ какъ теперь. Однако не подруга ли ея была главною причиною ложнаго помоченія въ которомъ она теперь находилась, уговоривъ ее поступить противъ совѣсти? Не по настоянію ли Жанеты Фенвикъ рѣшилась она выйти за человѣка котораго не любила? Почему же она боялась теперь идти къ ней съ разказомъ о своемъ раскаиіи? Почему бы ей не потребовать съ негодованіемъ чтобы подруга помогла ей выпутаться изъ непріятнаго положенія въ которое сама поставила ее?

Она нашла мистрисъ Фенвикъ съ дѣтьми въ маленькой столовой, куда они были загнаны посѣщеніемъ лорда Сентъ-Джорджа.

— Жанета, сказала она, — походите по саду.

Тогда была середина августа, и онѣ проводили большую часть времени внѣ дома. Шляпы и зонтики были всегда готовы, и онѣ безъ малѣйшаго замедленія вышли въ садъ какъ только Мери выразила свое желаніе.

— Я не показала вамъ письма изъ Довришпеля, сказала она, опустя руку въ карманъ, — но я покажу вамъ его теперь. Вы должны прочесть его.

Она вынула письмо, но не вдругъ рѣшилась отдать его своей слутницѣ.

— Развѣ случилось что-нибудь непріятное, Мери?

— Непріятное! Да, и очень непріятное! Жанета, не трудитесь отговаривать меня. Я уже рѣшила. Я не могу и не хочу быть женой мистера Джильмора.

— Мери, что за безуміе!

— Вы можете говорить что вамъ угодно, но я такъ рѣшила. Не могу и не хочу. Хотите вы помочь мнѣ выпутаться изъ непріятнаго положенія?

— Конечно, нѣтъ.... въ томъ смыслѣ какъ вы это понимаете. Это не принесло бы добра ни вамъ, ни ему. Да скажите, пожалуйста, какъ хватить у васъ духа, послѣ всего что было между вами, отказать ему?

— Не знаю. Это-то меня и мучаетъ. Я не знаю какъ сказать ему. Но сказать надо. Я думала, не передастъ ли ему мистеръ Фенвикъ?

— Я увѣрена что онъ не возьметъ на себя подобнаго порученія. Подумайте, Мери. Неужели вы рѣшитесь такъ жестоко обмануть человѣка?

— Я не обманывала его. Я обманывала себя, но не его. Я сказала ему всю правду, когда вы заставили меня....

— Заставила васъ, Мери?

— Не думайте что я неблагодарна, или хочу ссориться съ вами. Я хотѣла сказать что, когда вы заставили меня думать будто я могу осчастливить его и обязана сдѣлать это, я сказала ему что никогда не любила его. Я сказала ему что любила и всегда буду любить Вальтера Маррабель. Но онъ не хотѣлъ слышать никакого отвѣта кромѣ одного, и я.... я дала ему отвѣтъ котораго онъ добивался. Я знаю что дала, но съ тѣхъ поръ у меня не было ни одной минуты покоя. И вотъ наконецъ пришло это письмо. Жанета, не будьте жестоки со мною. Не говорите мнѣ что все такъ мрачно, уныло, гадко.

Она отдала письмо. Мистрисъ Фенвикъ прочла его не оставиваясь.

— Такъ онъ страдаетъ вслѣдствіе того что другой перемѣнилъ свое намѣреніе?

— Вальтеръ никогда не перемѣнялъ своего намѣренія.

— Ну, такъ свои планы. Развѣ это не одно и то же. Знаете ли вы что вамъ придется отвѣчать за его жизнь или за его разсудокъ? Развѣ вы еще не убѣдились въ его постоянствѣ?

— А развѣ я виновата въ его постоянствѣ? Я сказала ему, когда онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе, что если Вальтеръ захочетъ жениться на мнѣ, я вернусь къ нему вопреки всякимъ общаніямъ. Я сказала это ему такъ же ясно какъ теперь говорю вамъ.

— Я вполне увѣрена что онъ не помялъ что вы хотѣли сказать.

— Увѣрю васъ что онъ меня вполне понялъ.

— Ни одинъ человѣкъ не подчинился бы такому условію. Возможно ли это? Мистеръ Джильморъ зналъ, когда принялъ ваше согласіе, что если этому господину угодно будетъ передумать хоть за минуту до вашей свадьбы, вы откажетесь и воротитесь къ нему?

— Я такъ и сказала ему, Жанета. Онъ самъ не отречется что я предупредила его. Я сама была увѣрена что онъ не согласится на такое условіе. Но онъ согласился и отнялъ у меня послѣднюю надежду на спасеніе. Жанета, еслибы вы знали что я выстрадала, вы не были бы жестоки со мною. Подумайте, легко ли вамъ было бы выйти за человѣка нелюбимаго и

разбить жизнь человѣка любимаго. Мистеръ Джильморъ вашъ другъ.

— Конечно.

— А капитана Маррабель вы, конечно, не можете любить.

— Я никогда не видала его.

— Но вы можете поставить себя на мое мѣсто и разсудить по совѣсти. Я не скрывала отъ васъ ни одной мысли, ни одного чувства съ тѣхъ поръ какъ все это началось. Вы знаете что я никогда не любила вашего друга.

— Я знаю что, послѣ долгаго размысленія, вы дали ему согласие. Я знаю также что онъ такой человѣкъ что посвятить всю жизнь вашему счастью.

— Но этого не будетъ. Повѣрьте же мнѣ наконецъ. Если ни вы, ни мистеръ Фенвикъ не поможете мнѣ, я скажу ему сама, или напишу ему и тотчасъ же уѣду изъ Булгамптона. Я знаю что я виновата. Я старалась поступить по совѣсти, но поступила не хорошо. Когда я пріѣхала сюда, я была очень несчастна. Могла ли я не быть несчастною послѣ того какъ я потеряла все что мнѣ было дорого въ мірѣ? Тогда вы утѣрили меня что я могу по крайней мѣрѣ быть полезною, сдѣлавшись женой вашего друга. Вы не знаете какъ я старалась полюбить его! Когда пришло время дать ему окончательный отвѣтъ, я рѣшила что должна сказать ему всю правду. Я думала что онъ пойметъ что намъ лучше остаться чужими другъ для друга. Но когда я сказала ему все, и думала что не оставила ему другаго выбора какъ отказаться отъ меня, онъ предпочелъ взять меня. Тогда, Жанета, я думала,—меня заставили такъ думать,—что выйдя за него я не погублю никого кромѣ себя, не разобью ничьей жизни кромѣ своей, и я надѣялась что сумѣю такъ исполнить свой долгъ что онъ будетъ счастливъ. Я вижу что ошиблась, но вы не должны осуждать меня. Я старалась исполнить вашъ совѣтъ. Но я сказала ему, что если случится то что теперь случилось, то я оставлю его. Это случилось, и я оставляю его.

Мисгрисъ Фенвикъ слушала ее молча, намѣреваясь сказать ей, когда она кончитъ, что ни мужъ ея, ни она сама не примутъ участія въ измѣнѣ мистеру Джильмору. Но когда Мери кончила, сердце ея подружки смягчилось. Она шла молча по дорожкѣ и воздержалась отъ тѣхъ горькихъ упрековъ которыя хотѣла смутить Мери.

— Вы, кажется, любите меня, сказала Мери.

— Конечно, люблю.

— Такъ помогите же мнѣ; пожалуйста помогите. Я готова къ колѣнямъ просить его о прощеніи.

— Не знаю что сказать вамъ. Просить его о прощеніи было бы совершенно бесполезно. Сама я ни за что не рѣшусь передать ему вашу разказъ. Мы думали, когда онъ любилъ насъ безнадежно, что любовь доведетъ его до безумія. Но теперь случится что-нибудь еще хуже этого. Теперь случится что-нибудь ужасное.

— Что мнѣ дѣлать? сказала Мери.

Она подумала съ минуту и прибавила рѣзко:

— Одного только я не сдѣлаю: я не пойду съ нимъ къ алтарю и не сдѣлаюсь его женой.

— Я поговорю съ Франкомъ, сказала мистрисъ Фенвикъ, подумавъ.

Мери, конечно, сама этого желала, но она попросила и получила позволеніе не видаться въ этотъ вечеръ съ викаріемъ. Сегодня она просидитъ въ своей комнатѣ, рѣшила она, но завтра постарается выйти къ нему предъ молитвой.

Когда Фенвикъ воротился, умъ его былъ такъ поглощаемъ часовней, лордомъ Сентъ-Джорджемъ, краснорѣчіемъ мистера Пудельгама и удивительнымъ способомъ которымъ лордъ укротилъ его гнѣвъ, не согласившись что виноватымъ былъ его отецъ, что жена не могла найти удобной минуты чтобы разказать ему исторію Мери.

— Намъ придется лобызать въ Торноверѣ на будущей недѣлѣ, сказалъ онъ.

— Можешь ѣхать, если хочешь. Я не пойду.

— И я нисколько не буду удивленъ если маркизъ предложитъ мнѣ другое мѣсто лучше моего, для того чтобы я былъ еще ближе къ нему. Мы будемъ овцой и волкомъ въ одной берлогѣ.

— Кто же изъ насъ будетъ овцой?

— Не въ томъ дѣло. Хуже всего то что Пудельгамъ не будетъ овцой. Я, претерпѣвшій чуть ли не столько же какъ самъ апостоль Павелъ, простилъ всѣхъ моихъ враговъ безъ исключенія и пожалъ руку маркизу чрезъ его повѣреннаго, между тѣмъ какъ Пудельгамъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества чтобы удержаться на высотѣ негодованія. А человѣкъ счастливъ когда считаетъ себя оскорбленнымъ. Пока часовня устроивалась, я *malgré moi* наслаждался моею обидой. Теперь же

дошло до того что я могу хоть завтра прогнать бѣднаго Пудельгама, и онъ немедленно дѣлается героемъ дня. Твой зятъ лучше бы сдѣлалъ еслибы не вмѣшивался въ это дѣло.

Мистрисъ Фенвикъ отложила свой разказъ до вечера.

— Гдѣ же Мери? спросилъ онъ, когда подали обѣдъ.

— Она не совсѣмъ здорова и не придетъ обѣдать. Подожди немного и узнаешь въ чемъ дѣло.

Онъ подождать, но какъ только они остались опять вдвоемъ, спросилъ о Мери. Тогда мистрисъ Фенвикъ разказала ему всю исторію.

— Мнѣ кажется, ее нельзя осуждать, сказала она, кончивъ.

— Она поступаетъ очень, очень не хорошо.

— Не знаю, Франкъ, хорошо ли мы поступали съ ней, сказала жена.

— Если ему придется сказать это, онъ сойдетъ съ ума.

— Однако ему придется сказать это.

— И сказать долженъ я?

— Она проситъ тебя сказать.

— Я не утверждаю что не передумаю, но судя по моему настоящему расположенію духа, я не сдѣлаю ничего подобнаго. Она не имѣетъ права ожидать этого отъ меня.

Но прежде чѣмъ окончился этотъ день, онъ тоже смягчился. Когда жена со слезами на глазахъ сказала что впередъ никогда не будетъ вмѣшиваться въ сватовство, онъ понялъ что онъ тоже принималъ участіе въ сватовствѣ и потерпѣлъ неудачу.

LXII. Въ Вязникахъ.

Весь слѣдующій день прошелъ очень грустно для обитателей церковнаго дома. Викарій, здороваясь утромъ съ миссъ Лоутеръ, не хотѣлъ казаться строгимъ, такъ какъ жена предупредила его въ особенности противъ строгости, но не могъ не быть молчаливымъ и грустнымъ. О мистерѣ Джильморѣ во время завтрака не было сказано ни слова, да и послѣ завтрака было сказано очень мало.

— Я подумалъ бы объ этомъ хорошенько, Мери, сказалъ викарій.

— Я не придумаю ничего другаго, возразила она.

Онъ однако отказался сходить въ тотъ день къ мистеру Джильмору, посоветовавъ ей подождать еще день чтобъ

бдумать все хорошенько. Тѣмъ не менѣе было понятно, что если она останется при своемъ намѣреніи, онъ пойдетъ передать я отказъ жениху. Тяжелое положеніе сдѣлалось еще тяжеле послѣ того какъ у нихъ побывалъ мистеръ Джильморъ, хотя освѣщеніе его было, можетъ-быть, полезно въ томъ отношеніи то приготовило его къ удару. Когда онъ пришелъ, ему сказали что Мери нельзя видѣть. Предчувствуя что онъ придетъ, на сидѣла у себя наверху, и мистрисъ Фенвикъ принуждена была сказать ему что Мери не совсѣмъ здорова.

— Она въ самомъ дѣлѣ больна? спросилъ онъ.

Мистрисъ Фенвикъ, поставленная въ очень непріятное положеніе, принуждена была признаться что Мери не больна, но какъ разстроена извѣстіями изъ Довришеля что не выходитъ изъ своей комнаты.

— Со мной, кажется, можно бы повидаться, сказала Джильморъ съ тѣмъ мрачнымъ выраженіемъ лица, съ которымъ они теперь были всѣ хорошо знакомы.

Мистрисъ Фенвикъ не отвѣчала, и несчастный ушелъ. Ему не надо было другихъ доказательствъ чтобы понять что нѣмѣста его смотреть на союзъ съ нимъ съ отвращеніемъ.

— Я не могу идти не повидавшисьъ съ ней, сказалъ Фенвикъ кевѣ на слѣдующее утро.

И онъ повидался съ ней. Но Мери была непоколебимо тверда. Когда онъ замѣтилъ что она блѣдна, утомлена и больна, она призналась что двѣ ночи не смыкала глазъ.

— Такъ это рѣшено? спросилъ онъ, нѣжно взявъ ея руку.

— Мнѣ очень жаль что вамъ приходится исполнить такое порученіе, отвѣчала она.

Онъ объяснилъ ей что нисколько не думаетъ о себѣ, хотя ему и очень грустно. Вотъ еслибъ это великое горе могло миновать его друга! Но оно было неминуемо. Мери твердо рѣшила это. Ничто не засгавитъ ее выйти за Джильмора. Мистеръ Фенвикъ можетъ выразить ей свое неудовольствіе на нее за горе которое она имъ причиняетъ, можетъ втоптать ее въ грязь, если считаетъ ее досгойною этого. И развѣ мистеръ Джильморъ не виноватъ противъ нея болѣе чѣмъ она противъ него? Развѣ средство которымъ онъ овладѣлъ ея рукой не безчестно? Но объ этомъ она хотя и много думала, не сказала однако ни слова Фенвику. Ея порученіе ему состоялось въ томъ чгобъ онъ освободилъ ее. Освобождая ее, онъ можетъ

употреблять какія ему угодно выраженія и дѣлать какія ему угодно признанія. Но освободить ее онъ долженъ.

Послѣ завтрака Фенвикъ отправилася въ путь съ горемъ на сердцѣ. Онъ горячо любилъ своего друга. Между ними въ теченіи многихъ лѣтъ знакомства установилась та скрытая, невысказывающаяся, почти бессознательная любовь, которая часто составляетъ для мужчинъ величайшую прелесть ихъ жизни, но которая женщинами считается неудовлетворительною, почти ничтожною. Едва ли которыйнибудь изъ нихъ сказалъ другому о своемъ расположеніи къ нему. „Всегда вашъ“ въ письмахъ было у нихъ самымъ нѣжнымъ выраженіемъ. Ни одному изъ нихъ даже въ голову не приходило утратить что отсутствіе другаго было бы для него причиной горя или скуки. Они ссорились и нерѣдко брали другъ друга Судьба свела ихъ вмѣстѣ, но сами они ничего не сдѣлали чтобы помочь судьбѣ. Женщины, которыя также сильно любятъ одна другую, постоянно увѣряютъ одна другую въ любви, стараются быть чаще вмѣстѣ, постоянно придумываютъ что-нибудь одна для удовольствія другой, дѣлаютъ другъ другу по дарки. Эти два человѣка никогда не дарили другъ другу ничего значительнѣе старой палки или сигары. Ихъ обращеніе между собою было грубо, насмѣшливо, почти невѣжливо. Но они вполне вѣрили одинъ другому, и счастье одного было дорого другому. Сильнѣйшій человѣкъ изъ двухъ, тотъ который скорѣе чувствовалъ чѣмъ оознавалъ себя сильнѣе, шелъ сказать то что должно было разбить сердце его друга, и его сердце болѣло отъ предстоявшаго ему дѣла. Онъ шелъ медленно по полю и обдумывалъ какія употребить выраженія. Его страданіе за друга было неизмѣримо сильнѣе всѣхъ страданій которыя онъ чувствовалъ за себя, по поводу, напримѣръ, часовни Пудельгама или наговоромъ маркиза.

Онъ нашелъ Джильмора на конномъ дворѣ.

— Другъ мой, сказалъ онъ ему,—пойдемте со мной. Мнѣ надо передать вамъ кое-что.

— Вѣроятно что-нибудь о Мери?

— Ну, да, о Мери. Не будьте женщиной, Гарри. Не допускайте чтобы женщина могла сдѣлать васъ несчастнымъ.

— Довольно, я теперь все знаю. Не трудитесь говорить больше.

Онъ положилъ руки въ карманы своего охотничьяго сюртука и ушелъ, какъ бы желая показать что все что нужно было

оказать уже сказано, и что Фенвикъ, исполнивъ свое порученіе, можетъ уйти. Онъ же самъ въ своей мучительной агоніи еще не оставилъ будущаго образа дѣйствій. Онъ рѣшилъ только одно: онъ увидитъ еще разъ эту обманщицу и выскажетъ ей свое мнѣніе объ ея поведеніи.

Но Фенвикъ зналъ что еще не исполнилъ своего порученія. Джильморъ можетъ идти, но онъ обязанъ слѣдовать за нимъ.

— Гарри, сказалъ онъ,—вы ужь лучше позвольте мнѣ походить съ вами и выслушайте чтѣ мнѣ надо сказать вамъ.

— Ничего я не хочу слушать. Для чего мнѣ васъ слушать? Я какъ дуракъ поставилъ все свое счастье на одну карту и проигралъ. Но для чего она прибавила ко всему страданіе и безчестіе послѣднихъ недѣль, я рѣшительно не понимаю. Это, вѣроятно, былъ ея способъ наказать меня за мое упорство.

— Совсѣмъ не то, Гарри.—

— Такъ я не знаю чтѣ это было. Я тутъ ничего не понимаю. Онъ повернулъ отъ конюшенъ къ дому и теперь подошелъ къ мѣсту гдѣ рабочіе дѣлали дорожку, отъ дома къ саду. Тамъ стояли садовникъ и человекъ пять рабочихъ, и вокругъ нихъ были разбросаны доски, тачки, заступы, кучи земли и леску.

— Довольно, оказалъ Джильморъ сердито садовнику. Садовникъ снялъ шляпу и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.— Оставьте все это, говорю я вамъ. Отошлите рабочихъ. Заплатите имъ за работу, и пусть они убираются.

— Неужели, сударь, вы хотите сказать чтобы мы оставили все это въ такомъ видѣ?

— Я хочу сказать то чтѣ говорю.

Одинъ изъ работниковъ отгребалъ лопатой кучу земли. Джильморъ подошелъ къ нему, вырвалъ у него лопату и швырнулъ ее на землю.

— Когда я приказываю, я хочу чтобы меня слушались. Амросій, уведите рабочихъ. Я не позволю больше притронуться здѣсь къ чему бы то ни было.

Викаріі подошелъ къ нему и шепотомъ спросилъ его не выдавать себя предъ людьми; но Джильморъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на шепотъ своего друга. Онъ обросилъ съ своей руки руку Фенвика и вошелъ въ домъ.

Двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ, гостиная, какъ они назывались, стояли теперь съ ободранными обоями, въ состояніи вѣшняго разрушенія, которое всегда привимаютъ такіа

комнаты, когда въ нихъ входятъ рабочіе со своими принадлежностями. Въ одной изъ комнатъ стояли козлы съ положенною на нихъ доской, на которой въ ту минуту стоялъ человѣкъ расписывавшій потолокъ.

— Довольно, сказалъ ему Джильморъ.—Вы можете слѣзть и уйти отсюда.—Рабочій стоялъ на своей доскѣ широко раскрывъ глаза, съ кистью въ рукахъ.—Я передумалъ, и потому слѣзайте и уходите отсюда. Скажите мистеру Кроссу чтобъ онъ прислалъ мнѣ счетъ. Я заплачу. Слѣзайте же, когда я вамъ велю. Я не позволю больше притронуться здѣсь къ чему бы то ни было.

Онъ началъ переходить изъ комнаты въ комнату, вездѣ дѣлалъ подобныя же распоряженія, и чрезъ нѣсколько времени ему удалось освободить домъ отъ обойщиковъ и маляровъ. Фенвикъ слѣдовалъ за нимъ, дѣлая по временамъ попытку остановить его, но Джильморъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія не только на слова его, но даже на его присутствіе.

Наконецъ они остались вдвоемъ въ кабинетѣ или конторѣ мистера Джильмора, и тогда викарій заговорилъ съ онымъ.

— Гарри, сказалъ онъ,—я право очень удивленъ что такой человѣкъ какъ вы не умѣете владѣть собой.

— Вы никогда не были въ такомъ положеніи.

— Такъ что же? Вы все-таки отвѣчаете за свои поступки, а я скажу вамъ что поступки ваши доказываютъ малодушіе.

— Для чего мнѣ теперь отдѣлывать комнаты? Я не буду жить здѣсь. Не все ли мнѣ равно въ какомъ видѣ онѣ останутся? Чѣмъ скорѣе я останавливаю лишнюю трату денегъ, тѣмъ лучше. Я хотѣлъ передѣлать домъ для нея, а не для себя.

— Отчего же вы не будете жить здѣсь.

— Вы въ этомъ ничего не понимаете и не можете понять. За что она поступаетъ такъ со мною? Присылаетъ къ человѣку и объявляетъ ему очень просто что она передумала! Съ какимъ порученіемъ вы пришли ко мнѣ!

— Вы еще не дали мнѣ возможности исполнить мое порученіе.

— Такъ говорите же и кончайте скорѣй. Вѣдь она прислала васъ сказать мнѣ что не хочетъ быть моею женой?

Теперь, когда дано было позволеніе, Фенвикъ не зналъ что сказать.

— Мнѣ кажется, было бы лучше еслибы къ вамъ пришла Жанета, сказалъ онъ.

— Мнѣ все равно кто пришелъ. Она ужь больше не придетъ. Мнѣ кажется, Франкъ, вы не можете понять какъ я любилъ ее. Васъ не доводили неудачи до такой страсти. И наконецъ, когда я думалъ что достигъ своей цѣли....

— Хотите вы выслушать меня терпѣливо, Гарри, сказалъ Феввикъ, взявъ олять его руку. Они уже вышли изъ дому и шли по саду.

— Терпѣливо! Я, кажется, терпѣливъ. Теперь ничто уже не можетъ огорчить меня; это единственное утѣшеніе.

— Мери просила меня напомнить вамъ, — Джильморъ содрогнулся при имени Мери, но не оставилъ Феввика, — она просила меня напомнить вамъ что, согласившись быть вашею женою, она сказала....

Онъ хотѣлъ высказать все, но не могъ. Могъ ли передать онъ все что говорила ему Мери?

— Я понимаю, сказалъ Джильморъ. — Вы напрасно утруждаете себя. Она сказала мнѣ что не любитъ меня ни на грошъ, но согласилась быть моею женою.

— Если это было такъ, то вы оба виноваты.

— Да, это было такъ. Я не говорю кто правъ и кто виновать, но наказаніе пало на одного меня. Вотъ что, Франкъ: я не принимаю отъ васъ ея порученія. Я даже не освобождаю ея. Я имѣю по крайней мѣрѣ право увидѣть ее еще разъ, и я ее увижу. Надѣюсь, вы не будете препятствовать мнѣ?

— Въ моемъ домѣ, Гарри, она можетъ поступить какъ ей угодно.

— Она повидается со мною. Она очень своевольна, но въ этомъ она мнѣ не откажетъ. Сдѣлайте одолженіе, передайте ей отъ меня поклонъ и скажите ей что я хочу видѣть ее. Человѣкъ съ которымъ такъ поступаютъ имѣетъ право высказать свое мнѣніе. Такъ и скажите ей это отъ меня. Я требую свиданія.

Сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ въ кусты.

Феввикъ постоялъ съ минутою задумавшись и потомъ пошелъ медленно домой. То что сказалъ ему Джильморъ, что онъ никогда не былъ въ его положеніи, было вполнѣ справедливо. Онъ началъ думать что другъ его дѣйствительно погибшій человѣкъ. Гарри Джильморъ, конечно, можетъ жить, какъ могутъ жить люди съ разбитыми сердцами, но для него жизнь теперь, и въ продолженіи многихъ ^ттравдующихъ дней, будетъ только бременемъ.

LXIII. Мельникъ разказываетъ о своемъ горѣ.

Когда викарій ходилъ къ Джильмору со своимъ печальнымъ порученіемъ, прошло уже около двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ Карри воротилась домой. Въ продолженіи этого времени мистеръ и мистрисъ Фенвикъ видѣли ее не разъ и наконецъ убѣдили сходить въ церковь съ сестрой. Въ прошлое воскресенье она прошла боязливо по деревнѣ съ Фанни и завла въ церкви приготовленное для нея мѣсто въ темномъ углу, закрывшись густымъ вуалемъ. Фанни прошла съ ней по деревнѣ смѣло, точно хотѣла показать что насколько не стыдится за свою слугицу, въ церкви сѣла съ ней рядомъ и потомъ проводила ее домой.

Жизнь на мельницѣ шла не совсѣмъ пріятно. Мельникъ еще не высказалъ прощенія дочери, не сказалъ ей ни одного ласковаго слова, ничѣмъ не выказалъ что олягъ принялъ ее въ свое сердце какъ свое родное дитя. Онъ говорилъ съ ней, потому что это было неизбежно въ тѣсныхъ предѣлахъ ихъ дома. Карри постепенно приняла на себя часть дневнаго труда. Она страдала и всѣми силами старалась чтобъ ея приуготовіе въ домѣ было пріятно. Она была полезна, и уже это одно было поводомъ къ сношеніямъ между ней и отцомъ. Но онъ никогда не обращался къ ней прямо, не называлъ ея по имени и не сказалъ ни женѣ, ни Фанни что признаетъ ее членомъ семейства. Онъ приваля ея въ домъ противъ его воли, и онъ не хотѣлъ выгнать ихъ гостью. Такъ, повидимому, смотрѣлъ онъ на присутствіе своей дочери въ домѣ.

Подъ вліяніемъ такого обращенія, Карри начинала дѣлаться раздражительною и нетерпѣливою. Отправляясь въ церковь и подвергая себя взглядамъ людей знавшихъ ее невинною, веселою, смѣлою дѣвочкой, она не могла не быть смиренною, боязливою, но дома она начинала постоянно заявлять свой характеръ.

— Если отецъ не хочетъ говорить со мной, мнѣ лучше уйти

— Куда же ты уйдешь, Карри?

— Не знаю; для жонки родныхъ было бы всего лучше еслибъ я бросилась въ прудъ. Я думаю, не найдется человека который захотѣлъ бы взять меня.

— Кто бы ни взял тебя, никто не будетъ любить тебя такъ какъ мы тебя любимъ.

— Отчего отецъ не хочетъ говорить со мной? Ты не можешь представить себѣ какво мнѣ вымоситъ его обращеніе. Мнѣ хочется иногда подойти къ нему и сказать ему чтобъ онъ ужь лучше выгналъ меня, если не хочетъ сказать мнѣ ни одного слова.

Фанни утѣшала и ободряла ее, совѣтовала ей потерпѣть еще, объясняла ей какое горе лежитъ на сердцѣ отца, какъ только могла объяснить, не говоря ей жесткаго слова объ ея прошломъ. Дѣло Фанни было не легко и еще болѣе усложнялось чрезмѣрною вѣжностью матери къ Карри. „Чѣмъ меньше она будетъ говорить и чѣмъ больше работать, тѣмъ будетъ лучше для нея“, говорила Фанни матери. „Вы не должны позволять ей осуждать отца.“ Мать не рѣшалась спорить со старшею дочерью, но была вполне неспособна остановить Карри.

Въ продолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ старикъ Бретль не видался ни съ викаріемъ, ни съ помѣщикомъ. Оба они бывали на мельницѣ, но мельникъ не прерывалъ для нихъ своей работы и не удостоивалъ выйти къ нимъ. Со дня возвращенія Карри онъ не только не ходилъ въ Булгамитонъ, но даже не приближался къ большой дорогѣ которая вела туда. Онъ не входилъ ни въ какія сношенія съ людьми, кромѣ неизбѣжныхъ при работѣ, чувствуя себя униженнымъ не столько ладеніемъ Карри, сколько своимъ опусхожденіемъ къ ней. Онъ выходилъ по вечерамъ на крыльцо посидѣть и покурить трубку, но слышавъ чужіе шаги, послѣшво вставалъ, переходилъ на другую сторону рѣчки по доскѣ и прятался на мельницѣ или въ саду.

О Семѣ не было никакихъ слуховъ. Онъ жилъ, какъ предполагали, въ Дургамѣ, работая на какой-то фабриктѣ. Онъ не давалъ о себѣ извѣстій ни матери, ни сестрѣ. Но онѣ ожидали что онъ явится въ Салисбери къ концу засѣданій суда, такъ какъ его вызывали какъ свидѣтеля къ судопроизводству надъ двумя подсудимыми въ дѣлѣ объ убійствѣ Тромбула.

Карри тоже должна была явиться въ судъ свидѣтельницей и, какъ думали, свидѣтельницей гораздо болѣе знающей о дѣлѣ чѣмъ ея братъ. Многіе уже начали думать что Семъ не знаетъ ничего объ убійствѣ: такъ какъ онъ самъ не участвовалъ въ убійствѣ, то невѣроятно чтобъ ему были сообщены какія-нибудь

подробности. Онъ, повидимому, былъ друженъ съ Экорномъ, и чрезъ него познакомился съ Борроусомъ и со старухой матерью Борроуса, которая жила въ Пикрофтской общинѣ. Онъ былъ въ ихъ обществѣ, когда они посѣтили въ первый разъ Булгамптонъ, и пригласилъ ихъ въ садъ викарія, но въ убійствѣ не участвовалъ. Но Карри Бретль подозрѣвали въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ однимъ изъ преступниковъ. Она призналась себѣ что, покинувъ Булгамптонъ, согласилась выйти за мужъ за Экорна. Она тогда мало знала объ его образѣ жизни и его прошломъ, но онъ былъ молодъ, красивъ, франтъ и обѣщалъ жить на ней. Онъ помѣстилъ ее въ Пикрофтскую общину, былъ у нея на другое утро послѣ убійства, и далъ ей денегъ, но съ тѣхъ поръ, по ея словамъ, она не видала его и не слыхала о немъ. Она никогда не любила его, говорила она, во мнѣ любви ли ей было тогда? Ей надо было только чтобъ онъ сдѣлалъ ее честною женщиной. Фанни Бретль передала все это Феввикамъ. Время суда приближалось, а они еще не знали что дѣлать съ Карри. Кто проводить ее? Кто будетъ стоять возле нея, ободрять ее, и кто спасетъ ее отъ паденія въ бездну самоуниженія, которое грозитъ ей, если съ ней не будетъ никого чтобъ ободрить ее и помочь ей?

— Я на твоёмъ мѣстѣ совсѣмъ не лѣхала бы въ Салсбери во время судопроизводства, сказала мистрисъ Феввикъ мужу. Викарію вполнѣ повалъ что она хотѣла сказать. Всѣдствие клеветы безсмысленнаго стараго маркиза, котораго его обманомъ заставили простить, онъ теперь не могъ подать руку помощи своей прихожанкѣ. Тѣмъ не менѣе онъ согласился съ благоразумнымъ совѣтомъ жены, молча, какъ всегда соглашались съ такими совѣтами, и удовольствовался стараніемъ искать ей другаго проводника. Со дня на день ожидали что мельникъ уступитъ, обвинитъ бѣдную Карри и обѣщаетъ ей считать ее опять своею дочерью. Еслибъ это случилось, думалъ Феввикъ, и Фанни тоже,—старикъ не любилъ бы взглянуть въ лицо всему графству и самъ проводить дочь. Но день суда приближался, а старый Бретль былъ, повидимому, такъ далеко отъ прощенія какъ и всегда. Фанни сказала при немъ слова два о судѣ, но онъ только нахмурился на нее и, повидимому, не обратилъ вниманія на намеки.

Феввикъ, послѣ свиданія со своимъ другомъ Джильморомъ, о чемъ говорилось въ предыдущей главѣ, пошелъ домой пешкомъ, но по проѣзжей дорогѣ и потомъ свернулъ на тропинку

оторая вела къ мельницѣ. Это было 15 августа, въ среду, и ойно черезъ недѣлю Карри должна была явиться въ Салисбери. Чѣмъ ближе приближался день суда, тѣмъ она становилась безлокойнѣе. По настоянію Фенвика, Фанни писала своему брату Джорджу, спрашивая не сжалятся ли онъ надъ своею бѣдною сестрой, не возьмется ли проводить ее. Онъ отвѣтилъ приславъ ей 20 фунтовъ, но отказавшись, изъ уваженія къ своимъ дѣтямъ, показаться съ ней въ Салисбери. „Я сама поѣду къ ней, мистеръ Фенвикъ, сказала Фанни; лучше я чѣмъ никого.“ Теперь викаріі шелъ одобрить ея намѣреніе. Онъ не могъ придумать ничего лучше этого. Фанни во всякомъ случаѣ будетъ тверда и не побойтся изъ ложнаго стыда быть настоящею сестрой для своей сестры. Онъ обѣщалъ ея лицамъ повидаться съ ними въ началѣ недѣли, и теперь шелъ къ нимъ чтобы посоветовать имъ какъ вести себя въ Салисбери. Имъ, вѣроятно, придется ночевать тамъ, думалъ онъ, и надѣялся что мистрисъ Стигсъ примутъ ихъ у себя.

Когда онъ сошелъ съ тропинки на лугъ противъ самой мельницы, онъ встрѣтился съ мельникомъ. Тогда былъ полдень, и мельникъ бродилъ въ ожиданіи обѣда. Они сошлись лицомъ къ лицу и не могли не заговорить, и въ этотъ разъ мельникъ, очевидно, не старался избѣгнуть посѣтителя.

— Мистеръ Фенвикъ, сказалъ онъ, подавъ руку священнику, — я долженъ сказать вамъ какъ я вамъ много обязанъ за се что вы одѣлали для бѣдной дѣвушки.

— Не говорите объ этомъ, мистеръ Бретль.

— Нѣтъ, я долженъ говорить. Я знаю что мы у васъ въ долгу. Вы платили по десяти шиллинговъ въ недѣлю все время пока она была въ Салисбери.

— Я не хочу слышать ни одного слова о деньгахъ.

— Ея братъ Джорджъ прислалъ ей подарокъ, мистеръ Фенвикъ, — двадцать фунтовъ.

— Вотъ это хорошо съ его стороны.

— Джорджъ, говорятъ, человекъ не бѣдный, продолжалъ геъ, — ему ничего не стоить дать денегъ. Но онъ отказался помочь ей другимъ образомъ. Я вамъ буду очень благодаренъ, ми вы возьмете что мы вамъ должны. Билетъ Джорджа у Фанни; ей и сдачу отдайте. —

Тутъ, конечно, начался споръ о деньгахъ. Фенвикъ клялся что ему ничего не должны, а мельникъ доказывалъ что, такъ

какъ деньги есть, надо залатить за содержаніе его дочери въ Салисбери. Наконецъ мельникъ одержалъ верхъ. Фенвикъ обѣщаль посмотрѣть въ своей записной книжкѣ сколько потратилъ на Карри и сказать когда-нибудь сумму Фанни. Но онъ положительно отказался взять билетъ тотчасъ же, отворившись тѣмъ что у него нѣтъ сдачи, и что онъ боится нести съ собой въ карманѣ такую большую сумму. Онъ спросилъ можно ли ему войти въ домъ и услѣдеть ли онъ сказать нѣсколько словъ женщинамъ до обѣда. Онъ уже рѣшилъ что не будетъ болѣе пытаться примирить отца съ дочерью. Онъ часто повторялъ женѣ что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть такъ непріятель какъ непрощенный совѣтникъ. „Я часто самъ чувствую какъ несносенъ когда совѣтую кому-нибудь сдѣлать то или другое; тогда я спрашиваю себя, какъ бы я посмотрѣлъ на человѣка который пришелъ бы совѣтовать мнѣ какъ обращаться съ тобой или съ дѣтьми.“ Онъ не разъ повторялъ женѣ какъ разумно отвѣтилъ ему сердитая хозяйка Старгула, когда онъ попробовалъ дать ей совѣтъ. „Всякій самъ знаетъ какъ ему поступать и можетъ обойтись безъ совѣтовъ священниковъ.“ Онъ разъ десять повторилъ эти слова женѣ и говорилъ что напишетъ ихъ большими красными буквами надъ каминомъ, въ своемъ кабинетѣ. Онъ рѣшилъ не говорить ни слова старику Брету объ его дочери Карри. Но теперь мельникъ самъ заговорилъ о ней.

— Вы, конечно, можете войти къ намъ, мистеръ Фенвикъ.— Я могу обѣдать и поуже. Но мнѣ самому хотѣлось поговорить съ вами объ этой бѣдной молодой женщинѣ.

Онъ сказалъ это тихимъ, нервнительнымъ голосомъ, точно съ трудомъ могъ заставить себя заговорить о своей несчастной дочери. Фенвикъ пробормоталъ что-то о своей готовности его слушать, и мельникъ продолжалъ:

— Вы конечно знаете какъ она воротилась сюда, на мельницу?

— Конечно знаю. Я видѣлъ ее послѣ того нѣсколько разъ.

— Мистеръ Фенвикъ, мнѣ кажется, никто не можетъ понять какое это горе, не испытавъ его самъ. Надѣюсь, что вамъ не придется испытать его. Мистеръ Фенвикъ, я лучше согласася бы увидать предъ собой ея мертвое тѣло,—а я любилъ ее какъ рѣдкій отецъ любить свою дочь,— чѣмъ имѣть ее такою какою она сдѣлалась.

Его нерешительность прошла и замѣнилась одушевленіемъ. оворя, онъ поднималъ руку. Фенвикъ поймалъ его руку и держалъ въ своей, и придумывалъ что бы сказать ему въ утѣшеніе, когда старикъ остановился. Но для Якова Бретля священнику трудно было найти какое-нибудь утѣшеніе. Можно проповѣдовать о раскаяніи человѣку который ни во что не вѣритъ, или сказать что прощеніе родныхъ поможетъ грѣшнику списать высшее прощеніе. Что бы онъ ни началъ говорить, мельникъ не сталъ бы его слушать. Старикъ былъ поощенъ своимъ горемъ.

— Есaubъ они только знали какъ изъ-за нихъ сгораютъ и которые ихъ любятъ, они, можетъ-быть, думали бы побольше о себѣ. Но имъ не повѣять этого, мистеръ Фенвикъ, и мнѣ жется что очастливы тотъ человѣкъ у кого нѣтъ дѣтей.

— Вспомните о вашемъ сынѣ Джорджѣ, мистеръ Бретль, и мистрисъ Гей.

— Какое мнѣ дѣло до нихъ? Джорджъ присылаетъ ей двадцать фунтовъ, а по-моему лучше бы онъ не присылалъ ихъ. Сестра, та не лустила бы ее за порогъ своего дома! Она пошла къ нимъ, а пришла сюда.

— А вамъ было бы лучше? безъ Фанни, мистеръ Бретль?

— Фанни! Я не говорю ничего противъ Фанни. Только не дозволяло ей впускать сестру въ домъ ночью, не оказавъ мнѣ ни слова.

— Такъ по-вашему она должна была оставить сестру на порѣ въ холодную, сырую ночь?

— А развѣ она не могла придти и спросить? Впрочемъ, противъ Фанни я не говорю ничего. Но если когда-нибудь, мистеръ Фенвикъ, у васъ одна нога будетъ въ податрѣ, вы утѣшитесь тѣмъ что другая здорова. Больная нога будетъ къ мучить васъ что вы забудете обо всемъ тѣлѣ. Вотъ то самое теперь со мной.

— Что мнѣ сказать вамъ, мистеръ Бретль? Я сгораю за васъ. Я очень страдаю за васъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, мистеръ Бретль. Онѣ всѣ страдаютъ за меня. Они знаютъ что я весь изломанъ, точно бывалъ на мельничномъ колесѣ. Во всемъ Булгамитовѣ нѣтъ кого кто бы не зналъ что Яковъ Бретль несчастный человѣкъ, потому что дочь его...

— Остановитесь, мистеръ Бретль, не называйте ея такъ. Она не такая... теперь по крайней мѣрѣ. Развѣ вы не знаете

что можно оставить за собой пороки и забыть его точно такъ какъ и добродѣтель.

— Но безчестье-то не легко оставить за собой, мистеръ Фенвикъ. На сколько мнѣ извѣстно, дѣвушка можетъ иногда поправиться, но отцу ея никогда не поправиться. Это вотъ гдѣ лежитъ, мистеръ Фенвикъ, вотъ гдѣ, сказалъ онъ, ударилъ себя въ грудь.—Есть несчастія которыя тяжело выносить, но когда они придутъ, ихъ никогда не забудешь, именно потому что ихъ такъ тяжело выносить. Я перенесъ бы все кромѣ этого и не боялся бы взглянуть смѣло въ лицо всему Бургамтону; но теперь я разбитъ. Еслибъ у меня дома не было ничего кромѣ корки хлѣба и не было бы приличной одежды, я смотрѣлъ бы имъ смѣло въ лицо. А теперь я не могу никому взглянуть смѣло въ лицо. Что же касается до дочерей другихъ людей, я не могу выносить ихъ возлѣ себя, не могу. Онѣ заставляютъ меня думать о моей. (Фенвикъ оборотился спиной къ мельнику чтобы дать ему возможность [утереть слезы, не показывая ихъ.]) Я постоянно думаю оней, мистеръ Фенвикъ, дни и ночи, точно у меня во всемъ мірѣ нѣтъ ничего другаго о чемъ бы я могъ подумать. Я былъ мушкетеромъ всю мою жизнь, мистеръ Фенвикъ, а теперь я уже не мушкетеръ. Нашъ другъ викарій никогда не чувствовалъ себя такъ вполне неспособнымъ представить какое-нибудь утѣшеніе страдающему какъ теперь. Ему не къ чему было прибѣгнуть. Онъ, конечно, могъ бы сказать старику что за этимъ міромъ есть вѣчное блаженство которое доступно не только ему, но и его дочери, блаженство гдѣ нѣтъ безчестія. Но въ невѣріи стараго язычника была какая-то непреклонная сила, не поддающаяся подобнымъ заклинаніямъ. Онъ вѣрилъ въ то что видѣлъ, зналъ и чувствовалъ, но ни во что другое не вѣрилъ. Онъ зналъ теперь что онъ оскорбленъ и несчастенъ, и что долженъ нести свое несчастіе до конца, и расправлялъ спину подъ ношу. Но даже желаніе отдыха, свойственное всякому человѣку, не могло поколебать его невѣрія. Какъ онъ не вѣрилъ прежде, когда у него все шло хорошо, и когда надежда на будущую жизнь не была необходима для ежедневной жизни, такъ онъ не вѣрилъ и теперь, когда такъ нуждался въ этой надеждѣ.

Въ заключеніе своей рѣчи мельникъ объявилъ что рѣшился самъ сопровождать дочь въ Салисбери, и что ему хотѣлось сказать объ этомъ другу семейства. Викарій, конечно

принялъ его намѣреніе восторженно, можетъ-быть даже слышомъ восторженно, потому что мельникъ объявилъ что далеко не увѣренъ что поступаетъ хорошо. Когда же викаріі попросилъ его быть ласковѣе съ дочерью, мельникъ накинулся на него.

— Отчего я съ нею не ласковѣе? Я ненавижу такія вѣжності, мистеръ Февикъ. Я буду обращаться съ ней честно.— Овъ однако смягчился немного, прежде чѣмъ отпустилъ викаріа. — Но какова бы она ни была, она все же моя плоть и кровь, сказалъ овъ.

Послѣ этого мистеръ Февикъ отказался повидаться съ мистрисъ Бретль и ея дочерью. Мельникъ самъ долженъ объявить семейству о своемъ намѣреніи, а викаріі зналъ что не сумѣетъ сохранить тайну, если увидится съ женщинами.

LXIV. Еслибъ я была ваша сестра!

Мистеръ Джильморъ въ своихъ послѣднихъ словахъ объявилъ своему другу Февику что не принимаетъ порученія которое викаріі выдавалъ за окончательное рѣшеніе Мери. Овъ самъ увидитъ ее и заставитъ признаться ему лицомъ къ лицу въ своей измѣнѣ, признаться, или отвергнуть ее. Въ этомъ она не можетъ отказать ему. Февикъ сказалъ, что пока она его гостя, она можетъ поступать какъ ей угодно. Ему, конечно, не позволятъ войти къ ней противъ ея воли, но овъ былъ увѣренъ что она не откажетъ ему въ свиданіи послѣ всего что было между ними. Бродя по своимъ полямъ и обдумывая все это, овъ началъ уже слабо надѣяться что, вопреки всему, ее можно еще уговорить выйти за него. Его любовь къ ней не поколебалась или, скорѣе, не поколебалось его желаніе назвать ее своею и имѣть ее женой. Но любовь его приняла искаженную форму, лишившись всей ея первоначальной вѣжности вслѣдствіе обращенія которому овъ подвергался. Теперь ему хотѣлось удовлетворить скорѣе свое самолюбіе чѣмъ любовь. Всѣ знавшіе его знали что овъ положилъ все свое сердце въ этотъ бракъ, и ему хотѣлось показать имъ что овъ не можетъ потерпѣть неудачу. Обращеніе Мери съ нимъ, съ того дня какъ она стала его невѣстой, было такого свойства что, конечно, уничтожило его вѣжность и лишило его возможности ухаживать, что овъ дѣлалъ бы также охотно

какъ всякій другой мужчина. Она сказала ему прямо что выйти за него не любя его, и несмотря на это онъ притворялся ея. Но тогда онъ безознательно утѣшалъ себя надеждой что она окажется лучше своихъ словъ, что согласившись подчиниться ему какъ его невѣста, она постепенно сдѣлается нѣжною и любящею подъ его вліаніемъ. Но она оказалась, если это возможно, хуже своихъ словъ. Она заставила его понять вполнѣ что его присутствіе не было для нея радостью, что на бракъ съ нимъ она смотритъ какъ на бремя которое возлагаетъ себѣ на плеча только потому что романъ ея жизни прервался на самомъ началѣ, вслѣдствіе разлуки съ человѣкомъ котораго она любила. Но онъ продолжалъ упорствовать. Онъ безумно предавался надеждѣ жениться на ней и женился бы непременно, еслибы могъ, не посмотрѣвъ бы ни на что. Мистрисъ Фенвикъ, совѣтами и расположеніемъ которой онъ подкрѣплялся все это время, говорила ему не разъ что такая дѣвушка какъ Мери Лоутеръ будетъ любить своего мужа, если мужъ будетъ любить ее и обращаться съ ней ласково. „За себя-то я ручаюсь“, сказалъ однажды Джильморъ, и мистрисъ Фенвикъ не сомнѣвалась въ немъ. Вѣря ея увѣреніямъ, онъ продолжалъ упорствовать. Онъ упорствовалъ даже тогда когда его довѣріе поколебалось суровостью Мери. Для него все было лучше чѣмъ отказаться отъ надежды на то на чемъ онъ основывалъ свое счастье. Она обѣщала быть его женой и, основываясь на этомъ, онъ могъ украшать свои сады и домъ, и чувствоваться въ некотораго рода удовольствіе. У него была по крайней мѣрѣ цѣль въ жизни. Потомъ постепенно онъ началъ подозрѣвать что она все еще думаетъ освободиться отъ него, и онъ поклонился себѣ что не выпуститъ ее. Пусть она сдѣлается его женой, и тогда онъ будетъ обращаться съ ней съ полнымъ уваженіемъ, съ любовью, если она приметъ его любовь, но теперь онъ не позволитъ ей дурачить себя. Наконецъ пришелъ викарій съ порученіемъ объявить ему отъ Мери что между ними все кончено.

Конечно, ему надо видѣть ее, и немедленно. Какъ только Фенвикъ ушелъ, онъ обошелъ все свое помѣстье и велѣлъ людямъ приниматься олять за работу. Тогда была среда, и онъ рѣшилъ чтобъ они во всякомъ случаѣ работали до воскресенья, и сказалъ объ этомъ садовнику и своему управляющему.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ садовнику,—я олять передумаю, но такъ какъ теперь я еще не рѣшилъ, то пусть все идетъ попрежнему до воскресенья.

Конечно, они всё знали почему помѣщикъ поступаетъ какъ умашедшій.

Вечеромъ онъ послалъ записку къ Мери Лоутеръ.

„Дорогая Мери.

„Я видѣлъ Фенвика и, конечно, долженъ увидаться съ вами. Потрудитесь назначить часъ когда мнѣ придти завтра утромъ.

„Вашъ Г. Д.“

Когда Мери прочла записку, сидя съ Фенвиками въ саду послѣ обѣда, она не поколебалась ни на одну минуту. Ни Фенвикъ, ни его жена почти не говорили съ ней съ тѣхъ поръ какъ онъ воротился изъ Вязниковъ. Они не имѣли намѣренія показать ей что сердятся на нее, но говорить съ ней не могли. „Вы сказали ему,“ спросила Мери. „Да, я сказалъ ему,“ отвѣчалъ Фенвикъ, и болѣе между ними почти ничего не было сказано. Мери намекнула Жанетѣ Фенвикъ что думаетъ ли лучше ли ей уѣхать немедленно изъ Булгамтона. „Зачѣмъ такъ скоро, моя милая?“ отвѣчала мистрисъ Фенвикъ, и Мери не осмѣлилась настаивать.

— Могу я назначить ему придти завтра въ одиннадцать? просила она, передавъ записку мистрисъ Фенвикъ. Мистрисъ Фенвикъ и викарій согласились, и Мери вошла въ домъ и написала отвѣтъ.

„Я буду дома въ одиннадцать.

„М. Д.“

Она дорого дала бы чтобъ избавиться отъ свиданія, но она не надѣялась избавиться отъ него.

На слѣдующее утро Фенвикъ ушелъ изъ дома послѣ завтрака.

— Съ меня довольно, сказалъ онъ. — Я не хочу даже быть близко отъ нихъ.

Мистрисъ Фенвикъ сидѣла со своею подругой до той минуты когда позвонилъ колокольчикъ у парадной двери. Теперь уже нельзя было войти прямо изъ сада.

— Милая Жанета, сказала Мери, когда они были одни,—какъ бы хорошо было еслибъ я никогда не пріѣзжала сюда безъ окоить васъ.

Мистрисъ Фенвикъ понимала что сама много способствовала есчастію своею настойчивостью въ пользу друга своего мужа.

— Не думайте что мы сердимся на васъ, сказала она, обаявъ Мери.

— Да, пожалуйста не сердитесь на меня.

— Мы сами много виноваты. Мы должны были оставить васъ въ покоѣ, а не торолить. Но мы дѣлали это съ добрымъ намѣреніемъ.

— Я тоже хотѣла поступить какъ слѣдуетъ; но, Жанета, какъ трудно поступать какъ слѣдуетъ!

Когда послышался звонокъ, мистрисъ Фенвикъ вышла въ залу навстрѣчу Гарри Джильмору и сказала ему что онъ найдетъ Мери въ гостиной. Взглянувъ на его лицо, она горячо пожала ему руку, но онъ, не сказавъ ей ни слова, прошелъ въ комнату изъ которой она только что вышла. Мери сидѣла посреди комнаты. Услыхавъ звонокъ, она приложила руку къ сердцу и держала ее такъ пока не услышала его шаговъ; тогда она опустила руки и стояла безпомощно, поднявъ глаза ему навстрѣчу. Онъ подошелъ и взялъ ея руку.

— Мери, сказалъ онъ,—я не вѣрю тому что вы присылали сказать мнѣ. Не вѣрю и не хочу вѣрить. Я не принимаю вашего отказа. Это невозможно, совершенно невозможно. Забудемъ объ этомъ и не будетъ никогда вспоминать.

— Нельзя, мистеръ Джильморъ.

— Какъ нельзя? А я говорю что такъ должно быть. Вы не можете отречься, Мери, что вы моя невѣста. Развѣ такіа обязательства ничего не значать? Развѣ обѣщаніе можно считать за ничто только потому что оно не сопровождалось формальностями. По-вашему, вы могли бы, сдѣлавшись моею женой, придти и сказать мнѣ что покидаете меня.

— Но я не жена ваша.

— Что это значитъ? Развѣ я не былъ терпѣливъ съ вами? Развѣ я былъ грубъ или жестокъ? Слышали вы обо мнѣ что-нибудь что уронило меня въ вашемъ мнѣніи?

Она печально покачала головой.

— Такъ что же это значитъ? Знаете вы что вы сдѣлаете изъ меня погибшаго человѣка, что вы оставляете меня въ жизни безъ цѣли и надежды? Чѣмъ я заслужилъ отъ васъ такой поступокъ?

Онъ очень хорошо отстаивалъ себя. Она никогда не смѣла чтобъ онъ когда-нибудь такъ отстаивалъ что-нибудь. Онъ не выпускалъ ея руку, сжавъ ее не съ любовью, но съ упрямствомъ, какъ бы желая показать что не выпуститъ ее изъ своей власти. Онъ смотрѣлъ ей въ лицо, но она не опускала глазъ предъ его взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, она дорого

ма бы чтобъ уйти и избавиться отъ необходимости отвѣ-
ить ему. Она подкрѣпляла себя все утро, обѣщая себѣ не
ступать ни подъ какимъ видомъ; была ли она права или не-
рава предъ нимъ, но теперь она намѣрена была поступить
по своему убѣжденію и избавиться отъ брака который былъ
такъ противенъ.

— Вы не заслужили отъ меня ничего кромѣ хорошаго, ми-
стеръ Джильморъ.

— А развѣ вы теперь поступаете со мной хорошо?

— Да, конечно. Это лучшее, по моему убѣжденію, что я могу
сдѣлать теперь.

— Но что заставило васъ перемѣнить ваше намѣреніе?

Она отвѣчала у него свою руку и подумала немного прежде
чѣмъ отвѣтила. Ей необходимо передать ему всѣ новости ко-
торыя она узнала изъ письма Вальтера, а для того чтобъ онъ
зналъ вполнѣ какую силу имѣютъ для нея эти новости, она
хотѣла напомнить ему объ условіи которое сдѣлала, когда со-
гласилась сдѣлаться его невѣстой. Но какъ ей сказать ему
о томъ напомнить ему объ его недостойномъ униженіи
редъ ней?

— Когда я пріѣхала сюда, я была несчастна, сказала она

— И потому вы хотите оставить меня несчастнымъ теперь?

— Вы должны пощадить меня, мистеръ Джильморъ. Вспо-
мните что я говорила вамъ тогда. Я любила моего родственни-
ка всѣмъ сердцемъ. Я не скрыла этого отъ васъ и просила
васъ оставить меня. Я сказала вамъ что сердце мое не измѣ-
нится. Я надѣялась что вы оставите меня, когда я скажу
вамъ это.

— Вы наказываете меня за то что я слишкомъ сильно лю-
билъ васъ?

— Я не защищаю себя. Я поступила не хорошо, принявъ
ваше предложеніе. Но вспомните что я тогда сказала вамъ
то я... что я возвращусь къ моему родственнику, если онъ
захочетъ взять меня.

— Такъ вы возвратитесь къ нему?

— Если онъ захочетъ взять меня.

— И вы можете стоять предо мной, смотрѣть мнѣ въ лицо
говорить мнѣ что вы такая обманщица! У васъ хватило
уда признаться мнѣ что вы способны вертѣться какъ флю-
идъ, одинъ день принадлежать ему, другой день—мнѣ, а на
рѣтій перейти опять къ нему! Вы рѣшились признаться что

можете связать себя сначала съ однимъ человѣкомъ, потомъ съ другимъ, смотря по тому что для васъ удобнѣе въ известную минуту! Я не повѣрилъ бы еслибы мнѣ сказали что къ этому способна женщина, но такъ какъ вы сами говорите мнѣ это о себѣ, я начинаю думать что всегда имѣлъ должное понятіе о женщинахъ.

Теперь пришло время когда она должна была высказать ему все, и ей стало легче говорить послѣ того какъ онъ позволилъ себѣ выразить свой гнѣвъ. Онъ выразилъ даже болѣе чѣмъ гнѣвъ, онъ намекнулъ ей о презрѣніи, и начало грозы придало ей бодрости.

— Вы несправедливы ко мнѣ, мистеръ Джимморъ, несправедливы и жестоки. Вы сами знаете что я не измѣняю вамъ.

— Развѣ вы не были помолвлены со мной?

— Да, но какъ это сдѣлалось? Развѣ я когда-нибудь обманывала васъ? Развѣ я скрывала отъ васъ что-нибудь? Когда я приняла ваше предложеніе, развѣ я не объяснила вамъ почему такъ поступаю,—поступаю противъ своего желанія, противъ совѣсти? Тогда я не заботилась о себѣ, а теперь я о себѣ забочусь и даже очень забочусь.

— И вы считаете это честнымъ поступкомъ относительно меня?

— Если вы начали упрекать меня, то и я упрекну васъ. За чѣмъ вы приняли меня, когда я сказала вамъ что не могу любить васъ? Но я, конечно, никогда не сказала бы вамъ ни одного неприятнаго слова, еслибы вы сами пощадили меня. Мы оба сдѣлали ошибку и теперь должны исправить ее. Вы сами не захотите имѣть меня женой, когда я скажу вамъ что сердце мое переполнено любовью къ другому. Когда я уступила вамъ, я старалась освободиться отъ этой любви какъ отъ величайшаго несчастія. Теперь же я смотрю на нее какъ на величайшее счастье моей жизни. Еслибъ я была ваша сестра, какъ посоветовали бы вы мнѣ поступить?

Онъ стоялъ съ минуту молча, потомъ кровь бросилась ему въ лицо, и онъ отвѣтилъ ей:

— Еслибы вы были моя сестра, у меня въ ушахъ шумѣло бы отъ стыда, когда при мнѣ произносили бы ваше имя.

И у ней кровь бросилась въ лицо, покрыла даже лобъ, оговъ загорѣлся въ ея глазахъ, губы открылись, и ноздри дрожали отъ гнѣва. Она взглянула на него, повернулась и молча

утошла отъ него. Но взявшись за ручку двери, она олять обратилась къ нему.

— Мистеръ Джильморъ, сказала она,—я никогда добровольно не заговорю съ вами олять.

Дверь отворилась и затворилась за ней прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться.

Онъ зналъ что оскорбилъ ее, что сказалъ ей такія грубыя мова какія мущина едва ли имѣеть право сказать женщинѣ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Но когда онъ шелъ на свиданіе съ ней, онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить ее. У него было только одно опредѣленное намѣреніе заставить ее сдержать обѣщаніе, доказавъ ей какъ будетъ велика ея несправедливость, какъ ужасна ея измѣна, если она оставитъ его. Но онъ достаточно зналъ ея характеръ чтобы понять что одно оскорбительное слово, обращенное къ ней какъ къ женщинѣ, такъ обидитъ ее что она не будетъ въ состояніи простить обиду. Но разсудокъ не удержалъ его гнѣва, и когда она вызвала его на отвѣтъ, поставивъ себя въ положеніе его сестры, онъ воспользовался возможностью поразить ее, и поразилъ со всею своею силой. Она почувствовала ударъ и рѣшилась никогда не подвергать себя другому.

Онъ остался одинъ и долженъ былъ уйти. Онъ подождалъ немного, думая не придетъ ли къ нему мистрисъ Фенвикъ или викаріи, но никто не пришелъ. Наружная дверь въ комнату была отворена, и онъ могъ уйти чрезъ садъ, но когда онъ наконецъ рѣшился уйти, ему бросились въ глаза лисьменныя принадлежности лежавшія на боковомъ столѣ. Онъ сѣлъ и написалъ записку мистрисъ Фенвикъ.

„Скажите Мери что я принужденъ былъ говорить откровенно о дѣлѣ которое есть для меня вопросъ о жизни или смерти. Скажите ей также, что если она захочетъ быть моею женой, я знаю что мнѣ не придется краснѣть ни за одинъ ея поступокъ, ни за одно ея слово, ни за одну ея мысль. Г. Д.“

Потомъ онъ вышелъ въ садъ и воротился домой по тропинкѣ мимо церковной фермы.

Онъ ушелъ, сдѣлавъ еще разъ предложеніе Мери, послѣднюю, безнадежную попытку. Но на пути домой онъ сказалъ себѣ что невозможно чтобы она олять приняла его предложеніе, что для него потеряна всякая надежда, и что надо постараться взглянуть прямо на свое положеніе. Ему было тяжело когда ему не давали надежды, когда отвѣты дѣвушки

такъ противорѣчили его желанію, когда еще никому не было сказано что она будетъ его женой. Даже тогда мучительное чувство неисполняющагося ожиданія и неудачи въ томъ въ чемъ ему хотѣлось непремѣнно имѣть устѣхъ, было такъ сильно что разстроило всю его жизнь. Даже тогда онъ не могъ жить такъ чтобы не показать что горе измѣнило его. Когда онъ ѣздилъ въ Лорингъ и бродилъ безнадежно вокругъ мѣста гдѣ жила дѣвушка которую онъ любилъ, онъ сознавалъ что ему не достаетъ силы управлять собой въ несчастіи. Но если тогда его положеніе было тяжело, каково же оно будетъ теперь? Всею окружающему его міру было сказано что она его невѣста, и онъ, какъ счастливый женихъ, началъ готовить свой домъ чтобы принять ее. Ни въ чемъ не сомнѣваясь, онъ соединилъ ея желанія, ея вкусы, свои мысли о ней со всякимъ дѣйствіемъ своей жизни. Онъ дарилъ ей свои драгоценности, украшалъ для нея свои комнаты и сады. Человѣкъ съ незатѣпливыми привычками и не склонный къ расточительности, онъ въ это время своей жизни, когда все что онъ дѣлалъ дѣлалось для нея, отложилъ въ сторону благоразуміе. Правда, что его радость при этомъ значительно омрачалась ея холодностью, ея равнодушіемъ, даже ея самоотверженіемъ, но онъ продолжалъ ободрять себя надеждой что все пойдетъ хорошо, когда она сдѣлается его женой. Теперь же она сказала ему что никогда добровольно не заговоритъ съ нимъ ояять, и онъ повѣрилъ ей.

Онъ пришелъ домой, воротился въ свою спальню, сѣлъ, и задумался. Тутъ онъ услышалъ голоса и шумъ работавшихъ людей, и вспомнилъ что у него дѣлаются вещи которыя для него теперь совершенно не нужны. Онъ просидѣлъ не двигаясь часа два, потомъ вышелъ и сказалъ управляющему чтобы ему приготовили чемоданъ, а кучеру велѣлъ закладывать лошадей. „Я ѣзжаю“, сказалъ онъ, и велѣлъ чтобы ему переслали его письма въ Лондонъ, въ его клубъ. Послѣ обѣда онъ поѣхалъ въ Садибери чтобы захватить экстренный поѣздъ и ночевалъ ту ночь въ лондонскомъ отелѣ.

LXV. Мери Лоутеръ покидаетъ Булгамптонъ

Былъ второй часъ въ исходѣ, и дѣтскій обѣдъ былъ уже лоданъ въ столовой, но никто въ домѣ викарія не видалъ еще Мери Лоутеръ послѣ посвѣщенія мистера Джильмора

Оставивъ его, она пошла въ свою комнату, и никто не беспокоилъ ея. Когда дѣти усѣлись, возвратился Фенвикъ, и жена подала ему записку которую оставилъ ей Джильморъ.

— Что у нихъ было? спросилъ онъ шелотомъ.

Жена покачала головой.

— Не знаю, я не видала ея. Но онъ пишетъ что говорилъ откровенно, и вѣроятно его откровенность была не совсѣмъ пріятна.

— Онъ можетъ быть очень жестокъ если его вывести изъ герлѣвнїа, сказалъ Фенвикъ.—А его ужъ конечно вывели изъ герлѣвнїа, прибавилъ онъ немного погодя.

Какъ только дѣти пообедали, мистрисъ Фенвикъ пошла въ комнату Мери съ запиской Джильмора въ рукѣ. Она постучала, и была тотчасъ же влущена, и нашла Мери у письменнаго стола.

— Придете вы завтракать, Мери?

— Приду, если нужно. Но мнѣ хотѣлось бы чтобы вы прислали мнѣ сюда чашку чаю.

— Пришлю все что вамъ угодно и куда вамъ угодно. Что онъ говорилъ вамъ сегодня?

— Для чего же повторять то что онъ говорилъ, **Жанета**?

— Такъ вы не уступили ему?

— Конечно не уступила. Я никогда не уступлю ему. Пожалуйста, **Жанета**, считайте это рѣшеннымъ. Онъ самъ наконецъ повѣрилъ этому.

— Вотъ записка отъ него ко мнѣ, написанная, вѣроятно, послѣ свиданїа съ вами.

Мери взяла записку.

— Онъ не увѣренъ, вы сами видите, продолжала мистрисъ Фенвикъ. — Онъ писалъ мнѣ и, мнѣ кажется, я должна отвѣтить ему.

— Ему, конечно, никогда не придется краснѣть за меня какъ за свою жену, сказала Мери. Но она не передала подругѣ жестокихъ словъ которыя онъ сказалъ ей. Она, конечно, поняла намекъ Джильмора, но не объяснила его. Думая объ этомъ въ своемъ уединенїи, она рѣшила не повторять никогда, никому жестокихъ словъ которыя онъ сказалъ ей. Онъ, безъ сомнѣнїа, былъ раздраженъ. Его гнѣвъ, какъ и всѣ его страданїа, происходили отъ чрезмѣрнаго постоянства въ любви, постоянства, въ которомъ его не превзошелъ ни одинъ человекъ во всемъ что она читала. Онъ готовъ былъ взять ее на самыхъ унизительныхъ для него условїяхъ, но потомъ ему сказали что даже на такихъ условїяхъ она никогда не будетъ его

женой. Она должна была простить ему всякую обиду каку бы онъ ей ни сдѣлалъ. Онъ въ гнѣвѣ сказалъ ей слова которыя она считала ни только обидными, но и не честными. Она сказала ему что никогда добровольно не заговоритъ съ нимъ олять, и намѣрена была сдержать свое слово. Но она простила его. Она считала себя обязанной простить ему всякую обиду. Она проститъ его, и чтобы доказать себѣ что простила его, не повторитъ его словъ своимъ друзьямъ, Феввикамъ. „Ему конечно никогда не придется краснѣть за меня какъ за свою жену,“ сказала ему, возвращая записку мистрисъ Феввикъ.

— Вы хотите сказать что никогда не будете его женой?

— Да, конечно.

— Вы поссорились съ нимъ, Мери?

— Поссорилась? Не знаю какъ сказать вамъ. Намъ лучше не встрѣчаться олять. Свиданіе не было бы пріятно ни ему, ни мнѣ. Но я не хочу чтобъ онъ думалъ что мы поссорились.

— Ни одинъ мужчина никогда не сдѣлалъ женщинѣ столько чести сколько онъ сдѣлалъ вамъ.

— Не будемъ говорить больше объ этомъ, милая Жанета. Надѣюсь, вы повѣрите мнѣ теперь когда я скажу вамъ что это бесполезно. Я пишу теткѣ чтобы предупредить ее что возвращаюсь. Какой день мнѣ назначить?

— Писали вы своему кузену?

— Нѣтъ, я еще не писала ему. Мнѣ не такъ легко было покончить съ прошлымъ, Жанета.

— Мнѣ кажется, вамъ теперь лучше уѣхать.

— Да, конечно. Я была бы для него занозой, еслибъ осталась здѣсь.

— Онъ самъ не останется здѣсь, Мери.

— Онъ можетъ поступать какъ ему угодно, я не хочу мѣшать ему. Вы должны немедленно дать ему знать что я уѣзжаю. Я назначу субботу, послѣ завтра. Я едва ли успею уѣхать завтра.

— Конечно не успеете, и зачѣмъ такъ слѣзистъ?

— Я должна слѣзистъ чтобъ освободить его. И вотъ что еще. Жанета. Передадите вы ему это? Здѣсь все, — и рубины, и все. О, Боже мой, онъ тронулъ меня въ тотъ день.

— Онъ всегда велъ себя какъ джентльменъ.

— Не потому чтобъ я обрадовалась его глупымъ камнямъ. Я никогда не любила ничего подобнаго. Но въ его поступкѣ была довѣрчивость, желаніе показать мнѣ что все что

принадлежитъ ему принадлежитъ и мнѣ, за что я любила
и его, еслибъ это было возможно.

— Я дала бы отрубить себѣ руку, еслибы можно было сдѣлать
тобы вы никогда не встрѣчались съ вашимъ кузеномъ.

— А я готова отдать свою руку за то что встрѣтилась съ
нимъ, сказала Мери, протягивая свою правую руку.—Нѣтъ, я
отдамъ двѣ, я отдамъ все за то что встрѣтилась съ нимъ и
онъ сдѣлался для меня тѣмъ что онъ для меня теперь. Одна-
ко, Жанета, когда будете отдавать ему вещи, скажите ему отъ
меня ласковое слово. Я, кажется, ввела его въ издержки.

— Онъ и не вспомнитъ о деньгахъ. Онъ отдалъ бы вамъ
исю свою землю до послѣдняго клочка, еслибы вы захотѣли
взять ее.

— Но въ томъ-то и дѣло что я не хочу взять ее. И эти
вещи онъ не сталъ бы передѣлывать еслибы не я. Я раскаива-
юсь что причинила ему столько хлопотъ. Пожалуста скажи-
те ему это когда будете отдавать ему вещи.

— Онъ, вѣроятно, потерялъ бы ихъ гдѣ-нибудь, еслибъ я отдала
ихъ ему. Я просто скажу ему что вещи у меня, и Франкъ от-
дастъ ихъ на сохраненіе въ банкъ. Ну, такъ я пойду напишу
ему нѣсколько словъ.

— А я назначу тетюшкѣ субботу, сказала Мери.

Мистрисъ Фенвикъ тотчасъ же написала своему другу.

„Дорогой Гарри!

Я увѣрена что это бесполезно. Зная вашу любовь, я не
сказала бы вамъ этого, еслибы не была вполне, вполне увѣре-
на. Она уѣзжаетъ въ Лорингъ въ субботу. Не лучше ли вамъ
перевѣхать погостить къ намъ послѣ ея отъѣзда. Вамъ будетъ
не такъ тяжело съ Франкомъ какъ одному.

„Преданная вамъ,

„Жанета Фенвикъ.

„Она отдала мнѣ ваши вещи. Я говорю вамъ это только
для того чтобы вы знали, а совсѣмъ не для того чтобы без-
покоить васъ теперь вещами.“

Потомъ она прибавила вторую приписку:

„Она глубоко сожалѣетъ что причинила вамъ столько стра-
даній и поручаетъ мнѣ попросить васъ простить ее.“

Итакъ было рѣшено что Мери надо покинуть Булгамит-
тонъ и перевѣхать въ Лорингъ. Въ письмѣ къ теткѣ она не
сказала ни слова о Вальтерѣ Маррабель. Она не писала еще

своему кузену, отложивъ это до слѣдующаго дня, и охотно отложила бы на нѣсколько дней, еслибы было возможно. Но она знала что должна дать ему отвѣтъ прежде чѣмъ онъ уѣдетъ изъ Довришпеля. Она охотно предпочла бы воротиться сначала въ Лорингъ, положить большое разстояніе между собою и Булгамптономъ, и тогда отвѣтить на письмо въ которомъ выразить все свое счастье. Она знала что была бы вознаграждена еслибы отдала на время свое счастье, зная что оно ждетъ ее, и конецъ близокъ. Но нельзя было откладывать. Письмо Вальтера жгло ея карманъ. Она уже чувствовала себя виноватою предъ нимъ что не даетъ ему отвѣта который осчастливить его. Но она не могла отвѣтить ему не покончивъ сначала окончательно съ другимъ. Теперь она уже рѣшила. Въ субботу она уѣдетъ въ Лорингъ, а въ пятницу напишетъ и отошлетъ письмо. Въ воскресенье Вальтеръ еще будетъ въ Довришпелѣ и получитъ его утромъ. Она прослѣдила путь почты отъ Булгамптона до мѣстопробыванія Вальтера и знала даже часъ когда онъ получитъ ея письмо.

Въ этотъ день она съ трудомъ сохранила свое всегдашнее спокойствіе въ обращеніи, когда встрѣтилась съ викаріемъ предъ обѣдомъ. Ни слова однако не было сказано о мистерѣ Джильморѣ. Фенвикъ сознавалъ что онъ и жена его отчасти способствовали случившемуся несчастію, и рѣшилъ что Мери должна получить прощеніе, по крайней мѣрѣ отъ него. Онъ поговорилъ съ женой, и они рѣшили не произносить безъ необходимости имя Джильмора въ присутствіи Мери Лоутеръ. Они сдѣлали попытку вмѣшаться не въ свое дѣло, но потерпѣли неудачу, и теперь пора положить этому конецъ. На слѣдующее утро Фенвикъ, узнавъ что Джильморъ уѣхалъ въ Лондонъ, отправился въ Вязники чтобы распросить о вѣстиприслугу. Но ни одинъ человекъ не зналъ болѣе того что письма къ барину надо адресовать въ его лондонскій клубъ. Работники еще продолжали работать, но садовникъ сказалъ что всѣ они въ большомъ затрудненіи и обратятся за распоряженіями къ викарію. „Если мы локовчимъ въ субботу, то здѣсь на всю зиму останутся кучи пыли и грязь.“ Викарій замѣтилъ что теперь пыль и грязь не будутъ никому мѣшать. „Да, но баринъ не такой человекъ чтобъ онъ оставилъ все это въ такомъ видѣ навсегда, а намъ будетъ стоить вдвое дороже если мы примемся опять за работу нежого погода.“ Но это было еще не главное затрудненіе. Если

садовникъ не зналъ что дѣлать внѣ дома, то въ домѣ человѣкъ распорядившійся работой былъ въ еще большемъ затрудненіи. „Если мы будемъ работать только до воскресенья, а потомъ ни къ чему не притронемся, то мы дѣлаемъ только вредъ. Лучше бы кончить теперь.“ Тогда Фенвикъ рѣшился сдѣлать нѣсколько распоряженій. Онъ велѣлъ оклеить обоями тѣ комнаты въ которыхъ стѣны были уже ободраны, окончить потолки и выкрасить новое дерево. Но мебель, драпировку и все тому подобное оставить пока хозяинъ не сдѣлаетъ самъ какихъ-нибудь распоряженій. Что же касается до пыли и грязи въ саду, викарію очень не хотѣлось чтобы мѣсто осталось въ такомъ видѣ что могло бы навлечь на помѣщика насмѣшки сосѣдей. Но онъ надѣялся увидать своего друга и заставить его сдѣлать какія-нибудь распоряженія чтобы спасти его отъ такой неприятности.

Въ то же утро Мери отправилась въ свою комнату и сѣла къ письменному столу. Теперь ей предстояло удовольствіе — неужели же обязанность? — отвѣтить на письмо своего кузена. Она держала его письмо въ рукахъ, и въ это утро прочла его уже два раза. Она ожидала что ей будетъ легко отвѣтить на него, но взявъ въ руки перо поняла что это совсѣмъ не такое легкое дѣло. Многое надо разказать ему, а какъ разказать? Не то чтобъ ей хотѣлось утаить что-нибудь отъ него. Нѣтъ, она была бы готова, даже желала разказать ему все что говорила, думала, дѣлала съ тѣхъ поръ какъ разсталась съ нимъ. Но она была бы очень рада еслибъ онъ могъ узнать это отъ кого-нибудь другаго, а не отъ нея. Онъ не осудитъ ея, думала она. Вспоминая прошлое и переходя отъ одной сцены къ другой, она сама не осуждала себя. Тѣмъ не менѣе въ прошломъ было нѣчто о чемъ она не могла говорить изъ нѣкотораго чувства стыда. И потомъ, простительно ли быть счастливою причинивъ столько горя? А какъ написать такое письмо и не выразить въ немъ счастья? Ей хотѣлось чтобы личность ея раздвоилась, чтобъ одна половина радовалась любви Вальтера, а другая горевала надъ несчастіемъ человѣка который любилъ ее съ такимъ постоянствомъ. Она сидѣла и думала съ открытымъ письмомъ въ рукахъ, но наконецъ сказала себѣ что думаньемъ ничему не поможешь. Надо наклониться надъ столомъ, взять перо и писать что придетъ въ голову.

Ея письмо, думала она, будетъ длиннѣе его письма. Онъ

всегда писалъ короткія письма, а въ этотъ разъ онъ могъ сказать такъ мало. Ему надо было сдѣлать только одинъ вопросъ, и хотя онъ повторилъ его нѣсколько разъ, какъ всегда дѣлають съ такими вопросами, но ему хватило листика почтовой бумаги. Она опять перечла письмо. „Если вы позволите, я прїѣду къ вамъ въ началѣ будущей недѣли.“ Что если не писать ему ничего, но только позволить прїѣхать? Не лучше ли не писать ничего кромѣ этого? Она взяла перо и въ три минуты окончила письмо.

„Булгамптонъ. Пятница.

„Милый, дорогой Вальтеръ!

„Прїѣзжайте ко мнѣ какъ только вамъ будетъ возможно, и я никогда не оттолкну васъ отъ себя опять. Завтра я уѣзжаю въ Лорингъ, и вы, конечно, должны прїѣхать туда. Я не могу писать вамъ обо всемъ, но я разкажу вамъ все когда мы будемъ вмѣстѣ. Мнѣ очень жаль вашего двоюроднаго брата, потому что онъ былъ такъ добръ.

„Всегда ваша,

„Мери.

„Не подумайте что я тороплю васъ. Я сказала вамъ прїѣзжать поскорѣе, но я не хочу мѣшать вамъ. У васъ, вѣроятно, много дѣла. Если вы напишете мнѣ строчку что прїѣдете, я буду ждать терпѣливо. Я не была счастлива съ тѣмъ поръ какъ мы разстались. Легко говорить что можно побѣдить свое чувство, но на дѣлѣ это оказалось невозможнымъ. Я никогда не рѣшусь попробовать опять.“

Когда главное было написано, она могла продолжать свой приписку безъ конца. Ей казалось, ничего не можетъ быть лучше какъ выразать въ словахъ все свое счастье и любовь. Писать ему было такъ прїятно, если только не упоминать о мистерѣ Джильморѣ.

Это былъ ея послѣдній день въ Булгамптонѣ, и хотя объ этомъ не было сказано ни слова, но всѣ они знали что она никогда не прїѣдетъ опять въ Булгамптонъ. Она чувствовала себя у Фенвиковъ также дома какъ и у тетки своей въ Лорингъ, а теперь должна была уѣхать отъ нихъ навсегда. Но они не сказали объ этомъ ни слова, и послѣдній вечеръ прошелъ какъ и всѣ другіе вечера. Воспоминаніе обо всемъ что случилось во время ея пребыванія въ Булгамптонѣ мѣшало имъ говорить объ ея отъѣздѣ.

На слѣдующее утро она должна была отправиться на станцію желѣзной дороги въ Вестбери. У мистера Фенвика было

шло въ приходѣ которое мѣшало ему проводить ее, и она должна была отправиться съ кучеромъ.

— Если я не буду завтра здѣсь, церковные старосты донесутъ на меня архидіакону, а архидіаконъ можетъ разказать паркизу, и что онъ тогда заговорить обо мнѣ? (Она, конечно, просила его не беспокоиться о ней.) Милая Мери, скажи онъ, — мнѣ самому очень хотѣлось бы проводить васъ, чтобы доказать вамъ что я люблю васъ попрежнему.

Тогда она залилась слезами, поцѣловала его и сказала что всегда будетъ смотрѣть на него какъ на брата.

Она позвала мистрисъ Феввикъ въ свою комнату прежде чѣмъ легла.

— Жанета, сказала она, — милая Жанета, вѣдь мы расстаемся не навсегда?

— Навсегда! Конечно, нѣтъ. Какъ это возможно?

— Я никогда не увижу васъ, если вы сами не пріѣдете ко мнѣ. Обѣщайте мнѣ, что если у меня будетъ свой домъ, то вы пріѣдете ко мнѣ.

— Конечно, у васъ будетъ свой домъ, Мери.

— И вы пріѣдете ко мнѣ, не правда ли? Обѣщайте что пріѣдете. Мнѣ нельзя олять пріѣхать въ милый, милый Булгамтонъ.

— Мы, конечно, будемъ видаться, Мери.

— И привозите съ собой дѣтей, мою милочку Флору. Какъ же иначе могу я ее видѣть? И вы должны писать мнѣ, Жанета.

— Я буду писать.... я всегда буду отвѣчать на ваши письма.

— Вы должны писать мнѣ о немъ, Жанета. Не думайте то я не забочусь объ его счастии, если не могла полюбить его. Я знаю что мой пріѣздъ сюда былъ несчастіемъ для него. Но вѣдь въ этомъ я не виновата. Развѣ я виновата въ этомъ, Жанета?

— Бѣдный! какъ мнѣ жаль его!

— Но вы не осуждаете меня; не очень? О, Жанета, скажите что вы не презираете меня.

— Въ этомъ я васъ могу увѣрить. Я не осуждаю васъ. Это маленькое несчастіе, но я не осуждаю васъ. Я знаю что вы сгинули поступать по совѣсти.

— Благослови васъ Богъ, мой милый, милый другъ! Еслибы мы знали какъ я старалась не поступить дурно. Но обстоятельства сложились дурно, и не въ моей было власти поправить ихъ.

На слѣдующее утро они усадили ее въ маленькій кабриолетъ, и она покинула Булгамитонъ.

— Она, по моему мнѣнію, лучшая дѣвушка когда-либо существовавшая, сказалъ викарій, — но тѣмъ не менѣе я отъ всего сердца желалъ бы чтобъ она никогда не пріѣзжала въ Булгамитонъ.

LXVI. На мельницѣ.

Присутствіе Карри Бретль въ Салисбери при долростѣ Джо-на Борроуса и Лоренса Экорна требовалось въ пятницу 22го августа. Нашъ викарій, узнавъ что судьи пріѣдутъ только въ четвергъ поздно вечеромъ, и что слѣдующій день будетъ такъ занятъ другими дѣлами что невѣроятно чтобъ очередь дошла до дѣла объ убійствѣ Тромбула, попыробовалъ получить позволеніе отложить прибытіе Карри до субботы. Но маленькіе люди облеченные властью непреклонны на такія вещи, и на свидѣтелей по обыкновенію смотрятъ какъ на людей не имѣющихъ права заботиться о своемъ личномъ спокойствіи и благосостояніи. Адвокаты, которымъ платится за ихъ присутствіе, могутъ быть задержаны другими дѣлами и не явиться; если свидѣтель лордъ, то, можетъ-быть, сочтутъ большою дерзостью оторвать его отъ его забавъ. Но простой свидѣтель долженъ просто слушаться, подъ страхомъ гибели. И потому было рѣшено что Карри Бретль должна быть въ Салисбери въ среду и томиться въ судѣ пока не понадобятся ея услуги. Фенвикъ, вздвигшій въ Салисбери, позаботился чтобъ для нея и для мельника было приготовлено удобное помѣщеніе въ домѣ мистрисъ Стигсъ.

Мельникъ рѣшилъ сопровождать свою дочь. Викарій не былъ на мельницѣ съ тѣхъ поръ какъ узналъ это, но мистрисъ Фенвикъ видѣла Бретлей и узнала что это уже рѣшено. Старикъ не говорилъ своему семейству о своемъ намѣреніи до вечера понедѣльника, и Фанни собиралась сопровождать сестру. Въ понедѣльникъ, когда онъ пришелъ съ мельницы домой пить чай, ему сказали что отъ викарія прислали сказать что для нихъ готовы двѣ комнаты у мистрисъ Стигсъ.

— Не понимаю для чего это намъ платитъ за двѣ комнаты, сказала Фанни:—я и Карри могли бы помѣститься и въ одной.

Вплоть до этой минуты мельникъ не примирился со своею адшею дочерью. Карри спрашивала у него иногда сдѣлать ей то или другое, и онъ отвѣчалъ ей какъ сердитый хонинъ отвѣчаетъ служанкѣ которая ему не нравится; но отецъ же не сказалъ ни слова дочери какъ отецъ, и вплоть до этой минуты даже женѣ еще не сказалъ о своемъ намѣреніи соювождать дочь въ Салисбери. Но теперь онъ былъ вынуженъ сказать. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, сложивъ руки на колѣяхъ и устремивъ глаза въ пустой каминъ. Карри стояла у сна, обрывая сухіе листья съ трехъ или четырехъ горшковъ рагія. Фанни ушла въ кухню гдѣ кипѣла вода для чаю, а тѣ сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ съ очками на носу штопальной иглою въ рукахъ. Прошло нѣсколько минутъ режде чѣмъ мельникъ отвѣтилъ своей старшей дочери.

— Намъ нужны двѣ комнаты, сказалъ онъ.—Я сказалъ миссеру Феввику что поѣду самъ, и я поѣду.

Карри такъ вздрогнула что переломила вѣтку которую держала въ рукахъ. Мать бросила иглоку и сняла очки. Фанни, которая въ эту минуту внесла чайникъ съ водой, уронила его а блюдечки и остановилась не довѣряя своимъ ушамъ.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула мать.

— Батюшка, сказала Фанни, подойдя къ нему и положивъ му руку на плечо, — вамъ, конечно, лучше ѣхать, гораздо лучше. Я такъ рада что вы ѣдете, и Карри тоже очень рада.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла, сказалъ мельникъ.—Я сказалъ го поѣду, и нечего толковать объ этомъ. Я не былъ въ Салисбери ужъ лѣтъ пятнадцать или больше, и въ другой разъ, конечно, не поѣду туда.

— Никто этого и не говоритъ, батюшка; сказала Фанни.

— И теперь я ѣду туда не съ удовольствіемъ. Никто не можетъ ожидать чтобъ я поѣхалъ туда съ удовольствіемъ. лучше бы меня придавило мельничнымъ колесомъ!

Въ этотъ вечеръ при мельникѣ объ этомъ не было сказано и слова, но Карри съ сестрой проговорили почти всю ночь. Фанни скоро поняла что Карри приняла извѣстіе со страхомъ. Быть наединѣ съ отцомъ въ продолженіи двухъ, трехъ, можетъ-быть и четырехъ дней, казалось ей столь ужаснымъ то она сомнѣвалась будетъ ли она въ состояніи вынести его печальное, унылое сообщество вмѣстѣ со страхомъ отъ ожиданія того что ей скажутъ и сдѣлаютъ въ судѣ. Въ послѣднее время она привыкла дрожать услышавъ шаги отца, хотя

и знала что онъ не одѣлаетъ ей зла, не обратитъ на нее вниманія, едва взглянетъ на нее. А теперь въ продолженіи трехъ ужасныхъ дней она будетъ подвержена его гнѣву каждую минуту своей жизни.

— Будетъ онъ говорить со мной, Фанни, какъ ты думаешь? спросила она.

— Конечно будетъ, дитя мое.

— Да вѣдь онъ не говорилъ со мной до сихъ поръ, ты сама знаешь; съ тѣхъ поръ какъ я воротилась, онъ ни разу не говорилъ со мной такъ какъ говорить съ тобой или съ матушкой. Я знаю что онъ ненавидитъ меня и желаетъ чтобъ я умерла. Я и сама теперь хочу умереть.

— Онъ ничего такого не желаетъ, Карри.

— Такъ почему же онъ не скажетъ мнѣ ни одного добраго слова? Я знаю что я виновата, но съ тѣхъ поръ какъ я воротилась, я не сдѣлала ничего дурнаго, не сказала ни одного слова которое могло бы не понравиться ему.

— Это правда, моя милая.

— Такъ почему же онъ не хочетъ говорить со мной? Лучше бы онъ билъ меня, право, лучше.

— Онъ никогда этого не сдѣлаетъ, Карри. Я не помню чтобъ онъ когда-нибудь поднималъ на насъ руку даже когда мы были маленькими.

— Лучше бить чѣмъ не сказать никогда ни одного добраго слова. Еслибы не матушка и ты, Фанни, я бы давно ушла.

— Неправда, ты не ушла бы. Зачѣмъ такъ говорить?

— Да какъ же когда онъ не хочетъ сказать мнѣ ни одного слова, точно я въ домѣ мертвое тѣло.

— Карри, милая, послушай что я скажу тебѣ. Если ты будешь хорошо вести себя, будешь внимательна къ нему и кротка пока онъ будетъ съ тобой, если ты сумѣешь угодить ему и будешь покорна когда онъ....

— Я, кажется, покорна... всегда... теперь.

— Да, милая, но когда онъ будетъ говорить съ тобой,—потому что нельзя же чтобъ онъ не говорилъ съ тобой когда вы будете одни,—будь съ нимъ кротка. Можетъ-быть и онъ будетъ ласковѣе съ тобой когда вы воротитесь.

У нихъ было такъ много о чемъ надо было поговорить. Придетъ ли Семъ на судопроизводство? И если придетъ, будутъ ли они говорить съ отцомъ? Всѣ они знали что Семъ вызывали и что полиція заставитъ его явиться; но никто

изъ нихъ не былъ увѣренъ будетъ ли онъ тамъ какъ подслупный, или какъ свободный человѣкъ. Наконецъ онѣ легли, но Карри почти не спала. Мельникъ, какъ было уже сказано, имѣлъ обыкновеніе вставать всегда въ пять часовъ. Двѣ дѣвочки вставали въ шесть, а въ семь будили мать. Но во вторникъ утромъ не мельникъ всталъ первый. Карри встала лишь только начало свѣтать, не разбудивъ сестру, и тихо дѣлалась. Потомъ тихо прокралась къ передней двери, отворила ее и остановилась за дверью дожидаться когда пройдетъ отецъ. Утро было холодное, хотя шель еще августъ, и время показалось ей очень длинно. Проходя по комнатѣ, она взглянула на старые часы и увидала что еще безъ четверти пять. Она знала что отецъ никогда не встаетъ позже пяти. Что если въ это именно утро онъ не выйдетъ, когда она рѣшила, послѣ долгой внутренней борьбы, сдѣлать страшную попытку получить прощеніе отца.

Наконецъ онъ всталъ. Она услышала его шаги въ сѣняхъ и поняла что онъ остановился, увидавъ что дверь отперта. Она замѣтила что онъ разсматриваетъ замокъ, что было очень естественно съ его стороны; она совсѣмъ забыла что его останавливаетъ отпертая дверь. Сообразивъ это и зная что нельзя терять ни минуты, она выступила впередъ и остановилась предъ нимъ.

— Батюшка, сказала она, — это я.

Онъ разсердился что она осмѣлилась отворить дверь. Кто она такая чтобъ ей можно довѣрить отпереть или залпирать дверь? Тутъ у него мелькнуло подозрѣніе насчетъ ея поведенія. Зачѣмъ она здѣсь въ такой часъ? Неужели ему придется прогнать ее опять изъ своего дома?

Карри была настолько умна чтобы понять что происходитъ въ душѣ отца.

— Батюшка, сказала она, — это для того чтобы видѣть васъ. Я думала, нельзя ли будетъ сказать здѣсь.

Онъ сразу повѣрилъ ей. Какъ бы онъ ни взглянулъ на ея попытку, но подозрѣніе пропало. Онъ зналъ что она вышла для того чтобъ увидать его наединѣ на свѣжѣмъ утреннемъ воздухѣ.

— Батюшка, сказала она, взглянувъ ему въ лицо.

Она упала на колѣни, обняла его ноги и лежала предъ нимъ, рыдая. Она хотѣла попросить у него прощенія, но не могла произнести ни одного слова. Онъ тоже не могъ

говорить, но нагнулся и тихо поднял ее на ноги; потомъ, когда она опять стояла предъ нимъ, онъ повернулся и пошелъ в мельницу, не сказавъ ни одного слова. Но онъ не оттолкнулъ ее, и прикосновеніе его было очень нѣжно.

— Батюшка, сказала она, слѣдуя за нимъ, — не можете ли вы простить меня! Я знаю что я очень виновата, но не можете ли вы простить меня!

Онъ подошелъ къ самой двери мельницы не оборотившись, а она, видя что онъ уходитъ отъ нея, остановилась на мосту. Она истощила все свое краснорѣчіе и не знала какими еще словами можно тронуть его. Она чувствовала что потеряла неудачу, но не умѣла поступить лучше. Но дойдя до двери отецъ обернулся.

— Дитя, сказалъ онъ наконецъ, — пооди сюда. — Она подошла къ нему. — Я прощаю тебя. Да. Я тебя прощаю и вѣрю что ты будешь лучше чѣмъ была.

Она бросилась къ нему, обвила руками его шею, цѣловала его лицо и грудь.

— Ахъ, батюшка, сказала она, — я исправлюсь. Я постараюсь исправиться. Только говорите со мной.

— Теперь иди домой. Я прощаю тебя.

Сказавъ это, онъ вошелъ въ мельницу и принялся за свою работу.

Карри, вбѣжавъ въ домъ, тотчасъ же разбудила сестру.

— Фанни! воскликнула она: — онъ прощаю меня наконецъ! Онъ сказалъ что прощаетъ меня.

Но по мнѣнію мельника и по его чувству справедливости такого прощенія было недостаточно. Когда онъ пришелъ къ завтраку, жена уже знала что случилось и ужасно радовалась. Она чувствовала себя точно съ ея усталой слыцы сняли величайшую тяжесть ея жизни. Теперь, когда властелинъ всей ея жизни простилъ бѣдную грѣшницу, она сдѣлалась для ея материнскаго сердца такъ же чиста какъ тогда когда играла возлѣ мельницы невинною дѣвочкой. Мать знала что на дочери ея лежитъ пятно, но пятно это въ ея глазахъ было пятно отца, а не общественное презрѣніе. Для нея грѣхъ очищенный локаліемъ былъ уже не грѣхъ, а любовь къ дочери убавила се въ искренности ея раскаянія. Но она не могла радоваться на свою бѣдную грѣшницу, пока глава семейства не хотѣлъ принять ее опять въ свое сердце. Когда мельникъ пришелъ завтракать, три женщины стояли вмѣстѣ не безъ

нѣкоторыхъ признаковъ радости. Мать надѣла чистый чепчикъ, а Фанни, одѣвавшаяся всегда чисто, но никогда нарядно, сумѣла въ это утро придать что-то праздничное своей наружности. Есть ли хоть одна женщина которая, почувствовавъ радость, не выкажетъ ее какимъ-нибудь образомъ въ своемъ нарядѣ? Но они еще не совсѣмъ избавились отъ безлокоиства. „Будетъ онъ называть меня Карри?“ спросила дѣвушка. Онъ не назвалъ ся лю имени когда высказалъ ей свое прощеніе. Прощеніе было дано и не будетъ взято назадъ; но мы не знали какимъ образомъ оно проявится въ первый разъ.

Мельникъ, войдя въ комнату, подошелъ къ столу, облокотился на него руками и обратился къ женщинамъ.

— Намъ было тяжело, сказалъ онъ,—когда дѣвушка которую мы любили забыла себя и насъ и опозорила насъ,—насъ, никогда не стыдившихся за себя до тѣхъ поръ,—и сдѣлалась такою что ужъ лучше не называть. Тогда это едва не свело меня въ могилу.

— Батюшка! воскликнула Фанни.

— Успокойся, Фанни, дай мнѣ сказать мой сказъ. Намъ было тяжело тогда. И потомъ, когда она воротилась и была принята такъ что могла сидѣть съ нами за столомъ въ честномъ домѣ, намъ было не легче, потому что она была для насъ позоромъ. Что касается до меня, я хоть и зналъ что она всегда возлѣ меня, но сердце мое было далеко отъ нея, она была для меня чужая, не то что ея сестра или мать, у которыхъ не было никогда въ сердцѣ чувства недостойнаго женщины.

Карри стояла рыдая на груди матери, и трудно сказать кто изъ нихъ въ эту минуту страдалъ сильнѣе.

— Но улавшіе могутъ подняться, если они не совсѣмъ разбились когда упали. Если моя дочь раскаивается въ своемъ грѣхѣ...

— Батюшка, я раскаиваюсь.

— Я заставляю себя простить ее. Я не солгу, не скажу что это не будетъ давить вотъ здѣсь, продолжалъ онъ, ударивъ себя ладонью по сердцу. — Во лжи нѣтъ добра. Но ни одно слово не сойдетъ съ моего языка объ ея грѣхѣ, и она можетъ подходить ко мнѣ олять какъ мое дитя.

Слова старика были такъ торжественны что привели въ ужасъ его слушательницъ; онъ не думалъ куда двинуться или

что сказать. Фанни первая пришла въ себя. Она подошла къ нему, взяла его подъ руку и положила голову на его плечо.

— Подай мнѣ позавтракать, сказалъ онъ ей. Но прежде чѣмъ онъ двинулся съ мѣста, Карри бросилась ему на шею.— Довольно, довольно, сказалъ онъ.—Садись, давай завтракать.

Онъ ни сказалъ болѣе ни слова, и весь завтракъ прошелъ въ молчаніи.

Женщины толковали объ этомъ весь день, но мельникъ не сказалъ болѣе ни слова. Когда онъ пришелъ обѣдать, Карри подала ему кушанье, и онъ поблагодарилъ ее, какъ благодарилъ бы и старшую дочь, но не называлъ ее по имени. Въ этотъ день было много приготовленій къ поѣздкѣ. Мельникъ досталъ телѣжку чтобы довѣхать до ближайшей станціи желѣзной дороги, и уходя спать сказалъ что поѣдетъ на другой день въ девять часовъ чтобы постыть на извѣстный поѣздъ. Имъ сказали что они могутъ пріѣхать въ городъ къ часу.

На слѣдующее утро мельникъ, по обыкновенію, ушелъ на мельницу. Онъ не сказалъ ни слова о работѣ, но женщины знали что работы во время его отсутствія не будетъ. Нельзя же довѣрить все одному человѣку, да еще наемному. Но объ этомъ не было сказано ни слова. Онъ ушелъ на мельницу, а женщины приготовили ему завтракъ, чистую рубашку и опрятный воскресный сюртукъ. Карри была уже готова—очень хорошенькая, со своими блестящими локонами и ямочками на щекахъ, но съ боязливымъ, грустнымъ взглядомъ въ ожиданіи будущаго испытанія.

Мельникъ воротился, одѣлся въ приготовленное платье и сѣлъ за столъ въ кухнѣ. Въ эту минуту отворилась дверь, и вошелъ Семъ Бретль.

— Я, кажется, пришелъ во время, батюшка, сказалъ онъ.

Велико было ихъ смущеніе, но ни одного намека не было сдѣлано на послѣднюю ссору разлучившую отца и сына. Семъ разказалъ что пришелъ съ сѣвера, что онъ большею частью ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, но вчера вечеромъ прошелъ пѣшкомъ отъ Свиндона до Марльборо, а сегодня утромъ отъ Марльборо до Булгамптона.

— А теперь, матушка, хорошо еслибы вы дали мнѣ закусить чего-нибудь.

Его тоже вызывали въ Салисбери къ этому дню, но както, говорилъ онъ, не заставитъ его явиться туда раньше пятницы. Онъ увѣрялъ что понимаетъ въ этомъ дѣлѣ кое-что, и что

какъ какъ онъ знаетъ навѣрное что дѣло не начнется раньше лятацы, то онъ не покажется до тѣхъ поръ въ Салисбери. Онъ съ жаромъ совѣтовалъ Карри быть столь же благо-разумною и привелъ нѣсколько убѣдительныхъ доказательствъ отцу въ пользу своего мнѣнія, когда узналъ что онъ тоже ѣдетъ. Но мельникъ не любилъ чтобы сынъ училъ его и объявилъ, что такъ какъ въ повѣсткѣ сказано въ среду, то въ среду дочь его и явится туда.

— А что дѣлается на мельницѣ, батюшка? спросилъ Семъ.

Мельникъ только покачалъ головой.

— Такъ мнѣ тѣмъ болѣе надо остаться здѣсь эти два дня, сказалъ Семъ.—Я, батюшка, буду работать здѣсь не покладая рукъ, до той минуты когда мнѣ надо будетъ идти въ Салисбери. Вы скажите имъ когда я приду. Впрочемъ, я приду прежде чѣмъ они меня спросятъ. Немного же они узнаютъ отъ меня, за это я ручаюсь.

Тутъ началась суматоха отъѣзда. Фанни, въ заботливости объ отцѣ, хотѣла подложить ему подушку.

— Не надо мнѣ никакихъ подушекъ, сказалъ онъ.—Положи ее сюда, для Карри.

Онъ въ первый разъ произнесъ ея имя, и это, конечно, не осталось незамѣченнымъ дочерью.

LXVII. Головная боль сэръ-Грегори.

Мери Лоутеръ въ своемъ письмѣ къ теткѣ объявила одной строчкой о своемъ разрывѣ съ мистеромъ Джильморомъ. Строчка эта составляла постскриптумъ, и Мери долго колебалась прежде чѣмъ прибавила его. Она не хотѣла писать объ этомъ теткѣ, но потомъ сообразила что гораздо легче будетъ разказать въ Лорингѣ всю исторію, когда главное будетъ уже извѣстно, и потому прибавила: „Между мной и мистеромъ Джильморомъ все кончено—навсегда.“

Это было ужаснымъ ударомъ для теткы, которая до самаго полученія письма была увѣрена что племянница ея устраиваетъ свою судьбу самымъ пріятнымъ образомъ для всѣхъ своихъ друзей. Она горячо любила свою племянницу и, конечно, не съ удовольствіемъ думала о будущемъ, когда останется на старости лѣтъ одна въ олгильскомъ домѣ. Но она смотрѣла на молодыхъ дѣвушекъ съ точки зрѣнія свойственной

всѣмъ пожилымъ женщинамъ и очень радовалась что ея молодая дѣвушка выходитъ замужъ. Пожилыя женщины правы со своей точкой зрѣнія на дѣло, и молодыя, которыя рѣдко возстаютъ противъ нихъ въ этомъ отношеніи, также правы. Миссъ Маррабель, у которой было очень опредѣленное мнѣніе о вышеупомянутомъ предметѣ, очень огорчилась когда ея странная молодая дѣвушка объявила ей такъ неожиданно что и вторая помолвка разошлась окончательно. У друзей Мери обратилось уже въ теорію то что Мери необходимо выйти за Джильмора. Послѣ многихъ прелятсгвіи бракъ съ Джильморомъ былъ наконецъ устроенъ. Безлокойство за будущее Мери окончилось, и теорія старшихъ, заботившихся объ ея счастіи, начинала оправдываться. Но вдругъ пришло коротенькое письмо, въ которомъ Мери объявила что возвращается домой, и сказала очень просто, какъ о фактѣ ничего не значащемъ, въ одной строчкѣ, что всѣ заботы объ устройствѣ ея судьбы оказались совершенно безлолезными. „Между мной и мистеромъ Джильморомъ все кончено.“ Какой ужасный, раздражающій сердце постскриптумъ!

Бѣдная тетюшка Сарра знала очень хорошо что она не была вооружена родительскою властью. Она могла излагать свою теорію, давать совѣты — и только. Она не могла даже побранить. И потому у нея было на душѣ сомнѣніе насчетъ Вальтера Маррабель, съ тѣхъ поръ какъ Вальтеръ былъ дружелюбно принятъ баронетомъ и младшій Грегори сошелъ съ дороги. Она, безъ сомнѣнія, сдѣлала все что было въ ея власти чтобы разлучить Вальтера съ Мери; но пока она была увѣрена что слѣдствіемъ этой разлуки будетъ бракъ съ Джильморомъ, она могла думать о своемъ содѣйствіи этому. Старый сэръ-Грегори, думала она, не протянулъ бы руку помощи Вальтеру, еслибы Вальтеръ не былъ свободенъ жениться на Юдиѣ Броунло, и хотя она и не могла приписать смерть младшаго Грегори благоразумной политикѣ старшихъ Маррабелей, но она думала что настоящее положеніе Вальтера въ Донришлелѣ было слѣдствіемъ единственно того что онъ раздѣлилъ желаніе баронета относительно Юдиѣ Броунло. Мери была помолвлена съ Джильморомъ, а Вальтеръ со своею невѣстой сдѣлаются наследниками Донришлела. Все обстояло какъ нельзя лучше, пока не пришелъ ужасный постскриптумъ.

Письмо пришло въ пятницу, а въ субботу пріѣхала и сама Мери. Тетюшка Сарра рѣшилась не ролгать. Что касается

до ея личнаго комфорта, то, безъ сомнѣнія, все шло къ лучшему. Но пожилыя женщины рѣдко смотрятъ съ эгоистической точки зрѣнія на свадьбы молодыхъ дѣвушекъ. Притроить молодую дѣвушку и такимъ образомъ освободиться отъ нея, есть ихъ величайшее желаніе, и желаніе это основывается на убѣжденіи что замужество есть самое приличное и счастливое положеніе для женщины. Это убѣжденіе такъ свойственно имъ что та женщина которая удеркала бы при себѣ по эгоистическимъ разчетамъ дѣвушку, была бы не женщина, а бездушное созданіе. Но ни одна женщина не сдѣлаетъ этого съ дѣвушкой которую любить. Чужая, далекая родственница или нанятая компаніонка еще можетъ не найти искренней женской симпатіи, но дочь или дѣвушка любимая какъ дочь не чувствуетъ никогда недостатка въ симпатіи. „Я тебя люблю какъ всякая мать любить свое дитя, и потому отдамъ тебя въ замужество человѣку достаточно сильному чтобы поддержать тебя, хотя сердце мое разорвется отъ разлуки.“ Таково всегда сердечное признаніе матери своей дочери. Страсть матери къ сватовству есть слѣдствіе материнской любви, потому что честолюбіе женщины любящей другую состоитъ всегда въ томъ чтобы отдать ее человѣку который любилъ бы ее еще сильнее. Бѣдная тетюшка Сарра, много передумавшая обо всемъ этомъ въ продолженіе дня послѣ полученія письма, пришла къ заключенію, что если Мери и найдетъ когда-нибудь опять человѣка который будетъ любить ее такъ сильно что ему можно будетъ отдать ее, то до тѣхъ поръ пройдетъ много времени, а она знала что такіе дары отданные поздно теряютъ свою силу и отдаются дешево.

Но сама Мери несколько не раздѣляла грусти тетюшки, когда медленно вѣзжала въ гору къ ся дому. Возвратиться домой такъ забракованный товаръ должно быть очень непріятно для молодой дѣвушки. Но не то было съ Мери Лоутеръ. У нея, конечно, было горе на сердцѣ. Она была причиной несчастія о которомъ горько сожалѣла. Но горе и сожалѣніе были не уважительны, какъ они были бы еслибы неудачу потерпѣла она сама. И притомъ она стояла теперь на твердой скалѣ, въ которой никто не столкнетъ ея, которая будетъ для нея скалою убѣжища и безопасности, а не гибели, — на скалѣ, о положеніи которой тетюшка Сарра пмѣла въ настоящее время такое превратное понятіе.

Нельзя было чтобъ этотъ первый вечеръ прошелъ безъ разговора о бѣдномъ Джильморѣ. Мери знала что не оказала еще теткѣ о возобновеніи прежнихъ отношеній со своимъ кузномъ, но она не могла заставить себя загѣть свою гнѣсную торжества, пока еще не была разказана вся исторія съ Джильморомъ.

— Меня ужасно огорчило то что вы написали мнѣ о мистрѣ Джильморѣ, сказала тетка, когда онѣ сидѣли вдвоемъ вечеромъ.

— Это было неизбежно, тетушка Сарра. Я всѣми силами старалась переломить себя, но не могла ничего сдѣлать. Я, конечно, сама много страдала.

— Не скажу чтобъ я тебя понимала.

— Что же тутъ непонятнаго? продолжала Мери, настойчиво защищая себя.—Я его не любила и....

— Однако ты приняла его предложеніе.

— Знаю что приняла. Вамъ, конечно, очень естественно думать что я виновата.

— Я не сказала что ты виновата.

— Я знаю что не сказали, тетушка, но если вы такъ думаете,—а вы конечно такъ думаете,—то напишите Жанетѣ Февикъ и спросите ее. Она вамъ все разкажетъ. Вы знаете какъ она расположена къ мистеру Джильмору. Она готова все сдѣлать для него, но она сама скажетъ вамъ что это было невозможно. Когда я была очень несчастна, я думала что лучшее что я могу сдѣлать, это исполнить желаніе моихъ друзей. Мнѣ казалось что для меня не осталось ничего въ жизни. Еслибы мнѣ сказали пойти въ монастырь, или сдѣлаться сидѣлкой въ больницѣ, я согласилась бы. Мнѣ не о комъ было заботиться, и я рѣшилась сдѣлать то что мнѣ совѣтовали сдѣлать.

— Отчего же ты передумала, моя милая.

— Это сдѣлалось невозможно послѣ того какъ Вальтеръ написалъ мнѣ.

— Но вѣдь Вальтеръ женится на Юдиѣи Броунло.

— Нѣтъ, милая тетушка, нѣтъ. Вальтеръ женится на мнѣ. Не смотрите такъ, тетушка Сарра. Это правда, увѣряю васъ что это правда.

Она придвинула теперь свой стулъ къ дивану, на которомъ сидѣла тетка, такъ что могла положить руки на ея колѣни.

— Все что говорили о миссъ Броунло была сказка.

— Священникъ Джонъ говорить что это рѣшено.

— Это совсѣмъ не рѣшено. Рѣшено другое. Священникъ Джонъ разказываетъ много сказокъ. Онъ прїѣдетъ сюда.

— Кто прїѣдетъ сюда?

— Вальтеръ, конечно. Онъ прїѣдетъ, только не знаю когда; онъ напишетъ мнѣ. Милая тетушка, вы должны быть ласковы съ нимъ, право должны. Онъ вамъ такой же родственникъ какъ и мнѣ.

— Я не влюблена въ него, Мери.

— Да я-то влюблена, тетушка Сарра. Ахъ, еслибы вы знали какъ я люблю его. Я никогда не могла разлюбить его, хотя старалась даже не думать о немъ. Я разбила его лорретъ и сожгла. Я не оставила у себя ни одного клочка отъ его лицевъ, я не хотѣла имѣть ничего что могло бы напомнить мнѣ о немъ. Но все это было тщетно. Я не могла забыть о немъ ни на одинъ часъ. Теперь мнѣ никогда не надо будетъ стараться забыть о немъ. Что же касается до Джильмора, то это наконецъ все равно кончилось бы тѣмъ же. Я не могла бы выйти за него.

— Кажется, придется примириться съ этимъ, сказала тетка, подумавъ.

Это, конечно, было не слишкомъ прїятнымъ для Мери взглядомъ на дѣло, но такъ какъ при этомъ не было прямой оппозиціи ея планамъ, и не было отказано принять Вальтера, когда онъ прїѣдетъ въ Лорингъ какъ ея женихъ, то Мери не жаловалась. Тетка спросила какъ смотритъ сэръ-Грегори на ихъ планъ, который такъ диаметрально противоположенъ его плану, но объ этомъ Мери сама ничего не знала. Вальтеръ, конечно, скажетъ о своемъ намѣреніи дядѣ, и когда прїѣдетъ въ Лорингъ, передастъ имъ какъ взглянулъ на это дядя. Но Мери не забыла напомнить теткѣ что почва, на которой стоитъ теперь Вальтеръ, его собственная почва. Послѣ смерти двухъ стариковъ, изъ коихъ младшему болѣе семидесяти лѣтъ, Вальтеръ получитъ состояніе, и никто не будетъ имѣть права отнять его у него. Если сэръ-Грегори угодно будетъ поссориться съ нимъ,—о чемъ у тетки и племянницы были совершенно различныя мнѣнія,—они будутъ ждать. Ждать теперь уже совсѣмъ не такъ тяжело какъ было бы тяжело ждать прежде, когда ихъ надежды на будущее не основывались на увѣренности наследовать фамильную собственность.

— И я теперь знаю себя лучше чѣмъ знала прежде, сказала Мери.—Хотя бы пришлось ждать всю жизнь, я буду ждать.

Въ понедѣльникъ она получила письмо отъ своего кузена. Оно было очень коротко, и въ немъ не было ни одного слова о сэрѣ-Грегори или объ Юдионъ Броунло. Вальтеръ сказалъ только что онъ счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, и что онъ пріѣдетъ въ Лорингъ въ слѣдующую субботу. Теперь онъ долженъ ѣхать немедленно въ Бирмингамъ, но въ субботу будетъ непременно въ Лорингъ. Онъ писалъ къ дядѣ и спрашивалъ приметъ ли онъ его. Онъ не ожидаетъ что дядя откажетъ ему въ гостепріимствѣ, но если это случится, онъ останется въ гостиницѣ. Во всякомъ случаѣ Мери можетъ быть увѣрена что увидитъ его въ субботу.

И въ субботу онъ пріѣхалъ. Священникъ согласился принять его, но не считая благоразумнымъ пріѣздъ племянника въ Лорингъ, отвѣтилъ на его письмо довольно холодно. Но Вальтеръ, при настоящихъ обстоятельствахъ, обратилъ на это мало вниманія. Онъ едва вошелъ въ домъ какъ объявилъ уже свою новость.

— Вы, вѣроятно, еще не слышали что мы съ Мери уже рѣшили?

— Что такое вы рѣшили?

— Что? Я хочу сказать что вамъ придется повѣнчать насъ.

— Я думалъ что ты женишься на Юдионъ Броунло.

— Кто это вамъ сказалъ? Я увѣренъ что ни Юдионъ этого не говорила, ни мать ея. Но такія вещи, кажется, рѣшаются не безъ вѣдома главныхъ лицъ.

— А что говорить братъ?

— Сэръ-Грегори?

— Да, конечно сэръ-Грегори. Я не предполагаю что ты будешь просить позволенія у отца.

— Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія просить позволенія ни у того, ни у другаго. Чтобъ я сталъ просить позволенія жениться, какъ какая-нибудь молодая дѣвушка! Не думаю чтобы можно было представить какія-нибудь возраженія противъ такой дѣвушки какъ Мери Лоутеръ.

— Не надо просить позволенія ни у кого. благороднѣйшій Гекторъ. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ты можешь завтра же жениться хоть на кухаркѣ, если угодно. Не я думалъ что ты намѣренъ жить въ Дорришлелъ...

— Я и намѣренъ жить тамъ... часть года... если сэръ-Грегори будетъ угодно.

— И что ты намѣренъ получить отъ него жалованье и все тому подобное. Но если ты теперь женишься на кухаркѣ...

— Вы отлично знаете что я женюсь не на кухаркѣ.

— ...или на комъ бы то ни было противъ желанія моего брата, я не думаю что онъ сдѣлаетъ для тебя то что намѣренъ былъ сдѣлать еслибы ты исполнилъ его желаніе.

— Онъ можетъ дѣлать что ему угодно. Я сказалъ ему что женюсь, какъ только это было рѣшено.

— Что же онъ сказалъ?

— Онъ отговорился головою болью. Сэръ-Грегори часто отговаривается головою болью. Когда я прощался съ нимъ, онъ обѣщаль написать мнѣ.

— Теперь для тебя все кончено съ Донришелемъ пока онъ живъ. Я вполнѣ увѣренъ что послѣ смерти бѣднаго Грегори отецъ твой заложилъ уже свое наследство жидамъ.

— Очень можетъ быть.

— И ты, мой милый, остался ни при чемъ.

— Это вполнѣ зависитъ отъ сэръ-Грегори. Вы можете быть увѣрены что я не попрошу ничего у сэръ-Грегори. Въ послѣдней крайности я тоже обращусь къ жидамъ.

Этотъ вечеръ онъ провелъ, конечно, съ Мери Лоутеръ, гуляя по берегу Лорвели, какъ они гуляли около года тому назадъ. Тогда было начало осени, а теперь кончался послѣдній лѣтній мѣсяць. Сколько пережила она въ этотъ промежутокъ! Она уже три раза отказала Гарри Джильмору, но это не тяготило ея совѣсти. Ея друзья хотѣли чтобъ она вышла за него. Она поддалась ихъ желанію и попала въ бѣду; но бѣда прошла почти безслѣдно для нея, и теперь, оглядываясь на свое прошлое, она чувствовала гордость. Дѣвушка за которою ухаживаютъ знаетъ что она достойна ухаживанья, а за Мери Лоутеръ ухаживали достойнымъ образомъ. Цѣлый міръ страданія произошелъ для нея изъ этого источника. Она бросалась изъ стороны въ сторону, увлекаемая любовью и ложнымъ понятіемъ о долгѣ, и едва не потерпѣла кораблекрушенія. Но въ этой борьбѣ она столкнулась съ другою баркой, которая тоже, на сколько ей было извѣстно, могла пойти ко дну отъ этого столкновенія. Она не могла быть вполнѣ счастлива, хотя и опиралась на руку Вальтера Маррабель, или сидѣла съ его рукой вокругъ своей талии подъ тѣнью деревьевъ на берегахъ Лорвели.

— Такъ мы должны ждать и на этотъ разъ вооружиться

тертвіемъ, сказала она, когда онъ разказалъ ей о головной боли бѣднаго сэръ-Грегори.

— Я не могу ничего просить у него, сказалъ Вальтеръ.

— Конечно не проси. Не проси ничего и ни у кого, и только жди. По моему мнѣнію, сорокъ пять для мужчины и тридцать пять для женщины есть самая пора для женитьбы.

— Зеленъ виноградъ, сказалъ Вальтеръ.

— Я не сказала что онъ зеленъ.

— Я говорю о моемъ виноградѣ и употребляю этотъ аргументъ для моего усложненія. Но бѣда въ томъ что когда знаешь что виноградъ не зеленъ, что онъ самый сладкій виноградъ въ мірѣ, то этотъ аргументъ никуда не годенъ. Я не хочу обманывать ни себя, ни другихъ. Мнѣ нуженъ мой виноградъ сейчасъ же.

— И мнѣ конечно тоже, съ жаромъ воскликнула Мери. — Я не хочу притворяться. Мнѣ тоже нуженъ мой виноградъ сейчасъ же. Но я убѣдилась что онъ достаточно цѣненъ чтобы подождать его. Я когда-то поступила какъ безумная, но теперь я этого не сдѣлаю, пусть сэръ-Грегори останется хоть навсегда такимъ недобрымъ.

Все это было очень пріятно капитану Маррабель. Еще бы! Есть ли въ жизни человѣка минута счастливѣе той когда его увѣряетъ въ любви женщина которую онъ любитъ? Принимать увѣренія въ любви отъ женщины которую не любишь должно быть въ той же степени непріятно всякому порядочному человѣку. Но нашъ капитанъ былъ въ настоящую минуту въ высшей степени счастливъ. Его возлюбленная говорила ему что онъ ея король, и могъ ли онъ не пользоваться благами которыми наградили его боги? Быть ограбленнымъ отцомъ, имѣть дядю который страдаетъ головою болью вмѣсто того чтобы дѣлать завѣщаніе, конечно, непріятно. Но блаженство этой минуты было такъ велико что его не могли омрачить даже такія непріятности. „Еслибы ты зналъ чѣмъ было для меня твое письмо,“ сказала она, склонивъ голову на его плечо. Чтѣ бы ни дѣлали противъ него его отецъ, его дядя, и всѣ Маррабелли на свѣтѣ, они не могли отравить ему эту минуточку.

LXVIII. Джильморъ очень упрямъ.

Мистеръ Джильморъ уѣхалъ изъ своего дома въ четвергъ вечеромъ, а въ понедѣльникъ, когда викарій побывалъ опять въ Вязникахъ, о немъ еще не было никакихъ извѣстій. Прикащику были оставлены деньги чтобы залатить въ субботу рабочимъ, но ни на что другое денегъ не было оставлено. Въ воскресенье шелъ дождь съ утра до вечера, и ничто не могло быть печальнѣе мѣста окружавшаго домъ и самого дома, если ему суждено было остаться въ такомъ видѣ навсегда. Гачки, доски, лопаты, вещи сами по себѣ не красивыя, но имѣющія свойство смягчать впечатлѣннѣе безпорядка, были уже спрятаны. Въ Вязникахъ былъ теперь страшный безпорядокъ, но ничто не объясняло его причины. Ямы наполнились грязью, а неоконченныя дорожки обратились въ стоянія лужи. Фенвикъ вошелъ въ домъ, и хотя тамъ былъ еще рабочий и мальчикъ, лѣтнво подбиравшіе свертки обоевъ, но по всему было видно что въ немъ случилось какое-то несчастье, и что запустѣннѣе было его слѣдствиемъ. „И все это отъ того, подумалъ Фенвикъ,—что человекъ не можетъ заставить себя забыть какую-то женщину.“ Онъ началъ думать о себѣ и о своемъ характерѣ, и спросилъ себя могъ ли бы онъ, въ какомъ бы то ни было положеніи въ жизни, поддаться до такой же степени несчастью, которое произошло бы отъ обстоятельствъ не отъ него зависящихъ. Съ нимъ тоже могутъ случиться несчастія которыя трудно будетъ пережить. Онъ можетъ потерять жену или дѣтей, можетъ лишиться мѣста или получить неизлѣчимую болѣзнь. Но несчастье Джильмора не послано ему судьбой. Онъ положилъ все свое сердце въ одно желаніе, и теперь сердце его разбито, потому что желаніе не исполнилось. Цѣлью его желанія была женщина. Фенвикъ согласился что сама по себѣ цѣль его есть самая достойная цѣль какой только можетъ добиваться человекъ, но не допустилъ чтобы, добиваясь этой цѣли, человекъ имѣлъ право позволить своему сердцу разбиться и мужеству изнемочь.

Онъ опять ходилъ въ Вязники, въ среду и въ четвергъ, но отъ помѣщика все еще не было извѣстій. Прикащикъ былъ въ отчаяніи. Хотя еще можно было надѣяться что письмо съ деньгами придетъ въ субботу, что оба они считали очень вѣроятнымъ, но затрудненій по хозяйству было множество.

Тогда викарій рѣшился съѣздить къ своему другу въ Лондонъ. Онъ переговорилъ объ этомъ съ женой и съ помощникомъ священника ближайшаго прихода, котораго попросилъ исполнить за него воскресное богослуженіе, и въ пятницу уѣхалъ.

Онъ поѣхалъ въ Салисбери, вмѣсто ближайшей къ Булгамтону станціи желѣзной дороги, чтобъ отправиться въ Лондонъ на экстренномъ поѣздѣ. Такую причину представилъ онъ по крайней мѣрѣ женѣ и самому себѣ. Но ему хотѣлось заглянуть въ судъ и посмотрѣть какъ пойдетъ дѣло. Бѣдной Карри будетъ не легко въ когтяхъ адвоката. Женщина, недостойное прошлое которой было всѣмъ извѣстно, явившись свидетельницей противъ человѣка за котораго хотѣла когда-то выйти замужъ, не встрѣтитъ пощады на допросѣ. Широкая граница между честью и безчестіемъ можетъ еще имѣть вліяніе на томъ судьи у котораго во власти свидѣтель. Но тонкія черты раздѣляющія добро и правду отъ зла и лжи не могутъ быть замѣчены въ тревогѣ судопроизводства, если только глаза, уши и внутреннее чувство того въ чьей власти жертва не высшаго достоинства.

Викарій, пріѣхавъ въ Салисбери, могъ провести часть въ судебной палатѣ. Было одиннадцать когда онъ протолкался сквозь толпу, а поѣздъ на которомъ онъ хотѣлъ ѣхать отходилъ въ половинѣ перваго. Когда онъ вошелъ, судьи занимались рѣшеніемъ вопроса, можетъ ли такой-то кулець изъ Девиза быть присяжнымъ, или нѣтъ. Самъ кулець доказывалъ, что такъ какъ онъ мясникъ, то подъ вліяніемъ своего ремесла онъ сдѣлался слишкомъ жестокъ и кровожаденъ чтобъ ему можно было довѣрить рѣшеніе вопроса гдѣ дѣло идетъ о жизни и смѣрти. На такой благоразумный самъ по себѣ доводъ не было дано прямого отвѣта, но президентъ, которому, повидимому, казалось что рѣшеніе дѣла зависить единственно отъ того будетъ ли этотъ человѣкъ присяжнымъ или нѣтъ, горячо настаивалъ на томъ обстоятельстве что отказывающійся присяжный собственно не мясникъ, а только торговецъ мясомъ, и что ремесло его, хотя и кровавое, не сопряжено съ жестокостью. Фенвикъ оставался въ судѣ пока дѣла не рѣшили противъ лже-мясника, и потомъ вышелъ. Онъ однократно успѣлъ повидаться съ Карри Бретль и съ мельникомъ, сидѣвшими въ маленькой комнатѣ для свидѣтелей. Съ ними былъ полицейскій, который, повидимому, стерегъ ихъ

Дельникъ сидѣлъ облокотившись на лалку и устремивъ глаза въ полъ, а Карри была блѣдна, безлокойна и растрепана, ея еще не являлся.

— Я боюсь, не досталось бы ему, сказала Карри священнику.

— Не безлокойтесь объ немъ, сказалъ мельникъ.—Онъ будетъ здѣсь когда его спросятъ. Онъ поступилъ умнѣ меня.

Въ этотъ же день викарій отправился въ клубъ, въ которомъ онъ и Джильморъ были членами, и узналъ что другъ его въ Лондонѣ. По крайней мѣрѣ онъ былъ въ Лондонѣ въ тотъ день въ девять часовъ утра. По словамъ швейцара, въ приходилъ каждое утро за своими письмами, какъ только творили клубъ, но никогда не оставался завтракать и, сколько было извѣстно швейцару, даже никогда не входилъ въ клубъ. Фенвикъ, остановившійся въ гостиницѣ недалеко отъ Тель-Мелля, рѣшилъ что нѣтъ другой возможности поймать Джильмора какъ только придти утромъ въ девять часовъ къ подъезду клуба. Онъ обѣдалъ въ очень немногочисленномъ обществѣ, потому что въ концѣ августа клубы рѣдко бываютъ полны, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Клубъ его былъ пустъ, и весь городъ показался ему пустымъ. Онъ былъ у своего портнаго, но оказалось что портной его и главный юдмастерье оба уѣхали за городъ. Онъ отправился къ своему издателю, — потому что нашъ викарій писалъ статейки объ общественныхъ вопросахъ,—но ему сказали что издатель уѣхалъ изъ Лондона 12го августа и воротится не ближе какъ черезъ три недѣли. Онъ зашелъ въ деканство чтобы повидаться съ однимъ священникомъ, своимъ другомъ, но домъ былъ запертъ, и онъ не могъ добиться никакого отвѣта. Онъ заглянулъ въ Аббатство, и увидалъ что тамъ правяють органы. Онъ взялъ извощика и передвигался очень медленно изъ одного мѣста въ другое, потому что улицы были взрыты. Онъ заѣхалъ въ канцелярiю военнаго министерства чтобы повидаться съ однимъ чиновникомъ, своимъ другомъ, но не нашелъ тамъ никого кромѣ старика-швейцара славшаго въ Креслѣ.

— Уѣхалъ въ отлускъ, сказалъ швейцаръ сквозь сонъ, не разслушавъ даже хорошенько кого спрашиваютъ.

Но когда Фенвикъ вошелъ въ театръ, тамъ было такъ тихо что онъ едва нашелъ мѣсто. Во всемъ окружающемъ насъ мiрѣ нѣтъ ничего удивительнѣе пусоты и въ то же время полноты Лондона.

На слѣдующее утро онъ всталъ рано и позавтракалъ прежде чѣмъ вышелъ, зная что, если и удастся поймать Джильмора, его нельзя будетъ уговорить зайти завтракать. Не было еще девяти часовъ когда онъ пришелъ въ Пелль-Мелль и началъ ходить взадъ и впередъ предъ клубомъ. Когда часы пробили девять, онъ началъ безлокоитъся. Швейцаръ сказалъ ему что мистеръ Джильморъ приходитъ всегда ровно въ девять. Минуты черезъ двѣ ему начало казаться что другъ его поступаетъ съ нимъ безсовѣстно. Въ десять минутъ десятого онъ вообразилъ что всѣ смотрятъ на него и наблюдаютъ за нимъ, а въ четверть десятого онъ былъ уже золъ и уланъ духомъ: Досчитавъ секунды до двадцати минутъ десятого и рѣшивъ что глупо ходить цѣлый день взадъ и впередъ по одному мѣсту, онъ увидалъ медленно приближавшагося по улицѣ Джильмора. Онъ побоялся войти въ клубъ и тамъ встрѣтить своего друга, оласаясь что Джильморъ видѣлъ его и скроется, избѣгая встрѣчи съ нимъ. Онъ даже теперь боялся что добыча ускользнетъ отъ него. Онъ ждалъ пока Джильморъ ходилъ къ швейцару, но когда онъ опять вышелъ на улицу, подошелъ къ нему и схватилъ его за руку.

— Гарри, вы не ожидали видѣть меня въ Лондонѣ, не правда ли?

— Конечно, не ожидалъ, отвѣчалъ Джильморъ, очень ясно выражая своимъ взглядомъ что встрѣча не доставляетъ ему особаго удовольствія.

— Я пріѣхалъ вчера вечеромъ, былъ у лортова Куткотса, у старика Дрибарди и у молодого Дози, и рѣшительно никого не засталъ въ городѣ. На что это похоже! По моему мнѣнію, мы, деревенскіе жители, должны тоже ѣздить въ отлускъ и пріѣзжать въ Лондонъ жить въ лустыхъ домахъ.

— Вы, вѣроятно, пріѣхали чтобы видѣть меня, сказалъ Джильморъ, мрачный какъ грозовая туча.

Феввикъ понялъ что хитрить бесполезно.

— Ну да, чтобы видѣть васъ. Послушайте, другъ мой, видѣть такъ нельзя поступать. Развѣ вы имѣете право бросить все потому только что женщина не хочетъ поступить по-вашему? Развѣ у васъ нѣтъ якорей потверже?

— У меня не осталось ни одного якоря, сказалъ Джильморъ.

— И вамъ не стыдно говорить это? Послушайте, Гарри, пойдемте со мной въ паркъ. Видѣ я не выпущу васъ теперь когда поймалъ.

ВЪ КІЕВЪ,

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

РЕДАКЦІИ

КІЕВСЬКАГО НАРОДНАГО КАЛЕНДАРЯ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЧТЕНІЕ ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ И ДВЯНИИ АПОСТОЛЬСКИХЪ, на славянскомъ языкѣ. Цѣна 30 коп.

ЧТЕНІЕ ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ И ДВЯНИИ АПОСТОЛЬСКИХЪ, на русскомъ языкѣ. Цѣна 15 коп.

ЧТЕНІЕ ИЗЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА, на русскомъ языкѣ. Цѣна 12 коп.

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ, составленный по новѣйшей звуковой методѣ, съ рисунками и полнымъ сборникомъ молитвъ. Изданіе второе; значительно дополненное. 128 стр. Одобрень для употребленія въ первоначальныхъ училищахъ. Ц. въ перепл. 12 коп.

РУССКАЯ АЗБУКА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ. Свидницкаго. Ц. 6 к.

РУССКАЯ АЗБУКА ДЛЯ УЧАЩИХЪ. Цѣна 12 коп.

КНИГА ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ послѣ буквара. Печатана крупнымъ шрифтомъ и приспособлена для употребленія въ первоначальныхъ училищахъ. Часть 1я: молитвы на славянскомъ и русскомъ языкахъ, объясненіе праздниковъ и Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Цѣна 20 коп.

КНИГА ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ. Часть 2я: для упражненія въ чтеніи и для сообщенія первоначальныхъ необходимыхъ свѣдѣній въ Русской Исторіи, Географіи и Естественной Исторіи. 146 статей. Изданіе второе; одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 20 коп.

ДИДАКТИЧЕСКІЯ ПРАВИЛА. Дистервега. Цѣна 50 коп.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА, Востокова. Цѣна 6 коп.

АРИѠМЕТИКА, Буссе. Цѣна 4 коп.

АРИѠМЕТИКА, Домбровскаго. Цѣна 6 коп.

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Цѣна 20 коп.

ЗАПИСКИ УКРАИНЦА о Польскомъ возстаніи 1861—1864 гг., съ портретами волостныхъ старшинъ, отличившихся во время этого возстанія. Цѣна 30 коп.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА въ Подольской губерніи. Цѣна 12 коп.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІИ Черниговской губерніи. Цѣна 25 коп.

СЛОВО ОБЪ УЧАСТІИ ВЪ ПОПЕЧЕНІИ О РАНЕНЫХЪ, съ приложеніемъ Устава Общества Попеченія о Раненыхъ. Цѣна 5 коп.

ОПИСАНІЕ С. ОЛЕШИНА. Цѣна 6 коп.

ТРИ СКАЗКИ И ОДНА ПОВАСЕНКА. М. Максимовича. Ц. 6 к.

КІЕВСКАЯ ПЧЕЛКА. Практическія замѣтки о пчеловодствѣ. Цѣна 6 коп.

О СТАРОДАВНИХЪ ЛЮДЯХЪ. Максимовича. Цѣна 6 коп.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ. Въ 4хъ книгахъ, 824 стран. Цѣна 1 руб. Каждая книга отдѣльно по 25 коп.

ДРУГЪ НАРОДА за 1867 годъ (718 стр.). Цѣна 1 руб. За 1868 годъ—1 р. За 1869 г.—1 руб. 20 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ И УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ, а также правила испытанія на должности по вѣдомству Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ списка руководствъ для готовящихся къ испытанію. Цѣна 15 к.

ПРОГРАММЫ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА по всѣмъ предметамъ. Ц. 20 к.

КНИГА НАУМА о великомъ Божіемъ мірѣ. Цѣна 10 коп.

СЕЛЬСКІЯ ПОСТРОЙКИ ИЗЪ ГЛИНЫ. Цѣна 5 коп.

ТАБЛИЦА ШЕЛКОВОДСТВА, съ объясненіемъ ухода за шелковичными червями. Цѣна 50 коп.

ТАБЛИЦА ОГОРОДНИЧЕСТВА, хромофотографированная 6ю тонами, съ книжкою объясненія. Цѣна 1 руб.

ТАБЛИЦА ПЧЕЛОВОДСТВА, хромофотографированная 5ю тонами, съ наставленіемъ о разведеніи пчелъ. Цѣна 1 руб.

ПОРТРЕТЪ ГЕТМАНА ЗИНОВІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО, изданный въ пользу сооруженія памятника Хмельницкому. При выпускѣ не менѣе 10ти экземпляровъ цѣна 10 коп., при выпускѣ одного экземпляра—30 коп.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ И ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ. Саковича. Цѣна 40 коп.

НАСТАВЛЕНІЕ О ШЕЛКОВОДСТВѢ. Цѣна 6 коп.

ЗЕМЛЯ И ЧТО НА НЕЙ ЕСТЬ. Цѣна 6 коп.

Цѣны на всѣ поименованныя въ этомъ списокѣ книги назначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ, выпускающимъ этихъ книгъ въ одинъ разъ не менѣе какъ на 10 р., дѣлается уступка 20%. Съ требованіями обращаться въ Кіевъ, въ книжный магазинъ редакціи *Кіевскаго Народнаго Календаря*, при Кіевской 1й гимназіи.

Въ томъ же магазинѣ принимается подписка на газету *Другъ Народъ*, которая выходитъ еженедѣльно въ одинъ листъ большаго формата. Годовая цѣна 2 руб., полугодовая 1 руб. 20 коп. 5.683.

— Я заставляю васъ выпустить меня.

— А я не выпущу васъ пока не выскажу вамъ моего мнѣнія. Теперь здѣсь такъ пусто что, кажется, даже священнику можно закурить сигару. Вы должны воротиться со мной, Гарри.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Неужели вы хотите сказать что отказываетесь отъ своей силы воли, отъ всѣхъ своихъ обязанностей, отъ всей жизни вслѣдствіе того что обманулись въ женщинѣ. Такъ вотъ оно ваше мужество о которомъ вы такъ много говорили.

— Послѣ всего что я выстрадалъ, я не могу выносить моего дома.

— Вы должны пересидеть себя. Вы думаете что если вы страдаете, то имѣете право не платить долговъ?

— Я никому не долженъ ни пенни, а если долженъ, то заплачу хоть завтра.

— Есть долги которые выплачиваются только ежедневнымъ трудомъ. Такой долгъ лежитъ на васъ относительно каждаго человека проживающаго на вашей землѣ. Вы думаете что можете отдѣлаться отъ всѣхъ, сдѣлать изъ себя лосмѣшище, не повредивъ этимъ никому кромѣ себя. Почему мы осуждаемъ самоубійцу?

— Потому что онъ грѣшитъ.

— Потому что онъ трусъ, бросающій свою ношу вмѣсто того чтобы нести ее съ мужествомъ. Онъ бросаетъ свою ношу на дорогу, и ему нѣтъ дѣла кто понесетъ ее за него, или кто пострадаетъ вслѣдствіе того что у него не хватило мужества для борьбы. Развѣ вы не сознаете, что хотя вамъ и тяжело вотъ здѣсь (Фенвикъ ударилъ себя въ грудь), но вы должны такъ правлять своею внутреннею жизнью чтобъ окружающіе насъ не замѣчали вашего горя? Таково мое понятіе о мужествѣ, а я всегда считалъ васъ мужчиной.

— Мы добиваемся уваженія общества только пока желаемъ его. Я теперь ничего не желаю. Оно такъ поразило меня что и солгалъ бы еслибы оказалъ что у меня осталось достаточно мужества чтобы вынести это. Я не сдѣлаюсь самоубійцей.

— Надѣюсь что нѣтъ, Гарри.

— Но и не ворочусь домой, а поѣду за границу.

— Кому же вы принесете этимъ пользу?

— Вамъ легко проповѣдовать, Франкъ. Какъ я ни малоушёнъ, но я тоже могъ бы проповѣдовать вамъ, еслибы бы-
ю о чемъ. Проповѣдовать легко, но примѣнять проповѣди къ

жизни невозможно, когда у человѣка нѣтъ силы. Онъ не можетъ ходить когда у него отняты ноги. Переломите плечи крыло, и она не полетитъ, какъ бы ей ни хотѣлось улетѣть. Всю силу которая у меня была, она отняла у меня. Я охотно подражалъ бы съ нимъ еслибы нашелъ возможнымъ.

— Онъ не такъ глупъ чтобы драться съ вами.

— Но я не могу смотрѣть на нее.

— Вы знаете что она уѣхала изъ Булгамптона?

— Это все равно, Франкъ. Тамъ мѣсто которое я готовилъ для нея. Еслибъ я былъ тамъ, вы и ваша жена всегда вспомнили бы объ этомъ. Всѣ въ околоткѣ знаютъ мою исторію. Я не могу достигнуть какъ женщина рѣшилась на такой поступокъ.

— У нея не было дурнаго намѣренія, Гарри.

— Сказать по правдѣ, вспоминая все это, я осуждаю болѣе себя чѣмъ ее. Человѣкъ не долженъ быть такъ глупъ чтобы дѣлать предложеніе во второй разъ. Но мнѣ засѣла въ голову мысль что стыдно сдѣлать предложеніе и не получить согласія. Это же самое и теперь меня мучаетъ. Я не буду никогда ничего добиваться, потому что неудача такъ сильно дѣйствуетъ на меня. Но какъ бы то ни было, въ Вязники я не поѣду.

Последнюю фразу онъ сказалъ послѣ небольшой остановки во время которой викарій придумывалъ какой бы еще доводъ привести своему другу чтобы заставить его воротиться домой.

Джильморъ сказалъ Фенвику что послалъ денегъ своему прикащику съ послѣднею почтой, но сознался что, посылая деньги, написалъ только чтобы было заплачено жалованье людямъ, но другихъ распоряженій не сдѣлалъ. Онъ еще самъ не рѣшилъ ничего. Когда они обходили вокругъ ограды Сентъ-Джемскаго парка, ихъ старая дружба вызвала Джильмора на откровенность, и онъ передалъ другу множество самыхъ безумныхъ плановъ приходившихъ ему въ голову. Болѣе другихъ нравился ему планъ отколотить Вальгера Маррабель до полусмерти. Фенвикъ представилъ ему нѣсколько возраженій. Во первыхъ, Вальгеръ Маррабель ни въ чемъ не виноватъ противъ него. Вторыхъ, Маррабель, по всей вѣроятности, не услужитъ ему въ умѣньи поколотить. Втретьихъ, когда драка кончится, человѣка начавшаго ее посадятъ въ тюрьму, и онъ не будетъ имѣть даже того утѣшенія¹ что общественная симпатія на его сторонѣ.

— Вы не можете обратиться къ общественному снисхожденію, какъ могла бы обратиться женщина.

— Чортъ съ нимъ, съ общественнымъ снисхожденіемъ, воскликнулъ Джильморъ, рѣдко прибѣгавшій къ такимъ энергическимъ выраженіямъ.

Быль у него еще планъ—напечатать всю исторію. Фенвикъ принужденъ былъ замѣтить ему что человекъ въ его положеніи долженъ стараться скрыть такую исторію, а не придавать ей гласности.

— Вы говорите, сказалъ Фенвикъ,—что не можете вынести неудачи, а сами хотите разказать о ней всему свѣту.

Третій планъ былъ еще немыслимъ. Онъ напишетъ такое письмо Мери Лоутеръ которое подѣйствуетъ на нее какъ орязчія уголья высыпаемые на голову. Онъ скажетъ ей что жизнь для него стала невозможна, что она можетъ вѣять себѣ язники и жить въ нихъ.

— Я не сомнѣваюсь что такое письмо разсердитъ ее, сказалъ Фенвикъ.

— А мнѣ какое дѣло что она разсердится?

— Конечно никакого; но всякій кто увидитъ ваше письмо пойметъ что оно притворство и утрировка. Я надѣюсь что вы не сдѣлаете ничего подобнаго.

Они провели вмѣстѣ почти весь день. Утромъ Джильморъ, конечно, скрылся бы отъ викарія еслибы могъ, но послѣ того какъ его поймали и заставили выслушать дружескія наставленія, онъ былъ благодаренъ за нѣчто похожее на общество. Фенвику хотѣлось уговорить его воротиться въ Булгамптонъ, но, если это окажется невозможнымъ, заставить его дать кому-нибудь довѣренность на управленіе имѣніемъ. Но онъ медлилъ привести въ исполненіе послѣднее намѣреніе, думая, что если какимъ образомъ признать его эмигрантомъ, то онъ и останется эмигрантомъ, и будетъ еще труднѣе воротить его домой. Потому въ этотъ день онъ не намекнулъ о довѣренности. Вечеромъ они разстались, условившись завтракать вмѣстѣ въ гостиницѣ гдѣ остановился Фенвикъ, и потомъ пойти вмѣстѣ въ утреннее богослуженію, въ одиннадцать часовъ. Во время завтрака и на пути въ церковь Фенвикъ не сказалъ Джильмору ни слова о Булгамптонѣ. Онъ говорилъ о богослуженіи въ различныхъ церквахъ, объ обрядахъ, о воскресномъ покоѣ ондона и о воскресныхъ занятіяхъ трехъ милліоновъ людей, изъ которыхъ три четверти не ходятъ въ церковь. И о

многомъ другомъ онъ говорилъ, но только не о томъ о чемъ думалъ Джильморъ. Но едва они вышли изъ церкви какъ онъ опять накинулся на него.

— И теперь, Гарри, вы не чувствуете что измѣняете своему долгу?

— Я чувствую что не могу летать, потому что у меня сломано крыло, отвѣчалъ Джильморъ.

Они опять провели весь день вмѣстѣ, но ничего хорошаго изъ этого не вышло. У Джильмора былъ одинъ опредѣленный планъ — уѣхать за границу и объѣхать западъ, востокъ и югъ, все равно. Вязники можно отдать внаймы, если найдется охотникъ взять ихъ, но ему будетъ слишкомъ достаточно дохода съ арендаторовъ.

— Что же касается до того чтобы привосить имъ пользу, сказалъ онъ,—я все равно никогда не привосилъ имъ пользу. Если они не могутъ жить на моей землѣ безъ меня, то они точно также не могли бы жить и при мнѣ.

LXIX. Допросъ.

Мельникъ, уѣзжая изъ своего дома, назвалъ дочь по имени въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она воротилась домой и Гарри была утѣшена. Но ни одного ласковаго слова не слышала она отъ отца во время пути въ Салисбери. Онъ почти не говорилъ все утро, а когда по необходимости произносилъ какое-нибудь слово, голосъ его былъ тихъ и печаленъ. Гарри знала, какъ знали всѣ въ Булгамтонѣ, что отецъ ея не любитъ говорить, и не ожидала что онъ будетъ говорить съ ней, но тѣмъ не менѣе молчаніе, при страхѣ который она чувствовала въ ожиданіи допроса, дѣйствовало на нее невыносимо тяжело. Еслибъ она смѣла сама дѣлать ему вопросы и получала бы отъ него отвѣты, то она могла бы вынести свое положеніе сравнительно легко.

Въ повѣсткѣ, которую получилъ мельникъ, говорилось что Каролина Брегль должна явиться въ такое-то мѣсто въ Салисбери, въ такой-то часъ, въ среду. Въ назначенное время мельникъ явился съ дочерью въ назначенное мѣсто, услѣвъ уже побывать въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи у мистрисъ Стигсъ. Тогда имъ сказали что въ этотъ день они не нужны, но что на слѣдующее утро, въ половинѣ десятаго, они

должны непременно явиться въ судъ. Помощникъ атторнея, говорившій съ ними, узнавъ что Семъ еще не явился въ Салсбери, выразился о непослушаніи молодаго человѣка такъ строго что Карри подумала что брату ея угрожаетъ большая опасность чѣмъ двумъ подсудимымъ. Когда они вышли, она попросила отца послать поскорѣе за Семомъ въ Булгамтонъ.

— Пусть дѣлаетъ какъ знаетъ, сказалъ мельникъ, и это было все что онъ сказалъ.

Въ этотъ вечеръ они удалились въ одну изъ своихъ комнатъ у мистрисъ Стигсъ съ четырехъ часовъ пополудни, и уже не выходили болѣе изъ дому. Трудно вообразить что-нибудь ужаснѣе вечера который они провели. Мельникъ, привыкшій работать усиленно весь день и потомъ отдыхать, не зналъ теперь что съ собой дѣлать. Карри, видя его жалкое положеніе и думая болѣе о немъ чѣмъ о себѣ, предложила ему погулять по городу.

— Какая ты глупая! сказалъ онъ:— время ли тебѣ теперь показываться въ городъ?

Карри приняла его выговоръ молча и отвернулась чтобы скрыть слезы.

Слѣдующій день былъ еще ужаснѣе, потому что былъ длиннѣе. Ровно въ половинѣ десятаго они явились въ судъ и ждали тамъ до половины одиннадцатаго. Тогда имъ сказали что дѣло ихъ будетъ разбираться на слѣдующій день, въ пятницу, и что они должны явиться непременно въ половинѣ десятаго. Если же Семъ не явится къ тому же времени, то ему сильно достанется. Мельникъ, начинавшій терять уваженіе къ молодому человѣку отъ котораго получалъ эти свѣдѣнія, пробормоталъ что-то о томъ что Семъ всегда правъ.

— А вотъ увидите будетъ ли онъ правъ если не явится завтра въ судъ въ половинѣ десятаго, сказалъ молодой человѣкъ.

— Есть люди у которыхъ языки острѣе зубовъ, отвѣчалъ мельникъ.

Они воротились къ мистрисъ Стигсъ и олять весь день не выходили изъ дому.

Въ пятницу, день въ который дѣйствительно разбиралось дѣло, они олять явились въ судъ въ половинѣ десятаго, и тамъ, какъ мы знаемъ, видѣлъ ихъ мистеръ Фенвикъ, два часа позже, терпѣливо ждавшихъ пока рѣшалось дѣло мяснаго торговца. Въ то время Семъ еще не приходилъ, но въ первомъ часу онъ вошелъ наконецъ въ неудобную комнату гдѣ сидѣла

Карри съ отцомъ. Появленіе его было радостью для бѣдной Карри, потому что она знала что онъ будетъ говорить съ ней и скажетъ ей что дѣлается въ судѣ.

— Вотъ я и пришелъ въ-время, сказалъ онъ, подходя къ нимъ.

Мельникъ снялъ шляпу, почесалъ голову и проворчалъ что-то. Но въ глазахъ его мелькнула радость когда вошелъ Семъ. Для глазъ старика во всемъ мірѣ не было ничего пріятнѣе образа его младшаго сына. По мнѣнію мельника, Аполлонъ не могъ быть красивѣе, Гераклъ не могъ быть сильнѣе его Сема. Женственная красота Карри была ему когда-то также дорога, но все это теперь прошло.

— Ну, какъ дѣла? спросилъ мельникъ, намекая на мельницу.

— Катилась какъ карета четверней, когда я ушелъ сегодня утромъ.

— А какъ ты добрался сюда?

— На своей парѣ, за которую ничего не заплатилъ; какъ же иначе?

Мельникъ не сказалъ ни слова одобренія, но оглянувшись на ногу до головы сына и съ восторгомъ подумалъ что молодой человѣкъ въ это утро успѣлъ поработать на мельницѣ, потому прошелъ семнадцать миль и теперь стоитъ предъ нимъ не выказывая ни малѣйшей усталости.

— Что они теперь тамъ дѣлаютъ, Семъ? спросила Карри шепотомъ.

Семъ уже побывалъ въ судѣ и могъ разказать имъ что „самый набольшій изъ всѣхъ говорить рѣчь, въ которой разказываетъ всѣмъ какъ было дѣло“.

— А что вы думаете, батюшка?

— Ничего я не думаю.

— Вѣдь они нашли шкатулку-то Тромбула въ саду старухи Борроусъ, въ Пикрофтѣ.

Карри тихо вскрикнула, всломнивъ о мѣстѣ которое такъ хорошо знала.

— Это навѣрно ихъ дѣло. Теперь ужъ имъ не отвертѣться.

— Ихъ, конечно, повѣсятъ, сказалъ мельникъ.

— Что они за ослы, сказалъ Семъ,—куда спрятали шкатулку! Не могли они разломать ее въ щелки!

— Кто слоткнется въ большомъ, слоткнется и въ маломъ, сказалъ мельникъ.

Часа въ два Сема и Карри вызвали въ судѣ, и старику

позволили сопровождать ихъ. Въ ту минуту когда они вошли, допрашивали человека который въ то воскресенье рано утромъ видѣлъ Точильщика съ его пріятелемъ въ телѣгѣ, на дорогѣ въ Пикрофтскую общину. Высокій, полный адвокатъ, съ широкимъ лбомъ и сѣрыми глазами, спрашивалъ свидѣтеля о тождествѣ людей въ телѣгѣ, и послѣ каждаго отвѣта оборачивался къ присяжнымъ какъ бы говоря: „Ну, что вы думаете теперь о дѣлѣ, когда въ свидѣтели вамъ привели такого человека?“

— Такъ вы готовы дать присягу въ томъ что эти два человека на скамьѣ подсудимыхъ тѣ самые которыхъ вы видѣли въ то утро въ телѣгѣ?

Свидѣтель сказалъ что готовъ дать присягу.

— Такъ вы, вѣроятно, знали ихъ прежде?

Свидѣтель объявилъ что до тѣхъ поръ не видалъ ихъ ни разу.

— И вы думаете что присяжные повѣрятъ вамъ, когда отъ этого зависитъ жизнь двоихъ, что по прошествіи года вы можете узнать людей которыхъ видѣли разъ въ жизни и въ такую минуту когда они ѣхали мимо васъ со скоростью восьми или десяти миль въ часъ?

Свидѣтель, который былъ не робкаго десятка, сказалъ что ему нѣтъ никакого дѣла до того что подумаютъ присяжные. Онъ только обязанъ сказать что знаетъ. Судья взглянулъ на дерзкаго свидѣтеля, отозвавшагося такъ неуважительно о присяжныхъ,—взглянулъ на него сквозь очки и покачалъ головой, какъ бы сожалѣя о порочности свидѣтеля и предупреждая его о погибелѣ не только его тѣла, но и души. Полный адвокатъ съ широкимъ лбомъ взглянулъ на присяжныхъ. Справедливо ли повѣситъ человека на основаніи показаній подобнаго человека? Публика въ судѣ выразила очевидное желаніе чтобы самъ свидѣтель былъ повѣшенъ немедленно.

— Вы можете идти, милостивый государь, сказалъ свидѣтелю полный адвокатъ и взглянулъ внушительно на тѣхъ которые слышали, но не поняли что дѣло уже рѣшено, насколько оно зависимо отъ показаній этого свидѣтеля. Но самъ полный адвокатъ не былъ такъ легковѣренъ. Онъ очень хорошо зналъ что судья, покачивавшій такъ печально головой на негодность свидѣтеля, осмѣливагося выражаться неуважительно о присяжныхъ, перечисляя улики будетъ говорить о тождествѣ подсудимыхъ съ людьми видѣнными въ телѣгѣ какъ

о фактъ доказанномъ. Успѣхъ полнаго адвоката ограничивался тѣмъ что въ ту минуту въ присутствовавшихъ родилась симпатія къ преступникамъ, которая была слѣдствіемъ удовольствія на челоѣка выразившагося неуважительно о присяжныхъ. Симпатія, подобно электричеству, бѣжитъ такъ скоро что челоѣкъ не въ состояніи остановить ее. Если симпатія сообщалась и присяжнымъ, то можетъ-быть одинъ или два изъ нихъ будутъ такъ слабы что сохранять ее вопреки долгу. Далѣе этого не простирались надежды адвоката.

Потомъ привели другаго челоѣка, который не видалъ ни одного изъ преступниковъ, но видѣлъ телѣгу и лошадь въ Пикрофтской общинѣ и зналъ что телѣга и лошадь въ то время принадлежали Точильщику. Полный адвокатъ спрашивалъ его болѣе о немъ самомъ чѣмъ о его показаніи, и когда свидѣтель принужденъ былъ признаться что самъ пять разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, то адвокатъ былъ даже правъ, взглянувъ внушительно на присяжныхъ и покачавъ головой, какъ бы соболѣзнуя что его ученый другъ, сидѣвшій противъ него имѣлъ дерзость привести имъ такого свидѣтеля.

Много другихъ людей было допрошено прежде чѣмъ пришла очередь бѣдной Карри; и каждый разъ какъ кто-нибудь выходилъ изъ рукъ полнаго адвоката, кто уничтоженный и смущенный, кто торжествуя, сердце ея замирало. Она боялась минуты когда ее вызовутъ, но тѣмъ не менѣе ей было досадно что ее заставляютъ ждать. Шель уже пятый часъ, и уже начали перешелтываться что въ этотъ день дѣло не будетъ кончено. Много было хлопотъ и еще болѣе потѣхи со старухой которая была экономкой у Тромбула. Она была глуха. Слѣдствіемъ было открыто что между нею и матерью Точильщика существовала старая дружба, и что она сказала однажды о деньгахъ своего хозяина мистрисъ Борроусъ. Какъ она ни была глуха, но ее заставили признаться въ этомъ. Мистрисъ Борроусъ тоже допрашивали, но она ни въ чемъ не созналась. Она не слыхала ни о деньгахъ, ни о самомъ фермерѣ Тромбулѣ, ни объ убійствѣ, пока объ этомъ не говорилъ весь свѣтъ, и ничего не знала объ образѣ жизни своего сына. Да, она дала пріютъ молодой женщинѣ по просьбѣ пріятеля своего сына, и молодая женщина платила ей по десяти шиллинговъ въ недѣлю за столъ и помѣщеніе. Молодая женщина была Карри Бретль. Дѣйствительно, сынъ ея и его пріятели бывали въ ея домѣ, но она не догадывалась ни

они въ то воскресное утро. Старуха Борроусъ была, можетъ-быть, хитрѣе всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей, потому что допрашивавшій ее адвокатъ, какъ ни бился, не могъ узнать отъ нея рѣшительно ничего. Когда же она обратилась съ дозованнымъ видомъ къ полному адвокату, онъ сказалъ ей что не имѣеть ничего спросить ее. „А по мнѣ какъ угодно, сударь,“ отвѣчала она, расправила передникъ и сошла внизъ.

Наконецъ пришла очередь бѣдной Карри. Когда произнесли имя Каролины Бретль, она взглянула на отца умоляющимъ взглядомъ, какъ бы прося его не оставлять ее въ эту страшную минуту пытки. Она держалась за его рукавъ, когда ее почти силой вели къ маленькой ложѣ, куда она должна была взойти. Отецъ шелъ съ ней рядомъ до ступенекъ которыя вели туда, но даже онъ, конечно, не могъ сопровождать ее.

— Я буду стоять возлѣ тебя, Карри, сказалъ онъ.

Это было первое утѣшительное слово которое она услышала отъ него въ этотъ день. Оно придадо ей немного бодрости.

— Ваше имя Каролина Бретль? Вы находились тридцать перваго августа у мистрисъ Борроусъ въ Пикрофтской общинѣ? Помните вы воскресенье тридцать перваго августа?

Эти и еще два или три подобныя вопроса предложилъ ей молодой адвокатъ самымъ кроткимъ тономъ какой только умѣлъ придать своему голосу.

— Отвѣчайте, миссъ Бретль, и пусть ничто не смущаетъ васъ.

Ничто не должно смущать ее, а глаза всей жестокой толпы устремлены на нее! Ничто не должно смущать ее, а всѣ уши приготовились слушать какъ она, молодая и прекрасная, признается въ своихъ ошибкахъ въ публичной залѣ. Ничто не могло смущать ее, а она охотно умерла бы чтобъ избавиться отъ ожидавшаго ее мученія, потому что она знала что мученіе будетъ. Хотя она была въ первый разъ въ судѣ и никто не говорилъ ей какъ ее будутъ допрашивать, но она знала что ужасный вопросъ будетъ предложенъ. Она была увѣрена что ее заставятъ сказать при всемъ народѣ чѣмъ она была.

Показаніе которое она могла дать было хотя и существенное, но очень коротко. Джонъ Борроусъ и Лаврентій Экорнъ были въ Пикрофтской общинѣ въ воскресенье утромъ, и она видѣла ихъ. Когда они пріѣхали, было уже свѣтло, но еще очень рано. Она не замѣтила часа, но ей казалось что было около пяти. Они входили и выходили изъ дома, и позавтракали.

Она всгала чтобы помочь приготовить имъ завтракъ. Она не знала спрятали ли они что-нибудь въ саду. Она получила тогда три соверена отъ Экорна, съ которыми была по-молвлена. Съ тѣхъ поръ она не видала на одного изъ подсудимыхъ. Узнавъ что на Экорна пало подозрѣнiе, она рѣшила что между нею и имъ все кончено. Она сообщила все это съ безконечною трудностью и такимъ тихимъ голосомъ что возлѣ нея поставили человѣка чтобъ онъ повторялъ громко ея отвѣты. Наконецъ ее передали полному адвокату.

Она была достаточно долго въ судѣ и настолько умна чтобы понять что этотъ человѣкъ ея недругъ. Хотя она не могла отвѣчать громко на вопросы адвоката обвиняющей стороны, но она знала что онъ ей другъ, что онъ задаетъ ей только необходимые вопросы, на которые она могла отвѣчать не затрудняясь. Но когда ее передали полному адвокату, ея бѣдное сердце ушло.

Онъ началъ прямо: „Вы, моя милая, были, кажется, не совсемъ скромны?“ Слова были, можетъ-быть, выбраны съ мыслями о пощадѣ, но въ тонѣ голоса, конечно, не было пощады, и было даже что-то насмѣшливое, что оставило въ слушателяхъ впечатлѣнiе что вопросъ доставляетъ ему удовольствiе. Она попробовала отвѣтить что-то, и губы ея зашевелились. Человѣкъ служившiй ей посредникомъ приложилъ ухо къ ея губамъ, но не услышавъ никакого звука, покачалъ головой. Полный адвокатъ ждалъ и смотрѣлъ то на нее, то на присутствовавшихъ. „Мнѣ нуженъ отвѣтъ. Я говорю что вы были не совсемъ скромны. Вы вѣроятно понимаете что я хочу сказать? Достаточно если вы скажете да или нѣтъ, но мнѣ нуженъ какой-нибудь отвѣтъ.“ Она оглядывалась, надѣясь встрѣтить взглядъ отца, но не видала ничего; все слилось въ ея глазахъ, кромѣ широкаго лица адвоката. „Присяжнымъ нуженъ вашъ отвѣтъ, моя милая,“ настаивалъ онъ.

Тутъ, постепенно усиливаясь, слышались въ судѣ неупержимыя рыданiя, сопровождаемая сердитымъ ворчанiемъ старика, и вся толпа поняла ихъ значенiе. Исторiя бѣдной дѣвушки такъ разгласилась по поводу слѣдствiя что была известна всемъ слушателямъ. Симпатiя, которая, какъ мы говорили, не можетъ быть остановлена когда коснется толпы, сообщилась всемъ присутствовавшимъ, и въ залѣ не было человѣка который не согласился бы просить чтобы Карри пощадил, если возможно. Одинъ изъ присяжныхъ былъ отецъ нѣсколькихъ

дочерей, и онъ подумалъ что ему не мѣшаетъ высказать такую просьбу.

— Не лишнее ли это? сказалъ добрый присяжный.

Но полный адвокатъ былъ не такой человекъ чтобы позволить кому бы то ни было, даже присяжному, учить себя въ судѣ. а быстрое соображеніе тотчасъ же сказало ему что надо перехватить искру симпатіи на ея пути. Ее нельзя было остановить, но можно было обратить въ свою пользу. Присутствовавшіе выказали склонность къ чувствительности, и онъ съ своей стороны долженъ былъ тоже выказать чувствительность. Онъ зналъ что общественное мнѣніе обратилось противъ него, и что его нельзя измѣнить, доказавъ что вопросъ его законный вопросъ; но это можно сдѣлать показавъ какъ чувствительно его собственное сердце.

— Мнѣ самому больно и грустно, сказалъ онъ,—причинять горе кому бы то ни было. Но взгляните на подсудимыхъ, жизнь которыхъ вручена моему попеченію, и знайте что я, адвокатъ ихъ, люблю ихъ, моихъ кліентовъ, какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей. Я готовъ пожертвовать собой для нихъ, рискуя подвергнуться строгому осужденію окружающихъ меня. Я обязанъ доказать присяжнымъ что эта молодая дѣвушка вела такую жизнь что ея свидѣтельство противъ подсудимыхъ не имѣетъ силы,—и эту обязанность я исполню, не оласаясь ничьихъ замѣчаній. Я спрашиваю васъ опять, Каролина Бретль, принадлежите ли вы къ числу несчастныхъ, или нѣтъ?

Эта попытка полного адвоката была до нѣкоторой степени удачна. Присяжный у котораго были дочери былъ уничтоженъ, и адвокатъ во всякомъ случаѣ далъ отпоръ безмолвному нападению общественнаго мнѣнія. Стоить только возразить, и какъ бы ни было нелѣпо возраженіе, нападеніе отпарировано. Но Карри не дала никакого отвѣта на вопросъ, и смотрѣвшимъ на нее казалось что она едва ли отвѣтитъ когда-нибудь. Она держала руку стоявшаго возлѣ нея человекѣ и бросала умоляющіе взгляды на ту сторону гдѣ стояли ея отецъ и братъ. Но старикъ, проворчавъ одинъ разъ, стоялъ безмолвно и неподвижно, облокотившись на лалку и устремивъ глаза въ полъ. Семь сжималъ рукой перила лѣстницы и смѣло смотрѣлъ на адвоката, какъ бы готовясь броситься на него. Полный адвокатъ замѣтилъ все это и лоялъ что лощадивъ свидѣльницу можно выиграть болѣе чѣмъ преслѣдуя ее.

— По моему мнѣнію довольно, сказалъ онъ.—Ваше молчаніе

подтверждаетъ то что я хотѣлъ дать знать присяжнымъ. Вы можете идти.

Посредникъ Карри помогъ ей сойти, передалъ ее отцу и вывелъ ихъ обоихъ изъ залы.

— О батюшка! сказала Карри, когда старикъ усѣлся опять на лавочку. Она стояла предъ нимъ, обнявъ его шею руками.

— Мы пережили это, дитя мое, сказалъ онъ.— Не напоминай объ этомъ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ, прижалась къ нему, и такъ они просидѣли молча, пока не воротился Семъ.

Показаніе Сема имѣло дѣйствительно мало значенія. У него были сношенія съ Экорномъ, который познакомилъ его съ Борроусомъ, и со старухой матерью Борроуса. Когда его спросили какого рода были эти сношенія, онъ отвѣчалъ что сношенія были честныя.

— По поводу брака вашей сестры?

— Да, отвѣчалъ Семъ. Потому онъ разказалъ что подслухивые приходили къ нему въ Бугамптонъ, что онъ былъ съ ними когда они проходили мимо фермы Тромбула и пригласилъ ихъ въ садъ къ настоятелю, и какъ они встрѣтились тамъ съ мистеромъ Фенвикомъ. Но послѣ этого онъ не видался съ ними и ничего не зналъ о нихъ. Когда онъ разказалъ все это, его передали полному адвокату.

Полный адвокатъ употребилъ всю силу, но не могъ извлечь никакой пользы изъ свидѣтеля. Онъ предложилъ ему вопросъ, отвѣтъ на который доказалъ бы что сестра его вела несчастную жизнь. Но Семъ объявилъ что не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ о сестрѣ. Сестра сказала имъ все что знаетъ, и онъ тоже сказалъ имъ все что знаетъ. Онъ готовъ отвѣчать на какіе угодно вопросы о немъ самомъ, но не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ о сестрѣ. Когда ему замѣтили что будетъ хуже если придется обратиться къ другимъ источникамъ, онъ началъ отвѣчать дерзко.

— Такъ обратитесь къ другимъ источникамъ, сказалъ онъ.

Ему угрожали всевозможными наказаніями, но онъ не обращалъ никакого вниманія на угрозы, и наконецъ его отпустили. Послѣ него дѣло было отложено до слѣдующаго дня.

Хотя было уже поздно, но Бретли въ тотъ же вечеръ воротились домой. На поѣздѣ желѣзной дороги они доѣхали до Бугамптонской стамціи, а оттуда дошли пѣшкомъ до мельницы. Это былъ трудный походъ для дѣвушки и для старика.

но все же это было легче чѣмъ провести еще ночь въ домѣ мистрисъ Стигсъ. И потомъ мельникъ не хотѣлъ пробывать лишній часъ вдали отъ своей мельницы. Когда его спросили дойдетъ ли онъ, онъ спокойно засмѣялся. „Отчего же это не дойти? Развѣ я не привыкъ работать каждый день?“

Было десять часовъ когда они пришли на мельницу, и мистрисъ Бретль, не ожидавшая ихъ такъ поздно, была уже въ постели. Но Фанни еще не ложилась и употребила всѣ старанія чтобы развеселить ихъ. Но ничто не могло развеселить стараго Бретля, онъ не способенъ былъ поддаваться нѣжнымъ влияніямъ. Онъ осуждалъ себя даже за то что позволялъ себѣ свою единственную роскошь, трубку. Онъ ѣлъ много, потому что думалъ что пища нужна рабочему человѣку какъ угли нужны локомотиву, какъ овесъ лошади,—она сырой матеріалъ изъ котораго вырабатывается сила для труда. Но кромѣ пищи и труда, у человѣка нѣтъ никакихъ интересовъ въ жизни. Такова была его жизненная теорія въ послѣдніе годы его жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ добрый человѣкъ и имѣлъ любящее сердце.

Но Карри утѣшилась когда сестра обняла ее. „Они спросили меня о моемъ прошломъ,“ сказала она, „а я подумала что лучше умру, а не скажу имъ ни одного слова,—такъ они и отпустили меня.“ Когда Фанни спросила ее былъ ли отецъ добръ къ ней, она отвѣчала что онъ былъ очень добръ. „Но, Фанни, еслибъ онъ говорилъ, какое это было бы облегченіе! Не правда ли?“

На слѣдующій день вечеромъ въ Булгамptonѣ узнали что Точильщикъ приговоренъ къ смерти, но что Лаврентій Экорнъ оправданъ. Судья въ заключительной рѣчи показалъ что нѣкоторыя доказательства относящіяся къ Точильщику не относятся къ его товарищу, и присяжные охотно воспользовались возможностью спасти человѣка отъ висѣлицы.

LXX. Судьба лудельгамистовъ.

Феввикъ и Джильморъ завтракали вмѣстѣ въ утро того дня когда первый уѣхалъ изъ Лондона въ Булгамptonъ. Викарій уже убѣдился что нѣтъ никакой возможности заставить друга воротиться домой.

— Я ворочусь черезъ нѣсколько лѣтъ если буду живъ,

сказаль онъ.—Тогда, можетъ быть, это не будетъ такъ волновать меня; но теперь я не могу жить дома.

Онъ поручилъ Фенвику дѣлать что угодно съ домою и садами, и обѣщаль сдѣлать распоряженія о продажѣ лошадей. Если никто не найметъ помѣстья, то прикащикъ, говорилъ онъ, справится самъ съ хозяйствомъ. Когда Фенвикъ заговорилъ опять о домѣ, онъ опять привелъ въ примѣръ беззаботнаго человѣка „Можетъ-быть и правда что человѣкъ обязанъ идти впередъ, сказалъ онъ, — но если вы отрубите ему ногу, онъ не будетъ въ состояніи идти.“ Фенвикъ наконецъ понялъ что съ нимъ нечего дѣлать и рѣшился уѣхать.

— Могу я передать ей что вы прощаете ее? спросилъ Фенвикъ, когда они ходили назадъ и впередъ по Ватерлооской станціи желѣзной дороги.

— Какое ей дѣло до моего прощенія? сказала Джильморъ.

— Вы несправедливы къ ней. Я увѣренъ что ничто не доставитъ ей такого удовольствія какъ такое порученіе.

Джильморъ прошелъ половину платформы прежде чѣмъ отвѣтилъ.

— Мнѣ кажется, гдѣтъ не зачѣмъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Я конечно не солгалъ бы.

— Такъ я не могу сказать что прощаю ее. Можетъ ли человѣкъ простить такой поступокъ? Еслибъ я сказалъ что прощаю, вы не повѣрили бы мнѣ. Я постараюсь не встрѣчаться съ ней, и это будетъ для нея лучше моего прощенія.

— Боюсь, что часть вашего гнѣва падаетъ на мою долю, сказалъ викарій.

— Нѣтъ, Франкъ. Вы и жена ваша поступали со мною всегда такъ хорошо какъ только умѣли.

— Мы по крайней мѣрѣ старались такъ поступать.

— И если она обманула меня какъ ни одна женщина никого не обманывала, это не ваша вина. Что же касается до вещей, то скажите вашей женѣ чтобъ она спрятала ихъ, а не то бросила. Жена моего брата, можетъ-быть, возьметъ ихъ когда-нибудь. (Братъ его жилъ въ Индіи, а жену его онъ никогда не видалъ.) Фенвикъ взялъ съ него обѣщаніе писать, и они разстались.

Это было во вторникъ, и Фенвикъ распорядился чтобъ ему выслали лошадь на Булгамптонскую станцію. Онъ уже зналъ объ осужденіи одного человѣка за убійство и объ оправданіи другого, и мысли его были поглощены этимъ дѣломъ когда

онъ сидѣлъ рядомъ со своимъ кучеромъ. Воротились ли Бретли на мельницу? А что Семъ? Что толкуетъ народъ объ освобожденіи Экорна? Много подобныхъ вопросовъ задавалъ онъ, но слуга его былъ такъ занятъ частною и безконечно болѣе интересною новостію что никакъ не могъ сосредоточить мыслей на судебномъ дѣлѣ. Онъ полагалъ что Бретли воротились; онъ ничего не зналъ о Семѣ; онъ ничего не слышалъ объ Экорнѣ; но новую часовню собираются ломать.

— Что! воскликнулъ викарію.—Немедленно?

— Такъ по крайней мѣрѣ говорили, сударь, когда я побѣхалъ съ вами. И всѣ они были тамъ, и стояли вокругъ нея. И больше ужъ не будутъ служить въ ней, сударь. И барыня стояла у воротъ и смотрѣла на нихъ, когда я выѣхалъ со двора.

Фенвикъ не переставалъ спрашивать, но болѣе ничего не узналъ объ этой поразительной новости. До самаго дома онъ все спрашивалъ, а слуга все утвѣрялъ его что ужасное, проклятое, отвратительное красное зданіе будетъ уничтожено и стерто съ лица земли до конца недѣли. Фенвикъ даже не подозрѣвалъ до какой степени всѣ его слуги были преданы господствующей церкви. Они ненавидѣли Пудельгама и методистовъ. Ничто не доставило бы такого удовольствія кучеру какъ порученіе разбить голову старшему сыну Пудельгама, молодому человѣку служившему въ банкирской конторѣ въ Варминстерѣ, но недавно возвращенному домой за его склонность къ ночнымъ кутежамъ, и который, воротившись, принялъ большое участіе въ вопросѣ о часовнѣ. Женская прислуга настоятельской усадьбы смотрѣла съ высоты величія на булгамптонскихъ женщинъ ходившихъ въ часовню, а садовникъ, узнавъ что часовня стоитъ на церковной землѣ, и слѣдовательно подвластна ему, съ трудомъ воздерживался отъ ссоры. Онъ предлагалъ помочь бѣдѣ немедленно, прежде чѣмъ начнутъ ломать часовню, устроивъ навозную яму прямо противъ двери часовни—„и тогда посмотримъ кто осмѣлится прикоснуться къ нашей собственности!“ Но онъ былъ слишкомъ остороженъ чтобы привести въ исполненіе подобную стратегію безъ позволенія главнокомандующаго. „Баринъ ужъ слишкомъ церемонится съ нами,“ сказалъ онъ кучеру, негодуя на малодушіе викарія.

Когда Фенвикъ подѣхалъ къ своимъ воротамъ, тамъ была толпа людей бродившихъ вокругъ часовни. Онъ вышелъ изъ кабриолета и подошелъ къ нимъ. Глаза его упали прежде

всѣхъ на мистера Пудельгама, который стоялъ противъ двери, оборотаясь спиной къ зданію. Лицо его выражало безконечное неудовольствіе. Викарій хотѣлъ увѣрить священника что нѣтъ никакой необходимости трогать часовню, но крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но прежде чѣмъ онъ могъ заговорить съ нимъ, онъ увидѣлъ строителя изъ Салисбери, который, повидимому, былъ очень занятъ,—Гримса, такъ недавно увиженнаго и теперь торжествующаго,—Болта, выборнаго методистовъ,—церковныхъ старостъ своей церкви, двухъ или трехъ фермеровъ и наконецъ самого лорда Сентъ-Джорджа въ сопровожденіи Пакера, агента маркиза. И много другихъ жителей Булгамптона было тамъ, такъ что вокругъ мистера Пудельгама собрался цѣлый митингъ. Феквикъ, увидавъ лорда Сентъ-Джорджа, тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Мой другъ мистеръ Пудельгамъ имѣеть кажется сегодня честь принимать отборную конгрегацію.

— Боюсь что въ послѣдній разъ на этомъ мѣстѣ, отвѣчалъ лордъ, пожавъ руку викарія.

— Мнѣ очень грустно слышать это, милордъ. Я конечно не имѣю права вмѣшиваться въ ваши дѣйствія, и не могу заставить мистера Пудельгама говорить проповѣди здѣсь, если онъ не хочетъ.

Мистеръ Пудельгамъ подошелъ къ нимъ.

— Я готовъ и хочу исполнять мой долгъ въ той сферѣ жизни въ которую Богу угодно было поставить меня, сказалъ онъ, и было очевидно что этою сферой онъ считаетъ мѣсто противъ воротъ усадьбы настоятеля, гдѣ стояла часовня.

— Я уже сказалъ, продолжалъ викарій,—что не имѣю права вмѣшиваться въ дѣйствія моего сосѣда; но что касается до меня, то нѣтъ никакой необходимости трогать часовню. Мнѣ сначала былъ непріятель выборъ мѣста, но теперь это чувство прошло, и мистеръ Пудельгамъ можетъ проповѣдовать къ услажденію своего сердца и, безъ сомнѣнія, къ счастью для своихъ слушателей, нисколько не мѣшая мнѣ.

Услыхавъ это, мистеръ Пудельгамъ снялъ шляпу, поднявъ глаза и сердито нахмурился, какъ бы желая показать что легкомысліе въ которое вдается его соперникъ нисколько не подходитъ къ торжественности случая.

— Мистеръ Феквикъ, сказалъ лордъ,—мы объ этомъ уже переговаривали, и рѣшили что часовню надо сломать, и сломать немедленно. Старшины конгрегаціи раздѣляютъ это мнѣніе.

— Они, вѣроятно, не хотятъ противорѣчить вашему благородному отцу, милордъ, замѣтилъ мистеръ Пудельгамъ.

— И сказать вамъ правду, мистеръ Фенвикъ, продолжалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, — вы могли бы нажать себѣ кучу хлопотъ, еслибы мы не сломали часовню. Вы не имѣете права отдавать землю людъ строеніе, и высшія церковныя власти заставили бы васъ сломать непристойное зданіе.

— Непристойное зданіе, милордъ! укорилъ мистеръ Пудельгамъ недостойнаго, по его мнѣнію, сына благороднаго отца.

— Да, на церковной землѣ оно, конечно, непристойное зданіе. Что сказали бы вы, еслибы мистеръ Фенвикъ обратилъ вашу гостиную въ свою ризницу, и вѣшалъ бы свой стихарь въ вашемъ шкафѣ? Словомъ, продолжалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, мы всѣ сдѣлали ужасную ошибку, и чѣмъ скорѣе мы ее исправимъ, тѣмъ лучше будетъ для насъ. Отецъ, чувствуя что ваша ошибка ввела въ заблужденіе другихъ и была причиной всей этой путаницы, считаетъ долгомъ сломать часовню и перенести ее на первоначально выбранное мѣсто на перекресткѣ. Мы начнемъ немедленно и надѣемся окончить постройку къ Рождеству. А мистеръ Пудельгамъ согласился проповѣдовать до тѣхъ поръ въ старой часовнѣ.

— Почему бы ему не проповѣдовать въ этой часовнѣ пока не будетъ выстроена новая? спросилъ викарій.

— Дорогой мой сэръ, возразилъ лордъ Сентъ-Джорджъ, — вѣдь мы будемъ переносить эту часовню. Еслибы мы были янки, мы сумѣли бы перенести ее не ломая. Но такъ какъ мы Англичане, намъ придется разобрать ее по кирпичамъ. Итакъ, мистеръ Гикбоди, обратилъ онъ къ саллиберійскому строителю, — вы можете приступить къ работѣ. Маркизь будетъ вамъ очень обязанъ, если вы поспѣшите.

— Будьте покойны, милордъ, отвѣчалъ Гикбоди. — Рабочихъ у насъ много, и приказаніе его свѣтлости будетъ исполнено.

Послѣ сего лордъ Сентъ-Джорджъ и мистеръ Фенвикъ вошли вмѣстѣ въ церковную усадьбу.

— Если все это положительно необходимо... началъ викарій.

— Положительно необходимо, мистеръ Фенвикъ. Мы сдѣлали ошибку. — Лордъ Сентъ-Джорджъ всегда говорилъ „мы“ о своемъ отцѣ, когда ему приходилось исправлять ошибки своего отца. — Единственное средство выпутаться изъ затрудненія, немедленно исправить ошибку. Перенесеніе часовни

будеть намъ стоить 900 фунтовъ, и кромѣ того мы признаемъ себя виноватыми. Но это все же лучше вражды.

— Я не сталъ бы враждовать.

— Васъ заставили бы враждовать. Нѣтъ сомнѣнія что часовнѣ не слѣдуетъ стоять здѣсь. А развѣ вы сами не знаете какое дурное вліяніе имѣеть на приходъ вражда между помѣщикомъ и священникомъ?

— Дѣйствительно очень дурное вліяніе, лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Не буду спорить кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

— Еслибы вы сказали что я виноватъ, я сталъ бы защищаться, замѣтилъ викарій.

— Именно. Но если мы забудемъ вражду, то не будетъ надобности ни въ обвиненіи, ни въ защитѣ.

— Лордъ Сентъ-Джорджъ! Какъ долженъ поступить священникъ когда помѣщикъ его прихода пишетъ на него допросы епископу, осуждаетъ его частную жизнь и распускаетъ о немъ слухи не имѣющія никакого основанія?

— Мистеръ Фенвикъ, такъ-то вы начинаете забывать вражду?

— Мнѣ трудно забыть такое оскорбленіе.

— Отецъ мой однако готовъ забыть и надѣется простить. Во всякомъ спорѣ каждая сторона, конечно, считаетъ себя правою. Если вы согласны, ради прихода, и во имя христіанскаго смиренія и христіанской любви, подать руку примиренія моему отцу, вражда будетъ забыта.

Что могъ сдѣлать Фенвикъ? Онъ ни на минуту не колебался бы простить маркиза, еслибы маркизъ самъ призналъ себя виноватымъ. Но ему не хотѣлось мириться на равныхъ условіяхъ, и онъ зналъ что условія не будутъ равны. И тѣмъ болѣе было это ему обидно, что онъ понималъ какъ догадывъ и довокъ сынъ его противника. Ему не нравилось что его обманываютъ. Впрочемъ развѣ не все равно? Развѣ не дозволено быть свободнымъ отъ угрызеній совѣсти?

— Если лордъ Тробриджъ согласенъ мириться, я тоже согласенъ, сказалъ онъ.

— Я очень радъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ съ чувствомъ. Теперь я не войду къ вамъ, потому что я уже и такъ замѣкался здѣсь, но будьте увѣрены что вы скоро услышите отъ отца примирительное слово.

LXXI. Конецъ исторіи Мери Лоутеръ.

Головная боль сэръ-Грегори,—того рода головная боль подъ мяніемъ которой онъ простился такъ необходимо со своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ,—была непродолжительна. Она продолжалась дня два или три, въ теченіи которыхъ онъ безпрестанно совѣтовался съ мистрисъ Броунло и имѣлъ разговоръ съ Юдиною. Онъ былъ разочарованъ, сердитъ и огорченъ, потому что планъ его, которому онъ предавалъ всѣмъ сердцемъ, не могъ быть исполненъ; но онъ былъ слишкомъ слабъ чтобы предаваться долго надеждѣ или гнѣву. Родной сынъ его умеръ, и этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ наслѣдникомъ и обладателемъ Донриппеля. Онъ, конечно, могъ бы наказать молодаго человѣка, лишивъ его при своей жизни участія въ обладаніи имѣніемъ, но это не принесло бы ему ни утѣшенія ни пользы. Онъ могъ бы собрать деньги которыхъ стоилъ бы ему Вальтеръ и отдать Юдионѣ, но такой образъ дѣйствія былъ не по характеру старика. Ему хотѣлось чтобы наслѣдникъ его жилъ въ Донриппелѣ. Онъ съ отвращеніемъ думалъ объ уединеніи и о Донриппелѣ безъ молодаго наслѣдника. Ему бессознательно хотѣлось наполнить, по возможности безъ хлопотъ, пустоту образовавшуюся въ его сердцѣ послѣ смерти сына. Онъ обратился къ мистрисъ Броунло.

Мистрисъ Броунло была положительно того мнѣнія что ему слѣдуетъ взять къ себѣ племянника, а съ нимъ, по необходимости, и Мери Лоутеръ.

— Вы знаете какъ много хорошаго мы слышали о миссъ Лоутеръ, сказала она, — и потомъ она все же не чужая.

— Это правда, сказалъ сэръ-Грегори, охотно уступая.

— И потомъ кто можетъ поручиться что Юдионъ любила бы его? Никогда нельзя угадать какое направленіе примутъ чувства дѣвушки.

Сэръ-Грегори издалъ какой-то звукъ, которымъ намѣренъ былъ выразить несогласіе съ ея мнѣніемъ. Онъ не сомнѣвался что Юдионъ охотно влюбилась бы въ Вальтера, еслибы обстоятельства благопріятствовали этому. Мистрисъ Броунло продолжала, не обративъ вниманія на его возраженіе:

— Во всякомъ случаѣ она, бѣдная, будетъ очень страдать

если будетъ думать что любовь ваша къ ней разлучила васъ съ племянникомъ. Право, ей въ такомъ случаѣ нельзя бы было остаться въ Довришелѣ.

Мистрисъ Броунло просила не говорить ничего Юдию, и сэръ-Грегори почти обѣщала молчать. Но молчаніе было ему несвойственно. Когда приходила удобная минута сказать то что можно было легко сказать, онъ не могъ побѣдить искушенія.

— Милая моя, сказалъ онъ однажды вечеромъ, когда Юдию стояла возлѣ его кресла, — помнишь ты что я говорилъ тебѣ однажды о твоёмъ родственникѣ Вальтерѣ?

— О капитанѣ Маррабель, дядя?

— Да, развѣ онъ тебѣ не родственникъ? Оказывается что онъ женится на другой родственницѣ, Мери Лоутеръ.

— Она ему дѣйствительно родственница, дядя.

— Я знаю только то что я ея никогда не видалъ.

— И я не видала, но я о ней много слышала. Всѣ говорятъ что она очень милая. Я надѣюсь что она будетъ жить здѣсь?

— Не знаю.

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, когда былъ здѣсь.

— Онъ говорилъ тебѣ что женится?

— Нѣтъ, дядя, онъ не говорилъ что женится; но онъ сказалъ мнѣ что... что... Онъ говорилъ мнѣ какъ онъ любитъ Мери Лоутеръ, и много разказывать о ней, и я была увѣрена что этимъ кончится.

— Такъ ты уже знаешь что мой планъ насчетъ тебя и Вальтера....

— Не говорите объ этомъ, дядя. Я всегда знала что это невозможно. Вы такъ добры ко мнѣ что я, конечно, не могла возражать вамъ. Но, право, онъ очень любитъ миссъ Лоутеръ, и я надѣюсь что мы тоже полюбимъ ее.

Сэръ-Грегори успокоился, и головная боль его прошла. Былъ у него свой планъ, но не удался. Юдию очень хорошая дѣвушка и всегда будетъ его любимицей. Но Вальтеру надо сказать что онъ можетъ жениться и привести свою жену въ Довришпелъ, и что если онъ захочетъ выйти въ отставку, то семейному адвокату будетъ поручено такъ устроить дѣла для него что онъ замѣнитъ въ Довришпелѣ роднаго сына. Будетъ маленькое затрудненіе съ полковникомъ, но полковникъ забралъ уже такъ много изъ своей доли что съ нимъ не трудно будетъ уладить дѣло. На слѣдующее утро мистрисъ Броунло написала сама Вальтеру.

Черезъ недѣлю послѣ этого Мери Лоутеръ, дожидавшаяся въ Лорингъ, съ наружнымъ спокойствіемъ и со внутреннимъ безпокойствомъ, дальнѣйшихъ извѣстій отъ своего жениха, получила два письма, одно отъ Вальтера, а другое отъ своей подруги, Жанеты Февикъ. Читатель прочтетъ ихъ и также свѣдѣнныя Мери на нихъ, и тогда наше повѣствованіе, насколько оно касается любви, надеждъ, заботъ и страданій Мери Лоутеръ, будетъ окончено.

„Булгамptonъ, 1го сентября.

„Дорогая Мери!

„Пишу вамъ только потому что обѣщала писать. Франкъ за прошлой недѣль вѣздилъ въ Лондонъ и не былъ дома въ воскресенье. Онъ нашелъ своего бѣднаго друга въ городѣ и провелъ съ нимъ два или три дня. Онъ рѣшилъ покинуть вязники и уѣхать за границу, и Франкъ не могъ разубѣдить его. Можетъ-быть это и къ лучшему, но мы лишаемся тако-го сосѣда какого намъ не найти. Онъ былъ для насъ обоимъ все равно что братъ, и я могу только сказать что, любя его какъ брата, я дѣлала все что могла для его счастья. Но я, конечно, никогда въ другой разъ не примусь за сватовство. Днѣ хотѣлось соединить возлѣ себя двухъ моихъ лучшихъ друзей.

„Если вы имѣете сказать мнѣ что-нибудь о своемъ счастьи, узнаю это съ большою радостію. Мое сердце не предубѣждено противъ вашего жениха, но вы, конечно, не можете тревожить чтобъ онъ былъ для меня тѣмъ же чѣмъ былъ бы другой. Благослови васъ Богъ.

„Искренно любящій васъ другъ,

„Жанета Февикъ.

„P. S. Я должна сказать вамъ объ участи часовни. Они уже омаютъ ее и переносятъ на другое мѣсто. Они работаютъ какъ скоро что, кажется, мы не успѣемъ оглянуться какъ ея же не будетъ. Признаюсь, я рада. Что же касается Фран-ка, мнѣ, право, кажется что онъ былъ бы радъ еслибъ она стала здѣсь. Но это еще не все. Маркизь обѣщала что мы скоро услышимъ отъ него примирительное слово. Интересно знать что это будетъ. Надѣюсь что не миролюбіе поудило его написать письмо еписколу и называть Франка невѣрующимъ.“

А вотъ другое письмо:

„1го сентября 186..

„Милая Мери!

„Надѣюсь что это послѣднее письмо которое я пишу вамъ съ этого гадкаго мѣста, потому что я выхожу въ отставку немедленно. Все рѣшено, и я буду въ Довришпелъ чѣмъ-то въ

родѣ уполномоченнаго помощника моего дяди. Такова моя судьба, и я хочу покориться ей немедленно. Но это еще не все о моей судьбѣ, и не лучшее. Вы будете приняты какъ уполномоченная помѣщица, или, лучше сказать, какъ повластная помѣщица, потому что вы будете хозяйкой дома. Милая Мери, могу я надѣяться что вы не будете возражать противъ такого повышенія?

„Я получила длинное письмо отъ мистрисъ Броунло и вчера ѣздилъ къ дядѣ. Я такъ сдѣлалъ что не могъ написать вамъ изъ Донриппеля. Я переслалъ бы вамъ письмо мистрисъ Броунло, но, можетъ-быть, это было бы не совсѣмъ честно. Когда-нибудь вы увидите его. Она говорить много хорошаго о васъ, и потомъ объявляетъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ всѣхъ правъ, почестей, заботъ, привилегій и обязанностей хозяйки Донриппеля и передать ихъ вамъ, лишь только вы сдѣлаетесь мистрисъ Маррабель. Она повторила мнѣ это вчера съ нѣкоторою напыщенностью и съ сознаниемъ величія своего самоотверженія. Но я не буду смѣяться надъ ней, потому что знаю что она поступаетъ честно.

„Моя милая, милая Мери, напишите мнѣ поскорѣе хоть строчку и скажите мнѣ согласны ли вы чтобы то, чему сдѣдено быть, сдѣлалось поскорѣе.

„Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

„В. М.“

Мери, конечно, посоветовалась съ теткой прежде чѣмъ отвѣтила на второе письмо. О письмѣ отъ мистрисъ Фенвикъ она не сказала ни слова. Зачѣмъ напоминать теткѣ о такомъ печальномъ имени какъ имя мистера Джильмора? Но не думать о немъ она не могла. Въ жизненной борьбѣ, которая представилась ей, она старалась поступать по совѣсти; однако теперь она не была свободна отъ угрызений совѣсти. Но горе, хотя оно и было, она старалась не выставлять наружу.

— Такъ вы поселитесь немедленно въ Донриппель? сказала миссъ Маррабель.

— Да, вѣроятно.

— Ну, хорошо. Надѣюсь что все идетъ къ лучшему. Конечно, противъ этого нельзя возразить ни слова. Надѣюсь только что сэръ-Грегори не умретъ раньше полковника.

— Вѣдь полковникъ ему отецъ.

— Надѣюсь что не будетъ никакихъ затрудненій. Мнѣ будетъ очень скучно одной, но я должна была ожидать этого.

— Вы будете пріѣзжать къ намъ, тетушка Сарра? Вы будете проводить у насъ столько же времени какъ здѣсь?

— Благодарю тебя, милая. Право, не знаю. Сэръ-Грегори очень добръ, но всякій любитъ свой домъ.

Изъ всего этого Мери поняла что теткѣ хотѣлось распорядиться судьбой своей племянницы по-своему, точно также какъ булгамлтонскимъ друзьямъ хотѣлось распорядиться ея судьбой по-своему.

А вотъ отвѣты Мери на два вышеприведенныя письма:

„Лорингъ, 3го сентября 186...“

„Милая Жанета!“

„Мнѣ очень, очень, очень жаль. Не знаю что я могу сказать. Я всегда старалась поступать по совѣсти. Когда я съ самаго начала сказала мистеру Джильмору что желаніе его не можетъ быть исполнено, я была права. Когда я сама убѣдилась что это невозможно, я была тоже права. Но я, кажется, ошиблась когда рѣшилась поступить по совѣту моихъ друзей. У меня было доброе намѣреніе, но я, конечно, поступила не хорошо, и мнѣ очень, очень жаль. Тѣмъ не менѣе я вамъ очень благодарна за то что вы написали мнѣ о немъ. Я, конечно, интересуюсь его судьбой. Если онъ будетъ писать вамъ, и вы замѣтите по его письмамъ что путешествіе утѣшаетъ его, пожалуйста напишите мнѣ.“

„Я могу сказать вамъ многое о моемъ счастьи, хотя, признаюсь, меня мучаетъ совѣсть что я счастлива, причинивъ столько горя. Вальтеръ выйдетъ въ отставку и поселится въ Донрипелъ, и я, конечно, тоже буду жить тамъ послѣ нашей свадьбы которая, мнѣ кажется, будетъ скоро. Я пишу ему сегодня, хотя еще не рѣшила что сказать ему. Сэръ-Грегори согласился и теперь устраняетъ дѣла, совѣтуется съ адвокатами, и мы будемъ, какъ выражается Вальтеръ, уполномоченными помѣщикомъ и помѣщицей въ Донрипелъ. Мистрисъ Броумъ и Юдиъ останутся тамъ, но я буду имѣть честь заказывать обѣды и присматривать за экономкой. Конечно, мнѣ будетъ сначала неловко въ такомъ домѣ. Вамъ я признаюсь что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе поселиться въ такомъ мѣстѣ гдѣ мы съ Вальтеромъ были бы сами хозяевами, какъ на примѣръ вы послѣ вашей свадьбы. Но я не такъ глупа чтобы роптать. Все устроилось такъ хорошо что я чувствую что не заслуживаю такого счастья. Теперь моимъ главнымъ ожиданіемъ будетъ вашъ первый визитъ въ Донрипелъ.“

„Любящій васъ другъ“

„Мери Лоутеръ.“

Другое письмо, о которомъ Мери писала мистрисъ Фенвикъ что еще не знаетъ что сказать, доставило ей болѣе хлопотъ чѣмъ послѣднее.

„Лорингъ, 2го сентября 186...“

„Дорогой Вальтеръ!“

„Итакъ все рѣшено, и я буду уполномоченною помѣщицей. Я не возражаю. Я готова быть уполномоченною помѣщицей,

пока ты будешь уполномоченнымъ помѣщикомъ. Ради тебя, милый мой, я сердечно радуюсь что дѣло устроилось. Мнѣ кажется, ты будешь счастливѣе сельскимъ жителемъ чѣмъ былъ бы въ военной службѣ, а такъ какъ Довришель будетъ въ послѣдствіи твоимъ домомъ,—скажу нашимъ домомъ,—то чѣмъ скорѣе мы съ нимъ познакомимся, тѣмъ, можетъ-быть, лучше. Меня, конечно, очень безлокоятъ мистрисъ Броуило и ея дочь, но я не боюсь, и готовлюсь полюбить ихъ.

„Что же касается до твоего неожиданнаго вопроса, я не знаю что отвѣтить на него. Давно ли мы рѣшили что это будетъ, и право надо бы отдохнуть прежде чѣмъ рѣшать когда это будетъ. Но, милый Вальтеръ, я не намѣрена мѣшать твоимъ планамъ. Рѣшай самъ, но рѣшая не забывай что маленькій промежутокъ для чувствъ и шитья всегда пріятель сѣбѣшей сторонѣ.

„Твоя на вѣки

„М. Л.

„P. S. Впрочемъ, я на все согласна.“

Послѣ такого письма свадьба была отложена, конечно не на долго. Вальтеръ Маррабель далъ промежутокъ для чувствъ и для шитья, но онъ находилъ что ни на то, ни на другое не надо тратить много времени. Недѣли на чувства и еще двухъ недѣль на шитье, думалъ онъ, будетъ совершенно достаточно. Кончилось обоюдною уступкой, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, и свадьба была въ половинѣ октября. Въ такое время года они, вѣроятно, поѣхали въ Италію, но за достоверность этого авторъ не ручается. Но онъ увѣренъ что если они ѣздили за границу, то Мери Маррабель ежедневно жила тамъ подъ страхомъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ мистеромъ Джильморомъ. По условію съ баронетомъ, путешествіе ихъ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что въ первый день Рождества мистрисъ Вальтеръ Маррабель должна была исполнять роль хозяйки за обѣденнымъ столомъ.

Читателю, можетъ-быть, интересно знать какъ устроилось дѣло съ полковникомъ. Дѣйствительно, дѣло это доставило много хлопотъ господамъ Блоку и Корлингу, семейнымъ адвокатамъ. Когда обратились къ полковнику, то онъ на словахъ былъ сладокъ какъ медъ. Онъ готовъ сдѣлать все что угодно для своего милаго сына, говорилъ онъ. Ни одинъ отецъ на землѣ не заботится такъ мало о самомъ себѣ и о своемъ положеніи. Но вѣдь ему нужно же существовать чѣмъ-нибудь. Онъ спрашивалъ господъ Блока и Корлинга чѣмъ ему существовать. Господа Блокъ и Корлингъ объяснили ему очень ясно что его

брату баронету нѣтъ никакого дѣла до его существованія, и что для своего существованія онъ уже отнялъ у сына большое состояніе. Наконецъ онъ продалъ свое первенство за 200 фунтовъ ежегоднаго дохода со дня смерти брата. Онъ просилъ сначала 500, но ему пригрозилъ, что если сэръ-Грегори умретъ раньше его, сынъ предъявитъ на него искъ въ 20.000 фунтовъ.

Теперь авторъ разстается съ Мери Лоутеръ, съ Лорингомъ и съ Довришелемъ. Онъ оласается что поведеніе его героини заслужило неодобреніе многихъ компетентныхъ судей женскаго характера. Онъ старался изобразить дѣвушку руководившую во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ чуткою совѣстью, убѣжденіями, готовую въ случаѣ надобности пожертвовать собой, старавшуюся не поступать дурно, но причинившую другимъ много страданія и едва не погубившую себя, поддавшись убѣжденію что ей слѣдуетъ выйти за человѣка котораго она не могла любить.

LXXII. Въ Торноверскомъ замкѣ.

У мистрисъ Фенвикъ было много споровъ съ мужемъ по поводу обѣщанныхъ примирительныхъ извѣстій изъ Торноверскаго замка. Разрушеніе часовни было начато въ ту самую минуту когда лордъ Сентъ-Джорджъ далъ повелѣніе, и производилось подъ надзоромъ Болъта, не осмѣлившагося отказать отъ порученія маркиза. Въ воскресенье она не была уже годна для богослуженія. Въ этотъ день мистеръ Пудельгамъ сказалъ трогательную проповѣдь о храмахъ вообще. „Не все ли равно гдѣ соберется народъ Божій“, говорилъ онъ, „если только онъ соберется въ духѣ независимаго сопротивленія властямъ, не Богомъ постановленнымъ? Мѣсто огороженное плетнемъ можетъ служить храмомъ набожному христіанину. Но....“ и, не называя именъ, онъ изобразилъ англійскую церковь ядовитымъ деревомъ, губящимъ своимъ ядомъ прекрасныя цвѣты распускающіеся у его корней и распространяющіе вокругъ благоуханіе. Говорилъ онъ что-то и о гибели слабой сестры, за которою послѣдовала гибель ея старшаго брата. Все это, конечно, передали викарію, но онъ принялъ это совершенно равнодушно.

— Какъ же иначе? сказалъ онъ.—Если человѣкъ проповѣдуетъ, онъ конечно говоритъ то что думаетъ.

Не долго пришлось ждать примирительныхъ извѣстій, или по крайней мѣрѣ предвѣстниковъ ихъ. Второго сентября была прислана большая корзина дичи, съ надписью: „мистрисъ Фенвикъ“, написанною собственною рукою маркиза.

— Первѣйшій плодъ, сказалъ викарій, осмотрѣвъ провизію.— Конечно, пріятнѣе получать дичь чѣмъ обвиненія въ безвѣстности и безбожіи.

Викарій объявилъ это прямо, но жена не вдругъ согласилась съ нимъ.

— Я съ большимъ удовольствіемъ уложила бы ее олять въ корзину и отослала бы назадъ, сказала она.

— Надѣюсь что ты не сдѣлаешь ничего подобнаго.

— Что за глупая мысль испугать корзиной дичи всѣ оскорбленія и клеветы которыми онъ осыпалъ тебя.

— Эти птицы лервыя предвѣстницы мира, сказалъ викарій, что подало олять поводъ къ слору.

Мистеръ Фенвикъ предполагалъ что вторымъ предвѣстникомъ будетъ приглашеніе на октябрьскую охоту на фазановъ. Но не прошелъ сентябрь какъ явился второй предвѣстникъ въ видѣ слѣдующей записки:

„Торнверъ, 20го сентября 186..

„Маркизь Тробриджъ и леди Софи и Каролина Стоутъ просятъ мистера и мистрисъ Фенвикъ оказать имъ честь, пожаловать въ Торнверъ вго октября, въ понедѣльникъ, и пожить до одинадцатаго.“

— Вотъ это дѣйствительно предвѣстникъ, сказала мистрисъ Фенвикъ. — Скажи пожалуста что намъ телерь дѣлать?

Викарій согласился что дѣло принимаетъ дѣйствительно серьезный оборотъ.

— Мы должны или вѣхать и пережить ужасную недѣлю, продолжала мистрисъ Фенвикъ,—или прямо показать имъ что мы не желаемъ имѣть ничего общаго съ ними. Неужели намъ мучить себя потому что онъ маркизь?

— Не потому что онъ маркизь.

— Такъ почему же? Не думаю чтобы тебѣ нравился старикъ или чтобы тебѣ хотѣлось чтобы я сошлась съ леди Софи и Каролиной, или съ этимъ приторнымъ хвастуномъ лордомъ Сентъ-Джорджемъ.

— Въ Сентъ-Джорджѣ я не увѣренъ. Онъ, кажется, можетъ быть всѣмъ для всѣхъ, и изъ него вышелъ бы прекрасный еписколъ.

— Ты знаешь что ты ихъ не любишь, и знаешь также что тебѣ будетъ ужасно скучно у нихъ.

— Я всю недѣлю прострѣляю фазановъ.

— Зная въ то же время что леди Софи и Каролина называютъ тебя за это безбожникомъ. Что касается до меня, я обошлась бы и безъ нихъ.

— Не потому что онъ маркизъ, началъ опять викаріі, немного погодя.—Я себя знаю и, кажется, могу сказать что это не имѣетъ для меня никакого значенія. И сказать по правдѣ, еслибъ онъ былъ просто маркизъ, и я былъ бы свободенъ поступать какъ мнѣ угодно, я не позволилъ бы опутать себя его сладкоглазливому сыну. Но для насъ онъ человѣкъ съ большимъ значеніемъ, потому что онъ владѣлецъ земли гдѣ живутъ люди съ которыми мы связаны. Для блага этихъ людей мнѣ необходимо быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и потому, если ты согласна, мы поѣдемъ къ нимъ.

— Неужели на цѣлую недѣлю, Франкъ?

Викаріі думалъ что недѣлю благоразумно будетъ сократить на два дня. Мистриссъ Фенвикъ благодарила леди Софи и Каролину за приглашеніе, которымъ они воспользуются,—писала она,—съ величайшимъ удовольствіемъ, пріѣхавъ во вторникъ и пробывъ до пятницы.

— Такъ что я буду стрѣлять только два дня, сказалъ викаріі,—что значительно уменьшить мое безбожіе.

Въ назначенный день они отправились въ Торноверъ. Бѣдный старый маркизъ ужасно страдалъ два послѣдніе часа предъ ихъ пріѣздомъ. Теперь всему графству было извѣстно что Семъ не виноватъ въ убійствѣ фермера Тромбула, что его знакомство съ убійцами было слѣдствіемъ его желанія пристроить сестру за человѣка котораго онъ не зналъ съ дурной стороны. Въ графствѣ произошла реакція въ пользу Сема, который теперь сдѣлался чуть не героемъ. Зная все это, маркизъ ловилъ что обидѣлъ викарія тѣмъ что говорилъ о немъ по поводу убійства. И хотя маркизъ зналъ отъ уважаемыхъ авторитетовъ, а именно отъ своихъ дочерей, которыя въ свою очередь узнали это отъ уважаемыхъ сестеръ примѣрнаго священника, что Фенвикъ „не вѣритъ почти ни во что“ и готовъ завести дружбу даже съ язычникомъ, какъ на примѣръ со старикомъ Бретлемъ,—но епископъ стоялъ за Фенвика, а для маркиза, хотя онъ былъ и самодуръ, епископъ былъ епископомъ. Теперь маркизъ зналъ что онъ былъ

неправъ и въ обвиненіяхъ которыя возводилъ на Фенвика по поводу пребыванія Карри въ Салисбери. Онъ слышалъ кое-что объ исторіи дѣвушки, изъ чего могъ понять что ошибся. И потомъ у него на душѣ было дѣло съ часовой, на перенесеніе которой онъ, по совѣту сына, тратилъ теперь 700 фунтовъ. Надо отдать справедливость маркизу—о деньгахъ онъ почти не думалъ. Маркизы, если даже они владѣютъ большими землями, рѣдко владѣютъ лишними сотнями. Не было ихъ теперь и у маркиза Тробриджа. Но деньги не беспокоили его такъ какъ сознаніе своей ошибки. Ни при какихъ обстоятельствахъ не слѣдовало строить часовню на томъ мѣстѣ. Онъ зналъ это теперь, и зналъ что надо извиниться *Noblesse oblige*. Старый лордъ былъ очень глухъ, очень упрямъ и надмененъ, но онъ никогда не дѣлалъ несправедливости когда зналъ что это несправедливость, и ничто на свѣтѣ не заставило бы его сказать сознательную ложь. Здѣсь эпитетъ могъ бы быть легко олушенъ, потому что ложь не есть ложь когда она говорится безсознательно.

Лордъ Тробриджъ провелъ утро вторника страдаая отъ ужасной необходимости извиниться. Онъ еще помнилъ дерзость Фенвика, осмѣливавшагося сравнить леди Софи и Каролину съ женщиной, которая.... которая.... Страшно подумать. Его ситольство не забылъ также какъ Фенвикъ писалъ объ его мраморномъ подѣздѣ точно это былъ подѣздъ къ какой-нибудь фермѣ. Занозы еще сидѣли въ его собственномъ тѣлѣ, и онъ долженъ былъ сознаться что былъ неправъ.

И онъ сдѣлалъ это съ такою честностью о которой не имѣлъ понятія его умный сынъ. Когда Фенвики пріѣхали, ихъ ввели въ гостиную гдѣ сидѣли леди Софи, Каролина и много гостей уже собравшихся въ замкѣ. Минуты черезъ двѣ вошелъ маркизъ и подалъ руку новопрѣзжимъ. Еще минуты двѣ побродилъ онъ по комнатамъ, и наконецъ взявъ викарія подъ руку и ввелъ его въ свое святилище.

— Мистеръ Фенвикъ, сказалъ онъ,—я считаю долгомъ выказать вамъ немедленно что я сожалею о всемъ случившемся.

— Ничего не значить, милордъ.

— Но для меня это значить, и если вы выслушаете меня, то я сочту это за такую же милость какую вы мнѣ сдѣлали прѣхавъ сюда.

Викарій могъ только поклониться и слушать.

— Я сожалѣю, мистеръ Фенвикъ, что писалъ епископу епархіи о вашемъ поведеніи.

Фенвикъ едва удержалъ языкъ когда эти слова были сказаны. Онъ думалъ что маркизь будетъ говорить о часовнѣ, а за часовню онъ теперь уже не сердился. Но онъ чувствовалъ что чѣмъ менѣе будетъ сказано о письмахъ къ епископу тѣмъ лучше. Онъ однако удержался, и маркизь продолжалъ.

— До меня дошли слетви, мистеръ Фенвикъ, и я думалъ что исполняю долгъ.

— Это не повредило мнѣ, милордъ.

— Надѣюсь что нѣтъ. Я повѣрилъ ложнымъ слухамъ и—я извиняюсь.

Милордъ замолчалъ, и викарій поклонился. Фенвикъ едва ли понималъ, какъ глубоко въ эту минуту страдалъ маркизь.

— Теперь о часовнѣ, продолжалъ маркизь.

— Это такіе пустяки, милордъ, что не стоить и говорить.

— Я ошибся въ принадлежности того мѣста.

— Я былъ бы очень радъ, милордъ, еслибы часовня осталась тамъ.

— Но это невозможно. Церковная земля предназначена для другихъ цѣлей, и хотя мы всѣ дѣйствовали не зная нашихъ правъ, но право все же право. Теперь мнѣ остается сказать что я очень радъ видѣть васъ въ Торноверѣ и что я надѣюсь что удовольствіе это будетъ повторяться.

Кончивъ, онъ ввелъ гостя въ гостиную, и несчастный для него часъ прошелъ.

Визитъ прошелъ вообще очень благополучно для викарія и для его жены. Одинъ день онъ ходилъ на охоту и былъ встрѣченъ очень любезно торноверскимъ хранителемъ дичи, который однако не получилъ отъ него ничего въ подарокъ. Когда онъ воротился въ домъ, хозяинъ радушно поздравилъ его съ удачною охотою, какъ бы забывъ что онъ священникъ. На другой день онъ ѣздилъ съ лордомъ Сентъ-Джоржемъ осматривать стаю охотничьихъ собакъ, которыя содержались тогда въ Чарликотсѣ, и никто, казалось, не осуждалъ его за то что онъ имѣлъ свое мнѣніе о гончихъ. Удовольствія мистрисъ Фенвикъ были, можетъ-быть, не такъ интересны, но она принимала ихъ охотно. Она осматривала приходскія школы и приходскую церковь, гдѣ фамилія Стоутъ владѣла большою ложей, которая называлась лавкой, но на самомъ дѣлѣ была цѣлая комната, съ каминомъ. Мистрисъ Фенвикъ подумала

что эго совсѣмъ не идетъ къ церкви, но такъ какъ леди Струтъ очень гордилась своимъ мѣстомъ, она промолчала. Такъ прошель ихъ визитъ въ Торноверъ, и они отправились домой.

— Они, кажется, искренно хотѣли помириться, сказалъ онъ.

— Да развѣ не они виноваты? спросила мистрисъ Фенвикъ.

— Все равно кто виновать, мы помирились.

LXXIII. Заключеніе.

Намъ нечего разказывать о Булгамтонѣ и его викаріи кромѣ того что касается до дальнѣйшей судьбы семейства Бретлей. Авторъ этихъ страницъ надѣется что,—каково бы ни было мнѣніе читателя о четвѣ поселившейся въ Дорришпелѣ чтобы тамъ спокойно ждать когда придетъ ея время царствовать,—скромныя личности жившія честнымъ трудомъ на мельницѣ и также тѣ которыхъ безпорядочныя страсти удалили изъ нея, но которыя потомъ воротились въ родной домъ, возбудили въ немъ нѣкоторую симпатію.

Для два послѣ возвращенія мельника съ дочерью и сыномъ, не говорилось почти ничего о прошломъ; ничего же крайней мѣрѣ въ чемъ бы приняли участіе отецъ и сынъ. Двѣ сестры, конечно, переговорили между собой о всѣхъ подробностяхъ пребыванія въ Салисбери, когда оставались влвоемъ, а мать чуть не пѣла гимны радости о томъ что страшный для ея дочери часъ прошель. Но мельникъ не сказалъ ни одного слова, и Семъ былъ почти также молчаливъ.

— Вѣдь телерь все кончено, Семъ? спросила однажды мать съ безлокойствомъ.—Мнѣ кажется что все кончено?

— Только для одного не все кончено, матушка. Несчастный!

— Вѣдь онъ убійца, Семъ.

— Другой вѣдь тоже убійца. Они одинаково виноваты. Если же который изъ нихъ виновать болѣе другаго въ убійствѣ старика, такъ эго Экорнъ. Я такъ думаю. Но телерь уже все кончено, хотя и не совсѣмъ справедливо. Насколько я ловимаю, они никогда не рѣшаютъ справедливо. Еслибъ убійцы спрятали шкатулку возлѣ мельницы, а не въ саду старухи, она повѣсила бы и меня,—непремѣнно! Вы не думайте объ этомъ.

Когда мать старалась возобновить этотъ разговоръ, съ тѣмъ болѣзненнымъ любопытствомъ съ которымъ мы всегда относимся къ тому что едва не погубило насъ, но что уже прошло, Семъ уходилъ отъ нея, говоря что это уже надоѣло ему.

На третій день до нихъ дошла мѣстная газета, гдѣ было напечатано дѣло объ убійствѣ Тромбула. Мельникъ прочелъ его съ большимъ трудомъ съ начала до конца, не пропустивъ ни одного слова. Наконецъ, когда онъ дочелъ до свидѣтельства Сема, онъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ возлѣ окна, и сдѣлалъ свое первое и единственное замѣчаніе о дѣлѣ.

— Хорошо было сказано, Семъ. Да, ты мой сынъ, а я все таки скажу—хорошо было сказано.

Онъ положилъ газету и вышелъ изъ комнаты, и видѣвшіе его замѣтили что глаза его были полны слезъ.

Съ этихъ поръ произошла большая перемѣна въ его обращеніи съ Карри. „Здравствуй, Карри,“ говорилъ онъ ей утромъ съ такою любовью какую рѣдко кому выказывалъ; а вечеромъ, когда она подходила прощаться къ его столу, онъ подставляя ей лобъ для поцѣлуя, какъ дѣлалъ это съ ея старшею честною сестрой, не нуждавшеюся въ его прощеніи. Тѣмъ не менѣе, тѣ которые понимали его—а никто не понималъ его лучше Фанни—знали что онъ никогда, ни на минуту не забывалъ о безчестіи которое Карри навлекла на его семейство. Онъ простилъ грѣхъ, но стыдъ за грѣхъ всегда мучилъ его, и онъ велъ себя какъ человѣкъ съ которымъ случилось такое несчастіе послѣ котораго слѣдуетъ искать уединенія.

Семъ поселился дома, работалъ ежедневно на мельницѣ и нѣсколько недѣль не говорилъ останется ли онъ у отца или уйдетъ. Онъ разказывалъ сестрамъ какъ онъ работалъ въ Дургамъ, но не говорилъ ни о причинѣ которая побудила его идти на сѣверъ, ни о своихъ планахъ на будущее. Обѣдалъ онъ дома, и отецъ нерѣдко давалъ ему немного денегъ въ видѣ жалованья. Наконецъ однажды вечеромъ, отдыхая послѣ работы, онъ высказалъ свое намѣреніе.

— Батюшка, сказалъ онъ, — я хочу жениться.

Мать и сестры были съ ними и слышали его слова.

— Кого же ты возьмешь за себя, Семъ? спросила мать.

Семъ отвѣчалъ не вдругъ, но Карри тотчасъ же вмѣшалась.

— Агнесу Полъ, матушка, — кого же еще?

— Только ужъ не ее, сказалъ мельникъ упрямо.

— Отчего же не ее, батюшка? Конечно ее, а не другую. Если она не нравится здѣсь, мы уйдемъ подальше и, Богъ дастъ, не пропадемъ.

Противъ Агнесы Полъ нечего было сказать кромѣ того что она была въ домѣ Тромбула въ ночь убійства и нѣкоторое

время была на подозрѣніи у полиціи за то что будто бы передала Сему о шкатулкѣ фермера. О ней тогда, конечно, говорилось много дурнаго, но потомъ все это оказалось неправдой, викарій взял ее къ себѣ, и не мало досталось ему от лудельгамистовъ за укрывательство ея. Но такъ какъ убѣжденіе въ виновности Сема постепенно прошло, то само собой исчезло основаніе подозрѣвать бѣдную Агнесу въ участіи въ убійствѣ ея покойнаго хозяина. Дня два мельникъ былъ очень мраченъ и не отвѣтилъ ни слова, когда Семъ объявилъ ему что уйдетъ съ мельницы до Рождества, если только Агнесу Поль не примутъ въ домъ какъ его жену. Но потомъ отъступилъ. „Когда старики сходятъ въ могилу, сказалъ онъ, то молодые конечно дѣлаются хозяевами.“ Мельникъ хорошо сдѣлалъ что уступилъ, потому что Семъ былъ такой человекъ который умѣлъ пріобрѣтать деньги когда хотѣлъ.

Карри жила всегда съ нимъ, обреченная своею красотой, какъ ея старшая сестра недостаткомъ красоты, не надѣялась что кто-нибудь придетъ просить ее основать съ нимъ свое собственное жильѣ.

Нашъ другъ викарій обвѣнчалъ Сема съ его возлюбленною, и до сихъ поръ часто бываетъ на мельницѣ. Онъ иногда дѣлаетъ попытку обратить невѣрующаго старика, который стоитъ теперь на краю могилы, но ему никогда не удавалось заставить старика сознаться что онъ чувствуетъ потребность вѣровать. „Я всегда старался поступать честно,“ сказалъ мельникъ, когда викарій напалъ на него однажды, „и трудился для моей жены и дѣтей. Я не былъ ни лъянницей, ни слетникомъ, ни лгуномъ. Я былъ строгъ и суровъ, это я самъ знаю, а со мной, можетъ-быть, поступать строго и сурово въ той жизни. Противъ этого я не спорю, но теперь мнѣ поздно перемѣнять себя, мистеръ Фенвикъ.“ Викарій повалъ что смерть, когда она придетъ, не утрашитъ старика.

Мистеръ Джильморъ не возвращался нѣсколько лѣтъ домой, но въ послѣдній разъ когда я получилъ извѣстіе о моихъ булгамттонскихъ друзьяхъ, мнѣ говорили что его ожидаютъ домой.

КОНЕЦЪ.

нихъ масса въ четыре съ половиною милліона кубическихъ миль, которая покрыла бы землю слоемъ въ десять метровъ вышины. Не думайте что присутствіе этихъ солей калризъ природы. Нѣтъ. Онѣ дѣлають морскія воды менѣе способными къ испаренію и препятствуютъ вѣтрамъ уносить слишкомъ большое количество паровъ, которые, разрѣшаясь, могли бы затопить умѣренные пояса. Громадная роль, роль уравнивателя въ общей экономіи земнаго шара!

Калитанъ Немо остановился, всталъ, прошелся по платформѣ и опять подошелъ ко мнѣ.

— Что же касается инфузорій, возразилъ онъ, — до милліардовъ этихъ микроскопическихъ животныхъ, существующихъ цѣлыми милліонами въ одной каплѣ, и которыхъ восемьсотъ тысячъ вѣсятъ не болѣе миллиграмма, то ихъ роль тоже не менѣе значительна. Онѣ поглощаютъ морскія соли, удоболяютъ твердыя составныя части воды, и образуя кораллы и полипыяки, создаютъ цѣлые известковые материки! Потому капля воды, лишившись своего минеральнаго содержанія, дѣлается легче, подымается на поверхность, растворяетъ тамъ оставшіяся послѣ испаренія соли, становится тяжеле и опять опускается, принося микроскопическимъ животнымъ новые элементы для поглощенія. Отсюда двойное теченіе, восходящее и нисходящее, и постоянное движеніе, постоянная жизнь! Жизнь эта гораздо сильнѣе, роскошнѣе и безконечнѣе жизни материковъ. Она развивается во всѣхъ частяхъ океана, въ этой средѣ, говорятъ, убійственной для человѣка, но живительной для безконечнаго множества животныхъ—и для меня!

Когда калитанъ Немо говорилъ такимъ образомъ, онъ весь преобразался, и рѣчи его производили на меня сильное впечатлѣніе.

— Здѣсь настоящая жизнь, прибавилъ онъ. — Я понимаю возможность существованія подводныхъ городовъ, размноженія подводныхъ домовъ, которые каждое утро будутъ, какъ *Корабликъ*, возвращаться на поверхность океана чтобы заластись воздухомъ, городовъ совершенно свободныхъ и государствъ независимыхъ! А кто знаетъ, быть-можетъ, какой-нибудь деспотъ....

Калитанъ Немо закончилъ свою фразу рѣзкимъ жестомъ.

Потомъ, обратившись прямо ко мнѣ, какъ будто желая прогнать какую-то мрачную мысль, онъ спросилъ меня:

— Господинъ Ароаксъ, знаете ли вы какъ велика глубина океана?

— Я знаю, капитанъ, по крайней мѣрѣ всѣ результаты лученныя посредствомъ измѣренія.

— Можете ли вы назвать мнѣ нѣкоторыя цифры чтобъ я могъ, въ случаѣ надобности, повѣрить ихъ?

— Охотно, отвѣчалъ я, — сообщу вамъ все что приложено. Если я не ошибаюсь, то средняя глубина Сѣверной части Атлантическаго океана равняется восьми тысячамъ двумъстамъ метрамъ, а Средиземнаго моря двумъ тысячамъ пятистамъ метрамъ. Самыя замѣчательныя измѣренія были сдѣланы въ южной части Атлантическаго океана, около тридцати пятистаго градуса, и они показали двѣнадцать тысячъ метровъ, четырнадцать тысячъ девяносто одинъ метръ и пятнадцать тысячъ сто сорокъ девять метровъ. Словомъ, полагають, что выровнявъ морское дно, получили бы для средней глубины около семи километровъ.

— Хорошо, господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо, — но я надѣюсь показать вамъ нѣчто лучшее. Что же касается до средней глубины этой части Тихаго океана, то я могу сообщить вамъ что она не превышаетъ четырехъ тысячъ метровъ.

Сказавъ эти слова, капитанъ Немо направился къ подъёмной двери и сошелъ съ лѣстницы. Я послѣдовалъ за нимъ и спустился въ большую залу. Пароходъ пришелъ тотчасъ въ движеніе, и лагъ показывалъ двадцать миль въ часъ.

Проходили дни и недѣли, а свиданія мои съ капитаномъ Немо были полпрежнему рѣдки. Онъ часто подолгу не показывался. Его подшкиперъ правильно отмѣчалъ на картѣ мѣсто нахождения судна, такъ что я могъ съ точностью опредѣлить путь *Кораблика*.

Консель и Ландъ часто проводили дни со мной. Консель разказалъ своему другу о всѣхъ чудесахъ видѣнныхъ имъ во время нашей прогулки, и Канадецъ жалѣлъ что не сопровождалъ насъ. Но я надѣялся что намъ еще разъ представится случай посѣтить океанскіе лѣса.

Почти каждый день ставни въ окнахъ залы отворялись на нѣсколько часовъ, и мы никогда не уставали смотрѣть на тайны подводнаго міра.

Корабликъ продолжалъ идти къ юго-востоку и держался между ста и ста пятьюдесятью метрами глубины. Впрочемъ однажды, не знаю по какой причинѣ, увлекаемый диагонально посредствомъ своихъ наклонныхъ лоскостей, онъ достигъ до глубины двухъ тысячъ метровъ. Стоградусный термометръ показывалъ 4,25°; это температура свойственная при такой глубинѣ всѣмъ широтамъ. 26го ноября, въ три часа утра, *Корабликъ* пересѣкъ тропикъ Рака подъ 172° долготы, 27го числа онъ прошелъ въ виду Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ погибъ знаменитый *Кукъ* 14го февраля 1779 года. Мы проплыли уже четыре тысячи восемьсотъ шестьдесятъ миль со времени нашего отъѣзда. Утромъ, выйдя на платформу, я увидалъ на разстояніи двухъ миль подъ вѣтромъ Гауаги, самый значительный изъ семи острововъ этого архилелага. Я ясно различалъ его воздѣланное побережье, цѣли горъ, идущія параллельно съ берегомъ, его вулканы, надъ которыми возвышается Моуна-Рееа поднимающійся на пять тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря. Закинутыя сѣти, въ числѣ другихъ произведеній этой части океана вытащили нѣсколько экземпляровъ *flabellaria ravanina*, лолила очень граціозной формы, весьма обыкновеннаго въ этой части океана.

Корабликъ держался юго-восточнаго направленія. 1го декабря онъ пересѣкъ экваторъ подъ 142° долготы, а 4го числа, носѣвъ быстрого перехода, мы безъ всякихъ приключеній достигли группы Маркизскихъ острововъ. Въ трехъ миляхъ разстоянія, подъ 8° 27' южной широты и 139° 32' западной долготы, я замѣтилъ ликъ Мартинъ на Нука-Гивѣ, главнымъ островъ этой группы, принадлежащей Франціи. Я видѣлъ только лѣсистыя горы, рисовавшіяся на горизонтѣ, потому что капитанъ Немо не любилъ приближаться къ берегамъ. Здѣсь полались въ сѣти великолѣпныя экземпляры рыбъ, корифены съ лазоревыми лавниками и золотистымъ хвостомъ, мясо которыхъ не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ мірѣ; *hologymnosus* почти лишенная чешуи, но очень вкусныя; *osteorhynchus* съ костяными челюстями, желтоватые тазары не уступающіе макрели, все рыбы достойныя почетнаго мѣста въ столовой нашего корабля. Мимовавъ эти прекрасныя острова, находящіеся подъ защитой французскаго флага, *Корабликъ* отъ 4го и до 11го декабря прошелъ около двухъ тысячъ миль. Плаваніе это замѣчательно встрѣчей съ огромнымъ количествомъ кальмаровъ, люболытвыхъ

моллюсковъ, имѣющихъ большое сходство съ каракатицей. Французскіе рыболовы называютъ ихъ „escognet“, они принадлежатъ къ классу головоногихъ моллюсковъ, и къ семейству двужаберныхъ, къ которому принадлежатъ также каракатицы и аргонавты. Эти животныя особенно изучались древними натуралистами и доставляли многочисленныя метафоры ораторамъ Агоры, а также превосходное блюдо къ столу богатыхъ гражданъ, если вѣрить Атенейю, греческому медуку жившему до Галліена. Въ ночь съ 9го на 10е декабря, *Корабликъ* встрѣтилъ цѣлую армію этихъ моллюсковъ; животныя эти исключительно ночныя. Ихъ можно было считать милліонами. Они переселялись изъ умѣренного пояса въ жаркій, сгѣдая путемъ сельдей и сардинъ. Мы смотрѣли сквозь толстыя хрустальныя стекла, какъ они быстро плавали задомъ, двигаясь съ помощью своей воронки, преслѣдовали рыбъ и моллюсковъ, поѣдали маленькихъ и сами служили пищей большимъ; они производили неописанную суматоху, вращая безостановочно своими десятью щупальцами, которыми природа снабдила ихъ, и которые похожи на головной уборъ изъ воздушныхъ змѣй. Несмотря на быстроту своего хода, *Корабликъ* въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ лыль посреди этихъ животныхъ, попадавшихъ въ безчисленномъ множествѣ въ сѣти. Между ними я узналъ девять видовъ указанныхъ д'Орбиньи въ Тихомъ океанѣ. Во время этого перѣзда море постоянно лѣвило насъ самыми прекрасными картинами. Оно разнообразило ихъ до безконечности; оно мѣняло для нашего удовольствія свои декораціи и обстановку сцены, и мы не только имѣли возможность созерцать въ этой жидкой стихіи творенія Создателя, но имѣли случай проникать и въ самыя страшныя тайны океана.

Днемъ 11го декабря я сидѣлъ въ большой залѣ и читалъ Недъ-Ландъ и Консель смотрѣли изъ боковыхъ оконъ на ярко освѣщенныя воды. *Корабликъ* былъ неподвиженъ. Резервуары его были наполнены, и онъ держался на глубинѣ тысячи метровъ, въ слояхъ океана мало обитаемыхъ, куда только изрѣдка заглядываютъ однѣ большія рыбы. Я читалъ въ это время прекрасную книгу Жана Маса, *Слуги желудка*, и наслаждался остроумными уроками, какъ вдругъ Консель прервалъ мое чтеніе.

— Неудобно ли господину профессору подойти сюда на одну минуточку? сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Что случилось, Консель.

— Взгляните.

Я всталъ, подошелъ къ окну, облокотился на него и сталъ смотрѣть. Въ пространствѣ, ярко освѣщенномъ электрическимъ свѣтомъ, я увидѣлъ огромную черную массу, неподвижно висѣвшую посреди водъ. Я внимательно разсматривалъ, стараясь узнать къ какой породѣ принадлежитъ это гигантское китообразное животное. Но вдругъ неожиданная мысль промелькнула въ моемъ умѣ.

— Корабль! вскричалъ я.

— Да, отвѣчалъ Канадецъ, — это потонувшій корабль съ перебитымъ рангоутомъ.

Недъ-Ландъ не ошибался. Предъ нами былъ корабль, обрѣзанныя ванты котораго еще висѣли на своихъ цѣпяхъ. Корпусъ его былъ, казалось, совершенно крѣпокъ, и несчастіе, очевидно, случилось только нѣсколько часовъ тому назадъ. Три осатка отъ мачтъ, срубленныхъ на два фута повыше палубы, означали что въ этой борьбѣ судно должно было пожертвовать своимъ рангоутомъ. Наполнившись, онъ лежалъ на боку, на своей лѣвой сторонѣ. Этотъ погибшій на волнахъ корабль представлялъ печальное зрѣлище; но еще грустнѣе было смотрѣть на его палубу, гдѣ лежало нѣсколько труповъ, опутанныхъ веревками. Я насчиталъ четырехъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ у руля, — и еще женщину съ ребенкомъ на рукахъ, на половину высунувшуюся изъ рѣшетчатого отверстия юта. Эта женщина была молода. При яркомъ освѣщеніи огней *Кораблика* я могъ разсмотрѣть ея черты, еще не успѣвшія разложиться отъ дѣйствія воды. Съ величайшимъ усиліемъ удалось ей поднять надъ головой бѣдное маленькое созданіе, рука котораго обнимала шею матери. Искаженныя конвульсіями лица четырехъ моряковъ, дѣлавшихъ послѣднія усилія чгобы разорвать связывавшія ихъ веревки, казались мнѣ ужасны. Одинъ изъ нихъ, именно рулевой, болѣе покойный, съ лицомъ яснымъ и строгимъ, съ послѣдними волосами, сжимая штурвалъ рукою, казалось, еще управлялъ развалинами своего трехмачтоваго корабля и велъ его въ глубинахъ океана.

Какая сцена! Мы стояли съ бьющимися сердцами, не произнося ни слова, въ виду этой картины крушенія, какъ бы фотографированной въ его послѣднія минуты! И я уже видѣлъ какъ приближались огромныя акулы, сверкая

огненными глазами, привлеченныя запахомъ человѣческаго мяса!

Между тѣмъ *Корабликъ*, дѣлая эволюціи, обошелъ вокругъ потонувшаго корабля, и на его кормѣ я могъ прочесть:

Florida Sunderland.

ГЛАВА XIX.

В а н и к о р о.

Этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ открывался цѣлый рядъ морскихъ катастрофъ, которыя *Корабликъ* долженъ былъ встрѣтить на своемъ пути. Съ тѣхъ поръ какъ онъ проходилъ по морямъ болѣе посѣщаемымъ, мы чаще встрѣчали гніющія въ водѣ корлусы кораблей; а глубже находились пушки, ядра, якори, цѣли и тысяча другихъ желѣзныхъ вещей, съѣдаемыхъ ржавчиной.

Мы попрежнему жили какъ отчужденные на *Корабликѣ*, который продолжалъ свое плаваніе, и 11го декабря мы увидели архилелагъ Помоту, названный Бугелвилемъ „опасною группой“, простирающійся на пятьсотъ миль отъ востока-юго-востока къ западо-сѣверо-западу, между $13^{\circ} 30'$ и $23^{\circ} 50'$ южной широты и $125^{\circ} 30'$ и $151^{\circ} 30'$ западной долготы, отъ острова Дюси до острова Лазарева. Этотъ архилелагъ занимаетъ поверхность въ триста семьдесятъ квадратныхъ миль и состоитъ изъ шестидесяти группъ острововъ, между которыми находятся группа Гамбье, взятая Франціей подъ свое покровительство. Острова эти коралловые. Вслѣдствіе медленнаго, но непрерывнаго повышенія, происходящаго отъ работъ полировъ, они современемъ всѣ соединятся между собой. Потомъ этотъ новый островъ соединится съ сосѣднимъ архилелагомъ, и пятый материкъ протянется отъ Новой Зеландіи и Новой Каледоніи до Маркизскихъ острововъ.

Однажды я сталъ развивать эту мысль при капитанѣ Немо, но онъ холодно отвѣтилъ мнѣ:

— Земля нуждается въ новыхъ людяхъ, а не въ новыхъ материкахъ!

Во время своего плаванія *Корабликъ* случайно подошелъ къ острову Клермонъ-Тоннеръ, одному изъ самыхъ любопытныхъ въ этомъ архилелагѣ, открытому въ 1822 году капитаномъ

Минервы, *Белемъ*; и я могъ изучать мадрепоръ, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ острова этого океана.

Мадрелоры, которыхъ не надо смѣшивать съ простыми кораллами, представляютъ ткань покрытую известковою корой, и видоизмѣненія въ ея строеніи побудили моего знаменитаго учителя *Мильнъ-Эдвардса* раздѣлить ихъ на пять группъ. Крошечныя животныя, выделяющія вещество изъ котораго образуются полипняки, живутъ миллиардами въ своихъ ячеикахъ. Изъ ихъ известковыхъ отложеній образуются утесы, подводные рифы, маленькіе и большіе острова. Здѣсь они образуютъ кругообразное кольцо, окружающее лагуну, то-есть маленькое внутреннее озеро, которое соединяется съ моремъ посредствомъ каналовъ. Тамъ они строятъ подводные барьерныя рифы, какъ, на примѣръ, на берегахъ *Новой Каледоніи* и многихъ острововъ *Помоту*. Въ другихъ мѣстахъ, какъ на островахъ *Товарищества* и *Маврикія*, они на значительной глубинѣ воздвигаютъ зубчатые рифы высокими прямыми стѣнами.

Проходя на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ береговъ острова *Клермонтъ-Тоннера*, я удивлялся гигантской работѣ исполненной такими микроскопическими работниками. Надъ этими стѣнами специально трудились полипы, извѣстные подъ именемъ *миллелоръ*, *лорить*, *асгрей* и *меандринъ*. Эти полипы развиваются преимущественно при поверхности моря, въ его бурныхъ волнахъ, и слѣдовательно начинаютъ сверху свои постройки, которыя мало-по-малу опускаются въ воду вмѣстѣ съ обломками служащими для нихъ основаніемъ. По крайней мѣрѣ такова теорія *Дарвина*, объясняющая подобнымъ образомъ образованіе коралловыхъ острововъ; эта теорія, по моему мнѣнію, правдоподобнѣе той которая утверждаетъ что работамъ мадрепоръ служатъ основаніемъ вершины горъ, или вулкановъ, находящихся нѣсколькими футами ниже уровня моря.

Я могъ очень близко наблюдать эти замѣчательныя стѣны, потому что онѣ, какъ оказывалось при вымѣриваніи, опускались отвѣсно до трех-сотъ метровъ въ глубину, и наше электрическое освѣщеніе придавало необыкновенно яркій блескъ этой сверкающей известковой массѣ.

Однажды я очень удивилъ *Конселя* своимъ отвѣтомъ на его вопросъ о продолжительности времени необходимаго для образованія этихъ колоссальныхъ построекъ. Я сказалъ ему

что, по мнѣнію ученыхъ, приращеніе ихъ равняется одной восьмой дюйма въ столѣтіе.

— Стало-быть, чтобы воздвигнуть эти стѣны, сказалъ онъ мнѣ, — надо было....

— Сто девяносто двѣ тысячи лѣтъ, мой добрый Ковсаль, что значительно расширяетъ библейское лѣтосчисленіе. Сверхъ того образованіе каменнаго угля, то-есть минерализація лѣсовъ потопленныхъ наводненіями, и охлажденіе базальтовыхъ утесовъ требовало еще болѣе продолжительнаго времени. Но я долженъ еще прибавить что подъ библейскими днями надо подразумѣвать цѣлыя эпохи, а не промежутки между двумя солнечными восходами; и по словамъ самой Библии, солнце создано не въ первый день творенія.

Когда *Корабликъ* возвратился на поверхность океана, то я могъ любоваться низменнымъ и лѣсистымъ островомъ Клермонъ-Тоннеромъ во всемъ его протяженіи. Очевидно что плодородію его мадрепоровыхъ утесовъ много содѣйствовали смерчи и бури. Зерно унесенное ураганомъ съ сосѣдней земли улало въ одинъ прекрасный день на известковые слои, пролитанные разлагающимися остатками рыбъ и морскихъ растений, образовавшихъ почву годную для жизни растений. Кокосовый орѣхъ, выброшенный волнами на этотъ новый берегъ, укоренился на немъ. Выростая, дерево останавливало водяные пары: образовался ручей. Мало-по-малу растительность распространилась. Въмѣстѣ со стволами деревьевъ, вырванныхъ вѣтромъ на сосѣднихъ островахъ, приплыли къ берегу низшія животныя, червяки и наѣкомыя. Черепахи начали класть тамъ свои яйца. На молодыхъ деревьяхъ птицы стали вить свои гнѣзда. Такимъ образомъ развивалась животная жизнь, и наконецъ прибылъ человекъ, привлеченный плодоноснымъ и зеленѣющимъ островомъ. Такъ образовались эти острова, громадныя произведенія микроскопическихъ животныхъ.

Къ вечеру Клермонъ-Тоннеръ исчезъ въ отдаленіи, и *Корабликъ* значительно измѣнилъ свое направленіе. Дойдя до тропика Козерога, лодъ 135 градусомъ долготы, онъ направился къ западо-сѣверо-западу и прошелъ весь тропическій поясъ. Хотя солнце и расточало свои лѣтніе лучи, но мы не страдали отъ жара; на глубинѣ тридцати или сорока метровъ температура не превышала 10 или 12 градусовъ.

15го декабря мы прошли мимо прелестныхъ острововъ.

Говарищества и граціознаго Таити, царицы Тихаго океана, лежавшихъ въ сторонѣ, къ востоку отъ насъ. Утромъ, въ нѣсколькихъ миляхъ съ подвѣтренной стороны, я увидѣлъ высокія вершины этого острова. Его воды снабдили столовую корабля превосходною рыбой, макрелью, бонитами, альбикорами и особою формой морскихъ угрей, извѣстною подъ именемъ *mucaenophis*.

Корабликъ прошелъ восемьсотъ миль. Когда онъ проходилъ между архипелагомъ Тонга-Табу, гдѣ погибли корабли *Арго*, *Port-au-Prince* и *Герцогъ Портландъ*, и архипелагомъ Мореллавателей, гдѣ былъ убитъ капитанъ де-Лангль, другъ Ла-Перуза, то измѣреній по лагу было сдѣлано на девять тысячъ семьсотъ двадцать миль. Потомъ предъ нами открылся архипелагъ Вити, гдѣ были умерщвлены дикими матросы корабля *l'Union*, и капитанъ Бюро, командиръ нантскаго корабля *Aimable Josephine*.

Архипелагъ этотъ простирается на сто миль отъ сѣвера къ югу и девяносто миль отъ востока къ западу, между 6° и 2 градусами южной широты и 174° и 179 градусами западной долготы. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ и маленькихъ острововъ и рифовъ, между которыми находятся острова Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандюбокъ.

Въ 1643 году эта группа была открыта Тасманомъ, и въ этомъ же году Торричелли изобрѣлъ барометръ, а Лудовикъ XIV вступилъ на престолъ. Которое изъ трехъ событій принесло наибольшую пользу человечеству — предоставляю рѣшить читателю. Потомъ въ 1714 году прибылъ Кукъ, въ 1793 Эндрю Касто, наконецъ въ 1827 году Дюмонъ-Дюрвиль, раставившій географическій хаосъ этого архипелага. *Корабликъ* подошелъ къ бухтѣ Уайлеа, мѣсту ужасныхъ приключеній капитана Дильйона, перваго которому удалось разгадать тайну кораблекрушенія Ла-Перуза.

Бухту эту обшарили нѣсколько разъ и получили огромное количество превосходныхъ устрицъ. Мы ихъ всумѣренно ѣли и, слѣдуя наставленію Сенеки, раскрывали за столомъ же. Моллюски эти принадлежали къ виду извѣстному подъ именемъ *ostrea lamellosa*, очень обыкновенному въ Корсикѣ.

Устричная банка Уайлеа должна быть очень велика и, безъ сомнѣнія, еслибы не многочисленныя причины обуславливающія истребленіе устрицъ, то подобное скопленіе раковинъ

запрудило бы цѣлая бухты, такъ какъ считается до двухъ милліоновъ яичекъ въ одномъ недѣльномъ.

И если на этотъ разъ Недъ-Ланду не пришлось расквашиваться въ своемъ обжорствѣ, то единственно потому что устрицы никогда не производятъ разстройствъ желудка. Въ самомъ дѣлѣ, надо взять не менѣе шестнадцать дюймовъ этихъ безголовыхъ моллюсковъ чтобы получить триста лятмадцать граммовъ азотистаго вещества, необходимыхъ для ежедневнаго питанія каждаго человѣка.

25го декабря *Корабликъ* шелъ посреди Ново-Гебридскаго архипелага, открытаго Квирсомъ (Quiros) въ 1606 году, изслѣдованнаго Бугенвилемъ въ 1768 году, и которому Кукъ въ 1773 году далъ его настоящее имя. Эта группа главнымъ образомъ состоитъ изъ девяти большихъ острововъ и образуетъ полосу во сто двадцать миль, которая тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между 15 и 2 градусами южной широты и 164 и 168° долготы. Мы прошли довольно близко отъ острова Ору. Во время моихъ полуденныхъ наблюдений, онъ показался мнѣ массой зеленыхъ лѣсовъ, увѣнчаныхъ очень высокою остроконечною горой.

Въ этотъ день праздновалось Рождество, и Недъ-Ландъ, какъ мнѣ казалось, сильно сожалѣлъ о своемъ національномъ „Christmas“, настоящемъ семейномъ праздникѣ, который до фанатизма почитается протестантами.

Я не видалъ капитана Немо цѣлую недѣлю, и только утромъ 27го числа онъ пришелъ въ большую залу и, по обыкновенію, встрѣтилъ меня какъ будто мы съ нимъ разстались только пять минутъ тому назадъ. Я отыскивалъ на картѣ путь *Кораблика*. Капитанъ подошелъ, указавъ пальцемъ на одно мѣсто карты и произнесъ одно только слово:

— Ваникоро.

Это имя магически подѣйствовало на меня; такъ назывались маленькіе острова на которыхъ погибли корабли Ла-Перуза. Я быстро всталъ.

— *Корабликъ* плыветъ къ Ваникоро? спросилъ я.

— Да, господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ.

— И мнѣ можно будетъ посѣтить знаменитые острова гдѣ погибли *Буссоль* и *Астролябія*?

— Если вы этого желаете, господинъ профессоръ.

— Когда мы будемъ у Ваникоро?

— Мы уже пришли, господинъ профессоръ.

Я вышелъ на платформу въ сопровожденіи капитана Немо и началъ съ жадностью смотрѣть на горизонтъ.

На сѣверо-востокѣ возвышались два неодинаковой величины вулканическіе острова, окруженные подводнымъ коралловымъ рифомъ, имѣвшимъ сорокъ миль въ окружности. Мы находились предъ островомъ Ваникоро, который Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ островомъ Открытія, и именно предъ маленькою гаванью Вану, лежащею подъ $16^{\circ} 4'$ южной широты и $164^{\circ} 32'$ восточной долготы. Земля казалась вся покрытою зеленью, начиная отъ морскаго берега и до самыхъ внутреннихъ вершинъ, надъ которыми возвышалась гора Калого, имѣвшая четыреста семьдесятъ шесть туазовъ вышины.

Корабликъ вступилъ въ узкій проходъ, и миновавъ внѣшнюю ограду изъ скалъ, очутился внутри прибоя, гдѣ глубина моря доходила отъ тридцати до сорока сажень. Подъ тѣнью зеленѣющихъ кораллусковъ я увидѣлъ до дюжины дикарей, съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣвшихъ на наше приближеніе. Это черноватое длинное тѣло, двигавшееся на поверхности воды, не должно ли было казаться имъ какимъ-то страшнымъ китобразнымъ животнымъ, котораго слѣдовало остерегаться?

Въ эту минуту капитанъ Немо спросилъ меня что я знаю о кораблекрушеніи Ла-Перуза.

— То же что знаетъ объ немъ весь міръ, капитанъ, отвѣчалъ я ему.

— А можете ли вы мнѣ сообщить что объ немъ извѣстно всему міру? спросилъ онъ меня немного провѣчески.

— Очень легко.

Я ему разказалъ что открыли послѣднія изслѣдованія Дюмонъ-Дюрвиля, и изложу теперь въ нѣсколькихъ словахъ результаты этихъ изслѣдованій.

Ла-Перузъ и его помощникъ капитанъ де-Лангль были посланы въ 1785 году Лудовикомъ XVI въ кругосвѣтное путешествіе. Они отправились на корветахъ *la Boussole* и *l'Astrolabe*, и не возвращались болѣе.

Французское правительство, не безъ основанія безпокоившееся о судьбѣ двухъ корветовъ, снарядило въ 1791 году два большія судна, *la Recherche* и *l'Espérance*. 28го сентября эти корабли вышли изъ Бреста, подъ начальствомъ Брюни и д'Энтракасто. Спустя два мѣсяца, изъ показаній нѣкоего Бовона, командира *Альбермаль*, узнали что видѣли на берегахъ

Новой Георгіи обломки кораблей. Но д'Энтраксто, не знавшій объ этомъ извѣстіи,—правда, довольно сомнительномъ,—отправился къ островамъ Адмиралтейства, на которые капитанъ Гентеръ въ своемъ ралортѣ указывалъ какъ на мѣсто гибели Ла-Перуза.

Его поиски были тщетны. *L'Espérance* и *la Recherche* прошли мимо Ваникоро даже не останавливаясь; словомъ, это путешествіе было очень несчастливо, потому что капитанъ д'Энтраксто, два его помощника и многіе изъ матросовъ его экипажа лишились жизни.

Капитанъ Дильфонъ, опытный морякъ, хорошо знавшій Тихій океанъ, первый отыскалъ несомнѣнные слѣды потонувшихъ. 15го мая 1824 года, его корабль, *Святой Патрукія*, проходилъ мимо острова Тиколія, одного изъ острововъ Ново-Гебридскихъ. Тамъ одинъ туземецъ, прилившій въ лирогъ, продалъ ему серебряный эфесъ шпаци, на которомъ еще оставались слѣды вырѣзанныхъ буквъ. Онъ утверждалъ вдобавокъ что шесть лѣтъ тому назадъ, во время своего пребыванія на Ваникоро, онъ видѣлъ тамъ двухъ Европейцевъ, принадлежавшихъ къ экипажу кораблей разбившихся много лѣтъ тому назадъ о подводные рифы острова.

Дильфонъ угадалъ что дѣло шло о корабляхъ Ла-Перуза, исчезновеніе которыхъ взволновало весь міръ. Онъ хотѣлъ идти къ Ваникоро, гдѣ, по словамъ дикаря, находилось много обломковъ кораблей; но вѣтеръ и теченіе помѣшали ему.

Дильфонъ возвратился въ Калькутту. Тамъ онъ сумѣлъ заинтересовать своимъ открытіемъ Азіятское Общество и Остъ-Индскую Компанію. Въ его распоряженіе былъ отданъ корабль, который назвали *la Recherche*, и 23го января 1827 года онъ отправился въ сопровожденіи французскаго агента.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ въ различныхъ пунктахъ Тихаго океана, 7го іюля 1827 года *la Recherche* бросилъ якорь предъ Ваникоро, въ той же гавани Вану гдѣ телерь остановился *Корабликъ*.

Дильфонъ нашелъ тутъ многочисленныя остатки кораблекрушенія, желѣзные инструменты, якоря, блоковые стрелы, каменную мортиру, лушечное восемнадцатифунтовое ядро, обломки астрономическихъ инструментовъ, кусокъ гакаборта и бронзовый колоколь съ надписью: „*Vain m'a fait*“, съ клеймомъ литейнаго двора въ брескомъ арсеналѣ около 1785 года. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія.

Для дополненія своихъ справокъ, Дильѳонъ оставался на мѣстѣ несчастія до октября мѣсяца. Потомъ онъ оставилъ Ваникоро, направился къ Новой Зеландіи, и 7го апрѣля 1828 года бросилъ якорь въ Калькуттѣ; по возвращеніи во Францію, онъ былъ очень ласково принятъ Карломъ X.

Въ это же время Дюмонъ-Дюрвиль, ничего не знавшій о трудахъ Дильѳона, отправился въ другую сторону отыскивать мѣсто кораблекрушенія. Дѣйствительно, по разказамъ одного китолова, у дикарей Лузіады и Новой Каледоніи находились медали и крестъ Святаго Лудовика.

Итакъ командиръ *Астролябіи*, Дюмонъ-Дюрвиль, вышелъ въ море и бросилъ якорь предъ Гобортъ-Тоуномъ, спустя два мѣсяца послѣ того какъ Дильѳонъ уѣхалъ изъ Ваникоро. Здѣсь онъ узналъ о результатахъ полученныхъ Дильѳономъ, и сверхъ того услышалъ что нѣкто Джемсъ Гоббсъ, подшкиперъ *l'Union*, изъ Калькутты, высадился на островѣ лежащемъ подъ 8° 18' южной широты и 156° 30' восточной долготы, и видѣлъ въ употребленіи у туземцевъ желѣзные брусья и куски красной матеріи.

Дюмонъ-Дюрвиль, поставленный въ затруднительное положеніе и не полагаясь на разказы мало внушавшихъ довѣрія журналовъ, рѣшился однако идти по слѣдамъ Дильѳона.

10го февраля 1828 года, *Астролябія* остановилась предъ Тикопіей, взяла въ проводники и переводчики поселившагося на этомъ островѣ дезертира, отправилась къ Ваникоро, прибыла туда 12го февраля, обогнула его подводные рифы около 14го и только 20го миновала вѣшнюю преграду и бросила якорь въ гавани Вану.

23го числа многіе офицеры обошли островъ кругомъ и принесли нѣсколько незначительныхъ обломковъ. Туземцы, предпочитавшіе систему залирательства и увертокъ, отказывались вести ихъ на мѣсто несчастія. Ихъ очень подозрительное поведеніе заставляло думать что они дурно обращались съ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе; и въ самомъ дѣлѣ, они какъ будто боялись что Дюмонъ-Дюрвиль пріѣхалъ отомстить за Ла-Перуза и его несчастныхъ спутниковъ.

Получивъ подарки и убѣдившись что имъ нечего бояться мщенія, 26го числа рѣшились они проводить на мѣсто кораблекрушенія подшкипера М. Жакино.

Тамъ, на глубинѣ трехъ или четырехъ сажень, между рифами Паку и Ваку, лежали якори, лушки, и свинки покрытые

известковыми осадками. Шлюбка и китоловная лодка *Астролябии* направилась къ этому мѣсту, и экипажу ихъ стоило большихъ усилій вытащить якорь, вѣсившій восемьсотъ фунтовъ, восьми-фунтовую литую пушку, свинку и двѣ мѣдныя камнемётныя мортиры.

Распрашивая туземцевъ, Дюмонъ-Дюрвиль узналъ также что Ла-Перузъ, потерявъ оба корабля, разбившіеся о подводные рифы острова, выстроилъ небольшое судно, отправился далѣе и потерпѣлъ вторичное крушеніе.... Но гдѣ? этого они не знали.

Тогда командиръ *Астролябии* воздвигнулъ памятникъ замечитому мореплавателю и его товарищамъ. Это была простая четырехгранная пирамида, возвышавшаяся на коралловомъ подножіи. Въ ней не было никакихъ оковокъ, которые могли бы возбудить алчность туземцевъ.

Дюмонъ-Дюрвиль хотѣлъ отправиться тотчасъ; но экипажъ его былъ изнуренъ лихорадкой, обыкновенною на этихъ нездоровыхъ берегахъ, самъ онъ тоже былъ очень боленъ, и вслѣдствіе этого снялся съ якоря только 17го марта.

Между тѣмъ французское правительство, опасаясь что Дюмонъ-Дюрвилю неизвестны труды Дильйона, послало въ Ваникоро корветъ *Ваупнаисе*, подъ начальствомъ Легоарана де-Тромелинъ, который въ это время находился на западномъ берегу Америки. Два мѣсяца спустя послѣ отплытія *Астролябии*, корветъ *Байонезз* приплылъ къ Ваникоро, не нашелъ тамъ никакихъ новыхъ документовъ, но убѣдился что дикри пощадили мавзолей Ла-Перуза.

Вотъ содержаніе моего разказа капитану Немо.

— Итакъ, сказалъ онъ,—еще неизвестно гдѣ погибло третье судно, выстроенное потерпѣвшими кораблекрушеніе на островѣ Ваникоро?

— Неизвестно.

Капитанъ Немо ничего не отвѣчалъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ въ большую залу. *Корабликъ* погрузился на глубину нѣсколькихъ метровъ, и ставни отодвинулись.

Я бросился къ окну, и подъ этими коралловыми слоями, покрытыми фунгіями, *surphoula*, *alsianium*, коріофиллеями, сквозь жириады прелестныхъ рыбокъ, изъ родовъ *girella*, *gluphiodon*, *rompheris*, *diacore* и *holocentrum*, я увидѣлъ нѣсколько обломковъ, которыхъ не могли вытащить драгою. Тутъ были

желѣзные стремена, якори, лушки, ядра, форъ-штевень, — однимъ словомъ всѣ предметы, принадлежавшіе погибшимъ кораблямъ и теперъ покрытые живыми цвѣтами.

Въ то время какъ я разсматривалъ эти печальные обломки, капитанъ Немо сказалъ мнѣ серьезнымъ голосомъ:

— Капитанъ Ла-Перузъ вышелъ съ своими кораблями *la Bouzole* и *Астролябіей* 7го декабря 1785 года. Сначала онъ высадился въ Ботани-Бей, посѣтилъ острова Новой Каледоніи, направился къ Сантъ-Круцъ и присталъ къ Намука, одному изъ острововъ группы Гаваи. Потомъ его корабли приплыли къ неизвѣстнымъ еще тогда подводнымъ рифамъ Ваникоро. *Буссоль* плылъ впереди и сѣлъ на мель у южнаго берега. *Астролябія* торопилась къ нему на помощь, и также стала на мель. Первый корабль почти сейчасъ же разрушился. Второй же, сѣвшій на мель подъ вѣтромъ, продержался нѣсколько дней. Туземцы приняли потерѣвшихъ кораблекрушеніе довольно хорошо. Послѣдніе поселились на островѣ и выстроили маленькій корабль, изъ обломковъ двухъ большихъ. Нѣсколько матросовъ добровольно остались на Ваникоро. Другіе же, больные и слабые, уѣхали съ Ла-Перузомъ. Они отправились къ островамъ Соломона, и всѣ погибли на западномъ берегу главнаго острова группы, между мысами Обмана и Удовлетворенія.

— Какъ вы это знаете? вскричалъ я.

— Вотъ чтó я нашелъ на мѣстѣ послѣдняго кораблекрушенія!

Капитанъ Немо показалъ мнѣ ящикъ изъ бѣлаго желѣза, украшенный французскимъ гербомъ и весь изъѣденный соленою водой. Онъ открылъ его, и я увидалъ связку бумагъ, хотя пожелтѣвшихъ, но которыя еще можно было читать.

Въ немъ находились инструкціи морскаго министра командиру Ла-Перузу, съ собственноручными отмѣтками Людовика XVI на поляхъ!

— Ахъ! для моряка это прекрасная смерть! сказалъ тогда капитанъ Немо. — Какъ покойна эта коралловая могила! Дай Богъ чтобы моимъ товарищамъ и мнѣ выпала на долю такая же!

ГЛАВА XX.

Торресовъ проливъ.

Въ ночь съ 27го на 28е декабря *Корабликъ* съ чрезвычайною послѣдностью покинул Ваникоро. Онъ принялъ юго-западное направление и въ три дня прошелъ семьсотъ пятьдесятъ миль отдѣляющихъ группу острововъ Ла-Перуза отъ юго-восточной стороны Новой Гвинеи.

Рано утромъ 1го января 1863 года, Консель пришелъ ко мнѣ на платформу.

— Позволить ли мнѣ господинъ профессоръ, сказать добрый малый, — пожелать ему счастливаго года?

— Безъ сомнѣнія, Консель, совершенно также какъ еслибъ я былъ въ Парижѣ, въ моемъ кабинетѣ въ *Jardin des Plantes* Ботаническаго сада. Благодарю тебя за твое желаніе, и спрошу только что ты подразумѣваешь подъ „счастливымъ годомъ“ при настоящихъ обстоятельствахъ. Желаетъ ли ты чтобы Новый Годъ принесъ намъ освобожденіе, или напротивъ продолженіе этого страннаго путешествія?

— Ей Богу, отвѣчалъ Консель, — я не знаю что вамъ сказать. Вѣрно то что мы встрѣчаемъ достопримѣчательныя вещи и въ эти два мѣсяца не имѣли времени скучать. Последнее чудо всегда изумительнѣе всѣхъ предыдущихъ, и если это будетъ такъ продолжаться, то я и не придумаю чѣмъ оно кончится. По моему мнѣнію, намъ никогда не выпадетъ другаго подобнаго случая.

— Никогда, Консель.

— Кромѣ того, господинъ Немо вполне оправдываетъ свое латинское имя; онъ насъ нисколько не стѣсняетъ, какъ будто его и нѣтъ на свѣтѣ.

— Ты правъ, Консель.

— Что бы вы объ этомъ ни думали, а я полагаю что хорошимъ годомъ надо считать тотъ въ который мы услѣдемъ все увидѣть....

— Все увидѣть, Консель? Ну, это будетъ немножко длинновато. А что думаетъ объ этомъ Недъ-Ландъ?

— Недъ-Ландъ совершенно противоположнаго со мной мнѣнія, отвѣчалъ Консель. — Это человекъ съ положительнымъ

умомъ, и требовательнымъ желудкомъ. Ему недостаточно смогрѣть на рыбу и постоянно ими питаться. Настоящему Саксонцу, привыкшему къ бифтеку, и котораго не испугаетъ умѣренная порція водки или джина, очень чувствителенъ недостатокъ въ мясѣ, винѣ и хлѣбѣ!

— Что касается меня, Консель, то меня не это тревожить, а я очень доволенъ столомъ на кораблѣ.

— И я также, отвѣчалъ Консель. — Я настолько же желаю остаться здѣсь, насколько господинъ Ландъ желаетъ уйти отсюда. Стало-быть, если начинающійся годъ будетъ несчастливъ для меня, то будетъ хорошъ для него, и наоборотъ; такимъ образомъ кто-нибудь изъ насъ непременно останется доволенъ. А въ заключеніе я желаю господину профессору всего что онъ самъ себѣ желаетъ.

— Благодарю, Консель. Я попрошу тебя только отложить до болѣе удобнаго времени вопросъ о подаркахъ и пока замѣнить ихъ крѣпкимъ пожатіемъ руки. Я больше ничего не могу дать.

— Господинъ профессоръ никогда не былъ такъ щедръ, отвѣчалъ Консель.

Послѣ этого честный малый ушелъ.

2го января мы сдѣлали одиннадцатъ тысячъ триста сорокъ миль со дня нашего выхода изъ японскихъ морей. Предъ *Кораблика* разстилалось опасное Коралловое море сѣверовосточнаго берега Австраліи. Нашъ корабль плылъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ ужаснаго рифа, гдѣ, 10го іюня 1770 года, едва не погибли суда Кука. Корабль, на которомъ плылъ Кукъ, ударился объ утесъ, и только потому не пошелъ ко дну что отломившійся вслѣдствіе толчка кусокъ коралловой массы закрылъ отверстіе въ кузовѣ корабля.

Мнѣ очень хотѣлось посѣтить этотъ подводный рифъ, длинной въ триста шестьдесятъ миль, о который, со страшною силой и шумомъ ложились на раскаты грома, разбивалось вѣчно волнующееся море. Но въ это время наклонныя плоскости *Кораблика* увлекали насъ въ глубину, и я совсѣмъ не могъ видѣть высокихъ коралловыхъ стѣнъ. Мнѣ пришлось довольствоваться различными образцами рыбъ попавшихъ въ наши сѣти. Между ними находились гермо, видъ макрелей величиной съ гунца съ поперечными полосами на голубоватомъ брюхѣ, которая исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнью животнаго. Рыбы эти

сопровождали насъ цѣлыми стадами и снабжали нашъ столъ очень вкуснымъ мясомъ. Кромѣ того поймали много *vertebr* длиной въ полъ-дециметра, вкусомъ похожихъ, на до-радь, а также летающихъ рыбъ, настоящихъ подводныхъ ласточекъ, которыя въ темныя ночи поочередно бороздятъ своимъ фосфорическимъ свѣтомъ воздухъ и воду. Между моллюсками и зоофитами я нашелъ въ петляхъ свѣтей различныя виды *ascopium*, морскихъ ежей, молотковъ и другихъ. Представителями флоры были красивыя лловучія водоросли *ламинарии* и макроцисты, пропитанные слизью, которая просачивалась сквозь ихъ поры; между ними я нашелъ превосходный экземпляръ *Nemastoma geliniaroides*, которую мы помѣстили между естественными достопримѣчательностями музея.

Черезъ два дня, то-есть 4го января, мы миновали Коралловое море и увидѣли берега Палуазіи. По этому поводу капитанъ Немо сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи пройти въ Индійскій океанъ Торресовымъ проливомъ. Онъ ограничился этимъ объявленіемъ. Недѣль съ удовольствіемъ замѣтилъ что этотъ путь приближаетъ его къ европейскимъ морямъ. Торресовъ проливъ, наполненный рифами, оласенъ также и со стороны дикарей, часто посѣщающихъ его берега. Онъ отдѣляетъ отъ Новой Голландіи большой островъ Палуазіи, именуемый также Новою Гвинеей.

Палуазія имѣетъ четыреста миль въ длину и сто тридцать миль въ ширину, и поверхность ея составляетъ сорокъ тысячъ географическихъ миль. Она лежитъ между 0° 19' и 10° 2' южной широты и 128° 23' и 146° 15' долготы. Въ полдень когда подшкилеръ опредѣлялъ высоту солнца, я замѣтилъ цѣль горъ Арфаласъ, поднимавшихся террасами и оканчивавшихся остроконечными вершинами.

Землю эту, открытую въ 1511 году Португальцемъ Франциско Серрано, посѣщали одинъ, за другимъ: въ 1526 году дошъ Хозе-де-Менезесъ, въ 1527 Грихальва, въ 1528 испанскій генералъ Альваръ-де-Сааведра, въ 1545 Хунго Ортесъ, въ 1616 Голландецъ Саутенъ, въ 1753 Николай Стрункъ, въ 1792 Тасманъ, Дампьеръ, Фюмель, Картере, Эдвардъ, Бугенвилъ, Кукъ, Форрестъ, Макъ-Клоръ и д'Энтракосто, въ 1823 До-перрей и наконецъ въ 1827 Дюмонъ-Дюрвиль. Это „цѣвръ чернокожихъ населяющихъ Малазію“, сказалъ де-Риенци, я не сомнѣвался болѣе въ томъ что случайности этого

лаванія поставяютъ меня лицомъ къ лицу со страшными Андаментами.

Итакъ *Корабликъ* подошелъ къ самому опасному проливу на земномъ шарѣ, который едва осмѣливаются перелывать самые отважные мореплаватели; проливу, въ который пустился Лудовикъ Пацъ-де-Торресъ при своемъ возвращеніи изъ южныхъ морей, и гдѣ въ 1840 году ставшіе на мель корветы Дюмонъ-Дюрвиля едва не погибли со всѣмъ экипажемъ. Даже *Корабликъ*, стоявшій выше всѣхъ морскихъ опасностей, долженъ былъ однако познакомиться съ коралловыми рифами.

Ширина Торрессова пролива равняется почти тридцати четыремъ милямъ, но безчисленное множество большихъ и маленькихъ острововъ, буруновъ и скалъ загораживаютъ его и дѣлаютъ почти непроходимымъ для судовъ. Вслѣдствіе этого капитанъ Немо принялъ всѣ предосторожности необходимыя чтобы переплыть его. Качаясь на поверхности волнъ, *Корабликъ* подвигался умѣреннымъ ходомъ. Его винтъ, какъ хвостъ кита, медленно разсѣкалъ волны.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я и оба мои товарищи вышли на платформу, постоянно пустую. Предъ нами возвышалась помѣщеніе рулевого, и, если я не ошибаюсь, капитанъ Немо находился тамъ и самъ управлялъ *Корабликомъ*.

У меня въ рукахъ были превосходныя карты Торрессова пролива, труды инженера гидрографа Винцендона-Дюмуленъ и мичмана Кулванъ-Дебуа, нынѣ адмирала, — бывшихъ при главномъ штабѣ Дюмонъ-Дюрвиля во время его послѣдняго кругосвѣтнаго путешествія. Эти карты, вмѣстѣ съ картами капитана Кинга, представляютъ самое лучшее вспомогательное средство для того чтобы разобрать лутаницу въ этомъ узкомъ проходѣ, и я разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Море бѣшено килѣло вокругъ *Кораблика*. Течение несло отъ юго-востока къ сѣверо-западу съ быстротой двухъ съ половиной миль и разбивалось о коралловые выступы поднимавшіеся тамъ и самъ надъ поверхностью волнъ.

— Море не хорошо, сказалъ мнѣ Недъ-Ландъ.

— Дѣйствительно скверное, отвѣчалъ я, — и вовсе непригодное для такого судна, какъ *Корабликъ*.

— Должно-быть, возразилъ Канадецъ, — этотъ проклятый капитанъ хорошо знаетъ свой луть, потому что я вижу коралловые рифы которые разбили бы въ дребезги его корабль еслибъ онъ только прикоснулся къ нимъ.

Положеніе было дѣйствительно опасно, но *Корабликъ* какъ по волшебству скользилъ между ужасныхъ рифовъ. Онъ не придерживался направленія *Астролябіи* и *la Zélée*, которое оказалось такъ пагубно для Дюмонъ Дюрвиля. *Корабликъ* взялъ болѣе къ сѣверу, прошелъ около острова Мёррей и возвратился на юго-востокъ къ Кумберландскому проходу. Я думалъ что онъ прямо ударится о берегъ, но, повернувъ къ сѣверо-западу, онъ пошелъ между многочисленными, мало извѣстными большими и малыми островами къ острову Татау и Дурному Каналу.

Я уже спрашивалъ себя не хочетъ ли капитанъ Немо, осторожный до безумія, вести свой корабль тѣмъ проходомъ, гдѣ сбли на мель оба корвета Дюмонъ-Дюрвиля, но *Корабликъ* измѣнилъ свое направленіе во второй разъ и, повернувъ прямо на западъ, пошелъ къ острову Гвебороару.

Было три часа полудни. Морской приливъ почти достигъ своей высшей точки, и волненіе утихало. *Корабликъ* приблизился къ острову, который я и теперь живо вижу предъ собою, съ его бросающеюся въ глаза опушкой изъ лагунъ. Онъ находился отъ насъ на разстояніи двухъ миль. Вдругъ сильный толчокъ опрокинулъ меня. *Корабликъ* ударился о подводный рифъ и остановился неподвижно, слегка наклонившись на лѣвую сторону.

Поднявшись, я увидѣлъ на платформѣ капитана Немо и его подшхипера. Они осматривали положеніе корабля и обмѣнивались нѣсколькими фразами на своемъ непонятномъ нарѣчій.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находились. Съ правой стороны, на разстояніи двухъ миль, виднѣлся островъ Гвебороаръ, берегъ котораго отъ сѣвера къ западу округлялся какъ огромная рука. Къ югу и востоку уже показывалось нѣсколько коралловыхъ выступовъ, открываемыхъ морскимъ теченіемъ. Мы стояли на мелѣ, и вдобавокъ въ такомъ морѣ гдѣ теченія очень слабы, обстоятельство весьма непріятное для *Кораблика*, которому предстояло сниматься съ мелѣ. Судно однако нисколько не пострадало, такъ проченъ былъ его корпусъ. Но если въ немъ не могло образоваться ни пролома, ни течи, то онъ по крайней мѣрѣ рисковалъ вѣчно остаться на подводныхъ рифахъ, и въ такомъ случаѣ судно капитана Немо погибло бы навсегда. Когда я разсуждалъ такимъ образомъ, ко мнѣ приблизился невозмутимый,

ладнокровный и всегда владѣющій собою капитанъ; онъ не былъ ни взволнованъ, ни огорченъ.

— Несчастье? сказалъ я ему.

— Нѣтъ, приключеніе, отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Но приключеніе, возразилъ я, — которое, можетъ-быть, оставитъ васъ сдѣлаться обитателемъ ненавистой вамъ земли!

Капитанъ Немо бросилъ на меня загадочный взглядъ и сдѣлалъ отрицательное движеніе, которое ясно говорило что никогда и ни въ какомъ случаѣ нога его не коснется земли. Потомъ онъ сказалъ:

— Господинъ Аронаксъ, *Корабликъ* не погибаетъ; онъ еще будетъ носить васъ среди чудесъ океана. Наше лутешествіе голько начинается, и я не желаю такъ скоро лишиться чести вашего присутствія.

— Однакоже, капитанъ Немо, возразилъ я, не отвѣчая на насмѣшливый тонъ его рѣчи, — теперь *Корабликъ* стоитъ на мели въ открытомъ морѣ. Но въ Тихомъ Океанѣ не бываетъ сильныхъ приливовъ и, если вы не можете выгрузить весь балластъ, что мнѣ кажется невозможнымъ, то я не понимаю какъ судно сдвинется съ мѣста.

— Вы правы, господинъ Аронаксъ, въ Тихомъ океанѣ не бываетъ сильныхъ приливовъ, отвѣчалъ капитанъ Немо, — но въ Торресовомъ проливѣ вода поднимается на полтора метра. Сегодня 4е января, чрезъ пять дней будетъ полнолуніе, и я буду очень удивленъ если нашъ услужливый слутникъ не подниметъ массу воды и тѣмъ не окажетъ мнѣ услуги, которой я ни отъ кого не приму кромѣ него.

Сказавъ это, капитанъ Немо, въ сопровожденіи подшкилера, ушелъ во внутренность *Кораблика*. Судно стояло неподвижно, какъ будто коралловые полипы уже укрѣпили его своимъ неразрушимымъ цементомъ.

— Ну, что же, господинъ профессоръ, сказалъ Недъ-Ландъ, подойдя ко мнѣ послѣ ухода капитана.

— Ну, другъ Ландъ, мы будемъ покойно дожидаться прилива 9го числа, потому что, по всей вѣроятности, луна будетъ имѣть любезность сдвинуть насъ съ мели.

— И только?

— И только.

— И этотъ капитанъ не подумаетъ бросить свои якоря, не

пустить въ ходъ машинъ и не сдѣлаетъ ничего чтобы сдвинуться съ мѣста?

— Но вѣдь довольно будетъ одного прилива, простодушню отвѣчалъ Консель.

Канадецъ взглянулъ на Конселя и пожалъ плечами. Въ немъ заговорилъ морякъ.

— Господинъ профессоръ, возразилъ онъ,—повѣрьте мнѣ что этотъ кусокъ желѣза никогда не будетъ болѣе плавать ни въ водѣ, ни подъ водою. Онъ теперь годится только на продажу съ вѣса. Я полагаю что пришло время разчитаться съ капитаномъ Немо.

— Другъ Недъ, отвѣчалъ я,—я не отчаиваюсь, какъ вы, въ этомъ славномъ *Корабликѣ*, и чрезъ четыре дня мы узнаемъ по опыту сильны ли приливы въ Тихомъ океанѣ. При томъ вашъ совѣтъ бѣжать былъ бы примѣнимъ въ виду береговъ Англіи или Прованса, но у береговъ Новой Гвинеи совсѣмъ другое дѣло; мы еще успѣемъ прибѣгнуть къ этой крайности, если *Корабликъ* дѣйствительно не тронется съ мѣста. Но я сочту это неприятнымъ обстоятельствомъ.

— Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, побывать на этой землѣ? возразилъ Недъ-Ландъ. — Вотъ островъ; на этомъ островѣ растутъ деревья. Подъ этими деревьями живутъ земныя животныя, могущія доставить котлеты и ростбифъ, которыхъ я полюбъ бы съ удовольствіемъ.

— На этотъ разъ другъ Недъ правъ, сказалъ Консель,—и я согласенъ съ его мнѣніемъ. Не можетъ ли господинъ профессоръ попросить своего друга капитана Немо высадить насъ на землю, хотъ только для того чтобы не разучиться ходить по твердымъ частямъ нашей планеты?

— Я могу попросить объ этомъ, отвѣчалъ я, — но онъ откажетъ.

— Еслибы господинъ профессоръ рискнулъ, сказалъ Консель,—тогда бы мы узнали, по крайней мѣрѣ, насколько любезенъ капитанъ.

Къ удивленію моему, капитанъ Немо согласился на мою просьбу, и даже съ большою любезностью и предупредительностью, не требуя обѣщанія возвратиться на корабль. Впрочемъ путешествіе чрезъ Новую Гвинею представляло слишкомъ много опасностей, и я не посоветовалъ бы Недъ-Ланду попытаться предпринять его. Лучше было оставаться лѣтникомъ на *Корабликѣ* чѣмъ попасть въ руки туземцевъ Палуазіи.

На другой день утромъ въ наше распоряженіе была дана лодка. Я не старался узнать поѣдетъ ли съ нами капитанъ Лемо. Я даже думалъ что никто изъ людей экипажа не будетъ сопровождать насъ, и что Канадцу будетъ предоставлено правлять лодкой. Къ тому же земля была въ двухъ миляхъ разстоянія, а Недъ-Ландъ могъ шутя провести легкую лодку между рифами, опасными для большихъ судовъ.

На другой день, 5го января, лодку высвободили изъ ея ловѣнція и спустили съ платформы въ море. Два человѣка исполнили эту операцію. Весла лежали въ лодкѣ, и намъ оставалось только сѣсть въ нее. Въ 8 часовъ мы отчалили отъ *Кораблика*, вооружившись электрическими ружьями и топорами. Море было довольно покойно; дулъ легкій береговой вѣтерокъ. Консель и я усердно гребли, а Недъ управлялъ лодкой въ узкихъ проходахъ образовавшихся между бурунами. Лодка управлялась легко и плыла быстро.

Недъ-Ландъ не могъ сдержать своей радости. Это былъ вырвавшійся изъ тюрьмы плѣнникъ, забывшій что ему нужно опять туда вернуться.

— Мясо! повторялъ онъ: — мы будемъ ѣсть мясо, и какое мясо! Настоящую дичь! Правда, безъ хлѣба! Я не говорю что рыба плохая вещь, но не слѣдуетъ злоупотреблять ею, и кусокъ свѣжей дичи, поджаренной на горячихъ угляхъ, можетъ пріятно разнообразить нашу пищу.

— Обжора! отвѣчалъ Консель:—у меня отъ его словъ слюны текутъ.

— Остается узнать, сказалъ я, — много ли дичи въ этихъ лѣсахъ, и притомъ она можетъ-быть такъ велика что выгонить самихъ охотниковъ.

— Хорошо, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ Канадецъ, зубы котораго, казалось, были остры какъ топоръ,—но я съѣмъ тигра, филей тигра, если не найдется другихъ четвероногихъ на этомъ островѣ.

— Другъ Недъ опасенъ, замѣтилъ Консель.

— Во всякомъ случаѣ, возразилъ Недъ-Ландъ,—всякому какое покажется животному—четвероногому безъ перьевъ, или двуногому съ перьями—мой первый выстрѣлъ.

— Ну, отвѣчалъ я,—опять начинаются безразсудства господина Ланда.

— Не бойтесь, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ Канадецъ,—и

гребите смѣло; чрезъ 25. минутъ я предложу вамъ кушанье моего собственнаго приготовленія.

Въ половинѣ 9 лодка *Кораблика* тихо остановилась на плоскомъ песчаномъ берегу, миновавъ благополучно коралловое кольцо окружающее островъ Гвебороаръ.

ГЛАВА XXI.

Нѣсколько дней на земѣ.

Прикосновеніе къ земѣ произвело на меня довольно сильное впечатлѣніе. Недъ-Ландъ пробовалъ почву ногой, какъ будто принимая ее въ свое владѣніе. А всего прошло только два мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ мы стали, по выраженію капитана Немо, „пассажирами“ *Кораблика*, въ сущности же лѣтчиками его командира.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы отошли отъ берега на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Почва состояла почти исключительно изъ коралловаго известняка, но нѣкоторыя русла высохшихъ ручьевъ, усѣянныхъ гранитными обломками, показывали что этотъ островъ принадлежалъ къ первобытной формации. Великолѣпные лѣса закрывали весь горизонтъ какъ завѣсой. Огромныя деревья, достигавшія иногда до двухсотъ футовъ вышины, переплетались между собой гирляндами изъ лианъ, качавшимися отъ легкаго вѣтерка какъ настоящія коки. Тутъ было множество мимозъ, смоковницъ, казуариній, тиковыхъ деревьевъ, hibiscus, пандановъ и пальмъ, красиво переплетенныхъ между собой, а подъ защитой ихъ зеленого свода, у подножія гигантскихъ стволовъ, росли ятрышники, бобовыя растенія и палортники.

Но Канадецъ не обращалъ вниманія на красоты новгвинейской флоры и предпочиталъ полезное пріятному. Онъ увидалъ кокосовое дерево, сорвалъ съ него нѣсколько плодовъ, разбилъ ихъ, и мы пили ихъ молоко и ѣли зерна съ большимъ наслажденіемъ, что не говорило въ пользу кухни *Кораблика*.

— Превосходно! сказалъ Недъ-Ландъ.

— Очень вкусно! отвѣчалъ Консель.

— Я думаю, сказалъ Канадецъ, — что вашъ Немо не запре-

титъ намъ привезти на его корабль грузъ изъ кокосовыхъ орѣховъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ я,—но онъ не захочеть ихъ отвѣдать.

— Тѣмъ хуже для него! сказалъ Консель.

— И тѣмъ лучше для насъ! возразилъ Недъ-Ландъ.—Намъ же больше останется.

— Одно только слово, метръ Ландъ, сказалъ я гарлуницку, намѣревавшемуся опустошить другое кокосовое дерево:— кокосы вещь хорошая, но прежде чѣмъ наполнять ими лодку, лучше поискать вѣтъ ли на островѣ другихъ не менѣе полезныхъ продуктовъ. Свѣжіе овощи служили бы хорошимъ прибавленіемъ къ столу *Кораблика*.

— Господинъ профессоръ правъ, отвѣчалъ Консель, — и я предлагаю раздѣлить наше судно на три отдѣленія: одно для плодовъ, другое для овощей и третье для дичи, которой я еще не видалъ и слѣда на этомъ островѣ.

— Консель, никогда не слѣдуетъ отчаиваться! отвѣчалъ Канадецъ.

— Итакъ отправимся далѣе, возразилъ я,— а главное, будемъ осторожныѣе. Хотя островъ кажется необитаемымъ, однакоже на немъ могутъ найтись люди менѣе разборчивые въ отношеніи дичи нежели мы.

— Э, э! вскричалъ Недъ-Ландъ, съ очень значительнымъ движеніемъ челюстей.

— Что такое, Недъ? вскричалъ Консель.

— Ей-Богу, возразилъ Канадецъ,—я начинаю понимать всю прелесть людоедства!

— Недъ, Недъ! что вы говорите! отвѣчалъ Консель.—Вы людоедъ! Стало-быть, обитая съ вами въ одной каютѣ, я не въ безопасности и когда-нибудь могу проснуться полу-свѣденнымъ?

— Другъ Консель, я васъ очень люблю, но не на столько чтобы съѣсть безъ особенной надобности.

— Я готовъ усомниться въ этомъ, отвѣчалъ Консель.— На охоту! Необходимо застрѣлить нѣсколько дичи чтобъ удовлетворить этого каннибала, а то въ одно прекрасное утро господинъ профессоръ, вмѣсто своего слуги, найдетъ только нѣсколько кусковъ мяса.

Обиѣнявшись такими шутками, мы проникли подъ темные

своды лѣса и въ продолженіи двухъ часовъ рассказывали во всѣхъ направленіяхъ.

Наши поиски съѣстныхъ припасовъ и преимущественно овощей были удачны, и мы нашли одинъ изъ самыхъ полезныхъ продуктовъ тропическаго пояса, котораго не доставало на корабль.

Я говорю о хлѣбномъ деревѣ растущемъ въ изобиліи на островѣ Гвебороарь. Я замѣтилъ въ особенности одну разновидность его, лишенную зеренъ, называемую Малайцами „гима“.

Дерево это отличается отъ другихъ своимъ прямымъ стволомъ, имѣющимъ сорокъ футовъ вышины. Его граціозно-округлая вершина состоитъ изъ большихъ многолопастныхъ листьевъ и ясно говоритъ натуралисту что предъ нимъ *artocarpus*, который такъ удачно акклиматизировался на Маскаренскихъ островахъ. Отъ этой массы зелени отдѣляются большіе шаровидные плоды, шириной въ дециметръ, шероховатые снаружи. Природа наградила этимъ полезнымъ растеніемъ страны гдѣ нѣтъ хлѣба. Не требуя обработки и ухода оно даетъ плоды въ продолженіи восьми мѣсяцевъ въ году.

Недъ-Ландъ хорошо зналъ эти плоды. Во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ ѣдалъ ихъ много разъ и умѣлъ какъ слѣдуетъ готовить ихъ питательное содержимое. Видъ ихъ возбуждалъ его аппетитъ, и онъ не могъ дольше выдержать.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ, — я, кажется, умру, если не попробую тѣста этого хлѣбнаго дерева!

— Пробуйте, другъ Недъ, пробуйте сколько вамъ угодно. Мы здѣсь для того чтобы производить опыты; будемъ же ихъ дѣлать.

— Это займетъ немного времени, отвѣчалъ Канадецъ.

Вооружившись зажигательнымъ стекломъ, онъ развелъ огонь изъ сухаго дерева, которое вѣсело затрепало. Въ это время мы съ Ковседемъ выбирали лучшіе плоды хлѣбнаго дерева. Нѣкоторые изъ нихъ еще не достигли надлежащей зрѣлости, и ихъ толстая кожа покрывала бѣлую маловолокнистую мякоть. Другіе же, въ очень большомъ количествѣ, желтоватые и сгуденные, какъ будто дожидались чтобы ихъ сорвали.

Въ этихъ плодахъ не было сѣмянъ. Ковсель принесъ ихъ цѣлую дюжину, а Недъ-Ландъ, разрѣзавъ на толстые ломти, положилъ на горячіе уголья, безпрестанно повторяя:

— Вы увидите, господинъ профессоръ, какъ этотъ хлѣбъ хорошъ!

— Особенно, если его давно не ѣли, сказалъ Консель.

— Это даже не хлѣбъ, прибавилъ Канадецъ. — Это очень вкусное пирожное. Вы его никогда не пробовали, господинъ профессоръ?

— Нѣтъ, Недъ.

— Ну, такъ приготовьтесъ кушать самое вкусное кушанье. Если вамъ не захочется его пробовать въ другой разъ, то я болѣе не король гарлушниковъ!

Черезъ нѣсколько минутъ наружная часть плодовъ совершенно обуглилась. Внутри же видѣлось бѣлое тѣсто, въ родѣ нѣжнаго хлѣбнаго мякиша, вкусъ котораго напоминалъ артишоки.

Надо признаться, хлѣбъ этотъ былъ превосходенъ, и я его ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Къ несчастію, сказалъ я, — подобное тѣсто не можетъ долго сохраняться, и мнѣ кажется, бесполезно брать заласъ этихъ плодовъ на корабль.

— Вотъ тебѣ на! вскричалъ Недъ-Ландъ. — Вы говорите какъ натуралистъ, я же поступлю какъ булочникъ. Консель, наберите плодовъ, мы ихъ возьмемъ при возвращеніи на корабль.

— Какъ же вы ихъ приготовите? спросилъ я Канадца.

— Я сдѣлаю изъ ихъ мякоти кислое тѣсто, которое не испортится и сохранится надолго. Когда оно мнѣ понадобится, я его испеку въ кухнѣ корабля, и вы найдете его превосходнымъ, несмотря на его кислотатый вкусъ.

— Теперь, метръ Недъ, я вижу что къ этому хлѣбу нечего еще пожелать.

— Однакоже, господинъ профессоръ, отвѣчалъ Канадецъ, — къ нему можно бы было пожелать плодовъ, или по крайней мѣрѣ овощей.

— Пойдемте же искать плодовъ и овощей.

Когда сборъ былъ оконченъ, мы отправились дополнять нашъ обѣдъ изъ земныхъ произведеній.

Наши поиски не были напрасны, и къ полудню мы собрали достаточное количество банановъ. Эти превосходные продукты жаркаго пояса постѣваютъ въ продолженіи цѣлаго года, и Малайцы, называющіе ихъ лизангомъ, ѣдятъ ихъ печеными. Вмѣстѣ съ бананами мы нарвали также огромныхъ

„jaks“, отличающихся острымъ вкусомъ; вкусныхъ мангъ, и невѣроятной величины ананасовъ. Сборъ этотъ занялъ большую часть нашего времени; впрочемъ намъ не куда было торопиться.

Консель все время наблюдавъ за Недомъ. Китооловъ шелъ впереди и, проходя лѣсомъ, безошибочно протягивалъ свою руку за самыми превосходными плодами, долженствовавшими дополнить его провизію.

— Наконецъ, спросилъ Консель, — теперь у васъ вдоволь, другъ Недъ?

— Гмъ! промычалъ Канадецъ.

— Какъ! вы еще жалуетесь?

— Всѣ эти растенія не могутъ оставить обѣда, отвѣчалъ Недъ. — Это конецъ обѣда, десертъ. А супъ? А жареное?

— Въ самомъ дѣлѣ, Недъ, сказалъ я, — вы намъ обѣщали котлеты, которыя оказываются весьма сомнительными.

— Господимъ профессоръ, отвѣчалъ Канадецъ, — мало того что охота еще не кончилась, но она даже и не начиналась. Терпѣніе! встрѣтимъ же мы наконецъ какое-нибудь животное покрытое перьями или шерстью, если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ.

— И если не сегодня, такъ завтра, прибавилъ Консель, — потому что не слѣдуетъ далеко уходить. Я даже предлагаю возвратиться на лодку.

— Какъ! уже! вскричалъ Недъ.

— Мы должны вернуться до наступленія ночи, сказалъ я.

— Но который же теперь часъ? спросилъ Канадецъ.

— По крайней мѣрѣ два часа, отвѣчалъ Консель.

— Какъ время-то бѣжитъ на твердой землѣ! вскричалъ Недъ-Ландъ, вздыхая съ сожалѣніемъ.

— Въ дорогу, отвѣчалъ Консель.

Мы возвратились лѣсомъ же, и дополнили нашъ запасъ, дѣлая набѣги на пальмовую калусту, которую надо было доставить съ вершины деревьевъ, на мелкіе бобы, называемые Малайцами „абру“, и превосходнаго качества ямсъ.

Мы были слишкомъ обременены, когда подошли къ лодкѣ. Однакоже Недъ-Ландъ еще не былъ доволенъ своимъ запасомъ. Но судьба ему благоприятствовала. Въ то время какъ мы хотѣли садиться въ лодку, она увидѣла нѣсколько деревьевъ, вышиной отъ двадцати пяти до тридцати футовъ, принадлежащихъ къ разряду пальмъ. Эти деревья также драго

цѣнны какъ и хлѣбное дерево и считаются самыми полезными малайскими продуктами.

Это были саговыя деревья. Они растутъ безъ всякой обработки и воспроизводятся отпрысками и сѣменами, какъ тутовые деревья.

Недѣ-Ландѣ умѣлъ обращаться съ этими деревьями. Онъ взявъ топоръ и работалъ имъ съ такою силой что скорорубилъ двѣ, или три саговыя пальмы, о зрѣлости которыхъ свидѣтельствовала бѣлая пыль покрывавшая ихъ вѣтви.

Я смотрѣлъ на него скорѣе какъ натуралистъ чѣмъ какъ человѣкъ голодный. Прежде всего онъ снялъ съ каждаго ствола по полосѣ коры въ дюймъ толщины; подъ этою корой находилась сѣтъ продольныхъ волоконъ, образующихъ самые запутанные узлы, пропитанные клеткою муки. Это и было саго, съдобное вещество, служащее главною пищею малайскому населенію.

Недѣ-Ландѣ ограничился тѣмъ что разрубилъ стволъ на куски, какъ рубятъ дрова, откладывая до другаго времени добываніе изъ него муки, которую онъ долженъ былъ просѣять, чтобъ отдѣлать отъ волокнистыхъ связокъ, потомъ высушить на солнцѣ и наконецъ дать ей отвердѣть въ формахъ.

Въ пять часовъ вечера, нагрузивъ лодку нашими сокровищами, мы отплыли отъ берега и черезъ полчаса пристали къ *Кораблику*. Никто не вышелъ намъ на встрѣчу. Огромный желѣзный цилиндръ казался необитаемымъ. Выгрузивъ провизію, я сошелъ въ свою комнату. Тамъ былъ приготовленъ ужинъ. Послѣ ужина я легъ спать.

На другой день, 6го января, на корабль не произошло ничего новаго. Внутри его не слышно было ни малѣйшаго шума и никакихъ признаковъ жизни. Лодка оставалась на томъ же мѣстѣ гдѣ мы ее оставили. Мы рѣшились опять вѣхать на островъ Гвевороаръ. Недѣ-Ландѣ надѣялся охотиться удачнѣе чѣмъ наканунѣ и желалъ посвятить другую часть лѣса.

При восхожденіи солнца мы уже были въ дорогѣ. Наша лодка, увлекаемая теченіемъ къ берегу, очень скоро достигла острова.

Мы высадились на берегъ, и разсудивъ что лучше всего положить на инстинктъ Канадда, послѣдовали за Недѣ-Ландомъ, длинныя ноги котораго грозилъ оставить насъ за собой.

Недѣ-Ландѣ шелъ берегомъ къ западу, переходя въ бродъ русла нѣкоторыхъ ручьевъ, и достигъ высокой равнины окруженной великолѣпными лѣсами. Нѣсколько зимородковъ

бродили вдоль рѣчекъ, но они не подпускали къ себѣ. Ихъ осторожность показывала мнѣ что этимъ крымскимъ животнымъ не безызвѣстны двуголія нашей породы; изъ этого я заключилъ, что если островъ и необитаемъ, то по крайней мѣрѣ люди иногда посѣщаютъ его.

Миновавъ довольно пышный лугъ, мы подошли къ опушкѣ маленькаго лѣса, оживленнаго лѣніемъ и полетомъ множества птицъ.

— Тутъ только одна птица, сказалъ Консель.

— Но между ними есть годныя для лица! замѣтилъ гарпущикъ.

— Ни одной, другъ Недъ, возразилъ Консель,—потому что я вижу здѣсь только простыхъ полугаевъ.

— Другъ Консель, важно отвѣчалъ Недъ,—когда вѣтъ другой лица, то и полугай сойдетъ за фазана.

— А я прибавлю, сказалъ я,—что эта птица, хорошо приоттоленная, годится для завтрака.

Дѣйствительно, въ густой зелени этого лѣса множество полугаевъ перелетали съ вѣтки на вѣтку, ожидая только бдительнаго образованія чтобы заговорить на человѣческомъ языкѣ. Они болтали со своими самками всевозможныхъ цвѣтовъ и съ важными какаду, рѣшавшими, казалось, философскія задачи, между тѣмъ какъ ярко-красныя лори быстро проносились, какъ лоскутки красной матеріи развѣваемой вѣтромъ, посреди шумно летавшихъ какао и лалуа съ перьями самого вѣснаго лазуреваго цвѣта, однимъ словомъ, среди пестраго собранія самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ пернатыхъ, во большую частью не годныхъ въ лицу.

Въ этой коллекціи не доставало однако одной птицы, исключительно принадлежащей этимъ странамъ и которая никогда не перелетала границы острововъ Арру и Новой-Гвинеи. Но вскорѣ судьба доставила мнѣ случай любоваться ею.

Миновавъ небольшой и не очень густой лѣсокъ, мы вышли на равнину, кругомъ обросшую кустарникомъ. Тутъ я увидѣлъ великолѣпныхъ птицъ, которымъ особенное расположеніе ихъ длинныхъ перьевъ способствуетъ летать противъ вѣтра. Ихъ волнистый полетъ, грація, съ которою они описываютъ въ воздухѣ широкіе круги, переливы красокъ на ихъ перьяхъ, все привлекало и очаровывало взоры. Я безъ труда узналъ ихъ.

— Раіскія птицы! восклицалъ я.

— Порядокъ воробьиныхъ, отвѣчалъ Консель.

— Семейство куролатокъ? спросилъ Недъ-Ландъ.

— Не думаю, любезный Ландъ. Однакожъ я разчитываю на вашу ловкость и надѣюсь что вы добудете хоть одинъ экземпляръ изъ этихъ очаровательныхъ произведеній тропической природы.

— Полирую, господаиъ профессоръ,—хотя я лучше владѣю багромъ чѣмъ ружьемъ.

Малайцы, ведущіе съ Китаемъ большую торговлю этими птицами, употребляютъ для ихъ ловли различные способы, которыхъ мы не могли примѣнить. То они разставляютъ силки на вершинахъ высокихъ деревьевъ, гдѣ преимущественно живутъ райскія птицы. То овладѣваютъ ими посредствомъ вязкаго клея, парализующаго ихъ движенія. Иногда даже они отравляютъ тѣ источники изъ которыхъ эти птицы пьютъ воду. Чтѣ же касается до насъ, то намъ приходилось попытаться подстрѣлить ихъ на лету, чтѣ представляло немного шансовъ на успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы напрасно истратили часть нашихъ зарядовъ.

Къ одиннадцати часамъ утра мы миновали первую цѣль холмовъ составляющихъ центръ острова, а еще не убили ничего. Мы были голодны. Охотники надѣявшіеся на удачную охоту ошиблись въ расчетъ. Къ счастью, Консель, къ своему величайшему удивленію, положилъ сразу цѣлую лару и обезлечилъ насъ завтракомъ. Онъ застрѣлилъ бѣлаго голубя и вахиря, которыхъ мы проворно оцилали и принялись жарить на маленькомъ вертѣлѣ, предъ ярко пылавшимъ огнемъ. Въ то время какъ эти интересныя животныя жарились, Недъ приготовлялъ плоды хлѣбнаго дерева. Потомъ, мы обглодали до костей голубя и вахиря и нашли ихъ превосходными. Мясо ихъ пропитано запахомъ мускатныхъ орѣховъ, которыми они обыкновенно объѣдаются, чтѣ и придаетъ имъ превосходный вкусъ.

— Точно лударки откормленныя трюфелями, сказалъ Консель.

— Чего же вамъ теперь не достаетъ, Недъ? спросилъ я Канадца.

— Четвероногой дичи, господаиъ Ароннакъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ.—Всѣ эти голуби годятся только для забавы и нейдутъ въ счетъ настоящихъ блюдъ. Я не усложуюсь до тѣхъ поръ пока не убью животное годное для котлетъ!

— И я также, Недъ, если не поймаю райскую птицу.

— Будемъ же продолжать охоту, отвѣчалъ Консель; — но только отправимся назадъ къ морю. Мы дошли до первого склона горъ, и я думаю что намъ лучше возвратиться въ лѣсъ.

Советъ былъ разумель, и мы послѣдовали ему. Послѣ цѣлаго часа ходьбы, мы достигли настоящаго саговаго лѣса. Несколько безвредныхъ змѣй убѣгло изъ-подъ нашихъ ногъ. При нашемъ приближеніи райскія птицы быстро исчезали, и я терялъ надежду поймать ихъ; какъ вдругъ Консель, шедшій впереди насъ, нагнулся, испуская торжествующіе крики, и возвратился ко мнѣ съ великолѣпною парадизкой въ рукахъ.

— А! bravo, Консель! вскричалъ я.

— Господишь профессоръ слишкомъ любезень, отвѣчалъ Консель.

— Сомнѣнь нѣтъ, мой милый. Ты мастерски это сдѣлалъ. Взять птицу живою, и взять ее руками!

— Если господишь профессоръ взглянетъ на нее поближе, то увидитъ что въ этомъ нѣтъ большой заслуги.

— Почему же, Консель?

— Потому что эта птица пьяна какъ перелеака.

— Пьяна?

— Да, господишь профессоръ, пьяна отъ мускатныхъ ореховъ которые она ѣла подъ мускатнымъ деревомъ, откуда я ее и взялъ. Посмотрите, другъ Недъ, вотъ пагубное дѣйствіе невоздержности!

— Тысячу чертей! возразилъ Канадецъ:—меня нельзя упрекнуть въ томъ что я выпилъ много джину въ продолженіе двухъ этихъ мѣсяцевъ!

Между тѣмъ я разсматривалъ эту любопытную птицу. Консель не ошибся. Райская птица одурѣла отъ ольвяющаго сока, и была совершенно безпомощна. Она не могла летать, и даже едва ходила. Но меня это не тревожило, и я оставилъ ее отрезвляться.

Эта птица принадлежала къ самому красивому изъ восьми видовъ обитающихъ въ Новой-Гвиней и на сосѣднихъ островахъ. Это была парадизка золотистая, одна изъ самыхъ рѣдкихъ. Она имѣла три дециметра въ длину. Голова ея была относительно мала, глаза, помещенные у основанія клюва, также невелики. Но она представляла удивительное сочетаніе цвѣтовъ; клювъ желтый, ноги и когти темно-коричневые.

рылья орѣховаго цвѣта съ багрянымъ отѣнкомъ по краямъ, олова и задняя часть шеи блѣдно-желтая, горло изумрудное, рюхо и грудь темно-каштановыя. Надъ ея хвостомъ поднимались двѣ роговидныя и лушистыя нити, продолжавшіяся въ идѣ легкихъ, длинныхъ и удивительно тонкихъ перьевъ, доолявшихъ общій видъ этой чудесной птицы, которой туземцы дали ловтическое названіе „птицы солнца.“

Мнѣ очень хотѣлось привезти въ Парижъ этотъ прекрасный экземпляръ, и принести его въ даръ Ботаническому саду, да вѣтъ ли одной живой парадизки.

— Стало-быть онъ очень рѣдки? спросилъ Канадецъ тономъ хотника, не слишкомъ уважающаго дичь интересную только въ научной точки зрѣнія.

— Очень рѣдки, мой храбрый товарищъ, и сверхъ того пхъ очень трудно поймать живыми. Даже мертвыя онъ составляютъ предметъ значительной торговли. И потому туземцы придумали поддѣлывать ихъ какъ поддѣлываютъ жемчугъ и брилліанты.

— Какъ! вскричалъ Консель: — есть поддѣльныя райскія птицы?

— Да, Консель.

— А знаетъ ли господинъ профессоръ способъ производства туземцевъ?

— Какъ нельзя лучше. Парадизки, во время восточнаго мусона, теряютъ великолѣпныя перья, окружающія ихъ хвостъ, которыя натуралисты называютъ *субаларными*. Эти-то перья собираются поддѣлывателями фальшивыхъ пернатыхъ, и ловко прикрѣпляются къ самкѣ полугая, у которой предварительную выщипываютъ ея собственныя перья. Потомъ они закрашиваютъ пшвы, покрываютъ птицу лакомъ и отправляютъ произведенія своего страннаго искусства въ европейскіе музеи и разнымъ любителямъ.

— Хорошо! сказалъ Недъ-Ландъ.—Если птица не настоящая, а перья все-таки настоящія, и я не вижу тутъ большаго реда, такъ какъ животное не предназначается въ пищу!

Мое желаніе обладать парадизкой исполнилось, но желанія анадскаго охотника еще не были удовлетворены. Къ счастью, въ два часа пополудни Недъ-Ландъ убилъ великолѣпную лѣсую свинью, называемую туземцами *бари-утангъ*. Животное это пришлось очень кстати и доставило намъ настоящую четвероногую дичь. Недъ-Ландъ очень гордился своимъ славнымъ

выстрѣломъ. Электрическая пуля, коснувшись свиньи, положила ее мертвою на мѣстѣ.

Канадецъ снялъ съ нея кожу и чисто вылотношилъ, отоживъ заранѣе подюжины реберъ на жаркое къ ужину. Потомъ охота опять началась. Недъ-Ланду и Конселю еще предстояло отличиться своими подвигами.

Въ самомъ дѣлѣ, оба друга, обшаривая кустарники, слугали стадо кенгуру, которые побѣжали припрыгивая на своихъ эластичныхъ лапахъ. Но эти животныя не такъ быстро бѣжали чтобъ электрическая пуля не могла остановить ихъ.

— Ахъ, господишь профессоръ! вскричалъ Недъ-Ландъ, ярый охотникъ которому жажда добычи вскружила голову:— какаа прелехъ знаа дичь, особенно если приготовить изъ нея душиное мясо! сколько съѣстныхъ припасовъ для *Кораблика!* Два! три! пять убиты! И когда я только подумаю что мы съѣдимъ все это мясо, а дураки на кораблѣ не получаютъ ни крошки!

Я думаю что въ припадкѣ радости Канадецъ перебилъ бы все стадо, елибы говорилъ поменьше! Но онъ удовольствовался дюжиной этихъ интересныхъ сумчатыхъ животныхъ, составляющихъ первый порядокъ оныхъ, не имѣющихъ плаценты, какъ сказалъ намъ Консель. Эти животныя были не велики и принадлежали къ виду кенгуру-кроликовъ, обыкновенно живущихъ въ дуплахъ деревьевъ и прыгающихъ чрезвычайно быстро; но несмотря на свою незначительную величину, они доставляютъ самое вкусное мясо.

Мы были очень довольны результатомъ своей охоты. Веселый Недъ предлагалъ вернуться на слѣдующій день на этотъ очаровательный островъ, гдѣ онъ намѣревался истребить всѣхъ четвероногихъ годныхъ для пищи. Но онъ разчитывалъ не думая о томъ что могутъ встрѣтиться препятствія.

Въ шесть часовъ вечера мы возвратились на морской берегъ. Наша лодка стояла на прежнемъ мѣстѣ. *Корабликъ*, какъ длинный подводный камень, выставялся изъ-подъ волнъ въ двухъ миляхъ отъ берега.

Недъ-Ландъ немедленно занялся великимъ дѣломъ приготовления обѣда; онъ былъ удивительнымъ мастеромъ въ ловренномъ искусствѣ. Вскорѣ атмосфера наполнилась превосходнымъ запахомъ жарившихся на угольяхъ котлетъ изъ бари-утанга!...

Но я замѣчаю что самъ иду по столамъ Канадца и прихожу

въ восторгъ отъ жареной свѣжей свинины. Да простятъ мнѣ это, также какъ и я простилъ Недъ-Ланду, и по тѣмъ же причинамъ!

Однимъ словомъ, обѣдъ былъ превосходный. Два вяхиря дополнили этотъ необычный рядъ кушаній. Саговое тѣсто, хлѣбъ съ хлѣбнаго дерева, нѣсколько плодовъ манговаго дерева, полдюжины ананасовъ и перебродившій сокъ кокосовыхъ орѣховъ привели насъ въ веселое расположеніе духа. Я даже думаю что мысли моихъ достойныхъ товарищей не отличались надлежащею ясностью.

— Что еслибы мы не возвращались сегодня вечеромъ на бортъ *Кораблика*! сказалъ Консель.

— А еслибы мы никогда туда не возвращались? прибавилъ Недъ-Ландъ.

Вдругъ въ эту минуту къ нашимъ ногамъ упалъ камень и прервалъ предположенія китолова.

Г Л А В А X X I I .

Молнія капитана Немо.

Мы не вставая посмотрѣли по направленію лѣса; моя рука остановилась на полдорогѣ ко рту, рука же Недъ-Ланда оканчивала свою обязанность.

— Камни не падаютъ съ неба, сказалъ Консель, — а если падаютъ, то заслуживаютъ названія аэролитовъ.

Другой камень, тщательно округленный, выбившій изъ рукъ Конселя вкусную ножку вяхиря, придалъ еще болѣе убѣдительности его замѣчанію.

Мы встали всѣ трое, вскинувъ ружья на плеча, и были готовы отвѣчать на всякое нападеніе.

— Не обезьяны ли это? вскричалъ Недъ-Ландъ.

— Почти, отвѣчалъ Консель, — это дикари.

— Къ лодкѣ! сказалъ я, направляясь къ морю.

Дѣйствительно, пора было отступать; десятка два дикарей, вооруженныхъ луками и пращами, появились на опушкѣ маленькаго лѣска, который направо ограничивалъ горизонтъ и лежалъ на разстояніи почти ста шаговъ.

Наша лодка находилась въ десяти саженьяхъ отъ насъ.

Дикари приближались не торопясь, но выказывали самыя

враждебныя намѣренія. Камни и стрѣлы сылались на насъ. Недъ-Ландъ не хотѣлъ оставить свою провизію, несмотря на угрожающую опасность, и подвигался впередъ, впрочемъ довольно быстро, таща свинью одною рукой и кенгуру другою.

Въ двѣ минуты мы достигли плоскаго песчанаго берега. Нагрузить лодку провизіей и оружіемъ, столкнуть ее въ море, взяться за весла,—было дѣломъ одной минуты. Не успѣли мы отвѣхать двухъ кабельтовою, какъ до ста дикарей, завывая и размахивая руками, вошли по поясъ въ воду. Я смотрѣлъ, не вызоветъ ли ихъ появленіе кого-нибудь на платформу *Кораблика*. Но нѣтъ. Громадное судно, стоявшее въ открытомъ морѣ, было совершенно пусто.

Двадцать минутъ спустя, мы всходили на корабль. Люкъ былъ открытъ. Привязавъ лодку, мы вошли во внутренность *Кораблика*.

Я сошелъ въ залу, откуда слышались аккорды. Тамъ, нагнувшись надъ своимъ органомъ, сидѣлъ капитанъ Немо, погруженный въ музыкальный восторгъ.

— Капитанъ! сказалъ я ему.

Онъ не слышалъ меня.

— Капитанъ! повторилъ я, дотрогиваясь до него рукой.

Онъ вздрогнулъ и обернулся:

— Ахъ! это вы господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ. — Ну, что же, хороша ли была ваша охота, успѣшно ли вы ботанизировали?

— Да, капитанъ, отвѣчалъ я;—но, къ несчастію, мы привели за собой толпу двуногихъ, сосѣдство которыхъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ безопасно для насъ.

— Какихъ двуногихъ?

— Дикарей.

— Дикарей! насмѣшливо отвѣчалъ капитанъ Немо.—И вы удивляетесь, господинъ профессоръ, что ступивъ на землю нашли на ней дикарей? Гдѣ же ихъ нѣтъ? И будто они хуже другихъ, эти люди которыхъ вы называете дикарями?

— Но, капитанъ....

— Что касается до меня, господинъ профессоръ, то я ихъ встрѣчалъ повсюду.

— Но все-таки, отвѣчалъ я,—если вы не желаете видѣть ихъ на кораблѣ, то вамъ лучше принять какія-нибудь предосторожности.

— Успокойтесь, господинъ профессоръ, тутъ не о чемъ такъ безпокоиться.

— Но эти дикари многочисленны.

— Сколько же вы ихъ насчитали?

— По крайней мѣрѣ до сотни.

— Господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ, снова опуская руки на клавиши органа,—еслибы всѣ туземцы Палуазіи собрались на этомъ берегу, то и тогда *Кораблику* нечего было бы бояться ихъ нападенія!

Пальцы капитана забѣгали по клавишамъ, и я замѣтилъ что онъ бралъ только черныя косточки, что придавало его мелодіямъ совершенно шотландскій оттѣнокъ. Вскорѣ онъ забылъ о моемъ присутствіи и погрузился въ мечты, изъ которыхъ я болѣе не старался его вывести. Я вышелъ на платформу. Ночь уже наступила, потому что подъ низкими широтами солнце садится очень быстро и безъ сумерекъ. Я едва могъ различать островъ Гвебороаръ. Но многочисленные огни зажженные на морскомъ берегу свидѣтельствовали о томъ что дикари не думали его покидать.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ я сидѣлъ тутъ одинъ, то думая о туземцахъ,—которыхъ я впрочемъ не боялся болѣе: непоколебимая увѣренность капитана овладѣвала и мной,—то забывая ихъ чтобы любоваться великолѣпнѣмъ тропической ночи. Вслѣдъ за созвѣздіями зодіака, которыя должны были черезъ нѣсколько часовъ освѣщать Францію, я мысленно переносился туда. Луна сіяла во глубинѣ неба, окруженная созвѣздіями зенита. Я думалъ что послѣзавтра этотъ вѣрный и любезный спутникъ возвратится опять на то же мѣсто, подниметъ море и сниметъ корабль съ его кораллового ложа. Около полуночи, видя что все спокойно на потемнѣвшихъ волнахъ и на берегу подъ деревьями, я ушелъ въ свою каюту и спокойно заснулъ.

Ночь прошла безъ приключеній. Безъ сомнѣнія, Палуасы были услуганы видомъ чудовища лежащаго въ бухтѣ и не приближались, несмотря на то что доступъ во внутренность судна былъ свободенъ, и подъемная дверь открыта.

Въ шесть часовъ утра, 8го января, я вышелъ на платформу. Поднимались утреннія испаренія. Сквозь разсѣявшійся морской туманъ вскорѣ показался островъ: сначала берега его, потомъ вершины.

Туземцы были тамъ, но гораздо многочисленнѣе чѣмъ

наканувъ; ихъ было человекъ пятьсотъ или шестьсотъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь низкимъ отливомъ, приблизились къ *Кораблику* почти на два кабельтова, ступая по коралламъ. Я ихъ ясно различалъ. Это были настоящіе Палуасы, красное племя, отличающееся атлетическимъ ростомъ, широкимъ и возвышеннымъ лбомъ, толстымъ, но не приплюснутымъ носомъ и бѣлыми зубами. Ихъ пушистые, выкрашенные красною краской волосы рѣзко отдѣлялись отъ цвѣта ихъ кожи. черной и блестящей какъ у Нубійцевъ. Въ мочкахъ ихъ ушей, разрѣзанныхъ и растянутыхъ, висѣли костяныя четки. Вообще всѣ дикари были нагіе. Между ними я замѣтилъ нѣсколько женщинъ, которыя были одѣты въ настоящіе кринолины изъ травы идущіе отъ бедръ до коленъ и поддерживаемые поясомъ изъ растительныхъ волоконъ. Нѣкоторые начальники носили на шеѣ украшенія въ видѣ полумѣсяца и ожерелья изъ бѣлыхъ и красныхъ стеклянныхъ бусъ. Всѣ почти были вооружены луками, стрѣлами и щитами, и имѣли на плечахъ что-то похожее на сѣти, гдѣ лежали круглые камни, которые они очень ловко бросали своими пращами.

Одинъ изъ этихъ начальниковъ, стоявшій ближе къ *Кораблику*, внимательно разсматривалъ его. Должно-быть это былъ „мадо“ изъ высшаго класса, потому что онъ драпировался въ циновку изъ банановыхъ листьевъ съ зубцами по краямъ пестрѣвшую самыми яркими красками.

Я легко могъ убить этого туземца, стоявшаго очень близко, но разсудилъ что лучше подождать дѣйствительно враждебныхъ заявленій съ ихъ стороны. При встрѣчѣ Европейцевъ съ дикарями, Европейцамъ слѣдуетъ защищаться отъ нападенія, а не нападать.

Во все время оглува туземцы бродили около *Кораблика*, но не шумѣли. Я слышалъ что они часто повторяли слово „ассаи“, и по ихъ жестамъ понималъ что они приглашаютъ меня сойти на землю, но счелъ удобнѣе уклониться отъ этого приглашенія.

Итакъ, къ большой досадѣ Недъ-Ланда, ему невозможно было пополнить свой запасъ провизіи, потому что въ этотъ день лодка не покидала корабля. Искусный Канадецъ занимался приготовленіемъ мяса и муки привезенныхъ имъ съ острова. Что же касается дикарей, то они возвратились на берегъ къ 11ти часамъ утра, лишь только начался приливъ и верхушки коралловъ стали исчезать подъ водой. Но я видѣлъ что на берегу число ихъ значительно увеличилось. Вѣроятно,

они прїѣзжали съ сосѣднихъ острововъ, или съ самой Новой Гвиней. Однакоже я не могъ замѣтить ни одной туземной пироги.

Отъ нечего дѣлать я вздумалъ половить драгой въ этой прекрасной прозрачной водѣ, гдѣ въ изобиліи видѣлись раковины, зоофиты и морскія растенія. Сверхъ того это былъ послѣдній день пребыванія *Кораблика* въ этихъ мѣстахъ, если только, согласно обѣщанію капитана Немо, онъ выйдетъ на другой день въ открытое море.

Я позвалъ Конселя, и онъ принесъ мнѣ маленькую легкую драгу, похожую немного на тѣ которыми ловятъ устрицъ.

— А дикари? спросилъ меня Консель.— Не во гнѣвъ будь сказано господину профессору, они, кажется, вовсе не злы.

— Однакоже они людодѣды, мой милый.

— Можно быть людодѣдомъ и въ то же время честнымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Консель, — также какъ обжорой и честнымъ мальымъ. Одно не исключаетъ другаго.

— Хорошо, Консель, я согласенъ съ тобой что это честные людодѣды, и что они честно пожираютъ своихъ лѣвниковъ. Но такъ какъ я не хочу быть съѣденнымъ даже честно, то и буду остерегаться, потому что командиръ *Кораблика*, какъ видно, не думаетъ принимать никакихъ предосторожностей. А теперь за работу.

Въ продолженіи двухъ часовъ мы дѣлательно занимались своею ловлей, не находя однако ничего рѣдкаго. Драга наполнялась медвѣжьими ушками, арфами, меланіями и самыми красивыми молотками, какихъ когда-либо случалось мнѣ видать. Мы также поймали нѣсколько кубышекъ, жемчужныхъ раковинъ и дюжину маленькихъ черепахъ, которыхъ оставили для корабельнаго стола.

Но въ ту минуту какъ я менѣе всего думалъ объ этомъ, мнѣ попалось въ руку чудесное произведеніе, или, говоря точнѣе, естественная уродливость, очень рѣдко встрѣчаемая. Консель закинулъ драгу и вытащилъ много разныхъ довольно обыкновенныхъ раковинъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ что я быстро опускаю руку въ сѣть и выхватываю оттуда раковину, испуская крикъ конхилиолога, то-есть самый произвольный крикъ когда-либо вылетавшій изъ человѣческаго горла.

— Ахъ! Что случилось съ господиномъ профессоромъ? спро-

силъ удивленный Консель. — Не укусилъ ли кто господина профессора?

— Нѣтъ, любезный, но тѣмъ не менѣе я охотно полагался бы пальцемъ за свою находку.

— Какую находку?

— Эта раковина, сказалъ я, показывая предметъ своего торжества.

— Но это просто *oliva purpura*, принадлежащая къ роду *oliva*, грулиѣ гребенчато-жаберныхъ, къ классу брюхоногихъ, къ отдѣлу моллюсковъ....

— Да, Консель; но вмѣсто того чтобы завертываться справа направо, эта *oliva* завертывается слѣва направо!

— Возможно ли это? вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, это лѣвша!

— Раковина-лѣвша, повторялъ Консель, дрожа отъ волненія.

— Посмотри на ея завитокъ.

— Ахъ! Господинъ профессоръ можетъ повѣрить, сказалъ Консель, взявъ дрожащими руками драгоценную раковину, — что я никогда не испытывалъ подобнаго волненія!

И было отчего волноваться! Дѣйствительно, по наблюденіямъ натуралистовъ, извѣстно что правая сторона имѣетъ преимущество: это законъ природы. Всѣ свѣтила со своими спутниками въ своемъ движеніи и кругообращеніи направляются справа направо. Человѣкъ работаетъ чаще правою рукою чѣмъ лѣвою, слѣдовательно его инструменты и снаряды, лѣстницы, замки, пружины часовъ и т. д. приспособлены для употребленія справа направо. Точно также и природа, свивая раковины, постоянно слѣдовала этому закону. Всѣ онѣ завертываются справа, а если иногда и попадаются завитки идущіе слѣва, то любители покупаютъ такія раковины на вѣсъ золота.

Итакъ мы съ Конселемъ погрузились въ созерцаніе нашего сокровища, и я намѣревался обогатить имъ музей, какъ вдругъ камень, некстати брошенный однимъ изъ туземцевъ, разбилъ драгоценный предметъ въ рукахъ Консея.

У меня вырвался крикъ отчаянія. Консель бросился къ моему ружью и прицѣлился въ дикаря, который размахивалъ своею пращей въ десяти метрахъ отъ него. Я хотѣлъ его остановить, но онъ уже выстрѣлилъ и разбилъ браслетъ изъ амулетовъ, висѣвшій на рукѣ туземца.

— Консель! вскричалъ я.—Консель!

— Ну что же! Развѣ господинъ профессоръ не видитъ что этотъ людоедъ первый сдѣлалъ нападеніе?

— Раковина не стоить жизни человѣка! сказалъ я ему.

— Ахъ! Бездѣльникъ! вскричалъ Консель:—лучше бы онъ раздробилъ мнѣ плечо!

Консель говорилъ искренно, но я не былъ съ нимъ согласенъ. Между тѣмъ уже за нѣсколько минутъ положеніе измѣнилось, но мы этого не замѣтили. Десятка два пирогаъ окружили *Корабликъ*. Эти пироги, или выдолбленные древесные стволы, длинныя и узкія, хорошо разчитанныя для плаванія, уравнивались посредствомъ двойнаго бамбуковаго балансира плававшего на поверхности воды. Они были управляемы искусными полунагими гребцами, и я съ безпокойствомъ слѣдилъ за ихъ приближеніемъ. Очевидно было что эти Палуасы уже имѣли сношеніе съ Европейцами и что имъ были знакомы ихъ корабли. Но что они думали объ этомъ длинномъ стоящемъ въ бухтѣ желѣзномъ цилиндрѣ безъ мачтъ и трубы? Вѣроятно ничего хорошаго, потому что они сначала держались въ почтительномъ отъ него отдаленіи. Но видя его неподвижность, они становились мало-по-малу смѣлѣе и старались съ нимъ освоиться. Но теперь-то и наступило время помѣшать ихъ приближенію. Наше оружіе, стрѣлявшее безъ шума, не могло произвести сильнаго впечатлѣнія на туземцевъ, которые боятся однихъ громозвучныхъ орудій. Молнія безъ раскатовъ грома не очень испугаетъ человѣка, несмотря на то что вся опасность въ молніи, а не въ ударѣ грома. Въ эту минуту пироги еще приблизились къ *Кораблику*, и тучи стрѣлъ посыпались на его палубу.

— Чортъ возьми! Градъ идетъ! сказалъ Консель:—и можетъ быть отравленный градъ!

— Надо предупредить капитана Немо, сказалъ я, входя въ подъемную дверь.

Я сошелъ въ залу; тамъ никого не было. Я рѣшился постучать въ дверь которая вела въ комнату капитана.

— Войдите, было мнѣ отвѣтомъ.

Я вошелъ и засталъ капитана Немо погруженнаго въ вычисленія, въ которыхъ не было недостатка въ X и другихъ алгебраическихъ знакахъ.

— Я васъ обезпокоилъ? сказалъ я изъ вѣжливости.

— Дѣйствительно, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ мнѣ

капитанъ;—но я полагаю что важныя причины заставили васъ придти сюда.

— Очень важныя. Пирогѣ окружили насъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ осаждены нѣсколькими сотнями дикарей.

— А! спокойно отвѣтилъ капитанъ Немо.—Они приплыли въ своихъ пирогахъ?

— Да, капитанъ.

— Ну что же, господинъ профессоръ, надо запереть подъемную дверь, и только.

— Такъ точно, и я пришелъ вамъ сказать....

— Ничего нѣтъ легче, сказалъ капитанъ Немо.

И прижавъ электрическую пуговицу, онъ передалъ свое приказаніе экипажу.

— Вотъ и все сдѣлано, господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько минутъ.—Лодка на мѣстѣ, и подъемная дверь заперта. Я думаю, вы не опасаетесь что эти господа проломаютъ стѣны, которыхъ не могли пробить пушечныя ядра вашего фрегата?

— Нѣтъ, капитанъ, но существуетъ еще опасность.

— Какая, господинъ профессоръ?

— Та что завтра въ этотъ же самый часъ надо будетъ открыть подъемныя двери для возобновленія воздуха на *Корабликѣ*.

— Конечно, господинъ профессоръ, потому что нашъ корабль дышетъ какъ китообразныя животныя.

— Ну, а если въ это время Палуасы будутъ на платформѣ, то я не понимаю какимъ образомъ вы помѣшаете имъ проникнуть во внутренность судна?

— А вы предполагаете, господинъ профессоръ, что они взойдутъ на платформу?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Ну что же, господинъ профессоръ, пускай взойдутъ. Я не вижу никакой надобности мѣшать имъ. Въ сущности эти Палуасы бѣдняги, и я не желаю чтобы мое посѣщеніе острова Гвембораара стоило жизни хоть одному изъ этихъ несчастныхъ!

Кончивъ этотъ разговоръ, я хотѣлъ удалиться, но капитанъ Немо удержалъ меня и пригласилъ сѣсть рядомъ съ нимъ. Онъ съ любопытствомъ распрашивалъ меня о нашихъ сухопутныхъ экскурсіяхъ, о нашей охотѣ и, казалось, не

понималъ страстнаго желанія Канадца поѣсть мяса. Потомъ разговоръ слегка коснулся различныхъ предметовъ, и хотя капитанъ Немо не сдѣлался откровеннѣе, но все-таки сталъ гораздо любезнѣе.

Между прочимъ разговоръ коснулся положенія *Кораблика*, который стоялъ на мели въ томъ же проливѣ гдѣ Дюмонъ-Дюрвиль едва не погибъ. По поводу этого случая капитанъ сказалъ мнѣ:

— Этотъ Дюмонъ-Дюрвиль былъ однимъ изъ вашихъ великихъ моряковъ, однимъ изъ самыхъ разумныхъ мореплавателей! Это вашъ французскій капитанъ Кукъ. Несчастный ученый! Преодолѣть сплошные льды южнаго полюса, караловые рифы Океаніи, людодовъ Тихаго океана, и послѣ этого погибнуть жалкимъ образомъ на поѣздѣ желѣзной дороги! Можете ли вы вообразить что долженъ былъ передумать этотъ энергическій человекъ, если только онъ могъ размышлять въ послѣднія секунды своей жизни!

Говоря такимъ образомъ, капитанъ Немо казался взволнованнымъ, и это волненіе возвысило его въ моемъ мнѣніи.

Потомъ, съ картою въ рукахъ, мы прослѣдили труды французскаго мереплавателя, его кругосвѣтныя путешествія, его двойную попытку на южномъ полюсѣ, которая повела къ открытію земель Амелии и Лудовика-Филиппа, и наконецъ его гидрографическіе планы главныхъ острововъ Океаніи.

— То что вашъ Дюрвиль сдѣлалъ на поверхности морей, сказалъ капитанъ Немо, — то сдѣлалъ я въ самомъ океанѣ, но гораздо легче и полнѣе чѣмъ онъ. *Астролябія* и *la Zélé*, постоянно боровшіяся съ ураганами, не могли равняться своими силами съ *Корабликомъ* и съ покойнымъ рабочимъ кабинетомъ, который дѣйствительно неподвиженъ посреди водъ!

— Однакоже, капитанъ, сказалъ я, — между корветами Дюмонъ-Дюрвиля и *Корабликомъ* есть сходство.

— Какое, господинъ профессоръ?

— То что *Корабликъ* также сталъ на мель какъ и они!

— *Корабликъ* не стоитъ на мели, господинъ профессоръ, холодно отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо. — Онъ такъ устроенъ что можетъ отдыхать на днѣ морей. И я никогда не предприму трудныхъ работъ и маневровъ къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Дюрвиль чтобы снять съ мели свои корветы. *Астролябія* и *la Zélé* едва не погибли, но моему *Кораблику* не предстоитъ никакой опасности. Завтра, въ назначенные день

и часъ, морской приливъ приподниметь его безъ хлопотъ, и онъ опять начнетъ свое плаваніе.

— Капитанъ, сказалъ я,—я не сомнѣваюсь...

— Завтра прибавилъ капитанъ Немо вставая,—завтра въ два часа сорокъ минутъ вечера *Корабликъ* поплыветъ и минуетъ безъ малѣйшаго поврежденія Торресовъ проливъ.

Сказавъ эти слова отрывистымъ тономъ, капитанъ Немо слегка поклонился: это значило что онъ прощается со мной, и я ушелъ въ свою комнату.

Тамъ я нашелъ Конселя, желавшаго знать о результатѣ моего свиданія съ капитаномъ.

— Мой другъ, отвѣчалъ я,—когда я высказалъ мнѣніе что его *Кораблику* угрожаютъ дикари Полуазіи, капитанъ отвѣчалъ мнѣ очень насмѣшливо. Я одно только могу сказать тебѣ до вѣрся ему и спи покойно.

— Господинъ профессоръ не нуждается въ моихъ услугахъ?

— Нѣтъ, другъ мой. Чтò дѣлаетъ Недъ-Ландъ?

— Съ позволенія господина профессора, отвѣчалъ Консель,—другъ Ландъ готовитъ лаштетъ изъ кенгуру, который будетъ чудомъ кулинарнаго искусства.

Оставшись одинъ, я легъ, но спать довольно дурно. Я слышалъ какъ шумѣли дикари, топая ногами по платформѣ и испускавая оглушительные крики. Такъ прошла ночь, а экипажъ по прежнему не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Присутствіе дикарей не тревожило его, какъ не тревожатъ солдатъ блиндированной крѣпости муравьи бѣгающіе по ихъ блиндажъ. Я всталъ въ шесть часовъ утра. Подъемная дверь не открывалась. Стало-быть внутри воздухъ не возобновлялся, но резервуары были на всякій случай наполнены и, въ-время приведенные въ дѣйствіе, распространили нѣсколько кубическихъ метровъ кислорода въ обвѣнѣвшую атмосферу *Кораблика*.

Я работалъ въ своей комнатѣ до полудня, не видавъ ни на одну минуту капитана Немо. На корабль, казалось, не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

Подождавъ еще нѣсколько времени, я отправился въ большую залу. Часы показывали половину третьяго. Черезъ десять минутъ морской приливъ долженъ былъ достигнуть своего maximumъ, и *Корабликъ*, если только обѣщаніе капитана Немо не было слишкомъ самонадѣянно, могъ немедленно подняться на воду. Въ противномъ же случаѣ ему придется провести не мало мѣсяцевъ на своемъ коралловомъ дождѣ.

Между тѣмъ въ кузовѣ корабля вскорѣ почувствовалось нѣкоторое содраганіе, какъ будто предвозвѣщавшее скорое освобожденіе. Я слышалъ какъ его обшивка скригѣла на шероховатой известковой почвѣ коралловаго дна.

Капитанъ Немо вошелъ въ залу въ 35 минутъ третьяго.

— Мы сейчасъ выйдемъ, сказалъ онъ.

— А! воскликнулъ я.

— Я отдалъ приказаніе открыть подъемную дверь.

— А Палуасы?

— Палуасы? отвѣчалъ капитанъ Немо, слегка пожимая плечами.

— Они проникнутъ во внутренность *Кораблика*.

— Какимъ образомъ?

— Черезъ подъемную дверь которую вы велѣли открыть.

— Господинъ Аронаксъ, спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо, — не всегда можно войти въ подъемную дверь *Кораблика* даже если она и открыта.

Я посмотрѣлъ на капитана.

— Вы не понимаете? сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ.

— Хорошо. Пойдемте, и вы увидите.

Я отправился къ центральной лѣстницѣ. Тамъ Недъ-Ландъ и Консель съ любопытствомъ смотрѣли какъ нѣсколько членовъ экипажа отворяли подъемную дверь, между тѣмъ какъ снаружи раздавались яростные крики и ужасные вопли. Дверь откинули на внѣшнюю сторону корабля. Показалось два десятка ужасныхъ лицъ. Но первый изъ туземцевъ, положившій руку на перила лѣстницы, былъ отброшенъ назадъ какою-то невидимой силой и убѣжалъ прочь съ ужасными криками и неустовыми прыжками. Десять товарищей послѣдовали за нимъ, и всѣ десятеро подверглись той же участи.

Консель былъ въ восторгѣ. Недъ-Ландъ, увлеченный своими воинственными наклонностями, бросился на лѣстницу. Но лишь только онъ схватился обѣими руками за перила, какъ въ свою очередь былъ опрокинутъ.

— Тысячу чертей! закричалъ онъ. — Я пораженъ молніей.

Эти слова все мнѣ объяснили. Металлическія перила превратились въ проводникъ электричества, оканчивающійся на самой платформѣ. Кто до него дотрогивался чувствовалъ страшное потрясеніе, и это потрясеніе было бы смертельно, еслибы капитанъ Немо провелъ въ этотъ проводникъ весь

токъ, сила котораго равнялась бы всей силѣ тока его батарей! Дѣйствительно, между налаждающими и имъ была, такъ сказать, протянута электрическая сѣть, которую никто не могъ безнаказанно пройти.

Между тѣмъ испуганные и обезумѣвшіе отъ ужаса Папуасы отступали. Мы же, едва удерживаясь отъ смѣха, утѣшались и отгирали Нель-Ланда, который ругался какъ бѣснующійся. Въ эту минуту *Корабликъ*, приподнятый послѣдними струями морскаго прилива, покинулъ свое коралловое ложе, ровно въ сорокъ минутъ — время съ такою точностью назначенное капитаномъ. Винтъ его съ величественною медленностью разсѣкалъ воды. Но мало-по-малу быстрота его увеличилась, и плывя на поверхности океана, онъ цѣлъ и невредимъ миновалъ опасные проходы Торресова пролива.

ГЛАВА XXIII.

A e g r i s o m n i a.

На слѣдующій день, 10го января, *Корабликъ* снова началъ свое плаваніе подъ водой; онъ шелъ съ замѣчательною быстротой. Онъ, я полагаю, дѣлалъ по крайней мѣрѣ тридцать пять миль въ часъ. Быстрота его винта была такова что я не могъ ни слѣдить за его поворотами, ни считать ихъ.

Но когда я вспомнилъ что эта чудная сила электричества не только приводитъ въ движеніе, нагрѣваетъ и освѣщаетъ *Корабликъ*, но даже защищаетъ отъ вѣшнихъ наладеній, превращая его въ святыню, къ которой ни одинъ непосвященный не можетъ безнаказанно прикоснуться, то моему удивленію не было границъ; и отъ аппарата мысли мои тотчасъ же перенеслись на инженера его создаваго.

Мы прямо направлялись на западъ, и 11го января обогнули мысъ Вессель, лежащій между 135° долготы и 10° сѣверной широты, и ограничивающій съ востока заливъ Карлантиеріи. Подводные рифы, все еще многочисленныя, встрѣчались однако гораздо рѣже, и были обозначены на картѣ съ чрезвычайною точностью. *Корабликъ* легко обогнулъ бурныя Монея, и подводный рифъ Викторіи, лежащій подъ 130° долготы и подъ десятымъ параллельнымъ кругомъ, котораго мы неуклонно держались.

Калитанъ Немо прибылъ 13го января въ Тиморское море въ виду острова того же имени, находящагося подъ 122° долготы. Этотъ островъ, имѣющій тысячу шестьсотъ двадцать лять квадратныхъ миль, управляется раджами. Князья эти называютъ себя сыновьями крокодиловъ, то-есть производятъ себя отъ самой высшей породы, о которой только можетъ мечтать смертный. Рѣки острова изобилуютъ этими чешуйчатыми прародителями, которые служатъ предметомъ особеннаго благоговѣнія. Ихъ защищаютъ, балуютъ, кормятъ, имъ льстятъ, предлагаютъ въ лицу молодыхъ дѣвушекъ, и горе чужеземцу поднявшему руку на этихъ священныхъ ящерицъ.

Но *Кораблику* не пришлось столкнуться съ этими отвратительными животными. Тиморъ оказался въ полдень только на одну минуту, когда подшкиперъ опредѣлялъ его положеніе. Также только мелькомъ видѣлъ я маленькій островъ Ротти, принадлежащій къ той же группѣ, женщины котораго славятся на малайскихъ рынкахъ своею красотой.

Отсюда *Корабликъ*, относительно широты, уклонился къ юго-западу. Судно направилось къ Индійскому океану. Куда же увлекала насъ фантазія капитана Немо? Возвратится ли онъ къ берегамъ Азіи, или приблизится къ берегамъ Европы? Последнее предположеніе имѣло мало вѣроятности, такъ какъ *Корабликъ*, казалось, избѣгалъ населенныхъ материковъ. Слѣдуетъ ли онъ къ югу, или, быть-можетъ, обогнетъ мысъ Доброй Надежды, потомъ мысъ Горнъ и направится къ южному полюсу? Наконецъ, возвратится ли онъ въ Тихій океанъ, гдѣ *Корабликъ* можетъ плавать легко и независимо? Только будущее могло разрѣшить эти вопросы. Миновавъ подводные рифы Картье, Гибернии, Серингалатама, Скотта, послѣднія усилія твердой стихіи побѣдить жидкую, мы 14го января потеряли изъ виду всѣ земли. Быстрота *Кораблика* значительно сократилась и, причудливый въ своихъ движеніяхъ, онъ то плылъ въ глубинѣ водъ, то на поверхности ихъ.

Въ теченіи этого времени капитанъ Немо дѣлалъ интересные опыты надъ различными температурами моря, въ разныхъ его слояхъ. При обыкновенныхъ условіяхъ эти измѣренія дѣлаются посредствомъ довольно сложныхъ инструментовъ, вѣрность которыхъ до нѣкоторой степени сомнительна, употребляются ли термометрическіе лоты, причемъ стекла очень часто разбиваются отъ давленія воды, или аппараты основанные на различіи сопротивленія металловъ электриче-

скому току. Нѣтъ возможности основательно провѣрить полученные такимъ образомъ результаты. Но капитанъ Немо отправлялся самъ въ глубину моря для изученія температуры, и термометръ его, сообщавшійся съ различными слоями жидкаго элемента, непосредственно и вѣрно опредѣлялъ ему температуру. Итакъ, *Корабликъ*, то наполняя свои резервуары, то спускаясь вкось посредствомъ своихъ наклонныхъ плоскостей, послѣдовательно достигалъ глубины трехъ, четырехъ, пяти, семи, девяти и десяти тысячъ метровъ; окончательный же результатъ этихъ опытовъ привелъ къ заключенію что на глубинѣ тысячи метровъ, подъ всѣми широтами, постоянная температура моря четыре съ половиною градуса.

Съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ я за этими опытами. Капитанъ Немо занимался ими съ истинною страстью. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: съ какою цѣлью дѣлаетъ онъ эти наблюденія? Чтобы принести пользу человечеству? Это было вѣроятно; потому что труды его не сегодня такъ завтра погибнуть вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ морѣ! Развѣ онъ предназначалъ мнѣ результаты своихъ опытовъ? Но тогда надо было допустить что моему странному путешествію будетъ конецъ, а этого-то и не предвидѣлось.

Какъ бы то ни было, капитанъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ различныя цифры, точно опредѣляющія плотность воды въ главныхъ моряхъ земнаго шара. Изъ этихъ сообщеній я вывелъ поученіе лично меня касающееся и не имѣвшее въ себѣ ничего научнаго.

Это было утромъ 15го января. Капитанъ Немо, ходившій со мной по платформѣ, спросилъ меня, знаю ли я различную плотность морскихъ водъ. Я отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ что наукѣ недостаетъ точныхъ наблюденій по этому предмету.

— Я дѣлалъ эти наблюденія; сказалъ онъ мнѣ,—и могу ручаться за ихъ точность.

— Хорошо, отвѣчалъ я,—но *Корабликъ* совсѣмъ отдѣльный міръ, и тайны его ученыхъ никогда не дойдутъ до земли.

— Вы правы, господаиъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.— Это отдѣльный міръ. Для земли онъ то же что планеты обращающіяся вмѣстѣ съ нею вокругъ солнца. Никогда тамъ не узнаютъ о трудахъ ученыхъ на Сатурнѣ и Юпитерѣ. Но такъ какъ случай связалъ наши

существованія, то я могу сообщить вамъ результаты своихъ наблюдений.

— Я васъ слушаю, капитанъ.

— Вы знаете, господинъ профессоръ, что морская вода плотнѣ прѣсной, но эта плотность не вездѣ одинакова. Дѣйствительно, если мы выразимъ плотность прѣсной воды единицей, то получимъ единицу и двадцать восемь тысячныхъ для водъ Атлантическаго океана, единицу и двадцать шесть тысячныхъ для водъ Тихаго океана и единицу и тридцать тысячныхъ для Средиземнаго моря.

„А!“ подумалъ я, „онъ пускается и въ Средиземное море!“

— Для водъ Ионійскаго моря единицу и восемнадцать тысячныхъ, а для Адриатическаго моря единицу и двадцать девять тысячныхъ.

Корабликъ, очевидно, не избѣгалъ и европейскнхъ морей, и я изъ этого заключилъ что онъ привезетъ насъ,—можетъ-быть и скоро,—къ болѣе цивилизованнымъ континентамъ. Я подумалъ что Недъ-Ландъ, весьма естественно, съ большимъ удовольствіемъ услышитъ это извѣстіе.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы производили различные опыты относившіеся къ степени солености морскихъ водъ на разныхъ глубинахъ, къ ихъ электризаціи, цвѣту, прозрачности, и во всѣхъ этихъ случаяхъ капитанъ Немо выказывалъ такую проникаемость, которая равнялась только его благосклонности ко мнѣ. Потому я не видалъ его нѣсколько дней и снова былъ совершенно одинокъ на его кораблѣ.

16го января *Корабликъ*, казалось, уснулъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ. Его электрическіе аппараты не дѣйствовали, винтъ былъ неподвиженъ, и судно предоставлено было на произволь теченія. Я предполагалъ что экипажъ занимался внутренними поправками, необходимыми при сильныхъ движеніяхъ машины.

Мнѣ и моимъ товарищамъ пришлось быть свидѣтелями одного очень любопытнаго зрѣлища. Ставни въ окнахъ залы были открыты, а такъ какъ маякъ *Кораблика* не освѣщался, то кругомъ царствовала темнота. Небо обѣщавшее грозу и покрытое густыми облаками слабо освѣщало верхніе слои океана.

Я наблюдалъ состояніе моря при этихъ условіяхъ, и самыя большія рыбы казались мнѣ едва замѣтными тѣнями, какъ вдругъ *Корабликъ* ярко освѣтился. Сначала я думалъ что опять засвѣтили маякъ, и что онъ обливалъ жидкую массу

своимъ электрическимъ свѣтомъ. Но я ошибаясь, и послѣ кратковременнаго наблюденія понялъ свое заблужденіе.

Корабликъ плылъ въ слояхъ воды освѣщенной фосфорическимъ свѣтомъ, который казался еще ослѣпительнѣе среди окружавшей его темноты. Онъ происходилъ отъ мириадъ свѣтящихся микроскопическихъ животныхъ, свѣтъ которыхъ увеличивался отъ ихъ прикосновенія къ металлическому корпусу корабля. Тогда, посреди этихъ сіявшихъ слоевъ, я замѣчалъ вѣлышки, похожія на блескъ расплавленнаго свѣда, льющагося изъ пылающаго горна, или на металлическія массы раскаленныя до бѣла, такъ что нѣкоторыя менѣе яркія полосы казались какъ будто въ тѣни, хотя въ этомъ огненномъ пространствѣ никакая тѣнь, повидимому, не должна была появляться. Нѣтъ, это не были равномерныя, спокойно льющіеся лучи нашего обыкновеннаго освѣщенія! Тутъ была сила и необыкновенное движеніе. Въ этомъ свѣтѣ чувствовалась жизнь.

Дѣйствительно, это было безконечное скопленіе морскихъ инфузорій, а именно *Noctiluca miliaris*, имѣющихъ видъ шариковъ изъ прозрачнаго студенистаго вещества, снабженныхъ нитеобразнымъ щупальцемъ: въ тридцати кубическихъ сантиметрахъ воды ихъ насчитываютъ до двадцати лята тысячъ. Свѣтъ ихъ усиливался еще вслѣдствіе особеннаго мерцанія, свойственнаго медузамъ, морскимъ звѣздамъ, аурелиямъ, *Pholas datta* и другимъ фосфорическимъ зоофитамъ, пропитаннымъ жирными органическими веществами, разлагающимися въ морѣ и, можетъ-быть, даже слизистою жидкостью, выделяемою рыбами.

Корабликъ плылъ нѣсколько часовъ посреди этихъ блестящихъ волнъ, и изумленіе наше еще болѣе увеличилось при видѣ большихъ морскихъ животныхъ, игравшихъ въ нихъ какъ саламандры. Въ этомъ не жгучемъ огнѣ я увидалъ красивыхъ и быстрыхъ дельфиновъ, настоящихъ морскихъ китовъ, и *istiophor* длиной въ три метра, разумныхъ прѣвѣстниковъ урагана, страшные мечи которыхъ ударились въ окна залы. Потомъ появились болѣе мелкія рыбы, *balistes varius*, *scomber saltans* и сотни другихъ, которыя своими движеніями бороздили свѣтящуюся атмосферу.

Было что-то чарующее въ этомъ ослѣпительномъ зрѣищѣ. Можетъ-быть какая-нибудь особенность въ атмосферныхъ условіяхъ увеличивала напряженіе этого свѣта? Можетъ-быть

на поверхности океана разразилась гроза? Но на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ *Корабликъ* не чувствовалъ ея ярости и тихо покачивался посреди спокойныхъ водъ.

Между тѣмъ мы продолжали свое плаваніе, безпрестанно восхищаясь какимъ-нибудь новымъ чудомъ. Консель наблюдалъ и классифировалъ своихъ зоофитовъ, членистыхъ, моллюсковъ и рыбъ. Дни быстро проходили, и я не считалъ ихъ боляе. Недѣль, по своей привычкѣ, старался разнообразить столъ корабля. Какъ настоящія улитки, мы сидѣли въ своей раковинѣ, и я утверждаю что очень легко сдѣлаться настоящею улиткой.

Жизнь наша текла мирно, естественно, и мы забыли что на поверхности земнаго шара существуетъ иная жизнь, какъ вдругъ одно неожиданное событіе напомнило намъ о странности нашего положенія.

18го января *Корабликъ* находился подъ 105° долготы и 15° южной широты. Погода стояла бурная, море волновалось. Дулъ сильный восточный вѣтеръ. Барометръ, понижавшійся нѣсколько дней, предвѣщала наступающую борьбу стихій.

Я вышелъ на платформу въ ту минуту; когда подшкиперъ опредѣлялъ часовой уголъ. Я по обыкновенію ждалъ повторенія ежедневной фразы. Но въ этотъ день ее замѣнили другою, не менѣе нелогичною. Почти тотчасъ же явился капитанъ Немо съ подозрною трубой въ рукахъ и устремилъ свои взоры на горизонтъ.

Нѣсколько минутъ капитанъ стоялъ неподвижно, не отводя глазъ отъ точки лежавшей въ полѣ его объектива. Потомъ онъ опустилъ трубу и обмѣнялся десяткомъ словъ со своимъ подшкиперомъ. Этотъ, казалось, находился въ сильномъ волненіи, которое онъ тщетно старался побѣдить. Капитанъ Немо лучше владѣлъ собой и не терялъ обычнаго хладнокровія. Сверхъ того онъ, повидимому, дѣлалъ возраженія, которыя подшкиперъ горячо опровергалъ. По крайней мѣрѣ я такъ объяснилъ себѣ ихъ различные жесты.

Что до меня касается, то я усердно смотрѣлъ въ данномъ направленіи и ничего не могъ замѣтить. Небо и вода сливались на горизонтѣ, который былъ совершенно лустъ.

Между тѣмъ капитанъ Немо ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ. Онъ не смотрѣлъ на меня, можетъ-быть, онъ даже не замѣчалъ меня. Шаги его были тверды, но менѣе правильны чѣмъ всегда. Иногда онъ останавливался и, сложивъ на

груди руки, смотрѣлъ на море. Что искалъ онъ въ этомъ необъятномъ пространствѣ? *Корабликъ* находился въ это время въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ самаго близкаго берега.

Подшкиперъ взялъ опять трубу и упорно глядѣлъ на горизонтъ, двигаясь изъ стороны въ сторону, толкая ногами и представляя своею раздражительностью совершенную противоположность со своимъ начальникомъ.

Но загадка эта должна была необходимо разъясниться, и тѣмъ скорѣе что, по приказанію капитана Немо, двигающая сила машины была увеличена, и винтъ сталъ вращаться съ большею быстротой.

Въ эту минуту подшкиперъ снова привлекъ вниманіе капитана. Тотъ остановился и направилъ свою трубу на указанную точку. Онъ долго наблюдалъ. Сильно заинтересованный, я сошелъ въ залу, взялъ тамъ превосходную зрительную трубку, которую обыкновенно употреблялъ, потомъ, прислонивъ ее къ корпусу маяка, образовавшаго выуклость на передней части платформы, я приготовился осмотрѣть всю эту часть неба и моря. Но я не успѣлъ еще приложить глаза къ стеклу, какъ инструментъ былъ быстро вырванъ изъ моихъ рукъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ капитанъ Немо, но я его не узналъ. Физиономія его преобразилась. Глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, будто прячась подъ нахмуренныя брови. Зубы были полуоткрыты. Его одѣянное тѣло, сжатые кулаки, голова вдавшаяся между плечъ,—все дышало сильною ненавистью. Онъ не двигался. Моя зрительная трубка, выпавшая изъ его рукъ, валялась у его ногъ.

Не я ли былъ невольною причиною его гнѣва? Этотъ неопостижимый человѣкъ, можетъ-быть, вообразилъ что я узналъ какую-нибудь тайну, недоступную гостямъ *Кораблика*.

Нѣтъ, не я былъ предметомъ его ненависти; онъ даже не смотрѣлъ на меня, и взоръ его упорно устремился на какую-то недосыгаемую точку горизонта.

Наконецъ капитанъ Немо овладѣлъ собой. Его лицо, такъ глубоко взволнованное, приняло свое обычное, спокойное выраженіе. Онъ обратился къ своему подшкиперу съ нѣсколькими иностранными словами, потомъ обернулся ко мнѣ.

— Господинъ Аронаксъ, сказалъ онъ поведительнымъ тономъ,—я требую отъ васъ исполненія одного изъ обязательствъ связывающихъ васъ со мной.

— Въ чемъ дѣло, капитанъ?

— Я долженъ запереть васъ и вашихъ товарищей до тѣхъ поръ пока не найду удобнымъ возвратить вамъ свободу.

— Вы можете распорядиться какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, смотря на него пристально.—Но могу ли я обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ.

Послѣ этихъ словъ мнѣ оставалось только повиноваться, потому что всякое сопротивленіе было бы бесполезно.

Я сошелъ въ каюту занимаемую Недъ-Ландомъ и Конселемъ и сообщилъ имъ о рѣшеніи капитана. Предоставляю читателямъ судить какъ оно было принято Канадцемъ. Но объясняться было некогда. У дверей дожидались четыре человека, и они проводили насъ въ ту каюту гдѣ мы провели первую ночь на борту *Кораблика*.

Недъ-Ландъ хотѣлъ протестовать, но вмѣсто всякаго отвѣта за нимъ заперли дверь.

— Господинъ профессоръ объяснить мнѣ что это значитъ? спросилъ меня Консель.

Я разказалъ своимъ товарищамъ о всемъ случившемся. Они были также удивлены и поняли не больше моего.

Между тѣмъ я погрузился въ бездну размышленій, но странное безпокойство внутреннее мнѣ физиономіей капитана Немо не выходило у меня изъ головы. Я не могъ связать двухъ логичныхъ мыслей и терялся въ самыхъ [нелѣпныхъ] гипотезахъ. Вдругъ Недъ-Ландъ вывелъ меня изъ этого напряженнаго состоянія слѣдующими словами.

— Ба! Да и завтракъ поданъ.

Дѣйствительно, столъ былъ накрытъ. Очевидно, капитанъ Немо сдѣлалъ это распоряженіе, когда велѣлъ [ускорить] ходъ *Кораблика*.

— Позволить ли мнѣ господинъ профессоръ обратиться къ нему съ совѣтомъ? спросилъ Консель.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ пусть господинъ профессоръ позавтракаетъ. Это будетъ благоразумно: мы не знаемъ что можетъ случиться.

— Ты правъ, Консель.

— Къ несчастію, сказалъ Недъ-Ландъ, — намъ дали только обыкновенную порцію.

— Другъ Недъ, возразилъ Консель, — что сказали бы вы еслибы завтрака вовсе не было?

Этотъ доводъ прервалъ жалобы китолова.

Мы сѣли за столъ. Завтракъ прошелъ довольно тихо. Я ѣлъ мало. Консель изъ благоразумія принуждалъ себя ѣсть больше; что же касается Недъ-Ланда, то онъ не терялъ даромъ времени. Окончивъ завтракъ, мы всѣ размѣстились по разнымъ угламъ.

Въ эту минуту сіяющій шаръ, освѣщавшій каюту, погасъ, и мы остались въ глубокой темнотѣ. Недъ-Ландъ сейчасъ же уснулъ и, что меня еще болѣе удивило, Консель тоже поддакъ тяжелой дремотѣ. Я спрашивалъ себя что вызвало у него эту крайнюю потребность отдыха, и въ то же время почувствовалъ что моимъ мозгомъ овладѣваетъ непреодолимое оупленіе. Несмотря на мои усилія не закрывать глазъ, они закрывались сами собою. Я подвергался мучительной галлюцинаціи. Очевидно, въ наше кушанье подмѣшали какое-нибудь усыпляющее вещество. Стало-быть, было недостаточно одной тюрьмы чтобы скрыть отъ насъ намѣренія капитана Немо, еще понадобился сонъ!

Я слышалъ какъ заперлась подъемная дверь. Легкая боковая качка, происходившая отъ морскаго волненія, прекратилась. Покинулъ ли *Корабликъ* поверхность океана? Опустился ли онъ въ неподвижные слои воды?

Я хотѣлъ противиться сну, но это было невозможно. Дыханіе мое стало слабѣе. Я чувствовалъ какъ смертельный холодъ леденилъ мои отяжелѣвшіе, будто парализованные члены. Вѣки, тяжелыя какъ свинець, закрылись, и я не могъ ихъ поднять. Болѣзненный сонъ, полный страшныхъ видѣній, охватилъ все мое существо. Потомъ видѣнія исчезли, и я совершенно потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XXIV.

Коралловое царство.

Проснувшись на другой день, я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ что нахожусь въ своей комнатѣ. Безъ сомнѣнія, мои товарищи также не замѣтили какъ ихъ перенесли въ ихъ каюту. Они, очевидно, ничего не знали о происшествіяхъ этой ночи, и только случай могъ въ послѣдствіи открыть намъ эту тайну.

Мнѣ захотѣлось выйти изъ комнаты. Свободенъ я или нѣтъ?

Совершенно свободенъ. Я отворилъ дверь, прошелъ узкимъ проходомъ и вышелъ къ средней лѣстницѣ. Запертая наканунѣ подъемная дверь была открыта. Я вышелъ на платформу. Недъ-Ландъ и Консель дожидались меня тамъ. Я сталъ ихъ распрашивать, но они ничего не знали. Они спали тяжелымъ сномъ, послѣ котораго у нихъ не осталось никакихъ воспоминаній, и были очень удивлены очутившись въ своей каютѣ.

Корабликъ казался также покойнымъ и таинственнымъ какъ всегда; онъ шелъ на поверхности волнъ умѣреннымъ ходомъ. На немъ, казалось, не произошло никакой перемѣны.

Недъ-Ландъ смотрѣлъ на море своимъ проницательнымъ взоромъ. Оно было пустынно. Канадецъ не видалъ на горизонтѣ ничего новаго, ни паруса, ни земли. Дулъ сильный западный вѣтеръ, и поднятыя имъ большія волны производили очень чувствительную боковую качку.

Возобновивъ свой воздухъ, *Корабликъ* держался среднимъ числомъ глубины лятнадцати метровъ, чтобъ имѣть возможность быстро возвращаться на поверхность воды, что, противъ обыкновенія, повторилось нѣсколько разъ въ теченіе этого дня, 19го января. Подкилеръ выходилъ на платформу, и привычная фраза раздавалась внутри корабля.

Капитанъ Немо не показывался. Изъ людей корабля я видѣлъ только одного невозмутимаго слугу, который прислуживалъ мнѣ со своею обыкновенною молчаливостью и точностью. Часа въ два пополудни я сидѣлъ въ залѣ, занимаясь распредѣленіемъ своихъ замѣтокъ, когда дверь отворилась и показался капитанъ. Я раскланялся съ нимъ; онъ почти непримѣтно отвѣтилъ на мой поклонъ, не говоря ни слова. Я опять принялся за работу, надѣясь что онъ, можетъ-быть, самъ дастъ мнѣ объясненія по поводу происшествій минувшей ночи. Не тутъ-то было. Я посмотрѣлъ на него. Онъ казался утомленнымъ; сонъ не освѣжилъ его покраснѣвшихъ глазъ, а лицо выражало глубокую грусть, неподдѣльное горе. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, садился и вставалъ, наудачу бралъ книгу, сейчасъ же оставлялъ ее, смотрѣлъ на свои инструменты, но не дѣлалъ отмѣтокъ и, казалось, не могъ ни одной минуты оставаться на мѣстѣ.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Медикъ вы, господинъ Аронаксъ, или нѣтъ?

Я такъ мало ожидалъ подобнаго вопроса что нѣсколько времени смотрѣлъ на него ничего не отвѣчая.

— Вы докторъ? повторилъ онъ.—Многіе изъ вашихъ товарищей изучали медицину, Грасіоле, Мокенъ-Тондонъ и другіе.

— Дѣйствительно, сказалъ я,—я докторъ и ординаторъ госпиталей. Я практиковалъ нѣсколько лѣтъ до поступления въ музеумъ.

— Хорошо, господинъ профессоръ.

Очевидно, капитанъ Немо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ. Но я не понималъ чего онъ отъ меня хочетъ, и ожидалъ новыхъ вопросовъ, рѣшившись отвѣчать смотря по обстоятельствамъ.

— Господинъ Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ, — согласитесь ли вы оказать помощь одному изъ моихъ людей?

— У васъ есть больной?

— Да.

— Я готовъ слѣдовать за вами.

— Пойдемте.

Признаюсь, сердце мое сильно билось. Не знаю почему, но мнѣ казалось что болѣзнь этого человѣка изъ экипажа *Кораблика* имѣетъ нѣкоторую связь со вчерашними событіями, и эта тайна занимала меня не менѣе самого больного.

Капитанъ Немо привелъ меня къ кормѣ *Кораблика* и ввелъ въ каюту находящуюся возлѣ помѣщенія занимаемаго матросами.

Тамъ на постели лежалъ человѣкъ лѣтъ сорока, энергическое лицо котораго представляло самый чистый англо-саксонскій типъ.

Я наклонился къ нему. Это былъ не только больной, но раненый. Голова его, обитая окровавленнымъ полотномъ, лежала на двойной подушкѣ. Я снялъ перевязку, и больной, устремивъ на меня свои большіе неподвижные глаза, не произнесъ ни одной жалобы. Рана была ужасна. Черепъ, раздробленный тупымъ орудіемъ, обнажилъ мозгъ, и мозговое вещество потерпѣло сильное поврежденіе. Кровь заеклась въ этой распльвшейся массѣ, которая цвѣтомъ походила на винный отстой. Тутъ были въ одно время и контузія, и сотрясеніе мозга. Больной дышалъ медленно; на лицѣ его замѣчались по временамъ судорожныя движенія мускуловъ. Флегмазія мозга была полная и обуславливала парализованіе чувствъ и движеній. Я почувалъ пульсъ раненаго; онъ былъ перемежающійся. Оконечности тѣла уже холодѣли, я видѣлъ что смерть приближалась и не находилъ возможности отвратить ее. Перевязавъ этого

несчастнаго и поправивъ повязку на его головѣ, я обернулся къ капитану Немо.

— Отъ чего эта рана? спросилъ я его.

— За чѣмъ вамъ знать это? уклончиво отвѣчалъ капитанъ. — Вслѣдствіе сотрясенія *Кораблика*, сломался одинъ изъ рычаговъ машины и ударилъ этого человѣка. Подшклеръ стоялъ возлѣ него, ну... онъ бросился впередъ навстрѣчу удару... Братъ шелъ на смерть за брата, другъ за своего друга, что можетъ быть проще! Это всеобщій законъ на борту *Кораблика*! Но что вы думаете объ его положеніи?

Я не рѣшался отвѣчать.

— Вы можете говорить, сказалъ мнѣ капитанъ. — Онъ не понимаетъ по-французски.

Я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на раненаго, потомъ отвѣчалъ:

— Онъ умретъ черезъ два часа.

— Ничто не можетъ спасти его?

— Ничто.

Капитанъ Немо сжалъ свои руки, и нѣсколько слезъ выкатилось изъ его глазъ, хотя я не думалъ чтобъ онъ былъ способенъ плакать.

Я смотрѣлъ еще нѣсколько минутъ на умирающаго, въ которомъ жизнь мало-по-малу угасала. Блѣдность его казалась еще сильнѣе отъ электрическаго свѣта лившагося на его смертное ложе. Я смотрѣлъ на его умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами, которыя, можетъ-быть, уже давно крайняя бѣдность или несчастіе провели по немъ. Въ послѣднихъ словахъ, срывавшихся съ его губъ, я старался отыскать ключъ къ разгадкѣ его жизни.

— Вы можете идти, господинъ Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо.

Я оставилъ капитана въ каютѣ умирающаго и, сильно взволнованный этою сценой, возвратился въ свою комнату. Весь этотъ день меня тревожило какое-то зловѣщее предчувствіе. Я дурно спалъ ночь, и мнѣ казалось что во время моего часто прерывавшагося тревожнаго сна я слышалъ отдаленные вздохи и погребальное лѣніе. Быть-можетъ, это молитва по усопшемъ читалась на непонятномъ мнѣ языкѣ.

На другой день утромъ я вышелъ на палубу. Капитанъ Немо былъ уже тамъ. Увидавъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ.

— Господишь профессоръ, сказалъ онъ мнѣ, — согласишься ли вы предпринять сегодня подводную экскурсію?

— Съ моими товарищами? спросилъ я.

— Если они пожелаютъ.

— Мы къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

— Такъ потрудитесь надѣть ваши скафандры.

Объ умирающемъ или умершемъ не было и рѣчи. Я отыскалъ Конселя и Недъ-Ланда и передалъ имъ предложеніе капитана Немо. Консель поспѣшилъ принять его, и на этотъ разъ Канадецъ тоже очень охотно согласился слѣдовать за нами.

Было восемь часовъ утра. Въ половинѣ девятого мы были одѣты для этой новой прогулки и снабжены обоими аппаратами для освѣщенія и дыханія. Двойная дверь отворилась, и мы вышли въ сопровожденіи капитана Немо и двѣнадцати человѣкъ изъ его экипажа и 'ступили на твердую почву на глубинѣ десяти метровъ гдѣ отдыхалъ *Корабликъ*.

Отлогій склонъ велъ къ неровному дну, лежавшему на глубинѣ пятнадцати сажень. Дно это не имѣло никакого сходства съ тѣмъ по которому мы шли въ первую нашу экскурсію подъ водами Тихаго океана. Тутъ не было ни чистаго песку, ни подводныхъ луговъ, ни морскаго лѣса. Впрочемъ, я тотчасъ узналъ эту чудесную область куда велъ насъ теперь капитанъ Немо. Это было коралловое царство.

Въ отдѣлѣ зоофитовъ, въ классѣ альціонарій, замѣчаютъ отрядъ горгоній, который раздѣляется на три группы: горгоній, изидъ и коралловъ; къ этой-то послѣдней группѣ и принадлежитъ коралль, любопытное вещество, которое поочередно причисляли къ царствамъ минеральному, растительному и животному. Это лѣкарство древнихъ и драгоцѣнное украшеніе современниковъ, только въ 1694 году окончательно причислено къ животному царству марсельскимъ уроженцемъ Пейсонелемъ.

Коралль есть колонія мелкихъ животныхъ, живущихъ на полипникѣ каменстаго и хрупкаго свойства. Эти полипы имѣютъ одного прародителя, отъ котораго произошли посредствомъ почкованія, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое собственное отдѣльное бытіе, хотя всѣ непрѣнно участвуютъ въ общей жизни. Это естественный социализмъ. Мнѣ были извѣстны результаты послѣднихъ изслѣдованій произведенныхъ надъ этими странными зоофитами которые кристалли-

зуются, принимая форму дерева, судя по очень точнымъ наблюденіямъ натуралистовъ, и для меня было какъ нельзя болѣе интересно побывать въ одномъ изъ этихъ окаменѣлыхъ лѣсовъ, которые природа помѣстила на днѣ моря.

Приведа въ дѣйствіе аппараты Румкорфа, мы шли по коралловому слою который еще продолжалъ формироваться, и который современемъ загородитъ эту часть Индійскаго океана. Вдоль дороги тянулись перелетающіеся своими вѣтвями изогнутые кустарники, покрытые небольшими звѣздообразными бѣлыми цвѣтами. Только, въ противоположность земнымъ растеніямъ, всѣ эти маленькія деревца, прикрѣпленныя къ скаламъ, росли сверху внизъ.

Свѣтъ тысячами переливовъ игралъ на древесныхъ вѣтвяхъ яркочернаго цвѣта. Казалось что эти перелопчатая и цилиндрическія трубочки дрожали отъ волненія воды. Мнѣ захотѣлось нарвать свѣжихъ вѣтчиковъ украшенныхъ вѣжными щупальцами, изъ коихъ одни только что распустились, другіе едва начинали развертываться, между тѣмъ какъ быстрыя рыбы своими плавательными перьями едва касались ихъ, проносясь мимо какъ стаи птицъ. Но лишь только я протягивалъ руку къ этимъ живымъ цвѣтамъ, къ этимъ чувствительнымъ мимозамъ, въ колонію тотчасъ поднималась тревога. Бѣлые вѣтчики прятались въ свои красныя чашечки, цвѣты исчезали, и кустарникъ превращался въ груды каменистыхъ холмиковъ.

Здѣсь я случайно увидалъ самые драгоцѣнные экземпляры этихъ зоофитовъ.

Эти кораллы были не хуже тѣхъ которые добываются въ Средиземномъ морѣ, на берегахъ Франціи, Италіи и Варварійскихъ Владѣній. Своимъ яркимъ цвѣтомъ они оправдывали поѣтическія названія „кровоянаго цвѣта, и кровяной лѣны“, которыя въ торговлѣ даютъ самымъ лучшимъ экземплярамъ. Цѣна коралловъ доходитъ до пятисотъ франковъ за килограммъ, а въ этомъ мѣстѣ жидкіе слои заключали сокровища которыя могли бы обогатить громадную толпу собирателей коралловъ. Это драгоцѣнное вещество часто смѣшивалось съ другими полишияками, образуя вмѣстѣ съ ними плотное и неразрывное цѣлое, называемое *massiota*, и между ними я увидалъ чудные экземпляры розоваго коралла.

Но вскорѣ кустарники сдѣлались чаще, каменныя деревья выше. Предъ нашими глазами открылись настоящія окаме-

нѣлыя рощи, длинныя проходы самой фантастической архитектуры.

Калитанъ Немо углубился въ темную галерею отлогата ската, по которому мы спустились на глубину ста метровъ. Свѣтъ отъ нашихъ аппаратовъ производилъ по временамъ магическое дѣйствіе, сосредоточиваясь на шероховатыхъ выступахъ этихъ естественныхъ сводовъ и на висѣвшихъ обломкахъ, напоминавшихъ своею формою люстры и искрившихся отъ дѣйствія огня. Между коралловыми кустарниками я замѣтилъ и другихъ не менѣе любопытныхъ полиповъ: тутъ были мелиты, ириды съ суставчатыми развѣтвленіями, потомъ нѣсколько вѣтокъ кораллинъ, зеленыхъ и красныхъ, настоящихъ водорослей, покрытыхъ известковыми солями, которыхъ натуралисты послѣ долгихъ споровъ окончательно причислили къ растительному царству. Но, по замѣчанію одного мыслителя, „можетъ-быть тутъ и есть настоящая точка отпращиванія гдѣ жизнь смутно пробуждается отъ окаменяющаго свана, но еще не можетъ вполне отъ него освободиться“.

Наконецъ, послѣ двухъ-часовой ходьбы, мы достигли почти трехсотъ метровъ глубины, то-есть крайняго предѣла гдѣ начинается образованіе коралловъ. Но тутъ уже не попадались болѣе одинокіе кусты, или скромныя рощи съ низкими стволами; предъ нами разстилася безпредѣльный лѣсъ, величественная минеральная растительность, огромныя окаменѣлыя деревья, соединенныя между собой гирляндами красивыхъ плумарій, этими морскими лианами всевозможныхъ оттѣнковъ. Мы свободно проходили подъ ихъ высокими вѣтвями терявшимися во мракѣ водъ, между тѣмъ какъ у нашихъ ногъ губипоры, меандрины, астреи, фунгіи и каріофіліи разстились цвѣтнымъ ковромъ, усѣянными ослѣпительными блестками.

Какое неописанное зрѣлище! Отчего мы не могли сообщить другъ другу своихъ впечатлѣній! Для чего мы были заключены въ эти металлическія и стеклянныя маски! Почему мы были лишены возможности говорить другъ съ другомъ! Отчего по крайней мѣрѣ мы не могли жить какъ рыбы населяющія эту жидкую стихію или, еще лучше, какъ амфибіи, которыя могутъ безпрятственно посѣщать двойную область суши и воды? Между тѣмъ калитанъ Немо остановился. Мы съ товарищами послѣдовали его примѣру, и обернувшись, я увидалъ что люди его размѣщаются полукругомъ около своего начальника.

Всматриваясь пристальнѣе, я замѣтилъ что четверо изъ нихъ несли на плечахъ что-то продолговатое.

Мы находились по срединѣ большой прогалины, окруженной высокими каменными деревьями подводнаго лѣса. Наши лампы бросали кругомъ мерцающій свѣтъ, чрезмѣрно удлинявшій лжившіяся на землю тѣни. На окружности прогалины царствовала глубокая темнота, и свѣтились только маленькія искры, игравшія на острыхъ краяхъ коралловъ.

Недъ-Ландъ и Консель стояли подлѣ меня. Мы смотрѣли, и вдругъ мнѣ пришло въ голову что намъ придется быть зрителями необыкновенной сцены. Разсматривая почву, я замѣтилъ что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышалась небольшимъ холмиками, покрытыми известковыми осадками. Насыпи эти были расположены съ правильностью обличавшею работу человѣка.

Посреди лужайки, на пьедесталѣ изъ безпорядочно наваленныхъ скалъ, возвышался коралловый крестъ, протягивавшій свои длинныя руки, которыя, казалось, были сдѣланы изъ окаменѣлой крови. По знаку капитана Немо, одинъ изъ людей подошелъ и въ нѣсколькихъ футахъ отъ креста началъ рыть яму заступомъ, который онъ отвязалъ отъ своего пояса.

Я понялъ все. На этой лужайкѣ было кладбище; эта яма—могила, продолговатый предметъ—тѣло человѣка умершаго ночью. Капитанъ Немо и его матросы хоронили своего товарища въ этомъ общемъ жилищѣ, на днѣ недоступнаго океана.

Нѣтъ! никогда въ жизни не испытывалъ я такого сильнаго волненія! Никогда моимъ мозгомъ не овладѣвало болѣе сильное впечатлѣніе! Мнѣ не хотѣлось вѣрить своимъ глазамъ!

Между тѣмъ могилу продолжали копать, хотя работа шла медленно. Встревоженные рыбы слѣшили покинуть свое убѣжище. Я слышалъ звукъ желѣза ударявшагося объ известковую почву. По временамъ сыпалась искры, когда оно сталкивалось съ какимъ-нибудь кремнемъ лежащимъ на днѣ океана. Яма становилась все длиннѣе и шире и вскорѣ достигла такой глубины что могла вмѣстить тѣло.

Носильщики приблизились. Тѣло завернутое въ бѣлую ткань было опущено въ сырую могилу. Капитанъ Немо, скрестивъ на груди руки, и всѣ друзья умершаго, которыхъ онъ любилъ, преклонили колѣна, какъ бы для молитвы.... Мои товарищи и я — мы тоже набожно склонились.

Могилу засыпали обломками вырытыми изъ почвы, и надъ нею образовалось небольшое возвышеніе.

Когда это было сдѣлано, капитанъ Немо и его люди встали; потомъ, приблизившись къ могилѣ, все снова преклонили колѣна, и въ знакъ послѣдняго прощанія протянули свои руки...

Послѣ этого погребальная процессія направилась обратво къ *Кораблику*, снова проходя подъ сводами лѣса, посреди маленькихъ рожицъ, вдоль коралловыхъ кустовъ, и все поднимаясь вверхъ.

Наконецъ показались огни на кораблѣ. Ихъ свѣтящійся отблескъ служилъ намъ проводникомъ къ *Кораблику*. Въ часъ мы уже были дома. Перебѣнивъ свое платье, я тотчасъ же вышелъ на платформу, и находясь подъ вліяніемъ тяжелыхъ мыслей, сѣлъ около маяка.

Капитанъ Немо присоединился ко мнѣ. Я всталъ и сказалъ ему:

— Итакъ мое предсказаніе сбылось, этотъ человѣкъ умеръ ночью?

— Да, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ Немо.

— И онъ покоится теперь на коралловомъ кладбищѣ, рядомъ со своими товарищами.

— Да, забытый всеми исключая насъ! Мы роємъ могилу, а полипы на цѣлую вѣчность ограждаютъ своими постройками послѣднее жилище умершихъ.

И закрывъ поспѣшно лицо руками, капитанъ Немо безуспѣшно старался подавить рыданія. Потомъ онъ прибавилъ:

— Тамъ, на нѣсколько сотъ футовъ ниже уровня моря, наше мирное кладбище!

— По крайней мѣрѣ, капитанъ, ваши мертвые спятъ тамъ покойно, недосыгаемые для акулъ!

— Да, господинъ Аронаксъ, медленно отвѣчалъ капитанъ Немо, — для акулъ и для людей!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Индійскій океанъ.

Здѣсь начинается вторая часть этого подводнаго путешествія. Первая кончилась трогательною сценой на коралловомъ кладбищѣ, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Жизнь капитана Немо текла здѣсь въ нѣдрахъ безпредѣльнаго моря, и въ самой непроницаемой безднѣ его онъ даже приготовилъ себѣ и могилу. Тамъ ни одно чудовище океана не потревожитъ послѣдняго сна обитателей *Кораблика*, друзей соединенныхъ между собой на жизнь и смерть. Не потревожатъ и люди! прибавилъ капитанъ Немо.

Вѣчное недоверіе къ человѣческому обществу, суровое и неумолимое!

Я съ своей стороны не довольствовался болѣе предположеніями удовлетворявшими Конселя. Честный малый видѣлъ въ командирѣ *Кораблика* одного изъ непризнанныхъ ученыхъ, которые, за равнодушіе къ нимъ человѣчества, платятъ ему презрѣніемъ. Онъ видѣлъ въ немъ непонятаго гениа, утомленнаго борьбой съ неправдой и ложью, который скрылся отъ нихъ въ недоступную стихію, гдѣ инстинкты его могли удовлетворяться безпрелютвенно. По моему же мнѣнію, это предположеніе объясняло только одну сторону характера капитана Немо.

Въ самомъ дѣлѣ, тайна послѣдней ночи, которую мы провели въ тюрьмѣ, нашъ долгій сонъ, предосторожность капитана Немо, насильно вырвавшего у меня изъ рукъ зрительную трубу, когда я хотѣлъ осмотрѣть горизонтъ, наконецъ смертельная рана человѣка отъ необъяснимаго толчка *Кораблика*,— все это наводило меня на новыя предположенія. Нѣтъ! Капитанъ Немо не ограничивался тѣмъ что избѣгалъ людей! Его страшный аппаратъ служилъ не только для удовлетворенія его склонности къ свободѣ, но можетъ-быть также и средствомъ къ какому-нибудь ужасному мщенію.

Въ эту минуту все еще темно для меня; въ этомъ мракѣ я

различаю только слабыя искры и долженъ, если можно такъ выразиться, писать подъ диктовку событій.

Однако насъ ничто не связываетъ съ капитаномъ Немо. Онъ знаетъ что убѣжать съ *Кораблика* невозможно. Мы плѣнники, но даже не на честное слово, и насъ не связываетъ съ нимъ никакое обязательство. Мы плѣнники арестованные, и только изъ одной вѣжливости насъ называютъ гостями. Однако Недъ-Ландъ не отказался еще отъ надежды возвратитъ себѣ свободу. Онъ, безъ сомнѣнія, воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ; разумется, я сдѣлаю то же самое. И однакоже я не безъ сожалѣнія унесу съ собою тайны *Кораблика*, въ которыя великодушіе капитана Немо допустило насъ проникнуть! Что долженъ, наконецъ, внушать этотъ человѣкъ, ненависть, или удивленіе? Жертва онъ, или палачъ? Впрочемъ, искренно говоря, я хотѣлъ бы, прежде чѣмъ покину его навсегда, совершить кругосвѣтное подводное путешествіе, начало котораго было такъ блистательно. Мнѣ хотѣлось бы изучить всѣ подводныя чудеса земнаго шара. Мнѣ хотѣлось бы видѣть то чего никто до сихъ поръ не видалъ, и я готовъ заллатить жизнью за эту ненасытную потребность знанія! Что же я открылъ? Ничего, или почти ничего, потому что мы прошли только шесть тысячъ миль въ Тихомъ океанѣ!

Однакоже я хорошо зналъ что *Корабликъ* приближается къ обитаемой землѣ, и если представится благоприятный для насъ случай перебраться на нее, то съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко жертвовать товарищами моей страсти къ неизвѣстному. Надо будетъ слѣдовать за ними, можетъ-быть, указывать имъ дорогу. Но представится ли еще когда-нибудь подобный случай? Человѣкъ, насильственно лишенный свободы, естественно долженъ страстно желать такого случая, но желанія этого можетъ и не раздѣлять любознательный ученый.

Въ полдень 21го января 1868 года, подшкилеръ опять вышелъ измѣрять высоту солнца. Я тоже поднялся на платформу, закурилъ сигару и сталъ слѣдить за этимъ процессомъ. Я убѣдился что онъ не понималъ по-французски, потому что я нѣсколько разъ высказывать вслухъ замѣчанія которыя должны были бы вызвать какое-нибудь невольное проявленіе вниманія съ его стороны, еслибъ онъ ихъ понималъ, но онъ оставался равнодушенъ и нѣмъ.

Въ то время какъ онъ дѣлалъ свои наблюденія съ помощью секстанта, одинъ изъ матросовъ *Кораблика*,—силачъ, сопровож-

давшій насъ въ нашу первую подводную экскурсію на островъ Кресло,—пришелъ чистить стекла маяка. Тогда я сталъ разсматривать устройство аппарата, сила котораго увеличивалась во сто разъ расположенными какъ на маякахъ чечевицеобразными кольцами, которые удерживали его свѣтъ въ должныхъ границахъ. Электрическая лампа была такъ устроена что сила ея свѣта не могла теряться бесполезно. Дѣйствительно, пламя горѣло въ пустомъ пространствѣ, чѣмъ и обуславливались его равномерность и напряженіе. Такимъ образомъ оберегались также острые концы графита, между которыми появлялась свѣтящаяся дуга. Сбереженіе это имѣло важное значеніе для капитана Немо, потому что не легко было возобновлять графитъ. Но при такихъ условіяхъ, убыль его была почти незамѣтна.

Когда *Корабликъ* приготовился начать свое подводное плаваніе, я возвратился въ залу. Подъемную дверь заперли, и мы направились къ западу.

Итакъ мы плыли по волнамъ Индійскаго океана, по безпредѣльной водной равнинѣ, раскинувшейся на пространствѣ пятисотъ пятидесяти милліоновъ гектаровъ. Вода его такъ прозрачна что, наклоняясь надъ поверхностью ея, чувствуешь головокруженіе. *Корабликъ* обыкновенно держался не выше ста и не ниже двухъ сотъ метровъ глубины. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Безъ сомнѣнія, всякому другому на моемъ мѣстѣ, не такъ сильно любящему море, время показалось бы долгимъ и однообразнымъ; но ежедневныя прогулки по платформѣ, гдѣ я укрѣплялся вдыхая животворный воздухъ океана, зрѣлище роскошныхъ водъ которыя я наблюдалъ въ окна залы, чтеніе книгъ изъ библіотеки, приведеніе въ порядокъ мемуаровъ, все это наполняло мои дни и прелатствовало мнѣ поддаваться скукѣ и унынію.

Здоровье наше было совершенно удовлетворительно. Столъ корабля дѣйствовалъ на насъ отлично, и что до меня касается, то я очень охотно обошелся бы безъ всякихъ перемѣнъ которыя Недъ-Ландъ, изъ духа противорѣчія, ухищрялся внести въ нашу кухню. Къ тому же, въ этой постоянной температурѣ, нечего было бояться даже насморка. Вдобавокъ на кораблѣ находился большой запасъ подолыяка *Dendrophylea*, извѣстнаго въ Провансѣ подъ названіемъ „морскаго укрола“: расплывающееся тѣло его подолыевъ служить превосходнымъ средствомъ противъ кашля.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы встрѣчали большое количество водяныхъ птицъ, а именно, чаекъ и рыболововъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были искусно убиты и, приготовленныя особеннымъ способомъ, доставили намъ блюдо очень вкусной водяной дичи. Между большими хорошо летающими морскими птицами, которыя уносятся на большія разстоянія отъ земли и, утомившись, отдыхаютъ на волнахъ, я увидѣлъ великолѣпныхъ альбатросовъ, отличающихся неприятнымъ крикомъ, похожимъ на ослиное ржанье. Эти птицы принадлежатъ къ семейству длиннокрылыхъ. Представителями семейства веселоногихъ были быстрые фрегаты, очень проворно ловившіе рыбу на поверхности воды, и множество фазановъ; между ними находились фазаны алохвостые, величиной съ голубя, черныя крылья которыхъ казались еще красивѣе при бѣлыхъ перьяхъ съ розовымъ отливомъ.

Въ сѣти *Кораблика* попалось нѣсколько различныхъ морскихъ черепахъ, изъ рода кареттъ, съ выуклою спиной, чешуя которыхъ очень высоко цѣнится. Эти пресмыкающіяся легко ныряютъ, и могутъ долго держаться подъ водою закрывъ мясистый клапанъ, находящійся у наружнаго отверстія ихъ носоваго канала. Мясо этихъ черепахъ было довольно плохо, но яйца доставляли очень вкусное лакомство.

Что же касается рыбъ, то онѣ постоянно возбуждали наше удивленіе, когда мы, открывъ ставни въ окнахъ залы, изучали всѣ тайны ихъ водяной жизни. Тутъ я увидѣлъ многіе виды, которыхъ до этихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ.

Прежде всего назову кузовковъ (*Ostracion*), рыбъ изъ семейства твердокожихъ, которыя исключительно водятся въ моряхъ Красномъ и Индійскомъ, и также въ той части Океана которая омываетъ берега Америки пересѣкаемые экваторомъ. Эти рыбы, какъ черепахи, броненосцы, ежевики, ракообразныя, покрыты броней, но не кремнистою или известковою, а совершенно костяною. Броня эта имѣетъ или трехгранную, или четырехгранную форму. Между трехгранными, я замѣтилъ нѣкоторыхъ длиной въ полдециметра, отличающихся очень питательнымъ мясомъ; хвостъ у нихъ темный, ллавательныя перья желтыя, и я совѣтовалъ бы акклиматизировать ихъ даже въ прѣсныхъ водахъ, къ которымъ многія морскія рыбы очень легко привыкаютъ. Я также назову кузовковъ четырехугольныхъ, на спинѣ которыхъ находятся четыре большіе нароста; кузовковъ крапчатыхъ съ бѣлыми

точками на нижней части тела, которые дѣлаются ручными какъ птицы; тригоновъ вооруженныхъ шилами, образовавшимися отъ удлинненія ихъ костяной покрывки, которыхъ за ихъ странное хрюканье прозвали „морскими свиньями“, потомъ дромадеровъ съ большими горбами въ видѣ конуса, мясо которыхъ жестко и твердо.

Выписываю еще изъ дневника, веденнаго Конселемъ, замѣчанія о нѣкоторыхъ рыбахъ изъ вида четырехубовъ *Tetrodon*, обыкновенныхъ въ этихъ моряхъ, о спенглерилахъ съ красною спиной, бѣлую грудью, отличающихся тремя продольными рядами мягкихъ нитей; объ электрическихъ рыбахъ, длиной въ семь дюймовъ, блистающихъ самыми яркими цвѣтами. Потомъ, какъ представителей другихъ родовъ, я назову овоидъ, похожихъ на темно-коричневая яща, изборожденная бѣлыми полосками, и безхвостыхъ; діодоновъ, настоящихъ морскихъ дикобразовъ, которые вооружены шилами и могутъ раздуваться на манеръ клубка, усаженнаго щетинами; коньковъ, свойственныхъ всѣмъ океанамъ; летающихъ летасовъ съ продолговатыми носами, которымъ ихъ грудныя плавательныя перья, очень длинныя и расположенныя въ видѣ крыльевъ, даютъ возможность, если не летать, то по крайней мѣрѣ подыматься на воздухъ; другихъ летасовъ, съ хвостомъ покрытымъ множествомъ чешуйчатыхъ колець; длинночелюстныхъ ринхобделлъ, превосходныхъ рыбъ въ двадцать пять центиметровъ длиной, блиставшихъ самыми приятными цвѣтами; *Callionoga livida*, съ шероховатою головою, мириады *Blennius saltator* съ черными полосками и длинными грудными плавательными перьями, съ удивительною быстротой скользящихъ по поверхности воды; прелестныхъ ларусниковъ, поднимающихъ свои плавательныя перья какъ распущенные паруса, съ помощью которыхъ они двигаются при благопріятномъ вѣтрѣ, великолѣпныхъ куртъ которыхъ природа украсила цвѣтами: желтымъ, небесно-голубымъ, серебромъ и золотомъ; трихолтеръ, плавательныя перья коихъ состоятъ изъ волоконъ; *Cottus*, постоянно залачканныхъ тинной и производящихъ нѣкоторый шумъ; триглъ, печень которыхъ считается ядомъ; бодьяновъ, имѣющихъ на глазахъ подвижныя вѣки; наконецъ хельмоновъ носатыхъ, съ длинными и трубчатыми носами, настоящихъ мухоловокъ океана, вооруженныхъ ружьями, о которыхъ не мечтали ни Шассло, ни Ремизгонтъ, и убивающихъ насѣкомыхъ ударомъ капли воды.

Въ восемьдесятъ девятомъ родѣ рыбъ, по классификаціи Ласеледа, принадлежащихъ ко второму подклассу костистыхъ, отличающихся присутствіемъ крышки и жаберной перелюпки, я замѣтилъ скорпену съ головою покрытою шилами и только съ однимъ спиннымъ, плавательнымъ перомъ; эти животныя или покрыты мелкою чешуей, или совсѣмъ лишены ея, сообразно подроду, къ которому они принадлежатъ. Во второмъ подродѣ мы нашли экземпляры дидактилей, длиной отъ трехъ до четырехъ дециметровъ, съ желтыми полосами, голова которыхъ отличается причудливою формою. Что же касается до перваго подрода, то онъ снабдилъ насъ многими образцами странной рыбы, справедливо названной „морскою жабой“, *Scograea bogrida*. Это рыба съ большою головою, то изрытая глубокими извилинами, то раздутая выгуклостями, покрытая шилами и устьянная шишками, съ неправильными и отвратительными рогами; все тѣло ея и хвостъ покрыты мозолистыми наростами, а шилы причиняютъ опасныя раны; она отвратительна и ужасна.

Съ 21го до 23го января *Корабликъ* дѣлалъ по двѣсти пятидесяти льѣ въ сутки, то-есть пятьсотъ сорокъ миль, или по двадцати по двѣ мили въ часъ. Дорогой намъ удавалось наблюдать различныя породы рыбъ, потому что, привлеченныя электрическимъ свѣтомъ нашего корабля, онѣ старались слѣдовать за нами. Но при быстротѣ нашего хода, большинство ихъ скоро отставало. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ удалось держаться нѣсколько времени около *Кораблика*.

Утромъ 24го, подъ 12° 5' южной широты и 94° 33' долготы, мы увидали островъ Килингъ, мадрелоровую возвышенность устьяную великолѣпными кокосовыми пальмами, которую посѣщали Дарвинъ и капитанъ Фицъ-Рой. *Корабликъ* прошелъ вблизи береговъ этого пустыннаго острова. Въ его драги ползлось множество экземпляровъ полиповъ и лучистыхъ, а равно и любопытныхъ костеобразныхъ оболочекъ принадлежащихъ отдѣлу моллюсковъ. Нѣсколько драгоценныхъ экземпляровъ изъ рода *Delphinula* увеличили собой богатства капитана Немо, къ которымъ я прибавилъ еще *Astraea punctigera*, родъ чуждаго полипа, часто прикрѣпляющагося къ раковинамъ. Вскорѣ островъ Килингъ скрылся за горизонтомъ, и мы направили свой путь на сѣверо-западъ къ оконечности Индійскаго полуострова.

— Цивилизованныя страны, сказалъ мнѣ въ этотъ день

Недъ-Ландъ,—гораздо лучше острововъ Палуазіи, гдѣ встрѣчашь больше дикарей чѣмъ косуль! Въ этой индійской землѣ, господишь профессоръ, есть шоссеыя и желѣзныя дороги, англійскіе, французскіе и индусскіе города. Здѣсь не пройдешь пяти миль не встрѣтивъ соотечественника. Что? Не пора ли намъ распроститься съ капитаномъ Немо?

— Нѣтъ, Недъ, нѣтъ, отвѣчалъ я очень рѣшительно.—Пусть будетъ что будетъ, какъ говорите вы, моряки. *Корабликъ* приближается къ обитаемымъ материкамъ. Онъ возвращается въ Европу; пусть онъ довезетъ насъ туда. Достигнувъ нашихъ морей, мы посмотримъ что благоразуміе посовѣтуетъ вамъ предпринять. Къ тому же я не думаю чтобы капитанъ Немо позволилъ намъ охотиться на Малабарскомъ или Коромандельскомъ берегу, какъ въ лѣсахъ Новой Гвинеи.

— Ну, господишь профессоръ, а развѣ намъ нельзя обойтись безъ его позволенія?

Я не отвѣчалъ Канадцу, не желая спорить. Въ сущности же мнѣ хотѣлось испытать всѣ случайности судьбы, бросившей меня на бортъ *Кораблика*.

Отъ острова Киалинга мы пошли вообще медленно. Въ то же время направленіе *Кораблика* дѣлалось причудливѣе, и онъ часто увлекалъ насъ на большія глубины. Нѣсколько разъ приходилось употреблять наклонныя плоскости, которыя, посредствомъ внутреннихъ рычаговъ, могли располагаться наискось отъ ватерлиніи. Мы такимъ образомъ достигали до двухъ и трехъ километровъ глубины, но ни разу не могли провѣрить самыя большія глубины Индійскаго моря, и зонды въ тринадцать тысячъ метровъ не доставали дна. Что же касается температуры низшихъ слоевъ, то термометръ постоянно показывалъ четыре градуса выше нуля. Я только замѣтилъ что въ верхнихъ слояхъ вода всегда была холоднѣе надъ подводными горами чѣмъ въ открытомъ морѣ.

25го января океанъ былъ совершенно пустыненъ, и *Корабликъ* пробылъ цѣлый день на его поверхности, разсѣкая своимъ могучимъ винтомъ волны и разсылая кругомъ, высоко взлетавшія брызги. При подобныхъ условіяхъ, его нельзя было не принять за исполинскаго кита. Я провелъ на платформѣ три четверти этого дня. Я смотрѣлъ на море. Ничего не было видно на горизонтѣ, и только около четырехъ часовъ вечера показался длинный пароходъ, который шелъ контръгалсомъ на западъ. Его рангоутъ выглянулъ на одну только

минутой; но онъ не могъ замѣтить *Кораблика*, слишкомъ маю поднимавшагося надъ поверхностью воды. Я полагалъ что этотъ пароходъ принадлежитъ обществу *Peninsular and Oriental Company*, совершающему рейсы между островомъ Цейлономъ и Сиднеемъ, достигая оконечности короля Георга и Мельбурна.

Въ пять часовъ вечера, предъ быстрыми сумерками, соединяющими въ тропическомъ поясѣ день съ ночью, мы съ Конселемъ были очарованы любопытнымъ зрѣлищемъ.

Есть красивенькое животное, встрѣча съ которымъ, по мнѣнію древнихъ, предвѣщала успѣхъ. Аристотель, Атеней, Плиній, изучили его наклонности и, по поводу его, исчерпывали всю литтику ученыхъ Греціи и Италіи. Они называли его *Nautilus* и *Pompius*. Но новѣйшая наука не утвердила ихъ названій, и этотъ моллюскъ извѣстенъ теперь подъ именемъ аргонавта.

Еслибы кто спросилъ Конселя, то узналъ бы отъ этого добраго малаго что отрядъ моллюсковъ дѣлится на пять классовъ: что первый классъ головоногихъ моллюсковъ, изъ которыхъ одни черепакожные, другіе голые, заключаетъ въ себѣ два семейства: двужаберные и четырежаберные, которые различаются по числу своихъ жабръ; что семейство двужаберныхъ подраздѣляется на три рода: аргонавтовъ, кальмаровъ и каракатицъ, а семейство четырежаберныхъ имѣетъ только одинъ родъ: корабликъ. И еслибы послѣ этой номенклатуры чей-нибудь непонятливый умъ смѣшалъ аргонавта, снабженнаго присосками, съ корабликомъ, имѣющимъ простыя щупальцы, то онъ не заслуживалъ бы никакого извиненія. На поверхности океана плыла въ это время стая аргонавтовъ. Мы могли насчитать ихъ нѣсколько сотенъ. Они принадлежали къ виду *Argonauta tuberculata*, очень обыкновеннымъ въ индійскихъ моряхъ.

Эти граціозные моллюски плавали задомъ, посредствомъ своихъ воронокъ, выгоняя чрезъ нихъ воду. Изъ ихъ восьми щупальцевъ, шесть продолговатыхъ и тонкихъ раступались по водѣ, тогда какъ остальные два, округленные ланевидно, напрягались отъ дѣйствія вѣтра какъ легкіе паруса. Я отлично видѣлъ ихъ волнистую и спиральную раковину, которую Кювье очень мѣтко сравнилъ съ красивою шляпкой. Дѣйствительно, какъ настоящая лодка, эта раковина переноситъ выдѣлившее ее животное, и однако животное не прирастаетъ къ ней.

— Аргонавтъ можетъ покинуть свою раковину, сказалъ я Конселю,—но онъ никогда ея не покидаетъ.

— Также поступаетъ и капитанъ Немо, отвѣчалъ разсудительный Консель.—И я полагаю что ему было бы лучше назвать свой корабль „Аргонавтомъ“.

Цѣлый часъ шелъ *Корабликъ* среди этой стаи моллюсковъ. Потомъ, не знаю, какой-го страхъ внезапно овладѣлъ ими. Будто по сигналу, они разомъ опустили свои паруса; щупальцы согнулись, тѣла сжались, раковины опрокинулись, перемѣняя центръ тяжести, и вся флотилія исчезла въ волнахъ. Все это произошло мгновенно, и никогда корабли какой-нибудь эскадры не маневрировали съ большимъ согласіемъ.

Въ эту минуту вдругъ наступила ночь, и волны, едва поднимаемая вѣтромъ, спокойно разстилались вокругъ *Кораблика*.

На другой день, 26го января, мы пересѣкли экваторъ на восемьдесятъ второмъ меридіанѣ, и вступили въ сѣверное полушаріе.

Въ этотъ день насъ сопровождала грозная свита акулъ. Страшныя животныя кишатъ въ этихъ моряхъ и дѣлающъ ихъ очень опасными. Это были *Squalus Philippi*, съ коричневою спиной и бѣловатымъ брюхомъ, вооруженныя одиннадцатю рядами зубовъ, *Squalus argus*, на шеѣ которыхъ находится большое черное пятно съ бѣлымъ ободкомъ, похожее на глазъ, и другой видъ—акулы съ круглою мордой усѣянною черными точками. Часто эти сильныя животныя, со свирѣпостью не предвѣщавшею ничего хорошаго, бросались къ окнамъ залы. Недѣ-Ландъ былъ въ себя. Ему хотѣлось вернуться на поверхность волнъ и пустить острогой въ этихъ чудовищъ. Акулы гладкія, пасть которыхъ выстлана зубами расположенными какъ мозаика, и большія тигровыя акулы, длиною въ пять метровъ, вызывали его съ особенною настойчивостью. Но скоро *Корабликъ*, увеличивъ быстроту своего хода, легко оставилъ позади себя самыхъ быстрыхъ изъ этихъ акулъ.

27го января, при входѣ въ широкій Бенгальскій заливъ, насъ неоднократно поражало ужасное зрѣлище — трупы плавшіе на поверхности волнъ! То были мертвецы изъ индійскихъ городовъ, увозимые Гангомъ въ открытое море, и которыхъ коршуны, единственные могильщики въ этой странѣ, еще не успѣли пожрать. Но акулы не преминуть помочь имъ въ ихъ погребальной работѣ.

Около семи часовъ вечера, *Корабликъ*, на половину погруженный въ воду, плылъ посреди волнъ молочнаго цвѣта. Окъанъ, насколько его можно было видѣть, казался млечнымъ путемъ. Я подумалъ что это явленіе обуславливалось луннымъ сіяніемъ. Но нѣтъ, новолуніе наступило только два дня тому назадъ, и молодая луна еще терялась за горизонтомъ въ солнечныхъ лучахъ. Все небо, хотя и освѣщенное звѣзднымъ сіяніемъ, казалось чернымъ въ сравненіи съ бѣлизной водъ.

Консель не вѣрилъ своимъ глазамъ и спрашивалъ меня о причинахъ этого страннаго явленія. Къ счастью, я могъ дать ему отвѣтъ.

— Это такъ-называемое молочное море, сказалъ я ему, — огромное пространство бѣлыхъ водъ, часто видимыхъ у береговъ Амбоины и въ этихъ широтахъ.

— Но, спросилъ Консель, — можетъ ли господинъ профессоръ объяснить мнѣ какая причина производитъ подобное дѣйствіе, потому что эта вода, я думаю, не превратилась же въ молоко?

— Нѣтъ, мой другъ, удивляющая тебя бѣлизна произошла отъ присутствія цѣлыхъ міриадъ инфузорій, въ родѣ маленькихъ свѣтящихся червей, студенистыхъ и безцвѣтныхъ, въ волосъ толщиною, длина которыхъ не превосходитъ одной латой миллиметра. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ прилипаютъ другъ къ другу и тянутся такимъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ миль.

— Нѣсколькихъ миль! вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, и не трудись исчислить этихъ инфузорій! Ты никогда этого не достигнешь; если я не ошибаюсь, то въ некоторыхъ мореплавателямъ случалось лыть въ молочныхъ моряхъ на протяженіи болѣе сорока миль.

Не знаю, принялъ ли Консель мой совѣтъ, но онъ, казалось, погрузился въ глубокое размышленіе, безъ сомнѣнія стараясь сосчитать сколько въ сорока квадратныхъ миляхъ содержится пятихъ миллиметра. Что до меня касается, то я продолжалъ наблюдать это явленіе.

Корабликъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ разсѣкалъ бѣловатая волны, и я замѣчалъ что онъ безъ шума скользилъ по этой взмыленной водѣ, какъ будто бы плылъ въ водоворотѣ льны, иногда образующейся въ бухтахъ между двумя противоположными теченіями.

Около полуночи море вдругъ приняло свой обыкновенный

цѣить, но позади насъ, до самыхъ краевъ горизонта, небо, отражая близку волнъ, долго свѣтилось будто озаренное неопредѣленнымъ мерцаніемъ сѣвернаго сіянія.

ГЛАВА II.

Новое предложеніе капитана Немо.

Когда *Корабликъ* 28го февраля, въ полдень, всплылъ на поверхность моря, подъ $9^{\circ} 4'$ сѣверной широты; на западъ, въ восьми миляхъ разстоянія, показалась земля. Сначала я замѣтилъ множество горъ, въ двѣ тысячи футовъ вышины, отличающихся самыми причудливыми очертаніями. Когда положеніе судна было опредѣлено, я возвратился въ залу, и отыскивая это мѣсто на картѣ, узналъ что мы находимся около острова Цейлона, этой жемчужины лежащей у южной оконечности Индійскаго полуострова.

Я вошелъ въ библіотеку поискать какой-нибудь книги относящейся къ этому острову, одному изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ. И точно, я нашелъ книгу Сирра, подъ заглавіемъ: *Ceylan and the Cingalese*. Возвратясь въ залу, я прежде всего отиѣтилъ, всѣ цифры касавшіяся величины и положенія Цейлона, которому въ древности расточали такъ много различныхъ названій. Онъ находится между $5^{\circ} 55'$ и $9^{\circ} 49'$ сѣверной широты и между $79^{\circ} 42'$ и $82^{\circ} 4'$ долготы, къ востоку отъ Гринвичскаго меридіана; въ длину онъ имѣетъ двѣсти семьдесятъ лѣтъ миль; въ ширину, по большей мѣрѣ, полтора миль; въ окружности девятьсотъ миль; а поверхность его равняется восьмидесяти тысячамъ четыремъстамъ сорока восьми милямъ, то-есть величиной нѣсколько уступаетъ Ирландіи.

Въ это время вошелъ капитанъ Немо со своимъ подшкиперомъ.

Капитанъ взглянулъ на карту. Потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Островъ Цейлонъ, знаменитый ловлей жемчуга. Не пожелаете ли вы, господинъ Аронаксъ, лобывать на этой ловлѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, капитанъ.

— Хорошо; это легко сдѣлать. Я отдалъ приказаніе приблизиться къ Манаарскому заливу, куда мы пріѣдемъ ночью.

Капитанъ Немо сказалъ нѣсколько словъ своему подшки-

леру; который тотчасъ же вышелъ. Вскорѣ *Корабликъ* опять погрузился въ свою жидкую стихію, и манометръ показывалъ что онъ держался на глубинѣ тридцати футовъ.

Взявъ карту, я отыскивалъ Манаарскій заливъ. Я нашелъ его на девятомъ параллельномъ кругѣ, у сѣверозападнаго берега Цейлона. Онъ образуется продолговатою линіей маленькаго острова Манаара. Чтобы достигнуть его, надо было обойти весь западный берегъ Цейлона.

— Господинъ профессоръ, сказали мнѣ капитанъ Немо, — жемчугъ ловятъ въ Бенгальскомъ заливѣ, въ Индійскомъ морѣ, въ моряхъ Китая и Японіи, въ моряхъ Южной Америки, въ Панамскомъ и Калифорнскомъ заливахъ; но только на Цейлонѣ эта ловля достигаетъ самыхъ лучшихъ результатовъ. Мы, правда, прибыли немного рано. Добыватели жемчуга собираются въ Манаарскій заливъ только въ мартѣ мѣсяцѣ, и тогда, въ продолженіи тридцати дней, они на своихъ трехъ стахъ лодкахъ занимаются самымъ прибыльнымъ добываніемъ морскихъ сокровищъ. На каждой лодкѣ десять гребцовъ и десять водолазовъ. Послѣдніе раздѣляются на двѣ группы, которыя поочередно ныряютъ и олускаются на глубину двѣнадцати метровъ съ помощью тяжелаго камня, привязаннаго къ лодкѣ веревкой, который они обхватываютъ ногами.

— Стало-быть, сказали я, — этотъ первобытный способъ до сихъ поръ еще не вышелъ изъ употребленія?

— До сихъ поръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо, — несмотря на то что эта ловля принадлежитъ самому промышленному народу на земномъ шарѣ, Англичанамъ, которымъ она была уступлена по Амьенскому трактату въ 1802^о году.

— Однакоже, мнѣ кажется что скафандры подобныя нашимъ были бы очень полезны для этой ловли.

— Да, потому что бѣдные водолазы не могутъ долго оставаться подъ водой. Англичанинъ Персеваль, въ своемъ путешествіи на Цейлонъ, говоритъ, правда, объ одномъ Каффѣ который могъ оставаться въ водѣ пять минутъ, не возвращаясь на поверхность, но по моему мнѣнію этотъ фактъ представляетъ мало вѣроятнаго. Я знаю, что нѣкоторые водолазы доходятъ до пятидесяти семи секундъ, а очень искусные до восьмидесяти семи; но такіе встрѣчаются рѣдко, и когда эти несчастные возвращаются на бортъ, то изъ носа и ушей у нихъ течетъ вода съ кровью. Я думаю что водолазы могутъ пробыть подъ водой, среднимъ числомъ, тридцать секундъ, въ

продолженіи которыхъ они торолятся собрать въ маленькую сеть всѣ отколотыя ими жемчужныя раковины; но вообще водолазы не живутъ долго; у нихъ слабѣетъ зрѣніе; глаза начинаютъ гноиться, тѣло покрывается ранами, и часто они умираютъ на днѣ моря отъ удара.

— Да, сказалъ я, — это жалкое ремесло, служащее только для удовлетворенія различныхъ причудъ моды! Но скажите мнѣ, капитанъ, сколько раковинъ можетъ наловить въ день одна лодка?

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Говорятъ даже что въ 1814 году, англійское правительство устроило ловлю собственно для себя, и его водолазы добыли въ двадцать дней семьдесятъ шесть миллионъ раковинъ.

— По крайней мѣрѣ, спросилъ я, — этимъ водолазамъ платятъ хорощее жалованье?

— Едва ли, господинъ профессоръ. Въ Панамѣ они зарабатываютъ только по одному доллару въ недѣлю. Чаще всего имъ платятъ по одному су за раковину съ жемчужиной, а сколько они ихъ вытаскаютъ пустыхъ!

— По одному су бѣднымъ людямъ обогащающимъ своихъ хозяевъ! Это ужасно!

— Итакъ, господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо, — вмѣстѣ со своими товарищами вы посѣтите Манаарскую мель, и если случайно застанемъ тамъ какого-нибудь ранняго водолаза, мы посмотримъ на его работу.

— Это рѣшено, капитанъ.

— Кстати, господинъ Аронаксъ, вы не боитесь акулъ?

— Акулъ? вскричалъ я.

Этотъ вопросъ мнѣ показался, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

— Ну что же? спросилъ капитанъ Немо.

— Признаюсь, капитанъ, я еще не вполне освоился съ этою породой рыбъ.

— Мы къ нимъ давно привыкли, возразилъ капитанъ Немо, — и со временемъ вы достигнете того же. Притомъ мы будемъ вооружены, и дорогой намъ, быть-можетъ, удастся поохотиться за акулами. Это интересная охота. Итакъ, до завтра, господинъ профессоръ, и съ ранняго утра.

Проговоривъ это самымъ развязнымъ тономъ, капитанъ Немо вышелъ изъ залы.

Еслибы васъ приглашали охотиться въ швейцарскихъ

горахъ за медвѣдями, вы сказали бы: „Очень хорошо! Завтра мы пойдемъ на медвѣдей.“ Еслибы васъ приглашали идти на льва въ долины Атласа или на тигра въ индійскія джунгли, вы сказали бы: „А! А! кажется мы идемъ на тигра или на льва.“ Но еслибы вамъ предложили охоту за акулой въ ея природной стихіи, вы, можетъ-быть, попризадумались бы прежде чѣмъ принять это приглашеніе.

Что до меня касается, то я провелъ рукой по лбу, на которомъ выступило нѣсколько капель холоднаго пота.

— Подумаемъ, сказалъ я себѣ,—и не будемъ снѣшивать. Охотиться за выдрами въ подводныхъ лѣсахъ, какъ намъ пришлось въ лѣсахъ острова Креспо, — это еще куда ни шло. Но рыскать по морскому дну, когда почти увѣренъ что встрѣтишь тамъ акулу, совсѣмъ иное дѣло! Я хорошо знаю что въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно на Андаманскихъ островахъ, негры не колеблясь нападаютъ на акулу съ кинжаломъ въ одной рукѣ и съ петлей въ другой; но я также хорошо знаю что многіе изъ смѣльчаковъ нападающихъ на страшное животное не возвращаются съ своей охоты! Сверхъ того, я не негръ; да еслибы я и былъ негромъ, то полагаю что въ подобномъ случаѣ небольшое колебаніе съ моей стороны было бы все-таки лоятно.

И вотъ я погрузился въ размышленіе объ акулахъ, думая объ ихъ громадныхъ челюстяхъ, вооруженныхъ нѣсколькими рядами зубовъ, способныхъ разрѣзать человека на-двое. Я уже чувствовалъ нѣкоторую боль въ поясницѣ. Къ тому же я никакъ не могъ переварить равнодушія съ которымъ капитанъ Немо сдѣлалъ это прискорбное приглашеніе. Какъ будто дѣло шло о томъ чтобы обойти въ лѣсу какую-нибудь безвредную лисицу!

— Хорошо! думалъ я:—Консель не захочетъ идти, и это избавитъ меня отъ необходимости сопровождать капитана. Что же касается Недъ-Ланда, то, признаюсь, я не такъ увѣренъ былъ въ его благоразуміи. Опасность, какъ бы ни была она велика, всегда имѣла особенную прелесть для его воинственной натуры.

Я опять принялся за книгу Сирра, но не могъ угаубиться и машинально перелистывалъ ее. Между строками я видѣлъ страшно открытыя челюсти....

Въ эту минуту вошли Консель и Канадецъ. Они были спокойны и даже веселы. Они не знаютъ что ихъ ожидаетъ.

— Право, господинъ профессоръ, сказалъ Недъ-Ландъ, — вашъ капитанъ Немо, — чтобы чортъ его лобралъ! — сдѣлалъ вамъ очень любезное предложеніе.

— Ахъ! сказалъ я: — вы знаете....

— Съ позволенія господина профессора, отвѣчалъ Ковсель, — командиръ *Корабляка* пригласилъ насъ завтра, въ сопровожденіи господина профессора, посвятить великолѣпныя ловли жемчуга на островѣ Цейлонѣ. Онъ сдѣлалъ это въ изысканныхъ выраженіяхъ и велъ себя настоящимъ джентльменомъ.

— Онъ вамъ больше ничего не сказалъ?

— Ничего, отвѣчалъ Канадецъ, — онъ прибавилъ только что уже говорилъ вамъ объ этой маленькой прогудкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я. — И онъ вамъ не сообщилъ никакихъ подробностей относительно....

— Никакихъ, господинъ натуралистъ. — Вы пойдете съ нами, не правда ли?

— Я... безъ сомнѣнія! Я вижу что вамъ это нравится, Недъ-Ландъ.

— Да! это очень любопытно, очень любопытно.

— Можетъ-быть опасно! прибавилъ я вкрадчивымъ тономъ.

— Опасно! отвѣчалъ Недъ-Ландъ: — Простая экскурсія на устричную мель!

Очевидно, капитанъ Немо не считалъ нужнымъ пробуждать мысль объ акулахъ въ умѣ моихъ товарищей. Я смотрѣлъ на нихъ испуганными глазами, какъ будто бы у нихъ оторванны были нѣкоторые члены. Долженъ ли я ихъ предупредить? Да, конечно, но я не зналъ какъ за это взяться.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ Ковсель, — господинъ профессоръ будетъ, можетъ-быть, такъ добръ что сообщитъ намъ какія-нибудь подробности о ловлѣ жемчуга?

— О ловлѣ собственно, спросилъ я, — или о тѣхъ приключеніяхъ которыя....

— О ловлѣ, отвѣчалъ Канадецъ, — прежде чѣмъ отправляться въ дорогу надо имѣть объ ней понятіе.

— Хорошо, садитесь, друзья мои, я вамъ разкажу все что самъ узналъ отъ Англичанина Сирра.

Недъ и Ковсель сѣли на диванъ, и Канадецъ сейчасъ же спросилъ меня:

— Господинъ профессоръ, что такое жемчужина?

— Мой честный! Недъ, отвѣчалъ я, — для поэта жемчужина — морская слеза; для жителей Востока — отвердѣвшая капля росы;

для дамъ — драгоценная вещьца продолговатой формы, прозрачнаго блеска, состоящая изъ перламутроваго вещества, которую онѣ носятъ на пальцахъ, шеѣ, или въ ушахъ; для дамъ — смѣсь фосфорнокислой и углекислой извести съ небольшимъ количествомъ желатина; и наконецъ для натуралиста — жемчужина простое болѣзненное отдѣленіе органа который выдѣляетъ перламутръ у нѣкоторыхъ двустворчатыхъ раковинъ.

— Отдѣлъ моллюсковъ, сказалъ Консель, — классъ безголовыхъ, порядокъ черепакожныхъ.

— Точно такъ, ученый Консель. Но между этими черепакожными *Halotis iris*, *Turbo*, *Tridacna*, *Pinna maritima*, однимъ словомъ всѣ отдѣляющія перламутръ, то-есть вещество габое, синеватое, фіолетовое или бѣлое, выстилающее внутренность ихъ створокъ, способны производить жемчугъ.

— Даже и ракушки? спросилъ Канадецъ.

— Да, ракушки нѣкоторыхъ потоковъ Шотландіи, Вельс Ирландіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи.

— Хорошо! впередъ надо заложить это, отвѣчалъ Канадецъ.

— Но, возразилъ я, преимущественно выдѣляетъ жемчугъ жемчужница, драгоценная перловка. Жемчугъ есть сгустившійся перламутръ, принявшій сферическую форму. Онъ или пристаеетъ къ скорлупѣ раковины, или прилипаетъ къ скалкамъ животного. На створкахъ жемчугъ прирѣдленъ, на тѣхъ же свободенъ. Но у него всегда есть ядро, маленькое твердое тѣло, состоящее или изъ безплоднаго яичка, или изъ песчинки, вокругъ которыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ осаждается перламутровое вещество, послѣдовательно, тонкими и концентрическими слоями.

— Бываетъ ли въ одной раковинѣ по нѣскольку жемчужинъ? спросилъ Консель.

— Да, мой другъ. Встрѣчались раковины заключавшія цѣлое собраніе драгоценностей. Про одну раковину рассказываютъ, но я въ этомъ сомнѣваюсь, что въ ней заключалось не менѣе ста пятидесяти акулъ.

— Сто пятьдесятъ акулъ! воскричалъ Недъ-Дандъ.

— Развѣ я сказалъ „акулъ“? быстро воскричалъ я. — Я хотѣлъ сказать сто пятьдесятъ жемчужинъ. „Акулъ“ не имѣло бы никакого смысла.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Консель. — Но скажетъ ли намъ теперь господина профессоръ какимъ способомъ добываютъ этотъ жемчугъ?

— Есть различные способы, и часто, когда жемчугъ при-
талъ къ створкамъ, ловцы отрываютъ его щипцами. Но по
обыкновенію, раковины кладутся на плетеные рогожи, кото-
рыми покрываютъ берегъ. Такимъ образомъ онѣ умираютъ
на воздухѣ, и по прошествіи десяти дней находятся въ со-
стояніи гніенія. Тогда ихъ кладутъ въ большіе наполненные
морскою водою резервуары, потомъ ихъ открываютъ и моютъ.
Съ этой минуты начинается двойная работа сортировщиковъ.
Сначала они отдѣляютъ перламутровыя пластинки, извѣстныя
въ торговѣ подъ именемъ *franche argentée*, *bâtarde blanche*
и *bâtarde noire*, которыя продаются ящичками отъ ста двад-
цати ляти до ста пятидесяти килограммовъ. Потомъ они выни-
маютъ мясо изъ раковины, кипятятъ его и просѣиваютъ, чтобъ
извлечь изъ него даже оамый мелкій жемчугъ.

— Цѣна этого жемчуга измѣняется судя по его величинѣ?
спросилъ Консель.

— Не только по величинѣ, отвѣчалъ я, — но также по формѣ,
цвѣту и водѣ, то-есть, по тому мягкому съ разноцвѣтными
переливами блеску, который придаетъ жемчугу такую красоту.
Самый лучший жемчугъ называется *perles-vierges*, или незалят-
ванный; онъ образуется отдѣльно въ ткани моллюска, онъ бѣ-
лый, часто непрозрачный, но иногда имѣетъ опаловидную
прозрачность, и большею частью бываетъ шаровидной или
грушевидной формы. Изъ шаровиднаго жемчуга дѣлаютъ бра-
саеты; изъ грушевиднаго подвѣски, и такъ какъ онъ самый
дорогой, то продается поштучно. Другой же жемчугъ, пристав-
шій къ скорлупѣ раковины, болѣе неправильной формы, про-
дается съ вѣсу. Наконецъ маленькій жемчугъ, причисленный къ
низшему разряду, называется мелкимъ жемчугомъ; продается
также на вѣсъ и служитъ обыкновенно для вышиванья.

— Но разбирать жемчугъ по его величинѣ, должно-быть,
очень долгая и трудная работа, сказалъ Канадецъ.

— Нѣтъ, мой другъ. Эта работа производится посредствомъ
одинадцати ситъ, или рѣшетъ съ разнымъ числомъ пробурав-
ленныхъ на нихъ дыръ. Жемчугъ остающійся въ ситѣ, въ ко-
торомъ отъ двадцати до восьмидесяти дыръ, принадлежитъ къ
первому разряду. Тотъ же который не проходитъ въ рѣшето
имѣющее отъ ста до восьмисотъ дыръ, причисляется ко вто-
рому разряду. Наконецъ жемчугъ, для котораго употребляютъ
сита имѣющія отъ девятисотъ до тысячи дыръ, составляетъ
мелкій жемчугъ.

— Очень замысловато, сказалъ Консель,—и я вижу что дѣленіе и классификація жемчуга производится механически. Господиный профессоръ, не можете ли вы сказать намъ что приносятся ежегодно эти мели жемчужныхъ раковинъ?

— Судя по книгѣ Сирра, отвѣчалъ я,—жемчужныя ловли на Цейлонѣ ежегодно отдаются на откупъ за три милліона акулъ.

— Франковъ! поправилъ Консель.

— Да, франковъ. Три милліона франковъ! повторишь а— Но я думаю что эти ловли уже не приносятъ столько сколько онѣ приносили прежде. То же самое и американскія ловли, которыя въ царствованіе Карла V приносили четыре милліона франковъ; теперь же доходъ съ нихъ уменьшился на двѣ трети. Словомъ, въ общей сложности доходъ отъ разработки жемчуга можно оцѣнить въ девять милліоновъ франковъ.

— Но, спросилъ Консель,—кажется я слышалъ что попадались знаменитыя жемчужины цѣнимыя очень высоко?

— Да, мой другъ. Разказываютъ что Цезарь подарилъ Сервиліи одну жемчужину стоившую на наши деньги сто двадцать тысячъ франковъ.

— Я даже слышалъ, сказалъ Канадецъ,—что въ древности одна дама выпила жемчугъ въ укусу.

— Клеопатра, сказалъ Консель.

— Это, должно-быть, было очень не вкусно, прибавилъ Недъ-Ландъ.

— Отвратительно, другъ Недъ, отвѣчалъ Консель,—но рюмка укуса, стоящая пятьсотъ тысячъ франковъ,—дѣла хорошая.

— Я жалю что не женился на этой дамѣ, сказалъ Канадецъ, разводя руками съ угрожающимъ видомъ.

— Недъ-Ландъ супругъ Клеопатры! вскричалъ Консель.

— Но я долженъ былъ жениться, Консель, серьезно отвѣчалъ Канадецъ,—и не моя вина если дѣло не сладилось. Я даже купилъ жемчужное ожерелье для Кэтъ Тендеръ, моей невесты, но она, впрочемъ, вышла замужъ за другаго. И что же? это ожерелье стоило мнѣ только полтора доллара, а между тѣмъ, господиный профессоръ,—не знаю повѣрите ли вы,—жемчугъ изъ котораго оно было сдѣлано не прошелъ бы сквозь сито съ двадцатью отверстіями.

— Мой честный Недъ, отвѣчалъ я смѣясь,—это былъ искусственный жемчугъ, простые стеклянные шарики наполненные эссенціей жемчужной воды.

— Ба! эта эссенція жемчужной воды, отвѣчалъ Канадецъ,—должна дорого стоить.

мирали забытые рабы, тутъ могучіе монахи приносили то редъ, то пользу ближнему, и всё они исчезли, и Богъ съ ними. Отъ нихъ осталась только какая-то атмосфера безмятежной тишины да мирное романтическое настроеніе навѣваемое этимъ уголкою,—настроеніе побуждающее къ добру и милосердію, слѣдъ досказанной печальной сказки или доуграной трагедіи.

Красныя кирпичныя стѣны, гармонично потускнѣвшія отъ времени, крѣпко вкоренившіяся люцы, стрѣльчатыя окна, деревомъ выложенныя стѣны, большія дубовыя балки въ маленькихъ комнаткахъ, сады съ каменною оградой, гдѣ ежегодно зрѣли плоды на разведенныхъ монахами деревьяхъ, вотъ обстановка среди которой милостивая старушка мисгрисъ Крисларкъ и достолючтенный Селтимъ сидѣли за завтракомъ.

— Что же говорится въ письмѣ-то, милая матушка? оговорился младшій каноникъ, обнаруживая здоровый аппетитъ.

Старушка, прочитавъ письмо, только что положила его подъ себя на скатерть. Она передала его сыну.

Старушка очень гордилась тѣмъ что могла читать и писать безъ очковъ; сынъ также гордился этимъ обстоятельствомъ, и чтобъ еще болѣе польстить матери, выдумалъ притвориться будто самъ не можетъ читать рукописи безъ очковъ. Поэтому онъ досталъ очки, весьма объемистыя и почтенныя, которыя не только обременяли ему носъ, но и серьезно мѣшали прочесть письмо, ибо глаза его сами по себѣ соединяли силу микроскопа и телескопа.

— Письмо, конечно, отъ мисгера Гонитондера, сказала старушка, скрестивъ руки.

— Конечно, повторилъ сынъ и началъ читать, запинаясь.

„Пристань Филантропіи. Главная контора. Лондонъ. Среда.

„Сударыня!

„Иду на...

— На чемъ это онъ пишетъ?

— На креслѣ, подсказала старушка.

Достолючтенный Селтимъ снялъ очки чтобы видѣть ея лицо, и воскликнулъ:

— А какъ же иначе писать?

— Ахъ, Боже мой, Селтимъ! Ты не разбираешь письма! отозвалась старушка.—Отдай мнѣ его, другъ мой.

Радуясь случаю снять очки, отъ которыхъ онъ всегда чув-

ствовалъ боль въ глазахъ, сынъ ловиновааса, прибавивъ въголоса что ему съ каждымъ днемъ труднѣе становится читать рукописи.

„Пити“, продолжала мать весьма внятно и отчетливо, „на креслѣ председательскомъ, на которомъ мнѣ, вѣроятно, придется просидѣть нѣсколько часовъ. У насъ собраніе соединенныхъ центральныхъ и областныхъ филантропическихкихъ комитетовъ, и всѣмъ единогласно угодно было выбрать меня председателемъ. Чтобы не упустить сегодняшней почты я пользуюсь временемъ пока читается обличеніе отъявленнаго нечестивца....

Удивительное дѣло, вступился кроткій каноникъ, кладя вилку и ножикъ и въ раздумьи почесывая себѣ затылокъ— Эти филантропы вѣчно кого-нибудь обличаютъ. И удивительное также дѣло какъ это у нихъ всегда такъ много находится подъ рукою отъявленныхъ нечестивцевъ.

„....я пользуюсь временемъ, пока читается обличеніе отъявленнаго нечестивца“, продолжала старушка, „чтобы закончить одно дѣльце. Я переговорилъ съ моими питомцами Невилемъ и Еленой Ландлессъ о неудовлетворительности ихъ воспитанія, и они соглашаются на предложенный мною планъ, да я впрочемъ и принялъ бы мѣры чтобъ они согласились волей-неволей.“

— Удивительно также, замѣтилъ опять младшій каноникъ тѣмъ же тономъ какъ прежде,—что эти филантропы хватаютъ ближнему, такъ сказать, за горло и насильственно толкаютъ его на путь истинный. Извините пожалуйста, милая матушка что я васъ прерываю.

„Поэтому вы потрудитесь, сударыня, предупредить вашего сына, достопочтеннаго мистера Селтима, чтобъ онъ ожидалъ къ себѣ Невиля въ будущій понедѣльникъ въ качествѣ ученика и пенсіонера. Въ тотъ же день Елена пріѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Клойстергамъ для поступления въ Женскій Моастырь, учебное заведеніе рекомендованное вами и сыномъ вашимъ. Потрудитесь озаботиться о ея пріемѣ и помѣщеніи. Условія въ обоихъ случаяхъ предполагаются тѣ самыя какія изложены были вами письменно, когда я вступилъ въ переписку съ вами объ этомъ предметѣ, послѣ того какъ имѣлъ честь познакомиться съ вами у вашей сестры здѣсь, въ Лондонѣ. Прося передать мое почтеніе мистеру Селтиму, остаюсь сударыня, вашъ любящій братъ (по филантропіи) Люкъ Говитондеръ.“

— Что жъ, матушка, сказалъ Селтимъ, все почесывая себѣ затылокъ,—надо попробовать. Что у насъ хватитъ мѣста для жильца, а у меня есть и время, и желаніе заняться имъ, въ

этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Признаюсь, я радъ что жилецъ этотъ не самъ мистеръ Гонитондеръ, хотя это можетъ показаться непростительнымъ предубѣжденiемъ, такъ какъ я вѣдь ни разу не видалъ его. Большаго онъ роста, матушка?

— Да, по-моему, онъ большой, отвѣчала старушка, подумавъ немного.—А голосъ его еще больше.

— Больше его самого?

— Голосъ у него громадный.

— А! сказалъ Селгимъ, и окончивъ завтракъ, какъ будто чай, и ветчина, и яща съ поджаренымъ хлѣбомъ потеряли нѣсколько вкуса свой.

Сестра мистрисъ Крисларкъ, такая же какъ она фарфоровая куколка, и такъ на нее похожая что онъ обѣ могли бы служить отличнымъ украшенiемъ для любого старомоднаго камина и повидимому никогда бы не должны различаться, была бездѣтною женой духовнаго лица, занимающаго должность въ лондонскомъ Сити. Мистеръ Гонитондеръ, какъ профессоръ филантропiи, познакомился съ мистрисъ Крисларкъ въ ея послѣднюю годичную поѣздку къ сестрѣ, по случаю общественнаго филантропическаго торжества, когда нѣсколько злосчастныхъ сиротъ нѣжнаго возраста закармлины были будками и залуганы неуклюжею заботливостью. Вотъ все что знали въ уголкѣ младшихъ канониковъ объ ожидаемыхъ литомцахъ.

— Вы навѣрное согласитесь со мной, матушка, сказалъ мистеръ Крисларкъ, обдумавъ дѣло,—что прежде всего надо привять этихъ молодыхъ людей какъ можно радушнѣе. Въ этомъ наша же собственная выгода, такъ какъ мы сами будемъ стѣснены, если они будутъ чувствовать себя стѣсненными у насъ. Теперь племянникъ Джаспера здѣсь. Молодежь охотно сходится съ молодежью. Онъ милый малый, мы позволимъ его обѣдать въ день прiѣзда брата съ сестрой. Вотъ, значитъ, ужъ трое. Нельзя позвать его и не позвать Джаспера. Вотъ, стало-быть, четверо. Да еще миссъ Твинкельтонъ, да невѣста, это составляетъ шесть. Да насъ двое, всего восемь человѣкъ. Дружескiй обѣдъ на восемь человѣкъ не обезлокоитъ васъ, матушка?

— На девять обезлокоилъ бы, Селгимъ, отвѣчала старушка, видимо встревоженная.

— Милая матушка, я опредѣляю именно восемь.

— Больше и за столомъ, и въ комнатѣ не помѣстится, другъ мой.

Такъ и было рѣшено, и когда мистеръ Крисларкъ зашелъ съ матерью къ миссъ Твинкельтонъ переговорить о посылкѣ Елены Ландлессъ въ ея заведеніе, оба приглашенія были сдѣланы и приняты. Миссъ Твинкельтонъ, правда, взглянула на глобусы, какъ будто сожалѣя что ихъ нельзя везти съ собою въ гости, но потомъ примирилась съ мыслью о разлукѣ съ ними на время. Затѣмъ отправлены были къ филантропу наставленія относительно отъѣзда и прибытія во-время къ обѣду мистера Невилля и миссъ Елены, и воздухъ въ уголкѣ младшихъ канониковъ наполнился благоуханіемъ закушечныхъ для бульйона припасовъ.

Въ то время не было желѣзной дороги въ Клойстергамъ, и мистеръ Салси говорилъ что ея никогда не будетъ. Мистеръ Салси шелъ далѣе, онъ говорилъ что желѣзной дороги вовсе не нужно. А вотъ теперь, чудное дѣло, почтовые поѣзды не удостоиваютъ даже останавливаться въ Клойстергамѣ, а свистя пролетаютъ чрезъ него къ болѣе отдаленнымъ мѣстамъ и лишь отряхаютъ съ колесъ прахъ на него, въ ознаменованіе его ничтожества. Была какая-то отдаленная вѣтвь какой-то линіи, отъ которой ждали разоренія въ случаѣ неудачи ея, паденія церкви и государства въ случаѣ удачи, и губельныхъ послѣдствій для конституціи во всякомъ случаѣ; но и эта вѣтвь до такой степени услѣла измѣнить торговыя дѣла въ Клойстергамѣ что теперь торговля шла его заднимъ, прежде глухимъ путемъ, при которомъ долгое время красовалась надпись: „Проѣздъ воспрещается.“

Къ этому заклеименному позоромъ пути отправился мистеръ Крисларкъ, въ ожиданіи небольшого четвероугольного омнибуса, обремененнаго на верху несоразмѣрною грудой пожитковъ, точно маленькій слонъ несущій на спинѣ огромную башню,—единственное въ то время средство сообщенія между Клойстергамомъ и остальнымъ человѣчествомъ. Когда покатали этотъ неуклюжій экипажъ, мистеръ Крисларкъ увидѣлъ лишь одного наружнаго пассажира, который, сидя на козлахъ подбоченясь и разставивъ локти, притиснулъ кучера къ самому краю и мрачно озирался, поворачивая то на одну, то на другую сторону рябое лицо.

— Это Клойстергамъ? спросилъ онъ потрясающимъ голосомъ

— Это, отвѣчалъ кучеръ, бросивъ поводья дворнику и по-тираясь, словно чувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ.—И, признаюсь, радъ я что мы доѣхали.

— Такъ скажите своему хозяину чтобъ онъ козла сдѣлалъ шире, отозвался пассажиръ.—Хозяинъ вашъ нравственно обязанъ и слѣдовало бы обязать его закономъ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій, заботиться объ удобствахъ ближняго.

Кучеръ продолжалъ оцупывать себя руками съ видимымъ безлокойствомъ.

— Я васъ тѣснилъ? спросилъ пассажиръ.

— Тѣснили, отвѣчалъ кучеръ, видимо недовольный.

— Возьмите этотъ билетъ, другъ мой.

— Оставьте лучше его у себя, отозвался кучеръ, неблаго-склонно поглядывая на билетъ.—На что онъ мнѣ?

— Сдѣлайтесь членомъ нашего Общества.

— Что же оно дастъ мнѣ?

— Братъевъ, отвѣтилъ пассажиръ свирѣлымъ голосомъ.

— Спасибо, сказалъ кучеръ холодно, слѣзая съ козелъ.—

Мать моя довольствовалась мною, и я также. Не нужно мнѣ братъевъ.

— Но вы обязаны признавать ихъ волей-неволей, отвѣчалъ пассажиръ, также слѣзая.—Я братъ вашъ.

— Слушайте, отозвался кучеръ, начиная сердиться,—вы ужь не слишкомъ, а то вѣдь и червякъ....

Тутъ вступился мистеръ Крисларкль.

— Джо, Джо! проговорилъ онъ примиряющимъ голосомъ:— не забывайте, другъ мой, и затѣмъ, отвернувшись отъ Джо, кротко приподнявшаго шялу, обратился къ пассажиру:—Мистеръ Гонитондеръ?

— Меня такъ зовутъ.

— А меня Крисларкль.

— Достопочтенный мистеръ Селтимъ? Радъ видѣть васъ. Невиль и Елена въ каретѣ. Утомившись въ послѣднее время общественными трудами, я вздумалъ подышать свѣжимъ воздухомъ, выѣхалъ съ ними сюда и сегодня вечеромъ ѣду обратно. Такъ вы достопочтенный мистеръ Селтимъ?

Онъ оглянулъ его, ловидимому неодобрительно, съ ногъ до головы, вертя какъ на вертелѣ лорнетъ висѣвшій на шеѣ, но не прикладывая его къ глазу.

— Я ожидалъ увидѣть старика.

— Богъ дастъ, еще увидите, отвѣчалъ каноникъ добродушно.

— Какъ? спросилъ мистеръ Гонитондеръ.

— Пустая шутка, которую не стоить повторять.

— Шутка? А! Я никогда не понимаю шутки, отозвался сумрачно мистеръ Гонитондеръ.— Со мной шутить нечего. Гдѣ же они? Елена, Невиль, идите сюда! Мистеръ Криспаркъ вышелъ къ вамъ на встрѣчу.

Необыкновенно красивый, стройный мальчикъ и необыкновенно красивая, стройная дѣвочка; очень похожи другъ на друга; оба темноволосые и смуглые, она почти напоминаетъ цыганку; въ обоихъ что-то неукротимое, что-то хищное, и въ то же время что-то заглавное; живые, гибкіе, не то робкіе, не то смѣлые; съ какою-то дикостью во взглядѣ; минутами они какъ будто съеживаются, словно готовясь къ прыжку, или уклоняясь отъ удара. Вотъ какъ выразилъ бы слово въ слово мистеръ Криспаркъ свои первыя впечатлѣнія.

Онъ пригласилъ мистера Гонитондера обѣдать, сильно тревожимый мыслью о смущеніи своей милой китайской пастушки, и подавъ руку Еленѣ Ландлессъ. И она, и братъ ея, идя радомъ по стариннымъ улицамъ, любовались зданіемъ собора и развалинами монастыря, и дивились всему какъ какіе-нибудь красивые лѣтчики привезенные изъ дальней, дикой страны: такъ размышляя про себя каноникъ. Гонитондеръ шелъ по срединѣ улицы, толкая прохожихъ и громко излагая намѣреніе предпринять экспедицію противъ всѣхъ празднующихся въ Соединенномъ Королевствѣ, бросить ихъ въ тюрьму всѣхъ до одного и принудить, подъ сграхомъ мгновеннаго истребленія, сдѣлаться филатролами.

Мистрисъ Криспаркъ пондобилась своя доля филатроліи, когда она увидала этотъ огромный и весьма неудобный наростъ на своемъ маленькомъ кружкѣ. Всегда нѣчто въ родѣ прыща на лицѣ общества, мистеръ Гонитондеръ привалъ въ уголѣ младшихъ канониковъ особенно злокачественный характеръ. Хотя и не совсемъ справедливо было что въ шутку разказывалось про него людьми невѣрующими, будто онъ громко зывалъ къ ближнимъ своимъ: чортъ бы васъ побралъ, идите же сюда и примите благословеніе, — однако его любовь къ ближнему была такого воспалительнаго свойства что трудно было отличить ее отъ ненависти. Требовалось отнѣмнуть вооруженную силу, но прежде требовалось призвать къ военному суду всѣхъ офицеровъ, исполнявшихъ обяза-

юсти службы, и разстрѣлять ихъ за это. Требовалось отгнѣ-
вить войну, но для обращенія людей на путь истинный тре-
бовалось идти на нихъ войною и затѣмъ вмѣнить имъ въ обя-
занность точно также воевать въ свою очередь. Требовалось
отгнѣвить смертную казнь, но прежде стереть съ лица земли
всѣхъ законодателей, юристовъ и судей, держащихся противо-
положнаго мнѣнія. Требовалось всеобщее согласіе, но для до-
стиженія его требовалось истребить всѣхъ, кто не хочетъ,
или не можетъ, по совѣсти, согласиться съ вами. Требовалось
любить ближняго какъ себя самого, но прежде надлежало про-
должительное время поносить его и обзывать разными обид-
ными словами. А главное, требовалось ничего не дѣлать втай-
нѣ и отъ себя: надлежало идти въ контору Пристанн Филан-
тропн и записаться членомъ и филантропомъ-проповѣдни-
комъ. Затѣмъ уплачивался взносъ, вы получали членскій би-
летъ, ленту и медаль, и съ этой минуты осуждены были жить
на подмосткахъ, говорить всегда то что говоритъ мистеръ
Говитондеръ, что говоритъ кассиръ, что говоритъ помощникъ
кассира, что говоритъ главный комитетъ, что говоритъ второй
комитетъ, что говоритъ секретарь, что говоритъ помощникъ
секретаря. И все это обыкновенно выражалось общимъ рѣ-
шеніемъ, изложеннымъ за подписями и печатью, въ слѣдую-
щихъ словахъ: „Общество Филантроповъ-Пролоповѣдниковъ ви-
дитъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ не лишенымъ крайня-
го омерзенія....“ порочность всѣхъ не принадлежащихъ къ не-
му, и ставитъ себя въ обязанность обличать ихъ сколько воз-
можно, не задумываясь надъ вѣрностью фактовъ.

Обѣдъ окончательно не удался. Филантропъ разстроилъ по-
рядокъ стола, загородилъ дорогу прислугѣ и довелъ мистера
Гола, помогавшаго горничной, чуть не до отчаянія тѣмъ что
передавалъ тарелки и блюда черезъ голову. Никто не могъ
ни съ кѣмъ говорить, потому что онъ одинъ говорилъ со всѣ-
ми разомъ, какъ будто это не общество знакомыхъ, а сход-
ка. Онъ обращался преимущественно къ достопочтенному
мистеру Селгиму, какъ къ лицу официальному, пользуясь имъ
какъ живою вѣшалкой, на которой бы драгировать свою ора-
торскую тогу, и притомъ употреблялъ нестерпимый приемъ,
свойственный подобнымъ ораторамъ, олицетворять въ себе-
сѣбѣ порочнаго и слабого противника. Такъ онъ спраши-
валъ: „И вы, въ противоположность здравому смыслу, говорите
мнѣ....“ Тогда какъ невинный каноникъ рта не развѣдалъ и не

имѣлъ намѣренія разинуть. Или филантролъ восклицаетъ: „Вотъ видите ли до чего вы дошли! Я не остаю вамъ исхода. Истоощивъ въ теченіи долгихъ лѣтъ всѣ уловки хитрости и обмана, обнаруживъ возмутительное сочетаніе подлой трусости съ наглою дерзостью, вы теперь притворно прекаиваете колѣна предъ недостойнѣйшими изъ людей и униженно молитесь пощады.“ Тутъ несчастный каноникъ глядѣлъ на него не то съ досадою, не то со смущеніемъ, старушка мать сидѣла, сжавъ губы и едва удерживая слезы, а остальное общество впадо въ состояніе подобное замерзанію, безъ устойчивости и безъ силы сопротивленія.

Но взрывъ любви къ ближнему, когда сталъ приближаться отъѣздъ мистера Гонитондера, долженъ былъ глубоко тронуть этого достойнаго мужа. Кофе ему подали, по особенной дѣятельности мистера Тола, цѣлымъ часомъ раньше чѣмъ онъ его пожелалъ. Мистеръ Криспаркъ столько же почти времени держалъ въ рукахъ часы, чтобы гость не опоздалъ. Четверо молодыхъ людей единогласно завѣрили что на соборныхъ часахъ пробило три четверти, когда въ сущности пробило только одна. Миссъ Твинкельтонъ полагала что до стоянки омнибуса двадцать пять минутъ ходьбы, когда въ сущности было пять. Съ любовью всѣ увертывали его въ лапцы и вывели заботливо на дворъ, словно онъ дорогой имъ политическій преступникъ, и къ дому подѣзжаетъ взводъ кавалеріи. Мистеръ Криспаркъ, съ новымъ своимъ питомцемъ, проводивъ его до омнибуса, такъ опасался чтобъ онъ не простудился что тотчасъ же усадилъ его въ карету и залеръ въ ней за полчаса до отъѣзда.

Г Л А В А VII.

Признанія.

— Я очень мало знаю этого господина, говорилъ Невилъ младшему канонику, идя съ нимъ домой.

— Вы очень мало знаете своего олекума? повторилъ младшій каноникъ.

— Почти вовсе не знаю.

— Да какъ же....

— Сталъ онъ моимъ олекумомъ? Я вамъ скажу. Вы, вѣроятно, знаете что мы съ сестрою изъ Цейлона?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Это меня удивляет. Мы жили тамъ съ вотчимомъ. Наша мать умерла тамъ, когда мы еще были маленькими дѣтьми. Жизнь наша была несчастная. Мать назначила вотчима нашимъ опекуномъ. Онъ былъ злой скряга, скулился на лицу и на одежду намъ. Умирая, онъ передалъ насъ мистеру Гонитондеру, сколько мнѣ извѣстно, на томъ лишь основаніи что былъ съ нимъ знакомъ и постоянно видѣлъ имя его въ печати.

— Это случилось, вѣроятно, недавно.

— Весьма недавно. Нашъ вотчимъ былъ не только скуль, но и жестокъ. Хорошо что онъ умеръ, а то я, пожалуй, убилъ бы его.

Мистеръ Криспарклъ вдругъ остановился и, при лунномъ свѣтѣ, съ ужасомъ поглядѣлъ на своего многообѣщающаго питомца.

— Я удивляю васъ? сказалъ юноша, внезапно переходя къ кроткому тону.

— Вы меня пугаете, невыразимо пугаете.

Юноша повѣсилъ голову и нѣсколько шаговъ шелъ молча.

— При васъ не били сестру вашу, заговорилъ онъ опять. — А онъ билъ при мнѣ сестру, и не разъ, и я этого никогда не забуду.

— Ничто, сказалъ мистеръ Криспарклъ, — даже видъ любимой сестры плачущей подъ ударами негодяя (онъ невольно начиналъ смягчаться, чувствуя самъ пробуждающееся негодование), ничто не оправдываетъ ужасныхъ словъ которыя вы произнесли.

— Я жалю что сказалъ эти слова, въ особенности вамъ. Позвольте мнѣ взять ихъ назадъ. Но позвольте также объяснить вамъ одно. Вы сейчасъ говорили о слезахъ моей сестры. Сестра моя не проронила бы слезинки, хотя бы онъ разорвалъ ее на части.

Мистеръ Криспарклъ припомнилъ свои первыя впечатлѣнія и нисколько не удивился такому заявленію, и не думалъ сомнѣваться въ его истинѣ.

— Можетъ-быть вамъ покажется странно, продолжалъ юноша нервнѣйшимъ голосомъ, — если я такъ скоро послѣ первой встрѣчи попрошу у васъ позволенія сообщить вамъ кое-что о себѣ и сказать нѣсколько словъ въ мое оправданіе.

— Въ оправданіе? повторилъ мистеръ Криспарклъ. — Вамъ не нужно оправдываться, мистеръ Невиль.

— Нѣтъ, кажется, нужно, по крайней мѣрѣ нужно было бы, еслибы вы лучше знали меня.

— Такъ позвольте же мнѣ самому узнать васъ.

— Если вамъ угодно, отвѣчалъ юноша съ видимымъ огорченіемъ,—чтобъ я воздержался отъ откровенности, къ которой влечетъ меня, нечего дѣлать, я долженъ покориться.

Въ этихъ короткихъ словахъ было что-то такое что встрѣжило добросовѣстнаго каноника. Ему пришло въ голову, не отталкиваетъ ли онъ отъ себя довѣріе, могущее принести пользу молодому, сбитому съ толку уму, дать средство направить и развить его. Уже видѣлись огни въ окнахъ дома. Каноникъ остановился.

— Такъ пойдемте назадъ немного, мистеръ Невиль, иначе вы, пожалуй, не успеете сказать мнѣ все что желаете. Вы напрасно думаете что я хочу уклониться отъ вашего довѣрія. Я, напротивъ, радъ что успѣлъ внушить вамъ его.

— Я почувствовалъ къ вамъ довѣріе съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда. Положимъ, еще очень недавно. Дѣло въ томъ что мы съ сестрой ѣхали сюда съ намѣреніемъ познакомиться съ вами, обидѣть васъ и убѣжать.

— Вотъ какъ! сказалъ мистеръ Крисларкъ, рѣшительно не находя ничего другаго сказать.

— Вѣдь мы не знали васъ. Могли ли мы знать васъ?

— Очевидно нѣтъ, сказалъ мистеръ Крисларкъ.

— А такъ какъ изъ всѣхъ людей, съ какими встрѣчались, мы никого не любили, такъ мы рѣшили что и васъ любить не будемъ.

— Вотъ какъ! сказалъ опять мистеръ Крисларкъ.

— Но теперь мы васъ полюбили. Мы видимъ что домъ вашъ и обращеніе ваше съ нами вовсе не похожи на то что видали мы прежде. Теперь мы съ вами одни, все кругомъ насъ такъ тихо, такъ спокойно, послѣ отъѣзда мистера Гонитондера; Клойстергамъ такой старый, мирный городъ, такъ прекрасенъ подъ свѣтомъ луны, вотъ мнѣ и захотѣлось открыть вамъ мою душу.

— Я вполне понимаю васъ, мистеръ Невиль. Такихъ вѣщій надо слушаться.

— Когда буду разказывать вамъ мои недостатки, прошу васъ не думать что слова мои могутъ точно также относиться и къ сестрѣ. Она послѣ всѣхъ испытаній нашей бѣдствен-

ой жизни, осталась на столько же лучше меня, на сколько та соборная башня выше домовыхъ трубъ.

Мистеръ Крисларкъ внутренно не совсѣмъ былъ увѣренъ въ этомъ.

— Мнѣ пришлось съ перваго дѣтства подавлять въ себѣ глубокую, злобную ненависть. Это сдѣлало меня скрытнымъ и мстительнымъ. Меня всегда держали въ запертѣ. Пришлось итти и унижаться. Меня лишали воспитанія, свободы, денегъ, одежды, самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, самыхъ обыкновенныхъ удовольствій дѣтства, самыхъ простыхъ принадлежностей юности. Отъ этого у меня нѣтъ тѣхъ чувствъ, тѣхъ воспоминаній, тѣхъ хорошихъ инстинктовъ.... Видите, я не нахожу даже словъ.... которыя вы привыкли встрѣчать въ другихъ молодыхъ людяхъ.

„Это, очевидно, справедливо, но это не утѣшительно“, думалъ мистеръ Крисларкъ, когда они повернули опять къ дому.

— Наконецъ я былъ воспитанъ среди раболѣзныхъ, угнетенныхъ слугъ, принадлежащихъ къ низшему племени, и легко можетъ-быть что я кое-что заимствовалъ отъ нихъ. Иногда мнѣ представляется что я заимствовалъ отъ нихъ долю тѣхъ звѣрскихъ инстинктовъ которыя у нихъ въ крови.

„Пожалуй что и такъ“, думалъ мистеръ Крисларкъ.

— Скажу еще слово объ моей сестрѣ. Мы съ нею близнецы. Надо вамъ знать что никакія страданія не утѣшали ее, тогда какъ я часто робѣлъ. Всѣ побѣги наши (мы убѣгали четыре раза въ шесть лѣтъ, за что всякій разъ подвергались жестокому наказанію) были ею задуманы и приведены въ исполненіе. Всякій разъ она одѣвалась мальчишкой и обнаруживала смѣлость мушкетера. Кажется, намъ было семь лѣтъ, когда мы въ первый разъ убѣгали, но я помню очень хорошо какъ я потерялъ карманный ножикъ, которымъ она хотѣла обрѣзать себѣ волосы, и какъ отчаянно она пыталась вырвать ихъ, или откусить. Я все сказалъ вамъ, теперь мнѣ остается только просить васъ взять со мною терпѣніе и быть свисходительными ко мнѣ.

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены, мистеръ Невиль, отозвался младшій каковикъ.—Я произношу поученія только въ необходимыхъ случаяхъ, и не намѣренъ отвѣчать на вашу откровенность проловѣдью; однако прошу васъ убѣдительно постоянно держать на умѣ что я могу быть полезенъ вамъ

не иначе какъ при вашемъ собственномъ содѣйствіи, а что для этого вы должны искать помощи свыше.

— Постараюсь сдѣлать что отъ меня зависитъ.

— И я также съ моей стороны. Вотъ моя рука. Да благословитъ Богъ наши усилія.

Они стояли у двери дома. Внутри слышались веселые звуки голосовъ и смѣха.

— Пройдемся еще разъ, сказалъ мистеръ Криспаркъ. — Мнѣ хочется предложить вамъ одинъ вопросъ. Заявляя, что настроеніе ваше относительно меня перемѣнилось, вы говорили не только отъ своего имени, но и отъ имени сестры вашей.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Извините меня, мистеръ Невиль, но вы, кажется, не имѣли случая переговорить съ сестрой съ тѣхъ поръ какъ мы встрѣтились. Мистеръ Гонитондеръ былъ очень краснорѣчивъ, но онъ, можно сказать, завладѣлъ одинъ разговоромъ. Не слишкомъ ли опрометчиво говорили вы отъ имени сестры своей?

Невиль покачалъ головой съ гордою улыбкой.

— Вы еще не знаете какъ мы съ сестрой понимаемъ другъ друга, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, пожалуй, даже ни единымъ взглядомъ. Она не только чувствуетъ то же что я, но и знаетъ очень хорошо что я пользуюсь настоящимъ случаемъ чтобы поговорить съ вами и отъ себя, и отъ нея.

Мистеръ Криспаркъ поглядѣлъ на него съ нѣкоторою недовѣрчивостью. Но лицо его выражало такое твердое убѣжденіе что мистеръ Криспаркъ опустилъ глаза на мостовую и впалъ въ раздумье, пока не дошли они снова до дому.

— Теперь я попрошу васъ еще разъ пройти со мною, сказалъ юноша, слегка покраснѣвъ. — Еслибы не краснорѣчіе мистера Гонитондера... вы такъ, кажется, выразились?

— Я? Да, я такъ выразился, отвѣчалъ мистеръ Криспаркъ.

— Такъ еслибы не краснорѣчіе мистера Гонитондера, мнѣ, можетъ-быть, не нужно было бы спрашивать то что я хочу спросить у васъ? Этотъ мистеръ Эдвинъ Друдъ... вѣдь такъ, кажется, зовутъ его?

— Такъ, сказалъ мистеръ Криспаркъ. — Д-р-у-дъ.

— Онъ учился, или и теперь учится у васъ?

— Никогда. Онъ пріѣхалъ сюда погостить у родственника, мистера Джаспера.

— А миссъ Бадъ также его родственница?

„Зачѣмъ это онъ спрашиваетъ такъ нескромно?“ подумалъ мистеръ Крисларкъ, и потомъ объяснилъ, сколько было ему извѣстно, несложную исторію ихъ помолвки.

— А! Вотъ оно что! сказалъ юноша. — Теперь я понимаю его обращеніе съ нею.

Это было сказано очевидно про себя, во всякомъ случаѣ не мистеру Крисларкю, и каноникъ инстинктивно почувствовалъ что обратить вниманіе на эти слова значило бы почти то же что заговорить о письмѣ случайно прочтенномъ чрезъ плечо писавшаго. Нѣсколько минутъ спустя, они вошли въ домъ.

Миссъ Роза глѣла когда вошли въ гостиную, мистеръ Джасперъ сидѣлъ за фортепьянами и акомпанировалъ ей. Онъ игралъ безъ нотъ, а она, по разсѣянности своей, легко могла сбиться, поэтому онъ весьма внимательно, глазами столько же какъ и руками, слѣдилъ за движеніемъ ея губъ, время отъ времени слегка трогая основную ноту. Обнявъ ее рукой, но очевидно гораздо болѣе занятая Джасперомъ чѣмъ глѣніемъ, стояла Елена. Братъ, входя, обмѣнялся съ ней взглядомъ, и въ этомъ взглядѣ, какъ показалось мистеру Крисларкю, высказалось то взаимное пониманіе другъ друга о которомъ прежде шла рѣчь. Мистеръ Невиль сталъ въ позу удивленія, облокотившись на рояль противъ глѣвницы; мистеръ Крисларкъ усѣлся подлѣ китайской пастушки; Эдвинъ Друдъ любезно развертывалъ и складывалъ вѣреть миссъ Твинкельтонъ; а эта дама молча гордилась глѣніемъ своей воспитанницы, точно также какъ мистеръ Толь, паличникъ, ежедневно гордился великолѣпнымъ службы въ соборѣ.

Пѣніе продолжалось. То была грустная пѣсня разлуки, и свѣжій, молодой голосъ звучалъ очень жалобно и нѣжно. Въ то время какъ Джасперъ слѣдилъ за хорошенькими губками, и все по временамъ бралъ слегка одну и ту же ноту, будто самъ что-то нашелгивалъ, голосъ сталъ понемногу дрожать, и вдругъ глѣвица разразилась слезами и закричала, закрывъ глаза рукой:

— Мочи моей нѣтъ! Я боюсь! Уведите меня!

Однимъ легкимъ движеніемъ, Елена, безъ малѣйшаго усилія, положила маленькую красавицу на диванъ. Потомъ, ставъ на колѣни подлѣ нея и положивъ одну руку на ея розовый ротикъ, а другою подавая знакъ присутствующимъ, Елена сказала имъ:

— Это ничего; ужь прошло; не говорите съ ней одну минуту; она сейчас оправится.

Джасперъ тотчасъ же поднялъ руки и держалъ ихъ надъ клавишами, будто готовясь продолжать. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ неподвижно, не оглядываясь даже кругомъ, тогда какъ всѣ сошли со своихъ мѣстъ и успокоивали другъ друга.

— Кисинька не привыкла къ многочисленнымъ слушателямъ. вотъ и все, сказала Эдвинъ Друдъ.—Она смутилась и не выдержала. Да къ тому же, Джакъ, вы такой добросовѣстный учитель, такъ требовательны, что она, кажется, боится васъ. И не удивительно.

— И не удивительно, повторила Елена.

— Вотъ, слышите, Джакъ! Вѣдь и вы, миссъ Ланддестъ, боялись бы его въ такомъ положеніи, не правда ли?

— Ни въ какомъ положеніи не боялась бы я его, отозвалась Елена.

Джасперъ опустилъ руки, оглянулся черезъ плечо и изъавилъ благодарность миссъ Ланддестъ за то что она за него заступилась. Затѣмъ онъ принялся беззвучно играть, едва касаясь клавишей, пока маленькую ученицу его подводилъ къ окну, заставляя дышать воздухомъ и вообще всячески ухаживали за ней. Когда она оправилась, его уже не было.

— Джакъ ушелъ, Кисинька, сказала ей Эдвинъ.—Она, кажется, не желала чтобы на него указывали какъ на испугавшее васъ чудовище.

Но она не отвѣчала ни слова и вздрагивала, какъ будто ее слегка простудили.

Миссъ Твинкельтонъ теперь заговорила что, „право, мистрисъ Крисларкъ, намъ давно уже пора бы быть дома,“ что „мы, принявъ на себя воспитаніе будущихъ жень и матерей (последнія слова произнесены были вполголоса, какъ будто по секрету), обязаны (голосъ опять сталъ громче) не подавать имъ примѣра безлорядной жизни.“

Принесены были шали, и оба молодые кавалера вызвались проводить дамъ до дому. Идти было не далеко, и скоро двери Женскаго Монастыря затворились за ними.

Дѣвицы уже разошлись, и только мистрисъ Гашеръ ожидала въ одиночествѣ новую воспитанницу. Спальня Елены оказалась за спальней Розы, знакомить ихъ было нечего, и весьма скоро ихъ оставили вдвоемъ.

— Слава Богу! сказала Елена. — Я весь день боялась что меня начнут мучить какъ придетъ ночь.

— Насъ здѣсь немного, отвѣчала Роза, — и мы дѣвочки добрыя, по крайней мѣрѣ другія всѣ добрыя, я за нихъ могу поручиться.

— А я могу поручиться за васъ, засмѣялась Елена, внимательно глядя темными глазами на хорошенькое личико новой подруги и лаская ее. — Вы будете мнѣ другомъ, не правда ли?

— Надѣюсь. А какъ-то смѣшно мнѣ называть себя вашимъ другомъ.

— Отчего?

— Я такая маленькая, ничтожная, а вы такъ женственны и красивы. Вы, кажется, могли бы раздавить меня. Я ничто предъ вами.

— Я не получила никакого воспитанія, другъ мой, ничего не знаю, всему должна учиться и глубоко стыжусь моего невежества.

— Однакожь вы мнѣ сами въ немъ признаетесь, сказала Роза.

— Что же мнѣ дѣлать, красавица моя? Въ васъ есть что-то обаятельное.

— Въ самомъ дѣлѣ? (Роза полушутливо, полусерьезно надула губки.) Какъ жаль что мистеръ Эдди плохо чувствуетъ это обаяніе.

Отношенія ея къ этому молодому человѣку были, разумѣется, уже объяснены въ уголкѣ младшихъ канониковъ.

— Не можетъ быть чтобъ онъ не любилъ васъ отъ всего сердца, воскликнула Елена съ жаромъ, грозившимъ перейти въ свирѣлость, еслибъ оказалось не такъ.

— Да? Можетъ-быть и любить, сказала, Роза, продолжая дуться. — Я не имѣю основанія говорить что нѣтъ. А можетъ-быть я и сама виновата. Можетъ-быть я съ нимъ не такъ хороша какъ бы слѣдовало. По всей вѣроятности. Но все это такъ смѣшно!

Глаза Елены спрашивали что смѣшно.

— Мы смѣшны, отвѣчала Роза на ея взглядъ. — Мы преледѣлая парочка. Мы вѣчно ссоримся.

— Отчего?

— Оттого что оба чувствуемъ себя смѣшными, отвѣчала Роза, какъ будто отвѣтъ этотъ самый убѣдительный.

Елена нѣсколько мгновеній не сводила внимательнаго взгляда съ ея лица, потомъ вдругъ протянула обѣ руки и сказала

— Будете вы мнѣ другомъ?

— Буду, отвѣчала Роза дѣтски искреннимъ голосомъ,—на сколько ничтожная дѣвочка можетъ быть другомъ такому сильному, умному существу какъ вы. А вы не оставьте меня. Я сама себя не понимаю. Мнѣ нужно кого-нибудь кто бы понималъ меня, очень нужно, право!

Елена поцѣловала ее и, продолжая держать за обѣ руки, спросила:

— Кто этотъ мистеръ Джасперъ.

— Дядя Эдди, мой учитель музыки, отвѣчала Роза, отвернувшись.

— Вы не любите его?

— О!

Роза закрыла лицо руками, содрагаясь отъ ужаса.

— Вы знаете что онъ васъ любитъ?

— Полноте, полноте! вскричала Роза, ладая на колѣни и хватаясь за новую подругу. — Не говорите мнѣ этого. Онъ ужасаетъ меня. Онъ преслѣдуетъ меня какъ страшный призракъ. Я нигдѣ, никогда не чувствую себя въ безопасности отъ него. Мнѣ кажется, онъ можетъ пройти сквозь стѣну и появиться вдругъ, когда обѣ немъ говорить.

Она въ самомъ дѣлѣ оглянулась, словно опасаясь не стоитъ ли онъ въ темнотѣ за нею.

— Разкажите мнѣ побольше обѣ немъ, моя милая.

— Хорошо, хорошо. Вы вѣдь такая сильная. Только вы держите меня, и потомъ не уходите отъ меня.

— Дитя мое! Вы говорите какъ будто онъ угрожалъ вамъ чѣмъ-то страшнымъ!

— Онъ никогда не говорилъ со мною обѣ этомъ. Никогда...

— Что жъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ сдѣлалъ изъ меня рабу своими взглядами. Онъ принудилъ меня лгать его, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ принудилъ меня молчать, не произнеся ни малѣйшей угрозы. Когда я играю, онъ не сводитъ глазъ съ моихъ рукъ. Когда я пою, онъ не сводитъ глазъ съ моихъ губъ. Когда онъ поправляетъ меня, беретъ ноту, играетъ какое-нибудь мѣсто, онъ самъ весь въ этихъ звукахъ; онъ нашептываетъ мнѣ что преслѣдуетъ меня какъ любовникъ и приказываетъ мнѣ хранить его тайну. Я избѣгаю его глазъ, но онъ заставляетъ меня

идѣть ихъ и не глядя на него. Даже когда они тускнѣютъ, что гучается иногда, и онъ какъ будто уносится въ область какихъ-то страшныхъ грёзъ, я знаю все это, и чувствую что онъ идить подлѣ меня, и что онъ въ эти минуты всего опаснѣе.

— Что же это за воображаемая опасность, дитя мое? Въ емъ она заключается?

— Не знаю. Я никогда не осмѣливалась объ этомъ подумать.

— И сегодня больше ничего не было?

— Больше ничего. Сегодня, когда онъ такъ неотступно слѣилъ за моими губами, мнѣ было не только страшно, но и до адно и невыносимо стыдно. Словно онъ цѣловалъ меня. Я е вытерлѣла и закричала. Но вы никому объ этомъ ни подлова. Эдди очень любить его. Вы сегодня сказали что ни въ какомъ положеніи не боялись бы его, а вотъ я боюсь его жасно, и рѣшилась сказать вамъ однимъ. Держите меня. Не ходите отъ меня. Я боюсь остаться одна.

Смутое лицо наклонилось надъ жалобно-простертыми руками, и густые черные волосы прикрыли дрожащаго ребенка. Въ глубинѣ темныхъ глазъ, полныхъ въ эту минуту состраданія и сочувствія, рѣзлась искра огня. Да остережется всякій кому о семъ вѣдать надлежить.

ГЛАВА VIII.

Н а н о ж а х ѣ .

Молодые люди, проводивъ дамъ до дому и видя предъ собой одну непривѣтно блестящую мѣдную доску на двери, будто старый франтъ дерзко поглядывалъ на нихъ въ свой огромный лорнетъ, взглянули другъ на друга, повернулись и тихонько пошли по освѣщенной мѣсяцемъ улицѣ.

— Вы долго здѣсь пробудете, мистеръ Друдъ? спрашиваетъ Невиль.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Друдъ небрежно.—Я уѣзжаю завтра въ Лондонъ. Но я буду наѣзжать до лѣтней вакаціи, а тогда прощусь съ Клойстергамомъ и съ Англіей, надѣюсь надолго.

— Вы ѣдете за границу.

— Да, хочу немножко порасшевелить Египетъ, отвѣчаетъ Друдъ свисходительно.

— Вы телерь учитесь?

— Нѣтъ, не учусь, отзывается Эдвинъ нѣсколько презри-

тельно.—Я занимаюсь дѣломъ, работаю, инженерствую. Небольшое состояніе, оставленное мнѣ отцомъ, помѣщено въ торговомъ домѣ, котораго отецъ мой былъ пайщикомъ. Когда буду совершеннолѣтнимъ, я вступлю во владѣніе моею частью товарищескаго капитала и сдѣлаюсь членомъ фирмы. А до тѣхъ поръ Джекъ, съ которымъ вы познакомились за обѣдомъ, мой опекунъ.

— Я слышалъ отъ мистера Кристаркля о другомъ оацающемъ васъ благополучіи.

— Что вы подъ этимъ разумете?

Невиль произнесъ слова свои вкрадчивымъ и въ то же время сдержаннымъ тономъ, напоминающимъ уже замѣченное въ немъ соединеніе смѣлости съ робостью. Эдвинъ отвѣтилъ рѣзко и вовсе неучтиво. Они останавливаются и обмѣниваются нѣсколько раздраженнымъ взглядомъ.

— Надѣюсь, говоритъ Невиль,— вы не обидились что я намекнулъ на вашу помолвку.

— Ахъ, Боже мой! восклицаетъ Эдвинъ, идя далѣе нѣсколько ускореннымъ шагомъ.—Въ этомъ старомъ гнѣздѣ слететь всѣ на нее намекаютъ. Удивительно какъ до сихъ поръ не изобразили еще моего портрета на вывѣскѣ какого-нибудь постоялаго двора, съ приличною случаю надписью. Или пожалуй портретъ Кисиньки. Это все равно.

— Я не виноватъ, если мистеръ Кристаркль, нисколько не стѣсняясь, сообщилъ мнѣ объ этомъ.

— Вы не виноваты, правда, соглашается Эдвинъ Друдъ.

— Но я виноватъ въ томъ что заговорилъ объ этомъ съ вами, продолжаетъ Невиль.— Я полагалъ что вы гордитесь своею невѣстой.

Двѣ замѣчательныя черты человѣческой природы служатъ тайными пружинами этого разговора. На Невиля Роза успѣла уже произвести такое впечатлѣніе что небрежность съ какою относится къ ней Эдвинъ Друдъ (не стоящій ея мизанца) возмущаетъ его; а на Эдвина Друда Елена успѣла уже произвести такое впечатлѣніе что безцеремонность съ какою отстраняетъ его братъ Елены (не стоящій ея мизанца) приводитъ его въ негодованіе. Однако на послѣднее замѣчаніе надо отвѣтить, итакъ Эдвинъ говоритъ:

— Не знаю, мистеръ Невиль, всегда ли люди любятъ говорить много о томъ чѣмъ всего болѣе гордятся; не знаю также, всегда ли пріятно слышать какъ толкуютъ объ этомъ

ругие. Но я человекъ дѣловой, если я ошибаюсь, то жду наставленія отъ васъ ученыхъ. Вамъ все лучше знать.

Оба злятся. Невиль открыто, а Эдвинъ Друдъ прикрываетъ свое раздраженіе общими мѣстами и часто останавливается, какъ будто любясь живописною игрой луннаго свѣта.

— Мнѣ кажется, не очень учтиво съ вашей стороны, замѣчаетъ наконецъ Невиль, — подтрунивать надъ чужимъ человекомъ, который не пользовался тѣми удобствами какими пользовались вы, и пріѣхалъ сюда съ цѣлью воротить, по возможности, потерянное время. Но, конечно, я не былъ воспитанъ для жизни дѣловой, и мои понятія объ учтивости сложились среди дикарей.

— Едва ли не лучшая учтивость, отзывается Эдвинъ Друдъ, — въ какой бы средѣ человекъ ни воспитывался, не мѣшаться въ чужія дѣла. Подайте примѣръ, и я обязуюсь ему слѣдовать.

— Знаете ли вы что вы ужъ слишкомъ много себя позволяете, отвѣчаетъ Невиль сердито, — и что въ моей странѣ отъ васъ бы за такія рѣчи потребовалось удовлетвореніе?

— Кѣмъ это? спрашиваетъ Эдвинъ Друдъ, останавливаясь и презрительно оглядывая своего собесѣдника.

Внезапно вѣская рука ложится на плечо Эдвина, и Джасперъ стоитъ между ними. Повидимому, онъ тоже завернулъ къ Женскому Монастырю и шелъ за ними въ тѣни.

— Недѣ, Недѣ, Недѣ! говоритъ онъ. — Что это такое! Какъ это можно! Я слышалъ послѣднія ваши слова. Вспомните что вы здѣсь почти хозяинъ. Вы представитель Клойстергама предъ пріѣзжимъ. Мистеръ Невиль пріѣзжій, надо уважать обязанности гостепрѣимства. А вы, мистеръ Невиль (онъ положилъ лѣвую руку на плечо юноши и такъ, идя между ними, продолжалъ), вы извините меня, если я и васъ попрошу сдержать свою вспыльчивость. Что же такое между вами? Но къ чему спрашивать! Пусть между вами ничего не будетъ. Въдъ мы всѣ трое не имѣемъ повода сердиться другъ на друга, не такъ ли?

Нѣкоторое время ни тотъ, ни другой юноша не рѣшается заговорить первый, наконецъ Эдвинъ Друдъ говоритъ:

— Что до меня касается, Джакъ, я не сержусь.

— И я тоже, произноситъ Невиль, но не такъ рѣшительно, или, можетъ-быть, не такъ небрежно. — Еслибы однако мистеръ Друдъ зналъ прошлую жизнь мою въ далекой странѣ, онъ понялъ бы какъ глубоко могутъ уязвить меня колкія слова.

— Я думаю, говоритъ Джасперъ примирительнымъ тономъ,— намъ не зачѣмъ входить въ объясненія. Всякое замѣчаніе или условіе могло бы показаться неумѣстнымъ. Вы видите, Эдвинъ искренно и прямо заявляетъ что онъ не сердится, скажите же также прямо и искренно: вы не сердитесь?

— Нисколько, мистеръ Джасперъ.

Въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ однако той искренности, или можетъ-быть, повторяемъ еще разъ, той небрежности.

— Итакъ все кончено. Моя холостая квартира здѣсь радомъ. У меня котелокъ на огнѣ, вино и рюмки на столѣ. Отъ меня два шага до угла младшихъ канониковъ. Недѣль, вы завтра ужьжаете. Поведемъ съ собою мистера Невилля выпить кубокъ на прощанье.

— Очень радъ, Джакъ.

— Очень радъ и я, мистеръ Джасперъ.

Невилль находитъ невозможнымъ не сказать этого, однако идти ему не хочется. Онъ чувствуетъ что не владѣетъ собою, чувствуетъ что хладнокровіе Эдвина Друда, вмѣсто того чтобъ успокоивать его, только болѣе горячитъ.

Мистеръ Джасперъ, продолжая идти по серединѣ, положивъ руки на плечи юношамъ, прекрасно налѣвываетъ прилѣвъ застольной лѣсни, и всѣ они вмѣстѣ входятъ въ его квартиру. Тутъ, какъ только хозяинъ зажжетъ лампу, прежде всего бросается имъ въ глаза портретъ надъ каминомъ. Портретъ этотъ не располагаетъ юношей къ согласію, неумѣстно наломивая имъ поводъ ихъ ссоры. Оба они взглядываютъ на него, но ничего не говорятъ. Но Джасперъ, какъ видно не вполнѣ внимающій съ чего начался крупный разговоръ между ними, тотчасъ же обращаетъ ихъ вниманіе на портретъ.

— Вы узнаете это лицо, мистеръ Невилль? говоритъ онъ, освѣщая его лампой.

— Узнаю, но портретъ гораздо ниже оригинала.

— Вы очень строги. Онъ писанъ и подаренъ мнѣ Эдвиномъ.

— Простите меня, мистеръ Друдъ, искренно извиняется Невилль. — Еслибъ я зналъ что нахожусь въ присутствіи артиста...

— О! Это не болѣе какъ шутка, прерываетъ Эдвинъ, зная. — Я слегка преувеличилъ характеристическія черты Кисиньки. На дняхъ я слышу ее какъ слѣдуетъ, если она будетъ умна.

Равнодушно покровительственный тонъ, которымъ Эдвинъ

произносить эти слова, потягиваясь въ креслѣ и заложивъ руки за голову, кажется возмутительнымъ раздражительному и раздраженному Невилу. Джасперъ пытливо поглядываетъ то на того, то на другаго, слегка улыбается и отворачивается къ огню готовить луншъ.

— Полагаю, мистеръ Невиль, говоритъ Эдвинъ, затронутый за живое негодованіемъ, которое также ясно видно на лицѣ юноши, какъ виденъ огонь въ каминѣ, или лампа на столѣ,—полагаю, что еслибы вы рисовали предметъ своей любви....

— Я не умѣю рисовать, послѣдшне перебиваетъ Невиль.

— Это не порокъ, а несчастье. Но еслибъ умѣли, вы, полагаю, изобразили бы ее,—какова бы ни была она въ дѣйствительности,—Юноной, Минервой, Діаной и Венерой, не такъ ли?

— У меня нѣтъ предмета любви; я не могу отвѣчать вамъ.

— Еслибы мнѣ, говоритъ Эдвинъ съ дѣтскою хвастливостью,—попытать свои силы на портретъ миссъ Ландлесь, серіозно, понимаете, серіозно, вы увидѣли бы чтò могу я сдѣлать.

— Для этого, полагаю, потребуется сначала согласіе моей сестры, а такъ какъ она никогда не согласится, то мнѣ, вѣроятно, никогда не придется видѣть чтò можете вы сдѣлать. Постараюсь утѣшиться.

Джасперъ оглядывается отъ огня, наливаетъ большой стаканъ Невилу, наливаетъ большой стаканъ Эдвину, подаетъ тому и другому, потомъ наливаетъ себѣ и говоритъ:

— Мистеръ Невиль, мы пьемъ за здоровье племянника моего Эдвина; такъ какъ онъ завтра увѣзжаетъ, то ему и слѣдуетъ желать счастливаго луги. Недъ, другъ мой, ваше здоровье!

Джасперъ, подавая примѣръ, почти опоражниваетъ стаканъ; Невиль слѣдуетъ его примѣру. Эдвинъ Друдъ говоритъ: „благодарювась обоихъ“, и также почти залпомъ выпиваетъ свой стаканъ.

— Посмотрите на него! восклицаетъ Джасперъ, указывая рукой восторженно и нѣжно, и въ то же время насмѣшливо.—Посмотрите, мистеръ Невиль, какъ лѣниво потягивается онъ въ креслахъ. Цѣлый свѣтъ предъ нимъ. Онъ можетъ выбирать. Предъ нимъ жизнь благороднаго труда, жизнь разнообразная, заманчивая, украшенная домашнимъ счастіемъ. Глядите на него!

Лицо Эдвина Друда весьма скоро и сильно разгорѣлось отъ вина, точно также и лицо Невиля Ландлесь. Эдвинъ все сидитъ развалившись въ креслахъ и заложивъ руки за голову.

— Смотрите какъ мало онъ все это цѣнитъ, продолжаетъ

Джасперъ въ насмѣшливомъ духѣ.— Онъ едва даетъ себѣ трудъ срывать золотыя плоды висящія у него подъ рукою. И представьте, съ другой стороны, какая противоположность. Настъ съ вами не ожидаетъ жизнь благороднаго труда, разнообразная и счастливая. Намъ съ вами (развѣ вы счастливѣе меня, что легко можетъ быть) предстоитъ лишь томительное однообразие здѣшней скучной жизни.

— Честное слово, Джакъ, говоритъ Эдвинъ самодовольно,— мнѣ становится просто совѣстно что путь мой такъ гладокъ. Но вѣдь мы съ вами знаемъ кое-что, и, можетъ-быть, въ сущности не все такъ легко какъ кажется. Не правда ли, Кисинька? обратился онъ къ портрету, щелкнувъ пальцами.— Еще надо намъ пролѣзть въ ушко иглы, не такъ ли, Кисинька? Вы меня понимаете, Джакъ.

Голосъ его сталъ глухъ и невнятенъ. Джасперъ, спокойный и хладнокровный, глядитъ на Невилля, какъ будто ожидая какого-нибудь отвѣта, или замѣчанія. Невиль заговариваетъ, и его голосъ тоже глухъ и невнятенъ.

— Можетъ-быть, лучше было бы для мистера Друда, еслибъ онъ ознакомился съ нѣкоторыми трудностями жизни, говорить онъ вызывающимъ тономъ.

— Скажите пожалуйста, отзывается Эдвинъ, только глаза поворачивая въ его сторону, — почему это было бы лучше для мистера Друда, еслибъ онъ ознакомился съ нѣкоторыми трудностями жизни?

— Да, подхватываетъ Джасперъ, видимо заинтересованный,— скажите, почему?

— Потому что онъ научился бы цѣнить счастье на которое личныя достоинства далеко еще не даютъ ему права.

Мистеръ Джасперъ быстро взглядываетъ на племянника въ ожиданіи его отвѣта.

— А вы знакомы съ трудностями жизни, позвольте спросить? говоритъ Эдвинъ Друдъ, выпрямляясь.

Мистеръ Джасперъ быстро оглядывается на Невилля въ ожиданіи его отвѣта.

— Знакомъ.

— Чему же вы научились?

Во все время разговора мистеръ Джасперъ непрерывно поглядываетъ то на того, то на другаго.

— Я уже разъ сказалъ вамъ сегодня.

— Ничего вы мнѣ не говорили.

— Нѣтъ сказалъ. Вы слишкомъ много себя позволяете.

— Вы, помнится, еще что-то прибавили.

— Да.

— Такъ повторите.

— Я сказалъ что въ той странѣ откуда я родомъ, отъ васъ бы потребовалось удовлетвореніе.

— Только тамъ? восклицаетъ Эдвинъ Друдъ съ презрительнымъ смѣхомъ.— Это вѣдь, кажется, очень далеко. Да, да, понимаю.* Эта страна въ безопасномъ разстояніи отъ насъ.

— Такъ пожалуй и здѣсь, отвѣчаетъ Невиль, вставая въ бѣшенствѣ.— Гдѣ вамъ угодно. Ваше тщеславіе невыносимо, и ваша самонадѣянность превышаетъ всякую мѣру, вы корчите изъ себя что-то рѣдкое, необыкновенное, а въ сущности вы не болѣе какъ пустой и пошлый хвастунъ.

— Ну вотъ! отзывается Эдвинъ Друдъ, точно также взбѣшенный, но болѣе владѣющій собой.— Почему вы-то знаете? Вы можете, положимъ, распознать арапа хвастуна и пошляка, съ ними вы близко знакомы, но о бѣлыхъ людяхъ вы судить неспособны.

Оскорбительный намекъ на его темную кожу окончательно выводитъ изъ себя Невилля, онъ вылескиваетъ остатокъ вина въ лицо Эдвину и готовъ бросить въ него стаканомъ, но въ самую критическую минуту Джасперъ хватается его за руку.

— Недѣ, другъ мой! восклицаетъ онъ громкимъ голосомъ.— молчите, прошу васъ, приказываю вамъ! (Всѣ трое столпились, стаканы дребезжатъ, стулья валятся.) Мистеръ Невиль! Стыдитесь. Отдайте мнѣ стаканъ. Пустите же. Я отниму силою.

Но Невиль его отталкиваетъ. Стоитъ минуту изстуженный, со стаканомъ въ поднятой рукѣ, потомъ бросаетъ стаканъ объ полъ съ такою силою что брызги дождемъ летятъ во всѣ стороны, и уходитъ изъ дому.

Когда онъ вышелъ на свѣжій ночной воздухъ, все вокругъ него кружится; все представляется въ какомъ-то фантастическомъ видѣ; онъ сознаетъ только что стоитъ съ непокрытою головою посреди кроваваго водоворота, готовый бороться до смерти.

Но бороться не съ кѣмъ. Мѣсяцъ глядитъ на него, какъ будто онъ умеръ послѣ припадка бѣшенства. Онъ хватается руками за горячую голову и сердце, бьющееся какъ кузнечный молотъ, и шатаясь бредетъ дальше. Затѣмъ онъ прило-

мнѣется что за нимъ захлопнули дверь, залерлись отъ него какъ отъ опаснаго звѣря и думаютъ: что же телерь дѣлать?

Дикое полползновеніе броситься въ рѣчку смиряется подъ вліяніемъ луннаго свѣта, озаряющаго соборъ и могилы, при мысли о сестрѣ и добромъ человѣкѣ который не даже какъ сегодня внушилъ ему довѣріе и обѣщаль не оставить его. Онъ идетъ въ уголокъ младшихъ канониковъ и стучится тихонько.

Мистеръ Крисларкль имѣеть обыкновеніе сидѣть позде всѣхъ въ домѣ, тихо наигрывая на фортепiano свои любимыя нагѣвы. Вѣяніе южнаго вѣтра проносающагося лѣтвемъ ночью мимо уголка младшихъ канониковъ не болѣе нѣжно и легко чѣмъ звуки издаваемые мистеромъ Крисларклемъ, опасающимся потревожить сонъ своей китайской пастушки. Мистеръ Крисларкль самъ отпираетъ дверь. Лицо его мнѣется. Неудовольствіе и смятеніе выражается на немъ.

— Мистеръ Невиль! Въ такомъ видѣ! Гдѣ вы были?

— У мистера Джаспера; съ его племянникомъ.

— Войдите.

Младшій каноникъ поддерживаетъ его подъ руку съ ловкостью пріобрѣтенною угренними упражненіями, вводитъ его въ свой маленькій кабинетъ и затворяетъ дверь.

— Я началъ дурно; ужасно дурно!

— Дѣйствительно. Вы не трезвы, мистеръ Невиль?

— Къ сожалѣнію. Хотя могу увѣрить васъ что пилъ я очень мало, но меня какъ-то вдругъ и очень странно разобрало.

— Мистеръ Невиль! мистеръ Невиль! говоритъ младшій каноникъ, качая головой съ грустною улыбкой.—Это я уже не разъ слыхаль.

— Кажется.... у меня въ головѣ какая-то лутаница.... съ племянникомъ мистера Джаспера сдѣлалось то же.

— Весьма вѣроятно, сухо отвѣчаетъ мистеръ Крисларкль.

— Мы побранились. Онъ грубо оскорбилъ меня. Во мнѣ поднялась кровь съ тѣми звѣрскими наклонностями о которыхъ говорилъ я вамъ давеча.

— Мистеръ Невиль, отзывается младшій каноникъ кротко, но твердо, — прошу васъ, говоря со мной, не сжимать такъ кулакъ.

— Онъ вывелъ меня изъ всякаго терпѣнія, продолжаетъ юноша, тотчасъ же ловинуясь.—Не знаю, было ли у него сначала такое намѣреніе, а подъ конецъ непремѣнно было.

Словомъ, въ бѣшенствѣ до котораго онъ довелъ меня, я убилъ бы его, еслибы мнѣ дали, да и пытался убить.

— Вы опять сжали кулакъ, замѣчаетъ спокойно мистеръ Крисларкль.

— Простите меня.

— Вы знаете вашу комнату; я показывалъ вамъ ее предъ обѣдомъ; а все-таки я провожу васъ. Дайте мнѣ руку. Тихонько, всѣ въ домѣ спать.

Подхвативъ его подъ руку съ ловкостью полицейскаго и съ наружнымъ спокойствіемъ, недостижимымъ для новичковъ, мистеръ Крисларкль ведетъ своего питомца въ приготовленную для него привѣтливую, старую комнату. Тутъ юноша бросается въ кресло и, опершись руками на письменный столъ, уныло опускаетъ на нихъ голову.

Кроткій каноникъ намѣревался уйти не сказавъ ни слова. Но оглянувшись въ дверяхъ и видя такое уныніе, онъ возвращается назадъ, кладетъ тихонько руку на склоненную голову и говоритъ: „доброй ночи“; отвѣтомъ ему глухое рыданіе. Много юношей хуже, а много ли лучше этого?

Опять слегка стучатся у наружной двери. Онъ отворяетъ; входитъ мистеръ Джасперъ со шляпой юноши въ рукахъ.

— Ужасная была у насъ съ нимъ сцена, говоритъ Джасперъ тихимъ голосомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Убийственная.

— Нѣтъ, нѣтъ, вступается мистеръ Крисларкль, — не употребляйте такихъ сильныхъ словъ.

— Онъ чуть съ ногъ не свалилъ моего племянника. Не будь я, онъ убилъ бы его на мѣстѣ.

„Ахъ!“ думаетъ мистеръ Крисларкль: „это его собственныя слова.“

— Послѣ того что я видѣлъ и слышалъ сегодня, говоритъ Джасперъ очень серьезно, — я какъ огня буду бояться всякой встрѣчи ихъ наединѣ. Просто ужасно было. Въ его темной крови есть что-то звѣрское.

„Ахъ!“ думаетъ мистеръ Крисларкль: „такъ и самъ онъ говорилъ.“

— Вы, продолжаетъ Джасперъ, взявъ каноника за руку, — вы приняли къ себѣ опаснаго питомца.

— За меня не бойтесь, Джасперъ, отвѣчаетъ мистеръ Крисларкль со спокойною улыбкой. — Я самъ не боюсь нисколько.

— Да и я не боюсь за себя, возражаетъ Джасперъ, — потому что ему нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ причины чувствовать вражду ко мнѣ, но вы и племянникъ мой дѣло другое.

Мистеръ Крисларкъ входитъ въ домъ со шляпой, которая такъ незамѣтно получила право висѣть въ его сѣняхъ, вѣшаетъ ее на гвоздь и задумчиво отправляется спать.

ГЛАВА IX.

Птицы въ кустѣ.

У Розы съ семилѣтняго возраста не было извѣстныхъ ей родственниковъ, не было дома, кромѣ Женскаго Монастыря, не было матери, кромѣ миссъ Твинкельтоунъ. Мать помнилась ей хорошенькая, маленькая, повидному не много старше ея самой, на рукахъ у отца, только что выгнанныя изъ воды, безжизненная. Несчастье случилось на пикникъ. Краски и складки хорошенькаго лѣтняго платица, длинные мокрые волосы съ облетѣвшими цвѣтами, грустно-прекрасное, мертвое личико на постелѣ, неизгладимо залечатлѣвшись въ памяти Розы. Залечатлѣлось въ ней также отчаяніе и безнадежное уныніе несчастнаго молодого отца, который умеръ съ горя въ первую годовщину этого тяжелаго дня.

Помолвка Розы была слѣдствіемъ утѣшенія которое находилъ онъ въ этотъ послѣдній годъ въ обществѣ вѣрнаго друга своего и стараго школьнаго товарища Друда, также какъ онъ овдовѣвшаго еще въ молодости. Но и этотъ пришелъ къ концу, къ которому приводятъ раньше или позже всѣ земные пути, и молодая парочка осталась въ томъ положеніи въ какомъ мы застаемъ ее.

Тѣнь вызывающей состраданіе грусти, окружавшая маленькую сиротку при первомъ появленіи ея въ Клойстергамъ, никогда вполнѣ не разсѣялась. Она становилась свѣтлѣе по мѣрѣ того какъ дѣвочка росла, хорошѣла, развивалась; она принимала то золотистые, то лазуревые отливы и обливала молодую головку какимъ-то особымъ сіяніемъ. Желая утѣшить и обласкать сиротку, всѣ сначала обращались съ нею будто она гораздо моложе своихъ лѣтъ; то же самое желаніе лобуждало баловать ее, когда она была уже не ребенокъ. Кто будетъ ея любимую подругой, кто подарить ей то или другое, кто

Окажетъ ей услугу, кто возьметъ ее къ себѣ на праздники, кто чаще будетъ писать ей какъ разъѣдутся, и кому она больше всего обрадуется при встрѣчѣ: эти вопросы вызывали не лишнее въ некоторой горечи соперничество въ Женскомъ Монастырѣ. Хорошо если и бѣдныя монахини не скрывали въ свое время болѣе тяжелой борьбы подъ покрывалами и четками!

Такъ Роза росла и сдѣлалась милою, вѣтренною, своевольною, привлекательною дѣвочкой; избалованною въ томъ смыслѣ что разчитывала на доброту всѣхъ окружающихъ. Но за доброту эту она не платила равнодушіемъ. Въ ней былъ неустойчивый родникъ вѣжности, котораго свѣтлыя струи долгіе годы оживляли Женскій Монастырь, хотя глубь его никогда еще не была затронута. Что произойдетъ когда расшевелится эта глубь, что выйдетъ тогда изъ беззаботной головки и веселаго сердечка—должно показать будущее.

Какимъ путемъ вѣсть что вечеромъ была ссора между двумя юношами, причѣмъ мистеръ Певиль совершилъ какое-то покушеніе на мистера Друда, проникла въ заведеніе миссъ Твинкельтонъ еще до завтрака, невозможно сказать. Прплетѣла ли она съ птицами воздушными, или съ самимъ воздухомъ, какъ растворили окна, принесъ ли ее хлѣбникъ въ хлѣбѣ, или молочникъ подмѣшалъ къ молоку, захватили ли ее горничныя, выбивая матрасы на дворѣ, какъ бы то ни было, а вѣсть эта разнеслась по всѣмъ угламъ стараго зданія прежде чѣмъ миссъ Твинкельтонъ сошла внизъ, а сама миссъ Твинкельтонъ получила ее чрезъ мистрисъ Тишеръ пока одѣвалась, или, какъ выразилась бы она въ разговорѣ съ родителемъ любящимъ миссологію, пока она приносила жертву граціямъ.

Братъ миссъ Ландлессъ пустилъ въ мистера Эдвина Друда бутылкой.

Братъ миссъ Ландлессъ пустилъ въ мистера Эдвина Друда ножомъ.

Ножъ напомнилъ вилку. Оказалось что братъ миссъ Ландлессъ пустилъ въ мистера Эдвина Друда вилкой. Стали интересоваться психологическимъ вопросомъ: зачѣмъ братъ миссъ Ландлессъ пустилъ бутылкой, ножомъ или вилкой,—а то еще пожалуй и бутылкой, и ножомъ, и вилкой, по сказанію кухарки,—въ мистера Эдвина Друда?

А вотъ зачѣмъ. Братъ миссъ Ландлессъ сказалъ что миссъ Бадъ ему нравится. Мистеръ Эдвинъ Друдъ сказалъ брату

миссъ Ландлессъ что миссъ Бадъ вовсе не слѣдуетъ нравиться ему. Тогда братъ миссъ Ландлессъ вспылить, схватилъ бутылку, ножъ, вилку и графинъ (графинъ тоже вдругъ не вѣсть откуда пускается) и всѣмъ пустилъ въ мистера Эдвина Друда.

Бѣдная Роза заткнула себѣ уши, когда начали ходить эти толки, и просила чтобъ ей ничего больше не говорили, а миссъ Ландлессъ, попросивъ у миссъ Твинкельтонъ позволенія пойти поговорить съ братомъ, причеиъ весьма ясно дала почувствовать что въ случаѣ отказа пойдетъ и безъ позволенія, избрала болѣе цѣлесообразный путь отправиться къ мистеру Криппаркю за вѣрными свѣдѣніями.

Вернувшись, она сначала отведена была на бесѣду съ миссъ Твинкельтонъ для устранения всего что могло оказаться предосудительнаго въ ея извѣстіяхъ, а потомъ сообщила Розѣ то что было дѣйствительно, налегая съ румянцемъ въ лицѣ на послѣднее грубое оскорбленіе завершившее нѣкоторыя другія рѣзкія выраженія, которыми они обмѣнялись, но умалчивая о томъ что источникомъ ссоры было небрежное легкомысліе Эдвина Друда. Затѣмъ она отъ имени брата просила прощенія у Розы, и исполнивъ это порученіе съ усердіемъ сестры, положила конецъ разговору.

На обязанности миссъ Твинкельтонъ лежало успокоить волненіе умовъ въ Женскомъ Монастырѣ. Дама эта величественно вошла въ комнату, которую лебеи называли бы классною, но которая, на аристократическомъ языкѣ начальницы Женскаго Монастыря, называлась описательно и нѣсколько неопредѣленно заломъ посвященною занятіямъ, и произнесла ораторскимъ тономъ: „Милостивыя государыни!“ Всѣ встали. Мистрисъ Тшеръ стала позади своей начальницы, напоминая собой первую сподвижницу королевы Елисаветы въ Тильбери-Фортѣ. Затѣмъ миссъ Твинкельтонъ объяснила что „молва изображена Авонскимъ бардомъ — всѣмъ само собой приходитъ на умъ имя безсмертнаго Шекспира, называемаго также лебедемъ родной рѣки, въ связи со старымъ повѣрьемъ будто эта красивая птица сладостно поетъ при приближеніи смерти (миссъ Дженнингсъ, прошу васъ стоять прямо), что, впрочемъ, не подтверждается свидѣтельствомъ орнитологовъ. Итакъ, молва изображена Авонскимъ бардомъ со множествомъ языковъ. Молва въ Клойстергамѣ (миссъ Фердинандъ, потрудитесь слушать внимательно) соотвѣтствуетъ этой общей характеристикѣ. Легкое несогласіе происшедшее вчера вечеромъ

между двумя молодыми людьми, далеко от наших мирных стѣнъ (такъ какъ миссъ Фердинандъ упорствуетъ въ своей невнимательности, то она потрудится переписать сегодня вечеромъ на языкѣ подлинника четыре первыя басни нашего остроумнаго сосѣда Monsieur Lafontaine), было грубо преувеличено голосомъ молвы. Въ первой тревогѣ, внушенной сочувствіемъ къ юной подругѣ, которой близокъ одинъ изъ участниковъ въ этомъ безкровномъ бою (неприличіе, которое позволяетъ себѣ миссъ Райнольдъ, какъ будто закалывая себя булавкой, такъ очевидно что не стоить даже на него указывать), мы спустились съ нашей дѣвственной высоты до обсуждения этого непріятнаго дѣла. Убѣдившись изъ достовѣрныхъ источниковъ что это одна изъ „бездѣлокъ“ упоминаемыхъ повтомъ (котораго имя и годъ рожденія миссъ Джигельсъ сообщить намъ черезъ полчаса), мы теперь желали бы оставить это и сосредоточить умъ нашъ на полезныхъ и отрадныхъ занятіяхъ дня.“

Но умы заняты были этимъ обстоятельствомъ весь день, и миссъ Фердинандъ подверглась вторичному наказанію за то что за обѣдомъ надѣла бумажные усы и притворилась будто хочетъ лустить графиномъ въ миссъ Джигельсъ, которая стала обороняться ложкой.

Роза много думала объ этой несчастной ссорѣ и думала съ тревожнымъ чувствомъ, сознавая себя замѣшанною въ ней вслѣдствіе фальшиваго положенія въ какое ставила ее помолвка съ Друдомъ. Испытывая всегда такое тревожное чувство въ присутствіи жениха, она весьма естественно не могла отдѣлаться отъ него и въ его отсутствіи. На этотъ разъ она была предоставлена самой себѣ и лишена возможности искать утѣшенія въ откровенномъ разговорѣ съ новою подругой, потому что ссора произошла съ братомъ Елены, и Елена избѣгала говорить объ этомъ, какъ о дѣлѣ непріятномъ и тяжеломъ для нея. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Розу уведомили что ея олекунь пріѣхалъ навѣстить ее.

Мистеръ Грюгьюсъ достоинъ былъ возложеннаго на него довѣрія, какъ человѣкъ неподкупной честности, но другихъ правъ на званіе олекуна молодой дѣвушки онъ, судя по наружному виду, не имѣлъ никакихъ. Онъ былъ сухой, свѣрый человѣкъ; еслибы положить его подъ жерновъ, онъ, кажется, истерся бы въ очень сухой табакъ. У него были рѣдкіе, короткіе волосы, цвѣтомъ и твердостью напоминающіе весьма

потертый, желтоватый мѣхъ; такъ непохожи были они на настоящіе волосы что ихъ приняли бы за ларику, еслибы только можно было представить себѣ что кто-нибудь добровольно возложить себѣ на голову подобное украшеніе. Несложныя черты лица его врѣзаны были глубоко, жесткими линіями: на лбу у него были какіе-то узлы, какъ будто природа намѣревалась придать ему выраженіе благородства и тонкости, но потомъ бросила рѣзецъ, сказавъ: у меня право не хватаетъ терпѣнія докончить этого человѣка; пусть остается какъ есть.

Шея длинная, ноги длинныя, движенія неловкія, нервныя, походка неуклюжая, глаза близорукіе, не позволявшіе ему, можетъ-быть, замѣтить какъ много бѣлаго бумажаго носка видѣется изъ-подъ его черныхъ панталонъ, а при всемъ томъ мистеръ Грюгьюсъ производитъ почему-то пріятное впечатлѣніе.

Роза застала олекуна своего въ великомъ смущеніи отъ того что онъ находился предъ лицомъ миссъ Твинкельтонъ, въ ея собственной комнатѣ. Бѣдняка какъ будто давило опасеніе какого-то предстоящаго экзамена, котораго онъ не выдержитъ удовлетворительно.

— Другъ мой! Какъ вы поживаете? Очень радъ васъ видѣть. Какъ вы поправились, другъ мой! Позвольте подать вамъ стулъ.

Миссъ Твинкельтонъ встала изъ-за своего маленькаго письменнаго стола и любезно сказала, обращаясь къ пространству.

— Вы позволите мнѣ удалиться?

— Для чего же, сударыня? Прошу васъ не сходить со своего мѣста.

— Нѣтъ, съ мѣста сойти ужь позвольте, возразила миссъ Твинкельтонъ съ очаровательною любезностью, — но по любезному желанію вашему, я не уйду изъ комнаты. Если я прядвину свой столикъ къ этому угловому окну, я не буду мѣшать вамъ?

— Сударыня! Можете ли вы мѣшать намъ!

— Вы очень добры. Роза, другъ мой, васъ, конечно, не стѣснить мое присутствіе.

Тутъ мистеръ Грюгьюсъ, оставшись съ Розой у камина сказалъ опять:

— Какъ вы поживаете, другъ мой? Я очень радъ васъ видѣть.

И дождавшись пока она съѣла, усѣлся самъ.

— Мои посвященія, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—какъ посвященія ангеловъ; не то чтобъ я сравнивалъ себя съ ангеломъ.

— Конечно нѣтъ, сказала Роза.

— Никакимъ образомъ, подтвердилъ мистеръ Грюгьюсъ.—Я хочу только сказать что посвященія мои рѣдки. Ангеламъ, какъ извѣстно, очень хорошо у себя наверху.

Миссъ Твинкельтонъ оглянулась съ холоднымъ изумленіемъ.

— Я разумѣю, другъ мой, договорилъ мистеръ Грюгьюсъ, касаясь руки Розы чтобы не подумали будто онъ позволяетъ себѣ ужасную вольность называть миссъ Твинкельтонъ другомъ своимъ,—я разумѣю другихъ дѣвицъ.

Миссъ Твинкельтонъ опять принялась писать.

Мистеръ Грюгьюсъ, преслѣдуемый сознаніемъ что началъ разговоръ не такъ искусно какъ бы слѣдовало, принялся гладить волосы сзади напередъ, будто только что вымылъ и выжимаетъ воду,—такая была у него привычка,—потомъ вынулъ карманную книжку и обрѣзокъ карандаша.

— Я записалъ себѣ что нужно на память, сказалъ онъ, перевертывая листки,—какъ я обыкновенно дѣлаю, не обладалъ вовсе даромъ слова. Вы позволите мнѣ справляться съ этою запиской: „Здоровье и веселость.“ Вѣрно. Вы здоровы и веселы, другъ мой? Такъ кажется съ виду.

— Оно такъ и есть, отвѣтила Роза.

— За это, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, наклоня голову по направленію къ угловому окну,—надлежитъ намъ благодарить отъ души материнскую любовь и неуслышное попеченіе дамы которую я теперь имѣю честь видѣть предъ собою.

И это заявленіе вышло какъ-то неудачно у мистера Грюгьюса и не дошло по назначенію, ибо миссъ Твинкельтонъ, сознавая что ей не слѣдуетъ обращать ни малѣйшаго вниманія на разговоръ, кусала кончикъ пера и глядѣла въ потолокъ, будто ожидая чтобы счастливая мысль была ниспослана ей тою изъ девяти небесныхъ сестеръ у которой окажется таковая въ запасѣ.

Мистеръ Грюгьюсъ опять погладилъ голову, опять справился съ книжкой и зачеркнулъ слова: „Здоровье и веселость“ какъ дѣло поконченное.

— Слѣдующая замѣтка моя гласитъ: „Фунты, шиллинги и пенсы“. Скучный предметъ разговора для молодой дѣвушки, но предметъ важный. Жизнь есть фунты, шиллинги и пенсы. Смерть... (вспомнивъ о смерти ея обоихъ родителей, онъ оста-

новился, и потомъ продолжалъ, очевидно вставивъ отрицаніе вслѣдствіе послѣ пришедшей мысли:) смерть не есть фунты, шиллинги и пенсы.

Голосъ его былъ также жестокъ какъ самъ онъ, и его, казалось, можно бы измолоть въ сухой табакъ. И однако, тѣми весьма небольшими средствами какими располагалъ, онъ обнаруживалъ внутреннюю доброту свою. Еслибы природа его окончила, доброта видѣлась бы на лицѣ его въ эту минуту. Что же было дѣлать ему, если узлы даба его не могли слатся, и лицо лишено было подвижности.

— Фунты, шиллинги и пенсы. Вамъ попрежнему достаточно того что вы получаете для удовлетворенія вашихъ потребностей?

У Розы не было потребностей, слѣдовательно и некуда было дѣвать денегъ.

— Вы не задолжали?

Роза засмѣялась. Задолжать казалось ей, по ея неопытности, какою-то комическою несообразностію. Мистеръ Грюгюсъ вглядѣлся въ нее пристально близорукими глазами, какъ бы желая удостовѣриться въ произведенномъ на нее впечатлѣніи.

— А! произнесъ онъ затѣмъ, оглянувшись украдкой на миссъ Твинкельтонъ и зачеркивая фунты, шиллинги и пенсы.—Я говорилъ что попалъ къ ангеламъ. Такъ оно и есть.

Роза предчувствовала что будетъ далѣе гласить его записка и, краснѣя, расправляла складку платяа слегка дрожащею рукою, пока онъ отыскивалъ.

— Свадьба! Гм....

Мистеръ Грюгюсъ провелъ рукою по глазамъ, по носу и даже по подбородку, потомъ придвинулся къ ней ближе и заговорилъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ:

— Я теперь касаюсь, другъ мой, того что послужило непосредственнымъ поводомъ моего посвѣщенія. Иначе я, какъ человѣкъ крайне угловатый, не рѣшился бы явиться сюда. Я никакъ не намѣренъ вторгаться въ общество, въ которое я нисколько не гожусь. Я здѣсь чувствую себя какимъ-то медвѣдемъ, лытающимъ танцовать котильйонъ.

Его невзрачный видъ подтверждалъ до нѣкоторой степени это сравненіе, и Роза отъ души засмѣялась.

— Вамъ то же кажется, сказалъ мистеръ Грюгюсъ совершенно спокойно.—Прекрасно. Возвратимся къ моей запискѣ. Мистеръ Эдвинъ навѣзжалъ сюда, какъ было условлено. Вы

объ этомъ писали мнѣ. И онъ вамъ нравится, и вы ему нравитесь?

— Онъ нравится мнѣ очень, отозвалась Роза.

— Такъ я и говорю, подхватилъ опекунъ, неспособный уловить тонкаго ударенія на глаголъ.— Прекрасно. И вы перелишиваетесь?

— Мы лишемъ другъ другу, сказала Роза, надувшись при воспоминаніи о ихъ лисьменныхъ несогласіяхъ.

— Такъ я и говорю. Прекрасно. Все идетъ хорошо, время дѣлаетъ свое, а на будущее Рождество надо будетъ, ради формы, предупредить примѣрную даму сидящую подъ угловымъ окномъ, которой мы такъ много обязаны, объ отъѣздѣ вашемъ въ теченіи слѣдующаго полугодія. Отношенія ваши, конечно, не исключительно дѣловыя, но все-таки въ нихъ есть и дѣловая сторона, а дѣло всегда остается дѣломъ. Я необыкновенно угловатый человѣкъ, продолжалъ мистеръ Грюгюсъ, будто это ему только что въ голову пришло.— Я не привыкъ ни къ какимъ церемоніямъ; еслибы кто-нибудь взялся на свадьбѣ исполнить мою должность, я очень былъ бы радъ.

Роза замѣтила, потупивъ глаза, что подставное лицо, вѣроятно, найдется.

— Конечно, конечно, сказалъ мистеръ Грюгюсъ.— Вотъ, надпримѣръ, хоть здѣшній учитель танцованія. Онъ бы сумѣлъ сдѣлать все это съ подобающею граціозностію. На него пріятно было бы глядѣть и жениху, и священнику, и вамъ самимъ, и всѣмъ присутствующимъ. А я... Я необыкновенно угловатый человѣкъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, какъ будто наконецъ рѣшился сознаться,—я только надѣлалъ бы неловкостей.

Роза сидѣла неподвижно и молча. Можетъ-быть воображеніе ея не доносилось еще до брачной церемоніи, а останавливалось гдѣ-нибудь на полпути.

— Въ запискѣ значится: „духовная“, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, справляясь съ книжкой, зачеркнувъ слово „свадьба“ и вынувъ изъ кармана бумагу.—Хотя я уже прежде сообщалъ вамъ, другъ мой, содержаніе духовной вашего отца, однако я считаю нужнымъ вручить вамъ засвидѣтельствованную копию съ нея. Мистеръ Эдвинъ также знаетъ содержаніе этой духовной, однако я считаю нужнымъ вручить теперь и для него засвидѣтельствованную копию мистеру Джасперу.

— Отчего же не ему самому? спросила Роза, быстро поднявъ

глаза.—Развѣ вы не можете дать эту копію въ руки самому Эдди.

— Конечно, если вы этого очень желаете, другъ мой. Я называлъ мистера Джаспера какъ его олекуна.

— Я этого очень желала бы, сказала Роза.—Мнѣ не хочется чтобы мистеръ Джасперъ какимъ бы то ни было образомъ вступался между нами.

— Я полагаю, сказалъ мистеръ Грюгюсъ,—что для всѣхъ мужъ естественно долженъ быть всѣмъ. Такъ. Замѣтьте, я говорю: полагаю. Дѣло въ томъ что я чрезвычайно неестественный человѣкъ и не знаю этого по собственному опыту.

Роза поглядѣла на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я хочу сказать, объяснилъ онъ,—что мнѣ вовсе (независимо) пріемы и ощущенія молодежи. Я былъ единственный сынъ у родителей уже старыхъ и, думаю почти что самъ я родился старымъ. Желаніе ваше относительно другой удостовѣренной копіи будетъ исполнено. О наслѣдствѣ вашемъ вамъ я думаю, все извѣстно. Оно представляетъ двѣсти лтыдесять фунтовъ годового дохода. Сбереженія нѣсколькихъ лтъ и нѣкоторыя другія статьи дохода, всѣ записанныя какъ слѣдуетъ, съ подобающими удостовѣреніями, составляютъ сумму тысячи въ полторы фунтовъ слѣшкомъ, которую вы получите одновременно. Мнѣ разрѣшено выдать вамъ изъ этой суммы на приданое и приготовленія къ свадьбѣ: Все сказано.

— Скажите мнѣ пожалуйста, заговорила Роза, мило нахмуривъ брови,—справедливо ли я разсуждаю? Я понимаю слова ваши гораздо лучше чѣмъ дѣловыя бумаги. Паленька и отецъ Эдди сдѣлали другъ съ другомъ условіе, какъ близкіе, надежныя друзья, чтобъ и мы были, въ свою очередь, близкими и надежными друзьями?

— Совершенно вѣрно.

— Для нашего обоюднаго блага и счастья?

— Именно такъ.

— Чтобы мы были другъ другу еще' дороже чѣмъ были они?

— Именно.

— Мы съ Эдди не обязаны неустойкой, въ случаѣ если...

— Не волнуйтесь, мой другъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ вы даже подумать не можете безъ слезъ, въ томъ случаѣ если бы вы не сочетались бракомъ, не положено никакой неустойки ни съ той, ни съ другой стороны: Вы бы тогда остались подъ моею опекой до совершеннолѣтняго возраста. Больше

ничему бы вы не подверглись. Но и это, быть-можетъ, достаточно тяжело.

— А Эдди?

— Онь, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ бы во владѣніе капиталомъ оставшимся послѣ отца, съ процентами, если таковыя причитаются, точно также какъ теперь.

Роза, со смущеннымъ лицомъ, нахмуривъ брови, кусала край своей засвидѣтельствованной копіи, склонивъ головку на сторону, потупивъ глаза и задумчиво поглаживая полъ ногою.

— Словомъ, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ. — этотъ бракъ не болѣе какъ желаніе, чувство, дружеское предположеніе, выраженное съ нѣжностію обѣими сторонами. Нѣтъ сомнѣнія въ искреннемъ желаніи чтобъ оно осуществилось благополучно. Еще дѣтми вы оба привыкли къ этой мысли, и благополучное осуществленіе ея приближается. Но могло быть иначе. Я съ тѣмъ, отчасти, и пріѣхалъ сюда сегодня чтобы сказать вамъ, какъ считаю своею обязанностию, что молодой человѣкъ и молодая дѣвушка могутъ быть обручены не иначе какъ съ ихъ собственнаго согласія, если они сами этого желаютъ и убѣждены (можетъ-быть ошибочно, но съ этимъ ужь нечего дѣлать) что будутъ счастливы другъ съ другомъ. Можно ли напримѣръ предположить, что еслибы одинъ изъ вашихъ родителей былъ живъ теперь и сомнѣвался бы въ этомъ, онъ не оставилъ бы свое желаніе въ виду измѣнившихся съ годами обстоятельствъ? Невозможно, безразсудно, нелѣпо!

Мистеръ Грюгьюсъ произнесъ все это будто читалъ по книжкѣ, или будто повторялъ затверженный урокъ. На лицѣ и въ движеніяхъ его не было ни слѣда теплоты.

— Теперь, добавилъ онъ, зачеркивая карандашомъ слово „духовная“.—я исполнилъ обязанности, конечно формальную, но все-таки обязанности.

Въ запискѣ значитъ: „желанія“. Мой другъ, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь желанія, исполненію котораго я могъ бы содѣйствовать?

Роза покачала головой почти жалобно, будто не рѣшалась на что-то и не находила помощи въ которой нуждалась.

— Не дадите ли вы мнѣ какихъ-нибудь инструкцій относительно вашихъ дѣлъ?

— Мнѣ бы хотѣлось, если вы позволите, переговорить сначала съ Эдди, отвѣчала Роза, расправляя складку платья.

— Конечно, конечно! отозвался мистеръ Грюгьюсь. — Вы должны во всемъ соглашаться другъ съ другомъ. Не ожидаютъ ли въ скоромъ времени молодого джентльмена?

— Онъ только сегодня утромъ уѣхалъ. Онъ пріѣдетъ опять на Рождество.

— Прекрасно. Вы съ нимъ тогда переговорите объ всемъ подробно; потомъ наложите мнѣ, и я исполню дѣловыя обязательства мои относительно примѣрной дамы сидящей подъ угловымъ окномъ. Они возрастутъ къ тому времени.—Олять онъ зачеркнулъ карандашомъ слово.—Въ запискѣ значится: „проститься“. Да. Теперь я прощусь съ вами, другъ мой.

— Можно ли будетъ, сказала Роза вставая, когда онъ вѣловко вскочилъ со стула, — можно ли будетъ попросить васъ пріѣхать ко мнѣ на Рождествѣ, еслибы надо было о чемъ-нибудь особенномъ поговорить съ вами?

— Конечно, конечно! отвѣчалъ онъ, ловидимому, если только можно употребить это слово о человѣкѣ въ лицѣ котораго не видно было ни свѣта, ни тѣни, польщенный такимъ вопросомъ.—Какъ необыкновенно угловатый человѣкъ, я не прихожусь къ общественному кругу, и поэтому на Рождество мнѣ предстоитъ только съѣсть тетерева подъ соусомъ нашинѣ съ необыкновенно угловатымъ конторщикомъ, дарованнымъ мнѣ судьбою, котораго (то-есть тетерева) отецъ его, норфолькскій фермеръ, присылаетъ мнѣ въ подарокъ изъ Норвича. Мнѣ очень легко будетъ если вамъ захочется видѣть меня, другъ мой. Такъ рѣдко случается людямъ желать меня видѣть что это имѣло бы для меня прелесть новизны.

За готовность съ которою онъ согласился, Роза положила ему руки на плечи, стала на цыпочки и тотчасъ же поцѣловала его.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ мистеръ Грюгьюсь. — Благодарю васъ, другъ мой. Мнѣ почти столько же лестно, сколько пріятно. Миссъ Твинкельтонъ, я весьма доволенъ разговоромъ съ нашею питомицей и теперь избавлю васъ отъ моего стѣснительнаго присутствія.

— Не называйте, отозвалась миссъ Твинкельтонъ, любезно вставая, — не называйте присутствие ваше стѣснительнымъ. Я никакъ не могу допустить подобнаго выраженія.

— Благодарю васъ, сударыня. Я читалъ въ газетахъ, скъ-

залъ мистеръ Грюгьюсъ, слегка заминаясь,—что когда знатный покровитель (не то чтобъ я считалъ себя знатнымъ; сохрани Богъ!) является въ школу (не то чтобъ я считалъ заведеніе ваше школой; сохрани Богъ!), воспитанникамъ по его желанію дѣлается праздникъ, или какое-нибудь снисхожденіе. Такъ какъ теперь уже скоро вечеръ, дѣвѣцы ничего бы почти не выиграли освободившись отъ уроковъ. Но если какая-нибудь изъ нихъ заслужила ваше неудовольствіе, позвольте мнѣ просить васъ....

— Мистеръ Грюгьюсъ, мистеръ Грюгьюсъ! воскликнула миссъ Твинкельтонъ, съ приличною шутовствомъ грозя ему пальцемъ. — О, вы, господа, господа! не грѣшно ли вамъ такъ прижимать насъ, бѣдныхъ воспитательницъ. Но все равно. Въ настоящее время миссъ Фердинандъ подѣлывается, пойдете къ ней, Роза, моя милая, и скажите что я прощаю ей изъ уваженія къ заступничеству вашего опекуна.

Миссъ Твинкельтонъ присѣла съ такимъ искусствомъ которое невольно заставляло дивиться чудеснымъ способностямъ ея ногъ, и торжественно поднялась на три аршина позади того мѣста, на которомъ стояла прежде.

Считая своею обязанностью повидаться съ мистеромъ Джасперомъ предъ отъѣздомъ изъ Клойстергама, мистеръ Грюгьюсъ пошелъ въ надворотный домъ и взобрался по крутой его лѣстницѣ. Но дверь мистера Джаспера была заперта, и увидѣвъ на ней ярлычекъ съ надписью „въ соборъ“, мистеръ Грюгьюсъ вспомнилъ что теперь время службы. Онъ опять спустился по лѣстницѣ, прошелъ черезъ паркъ, и остановился у большой западной двери собора, которая была отворена, чтобъ дать доступъ теллому воздуху кратковременныхъ сумерекъ.

— Здѣсь словно глядишь въ жерло времени, сказалъ прѣ себя мистеръ Грюгьюсъ, заглянувъ въ эту дверь.

Глухой вздохъ поднялся отъ гробницъ и сводовъ, темныя тѣни сгущались въ углахъ; пары вставали отъ позеленѣвшихъ каменныхъ плитъ; краски расписныхъ оконъ начинали меркнуть. На хорахъ, вокругъ чернѣющаго органа, тускло виднѣлись бѣлыя одежды, и по временамъ, то повышаясь, то понижаясь, раздавался невнятно слабый голосъ; снаружи на волѣ рѣка, зеленая ластбища, темныя поля, туманныя долины и горы рѣли на заходящемъ солнцѣ, а далекія окна вѣтряныхъ мельницъ и фермъ сіяли кованымъ золотомъ. Въ соборѣ все

сѣрѣло, меркло, покрывалось могильнымъ мракомъ, и однообразный слабый налѣвъ дрожалъ, какъ голосъ умирающаго, пока не загремѣлъ органъ и хоръ и не потопилъ его въ морѣ звуковъ. Потомъ море стихло, опять послышался умирающій голосъ, снова море взыграло, потрясая крышу, и своды, и стѣны, и наконецъ все смолкло.

Мистеръ Грюгюсъ между тѣмъ подошелъ къ лѣстницѣ ведущей на хоры и встрѣтился съ уходящими причетниками.

— Не случилось ли чего-нибудь? Не посылали ли за вами? обратился къ нему нѣсколько послѣшно Джасперъ.

— Ничего не случилось. Я самъ пріѣхалъ. Я былъ у моей хорошенькой литомицы и теперь собираюсь домой.

— Вы нашли ее здоровою?

— Цвѣтущею. Я пріѣхалъ сказать ей что значить въ сущности помолвка дѣтей умершими отцами.

— А что она значить, по-вашему?

Мистеръ Грюгюсъ замѣтилъ блѣдность губъ предлагавшихъ этотъ вопросъ и приписалъ ее холодной сырости собора.

— Я сказалъ ей только что подобная помолвка не можетъ считаться обязательною, если встрѣтятся серьезныя препятствія, какъ напримѣръ, если помянутыя стороны не будутъ чувствовать любви другъ къ другу и желанія исполнить предположеніе отцовъ.

— Позвольте спросить, имѣли ли вы какую-нибудь особенную причину сказать ей это?

Мистеръ Грюгюсъ отвѣтилъ нѣсколько рѣзко.

— Причиною было желаніе исполнить мою обязанность. Больше ничего. Послушайте, мистеръ Джасперъ, прибавилъ онъ.—Я знаю какъ вы любите своего племянника, какъ легко обижаетесь вы за него. Увѣряю васъ что я не думалъ сомнѣваться въ немъ или питать къ нему неуваженіе.

Джасперъ, идя подлѣ него, пожалъ ему руку.

— Не могу сказать вамъ какъ слова ваши меня радуютъ.

Мистеръ Грюгюсъ снялъ шляпу, погладилъ себѣ голову, кивнулъ одобрительно и опять надѣлъ шляпу.

— Пари держу, сказалъ Джасперъ,—что она не обнаружила ни малѣйшаго желанія освободиться отъ Эдвина.—Губы его все еще были такъ бѣлы что онъ, сознавая это, кусалъ ихъ пока говорилъ.

— И выиграете пари, отозвался мистеръ Грюгюсъ.— Надо, конечно, допустить нѣкоторую дѣвичью стыдливость

въ бѣдной молодой сироткѣ. Я этихъ вещей не знаю. Какъ вы думаете?

— Безъ сомнѣнія.

— Очень радъ что вы такого мнѣнія, подхватилъ мистеръ Грюгьюсь, все время старавшійся подойти какъ-нибудь къ выполнению давняго Розѣ обѣщанія.—Видите ли, ей хочется самой переговорить и условиться обо всемъ съ Эдвиномъ Друдомъ. Она не желаетъ чтобы мы вмѣшивались, понимаете ли?

Джасперъ положилъ себѣ руку на грудь и сказалъ не совсемъ внятно: „то-есть, чтобъ я вмѣшивался“.

Мистеръ Грюгьюсь положилъ себѣ руку на грудь и сказалъ:

— Мы оба. Пусть они переговариваютъ другъ съ другомъ, когда мистеръ Друдъ прѣдетъ на Рождество, а потомъ появимся мы съ вами и окончательно покончимъ все дѣло.

— Такъ вы обѣщали ей прѣхать на Рождество? отозвался Джасперъ.—Понимаю. Вы совершенно справедливо замѣтили сейчасъ что я очень люблю племянника и легче оскорблюсь за него, счастливца, чѣмъ за себя самого. Но, какъ вы говорите, слѣдуетъ уважать желанія невесты, и мнѣ должно сообразоваться съ вами. Я согласенъ. Я такъ понимаю что въ Рождество они сами примутъ всѣ надлежащія мѣры для совершенія бракосочетанія въ маѣ, а затѣмъ намъ останется только формально сложить съ себя званіе олекуновъ въ день рожденія Эдвина.

— Такъ и я смотрю на это дѣло, согласился мистеръ Грюгьюсь, пожимая руку Джасперу.—Да благословить ихъ Богъ.

— Да хранить ихъ Богъ! воскликнулъ Джасперъ.

— Я сказалъ: да благословить ихъ, замѣтилъ мистеръ Грюгьюсь, оглянувшись черезъ плечо.

— А я говорю: да хранить ихъ Богъ, повторилъ Джасперъ.—Развѣ не одно и то же?

Г Л А В А X.

Дорога расчищается.

Часто было замѣчено что женщины обладаютъ удивительною способностью угадывать характеры людей, способностью ловидимому врожденною и инстинктивною, ибо женщина не олирается на послѣдовательное разсужденіе, не можетъ дать

отчета сама себя и произносить приговоръ свой съ полною увѣренностью, наперекоръ всѣмъ возраженіямъ мушкетъ. Но не такъ часто было замѣчено что способность эта, подтвержденная заблужденію какъ все человѣческое, не допускаетъ сознанія въ своемъ заблужденіи, и что разъ произнесся приговоръ, который потомъ оказывается ошибочнымъ, она отстаиваетъ его со всѣмъ упорствомъ предразсудка. Самое ожиданіе противорѣчія и опроверженія въ девяти случаяхъ изъ десяти придаетъ женскому сужденію запальчивость свойственную показаніямъ пристрастнаго свидѣтеля: такъ горячо прекрасный судья вступаетъ за свое рѣшеніе.

— Какъ вы думаете, милая матушка, сказалъ однажды нашій каноникъ своей матери, когда она сидѣла за шитьемъ въ его маленькомъ кабинетѣ, — не слишкомъ ли ужь вы строги къ Невиллю?

— Нѣтъ, не думаю, Селтимъ.

— Поразсудимъ-ка немножко, матушка.

— Я готова разсуждать съ тобою, Селтимъ. Я, надѣюсь, всегда доступна разсужденію. Въ челу старушки замѣтно было некоторое сотрясеніе, какъ будто она внутренно прибавляла: „Желаю бы я знать, какое разсужденіе въ силахъ измѣнить мое мнѣніе!“

— Прекрасно, матушка! сказалъ кроткій сынъ — Лучше всего всегда руководствоваться разсужденіемъ.

— Полагаю, отозвалась старушка, очевидно расположенная не уступать никакимъ доводамъ разсудка.

— И такъ мистеръ Невиль въ тотъ несчастный день забылся вслѣдствіе нанесеннаго ему оскорбленія.

— И вина, добавила старушка.

— Допускаю дѣйствіе вина. Но, я думаю, оба юноши были одинаково нетрезвы.

— А я этого не думаю, сказала старушка.

— Почему же, матушка?

— Потому что не думаю, повторила старушка. — Впрочемъ, я готова разсуждать съ тобою.

— Я не вижу, милая матушка, какъ намъ разсуждать, если вы рѣшаете дѣло такъ безусловно.

— Вина мистера Невилля, а не меня, сказала старушка съ важною строгостью.

— За что же винить мистера Невилля?

— За то, сказала мистрисъ Крисларкъ, пускающая въ ходъ общіе принципы, — что онъ пришелъ домой пьяный, и приче-

нилъ великій стыдъ нашему дому, и обнаружилъ великое неуваженіе къ нашему семейству.

— Этого нельзя отрицать, матушка. Но онъ вѣдь и теперь весьма сожалѣетъ объ этомъ.

— Еслибы не учтивая внимательность мистера Джаспера, который на другой день подошелъ ко мнѣ въ церкви въ полномъ облаченіи и спросилъ меня не слишкомъ ли я испугалась и была встревожена ночью, я, кажется, ничего и не знала бы объ этомъ позорномъ происшествіи, сказала старушка.

— Признаюсь, матушка, я бы, кажется, скрылъ это отъ васъ, еслибы было можно, хотя и не рѣшилъ еще окончательно какъ поступить. Я шелъ слѣдомъ за Джасперомъ чтобы посоветоваться съ нимъ и обсудить, не лучше ли во всѣхъ отношеніяхъ не дѣлать огласки, когда увидѣлъ что онъ говорить съ вами. Тогда было уже поздно.

— Дѣйствительно поздно, Селтимъ. Онъ, говоря со мною, блѣднѣлъ какъ полотно при одной мысли о томъ что случилось наканунѣ на его квартирѣ.

— Будьте увѣрены, матушка, что еслибы я и скрылъ это дѣло отъ васъ, то единственно ради вашего спокойствія и для блага молодыхъ людей, въ искреннемъ убѣжденіи что такъ велить и долгъ моего званія, и совѣсть.

Старушка тотчасъ же перешла черезъ комнату и поцѣловала его, говоря:

— Въ этомъ я совершенно увѣрена, Селтимъ.

— Но дѣло это огласилось по всему городу, сказалъ мистеръ Крисларкль, потирая ухо, пока мать опять усаживалась и принималась за работу. — Помѣшать толкамъ было уже не въ моей власти.

— Я тогда же сказала, Селтимъ, начала опять старушка, — что я дурнаго мнѣнія о мистерѣ Невилѣ, и теперь повторяю что я о немъ дурнаго мнѣнія. Я тогда сказала и теперь говорю что желаю чтобы мистеръ Невиль исправился, но весьма сомнѣваюсь въ этомъ. Тутъ чепецъ опять пришелъ въ сильное сотрясеніе.

— Жаль мнѣ что вы такъ говорите, матушка.

— Жаль и мнѣ, другъ мой, прервала старушка, прилежно работая, — да что же дѣлать?

— Нельзя отрицать, продолжалъ младшій каноникъ, — что мистеръ Невиль чрезвычайно способенъ и старателевъ, и мнѣ кажется что онъ привязанъ ко мнѣ.

— Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣтъ особенной заслуги, быстро вступилась старушка. — Если онъ хвастается привязанностью къ тебѣ, такъ это тоже не дѣлаетъ ему чести въ моихъ глазахъ.

— Онъ не думаетъ хвастаться, милая матушка.

— Можетъ-быть, отозвалась старушка, — въ такомъ случаѣ нечего, мнѣ кажется, и толковать объ этомъ.

Не было раздраженія во взглядѣ какимъ мистеръ Крисларкъ глядѣлъ на сидящую за работой китайскую куклу, но взглядъ этотъ какъ будто говорилъ что съ этою китайскою куклой разсуждать бесполезно.

— Подумай еще, Селтимъ, что былъ бы онъ безъ сестры. Ты знаешь какое вліяніе имѣетъ она на него, ты знаешь что онъ перечитываетъ съ нею все что читаетъ съ тобою. Выдѣли изъ своей похвалы часть принадлежащую ей по праву, и много ли останется на его долю?

При этихъ словахъ мистеръ Крисларкъ погрузился въ раздумье. Разныя обстоятельства приходили ему на умъ. Онъ вспоминалъ какъ часто видалъ онъ брата и сестру въ серьезной бесѣдѣ за одной изъ его старыхъ школьныхъ книгъ: то въ холодное утро, послѣ освѣжительной прогулки ко Кью-стергамскому ручью, то въ туманный вечеръ, когда взбираясь онъ на свою любимую монастырскую развалину, проходили они мимо него по берегу рѣчки, въ которой начинали уже отражаться огни города, усиливая мрачность ландшафта. Онъ думалъ о томъ какъ мало-по-малу созналъ что, обучая одного, обучаетъ обоихъ, какъ нечувствительно приспособилъ свое преподаваніе къ обоимъ умамъ: и къ тому съ которымъ ежедневно находилъ въ сношеніи, и къ тому на который дѣйствовалъ только чрезъ посредство перваго. Онъ думалъ о слухѣ, дошедшемъ до него изъ Женскаго Монастыря, что Елена, которую онъ сначала считалъ такою гордою и непреклонною, кротко покоряется молодой невѣстѣ и учится у ней. Онъ думалъ о страшномъ союзѣ этихъ двухъ дѣвушекъ, съ виду такъ непохожихъ другъ на друга. Онъ думалъ, быть-можетъ, болѣе всего о томъ какъ всѣ эти отношенія, возникшія лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, стали такъ скоро необходимымъ элементомъ его существованія?

Какъ всякій разъ когда достопочтенный Селтимъ владалъ въ раздумье, матери казалось что онъ нуждается въ поддержаніи, такъ и теперь дѣвствующая старушка послѣдила въ буфетъ

достать подкрѣвленіе въ видѣ рюмки констанцкаго вина и домашняго сухаря. Удивительный былъ этотъ буфетъ, достойный Клаюстергама и уголка младшихъ канониковъ. Надъ нимъ портретъ Генделя въ длинномъ ларикѣ глядѣлъ на подходящаго съ замысловатымъ выраженіемъ, какъ будто признавалъ высокое значеніе буфета и намѣревался излить всю заключенную въ немъ гармонію въ одной превосходной фугѣ.

Это не былъ обыкновенный буфетъ съ простою дверью на петляхъ, отворяющеюся сразу и сразу открывающею для глазъ все что хранится внутри: у этого рѣдкостнаго буфета двѣ подвижныя дверки, подъемная и опускающая, замыкались замкомъ посерединѣ. Когда верхняя опускалась, прикрывая нижнюю, какъ непроницаемую тайну, глазу представлялись широкія полки уставленныя горшечками ликулей, банками варенья, жестяными кружками, коробками пряностей и пріятно-разноцвѣтною посудой съ привозными лакомствами. Каждый благодушный обитатель этого вмѣстителя носилъ имя свое на лицѣ. Пикули въ темнокоричневомъ мундирѣ гордо возвѣщали печатными буквами кто они: орѣхи, лукъ, калуста, смѣсь или другіе члены благороднаго семейства. Варенье, менѣе мужественнаго характера, докладывало женскимъ почеркомъ, словно нѣжнымъ шелкотомъ что тутъ смородина, абрикосы, сливы, яблоки, персики. Когда скрывались всѣ эти прелести и поднималась нижняя дверка, являлись аленьсины и при нихъ большая сахарница въ японскомъ вкусѣ, для умѣренія ѣдкости еще незрѣлыхъ фруктовъ. Тутъ же лежали домашніе сухари, почтенный кусокъ сладкаго пирога и нѣжныя бисквиты, какъ бы ожидающіе сладкаго вина и поцѣлуя. Въ самомъ низу жестяной погребецъ заключалъ въ себѣ сладкое вино и ликеры; изъ него исходило благоуханіе померанца, лимона и миндаля. Казалось, жужжаніе соборныхъ колоколовъ и органа, цѣлые вѣка носившееся въ этомъ чудномъ буфетѣ подобно рою пчель, обратило все хранящееся въ немъ въ сладостный медъ, и всякій кто погружался въ его глубину выносилъ на лицѣ такое сладкое выраженіе, будто обсахарился.

Достопочтенный Селтимъ одинаково непрекословно обращался и къ этому чудному буфету и къ зловонному чулану съ медицинскими травами, также находившемуся въ вѣдѣніи китайской ластушки. Какіе необычайные настои мяты, малины, саго, тмина, бузины, липоваго цвѣта принималъ въ себя его желудокъ! Какъ увертывалъ онъ повязками съ суше-

ными листьями цвѣтущее и довольное лицо свое, если мать подозрѣвала у него зубную боль. Какія ботаническія подушки бодро прикладывала къ щекамъ или ко лбу, если старушка усматривала у него какой-нибудь едва замѣтный прыщикъ. Чуланъ низкій, узкій, съ выбѣленными стѣнами, помѣщался въ верху на лѣстницѣ. Тамъ лучки сушеныхъ травъ висѣли съ потолка на ржавыхъ крючкахъ, лежали на полкахъ рядомъ со зловѣщими бутылками. Въ это чистилище приводился достопочтенный Селтимъ, какъ овца ведомая на закланіе, покорно глоталъ все чтò ни давали ему, лишь бы успокоить и потѣшить старушку, и затѣмъ уходилъ, надвѣясь на цѣлебную силу Клоистергамскаго ручья и здраваго духа также твердо, какъ леди Макбетъ была увѣрена въ безсиліи вѣсѣхъ морей земнаго шара.

Въ настоящемъ случаѣ добродушный младшій каноникъ выпилъ безпрекословно рюмку констанцскаго вина, и подкрѣпленный такимъ образомъ, къ удовольствію матери, принялся за ежедневныя занятія. Въ обычномъ теченіи своемъ они довели его до вечерни и сумерекъ. Такъ какъ въ соборѣ было очень холодно, онъ послѣ службы быстрымъ шагомъ отправился къ своей любимой развалинѣ, на которую намѣревался взбѣжать безъ передышки,

Онъ взбѣжалъ мастерски и даже не запыхавшись, остановился на верху и сталъ глядѣть на рѣчку. По близости моря, въ Клоистергамскую рѣчку часто заносится морская трава. Последний приливъ привнесъ ея особенно много. Это обстоятельство, и мутность воды, и тревожное ныряніе крикливыхъ чаекъ, и красный свѣтъ со стороны моря за чернѣющими барками, предвѣщали бурную ночь. Мистеръ Криспаркъ въ умѣ своемъ противопоставлялъ шумное, бурливое море тихому пристанищу въ уголкѣ младшихъ канониковъ, когда Елена и Невиль Ландлесь прошли внизу мимо него. Онъ думалъ о нихъ цѣлый день и тотчасъ же сошелъ внизъ поговорить съ ними обоими. Спускъ былъ крутъ въ полусвѣтѣ для неопытнаго ходока, но младшій каноникъ былъ ходокъ опытный, и немногіе спустились бы съ крутизны такъ скоро какъ онъ.

— Ненастный вечеръ, миссъ Ландлесь. Не слишкомъ ли вамъ холодно гулять сегодня съ братомъ? Особенно теперь, по захожденіи солнца, когда вѣтеръ дуетъ съ моря?

Еленѣ казалось что не слишкомъ холодно. Это ихъ любимая прогулка. Здѣсь очень уединенно.

— Действительно очень уединенно, — согласился мистеръ Крисларкъ, пользуясь случаемъ и идя съ ними рядомъ.— Здѣсь удобнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь переговорить, какъ мнѣ хочется, не опасаясь что намъ помѣшаютъ. Мистеръ Невиль, я полагаю, вы сообщаете вашей сестрѣ все что происходитъ между нами?

— Все.

— Итакъ сестра ваша знаетъ что я неоднократно убѣждалъ васъ попросить какъ-нибудь извиненія въ несчастномъ происшествіи случившемся въ день вашего пріѣзда сюда.

Говоря эти слова, онъ глядѣлъ на сестру, а не на брата, поэтому сестра, а не братъ, отвѣчала:

— Да.

— Я называю этотъ случай несчастнымъ, началъ опять мистеръ Крисларкъ,—потому что онъ произвелъ невыгодное для мистера Невилля впечатлѣніе. Его считаютъ юношей неукротимаго нрава, всльщичивымъ до свирѣлости, и вслѣдствіе этого избѣгаютъ.

— Я это знаю, сказала Елена, бросая на брата взглядъ исполненный гордаго сочувствія, въ которомъ выражалось глубокое сознаніе оказываемой ему несправедливости.— Слова ваши подтверждаются намеками которые я слышу каждый день.

— Итакъ, продолжалъ мистеръ Крисларкъ тономъ кроткаго и твердаго убѣжденія,—не слѣдуетъ ли пожалѣть объ этомъ и постараться поправить дѣло? Невиль еще недавно въ Клойстергамъ, и я не сомнѣваюсь что предубѣжденіе противъ него разсѣется со временемъ, когда его лучше узнаютъ. Но не гораздо ли благоразумнѣе сдѣлать что можно съ своей стороны чѣмъ полагаться на невѣрное время? Этого требуетъ не одно благоразуміе, а также и справедливость, ибо нѣтъ сомнѣнія что Невиль былъ неправъ.

— Его вывели изъ терлвннн, замѣтила Елена.

— Онъ первый началъ, замѣтилъ мистеръ Крисларкъ.

Они шли молча, пока Елена, глядя въ лицо младшему канонику, не сказала почти съ упрекомъ:

— О, мистеръ Крисларкъ, неужели вы хотите чтобы Невиль бросился къ ногамъ мистера Друда или мистера Джаспера, который каждый день лозорить его. Вы не можете въ душѣ хотѣть этого. Вы бы сами не сдѣлали этого на его мѣстѣ,

— Я говорилъ мистеру Крисларкю, Елена, сказалъ Невиль, съ почтительнымъ взглядомъ на наставника, — что еслибъ я

могъ сдѣлать это отъ души, я бы сдѣлалъ. Но я не могу. а притворство мнѣ нестерпимо. Ты забываешь, однако, что говорить о томъ что сдѣлалъ бы мистеръ Криспаркъ на моемъ мѣстѣ, значить считать его способнымъ поступить такъ какъ я.

— Я прошу извиненія, сказала Елена.

— Видите ли, началъ снова мистеръ Криспаркъ. опять пользуясь случаемъ, хотя съ большою осторожностью и деликатностью,—вы оба внутренно сознаетесь что Невиль не правъ. Такъ зачѣмъ же останавливаться на полдорогѣ и не сознаться въ этомъ открыто?

— Развѣ не разница, спросила Елена, слегка дрожащимъ голосомъ, — преклониться предъ умомъ благороднымъ, или предъ визкимъ и лошлымъ?

Не успѣлъ младшій каноникъ найти возраженія противъ этого тонкаго различія, какъ Невиль вступилъся:

— Помогите мнѣ оправдаться предъ мистеромъ Криспарклемъ, Елена. Помогите мнѣ убѣдить его, что если я сдѣлаю первый шагъ, то это будетъ съ моей стороны комедія и притворство. Для этого надо измѣниться природѣ моей, а она не измѣнилась. Я чувствую невыносимую обиду, повторенную съ намѣреніемъ, и я золь. Правду сказать, припомняя тотъ вечеръ, я и теперь также золь какъ былъ тогда.

— Невиль, замѣтилъ мистеръ Криспаркъ серьезно.— вы опять сдѣлали рукой это движеніе котораго я такъ не люблю.

— Извините, неволью. Я признался что золь до сихъ поръ

— А я признаюсь что ожидалъ отъ васъ лучшаго.

— Жалѣю что не выполнилъ вашихъ ожиданій, но было бы еще гораздо хуже обманывать васъ, а я васъ обманулъ бы нагло, еслибы притворился что вы смягчили меня въ этомъ отношеніи. Можетъ-быть со временемъ вашему могущественному вліянію удастся сладить даже съ такимъ воспитанникомъ какъ я, но время это еще не настало, при всей борьбѣ моей съ самимъ собою. Не такъ ли Елена?

Слѣдя темными глазами за впечатлѣніемъ, производимымъ его словами на лицѣ мистера Криспаркля, она отвѣчала канонику, а не ему: „Это такъ“. Затѣмъ, послѣ короткаго молчанія, въ отвѣтъ на едва замѣтный вопросительный взглядъ брата, она едва замѣтно кивнула головой, и онъ продолжалъ:

— Я еще никогда не рѣшался сказать вамъ то что сдѣлало бы сказать откровенно въ первый разъ какъ вы заго-

ворили со мной объ этомъ. Сказать это не легко. Меня удерживало опасеніе показаться смѣшнымъ. Опасеніе это до сихъ поръ весьма сильно на меня дѣйствуетъ, и еслибы не сестра, оно удержало бы меня, можетъ-быть, и теперь отъ откровеннаго признанія. Мнѣ нравится миссъ Бадъ до такой степени что я не могу видѣть высокомернаго или равнодушнаго обращенія съ нею. Еслибы Друдъ и не оскорбилъ меня лично, я оскорбился бы за нее.

Мистеръ Краспарклъ, въ крайнемъ изумленіи, поглядѣвъ на Елену и прочелъ на лицѣ ея полное подтвержденіе словъ брата вмѣстѣ съ просьбой о совѣтѣ.

— Молодая дѣвица о которой вы говорите, мистеръ Невиль, какъ вамъ извѣстно, скоро должна выйти замужъ, сказалъ мистеръ Криспарклъ серьезно.—Поэтому чувство ваше, если оно такое какъ вы, ловидимому, намекаете, въ высшей степени неумѣстно. Сверхъ того неслыханное дѣло брать на себя роль защитника молодой дѣвицы противъ ея жениха. Да вы только разъ и видѣли ихъ вмѣстѣ. Эта молодая дѣвица стала другомъ вашей сестры, и я удивляюсь что сестра ваша, ради ея, не удержала васъ отъ этой безразсудной и преступной мечты.

— Она пыталась, но напрасно. Будетъ ли онъ мужемъ ея, или нѣтъ, этотъ человѣкъ не способенъ на то чувство какое я питаю къ прелестной дѣвушкѣ, съ которою онъ обращается какъ съ куклой. Я утверждаю что онъ не способенъ на такое чувство, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ недостоинъ ея. Я утверждаю что она привосится въ жертву, будучи назначена принадлежать ему. Я люблю ее, и презираю, ненавижу его.

Эти слова были сказаны съ такимъ жаромъ, съ такимъ порывистымъ жестомъ что сестра перешла къ нему и проговорила, ухвативъ его за руку:

— Невиль! Невиль!

Приведенный такимъ образомъ въ себя, онъ тотчасъ же понялъ что позабылъ сдержанность, которою старался прикрывать свою страстную натуру, и закрылъ лицо руками въ раскаяніи или смущеніи.

Мистеръ Криспарклъ, внимательно слѣдя за нимъ и въ то же время обдумывая какъ дѣйствовать, шелъ нѣсколько шаговъ молча. Затѣмъ онъ заговорилъ:

— Мистеръ Невиль, мистеръ Невиль! Съ глубокимъ прискорбіемъ вижу я въ васъ новые признаки характера столь же

мрачнаго, суроваго и свирѣлаго какъ наступающая телерь ночь. Признаки эти слишкомъ важны чтобъ я могъ отнестись къ обнаруженному вами чувству какъ къ увлеченію не стоящему серьезнаго вниманія. Я отхошусь къ нему съ весьма серьезнымъ вниманіемъ и говорю съ вами весьма серьезно. Эта вражда между вами и молодымъ Друдомъ не должна продолжаться. Я не могу допустить чтобъ она продолжалась, зная что узналъ отъ васъ телерь, когда вы, къ тому же, живете въ моемъ домѣ. Какъ бы вы, въ безумномъ и злобномъ ослѣпленіи своемъ, не представляли себѣ его характеръ, это характеръ прямой и добрый. Я это знаю. Слушайте же что я вамъ скажу. По размышленію и по доводамъ вашей сестры, я согласенъ допустить что, для примиренія съ Друдомъ, вы имѣете право требовать чтобъ и онъ сдѣлалъ шагъ съ своей стороны. Я вамъ обещаю что онъ сдѣлаетъ первый шагъ. Затѣмъ вы дадите мнѣ честное слово христіанина и благороднаго человека что, вражда эта съ вашей стороны будетъ кончена навсегда. Что будетъ у васъ на сердцѣ, когда вы протянете ему руку, будетъ известно одному только Сердцевѣдцу; но не хорошо для васъ, если въ эту минуту вы не будете искренни. Довольно объ этомъ. Телерь считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о вашемъ увлеченіи. На сколько я понимаю, вы открыли мнѣ его какъ тайну, и оно никому неизвѣстно кромѣ васъ самихъ и вашей сестры. Такъ ли я понимаю?

Елена отвѣтила тихимъ голосомъ:

— Никто не знаетъ этого, кромѣ насъ троихъ.

— И молодая подруга ваша не знаетъ?

— Клянусь вамъ, вѣтъ.

— Такъ поклянитесь же и вы, мистеръ Невиль, что это останется тайной, и что всѣ старанія ваши будутъ направлены весьма серьезно къ тому чтобъ искоренить въ себѣ это чувство. Не скажу вамъ что оно пройдетъ скоро; не скажу вамъ что это лишь минутная вспышка; не скажу вамъ что подобные порывы возникаютъ и стихаютъ въ горячихъ, молодыхъ сердцахъ ежечасно; не буду стараться поколебать ваше убѣжденіе что этому чувству нѣтъ подобнаго, что оно останется въ васъ долго, что для побѣды надъ нимъ потребуются много силы. Тѣмъ дороже будетъ мнѣ ваше обѣщаніе, если вы дадите его искренно.

Юлоша раза два пытался заговорить, но не могъ.

— Я оставляю васъ съ сестрой, которую вамъ пора отвести домой, оказалъ мистеръ Криспаркль.—Вы найдете меня одного въ моей комнатѣ.

— Пожалуста не уходите отъ насъ, умоляла Елена.—Еще одну минуту.

— Я не попросилъ бы у васъ еще одной минуты, сказалъ Невиль, проводя рукой по лицу, — еслибы вы не были такъ терпѣливы, такъ деликатны со мной, такъ истинно добры. О, зачѣмъ не было у меня въ дѣтствѣ такого руководителя!

— Слѣдуй теперь за руководителемъ своимъ, Невиль, сказала Елена, — онъ ведетъ тебя къ небу.

Въ голосѣ ея было что-то такое что захватывало духъ младшему канонику, иначе онъ возсталъ бы противъ произносимой ему чрезмѣрной хвалы. Онъ только приложилъ палецъ къ губамъ и поглядѣлъ на ея брата.

— Сказать что я даю требуемое обѣщаніе, мистеръ Криспаркль, и даю отъ души, ничего не значить, проговорилъ Невиль въ сильномъ волненіи. — Прошу васъ простить мнѣ непримѣтный порывъ который я позволилъ себѣ.

— Не у меня просите прощенія, Невиль. Вы знаете кому принадлежитъ право прощать. Миссъ Елена, вы съ братомъ близнецы. Вы родились съ одинаковыми наклонностями и провели первые годы въ одинаковыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. То что вы побѣдили въ себѣ, не можете ли вы побѣдить въ немъ? Вы видите пропасть предъ нимъ, — кто кромѣ васъ удержитъ его отъ паденія?

— Кто кромѣ васъ, мистеръ Криспаркль? отвѣчала Елена.— Что мое вліяніе и мой слабый умъ въ сравненіи съ вашимъ?

— Вы обладаете мудростью любви, возразилъ младшій каноникъ,—а это, помните, высшая мудрость какая извѣстна на землѣ. Что до меня.... Но чѣмъ меньше будемъ мы говорить о моихъ, весьма обыкновенныхъ, свойствахъ, тѣмъ лучше. Доброй ночи.

Она взяла руку которую онъ протянулъ ей, и съ благодарностью и глубокою почтительностью поднесла ее къ губамъ.

— Полноте, сказалъ тихо младшій каноникъ,—я награжденъ съ избыткомъ. — И онъ ушелъ.

Идя назадъ въ темнотѣ къ соборной оградѣ, онъ старался придумать какъ бы лучше достигнуть того что онъ поставилъ себѣ цѣлью, и чего непременно надо было добиться тѣмъ или другимъ способомъ.

— Меня, вѣроятно, попросятъ вѣнчать ихъ, думалъ онъ — Хорошо бы еслибъ они обвѣнчались и уѣхали. Но время не терпитъ.

Онъ размышлялъ не написать ли Друду, или не переговорить ли съ Джасперомъ. Сознаніе что онъ любимъ всѣмъ причтомъ склоняло его къ послѣднему образу дѣйствій, и когда въ самую минуту колебанія показался предъ нимъ освѣщенный надворотный домъ, онъ рѣшился окончательно.

— Надо ковать желѣзо пока горячо, сказалъ онъ себѣ — Я сейчасъ же зайду къ нему.

Джасперъ спалъ, лежа на кушеткѣ предъ каминомъ, когда взойдя на крутую лѣстницу, постучавшись и не получивъ отвѣта, мистеръ Криспарклъ тихонько отворилъ дверь и заглянулъ въ комнату. Долго потомъ вспоминалъ онъ какъ Джасперъ вскочилъ словно безумный и воскликнулъ въ полусонномъ бреду:

— Что случилось? Кто тутъ!

— Это я, Джасперъ. Извините что потревожилъ васъ.

Въ горящихъ глазахъ Джаспера пробудилось сознаніе, онъ отодвинулъ кресло чтобы дать дорогу гостю.

— Я бредилъ во снѣ, и очень радъ что вы меня вывели изъ нездоровой послѣобѣденной дремоты, не говоря уже о томъ что мнѣ всегда пріятно васъ видѣть.

— Благодарю васъ, отозвался мистеръ Криспарклъ, усаживаясь въ подвинутое ему кресло. — Не знаю, будетъ ли предметъ разговора, который я собираюсь начать, также пріятенъ вамъ какъ мое посвѣщеніе. Но я проловѣдникъ мира, и цѣль моя обезлечить миръ. Словомъ, Джасперъ, я желаю помирить этихъ двухъ юношей.

Весьма озадаченное выраженіе проступило на лицѣ Джаспера, и весьма озадачивающее также, ибо оно ровно ничего не говорило мистеру Криспарклю.

— Какъ? освѣдомился Джасперъ послѣ молчанія тихимъ, медленнымъ голосомъ.

— Какъ! За этимъ-то я и пришелъ къ вамъ. Я хочу просить васъ оказать мнѣ большое одолженіе: подѣйствовать на вашего племянника, какъ я уже дѣйствовалъ на Невилла, чтобы онъ написалъ вамъ короткую записочку со свойственною ему живостью, и сказалъ бы что готовъ протянуть руку на примиреніе. Я знаю какой онъ добрый малый и какое вліяніе въ

имѣете на него. Не думая защищать мистера Невилля, нельзя однако не сознаться что онъ былъ задѣтъ за живое.

Джасперъ обратилъ смущенное лицо свое къ огню. Мистеръ Крисларкъ, продолжая наблюдать за нимъ, началъ еще болѣе сбиваться съ толку, ибо лицо это выражало какъ будто то чего въ сущности быть не могло, какой-то тщательный внутрѣнный расчетъ.

— Я знаю, вы нерасположены къ мистеру Невиллю.... началъ было младшій каноникъ.

Джасперъ прервалъ его.

— Вы правы. Я дѣйствительно нерасположенъ къ нему.

— Конечно, и я не оспариваю прискорбную вслѣдствіе его нрава, хотя надѣюсь что намъ удастся сладить съ нею. Но я взялъ съ него торжественное обѣщаніе относительно обращенія его на будущее время съ вашимъ племянникомъ, если вы возьмете на себя трудъ вступить въ это дѣло. И я увѣренъ что онъ свое слово сдержитъ.

— На васъ во всемъ можно положиться, мистеръ Крисларкъ. Увѣрены ли вы въ самомъ дѣлѣ что можете отвѣчать за него?

— Увѣренъ.

Озадаченное выраженіе исчезло.

— Въ такомъ случаѣ вы избавляете меня отъ тяжкаго опасенія, сказалъ Джасперъ.—Я это устрою.

Мистеръ Крисларкъ, въ высшей степени обрадованный быстротой и полнотою успѣха, изъяснилъ свою признательность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ.

— Я это устрою, повторилъ Джасперъ. — хотя бы для того чтобъ имѣть возможность противопоставить ваше ручательство моимъ неопредѣленнымъ и ни на чемъ не основаннымъ опасеніямъ. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ который, можетъ-быть, разсмѣшитъ васъ: ведете ли вы дневникъ?

— Записываю какую-нибудь строчку въ день, не болѣе.

— И для моей однообразной жизни было бы достаточно одной строчки въ день, сказалъ Джасперъ, вынимая изъ шкапулки книгу,—но мой дневникъ вмѣстѣ и дневникъ Неда. Вы будете смѣяться надъ слѣдующею замѣткой. Не нужно говорить когда она сдѣлана.

„За полночь. Послѣ того что я сейчасъ видѣлъ, меня преслѣдуютъ болѣзненные опасенія чего-то ужаснаго для моего милаго мальчика. Напрасно я борюсь съ ними, разсуждаю съ

собой. Всѣ усилія мои ни къ чему не ведутъ. Дьявольская горячность этого Невилля Ландлеса, сила его въ бѣшенствѣ, изступленное стремленіе уничтожить предметъ его гнѣва, приводятъ меня въ ужасъ. Это впечатлѣніе такъ сильно что я два раза уже входилъ въ комнату Неда посмотрѣть, не лежитъ ли онъ убитый въ крови.“

— А вотъ еще другая замѣтка, вписанная на слѣдующее утро.

„Недъ уѣхалъ; легкомысленъ и веселъ какъ всегда. Онъ засмѣялся, когда я сталъ предостерегать его, и отвѣчалъ что онъ „не хуже Невилля Ландлеса“. „Въ томъ-то и бѣда что ты лучше его“, сказалъ я. Онъ продолжалъ смѣяться. Я однако провожалъ его сколько могъ и весьма неохотно разстался съ нимъ. Я не въ силахъ отдѣлаться отъ этихъ мрачныхъ неопредѣленныхъ предчувствій какого-то бѣдствія; если только можно назвать предчувствіями опасенія основанныя на потрясающихъ фактахъ.“

— Не разъ, продолжалъ Джасперъ, перелистывая книгу,— впадалъ я въ подобное настроеніе. Но теперь вы дали мнѣ ручательство; я занесу его сюда какъ противоядіе противъ черныхъ мыслей.

— Такое противоядіе, отозвался мистеръ Кристаркль,— которое, надѣюсь, побудитъ васъ предать пламени черныя мысли. Мнѣ бы не слѣдовало вступать съ вами въ споръ сегодня, когда вы такъ любезно изъявили готовность исполнить мое желаніе, но не могу не сказать вамъ, Джасперъ, что привязанность къ племяннику довела васъ здѣсь до преувеличенія и крайности.

— Вы свидѣтель, отвѣчалъ Джасперъ,— въ какомъ настроеніи сѣлъ я въ тотъ вечеръ писать. Помните, вы замѣтили мнѣ что я употребляю слишкомъ сильныя выраженія? Такихъ выраженій нѣтъ въ моемъ дневникѣ.

— Ну, попробуйте противоядіе, сказалъ мистеръ Кристаркль.— и дай Богъ чтобъ оно побудило васъ взглянуть на дѣло не такъ мрачно. Теперь мы не станемъ спорить. Я долженъ благодарить васъ и благодарю отъ души.

— Вы увидите, сказалъ Джасперъ, прощаясь съ нимъ,— что я не на половину сдѣлаю то что обѣщавъ вамъ. Я постараюсь чтобы Недъ, рѣшившись уступить, уступилъ вполне.

На третій день послѣ этого разговора Джасперъ зашелъ къ мистеру Кристарклю и принесъ слѣдующее лисьмо.

„Дорогой Джакъ!

„Я тронуть вашимъ описаніемъ свиданія съ мистеромъ Криспарклемъ, котораго глубоко уважаю. Сознаюсь прямо что я въ тотъ вечеръ забылся столько же сколько мистеръ Ландлесъ, и искренно желаю чтобъ это дѣло прошло и все уладилось какъ слѣдуетъ.

„Вотъ что, старый товарищъ: позовите мистера Ландлеса обѣдать подъ Рождество (доброе дѣло надо дѣлать въ добрый день), пусть никого не будетъ кромѣ насъ троихъ. Тутъ мы ложмемъ другъ другу руки, и все будетъ кончено.

„Остаюсь, дорогой Джакъ, вашъ искренно любящій племянникъ.

„Эдвинъ Друдъ.“

„PS. Передайте любовь мою Кисинькѣ въ слѣдующій урокъ музыки.“

— Такъ вы ожидаете мистера Невилля? спросилъ мистеръ Криспаркъ.

— Я разчитываю что онъ придетъ, отвѣчалъ Джасперъ.

Г Л А В А Х I.

Портретъ и кольцо.

Позади самой древней части Голборна въ Лондонѣ, гдѣ нѣкоторые столѣтніе дома еще стоятъ, глядя на улицу и какъ бы тоскуя по рѣчкѣ Борнѣ, давнымъ-давно высохшей, есть уголокъ состоящій изъ двухъ неправильныхъ четверугольниковъ, называемый Стель-Инь. Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ, проникнувъ въ которые лѣшеходъ думаетъ что онъ заткнулъ себѣ ватой уши и подложилъ бархатъ подъ салюги; одинъ изъ тѣхъ уголковъ гдѣ нѣсколько заколченныхъ воробьевъ чирикаютъ на заколченныхъ деревьяхъ, словно говорить: „давай играть въ деревню“, и гдѣ нѣсколько футовъ зелени, да нѣсколько футовъ песку помогаютъ этому усилію ихъ скуднаго воображенія. Этотъ уголокъ носить сверхъ того характеръ юридическій: тутъ есть зала, по серединѣ которой повѣшенъ фонарь, съ какою цѣлью и на чей счетъ, намъ неизвѣстно. Въ тѣ дни когда Клойстергамъ тревожился тѣмъ что гдѣ-то далеко существуетъ желѣзная дорога, угрожающая будто бы благосостоянію Британцевъ (удивительное дѣло что этими желѣзными дорогами то смущаются, то гордятся, смотря по обстоятельствамъ), въ тѣ дни не было по сосѣдству

высокихъ зданій которыя бы загораживали Стель-Инь. Заходящее солнце бросало на него яркіе лучи, и юго-западный вѣтеръ свободно доносился до него.

Но ни вѣтеръ, ни солнце не проникали въ Стель-Инь до вечера одного декабрьскаго дня, и туманъ обдавалъ его со всѣхъ сторонъ, и тускло мерцали свѣчи въ окнахъ запертыхъ въ то время квартиръ, особенно въ окнахъ одной квартиры въ угловомъ домѣ, надъ уродливымъ подъѣздомъ котораго начерчена была черными буквами по бѣлому фону загадочная надпись:

Р.

І. Т.

1747.

Въ этой квартирѣ, не ломая себѣ головы надъ значеніемъ этихъ буквъ, сидѣлъ мистеръ Грюгюсъ и писалъ у каминъ.

Кто могъ бы рѣшить, глядя на мистера Грюгюса, знали ли онъ когда-либо честолюбіе и разочарованіе? Онъ воспитанъ былъ для адвокатуры и занимался хожденіемъ по дѣламъ. Но съ адвокатурой ему жилось такъ дурно что онъ, въ концѣ, разошелся по обоюдному согласію, если могутъ разойтись тѣ кто въ сущности никогда не сходились.

Нѣтъ, неблагоклонна была адвокатура къ мистеру Грюгюсу; онъ ухаживалъ за ней тщетно, и они разошлись. Но вдругъ какой-то благопріятный вѣтеръ принесъ ему нежданно откуда третейскій судъ. Онъ повелъ дѣло отлично, заслужилъ всеобщее одобреніе неумоимостью съ которою старался отыскать и возстановить правду, и затѣмъ уже менѣе загадочный вѣтеръ принесъ ему довольно выгодную частную довѣренность. Теперь онъ управляетъ двумя богатыми имѣніями и передаетъ судебныя дѣла по нимъ, на значительныя суммы, фирмѣ адвокатовъ помѣщающейся въ нижнемъ этажѣ дома гдѣ онъ живетъ. Честолюбіе угасло въ немъ, если только когда-нибудь горѣло, и онъ мирно усѣлся подъ сухою смоковницей Р. І. Т., насадившаго ее въ 1747 году.

Множество счетовъ и конторскихъ книгъ, груды писемъ нѣсколько желѣзныхъ сундуковъ наполняли комнату мистера Грюгюса. Но нельзя сказать чтобы комната эта была загромождена: такъ аккуратно, въ такомъ порядкѣ было все размѣщено въ ней. Еслибы мистеру Грюгюсу пришло на умъ что въ случаѣ скорлостижной смерти онъ можетъ оставить одиакъ

фактъ неразъясненнымъ, одну цифру подъ сомнѣнiемъ, онъ умеръ бы на мѣстѣ. Полнѣйшая добросовѣстность въ исполненiи вѣреннаго ему дѣла была господствующею чертой этого человѣка. Бываютъ качества болѣе блестящія, болѣе привлекательныя, но нѣтъ болѣе благороднаго.

Въ комнатѣ мистера Грюгьюса не замѣтно было роскоши. Удобства ея ограничивались теплымъ, сухимъ воздухомъ и уютнымъ, хотя старымъ каминомъ. Жизнь въ этой комнатѣ сосредоточивалась около каминна, покойнаго кресла да старомоднаго круглаго стола, который послѣ дневныхъ занятій придвигался къ огню изъ угла, гдѣ обыкновенно стоялъ поднятій, какъ блестящій щитъ изъ краснаго дерева. Позади этого стола, когда онъ стоялъ въ такомъ оборонительномъ положенiи находился буфетъ, болѣею частію вмѣщавшій въ себѣ нѣкоторыя пріятныя для человѣка напитки. Была еще другая комната, для конторщика. Спальня мистера Грюгьюса помѣщалась на другой сторонѣ общей лѣстницы, и еще снималъ онъ внизу подъ лѣстницей погребъ, не остававшійся пустымъ. Триста дней въ году по меньшей мѣрѣ онъ переходилъ черезъ улицу въ гостиницу Форниваль обѣдать, а потомъ переходилъ обратно пользоваться удобствами домашняго очага подъ сѣнью таинственной надписи Р. I. T., пока не настанетъ снова утро, а съ нимъ и пора дневной работы.

Какъ мистеръ Грюгьюсъ сидѣлъ и писалъ у каминна въ этотъ вечеръ, такъ и конторщикъ мистера Грюгьюса сидѣлъ и писалъ у своего каминна. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, блѣдный, темноволосый, съ одутловатымъ лицомъ, съ большими темными глазами совершенно лишенными блеска и недовольнымъ выраженіемъ, существо таинственное, обладающее какою-то странною властью надъ мистеромъ Грюгьюсомъ. Словно вызванный какою-нибудь магическою формулою, забытый потомъ, когда нужно было снова изгнать его, онъ неотступно находился при хозяинѣ, хотя сіюкойствіе мистера Грюгьюса очевидно выиграло бы отъ его удаленія. Мрачный человѣкъ со включенными волосами, какъ будто выросшій подъ тѣнью смертоноснаго дерева Явы, внесшаго столько неблагодѣйствъ въ область ботаники, и при всемъ томъ мистеръ Грюгьюсъ оказывалъ ему непонятную внимательность.

— Ну что Бодзардъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, поднимая

голову и прибирая бумаги, когда вошелъ конторщикъ.—Что Богъ даетъ кромѣ тумана?

— Мистера Друда, сказалъ Бодзардъ.

— Что же объ немъ новаго?

— Онъ заходилъ.

— Вы бы ввели его.

— Я и ввожу, сказалъ Бодзардъ.

Посѣтитель вошелъ.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, выглядывая изъ-за двухъ свѣчей своихъ.—Я думалъ, вы только оставили карточку и ушли; какъ поживаете, мистеръ Эдвинъ! Да вы задыхаетесь.

— Это отъ тумана, отвѣчалъ Эдвинъ,—у меня глаза слезятся отъ него, какъ отъ кайенскаго перца.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ силенъ? Снимите пожалуйста пальто и шарфъ; счастье что у меня хорошій огонь. Мистеръ Бодзардъ обо мнѣ позаботился.

— И не думалъ, отозвался Бодзардъ въ дверяхъ.

— А! такъ значитъ я самъ позаботился о себѣ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Садитесь же пожалуйста на мое кресло. Нѣтъ, прошу васъ! Вы продрогли, садитесь сюда непременно.

Эдвинъ сѣлъ въ покойное кресло у камина, и туманъ принесенный имъ, и туманъ приставшій къ его верхней одеждѣ, былъ скоро поглощенъ жаднымъ огнемъ.

— Я располагаюсь здѣсь будто намѣренъ остаться, сказалъ Эдвинъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ,—извините что я васъ прерываю, останьтесь у меня. Туманъ можетъ разсѣяться часа черезъ два; мы доставимъ обѣдъ изъ гостиницы здѣсь рядомъ. Лучше употреблять кайенскій перецъ внутрь чѣмъ снаружи. Оставайтесь пожалуйста обѣдать.

— Вы очень добры, сказалъ Эдвинъ, оглядываясь кругомъ, будто привлеченный новизной и оригинальностью обстановки.

— Никакой тутъ нѣтъ доброты, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Вы напротивъ очень добры что соглашаетесь отобѣдать съ холостякомъ чѣмъ Богъ послалъ. Я приглашу, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и мигая, будто ему только что пришла въ голову блестящая мысль,—я приглашу Бодзарда; а то онъ пожалуй будетъ недоволенъ. Бодзардъ!

Бодзардъ появился.

— Обѣдайте сейчасъ же съ мистеромъ Друдомъ и со мною!

— Если приказываютъ, то конечно буду обѣдать, отозвался конторщикъ мрачно.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ, — вамъ не приказываютъ, васъ приглашаютъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Бодзардъ, — въ такомъ случаѣ мнѣ все равно.

— Такъ это рѣшено. И вы потрудитесь, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — дойти до гостиницы Форнивалъ и сказать чтобы прислали столовое бѣлье и посуду. На обѣдъ мы спросимъ самаго крѣпкаго бульйона какой окажется, да соусъ, который получше, да баранины, да гуся или тетерева, или какое тамъ у нихъ есть жаркое, словомъ, что найдется на картѣ.

Эти роскошныя распоряженія мистеръ Грюгьюсъ произнесъ овоимъ обычнымъ тономъ, будто читалъ списокъ или повторялъ урокъ, или говорилъ заученное наизусть. Бодзардъ, придвинувъ круглый столъ, отправился исполнять полученное приказаніе.

— Я, видите ли, немножко церемонился, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ по уходѣ конторщика, ловизивъ голосъ, — отправить его на фуражировку. Онъ могъ бы быть не доволенъ.

— Онъ, какъ видно, дѣлаетъ что ему угодно, замѣтилъ Эдвинъ.

— Что ему угодно, повторилъ Грюгьюсъ, — о нѣтъ, какъ можно! Вы его не знаете. Еслибъ онъ дѣлалъ что ему угодно, онъ не былъ бы здѣсь.

Гдѣ жъ былъ бы онъ, подумалъ Эдвинъ, но только подумалъ, ибо мистеръ Грюгьюсъ сталъ у огня присловившись къ камину, подобравъ полы и видимо готовясь къ дружеской бесѣдѣ.

— Хотя я и не имѣю дара пророчества, я однакожъ угадываю что вы зашли ко мнѣ съ намѣреніемъ увѣдомить меня что идете туда гдѣ васъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ и спросить нѣтъ ли какихъ-нибудь порученій къ моей прелестной литомицѣ; а можетъ-быть и для того чтобы побудить меня къ болѣе скорымъ дѣйствіямъ; не такъ ли, мистеръ Эдвинъ?

— Я зашелъ предъ отъѣздомъ изъ простой учтивости.

— Изъ учтивости, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, — а не изъ нетерпѣнія?

— Что вы хотите сказать?

Мистеръ Грюгьюсъ хотѣлъ оказать любезную колкость, хотя

намѣреніе это ничѣмъ наружно не проявлялось, и черезчуръ близко придвинулся къ огню, какъ будто съ цѣлю вжечь эту колючесть въ себя, какъ тонкіе рисунки вжигаютъ въ тонкій металл. Но игривость его мгновенно разлетѣлась предъ спокойнымъ лицомъ посѣтителя; остался только нестерпимый жаръ огня. Онъ дрогнулъ и отодвинулся.

— Я недавно былъ тамъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, приводя въ порядокъ свою одежду,—вотъ на что я намекалъ, говоря что васъ тамъ ожидаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да, я зналъ что Кисинька меня ждетъ.

— Вы тамъ держите кошку? спросилъ мистеръ Грюгьюсъ.

Эдвинъ слегка покраснѣлъ и объяснилъ:

— Я называю Розу Кисинькой.

— Вотъ какъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, глядя себѣ волосы,—это очень мило. Эдвинъ поглядѣлъ на него, не зная, дѣйствительно ли не нравится ему это прозвище. Но на лицѣ мистера Грюгьюса ничего нельзя было видѣть, какъ на стѣнѣ.

— Ласкательное имя, объяснилъ еще разъ Эдвинъ.

— Гмъ, произнесъ мистеръ Грюгьюсъ, кивая головой, но такимъ неопредѣленнымъ тономъ не то сочувствія, не то порицанія, что гость сильно смутился.

— Не говорила ли вамъ К... Роза, началъ Эдвинъ, оправившись.

— Кроза? переспросилъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Я хотѣлъ сказать Кисинька и слохватился; не говорила ли она вамъ о Ландлесахъ?

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Что такое Ландлеса? имѣніе? дача? ферма?

— Братъ съ сестрой. Сестра въ Женскомъ Монастырѣ и очень подружилась съ К...

— Крозой? договорилъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Она поразительно красивая дѣвушка; я думаю что вы ее описывали или, можетъ-быть, представили.

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Но вотъ Бодзардъ.

Бодзардъ вернулся въ сопровожденіи двухъ слугъ, неподвижнаго и порхающаго, и они втроемъ принесли столько туману что огонь затрещалъ. Порхающій слуга, притащившій все на своихъ плечахъ, разостлалъ скатерть съ изумительною быстротой и ловкостью; а неподвижный слуга, ничего не принесшій, придирался къ нему. Порхающій слуга вытеръ привнесенныя рюмки, а неподвижный слуга осмотрѣлъ ихъ. Затѣмъ порхаю-

цій слуга полетѣлъ черезъ улицу за бульономъ и прилетѣлъ назадъ, и опять полетѣлъ за соусомъ, и опять вернулся, и полетѣлъ еще разъ за бараниной и жаркимъ, и мчался еще нѣсколько разъ за разными предметами, которыя, какъ оказалось, неподвижный слуга все позабылъ захватить. Но какъ быстро ни носился порхающій слуга, при возвращеніи неподвижный слуга постоянно укорялъ его тѣмъ что онъ запыхался и вносить въ комнату туманъ. Въ концѣ обѣда, когда порхающій слуга уже порядочно выбился изъ силъ, неподвижный слуга величественно прибралъ скатерть, поглядѣлъ со строгостью, чтобы не сказать съ негодованіемъ, на порхающаго, поставилъ на столъ чистыя рюмки, бросилъ прощальный взглядъ на мистера Грюгьюса, какъ будто говоря: „запечатлѣйте въ умѣ своемъ что награда принадлежитъ мнѣ, а этотъ рабъ не стоить вниманія,“ и удалился изъ комнаты, толкая порхающаго предъ собою. Картинка, валяющаяся лордовъ Департамента Многоглаголанія, лучительная миниатюра, достойная висѣть въ національной галлерей. Какъ туманъ послужилъ ближайшимъ поводомъ къ этому роскошному обѣду, такъ онъ же и составлялъ его главную приправу. Слышать какъ люди на улицѣ чихали, сморкались, кашляли, стучали ногами о мостовую, увеличивало пріятность удобствъ какими пользовались обѣдающіе. Кричать несчастному порхающему слугѣ чтобы онъ плотнѣе закрывалъ дверь, когда онъ не успѣлъ еще отворить ее, придавало яствамъ особый вкусъ. Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ что нога этого юноши, съ удивительною ловкостью отворявшая и затворявшая дверь, всегда появлялась нѣсколькими секундами раньше его самого и виднѣлась нѣсколько секундъ послѣ того какъ онъ выходилъ, какъ нога Макбета крадущагося на убійство Дункана. Хозяинъ сходилъ въ погребъ и принесъ бутылки краснаго, блѣдно-желтоватаго и золотистаго вина, которое созрѣло давно въ странахъ не знающихъ тумановъ и съ тѣхъ поръ поконилось въ темнотѣ. Шила и играя послѣ долгой дремоты, оно толкало пробку, помогая штолору, какъ узникъ помогаетъ бунтовщикамъ разбить двери тюрьмы его, и весело лилось въ рюмки. Если Р. I. T. пивалъ въ свое время такое вино, то онъ несомнѣнно былъ также порядочно веселъ.

Наружно не было замѣтно никакого дѣйствія этихъ искрометныхъ винъ на мистера Грюгьюса. Лицо его нисколько не оживлялось и не свѣтлѣло, какъ будто онъ не пилъ ихъ, а

только даромъ лить ихъ на свою табачную фигуру. Приемы его тоже не измѣнялись. Но при всей неподвижности своей, онъ внимательно слѣдилъ за Эдвиномъ, и когда въ концѣ обѣда усадилъ его снова въ свое покойное кресло, въ которое Эдвинъ погрузился, слегка поломавшись, мистеръ Грюгюсъ, придвигаясь также къ огню и глядя себя рукою по волосамъ и лицу, глядѣлъ сквозь пальцы на своего гостя.

— Бодзардъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, вдругъ обращаясь къ нему.

— Я слушаю, отозвался Бодзардъ, который дѣлалъ свое дѣло, ѣлъ и лить, словно отбывалъ работу, большею частію молча.

— Пью за ваше здоровье, Бодзардъ! Мистеръ Эдвинъ, пожелаемъ успѣха Бодзарду.

— Успѣха Бодзарду! отозвался Эдвинъ съ безпричиннымъ восторгомъ, прибавляя мысленно: „только въ чемъ?“

— И пусть.... продолжалъ мистеръ Грюгюсъ.—Я не въ правѣ говорить опредѣленно. Пусть.... Я до такой степени лишень дара слова что навѣрное не выпутаюсь. Пусть же... Слѣдовало бы выразить это изящно, но во мнѣ нѣтъ изящества. Пусть.... Заноза смущенія—вотъ все чего я добьюсь. Пусть выйдетъ она наконецъ.

Мистеръ Бодзардъ съ мрачною улыбкой провелъ рукою по взъерошеннымъ волосамъ, будто тамъ кроется заноза. Потомъ заложилъ руку за жилетъ, будто она тамъ, и наконецъ олустилъ руку въ карманъ. За всѣми движеніями его внимательно слѣдилъ Эдвинъ, словно ожидалъ появленія занозы. Но она не появилась, и мистеръ Бодзардъ сказалъ только:

— Я слѣжу за вами и благодарю васъ.

— Я намѣренъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, постукивая одною рукою стаканомъ по столу, а другою прикрывая лицо и наклонившись къ Эдвину,—я намѣренъ предложить здоровье моей литомицы. Но я прежде предложилъ здоровье Бодзарда, а то онъ могъ бы быть недоволенъ.

Это было сказано съ замысловатымъ кивкомъ, насколько лицо и движеніе мистера Грюгюса могли выражать замысловатость. Эдвинъ въ отвѣтъ также кивнулъ, не имѣя въ сущности ни малѣйшаго понятія что хочетъ онъ этимъ дать почувствовать.

— А теперь, сказалъ мистеръ Грюгюсъ,—выпьемъ стаканъ за здоровье прелестной, очаровательной миссъ Розы, Бодзардъ! Здоровье очаровательной миссъ Розы!

— Я слушаю васъ, сказалъ Боздардъ, — и лью.

— Я также, сказалъ Эдвинъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ, прерывая молчаніе, естественно послѣдовавшее, хотя и трудно объяснить почему такое молчаніе всегда неизбѣжно слѣдуетъ за совершеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ обрядовъ общественной жизни, не наводящихъ сами по себѣ на раздумье.— Я необыкновенно угловатый человѣкъ, и однако воображаю себѣ, если только позволительно употребить это слово мнѣ, не обладающему ни малѣйшею долей воображенія, что могъ бы сегодня обрисовать настроеніе истинно-влюбленнаго человѣка.

— Мы готовы васъ слушать, сказалъ Боздардъ, — и оцѣнить вашу картину.

— Мистеръ Эдвинъ исправить ее, если она будетъ невѣрна, началъ олять мистеръ Грюгьюсъ, — и вставить нѣкоторыя черты изъ дѣйствительной жизни. Безъ сомнѣнія, невѣрности будетъ много и въ живыхъ чертахъ будетъ недостатокъ, ибо я родился старикомъ и незнакомъ съ нѣжными чувствами. Итакъ я полагаю что умъ истинно-влюбленнаго наполненъ предметомъ любви его. Полагаю что ея возлюбленное имя драгоценно ему, что онъ не можетъ слышать и произносить его безъ волненія и чтить его какъ святыню. Если влюбленный обозначаетъ предметъ любви своей какимъ-нибудь нѣжнымъ названіемъ, то онъ хранитъ это названіе для нея одной и не вѣряетъ постороннимъ ушамъ. Разглашать предъ постороннимъ это названіе, въ которомъ онъ изливаетъ чувство свое наединѣ со своею возлюбленною, было бы холодностью, безчувственностью, чуть не предательствомъ.

Удивительно было видѣть какъ мистеръ Грюгьюсъ, сидя прямо, словно аршинъ проглотилъ, и опершись руками на колѣни, монотонно и отрывисто произносилъ эту рѣчь, какъ какой-нибудь школьникъ съ отличною памятью произноситъ затверженный катехизисъ. Никакого чувства не выражалось на лицѣ его, только изрѣдка появлялась на носу едва замѣтная морщинка.

— Мнѣ представляется даже, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — справедливо ли, нѣтъ ли—рѣшите вы, мистеръ Эдвинъ, что истинно-влюбленнаго постоянно влечетъ къ предмету его любви, что онъ не находитъ удовольствія въ другомъ обществѣ и всюду ищетъ ея. Еслибъ я сказалъ что онъ ищетъ ее какъ птица ищетъ гнѣзда, я сдѣлалъ бы изъ себя дурака, ибо

это граничило бы съ тѣмъ что я считаю поэзіей, а я постоянно стараюсь держаться какъ можно дальше отъ поэзіи. Сверхъ того я вовсе незнакомъ съ нравами птицъ, исключая тѣхъ которыя живутъ въ Стелль-Инѣ; а эти птицы вытѣ гнѣзда подъ крышами, въ трубахъ, на заборахъ, не созданные для нихъ благотворною рукою природы. Поэтому я рѣшительно отказываюсь отъ упоминанія о гнѣздахъ. Но мнѣ однако представляется что истинно-влюбленный не можетъ существовать отдѣльно отъ предмета своей любви, что онъ живетъ въ одно и то же время и двойною, и половинною жизнью. Если я выражаюсь неясно, то это происходитъ или отъ того что, не имѣя дара слова, не могу выразить мои мысли, или отъ того что, не имѣя мысли, нечего мнѣ выражать. А это послѣднее, по крайнему моему убѣжденію, несправедливо.

Эдвинъ краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно при нѣкоторыхъ чертахъ рисуемой картины. Теперь онъ глядѣлъ въ огонь и кусалъ себѣ губы.

— Умозрѣнія угловатаго человѣка, началъ снова мистеръ Грюгьюсъ, продолжая сидѣть и говорить точь-въ-точь какъ прежде, — по всей вѣроятности ошибочны. — Но мнѣ представляется, — ошибаюсь я или нѣтъ, рѣшать олять-таки вамъ, мистеръ Эдвинъ, — что не можетъ быть холодности, утомленія, сомнѣнія, равнодушія, колебанія въ истинно-влюбленномъ. Скажите, похожа ли сколько-нибудь на дѣло рисуемая мною картина?

Точно также отрывисто какъ говорилъ все время, обратился онъ съ этимъ вопросомъ къ Эдвину и остановился въ минуту когда можно было думать что онъ въ самомъ дѣлѣ рѣши.

— Если вы предоставляете судить мнѣ, отозвался, запинаясь, Эдвинъ.

— Да, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, — я предоставляю судить вамъ, какъ человѣку компетентному.

— Въ такомъ случаѣ я сказалъ бы, началъ олять Эдвинъ въ смущеніи, — что картина эта вообще вѣрна; только если вы не слишкомъ ужь строги къ несчастному влюбленному.

— Вѣроятно, согласился мистеръ Грюгьюсъ, — весьма вѣроятно. Я отъ природы человѣкъ жесткій.

— Можно не выказывать чувства, сказалъ Эдвинъ, — можно. Тутъ онъ замялся, такъ долго отыскивая окончаніе фразы.

что мистеръ Грюгюсъ, къ усугубленію его смущенія, внезапно воскликнулъ:

— Конечно, можно.

Послѣ этого всѣ сидѣли молча. Мистеръ Бодзардъ молчалъ, потому что задремалъ.

— Однако отвѣтственность весьма велика, сказалъ наконецъ мистеръ Грюгюсъ, глядя на огонь.

Эдвинъ кивнулъ въ знакъ согласія, также глядя на огонь.

— Надо быть увѣреннымъ въ своей искренности, сказалъ мистеръ Грюгюсъ.

Эдвинъ опять сталъ кусать губы, не сводя взгляда съ огня.

— Не надо играть сокровищемъ которымъ обладаешь. Горе тому кто это забудетъ! сказалъ мистеръ Грюгюсъ.

Хотя онъ говорилъ все это отрывочно, все тѣмъ же тономъ школьника повторяющаго затверженныя пословицы, было однако что-то мечтательное въ угрожающемъ жестѣ который онъ сдѣлалъ обратившись къ камину, и потомъ опять погрузился въ молчаніе. Но не надолго. Сидя прямо по-прежнему, онъ вдругъ ударилъ рукой по колѣну, словно пробуждаясь отъ раздумья, и воскликнулъ:

— Надо кончить эту бутылку, мистеръ Эдвинъ! Позвольте налить вамъ; я налью также и Бодзарду, хотя онъ и спитъ, а то онъ, пожалуй, будетъ недоволенъ.

Онъ налилъ обоимъ, налилъ и себѣ; выпилъ стаканъ и опрокинулъ его на столъ, будто поймалъ какое-нибудь насекомое.

— А теперь, мистеръ Эдвинъ, началъ онъ, вытирая платкомъ губы и руки, — поговоримъ о дѣлѣ. Вы получили отъ меня на дняхъ удостовѣренную копію съ завѣщанія отца миссъ Розы. Вы знали содержаніе его и прежде, но я счелъ нужнымъ доставить вамъ эту копію. Я послалъ бы ее мистеру Джасперу, но миссъ Роза желала чтобъ она была вручена вамъ лично; вы получили ее?

— Получилъ.

— Слѣдовало увѣдомить меня о полученіи, сказалъ мистеръ Грюгюсъ; — дѣло всегда остается дѣломъ; вы не увѣдомили.

— Я отчасти и пришелъ съ тѣмъ чтобы васъ увѣдомить.

— Это не дѣловое увѣдомленіе, отозвался мистеръ Грюгюсъ, — но все равно. Въ документѣ этомъ вы, вѣроятно, замѣтили нѣсколько словъ о вѣренной мнѣ на сохраненіе вещи, которую предоставлено мнѣ передать вамъ когда сочту нужнымъ.

— Да, замѣтилъ.

— Мистеръ Эдвинъ! Мнѣ сейчасъ пришло на умъ, какъ я глядѣлъ на огонь, что теперь самое лучшее время исполнить это порученіе. Позвольте мнѣ попросить вашего вниманія на нѣсколько минутъ.

Онъ вынулъ изъ кармана связку ключей, выбралъ одинъ изъ нихъ и затѣмъ, со свѣчой въ рукахъ, пошелъ къ маленькой конторкѣ, отперъ ее, подавилъ пружину отворяющую лотайной ящикъ, и вынулъ изъ него футляръ, въ какихъ обыкновенно хранятся письма. Съ этимъ футляромъ въ рукахъ онъ вернулся къ своему креслу. Когда поднялъ онъ его чтобы показать молодому человѣку, рука его дрожала.

— Мистеръ Эдвинъ! Эта роза изъ брилліантовъ и рубиновъ, въ изящной золотой оправѣ, кольцо принадлежавшее матери миссъ Розы. Оно снято было съ ея мертвой руки при мнѣ, съ такимъ отчаяннымъ горемъ какого, надѣюсь, никогда уже болѣе не видать. Какой ни жестокой я человѣкъ, этого и я бы не въ силахъ вынести. Смотрите, какъ камни эти блестятъ. Глаза, которые были гораздо свѣтлѣе и такъ часто глядѣли на нихъ весело и гордо, давно истлѣли въ прахъ. Если бы у меня было воображеніе, а его у меня конечно нѣтъ, мнѣ бы, пожалуй, что въ неизмѣнной красотѣ этихъ камней есть что-то жестокое.

Онъ закрылъ футляръ.

— Это кольцо было дано молодой женщинѣ, которую я уговорила такою молодою, въ самомъ началѣ ея прекрасной и счастливой семейной жизни, мужемъ ея, когда они впервые дали слово другъ другу. Онъ и снялъ его съ ея безчувственной руки, и онъ же, чувствуя приближеніе смерти, вручилъ его мнѣ, съ тѣмъ чтобы я, когда вы и миссъ Роза достигнете совершеннолѣтія, отдалъ его вамъ для передачи ей, если обрученіе ваше состоится. Въ противномъ же случаѣ кольцо должно остаться у меня.

Нѣкоторое смущеніе замѣтно было на лицѣ молодаго человѣка, нѣкоторая нерѣшительность въ движеніи его руки, когда мистеръ Грюгюсъ, глядя ему прямо въ глаза, подавъ ему кольцо.

— Надѣвъ кольцо это на палецъ вашей невесты, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, — вы залечатѣете обѣтъ строгой вѣрности живымъ и мертвымъ. Вы ѣдете къ ней сдѣлать посѣда-

